

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЮРКОЛОГИИ:
ЯЗЫК – ЛИТЕРАТУРА – КУЛЬТУРА**

**Материалы
Международной научно-практической конференции**

Москва, РУДН, 17–18 ноября 2016 г.

**CONTEMPORARY PROBLEMS
OF TURKOLOGY:
LANGUAGE – LITERATURE – CULTURE**

Proceedings of the International Scientific Conference

Moscow, RUDN, 17–18 November 2016

УДК 008:81(=512.2)(063)
ББК 63.5+81/83+71
С56

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Составители:

У.М. Бахтикиреева, Н.М. Джусупов, С.В. Дмитриук

С56 **Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура = Contemporary Problems of Turkology: Language – Literature – Culture** : материалы Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 17–18 ноября 2016 г. / сост. У. М. Бахтикиреева, Н. М. Джусупов, С. В. Дмитриук. – Москва : РУДН, 2016. – 818 с. : ил.

Сборник включает статьи и тезисы участников Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», состоявшейся в Российском университете дружбы народов 17-18 ноября 2016 года в г. Москве при финансовой поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ.

Сборник адресован как специалистам-тюркологам, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами истории тюркских народов, их языков и культур.

Материалы печатаются в авторской редакции.

Materials are published in the original editing.

ISBN 978-5-209-07685-8

© Коллектив авторов;
Бахтикиреева У.М., Джусупов Н.М., Дмитриук С.В., сост., 2016
© Российский университет дружбы народов, 2016

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДРУЖБЫ НАРОДОВ

БАКИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Л.Н. ГУМИЛЕВА

КАЗАНСКИЙ (Приволжский) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ

КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Ж. Баласагына

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. аль-Фараби

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФОНД
ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ректора Российского университета дружбы народов, академика РАО В.М. Филиппова	9
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ректора Бакинского государственного университета академика А.М. Магеррамова	12
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ректора Евразийского Национального Университета Е. Сыдыкова	14
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ректора Казанского (Приволжского) федерального университета профессора И.Р. Гафурова	15
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ректора Узбекского Государственного университета Мировых языков профессора Г.Х. Рахимова	17
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ректора Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына профессора Ч.У. Адамкуловой	19
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ректора Казахского Национального Университета им. Аль Фараби академика Г.М. Мутанова	20
ПРИВЕТСТВИЕ Олжаса Сулейменова	22

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ТЮРКСКОГО ПИСЬМА, ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

Невская И.А., Тыбыкова Л.Н. Тематика древнетюркских рунических надписей в Республике Алтай: молитвенные надписи.....	26
Саурыков Е.Б. Древнетюркские рунические письменные памятники – общее наследие тюркских народов.....	37
Ибраев Ш. Типология жанровых разновидностей эпоса тюркских народов.....	43
Бабаяров Г.Б. Заметки о происхождении тамг на монетах западно-тюркского каганата.....	48
Шаймердинова Н.Г. Ресурсы языка в отражении картины мира древних тюрков.....	55
Аскер Р.Б. Изучение поэмы «Кутадгу билиг» в Азербайджане.....	61
Кармов Р.К. Особенности народа в стиле оформления личных печатей.....	66
Тагиев С.П. Тайна парных церквей в Азербайджанской Албании.....	72
Нуриева Ф.Ш. Тюркская грамматика Иеронима Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» (1612).....	80
Исмаилова Е.Н. Эпос «Китаби деде коркуд» и общетеоретические проблемы современной тюркологии.....	85
Гаджиева В.Д. О тюркских топонимах в поэмах Низами Гянджеви.....	90
Султаналиев И. Лексическое богатство словаря «Дивану лугати-т түрк» М.Кашгари и современный кыргызский язык.....	101
Шайхулов А.Г. Языки золотоордынской цивилизации в евразийском контексте (когнитивные и идеографические аспекты реконструкции лексических систем языков алтайского сообщества).....	106
Торбекова С.М. Картина мира кыпчаков в лексике армяно-кыпчакских памятниках.....	115
Сандыбаева А.Т. Семантическая трансформация слов в памятнике средневековья и в современном казахском языке.....	121
Темиргазина З.К., Амренов А.Д., Абзудинова Г.К. Об антропониме Чишбек в древнетюркских памятниках: историко-лингвистический комментарий.....	125
Халлиева Г.И. Российская тюркология и микрокомпаративистика.....	127
Титова Т.А., Гущина Е.Г. История изучения тюркских народов в Казанском университете (на примере сибирских коллекций Этнографического музея КФУ).....	129
Гатин М.С. Тюркология в университетах современной Германии.....	131
Үкүров Rif I. The Bashkir: Mysterious Ethnos Of Eurasia (Russia, Bashkortostan).....	135

<i>Ламажаа Ч.К.</i> Тувинцы в фольклоре и национальной литературе.....	142
<i>Валиева М.Р.</i> Локализация древних и средневековых башкир по исследованиям археологов, историков и лингвистов.....	150
<i>Бердиев Х.Х.</i> К проблеме сопоставительного анализа терминов «юртостроительство».....	157
<i>Куртчаев А.Т.</i> Основы взаимовлияния и взаимообогащения тюркских языков..	161
<i>Соегов М.</i> В корнях тюркских слов кроются корни тюркских народов и не только их (в порядке обсуждения).....	165
<i>Муссабекова У. М.</i> Социокультурные особенности древнетюркской антропонимии.....	171
<i>Каракаев Ю.И., Каракаева Э.Ю.</i> О некоторой общественно-политической лексике и терминологии ногайского языка дореволюционного периода	176
<i>Сатенова С.К., Журавлева Е.А.</i> Тенденции развития современной тюркологии в Казахстане.....	183
<i>Салимова С.Р.</i> Основные тюркологические исследования в XX-XXI вв.	189

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Рыбаков М.А.</i> Падежные системы тюркских языков в типологическом аспекте..	196
<i>Дубровина М.Э.</i> Причины факультативного употребления винительного и родительного падежей в тюркских языках.....	201
<i>Лебедев Э.Е.</i> О структуре описания глагольных форм и категорий в чувашском языке.....	207
<i>Ефремов Н.Н.</i> Особенности грамматического строя якутского языка (системно-структурный аспект).....	212
<i>Алмадакова Н.Д.</i> Теленгиты и теленгитский язык.....	217
<i>Молгаждаров К.К.</i> Теоретические основы служебных слов тюркских языков..	222
<i>Гениш Эйюп</i> Пространственные отношения в турецком языке.....	226
<i>Сулейманова Д.Д.</i> Типологические сходства в фонетике тюркских и баскского языков.....	231
<i>Отемисов А.З.</i> О некоторых фитонимах арабско-персидского происхождения в каракалпакском языке.....	236
<i>Абуталипова Р.А.</i> Повтор языковых единиц как способ репрезентации аспектуальных значений в тюркских языках.....	241
<i>Абдуллаев С.Н.</i> Тюркский лингва-туризм: к постановке проблемы.....	247
<i>Джусупов М.</i> Современный тюркоязычный мир СНГ: кириллица и латиница....	252
<i>Fierman W.</i> Reflections On Reversing Kazakh Language Shift: Might Almaty Follow Baku's Pattern?	259
<i>Боргоякова Т.Г.</i> Базовые оппозитивные пары в языковом сознании хакасских билингвов: системность и динамика.....	265
<i>Бекджаев Т.Б.</i> Участие профессиональной лексики в образовании фразеологизмов.....	267
<i>Yuldashev A.G.</i> Conceptual peculiarities of the uzbek idiomatic compound words....	273
<i>Хизбуллина Д.И.</i> О языковых взаимодействиях в сравнительно-историческом и сопоставительном аспектах.....	278
<i>Зулпукаров К.З., Зулпукарова А.К.</i> О генезисе и развитии личных местоимений в ностратических языках.....	284
<i>Атакулова М.А.</i> Тюркские указательные местоимения: состав и пути развития....	293

<i>Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М.</i> Проте́за в киргизско-китайских лексических соответствиях.....	307
<i>Хафизова З.Р., Абдуллина Г.Р.</i> Религиозная и мифологическая лексики в башкирском языке: к вопросу разграничения.....	313
<i>Евсеева А.А.</i> Антонимия в турецком языке: семантический анализ противоположности в лексике.....	317
<i>Тарзуманова И.Ф.</i> Различные способы терминообразования в азербайджанском языке в сравнении с французским (на материале дипломатических документов.....)	321
<i>Бахшиева Ф.С.</i> Языковая игра на уровне окказиональных образований в русском и азербайджанском языках.....	331
<i>Расулова Р.Ш.</i> Синтетический способ выражения таксиса одновременности в башкирском языке.....	339
<i>Сулейманова Т.А.</i> Краткий экскурс в историю изучения категории кратности действия в башкирском языке.....	343

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ

<i>Валентинова О.И.</i> Вопросы изучения и обучения о практическом потенциале системной типологии в процессе языковой адаптации носителей тюркских языков....	350
<i>Букулова М.Г.</i> Проявления лингвистической интерференции на занятиях по турецкому языку.....	354
<i>Шафигуллина Л.Ш.</i> Роль турецкого языка как средство преподавания в высшей школе.....	359
<i>Агманова А.Е., Асмагамбетова Б.М.</i> Учебные пособия как основное средство обучения русскому языку студентов репатриантов-казахов.....	365
<i>Харисова Ч.М.</i> Выявление орфоэпических ошибок учащихся при изучении татарского языка как неродного.....	371
<i>Харисов Ф.Ф.</i> Особенности обучения диалогической речи тюркским языкам (на примере татарского языка).....	375
<i>Шакирова Г.Р.</i> Лингводидактическое обеспечение обучения наречиям татарского языка.....	381
<i>Каракаева А.Ю.</i> Нравственные проблемы развития традиционной педагогической культуры ногайского народа.....	385
<i>Ахметьянова Н.А.</i> Формирование национального самосознания чувашского народа в полиэтническом пространстве через средства массовой информации.....	392
<i>Шахин З.</i> О способах минимизации интонационных нарушений в группах турецких студентов.....	396
<i>Niayesh Umid</i> Azerbaijani Education In Iran: Hopes And Fears.....	398
<i>Алиева С.И.</i> Роль тюркского (азербайджанского) языка на Северном Кавказе.....	409
<i>Муфтахутдинова Д.Ш.</i> К вопросу о путях сохранения и развития татарского языка и культуры.....	420
<i>Шарипова Э.К.</i> Кыргызский язык в условиях распространения английского языка.....	424

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПСИХОЛИНГВИСТИКА, КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Жаркынбекова Ш. К.</i> Концептуализация цвета в мифологической картине мира тюрков и славян.....	430
---	-----

Сагынбаева Б. Лингвокультурный анализ концепта “Аял” (Женщина) в эпосе “Манас”.....	436
Дербишева З.К. Этноментальная специфика концептуализации.....	442
Джусупов Н.М. Сакральный статус и амбивалентность тюркского символа в лингвистическом и экстралингвистическом контекстах (<i>көкбөрі/бөрі/қасқыр</i>).....	447
Lutfullayeva D.E. The Role Of Associative Experimental Method In The Study Of Human Linguistic Memory.....	452
Шайхисламова З.Ф., Акилова М.Ф. Когнитивные аспекты исследования взаимовлияний лексем языка орхоно-енисейских памятников и башкирского языка.....	458
Исмаилов Г.М. Лингвокультурологическое исследование гендерного стереотипа в тюркской фразеологии (на материале узбекского, казахского и каракалпакского языков).....	464
Ыбырайым А.О. Этно-культурный характер наименований птиц на казахском языке.....	470
Бекназаров Р.А. Этикет благопожеланий при приветствии и чихании: на примере казахов Казахстана и Монголии.....	472
Шакирова Д.Ш., Аиранова А.Х. Когнитивно-дискурсивный анализ концепта «Tree/Дерево/Агач» в первичной его номинации.....	476
Мамедова Э.С. О соматическом компоненте рука во фразеологизмах русского и азербайджанского языков.....	482
Нафиков Ш. Башкирский соматизм Түл ‘Плод’: эскиз сверхдальнего языкового сравнения.....	492
Сайын Ж. Лингвокультурные заимствования в разговорной речи турецкой диаспоры Казахстана.....	496
Сарыгёз О.В. Языковая картина мира через призму турецкой фразеологической антропо- и топонимики.....	500
Tussupbekova M. Zh., Idrissova M.A., Konyratbayeva Zh.M., Bekzhan Abduali Empirical Study Of Using Kazakh, Russian And English In Company Signs In Astana City.....	506
Сулейманова Р.А. Употребление собственных имен в национально-смешанных семьях (на материале метрической записи по отделам ЗАГСа города Уфы 1970-2000 гг).....	514
Коныратбаева Ж.М., Тусупбекова М.Ж. Тюркская основа процесса топонимизации (на примере урбанонимии Астаны).....	515
Гаджиева А.А. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами в казахском, арабском и русском языках.....	524
Мигранова Э.В. Башкирские пословицы о традициях выбора брачного партнера.....	527
Исабекова У.К. М. Кашгари – тюркская языковая личность.....	533

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА
И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ.
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА**

Каиржанов А.К. Древнетюркская книга «İrq bitig» и китайская классическая «Книга перемен».....	540
Калаханова З. М. Ортогенез нового антропологического пространства в сфере тюркологических исследований.....	548
Киндикова Н.М. Алтайское литературоведение: обзор научных трудов.....	556

<i>Амалбекова М.Б.</i> Измерение времени и пространства в казахской культуре.....	564
<i>Журакузиев Н.И.</i> Космогонические мифы, модель мироустройства и мифологемы в узбекской литературе.....	569
<i>Агаева Ф.А.</i> Эпоха Абая Кунанбаева, его жизненная среда и философские взгляды.....	571
<i>Герайзаде Л.З.</i> Нравственные и общечеловеческие проблемы в творчестве Ч.Айтматова.....	575
<i>Гусейнова У.Г.</i> Тюркская языковая картина мира в произведениях Ч.Айтматова.....	579
<i>Оруджева С.И.</i> Жанр дастан у тюркоязычных народов.....	583
<i>Дедина М.С.</i> Поэтика жанра драматургии в алтайском литературоведении.....	585
<i>Абдыханов У.К.</i> «... Не дать себя уловить ... во все структуры гражданско-цивильного существования».....	590
<i>Галавова Г.В.</i> Диалог народов в призме социалистического реализма в романе Кави Наджми «Весенние Ветры».....	594
<i>Исина Н.У.</i> Художественный билингвизм и современная литература Казахстана.....	598
<i>Бобохонов М.Р.</i> Художественная деталь как средство внешних проявлений внутренней жизни героя.....	603
<i>Токымбетова Г.А.</i> Фольклорные традиции в создании образов и в художественном описании в поэме «Айдос Баба».....	609
<i>Казиева А.М., Бродзели А.О.</i> Алим Теппеев – писатель-философ новой генерации.....	612
<i>Кучукова З.А.</i> Концепт «русский человек» в балкарской литературе.....	616
<i>Фомин Э.В.</i> Чувашские вкрапления в произведениях русских писателей.....	622
<i>Латышев О.Ю.</i> Типологические схождения «деревенской» прозы тюркских и славянских народов.....	626
<i>Фаттахова А.Р.</i> Культурно-маркированные единицы как отражение реалий (на материале перевода «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина на татарский язык). ..	628
<i>Хабибуллина Э.К., Юсупова А.Ш.</i> Трансформация гендерно-маркированных единиц в тюркских языках при переводе художественных текстов (на примере татарского и турецкого языков).....	634
<i>Турдубаева Н.Ш.</i> Поэма Жусупа Баласагына «Кутадгу билиг» и его современные переводы на тюркские языки.....	640
<i>Жигульская Д.В.</i> Мышление и язык (на примере русского и турецкого языков)....	646
<i>Фарсыева Г.З.</i> Особенности перевода реалий на татарский язык (на примере сказки братьев Гримм «Rotkäppchen»).....	652
<i>Касымалиева К.Э.</i> Стратегии перевода этнокультурных идиоглосс в произведении Чингиза Айтматова.....	656
<i>Садыкова Э.Р.</i> Особенности перевода сельскохозяйственных терминов в паре языков турецкий-русский (на примере официальных текстов).....	663
<i>Мусаева Б.С.</i> Проблема психологизма в азербайджанской драматургии 60-80-х годов XX века.....	667
<i>Мамедханова Н.Д.</i> Тема любви и свободы в поэзии Азербайджанского Ренессанса.....	672
<i>Шакиров Д.Ф., Юсупова А.Ш.</i> Лингвокультурный аспект сказочного дискурса и вопросы его перевода на татарский язык.....	679
<i>Дилдабекова А.К.</i> Национальное своеобразие в художественном переводе трилогии А.Нурпеисова «Кровь и пот».....	687

<i>Атаджанова М.А.</i> Мифологические архетипы в современной узбекской прозе и их функциональная природа.....	691
---	-----

ТВОРЧЕСТВО ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Преображенский С.Ю.</i> Воображаемая филология: введение в универсальный этимологический словарь «1001 слово» О. Сулейменова.....	696
<i>Жаксылыков А.Ж.</i> «Уроки» тюркологических поисков Олжаса Сулейменова....	699
<i>Маслова В.А., Муратова Е.Ю.</i> «Исправляя метафорой мир»: образ и метафора в творчестве О. Сулейменова.....	702
<i>Джусупов Маханбет.</i> «Быть» и «казаться» в творчестве Олжаса Сулейменова.....	707
Джафаров Т.Г. «Слово о полку Игореве» в интерпретации Олжаса Сулейменова.....	715
<i>Ашимханова С.</i> «Времен связующая нить».....	720
<i>Маслова В.А.</i> Фрагмент поэтической картины мира О. Сулейменова как способ выражения народного самосознания.....	729
<i>Жаксылыков А.Ж.</i> Ирония и парадокс в дискурсе О. Сулейменова.....	734
<i>Фейзуллаева А.</i> «Дорогу осилит идущий» (Штрихи к творческому портрету О. Сулейменова).....	738
<i>Какильбаева Э.Т.</i> Лирика Олжаса Сулейменова как гипертекст: возможности ее интерпретации.....	745
<i>Умарова Г.С., Утарова Н.Т.</i> Образ женщины в лирике Олжаса Сулейменова....	750
<i>Джусупов М., Сарсембаева А.Ж.</i> Художественный билингв или монолингв? (Еще раз о поэтическом феномене Олжаса Сулейменова).....	757
<i>Брагина М.А., Золотых Е.А.</i> К слову об Олжасе Сулейменове: актуальные вопросы современной лингвистики в контексте глобализации.....	766
<i>Брагина М.А.</i> Роль и значение «языковиденья» в системном подходе к методике обучения русскому языку.....	770
<i>Умарова Г.С.</i> Картина мира казахского этноса в творчестве В. Даля и О. Сулейменова.....	773

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Азмуханова А.М.</i> Некоторые вопросы интеграции культур и цивилизации на евразийском пространстве.....	780
<i>Гатин А.А.</i> Ислам сквозь призму аудиоисточников: состояние изученности проблемы.....	786
<i>Никифорова С.В.</i> Культура как ресурс в урбанистической стратегии региона....	789
<i>Котляр Е.Р.</i> Этнокультурные параллели в декоративно-прикладном искусстве тюркских народов Крыма: крымских татар, караимов и крымчаков.....	795
<i>Избасарова Г.Б.</i> Трансформация казахского общества в XIX веке: на примере внедрения чая.....	801
<i>Закиров И.В., Ситдикова А.Р.</i> Развитие туризма в Китае в свете создания «экономического пояса Шелкового пути».....	806
<i>Кретова Т.Е.</i> Культурный туризм стран Центральной Азии: проблемы и тенденции.....	810
<i>Жалгас Е.Е., Закиров И.В.</i> Современные тренды развития культурного туризма в Казахстане.....	814

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ректора Российского университета дружбы народов
Владимира Михайловича Филиппова в адрес участников
Международной научно-практической конференции
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ:
ЯЗЫК-ЛИТЕРАТУРА-КУЛЬТУРА»
Москва, РУДН, 17-18 ноября 2016 года

Уважаемые участники и гости конференции!

Мне очень приятно приветствовать вас и открыть конференцию, которая для нас является особенной. Впервые в Российском университете дружбы народов осуществляется знаменательное мероприятие, направленное на осмысление и обсуждение широкого круга вопросов, связанных с тюркской проблематикой.

Всем вам известно, что за последние 25 лет значительно повысилась социально-экономическая, политическая и культурная роль тюркских государств в региональных и глобальных организациях, в системе международных экономических отношений. За указанный период вышло достаточно большое количество оригинальных трудов на тюркских и других языках, посвященных истории, языку, литературе и культурам тюркских народов. Основной методологический дискурс многих исследований связан с преодолением европоцентристского, в т.ч. советского историографического подхода. Вместе с тем, время выдвигает новые вызовы, требующие дальнейшего осмысления актуальных вопросов, связанных как с поиском идентичности и самобытности тюркских народов, так и с межкультурным взаимодействием. И нет случайности в том, что главными целями конференции являются актуализация исследовательской проблематики с учётом новейших научных работ, понимание тюркологии как междисциплинарной и комплексной отрасли знания, расширение профессиональных связей тюркологов – представителей разных отраслей науки.

Мне хотелось бы выразить искреннюю признательность со-организаторам конференции, которые откликнулись на нашу инициативу и поддержали её. Сегодня в этом зале присутствуют делегации *ведущих университетов СНГ – со-организаторов этой конференции*: Бакинского государственного университета, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва, Казанского (Приволжского) федерального университета, Узбекского государственного университета мировых языков, Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына, Казахского национального университета им. аль-Фараби.

Не только тюркологи из названных вузов представят свои исследования в процессе работы конференции. Сборник материалов конференции (815 стр.) содержит доклады исследователей из Национального института рукописей АН Туркменистана и Туркменского Государственного Университета им. Махтумкули, Института эмпирической лингвистики Франкфуртского университета (Германия), Анкарского университета (Турция), Витебского государственного университета им. П.М. Машерова (Беларусь), Каракалпакского государственного университета (Нукус, Каракалпакстан, Узбекистан) и др.

Благодарю участников конференции, присутствующих в этом зале: деканов и зав. кафедрами тюркологии, директоров институтов и центров тюркологии, известных учёных, представляющих: Индианский университет в Блумингтоне (США),

Берлинский университет имени Гумбольдта (ФРГ), Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы им. Алишера Навои, Институт Истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Таразский инновационно-гуманитарный университет во главе с ректором, Бакинский славянский университет, Иссыкульский государственный университет, Кыргызско-Турецкий университет “Манас”, и ряд других вузов из СНГ.

Особую благодарность выражаю в адрес участников и вузов, представляющих субъекты Российской Федерации: Башкирский государственный университет (Башкирия), Горно-Алтайский государственный университет, НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова (Республика Алтай), Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Хакасия), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Республика Саха (Якутия), Тувинский государственный университет, Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Кабардино-Балкарский Государственный университет, ВУЗы Чувашии, Ивановский государственный политехнический университет, Санкт-Петербурга (СПбГУ) и Москвы (МГУ, ИСАА МГУ, МГТЭУ, Институт востоковедения РАН, МГИК).

Не могу не отметить и факт участия в конференции языковедов РУДН – последователей научной концепции уникального учёного, выдающегося российского лингвиста, философа-системолога, культуролога, просветителя, создателя системно-типологической концепции языка, работавшего в нашем университете вплоть до своей кончины (2000) – Геннадия Прокопьевича Мельникова. Выпускник МИФИ, канд. техн. н., заслуженный изобретатель Комитета по мирному использованию атомной энергии Г.П. Мельников получил учёную степень доктора филологических наук, прежде всего, за выявление внутренних детерминант четырёх морфологических типов языков, выделенных Вильгельмом фон Гумбольдтом. Исключительное значение тюркских языков в создании концепции Г.П. Мельникова бесспорно, бесспорна и перспектива в преподавании тюркских языков при обращении к системному подходу.

Особую значимость конференции придаёт факт участия в ней выдающегося поэта и лингвиста, автора «Азия», «Языка письма», «Тюрков доистории» Олжаса Омаровича Сулейменова, работы которого, как и труды Геннадия Прокопьевича Мельникова, ждут дальнейших исследований.

Уважаемые участники Конференции, нет никаких сомнений в том, что плодотворная работа, творческие и результативные дискуссии, партнёрские и дружеские контакты будут обеспечены самим вашим очным участием в процессе работы Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура». Эта конференция расценивается нами как проект, не имеющий принципиального завершения. Полагаю, что этому проекту суждена долгая биография.

Успешной Вам работы на конференции и в повседневном научном труде!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ректора Бакинского государственного университета
академика А.М.МАГЕРРАМОВА
на открытии Международной научно-практической конференции
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ:
ЯЗЫК-ЛИТЕРАТУРА-КУЛЬТУРА»
в Российском университете дружбы народов.
Российская Федерация, Москва, 17-18 ноября 2016 года.

Глубокоуважаемый Владимир Михайлович!
Глубокоуважаемые участники конференции!

Прежде всего, разрешите поздравить Вас от имени многотысячного коллектива Бакинского государственного университета и от себя лично с началом работы Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура»! Азербайджан и Россию связывают давние традиции дружбы, взаимоуважения и доверия. На протяжении истории наши народы тесно сотрудничали во многих областях, в особенности в сфере науки и образования. Лидеры наших стран — господин Ильхам Алиев и господин Владимир Путин уделяют большое значение вопросам развития гуманитарного сотрудничества. Ярким примером тому служит получившее традицию ежегодное проведение Бакинского международного гуманитарного форума, инициаторами которого являются Президенты Азербайджанской Республики и Российской Федерации.

Сегодня Азербайджан воспринимается мировым сообществом как страна, которая ставит принципы равноправия, толерантности, миролюбия во главу своей политики, создавая основу для развития диалога между различными культурами и цивилизациями. Университеты Азербайджана, следуя курсу руководства нашей Республики, которое объявило 2016-й год «Годом мультикультурализма», четко следует этой политике, основываясь на мировых тенденциях в сфере толерантности.

Отмечу, что проведение Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура» совпало со знаковым событием в нашей республике. 90 лет назад в Баку был проведен Первый тюркологический съезд. По Распоряжению Президента Азербайджанской Республики господина Ильхама Алиева о проведении 90-летнего юбилея Первого тюркологического съезда в республике проводятся многочисленные мероприятия, приуроченные к этому значимому событию. В рамках этих мероприятий в Бакинском государственном университете идет подготовка к проведению научной конференции «Современная тюркология: прошлое, настоящее и будущее (проблемы и перспективы)».

Участие Бакинского государственного университета в Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура», можно сказать, является продолжением череды культурных мероприятий, проводимых в этом контексте.

Сегодня в системе современных международных отношений повысилась роль тюркского фактора. Проведение Международной конференции «Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура» в Российской Федерации, где проживают славяне и многочисленные тюркские народы, история которых на протяжении веков тесно переплеталась, еще раз подтверждает этот факт. Организаторами конференции выступили

Приветствия участникам конференции

ведущие университеты СНГ, что, с одной стороны, говорит о высоком научном статусе мероприятия, а с другой стороны, является ярким свидетельством тесного межвузовского сотрудничества и налаженных контактов в сфере науки и образования.

Бакинский государственный университет, готовящийся отметить свой 100-летний юбилей, выпустил целую плеяду известных ученых-тюркологов. Сегодня в Бакинском государственном университете функционируют кафедра тюркологии на филологическом факультете и кафедра турецкой филологии на факультете востоковедения, а также научно-исследовательская лаборатория «Тюркологические исследования», приоритетом исследований которой являются актуальные проблемы тюркологии. В БГУ регулярно проводятся конференции, посвященные вопросам тюркологии, в частности, приуроченная к 120-летию выдающегося тюрколога Бекира Чобанзаде — «Бекир Чобанзаде и проблемы современной тюркологии».

Глубокоуважаемые участники конференции!

Сегодня основной целью ученых-тюркологов является актуализация исследований с учетом современных научных работ, знакомство с новыми достижениями в данной области, обмен идеями и ценным опытом. Уверен, Международная конференция «Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура» внесет большой вклад в развитие тюркологии. Желаю успешной и плодотворной работы участникам конференции!

**Ректор Бакинского государственного университета
академик**

А.М. МАГЕРРАМОВ

Уважаемый Владимир Михайлович!

Уважаемые участники Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», проводимой в стенах легендарного Российского университета дружбы народов!

Разрешите от имени Евразийского национального университета имени Льва Николаевича Гумилева и от себя лично поздравить Вас с началом работы этого замечательного для всех нас международного форума, посвященного актуальным проблемам современной тюркологии. Этот форум имеет важное значение не только для наших стран: России и Казахстана, но и для всех стран СНГ как консолидирующий фактор на новой платформе ЕвразЭС в области культуры, науки и образования.

Хочу отметить, что научно-образовательные связи с Российском университетом дружбы народов и нашим университетом, подписанные еще в 2005 году, крепнут и развиваются, тому доказательство "десант" из магистрантов, докторантов и ППС, который "высадился" из ЕНУ им. Л.Н. Гумилева для участия в данном форуме. Это и есть практическое воплощение взаимовыгодного сотрудничества между нашими вузами, которое претворяется в жизнь, благодаря тем идеям, выдвинутыми лидерами наших стран – Владимиром Владимировичем Путиным и Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым.

В Евразийском национальном университете имени Л.Н.Гумилева успешно функционирует кафедра тюркологии, оснащенная современными кабинетами и укомплектованная лучшим профессорско-преподавательским составом, и эта единственная тюркологическая кафедра в Республики Казахстан, которая готовит специалистов-тюркологов по 5 образовательным программам и по трем уровням обучения – бакалавриат, магистратура и докторантура PhD. Студенты, магистранты, докторанты получают уникальные интегративные исторические, археологические, этнокультурные, филологические знания в сфере изучения письменных памятников, написанных различными графическими системами, а также изучают язык и культуру современных тюркских народов. Кафедра тюркологии развивает широкие международные связи с тюркологическими кафедрами, научными центрами ближнего и дальнего зарубежья.

Известными учеными кафедры тюркологии подготовлены и изданы ряд фундаментальных трудов: Атлас Орхонских памятников, Атлас Западного тюркского каганата и ряд других книг в области языка, литературы, истории и культуры кочевников Великой степи.

Я полагаю, что проводимая Вами конференция даст новый импульс, новые идеи для развития тюркологической науки в целом и станет площадкой для интересных дискуссий, мнений, докладов по актуальным проблемам современной тюркологии.

И наконец, разрешите мне еще раз поздравить Вас, Владимир Михайлович, с началом работы Международной конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», пожелать успешной творческой работы всем участникам форума и быть уверенным, что совместная плодотворная деятельность ученых приведет к новым достижениям в области тюркологии.

*С уважением,
Ректор*

С. Сыдыков

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ректора Казанского (Приволжского) федерального университета
профессора И.Р. Гафурова
участникам Международной научно-практической конференции
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ:
ЯЗЫК – ЛИТЕРАТУРА – КУЛЬТУРА»
в Российском университете дружбы народов.
Москва, Россия, 17–18 ноября 2016 года

Уважаемый Владимир Михайлович, уважаемые коллеги! От имени Казанского (Приволжского) федерального университета и от себя лично приветствую участников и гостей Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура»!

Казанский университет со дня своего основания является одним из крупнейших центров тюркологии в России. Уже по его первому уставу, подписанному 5 ноября 1804 года, на отделении словесных наук открылась самостоятельная кафедра восточных языков. В 1812 году татарский язык был введен в учебную программу университета.

А в конце 1828 – начале 1829 года по инициативе ректора университета Н.И. Лобачевского был создан Восточный разряд, в который вошли 2 кафедры – турецко-татарского и арабо-персидского языков, сформированные на базе кафедры восточных языков. В эти же годы зарождается признанная во всем мире Казанская тюркологическая школа, основателями которой являются И.С. (вар.:) Хальфин, Х.М. Френ, Ф.И. Эрдман, А.К. Казем-Бек, А.А. Троянский, И.Н. Березин М.Г. Махмудов, Г.А. Вагабов, С.Б. Кукляшев, Каюм Насыри (Г.Г. Насыров), Н.Ф. Катанов, В.В. Радлов и др.

Тюркология сегодня является многопрофильным комплексом гуманитарных дисциплин, изучающим языки, литературу, фольклор, культуру тюркоязычных народов. Как в любой науке, в тюркологии зарождаются новые тенденции по выявлению и изучению проблем межкультурного и межэтнического взаимодействия в социокультурных пространствах. Современные вопросы тюркологии требуют разработки инновационных проектов, направленных на преодоление стереотипов, идеологических мифов и выстраивание новых парадигм решения проблем, важных для тюркских государств и тюркских народов, проживающих в иных странах, с учетом их локальной истории и реальной практики.

В ключе решения актуальных проблем тюркологии в Казанском университете – в Институте международных отношений, истории и востоковедения – разработана инновационная программа «Тюрко-мусульманский мир», которая ориентирована на прикладную профессиональную подготовку. Основу программы составляют авторские курсы ведущих российских и зарубежных специалистов в области международных отношений на основе полипарадигмального и синергетического подхода к решению проблем тюркологии.

В рамках Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого КФУ реализуются инновационные проекты в области тюркологии, открываются новые магистерские программы, функционирует система международной сертификации по татарскому языку, издается международный научный журнал «Tatarica», осуществляется проект «Скорая лингвистическая помощь».

Для теории и практики тюркологии весьма важна актуализация тех исследований, которые ориентированы на видение и решение инновационных научных моделей, способствующих устранению ограничений национальных, культурных, языковых и академических форм знания и на переосмысление традиционного инструментария гуманитарных наук. Глобальные выводы в тюркологии можно сделать только на основе

Приветствия участникам конференции

результатов совместных исследований, в процессе разностороннего, многопрофильного, полипарадигмального обсуждения коллегами из разных стран актуальных проблем на основе интегрированных решений и установления ряда императивов по жизненно важным вопросам.

Позвольте еще раз выразить слова благодарности и признания организаторам международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура». Нам импонирует стратегия данного форума, нацеленная на разработку совместных международных проектов для обозначения современных проблем тюркологии и решения практико-ориентированных задач в сфере науки и образования. Считаем, что в этом аспекте научный мир Республики Татарстан внесет свой вклад.

Ректор

Казанского (Приволжского) федерального университета

И.Р. ГАФУРОВ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

**ректора Узбекского государственного университета мировых языков
Г.Х. Рахимова на открытии
Международной научно-практической конференции
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ:
ЯЗЫК – ЛИТЕРАТУРА – КУЛЬТУРА»
в Российском университете дружбы народов.
Москва, РФ, 17-18 ноября 2016 года**

МНОГОМЕРНЫЙ МИР ТЮРКОЛОГИИ

Уважаемые гости международной научно-практической конференции, уважаемый ректор Российского университета дружбы народов, академик Владимир Михайлович!

Разрешите от имени Узбекского государственного университета мировых языков и лично от себя поздравить Вас с началом работы международного научного мероприятия в области тюркологии, охватывающего язык, литературу, культуру, историю, образование, этнопсихологию и др., имеющего большое консолидирующее значение не только для тюркского мира, но и для славянского, так как тюрки и славяне исторически проживали и проживают на одних и тех же территориях, что в настоящее время называется одним емким, высоким словом – Евразия.

Тюркология – полинаучная система как в географическом, так и в духовном, морально-этическом выражении, поэтому она исследуется и в Азии, и в Европе, так как тюркский след маркирован не только заимствованными языковыми единицами, но и соответствующими психообразами, сформированными в сознании нетюрков (инофонон). О чем свидетельствуют многие научные исследования, осуществленные в прошлом и в настоящем («Древние тюрки» Л.Н. Гумилева; «Аз и Я» О.О. Сулейменова; и др.).

Тюркология и славяноведение – побратимы. Это особенно касается таких их ветвей как русистика и кыпчаковедение, русистика и казаховедение, что О.О. Сулейменов назвал тюркославистикой.

В Узбекском государственного университете мировых языков проводятся серьезные научные изыскания в области тюркологии, славяноведения, сопоставительной лингвистики, сравнительного литературоведения, которые охватывают не только тюркские и славянские языки, но и германские, романские и др. языки, в которых также наблюдаются тюркские языковые элементы, и – наоборот, что

Приветствия участникам конференции

свидетельствует о контактировании этих языковых семей в прошлом и в настоящем.

Многие современные научные исследования в области тюркологии не могут быть полностью изолированными от славяноведения, в целом, и русистики, в частности, что доказывается потоком заимствований в тюркские языки из русского языка или через русский язык, что особенно характерно для XX века и начала XXI века.

Проблемы тюркологии неисчерпаемы. Их исследование требует знания, как минимум, 5-6 языков. Кроме тюркских языков – это арабский, фарси, русский, китайский, монгольский, а также английский. Это связано с тем, что история тюрков в разных объемах писалась на этих языках и на основе четырех график. Именно поэтому объективность, высота и глубина тюркологических исследований могут быть обеспечены в процессе ведения и совместных научных изысканий. Например, исследование различных аспектов великого наследия А. Навои или З.М. Бабура. Поэтому будущее тюркологии – это и совместные двусторонние, трехсторонние и др. научные проекты.

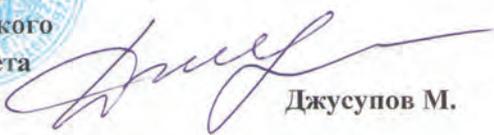
В заключении хотим сказать, что Российский университет дружбы народов является инициатором такой серьезной международной научной конференции, которая, на наш взгляд, будет долго жить в пространстве времени и территории и даст неодносторонние, а многосторонние научные плоды как для тюркологии, так и для славяноведения и русистики, ирановедения, китаеведения, монголоведения.

Ректор Узбекского
Государственного университета
Мировых языков

 Рахимов Г.Х.

Доктор филологических наук,
профессор, профессор Узбекского
Государственного университета
Мировых языков

 Джусупов М.

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН
БИЛИМ БЕРҮҮ ЖАНА ИЛИМ
МИНИСТРЛИГИ

Ж. БАЛАСАГЫН атындагы
КЫРГЫЗ УЛУТТУК
УНИВЕРСИТЕТИ

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КЫРГЫЗСКИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Ж. БАЛАСАГЫНА

720033, Бишкек ш., Фрунзе кечесу, 547
Тел.: (312) 32-33-94, Факс: (312) 32-32-21

e-mail: rectorat@university.kg
www.university.kg

720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе 547 Тел.:
(312) 32-33-94, Факс (312) 32-32-21

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

ректора Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына,
профессора Адамкуловой Чынара Усенбековны
участникам Международной научной практической конференции
«Современные проблемы тюркологии: язык - литература - культура»
в Российском университете дружбы народов.

РФ, Москва, 17-18 ноября 2016 года.

Уважаемые участники конференции, уважаемый ректор Российского университета дружбы народов Владимир Михайлович Филиппов!

Разрешите от имени коллектива Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына и от себя лично поздравить Вас с началом очень важного для нас мероприятия. Научная сфера современной тюркологии имеет исключительно важное значение как для Кыргызской Республики, так и для наших соседей: Российской Федерации, Казахской Республики и других тюркских государств.

Этот год в Кыргызстане объявлен годом истории и культуры. И, глубоко символично, что проведение нашей конференции совпало по времени с 1000-летним юбилеем великого мыслителя тюркского ренессанса Жусупа Баласагына. Развитию тюркологии в Кыргызстане всегда придавалось приоритетное значение. Мы гордимся научным вкладом в теорию тюркологии, который внесли наши учёные: С.Малов, И.Батманов, И.Стеблева, А.Валитова, Е.Поливанов, Н.Баскаков, В.Виноградов, И.Мещаников, А.Боровков, И.Арабаев, К.Тыныстанов, К.Юдахин, К.Карасаев, К.Сартбаев и др.. И сейчас в нашем университете проводятся исследования в области тюркологической истории, языкознания и литературоведения, а также этно-культурологии и искусствоведения. Достигнуты, на наш взгляд, значительные научные результаты, они обсуждаются на научных конференциях, проводимых в университетах республики, публикуются в научных журналах, в частности, в журнале национального университета «Вестник КНУ».

Хотелось бы выразить благодарность за приглашение наших учёных и возможность обменяться результатами научных исследований, пожелать участникам конференции больших успехов, выразить надежду на будущее сотрудничество в рамках новых совместных проектов.

Ректор, профессор

Ч.У. Адамкулова

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

**ректора Казахского национального университета им. аль-Фараби,
академика Г.М.Мутанова на открытии
Международной научно-практической конференции
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ:
ЯЗЫК – ЛИТЕРАТУРА – КУЛЬТУРА»
в Российском университете дружбы народов.
Москва, РФ, 17-18 ноября 2016 года**

Уважаемые гости международной конференции, уважаемый ректор Российского университета дружбы народов, академик Владимир Михайлович Филиппов! Разрешите от имени Казахского национального университета имени аль-Фараби и от себя лично поздравить Вас с началом данного важного – и с культурной, и с научно-образовательной, и с политико-идеологической, и просто с гуманитарно-духовной сторон – знакового мероприятия!

Тюркология особенно важна для Казахстана и России. Потому что нас связывают многие века совместного проживания, дружбы и сотрудничества, культурного обмена славянских и тюркских народов на обширных евразийских пространствах. Скажу более категорично, историю России нельзя рассматривать отдельно от истории Степи. И история Казахстана и Средней Азии будет неполной без российской составляющей. Россия – это федерация с большим количеством тюркских субъектов, а в нашей стране славянские диаспоры – вторые по численности этносы после титульной нации.

И это предмет гордости для наших граждан. Это предмет науки и образования, существенная часть истории и стратегия на будущее.

Сейчас, в век интернета и авиасообщений любые попытки попытки возведения искусственных границ между цивилизациями и несхожими культурами уже заведомо обречены на провал. И я, пользуясь высокой трибуной Вашего университета, хочу особо подчеркнуть, что концепция добрососедства и тесного взаимовыгодного взаимодействия – стали основным кредо для руководителей наших государств: Владимира Владимировича Путина и Нурсултана Абишевича Назарбаева.

В нашем университете функционирует одна из древнейших кафедр тюркологии республики, а также недавно мы открыли крупный многопрофильный «Центр ТЮРКСОЙ». Слово «сой» на тюркских языках означает «происхождение», а ТЮРКСОЙ – сой тюрков, т.е., иначе говоря, истоки происхождения, что, в принципе, по своей семантике близко и синонимично термину «тюркология».

Почему мы по отношению к тюркологической науке употребили слово «многопрофильный»? Потому что благодаря усилиям многих поколений тюркологов данная отрасль знания сегодня уже представляется мировому сообществу как мощное комплексное направление, не ограниченное узкими рамками сугубо филологии и истории.

Приветствия участникам конференции

Конечно, генезис и ранние этапы формирования тюркских народов для нас будут всегда интересны, это неизменная и базовая позиция отрасли. Но тюркология сегодня – это и этно-культурология, и национальная психология, и многовекторный экспертно-экономический блок, и геолого-географо-экологический ракурс, и геополитика, и искусствоведение, включая прикладную орнаменталистику и музыковедение и т.д. и т.п. Этот ряд дисциплин, встраивающихся в тюркологию, как таковую, можно продолжать и продолжать. Однако, дело не в количестве проблем или тем, наша главная задача – обеспечение качества проводимых исследований, достижение выверенности заключений и итоговых суждений.

А к таким выводам можно прийти только в результате совместных работ, исключительно в процессе разностороннего обсуждения коллективами коллег из разных стран актуальных проблем, путем поисков, если хотите, иногда компромиссов и взаимных, общих решений, в итоге движения навстречу друг другу – а не наоборот.

Именно в связи с этим я хочу еще раз акцентировать Ваше внимание на том, с чего я начал – с благодарности устроителям данной международной конференции. Потому что сквозной целью данного авторитетного форума была официально объявлена установка на выработку совместных проектов и формулировку конкретных задач в сфере научно-образовательного сотрудничества.

Современная тюркология остро нуждается в таком подходе.

Разрешите закончить свое короткое слово выражением уверенности в том, что в самое короткое время мы все станем свидетелями больших и полезных достижений в тюркологии, инициированных учеными Российского университета дружбы народов.

**Ректор Казахского национального
университета им. аль-Фараби,
академик, доктор технических наук,
профессор**

Г.М.Мутанов

ПРИВЕТСТВИЕ

участникам Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура»

В тюркологии сложилось устойчивое мнение, что тюрки как этнос возникли в начальные века новой эры. И древнетюркская письменность соответственно. Ее возникновению способствовало рождение государства, названного учеными Первым Тюркским Каганатом.

С середины 60-х годов, когда я, начитавшись книг Л.Н. Гумилева, увлекся тюркологией, то стал находить слова, похожие на тюркские, в текстах ископаемых письменностей Бронзового века. Прежде всего, в текстах глиняных таблиц Шумера (IV-II тысячелетий до н.э.), в древнегреческих мифах (III-I тысячелетия до н.э.). Дипломатическая работа в Греции, Италии, Франции (1995-2014 гг.) помогла мне освоить новые материалы и понять феномен этрусков, понять что в составе «12 племен Этрурии» (т.е., 12 народов, объединенных общим именем государства), кроме предков латинов, греков, германцев и славян, были и тюрки. Об этом я написал в книге «Язык письма», вышедшей в Риме в 1998 году на русском языке, и только недавно – на итальянском. Там призвал этрускологов не искать в текстах этрусских памятников этрусский язык, но языки Этрурии. Мы не ищем в текстах, исполненных латинским письмом – только латинский язык. Так же следует попробовать относиться к трем тысячам кратких и длинных надписей, выполненных этрусским алфавитом. Но этрускологи продолжают искать этрусский язык.

Работая в ЮНЕСКО, я предложил тему «Великие переселения в доистории и в ранней истории». Под эгидой ЮНЕСКО уже состоялись пять международных конференций: Париж (2008), Нью-Йорк (2011), Сеул (2013), Гранада (2014), Иерусалим (2015). Шестая должна была состояться в Стамбуле, но политическая обстановка побудила изменить место. Теперь она пройдет в Париже в конце ноября.

Что мы узнали в результате изучения путей выхода вида *homo sapiens* из экваториальной Африки 100 тысяч лет назад? Например, уже имеем основания предположить, что Древнее Средиземноморье и ближние к нему территории были промежуточной прародиной Человечества. Там почти до Бронзового века обитало большинство этносов тогдашнего мира. Там формировались начала культур будущих европейцев, азиатов, американцев. Именно тогда и там возникли первые письменности, потом разнесенные по всей планете. И тюркская культура весьма активно проявила себя в Древнем Средиземноморье и Передней Азии до перемещения на Восток.

Предложенный мною новый метод этимологии позволяет восстановить историю формы и значения любого слова, созданного в Бронзовом веке в

Приветствия участникам конференции

Средиземноморье, ибо слова создавались из названия образного письменного знака (первоиероглифа). Более подробно метод и примеры его применения приведены в книге «Код слова» (2013). И примеры эти свидетельствуют, что и тюркские, и славянские лексемы гораздо древнее того возраста, который приписывается наукой этим языкам.

В книге «Тюрки в доистории» (2001) я предложил термин «тюрко-славистика», потому что убедился – без глубокого знания славянских словарей и грамматик невозможно понять историю тюркского языка. А без постижения тюркского материала нельзя узнать подлинную историю славянских наречий.

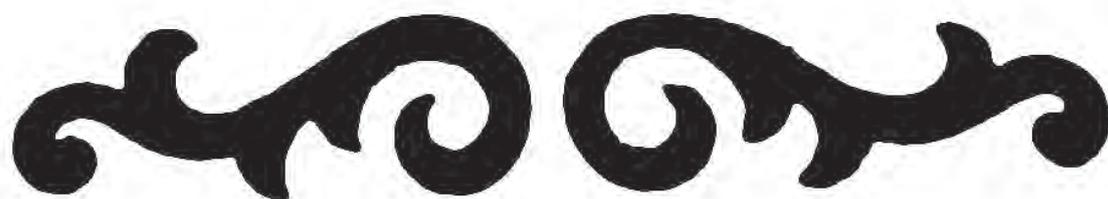
Издревле просторы Казахстана были перекрестком взаимодействия и взаимопроникновения культур. Неслучайно поэтому Постоянному Представительству Казахстана при ЮНЕСКО довелось стать инициатором провозглашения Организацией Объединенных Наций «Международного Десятилетия сближения культур», которым стал период с 2013 по 2022 годы и задачей которого, согласно Плану действий ЮНЕСКО, является формирование планетарного сознания, в основе которого должно быть знание, сформированное на базе общих ценностей.

Приветствую идею проведения московского форума в единственном в мире университете, чье название выражает понятие цели, к коей должны стремиться все учебные заведения, начиная со школы.

Олжас Сулейменов
Народный писатель Казахстана
Герой Труда Казахстана
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Республики Казахстан

**ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ
ТЮРКСКОГО ПИСЬМА,
ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ**

**THEMATIC VARIETIES OF OLD TURKIC RUNIC INSCRIPTIONS
IN THE REPUBLIC ALTAI: RELIGIOUS INSCRIPTIONS**

Nevskaya Irina Anatol'evna

Prof. Dr., chief researcher

Institute of Empirical Linguistics

Frankfurt University,

Department of Indigenous Languages of Siberia

Institute of Philology of the Russian Academy of Sciences

E-mail: nevs-kaya@em.uni-frankfurt.de

Tybykova Larisa Nikolaevna

Dr. Doc. Head of the chair

Chair of the Altai Language and Literature

Gorno-Altajsk State University

E-mail: lar.tybykova@yandex.ru

The article deals with Old Turkic runic inscriptions in the Republic of Altai, Russian Federation. Altai Runic inscriptions are a great challenge for those who want to decipher them. They are mostly short, often not well preserved, have unique runic characters not encountered in classical runic inscriptions of the Orkhon river. They are much more diverse in their content: alongside epitaphic texts that dominate in Mongolia and in the valley of the Yenisei river, as well as along its tributaries, we find here visitors' inscriptions, inscriptions on objects indicating their owners, philosophical, and religious texts. Here, we refer to one type of texts in more details - to those with supposedly religious content.

Key words: Old Turkic runic inscriptions, Republic Altai, religions of ancient Turks

1. Introduction

Altai Runic inscriptions are devoted to very different topics. Here, we refer to one type of texts in more details – to those with supposedly religious content, see also Nevskaya (2014).

Altai Runic inscriptions are a great challenge for those who want to decipher them. They are mostly short, often not well preserved, have unique runic characters not encountered in classical runic inscriptions of the Orkhon river. They are much more diverse in their content: alongside epitaphic texts that dominate in Mongolia and in the valley of the Yenisei river as well as along its tributaries, we find here visitors' inscriptions, inscriptions on objects indicating their owners, philosophical, and religious texts. The latter text types are especially interesting: they have evoked much argument, often due to doubts concerning the methods of deciphering such inscriptions. Since they offer only a very limited amount of linguistic evidence, and due to the fact that the history of the Old Turkic period of this region has not yet been studied sufficiently and presents many unsolved problems, there exist many quite popular opinions based rather on assumptions and analogies than on linguistic evidence.

2. Igor' Kyzlasov's conception

A Russian archeologist and specialist in the Runic tradition on the territory of Eurasia Igor' Kyzlasov has considerably contributed research on Altai runic inscriptions. He states that Old Turkic Runic writing as a whole “has religious roots, as actually any writing does” (Kyzlasov, I. L. 2015). He also assumes that the runic writing was the official writing not only in the Eastern Turkic and Uyghur Kaghanates, but also in the Kyrgyz Kaghanate; and its usage was connected

with spreading of Manichaeism in these medieval states. He assumes that Manichaeism became a successor of an unknown ancient religion of the Turks that could have already used the runic writing for sacral purposes. The authority of this ancient religion and its writing was overtaken by Manichaeism. He states that numerous Old Turkic runic inscriptions on steles appeared in South Siberia in the late eighth century. This is also the dating of brick temples found here (with reference to Kyzlasov L. R. 1998, 1999, 2001). He further writes, “A comparative analysis of runic texts written on steles found in this area and identified as Manichean¹ proves that these temples should also be considered Manichean ones.” (Kyzlasov, I. L. 2015).

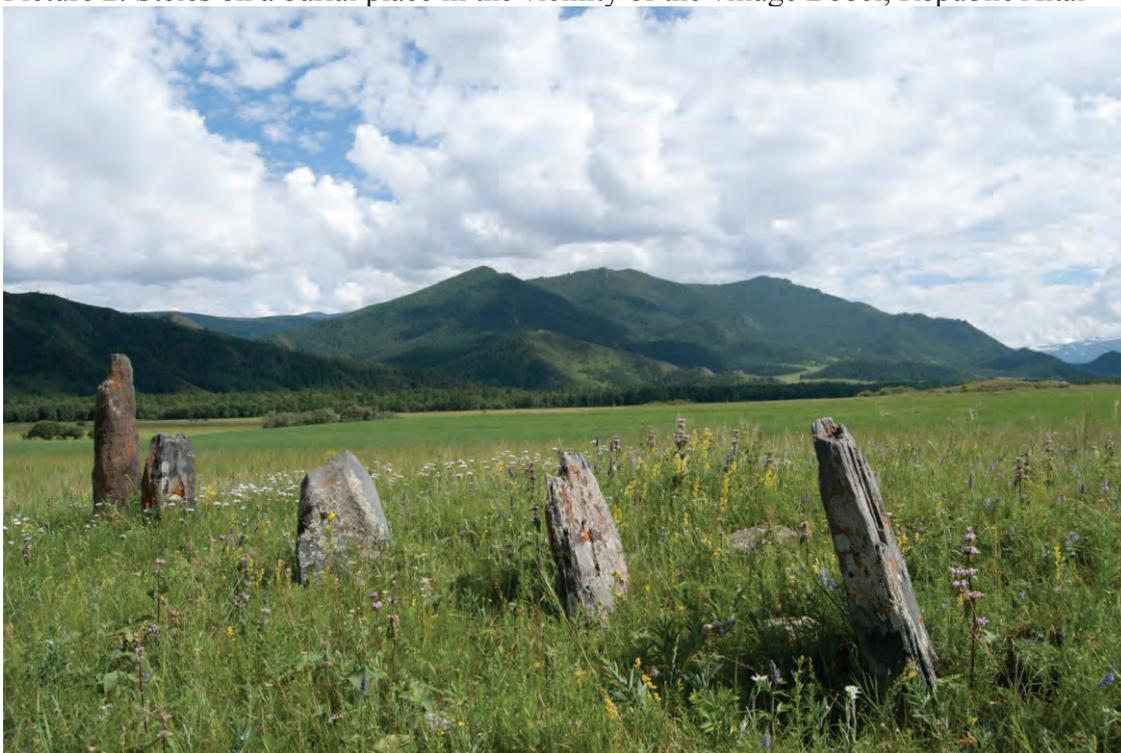
According to Igor’ Kyzlasov (2001), archaeological monuments of the Sayan-Altai Mountains witness two spheres of ritual usage of the Runic writing in the ancient Kyrghyz state – epitaphic inscriptions on steles and prayers written on rocks. Both types reflect ancient and extremely conservative spheres of spiritual life. According to him, steles with Yenisei epitaphs were created during the 8th – 11th centuries. However, the tradition to erect steles facing the East or South-East was much older; it was connected with the Tashtyk culture of the 1st century BC (see Kyzlasov L. R., 1960; 1965; Kyzlasov, L. R. 1975; Grjaznov 1979: 128-142) where stone steles symbolized the deceased. “Later such steles were put in front of stone mausoleums called kurgans. An epitaph was the last component of such memorials; it was carved on the already erected stele, as the forms of the lines and the location of the signs show” (Kyzlasov. 2015), see illustrations of steles in Republics Tyva and Altai (Pictures 1–3).

Picture 1. A stele in the place Šonči, Republic Tyva

¹ This assumption is based on one instance of the use of the word *äzrua* ‘Zerwan’ in E-29,3 (KORMUŠIN 1997: 67-75, 2008: 120-121). In this connection, we can note that in Old Turkic texts in the database VATEC, the word *äzrua* ‘Zerwan’, but also ‘Brahma’, is encountered 36 times, most of these instances are in Buddhist texts including *Altun Yarok* and *Maitrisimit* (<http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de/>). See also RÖHRBORN 2000.

Picture 2. Steles on a burial place in the vicinity of the village Booči, Republic Altai

Picture 3. Stele Bar-Burgazy, Republic Altai

As for rock inscriptions, they were a way to apply to the spirits of the mountains; earlier, this function was fulfilled by carving pictures of animals, or *tamga*'s. According to Igor' Kyzlasov, the content of rock inscriptions is almost exclusively Manichean (Kyzlasov, I. L. 1994. Chapter V, Section 4; 2001a; 2001b).

Kyzlasov supposes that all this refers also to Old Turkic Runic inscriptions of the Altai

Mountains since the territory of Altai was a part of the Kyrgyz Kaghanate. He considers runic inscriptions here to be primarily ritual: they were carved after a prayer addressing the spirits of the mountains, instead of graffiti or a *tamga* sign meant for the same purposes earlier. In accord with these assumptions, Igor' Kyzlasov reads rock inscriptions of Mountainous Altai as direct addresses to the God and the spirits. However, some of Igor' Kyzlasov's readings of Altai inscriptions seem to be very far-fetched.

3. Critical analysis of some readings proposed by Igor' Kyzlasov

If we consider his logic we see here a few problems. The results of research on Yenisei inscriptions, even if we would agree to his interpretations and assumptions, cannot be applied to Altai inscriptions without a critical analysis of the achieved results and without an independent research on the Altai inscriptions that should not be influenced by theoretical imperatives. We argue that we should interpret the inscriptions basing on what is written and not on what is supposed to be written, or meant to be written. In this respect, Kyzlasov's reading of the inscription Bičiktu-Boom II/1 is very characteristic as an example of what we mean, see Picture 4.

Picture 4. The inscription Bičiktu-Boom II/1 (A-14)

The inscription was found in the vicinity of the village Bičiktu-Boom in the Republic Altai. A local person T. I. Sabaeva showed this inscription to a Kazakh Turcologist Sejdakmatov in 1964. There is also a third line on that stone which we consider to be an independent inscription (see below); here, we agree with Kyzlasov (2000: 92). In the seventies of the twentieth century, this inscription was brought to the National Museum of the Republic Altai; that saved it because shortly after that many inscriptions of that rock got destroyed as a result of a road construction.

There are a few interpretations of this inscription, see Sejdakmatov 1964: 101; Tenišev 1966:

264–265; a full description and an analysis of the proposed readings are presented in Tybykova, Nevskaya & Erdal 2012: 55-56. Here we cite only the interpretation of Igor' Kyzlasov (2000: 92).

Kyzlasov's interpretation:

Transliteration:

1) $n^2r^2g\ddot{o}(\ddot{u})r^2\ddot{a}(a)$

2) $b^2t^2d^2m\ddot{a}(a)$

Transcription:

1) *en erig ör*

2) *bitidim*

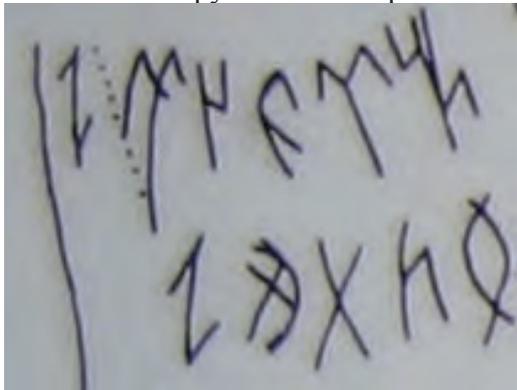
Translation:

1) *[My God,] stand out in front of a sinful man!*

2) *I have written (this).*

We do not agree to this interpretation on several reasons. The word *en* 'low' is rare in Old Turkic; it is met only in DLT and only concerning the landscape, but not applying to a person in the meaning 'sinful' as this interpretation presupposes (see EDPT). The verb *ör-* 'ascend, go upwards' is intransitive; it cannot be used with an accusative object, i.e. this interpretation is ungrammatical. The translation proposed by Igor' Kyzlasov is even more doubtful because he imagines that this was a direct address to the God to appear in front of the sinful man who wrote those lines. Nevertheless, this interpretation is very popular in the Republic Altai, e.g. this interpretation is cited as the reading of this inscription in the National Museum of the Republic where the stone with the inscription is exhibited.

Picture 5. A copy of the inscription Bičiktu-Boom II/1 (A-14)

We also could not read this inscription reliably. However, our interpretation is at least based on what was written. The second line is pretty clear. The first line allows for various readings.

Interpretation of Larisa Tybykova, Irina Nevskaya and Marcel Erdal (2012: 55-56)

Transliteration:

1) $n^2 r^2 g^2 \ddot{U} r^2 A$

2) $b^2 t^2 d^2 m A$

Transcription:

1) *n(ä) (ä)rgü (ä)r / n(ä) (ä)rgürä*

2) *b(i)t(i)d(i)m !*

Translation:

1) *a person who will become (someone) / what creating*

2) *I wrote.*

The first line can be interpreted in various ways. Firstly, it can be a name of the person who

wrote the inscription. It can be also read as *n(ä) (ä)rgü (ä)r a* ‘a person who will become (someone) where *-gü* is the obligation participle affix added to the verbal base *är-* ‘be’. However, *ärgür-ä* could be the vowel converb of the causative verb *ärgür-* ‘cause to be, create’: *(ä)r-gür-ä* BECAUSATIVE-CONVERB.

The second line is, most probably, *bitidim a!* ‘I wrote!’ with the rune *A* used as punctuation sign. This is a frequent feature of Old Turkic inscriptions of this region. Sometimes it is also used as a word divider. We can mention that the same sequence of characters can also be read as *(ä)v (e)td(i)m* ‘I built a house’, but considering the Altai context where we have many visitor’s inscriptions this interpretation is less likely than the first one.

The third line on this stone is another inscription, Bičiktu-Boom II/2 (see Pictures 6 and 7), written by a different person with different instruments, as the handwriting shows.

It was discovered simultaneously with the previous one and shares its fate. It is a vertical inscription consisting of 9 signs. Its length is 9 cm. The height of the characters is 2-2.5 cm. It was considered to be the third line of the inscription Bičiktu-Boom II/1 by Sejdakmatov and Tenišev who also proposed its reading (Sejdakmatov 1964: 101; Tenišev 1966: 264–265). Here, we cite only the reading of Igor’ Kyzlasov (2000: 94).

Kyzlasov’s reading:

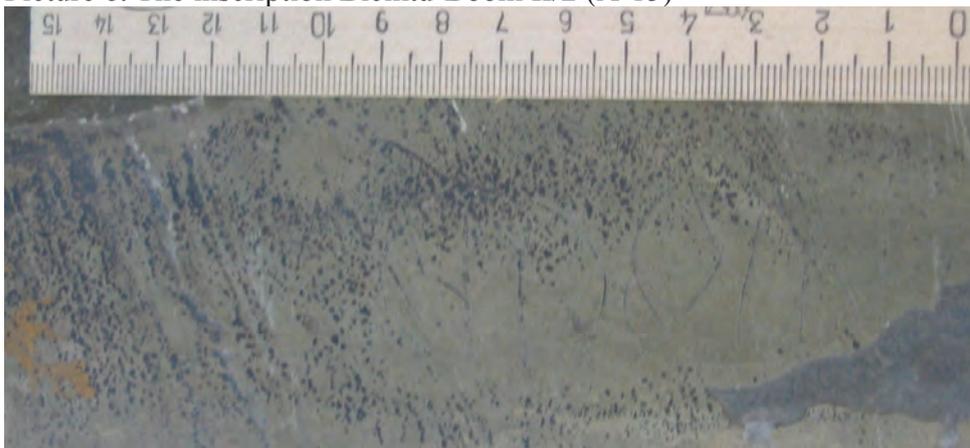
Transliteration: *kiš²io(u)γ l²η²g*

Transcription: *kiši oγliηiγ*

Translation: *(And appear in front of) your son of a man!*

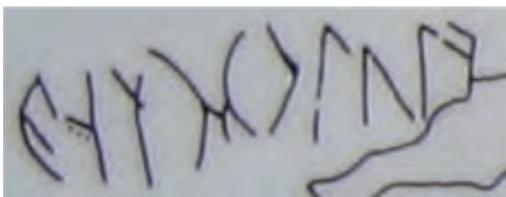
Kyzlasov considers this inscription to be an address to the God with a request to appear in front of the person who wrote this inscription. Irrespective of the assumed religious ritual here, this interpretation is ungrammatical because the accusative affix *-iγ* cannot be used after the possessive suffixes. After possessive suffixes, another marker of the accusative was used: *-nI*. Furthermore, the word *kiši* is untypical as an attribute in Old Turkic. The reading *oγliηiγ* is doubtful also because we have *l²* here used in stems with front vowels.² However, we can suppose that the character was licensed by the presence of the vowel *i* in the word.

Picture 6. The inscription Bičiktu-Boom II/2 (A-15)

Picture 7. A copy of the inscription Bičiktu-Boom II/2 (A-15)

² An analysis of various interpretations of this inscription and our reading are presented in TYBYKOVA, NEVSKAYA & ERDAL 2012: 56-57.

Interpretation of Larisa Tybykova, Irina Nevskaya and Marcel Erdal (2012: 56–57)

Transliteration:³

k² I š¹ I U g¹ l² ŋ² g²

Transcription:

kiši ogl(i)ŋ (e)g

Translation:

Unite (tie together) your children and your people!

This is a possible reading of this inscription based on the text that we see here. Of course, it also presupposes that it was possible to use the palatal *l*² in words with back vowels – a feature found in many non-classical Old Turkic inscriptions in this region. Taken without a context, it is very unclear to whom it is addressed. In this respect, the reading of Kyzlasov seems to be more attractive for non-specialists. And again, his reading is exhibited in the museum where this inscription is preserved contributing to spreading of the myths concerning religious practices of that period.

Nevertheless, there are, of course, very interesting insights in Kyzlasov's works, and further research will show whether he is right as far as the role of Manichaeism in this region is concerned. Even if we cannot read the inscriptions we have discussed above in the way he proposes on grammatical grounds, and even if we will probably never be able to decipher them, as also many of Altai Runic inscriptions in a reliable way because of their brevity, lack of context, the degree of their detriment, etc., further research on Old Turkic runic in the Eurasian context may yield many interesting results. What we can say already now, is that some of Altai runic inscriptions could indeed have religious interpretations. We do not consider the interpretations we criticized above to present any linguistic evidence of religion and ritual practices of ancient Turkic tribes; however, it seems that Altai inscriptions have at least one instance of a religious term.

4. Linguistic evidence of religious content in some Altai inscriptions

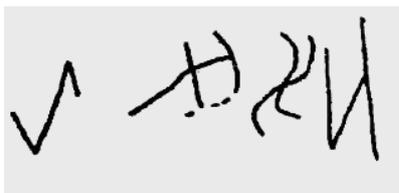
In one Old Turkic runic inscription on the rock Kalbak-Taš that contains thousands of petroglyphs, graffiti of the Old Turkic period, Old Turkic *tamga* signs and a remarkable collection of more than thirty Old Turkic runic inscriptions we find an instance of the word *r̄ši*, see Picture 8 and 9.

Picture 8. The inscription Kalbak-Taš VIII (A-28)

Picture 9. A copy of the inscription Kalbak-Taš VIII (A-28)

³ See NEVSKAYA 2011 on the Runic alphabet of the Altai Runic inscriptions and the use of the signs ŋ¹ and ŋ².

It was discovered by Okladnikova E. A. in 1980 during an epigraphic expedition of the Institute of Archaeology of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences. This is a vertical inscription situated somewhat aside the other Old Turkic inscriptions on plane I. It was studied for the first time by Vladimir Nadeljaev in 1980 and published by him in 1984. Later, quite a number of Turcologists did research on this inscription (see Nadeljaev 1984; Kyzlasov 2002: 84; Tybykova, Nevskaya & Erdal 2012: 76). It consists of 4 signs; its length is 5.3 cm; the height of the signs is 1.4-2.4 cm. Vladimir Nadeljaev saw 7 signs here having taken parts of the signs for separate signs.⁴

Reading of Kyzlasov:

Transliteration: *r'zma*

Transcription: *(a)rz(i)m*

Translation: *My saint!*

(Kyzlasov 1984: 101)

Our interpretation is practically identical with that of Igor' Kyzlasov.

Interpretation of Larisa Tybykova, Irina Nevskaya and Marcel Erdal (2012: 76)

Transliteration: *r' z m/b² A*

Transcription: *(a)rž(i)m-a !*

Translation: *Oh, my r̥ši!*

The inscription has preserved quite well, as also the segment of the rock where it is. We can assume that it was the intention of the scribe to write exactly this word. We cannot also think of any other possible reading of the word. It seems that that rock had served also religious purposes for ancient Turkic tribes, as it did for other people during a few millennia (Kubarev 2011).

This instance of writing of this word is extremely interesting for Old Turkic studies. We have not encountered its writing in the runic writing system before. The UW of Klaus Röhrborn cites this word as *arži*, noting that it is a certain loan from Sanskrit where this word is *r̥ši* (UW, VI: 221). The prothetic *a* was added in Old Turkic in order to resolve the consonant cluster *r̥š*. The vowel was mostly pronounced as *a*, as Brahmi evidence shows, although there is also evidence that the word could be pronounced as *erži* oder *irži* as the writings *'yrzy* and *'yršy* presuppose. The UW further states that the word was apparently borrowed already with the voiced *ž*. UW gives the following writings of this word: *ārši*, *r̥ši*, *r̥ši* in Brāhmi, *'rzy*, *'rzy*, *''rzy*, *''rzy*, *'ršy*, *'ršy*, *''ršy*, *'yrzy*, *''yrzy*, *'yrzy*, *'yršy*, *'rzy* in the Uighur writing.

In the VATEC database (Nevskaya & Gehrke), we encounter two different writings of this word in two different writing systems: the Sogdian and the Uighur ones: the Sogdian script: *r̥š'yl'ṛ* and the Uighur script: *'rzyl'r*

The writing of this word in the Uighur writing was consistent as the texts of the VATEC database show. However, the VATEC approach to its transcription was not consistent: in some texts this word was transcribed as *arži*, in some as *ärži*. In fact, if we follow the conventions of the Uighur writing, this word should be read as *ärži* since we have just one *alif* in the beginning of the word which corresponds to an *ä*.⁵

Since we have first and foremost orthographic evidence for making assumptions concerning

⁴ See Tybykova, Nevskaya & Erdal 2012: 76 for a detailed analysis of all the readings of this inscription.

⁵ Issues of foreign loans in Old Turkic have not yet been sufficiently studied, as Jens-Peter Laut stated in (Laut 2003).

pronunciation if we deal with historical languages, we could think that we should be consistent and read this word as *ärži* if we would be using only the VATEC material. On the other hand, we sometimes have symbolic or historical writings of some words or affixes irrespective of their actual pronunciation. Thus, the Old Turkic version of the Sogdian script seems to render this loan word most close to the phonetic prototype, i.e. starting with *r* and preserving *š* while the writing of the vowel *i* is typical for the Sogdian script. However, the word has already got the Turkic affix of plurality. Therefore we can assume that the word was already pronounced according to the laws of Old Turkic phonetics with a resolution of the initial consonant cluster.

A great drawback of the VATEC database is that it does not have Old Turkic texts in the Brāhmi script because this script was the closest one to the pronunciation. As the UW states, there is some evidence of the Brāhmi script on the pronunciation of the word *arži*: an instance of writing the word as *ārši* (although mostly *rši*), and its usage in the alliterative verse (German *Stabreim*) with the word *alku*.

If we assume that the Altai inscription Kalbak-Taš VIII (and we actually should read the inscription in this way in case its language is Old Turkic!) does have this word, we might have further evidence in favor of transcribing this word with the initial *a*, since we have *r'* here. I would even propose to assume that the word already followed the laws of vowel harmony and should be written as *arži* as long as we cannot prove the opposite. The instance of *rzyl rnynk (aržilarniŋ)* in v08 (MaitrGeng1338), does not prove anything since *nk* here is a digraph expressing *ŋ*, see http://w2003server/vatec/vatecasp/Maitrisimit_0-2.htm#173307. We find numerous similar examples of this word with the digraph *nk* in the article devoted to *arži* in UW. This dictionary entry contains also quite a number of usages of this word with the dative and accusative case markers that distinguish velar and palatal consonants: *arži-lar-iġ* [rši-pl-acc], *arži-ka* [rši-dat], *arži-lar-ka* [rši-pl-dat], etc.

Of 13 instances of *arži* in the VATEC database, all have appeared in Buddhist texts including *Maitrisimit* and *Huanzang's biography*. It is, of course, a word connected with religious contents; however, it cannot be associated only with Manichaeism.

LITERATURE

1. DLT – Dankoff, R. & Kelly, J. = Maḥmūd al-Kāšġarī, 1982–1985. *Compendium of the Turkic dialects (Dīwān Luyāt at-Turk)*. Turkish Sources VII. Part I-III. Harvard: Harvard University.
2. DTS – Nadeljaev, V. M., Nasilov; D. M., Tenišev, Ė. R., Ščerbak, A. M. (Eds.) 1969. *Drevnetjurkskij slovar'*. Moskva.
3. EDPT = Clauson, G. 1972. *An etymological dictionary of pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: At the Clarendon Press.
4. Grjaznov, Mixail P. 1979. Taštykskaja kul'tura. In: *Kompleks arxeologičeskix pamjatnikov u gory Tepsej na Enisee*. Novosibirsk. 128-142. Kormušin, I. V. 1997. *Tjurkskie enisejskie ėpitaŋii. Teksty i issledovanija*. Moskva: Nauka.
5. Kormušin, I. V. 2008. *Tjurkskie enisejskie ėpitaŋii. Grammatika i tekstologija*. Moskva: Nauka.
6. Kubarev Vladimir D. 2011. *Petroglify Kalbak-Taša I (Rossijskij Altaj)*. Novosibirsk: IAĖT SO RAN.
7. Kyzlasov Leonid R. 1960. Novaja datirovka pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti. In: *Sovetskaja Arxeologija*. № 3. 152–161.
8. Kyzlasov L. R. 1965. O datirovke pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti. In: *Sovetskaja Arxeologija*. № 3. 38–49.
9. Kyzlasov, L. R. 1999. Manixejskij xram v kotlovine Sorga (respublika Xakassija). In: *Rossijskaja arxeologija*. № 2. 181–206.

10. Kyzlasov, L. R. 1998. Severnoe maniyejstvo i ego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Central'noj Azii. In: *Vestnik MGU. Serija 8. Istorija*. № 3. 8–35.
11. Kyzlasov, L. R. 2001. Sibirskoe manixejstvo. In: *Ėtnografičeskoe obozrenie*. № 5. 83-90.
12. Kyzlasov, I. L. 1975. Pominal'nye pamajtniki taštykskoj ėpoxi. In: *Sovetskaja Arxeologija*. № 2. 200-208.
13. Kyzlasov, I. L. 1994. *Runičeskaja pis'mennost' evrazijskix stepej*. Moskva: Vostočnaja literatura.
14. Kyzlasov, I. L. 2000. *Pamjatniki runičeskoj pis'mennosti v sobranii Gorno-Altajskogo kraevedčeskogo muzeja*. In: *Drevnosti Altaja*. № 5. 82–112.
15. Kyzlasov, I. L. 2001a. Smena mirovozzrenija v Južnoj Sibiri v rannem srednevekov'e (idei edinobožija v enisejskix nadpisjax). In: *Drevnie civilizacii Evrazii. Istorija i kul'tura*. Moskva. 243–270.
16. Kyzlasov, I. L. 2002. *Pamjatniki runičeskoj pis'mennosti Gornogo Altaja. Čast' I. Gorno-Altajsk*.
17. Kyzlasov, I. L. 2004. Manixejskie monastyri na Gornom Altae. In: *Drevnosti Vostoka. Sbornik k 80-letiju professora L. R. Kyzlasova*. Moskva. 111–129.
18. Kyzlasov, I. L. 2015. Religioznaja priroda enisejskoj pis'mennosti (pervoe približenie). In: Nevskaya, I. & Erdal, M. (Eds.) *Interpreting the Turkic runiform sources and the position of the Altay corpus*. Berlin: Klaus Schwaz Verlag, 2015. – P. 64-86.
19. Laut, J.-P. 2003. Methoden und Möglichkeiten der Wiedergabe von indisch-buddhistischen Termini im Alttürkischen. In: Sven Bretfeld/Jens Wilkens (Eds.). *Indien und Zentralasien. Sprach- und Kulturkontakt. Vorträge des Göttinger Symposions vom 7.-10. Mai 2001*. Wiesbaden. 13-24. (VdSUA. 61.)
20. Nadeljaev, V. M. 1984. Drevnetjurkskie nadpisi Gornogo Altaja. In: *Altajskij jazyk na sovremennom ėtape ego razvitija*. Gorno-Altajsk. 81–103.
21. Nevskaya, I. 2011. Some paleographic and orthographic features of Altay Runic inscriptions. In: *Orkhon Yazıtların.yn Bulunuşundan 120 Yıl sonra. Proceedings of the 3rd Runic symposium Orkun H.N. Eski Türk yazıtları*. 2. Cilt. Ülkü Çelik Şavk (Editor). Ankara. 589-599.
22. NEVSKAYA, I. A. (2014): Old Turkic Runic inscriptions of religious content in the Republic Altay: Myths and linguistic evidence. In: Raganin, E., Wilkens, J.: *Kutadgu Nom Bitig. Festschrift für Peter Laut zum 60. Geburtstag*. Wiesbaden: Harrassowitz. 313-326.
23. Nevskaya, I. A. and Gehrke, R. (2007). Ėlektronnyj korpus drevnetjurkskix textov doislamskogo perioda: (VATEC). In: Kljaštornyj, S. G. et al. (eds.). *Tjurkologičeskij sbornik 2006*. Moskva: Vostočnaja literatura. 246–260.
24. Röhrborn, K. 2000. Zum manichäischen Einfluß im alttürkischen Buddhismus. In: *Studia Manichaica, IV. Internationaler Kongreß zum Manichäismus, Berlin, 14.-18. Juli 1997*. Ronald E. Emmerick, Werner Sundermann und Peter Zieme (Eds.). Berlin: Akademie Verlag. 494-499.
25. Sejdakmatov, K. 1964. Drevnetjurkskie nadpisi v Gornom Altae. In: *Materialy po obščej tjurkologii i dunganovedeniju*. Frunze. 95–101.
26. Tenišev, Ė. R. 2006. Drevnetjurkskaja ėpigrafika Altaja. In: *Izbrannye trudy. Kniga pervaja*. Ufa: Gilem. 140–143.
27. Tybykova, L. N., Nevskaya, I. A., & Erdal, M. (2012). *Katalog drevnetjurkskix runičeskix pjamjatnikov Respubliki Gornyj Altaj*. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskoe knižnoe izdatel'stvo.
28. UW – Röhrborn, K. 1977–1998. *Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien*. Lieferungen 1-6. Wiesbaden.

**ТЕМАТИКА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ
В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ: МОЛИТВЕННЫЕ НАДПИСИ**

Невская Ирина Анатольевна

профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник

Институт эмпирической лингвистики

Франкфуртский университет,

Сектор языков народов Сибири

Институт филологии СО РАН

E-mail: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Тыбыкова Лариса Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой

кафедра алтайского языка и литературы

Горно-Алтайский государственный институт

E-mail: lar.tybykova@yandex.ru

Статья описывает древне-тюркские рунические надписи в Республике Алтай. Расшифровка этих надписей представляет собой серьезный вызов для тюркологов. Они в основном короткие, часто плохо сохранились, имеют знаки, не встречающиеся в классических рунических надписях долины реки Орхон в Монголии. Они более разнообразны по своему содержанию: наряду с текстами эпитафийного содержания, которые доминируют в Монголии и в долине реки Енисей и по его притокам, мы тут встречаем посетительские надписи, владельческие на предметах быта, а также философские и религиозные тексты. В данном исследовании мы обращаемся к надписям, которые, как предполагается, носят религиозный или молитвенный характер.

Ключевые слова: древнетюркские рунические надписи, Республика Алтай, древнетюркские религии.

**ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ –
ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ**

Саурыков Ерболат Байузакович,
*доктор филологических наук, профессор
ректор университета*

Таразский инновационно-гуманитарный университет, Тараз, Казахстан.

E-mail: e_sauykov@mail.ru

В статье рассматриваются древнетюркские письменные памятники, найденные в Средней Азии и Казахстане. Наряду с этим в данной статье дается краткий обзор истории происхождения и дешифровка некоторых надписей. В работе подчеркивается идея, что открытие и дешифровка рунических писем позволяют опровергнуть мнение об отсутствии письменной культуры у древних тюрков.

Ключевые слова: письменная культура, древнетюркская письменность, рунический алфавит, Орхон-Енисейская письменность, Таласская письменность

В настоящее время в Казахстане и других тюркоязычных странах одним из актуальных проблем, требующих своего решения на государственном уровне, является исследование рунических тюркских письменных памятников, истоки которых восходят, как это принято считать, не к периоду возникновения письменности, а к древней культуре гуннов и саков. В связи с этим проблематика данной статьи состоит в описании этнических и этнолингвистических факторов гуннов и саков – племен, составивших основу тюркского каганата, которые высекали на камнях древние письмена. Одна из крупнейших кочевых империй в Центральной Азии была основана в конце III века до н.э. [Назарбаев, 1999, с. 78]. Как известно из истории, великое гуннское ханство простиралось от Байкала до Тибета, от Центральной Азии до Хуанхэ и на протяжении многих лет господствовало на этой территории. Могущество тюркской державы оказывала мощное влияние на политическую обстановку соседних государств. Несмотря на то, что гунны относились к алтайским племенам, в их составе были племенные союзы и небольшие роды, говорящие на различных языках. При этом мы не исключаем тот факт, что среди них были и народы, говорящие на тюркском праязыке, феномен которого является объектом нашего исследования. Следует обратить особое внимание на то, что «проникновение прототюркских и протомонгольских племен на запад началось рано; уже у приуральских ираноязычных саков антропологи фиксируют монголоидную примесь. Именно “алтайские” племена были носителями монголоидного физического типа» [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 52]. Это означает, что достоверность этих исторических фактов подтверждается исследованиями западных антропологов, по мнению которых во внешнем облике приуральских сакских племен обнаруживается очевидное сходство с монголами.

Территория Средней Азии и Казахстана в I в. н.э. стала основным очагом культурных и языковых контактов племен и небольших родов, говорящих на ирано-угорских и алтайских языках и диалектах. Вследствие этого в процессе перемещения с востока на запад гуннских племен в первом тысячелетии нашего летоисчисления, а также в результате ослабления других племен, говорящих на разных языках, на территории Средней Азии формируется тюркский этногенез, т.е. начался процесс объединения тюркоязычных племенных союзов [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 80]. С начала I тысячелетия до н.э. на евразийских просторах постепенно происходят этнические преобразования. В качестве его основного проявления стало объединение на этой территории тюркоязычных племен, которые обосновали свое государство и переживали новый процесс своего развития. Между тем со второй половины I тысячелетия в результате улучшения социального положения жителей,

а также укрепления политической и территориальной стабильности в связи с общностью населяющих земель появилось несколько крупных государств, а именно: Южная Сибирь, Средняя Азия, побережья Нижней Волги и регионы Северного Кавказа, из которых образовались Первый тюркский каганат, Восточный тюркский каганат, Западный тюркский каганат, Тюркешский каганат, а также Уйгурский каганат и ханство аральских огузов. Научно обоснованным следует считать, что эпоху образования перечисленных выше союзов на обширной территории в истории называют древнетюркским периодом. Тюркский праязык на протяжении многих тысячелетий претерпевал различные эволюционные процессы и в настоящее время является своего рода «плодом» непосредственной преемственности всех тюркоязычных народов и консолидирующим фактором объединения тюркоязычных стран в евразийском пространстве. В свою очередь, и казахский язык, сложившийся в результате непрерывного, динамического развития возникновения и формирования языка, образует одну из основных ветвей тюркского праязыка. Существующие точки зрения и научные факты относительно поэтапного возникновения тюркского языка иллюстрируют истоки зарождения оригинальной древнетюркской письменности и ее развитие на каждом витке истории тюркской цивилизации. Действительно, памятники и надписи на камнях тюркских племен представляют собой историко-культурное наследие для будущих поколений и служат в настоящее время отражением прошлого. Именно поэтому возникновение нашей исконной письменности тесно связано с прославленными на весь мир племенами саков. Из истории известно, что тюркоязычные родоплеменные сообщества, основавшиеся на обширных землях Казахстана и Средней Азии, а также Южной Сибири, объединились под единым флагом и создали в середине VI века отдельное государство под названием «Тюркский каганат». Племенные союзы, вошедшие в состав этого каганата, разрушительные битвы и сокрушительные войны за свободу и независимость своего народа и освобождение земель от иноземных захватчиков. Походы тюркских родоплеменных сообществ, оборонявшихся от нашествий врага, окруживших их со всех сторон, были победоносными благодаря отваге и смелости бойцов, героическим поступкам и мужеству мудрых предводителей войск, а также единстве народа, служивших опорой и надежным тылом для них. Прославившиеся каганы Култегин, Тоникук, Билге, Бумын не только послужили примером для многих поколений, но и стали героями исторических и литературных эпосов и сказаний. Для того, чтобы увековечить их беззаветные имена и оставить в памяти народа, средневековые мудрецы и ученые мужья высекли на камнях тюркской клинописью надписи, свидетельствующие о существовании целой исторической цивилизации. Именно эти памятники, оставленные в наследие тюркскими племенами, как трансляторы общественно-культурной жизни древней эпохи и исторические реалии, информирующие о традиционно-бытовом укладе жизни тюркского средневековья, стали в настоящее время общим историко-культурным достоянием для всех тюркоязычных народов. Камни с тамгой, запечатлевшие все произошедшие события и тайну широких степей древних тюрков, подобно отваге настоящих батыров, пронесли сквозь тысячелетия и донесли до современных потомков реальность того времени, они как «говорящие» экспонаты воссоздают все исторические события в первоизданном виде.

Древняя письменность тюркоязычных народов в настоящее время известна всему миру своеобразием своей знаковой системы - родоплеменных тамг. В 1893 году существующая графика была обновлена еще одной новой знаковой системой. В результате многолетних исследований профессор Копенгагенского университета В. Томсен вновь «открыл» для потомков тюркских народов их древнюю письменность, которая оказалась в забвении. В настоящее время этот алфавит, известный в научной литературе как древнетюркская Орхоно-енисейская и Таласская письменность, подвергается всестороннему и глубокому исследованию в различных сферах отдельных тюркских языков. Древнетюркский алфавит

был предметом изучения в языкознании на протяжении многих лет и подвергался сравнению с системами письма, появившимися до и после него. Историю возникновения алфавита изучали такие известные ученые как В. Томсен, В.В. Радлов, Н. Аристов и др., труды, которых являются достоянием для последующих поколений. Научные положения исследователей и их теоретические постулаты послужили ориентиром того, в каком направлении и каким образом исследовать древнетюркскую письменность в перспективе. Между тем результаты этих исследований, проведенных еще в конце XIX – начале XX вв., служат основанием для дальнейших исследований в контексте научных парадигм, четко обозначившихся в XXI вв. В 70-80 гг. прошлого столетия с точки зрения новых исследовательских задач рассматривали древнетюркскую письменность такие ученые как Т.Текин, О.Н.Туна, А.С.Аманжолов, которые продолжали развивать точки зрения своих предшественников и привнесли важные открытия в знаковой системе древнего алфавита и способах его прочтения. Научно-исследовательские результаты вышеназванных ученых позволили вновь постичь таинство Орхоно-Енисейской и Таласской письменности, которая до настоящего времени толковалась однозначно согласно своей изначальной интерпретации. Это связано с тем, что в трудах В.В. Радлова, Е.С. Малов и др. наблюдаются пробелы и некоторые ошибки относительно неполного и неглубокого постижения природы тюркских языков, а также непонимания и неосознания скрытых смыслов в семантике слов. Наряду с этим исследователи не учитывали тот факт, что в особенностях прочтения письма присутствуют закономерности, присущие только для тюркских языков.

Древнетюркский рунический алфавит – это исконная азбука для всех тюркских народов. С точки зрения природного своеобразия и способах образования букв это знаковая система в настоящее время ничем не уступает алфавитам латинского, русского, китайского, арабского языков, более того, в эпоху тюркского каганата эта была одной из азбук, не имеющей себе аналогов. Именно поэтому каждый гражданин должен знать историю происхождения своей исконной письменности, оставшейся в наследие от великих степных предков. Древнетюркская Орхон-Енисейская, Таласская письменность в V-VIII вв. в качестве литературного языка тюркского средневековья представляла собой обработанную и нормированную систему письма. Как и современная арабская вязь и китайские иероглифы природа рунического письма таит в себе сокровенные тайны бытия. Об этом свидетельствует тот факт, что в знаковой системе алфавита обозначение звуков и их чтение имеет свой особый подтекст. Например, по своим отдельным особенностям передача гласных звуков этого алфавита соответствует системе гласных звуков арабских букв. Если рассматривать с точки зрения происхождения, то можно обнаружить взаимосвязь с отдельными знаками древнегреческого алфавита. Перечисленные сходства основаны лишь на сравнении с системой других азбук, поэтому какие-то общие признаки следует считать условными. На наш взгляд, необходимо обратить особое внимание на своеобразие древнетюркского алфавита. Если рассматривать фонетические особенности, то между гласными и согласными звуками этого алфавита существует взаимосвязь, которая не может быть понятной каждому носителю языка и коренным образом отличающаяся от системы современного алфавита. Эта взаимосвязь между гласными и согласными звуками обусловлена тем, что гласные из четырех знаков могут произноситься в восьми разных видах в зависимости от твердости и мягкости согласных звуков. Вместе с тем в устной речи эти гласные звуки опускаются внутри слова, т.е. в начале слова и его середине они не пишутся, материализуются только в конце слова. Примеры таких фонетических особенностей служат иллюстрацией того, что гласные древнетюркского языка отличаются от других систем алфавита и это, как правило, считается одним из его основных качеств.

Кроме того, и согласные звуки в древней Орхоно-Енисейской и Таласской письменности имеют свои отличительные особенности. Так, к ним относится разделение гласных на твердые и мягкие, присутствие нескольких знаковых вариантов, наличие звуковых сочетаний, состоящих из спаривания двух согласных. В настоящее время состав и структуру древнетюркского алфавита следует считать устоявшимися и полностью завершенной. Этот рунический алфавит свидетельствует о том, что письменная культура тюркских народов еще в ту древнюю эпоху была высоким уровне по сравнению с письменностью других народов. Высеченные на камнях надписи сохранили до настоящего времени образцы древнетюркского письма и спустя множество тысячелетий транслируют потомкам древних тюрков историческое прошлое их предков. Очевидно, что история происхождения этого письма тесно связана с историей определенного государства, его укладом жизни. До того периода, пока не была дешифрована древнетюркская письменность и раскрыто таинство рунического алфавита, среди ученых-исследователей не было единого мнения, напротив, предлагались разные трактовки и различные точки зрения относительно научного обоснования содержания письма. Именно поэтому имя В.Томсена, ставшего основателем научного изучения тюркской рунической эпиграфики и автором дешифровки алфавита, известно всему тюркскому миру. Он доказал, что автором рунических надписей были древние тюркские племена. Образцы древнетюркского письма, которое явилось историко-культурным наследием для будущих поколений, были найдены во всех регионах обширной территории Казахстана, а количество памятников увеличивается с каждым годом. На наш взгляд, в последние годы ослабевает интерес к изучению феномена этих древних памятников, что требует проникновенного отношения к ним как «трансляторам» историко-культурной информации. При этом необходимо пытаться определить их внутреннее содержание и сокровенный смысл, заключенный в загадочных для современного человека письменах. В условиях современности важным представляется и выяснение того, какую ценность представляют сохранившиеся памятники для казахского народа и какая информация запечатлена в высеченных на камнях надписях.

В тюркологии в зависимости от географической, содержательной и эпохальной значимости традиционно древнетюркские письменные памятники подразделяются на три большие группы: Орхонские, Енисейские и Таласские, среди которых последние относятся к ряду письменных памятников, обнаруженных в регионах южного Казахстана. Кроме того, средневековые достопримечательности и исторические места, представляющие собой непосредственный источник культурной информации о памятниках письменности, расположены в предгорных и озерных регионах. Поэтому ценные артефакты, имеющие отношение к истории, древней культуре, цивилизации и государственному устройству, языку и менталитету казахского, а также других тюркоязычных народов, необходимо искать именно в окрестностях этих регионов. С целью глубокого и всестороннего (лингвистического, литературного, исторического, политического и этнического) изучения тюркских рунических надписей, описывающих историю единого государства, необходимо освоить географическое расположение древних памятников. Наряду с этим определение древних культурных очагов и исторических объектов, имеющих отношение к казахскому народу, осознание их значимости и понимание внутреннего содержания знаков, в которых сокрыты сакральные смыслы, является долгом не только отдельно взятых ученых-исследователей, но и должно стать проблемой государственного значения, которая требует своего решения для преемственности будущих поколений. Духовные ценности казахского народа тесно переплетаются с его историей, поэтому исследование таких древних памятников целесообразно начинать с южных регионов нашей страны, именно на этой территории сосредоточены историко-культурные объекты, рассказывающие о жизни предков из далеких

эпох. Исторические письменные памятники, обнаруженные на территории Казахстана, в настоящее время не хранятся в областных и краеведческих музеях и специальных местах, в которых обычно хранятся исторические памятники. В последние годы остается вне поля зрения проблема организации и проведения научных экспедиций в русле реки Талас, а также в предгорья этого региона. На наш взгляд, необходимо создать небольшую экспедиционную группу, которая будет проводить поисковые работы по нахождению древних письменных памятников и их специальное исследование на территории современного города Тараз и его южных окрестностях, склонах гор Алатау и Карату, в регионах Улытау и Болаттау центрального Казахстана. В результате таких поисковых и научно-исследовательских работ можно получить новые достоверные факты об укладе жизни и мировоззрении наших предков, что внесет большой вклад в казахстанскую науку, но и обогатит историю всех тюркоязычных народов. В доказательство этому можно привести примеры поисковых работ, которые начались во второй половине XIX века и продолжались до 70-х годов XX века. В результате систематических и четко запланированных научных экспедиций были найдены и изучены памятники письменности. Следует отметить, что в промежутке этого времени в русле реки Талас и регионах южного Казахстана было найдено большое количество каменных плит и петроглифов, а также рунических надписей.

Вопросы исследования древнетюркских памятников в окрестностях Таласа, которая остается значимой и в настоящее время, не теряя при этом своей ценности, напротив, после распада советской власти интерес к истории и культуре древних предков только повысился и эта проблема стала одной из актуальных в современной историко-лингвистической науке, что берет свое начало в трудах академика В.В. Бартольда. 1893-1894 гг. ученый изучал земли Жетысу, в результате которого он внес большой вклад в развитие тюркологии как самостоятельной науки. Кроме того, большая заслуга в сборе и обработке ценных артефактов и достоверных данных о древнетюркских письменных памятниках на юге Казахстана и северных регионах Кыргызстана принадлежит объединению молодых археологов Туркестана, созданного в городе Ташкент. Поисковые и научно-исследовательские работы, проведенные объединением молодых археологов, одобрялись тюркологами и пользовались большим уважением среди исследователей древнетюркского наследия. В 1896-1897 гг. благодаря проведению совместных поисковых работ начальника Аулие-атинского уезда В.А. Каллаура и финского археолога Г. Гейкеля в окрестностях современного Тараза (ранее Аулие-ата) были найдены пять надписей, высеченные тюркскими рунами. В последующие годы на этой же территории (в 1897 году близ село Дмитриевка в ущелье Терексай, в 1898 г. в местности Айыртау-ой, а в 1925-1926 гг. в урочище Кайсар на побережье Иссыккуля) были обнаружены несколько древних надписей и высеченных на камнях узорами рисунков [Табалдиев, Солтобаев, 1999, с. 36].

В период установления советской власти проведение археологических раскопок и проблема изучения древних памятников письменности оставались без особого внимания. В 30-е годы XX века на территории Средней Азии была найдена палка с высеченными на ней древнетюркскими знаками. Эта система письма повысила интерес ученых, занимающихся графической лингвистикой, к феномену древнего письма по той причине, что в ней, помимо известных букв, встречались несколько неизвестных знаков. С целью того, чтобы раскрыть тайну этого письма и дать его интерпретацию были привлечены несколько ученых, которые предлагали свои варианты его прочтения: С.Е.Малов (1936 г.), Х.Н.Оркун (1940 г.), А.М.Щербак (1959 г.) и др. В 1948 г. ученый-тюрколог, археолог А.Н. Бернштам около побережья реки Иртыш в Казахстане находит руническое письмо, высеченное на предмете (зеркале), сделанном из бронзы. Впоследствии распространяется информация о том, что в районе Шемонаиха Восточного Казахстана, был найден еще один объект древнетюркского

письма. В 1960 г. Ф.Х. Арсланова, проводившая раскопки в руслах реки Иртыш, находит амулет, сделанный из костей, на котором были обнаружены надписи. Известный тюрколог, профессор А.С. Аманжолов рассматривает эти и другие найденные исторические артефакты как предметы быта, которыми пользовались древнетюркские племена в повседневном быту, а система знаков, обнаруженные на них, это азбука наших предков [Аманжолов, 1996, с. 42]. В 1970 годы Иссыкском кургане на побережье реки Или было найдено несколько предметов быта, которые служили отражением культуры древних сакских племен. В результате таких археологических раскопок была найдена серебряная чаша с руническим письмом, состоящим из 26 знаков, высеченных в два ряда. Дешифровка этой клинописи с целью определить ее смысл и ценность привела к разногласию среди ученых, каждый из которых отстаивал свою точку зрения. При этом историко-культурная ценность этого письма, найденного в сакском кургане, с течением времени все больше возрастала. Во-первых, буквы, высеченные на чаше, немного отличаются от некоторых знаков древнетюркского письма, встречающихся в письменных памятниках VI-VIII вв. Во-вторых, обнаруженное письмо, по определению археологов, это плод сакской эпохи. Поэтому система письма, по сравнению с обнаруженным ранее древнетюркским алфавитом, на V-VI вв. древнее. Такие сведения подтверждают тот факт, что истоки нашей письменной культуры восходят к еще к древней эпохе саков и гуннов. В настоящее время в регионах, на территории которых проживали древнетюркские племенные союзы, все еще находятся предметы быта и домашнего обихода, каменные плиты с руническими надписями. Безусловно, они таят в себе много не разгаданных потомками тайн и смыслов. К примеру, в последнее время в Наманганском, Ферганском, Кашкадарьинском районах Узбекистана были найдены несколько предметов, использованных когда-то древними племенами.

Такие бесценные артефакты могут быть найдены в любом регионе нашей страны. В случае если такие находки будут еще обнаружены и изучены археологами и тюркологами, это окажет огромное влияние на развитие истории и культуры тюркских народов и послужит доказательством исторических фактов о существовании целой тюркской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аманжолов А.С. Түркі филологиясы және жазу тарихы. Алматы : Санат, 1996. 126 б.
2. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992. С. 374.
3. Назарбаев Н. Тарих толқынында. Алматы: Атамұра, 1999. 288 б.
4. Саурыков Е.Б. История и дешифровка рунических писем найденных в Средней Азии // «Ізденіс – Поиск». Алматы, 2000. № 4-5. С. 17-22.
5. Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи в Кочкорской долине // Мээрим. – 1999. № 2. С. 36–37.

ТИПОЛОГИЯ ЖАНРОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЭПОСА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Ибраев Шакимаширп

*доктор филологических наук, профессор
факультет международных отношений*

кафедра тюркологии

Евразийский Национальный

Университет им. Л.Н. Гумилева

Астана, РК

E-mail: sh.ibraev1950@mail.ru

Статья посвящена типологическому анализу жанровых разновидностей эпоса тюркоязычных народов. Выявляются историко-стадиальные ряды эпических произведений, которые определяются, как и в художественно-эстетическом, так и в историческом аспектах. Таким образом, принципы художественного познания истории рассматриваются на материале героико-архаического, историко-героического и собственно исторического эпосах. Данные принципы представлены также как последовательные стадиальные ряды эпической традиции.

Ключевые слова: типология, жанровая разновидность, архаический эпос, героический эпос, исторический эпос, стадиальный ряд, историзм, поэтика.

В последние десятилетия изучение живой эпической традиции народов Сибири, Центральной Азии и Кавказа вышло за рамки интерпретации местного гуманитарного понятийного аппарата. Востребованность антропологических подходов к решению типологических проблем живой эпической традиции, по нашему убеждению, не определяется – и уже тем более не ограничивается – понятием литературно-художественной особенностью эпоса. Прояснение стадиальной специфики эпоса, как, впрочем, и определение его социально-антропологических функций, неизбежно подразумевает постоянное сопоставление различных форм, мотивов и сюжетов эпического текста в межэтническом и межрегиональном контексте.

В такой перспективе современный специалист по тюркскому фольклору должен быть не только антропологом, но и историком, поскольку социальное значение изучаемых нами эпических памятников не может быть понято без учета социально-исторической обусловленности тюркских народов в прошлом.

Эпическое наследие тюркских народов представлено во всех жанровых разновидностях эпоса, которые как сейчас принято в фольклористической науке, определяется как стадиальный ряд. Это – героико-архаический, историко-героический и собственно исторический эпос.

«К двум последним эпосам сопутствуют, в той или иной мере романический и балладный»[Гацак, 1975, с. 4].

«Разностадиальность и полистадиальность, присущие эпическому наследию тюркских народов, способны прояснить многое, а именно как развивалась эпическая традиция не только в конкретном хронотопе, но и в пределах родственного стадиального ряда. Сегодня, в условиях сложного многопланового исследования, происходящих во всех сферах науки, в контекст фольклористики должен вписаться понятие «историческая парадигма», которое по отношению к всеобщей глобализации сохраняет рефлексивную дистанцию. В нашем случае понять природу исторического бытования эпических жанров фольклора тюркских народов с древнейших времен до наших дней.

Представляется, что историческое движение возникновения и развития тюркской эпической традиции происходило в недрах раннего кочевого общества, признаки которого в большей степени сохранены в эпосах Сибири и Центральной Азии. Как показывает исследовательская практика, обширный фольклористический материал этих регионов выявляет основные *несущие конструкции* всей тюркской эпической традиции. При этом движение этой традиции по всей вероятности происходило от архаического к героическому, от героического к историческому, что соответствует географическому распространению тюрков от Сибири до Малой Азии. Иными словами, архаический пласт эпической традиции более четко прослеживается в эпосах народов Сибири, чем у тюрков Центральной Азии, тем более у тюрков Кавказа и Малой Азии.

Здесь мы имеем дело с общей мифопоэтической основой (определение Леви Стросса), которая проявляется, прежде всего, в общей структуре, композиции, мотивах и сюжетах, в героизации и идеализации богатыря.

Это обстоятельство определяет общую типологическую характеристику разностадийной эпической традиции тюркских народов во временном и пространственном расположении. Поэтому в типологическом плане конкретный эпический материал должен сочетаться с фиксацией общих значимых черт исторического и социального мифопоэтического порядка.

Теперь, если объединить в единую исследовательскую рамку те особенности поэтики и типологии, о которых пишут авторы концепции прямых и причинно-следственных связей эпоса с историей, и авторы освещающие все историческое поле через призму поэтики, то можно увидеть узнаваемые черты исторической парадигмы эпоса тюркоязычных народов. А именно, выявления жанровых разновидностей народного эпоса с его поэтическими формами и особенностями в исторической динамике и стадийной последовательности.

При этом можно выделить три основные географические особенности тюркского эпоса, которые, в целом, характеризуются общностью эпической традиции и которые в той или иной степени соответствуют по своим историко-типологическим и поэтическим признакам указанным выше стадийным рядам.

Эпос народов Сибири. Здесь этническая и историческая общность народов, населяющих огромную территорию данного региона, очевидна. Причем она имела место не только в древности, но и не прерывалась в течение многих веков. Несмотря на разбросанность по просторам Алтая и Саяна, длительное время непосредственные контакты имели алтайцы, хакасы, тувинцы и шорцы [Пухов, 1975, с.12].

Это обстоятельство содержательно определяло не только мировоззренческий концепт, но и генерации поэтической традиции. Здесь можно выделить следующие основные признаки эпического изображения действительности:

- повествование строится вокруг борьбы героя с чудовищами, которые постепенно заменяются реальными персонажами такими как хан, насильник, и др. Причем в более поздних эпосах одновременно присутствуют и те, и другие [Пухов, 1975, с.19].

- «описание родового священного дерева – «хранителя» и «оберегателя» жизни героя...» Эпическое дерево объединяет подземный, средний и верхний миры и характеризует мифическое мироустройство древних тюрков [Пухов, 1975, с.20,25].

- описание движений героя и его врага «сопровождается всеобщим потрясением природы», т.е. необыкновенной гиперболизации мощи главного героя и его противников, присутствуют огромные пространственные и временные измерения [Пухов, 1975, с.26-31].

- «космический» характер описания коня и его снаряжения. Конь часто небесного происхождения [Пухов, 1975, с.36,41].

- «поиски запрятанной души богатыря и связанные с этим столкновение противников, обернувшихся животными» [Пухов, 1975, с.43].

В эпическом наследии тюркских народов Сибири присутствуют и архаические, и героические эпосы. Несмотря на то что историко-героические эпосы относятся к более позднему периоду в истории фольклорной традиции, в данном случае обращает внимание несомненное преобладание архаических элементов. Здесь основополагающие принципы изображения действительности еще недостаточно дистанцировались от мифологического мировоззрения [Пропп, 1958; Жирмунский, 1960; Жирмунский, 1962; Жирмунский, 1974; Пухов, 1962; Мелетинский, 1960; Мелетинский, 1963; Емельянов, 1980; Лебедева, 1981; Лебедева, 1982; Неклюдов, 1984; Суразаков, 1985; Байсклан, 1987].

Исследования показывают, что общность древних этнических и исторических истоков тюркских народов отражается прежде всего в художественно-воззренческих принципах эпического изображения. В этом плане типологическое сходство проявляется «в способах выражения образного освоения действительности от одной эпической формации к другой (от мифологизированного изображения к фигуративному)» [Гацак, 1989, с.3].

Эпос народов центральной Азии. Важнейшим содержательным компонентом этого региона является утверждение принципа «историчности» эпических событий и героев эпоса. Это происходит потому, что эпос становится частью государственной идеологии.

Нормы архаической борьбы (борьба с чудовищами, мифическими существами, злыми силами природы и т.д.) переносятся на нормы исторической этики, т.е. на борьбу с конкретным историческим врагом. Эпический тезис борьбы сводится к сохранению независимости государства и единства народа. Соответственно изображение эпических героев и событий приобретают «исторический» характер, хотя мы знаем, что эпос не всегда отражает конкретные исторические события. История здесь представлена как бы в народной интерпретации. Но при этом четко прослеживаются основные сюжетные структуры архаической эпической традиции: кольцевой принцип сюжета (начало и конец событий в одном и том же месте, временные и пространственные принципы изображения действительности и др.) [Жирмунский-Зарифов, 1947; Жирмунский, 1974; Мақсетов, 1965; Путилов, 1970; Путилов, 1988; Фабдуллин-Сыдықов, 1972].

Эпические традиции тюркских народов Кавказа и Малой Азии. Здесь в большей степени присутствуют эпосы собственно исторического и романического характера. Разностадиальность явлений проявляется в эволюции исторических и художественных принципах эпического времени. Выявляя типологию собственно исторического эпоса прежде всего, необходимо обратить внимание на «характер и своеобразие эпической действительности (эпический мир) и героев» [Путилов, 1971, с.22]. В этом плане эпический мир в историческом эпосе, больше чем в каком-либо жанре приближен к реальной действительности. Различные аспекты социально-общественной жизни, их проблематики обращены к реальной исторической эпохе [Путилов, 1975, с.179].

Важнейшим содержательным компонентом такой трансформации является утверждение моральной этики на фоне социальной несправедливости, правила поведения в различных конфликтных ситуациях [Каррыева, 1990, с.31].

Представляется, что такое изменение происходит и в поэтике романических дастанов [Короглы, 1975, с.131-143; Велиев, 1984], «которые уже являются примером взаимодействия фольклорного и литературного творчества» [Мирбадалева, 1975, с.111].

Совершенно очевидно, что сжатость настоящего изложения, не позволяющая развернуть анализ и сопоставления текстовых материалов эпоса, не раскрывает исторической трансформации поэтики жанровых разновидностей эпоса тюркских народов в целом. Тем не менее, представление эпической традиции тюркских народов в такой стадиальной последовательности и в такой жанровой дифференциации, имеют реальную историко-типологическую основу. Целью же настоящей статьи, было вкратце обобщить жанровые

разновидности эпоса тюркских народов как результат длительных историко-художественных поисков, которые в свою очередь характеризуются как историко-стадиальный ряд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байсклан С.М. Поэтика тувинского героического эпоса. Кызыл, 1987.
2. Велиев К. Дастан поэтикасы. Баку, 1984.
3. Гацак В.М. Предисловие//Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975
4. Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени. М.: Наука, 1989
5. Ғабдуллин М., Сыдықов Т. Қазақ халқының батырлық жыры. Алматы, 1972.
6. Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М., 1980
7. Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947.
8. Жирмунский В.М., Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.
9. Жирмунский В.М., Народный героический эпос. М.-Л., 1962
10. Жирмунский В.М., Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974.
11. Каррыева А. Поэтическая система эпоса «Героглы».: Ашгабад, 1990.
12. Короглы Х.Г. Поэтика дастанного эпоса//Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975.
13. Лебедева Ж.М. Архаический эпос Эвенов. Новосибирск, 1981.
14. Лебедева Ж.М. Эпические памятники Крайнего Севера. Новосибирск, 1982.
15. Мақсетов Қ. Қарақалпақ қахармандық дастандарының поэтикасы. Ташкент, 1965.
16. Малетинский Е.М. О генезисе и путях дифференциации эпических жанров//Русский фольклор. Т.5-М.-Л.: Наука, 1960.
17. Малетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.
18. Мирбадалева А.С. Общие черты и специфика туркменских и узбекских романических дастанов//Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975.
19. Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984.
20. Пропп В.Я. Русский героический эпос. 2-е издание – М – Л., 1958.
21. Путилов Б.Н. Эпическое сознание и эмпирическая достоверность//Прилози за книжност, език, историу и фольклор. Белград, 1970. кн. XXXVI. Св. 1-2. С. 14-18.
22. Путилов Б.Н. Русский и южнославянский эпос. М.: Наука, 1971.
23. Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма//Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975.
24. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.
25. Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М.: Наука, 1962.
26. Пухов И.В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различие//Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975.
27. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М. 1985.

TYPOLOGY OF GENRE VARIETIES OF EPOS OF THE TURKIC NATIONS

Ibraev Shakimashrip

Dr, Professor

Department of International Relations

Turkology Department

Eurasian National University

of the name of L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

E-mail: sh.ibraev1950@mail.ru

The article is devoted to typological analysis of genre varieties of epos of the turkic speaking nations. Reveals historico-stadial series of epic works, which are defined not only in the artistic-aesthetic but also in historic aspects. Thus, the principles of knowledge of the history of art are considered on the materials of the heroic-archaic, historic-heroical and actual historical facts of eposes. These principles are presented as consistent stadial ranks of epic tradition.

Key words: typology, genre variety, archaic epos, heroic epos, historical epos, stadial series, historicism, poetics.

**ЗАМЕТКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАМГ НА МОНЕТАХ
ЗАПАДНО-ТЮРКСКОГО КАГАНАТА**

Бабаяров Гайбулла Баллыевич

доктор исторических наук,

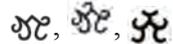
научный эксперт,

Международная Тюркская Академия, Астана

E-mail: gaybullah@mail.ru

В этой статье автор на базе тамги нумизматического материала из оазисов Средней Азии (Чачский / Ташкентский оазис), а также тамги на скалах Семиречья изучает генезис тамг Западно-Тюркского каганата. Как было отмечено нашими исследованиями, на примере лираобразный тамги и ее различных версий, они были отчеканены правителями Западно-Тюркского каганата, династиями Ашина. Об этом свидетельствуют такие титулы как *жабгу*, *джабгу-каган* и *каган*, который отражены в легенде монетах данного Каганата.

Ключевые слова: Западно-Тюркский каганат, Ташкент, монеты, тамговые знаки, Ашина, горный козел.

Сегодня, в результате изучения нумизматического материала эпохи раннего средневековья, происходящего из Чачского (Ташкентского) оазиса, нами было выявлено свыше 20 типов монет с десятками их вариантов, чекан которых был непосредственно связан с Западным-Тюркским каганатом (568-740)¹. Основными факторами, позволившими связать данные монеты с этим государственным объединением, явились их иконография, тамговые знаки и титулатура, нашедшая отражение в их монетных легендах. Если, на большей части монет Чачского оазиса, чеканенного Западным-Тюркским каганатом составляет монеты с образными тамгами, на одном типе (якорь) образная тамга, то на следующих типах встречаются (ромбовидные) образные тамги (см. Рис. I).

Учение следующих фактов позволило нам связать с Западным-Тюркским каганатом данных монет:

1) соответствие и последовательность титулов: “жабгу”, “джабгу-каган” и “каган”. Как известно из письменных источников данные титулы были присуще верховным правителям Западного каганата, господствовавшим в ту эпоху в регионе;

2) имена и титулы конкретных правителей: “Тюрк-каган”, “Тун джабгу-каган”, “Тон-каган”, “Джабгу-каган Йелби Ишбара”. Эти имена и титулы в этот период отмечены только в связи с Каганатом;

3) схожая иконография: манера исполнения изображений, занявших место на монетах (портрет правителя в фас, изображения правителя сидящего на троне, коня, всадника, сидящего рядом друг с другом правителя и правительницы, всадника и женского персонажа перед ним, а также парный портрет правителя и правительницы (*жабгу* / *джабгу-каган*

¹ Среди исследователей не имеется единства относительно даты образования и прекращения существования Западно-Тюркского каганата. Однако более приемлемо считать, что хронологические рамки существования этого каганата охватывает 568–740 годы. Так как, разгром Эфталитов и поход против Аваров на запад в Восточную Европу произошли во второй половине 560-х годов (около 568 г.), это дает возможность считать, что учреждение управления Западного крыла и назначение его главой Истеми ябгу произошло примерно в 568 году. Хотя в 699 году власть Западного каганата в Семиречье перешла в руки династии Тюркшей, но некоторые представители династии Ашина сохранили свою власть на некоторых территориях до 740-х годов. Каганат был ликвидирован в 740 году, когда туркешский полководец Мохэ дагань (Бага-тархан) убил Ашина Синь – последнего представитель династии Ашина [Бичурин, 1950, I, с. 296].

/ каган и хатун) практически однотипна. В частности, длинные, спускающиеся до плеч волосы, округлые лицо без бороды у правителя, одежда на нем, жест руки и др.

4) Несмотря на небольшие различия тамги, занявших на монетах, чекан которых мы связываем с Западно-Тюркским каганатом, они восходят к общему прототипу (ср. , ,). Для этих монет характерно не только преемственность верховных титулов *жабгу* → *джабгу-каган* → *каган*, но и последовательность в изменении формы тамги. Так на первых анэпиграфных монетах и монетах с титулом *жабгу*, тамга имеет первоначальную, простую без дополнительных элементов форму - , на монетах с титулом *джабгу-каган* тамга приобретает дополнительный элемент - , а монетах с титулом *каган* имеет более стилизованную форму - (ср. - - ; см. Рис. 1). Основываясь на этом можно говорить, что монеты, имеющие тамгу более простой формы не могли быть чеканены после монет с более стилизованной тамгой. Соответственно, первую тамгу следует отнести к первому этапу становления Западно-Тюркского каганата в качестве самостоятельного государства – *Ябгуйству*, вторую ко второму этапу – *Ябгу-каганат*, а последнюю к третьему этапу – *Каганат*, и это не только не противоречит сведениям письменных источников, а наоборот находит свое подтверждение в них.

Такая последовательность подтверждается не только формой тамг и титулами, занявшими место на монетах, но иконографическими особенностями, что особенно характерно для монет с изображением парного портрета правителя и правительницы. Таким образом, мы можем говорить о том, что изменение тамги на монетах Западного каганата с историей его развития, точнее с этапами его становления в качестве независимого государства и это позволяет сделать предположение, что по-видимому эти изменения в форме тамги были сделаны сознательно: - - . Т.е., скорее всего, это было связано с легитимацией.

Несмотря на эти аргументы, прочтение в легендах монет этой группы, чеканенных в Чаче с тамгами , , названий различных областей (напр. Э.В. Ртвеладзе: 1) *ZNH pny tdwnk č[’č]ynk* - “Эта деньга тудуна Чачского», 2) [*ZNH*] *pny tdwn šwy’..* - “[Это] деньга тудуна Ш/Савгарского”, 3) “*č(?)ny* (топоним) правитель *xnzkdnn* и др.), выявление в них различных имен и титулов (напр. MRWY, xwβ, Tudun), а также связывание их чекана с различными династиями [см. Ртвеладзе, 2006, с. 60-63, 88-96; Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 80-81, 85, 98] не только не имеет под собой реальной основы, но вместе с тем не дает никаких научно обоснованных выводов.

Как известно, Западные тюрки, начиная свой монетный чекан, с одной стороны, находились под влиянием иконографии монет Византии (в частности, имперские сюжеты), а с другой стороны, они восприняли традиции чекана монет местной династии Чача с тамгой в форме (техника чекана, размер, вес, язык, палеография и т.п.). Однако тамга на монетах Западно-Тюркского кагана совершенно отличается от тамги, занявших место на монетах местной династии Чача. К тому же, тамги, занявшие место на монетах вассальных от Западных тюрков оазисных владений (Самарканд (), Бухара (), Уструшана () и др.), имевших свой самостоятельный чекан [см. Смирнова, 1981, с. 20-33], также не имеют никакого сходства с тамгами на монетах Каганата. Если предположить, что тюрки, возможно, заимствовали тамгу от Эфталитов, господствовавших в регионе непосредственно перед ними, то такая возможность не представляется возможной по ряду причин. Во-первых, тамги, занявшие на место на монетах обоих государств, отличаются друг от друга: ср. / / (Западно-Тюркский каганат) - (Государство Эфталитов)². Во-вторых, на

² Из сведений письменных источников известно, что до 60-ых гг. VI века на значительной территории Средней Азии господствовали Эфталиты, чье государство было главным препятствием для завоевания

каком основании Каганат мог воспринять тамгу своих главных противников – Эфталитов? С другой стороны, какими аргументами можно привести в пользу предположения о том, что на каком основании Каганат мог заимствовать тамгу от своих вассалов? Если между тамгой Каганата и тамгами его вассалов имелось явное сходство, то положение было бы другим. Однако отсутствуют конкретные доказательства, подтверждающие это. Следует отметить, что схожие тамги заняли место на монетах Ферганы, Панча и Тохаристана эпохи Каганата [Смирнова, 1973, с. 173, 178; Ртвеладзе, 2006, с. 119; Пидаев, Баратова, 2006, с. 172-182]. Их чекан связан с тюркскими династиями, правившими в этих областях и происхождение которых было связано с правящим родом Ашина.

Так, на монетах Ферганы, наряду с тамгой в форме , которая имеет близкое сходство с тамгами на монетах Чача, занял место изображение правителя, имеющий тот же физический облик, что и изображения правителя на монетах вышеупомянутого региона. Кроме того, на них имеются легенды древнетюркским руническим и согдийским письмом. На других монетах Ферганы, на которых имеются немного отличающиеся тамги (, , ,), занял место титул «каган», переданный согдийским письмом. Чекан этих монет можно связать с одной из ветвей правящего рода Ашина, которое в 630-х годах установила власть в Фергане [Бичурин, 1950, II, с. 319; Chavannes, 1903, с. 48]. Наличие на монетах Тохаристана с тамгой / согдийского термина *prn* “фарн / благодать”, с учетом таких фактов, по мнению большинства исследователей [Баратова, Лившиц, 2002, с. 21-23], распространение согдийского языка Тохаристане была связана с деятельностью Тюркского каганата и верховная власть в этом регионе находилась в руках династии Тохаристанских ябгу, происходивших из рода Ашина [Бичурин, 1950, II, с. 321], позволяет связывать данную тамгу с этой династией. Монеты Панча середины VII–первой четверти VIII вв. относятся к местной династии тюрко-согдийского происхождения [Лившиц, 1979, с. 56-69]. Как сведения письменных источников, так и нумизматический материал позволяет говорить с большой долей вероятности о том, что эта династия была связана своим происхождением с родом Ашина.

Таким образом, становится ясным, что группа монет Чача с тамгами , , относится к династии Ашина. Однако «отсутствие» находок идентичных тамг на территории «государственно улуса» (Чу–Талас–Джунгария) Западно-Тюркского каганата с центром в Семиречье, а также на землях Восточно-Тюркского каганата с центром в Отюкене (Монголия), составляет определенную проблему. В ряде своих публикаций мы связывали происхождение упомянутых тамг, имеющихся на монетах Западно-Тюркского каганата с тамгой в форме , которую исследователи считают «ханской тамгой» династии Ашина и занявшей место на стелах Кюль тегина, Бильге кагана и ряде древнетюркских памятников, относящихся к кругу памятников Восточно-Тюркского каганата (ср. > / > / > /).

Некоторые исследователи характеризуют это мнения в качестве “точки зрения, которое мало аргументировано”, что заслуживает внимания. Так, если не имеется никакой связи между тамгой на стелах и тамгами, занявшими место на монетах, то тогда какая тамгу следует относить к Западно-Тюркскому каганату? т.е., при известной тамге Восточно-Тюркского каганата, которая заняло место на стелах в Монголии, до сего дня не поднимался вопрос о том, имелся ли какой либо знак, который мы могли бы назвать «тамгой Западно-Тюркского каганата»? Как показывает материал, находки тамг, схожих с тамгой в виде

Каганатом всего Среднеазиатского Междуречья [см. Бичурин, 1950, I, с. 229; Феофилакт Симокатта, 2005, с. 624. Буряков, 2002, с. 12].

горного козла, занявшей место на Орхонских стелах, на территории Западного каганата нам не известны. Напротив, на ряде находок древнетюркских рунических надписей происходящих из территории Западного каганата (Семиречье и его округа), в частности, на наскальных надписях из Кочкорской долины заняли место тамга в форме , , , которую некоторые ученые связывают с этим Каганатом. Так, по мнению С.Г. Кляшторного, они являлись родовым знаком родо-племенного объединения Он Ок, т.е. Западного-Тюркского каганата и относятся к началу VIII века [Кляшторный, 2003, с. 295]. Изучавший эти надписи Р. Алимов считает данные тамги изображением рогов барана и отмечает, что они встречается во многих местах Семиречья и Центрального Тяньшана [Alimov, 2001, s. 6-10].

Как видно, тамга на монетах Западно-Тюркского каганата в форме и тамга в форме , хотя и не имеют абсолютного сходства, но очень вероятно, что они относятся к одной династии. Кроме того, во многих местах Семиречья, в особенности, на памятниках эпохи Тюркского каганата, найденных в Чу-Илийском междуречье бы ли выявлены тамги в форме , , [см. Рогожинский, 2010, с. 342, Рис. 4; Самашев и др., 2010, с. 88, 101-101, 164] и некоторые из них проявляют значительное сходство с тамгами в форме , которая имеется на монетах Западного каганата. В частности, заслуживает внимания и тот факт, что близкие по форме тамги были выявлены на Алтае, и они называются местным тюркским населением «рогом барана» [Ямаева, 2004, с. 4, 8, 11].

Во всяком случае не исключено, что отсутствие идентичности между тамгами, имеющихся на монетах и скальной поверхности, объясняется особенностью материала, на поверхности которых они заняли место. Т.е. не следует ожидать идеального сходства формы между тамгой, выполненной на металле, который удобен для нанесения различных изображений, и тамгой, занявшей место на камне, который имеет противоположные металлу качества.

Кроме того, следует отметить, что тамги Западно-Тюркского каганата, занявшие место на монета Чача относятся к ранним этапам его истории, а тамги из Семиречья более к поздним этапам истории Каганата. Так как, хотя некоторые разновидности тамг, занявшие место на монетах Тегинов Чача (605-750) из рода Ашина, тамга которых связана с тамгой на монетах Западно-Тюркского каганата, проявляют близость с тамгой в форме (ср. / / (тегин) - (жабгу)), но все же, большинство тамг Тегинов Чача проявляют близкое сходство с тамгами из Семиречья (ср. - ,) [Бабаяров, Кубатин, 2011, с. 295-303]. Исходя из этого, с большей долей вероятности можно говорить, что более овальные формы тамг относятся к более поздним этапам истории Западно-Тюркского каганата. Так как известно, что чекан монет Тегинов Чача начался значительно позднее чекана монет Каганата. К тому же на некоторых экземплярах монет Западного каганата заняли место тамги, имеющие подобно этому более овальные формы (ср. /).

Относительно заимствования тамг правящими династиями от других следует отметить, что не имеется конкретных примеров заимствования тамг от местных династий, которые заняли место на монетах династий, правящими в Средней Азии в эпоху до Тюркского каганата, например, Кангюйцы или Эфталиты. Т.е., известно, что обе вышеупомянутых династии на первый план ставили тамги своего рода. Таким образом, невозможным представляется, что Западная ветвь Ашина заимствовали тамгу – один из главных символов рода и власти, от других. Как известно, тамги являлись одним из главных символов, представляющих род или политическое объединение.

Несмотря на различия во временном промежутке, этносы, находящие в одной и той же географической среде, могли заимствовать тамгу друг у друга. Однако для этого требуется

значительное время и глубокое этнокультурное взаимодействие. Например, найденные в степях Евразии тамги, которые связываются с ираноязычными и тюркоязычными этносами, проявляют сходство друг с другом. Т.е., место ираноязычных этносов, господствовавших в обширных степях Евразии в последних веках до н.э. и начале нашей эры, в III–IV вв. н.э. заняли тюркоязычные этносы и не исключено, что в течение этого промежутка времени они могли заимствовать их тамги. Видимо, это положение не кажется правомерным по отношению к Западно-Тюркскому каганату. Заимствование правителями тамги от других, начавших чекан в последней четверти VI–первых годах после образования Каганата, практически за короткий период времени, а также широкое данной тамги распространение в монетном чекане других областей (Тохаристан, Фергана и др.), говорит о том, что, скорее всего, эта тамга не была заимствованной и является собственной. Генезис данной тамги, занявшей место на монетах Западного каганата, как отмечалось нами в наших работах, восходит к стилизованному изображению горного козла: > / – / – / (Чач); / – / – / – (Фергана); / – / (Тохаристан); / – (Панче) на монетах и – – / , (Семиречье) на скалах.

Таким образом, исходя из приведенного выше, мы считаем тамгу в форме и ее разновидности, принадлежащей к ветви рода Ашина, правившей в Западно-Тюркском каганате. Данная тамга относящаяся к ранним этапам истории этого государственного объединения, явилась прототипом для последующих тамг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаяров Г., Кубатин А. К вопросу о генезисе тамг на монетах Западно-Тюркского каганата // Материалы межд. науч. конф.: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», пос. 20-летию независимости РК и 20-летию инс. Археологии им. А.Х. Маргулана 12-15 декабря 2011 г. Т. II. Алматы, 2011. С. 295–303.
2. Баратова Л.С., Лившиц В.А. О согдийских надчеканах на Сасанидских монетах и подражаниях им // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002. С. 21–26.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.- Л., 1950–1953.
4. Буряков Ю. К истории раннесредневекового Чача // O'zbekiston tarixi, № 3. Ташкент, 2002. С. 10–20.
5. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. 560 с.
6. Лившиц В.А. Правители Панча (Согдийцы и тюрки) // Народы Азии и Африки. 1979. № 4. С. 56–69.
7. Пидаев Ш. Р., Баратова Л. С. К истории денежного обращения раннесредневекового Термеза // ИМКУ, вып. 35. Самарканд, 2006. С. 172–182.
8. Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. Межд. научн. конф. Алматы, 2010. С. 329–344.
9. Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III – сер. VIII в. н.э.). Т., 2006. 131 с.
10. Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы, 2010. 168 с.
11. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970. 588 с.
12. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981. 548 с.
13. Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент, 2006. 238 с.

14. Феофилакт Симокатта. История // Великая степь в античных и византийских источниках. Сборник материалов. Сост. и ред. А. Н. Гаркавеца. Алматы: Баур, 2005. С. 583–639.
15. Ямаева Е. Е. Родовые тамги алтайских тюрков (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск, 2004. 56 с.
16. Alimov R. Kırgızistan’da yeni bulunan runik harflı eski Türk yazıtları hakkında ön bilgiler // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten 2000. Ankara: TTK, 2001. S. 5–10.
17. Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux / Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. СПб., 1903. 339 p.

NOTES ON THE ORIGIN TAMGA ON THE COINS OF WESTERN TURKIC QAGHANATE

Babayarov Gaybulla Balliyevich

Ass. Prof.,

scientifically expert

International Tirkic Academy, Astana

E-mail: gaybullah@mail.ru

In this article author on the base of numismatic material from oases of the Central Asia (Chach / Tashkent oasis), as well as scenes tamgas (symbolic signs) on the rock drawing from Semirech’e study the genesis of the tamgas of the Western Turkic Qaghanate. As it was noted by our researches, the presence of lira shaped tamgas and its different versions on coins show that they were minted by sovereign rulers of the Western Turkic Qaghanate from the Ashina dynasty, as evidenced by such sovereign titles as *Jabgu*, *Jabgu-Qaghan*, *Qaghan*, which have found its reflection in their coins’ legend.

Key words: Western Turkic Qaghanate, Tashkent, coins, tamga signs, Ashina, mountain goat.

Рис. I. Собственные монеты Западного-Тюркского каганата
(Чач / Ташкент)

РЕСУРСЫ ЯЗЫКА В ОТРАЖЕНИИ КАРТИНЫ МИРА ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Шаймердинова Нурила Габбасовна

доктор филологических наук,

профессор кафедры тюркологии

Евразийский университет им. Л.Н. Гумилева,

факультет международных отношений, г.Астана

E-mail:nurila1607@mail.ru

В статье на базе рунических письменных памятников рассматривается картина мира древних тюрков, используя ресурсы древнетюркского языка, автор впервые воссоздает древнетюркскую модель мира, определяет концептуальные понятия древних тюрков об окружающем мире и социуме, характеризует их пространственные представления.

Ключевые слова: памятники, древние тюрки, модель мира, ресурсы языка, пространственные представления.

Интегративный характер современной лингвистики позволяет не только использовать данные других наук для лингвистических исследований, но и раскрыть ресурсы языка в познании нашей истоков, истории, культуры, менталитета, и тем самым определить многообразие знаний о мире (мышлении), содержащее за «языковым багажом» человека. Квантами знаний о мире являются категории и концепты, которые возникают в сознании человека в результате восприятия, воображения, мышления, материализуются языком, хранятся памятью и служат базой для воссоздания картин мира человека. Как отмечает исследователь, картина мира состоит из нескольких процессов: 1) опредмечивание и осмысление образов мира, обусловленных жизнедеятельностью человека; 2) созидание, творение и разработка новых образов – концептов в сознании человека в ходе специальной рефлексии; 3) отражение этих образов и понятий в языке [Постовалова, 1988, с. 20]. Данное определение эксплицирует взаимосвязь концептуальной и языковой картин мира, присущие человеку независимо от эпохи, культуры, этноса.

Известно, что картина мира древних цивилизаций, в письменных памятниках может определяться как «модель мира» (Вяч. Иванов, В.Н. Топоров, А.Я. Гуревич Т.В.Топорова). Так, Вяч. Иванов, В.Н. Топоров в лексических семантических оппозициях реконструируют древнеславянскую модель мира: *высший – первый, белый – черный, бессмертие – смерть, близкий – далёкий, вареный – сырой, вертикальный – горизонтальный, верх - низ, весна (лето) – зима, видимый – невидимый, главный – неглавный, день – ночь, доля – недоля, дом – лес, жизнь – смерть, земля – вода, красный (пурпуровый) – черный, четный – нечетный, мужской – женский, небо – земля, огонь – влага, освоенный – неосвоенный, посвящённый – непосвящённый, правый – левый, прямой – кривой, сакральный – мирской, светлый – темный, свой – чужой, суша – море, сухой – мокрый, человек – нечеловек, человеческий – звериный, счастье – несчастье, чёт – нечет, чистый – нечистый, юг – север, явленный – неявленный* и т.д. [Иванов, Топоров, 1965, с.17-54]. Эти семантические оппозиции иллюстрируют основные ключевые понятия, по которым древние славяне жили и воспринимали мир: их образ жизни (*дом – лес, доля – недоля*), питание (*вареный – сырой*), территорию (*суша – море, сухой – мокрый*), верование (*чистый – нечистый*) отношения с другими племенами (*близкий – далёкий, свой – чужой*) и другие понятия, раскрывающие процессы осмысления мира славянами.

Исследование языка древнетюркских рунических памятников позволило нам воссоздать модель мира древних тюрков. Ключевыми единицами в представлении

древнетюркской картины мира оказались отдельные концептуальные слова, типа *el* (государство), *er* (воин), *budun* (народ), *mangi* (вечный) бинарно повторяющиеся лексемы 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *kün-tün* (день-ночь), дериваты 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *ashtyk* (голод), клишированные сочетания и выражения в текстах, так называемых больших памятников, Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Кули-чор: 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *Tengri- Umaj*, 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *Jer-Sub* (Тенгри-Умай и Земля-Вода); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *tört buluq* (четыре угла); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *öñjeki-qırjaqu* (восток-запад); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *jyrjaqu-berjeki* (север-юг); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *berden-jyrdan* (справа-слева); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *üsti-asta* (верх-низ); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *öñden-qurdan* (вперед-назад); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *jaqup-uzaqu* (близкий-далекий); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *saryu-qaryu* (светлый-темный); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *kök-qara* (голубой-темный); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *ata-uruq* (предок-потомок); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *jarqan-menü* (творимое-вечное); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *jalqu-üküs* (единичность-множественность); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *az-üküs* (малочисленный-многочисленный); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *tirig-ölüt* (жизнь-смерть); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *Estemi qağan*; 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *qağan-bodun* (каган-народ); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *kentü-jat* (свой-чужой); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *aqlaqçy-kişig* (старший-младший); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *čyūai-baj* (неимуций-богатый); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *alp-er* (герой-муж); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *tegüt-sünüş* (походы и сражения); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *eroyly-qyz oıly* (мужской-женский); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *türük bekleri-sübaşy* (тюркские беки и военачальники); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *türük-tabyaç* (тюрки-табгачи); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *türük- türgeç* (тюрки-тюргеши); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *türük-qyrgyz* (тюрки-кыргызы); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *türük-toquz-oyuz* (тюрки-тогуз-огузы); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *türük bile jat bodun* (тюрки и другие народы); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *tizilig-bašlyy* (имевших колени-имевших головы); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *joqçy-şyuytçy* (плачущие-скорбящие); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *balbal-menü taş* (балбалы); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *Qadyrqañ jyş* (Кадырканская чернь); 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *Temi rqañy-* (Железные ворота) 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤 *Ötüken jer* (Отюкенская земля) [Шаймердинова, 2007, с.47].

В этом концептуальном поле древних тюрков оказались регламентированы универсальные и мировоззренческие понятия, социальные вопросы и этнокультурные традиции.

Универсальные понятия этнически нейтральны, выражают общечеловеческие категории времени, пространства, количества, движения, причины, формы, что нашло отражение в языке рунических памятниках. Так, часто повторяющиеся слова и выражения-«четыре угла», восток – запад, север – юг, вперед – назад, близкий – далёкий, солнце – ночь, справа – слева, Кадырканская чернь – Темир-капыг, Отюкенская чернь и т.д. раскрывают пространственные смыслы древних тюрков; предок – потомок, творимое – вечное, вечный камень и вечный эль выражают значение времени; 70 воинов, 700 воинов, 25 походов, 12 походов, малочисленный – многочисленный, столько передают количественные представления.

Мировоззренческие духовные начала, верование древних тюрков раскрывают концепты: верх – низ, Тенгри-Умай, Земля-Вода(Jer-Sub).

Социальные проблемы древнетюркского социума, а также взаимоотношения с внешним миром, с другими государствами и отношение к родственным племенам представлены в концептах: каган – народ, походы – сражения, отец – каган, дядя – каган Кюльтегин, Куличор, свой – чужой, старший – младший, неимуций – богатый, герой – муж – народ (личность и общество); мужской – женский; тюркские беки и военачальники – народ; тюрки – табгачи, тюрки – тюргеши, тюрки – кыргызы, тюрки – тогуз-огузы, тюрки и другие этносы, «имевших колени» – «имевших головы».

Этнокультурные традиции как формы превращенного сознания выражают слова: *жизнь – смерть, балбалы, муж – воин, плачущие – скорбящие, вечный камень.*

В указанных словах и выражениях нашли отражения ключевые понятия древнетюркской картины мира: их верования, образ жизни, походы и сражения, тюркские каганы и правители, герои-воины, враги – «чужие», «свои» – родственные племена, традиции и обычаи, захоронения – все, что составляет смысл жизни древних тюрков, определяет их поведение, раскрывает их представление о себе и окружающим мире. Все составляющие древнетюркской модели мира подвергаются в последующем семантическому анализу.

В качестве иллюстрации рассмотрим картину мира древних тюрков в пространственных представлениях, так как все описываемые походы и сражения совершаются для того, чтобы сохранить, с одной стороны, свои земли, с другой – захватить новые территории для укрепления своего народа, своего государства. Пространственные параметры, на наш взгляд, также отражают сочетание наивных пониманий о сфере земли с опытными эмпирическими знаниями, накопленными и приобретёнными тюрками в течение длительных эпох. В связи с этим пространственные смыслы древних тюрков нами рассматриваются в двух аспектах через:

- семантику сторон или направлений света, в которых проявляются эмпирические, опытные знания древних тюрков;

- значения конкретных географических названий: топонимов, гидронимов, ойконимов.

Эмпирические знания, надо полагать, для древних культур и цивилизаций были важнейшими, если не главными источниками верифицированной информации, которая накапливались исторически длительное время и передавались из поколения в поколения. Важность таких опытных знаний для человека, и особенно для древних цивилизаций, отмечал А.Н. Кононов: «человек постепенно по мере накопления сведений об окружающей среде, рельефе местности, месте восхода и захода солнца, о солнечной и теневой сторонах и т.п., сведения эти систематизировались, приобретая некоторое подобие точного знания предмета» [Кононов, 1978, с. 72].

Исторически формирующиеся опытные знания становятся естественными пространственными ориентирами, и направления ориентиров зависели от этнических традиций народов. Так, в Древнем Китае и Монголии ориентировка храмов, жилищ, захоронений направлена была на юг, у древних тюрков – на восток, в Древнем Египте – лицом к Нилу, на Таймыре – на север, где находится царство мёртвых. До наших дней сохранились древнетюркская восточная ориентировка жилищ у западных тувинцев и памирских киргизов, китайско-монгольская южная ориентировка юрт у каракалпаков и узбеков [Иманалиева, 1990, с. 85].

Подобными эмпирическими знаниями, обусловленными естественными природными ориентирами, наблюдениями над природой в течение длительного времени и этническими традициями, обладали и древние тюрки. В качестве естественных пространственных ориентиров служили направления света **восток – запад, юг – север**:

Справа, с юга, народ табгач был ему врагом, слева, севера, народ тогуз-огузов, Базкагана был врагом [Жолдасбеков, Саркожаулы, 2006, с. 187].

В оппозиции **восток – запад, юг – север** содержатся несколько смысловых значений:

- обозначение направление движения или ориентиров;
- олицетворение образа средневекового человека;
- репрезентация ценностных смыслов: *восток и юг* – положительный, *запад и север* – отрицательный.

Часто повторяющиеся в текстах памятников сочетания «вперёд на восток», «назад на запад» воссоздаю образ средневекового вооруженного воина на коне, стремительно

скачущего, то «вперёд на восток», то «назад на запад», то «справа на юг», то «слева на север». Этот образ глубоко символичен, ибо, как полагает З. Самашев «... всадник на коне, изредка со знаменем в руках, с луком в налучье и пикой, **становится своеобразной эмблемой средневекового периода** (выделено нами – Ш.Н.). Периода, когда на авансцене истории появляются могущественные вожди кочевых государственных образований, племенных союзов, племен и родов, а также полководцы, герои и др.» [Самашев, 2008, с. 45].

В направлениях света для древних тюрков особое значение имеет **восток** – именно *на восток* устремлены все походы и завоевания тюрков «*вперёд на восток*» (Ср. «*назад на запад*»):

1. *С моим дядею-каганом мы ходили войною вперед (т.е. на восток), вплоть до Шантунгской равнины, орошаемой Яшил-угюзом, назад (т.е. на запад) мы ходили войною вплоть до Темир-капыга...* [Малов, 1951, с. 38].

2. *Вперёд (т.е. на восток) за Кадырканской чернью мы так поселили народ, так обустроили. Назад (т.е. на запад) до Кенгу Тармана мы поселили тюркский народ. Так обустроили* [Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006, с. 187].

3. *То ходил ты вперед (т.е. на восток), то ты ходил назад (т.е. на запад), и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (т.е. нагромождались там), как горы...* [Малов, 1951, с. 39].

4. *Вперёд (т.е. на восток) я прошёл с войском вплоть до Шандунгской равнины, немного не дошёл до моря; направо (т.е. на юг) я прошёл с войском вплоть до Токузь-Эрсена, немного не дошёл до Тибета, назад (т.е. на запад), переправясь через реку Йенчу, я прошёл с войском вплоть до Темир-Капыга, налево (т.е. на север) я прошёл с войском до страны Йерь-Байырку...* [Мелиоранский, 1899, с. 60].

В сознании тюрков *восток* представляет аксиологически ценностные смыслы. В первую очередь это связано с солнечностью, ибо *восток* означает свет, светлость, восход солнца: *Вперёд, (в страну) солнечного восхода, они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана, назад (т.е. на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга* [Малов, 1951, с. 37].

Кроме того, «*восток*» – это только «*вперёд*», что может имплицитно обозначать в условиях той эпохи – удачное наступление, поход, победа, а значит, либо приобретение новых территорий и земель, либо возвращение некогда своей территории.

Напротив, в лексемах *запад (назад)* запечатлены отрицательные смыслы несолнечность, закат солнца, теневая сторона, ночь, а также, возможно, неудачный поход, поражение, гибель войска, народа.

Оппозиция *восток-запад* в текстах памятников имеет семантическую соотнесенность с другими направлениями света, такими, как *юг* и *север*. При этом *юг* семантически тождественно *востоку*, а *север* - *западу*. *Юг*, как и *восток*, в сознании тюрков ассоциируется с солнцем, дневным светом, а *север* представляется как страна ночи. *Впереди, (в стране) солнечного восхода, справа (в стране) полуденной, назади (в стране) солнечного заката, слева (в стране) полуночной – (повсюду) там (т.е. в этих пределах) живущие (букв.: находящиеся внутри) народы все мне подвластны столькое народы я устроил*» [Мелиоранский, 1899, с. 60].

В текстах памятников оппозиция *восток-запад* образуют свои семантические ряды, синтагматические сочетания с определенными лексемами. Так, с лексемой *восток* в одном поле оказался не только *юг*, но и слова *вперед, справа, полуденное*, зато слово *запад* находится в одном семантическом поле со словами *север, назад, слева, полуночное*, каждый из рядов выражает значение основного доминантного слова. Смысловые значения членов семантических рядов подтверждаются производными дериватами в Древнетюркском словаре: *kunortu* – 1) полдень, 2) юг, полуденный; *kuntin, kuntun* – южный; *kundam* –

солнечный; tunortu – полночь, tunsarı – север (букв. сторона ночи) [Древнетюркский словарь, 1969, с. 326-327; 597].

В пространственных обозначениях участвуют и другие адвербулы и пропозиции, такими, как *вплоть, повсюду, в этих пределах живущие, столько земель*, которые подчеркивают значимость и важность территорий и земель, за которые воюют древние тюрки.

Одним из факторов, определявших понятие пространства в сознании тюрков, является физическое пространство, огромная территория, которую древним тюркам приходилось удерживать, отвоёвывать у разных племён, защищать от внешних врагов. Как показывают исторические документы, древние тюрки господствовали на огромном Евразийском субконтиненте, границы которого протянулись на востоке от хребтов Хэнгана до междуречья Волги и Урала на западе, от Китайской стены на юге до реки Лены на севере [Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006, с. 7].

Расхожее выражение «четыре угла» раскрывает картину расселения, передвижения, завоеваний тюркского народа, обозначает то огромное пространство, на которую распространялась власть древнетюркского государства: *Четыре угла (т.е. народы, жившие вокруг по всем четырем странам света) все были им врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру* [Малов, 1951, с. 36]. Поэтому «четыре угла» символизирует могущество древнетюркского государства, с которым приходилось считаться Древнему Китаю, Арабскому халифату, Византии и другим средневековым государствами.

Физическое пространство в текстах представлено многочисленным названием **рек** (Иртыш, Йенчу, Ану, Жасыл, Тениз, Кем, Тогла, Анасай), **озёр** (Тюрги-Яргун), **гор** (Кёгмен, Ыбырбаш, Чуш, Ыдук), **равнин** (Шандунская, Тогултенская), **неизвестных географических обозначений** (Болчу, Кушлагак, Магы-корган, Ябур-ытук). Очень часто встречается название **местностей**: Отыюкенская чернь, Кадырканская чернь, Алтунская чернь, Шугайская чернь, **городов** Езгенти-Кадаз, Бесбалык (древнетюркские топонимы рассмотрены в новейших работах) [Наханова, 2015].

Многие из этих топонимов в настоящее время изучены. Так, Кадырканская чернь подразумевает «вероятно, теперешний Хинганский хребет, составлявший границу тугуйского государства на востоке» [Мелиоранский, 1899, с. 98]. В китайских источниках река Йенчу, часто упоминаемая в текстах памятников, называется Жемчужной рекой, так изначально именовалась Сыр-Дарья. В памятниках Кюль-егин, Билге-каган, Тоньюкук (15, 17), в Шинэ-Усу (С-2; В-7), в Тариатинской стеле (В-3; Ю-5; 3-1, 2, 5) часто встречается топоним *Отюкенская чернь*. По мнению С.Г.Кляшторного, Отюкен находился на Хангае, позже он стал административным центром II Восточного Тюркского каганата и последующих древнетюркских государств. По представлению древних тюрков, «священная Отюкенская чернь» была центром мира, населенная тюрками, резиденцией тюркских каганов, откуда они ходили походами «вперед (на восток)», «назад (на запад)», «направо» и «налево» для покорения «четырех углов света».

ЛИТЕРАТУРА

1. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Языки картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8-60.
2. Иванов Вяч.В., Топоров В.Н. Славянские моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 246 с.
3. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.

4. Шаймердинова Н.Г. Когнитивная семантика древнетюркских орхонских текстов. Монография. Астана, ЕНУ, 2007. 248 с.
5. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 159 - 170.
6. Иманалиева Р.Б. К вопросу об этимологии стран света в казахском языке // Проблемы этимологии тюркских языков. Алматы: Ғылым, 1990. С. 85-92.
7. Жолдасбеков М. Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников (перевод М.Жолдасбекова, К.Саркожаулы, Н.Шаймердиновой). Астана: Күлтегін, 2006. 360 с.
8. Самашев З. Графическое искусство средневековых народов Великой степи // Тюркское наследие Евразии VI-VIII вв. Астана, 2008. С.41-91.
9. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
10. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. СПб, ЗВОРАО, 1899. 150 с.
11. Древнетюркский словарь // В.М.Наделяев, Д.М.Насилов, Э.Р.Тенишев, А.М.Щербак. Ленинград, Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. 677 с.
12. Наханова Л.А. Древнетюркская топонимика. Учебное пособие. Астана, ЕНУ, 2015. 159 с.

LANGUAGE RESOURCES IN REFLECTION OF ANCIENT TURKS WORLDVIEW

Shaimerdinova Nurila

D.Sc., Turkology Dept. Professor

L.N. Gumilyov Eurasian National University

E-mail: nurila1607@mail.ru

In this article ancient Turks worldview is explored on the basis of runic written monuments. Using resources of ancient Turkic language the author for the first time recreates ancient Turks world model, defines conceptual notions of ancient Turks regarding visual environment and society, characterizes its spatial representation.

Key words: monuments, ancient Turks, model of the world, language resources, spatial representation.

**ИЗУЧЕНИЕ ПОЭМЫ «КУТАДГУ БИЛИГ»
В АЗЕРБАЙДЖАНЕ**

Аскер Рамиз Бахшали оглу
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой тюркологии,
Бакинский государственный университет, Баку
E-mail: ramizasker@gmail.com

В 30-ые годы прошлого века «Кутадгу Билиг» в Азербайджане была известна тюркологам и любителям древней тюркской словесности. Она приобрела популярность в 1970 г., когда вышел специальный выпуск журнала «Советская тюркология», посвященный 900-летию юбилею поэмы. В этом номере были опубликованы статьи советских, в том числе азербайджанских тюркологов. В национальной энциклопедии страны были слишком скудные данные об этой великой книге и обширная информация в антологии древней огузской поэзии.

Второй этап изучения поэмы «Кутадгу Билиг» в Азербайджане начинается после приобретения независимости страны. В 1992 г. поэма была переведена на азербайджанский язык построчно, а в 1998 г. – поэтично. Построчный перевод был издан еще и в 2006 г. Все переводы сопровождалось предисловиями.

В 2002-2004 гг. было опубликовано около 10-ти статей, подготовлена учебная программа, написана и защищена кандидатская диссертация на тему «Именные части в «Кутадгу Билиг» (в сравнении с азербайджанским языком)», выпущен автореферат, издана монография и составлена библиография автором этих строк о блестящем произведении гениального тюркского мыслителя и поэта Юсуфа Баласагуни.

Ключевые слова: Юсуф Баласагуни, Кутадгу Билиг, изучение, статья, перевод.

20. yüzyılın 30'lu yıllarında Kutadgu Bilig Azerbaycan'da Türköloglara ve eski Türk edebiyatını seven kişilere belliydi. 1970'de Sovetskaya Türkölogiya dergisinin Kutadgu Bilig'in 900 yıllık jübilesine adanan özel sayısının çıkmasıyla manzume geniş kitlelere maloldu. Derginin bu sayısında Sovyet, o sıradan Azerbaycan Türköloglarının bilimsel makaleleri basılmıştı. Bunun dışında Azerbaycan ansiklopedisinde bu ulu kitap hakkında çok kuru ve resmi bilgiler, eski Oğuz şiiri antolojisinde geniş malumat verilmişti.

Kutadgu Bilig manzumesinin Azerbaycan'da tetkikinin ikinci merhalesi ölkemizin bağımsızlık kazanmasından sonraki dönemine rastlar. 1992'de manzumenin Azerice mealı, 1998'de şiirsel çevirisi yayınlanmıştır. 2006'da mealinin ikinci baskısı çıkmıştır. Bütün çeviriler sunuşla basılmıştır.

2002-2004 yılları arasında bu satırların yazarınca Yusuf Balasagunlu'nun Kutadgu Bilig manzumesi hakkında yaklaşık 10 makale ve program basılmış, Kutadgu Bilig'de Adıllar konulu Doktora tezi, tez özeti, büyük bir monografi yazılmış, 2016 yılında eserin bibliyografyası hazırlanmıştır.

Anahtar Kelimeler: Yusuf Balasagunlu, Kutadgu Bilig, makale, tetkik, tercüme.

This article is devoted to the poem “Kutadgu Bilig” by Yusuf Balasaguni in Azerbaijan. The first studies appeared in the 1930s, and in 1970, the special issue of “Soviet Turkology”, dedicated to the poem was released.

The second phase of the study of “Kutadgu Bilig” in Azerbaijan begins with the acquisition of independence. In 1992, the poem was translated into Azerbaijani language line by line, and in 1998, poetically. Progressive translation was published in 2006.

In 2002-2004, about 10 articles were published on “Kutadgu Bilig”, as well as a doctoral thesis was written and defended on it. Also, a dissertation and a monography were released on this poem. This year, an extensive and complete bibliography on “Kutadgu Bilig” is compiled by the author of these lines.

Key words: Yusuf Balasaguni, Kutadgu Bilig, study, article, translation.

Юсуф Баласагуни является величайшим мыслителем, поэтом, ученым и политическим деятелем Караханидской эпохи. Он стоит в одном ряду с такими гигантами мысли как Абу Наср аль-Фараби, Ходжа Ахмед Ясави, Махмуд Кашгари. Юсуф Баласагуни жил и творил в XI веке в столице государства Караханидов. Еще при жизни он был удостоен высокого звания «Улуг Хас Хаджиб» («Великий действительный камердинер или церемонмейстер») и занимал четвертое место по иерархии караханидского дворца после правителя, великого визиря и военного министра. Главное произведение Юсуфа Баласагуни «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание»), написанное на тюркском языке, считается шедевром письменной литературы средневековой эпохи.

«Кутадгу Билиг» уже почти два века находится в центре внимания востоковедов и тюркологов. В разных странах о нем написаны сотни книг, монографий, статей и диссертаций. Первая статья о Юсуфе Баласагуни и его книге написана французским востоковедом Пьер Амадей Жобером еще в 1825 году в издании «Журнал Азиатик» [24]. В Азербайджане первое письменное упоминание о нем появилось спустя век и два года после той даты, т.е. в 1927 году, хотя имя Юсуфа Баласагуни было известно довольно широкому кругу специалистов и любителей тюркской словесности. Итак, известный ученый Эмин Абид в своих статьях, рассказывающих о развитии метрики в азербайджанской и тюркской поэзии, часто приводил примеры из «Кутадгу Билиг» [23].

В те годы шла интенсивная работа над переводом на азербайджанский язык книги современника Юсуфа Баласагуни, первого тюркского лингвиста и энциклопедиста Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк» и научная общественность страны с нетерпением ждала издания этой книги. Но, к сожалению, переводчик узбекского происхождения Халид Саид Ходжаев был арестован КГБ по стандартным ложным антисоветским обвинениям и расстрелян по решению тройки, после чего над книгой нависла тайная молчаливая завеса запрета. Этот запрет был отнесен и к «Кутадгу Билиг», в результате чего в течение нескольких десятилетий этот памятник был вне исследования, о нем даже не говорилось.

В 1970 году с выходом в свет специального номера журнала «Советская тюркология», посвященного 900-летию юбилею «Кутадгу Билиг», поэма Юсуфа Баласагуни вновь приобрела актуальность. В этом номере были опубликованы статьи советских, в том числе азербайджанских тюркологов. Языковед В.Асланов в своей статье, сравнивая лексику поэмы с азербайджанским языком, пришел к интересному выводу: свыше пяти тысяч лексических единиц из «Кутадгу Билиг» сохранены в памятниках, в диалектах и в литературном азербайджанском языке [30]. Известный ученый литературовед Х.Г.Короглу проводил интересные параллели в литературном и историческом плане между образами Алп Эр Тонга и Афрасияба по Юсуфу Баласагуни, Махмуду Кашгари и другим авторам [31]. Статья проф.

А.Рустамовой была посвящена вопросам сходства между «Кутадгу Билиг» и средневековой азербайджанской поэзией [32]. Кроме них, в азербайджанской энциклопедии была дана скупая и сдержанная информация об авторе и его поэме [18], а в антологии древнегузской поэзии богатая информация и некоторые образцы из «Кутадгу Билиг» [22].

Второй этап изучения и исследования поэмы «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни в Азербайджане приходится на период независимости нашей страны. В 1994 году был напечатан в Баку построчный перевод поэмы, подготовленный К.Велиевым и Р.Аскером [20]. А в 1998 году был издан поэтический перевод «Кутадгу Билиг» сделанный известным поэтом Х.Р. Улутюрком [19]. По мнению специалистов этот перевод не очень удачен. А в 2006 году построчный перевод по распоряжению президента Азербайджана был повторно издан латиницей [21]. Все переводы были сопровождаемы с обширными предисловиями [25; 26; 29].

Автор этих строк в 2002 году на кафедре тюркологии Бакинского государственного университета начал работать над диссертацией на тему «Именные части речи в поэме «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни (по сравнению с азербайджанским языком)», и в связи с этим в 2002-2004 годах им было написано свыше десяти статей по разным вопросам. Среди них статьи о лексике [1], об именных частях речи (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение) [4], отдельно о местоимениях [5; 6], о падежах [7], о категории количества [8], о прилагательных [9], об истории исследования поэмы в Средней Азии, в Азербайджане и в Китае [2]; программа для магистерской ступени [11], о месте «Кутадгу Билиг» в тюркской литературы [3], о некоторых особенностях поэмы [16]. Кроме них, им написана обширная монография объемом 320 стр. [10], позже диссертация [12], издан автореферат [13], а также опубликована большая статья в Стамбуле на страницах журнала научно-философских исследований «Kutadgubilig: Felsefe-Bilim Araştırmaları Dergisi» [15].

В связи с 1000-летним юбилеем Юсуфа Баласагуни Р.Аскер на днях издал книгу «Kutadgu Bilig Bibliyografyası» («Библиография по «Кутадгу Билиг» [14]. В нее включено 1.540 источников (книги, монографии, статьи, диссертации) на 20-ти языках, в том числе на западных (русском, немецком, английском, французском, итальянском, венгерском), на восточных (арабском, таджикском, китайском, японском), и на тюркских (азербайджанском, турецком, казахском, узбекском, киргизском, туркменском, уйгурском, татарском, башкирском и каракалпакском) языках. Р.Аскером написано предисловие к библиографии [17].

Были редкие статьи на страницах газет и журналов [27; 28].

Поэма «Кутадгу Билиг» преподается в рамках предмета «История тюркской литературы» и по нему ведется специальный курс.

В заключении можно сказать, что изучение и исследование поэмы «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни в Азербайджане никак нельзя считать удовлетворительным, так как в стране, где имеется передовая школа по тюркологии, написано лишь две книги, одна диссертация и около 30-ти статей. Это намного ниже потенциала азербайджанской филологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Asker, Ramiz. Qutadğu Bilig Poemasının Leksikası // Dede Qorqud toplusu. – Bakü. – 2002. – № 2 (4). – S.34-36.

2. Asker, Ramiz. Qutadğu Bilig Poemasının Orta Asiya'da, Azərbaycan'da ve Çin'de Tetkiki Tarihinden // Filologiya meselelerine dair tematik toplu. – Bakü. – 2002. – № 3-4. – S. 95-100.
3. Asker, Ramiz. Qutadğu Bilig: Türk Edebiyatında Mevkii // Dede Qorqud jurnalı. – Bakü. – 2003. – № 2. – S.40-46.
4. Asker, Ramiz. Qutadğu Bilig'de Adlar // Şarkşinaslığın aktüel problemleri. Prof. Vasim Memmedaliyevin yubileyine hesr edilmiş respublika elmi konfransının materialları. – Bakü. – 2002. – S.136-139.
5. Asker, Ramiz. Qutadğu Bilig'de Evezlik [zamirler] («Kitabi-Dede Qorqud»la mukayesede) // H.Aliyev ve Azərbaycan filologiyası. – Bakü. – BDU neşri. – 2003. – S.239-248.
6. Asker, Ramiz. Qutadğu Bilig'de Evezlik [zamirler] // Tetkikler. Prof. V.İ.Aslanovun 75 yıllık yubileyine hesr olunmuş elmi konfransın materialları. – Bakü. – Elm. – 2003. – S.168-171.
7. Asker, Ramiz. Qutadğu Bilig'de İsmın Hal Kategoriyası // Qafqaz Universitetinin Elmi Eserleri. – Bakü. – 2002. – № 10. – S.31-41.
8. Asker, Ramiz. Qutadğu Bilig'de İsmın Kemiyet Kategoriyası // Bakü Universitetinin Elmi Eserleri, humanitar seriya. – Bakü. – 2002. – № 4. – S.28-32.
9. Asker, Ramiz. Qutadğu Bilig'de Sıfat // Tetkikler. 2. AMEA Nesimi adına Dilçilik İnstitutu. – 2003. – S.117-124.
10. Asker, Ramiz. Qutadğu Bilig. – Bakü. – Elm. – 2003. – 320 s.
11. Asker, Ramiz. Yusif Balasağunlunun Qutadğu Bilig Eseri // Türkologiya kafedrasının magistr pilləsi için fenn programları. – Bakü: Bakü Universiteti neşri. – 2005. – S.139-143.
12. Asker, Ramiz. Yusif Balasağunlunun Qutadğu Bilig Poemasında Adlar (Azərbaycan dili ilə mukayesede). Basılmamış Doktora tezi. –Bakü. –2004. –180 s.
13. Asker, Ramiz. Yusif Balasağunlunun Qutadğu Bilig Poemasında Adlar (Azərbaycan dili ilə mukayesede). Doktora tezi otoreferatı. – Bakü. –2004. – 28 s.
14. Asker, Ramiz. Kutadgu Bilig Bibliyografyası. – Bakü. – 2016. – 192 s.
15. Asker, Ramiz. Kutadgu Bilig'in Dili ve Kelime Hazinesi Üzerine. Kutadgubilig: Felsefe-Bilim Araştırmaları Dergisi. – 2003. – 4. – S.283-298.
16. Asker, Ramiz. Kutadgu Bilig'le İlgili Yanlış Yorumlar // Prof.Dr. Mehmet Saraya Armağan. –İstanbul, 2003. – S.117–123.
17. Asker, Ramiz. Kutlu Yazar, Kutlu Eser / Kutadgu Bilig Bibliyografyası. – Bakü. – 2016. –S.3-9.
18. Balasaquni Yusif Has Hacib // Azərbaycan Sovyet Ensiklopedisi. – C.1. – Bakü. – 1976. – S. 582.
19. Balasaqunlu Yusif. Qutadqu Bilik. Tercüme eden: Halil Rıza Ulutürk.– Bakü. – Gençlik. – 1998. – 336 s. (poetik tercüme).
20. Balasaqunlu Yusif. Qutadqu Bilik. Xoşbehtliye Aparan Elm. Tercüme edenler: Kamil Veliyev, Ramiz Asker. – Bakü. – Azərneşr. – 1994. –492 s. (meal).
21. Balasaqunlu Yusif. Qutadqu Bilik. Tercüme edenler: Kamil Veliyev, Ramiz Asker. – Bakü. – Avrasiya Press. – 2006. – 492 s. (meal, 2. baskı).
22. Balasaqunlu Yusif. Min Beş Yüz Yılın Oğuz Şeiri (antologiya). Tertib eden: Anar. – Bakü. – Azərbaycan neşriyatı. – 1999. – S.45-47.
23. Emin Abid. Heca Vezninin Tarihi (Edebiyat teoriyası hakkında) // “Maarif İşçisi” jurnalı, 1927, sayı 3(23), s. 50-55; sayı 4, s. 58-61; sayı 6-7, s. 45-62.
24. Jaubert, Pierre Amédée. Notice d'un manuscrit turc en caractères ouigoures, envoyé par M. de Hammer, á M.Abel Rémusat / P.A.Jaubert // JA, 1825, t. 6, No. 31, p.39-52.
25. Nerimanoglu K.V., Asker R. Devletçilik Hakkında, Büyük Kitabın Tercümesi Hakkında Söz // Balasaqunlu Yusif. Qutadqu Bilik. Xoşbehtliye aparar elm. Tercüme edenler: Kamil Veliyev, Ramiz Asker. – Bakü. – Azərneşr. – 1994. – S.3-7.

26. Nerimanoğlu K.V., Asker R. Devletçilik Hakkında, Büyük Kitabın Tercümesi Hakkında Söz // Balasaqunlu Yusif. Qutadqu Bilik. Xoşbehtliye aparan elm. Tercüme edenler: Kamil Veliyev, Ramiz Asker. – Bakü. – Avrasya Press . – 2006. – S.3-7.
27. Şahin Adem. Qutadqu Bilik ve ferdi inkişaf kitabları // İrfan jurnalı, 2014, iyul, No. 92.
28. Uğur. Tabğaç Buğra Xaqanı heyrete getiren'Qutadqu Bilik // Xalq cehhesi, 24.10.2014.
29. Ulutürk Halil Rıza. İlk Muhteşem Abidemiz // Balasaqunlu Yusif. Qutadqu Bilik. Tercüme eden: Halil Rıza Ulutürk.– Bakü. – Gençlik. – 1998. – S.8-12.
30. Асланов В.И. О лексических параллелях в «Кутадгу Билиг» и в азербайджанском языке // СТ. – 1970. – № 4. – С.43-47.
31. Кероглы Х.Г. Алп Эр Тонга и Афрасияб по Юсуфу Баласагуни, Махмуду Кашгари и другим авторам // СТ. – 1970. – № 4. – С.108-115.
32. Рустамова А. О некоторых параллелях в «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни и средневековой азербайджанской поэзии // СТ. – 1970. – № 4. – С.116-119.

ОСОБЕННОСТИ НАРОДА В СТИЛЕ ОФОРМЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ ПЕЧАТЕЙ

*Кармов Руслан Карнетович
заведующий отделом редких книг
Научной библиотеки Кабардино-Балкарского
Государственного университета.
E-mail: karmov_ruslan@mail.ru*

Исторические символы любого народа, накопленные веками, являются основой его идентичности и поэтому каждая народность должна уделять максимум внимания изучению своих древних символов. В силу политических препон с 1917 года в нашей республике и в целом в России этому направлению не уделялось должного внимания. Эта ситуация изменилась в России с конца XX века, что положительно отразилось на ситуации на Кавказе. Многие кавказские республики даже ввели в государственную символику известные символы своих народов.

Разными частями символики являются гербы, экслибрисы, печати и другие геральдические символы. Они дополняют друг друга и помогают в решении вопросов, возникающих при изучении отдельных символов. Одной из этих дисциплин является наука, сфрагистика.

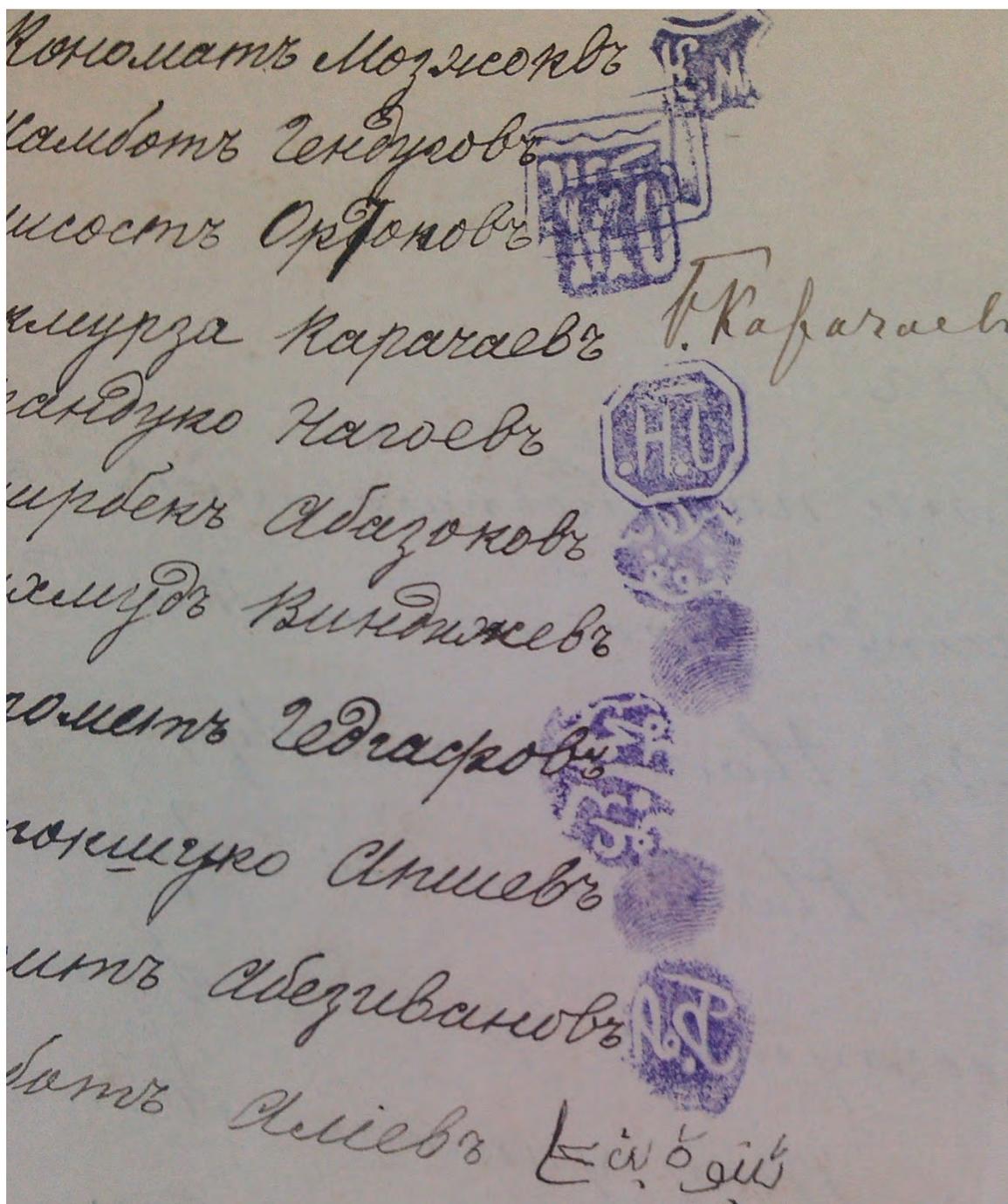
Печать, сопровождающая документ, являлась знаком, свидетельствующим, что этот документ действительно исходит от лица или учреждения, которым она принадлежит. Бесспорно, что изучение печатей, как знаков удостоверения документов, придание им юридической силы и не только, имеет большое практическое значение для исторической науки.

Сложно сказать, когда именно появились первые печати-перстни, но точно известно, но точно известно, что на этих перстнях часто вырезались имена и фамилии владельца и его сословное положение. В XVIII - начале XIX в.а эти записи делались в основном арабскими буквами на турецком, арабском или местных языках, сами печати имели в основном круглую форму. К сожалению, на сегодняшний день их очень сложно прочитать в связи с малограмотностью писавших их людей и плохим состоянием сохранившихся оттисков. На некоторых оттисках печатей кроме букв существуют рисунки тамги, показывающие принадлежность хозяина печати к тому или другому роду. В разное время изменялись формы печати, появились совершенно оригинальные печати.

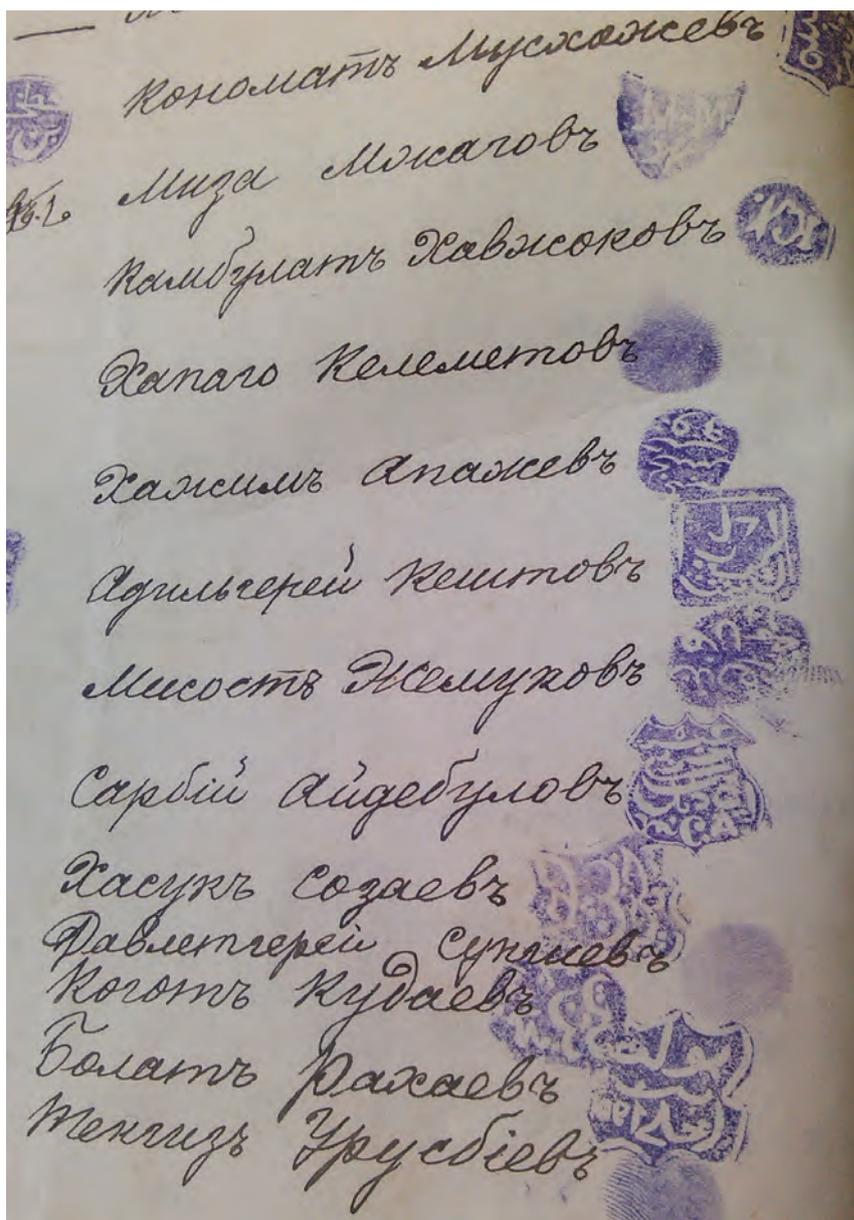
Во время работы в архивах пришлось сталкиваться с множеством оттисков печатей. Большое их количество попадалось либо при принятии присяги жителями, либо при принятии решений доверенными от Большой и Малой и Пяти горских обществ. Так как присягу принимали представители одного сословия или племени в глаза не бросалась одна особенность, которая явно видна при просмотре Приговоров Кабарды и Балкарии. Эта особенность заключается в том, что оттиски печатей балкарцев в основном явно отличаются от оттисков кабардинцев.

Приведём наглядный пример копий с одного приговора:

Из четырех страниц на четвертой, где большинство печатей балкарские (то есть народа, являющегося носителем тюркского языка) явно видно, что они отличаются своей витиеватостью и богатством форм и самих букв на них. Заинтересовавшись этой особенностью, мы стали собирать изображения оттисков печатей тюркоговорящих народов на Северном Кавказе. И наше предположение оправдалось, действительно восточный характер этих народов отразился и в личных печатях, которые они создавали для собственного пользования.

Вот печати представителей Хуламского общества на документе 1888 года:

Секция 2.

Оттиски печатей Андреевской деревни, 1853 год:

Печать пристава Кумыкского народа:

Печать Абаева:

Печать очеркесившегося потомка крымских ханов Султан Крым Гирея:

Эти визуальные источники свидетельствуют, о явной принадлежности этих народов проживавших на Кавказе к тюркоязычному этносу. И может быть со временем эта тема станет для кого-нибудь темой для более достойного изучения.

ИСТОЧНИКИ

1. Архивная служба РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 8. Д. 18. Лл. 123-127
2. Центральный государственный архив Архивной службы КБР Ф. 6. Оп. 1. Д. 23. Л. 8
3. Там же Ф. 16 Оп. 1. Д. 28. Л. 35
4. Там же Ф. 2. Оп. 1. Д. 176. Л. 43
5. Там же Ф. 3. Оп. 1. Д. 98. Л. 2

ТАЙНА ПАРНЫХ ЦЕРКВЕЙ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ АЛБАНИИ

Тагиев Сабир Паша оглы

кандидат педагогических наук, доцент,

почетный профессор Международной Академии Наук Тюркского Мира,

старший научный сотрудник

Института Архитектуры и Искусства Национальной Академии Наук

Азербайджана, Баку

E-mail: sabir.alihuseynli@gmail.com

Одним из образцов культурного наследия, имеющих общеазербайджанское значение, являются архитектурные памятники тюрков с христианским вероисповеданием – парные церкви. Период Азербайджанской Албании тщательно расследован ведущими учеными. До настоящего времени данная проблема не была изучена, исследована ни одним ученым кроме нас.

Ключевые слова: Азербайджанской Албании, парные церкви, архитектурные памятники тюрков с христианским вероисповеданием, храм гошаванк.

Из Закона Азербайджанской Республики О культуре нам известно, культура – совокупность свойств, определяющих материальные, нравственные, интеллектуальные и эмоциональные особенности общества или социальных групп, и охватывающих образ жизни, порядок совместного проживания людей, системы моральных ценностей, включая искусство и литературу [11]. А национальное культурное наследие – это совокупность принадлежащих Азербайджанскому народу, имеющих общеазербайджанское значение, обладающих универсальными ценностями образцов культуры [11]. Материальное культурное наследие – состоит из двух частей как недвижимое и движимое имущество. К недвижимому культурному наследию относятся недвижимые археологические, архитектурные, садово-парковые, монументальные, мемориальные памятники, образцы декоративно-прикладного искусства, в том числе культурные, архитектурные, художественные, этнографические, естественные памятники и исторические заповедники, места культуры, мавзолеи, археологические комплексы, архитектурные ансамбли, религиозные очаги и этнопарки [4].

Одним из образцов культурного наследия, имеющих общеазербайджанское значение, являются архитектурные памятники тюрков с христианским вероисповеданием – парные церкви [15]. Период Азербайджанской Албании тщательно расследован ведущими учеными [1; 8; 9; 20; 23]. До настоящего времени данная проблема не была изучена, исследована ни одним ученым кроме нас [15]. Хотя некоторые так называемые ученые, исказили и присвоили памятники и историю Азербайджанской Албании, отрицать историческую реальность невозможно [2; 7; 12]. Подпадая под их влияние, некоторые даже говорили об арменизации тюрков, принявших христианство [5, с.48; 12, с. 214]. Были и такие, кто, выступая с объективной позиции как настоящий ученый, мастерски исследовали и раскрывали сущность их фальсификаций, ссылаясь на реальные исторические факты [1; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 16; 17; 18; 19; 21; 22]. У великого лидера Гейдара Алиева есть прекрасные мудрые высказывания об этом: “Историю надо принимать, понимать и оценивать такой, какая она есть...” [24, с. 39], “Нам известна огромная история нашего народа, история, наполненная героическими страницами. Известна и нам, известна и миру. Азербайджанский народ известен всему миру своей великой историей, полной героических страниц. Испокон веков наш народ сталкивался с иностранными захватчиками, поднимался на битвы, защищал наши земли, умел отстаивать свою национальную гордость и самобытность. Прошлые поколения довели нас до наших

дней. Если бы не они, то сейчас не было бы азербайджанского народа”[24, с. 39].

Западные района Азербайджана богаты памятниками христианского вероисповедания. В переписи 2001 года в Кедабеке зарегистрировано 106 памятников [4, с. 150]. А в 2014 году мы установили 1128 новых памятников, которые до сих пор нигде не зарегистрированы. Из них 45 – это церкви, а 9 – монастыри. Среди памятников христианского вероисповедания в западных районах – Шемкире, Товузе, Акстафе, Дашкесане, Кедабеке мы обнаружили церкви и монастыри, с которыми нигде не встречались. И курьезность состоит в том, в большинстве их этих территорий церкви стоят не одному, а по паре. Они или располагаются рядом друг с другом, или последовательно, или же параллельно, находясь на частичном отдалении. Вначале расположение двух церквей вместе вызвало у нас удивление, но впоследствии мы установили, что это соответствует тюркскому характеру. Так, в настоящее время и на Кавказе, и в Европе, в том числе в странах Азии женщины и мужчины вместе идут на богослужения в христианские церкви. Однако женщины тюрского происхождения, приходящие в мусульманские мечети на моления, обязательно должны молиться отдельно от мужчин. Если учитывать данные особенности, то мы вынуждены принять, что молившиеся в парных, параллельных, смежных церквях были тюрками христианского вероисповедания. Ни в армянских, ни в грузинских церквях богослужение женщин не проводится отдельно. Они молятся вместе. Примером тому могут служить смежные Беюк и Бала святыни в деревне Ирмашлы Шемкирского района, Парные золотые церкви на гористой местности под названием Гызыл килсе (Золотая церковь) на территории Чобанкенди Кедабекского района, параллельные церкви на местности под названием Кехнегышлаг села Союдлу, достойные правителей последовательные величественные церкви в окружении монастыря на участке под названием Венг килсеси (церковь Венг) в местечке Чанахчы на территории лесного хозяйства, даже парные церкви в маленьких крепостях в наших деревнях, последовательные церкви в крепости Кероглы в Галакенд, главный храм в Едди килсе в комплексе храма (Семи церквях) – архитектурный памятник местного значения VI-VII веков в селе Лякит Гахского района и вторые большие церкви и т.д.

Рисунок 1. Большой пир в Шемкирском районе в селе Ирмашлы.

Рисунок 2. Маленький пир в Шемкирском районе в селе Ирмашлы.

Рисунок 3. Большой пир в Шемкирском районе в селе Ирмашлы после ремонта С. Тагиева

Рисунок 4. Остатки первой Гызыл килсе (Золотая церковь) на территории Чобанкенди Кедабекского района

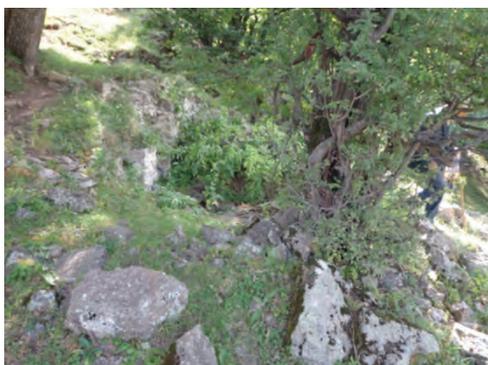

Рисунок 5. Остатки второй Гызыл килсе (Золотая церковь) на территории Чобанкенди Кедабекского района

Рисунок 6. Параллельные церкви на местности под названием Кехнегышлаг села Союдлу Кедабекского района

Рисунок 7. Последовательные церкви в крепости Кероглы в Галакенд Кедабекского района

Рисунок 8. Достойные правителей последовательные величественные церкви в окружении монастыря на участке под названием Венг килсеси (церковь Венг) в местечке Чанахчы на территории лесного хозяйства Кедабекского района

Рисунок 9. Главный храм в Едди килсе в комплексе храма (Семи церквах) – архитектурный памятник местного значения VI-VII веков в селе Лякит Гахского района

Рисунок 9. Вторые большие церкви в Едди килсе в комплексе храма (Семи церквах) – архитектурный памятник местного значения VI-VII веков в селе Лякит Гахского района

Помимо того, мы смогли установить наличие множества парных церквей на территории Западного Азербайджана: 1. Храм Гер-гер//Гошаванк. Древний албано-тюркский христианский храм на горах, в 1 км к северу-востоку от села Гер-гер Пашалинского (с 19.04.1991 г. - Вайк) района Дерелеязской области[1; с.90-91]; 2. Храм гошаванк. Древний албано-тюркский христианский храм па территории Газахо-Шамшаддилского султаната, на левой стороне шоссе Бёюк Гаракильса (с 03.01.1935 г. - Кировакан) Карвансарайского (с 09.09.1930 г. - Иджеван) района, вверху родинка Туршсу. Армяне подстрочно перевели азербайджанское слово «гоша» (джухт - на армянском означает парный), дав ему название Джугтагванк[1; с.138-139]; 3. Храм гошаванк. Древний албано-тюркский христианский храм на территории Карвансарайского (с 09.09.1930 г. - Иджеван) района, в селе Гош, расположенном вблизи Дилиджана[1; с.142-143]; 4. Храм Амагу//Анабат. Древний албано-тюркский христианский храм в 2 км от села Амагу Кешишкендского (с 06.12.1957 г. - Егегнадзор) района Де-релеязской области, между реками Арпа и Амагу. Первоначальное название храма было Анабат, позже армяне назвали его Нораванк, а местное население храмом Амагу. В храме есть отдельная лестница на второй этаж, чтобы женщины и мужчины не входили через одну и ту же дверь[1; с.148-149]; 5. Храм Эрдапин. Древний албано-тюркский христианский храм, расположенный в 6 км к северу-востоку от села Эрдапин (с 10.09.1946 г. - Егегис) Кешишкендского (с 06.12.1957 г. - Егегнадзор) района Дерелеязской области. Местное население назвало его Гошаванк, так как состоит из двух церквей, построенных в 200 м друг от друга[1; с.168-169].

Рисунок 10. Храм Гер-гер//Гошаванк. Древний албано-тюркский христианский храм на горах, в 1 км к северу-востоку от села Гер-гер Пашалинского (с 19.04.1991 г. - Вайк) района Дерелеязской области[1; с.91];

Рисунок 11. Храм гошаванк. на территории Газахо-Шамшааддилского султаната, [1; с.139];

Рисунок 12. Храм гошаванк. на территории Карвансарайского района, в селе Гош, расположенном вблизи Дилиджана[1; с. 143]

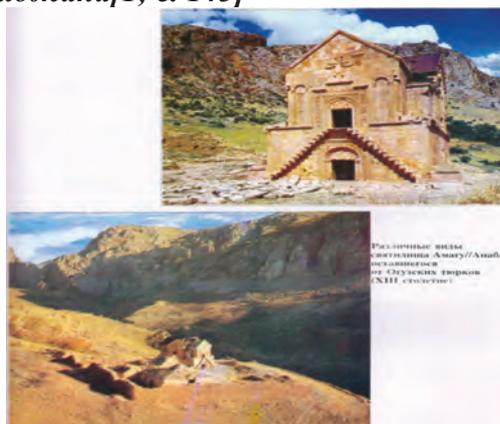

Рисунок 13. Храм Амагу//Анабат. В храме есть отдельная лестница на второй этаж, чтобы женщины и мужчины не входили через одну и ту же дверь[1; с. 149];

Рисунок 14. Храм Эрдапин. Кешишкендского района Дерелеязской области. Местное население назвало его Гошаванк, так как состоит из двух церквей, построенных в 200 м друг от друга[1; с. 169].

Места богослужений – храмы, церкви и монастыри, возведенные вместе, попарно, параллельно, последовательно в связи с тем, что тюркские женщины молились отдельно от мужчин, принадлежат только тюркским народам с христианским вероисповеданием. Поэтому такие памятники, церкви, монастыри и храмы на склонах Малого Кавказа на берегу реки Кура на территории Азербайджанской Албании, в Западном Азербайджане и Большом Кавказе, относятся только к тюркоязычным народам. Отмечу с чувством сожаления, что некоторые наши коллеги-ученые с опаской относятся даже к упоминанию в своих прозведениях названий церквей, монастырей. Так нельзя. Если выразиться на манер выдающегося ученого Э.Алибекзаде, мы тюрки с Шумерскими корнями, Az//As основаниями, родословной Скифов, достоинства Саксов, величия Хуннов, мужества Сельджуков, поколения Огузов, тюрки тюркского происхождения. И мы гордимся этим. Наша нация – тюрки, мой язык – тюркский, а Родина – Азербайджан [21, s. 3]. Не стоит забывать, что древними, местными жителями-аборигенами Азербайджана были только лишь тюркоязычные народы. Руководствуясь этим Общенациональный лидер Гейдар Алиев точно отметил: – “Я всегда гордился и сейчас горжусь тем, что я азербайджанец!” [24].

Заключения экспертов, являющихся религиозными деятелями уровня официального оппонента в городе Казань, о моей научной гипотезе о тайнах парных церквей:

1. Татарстан. Казань. Тихвинской церковь. Мнение Отца Павла: – Вы нашли очень ценный аргумент. Вы же приводите факты. Я думаю это вполне уместно территориальной и национальной традиции. Ваши материалы не переставишь, не подвинишь. Мы же о прошлом многого не можем знать сейчас. Если сохранились такие очаги прохристианской культуры, два храма параллельно существуют, значит так было. Что ж мы сможем сказать больше?

2. Татарстан. Казань. Старообрядческая церковь. По совету отца Геннадия, мнение Романа Протогягано: – Я могу предположить, что возможно такие случаи в местных регионах связанных традициями народа, где мужчина и женщина либо отдельно молятся, либо отдельно обедают, либо отдельно проводят какие то мероприятия существуют. Это может быть какими то культурными особенностями местных жителей. В других регионах может быть по другому. У нас в России храм один и для мужчин, и для женщин. В других регионах мира возможно строились церкви специально для мужчин и для женщин. Это возможно.

3. Казань. Римско-католический храм. Мнение Отца Алфредо: – Я ватиканец. У нас женщина и мужчина молятся вместе. Церковь всегда открыта для них. Правда о Ваших гипотезах мало, что знаю, но предполагаю это возможно.

4. Казань синагога Хабад-Любавич. Мнение главного раввина Казани и Татарстана Ицхак Горелико: – Получил наслаждения встрече с Вами. Я очень в глубоко впечатлен от подхода Вашей миссии. Ваше желание, старания уточнит истина. Дай бог Вам здоровья и успеха во всех ваших делах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алекперли А.Ю. Памятники Западного Азербайджана. Б., 2007. 272 с.
2. Айвазян А. Памятники Армянской архитектуры Нахичеванской АССР. Е., 1981. 236 с.
3. Багрянородный К. Об управлении империей. М., 1991. 496 с.
4. В территории Азербайджанской Республике исторические и культурные памятники, находящихся под охраной государства в распределении степени важности. Утвержденным постановлением Кабинета Министров Азербайджанской Республики № 132 от 2 августа 2001 года. Баку, 2001. 202 с.
5. Велиханлы Н. Арабские географ-путешественники IX-XII века об Азербайджане. Баку, 1974. 224 с.

6. Гейбуллаев Г. К этногенезу Азербайджанцев. Б., 1991. 552 с.
7. Ереванци С. Джамбр памятная книга зеркало и сборник всех обстоятельств святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей. М., 1958.
8. Мамедова Г. Зодчество Кавказской Албании. Б., 2004. 224 с.
9. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Б., 2005. 800с.
10. Мамедов К. Этнография народов Кавказа. Б., 2013. 240с.
11. Множество законов о культурной деятельности. Баку, 184 с.
12. Минорский В. История Ширвана и Дербента. М., 1963. 298 с.
13. Сараллы С. Украденная история. Геноцид. Б., 2008.
14. Сэмюэл А. Армения - тайны террористические «христианские» страны. (перевод с Английского З.Агаева). Баку, 2004. 388 с.
15. Тагиев С. Парные церкви является архитектурными памятниками христианских турков. Материалы международной конференции: «Актуальные вопросы истории Кавказа». 2 том. Гянджа, 15-16 октябрь 2015. Стр. 267-270.
16. Тагиев С.П. Тюркские христианские памятники в Азербайджане. //Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения: сборник материалов Международной научно-практической конференции (16-19 июля 2014г.) – Казан, 2014. Стр. 241-245.
17. Тагиев С. Превращенные от тюрков армяне. Баку, 2012. 88с.
18. Тагиев С. Беды природы и общества. Баку, 2012. 148 с.
19. Тотадзе А. Антигрузинская истерия армянских лжеученых. Тб., 2005.
20. Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963. 396с.
21. Ученый-гражданин Эльмаддин Алибайзаде. Баку, 2006. 476 с.
22. Церцвадзе Ф. Армянская этнокорпорация 130 лет обмана. Кровавый беспредел. (Сборник статей). Переводчик Этери Бойл. ред. Е. Добин. Н. Йорк, 2009. 156с.
23. Щерблякин И.П. Памятники Азербайджанского зодчества эпохи Низами (Материалы). Б., 1943. 96 с.
24. Я горжусь тем, что я азербайджанец. О жизнь и деятельность Общенационального лидера Гейдара Алиева. Баку, 2008. 236 с.

THE MYSTERY OF THE PAIR OF CHURCHES IN THE AZERBAIJAN ALBANIA

Tagiyev Sabir P.

Professor Emeritus of International Academy of Sciences of Turkic World,

Senior research fellow

Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku

Email: sabir.alihuseynli@gmail.com

One of the samples of the cultural heritage of obscure Azerbaijanian importance are architectural monuments of the Turks with the Christian religion - paired church. Period Azerbaijan Albania thoroughly investigated by leading scientists. So far this problem has not been studied, investigated by any scientist but us.

Key words: Azerbaijan Albania, twin churches, architectural monuments of the Turks with the Christian religion, Goshavank church.

**ТЮРКСКАЯ ГРАММАТИКА ИЕРОНИМА МЕГИЗЕРА
«INSTITUTIONUM LINGVAE TURCICAE LIBRI QUATUOR» (1612)**

Нуриева Фануза Шакуровна

доктор филологических наук, профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Целью исследования является описание тюрко-латинской грамматики И. Мегизера, а именно определение фонетических, грамматических и лексических особенностей, зафиксированного в ней тюркского языка 16-17 века и изучение особенностей передачи межъязыкового материала, представленного в хрестоматийной и словарной частях.

Ключевые слова: Средневековье, Мегизер, грамматика, тюркский, латинский, фонетика, грамматика, лексика, пословицы.

Для лингвистической науки большой интерес представляют данные о складывании нормы в литературном языке. Процесс их становления наиболее репрезентативно отражается в специальных грамматических описаниях соответствующего литературного языка. Грамматика Иеронима Мегизера «*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*» («Основные правила тюркского языка в четырех книгах») является первой печатной грамматикой тюркских языков, специальным описанием строя языка, издан в Лейпциге в 1612 году [Megisero, 1612, с.340]. Эта книга четыре века назад послужила импульсом для изучения тюркских языков в Западной Европе. В Казани, нашей рабочей группой, в составе Ф.Ш.Нуриевой (руководитель проекта), М.М. Петровой, М.М.Сунгатуллиной, было подготовлено репринтное издание с переводом на татарский и русский языки Грамматики Иеронима Мегизера [Мегизер, 2012, с.288].

Мегизер был видным ученым своего времени: «ученый с основательными и многосторонними знаниями и богатым опытом путешественника», – так отзывается о нем его биограф Т. Эльце [Elze, 1885, 183-185]. Родился в 1554 году в городе Штутгарт. В 1571 – 1577 годах он учился в Тюбингене, в 1582 году изучал право в городе Падуя. Много путешествовал, был в Италии, на Мальте, в Англии, в Голландии. Изучал также историю, занимался картографией, астрономией. С 1590 года занимал должность историографа эрцгерцога Карла в Граце, в 1593 – 1601 годы работал директором протестантской школы в Клагенфурте. После возвращения во Франкфурт, работал профессором Лейпцигского университета. В 1612 году ему предложили пост директора городской библиотеки в городе Линц. Умер Иероним Мегизер в 1619 году в городе Линц в Австрии.

И.Мегизер заявил себя в литературе как издатель исторических, географических, философских и поэтических произведений: ему мы обязаны первым немецким изданием путешествий Марко Поло, компиляций из рассказов путешественников о Сибири, первых карманных путеводителей, первой печатной грамматики по тюркским языкам [Алексеев, 1968, 75-282]. Он оставил свыше 36, в большинстве случаев изданных по несколько раз, сочинений, которые в настоящее время принадлежат к числу раритетов наших библиотек.

Слава авторитетного историка и филолога была закреплена за ним, благодаря, изданному впервые в 1592 г. (2-е изд. – 1603 г.) Многоязычному сравнительному словарю.

Описание тюркской грамматики «*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*» базируется полностью на принципах латинской, схема которой действовала в то время. Развивающаяся техника книгопечатанья создавала условия для тиражирования лингвистических идей, и это нашло отражение во вводных замечаниях автора книги, а также в обращении к читателю доктора философии и медицины Петра Кирстеня [Мегизер, 2012, с.10-26]. Автор отмечает,

что тюркская грамматика для него тема новая и отличается «необычностью аргументов», однако, как он сам пишет, он первым в мире «вступил в область изучения этого варварского тюркского языка, четкими правилами лимитированного и описанного, выражения и слова его, публикую типографским способом, то есть делаю то же самое, что осуществлено уже мной по отношению к словенскому языку. Великая польза и множество удобств от знания сего тюркского языка. Ведь как прекрасно и почетно знание иностранных языков, в особенности в наш век знание и понимание тюркской речи» [Мегизер, 2012, с.12-16]. Вводная часть, согласно законам официального стиля, является довольно пространной, представляет интерес не только для лингвистов, но и для ученых, изучающих историю Европы XV-XVII вв., поскольку содержит ряд точных датировок некоторых исторических событий.

Лингвистическую общественность в XVI-XVII века больше интересовали осмысление разнообразия языковых систем и использование этих знаний в преподавательской практике, т.е., предпочтение отдавалась прикладным аспектам, включая составление словарей. В работах поднимались вопросы определения соотношения «звук – буква» для типографского воспроизведения разных письменностей, а также выработка правил орфоэпии, описание грамматического строя разных языков на основе общей лингвистической теории [Насилов, 2012, с.5-9]. Как видим, в Грамматике Мегизера большое внимание уделено также к графологическому аспекту тюркской письменности, основанной на арабской графике, этот раздел демонстрирует широкие возможности типографской техники в использовании разных алфавитов.

В своей Грамматике Иероним Мегизер охватил практически все ярусы языка, начиная с фонетики и кончая лексикой, включенной в прилагаемые тексты и словари – латинско-тюркский (2460 лексем) и тюрко-латинский (2440 лексем).

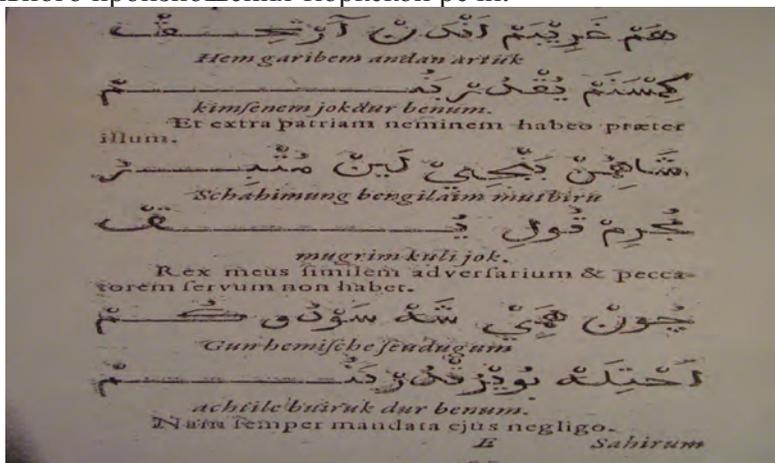
Первый раздел «De Orthographia Turc-Arabica» [Мегизер, 2012, с.27-77] посвящается фонетике, дается общая характеристика арабо-тюркского алфавита. Описывается алфавит, состоящий из 31 буквы с их названиями, указываются варианты в соответствии с позицией в слове, звуковое значение букв поясняется через латинскую графику, а также приводятся образцы арабского шрифта. Автор рассуждает о приспособлении арабского алфавита к тюркской фонетике, отдельно рассматривает те буквы, которых нет в арабском алфавите и применяет дополнительные знаки, например, پ [п], چ [ч], گ [г], шипящие звуки, отсутствующие в латинском языке, выражены буквенными сочетаниями, например, [ж]-dfch, [ч]-tfch.

Nomen.	Potestas.	Finalis.	Figura.
Elif.	a. c.	ا	ا
Bc.	b.	ب	ب ب ب
Pc.	p.	پ	پ پ پ
Tc.	t.	ت	ت ت ت
Sc.	f.	ث	ث ث ث
Dfchim. g. dfch.		ج	ج ج ج
Tfchim. g. tfch.		چ	چ چ چ
Ha.	h.	ح	ح ح ح
Hi.	ch. h.	خ	خ خ خ
Dal.	d.	د	د د د
			Scl.

Nomen.	Potestas.	Finalis.	Figura.
Gain.	g.	غ	غ غ غ
Fc.	f.	ف	ف ف ف
Kaf.	k.	ق	ق ق ق
Kef. gief. nief.		ك	ك ك ك
Lam.	(k. n. g.) l.	ل	ل ل ل
Mim.	m.	م	م م م
Nun.	n.	ن	ن ن ن
Vau.	u. v.	و	و و و
Hc.	h.	ه	ه ه ه
LamElif. Ia.		لا	لا لا لا
Ic.	i.	ي	ي ي ي

Наблюдается вариативность в написании некоторых слов типа, seumek, seufmek, sevmek 'любить'; tschachsir, tschakfchir 'сапог', baschka, baschkaia 'другой', abret, affaret, avurat 'женщина', и др. Это языковое явление можно толковать как приспособление латинской

графики для обозначения звуковых особенностей тюркского языка, а так же оно может быть отражением различного диалектного произношения информаторов. Для письменной отработки особенностей арабской каллиграфии и упражнений в связной речи, приведены образцы текстов Корана, пословицы и поговорки на арабском шрифте, их транскрипция и перевод на латинский язык. Мегизер подчеркивает важность практики для усвоения правильного произношения тюркской речи.

Грамматика Мегизера является также первым трудом, где проводится сопоставление, хотя и фрагментарное, двух разных грамматических систем – тюркской и латинской. В разделе «Isagoges Grammaticae Turcicae» [Мегизер, 2012, с. 78-182] исследованы части речи и их грамматические категории. И хотя семантика частей речи, грамматических категорий, например, падежей и временных форм подается через призму латинских соответствий, И. Мегизер точно улавливает их функции в тюркской речи. Например: «В именных частях речи турки не отмечают никакого различия в отношении мужского, женского или среднего рода» [2: 78]. Автору удалось заметить стандартность тюркских аффиксов, установив в то же время наличие противопоставлений гласных в основах и аффиксах по рядности (см. описание склонений, формы множественности -lar, -ler, спряжение глаголов и др.). Мегизер правильно истолковал свойственную только тюркским языкам категорию принадлежности, выделив, однако, в особый разряд – разряд притяжательных местоимений [Мегизер, 2012, с. 99-106]. Поскольку терминология применительно к тюркским языкам не была сформирована, для обозначения аффиксов Мегизер использует термины «частица» и «слово».

Описанию глагола – самой сложной части речи в тюркских языках, автор отводит немало страниц [Мегизер, 2012, с.106-159]. Мегизеру удалось выделить категории числа, лица, наклонения, времени, залога, отрицательные и утвердительные формы. Описание глаголов *indicativus*, *imperativus*, присутствующих в латинском языке, у Мегизера не вызывает сложностей, но обращает на себя внимание подача *subiunctivus*. По-видимому, под *subiunctivus* автор подразумевает латинское сослагательное наклонение и приводит спряжение в четырех временах, хотя в тюркском языке такого одновременного спряжения нет. Автором выделены сложные глаголы, образованные с участием служебных глаголов: «Впрочем, есть два глагола *idmek* ‘делать’ и *olmak* ‘становиться’, эти глаголы часто добавляются именам и производятся в глаголы [Мегизер, 2012, с.108]. Мегизер в каждом разделе отводит известное место словообразованию, что не всегда встречается в последующих грамматиках. В этом разделе дается перечень числительных, прилагательных, наречий с их подробным делением на группы, иногда он слишком расширительно толкует эти части речи. Здесь же рассматриваются предлоги, союзы и междометия с привлечением иллюстративного материала. Естественно, у автора имеются отдельные места, где мы можем с ним не согласиться. Однако, нужно учитывать, что это один из первых трудов по тюркскому языку, и несмотря на стереотипы, довлеющие над исследователями-лингвистами

того периода, И. Мегизеру удалось раскрыть фундаментальные основы тюркского языка и его специфику, что свидетельствует о его высокой лингвистической компетенции.

Несомненную ценность представляют языковые иллюстрации, собранные автором в третьем разделе [Мегизер, 2012, с.183-226]: основные положения христианской и мусульманской религий, две сотни пословиц и изречений, которые частично тюркского происхождения, а частично переведены или истолкованы самим автором. Будучи полиглотом, И. Мегизер хотел как можно более точно передать схожесть мыслей и поэтому привлекал также пословицы различных языков, близкие по значению: тюркские, арабские, персидские; латинские, немецкие, итальянские. В тех случаях, когда не находил эквивалента тюркским пословицам, Мегизер делал дословный перевод на латинский или немецкий языки. Иногда он дополнял такой перевод разъяснением смысла данной пословицы (например №5, 37, 190 и др.) [Мегизер, 2012, с.192,197,220].

Последний (четвертый) раздел «*Dictionarium latino-Turcicum et Turcico-latinum*» [2: 228-338] состоит из двух словарей: латинско-тюркского (2460 слов) и тюрко-латинского (2440 слов). Тематика словаря весьма разнообразна и охватывает практически все сферы жизни.

Имена существительные в процентном отношении составляют большую часть словаря, обозначают наименования наиболее употребительных понятий, явлений, предметов и обычна для многих словарей, дающихся в приложениях к учебникам иностранных языков. Но нетрудно заметить специфику рассматриваемого словаря.

В словаре дано большое количество имен собственных. В ряду их личные имена, почти все только мужские. Здесь представлены имена, связанные преимущественно с библейскими текстами или политическими и историческими событиями (Авраам-Абрам-Ибрагим, Александр-Искандер, Мария и др.). Особую группу составляют географические наименования. Топонимика представлена во всем своем многообразии. Названия населенных пунктов, водных объектов, особенностей рельефа, политико-административных единиц имеют отношение к событиям времени написания книги или недавнего прошлого, а также к событиям, связанным с историей.

Есть в словаре и сугубо научный материал, касающийся, как правило, медицинских наименований, а также наименование объектов растительного и животного мира. Весьма широко представлена в словаре военная лексика: наименования воинских подразделений и обустройства военного лагеря, видов доспехов, слова, необходимые для описания принадлежности конной упряжи, кухонных принадлежности.

Интересна лексика, относящаяся к торговле, административной деятельности. Даны наименования различного рода провианта, яств, напитков, в том числе национальных тюркских блюд.

Помощь в публикации книги, особенно материала с использованием арабских шрифтов, оказал Мегизеру доктор философии и медицины, востоковед, издатель Петр Кирстений (1577-1640). Человек широкого кругозора, автор арабской грамматики, известный врач-практик (в последние годы жизни служил в качестве личного врача шведской королевы Кристины) тоже проявил горячий интерес к книге (о чем пишет в обращении к Читателю во второй части грамматики). Вполне понятно поэтому появление большого количества слов, относящихся к медицинской терминологии (более сотни лексем), подробно данные наименования частей человеческого тела, наименование некоторых действий и процессов сугубо физиологического свойства, названия заболеваний, лекарственных растений и лечебных средств. Весьма точные наименования представителей животного и растительного мира, судя по ссылкам, взяты были автором грамматики из книг знаменитого Конрада Геснера.

Состав словаря ни в коей мере не ограничивается иллюстрацией материала теоретической части; ширина лексического материала словаря, некоторые примечания

методического характера в грамматической части, сам характер подачи этого материала, довольно свободная манера изложения, богатая синонимика позволяют говорить о том, что грамматика тюркского языка Мегизера, при всей ее точности и грамматической ясности, являет собою также черты самоучителя. Это нисколько не умаляет ценности работы, а напротив, привлекает материалом не только лексики общелитературной, но и большим количеством слов, обиходных выражений, восклицаний междометного характера, представляющих разговорную речь.

Словарь грамматики, также как пословицы, был ценным материалом для изучающих тюркский язык и открывал широкие перспективы для использования его самыми разными людьми. Он полезен и лингвистам, и людям, самостоятельно желающим выучиться тюркскому языку, и для тех, кто занимается поэзией, миссионерской деятельностью, обучением иностранным языкам.

Таким образом, «Основные правила тюркского языка», описанные Иеронимом Мегизером, дают достаточно полное представление о тюркской речи, распространенной среди определенных слоев населения Малой Азии и Балкан на рубеже 16–17 вв. Нужно думать, что автор отразил тем самым определенный этап установления языковой нормы, вырабатываемой в рамках существовавшей тогда государственности. В этом непреходящее значение данного труда как источника сведений и о форме бытования разговорного языка того периода, и о его литературной форме в конкретной хронологической точке ее развития [Насилов, 2012, с.9]. Труд Иеронима Мегизера ценен и тем, что представляет первоначальную попытку использования классического подхода к лингвистическому материалу тюркских языков и для воссоздания объективной картины развития и становления грамматической теории в тюркологической науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Megisero H. Institutiones linguae Turcicae libri quatuor. Leipzig, 1612. 340 s.
2. Мегизер Иероним «Основы тюркского языка» (перевод и комментарии Ф.Ш. Нуриева, М.М. Петрова, М.М. Сунгатуллина). Казань: «Магариф», 2012. 288 с.
3. Elze Th. H. Megiser. Allg. Deutsche Biographi. Bd. XXI, 1885. S. 183-185.
4. Алексеев М.П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л.: Наука, 1968. 155 с.
5. Насилов Д.М. К публикации грамматики Иеронима Мегизера // Иероним Мегизер «Основы тюркского языка» (перевод и комментарии Ф.Ш. Нуриева, М.М. Петрова, М.М. Сунгатуллина). Казань: «Магариф», 2012. С.5-9.

TURKIC GRAMMAR HERONIMUS MEGISERO «INSTITUTIONUM LINGVAE TURCICAE LIBRI QUATUOR» (1612)

*Nurieva Fanuza Sh.
Doktor of Philological Sciences
Kazan (Volga region) Federal University
Tataristan, Kazan
E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru*

The aim of the study is to describe the Turkic-Latin grammar book by H. Megisero, namely the definition of phonetic, grammatical and lexical features given in the Turkic language of the 16-17th centuries and to research the features of the transmission of the cross-language material presented in the textbook and vocabulary sections.

Key words: Middle Ages, Megisero, grammar, Turkic, Latin, phonetics, grammar, vocabulary, proverbs.

ЭПОС «КИТАБИ ДЕДЕ КОРКУД» И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Исмаилова Егяна Нахметулла кызы

доктор филологических наук, профессор,

Бакинский Государственный Университет, Азербайджан, Баку

E-mail: yegane-n@mail.ru

Азербайджанская поэзия всегда отличалась богатством формы и содержания. Можно сказать, что почти все азербайджанские поэты использовали в своем творчестве поэтические детали, связанные с «Деде Коркуд», и это вполне естественно. «Деде Коркуд» – поэтический дух, вечно живущий в художественном мышлении азербайджанского народа. В воображении поэтов вдохновение исторически сопровождалось пробуждением этого духа.

Литературный дух Коркуд всегда существовал и постоянно вдохновлял национальное поэтическое мышление. Публикация и популяризация эпоса «Китаби Деде Коркуд» в первой половине XX века в массовой форме взбудоражили этот дух в воображении поэтов, что продолжается в современной азербайджанской литературе и по сей день.

Впоследствии традиция использования мотивов «Китаби Деде Коркуд» в современной поэзии соответствовала духу времени. В период репрессий интерес к эпосу ослаб, почти угас, позднее же этот интерес усилился. В целом же «Деде Коркуд» никогда не покидал азербайджанскую литературу.

В научных исследованиях имеются различные мнения и факты, касающиеся влияния «Китаби Деде Коркуд» на развитие национальной письменной литературы. В частности, Г. Хашимли пишет «...мотивы “Китаби Деде Коркуд” до сих пор не являлись темой отдельного исследования» [18, с. 56]. Автор, отмечая влияние эпоса на письменную литературу до современного периода, утверждает, что оно наблюдается в двух основных формах:

1) во многих произведениях ощущаются дух, методы описания, символика, образность и другие аспекты, присущие «Китаби Деде Коркуд»;

2) содержание дастана, его отдельные эпизоды напрямую связаны с некоторыми произведениями различных жанров, т.е. входящие в эту группу художественные материалы написаны на основе «Китаби Деде Коркуд» [Там же].

Г. Хашимли, обращаясь ко многим произведениям Средневековья, далее указывает, что в перечне первого раздела письменных литературных материалов ведущее место занимают двестишия «Делинаме» азербайджанского поэта XVII века Хейрани. Так же, как и главный герой данного произведения, Дели по своему характеру, поведению напоминает Дели Думрула из «Китаби Деде Коркуд». Общий сюжет двестишия также перекликается с эпосом. Бой (*Бой – название глав эпоса – Е.И.*) «Дели Думрул» обладает в достаточной степени мифологической семантикой. Мифологический пласт «Делинаме» параллелен известному бою дастана. В этом смысле особый интерес вызывают диалоги Дели с ангелом смерти Азраилом и т.д. Однако, в отличие от Дастана, Дели входит в диалог непосредственно с Богом, ведает ему о бесчестиях, творимых на земле. Несмотря на схожесть развития сюжета дастана с двестишиями в последних Азраил забирает душу Дели. В целом, дух «Китаби Деде Коркуда» явно ощущается в «Делинаме» Хейрани [Там же, с. 56-57].

К.Гусейноглы, рассмотревший в отдельной статье проблему фольклора и классической литературы, отмечая постоянность данной связи, показывает, что формирование письменной литературы происходило в тесной связи с фольклором, и в дальнейшем периоде развития литературы эта связь постоянно развивалась. Наряду с устным народным творчеством, связь между фольклором и письменной литературой – обычное явление и для письменной поэзии, создавшей высшие образцы классики. В то же время, такое влияние

и взаимосвязь наблюдаются в двух направлениях: классическая литература, достигая высочайших вершин, никогда не отказывалась от такого народного творчества; фольклор, в свою очередь, на определенном этапе развития также начинает использовать достижения классической литературы [7, с. 40]. В контексте данных связей автор выявляет изменение, т.е. переход трансформационного развития образов эпоса «Коркуд» в процессе влияния на последующие литературные традиции. Автор пишет, что слово «рост» в «Китаби Деде Коркуд», в основном используемое с эпитетом «длинный» («Длиннорослая Бурла Хатун»), в последующем фольклорном творчестве, в частности, в ашугском творчестве, было заменено на фразу «высокая, как кипар»; также и используемые в эпосе [Е.И.] эпитеты «белоликая», «с вкусным языком», «тонкоротая», «с длинными косами», «со сросшимися бровями» соответственно были заменены на фразы «луноликая», «сладкоязычная», «с волосами наподобие цепи», «нераспустившийся бутон», «бровь дугой». Встречающиеся в «Китаби Деде Коркуд» художественные выражения типа «краснощекая», «с тонким станом», сохранившись в устном народном творчестве, вместе с тем получили распространение и в письменной поэзии [6, с. 38].

Коркудовед Г.Мамедли, говоря об истории влияния традиций «Китаби Деде Коркуд» на азербайджанскую литературу, выявил последствия воздействия мотивов «бездетности» на поэмы Низами «Лейли и Меджнун», «Хосров и Ширин», Ассара Тебризи «Мехр и муштери», Масиха «Варга и Гюльше» [10, с. 191].

Влияние «Китаби Деде Коркуд» на историю азербайджанской литературы было продолжительным, литературное же мышление на протяжении всей истории, по мнению профессора Г. Араслы, «получало духовно-поэтическую энергию, литературно-эстетическую силу от самого древнего прототипа, сохранившегося в народном творчестве как обобщенный образ, отражающий народную мудрость и нравственную силу народа, оживающий как в устном, так и в письменном литературном творчестве в виде мудреца, путеводителя и аксакала», каковым он считал Деде Коркуда [3, с. 75].

Согласно исследованиям Г. Араслы, мотивы «Деде Коркуда» в классической литературе, они были настолько сильны, что просуществовали до времени собрания двустийшей письменного литературного творчества. Учёный пишет: «И в устном народном творчестве, и в письменной литературе было использовано бесценное наследие “Деде Коркуд” такими мастерами слова, как Низами и Навои. Поэтическое и сюжетное влияние дастана прослеживается также в средневековых тюркских двустийших. С этой точки зрения, поэма “Лейли и Меджнун” жившего в XV веке поэта по прозвищу Атаи (в некоторых литературных источниках он известен как Гул Ата [Е.И.]) наиболее характерна» [Там же]. «Детальное исследование позволяет прийти к выводу, что поэма Атаи “Лейли и Меджнун”, не нашедшая свое достойное место в истории азербайджанской литературы и написанная под влиянием дастана “Деде Коркуд”, является значительным и общепризнанным в тюркском мире литературным произведением» [Там же].

В поэме Атаи мотивы дастана «Деде Коркуд» отражают различные аспекты литературного содержания двустийшей. В произведении непосредственно упоминается сам Деде Коркуд и даются ссылки на него.

В этих отрывках отражение жизненной мудрости, нравственных и святых ценностей Деде Коркуда свидетельствуют о глубокой сути произведения. Это значит, что все ценности этноса говорят на языке его образов, и данная особенность «Деде Коркуд» выступает как символ святости этноса. В вышеприведенных отрывках наглядно прослеживаются законы жизни, нормы поведения, отражающие восприятие образа Деде Коркуда в сознании народа как эталона нравственности и святости. Это, в свою очередь, говорит о том, что «Деде Коркуд» воспринимается тюркскими народами как символ святости и нравственности. Его периодическое появление в произведениях Средневековья то в виде образов, то в виде мо-

тивов, то в иносказательной форме, то в форме литературного стиля и т.д. свидетельствует о мощном влиянии духовной энергетики дастана на художественно-эстетическое мировоззрение. Поэму Атаи «Лейли и Меджнун», в которой отражены мотивы дастана «Деде Коркуд», можно отнести к произведениям, продолжающим традиции Низами.

Академик Г. Араслы указывает, что практически во всех произведениях Низами отражаются мотивы «Деде Коркуда» [1]. Ученый также говорит о влиянии отдельных частей данного дастана на Низами и подчеркивает конкретное влияние эпоса на мысли и творчество поэта [2, с. 27].

Исследователи полагают, что поэмы Низами трудно представить без дастанов Деде Коркуд. Эпос пронизывает весь дух поэта. По мнению профессора А. Карабахлы, вся поэма Низами «Хамсе» от начала до конца «насыщена» фольклором [9, с.15].

Профессор Т. Халысбейли отмечает проявление мотивов бездетности дастана «Деде Коркуд» в творчестве Низами [17, с. 116]. Г. Мамедли также связывает мотивы бездетности в поэмах Низами «Лейли и Меджнун» и «Хосров и Ширин» с эпосом «Деде Коркуд» [10, с. 191] и указывает, что в «Искандернаме» Низами мотив избежания смерти Деде Коркудом (в «Шарафнаме») как проблема «бессмертия, вечной жизни» является высочайшим поэтическим достижением [Там же, с. 187].

Влияние эпоса ощущается в самых глубоких пластах творчества Низами и, будучи связанным с этническими традициями поэта, его азербайджанским духом, составляет этно-поэтику тюрского мировоззрения. Э. Гезалова справедливо отмечает, что в произведениях Низами, в частности, в поэме «Семь красавиц», «наблюдается односторонний подход к поиску близости сюжета с фольклором. Фольклор обогащает поэму Низами (*и в целом всё его творчество – Е.И.*), придавая ей уникальность и неповторимость» [5, с. 147].

А. Рустамова [14, с. 171-172], В. Велиев [4, с. 76] и С. Пашаев [12, с. 90-91] отмечают связь между диалогом Газанхана и Беки в «Китаби Деде Коркуд» и разговором между героями произведения Низами «Семь красавиц» Бахрамом и его рабыней Фитне.

Профессор С. Пашаев, широко исследовавший народные легенды, проводит интересные параллели между эпосом «Деде Коркуд» и поэмами Низами, его творчеством и азербайджанским фольклором. Отмечая поэтапную характеристику данной связи, свойственной единой поэтической традиции, С. Пашаев, в частности, указывает, что «как и созданный в устной форме “Кероглы”, так и созданный в письменной форме “Деде Коркуд”, а также получивший свое эволюционное продолжение в последующих веках дастан Низами “Фархад и Ширин” прошли путь развития от стадии творчества в стиле озан к стадии открытого творчества» [12, с. 24].

Исследователь М. Мамедов дает оценку изученному в творчестве Низами мотиву тюркских этно-поэтических традиций образу женщины, отраженному в «Китаби Деде Коркуд» как параллель принципов «Деде Коркуд» и нравственно-культурных взглядов Низами [11, с. 33].

«Китаби Деде Коркуд», отличающийся богатством формы и содержания, сыграл важную роль в развитии национальной литературы. Особое внимание уделено влиянию эпоса на азербайджанскую художественную прозу и в целом на язык прозы. Исследователь А. Садыгов называет эпос «Деде Коркуд» «лексической, морфологической, синтаксической и даже стилистической базой языка произведений азербайджанской прозы, который был образован на основе живого разговорного языка». А. Садыгов, в частности, пишет, что «с точки зрения языкового материала созданные впоследствии произведения азербайджанской прозы опирались именно на этот фундамент. Опыт письменного перевода “Китаби Деде Коркуд” в фольклорном творчестве был принят за основу в процессе письменного перевода и других дастанов. Несмотря на то, что с течением времени функционировали и преобладали те или иные стили, тем не менее, привлекает внимание стабильность основного языко-

вого материала и грамматического состава языка. В этом контексте в результате сравнения фактического языка таких известных произведений XVI века, как “Шухаденаме”, “Шейх Сафи”, произведений Мухаммеда Физули, а также созданного в конце XVII века дастана “Шахрияр” с языком дастана “Китаби Деде Коркуд” открыто прослеживается преемственность прозаического языка данных литературных памятников» [15, с. 208].

Следует отметить, что влияние «Китаби Деде Коркуд» на развитие языка средневековой прозы было исследовано профессорами Ш.Джамшидовым [8], А.Фарзалиевым [16] на основе изучения выражений «Деде Коркуд» в произведениях Насими, а также достоверных фактов их использования в творчестве поэта.

Безусловно, всестороннее изучение «Китаби Деде Коркуд» и древней и средневековой азербайджанской литературы не может быть полностью охвачено в рамках одной статьи. Самые различные факторы по ходу времени отражали и отражают влияние на эту тему. В данном случае можно говорить о монографическом подходе к исследуемой проблеме. Настоящий подход подтверждает, что влияние эпоса «Китаби Деде Коркуд» на современную азербайджанскую литературу началось в первой половине XX века. Можно отметить два уровня в этом влиянии:

1) внешнее проявление началось с публикации дастана. Дастан после публикации получил широкое распространение в обществе и стал источником вдохновения для литераторов, которые стали создавать новые произведения;

2) дастан «Китаби Деде-Коркуд», сохранившись в духовном наследии Азербайджана, является также богатейшим художественным потенциалом. В этом и заключается поэтическая энергетика «Деде Коркуд». Эпос, воплотив все ценности этнического и культурного мышления, стал своего рода энергетическим источником народа. Действительно, в первой половине XX века напечатанный и широко распространенный эпос «Китаби Деде Коркуд», будучи генетическим наследием глубинного пласта мышления писателей и поэтов, стал символом мышления. Этим фактором и объясняется интерес к дастану со стороны современного азербайджанского литературного мышления. Дастан не только привлек к себе внимание своими интересными образами и сюжетами, но и выявил глубинные этнопоэтические архетипы.

Как известно, архетипы придают динамику энергетическим источникам мышления. Динамика архетипов возникает тогда, когда существует сила, способная их «разбудить». Эпос «Китаби Деде Коркуд» обладает такой энергетикой и силой. Благодаря своему влиянию эпос обогатил азербайджанскую литературу новыми темами и придал ей новый художественно-литературный настрой. Эти факторы требуют комплексного исследования влияния «Китаби Деде Коркуд» учётом внешних и внутренних (скрытых, незаметных) признаков. В противном случае решение проблемы может носить поверхностный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Араслы Г. Мотивы азербайджанского народного эпоса «Деде Коркуд» в творчестве Низами. М., 1960, 11 с.
2. Араслы Г. Творчество ашугов. Баку: Объединенное издательство, 1960, 121 с.
3. Араслы Г. Мотивы «Деде Коркуд» в поэме Атаи «Лейли и Меджнун» // Китаби Деде Коркуд: сборник статей. Баку: Элм, 1999, с. 75-82.
4. Велиев В. Мифологические следы в произведениях Низами и мотивы «Китаби Деде Коркуд» // Низами и современность: сборник статей. Баку: Изд-во АГУ, 1982, с. 70-82.
5. Гезалова Э. Поэма Низами «Семь красавиц» и сюжеты фольклора // Исследования литературы азербайджанского устного народного творчества. Баку: Сада, 2000. Кн. IX, с. 147-153.

6. Гусейноглы К. О взаимосвязи фольклора и письменной литературы в средних веках // Исследования литературы устного народного творчества Азербайджана. Баку: Сада, 2006. Кн. XX, с. 31-41.
7. Гусейноглы К. Фольклор и классическая литература // Деде Коркуд, 2005, № 4, с. 40-48.
8. Джамшидов Ш. Выражения из «Деде Коркуд» в стихотворениях Насими // Имадеддин Насими: сборник статей. Баку: Элм, 1973, с. 218-231.
9. Карабахлы А. Преподавание устного народного творчества в школе. Баку: Азертедريسешр, 1961, 363 с.
10. Мамедов Г. Мотивы «Китаби Деде Коркуд» в исторических и литературных источниках // Исследования литературы азербайджанского устного народного творчества. Баку: Сада, 2001, с. 182-197.
11. Мамедов М. Образ женщины в тюркской этнопоэтической традиции («Китаби Деде Коркуд» и «Хамсе» Низами) // Деде Коркуд, 2004, с. 26-34.
12. Пашаев С. Низами и народные легенды. Баку: Генджлик, 1983, 128 с.
13. Пирсултанлы С. П. Под влиянием «Хамсе» Низами // Исследования азербайджанского фольклора. Гянджа: Пирсултан, 2006, с. 24-28.
14. Рустамова А. Низами Генджеви (жизнь и творчество). Баку, 1979, 210 с.
15. Садыгов А. «Китаби Деде Коркуд» и язык азербайджанской прозы // Китаби Деде Коркуд: сборник статей. Баку: Элм, 1999, с. 208-221.
16. Фарзалиев А. Вагиф М.П. Слова из «Деде Коркуд» в произведениях Вагифа // Преподавание азербайджанского языка и литературы. 1980, № 1, с. 53-55.
17. Халысбейли Т. Низами Генджеви и азербайджанские источники. Баку: изд. Азернешр, 1991, 296 с.
18. Хашимли Г. Мотивы «Китаби Деде Коркуд» в письменной литературе Азербайджана // Научные труды Нахчыванского государственного университета. 1998, № 2, с. 56-58.

THE THEMES OF «KITABI DEDE KORGUT» IN THE TURCOLOGY

*Yegana Ismailova,
Doktor of Phlological Sciences, professor,
Baku State University
E-mail: yegane-n@mail.ru*

Investigation of the influence of the epic «Dede Korkut» on the history of the written folk art has shown that the impact of Dastan on Azerbaijani literature manifested itself long before its first publication in the first half of the twentieth century.

Firstly, publication of the Dastan has the external demonstration of such influence. After its publication the Dastan has spread widely in the society, where new works were created using images and plots of the epos, its spiritual beauty.

Secondly, «Korkut» is a literary potential, expressing the spirit of national literary consciousness. The epos concentrating all senses of ethic and historical perception became a kind of energy source. Published in the first half of the twentieth century and being a genetic legacy the epic «Dede Korkut» penetrating into the deeper layers of consciousness Azerbaijani poets and writers, awakened their national spirit.

Key words: «Dede Korkut», written folk literature, Azerbaijani literature, national poetic thinking, Nizami's creation, the poem "Seven beauties".

О ТЮРКСКИХ ТОПОНИМАХ В ПОЭМАХ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Гаджиева Вафа Давуд кызы

*доктор философии по филологическим наукам,
ведущий научный сотрудник отдела «Низамиведение»*

Института литературы им. Низами,

E-mail: hacijeva_vafa@mail.ru

Наблюдения над топонимами, упомянутыми в поэме «Искандар-наме» Низами Гянджеви, дают нам основание вычленив в топонимическом пространстве поэмы пласт топонимов, соответствующих сложившемуся в мусульманской средневековой историко-географической традиции представлению и привлеченные в текст поэмы авторским воображением. К такому типу топонимов относятся исторические области и города в Китайском Туркестане, такие как Халлух, Ягма, Хата (Хитай), Хырхыз, Тараз, Хотан, Кашгар, которые воспеваются поэтом.

Такие топонимы служат авторской интерпретации созданного Низами образа Искандара Руми (Александра Македонского), отличающегося от своего прототипа многими деталями биографии, мировоззрением, системой философских идей, образа не только идеального правителя, но и идеального человека.

Целью данного исследования является: систематизация топонимов, входящих в состав топонимического пространства поэмы «Искандар-наме» Низами Гянджеви с выявлением историко-географической информации, содержащейся в них, использованных поэтом, как для обозначения мест изображаемых событий, так и введенных в текст в различных стилистических целях.

В статье нами использован дескриптивный метод исследования.

При исследовании топонимов тюркского происхождения поэмы «Искандар-наме» Низами Гянджеви пользовались той информацией, которая содержится в источниках по историко-географической средневековой литературе мусульманского Востока.

Ключевые слова: Низами, «Искандар-наме», поэтика, стилистика, ономастика Халлух, Ягма, Хата (Хитай)

«Хамса» – пять маснави – собранные вместе под обобщенным названием «Пятерица» – одно из лучших творений человеческого разума и полета его поэтической фантазии. Автор этой редкой жемчужины сокровищницы мировой поэзии – непревзойденный поэт и выдающийся мыслитель (хаким) Азербайджана Низами Гянджеви (XII в.). Его блистательный ум и живое воображение вместе с широкой эрудицией отразились на его бессмертных творениях, в пяти поэмах, сочиненных им в жанре маснави – оригинальной поэтической форме средневековой поэзии Ближнего и Среднего Востока.

Одной из актуальных тем, не получивших должного освещения в области изучения поэтического слова в «Хамсе» Низами Гянджеви, является поэтическая семантика имен собственных. Исследования в этой достаточно узкой области могут, тем не менее, послужить одним из путей к составлению словаря изобразительных средств Низами, так как богатство и разнообразие стилистических функций имен собственных в его поэмах находится в непосредственной связи с художественной и информационной емкостью его поэтического языка.

Как известно, поэтическая ономастика является областью литературоведческих исследований. Употребление имен собственных (онимов) в художественном произведении не копирует их общеязыковое значение. Онимы, как один из компонентов художественной формы произведения, будучи одним из средств выражения и изображения, содержащего в тексте замысел автора, отражают в себе его творческую лабораторию, мировоззрение и поэтичес-

кое мастерство.

В азербайджанском языкознании в области ономастики, и в частности поэтической ономастики, начиная с 1980 года сделано много интересных научных изысканий, которые нашли свое отражение в материалах республиканских конференций, посвященных проблемам азербайджанской ономастики □. [см.1]

О стилистических особенностях и функциях онимических единиц, используемых в произведениях азербайджанских поэтов и писателей, опубликованы научные статьи таких ученых-филологов, как А. Агаев, М. Адилев, Ф. Б. Багиров, Р. Ахмедов, Ш. Ф. Юсифли, М. Мамедов, Р. Дж. Магеррамова, Х. Магеррамова, Г. Х. Мустафаева, Р. Новрузов, М. А. Нурулу, А. Пашаев, А. В. Танрывердиев, Р. Ф. Халыкова, А. Гаджиев, Р. Гасанов, А. Джавадов, Ш. Джамшидов, М. Джафарзаде и др □. [см. 2]

Топонимы тюркского происхождения, упомянутые в «Искандер-наме» (Книга об Александре Македонском), завершающей «Пятерицу» поэме, являются основным объектом данного исследования.

В отечественном литературоведении изучение тюркизмов в творчестве великого Низами был проведен рядом исследователей, таких как акад. Г. Араслы, д.ф.н. М. Ализаде, д.ф.н. Р. Алиев, д.ф.н. Г. Алиев, д.ф.н. Н. Араслы, д. ф. н. А. Сафарли, д. ф. н. Х. Юсифли, М. А. Расулзаде, д. ф. н. А. Гаджиев и т.д. □ [см. 3]

Выбор «Искандар-наме» среды поэм Низами Гянджеви в качестве объекта исследования обусловлен насыщенностью поэмы собственными именами в связи с «географичностью» и историчностью сюжетного построения текста с одной стороны, а с другой стороны значимостью поэмы в истории жанра, ее статусом классического образца произведения, демонстрирующего соединение истинного таланта и глубокой эрудиции автора, «недостижимую простоту» его поэтической техники и изощренность творческой фантазии.

В предисловии к поэме «Искандер-наме» известный востоковед Г. Ю. Алиев отмечал: «В одном из боев между Искандером и русо-варягами на стороне последних выступает полудиккий гигант - обитатель северных сос -новых лесов. Это полная фантазия, что вполне допустимо в таком произведении как «Искандер-наме». Долгое время считалось, что эпизод является плодом фантазии Низами, однако сведения о «волжском гиганте» мы обнаруживаем в «Путешествии Ибн Фадлана», посетившего в 912 г. Поволжье и услышавшего от «очевидцев» рассказы о человеке-гиганте. Ибн Фадлан сообщает о человеке-гиганте буквально несколько строк, и это оказалось достаточным, чтобы Низами развернул реалистическую картину...» □ [4, с. 14]

Сюжет «Шараф-намэ» («Книга о славе»), первой части «Искандер-наме», построен на основе описания походов Искандера в различные края мира. Одним из таких краев является Восточный Туркестан.

Усиление и частотность использования ономастических лексем тюркского происхождения начинается с главы под названием «Поход Искандера из Индии в Китай (Чин - Г.В.)». После завершения завоевания Индии Низами приводит Искандера к китайскому хакану (императору Восточного Туркестана). Так, например [5, с. 352 (1316-1317)* □]:

ه‌ا‌پ‌س م‌ي‌ا‌رگ ن‌ا‌ن‌ا‌خ ن‌ا‌خ ي‌وس ه‌ا‌ل‌ک م‌ي‌ا‌ب‌ر ن‌ا‌ر‌و‌ف ر‌و‌ف ز‌ا وچ □ ص. ٣٥٢

А когда от Фура Фуров похищу венец,

Поведу войско на хана ханов. □ [6. С. 239]

В данном бейте лексемы “фур-е фуран” «Фур» (Пор - титул) и топоним Фуран (в Индии) и “хан-е ханан” (“хан” - титул китайского хакана” “ханан” - мн ч .от “хан”) составляют одну из разновидностей таджниса.

Как известно, в “Китаб ал-бади” (“Книга об украшениях художественной речи”) Ибн ал-Му’тазза, важной фигурой считается *таджнис*, т.е. “...параллельное употребление сходно звучащих слов одного корня, родственных или просто сходных по своему звуковому составу...” 1 [7. с. 169]

Употребляемое поэтом выражение «хан ханов» (предводитель) или часто встречаемое в тексте поэмы «хакан» является титулом тюркских пра - вителей. Согласно Ибн Хордадбеку, «Все владыки тюрков, тибетцев и хазар – хаканы, кроме владыки карлуков (ал-харлух), которого называют джаб -гуйа, а владыка ас-Син – Багбур /стр. 158/. У ал-Бируни (Асар, III) – «царь тюрков из хазар и тогуз-гузов – хакан, царь тюрков гуззов - ханута». «Хакан» - означает «хан ханов», «хан» - «предводитель» /Хорезм, 120/, Джабгуйа – арабская передача тюркского титула йабгу. У ал-Хорезми /120/ - «джаббуйа – владыка гузов и карлуков». Ат-Табари / II,1206/ владетеля Тохаристана называет джабгуей. Багбур (фагфур) – арабская передача титула китайского императора. Согласно ал-Хоразми «баг» на языке Синда, Китая и Фарса означает «малик», а «бур» - «сын»».2 [8. с. 60]

В «Искандер-наме» в главе «Китайский хакан принимает у себя Искан -дера» поэт называет китайского («хатай» – Г.В.) хакана («хан ханов») тюр -ком:

«Не веди себя тюрком, о тюрков,
прекрасный как китайская (чини – Г.В.) картина,
Приди и хоть часок не морщи бровей.
Сердце мое утешением развесели,
От оков горя меня сегодня освободи.
Если даже и принадлежит тебе доход китайского хакана,
Не расходуй его как поток, дождь это твой...». [6, с. 276]

Х.Х. Хасанов, представляя «Диван лугат ат-турк» («Словарь тюркской лексики») Махмуда Кашгарского□, приводит его определение Чина в соответствии со средневековой мусульманской литературой по исторической географии: «Относительно «Чина» сказано:

«В действительности имеется три Чина: 1) Верхний Чин, который на Востоке, его называют Тавгач; 2) Средний Чин, его называют Китаем; 3) Нижний Чин, который называется Барханом. Это и есть Кашкар. Однако в настоящее время Тавгач называется Мачин, Китай называется Чин»3. [10. С. 33-34] Так, в «Искандер-наме» [5, с. 114 (1316-1317)]:

۱۱۴. ص ناي چاچ هشوگ نامک نوچ م خب ناي چاچ غمط يوربا وچ ي دنمک

Взял аркан, подобный брови тамгачских красавцев,
Изгибавшийся углом, как лукоподобный брови чачцев. [6.С. 101(1940)4*]

Речь идет о Тавгаче, топоним Тавгач используется поэтом в качестве эпитета. Арабское название Чина – «Син», персидское – «Чин», в орхонких (orhun) надписях - «Табгач» (Масин). Низами описывая тюркские степи, использует топоним «Чин», т.е. Восточный или Китайский Туркестан в различных стилистических целях. Так, [5, с. 362 (1316-1317)]:

۳۶۲. ص دوب هدروخ ناتس و دن هب لفنرق دوب هدروچ کشم ني چب وه وچ

Словно газель вскормила она мускус в Китае,
Поела гвоздики в Индии. [6, с. 270 (1940)]

При толковании данного двустишия Е. Э. Бертельс отмечает: «По представлениям тех времен мускус образовывался у газелей от того, что они питались дикой гвоздикой». [6. С. 270 (1940)]

Ибн Хордадбех о Сине сообщает следующие сведения: «В ас-Сине есть триста процветающих городов. Из них 90 (наиболее) известны. Пределы ас-Сина тянутся с моря до Тибета и /земель/ тюрков, на западе – до Хинда. К востоку от ас-Сина страна ал-Ваквак...» [8. С. 81]

Так, в «Искандер-наме» [5, с. 374 (1316-1317)]:

۳۷۴. ص دن تشارف ا ت ي ار ني چ ناکرت دک دن تشاد رب هصق ناهج هاش

Шаху мира донесли рассказ о том,
Что тюрки Китая (Чина – Г.В.) подняли знамя. [6. с. 279 (1940)]

В данном бейте, как видно, содержится ценная историческая информация - ция о том, что под Чином подразумевается Китайский Туркестан, где оби -тали тюрки.

В исследуемом тексте обнаруживается, что под понятием «Чин» подразумевается

Восточный Туркестан и «ني چ كرت» (букв. «китайский тюрк») [5, с. 377 (1316-1317)]:

۳۷۷. ص غارچ ي ن اشك ر ص ر ص داب رب هك غ امد رد ني چ كرت ي ا و ت ي ارد ه چ

Что у тебя в помыслах, о китайский (Чин - Г.В.) тюрк,

Что несешь ты светоч на ураган? [6, с. 281 (1940)]

Или в «Искандер-наме» [5, с. 370 (1316-1317)]:

۳۷۰. ص ني چ ناق اخ هن درانگ ني چ هن هك ني مز ناري ا ز ا ل ي س ي كي دم ا رد

Налетел поток из иранской земли,

Который ни Китая (Чин - Г.В.) не оставит,

ни китайского (чини - Г.В.) хакана. [6, с. 276 (1940)]

Выражение «налетел поток из иранской земли» употреблено в аллегорическом значении: имеется в виду Искандер с его огромным войском.

В традиционной поэтике данный поэтический прием называется «ки - найе» (метонимия), перенос наименования на основе смежности двух объектов. Армия Искандера уподобляется наводнению, обрушившемуся на Вос -точный Туркестан. Разновидность «кинайе» (скрытое уподобление) в европейской филологии идентифицируется, как известно, с перифразом, т. е. упо - треблением вместо слова описательного словосочетания.

Или в «Искандер-наме» [5, с. 398 (1316-1317)]:

۳۹۸. ص دي ش ك رد ني چ ب نگاژك ي ا ب ق دي نش ي ني چ زا و ا و چ ردن ك س

Искандер, когда услышал крик китайца (чини - Г. В.)

Одел (надел – Г. В.) кафтан из плотного шелка,

полного складок (чин – Г.В.) . [6, с. 296 (1940)]

Или [5, с. 406(1316-1317)]:

۴۰۶. ص داشگ ني چ ناي ني چ ي ن اش ي پ ز داهن ني چ رد هك ناو خ ي ورس خ س ب ز

От обилия хосроевских (царских - Г.В.) скатертей,

которые он в Китае (Чин - Г.В.) разостлал,

Он морщины на челе китайцев разгладил. [6, с. 302 (1940)]

Поэтом обыгрываются лексемы «чин» (морщина), «Чин» (Китай) и «чиниян» (китайцы). Данный случай – яркий пример использования поэтом топонима «Чин» в стилистических целях: в составе поэтической фигуры «таджнис», как слово-омоним.

Или в «Искандер-наме» [5, с. 416 (1316-1317)]:

۴۱۶. ص ني ن زان ش دراد ات داد ه شب ني چ ناق اخ هك ي كرت هره چ ي ر پ

Периликая тюрчанка, которую китайский (чини - Г.В.) хакан

Дал шаху, чтобы он ее любил. [6, с. 309 (1940)]

Под выражением «периликая тюрчанка» подразумевается прелестная рабыня по имени Нистандарджахан (букв. нет подобной в мире), которая была подарена хаканом Искандеру. Данное литературное явление, как известно, именуется перифразой. Здесь явный намек на то, что «хакан Чина» – государь тюрков.

Халлух □ /карлук, в арабских источниках: харлух, халлух – в персидских / – одна из исторических областей Восточного Туркестана. В «Искандер-наме» встречается четыре раза.

Так, Халлух [5, с. 492 (1316-1317)]:

۴۹۲. ص جارخ من اتس خ ل خ ز ي ئ و ب ب جات و ق و ط م ه د ق ش ا ع ب ي ئ و م ز

Одним волоском я влюбленному даю ожерелье и венец,

Ароматом беру дань с Халлуха. [6, с. 366 (1940)]

в персоязычной поэзии известен как область, откуда вывозился лучший мускус, и которая славилась своими красавицами.

Впервые в низамиведении для раскрытия денотативного значения тюркских топонимов нами использован бесценный источник по историко-географической литературе неизвестного средневекового /X в./ мусуль -манского автора под названием «Худуд ал-'алам мин ал-машрик ила-ал-макриб» (Пределы мира от Востока до Запада) (об этом см. А. Г. Туманский).

□ [см.12] Так, согласно «Худуд ал-'алам...»¹ [13, с. 81] границы Халлуха опре -делялись таким образом:

يو يارهش و خلخ تيحان ردا ن خس - ۱۵ §

امغي دودح زا يرضعب يو بونج و ، زغزغت دودح و امغي دودح و تسبتت دودح زا يرضعب يو قرشم تسيتييحان نيا و . زغزغت و لگچ و سخت دودح يو لامش و زوغ دودح يو برغم و تسرهن لاءاروام تييحان و راهوي م وازا و تسلدت عم راه و تسن اور راهب آ يو ردا و كرت ييحاون زا تسا تييحان ني رتتم عناب و ن اداب آ ردا ي ردا ن اوخ يو غبج ار خلخ كولم و . ه دن زي م آ و وخ شوخ و كي دزن مدرم دن ا ين امدرم و دزي خ نوگان وگ يرضعب و دن اداي ص يرضعب ناي خلخ نيا و تساهد و ا رهش يو ردا و ي ردا ن اوخ زين و غيب و مي دق و نوگان وگ ياهي وم و بسا و تسادن پ سوگ ناشي ا قتس اوخ و دن ان ان ابش يرضعب و . دن نك (ي) زرواشك و "ه دن رب نتخات و دن ا ي گن ج ين امدرم

«§ 15. Слово об области Халлух и ее городах

С востока граничит с некоторой частью Тибета, с юга – с некоторой частью Ягма и областью Мавараннахр («Заречье»), с запада – с Гузом, с севера – границами Тохаса и Чегеля и Тогузгуза. Эта область – благо -словенный край, с возделанными землями, населенная. Одна из процветающих тюркских областей. В ней проточные воды, умеренный климат, там растут разные фрукты, народ доброжелательный. В древние времена царя Халлуха звали джабгу, а также бигу (бейгу). В ней имеется много городов и селений.

Одни из карлуков (халлухи) – охотники, а другие – земледельцы, некоторые – пастухи. Их состояние – овцы и кони и разные фрукты. Народ воинственный, совершают набеги, они побеждают»⁵.

В «Искандер-наме» топонимы «Халлух» и «Ягма» чаще всего исполь -зуются поэтом в поэтической структуре текста в различных стилисти - ческих целях.

Так, эти топонимы в бейте выступают в качестве олицетворения (таш - хис). [5. с. 370 (1316-1317)]:

۳۷۰. ص شوج داتفا رد خلخ و امغي ب شورش دمآ رب هشنهش سوک ز

От литавр государя раздался гром,

Ягма и Халлух вскипели. [6, с. 276 (1940)]

Замечательно, что лексические единицы Ягма и Халлух также содержат ценную информацию об этносе.

«После распада западно-тюркской империи, карлуки перекочевавшие из Алтая на берега Аму-Дарьи, с 766 г. приобрели политическое значение и обосновались в Чуйской долине. Благодаря торговым сношениям после X в. карлуки сблизилась с арабами и приняли ислам.... Как ближайшие соседи мусульманских областей карлуки больше, чем другие тюрки, подверглись влиянию персидской культуры и отличались от прочих тюрков также чертами лица: Махмуд Кашгарский объединяет карлуков вместе с гузами под названием туркмен».⁶ [14, с. 547-548]

В «Искандер-наме» [5, с. 370 (1316-1317)]:

۳۷۰. ص رس دروآ رب خلخ هاگرخ ز رز لاخ لخب امغي نوتاخ وچ

Когда госпожа из Ягма с золотым браслетом

Из халлухского шатра высунула голову. [6, с. 228 (1940)]

тюркизмы «хатун» (госпожа) и «Ягма» в составе образного выражения «хатун-е Ягма» (госпожа из Ягма) аллегорически означают утро, используются поэтом для изображения рассвета. При описании наступления утра топоним «Халлух» иносказательно употребляется поэтом в значении «небо» в составе оборота «харгах-е Халлух» (Хал – лухский шатер). Вместе с выражением «халхал-е зар» (золотой браслет, т.е. Солнце) участвуют в создании поэтического образа в качестве парафразы.

Начиная с XIII в. этот народ больше не упоминается. «Зато в это же время упоминается владение карлуков к северу от Или со столицей в Каялыке... Сыну князя карлуков Арслан-хана, подчинившегося монголам и принимавшего участие в походе против хорезмшаха

1 * в круглых скобках указывается год издания

Мухаммеда, великим ханом Мункэ /1251-1259/ был пожалован Узгенд и Фергане.... В более позднее время слово «карлук» упоминается, по-видимому, только как название одного из родов узбеков». [14, с. 548]

В поэме также содержится намек на вывозимый из Тараза мускус, которым славился этот край [5, с. 251(1316-1317)]:

۲۵۱. ص زاب دن درک هفان و هشیش رس زارط کشم و ناهاپس بالگ

Испаханская розовая вода и таразский мускус

Открыли флягу и развязали мешочек. [6, с. 190 (1940)]

В 766 г. Талас вместе со всем Семиречьем был захвачен тюрками-карлуками. Тараз – арабская форма астионима (название города) Талас, расположен на берегу реки Тараз.

Тараз (современный город Джамбул, построенный на развалинах Аулие-Ата) упоминается в тексте три раза. «В VIII-IX вв. Талас был столицей карлукских владений, крупным торговым центром, связывавшим Согд с землями тюрок и Китая. Здесь проходил международный торговый путь из Ирана и Византии в Восточный Туркестан». □ [15, с. 68]

В «Искандар-наме» астионим Тараз выступает как олицетворение или символ Востока в противовес Хабашу – символу Запада, как своеобразное противопоставление (антитеза) Востока и Запада [5, с. 783 (1316-1317)]:

۷۸۳. ص دروا زاتکرت شبح رب یهگ دروا زارط رد ن تخات یهگ

То устремлялся бы на Тараз

То переход совершал бы в Хабаш. [6, с. 540]

Тюркский топоним Ягма (название исторической области в Китайском Туркестане) упоминается в «Искандер-наме» четыре раза. «Этноним *Ягма* – это та ветвь *токуз-огузов*, которая отделилась от главной массы народов. Ягма означает «отряды, совершающие набеги». Этот народ отнял у карлуков (халлухов) часть их владений с городом Кашгаром.8 [16, с. 243]

Так, [5, с. 377 (1316-1317)]:

۳۷۷. ص تسدب مرأ ی نی چ و ی امغی هک تسشن مرای ن ز نی چ و امغی ب

В Ягма и Китае (Чин - Г.В.) не затем сижу я,

Чтобы раздобыть себе ягмайцев и китайцев. [6, с. 281 (1940)]

Известный иранский низамивед В. Дастгерди комментирует бейт так: «В страну Ягма и Чин не для того пришел, чтобы завоевать ягмийцев и китайцев. [5, С. 377] Топоним «Чин» и апеллятив «чини» (китаец) являются примером применения слов – омонимов (в составе традиционной стилистической фигуры «таджнисе зайид», разновидности таджниса).

Согласно «Худуд-ал-‘алем» («Пределы мира...») [13, с. 78-79] границы Ягма таковы: ۱۳ - §»

ی و ی ادهش و امغی تی حان ردن ان خس

یو برغم و دتفا اچک دور ردن ا یک تسنو غ دن لوخ دور یو بونج و ، تسازغزغت تی حان یو و قرشم رای سب ادهیوم یو زا و کدن ا رگم تسین زرب و تشک یو و ردن ا یک تسیتی حان نی و ، تساخلخ دودح و یوق و دن ا تخس ین امدرم و ، دن پس وگ و تسبس ا ناش ی ا قتس اوخ و ، تسرای سب ادهی ص و ا ردن ا و دزیخ رای سب ی اهل ی بق ارن ای امغی نی و . تسازغزغت کلم دالوا زا ناش ی ا کلم و ، رای سب حال س اب و نک گنج رم و ، دن س ان شب ناش ی ا ن ای م ردن ا ی ک ، فورعم تس ا هل ی بق دصتفه و رازه ارن اش ی ا یک دن ی وگ و ، تس ا هتخی م ا ردن ا ن ای زغزغت اب امغی زا دن ا ی موق مه ن ای ق ال ب و . ناش ص اوخ و م اوع دن رب زامن ا ر ش ی و خ کولم ، "یک دن اتس ادهد و ا ردن ا و

«§ 13. Слово об области Ягма и ее городах

На севере от нее расположена область Токуз-огуз. С юга граничит с рекой Холандгун, впадающей в р. Кача, с запада – с областью Халлух. В этой области не занимаются земледелием (или мало), в ней растут фрукты, там много охотятся. Их основное богатство – овцы и кони; люди (там) крепкие, сильные; народ воинственный, у них много оружия. Их царь является потомком царя Токуз-огуза. У этих ягмийцев много племен. И говорят, что у них одна тысяча семьсот знатных племен... И балакия также одно из племен Ягма, смешанное с Токуз огузом. И в ней много деревень». □

Как видно, в данной статье тюркские топонимы преподносятся в соот-ветствии со сведениями средневековой мусульманской литературой по исторической географии.

Считается, что Караханиды принадлежали к народу Ягма, проникшему в Чуйскую долину, где и приняли ислам. В 999 г. они завоевали Маверан - нахр и создали империю Караханидов. В XI в. владения одного из Караханидов Кадыр-хана Юсуфа, простирались на Восточный Туркестан, Семиречье и восточную часть Сыр-Дарьинской области, столицей его был Кашгар. В персоязычной поэзии народ Ягма славится своей красотой, воинственностью. [16, с. 243]

Низами уподобляет своего мамдуха (восхваляемого) этому Кадыр-хану Юсуфу, который прославился в истории своей отвагой и мудростью.

Хотан (китайск. Юйтянь (II в. до н.э.), упомянутый в тексте «Искан -дар-наме» четыре раза – название города в Китайском Туркестане. Согласно персидским толковым словарям, город находился в 300 км юго-восточнее Ярканда. Наличие обладающих мускусом (кабаргой) газелей на пустынях окрестностей было причиной славы Хотана с древних времен среди стран древнего мира. Кроме того, Хотан был расположен на торговом пути между Ираком и Китаем. В персоязычной поэзии Хотан воспевается как местность, славящаяся своими красавицами и лучшим мускусом.

Так, в «Искандар-наме» Хотан как астионим, обозначающий тюркский город в Китайском Туркестане, участвует в составе поэтической фигуры «сийакат- ал -‘адад» [5, с. 371 (1316-1317)]:

ص ۳۷۱. نم چنا درک بي تربت و داتس رف ن تخ ناخب ات اطخ هاش ز

От шаха Хатая до хана Хотана

Всем послал и созвал совет. [6. с. 277 (1940)]

придает стиху национальный тюркский колорит.

Титул «хан» (тюрк. «князь») еще раз подчеркивает факт отношения Хотана в раннее средневековье к тюркским городам с мусульманским населением, описанным в источниках мусульманских историографов и геог -рафов. Так, [5, с. 390 (1316-1317)]:

ص ۳۹۰. ن تش يوخ زا تس ارا رب ي لوسر ن تخ راي رهش ني چ راده پس

Военачальник Китая (Чин- Г. В.), государь Хотана,

Принял вид посланника. [6. с. 290 (1940)]

В данном бейте топонимы «Чин» и «Хотан» выступают как поэтическое средство в составе традиционной стилистической фигуры «тансик ас-сифа» (перечисление эпитетов), усиливающее экспрессию стиха.

Астионим Хотан в поэме также непосредственно выступает в качестве метафоры («кинайе») в смысле скрытого уподобления (II вид исти‘ара), парафраза [5, с. 255 (1316-1317)]:

ص ۲۵۵. داهن تي زج غاد ش بح رب ن تخ داشگ عق رب زور خر زا ح بص وچ

Когда утро снимало покров с лица дня,

Хотан клал клеймо подати на Абиссинию. [6. С.193]

В двустииши «день» метафорически уподобляется Хотану, ночь – «Абиссинии», солнце – «клейму подати».

В «Искандар-наме» также упоминается тюркский топоним Хырхыз

[5. С. 222 (1316-1317)]:

ص ۲۲۲. درک زي لهد گنت ار باوخ رد درک زي خرخ يار ني چ ز ر دن کس

Искендер возомнил (перейти) в Хырхыз из Китая (Чин – Г.В.)

К двери сна он сделал узкий проход. [6, с. 503]

Хырхыз – название исторической области в Китайском Туркестане, упомянутой в поэме два раза. Из Хырхыза вывозился лучший /с резким запахом/ мускус, и ткались изящные шелковые одежды. В персоязыч - ной поэзии эта область славится этими двумя качествами.

Согласно «Худуд-ал-‘алем» («Пределы мира...») границы Хырхыза определяются таким

образом:

§«زي خرخ تي حان ردن انخس ۱۶»

خ ل خ ز ا ي ض ع ب و ت س ا ز غ ز غ ت د و د ح ي و ب و ن ج و ي ق ر ش م س و ن ا ي ق ا ي ا ي ر د و ت س ا ت ي ح ا ن ي و ق ر ش م ي ن ا ر ي و ن ي ا و ت س ي ن ي ن ا د ا ب آ چ ي ه ي و ز ا ت ي ح ا ن ر د ن ا و ل ا م ش ي ن ا ر ي و ز ا ت س ك ا ك م ي ك د و د ح ز ا ي و ب ر غ م و ع ا ه ي و م و د ت ف ا ر ا ي س ب ك ش م ت ي ح ا ن ن ي ا ز ا و . ا م ر س ي ت خ س ز ا ، د و ب د ن ا و ت ن م د ر م ا ج ن آ ي ك ت س ا ل ا م ش و . د ن ا و خ ن ا ق ا خ ز ي خ ر خ ا ر ن ا ش ي ا ك ل م و د ز ي خ و ت خ { د ر ا ك } ر ا ك [ه س د و ج ن ل خ ب و چ و ، گ ن د خ ب و چ و ر ا ي س ب و ز ر ا ب م و ت م ح ر م ك و ر ا ك د ا د ي ب و ي و م م ك و د ن ا ت ر و ص ت ش ر د و ، د ن ر ا د ن ا گ د د ي ك د ن ا { ي ن ا م د ر م } ن ا م د ر م ن ي ا ن ا ش ي ا ه ت س ا و خ و ت س ا ي ن م ش د و ت س ا گ ن ج ت س ن ا ش ي ا د ر گ ا د ر گ ز ا ي ك ي م و ق ه م ا ب ا ر ن ا ش ي ا و ، ن ك گ ن ج ا ر ش ت ا ن ا ش ي ا و ر ا ز غ ر م و ا و ه و ا ي گ و ب آ ر ب د ن د ر گ ي م و ب س ا و و ا گ و د ن پ س و گ و ت س ز ي خ ر خ ع ا ز ا ه ج ز ا « د ن ز ر ي ج خ ن و ه د ن ك ر ا ك ش و ، د ن ه ا گ ر خ و ه م ي خ ن ا د ن و ا د خ و ، د ن ز و س ب ا ر ه د ر م و د ن ر ا د گ ر ز ب

[13, 79-80]

«§ 14 Слово об области Хырхыз

С востока граничит с областью и восточным океаном. С юго-востока граничит Токуз-огузом и некоторой частью Халлуха. С запада граничит с Кимкаком (Камчатка – Г.В.), с севера необитаемыми землями. И в северной области нет ничего благоустроенного (населенного). Эта северная необитаемая, где не могут обитать люди из-за холодов. Из этой области (Хырхыза) вывозится много мускуса.

Их царя величают хаканом Хырхыза с грубым лицом и редкими волосами жестокие и несправедливые». □

В «Искандар-наме» для усиления экспрессии стиха топоним Хыр -хыз мастерски использован поэтом в составе стилистической фигу -ры «сийакатал-адад», т.е. перечисление как однородные члены некото -рого количества отдельных имен.

Так, [5, с.371 (1316-1317)]:

۳۷۱ ص رمك ني رز دن اوخ ناولهپ يسب رغشاك زا و چاچ زا و زي خرخ ز

Из хырхызов и из Чача и Кашгара

Много создал он богатырей с золотыми поясами. [6, с. 277 (1940)]

Опираясь на сочинения Иакинфа², и т. д., А. Позднеев так представляет Хырхызов: «Киргизы □ – Под этим именем известны у нас племена, обитающие ныне в бассейне Иссык-куля, верховьях реки Текес, по долинам рек Чу и Таласа и далее, в китайских пределах, по южному склону Тянь-Шаня, верховьям реки Тарим, Памирскому плоскогорью и в окрестностях хребта Сары-куль. ... Первоначальная история Киргизы известна нам по сказаниям китайцев. В глубокой древности Киргизы представляли собой самостоятельное государство Гянь-гунь, но в период II и I вв. до Р. Х. были подчинены хуннами и составили западную часть хуннских владений. Состоя под властью хуннов, гянь-гунь перемешались с динлинами, народом, по одним сведениям, тунгусского, а по другим – монгольского происхождения, обитавшим на юге нынешней Енисейской губернии. [18, т. ХУ:101-103]... ..Впоследствии, может быть именно в силу этого смешения, имя гянь-гунь исчезло, и племена эти стали называть себя хагас. Китайцы описывают тогдашних хагасов как народ рослый, с рыжими волосами, румяным лицом, голубыми глазами, стоящий на значительной степени цивилизации. Они занимались земледелием и скотоводством; умели разрабатывать золото, железо и олово. Государь их назывался Ажо». [18, т. ХУ:101-103]

В «Искандар-наме» астионим Кашгар (Кашгар, Каджгар, Гаджгар, Качкар, Кажгар) упоминается один раз.

Кашгар – центральный город в Восточном Туркестане, расположен в 170 км северо-западнее Ярканда, на берегу Кашгарского моря (Кызыл су).

Кашгар использован Низами в составе стилистической фигуры «сийа -кат-ал-‘адад» [5, с. 371 (1316-1317)]:

2 Перевод с персидского языка - Г.В.

ص ۳۷۱ رمک ني رز دن اوخ ناوله پ يسب رغشاک زا و چاچ زا و زي خرخ ز

Из хырхызов и из Чача и Кашгара

Много созвал он богатырей с золотыми поясами. [6, с. 277 (1940)]

Хата (Cathay) («китай», в мусульманских источниках – «кара-китай», в китайских – «западные Ляо») – название исторической области, которая также входила в состав Китайского Туркестана, упоминается в поэме четыре раза.

В мусульманских источниках Хата или Хатаи относится к «Северному Китаю», где обитали тюркские племена, на что посредством стилистической фигуры «талмих» намекает выражение «торке хатаи» (хатайская тюрчанка) из Северного Китая. Так, например [5. С. 342 (1316-1317)]:

ص ۳۶۲ ص مامت و دنه وچ لد ندي دزدب مانب يي اطخ کرت هک و دنه هن

Не индиянка, а скорее хатайская тюрчанка по имени,

Столь же совершенная в похищении сердец, как индийцы. [6: 271 (1940)]

Топоним Хата в персоязычной поэзии, в частности, в «Искандар-наме» чаще всего используется в различных стилистических целях.

Так, например [5, с. 272 (1316-1317)]:

ص ۲۷۲ ص ش رورپ هتفاي نوخب شن ان س شرا يس ي اطخ هزي ن زا مه

Так же и хаттских копий в тридцать аршей,

Наконечники которых были вскормлены кровью. [6, с. 206 (1940)]

Или [5. с. 225 (1316-1317)]:

ص ۲۲۵ ص رمک ني رز نامالغ يي اطخ رز ني ز اب ن اب سا ي زات نامه

Также арабские кони с золотыми седлами,

Китайские («хатаи» – Г.В.) юноши с золотыми поясами. [6, с.170 (1940)]

Как видно, топоним Хата в тексте выступает в качестве эпитета «*ي اطخ هزي ن*» - «хаттские копия» и «*نامالغ يي اطخ*» – «хатайские юноши», служащего усилению выразительности стиха.

Научная новизна. Наблюдения над ономастической лексикой поэмы «Искандар-наме» позволяют доказать, что в системе имен изучаемого текста найдено достаточно полное отражение культурная традиция мусульманского мира периода средневековья. В память каждого топонима заложена обширная историко-культурная, а также зачастую художественная информация.

Кроме того исследование функционирования топонимов тюркского происхождения в тексте поэмы дает возможность глубже и шире проникнуть в поэтический мир образов, созданных оригинальным воображением и эрудицией Низами и толковать поэтические образы через традиционную систему средств выражения.

Практическая значимость. Описание топонимов тюркского происхождения, участвовавших в составе фигур и тропов и выступающих образными средствами в поэме «Искандер-наме» Низами Гянджеви позволяет точнее и вернее раскрыть смысл и содержание двустиший в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы конференций, посвященных проблемам азербайджанской ономастики, опубликованные на азербайджанском языке, см.: ПАО (Проблемы азербайджанской ономастики), I, Б., 1987; ПАО, II, Б., 1988; ПАО, III, Б., 1990; ПАО, IV, Б., 1993; ПАО, V, Б., 1996; ПАО, VI, Б., 1996.

2 Юсифли М. Ш. Личные имена персонажей в художественных произведениях, ПАО, I, Б., 1987, с.235-236; Юсифов Ю.М. О личных именах одного-двух персонажей в стихах Насими, ПАО, I, Б., 1987, с.13-15; Гаджиев А. Ш., Сафаров М. Стилистические возможности антропонимов в художественных произведениях. ПАО, I, Б., 1987, с.73-76; А. Пашаев. Поэ-

тическая антропонимика Низами Гянджеви. ПАО, I, Б., 1987, с.53-56; А. Агаев. Космонимы в поэмах «Лейли и Меджнун» и «Семь красавиц» Низами Гянджеви. ПАО, IV, Б., 1993, с.190-192; М. Адиллов. Стилистические особенности собственных имен в газелях Физули. ПАО, IV, Б., 1993, с.9-12; Ф. Б. Багиров. Стилистические особенности топонимов в произведениях С. Рагимова. ПАО, IV, Б., 1993, с.165; М. Мамедов. Стилистическое место антропонимов в поэзии. ПАО, IV, Б., 1993, с.16-18; М. Мамедов. Стилистические особенности оронимов в поэтических произведениях. ПАО, V, Б., 1995, с.56-58; Х. Магеррамова. Стилистические особенности топонимов в художественных произведениях. ПАО, V, Б., 1995, с.78-80.

3 Araslı H. Azərbaycan ədəbiyyatı: tarixi və problemləri (seçilmiş əsərləri), bir cildə, Bakı; Gənclik, 1998; Əlizadə M. M. Firdovsi və Nizami əsərlərindəki Şirin surətlərinin müqayisəli təhlili // Nizami və Şərq ədəbiyyatı (elmi əsərlərin tematik məcmuəsi) // Bakı ; ADU-nun nəşri, 1983; Rəsulzadə M. Ə. Azərbaycan şairi Nizami. Bakı; 1991; Низами Гянджеви. Лирика \ составление, филологический перевод, вступительная статья и комментарии проф. Рустама Алиева \ Баку, Язычы, 1991; Yusifli X. “Nizaminin etnik mənsubiyyəti: həqiqət və uydurmalar”// Ədəbiyyat qəzeti, 22 sentyabr 2012-ci il//; Araslı N. Nizaminin poetikası, (ədəbi qaynaqlar və bədii təsvir vasitələri), Bakı; Elm. 2004; Алиев Г.Ю. Лебединая песнь Низами // Низами Гянджеви. Искандер-наме / Перевод с фарси и комментарии Е. Э. Бертельса и А. К. Арендса, Баку; Элм, 1983; Səfərli Ə. Nizaminin yaradıcılığında türklük // «Nizamişünaslıq» (elmi əsərlər), 2 saylı, Gəncə; Elm, 2012; Səfərli Ə. Yusifli X. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, (qədim və orta əsrlər tarixi). Bakı. 2008; Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, ikinci cild, Bakı; Elm, 2007; Гаджиев А. Ренессансный мир «Хамсе» Низами Гянджеви, Баку; Мутарджим, 2000; İskəndərli X. Nizami və türklük. Bakı -2004 ; Гаджиев Д. Низами Гянджеви-великий воин Турана. Саранск. 2014, www.proza.ru/2015/08/07/881

4. Алиев Г.Ю. Лебединая песнь Низами // Низами Гянджеви. Искандер-наме / Перевод с фарси и комментарии Е. Э. Бертельса и А. К. Арендса, Баку; Элм, 1983.

5. نایب و تاغل حرش و یش اوح اب قارع یار عرش رالاس نخس یوجنگ یمظن می کح هم ان فرش و من اخیچاچ نارمط، "ی درگتسد دی جو ناغمر او راگدای لاس نهک هه خسن یس اب هه لب اقم. حی حصت و یس مش-1316 هام دادرخ، ناغمر او

حی حصت و نایب و تاغل حرش و یش اوح اب قارع یار عرش رالاس نخس یوجنگ یمظن می کح هم ان ل ابقا 1317- هام دادرخ، ناغمر او "ی درگتسد دی جو ناغمر او راگدای لاس نهک هه خسن یس اب هه لب اقم. یس مش -

نخس یوجنگ یمظن می کح هم ان فرش زردنا و تم کح نه یزخ نه یرت گرزب و نخس نه یجنگ نه یمچنپ دی جو ناغمر او راگدای لاس نهک هه خسن یس اب هه لب اقم و تاییب و تاغل حرش و یش اوح اب قارع یار عرش رالاس ن تهران، ناغمر او هه بطم -نارمط، یس مش ۱۳۱۶، هام دادرخ، ی درگتسد -1316-1317

6. Низами Гянджеви. Искандер-наме. Часть I, «Шараф-наме» /перевод Е.Э. Бертельса /. Баку, 1940.-390 с.; Низами Гянджеви. Искандер-наме / Перевод с фарси и комментарии Е.Э. Бертельса и А. К. Арендса, Баку; Элм, 1983. 590 с.

7. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI-XII вв), М., 1974.

8. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран /перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой, Баку; Элм, 1986.

9. Мухаммад б. ал-Хусайн б. Мухаммад ал-Кашгари “Китаб-е диван лугат-ат-турк”, 1-3 тт., 1333-1335.

10. Хасанов Х. Х. Ценный источник по топонимике Средней и Центральной Азии / В кн: Топонимика Востока / Труды Совещания по топонимике Востока. М.: Издательство Восточной Литературы, 1962.

11. Камус-ал-алам-е турки (Словарь тюркских слов “имен), составленный Сами бек Фрашери, в 6-ти т., Стамбул, 1889-1898.

12. Туманский. А. Г. Новооткрытый персидский географ X – го столетия и известия его о славянах и руссах // Записки восточного отделения императорского русского археологического

общества – 1896 С.-П96), 1897; типография императорской АН.

13. Худуд ал-'алам мин ал-машрик ила-ал-макриб (“Предел мира от Востока до Запада”), соч. в 982-983 гг. н.э. неизвестным автором. Тегеран; Чапхане-йе Данешгах (Типография Университета), Исфахдмах, 1962.

14. Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов том 5, М.: Наука, 1968. 759 с.

15. Калинина Т.М. Сведения ранних ученых арабского халифата. Москва, 1988.

16. Бартольд В. В. Сочинения. Т. II, часть I. Москва, 1963.

17. «Сказание о народах Средней Азии» (С.-Петербург, 1851); «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана» (С.-Петербург, 1829)

18. Энциклопедический словарь – том ХУ, издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург), С.-Петербург, 1895.

ABOUT TURKIC ORIGIN TOPONYMS IN NIZAMI GANJAVI'S POEMS

Wafa Hacıyeva

*Dr., Medieval Literature of
the Department of Azerbaijan National
Academy of Sciences*

“Khamasa” – five Masnavi – gathered together under the generic name «Five poems» are the best creations of the human mind and the flight of his poetic imagination.

The author of this rare Pearl of the treasury world's poetry is the unsurpassed poet and prominent thinker (Hakim) of Azerbaijan, Nizami Ganjavi (12th century). His brilliant mind and vivid imagination with his wide erudition were reflected on his immortal creations, five poems composed by him in the genre of masnavi – original poetic form of the medieval poetry of the Middle East.

The objects of the research are Turkic origin toponyms, which mentioned in the poem named «Iskander-nameh» of Nezami Ganjavi.

Observations on the onomastics lexicon of the poem named “Iskander-nameh” of Nezami Ganjavi allow proving argumentatively that in the system of names of the studied text has found fairly complete reflection the cultural tradition of the Muslim world of the middle Ages period.

In memory of each name frequently lies extensive historical and cultural and artistic information.

The aim of this research are the systematization of toponyms included in the onomastic space of the Nizami Ganjavi's poem «Iskander-nameh»; the identification historical and geographical information in the place names used by poet as to refer to places depicted events and are entered into the text in a variety of stylistic purposes; selection of chronological strata underlying the poem mentioned in its toponymic space.

Herewith used by a descriptive method of study.

Description of Turkic origin place names involved in the composition of figures and tropes and projecting as figurative means in the Nizami Ganjavi's poem “Iskander-nameh” allows to uncover exactly and correctly the meaning and content couplets in it.

Besides the observations on the functioning of the Turkic origin toponyms give you the opportunity to penetrate in the poetic world of images deeper and broader, created by original imagination and erudition of Nizami and to interpret the poetic images through traditional means of expression.

Key words: Nizami Ganjavi, toponyms, turkic origin, “Iskander-nameh”, stylistics, poetic._

**ЛЕКСИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО СЛОВАРЯ «ДИВАНУ ЛУГАТИ-Т ТҮРК»
М. КАШГАРИ И СОВРЕМЕННЫЙ КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК**

Султаналиев Ишенбек

*кандидат филологических наук, доцент
Кыргызский национальный университет
имени Ж.Баласагына*

В статье рассматривается общее количество слов и лексическое богатство словаря «Дивану лугати-т түрк» М. Кашгари. Мы разделили по фонетико-лексическим признакам на 11 групп, при этом отмечается, что сходство с кыргызским языком составляет 80%. Коротко останавливаемся на заслугах З.-А.М. Ауэзовой.

Ключевые слова: «Диван», фонетика, лексика, пословица, кыргызский язык, сходство, процент.

Исследователи числа слов в словаре показывают по-разному. По сведению Э.И. Фазылова, число слов и словосочетаний в реестре Словаря у Б.Аталая – **8783**, у С.Муталлибова – **9222**, у К.Брокельмана – **7993**. [8, с.143] А у З.-А.М.Ауэзовой **6727**, но учитывая, что здесь 4 слова повторяется два раза, а одно слово пропущено, всего будет – **6730** слов. У З.Ауэзова в одно гнездо вошли слова омонимы, одинаково по написанию на арабском языке, но значения в тюркских языках разные. Например: **1. ашды [эшти]:** 1) *Ол кайырны ашды* – Ал кумду төктү (*эшти*); «Он высыпал песок (*эшти*)»; 2) атлыг *ашды* – аттуу (киши) *ашты*; 3) ашыч кайна *ашды* – казан кайнап *ашты* (ташыды), «казан переполнившись, пролилось»; 1) *Эр ок атты* – эр ок атты «мужчина выстрелил»; 2) *Таң атты* – таң атты; «рассвело»; 3) *Ол атты неңи* – Ал нерсени ыргытты, «Он выбросил вещь» и т.д. Как мы видим, здесь в «Диване» – **333** слова омонимы, одинаковые по написанию и произношению, но разные по значению. Если эти слова выделить отдельно в реестр, то можно сказать, что **М.Кашгари выявил значения 7063 слов и перевёл на арабский язык.**

В сведениях, которые дошли до нас, намечается, что число пословиц, поговорок составляет 290, четыре объёмных элегий, сказаний, хикматы, афоризмы, стихотворения, поэтические отрывки и др. Действительно, автор не давал объёмных элегий, сказаний. По нашим счётам, в Словаре 299 статей. 245 примеров в стихотворной форме. Мы впервые в науке тюркологии дали в форме таблицы, сравнивая с современным кыргызским языком, посчитали, сколько всего слов и формы слов есть в примерах «Дивана».

В таблице **впервые дан общий лексический состав** «Диван лугати-т түрк», то есть (по З.Ауэзова) в реестре к **6736** словам прибавился **24684** слов в примерах, правилах (во введении, в фонетико-лексических, грамматических правилах, в предложениях, стихотворениях, пословицах и т.д.).

Таким образом, в «Диване» выявляется, что есть всего **31420 слов и формы слов**. Мы, сравнивая с современным кыргызским языком, разделили на 11 групп.

1. Слова одинаковые с фонетикой и лексической стороны.

Такие слова в современном кыргызском языке очень много. Например: *ата, от, эт, ит, үч, ак, ич; көч, кыр, кыз, мурч, орум, үпүп, эркеч, аркар, улар, эшилген, чигит* (семена хлопка), *курут, чанач, кысрак* (кобылица), *уйалады* (хищная птица), *камчылады, көмөлдүрүк, и т.д.* Как показывают примеры, четырёх слоговые слова совпадают с современным кыргызским языком. Кроме этого с современным кыргызским языком совпадают в зависимости от гласного звука в основе, созвучия гласных в зависимости от языка и губ в аффиксах (сингармония).

2. Слова, различающиеся фонетически, но одинаковые по лексическому значению.

Ол – Ал, *ана* – апа, *йай* – жай, *йыл* – жыл, *анд* – ант, *уд* – уй, *ууг* – уук, *увут* – уйат, *огул* [*угул*] – уул, *бен* – мен, *кобуз* – комуз, *багыр* – боор, *кагун* – коон, *сүзме* – сүзмө, *сач* – чач, *үкек* – үкөк, *бөри* – бөрү, *теңиз* – деңиз, *эзгү* – изги, *аглак* – оолак, *углак* – улак, *йорыга* – жорго, *кайгык* – кайык, *байрам* – майрам, *бойундурук* – мойунтурук, *багышлады* – багытды, (*Ол маңа ат багышлады* – Ал мага ат багыштады (тартуулады) «он мне преподнёс (в качестве подарка) лошадь»); *мончак* – мончок.

3. Слова, изменившиеся по значению. Значения многих слов изменились. Приведем примеры:

- *йылкы* – обозначал всех видов скотов, *ток йылкы* – скоты без рогов, т.е. токол малдар (кырг.).

- *Уке* – титул, обозначал всех знаменитых людей, сейчас используется в значении младший брат.

- *Тон* – обозначал общее название одежды, сейчас обозначает только верхнюю одежду.

- *от ичтим* – дары(чөп) ичтим «выпил лекарственную траву», сейчас обозначает только траву.

- *тавар* – мал-мүлк, дүнүйө, окат «богатство, хозяйство», сейчас обозначает вещь, которая продаётся.

- *какач* – кир «грязь». *Тон какач болды* – кийим кир болду «одежда стало грязной» (№1881. Нумерация по З.Ауэзовой). Сейчас это относится только к волосам.

4. Слова, не употребляющие в современном кыргызском языке. *Аст* – көчө (чигилче), *азут* – бир ууч, *өкит* – буудай уну, *икит* – калп, *амач* – максат, *обуз* – дөң, *ужсуз* (*өжсүз*) – арзан, кем; *эрмекү* – эринчээк, жалкоо; *ажун* – дүйнө, дүйнө жүзү; *алын* (*элин*) – маңдай, *йавуз* – жаман, *акы* – март, *ума* – конок, *төрү* – адат, салт, мыйзам; *күсүр* – туша, *суу* – жоо, душман, кол; *сокман* – жоокер, *урагут* – аял, и т.д.

5. Слова, изменившиеся грамматически. Одинаковые основы, но различающиеся словообразованием, словообразующими аффиксами:

Сеник барасың качан – Сенин барышың качан? «Когда тебе идти?» – *Меник баргум йакты* – Менин барышым жакындады, «Мой приход близок»

Өсүг – өзгөчөлүк, *болгыл* – болгун, *кайгык* – кайык, *азук* – азган, *озук* ат – озгон ат, *арук* эр – арыган, азган киши; *сартның* – сарттын, *өрүк* – өрмө, *өрүг* – өргүү, *меник* – менин, *атум* эр – аткыч эр, *алым* – аласа, *ичин* – ич ара, *күчүн* – күч менен, *атлыг* – аттуу, атчан; *удлук* – уй кепе, *бардуку* *бармадуку* *бир* – барганы барбаганы (баары) бир, *барыңлар* – баргыла, *бардачы* – баруучу, *ат сугаргучы* – ат сугаруучу, *сүт сагкыл* – сүт саагын, *бирле* – бирге, менен; *чебичленди* – чебич болду, *кышлагланды* – кыштоо кылды.

6. Архаизмы.

Арт – ашуу (Кызарт, Көгарт, Торугарт), *амач* – буурсун; *өкүз*, *өгүз* – дарыя, аккан суу (Жети-Өгүз, т.е. Жети-Суу); *ушак* – майда, кичине (улан-ушак), *алик* (*элик*) – кол (алик алуу – кол берүү, учурашуу), *эб*(*эн*) – үй (Н: боз үйдүн *эпчи* жагы; «женская (правая от входа) половина юрты» *эпчил* киши – үй-оокатына тың киши «умелый человек на хозяйство»), *ортак* – теңтуш, *сирке* – уксус., *текди* – тийди, жетти *сургуч* – кызыл же кара түстөгү чайыр (РКС,841-б.), *башмак* – бут кийим, *кобды* – турду, *бөз* – кездеме, *батман* – салмак бирдиги, и т.д.

7. Диалектизмы.

Агыл-кой короо, малкана (Баткен), *йама* – дагы, *сыгыр* – уй, *эбмек*, *этмек* – нан, *улдаң* – ултан, таман [7, с.304], *севнүр* – сүйүнөр, *йуза* – жусак, журсак (Жерге-Тал). [7,с.415], *эсиз* – эгиз, бийик. Значения некоторых слов в изменённом виде встречается в южных диалектах

кыргызского языка. Например: Кызыл, сарыг *ӱркӱшииб*, Йабкин йашыл йүзгешиб. (№2207). Слово *ӱркӱшииб* из этого примера в южном диалекте встречается как *эргешип*, мало употребляется слово *эгеш*. Эти слова близки по фонетически и по значению. К.К.Юдахин в «Кыргызско-русском словаре» (КРС) перевёл следующим образом: **1.эгеш** – спор, ссора, схватка [11,с. 443], т.е. тирешүү, талашуу. **2. эргеш** – “*южн. то же, что ээрчи*” [11, с.460]. А З.Ауэзова это стихотворение перевела следующим образом: «Красные и желтые (цветы) теснят друг друга, зеленые и коричневые (стебли базилика) сплелись друг с другом».

- *татырку йер* (№2948) – өсүмдүк өспөгөн, такыр жер, «голый без растительности». Знаменитый диалектолог, профессор Ж.Мукамбаев дал следующее толкование: “*тторо* 1. аянты анча чоң эмес, үй ордундай түзөй жер. 2. *батк.*, *нам.* суу өтпөгөн, чык болуп каткан шорлуу жер (кээде андай жерлер жарылып кетет); **ак татыр** *кочк.* ак чополуу жер; **кичине татыр** *батк.* анча көп эмес, ак чополуу жер; **куу татыр** *нам.* боз талаа, боз топурактуу жер” [7,с.870]. В данном случае мы хотели сказать, что некоторые слова «Дивана» в современном кыргызском языке сохранился в лексическом составе слов, которые превратились диалекты или архаизмы.

8. Этнографизм, зооним, топоним, и т.д.

1) **Название растений:** *келеб* – келеп, өсүмдүк; *түшкүн* – түшкүн, төө куйрук; сарыг эрүк – сары өрүк, кагун – коон, йагак – жаңгак, кат – мөмө, йылгун – жылгын, и т.д. 2) **Название болезней:** *тумагу* – тумоо, *өтүк* – ич өтүү, *черлет* – көз оору, *кезик* – калтыроо, чыйрыгуу; 3) **Назвние лекарств:** *эгир* - ич оорудан айыктырчу саз чөбү; *андуз* – карандаз [11,с.152], жылкынын ич оорусун дарылачу чөп; 4) **Название игр:** *Атыч* – балдар жаңгакты мээлеп түшүрүүчү чункур; *карын атмак*. 5) **Название посуды:** *ашыч* – казан, 6) **Название местностей, рек:** *Баласагун, Барсган, Ак сай, Занби арт* (Шамшы ашуусу), *Исик көл, Улуг Талас, Кемп Талас, Уз кенд* – Өзгөн, *Кара сеңир, Семиз кенд* – Самаркан, *Фаргана, Хорезм, ж.б.* 7) **Название людей:** *Арслан тегин, Беглан, Бурслан, Чагры бек* 8) **Название людей, племени:** *Огуз, кыргыз, чигил, уйгур, бачанак, тавгач, кыфчак, карлук, тат* – перс, и т.д. 9) **Название одежды:** *угук* – көлөш, 10) **название животных:** *ывык* - бөкөн, *кашгалак* – кашкалдак, *кейик* – кийик; 11) **название инструментов:** *кобуз-комуз, икама* – кыл кыяк, сыбызгу, и т.д.

9. **Иностранные слова.** йинжу – инжу (китайск.) [11,с.301], *заг, заг ул*, не *такул* – а (аргу), *нум (ном)* – ишеним, мыйзам жобосу «положение закона, доверенности» (китайск.), *хасни* – дары чөп «лекарственные растения» (язык инди).

10. **Устаревшие, мало употребляемые слова.** Многие такие слова встречаются в составе парных слов и не встречаются самостоятельно. *Адаш* – аяш-адаш, *торуг* – арык-торук, *эриш* – эриш-аркак (кездеменин эриш-аркак жиптери), *ушак* – улан-ушак (бала-бакыра), *тит бакты* – тике карады, *сыхта* – ыйлап-сыктады, *терүү* – жыйноо (жыйнап-терүү), *чечек* – гүлдүн бир түрү (байчечекей). Иногда встречаются в словосочетаниях. Например: *Су йумурланды* – аскерлер (кол) чогулду (№5135). Кыргызское словосочетание «жумурай журт» обозначает «жыйылган журт, чогулган эл» «собравшийся народ, собранный народ»

11. Аффиксы.

М. Кашгари в своем труде обратился и аффиксам, дал объяснение значений, но всех аффиксов он назвал *бөлүкчө* «частица», может поэтому, некоторые аффиксы писались раздельно от основы.

-**лады:** аффикс образующий глагол от существительного. *Иңек бузагулады* – уй музолоду, *куш балалады* – куш балапандады, *кысрак кулнады* – кысырак кулундады, *арслан энүкледу* – арстан энүктүү болду, т.е. балалуу болду.

-**чу, -шу:** В современном кыргызском языке, кроме вышеназванных значений даёт значение просьбы. *Кел чу* – келчи, *барма чу* – барбачы, *баргыл шу* – барчы, *кел шу* – келчи.

-са: аффикс условном наклонении глагола в значении «если». *Ол эвге барса* – Ал үйгө барса. *Сен качан барсасан* – Сен качан барсаң?

-гу: именные аффиксы. *Баргу йер* – баруучу жер, *келгу йер* – келүүчү жер.

-кы: в ласкательном значении. *Атакы* – атаке, *анакы* – апаке.

-ма: в аффиксе повелительного наклонения, организующее отрицательное значение глагола. *Кыл-кылма*, азыркыча: кыл- кылба.

-му: Суроо маанисинде: *Бу атму* – бул атпы, *бу итму* – бул итпи., *Бу ат сеник му* – Бул ат сеникиби? *Бу угул сеник му* – Бул уул сеникиби?

Вышеназванные группы покажем в форме таблицы. (*примечание:* счёт производился по книге **З.-А.М.Ауэзовой** (2005) внеся свои изменения и дополнения).

№	Фонетические и лексические сходства и различия между Словарём и современным кыргызским языком	Количество слов	%
1	Слова одинаковые с фонетикой и лексической стороны.	6527	20,77%
2	Слова, различающиеся фонетически, но одинаковые по лексическому значению	11457	36,46%
3	Слова, изменившиеся по значению.	1510	4,8%
4	Слова, изменившиеся грамматически.	5145	16,37%
5	Слова, не употребляющие в современном кыргызском языке	4897	15,58%
6	Архаизмы	764	2,43%
7	Диалектизмы	95	0,3%
8	Этнографизмы	953	3,03%
9	Иностранные слова.	15	0,04%
10	Устаревшие, мало употребляемые слова.	26	0,08%
11	Аффиксы	31	0,09%
	Сөздөрдүн жалпы саны	31420	100%

Если посмотреть таблицу то мы видим, что группы 1 – 4, 7 и 10 встречаются в современном кыргызском языке, то есть из **31420** слов «Дивану лугати-т түрк» **24760** слов, то есть **78,80%** есть в современном кыргызском языке. Сюда не вошли слова, и аффиксы, которые встречаются в кыргызском языке в архаизмах: *бөз, алик* – кол; топонимах: *Талас, Өзгөн, Ысык – Көл, Барскоон*; антропонимах: *Беглан, Муқанбет, Муса*; этнонимах и этнографизмах: *кыргыз, уйгур, кыпчак* (название народов, племён) и *түшкүн, жылгын, ала оорусу*). Если и их прибавить, то приблизительно дошло бы до **80%**.

Таким образом, можно уверенно сказать, что близкий к языку «Дивана» - это **современный кыргызский язык**.

При подсчёте фонетическо-лексического состава Словаря нам помог книга **А.М.Ауэзовой**. Потому что слова из оригинала написаны жирным шрифтом, нумерацией, такая точность даёт превосходство. Поэтому вкратце расскажем свои наблюдения.

З.-А.М.Ауэзова те только перевела словарь М.Кашгари, но и внесла большой вклад в уточнении лексического состава. Во-первых, составила «алфавитный индекс тюркских слов», упорядочила в алфавитном порядке 10211 слов и формы слов, указывая порядковыми номерами, сколько раз повторялось это слово в словаре. Во-вторых, составила «предметный указатель» слов, разделяя на 15 больших групп, на 38 частей и 257 подотделов, указывая порядковый номер каждого слова. В-третьих, дала список «тюркских наречий», 41 назва-

ний родов, населений и указала, сколько раз в каком ряду повторяются. В-четвёртых, дала порядковый номер стихотворений и пословиц. И в конце, дала индекс примеров (цитат) в «Словаре», взятые из корана.

В русском издании фонетические свойства звуков о – ө – у – ү, а – э, ы – и не видны, многие слова омонимы даны в одном гнезде. По нашим уточнениям, в «Диване» есть приблизительно 333 омонима. Если их выделить в реестр, то в словаре М.Кашгари «Дивану лугати-т тюрк» самостоятельно дающее значение 7076 слов и форм слов переведён на арабский язык.

Бесспорно, что кыргызский язык, является среди других языков мало оказавшим под влияние иностранных языков, не только просто сохранивший свой древний лексический состав, но и достигший на уровень развитых литературных языков, давший миру феномен эпос «Манас» и Ч.Айтматова.

По сравнению с другими тюркскими языками кыргызский язык имеет и ещё одно превосходство. Это – **огромное устное народное творчество и ещё кроме эпоса «Манас», малые эпосы, сказки, разговоры, передаваемые из уст в уста, народные песни, пословицы-поговорки, загадки и другие, которые охватывают лексическое богатство.** Резюмируя сказанное, подчеркнем, что сравнительно-сопоставительный анализ текста «Дивана» с современным кыргызским языком, предоставляет новые возможности для осмысления и описания как особенностей тюркских текстов прошлого, так настоящего».

ЛИТЕРАТУРА

1. М.Кашгари. Дивану лугати-т түрк.// Перевод: Абдувалиев И., Ахматов Т., Оморов А., Султаналиев И., Толубаев М. Бишкек, 2013.
2. М.Кашгари. Диван Лугат ат-Түрк.// Перевод: Ауэзова З.-А. М.-Алматы, 2005.
3. М.Кашгари. Дивану лугат-ит түрк.// Перевод: Аталай Б.-Анкара, 1985.
4. М.Кашгари. Түркий тиллер диваны.// Перевод: Имин Турсун, и др. 2012.
5. Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони.// Перевод: Муталлибов С. Тошкент, 1960-1963.
6. М. Кашгари. Түрк тилдеринин сөздүгү. 1-3 т.// Перевод: Токоев Т., Кошмоков К.-Б. 2011-2013.
7. Мукамбаев Ж. Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү. Бишкек, 2009.
8. Советская тюркология, 1972, №1.
9. Султаналиев И. М. Кашгаринин “Диван лугат ит түркүнүн” тили. Бишкек, 2015.
10. Юдахин К.К. Русско-кыргызский словарь. Бишкек, 2000.
11. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. 1-2 т. Ф.: 1985.

**ЯЗЫКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ
(КОГНИТИВНЫЕ И ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ
ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ АЛТАЙСКОГО СООБЩЕСТВА)**

Шайхулов Алмас Галимзянович
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой татарской филологии и культуры
Башкирский государственный университет
Уфа, Россия
E-mail: almazufa2004@mail.ru

Основной вывод, к которому приходит автор, исходя из анализа фактического материала как строевых элементов, так и исторической лексики, состоит в том, что история кыпчакских языков Урало-Поволжья, отраженная в их языках несколько шире, нежели история, скажем, болгарского языка, но в то же время она ощутима уже, чем история языков золотоордынской цивилизации.

Ключевые слова: Золотоордынская цивилизация, языки Урало-Поволжья, Волго-Камско-Уральский регион, синоптическая схема, односложные корневые основы, тюркские языки, алтайское языковое сообщество, языковая картина мира, сравнительно-историческая лексикология, идеографическая характеристика, генетическая связь.

Осмысление золотоордынской, как, впрочем, и Российской цивилизации, как что-то принципиально отличительное и от западно-европейской и от азиатской цивилизации имеет, как известно, длительную историю. Если перелистать, хотя бы поверхностно, совершенно малую часть того, что написано по этому вопросу, то увидим, что в разное время (в особенности в постсоветское) ее характеризовали как цивилизацию или же, как межцивилизационное пространство. Мы, вслед за исследователями, исходим из того, что Россия возникла и развивалась как динамическая система самых различных полиэтнических культур и цивилизаций, из которых, как видно из нашей отечественной истории, одни вскоре погибали, а другие, обнаруживают «замечательную жизнеспособность и перспективу на будущие века.

Как известно, полторы-две тысячелетия тому назад территория нынешней России представляла собой доцивилизированное пространство Северной Евразии, наиболее удаленное от судоходных морей, от Великого шелкового пути, являвшейся с древних времен до средневековья одним из важных средств международного общения в рамках Ближнего Востока, Европы и Азии. И еще, Северная Евразия лежала к северу от пояса древних цивилизаций и к западу от славяно-германской Европы. Великая река Енисей делила Северную Евразию на две части. Западная до Балтийского моря, была населена в основном угро-финско-самодийскими и отчасти племенами балтов, а восточная, до Тихого океана - палеоазиатскими, тунгусо-маньчжурскими, и по окраинам – енисейскими и эскимосскими этносами. В степном же поясе (в его западной половине) жили иранские, в восточной – тюркские и монгольские, а посередине – угорские и самодийские народы.

В первые века христианской эры центральные и западные земли степного пояса (в литературе принято называть Дешти Кыпчак («кыпчакские степи»), начали заселять скотоводы-тюрки, частью которых, по мнению многих исследователей, были гунны и хунны. Они, как предполагает и Л.Н.Гумилев, изгоняли или же ассимилировали ираноязычных и угроязычных кочевников. Так, в частности, угорский компонент, по мнению исследователей

(А. Х.Халиков, Н. А. Мажитов, Р.Г. Фархутдинов, Р.Г. Кузеев, М. З.Закиев и др.), участвовал в этногенезе хазар, болгар (татар Поволжья), суваз – чувашей, башкир, сибирских татар, части алтайцев, хакасов, тувинцев, балкарцев, карачаевцев и кумыков: иранский (сарматский и аланский) - в этногенезе хазар и трех последних из указанных выше этносов, а также и крымских татар, В свою очередь, как указывают исследователи, различные тюркские элементы стали составной частью этногенеза венгров (мадьяр), а также русских, украинцев и болгар (славян). Из степного пояса по Лене, Волге и другим рекам тюркские этносы проникали и в таежный пояс. Здесь они, очевидно, смешивались с аборигенами лесной зоны, ассимилировали их и с течением времени образовали новые тюркоязычные этносы. В частности, по данным археологии, в III-IV вв. В Нижнее Прикамье уже проникли первые завоеватели-тюрки, смешавшиеся с уграми и сарматами, вооруженные оружием, изготовленным в Средней Азии /Тураевский курганный могильник/. Это были гунны. В конце IV-V вв. Среднего Поволжья и Прикамья достигла вторая, более мощная волна гуннского переселения, во второй половине VI-VII вв. - еще одна волна тюрков, связанных с Великим Тюркским каганатом, и, наконец, в VIII в. - болгарские племена. К аналогичным выводам пришли в свое время также и такие известные исследователи как В. Ф. Генинг, П. Н. Старостин, А. Х. Халиков, Р. Г. Фахретдинов и др.

Другое, немаловажное, на наш взгляд, мнений исследователей связано с определением, кочевники-тюрки и близкие им по культуре монголы – создали первые великие державы Северной Евразии: империи гуннской династии, тюркской династии Ашина, монгольской династии Чингизхана. В истории Восточной Европы особенно значительной была, (это подчеркивают многие исследователи) роль Хазарского каганата и Золотой Орды. Сравнительно высокая культура древних гуннов и тюрков имела своим продолжением очаговые ранние цивилизации средневековой Северной Евразии, такие как кыргызская - в Минусинской котловине, хазарская и болгарская – в Восточной Европе. К северу от них расцвели очаговые цивилизации финно-угорских народов - угоров Обь - Иртышья, мордовских этносов (Великая Пермь), а к югу – цивилизации Кавказа и Предкамья (аланская цивилизация), примыкавшие как горная периферия к цивилизации Ближнего Востока. Еще один очаг цивилизации в XI-XIII веках начал формироваться на северо-восточной окраине Киевской Руси, где в то время постепенно распространялись славянский язык и христианство, а в следующий исторический период образовалась великорусская народность. С течением времени почти все эти цивилизации погибли, оставив культурное наследие среди народов нынешней России (в том числе и среди тюркских и финно-угорских, а также славянских народов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона) – сохранились при этом лишь две – исламская и русская. Обе они, естественно, участвовали в объединении и структурализации культурно – исторического пространства Северной Евразии, южные границы которой тесно соприкасаются с вышеуказанным регионом Урало-Поволжья.

После такого краткого экскурса, считаем необходимым дать хотя бы общего характера сведения об исследуемом регионе. В границах европейской части России от р. Оки до Южного Урала финно-угорские (мари, мордва и удмурты), тюркоязычные (чувашаи, татары и башкиры) и монголоязычные (калмыки) народы имели, (как это было отмечено выше) наиболее длительное и устойчивые этнокультурные связи в рамках данного региона. Генезис, сложение и развитие в пределах указанной территории явились, очевидно, результатом сложного взаимодействия разновременных в хронологическом отношении этнических и культурных потоков, в том числе из Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана, с Северного Кавказа и позднее ;из различных районов северной и центральной Росснии, которые впоследствии, по справедливому мнению исследователей (А.Х. Халиков, Н.А. Мажитов, Р.Г. Кузеев, Р.Г. Фахрутдинов и др.) были консолидированы в рамках Волжско-

Камской Булгарии – первого государственного образования народов Среднего Поволжья и Прикамья, сформированного в X в н.э.

В пределах расселения и обобщения специфических этнологических, антропологических и этнолингвистических черт этих народов очерчивается, конечно, довольно приблизительно, территория, представляющая, по нашему определению, «циркумуральский языковой союз» (сравн. «волгокамский языковой союз» – термин акад. Б.А. Серебrenникова¹ который, заполняя определенную нишу и будучи частью общности ностратической семьи языков (куда входит, как известно, индоевропейская, афразийская, (семито-хамитская), дравидская, картвельская, уральская и алтайская семья языков), выполняет, тем самым (функцию своего рода моста для перехода к евразийской проблематике, очерченной в заглавии данных тезисов.

Именно с учетом вышеуказанных различных аспектов и проблем была предложена в директорат научно-исследовательского института, организованного при Восточном институте экономики, гуманитарных наук, управления и права акад. М.Я.Камильянов) было предложено организовать Центр «Восток-Урал: гуманитарные проблемы» // руководители: член-корр. АН РБ проф. Т.М. Гарипов и доцент А. Г. Шайхулов , в рамках которого были сформированы две программы: («Евразийская цивилизация и Урало-Поволжье: историко-этнографические, культурные (религиоведческий этнолингвистические и литературоведческие проблемы» и «Духовная культура народов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона» руководитель автор данной статьи.

Если кратко охарактеризовать основные проблемы по указанным программам, то они сводятся к изучению различных аспектов /исторических, этнографических, этнолингвистических языковых, культурологических/: взаимодействие и взаимовлияние Евразийской и Азиатской макроареальных цивилизаций в прошлом и на современном этапе, исследование и выявление различных аспектов /исторического и современности/ этнолингвистического взаимодействия таких микроареалов как Урал-Восток-Запад в Евразийском контексте.

Несколько раньше эта работа была начата в рамках «Плана работ по комплексной программе «Духовная культура Урала», организованной тогдашним Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР, Уральским Ордена Трудового Красного Знамени государственным университетом им. А.М.Горького /г.Екатеринбург/ и , Главным Советом по комплексной программе «Духовная культура Урала», куда был приглашен принять участие в работе таких секций-разделов 6. Языки и диалекты Урала:6.2.Тюркские языки Урала. 6.4. Взаимодействие языков на Урале. 6.6. Ономастика Урала доцент кафедры татарской филологии Башкирского госуниверситета А.Г. Шайхулов. В последствии, на базе указанной кафедры филологического факультета им была организована Межвузовская научно-исследовательская /учебная/ лаборатория по исследованию духовной культуры тюркских и финно-угорских народов Волго-Камско- Уральского этнолингвистического региона.

Основные научные исследования как Центра ВЭГУ, так Межвузовской лаборатории БашГУ в период с 1975 по настоящее время проводились в рамках темы «Взаимодействие и взаимосвязь языков народов Урало-Поволжья в процессе их исторических и современных контактов. Научный руководитель темы – кандидат филологических наук, доцент А.Г. Шайхулов. Разработка темы проводилась в рамках программы «Народы России: возрождение и развитие».

1 Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии - России // *Общественные науки и современность.* - 1996. - №2.

Тема «Взаимодействие и взаимосвязь языков народов Урало-Поволжья в процессе их исторических и современных контактов» формулирует задачи исследования этнолингвистического взаимодействия народов Урало-Поволжья в исторической ретроспективе и современности. Главным объектом исследований стали многонациональность населения и разнонаправленные этнолингвистические взаимодействия, которые (по крайней мере с XVI века) стали постоянно возрастающим фактором исторического, культурного и этнолингвистического развития Волго-Камско-Уральского региона в целом. Наиболее интересной задачей явилось предварительное пока что установление чрезвычайно сложного этнического состава населения региона чисто по лингвистическим (исторического и современного характера данным, в котором этногенез и культурогенез слились в «евразийский поток» исторического развития. Важной целью темы является также и изучение этнических, этнокультурных и этнолингвистических процессов в их сложном и достаточно противоречивом взаимодействии как в рамках этносов, относящихся к алтайскому языковому этносу так и Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона, что убедительно находит свое отражение в языковом строе (фонетике, морфологии, словообразовании, лексике) народов исследуемого региона. Исследования, которые велись в рамках указанной темы, исходили в плане методологическом, из того, что глубокое понимание этноязыковых процессов может быть достигнуто лишь на основе фундаментального знания этноязыковой ситуации и этнолингвистических контактов в прошлом, их динамики в ходе цивилизационного развития.

В соответствии с установленными целями разработки, т.е. применительно к проблеме определения этнолингвистического характера языков Золотоордынской цивилизации в Евразийском контексте, связанных на начальном этапе; 1) с выявлением односложных корневых основ в структуре общего словарного фонда тюркских, в частности - кыпчакских языков Волго-Камско-Уральского региона; 2) идеографической и этнолингвистической их характеристики, в нашей работе применена идея, выдвинутая в свое время немецкими учеными-лексикографами Р. Халлигом и В. Вартбургом, осмысление которой в свое время находило все больше и больше сторонников.

Верно, на наш взгляд, отмечают исследователи, что достаточно ознакомиться с данной классификационной моделью лексики, сделанной в терминах понятий, свойственных человечеству в целом (независимо от того, к какому языку (народу) они принадлежат), чтобы убедиться в необычайной сложности и многогранности лексической структуры языка. Сколько бы ни подвергалась критике эта система Халлига-Вартбурга, она послужит для дальнейших вариантов классификации лексики.

Как известно, у Халлига и Вартбурга дана трихотомическая классификация в следующей последовательности и формулировке: а) «Вселенная»; б) «Человек»; в) «Вселенная и Человек». Данную синоптическую схему мы изменили в определенной последовательности, что позволило, как нам кажется, построить, с одной стороны, достаточно универсальную и более или менее стройную систему для предварительной лексико-тематической классификации апеллятивных единиц (которая одновременно является основой и для характеристики идеографической парадигматики корневых основ и исследуемых языках Золотоордынской цивилизации); с другой – она пригодна и для семантической реконструкции словарного фонда в рамках указанных когнитивных сфер и их этнолингвистической характеристики.

Предлагаемая система описания лексических систем также может помочь определить в исследуемых языках (наряду с односложными корневыми основами) слой лексики, специфичный только для каждого тюркского языка в отдельности или же для определенных групп тюркской (также монгольской или тунгусо-маньчжурской) семьи языков, и

провести сравнение на уровне лексико-тематических и (или) лексико – семантических (идеографических) групп, чтобы выяснить, какие же стороны объективной картины мира отражены собственной их лексикой. Таким образом, конечная ее цель – помочь вычленив в поэтапных исследованиях истинно общетюркский (вначале) и истинно обще алтайский (а на последующих этапах – ностратический) пласт, первый этап которого связан необходимостью сначала выделить в языках того или иного региона взаимные лексические заимствования, что, в свою очередь, даст возможность на последующих этапах вести сравнительно-исторический (этимологический) анализ уже на уровне лексических, семантических и семасиологических праформ в составе этого общего слоя в рамках односложных корневых основ языковых сообществ цивилизаций.

Составленный нами универсалий для лексико-семантической (предметно – когнитивной) классификации, (который вполне может послужить и для ономазиологических и идеографических исследований на последующих этапах (т.е. после выявления лексико-тематической структуры односложных корней и основ исследуемых языков) состоит из четырех основных когнитивных групп, которые располагаются в нашем синопсисе в следующей логической последовательности: I. «Познание»: II. Природа (неживая и живая). III. Человек (как живое физико-биологическое и разумное существо). IV. Общество (человек как общественное существо). При этом отметим, что предложенная нами строгая логическая последовательность расположения четырех когнитивных сфер объясняется, с одной стороны - указанной необходимой целенаправленностью в лексикологических и морфонологических исследованиях, с другой стороны – характером самого системного подхода к изучению как 1) лексического строя того или иного типа языка, так и 2) системным характером самой реконструкции общего словарного фонда и идеографической и этнолингвистической характеристики односложных корневых основ в исследуемых языках.

Вполне понятно, что все это вместе взятое очень тесно связано с попыткой (хотя она и носит предварительный характер) проникнуть через исследование лексической системы (с целью выяснить, какие же стороны объективной языковой картины мира отражаются собственной их лексикой) в онтологические аспекты познавательной деятельности человеческого мирозерцания и мировоззрения.

Основы сравнительно-исторической лексикологии алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских) языков, как известно, созданы усилиями видных тюркологов и алтаистов-компаративистов, и, несмотря на это, порой не всегда научно обоснованную критику, продолжают оставаться объектом изучений, развиваясь при этом путем расширения языковых источников, уточнения или пересмотра исходных праязыковых схем и систем архетипов.

Важность сравнительно - исторического, равно и системно-идеографического и типологического исследований структур языков алтайской семьи, впервые выдвигаемых в работах А. Г. Шайхулова и в настоящее время разрабатываемых в рамках Межвузовской научно-исследовательской лаборатории по изучению духовной культуры тюркских, монгольских, финно-угорских и славянских народов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона, организованной на базе филологического факультета БашГУ) не вызывает теперь каких-либо серьезных сомнений, несмотря на значительные трудности, возникающие в данной области.

В конце XX века возрос интерес к этногенетическим исследованиям в области различных цивилизаций, целых регионов и языковых союзов. Основные мотивы возросшего интереса ученых к системному изучению отдельных цивилизаций, в частности алтайской, определяется тенденций к интеграции научных усилий исследователей различных областей. Особый интерес в данном плане представляют вышеуказанные языки народов алтайского

сообщества, в рамках которой нами рассматриваются, с одной стороны – тюркские языки Урало-Поволжья, с другой – монгольские и тунгусо-маньчжурские, разделенные в географическом и этно-социальном аспектах, что наиболее полно отражается в их лексическом составе, в семантике и структурах слов.

Целью данной работы является выявление на основе лексических параллелей семантических гнезд области самостоятельных и несамостоятельных (реконструированных) односложных корневых основ и установление особенностей семантического развития, и их идеографической характеристики. В этой части мы подробно останавливаемся на анализе корневой основы ***ВӖ**, которая рассматривается нами на материале тюркских языков Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества.

Корневая основа ***Bo** с засвидетельствованными рефлексам **Bo, *рб, *шо, *mO, *bu, *bii* характеризуется следующими мотивационными признаками:

1. Нечто целое, полное, завершенное, совершенное: бѳт+(ен) целый, нетронутый, единый, неповторяемый (т., б.);
2. Сгиб: место сгиба // угол // отделение // двойное // разделяться;
3. Сгиб: форма – наклонная, загнутая, сложенная вдвое // количество – из двойного в единичное // качество – мягкое, рыхлое, вялое: неуравновешенное, нестойкое.

Идеографическая характеристика корневой основы ***BӖ**, характеризующейся общими смысловыми компонентами «нечто целое полное, завершенное» в тюркских языках Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества определяется такими категориями как: **познание (априори)**: бытие: бѳ+т(лѳк) сущность (б.): **форма**: бо+ж(ра) круг, круглый (т.,б.), бѳ+р(чѳк) круглый (т.,б.), бѳ+т(ен) целый, нетронутый, единый, неповторимый (т.б.), бу+т(ас) плотный, сплошной, непрерывный (як.), бӱ+т(ен) исправный (монг.), бу+т(ун) целый (ТМС), бӱ+т(эр) – кончить (ТМС); **количество, размер, степень**: би+к очень, весьма (т.,б.), бо+ж нечто громоздкое, с неровной поверхностью (каз.), бѳ+т(ӱ) совершенный (о.), бѳ+й(ѳк) великий (т.б.), бӑ+д (ӱк) тжс (МК).

Подтверждением приведенного служат односложные корневые основы, относящиеся к тематической группе: 1. Природа (живая: флора) : **бо+р(чак)** горох и другие растения из семейства бобовых (т.,б. ДТС), **пу+р(чак)** горошина (чув.), **буу+р(цаг)** горох (монг.), **бо+р(чо)** бобы (ТМС); **бѳ+р(гѳк)** лопух (б.диал.); **бѳ+р(легѳн)** ежевика, костянка (т.) **бѳѳ+л(жиргӱн)** ягода, ежевика (калм., монг., халх.); **бѳ+р(е), мѳ+р(ѳ)** почка (т.,б.), **ма+р(шак)** шишка, бугор, сучковатый, сучок (чув.), **бѳѳ+р** тжс (монг.), **бӱ+р** ветка молодой побег, почка дерева (калм.): **бѳ+р(чѳ)** метелка (т.); **бѳ+р(тек)** зерно, комочек (т.,б.), **нӗ+р(чӗ)** зерно, зернышко, гранула (чув.); **бу+р(дука)** мука, хлеб, зерно (ТМС); **бу+л(бе)** клубень, клубневый (т.), картофель (б.); **бӱ+с(ӱк)** созревание.

Лексические единицы, выражающие особенности представителей мира фауны, также соотносятся с вышеуказанным общим мотивационным признаком: **бу+а(з)** стельная” (о корове), жеребая (о кобыле) (т.,б.) * **бӖ +ӱ (os)** зародыш у самки животного (халх.).

2. Человек (периоды жизни): **боз** молодой, юный нетронутый, девственный (каз.); внешний вид человека ***бо+d(lug)** – **бӑ+d(ан)** - **бу+й** имеющий стан, рост; существо (ДТС), **бо+d(о)** своеобразный вид, физиономия (як.), **бо+d** предмет, существо, материя (бур., монг.), **бо+d(о)** жизнь (ТМС); **бе+й(е)** тело, самость (бур., калм.), **би+й(е)** организм (монг., халх.); **мѳ+с(һ)** телосложение (б.); физиология: **бѳ+к** - наедаться, насыщаться (т.б.), **бѳ+m(һи)-, нѳ+m(аш)** – покрываться (т.б.), **бу+m(э)-** покрывать (монг.), **бу+m** покрывать (ТМС): **бӱ+рт-** опухать (т.,б.), **па+р** железа (чув.); характер; **бѳ+m (мѳр)** аккуратный (т.), умелец, пунктуальный (б.).

3. Общество (человек в идеологической системе) : **бо+d(ун)** население, подданные, народ, люди (ДТС), **бӱ+d(ӱн)** грубый, невежественный (бур., монг.), **бу+d(ун)** крупный

(ТМС), **бу+д(укан)** глуповатый (ма.), **бэ+д(ун)** толстый (ма.), **бо+л(ау)** – богатеть, почитать (б.).

«Человек как функциональная единица общества»: **бу+л(ыш)** – помочь (т.б.); **по+с-** спрятаться, прикрываться (т.б.); **бө+г(һләжәһ)** часть сережки (т.), **пу+к(ле)** кольцо (чув.), **боо+ш(а)** обруч (Буд., 37), **бө+гж** кольцо, перстень (монг.), **бу+г(ааг)** тжс (бур.), **бу+ү(утуна)** украшение (ТМС); **бө+г(дзе)** железное кольцо (б.); **бо+г(ау)** – **ба+у** веревка для привязи (т.б.), **боо-** связывать (монг.), **боо+х** – завязывать, обвертывать, угрождать (монг.), **ба+у** пачка (ТМС), **ба+н(ун)** пучок (ульч.), узел, сверток (нан.), **ба+к(си)** пучок (ТМС).

Лексико-семантическую парадигму сгиб (место сгиба; угол; отделение) раскрывают познавательные категории: форма **бө+к(ре)** кривой, изогнутый, согнутый (т.б.), **пү+к** тжс (СФТЯ), **Бү+к(ри)** кривой, изогнутый, горбатый (ДТС), **мэ+к(чэргэ)** – сгорбиться (ТМС), **мо+к(чо)** – пригнуться (ульч.); **по+ч(мак)** угол (т.), **пё+с(мех)** угол, угловой (чув.) – «движение: **бо+р** – поворачивать, повернуть (т.б.), **бу+р(ула)** – отступать (бур., монг.), **бу+р(улә)** – обращаться (ТМС), **му+р(у)** – обходить круг (ТМС), **мэ+р(эк)** – возвратиться, вернуться (эвен.): **бө+т(өрөл)** – кружиться (т.б.) – порядок: **бо+л(а)** беспорядок (т.б.), **бо+л(ангыр)** мутный (т.), **бу+л(дыр)** нечто неясное, туманное, завуалированное (каз.), **пә+л(хавәр)** переполох, беспорядок (чув.), **ба+л(ар)** темный, мрачный (Тод.), **ба+л(амат)** взбалашенный (ТМС), **ба+л(а)** сумасбродно, бестолково, зря (ма.)

Данное поле определяется односложными корневыми основами татарского, башкирского, чувашского и монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, относящимися к тематическим группам: «Природа: неживая»: **бо+к(тер)** подножье горы (каз.), **Бө+г(үн)** вымоины, образуемые водой (ДТС), **бө+г(наг)** седловина, горный перевал (ДТС); **бо+л(ын)** луг, пойма., отдельно стоящая часть долины (т.б.), угол (ДТС), **бу+л(ангь)** угол, залив, бухта (бур., монг.), **бо+л(он)** угол (ТМС), **бу+л(ү)** мыс (сол.).

Живая природа (флора): **бо+т(ак)** ветвь, ветка, побег (т.б.), ***bu+t(aq)** тжс (ДТС, МК), **бу+т** куст кустарник (калм.), заросль (монг., халх.). Строение и особенности мира фауны также характеризуются общностью корневой основы ***Бө** и семантического ингредиента «сгиб: место сгиба»: **бо+г(аз)**, **бу+г(аз)** трахея, дыхательное горло (т.б.), ***bu+qaq** зоб птицы (ДТС), **бо+f(ак)** желудок птицы (б.); **бу+з(лау)** рассеянный, привольный (о скоте) (ДТС).

Особенно ярко данная семантика выражается в подгруппе «Человек: внешний вид человека»: **бө+к(ре)** горбатый (т.б.), **пё+к(рёлчэк)** горб (чув.), **бө+г(төр)** горбатый, сутулый (монг.), **бу+к(туру)** – опираться (ТМС), **бу+к(д)** – сгорбиться (ТМС), **бө+к(чир)** – стать горбатым (эвен.), **мө+х(төр)** сгорбленный и тощий (монг.), **мэ+х(у)** – гнуться, нагибаться (ма.), **бо+к(си)** морщинистый (ТМС), **бө+р(өш)** – морщить (т.б., ЭСТЯ), ***Бү+г** – выглядеть нездоровым (Каж.), **бэ+р(эх)** – зябнуть, коченеть (монг.);

«Человек (организм человека)»: **бу+w(ын)** сустав, сухожилие, сочленение (т.б.), ***bo+y(im)** узел, сочленение (ДТС, МК), **ү+й(е)** сустав, член тела (бур., калм., хахл.); **бо+г(аз)**, **бу+г(аз)** горло (т.б.), **бу+г(ардак)** трахея (т.диал.), **ба+х(алдур)** плотка, горло (калм.); **бу+р(бай)** икры ног (б.), **бе+р(ве)** пяточное сухожилие (калм.), **бо+р(во)** голень (бур.), **бо+р(ба)** название сухожилия (ТМС); **бы+у(нак)** колено (б.); **пһ+n(һу)** нога ребенка (т.), **бэ+б(эки)** лапа (ТМС), **бо+б(аки)** подушечка на лапах животных (эвен.).

«Общество: трудовая деятельность человека»: **бо+з** портить, разрушать, сломать, разбить (т.б.) ***bo+z-** ломать, разрушать, разбивать, расстраивать, приводить в беспорядок, проваливать, портить (ДТС, МК). **бу+з(гай)** отвратительный, безобразный (бур.), **бу+з(ар)** грязь (бур., монг.), **бу+г(ак)** – портить (ТМС, сломанный, разбитый (ороч.); **бо+л(га)** – мешать (т.б.), махать (т.б.); **бо+р** – вертеть, поворачивать, вращать, завинтить (т.б.), **пә+р** – тжс (чув.), **бу+р(кү)** – связывать (ТМС), **мо+г(у)** крутить, вертеть (ма.); **бо+г(а)**, **бу+г(а)** – мешать, **па+р** – тжс (чув.), **бу+р(кү)** – связывать (ТМС) **мо+р(и)** – крутить, вертеть (ма.);

бо+т(а), бу+т(а) – мешать, перемешивать (т.,б.); **бо+т(арла)** – разбить, расчленил (т.,б.) **бу+m-** разбивать (бур., монг.),] **бу+m(укf)** кусок (ТМС), **бу+т** – ломать, бить, разбивать (эвен.); **бу+ло** – делить, разделять, отделять, перегораживать (т.,б.), **бө+л** – тжс (ЭСТЯ), **пу+л** – загораживать, перегораживать, перебивать (чув.), **му+n(а)** сдирать кожу, обтесывать (б.).

«Человек как функциональная единица общества: человек в населенном пункте»: **мө+г(ош), мө+й(ош)** угол (б., т. диал), **му+n(нук)** тжс (ТМС) человек в семье: **бу+w(ын)** поколение (т. б.) **ү+й(е)** поколение, двоюродный (бур., калм.), колено (бур.); **бэ+л(гэ)** семья (ТМС); **бү+л(ф)** правнук (б.), **бо+л(е)** двоюродный брат матери (бур., калм.).

Идеографическая характеристика корневой основы ***bö**, с мотивационным признаком «Сгиб: форма - наклонная, загнутая, сложная вдвое 1 [количество] – из двойного в единичное, качество – мягкое, рыхлое, вялое, неуравновешенное, нестойкое» представляется в системе следующими основами, относящимися к тематическим группам: Природа живая: строение и особенности мира фауны»: **мө+г(өз)** рог (т.,б.), ***tü+n(üz)** тжс (ДТС, МК), **ма+й(рака)** рог, хохолок (чув.), **мө+р(гөх)** – бодаться, сталкиваться, удаляться, низко кланяться, молиться (монг.): **мо+г(олой)** безрогий (т.диал.), **му+n(да)** ходка (б.), **'мө+m(лөк), му+к(лһк)** безрогая корова (т., б. диал.), **мо+х(дог)** тупой (монг.), **му+к(у)**-затупиться (ТСМ), **мо+к(ө)** тупой, комолый, безрогий (сол.) **му+к** – перерубить, перерезать (эвен.) **мү+ч(кһү)** низкорослая собака (т.).

«Человек: движение и положение человека»: **мү+к(һйлһ)** – на четвереньках (т.ё) **му+к(ус)** сгибание ног (як.), **му+л(хи)** – ползать (бур.), **ми+л(ки)** – ползать (сол.), **ми+к(и)** тжс (уд.); Человек как чувствующее, эмоциональное существо: **бо+й(ок)** грустный (т.б.), **бо+л(окһоу)** тревожный, беспокойный (б. диал.), **бо+р(лок)** – унывать (т. диал.), **бо+h(ан)** быть готовым плакать (б. диал.), **по+ш(ын)** - печалиться, беспокоиться, удручаться (т.,б.).

«Общество: трудовая деятельность человека **бө+к** подогнуть (т.,б.), **пу+к(ле)** – подрубить, подшивать, отрубить (чув.); **бө+р** делать складки (т., б.), **бү+р** – тжс (ЭСТЯ) затягивать с образованием складок, сморщить (каж.), **пё+р** – сужать, собирать, делать складки, загибать (чув.); продукты питания: **бо+й(лһн)** пельмени, пирожки (б.), **бө+к(һ)** пельмени (б.) **бө+к(ө)** сдобные мелкие «булочки (б. диал.), **вё+т(у)** лепешка из ржаной муки (чув.), **бө+р(мһ)** пирожок (т.,б.), **пи+m(ырас)** кушанье в виде свернутых в трубку полос из теста (т. диал.), **пһ+р(һмһч)** ватрушка~[т\диал.).

Исходя из приведенных материалов по тюркским языкам Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества, можно сделать вывод, что идеографическая характеристика (как в случае с корневой основой ***Bo**) строится на разных началах: 1) иерархия во главе с действительно господствующим общим значением, поддерживаемым всеми остальными значениями, составляющими целое гнездо; 2) соподчинение с двумя главенствующими значениями, вокруг которых обычно в иерархизированном порядке выстраиваются остальные значения и их оттенки; 3) слабо выраженная связь или же ее отсутствие, как и вообще всяких системных отношений, исключая лишь отдаленную, но уже неактуальную, осязаемую с трудом генетическую связь.

Таким образом, в языковых картинах мира языков алтайской семьи можно выделить общее структурно-семантическое ядро, которое выражается не только наличием общих корневых основ, но и мотивирующих признаков, позволяющих объединить лексемы в тематические группы и семантические гнезда и далее рассматривать их в рамках идеографической парадигматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии – России / Ю.М. Кобищанов // *Общественные науки и современность*. 1996. №2. С. 3-5.
2. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю / Р. Г. Кузеев. М., 1992. С. 21.
3. Мажитов Н.А. Роль Золотой Орды для тюркских народов Урало-Поволжья / Н.А. Мажитов // *Тюркская ментальность у народов, проживающих вне территории Республики Турции. Тезисы*. Анкара, 1994. С. 30-33 (на тур. яз.)
4. Серебренников Б.А. О некоторых отличительных признаках волкокамского языкового союза Б.А. Серебренников // *Языковые контакты в Башкортостане*. Уфа 1972. С. 5-7.
5. Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья Приуралья / А.Х. Халиков // *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья*. Казань, 1971.
6. Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика однослонных корневых основ в тюркских языках Урало-Поволжья и Казахстана. Астана, 2013. Республика Казахстан: Министерство образования науки, тюркская академия. Астана: ТОО “Prosper Print”, 2013. 556 с.

LANGUAGES CIVILIZATION OF THE GOLDEN HORDE IN THE EURASIAN CONTEXT (COGNITIVE ASPECTS OF RECONSTRUCTION AND IDEOGRAPHIC LANGUAGES LEXICAL SYSTEMS ALTAI COMMUNITY)

Shayhulov Almas Galimzyanovich
doctor of philological sciences, professor,
Head of the Department of Tatar Philology and Culture
Bashkir State University
Ufa, Russia
E-mail: almazufa2004@mail.ru

According to fixed aims of the report, there will be made an attempt to show up monosyllabic root words in the common word stock of the languages that are analyzed (particularly, Turkish varieties of Idil-Kama-Ural ethnolinguistical region in Eurasian context) and their ideographical and ethnolinguistical characteristics in four cognitive spheres: 1. Cognition; 2. Nature; 3. A man; 4.1 Society. It is quite clear that this methodological aspect of reconstruction is connected with the attempt to penetrate into the ontological aspects of cognitive activities of the world-outlook of nations that are the members of Altai family.

Key words: Horde Civilization, languages of the Ural-Volga region, Volga-Kama-Ural region, synoptic scheme monosyllabic root bases, Turkic language, Altaic language community, linguistic view of the world, the comparative – historical lexicology.

КАРТИНА МИРА КЫПЧАКОВ В ЛЕКСИКЕ АРМЯНО-КЫПЧАКСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Торебекова Сауле Максумовна
докторант PhD кафедры тюркологии
факультет международных отношений
Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева
г. Астана, Республика Казахстан
E-mail: saule_torebekova@mail.ru

В данной статье рассматривается картина мира кыпчаков отраженная в лексике армяно-кыпчакских памятников XVI-XVII вв. Исследование лексического состава данных памятников позволило определить картину мира, основные ключевые понятия эпохи, связанные с жизнедеятельностью людей, их духовной и материальной культурой, межличностными отношениями, связью с окружающей природой. В работе показаны процессы категоризации и концептуализации, которые обозначены в основных ключевых понятиях эпохи репрезентируемых концептами 'человек', 'природа', 'социум', 'универсальные понятия'.

Ключевые слова: армяно-кыпчакские памятники, картина мира, природа, социум, человек, универсальные понятия.

После распада Золотой Орды на ее территории в XV-XVI вв. происходит процесс образования отдельных государств – Кочевых узбеков и Казахского ханства, Казанского ханства, Астраханского, Крымского, Ногайской Орды, Башкирии. В рамках данных политических структур завершается оформление народностей из этнических групп золотордынского времени – казахов, казанских и крымских татар, башкир и др., которые продолжают преемственную связь с языком, историей, культурой кимаков, кыпчаков, большой кыпчакской конфедерации, оставившей свой неизгладимый след в культуре Центральной Азии в целом. В Дешт-кыпчакском государстве и в других государствах более позднего периода кыпчакский язык был функционально активным, некоторые исследователи присваивают ему даже статус международного языка.

В данной статье мы хотим остановиться на некоторых лексических аспектах кыпчакского языка, сыгравшего свою историческую роль на обширном Евразийском пространстве. Кыпчакский язык функционирует на огромной территории Евразии, является языком торговли и культурного обмена, законов и дипломатии, ежедневной коммуникации для сотни тысяч людей, его используют тюркоязычные и нетюркоязычные народы. Достаточно известны письменные памятники кыпчакского языка: 'Godex Cumanicus' (латино-персидский-кыпчакский словарь конца XIII в.), многочисленные словари и грамматические очерки кыпчакского языка, написанные арабской графикой (словарь Абу-Хайяна начала XIV в.), армяно-кыпчакские памятники (XV - XVI вв.).

Среди них наиболее многочисленны и недостаточно изучены в языковом отношении армяно-кыпчакские памятники, несмотря на то, что в 1930 г. впервые по армяно-кыпчакским памятникам была опубликована 'Тюрки. их мови та літератури' А.Е. Крымского, затем появились работы Т.И. Грунина, О.И. Прицака, Ж. Дени, Э. Шютц, Э. Трыярского, Г. Алишана, Г. Дерфера, Э.В. Севортыяна, Н.А. Баскакова, А.Н. Гаркавца и других. В настоящее время известны более сотни памятников кыпчакоязычных армян, исповедовавших армяно-григорианское христианство. В середине второго тысячелетия н.э. группы населения, использовавшие кыпчакский язык жили большими колониями в Каменец-Подольском, Львово, Луцке, Могилеве-Подольском, Сучаве, Серете, Замостье, Яссах, Аккермане и

др. городах Украины, Польши, Румынии, Молдовы. Территорией откуда произошло их выселение считается Крым (в основном из Кафы – Феодосии) и, возможно, из Армении после монгольского нашествия. Также известно, что XII-XIII веках на территории Армении жили кыпчаки, которые приняли армяно-григорианство. По данным Г.Алишана и других ученых, современное село Арич Ширакской области Армении раньше называлось *Кыпчагъ*, в XII в. в селе был монастырь Хпчхаванк (в. арм. *хпчак* 'кыпчак', *ванк* 'монастырь, обитель') [сайт, 2015].

Из армяно-кыпчакских памятников известно, что армяне 'эрменилер' и другие народы, использовавший кыпчакский язык, называли его по-разному: *хыпчак тили* (кыпчакский язык'), *бизим тил* ('наш язык'), *бизим эрмени тили* ('наш армянский язык'), а также *татарча* 'по-татарски' [Гаркавец, 2002, с.11]. Весьма символично и значимо, что не этнические носители языка определяли кыпчакский язык как свой родной (*бизим тил*).

Базой для исследования лексической системы кыпчакского языка является Судебник' ('Төре бітігі' на каз.яз.). Нами была предпринята попытка определить основной словарный фонд памятника, состоящий из общетюркских и кыпчакских слов, а также заимствований из арабского, персидского, монгольского, армянского, славянских и других языков.

Анализ лексического состава армяно-кыпчакских памятников позволил определить основные ключевые понятия эпохи, связанные с жизнедеятельностью людей, их духовной и материальной культурой, межличностными отношениями, связью с окружающей природой. В этих ключевых понятиях отражается концептуальная картина мира людей кыпчакской эпохи. Указанные ключевые понятия были систематизированы по концептам-понятиям: '*природа*', '*социум*', '*человек*', '*универсальные понятия*', каждый из которых имел свою внутреннюю членимость, или составляющие компоненты. Так, понятие

- '*природа*' репрезентируется словами, обозначающие природу, небесные тела и явления, мир животных и птиц, растительный мир;
- '*социум*' составляют слова, обозначающие общественно-социальные вопросы, религиозные верования, политическую лексику;
- '*человек*' выражают слова, обозначающие родственные и межличностные отношения, деятельность (различные ремесла, торговлю, кочевой образ жизни) внешний вид, соматизмы, вооружение;
- '*универсальные понятия*' выражены словами, обозначающие абстрактные понятия, причину, качество, количество, форму, движение и т.д. [Шаймердинова, 2014, с. 34].

Концептуально-семантические отношения, репрезентируемые в кыпчакском языке наиболее ярко проявляются в концепте 'человек', в частности в системе родственных отношений, и мы пытаемся на базе кыпчакского языка указанных выше памятников осуществить семантический анализ основных членов семьи: отец, мать, дети.

Семья в большинстве тюркских народах, как правило, определяется тремя поколениями: дед – отец – сын. Особое место в семье занимает отец, кормилец, попечитель, глава семьи. В Судебнике' ('Төре бітігі') слово отец встречается как лексема *ama: atanıñ alyıñı* 'благословение отца, отцовское благословение; *A egär ki çaysi biy añar tözmägä klämäsä, ani erkli yebermägäy kendiniñ kişisin, klär anı saçlamaga kendi töräsinä, da ol çaxta oylanlar atasınıñ ölümündän soñra ol biyniñ tibiñä tözmägä bolmagaylar, ol çaxta erkli bolurlar ketmägä bartaga özgä biyniñ tibiñä, çayda kläsä* [Гаркавец, 2003, с. 84]. – Но если господин не потерпит этого, не пожелает отпустить на волю своего человека и захочет оставить его у себя в своей власти, то после смерти **отца** дети не обязаны терпеливо оставаться под тем господином, а вправе уйти и пойти под другого господина – куда захотят [Гаркавец, 2003, с. 84]. Инвариантное значение слова не подвергается значительному изменению, но все же в современных тюркских языках имеет некоторые дополнительные смысловые оттенки. Как пишет Э.Тенишев, 'в тюркских языках *ata* имеет и более широкое

значение: 'родитель', 'старшие родители', 'предки по мужской линии'' [Тенишев, 1997, с. 305]. Подобное наблюдается в современном казахском языке, где отец выражается словом *әке/ аке*, общетюркское и кыпчакское *ата* в современном казахском языке означает 'дед', 'дедушка', т.е. в кыпчакское *ата* свидетельствует о синкретичности понятий 'отец' и 'дед', слово в детской речи обозначало любого старшего родителя мужского пола. В ментальности казахов дом, где проживает отец, считается большим домом для детей, это понятие почетное и уважаемое. В казахской семье до настоящего времени сохраняется традиция, где младший сын в будущем считается хозяином отцовского дома и должен заботиться о родителях. Более того, младший сын, становясь хозяином родительского дома, несмотря на юный возраст, почитается взрослыми родственниками. Старшие сыновья, получая свою долю наследства, уходят жить отдельно. Статусное положение отца, его значимость и важность для всей семьи отражено в многочисленных поговорках народа: 'Сыну не перебивать отца, дочери мать', 'Сын берет пример с отца, дочь – с матери', 'Сын, воспитанный отцом, сам смастерит стрелу, дочь, воспитанная матерью, сама приготовит еду'.

Другим важным патронимом семьи является мать, которая в кыпчакских памятниках обозначается словом *ана*: *Oylum, söv atañni da anañni, ki toyrdu seni, da almagaysen alarniñ qarğışın, zera Teñriniñ, da atanıñ, da ananıñ alyışi birdir, neçik alyışi, alay qarğışi, ki sen dä süvüngäysen oylanlarından* [Гаркавец, 2003, с. 93]. - *Сынок, люби отца своего и мать свою, которая породила тебя, да не постигнет тебя их проклятие, ибо благословение Бога, и отца, и матери едины, как благословение, так и проклятие, дабы и ты познал радость от детей своих* [Гаркавец, 2003, с. 667].

Истоки слова восходят к древнетюркскому языку. В древнетюркских рунических памятниках Тоньюкук *ана* является частью сложного слова (*ана-тархан*) и обозначает один из высших мужских военных чинов древнетюркской социальной иерархии, о чем свидетельствует текст Бильге-кагана, где *ана-тархан* употребляется в контексте с другими титулами: *Когда отец-мой, Бильге-каган был на престоле, теперешние беки: на западе тардуш беки, шады, апыты, беки во главе с Кули-чором; на востоке беки во главе толес-беки, ана-тарханы, все шады. апыты беки, военачальники, Таман-тархан, Тоньюкук-бойла-тархан, все военачальники, внутренние военачальники во главе с Себик-Куль-еркеном - все нынешние беки были равные, опорой моего отца-каган* [Жолдасбеков, 2006, с. 263]. Указанное значение слова подтверждается и текстом Тоньюкука: *От кагана пришло ответное слово. он передал: Продолжайте сидеть, правильно ставьте сменный караул, чтобы не застали врасплох'. Потом Бегу-каган мне сказал: Ана-таркану послал секретные слова: мудрый Тоньюкук хитер, он сам поймет'* [Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006, с. 319].

Со временем изменяется форма и смысл слова – исчезает вторая часть сложного древнетюркского слова (*тархан*), оставшееся часть *ана* обозначает женский пол. Точного времени семантической трансформации никто не знает. Позже М.Кашгари определяет о фонетические варианты слова *ана/аба/ана* и отмечает, что в туркменском языке это слово используется с глухим звуком 'п' и произносится как 'апа' [Егеубай, 1997, с. 116].

В кыпчакскую эпоху и кыпчакском языке *ана* имеет широкий семантический смысл обозначает всю женскую сущность в природе и социуме и связано с понятием старшей женщины: 'старшая женщина, почтенная женщина', 'матрона', 'самка', 'матка с приплодом', 'главная часть вещи' и т.д., ср. тат. *ана мәсі 'кошка'*, *ана ürdäk 'утка'* [Тенишев, 1997, с. 299].

Старшей, почетной женщиной в семейном клане могут быть 'бабушка', 'мать', 'теща', 'свекровь', 'тетка', и этом значении слово с некоторыми фонетическими вариантами (*ана/эне/нене*) сохранилось во многих современных тюркских языках, в т.ч. казахском языке. Если говорить об исторической роли женщин в казахском социуме, то следует отметить, что казахские девушки и женщины были намного свободнее, нежели другие женщины в Средней и Центральной Азии. Они не закрывали свои лица паранджой, жили относительно

свободной жизнью. Главная обязанность казахских женщин – сохранение семьи, воспитание детей, уважение к мужу, проявление мудрости и духовной поддержки, соблюдение традиции, обрядов и обычаев.

Женский пол обозначает еще одно слово, употребляемое армяно-кыпчакских памятниках, в частности, слово *χatun/χatīn* (*хатын//хатун*): *Egär ki biy kläsä aniñkibik χizni oyluna bermä χatunluχka, al χizniñ atasiniñ erki bilä bolmaχ keräk* . - Если би хочет отдать девушку в качестве **жены** своему сыну, то необходимо получить соглашение родителей девушки [Гаркавец, 2003, с. 670].

Существует две точки зрения по этимологии слова. Э.В. Севортян это слово рассматривает, как чисто тюркское слово, где глагольной основе *qat-* в значении 'женщина' присоединяется аффикс лица *-un* [Севортян, 1974, с. 297]. По другой версии *χatun* заимствовано из иранского языка в I тыс. н.э. и восходит к древнеиранскому *χvatauni*, использованное позже в согдийско-буддийских текстах как *хутен* 'царица' [Палеотопонимика, 1992, с. 22-23].

Известно, что в эпоху древнетюркских каганатов слово *χatun/katun* обозначало высокий социальный статус: жен каганов и ханов называли *katun*, т.е. *ханша* или жена хана (кагана). По историческим материалам, в социальной иерархии древнетюркского государства второе место после кагана занимала *katun* и уже следом за ней находились шады, тархана, беки и т.д. (Л.Н.Гумилев, С.Г.Кляшторный, Ю.Зуев, А.Ташыгыл и др.) С.Е. Малов в Таласском руническом письменном памятнике также определяет *katun* как вельможную даму либо 'княгиню', либо 'царицу' [Малов, 1952, с. 64]. *χatun*-царица у тюркских народов сохранилось в эпоху Монгольской империи.

В армяно-кыпчакских памятниках изменилось семантика *χatun/χatīn* (*хатын//хатун*), показывая, как высокий социальный статус древнетюркской женщины трансформировался в выражение родственно-семейных отношений, и стало обозначать 'супруга', 'жена', 'женщина'. Изменение произошло и в формальном аспекте: губное [y] в татарском, башкирском, каракалпакском, казахском языках заменилось неогубленным [ы] - *қатын*. Более того в современном казахском языке еще больше снижается социальная значимость слова, *қатын* относится к сниженной лексике и имеет эмотивно-оценочный характер. В качестве литературного эквивалента слова выступает лексема *эйел*. Однако в некоторых тюркских языках, например, в узбекском языке до настоящего времени *χatun* обозначает социальное положения женщины.

В армяно-кыпчакских памятниках встречается слово *χardaš/қадаш /қардаш*: *A egär ki oylan 15 yašina bolgay, ol kiši öldürüçidir da törägä χarši yañilgay, da bu statutka keräk tügäl tölöv etkäy baši üçün χardašlarına öldürgän oylanniñ, neçik yoγarē yazilgandır* [Гаркавец, 2003, с. 85]. – Если (убившему) ребенку 15 лет, то такой человек считается убийцей и преступившим закон и согласно данному статусу обязан уплатить голову за него родственникам убитого ребенка, как записано выше [Гаркавец, 2003, с. 667].

Слово *қадаш //қардаш* в значении 'родственник' восходит к древнетюркской исторической форме *qarındaš/ қарындаш*. Считается, что в обобщенной форме могло обозначать родственные отношения независимо от пола человека, о чем свидетельствуют устойчивые выражения сохранившиеся во многих тюркских языках: *ullu er qardaš* 'старший брат', *gičči er qardaš* 'младший брат' в кумыкском языке, 'младший сын' (ккалп., башк.) 'младшая сестра' (каз.яз). Э.Р. Тенишев объясняет происхождение *qarynda* 'от основы *qagun* 'утроба, живот' посредством присоединения продуктивного аффикса *-daš*, придающего новообразованию значение совместности, соучастия [Тенишев, 1997, с. 291].

В настоящее время во многих тюркских языках различные варианты этого слова: *гардаш* в азербайджанском, *кардаш* в ногайском и гагаузском, *карнаш* в карачаевском, *қардаш* в кумыкском, *қарындаш* в киргизском и алтайском, *қарындош*, *қардош* в узбекском, *кериндаш* в уйгурском, *қарындас* в казахском языке.

Слово *çardaş* в армяно-кыпчакских памятниках сформировалось благодаря ряду фонетических закономерностей: *қарындаш > кардаш > кадаш* и выражает значение 'младшего родственника', к которому со временем в тюркских языках кыпчакской подгруппы (каз., ногай., каракалп. и др) добавляется значение женского пола 'младшая дочь', 'младшая сестренка'. В казахском производном слове *қарындас* благодаря выше указанному историческому развитию семантики слова содержится несколько смыслов: корневая морфема *қарын* выражает значение 'утробный', формант *дас/даш* словообразовательное значение 'совместный', 'соутробный'. Более того, полученное производное слово в процессе исторического развития слова наделяется значением женского лица. Отсюда, дословно *қарындас* – эта 'младшая моя сестра, с которой я вышел с одной материнской утробы'.

В памятнике 'Төре бітігі' встречается мужское именование *оғұл*: *Egär ki oylanlar aralarına uruş etsälär, da bir oylan birsin öldürsä, da ol öldürgän oylan 12 yaşından artıx bolgay, keräk başın tölägäylär, neçik tügäl бүтүн kişiniñ* [Гаркавец, 2003, с. 85]. – *Если во время драки мальчики поубивали друг друга, а умерший достиг 12 лет, то за него (голову) должны заплатить кун (плату) как за совершеннолетнего* [Гаркавец, 2003, с. 665].

В языке древнетюркских памятников слово не дифференцировалось по признаку пола, одинаково использовалось и к мальчикам, и к девочкам.

По этимологии данного слова существует несколько версии. Наиболее популярна версия Э.Севортяна, который, определяя этимологию слова *оғұл*, отмечает, что 'оул' образован от глагольного корня *оу-/оq-* 'рождать' [Севортян, 1974, с. 416]. По мнению Б. Сагиндыкова, *оғұл* восходит к древнетюркскому *тоғул*, подвергшейся позже фонетическим и семантическим изменениям. Кроме того в развитии кыпчакского языка Б. Сагиндыков выстраивает архетипическую линию формирования слова с морфемой -ан: *тоғулан – угылан – улан – ұлан – ұл* [Сағиндықұлы, 1994, с. 13].

В армяно-кыпчакских памятниках, как и в древнетюркском языке, значение слова четко не дифференцировано, употребляясь, с одной стороны, в значении 'мальчика', с другой – для обозначения обобщенных понятий 'дети', 'сыновья-дочери': *оул* (*оғұл* (*оғлу*) в значении 'мальчик', *оғұл-хыз* – 'сыновья и дочери', *оғұл-хызны кери ет* – 'отдавать мальчиков и девочек' [Гаркавец, 2003, с. 731].

Слово без особых фонетических изменений сохранилось памятниках позднего средневековья, староуйгурском, старокыпчакском языках, также в огузской и карлукской группах современных тюркских языков. Видоизменения слова наблюдаются кыпчакской группе языков. Так, в мишарском диалекте татарского языка в результате изменений интервокального звука [γ] в [w] образовалась лексема *owul*, в ногайском языке благодаря стяжению гласного получалось *uwul*. В татарском, башкирском, каракалпакском, казахском языках фонетические изменения гласных звуков, их стяжение привели к образованию формы *ұл* и только значении мужского пола, мальчика.

Во многих тюркских языках слову *оул* семантически близким является лексема *оулан* в значении 'юноша'. Так, в чагатайском, гагаузском, азербайджанском, туркменском, узбекском и других языках 'оғлан' сохранился без изменений. Напротив, в казахском, кумыкском, татарском, башкирском, ногайском, каракалпакском, киргизском языках используется лексема *ұлан*. Выпадение в первом слове слова звук 'ğ' объясняется общетюркскому фонетическому явлению. В кыпчакской группе тюркских языков *оглан* (*ұлан*) до настоящего времени обозначает 'мальчика', 'молодого воина' (Ср. современная военная школа для подростков называется школа-улан, а сами обучающийся - уланами). В тоже время Р. Сыздыкова отмечает, что *оглан/улан* исторически являются титулами детей ханов-султанов, биев, представителей разных военных и административных служб, управляющей династии [Сыздыкова, 1984, с. 69].

Анализ лексического состава армяно-кыпчакских памятников позволил определить

концептуальное поле кыпчакской картины мира как категоризацию и концептуализацию природы, социума, человека и универсальных понятий, среди которых релевантным (для данной статьи) является человек, в частности его семейно-родственные отношения. Семантический анализ основных членов семьи (отец, мать, дети) в армяно-кыпчакских памятниках показал, что истоки семантической идентичности кыпчакского языка находятся в древнетюркском языке, различие наблюдается в значениях и средствах выражения современных тюркских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. www. Kazorta.org. Вопросы армяно-кыпчакской проблематики. 5.10.2015
2. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Том I. Каталог и тексты памятников армянским письмом. Алматы: Дешт-и-Кыпчак, 2002. 1084 с.
3. Шаймердинова, С.А. Ярыгин, Т. Молдабай, С.М. Торебекова и др. Кыпшақтар: тарих және тіл (армян-қыпшақ ескерткіштері негізінде). Монография / Астана: «Сарыарқа» баспасы, 2014.- 228 б.
4. Төре бітігі. Армяно-кыпчакский Судебник 1519-1594 гг. / Составители: А. Гаркавец, Г. Сапаргалиев, М. Капраль, М. Цимбал/. Алматы: Дешт-и-Кыпчак, Баур, 2003.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Ответ. ред. член-корреспондент РАН Тенишев Э.Р. Москва: «Наука», 1997. 506 с.
6. Жолдасбеков М. Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников (перевод на русский язык М.Жолдасбекова, Н.Г. Шаймердиновой, К. Сарткожаулы). Астана: Кюль-тегин, 2006. 356 с.
7. Махмұт Қашқари Түрік сөздігі / аударған А.Қ.Егеубай. Алматы: «Хант» баспасы, 1997. – I-III т.
8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. I-III тт. М., 1974, 1978, 1980.
9. Палеотопонимика. Томск: Издательство Томского университета, 1992. 252 с.
10. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. Москва-Ленинград: Академия Наук, 1952. 430 с.
11. Сағындықұлы Б. Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері. Алматы: «Санат» баспасы, 1994. 172 б.
12. Сыздықова Р. XVIII-XIX ғғ. қазақ әдеби тілінің тарихы. Алматы: Мектеп, 1984. 247 б.

WORLDVIEW OF THE KYPCHAKS IN THE LEXICS OF THE ARMENIAN-KYPCHAK MONUMENTS

Torebekova Saule Maksutovna

PhD students of the Department of Turkology

Department of International Relations

L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Republic of Kazakhstan

E-mail: saule_torebekova@mail.ru

This article considers the worldview of Kypchaks reflected in the lexicon of the Armenian-Kypchak monuments of XVI-XVII centuries. Study lexical structure of the monuments which allowed to determine worldview, the basic key concepts of the era associated with the life of people, their spiritual and material culture, interpersonal relationships, communication with the surrounding nature. The paper shows the processes of categorization and conceptualization that are indicated in the basic key concepts of the era of the represented concepts 'people', 'nature', 'society', 'universal concepts'.

Key words: Armenian-Kypchak monuments, worldview, nature, society, human, universal concepts.

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛОВ В ПАМЯТНИКЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ**

Сандыбаева Айгуль Талгатовна

докторант PhD 3-го курса

*факультет международных отношений, кафедра тюркологии
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева*

Казахстан, г. Астана

E-mail: akaleka@mail.ru

В статье рассматривается семантический потенциал многозначных слов на примере памятника средневековья «Дивани лугат-ит тюрк» Махмуда Кашгари. Анализируется сужение значений полисемных слов и наоборот расширение значений моносемных слов в Словаре Махмуда Кашгари. Семантическая трансформация объясняется концептуальными изменениями, отраженными в понятии картина мира средневековья. Эти полисемантические изменения нашли преемственность в современных тюркских языках, в частности, в современном казахском языке.

Ключевые слова: семантический потенциал, полисемия, расширение значения, сужение значения, семантическая трансформация.

В современной лингвистике полисемию рассматривают не только в статическом плане (классическая теория полисемии), но и в динамическом и когнитивном, что позволяет раскрыть семантический потенциал слова. В динамическом аспекте полисемия – это результат постоянно действующих механизмов образования новых значений, в когнитивном – способ осмысления нового через данное [Кустова, 2005, с.1]. Если считать, что слово – это единица хранения информации о мире и средство концептуализации новых объектов и ситуаций, инструмент когнитивного освоения реальности, то слово, обретая многозначный смысл, подвергается процессу языкового расширения [Шарапатулы, 2011]. На наш взгляд, расширение семантики слова обусловлено, историческими семантическими изменениями внутренней формы слова, а также экстралингвистическими факторами, к числу которых следует отнести наслоение культурного компонента, ментальных особенностей этносов, расширение функциональных возможностей слова. Подобные семантические трансформации слова ярко прослеживаются в «Дивани лугат-ит тюрки» М.Кашгари и находят свою преемственность в современных тюркских языках, в частности, в современном казахском языке.

В рамках концептуальной методологии полисемия рассматривается как средство концептуализации нового опыта. При этом когнитивная природа многозначности очевидна, поскольку «полисемия является следствием того, что для обозначения новых предметов, явлений и ситуаций, входящих в сферу опыта, человек не изобретает новых знаков, а использует уже существующие, приспособлявая (модифицируя) их для выполнения новых функций» [Кустова, 2001, с.22]. Полисемия возникает благодаря тому, что слова обладают определенным семантическим потенциалом, давая возможность передавать значения лексемы связывая ее со значением исходного слова. В памятнике средневековья Махмуда Кашгари содержится большой пласт лексем, которые обладая значительным семантическим потенциалом, вошли в современный казахский язык как многозначные слова.

Наши исследования показали, что в «Дивани лугат-ит тюрки» наблюдается достаточное количество многозначных слов, характерных для картины мира средневековой эпохи караханидского времени: bilik ‘знание’, bitik ‘письмо’, men'gy ‘вечный’, culcy ‘смех, сме-

яться' и т.д. В то время в лексическом фонде Словаря имеются много однозначных лексем, семантика которых значительно расширилась отмеченными выше факторами. Например, лексема 'ағы' в Словаре выражает значение 'дорогой ткани' 'шелка', распространенного и актуального для той эпохи. Это значение в современных тюркских языках в силу языковых и неязыковых, экстралингвистических факторов расширилось. В связи с чем получили развитие новые синтагматические и деривационно-семантические отношения.

В современном казахском языке 'ақы/ағы' может означать и конкретное значение и абстрактные понятия. Конкретное - обозначение оплаты за труд; оплату за вещь (мал-мүлік), вещь, которую нужно отдать или забрать; взятка; долг. Абстрактное – обозначение морального долга.

Связи с вышеотмеченным возрос и деривационный потенциал слова. Например, 'ақысы бар' – есть долг (моральный), 'ақы өтеу' – отдать долг (вещественный), 'ақша' – деньги и т.д.

Однако историческая архисема 'дорогое' ('дорогая ткань', 'дорогой шелк') в семантике всех этих слов сохранилась. В словаре Махмуда Кашгари 'ағи' в значении шелковая ткань [ДЛТ, 2015, с.43]. Слово 'ақша' в современном казахском языке в значении *деньги* восходит к данному слову [Севортян, 1974, с.120]. Слово 'ағы' изначально имея значение 'дорогой' ткани (шелка), в современном языке тоже сохранила архисему 'дорогой вещи', и в настоящий момент имеет конкретное значение *деньги*.

Корневая морфема 'ақы' также активно используется в словообразовательном процессе современных тюркских языков, в казахском языке, например: 'еңбекақы (зарплата)', 'өтемақы (компенсация)', 'шәкіртақы (стипендия)', 'зейнетақы (пенсия)', 'ақы-пұл (деньги, средства)', 'ақысыз (бесплатно)' и т.д. В словообразовательном процессе морфема 'ақы' также сохранило значение конкретности как 'вещи' и абстрактное понятие *ценности*.

Как отмечает Г.И. Кустова, полисемия в когнитивной методологии - является средство расширения информационного пространства человека [Кустова, 2001, с.16].

Наблюдая за семантическим потенциалом многозначных слов нужно отметить закономерность развития значения слова не только в сторону расширения, но и сужения значения, где потенциал многозначности снижается по определенным причинам. В качестве иллюстрации рассмотрим слово 'beg (bey)', которое в Словаре дается в двух значениях: правитель-муж или супруг [ДЛТ, 2015, с.411]. В современном казахском языке значение 'бек, правитель' сохранилось [Жанұзақов, 2008, с.123], значение же 'муж, супруг' исчезло. В современном азербайджанском языке второе значение сузилось и стало обозначать лишь 'новобрачный, жених' [Рагимов, 1985, с.103].

Интересные семантические трансформации наблюдаются в слове 'keyik', которое 'дикое', 'некультивированное', связано с флорой и фауной, например, с дикими животным, чье мясо является съедобным: *джейран, лось, горный козел* и др. 'keyik sögüt' – дикая ива, 'keyik kişi' – дикий человек, похожий на обезьяну [ДЛТ, 2015, с.417].

Таким образом, в словаре Махмуда Кашгари слово 'keyik'/'киик' может обозначать и 'дикое' растение, и 'дикое' животное, и даже образ человека).

В древнетюркском словаре эти значения даются как разные: 'kejik' – 1. олень, лань; зверь вообще; 2. дикий; 3. миф. дикий, мифический [ДТС, 1969, с.294]. В толковом словаре казахского языка тоже дано значение, относящееся ко всем парнокопытным животным: 'киик' – парнокопытное дикое животное [Жанұзақов, 2008, с.397]. Но стоит отметить, что употребление этого слово относится только к таким животным как: *сайгак, горный козел, антилопа, лань и др.*, то есть свое значение 'дикий' относящиеся только к парнокопытным животным это значение сохранилось [Күдерина, 2011, 8-том, с.43]. Сужение значения этого слова связано с употреблением в казахском языке слов 'жабайы' (о растениях и жи-

вотных) и ‘түз’ (только о животных). По этой же причине – употребление новых слов – в азербайджанском языке так же наблюдается сужение значения слова ‘киик’-‘keyik’.

Вышеизложенное показывает, что в словаре М.Кашгари, наблюдается процесс сужения значения слова ‘keyik’, и это, характерно, на наш взгляд, для X-XI веков. Отметим, что создание наиболее ясного представления об этом семантическом развитии во многом зависит от этимологического анализа слова. Если учесть соответствие аллофонов дз/з/й [Сағындықұлы, 1994, с.20], то между словами ‘kezik’ - бегущий [ДТС, 1969, с.305, 4-значение] и ‘kejik’ существует определенная семантическая близость. Если корневая морфема ‘kez’ имеет общее значение – *ходить, бродить, странствовать* [ДТС, 1969, с.305], тогда семантическое развитие слова ‘kejik’ можно отобразить следующим образом: ‘kezik’/‘kejik’ – бегущий – избегающий человека – неприрученный – дикий (животное или растение, даже человек) – в современном казахском языке дикое животное (горный козел, сайгак и др.). Отсюда и следует третье значение слова, которое дано в Словаре ‘kejik kişi’ – дикий человек (мифологический образ). В казахском мифологическом понятии есть образ ‘албасты’, который иногда несет название ‘кісі киік’. Это образ человека, обросшего мехом, в некоторых источниках дается как образ женщины с длинными волосами. Но для нас главное значение в этом образе это «дикость» - ‘keyik kişi’- существует обособленно от людей и редко, кто может увидеть его, то есть это человек избегающий людей, дикий человек. В современном казахском языке есть слово ‘кезбе’ – бродяга, странник, странница, путешественник [Бектаев, словарь, 2007, с. 229], здесь мы можем увидеть общий корень «-кез» - бродить.

Так, на примере развития лексической семантики средневекового памятника можно проследить развитие исторической семантики тюркских слов и проследить их преемственность в семантике в современных тюркских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кустова Г.И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы//Вопросы языкознания № 3. – М.: Наука, 2005. – С. 53-79.
2. Шарапатулы Ш. Түркі лексикасының семантикалық деривациясы. – Алматы: Кантана-пресс, 2011. – С.552.
3. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации. Диссер.на соискание ученой степени д.ф.н. – М.: МПГУ, 2001. – С.413.
4. Kaşgarlı Mahmud. Divanu Lugatı't-Türk (Ahmet B.Ercilasun). – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2015. 996s.
5. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – С. 768.
6. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (Т.Жанұзақов). – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – С. 968.
7. Рагимов А.р. «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и лексика азербайджанского языка. Диссер. На соискание д.ф.н. – Баку, 1985. – С. 188.
8. Древнетюркский словарь (ДТС). – Л.: Наука, 1969. – С. 676.
9. Қазақ әдеби тілінің сөздігі, 8 том (Қ.Күдерина и др.). – Алматы: Тіл білімі институты, 2011.
10. Сағындықұлы Б. Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері. – Алматы: Санат, 1994. – С. 168.
11. Большой казахско-русский русско-казахский словарь (Бектаев К.). Алматы: 2007. – С. 712.

**THE SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE WORDS IN MIDDLE-AGES
MONUMENT AND IN THE MODERN KAZAKH LANGUAGE**

Sandybayeva Aigul T.,

PhD of 3 courses

Faculty of International relations, department of Turcology

L.N.Gumilyov Eurasian National University

Kazakhstan, Astana

E-mail: akaleka@mail.ru

The semantic potential of polysemantic words on the example of Middle-Ages Monument “Divani Lughat it-Turk” of Mahmud Kashgari is considered in the article. It is analysed the narrowing of the meaning of polysemantic words and on contrary, the widening of monosemic words in the dictionary of Mahmud Kashgari. The semantic transformation is explained with conceptual changes, reflecting in the meaning of Middle-Ages picture of peace. These polysemantic changes found the succession in Modern Turkic languages, and in modern Kazakh language.

Key words: semantic potential, polysemy, the widening of the meaning, the narrowing of the meaning, the semantic transformation.

**ОБ АНТРОПОНИМЕ ЧИШБЕК В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКАХ:
ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ**

Темиргазина Зифа Какбаевна

доктор филологических наук, профессор, Член-корреспондент РАЕ

Павлодар, Казахстан

E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Адильбек Даутбекович Амренов

кандидат филологических наук, доцент,

кафедра казахского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института, Казахстан

E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Абзулдинова Гульсум Кенжебековна

кандидат филологических наук, доцент,

кафедра казахского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института, Казахстан

E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Первым исследователем, изучившим и опубликовавшим рукопись «Общая история» Кадыргали Жалаира, был русский востоковед И.Н. Березин. Ч. Валиханов в своем небольшом исследовании «Извлечения из «Общей истории (Жамиат тауарих)» рассматривает языковые особенности древней рукописи, стиль, поднимает вопрос о ее орфографии. После Чокана Валиханова на ценность генеалогической рукописи Жалаира обратили внимание такие казахстанские ученые, как академик А. Маргулан, Р. Сыздыкова и др.

В «Общей истории» Жалаира в главе «Дастан Оразмухаммед хан бин Ондан султан» («Сказание о сыне султана Ондана Оразмухаммед-хане») сказано, что слева от ханского трона сидел бек, один из четырех визирей Оразмухаммед-хана – Аргын Чиш бек (Чишбек из казахского рода Аргын). Это имя трактуется востоковедами по-разному. В исследованиях В.В. Вельяминова-Зернова левой рукой Оразмухаммед-хана называется визирь Аргын Чешь-бикъ, в трудах Чокана Валиханова – аргынец Чиш-бек, у исследователя Рабиги Сыздыковой упоминается Шаш бек, в романе Мухтара Магауина «Аласапыран» – Шэш бек, а в переводах историков Н. Мингулова, Б. Коменкова, С. Отениязова имя таинственного визиря указывается как Аргын Чаш бек¹, т.е. этот антропоним варьируется с некоторыми звуковыми изменениями (Чешь, Чиш, Шаш, Шэш, Чаш). В нашем исследовании делается попытка расшифровать этот языковой код и внести некоторую ясность.

Вариант антропонима Чаш (в современном казахском языке «шаш- волосы») используется в древнетюркском языке как «саш», «сач»: в надгробиях Енисея (УШ в.) – **Кара сач** (имя человека), в письменных источниках: «Диуани лугат...» (ХІ в.) – **ер сачланды**, в «Огыз қаган (УШ-ІХ в.) – **Сачлары, кашлары кара ерділер**, в «Ат-тухафа аз-закия...» (ХУШ в.) – **саш**, среднетюркское (Х-ХУ в.в.), а также новотюркское (ХУ-ХХ в.в.), в «Ахуал Чингиз хан уа Аксак Тимур» (ХУІ-ХУІІ в.) – упомянуто как «шач» или же «сач» – **Шачын тараса інжу төкүлүп** (Волосы при расчесывании развязываются как жемчуга).

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть вторая. Санктпетербургъ, 1864. - С.403

Таким образом, в исконно тюркских словах, написанных арабской вязью, писались все гласные и согласные звуки. Как видно из этих примеров, в современном казахском языке слово «шаш» в средне- и – древнетюркских памятниках письменности в начале слова (анлаут) не начинается со звука «ч». В рукописи Кадыргали Жалаира слово начинается с буквы «ч» и печатается согласными звуками (**ЧШ**), то есть гласные звуки не помечались.

Письменный памятник Жалаира относится к истории среднетюркского времени. В памятниках среднетюркской арабской письменности были свои правила письма (нельзя сказать, что это орфографическое правило). Иначе говоря, тюркский язык относится к агглютинативным, поэтому все гласные и согласные звуки исконно тюркских слов полностью обозначаются на письме. В арабо-персидских заимствованных словах, которые подчиняются нормам флективного языка, пишется основа слова, состоящая из согласных, а краткие гласные звуки обозначаются при помощи харакатов. Харакаты (краткие гласные звуки) использовались на письме только для правильного чтения святых писаний, над буквой и под ней для обозначения краткости звука ставятся диакритические знаки, такие знаковые обозначения можно увидеть только в Коране и Хадисах, во всех остальных писаниях такие знаки не ставятся.

Рассматриваемый антропоним встречается и в исторических генеалогических родословных казахского народа. К примеру, предка современного рода Канжыгалы из племени Аргынов звали Шиш бек.

Для дальнейшего исследования исторического образа Аргына Чиш бека из рода Канжыгалы необходимо изучение архивных источников. Из трудов А. Маргулана известно, что рукописи Оразмухаммеда, его книги, письма были сохранены. После смерти султана «серебрянный сундук» был передан в архив короля (патши), в ХУП-ХУШ в.в. хранился там, до середины XIX века – в музее Азии Академии Наук России.² Возможно, там содержатся новые факты.

2 Ш.Уәлиханов. Бес томдық шығармалар жинағы. 1 том. – Алматы, 1961. - Б.158

РОССИЙСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ И МИКРОКОМПАРАТИВИСТИКА

Халлиева Гулноз Искандаровна

доктор филологических наук, доцент

Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент), Узбекистан

E-mail: gulnoz7410@mail.ru

В статье рассматривается проблема Ренессанса и творчества Алишера Навои – на основании статей Н.И. Конрада и В.М. Жирмунского. Изучение эволюции взглядов российских ученых XX века – новый и актуальный вопрос современной компаративистики. Анализ научных исследований российских ученых открывает путь к решению целого комплекса историко-литературных проблем.

Ключевые слова: микрокомпаративистика, Алишер Навои, тюркология, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, Ренессанс, Восток, Запад.

Благодаря настойчивости и энтузиазму российских ученых как А.Н. Самойлович, А.Н. Кононов, С.Н. Иванов, Е.Э. Бертельс, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, Г.Ф. Благова, И.В. Стеблева, Н.Н. Телицин, А.И. Пылев была проделана значительная научная и научно-организационная работа по изучению творчества классиков тюркского мира.

Объем изданных и нереализованных трудов по тюркской литературе свидетельствуют о сборе и анализе ценных сведений, имеющих важное значение для науки. Но до сих пор существует множество неизученных лакун в научно-исследовательской деятельности российских тюркологов.

Изучение эволюции взглядов российских ученых XX века – новый и актуальный вопрос современной компаративистики. «Компаративистическая методология анализа научной реальности предполагает классификацию объектов сравнения по двум основным признакам масштабности. На уровне микрокомпаративистики предметом сравнения могут быть тексты отдельных ученых (с точки зрения эволюция взглядов); тексты разных ученых для прояснения их взглядов на одну и ту же проблему. На уровне макрокомпаративистики сравниваются концепция школ и направлений науки» [Котенко, 2007, с. 21-27].

В современной литературе определяется 4 типичных ситуаций сравнительного анализа: сравнение явлений в одном пространстве и времени (1), в одной и той же среде, очень схожих ситуациях, но в разное время (2), в одно время, но существующих в разных средах и пространствах (3), сравнение явлений разных сред, пространств и времен [Кокорин, 2009, с. 31-32].

На примере научных взглядов ученых одного пространства и времени мы ограничимся анализом сравнений на одну и ту же проблему: проблему Ренессанса и творчества Алишера Навои – великого мыслителя Востока [Жирмунский, 1979, с. 6].

В.М. Жирмунский (1891-1971) и Н.И. Конрад (1891-1970), известные «титаны» российской науки, чьи труды объективно способствовали росту к изучению истории и литературы народов Востока, а также развитию компаративистических методов исследования. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур занимали значительное место в интересах ученых.

По своим методологическим взглядам В.М. Жирмунский несомненно, близок Н.И. Конраду, но по отношению анализа вышестоящей проблемы их мнения различаются. В некоторых случаях встречаются столкновение парадигм.

Широта взглядов В.М. Жирмунского при анализе позволила выявить вывод о том, что грандиозная фигура Алишера Навои не изолирована в мировой литературе. Творчество великого основоположника узбекской литературы непосредственно перекликается с передовыми идеями его западных единомышленников – поэтов и мыслителей эпохи Ренессанса [Жирмунский, 1979].

Н.И. Конрад будучи сторонником комплексного востоковедения считает, что Навои при-

надлежит огромному, столь разнообразному миру, поэт у которого герои кто угодно: Фархад – китаец, Шапур – перс, Ширин – армянка, Кайс – араб. Весьма любопытно, что герои поэта описывают свои прелести сами. Ученый отмечает: «Мне хотелось, чтобы Навои не только читали, не только изучали, но и просто читали. Читали как поэта нужного нам сейчас, в нашей теперешней жизни. Скажем великое спасибо узбекскому народу, принесшему нам в дар такого поэта». [Конрад, 1978]

Вопрос восточного и западного Ренессанса весьма распространенный и имеет множество точек зрения. Вышестоящие выводы В.М. Жирмунского утверждают некую зависимость Востока от Запада. Н.И. Конрад поддерживает идею Восточного Ренессанса и более склонен к духовному наследию Навои. В.В. Бартольд считает, что на Востоке заимствование касалось только науки, но не культуры в целом, так как имелись собственные традиции широкой образованности и эстетического развития. [Бартольд, 1966, с.618] Как отмечает А.А. Гаджиев, не античность делала художников ренессансными, а их ренессансность побуждала обращаться к античности [Гаджиев, 1980, с. 4].

Анализ научных исследований российских ученых в рамках микрокомпаративистики открывает путь к решению целого комплекса историко-литературных проблем. Появляется возможность более углубленного и точного проникновения в коренную специфику их взглядов на схожие проблемы. По мнению Н.И. Конрада, «сравнительные этюды важны даже не для целей сравнительного литературоведения, а именно для истории национальной литературы [Конрад, 1996, с. 299].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд, В. В. Сочинения. Т. VI. Ученые мусульманского Ренессанса / В. В. Бартольд. – М. : Наука, 1966. – С. 618.
2. Гаджиев, А. А. Ренессанс и поэзия Низами Гянджеви / А. А. Гаджиев. – Баку : Элм, 1980. – С. 6.
3. Жирмунский, В. М. Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока / В. М. Жирмунский // Сравнительное литературоведение. – Л. : Наука, 1979. – С. 174–185.
4. Кокорин, А. А. Сравнительный анализ: Теория, методология, методика / А. А. Кокорин. – М., 2009. – С. 31–32.
5. Конрад, Н. И. Неопубликованные работы Письма / Н. И. Конрад. – М. : РОССПЭН, 1996. – С. 299.
6. Конрад, Н. И. Средневосточное возрождение и Алишер Навои / Н. И. Конрад // Литература и театр. – М. : Наука, 1978. – С. 90–104.
7. Котенко, В. П. Компаративистика новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки / В. П. Котенко // Библиосфера, №3, 2007. – С. 21–27.

RUSSIAN STUDY OF TURKIC LANGUAGES AND MICROCOMPARATIVE STUDIES

Khallieva Gulnoz Iskandarovna
Doktor of Philology, Associate Professor
Uzbek State University of World Languages (Tashkent), Uzbekistan
E-mail: gulnoz7410@mail.ru

The article deals with the issue of Renaissance and creative work of Ali-Shir Nava'i on the basis of articles of N.I. Konrad and V.M. Zhirmunsky. Studying the development of views of Russian scientists of XX century is the current issue of the modern comparative studies. The analysis of researches of the Russian scientists allows solving a complex of historic and literary issues.

Key words: microcomparative studies, Ali-Shir Nava'i, study of Turkic languages, V.M. Zhirmunsky, N.I. Konrad, Renaissance, East, West.

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В КАЗАНСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КФУ)**

Титова Татьяна Алексеевна

доктор исторических наук, профессор

Институт международных отношений, истории и востоковедения

кафедра истории Татарстана, археологии этнологии

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

E-mail: tatiana.titova@rambler.ru

Гущина Елена Геннадьевна

директор Этнографического музея

Институт международных отношений, истории и востоковедения

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

E-mail: etnomuseum@mail.ru

В статье рассмотрена история формирования коллекций Этнографического музея Казанского университета с момента основания данного учебного заведения. Особое место отведено исследованию коллекций, посвящённых бытовой культуре тюркских народов Сибири. Также представлена деятельность учёных Казанского университета к. XIX – н. XX в., проводивших сбор коллекций и внесших большой вклад в изучение культуры этих народов.

Ключевые слова: Этнографический музей КФУ, тюркские народы Сибири, экспедиции, этнография, традиционная культура.

С момента основания Казанского университета одним из приоритетных направлений исследования стало изучение восточных народов Российской Империи и стран Азии. На разных временных этапах существовал ряд кафедр и научных обществ, занимающихся изучением восточных языков и культур. Из многочисленных экспедиций в Казанский университет привозились этнографические коллекции, служившие особым источником и иллюстративным материалом для дальнейших исследований. Все эти предметы хранились и экспонировались в ряде университетских музеев гуманитарного профиля, этнографические коллекции которых были объединены в 1913 г. в Этнографический музей. Именно через особые музейные собрания университеты во многом реализуют свою учебно-образовательную, научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность. Музеи классических университетов создавались не столько как музеи, а в большей степени как своеобразная материально-техническая база для сопровождения и развития учебного и научного процесса.

Ценность музейных коллекций для научно-исследовательских работ общепризнана, и постоянно возрастает. Актуальным является на сегодняшний момент введение в научный оборот коллекций и музейных предметов, которые хранятся в профильных академических и ведомственных музеях и ранее не вводились в широкое исследовательское пространство.

Накопленное за 200 летнюю историю существования и развития Казанского университета этнографическое собрание состоит из разнообразных и во многом уникальных предметов и коллекций. Совокупность материальных и духовных артефактов культуры тюркских народов из собрания Этнографического университета можно разделить на несколько групп: народы Центральной Азии (узбеки, казахи), Западной Азии (сагайцы, теленгиты, тувинцы, якуты) и Среднего Поволжья (татары, чуваша).

Особое место в Этнографическом музее Казанского университета отведено коллекциям, характеризующим быт и культуру тюркских народов Сибири. В исследовании народов Сибири

учеными Казанского университета в конце XIX – XX вв. можно выделить три направления: исследование шаманизма у сагайцев Н.Ф. Катанова; систематические исследования народов Сибири студентами кафедры географии и этнографии под руководством Б.Ф. Адлера; географо-этнографическое исследование советской Тувы Н.В. Зориным.

Н.Ф. Катанов был ярким представителем этнографа-фольклориста XIX в., занимающегося «полевой» собирательской работой, основой которой были личные наблюдения, опрос местного населения и комплексный сбор разнообразных фольклорных текстов и предметов традиционной культуры. Из своих экспедиций он привозил большой вещественный материал, и многие предметы передавал в профильные музеи Казанского университета, Общества археологии, истории и этнографии и Казанской духовной Академии. В настоящее время в Этнографическом музее КФУ хранятся четыре коллекции, переданные в дар Н.Ф. Катановым, по сагайцам под учетными обозначениями 30, 31, 153 и 156 (в сумме представленные 20 номерами). В описях значится, что данные предметы из Абакинской долины Минусинского уезда Енисейской губернии он передал в музей в 1910г. В основном, в коллекциях представлены элементы костюма, бытовая утварь и культовые предметы сагайского шамана. Особенно интересен среди данных предметов шаманский бубен, имеющий интересный рисунок на внешней стороне. Все элементы этого рисунка можно разделить на три группы: первая – географические характеристики: дорога, условные деления на миры, граница Вселенной, звезды, солнце и луну, как ориентиры; вторая группа – помощники шамана – 9 сыновей хозяина шаманов, и его 7 дочерей, а также всадник, который защищал и ловил чужие души в рукоятку бубна; третья группа включает в себя рисунки животных, которые призваны лечить жертв злых духов.

Систематические исследования по традиционной культуре народов Сибири проходили на кафедре географии и этнографии Казанского университета в первой четверти XX в. под руководством проф. Б.Ф. Адлера. Б.Ф. Адлер был секретарем Казанского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта и куратором студенческого Кружка по изучению Сибири. Под его научным руководством в 1913-1918гг. студентами-натуралистами, специализирующимися по кафедре географии и этнографии был совершен ряд поездок в Сибирь и на Дальний Восток. В сферу исследовательского интереса входили и тюркские народы края – якутов. В музее хранятся три коллекции (№№111, 134, 137), собранные студентами, ставшими в преследующим крупными учеными этнографами и археологами. Так, у В.И. Подгорбунского была куплена для музея большая коллекция предметов традиционного быта якутов, собранная им в экспедиции в Якутии (№133). Коллекция состояла из 104 предметов, в основном бытовой утвари (крынки, туеса, ножи, чаши). Но в ней имелось и несколько мумий небольших животных и птиц, а также культовых предметов из костей медведей. Интересна и экспедиция студента С.А. Теплоухова в Минусинский уезд Енисейской губернии для изучения сойотов, которые на тот момент, как указывал Б.Ф. Адлер, не были четко классифицированы и относились и к финноязычным и тюркским народам (коллекция №172, состояла из 178 предметов).

В советское время экспедиции в Сибирь перестали проводиться. Исключение составляет небольшая географо-этнографическая экспедиция в Тувинскую автономную область под руководством Н.В. Зорина. Участники экспедиции собрали интересный материал, отражающий изменения, произошедшие у тувинцев за время советской власти. Одной из задач которой был сбор этнографических коллекций для музея. Н. В. Зорин передал в музей коллекцию бытовых предметов и национальных костюмов (№230, состояла из 21 предмета). Как отмечали участники экспедиции, данная коллекция состояла из традиционных предметов, исчезающих в XX в. (в основном, культовые предметы) и предметов, получивших широкое распространение в середине XX в. (например, грампластинки).

Таким образом, можно отметить, что коллекции Этнографического музея по тюркским народам Сибири содержат интересный пласт информации как о традиционных религиозных верованиях, материальной культуре, так и об изменениях, происходивших в народной культуре на протяжении XX в.

ТЮРКОЛОГИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Гатин Марат Салаватович

кандидат исторических наук, доцент

кафедра истории Татарстана, археологии и этнологии

Институт международных отношений, истории и востоковедения

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

E-mail: marat_gata@mail.ru

Статья посвящена современному состоянию тюркологии в университетах Германии. Определяются основные языки, народы, регионы и страны, которым уделяется особое место на лекционных и практических занятиях, а также в ходе научно-исследовательской работе.

Ключевые слова: Тюркология, османистика, тюркские языки, турецкий язык, османский язык, история и культура тюркских народов, высшее образование в Германии.

Еще недавно на рубеже XX – XX вв. тюркология Германии переживала подъем, в основе которого лежали следующие основополагающие причины. Во-первых, распад Советского Союза, который повлек за собой появление качественно новых государственных образований, где тюрки составляют большинство или занимают привилегированное положение. Во-вторых, объединение Германии, что усилило ее роль на международной политике. Ну и, в-третьих, расширение на Восток Европейского Союза, который расширил общую границу с Турецкой Республикой.

На сегодняшний же день в Германии наблюдается спад интереса к тюркологии. Связан он прежде всего с переключением главного общественно-политического внимания Германии на рост и усиления исламского фактора в странах Европейского Союза. В этой связи в вузах ФРГ все больше место получает исламоведение. Если в начале 2000-х гг. тюркология преподавалась в 10 вузах [подробнее см.: Гатин, 2004, с. 66–68], то сегодня тюркологические курсы ведутся лишь в 6 университетах, а именно в Свободном университете Берлина, университетах Бамберга, Гамбурга, Гёттингена, Гисена, Майнца и Мюнхена. Кроме того, в Берлинском университете им. Гумбольдта существует семинар по проблемам Центральной Азии, где тюркологическим вопросам уделяется большое внимание. В Рурском университете Бохума при Историческом институте есть кафедра, которая занимается изучением истории Османской империи и современной Турции.

Как и в конце прошлого столетия [Дёрфер, О состоянии тюркологии в Федеративной Республике Германии, 1974, с. 98–110; Клейнмихель, Современное состояние тюркологии в ГДР, 1976, с. 93–107] вопросы тюркологии нередко разрабатываются в широких рамках исламоведческих (Islamwissenschaft) или же востоковедческих (Orientalistik) подразделений вузов Германии. В некоторых университетах из тюркских языков преподается лишь турецкий (подробнее см. таблицу).

Исследования по тюркологии ведутся в следующих планах:

- 1) филологическом (лингвистика, литературоведение) (например, Кёльнский университет);
- 2) историко-экономическом (например, университет Дуйсбурга-Эссена);
- 3) сочетании 1) и 2) (например, Гамбургский университет).

Тюркология в Федеративной Республике Германии достигла определенных успехов [ср.: Дёрфер, О состоянии тюркологии в Федеративной Республике Германии, 1974, с. 98–110; Клейнмихель, Современное состояние тюркологии в ГДР, 1976, с. 93–107]. Вместе с тем нельзя не отметить, что в развитии тюркологии в ФРГ имеются и недостатки, правда,

обусловленные скорее организационными причинами. Основные из этих недостатков следующие (на которые еще в свое время указывал один из крупнейших алтаистов Германии, профессор Гёттингенского университета Герхард Дёрфер [Дёрфер, О состоянии тюркологии в Федеративной Республике Германии, 1974, с. 101–102]):

1. Не всеми университетами Германии тюркология признается самостоятельным научным направлением, она нередко рассматривается как часть исламоведения или ориенталистики. Однако очевидно, что науку, охватывающую историю, язык и культуру древних тюрок VII века и якутов Восточной Сибири, нелогично включать в «исламоведение». Здесь, безусловно, необходима строгая специализация. Конечно же, не стоит отрицать того, что турки в своей истории имели многообразные и чрезвычайно тесные связи с мусульманскими народами. Однако, с другой стороны, существуют такие самостоятельные дисциплины, как славистика, германистика, романистика и т.д., которые можно при желании объединить в «христиановедение».

2. Для дальнейшего развития тюркологии было бы целесообразным различать «тюркологию» как таковую, с одной стороны (имея в виду науку о тюркских народах), и «туркологию / османистику» – с другой.

3. Вопреки существующей практике, желательно было бы значительно расширить фронт проводимых тюркологических исследований. Наряду со специальными, необходимо ставить также проблемы, выполняемые совместно многими учеными и эффективно координируемые.

4. В основном тюркологические исследования в Германии ведутся односторонне – в лингвистическом, филологическом плане.

Тюркологические программы бакалавриата и магистратуры

<i>Вуз</i>	<i>Подразделение</i>	<i>Профессор</i>	<i>Программа</i>	<i>Тюркские языки</i>	<i>Тюркские страны, государства, регионы и народы</i>
Бамбергский университет	Кафедра турецкого языка, истории и культуры	Христоф Херцог (Christoph Herzog)	Тюркология (магистр)	Турецкий	Османская империя, Турецкая Республика.
Берлинский университет им. Гумбольдта	Центральноазиатский семинар Института Азии и Африки	Ингеборг Бальдауф (Ingeborg Baldauf)	Регионоведение Азии / Африки (бакалавр). Исследование Центральной Азии (магистр)	Узбекский, казахский, новоуйгурский	Мавераннахр, Казахстан, турки Китая.
Свободный университет Берлина	Институт тюркологии	Клаус Шёниг (Claus Schönig), Элизабетта Рагагнин (Elisabetta Ragagnin), Петер Циме (Peter Zieme).	История и культура Ближнего Востока (бакалавр). Тюркология (магистр).	Турецкий, древнетюркский, османский.	Османская империя, Туран, Алтай, Казахстан, крымские татары, ближневосточные туркмены, уйгуры.
Рурский университет Бохума	Кафедра истории Османской империи и Турции Института истории	Макус Коллер (Markus Koller)	История (бакалавр). История (магистр).		Османская империя, Турецкая Республика.

Гамбургский университет	Отделение истории и культуры Ближнего Востока Института Азии и Африки. Центр «Турция-Европа»	Явуз Кёсе (Yavuz Köse), Рауль Мотика (Raoul Motika).	История, языки и культура Ближнего Востока: тюркология (бакалавр). Учитель турецкого языка (Lehramt). Тюркология (магистр).	Османский, турецкий	Османская империя, Турецкая Республика.
Гёттингенский университет	Тюркологический и центрально-азиатский семинар	Йенс Петер Лаут (Jens Peter Laut)	Тюркология (бакалавр). Тюркология (магистр).	Дренетюркский, османский, ново-уйгурский, турецкий, челканский, саларский, хакасский.	Центральная Азия, Турецкая Республика, турки в ФРГ, тюркские народы Китая.
Гисенский университет	Профессура по тюркологии Института истории и культуры	Марк Кирхнер (Mark Kirchner)	Тюркские языки и культуры: история и культурология (бакалавр). Тюркские языки и культуры: язык, литература, культура (бакалавр).	Османский, турецкий, казахский, новоуйгурский, татарский, азербайд-жанский, башкирский, гагаузский.	Османская империя, Турецкая Республика, Казахстан, Азербайджан, Башкортостан, татары, турки в ЕС.
Университет Дуйсбург-Эссена	Центр по изучению Турции и интеграции	Хаджи Халиль Услуджан (Hacı Halil Uslucan), Дирк Халм (Dirk Halm).	–		Турки в ЕС, Турецкая Республика.
Кёльнский университет	Востоковедческий семинар философского факультета	Беатрис Хендрих (Béatrice Hendrich)	Языки и культуры исламского мира: турецкий язык и культура (бакалавр)	Турецкий	Османская империя, Турецкая Республика, турки в ЕС.
Университет Майнца	Отделение тюркологии Востоковедческого семинара	Ласло Карой (László Károly), Ларс Юхансон (Lars Johanson), Хендрик Бухотен (Hendrik Boeschoten), Юлиан Ренч (Julian Rentzsch), Херман Кандлер (Hermann Kandler)	Тюркология (бакалавр). Лингвистика (бакалавр). Лингвистика (магистр).	Турецкий, древнетюркский, караханидский, древнеуйгурский, новоуйгурский, узбекский, азербайд-жанский, якутский.	Османская империя, Турецкая Республика, турки в ЕС, тюркские меньшинства на Балканах.
Мюнхенский университет	Кафедра тюркологии Института Ближнего и Среднего Востока	Христоф Нойманн (Christoph Neumann)	Ближний и Средний Восток (бакалавр). Ближний и Средний Восток (магистр).	Османский, турецкий, узбекский.	Османская империя, Турецкая Республика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кафедра турецкого языка, истории и культуры Бамбергского университета. [URL]: <https://www.uni-bamberg.de/turkologie/>
2. Центральноеазиатский семинар Института Азии и Африки Берлинского университета им. Гумбольдта. [URL]: <https://www.iaaw.hu-berlin.de/de/region/zentralasien/zentralasien>
3. Институт тюркологии Свободного университета Берлина. [URL]: <http://www.geschkult.fu-berlin.de/e/turkologie/index.html>
4. Кафедра истории Османской империи и Турции Института истории Рурского университета Бохума. [URL]: <http://www.ort.ruhr-uni-bochum.de/index.html.de>
5. Отделение истории и культуры Ближнего Востока Института Азии и Африки Гамбургского университета: [URL]: <https://www.aai.uni-hamburg.de/voror.html>
6. Центр «Турция-Европа» Гамбургского университета. [URL]: <https://www.aai.uni-hamburg.de/tuerkeieuropa>
7. Тюркологический и центральноеазиатский семинар Гёттингенского университета. [URL]: <http://www.uni-goettingen.de/de/60858.html>
8. Профессура по тюркологии Института истории и культуры Гисенского университета. [URL]: <http://www.uni-giessen.de/fbz/fb04/institute/turkologie>
9. Центр по изучению Турции и интеграции университета Дуйсбург-Эссена. [URL]: <http://www.zfti.de/>
10. Востоковедческий семинар философского факультета Кёльнского университета. [URL]: <http://orient.phil-fak.uni-koeln.de/4948.html>
11. Отделение тюркологии Востоковедческого семинара университета Майнца. [URL]: <http://www.turkologie.uni-mainz.de/>
12. Кафедра тюркологии Института Ближнего и Среднего Востока Мюнхенского университета. [URL]: <http://www.naher-osten.uni-muenchen.de/institut/turkische-studien/index.html>
13. Гатин М.С. Современное состояние тюркологии в университетах Германии // Историческая наука в Казанском университете: материалы научной конференции. Казань, 3-4 декабря 1999 г. Казань: Хэтер, 2000. С. 157–158.
14. Гатин М.С. Тюркология в университетах Германии // Ученые записки ТГПИ. Вып.12. Казань, 2004. С.66–68.
15. Дёрфер Г. О состоянии тюркологии в Федеративной Республике Германии // Советская тюркология. Баку. 1974. №6. С.98–110.
16. Клейнмихель З. Современное состояние тюркологии в ГДР // Советская тюркология. Баку. 1976. №4. С.93–107.

TURKOLOGY IN MODERN GERMANS UNIVERSITIES

Gatin Marat Salavatovich

associate professor, candidate of science

Institute of International Relations, History and Oriental Studies

Kazan federal university, Kazan

E-mail: marat_gata@mail.ru

The article is devoted to the current state of Turkic studies at German universities. Determined major languages, nations, regions and countries, which is given a special place in lectures and practical classes, as well as in the course of the research work.

Key words: Turkology, Osman studies, Turkic languages, Turkish, Ottoman language, history and culture of the Turkic peoples, education in Germany.

THE BASHKIR: MYSTERIOUS ETHNOS OF EURASIA

Yakupov Rif I.

Leding scientific Researcher

Ufa scientific centre RAS,

Institute of history language and literature,

Russia, Bashkortostan

E-mail: jakob_rifi@inbox.ru

This article raises the problem of the continuous monitoring of ethnic processes in the environment of the Turks of Eurasia. These processes, especially at the beginning of the XXI century extremely active and may carry a lot of consequences, including the most unexpected. Understanding of modernity is not possible without a deep knowledge of the past. This is historiographical axiom. At the same time, despite at an apparent comprehension (cognition) of Turkish history in general, and a sense of stabilization of ethnographic situation, for example – linguistic processes, not all in history and culture of the Turks have been learned in the past, and so not a lot is understood (of meaningful) in modern. This thesis examines on the example of one of the ethnic groups of the Turkic world in Eurasia – the Bashkirs.

Key words: Ethnos, history, culture, nomads, South Urals, interactions, cognition, processes, monitoring.

Eurasian Turkic world is diverse and represented by about 80-th ethnic groups of different origin and levels of consolidation. Taken together, they are about 150 million. [Салапагаров А., 2011, URL] The Turkic communities had played (and still play) a crucial role in history of North Eurasia and in particular of Russia. It suffice to say that this story from the point of view of its main subjects - ethnic groups, in a new era determined by such factorial processes as migration flows of ethno-linguistic communities, in which two (stream of Turkic tribes to West and Slavic to East) seem us to be determinant. To put it more precisely, we see in that history - the millennial movement (V – mid-XVI centuries.) of Turks to the West and nearly 500 years (mid. XVI-XX centuries.) of reverse motion of the eastern Slavs to the East. The first – the Turkic flow gave rise to many new ethnic groups of modern Eurasia and completed by the formation of several the Turkish-based superpowers, including the Golden Horde and its successors. The second - the Slavs flow also contributed to the formation of new communities as the Slavic, Finno-Ugric, so the Turkic and ended by the formation of the Russian Empire and its legal successor of the USSR and then the CIS. [Якупов Р.И., 2010, С.110-119]

Today, it seems to us, that the ethno-genesis (the process of ethnos birth) processes have stopped, and we see the stabilization of ethnographic situation. But this is only apparent pattern. Ethnic processes in the environment of the Turkic peoples are continuing, they are quite active, and it is significant occasion for continuous scientific monitoring of these processes, in order to understand and predict their consequences. [Yakupov R.I., 2015. P. 22-41]

However, understanding of modern processes, especially in the Turkish habitat is impossible without a solid foundation of knowledge in historical and cultural context of development of the Turkic world in the past. And there is still enough mysteries and “white spots” in this history. That’s why is important and still extremely relevant historiological, ethno-genetic and cultural, including the linguistic, researchers in this area. In this context and in order to draw once again the attention of humanitarian scientific community to mentioned problems, we publish this article, in which we’ll try to present as already known, so the poorly studied, and sometimes unthought at all,

in the history of one of the most mysterious, to our opinion, of the peoples of the Turkic world of Eurasia. We mean the Bashkirs.

Bashkirs (selfname - bashkort) has live for a long time in the vast steppes of Eurasia, and in turn I-II millennia BC the South Urals became the main land of their habitat. According to the 2010 census, 1,584,554 people in all Russian Federation identified themselves as Bashkirs. [Народы...Энциклопедия, 2014, С.47]

The Bashkirs rightly can be attributed to one of the most mysterious ethnoses of continental Eurasia. Perhaps, no one group among the people of Russia was not written about so much, as Bashkirs. This alone shows the complexity of the historical path of the Bashkir people, the multy layering of their culture and language, the importance of the role of that ethnic group in the geopolitical and cultural development of Eurasia.

Still, there are several versions of the ethnogenesis of the Bashkir people. This is due to the fact that different scientists are deducing the origin of the Bashkirs from completely different civilization and linguistic communities. For example, some researchers define an Indo-Iranian ethno-genetic component - as the core and most ancient layer of Bashkir culture. Others emphasize the closeness of the Bashkir people to the Hungarians, considering them (the lasts), as the most ancient ancestors of the Bashkirs, one time assimilated by Turks. And at last thirds believe the Bashkirs as originally Turkic people, who have experienced different stages of its development, the impact of Indo-Iranian and Finno-Ugric linguistic communities (more precisely - parts of these communities - which could detached from the «parent nucleus»of certain genera or tribes). [Бикбулатов Н.В., 2002, С.35.]

The first point of view, in a more or less complete form, was formulated by the famous scientist-ethnographer S.I.Rudenko (1885-1969).[Руденко С.И., 1956, С.257-270] His view was supported primarily by specialists in physical anthropology and archeology (M.S.Akimova, R.M.Yusupov, N.A.Mazhitov), who identified the ancient settlements and burial of I millennium BC and the first centuries AD, which were found in South Urals, as the Indo-Iranian, ie had left by the Iranian-speaking tribes. Having established the presence of the Iranian roots in ancient osteological materials, found in the southern Urals, they, following after S.A.Rudenko, hypothesized the domination of the Iranian substrate in the ethno-genesis of the Bashkirs. Some data of onomastics also say in favor of this version. For example, in the toponymy of Bashkortostan and adjacent territories there are a lot of common names with Iranian roots or their phonetic variants. The latest biological and genetic DNA studies also demonstrate the presence of «the Iranian component» in the genome of the Bashkirs, and much more significant than we previously thought. All this points to an undoubted participation of Indo-Iranians in the ethno-genesis of the Bashkirs. And the riddle just how can it happened, because the boundaries of the Indo-Iranian peoples living today are located thousands of kilometers to the south of the Urals - the birthplace of the Bashkir people. [Антропология...,2011,С.10-34]

Another famous scientific hypothesis outputs the ethnogenesis of the Bashkirs from proto-ugrian environment. Ugra belongs to Ural ethno-linguistic family, which was formed and developed in the “taiga-forest” zone on both sides of the Ural mountain range, and the Beyond Urals approaching to Altai.

According to archeological data, around the turn of III-II millennium BC, there was a division of the Finnish and Ugric branches. Groups and tribes of Finno-Permian branch migrated to the West side of the Baltic. Ugra is initially remained in the Urals. More small groups of them began to move in a northerly direction, mastered the Middle Urals and southern Siberia and gave rise to modern peoples Khanty and Mansi. Another group of Ugric people start moving in the direction of Eastern Europe, leaving traces of their “parking” in the Kama basin, the so-called “Meshchersky” lowland, between the rivers Oka, Sura, Cna and the southern Russian steppes.

Some of these Ugric peoples reached the limits of European Pannonia where they formed the basis of modern Magyars (Hungarians) state. [Якупов Р.И., 2009. С.243]

It is this «long» migration with which the some number of anthropologists and linguists links the origin of the Bashkir. They believe that one of “parking” of magiars in Pre-Urals gave the beginning of Bashkir ethno-genesis. R.G. Kuzeev, who had engaged in the problems of ethno-genesis of Bashkirs most deeply, found this theory as “not without reason”, but he raised the question only about the degree of participation Ugric peoples in the formation of the Bashkir ethnic community, but not share the opinion about the Ugric nucleus as the basis of bashkir's ethnicity. [Кузеев Р.Г, Гарипов Т.М., 1962, С.342-343]

The only written source testifying in favor of «Ugric theory», - is the report of the medieval Hungarian Catholic monk Julian, – who made the journey to the Volga in the thirteenth century. The reason for his trip served, with the words of Julian himself, the memories of the already European Hungarians about «ancient homeland». According to this narrations - once existed within the Southern Urals and Middle Volga the state Greater Hungary. So Julian started to arrival in journey in search of their ancestors or ancestral home. Arriving in the state the «Volga Bulgaria», in one «of the big cities» Julian allegedly met a woman «out of the country, he was looking for,» and with her tips he found near the great river Idil (The Volga) the Great Hungary state. The language of the inhabitants was «completely Hungarian.»»And they understood him, and he had them.» [Аннинский С.А., 1940, С.81]

Today, the most common is the theory of Turkic origin (ethno-genesis) of Bashkirs. in support of which indicate different sources - written, archaeological, genetic, anthropological. They show, that the main core of ethnogenesis Bashkirs are the so-called protobashkirs tribes. At the beginning of a new era there began turkization of Southern Urals. In V-VIII centuries AD it is strengthened (increase) due to the collapse of the Hun Empire, on the ruins of which was formed a number of new Turkic tribes and unions that migrated to the zone of the steppes of Kazakhstan, Northern Black Sea coast and reaching the north to the Middle Volga and Southern Urals. One of these was the Oguz-Pecheneg union, inside of which, according to R.G. Kuzeev, was formed the basis of ancient Bashkis - the nucleus of ethnicity. At the same time near the Sea of Azov, there appeared the Bulgarian Union , which under the pressure of the Khazars and Guzes collapsed and part of the Bulgars migrated to the Middle Volga, where they formed the Volga Bulgarian State, which gave rise to the ethno-genesis of the Volga Tatars. In this processes part of the Bulgarian tribes (*Baylyar, Bulyar*) probably reached the Urals and mingled with the local Ugric tribes (*Aeneas, Yurmi, Yurmaty, Hayn, Nagman, Tanyp, Yulaman*).

As part of the Pecheneg alliance, stands out a group of tribes: Bishul, *Burzyan, Kudey, Surash, Tamyan, Tangaur, Usergan, Yagalbay*, which R.G.Kuzeev called «the community of ancient bashkirs », believing them as the basis (core) of future Bashkir people. That tribes wandered in the Aral - Pre Urals region, until they become a subject of interest of the rapidly growing the “Khazar alliance”, that ousted the Pprotobashkir tribes together with Pechenegs toward South Urals. Here on Buglmin-Bebeley elevation, these tribes mixed with the Bulgar-Ugric groups, forming in the beginning of the X-th century a.d. new tribal alliance - a “confederation” with a common ethnonym Bashkort. In this form it was caught by the Arab chroniclers, including the most authoritative of them - Ibn Fadlan, as he was eyewitness, who left the most reliable description of his meeting with the Bashkirs in Samara Zavolzhe spring 922 As part of the alliance, a group Pecheneg tribes bishul, Burzyan, kudey, surash, Tamyan, tangaur, Usergan, yagalbay, University which RG Kuzeev and called «drevnebashkirskoy community», believing it is their basis (core) forming ethnic Bashkirs. They wandered in the Aral-Priuralsky region until not yet become a subject of interest of the rapidly growing of the Khazar alliance that protobashkir with Pechenegs drove in the Urals. Here on Buglminsko-Bebeley hill, these tribes allied with the Bulgaro-Ugric, forming the beginning of

the tenth century. BC new tribal alliance - a confederation with a common ethnonym «baskort». In this form it and caught the Arab chroniclers, including the most authoritative considered Ibn Fadlan as an eyewitness, who left the most reliable description of his meeting with the Bashkirs in Samara Zavolzhe spring 922. Further developments were decisive in the ethnogenesis of the Bashkirs. Bashkir tribes, being cut off from the former nomad areas in the Aral Sea region, continued to incorporate into their alliance all the new and new groups, mostly nomadic turkic clans and tribal alliances. In X-XIII centuries to the *Bashkirs joined Karatavly, Kumla Sart, Tyrnakly, Kumla, Istyak Isle* and other generations who migrated from the southeast to the South Urals and the basin of Belaya (White) river. In the Golden Horde period (XIII-XIV centuries) there joined and assimilated in Bashkir ethnos the mass of *Kipchak* tribes, moved from Dasht-i-Kipchak part as part of the Mongol army troops, part - as a result of a natural consequence of their campaigns of conquest. The Kipchak tribes were - the big one - Tabyн and smaller groups - *Badrak, Garay, Duvan, Elan, Kirghiz, Kanli, Kirk-uyle, Kuvakan, Tabyн, Tazlar*, and mirko, as *Turkmen* et al. All together they played a decisive role in the formation of modern ethnic and cultural image of the Bashkirs. [Кузеев, 1968, С.507-509.]

However, the process of incorporation of new elements into Bashkirs ethnos was not over, but just change the vector of ethnic and cultural interaction. Now the main interacting with Bashkirs become ethnic groups of the Middle Volga. In XV - middle of the XVI century Bashkirs were in subordinate of states – successors of the Golden Horde and the Kazan and Siberia Khanate, as well as the Nogai Horde, which influenced the formation (or gain) of regional ethnic and cultural specificity of the Ural and Trans-Ural. At this time, a part of the Bashkirs joined the Nogai tribes. Bashkirs continued to assimilate into their environment Ural Finns and neighboring Ugrians. By the time of accession of Bashkiria to the Moscow State in the second half of the XVI century the ethno-genetic processes of Bashkirs can be considered complete. In the future, they enter the historical stage already as a single entity. This is confirmed by many historical and cultural facts and socio-political events, including The All-Bashkort Kurultais, phased entry Bashkir tribal associations to the Russian state, the ensuing half-century series of Bashkir uprisings in which all tribal association support each other. All this is evidence of an active process of consolidation of the ethos.

After the establishment of contractual relations with Moscow the Bashkir tribal associations in fact maintain their autonomy and freedom up to the XVIII century. Only after the construction of Russian forpost the Orenburg, and so called Ural Fortified Line, the direction of ethno-cultural processes in the province again changed significantly. Bashkir contacts and relations with nomadic world of the Eurasian steppes were finally broken, now by the official administrative boundary, but on the other hand, opened up new possibilities for interaction with the world of the settled agriculturalists of the West. Means the process of unimpeded penetration into the region new ethnic streams: East Slavic (*Russian, Ukrainians, Belarusians*), Finnish (*Mordvinians, Mari, Udmurt*), Turk (*Chuvash and Tatars*), and even some European immigrants (*German, Holland, Estonian, Latvian, Poles* e.s.) groups. [Народы...,2002,С.11-49.]

In such conditions, was goin on the further consolidation of the Bashkir ethnos and a gradual erasing it intraethnic, i.e.old tribal boundaries. The main factor of consolidation was the ethnic and cultural unity, and the patrimonial rights to land, given to Bashkirs by Ivan the Terrible in the middle of the XVI century. That it turned Bashkirs in the Russian state as a separate privileged class, by setting additional social boundary between them and many migrants from the Middle Volga region and other regions of the country. Such separation strengthened the identity of Bashkirs, and weakened external assimilation, particularly noticeable under the influence of Islam, the main carriers of which in the province were the Tatars. Even the constant numerical increase of tatar migrants from the interior of Russia to the Southern Urals was failed to provide a significant acculturation or assimilation of Bashkir language.

Only since the beginning of the XVIII century have begun the new processes that have had an enormous influence on the formation of modern ethno-cultural image of the Bashkirs. After establishing of Uras Line there began transformation of Bashkirs culture mostly by reason of the active intervention of the state in the ethno-cultural development of the indigenous ethnic group. In particular, it was created the Bashkir-Mescher Army (1798). It turned the Bashkirs in military caste of Cossacks, completely transformed their traditional culture, and at the same time even more strengthened their isolation from other social classes and ethnic groups, and at the same time contributed to their further consolidation.

To control this Army the Orenburg province (Baskir's Land) was divided into cantons - special military-administrative units. As a result, the internal borders between the Bashkir tribal associations actually lost its meaning. Gradually redrawn borders and ancestral manorial estates. Cantons became controlled by the newly appointed tsarist authorities of the canton chiefs from among the Bashkirs. Thus were created the conditions for the formation of the new elite of the Bashkir society, as well as the folding of the new ethnic self-government system. As part of the Bashkir-Mescher troops except Bashkirs were Mishars (in area where formed four Mishar canton) and partly Teptyars. So, Mishars and Teptyars become the main elements actively penetrated into Bashkir ethnic environment and were assimilated in it the course during the XIX century.

Modernization process enhanced by the direct intervention of the state in the internal life of the people, in particular, the policy of accelerated initiation nomadic Bashkirs to agriculture and settled life. All this has led to the fact that by the middle of the XIX century there was no objective conditions for the development of the former way of life of the Bashkirs. At the same time, the level of their internal unity become very high, what brilliantly confirmed by the solidary efforts of ethnos in the revolutions of 1917 and following ethno-political conflicts.

Even the reforms of Emperor Alexander II in the 1860-s (the abolition of serfdom, judicial reform, the creation of a new system of local government - . zemstvos, etc.), which collapsed the estates boundaries, failed to significantly sway the traditionally high level and the power of the unity of the Bashkirs. But they opened the way for the incorporation into Bashkir Wednesday new elements, now the number of recent immigrants into Bashkiria, mostly Teptyars. [Якупов, 2002, С.187.]

All of the above ethno-genetic and ethno-historical processes predetermined of forming of Bashkirs unique culture. Unique not only in terms of detection of well known phenomenon of originality peculiar to culture of any people. In the traditional culture of ethnic Bashkirs is most clearly traced interlacing and interaction very different civilizational streams. The historical linguistics, folklore and ethnography sources and data clearly confirm the conclusions about the relationship ethnogeny Bashkirs and cultural world of the Middle East (Iran and Turan), and with the world of the nomadic steppe of Central Asia, and with the ancient inhabitants of Northern Eurasia, primarily with the Finno-Ugric peoples.

Bashkirs, who were fated to live in the heart of the Eurasian continent at the crossroads of ancient and modern civilizations of North and South, East and West, have absorbed a wealth of history and culture of all groups interacted in this area and, of course, involved in their ethno-genesis and ethnic history.

That is why the Bashkirs and their history remain a mystery to many people. For example, the Bashkirs for centuries miraculously retained their socio-political autonomy. So it was in the Golden Horde, in which they, according to legend, got off of the conquerors without damage, but more than it, they had got special status and even new tribal divisions attributes. So it was after the collapse of empires, the followers of Genghis Khan State, despite the partial (temporary) subordination of the Southern Urals by the Nogai Horde. So it was in the period of incorporating the Bashkirs in the Moscow Russia when Bashkirs were able to get a patrimonial right to their

ancestral lands, what had put an entire nation in the position of one of the most exclusive estates in the state. Even more surprising was that, after the 1917 revolution Bashkirs were among the first who acquired the right to autonomy within the Soviet state. And finally, in the disintegration of the Soviet Union during the signing of a federal contract Bashkortostan (only one of the subjects of the RF) and Russia signed a protocol on the special status of a republic within the future federation. [Якупов, 2013, С.180-186]

Of course, the current status of Bashkortostan is determined not only and not contractual relations, and associated with the achievements that demonstrates the republic. This harmony of interethnic relations, ethnic and political stability, economic stability and social well-being, which are stored here in spite of the crisis, and even the critical moments in the history of the twentieth century. Today it is a dynamically developing part of the Russian Federation and a multinational multi-confessional republic, in which the role and responsibility of the state-civil ethnicity - Bashkir, particularly large.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV веков о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 81.
2. Антропология башкир / М. А. Бермишева, В. А. Иванов, Г. А. Киньябаева и др. СПб.,: Алетейя, 2011. 496 с.
3. Бикбулатов Н.В. Башкиры// Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки./Ред. Кузеев Р.Г., Якупов Р.И.Уфа: «Информ» 2002. С. 53–111.
4. Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М: «Наука», 1956. Илл., карты.
5. Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки.Уфа: Китап, 2006.376 с.
6. Народы Башкортостана: Энциклопедия. Уфа, 2014. С. 47.
7. Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки./Ред. Кузеев Р.Г., Якупов Р.И. Уфа: «Информ» 2002. 501 с. Илл., карты.
8. Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М. Башкиро-мадьярская проблема: краткий обзор основных источников // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1. С. 336–343.
9. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С.507-509. Илл., карты.
10. Салапагаров А. Численность населения тюркских государств и народов// URL: <http://real-alania.narod.ru/turkalan/1san/0bashi.htm>
11. Якупов Р.И.Тептяри: этносоциальный феномен и научная проблема. Уфа: «Альдо», 1996. 121 с. Карты.
12. Якупов Р.И. Тептяри: историко-этнографические очерки. К проблеме генезиса этничности. М.: «Старый сад», 2002. 230 с. Илл., карты.
13. Якупов Р.И. Возвращаясь к вопросу о формировании мишарей. // Этнос, общество, цивилизация. II Кузеевские чтения. Материалы международной научно практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева. Уфа, 2009. С.242-248.
14. Якупов Р.И. Что мы думаем об этнокультурных трансформациях XX столетия и источниках их изучения: несколько аналитических тезисов // История и культура народов Евразии. Материалы Международной научной конференции 120-летию Ахмеда Заки Валиди Тогана. Уфа: «Гилем», 2010. С.231-234.
15. Якупов Р.И. Как осмысливалась этническая история Евразии: памяти Р.Г. Кузеева. // Этнографическое обозрение № 2. 2010. С.110-119
16. Якупов Р.И. В поисках традиционной культуры. Архивно-этнографическая эвристика на материалах ЦИА РБ. Уфа: «Китап», 2013. 186 с.

17. Yakupov R.I. The Russian school of ethnicity theory. The historiographical justification.// From tribe to ethnos (Ethnography in the Russian geographical society). Vol. 2. S-Pb., 2015. P. 22-41.

БАШКИРЫ: ТАИНСТВЕННЫЙ ЭТНОС ЕВРАЗИИ

Якупов Риф Исмагилович

*доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела
Истории и Истории культуры, Института Истории языка и литературы, Уфимского
научного центра РАН
E-mail: jakob_rifi@inbox.ru*

Эта статья поднимает проблему непрерывного мониторинга этнических процессов в среде тюрков Евразии. Эти процессы, особенно в начале XXI века чрезвычайно активны и могут нести в себе много следствий, в том числе и самых неожиданных. Понимание современности невозможно без глубокого знания прошлого. Это историографическая аксиома. В то же время, несмотря на кажущуюся познанность тюркской истории в целом, и чувство стабилизации этнографической ситуации, например – языковых процессов, не все в истории и культуре тюрков было познано усвоены в прошлом, и далеко не так не много осмысленно в современном. Этот тезис рассматривается на примере (конкретном историческом материале) одного из этносов тюркского мира Евразии – башкир.

Ключевые слова: Этнос, история, культура, кочевники, Южный Урал, взаимодействие, познание, процесс, мониторинг.

ТУВИНЦЫ В ФОЛЬКЛОРЕ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна

доктор философских наук,

зам. директора Института фундаментальных и прикладных исследований

Московский гуманитарный университет

E-mail: chlamazhaa@mosgu.ru

Целью статьи является анализ тувинского национального характера, представленного в тувинском народном фольклоре и национальной литературе. Космогонические представления тувинцев имеют общее происхождение с культурными традициями тюркскими и монгольскими народами. В малых жанрах фольклора можно увидеть социальные темы, идеалы, установки. Тувинцы были сильно привязаны к своей земле, зависели от нее и соответственно как они воспринимали ее. Фольклор показывает нам темы плодородия, богатства, изобилия в образах скота, большой семьи, детей. Представления о духах, о божествах требовали соотносить свою жизнедеятельность с их границами и правилами. В числе советских преобразований, которые осуществлялись в Туве с 1930-х гг., были и культурные. Была создана письменность, появилась национальная интеллигенция. Вся тувинская литература была пронизана пафосом изменений в лучшую сторону. Выполняя идеологический советский заказ, литература все же сохранила линию преемственности с фольклорными традициями.

Ключевые слова: тувинцы, тувинский фольклор, тувинская национальная литература, тувинский национальный характер.

Значительное число научных исследований этнокультурной идентичности, которые появились в постсоветское время, когда вопросы идентификации стали чрезвычайно актуальными для всего общества, не исчерпывают весь спектр исследовательских вопросов и социальных запросов. Для представителей тувинского этноса, так называемого коренного, титульного этноса Республики Тыва (Туву), эта тема также важна. Общественный интерес продолжает ставить новые задачи перед научным осмыслением. Вызовы глобализации, модернизационные требования, проблемы совмещения традиций этноса, который в республике составляет абсолютное большинство (80% населения), с инновационными проблемами социально-экономического развития – все это вынуждает обращаться к теме особенностей менталитета населения, его культурных кодов, установок, стереотипов (национального характера). И прежде всего в рамках обращения к этой теме следует обратить внимание на представления, которые имеются у самих тувинцев о себе. Поэтому целью настоящей статьи будет анализ тувинского народного фольклора и национальной литературы, сложившейся в первой половине XX века с точки зрения описания наиболее типичных и желаемых качеств тувинцев.

Тувинцы представляют собой очень молодой этнос, его непосредственная история насчитывает чуть более трех веков. М.Х. Маннай-оол пишет, что этническая общность тувинцев сформировалась к XVII – первой половине XVIII века [9. С. 129]. Однако, процесс формирования этноса тувинцев был длительным. Маннай-оол упоминает о времени сложения первоначальных основ этнической общности тувинцев – VI– XII вв. [9. С. 119]. Именно с VI века историческая наука смогла фиксировать наличие в регионе племен с самоназваниями дубо, тубо, тупо (от которых и произошло самоназвание «тыва»). Об этом есть записи в летописях Суйской (581–618 гг.) и Танской (618–907 гг.) династий Китая. Племена, как указывалось китайскими источниками, кочевали на этой же территории, где сейчас живут совре-

менные тувинцы – в верховьях Енисея и районе озера Хубсугола (расположенного ныне на территории Монголии, близ государственной границы с Россией, то есть границы с Тувой). Таким образом, с учетом сложной этнической предыстории тувинцы, будучи молодым этносом, тем не менее признаются одним из древнейших тюркоязычных этносов, населяющих Центральную Азию и Саяно-Алтайское нагорье [9. С. 3]. И действительно, богатство культуры и особенности языка тувинцев таковы, что в них можно увидеть целые исторические слои и огромное наследие предков – древних кочевых племен центральной Азии.

Факты осознания единства народа у тувинцев XIX века приводятся первыми исследователями Тувы и тувинцев. Например, Н. Ф. Катанов дал пример такого описания общественного устройства народа, которое он получил от «одного сойота из племени Мады». Местный житель, пишет ученый, «сообщил мне 15 родовых сойотских имен, из которых в истории азиатских народов известны наиболее: Чоды ... , Монгуш, Пайгара, Иргит, Соян, Кыргыз и Уйгур. Сойот этот сказал, что племена сойотов живут по всей урянхайской земле, но разбросаны и что нет у них постоянного жительства в определенном месте, кроме уйгуров, живущих по Кемчику и соянцев, живущих по Ели-Кему» [4. С. 35]. То есть тувинцы осознавали, что они не просто племена, роды, а народ, который имеет определенный состав.

О том, что местные жители называли себя «туба», «дубо», сообщали: отец Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин) – русский дипломат, востоковед в 1851 г.; экономист, член-корреспондент Императорской Академии наук Юлий Андреевич Гагемейстер в 1854 г., венгерский путешественник, востоковед Арминий (Вамбери) Герман в 1885 г. и другие. Историк, этнограф, князь Никита Алексеевич Костров в 1884 г. в изложении Н. Ф. Катанова подчеркивал, что название «тубулар» «в настоящее время означает не какой-либо определенный род, а все племена частью самоедского, частью остяцкого происхождения, кочевавшие некогда по реке Тубе» [3. С. 513]. Крупный русский востоковед В. В. Радлов также сделал подобное важное уточнение: «сами себя они зовут туба» [3. С. 531]. Несмотря на подобные сообщения, наименования «сойоты» и «урянхи», которые относились к коренным жителям Тувы, также были распространены, и сами тувинцы к началу XX века также называли себя урянхайцами, а свой край Урянхаем.

В самых общих чертах мы говорим о трех условных этапах развития национального самосознания тувинцев, которые приходится выделять, в том числе исходя из проблемы источников, их наличия:

- 1) Этап формирования национального самосознания (XIX – начало XX в.), «традиционный» этап, бесписьменный,
- 2) Этап становления национального самосознания и его самоутверждения (1930-е годы – 1980-е годы), советский этап, время появления национальной интеллигенции,
- 3) Этап переосмысления национального самосознания (1990-е годы – по настоящее время).

Для решения задач данной статьи кратко рассмотрим первые из этих двух этапов.

«Традиционный этап». Для того, чтобы услышать голос самих тувинцев прошлых веков, в частности XIX века, мы оказываемся перед проблемой источников. Подавляющее большинство населения было безграмотным. Основной путь передачи друг другу и новым поколениям знаний – устный, практический через опыт. Поэтому, для нас в этой связи важен прежде всего фольклор. И не просто фольклор, а то устное наследие, которое зафиксировано.

В самом фольклоре, богатом на жанры, для нас интересны так называемые малые. Д. С. Куулар писал, что тувинский фольклор – очень самобытный, разнообразный по жанрам, богатый по содержанию, со стройной композицией и выразительным языком – отражает разные стороны народной жизни. Например, большие, эпические жанры, то есть богатыр-

ские сказания, сказки, легенды и предания как бы приостановились на когда-то достигнутом уровне – на поздних этапах родового строя. Куулар пишет о том, что наиболее значительные произведения тувинского фольклора были созданы в период до господства тюркского каганата в Туве [8. С. 20]. То есть до времени формирования собственно тувинского этноса.

Соответственно, эпические произведения фольклора тувинцев являются местными вариациями общих мифов, сюжетов, образов. У них есть свои особенности, но в самых общих чертах, это локальные проявления единого наследия тюркоязычных, монголоязычных народов региона. Наиболее обширный круг источников в этом плане изучили и представили картину новосибирские ученые, которые в конце 1980-х годов издали коллективную монографию «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири», состоящую из трех частей «Пространство и время. Вещный мир» (Новосибирск, 1988), «Человек и общество» (Новосибирск, 1989) и «Знак и ритуал» (Новосибирск, 1990) [12–14].

Космогонические представления, связанные с представлениями о происхождении народов, которые перекликаются с общими тюркскими, монгольскими традициями, есть, например, в одном интересном архивном документе, который хранится в Государственном архиве Республики Тыва. Он носит название «Выписка из документа о переходе управления Тувы в руки китайских милитаристов, история происхождения амбын-нойона и хошунных нойонов и другие документы о наследственности в управлении страной (перевод с монгольского языка)»:

«В древние времена, когда на земле поклонялись Верхнему миру, девушка из Верхнего мира в этот мир спустилась по мировому дереву на земное дерево. На верхушке этого дерева сидела мудрая птица и пела. Здесь останавливалась, смотрела и слушала все это бездетная семья. Они однажды на этом месте нашли мальчика, умыли аржааном, из дерева сделали колыбель, усыновили, вырастили, дали ему имя Дошкун-Кара ноян. От него пошли Оолетские и Ойратские племена.

Оолет – в настоящее время это многочисленные хошуны.

Ойрат – это от них произошли урянхайцы» [10. С. 5].

Если же традиционные эпические повествования тувинского фольклора, как отмечал Д. С. Куулар, практически не менялись, этого нельзя сказать стихотворных произведениях малых жанров. Последние постоянно обогащались новыми идеями и темами [8. С. 15]. Из них мы можем увидеть часто повторяющиеся сюжеты и темы, названия, которые имели значение для тувинцев, входили в смысловое ядро представлений тувинцев о самих себе, а также содержали отношение людей к меняющимся социальным условиям.

Национальный характер тувинцев прежде всего опирался на отношение людей к тому, что, по их мнению, было важнейшим для самочувствия человека, для его жизненного благополучия. Речь идет о том, как сильно тувинцы были привязаны к своей земле, зависели от нее и соответственно как они воспринимали ее. Человек здесь не отделялся от природы, от земли, он мыслился ее продолжением, ее «плодом», ее питомцем. Нюанс очевиден, если перечитать соответствующие строки (не земля для человека, а человек – к земле).

Например, возьмем песни, загадки, пословицы, которые зафиксировал хакасский ученый во время экспедиции в Туву в конце XIX века Н. Ф. Катанов [4]. Родина упоминается в них часто в понимании именно как родная, своя, богатая и щедрая – с использованием соответствующих прилагательных, эпитетов и пр.: «Золотой мой Танну дает тень! Я лягу у него с прохладною грудью! Золотой мой Танну – высок и прекрасен! Я лягу у него с прохладною поясницей» [4. С. 199].; «Мой извилистый Танну – богат орехами! Мой Танну накормит меня, если я похожу по нему! Мой кривой Танну – богат маленькими козами! Мой Танну накормит меня, если я обойду его кругом» [4. С. 242].

Сама тема плодородия, богатства, изобилия у тувинцев тесно связывалась с тем, что питает человека – со скотом, что его окружает – большая семья, то есть дети и родственники.

Тувинцы не делили свое окружение, разумеется, на мир природы и мир людей. Поэтому представления о духах, о божествах требовали соотносить свою жизнедеятельность с их границами и правилами. Фольклористы насчитывали по материалам мифов, преданий тувинцев до тридцати трех слоев Неба, где жили небожители (азарлар, азар-курбустулар), владельцы душ (кут) людей и скота. На Земле живут добрые и злые природные духи (ээзи), а в Подземном мире, в восемнадцати владениях ада обитает Эрлик со своими слугами [1. С. 21].

Важное место занимали представления тувинцев о своем происхождении и родственных связях: «Большая степь тому принадлежит, чей конь по ковылям ее бежит. А человек – навек привязан он к земле и роду, коими рожден» [15. С. 31]. Традиции многодетности тувинцев позволяли иметь обширные родственные связи членов семей между собой. Это отражалось и в большом количестве терминов родства, свойства у тувинцев [2].

Большая семья была не просто предметом гордости, но и имела большой практический хозяйственный смысл, так как обеспечивала коллективные усилия по добыче пропитания, поддержанию хозяйства, была гарантом взаимопомощи. В фольклоре тувинцев также есть сюжеты о родоплеменных группах и сложном отношении их друг к другу. Они понимаются как близкие друг к другу, но тем не менее или конфликтующие, или соперничающие.

Ф. Я. Кон также записывал легенды о происхождении тувинских родов, а также о хождении между ними правила кровной мести. Однако, он же отмечал, что последние никак не поддерживались в обычной жизни, убийцы считались убийцами и за долги члена рода его родичи не отвечали ни перед тувинцами, ни перед китайцами или русскими [6. С. 442].

Представления о родной плодородной земле и своем богатстве, своих благах, которые человек может получить от земли, противопоставлялись представлениям о чужих местах, населенных другими народами. Иные места, иные народы в миропонимании выстраивались в своеобразную иерархию по степени близости, симпатии к ним в зависимости от того, как они вели себя по отношению к тувинцам.

Русские воспринимались тувинцами чужими, но в сравнении, например, с китайцами, которые притесняли тувинцев в маньчжурские времена, они были более «приемлемыми». Так, Н. Ф. Катанов наблюдал, что «сойоты более тяготеют к русским, чем к китайцам» [4. С. 23].

Поскольку культура тувинцев традиционно была бесписьменной, неписанными были и правила социальных отношений. Они подчинялись некоему своду правил «порядка» («дурум»), которые включали значительный регламентированный перечень обрядов, ритуалов. Все они сопровождали жизнь человека от самого его рождения до смерти. Однако, весь этот порядок соблюдался прежде всего в среде своих соплеменников, в отношении чужих – русских, китайцев действовали иные правила. При этом, их применение, по мнению тувинцев, было в значительной степени обоснованным, так как «чужие» не соблюдали сами местных правил. Например, Ф. Я. Кон зафиксировал применение такого «закона “туткуш”» у тувинцев во время своей экспедиции в Туве начала XX века: «Если кого-нибудь обидели, а власти по тем или другим причинам не принимают никаких мер, за обиженным остается право захвата того, что, по его мнению, законно должно ему принадлежать. Если захватит больше, то его ожидает соответственная кара, но если возьмет только то, что равноценно отнятому у него, он только осуществляет свое право...» [6. С. 360].

«Традиционный» этап национального самосознания, имея в виду прежде всего XIX век, был достаточно сложным для тувинцев, поскольку край привлекал и китайцев, и русских, которые стремились выжать из него максимум наживы для себя, не считаясь особенно

с мнением местного населения. Поэтому тувинцы и жили в тяжелых экономических условиях, и ощущали себя как иссякающий источник.

«Советский этап». В 1912 году Тува перестала быть колониальной провинцией Маньчжурской империи Китая, освободилась и получила возможность самоопределиться. Многочисленные исследования историков показывают, какой чрезвычайно сложной была общественная жизнь края в те времена. Тем не менее край был зоной пограничной торговли между Китаем и Россией, с конца XIX века здесь уже обосновались русские колонисты-золотоискатели, землевладельцы, тувинская знать имела представление о политике «белого царя» и отличала ее от деятельности не только китайцев, но монголов, которые были наместниками маньчжуров в краю. Революционные события в самой России на некоторое время приостановили дальнейший процесс интеграции Тувы с северной державой. С 1921 по 1944 гг. Тува просуществовала с провозглашенной самостоятельной государственностью – Тувинской Народной Республикой. Но принятие ТНР в 1944 г. в состав СССР уже стало логическим завершением политики тесного политического, социально-экономического и культурного сотрудничества государств, которая осуществлялась по модели «Старший Брат – Младший Брат».

В любом случае полунезависимая страна, каковой фактически была Тува, получила больше, на что могла рассчитывать, учитывая то, что становление собственной государственности было делом новым для тувинцев. Тувинцы были готовы к принятию новаций и относительно вынужденное невмешательство советского правительства в дела Тувы оборачивалось в определенном смысле благом для последней. Именно поэтому отношение тувинцев к России, как считают многие историки, тогда было гораздо лучшим, чем к Монголии. А когда в 1925 году между правительствами СССР и ТНР был подписан договор об установлении дружественных отношений (с официальным признанием Союзом тувинского государства), по наблюдениям М. Г. Сафьянова, «все промонгольские настроения испарились даже у тех, кто несколько месяцев назад до этого подавал петиции о присоединении к Монголии». Заключение договора привело к улучшению внутренней обстановки в Туве.

Тувинцы сами выразили готовность переустроить свою жизнь, глядя на те образцы, которые им предлагали русские. Привычная хозяйственная деятельность, позволявшая сохранять свою идентичность, а также расширение ее возможностей для широких масс было воспринято с большим энтузиазмом в народе. Фольклористы зафиксировали появление новых песен, частушек, загадок о новой счастливой жизни. «Разномастный наш скот давайте умножать... В логу не вмещающиеся наши стада давайте равномерно растить» [7. С. 74-75]. Идея коммуны была созвучна с традиционным коллективным трудом аратских хозяйств, песни выражали веру аратов в жизненную силу коллективизации. Трудовой энтузиазм и умение приводили к ударничеству: «В колхозе «Арыскан» («Искра») работаем мы по-ударному (активно)», «Колхозные (артельные) молодцы трудодни заработают, трудовую долю одолеют» [7. С. 74–75].

Новые поселения символизировали торжество общего труда единомышленников. Техника, отправляемая из России, воспринималась как интересное средство познать восхитительное неведомое. Новые предметы обозначались, по выражению Г. Н. Курбатского, «неологизмами-эвфемизмами, которые явились, как и старые эвфемизмы, метафорическими, по существу знаковыми формами» [7. С. 77]. «Демир-орук» (железная дорога) символизировала Советскую Россию. Самолет называли «Ужар-хеме» (летающей лодкой), автомашину – «Чычан-, Алдын-, Оттуг-терге» (чертовой, золотой или огненной телегой). Идеалом тувинцев стал активный арат-труженик, преумножающий скот для своей семьи и для государства, овладевающий новыми знаниями и техническими возможностями.

В числе преобразований, которые осуществляли представители советского государства в ТНР, были и культурные. Была создана письменность, реализовывалась политика ликвидации безграмотности. При всех недостатках, перегибах, сложностях данной культурной революции, надо сказать, что одним из результатов ее стало появление в Туве своей национальной интеллигенции – людей образованных, мыслящих, творческих. И сквозь призму их творческого наследия мы можем наблюдать эволюцию (точнее – революцию) представлений тувинцев о себе.

Первая авторизованная тувинская поэзия, как пишет С. С. Комбу, появилась в начале 1930-х гг. Тогда в Туве начала выходить газета «Тыва аратын шыны» («Правда тувинского арата»), где начинающие поэты рассказывали о жизни народа на родном языке: С. Сарыг-оол, С. Пюрбю и др. В 1931 г. в свет вышел первый сборник очерков тувинских авторов «Оковы разбиты», приуроченный XI годовщине образования ТНР. С 1940-х годов в тувинской литературе стали появляться большие эпические формы, в которых авторы рассказывали о старой Туве, о том, как раньше жили тувинцы [5. С. 5–6].

Вся литература была пронизана пафосом изменений в лучшую сторону: тяжелая, невыносимая жизнь народа ушла в прошлое, началась новая эпоха надежды и обновления, построения светлого будущего. Представления о тувинской специфике, о тувинской отличительности, тувинских чертах получили резко негативную оценку как отсталые, устаревшие привычки, традиции, устои. Главный идеолог новых отношений, новых представлений о том, какими должны быть тувинцы – писатель и руководитель республики С. К. Тока выразил это в своем знаменитом романе «Слово арата» [11].

Роман повествует о его жизни, начиная с детства, о его становлении как борца за лучшую жизнь тувинцев, Родины. Родившись в одной из самых бедных семей, практически нищих, он с малых лет видел несправедливость, тяжелую участь родных – матери, старшей сестры – которые вынуждены были днями и ночами добывать тяжелой работой и собирательством пропитание для маленьких детей, терпя при этом унижения и побои от богачей, чиновников. Представления об иной, лучшей жизни у него появились лишь тогда, когда он встретился с русскими, поработал в хозяйствах земледельцев-колонистов, пообщался с русскими детьми, увидел иные обычаи и отношение людей друг к другу. Тогда-то он и задумался о том, что зря тувинцы опасаются русских и что среди тувинцев тоже есть много жестокости по отношению друг к другу.

Роман, который стал классикой тувинской литературы и образы его приобрели большое воспитательное значение в народе, утверждал ценность всеобщей справедливости вне зависимости от национальности, желание улучшить жизнь тех, кто не так давно не смел разгибать спины, подчиняясь воле чиновников и лам, шаманов. Социальная, классовая направленность произведения, безусловно, превалировала.

Во всей остальной литературе также воспевались те идеалы, которые не противоречили советским идеалам. Тем не менее, своя тувинская специфика, конечно, сохранялась, авторы описывали разные жизненные истории, и, как пишут литературоведы, ставили злободневные вопросы, показывали углубленный психологизм проблем. Среди произведений, которые вошли в золотой фонд тувинской национальной литературы: «Белек» («Подарок», 1942) С. Сарыг-оола (1908–1983), «Борулерни аннары» («Охота на волков», 1946) С. Тока (1901–1973), «Найырал» («Дружба», 1946), «Баян-Таланын кижизи» («Человек из Баян-Тала», 1962), «Кежиктиг сылдыс» («Счастливая звезда», 1964) О. Саган-оола (1913–1971), «Ынакшыл-дыр» («Это есть любовь», 1965), «Авазынга дангырак» («Клятва матери», 1973) С. Сюрюн-оола (1924–1995), «Часкы хаттар» («Весенние ветры», 1989) М. Кожелдея (1936–1996) и др. Тувинский роман расцвел в 1970-е годы: «Доспестер» («Неудержимые», 1967), «Торээн кижилер» («Родные люди», 1970) О. Саган-оола, «Улуг-Хемнин шапкы-

ны» («Стремнина Великой реки», 1965), «Херээженнин чоргаалары» («Гордость женщины», 1970), «Теннин самы» («Танец козерога», 1970) М. Б. Кенин-Лопсана и др. Появились роман-эпопеи «Улуг-Хем неугомонный» К.-Э. Кудажы (1929–2006) и др.

Безусловно, среди культурологов сегодня высказываются мнения о том, что в национальной литературе развитие получили преимущественно те жанры, темы, которые отвечали, прежде всего, идеологическим задачам советского времени. Соответственно, тувинская литература не отражала полностью национальный менталитет, а создавала государственный заказ. Тем не менее, на наш взгляд, тувинская национальная литература сумела отразить их: любовь к своей земле, сильные родственные связи, тесную связь людей с природой. Тем самым она сохранила линию преемственности с фольклорными традициями, в которых тувинцы считаются людьми глубоко патриотичными, коллективистами, отдающими предпочтение родовым связям, остро чувствующих свою связь с природой и выстраивающих свою жизнь согласно природным ритмам. Близость людей к природе, выраженная в шаманистских верованиях, несмотря на атеистический XX век, в значительной мере сохранилась и стала основой для возрождения религиозных традиций в Туве. Все эти характеристики, качества тувинцев, которые отражены в фольклоре и прослеживаются в национальной литературе, следует учитывать как особые социокультурные основания жизни общества региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.А., Куулар Д.С., Самдан З.Б. Традиционная сказочная проза тувинцев // Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с.
2. Кара-оол Л.С. Термины родства и свойства в тувинском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Кызыл, 2003. 199 с.
3. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня (извлечения) // Урянхай. Тыва дептер: в 7 т. / сост. С.К. Шойгу. М.: Слово, 2007. Т. 1. Древние племена Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии (II тысячелетие до н. э. – конец XIX в.). 592 с.
4. Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического общества / отв. ред. К.А. Бичелдей, подг. А.К. Кужугет. Кызыл, 2011. 384 с.
5. Комбу С.С. Пути развития тувинской литературы // Тувинская литература. Словарь / сост. С.С. Комбу, под ред. Д.А. Монгуша, М.Л. Трифоновой. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с. С. 5–6.
6. Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию // Урянхай. Тыва дептер: в 7 т. / сост. С.К. Шойгу. М.: Слово, 2007. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX – начало XX вв.). 552 с.
7. Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл, 2001. 464 с.
8. Куулар Д.С. Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций: диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. Улан-Удэ, 2000.
9. Маннай-оол М.Х. Тувинцы: происхождение и формирование тувинского этноса. Новосибирск: Наука, 2004.
10. На перекрестке времени. Урянхайский край. Тувинская народная республика. Тувинская Автономная область. Тувинская Автономная Советская Социалисти-

- ческая Республика. Сборник архивных документов и фотодокументов. Научно-документальный сборник (на русском языке). Государственный архив Республики Тыва. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014. 480 с. С. 5–8.
11. Тока С.К. Слово арата. Роман в трех книгах. Авторизированный перевод с тувинского. М.: Советский писатель, 1972. 480 с.
 12. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. 209 с.
 13. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. 225 с.
 14. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек и общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. 243 с.
 15. Тувинская народная поэзия XIX века. Из фольклорного собрания Н.Ф. Катанова. Переводы и переложения А. Преловского. М.: Новый ключ, 2002. 256 с.

TUVANS IN FOLKLORE AND NATIONAL LITERATURE

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna

Moscow University for the Humanities

111395, Russia, Moscow, ul. Yunosti, d. 5, korp. 6.

E-mail: chlamazhaa@mosgu.ru

Article is devoted to the analysis of the Tuvan national character reflected in Tuvan peoples folklore and national literature. Cosmogonic thinking of Tuvans have common grounds with cultural traditions of Turkic and Mongol people. Nursery rhymes reflect the social themes, ideals and directives. Tuvans have always had strong ties with their land, depended on it. Folklore includes the themes of fertility, wealth, abundance imaged by cattle, big family, children. Vision of ghosts and gods required interrelation between the lifestyle and certain limits and rules. Soviet reforms conducted in Tuva in 1930's impacted also on culture. A written language and national clerisy appeared. All the Tuvan literature had been penetrated by pathos of changes for better life. Executing the Soviet order, literature managed to keep continuity with folklore traditions.

Key words: Tuvans, Tuvan folklore, Tuvan national literature, Tuvan national character.

**ЛОКАЛИЗАЦИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ БАШКИР
ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ АРХЕОЛОГОВ, ИСТОРИКОВ
И ЯЗЫКОВЕДОВ**

Валиева Мадина Раилевна

кандидат филологических наук,

младший научный сотрудник Института истории,

языка и литературы Уфимского научного центра

Российской академии наук, г. Уфа

E-mail: valieva_1979@list.ru

В данной научной статье анализируются существующие предположения о локализации древних и средневековых башкир по исследованиям известных археологов, историков и лингвистов. В ходе изучения научной литературы и по наблюдениям над материалом средневековых географических карт, выяснилось, что в Средние века башкиры соседствовали с одной стороны с печенегами и кимаками, с другой – с волжскими булгарами. Кроме этого историки локализуют гипотетическую прародину мадьяр (лат. *Magna Hungaria, Hungaria maior*, венг. *Nagy-Magyarország*) на Урале, по соседству с предками башкир. Существует другая противоположная научная гипотеза, что предки башкир с мадьярами не успели встретиться до их ухода с Урала в Леведию и Ателькузе около 884 года под натиском печенегов. Весь этот исторический процесс отразился в формировании не только башкирского этноса, но и его языка в виде разновременных лексических напластований.

Ключевые слова: башкиры, булгары, мадьяры, кимаки, печенеги, автохтонное население Урала, башкирский язык, эвентуальные генетические пласты башкирской лексики.

Формирование башкирского народа и его языка начинается на базе местного автохтонного населения Урала и датируется ашельской эпохой палеолита, когда появилась стоянка древних людей вблизи д. Ташбулатово Абзелиловского района на оз. Карабалыкты, которая в истории получила название Мысовая, и стоянка-мастерская Кызыл-яр в Баймакском районе. Основные результаты и выводы раскопок палеолитических памятников Башкортостана отражены в научных трудах Г.Н. Матюшина, В.Г. Котова и др. Кроме этого, в XII-X веках до н. э. на стенах пещеры Шульганташ местными аборигенами выполнены рисунки красной охрой, подробнее об этом смотрите в работах О. Бадера, В.Г. Котова, коллективных трудах «История башкирского народа» Том 1, «Хроника основных событий. Башкортостан с древнейших времен до наших дней» [1].

Также в формировании башкирской культуры, истории, языка участвовали нетюркские племена, которых историки В.Ф. Генинг и др. называют «дотюркским субстратом» Приуралья. Например, из работ А.Х. Пшеничнюка, В.Ф. Генинга, Р.М. Юсупова известно, что в раннем железном веке в степях Южного Урала и Нижнего Поволжья вели кочевое скотоводство племена савроматов и их потомки – сарматы. Например, А.Х. Пшеничнюк отмечает, что восточнее, в южноуральских степях, в этот период кочевали дахо-массагетские племена [2]. Такого же мнения придерживается Н.А. Мажитов. На основании археологических исследований он предполагает, что VII-II веках до н. э. на Южном Урале обитали древние предки башкир – дахо-массагетские племена, говорившие на древнетюркском языке (см. подробнее в его работах) [3].

Как известно, язык савроматов и сарматов был не тюркским, а восточноиранским. Скифо-сарматские языковые реликты в ономастике Урало-Поволжья исследованы в

научных статьях Т.М. Гарипова [4]. Кроме этого, языковеды предполагают, что башкирский специфический фарингальный согласный [h] (*һыу* ‘вода’, *һау* ‘здоровый’, *һак* ‘осторожный, осторожность’, *һеләһен* ‘рысь’, *коһай* ‘сажень’, *коһор* ‘месть, возмездие’), межзубный звонкий согласный з (*зур* ‘большой’, *тузан* ‘пыль’, *баз* ‘подпол’, *куз* ‘горящий уголь’, *кейез* ‘войлок, кошма’), межзубный глухой согласный с (*сантый* ‘глупый’, *кыса* ‘рамка’, *быскак* ‘морозящий’, *балас* ‘палас; тканый ковёр’) есть результат влияния языка нетюркских сарматских племен. Иранскую гипотезу происхождения башкирских специфических звуков **һ**, **з**, **с** поддерживают Н.К. Дмитриев и Н.Х. Максютова [5].

Следует отметить, что межзубные (интердентальные) согласные **з**, **с** не наблюдаются в других тюркских языках, кроме башкирского и туркменского языков. Возможно, такое фонетическое явление связано с участием в их (башкир и туркмен) формировании ираноязычных племен савроматов и сарматов эпохи раннего железа.

В башкирском языке в инициальной позиции сохранилась древнетюркская фонема **й**, которая наблюдается именно в орхоно-енисейских памятниках и современных огузских языках (турецком, азербайджанском, туркменском, гагаузском и др.). Данная фонема может помочь в определении этногенеза башкир. Также в работе М. А. Ахметова отмечено, что 90-95 % глагольной лексики орхоно-енисейских памятников сохранилось в современном башкирском языке [6]. Ф.Г. Хисамитдиновой исследованы остатки диссимилятивных звуко сочетаний типа **лт**, **мт**, **нт**, **рт**, **нк**, **нк** в современном башкирском языке [7], которые наблюдаются в орхоно-енисейских памятниках, датированных VI–VIII веками н. э. Кроме вышечисленного, в современном башкирском языке, как и в текстах орхоно-енисейских памятников, последовательно соблюдается гармония гласных. Кроме того, башкирские племена в древности пользовались древнетюркским руническим письмом, которое сохранилось по сей день в качестве родовых символов, отметин (клейм) в быту для узнаваемости собственного бортевого дерева, ульев на пасеке, скота, луга и поляны для сенокоса и тебеневки. Все вышеназванные языковые особенности башкирского языка свидетельствуют о том, что в VII – VIII вв. башкиры могли входить сначала в состав Западно-тюркского каганата (603-704 г.), затем, после его распада в Восточно-тюркский каганат (682 – 744 г.).

По мнению башкирского лингвиста М.А. Ахметова, а также историка Н.В. Бикбулатова, первые тюркоязычные племена проникли в горно-лесные и лесостепные районы Южного Урала из областей, лежащих на юго-востоке, во время гуннского нашествия, т.е. в эпоху великого переселения народов. Второй этап передвижения тюркских племен в земли нынешнего Башкортостана связывается с расширением владений тюркского каганата в VI – VII вв. В VIII веке в Волго-Уральский регион проникают болгарские племена из Подонья и Приазовья [8]. Считается, что начало формирования ядра башкирского народа относится к V - VII вв. и завершается в XI в. В VIII – XIII вв. происходит третий этап миграции тюркоязычных племен на Южный Урал. В этот период в состав башкирской народности входят болгарские, огузские, кыпчакские племена.

Чувашский историк В.П. Иванов также предполагает, что 70-е гг. VII в. болгарские и суварские племена мигрировали из Предкавказья и Приазовья на Среднюю Волгу. Он же считает, что было четыре волны миграции болгар с юга на север и в VIII веке происходило второе массовое [9].

О башкиро-болгарских контактах пишет отечественный историк И.А. Гагин, который считает, что одним из кочевых народов, с которым булгарам пришлось тесно контактировать после ухода на запад основной массы венгерских племен (первая половина IX в.), являлись башкиры [10].

Что касается башкир IX – X вв., то в истории науки высказывались различные точки

зрения. Например, автор работы «Государство кимаков IX – XI вв. по арабским источникам» известный казахский историк Б.Е. Кумеков пишет: «IX – X вв. территория Южного Урала (сов. Башкортостан) принадлежала башкирским племенам. Ибн Фадлан отмечает присутствие башкир за рекой Баганди, вероятно, соответствующей нынешней Явынды. Согласно легендам и преданиям, западно-башкирские племена отделились от кыпчакского объединения и поселились в Приуралье задолго до монгольского нашествия, в то время как кыпчаки-тамьянцы заняли территорию Южной Башкирии в первой половине XIII в.»[11].

А.С. Сальманов, изучив историю происхождения башкирского рода кара-табын, отмечает, что правящий род в табынском племенном объединении кара-табын происходит из элиты енисейских кыргызов и стал лидировать в табынском объединении еще будучи в составе Кимакского каганата [12].

Однако многие исследователи древних империй тюрков считают башкир скорее западными соседями кимак-кипчаков, чем входившими в состав Кимакского каганата. Например, в работе известного ориенталиста В. В. Бартольда указывается, что восточными соседями башкир были кыпчаки [13].

Здесь следует отметить, что известный тюрколог Н.И. Егоров провел предположительную периодизацию истории башкирского и татарского языков. В своей статье он пишет: «судя по данным сравнительно-исторического изучения строя башкирского языка, до X века его основу составлял некий тюркский диалект огузского типа, претерпевший сильное влияние языкового субстрата восточно-иранского (скифо-сакского) типа. Современные доминирующие кыпчакские черты башкирского языка складывались постепенно в ходе многократной кыпчакизации в течение последнего тысячелетия» [14].

Башкирский язык имеет многовековую историю, как и сам башкирский народ, его истоки уходят в глубокую древность, что древняя история народа всегда отражается в языке в виде реликтовых явлений и лексических напластований.

Некоторые лингвисты корни башкирской лексики связывают с урало-алтайскими языками (другой распространенный термин – *туранские языки*), которые относятся к восточной группе ностратических языков. Действительно, башкирские слова, без особых изменений в строении и семантике, сопоставимы даже с древними языками айнов, ацтеков, шумеров, мая и т.п. (см. подробнее в работах Дж.Г. Киекбаева, Т.М. Гарипова, А.В. Дыбо, Ш.В. Нафикова и др.[15]).

В языкознании принято делить древние реликтовые явления современного башкирского языка на следующие пласты:

- 1) индоевропейский (восточноиранский, западноиранский);
- 2) финно-угорский;
- 3) тюркский (пратюркские, древнетюркские, болгарские и башкирские и т.п.).

При сравнении башкирской лексики со словарным составом других тюркских языков в ней можно выявить, кроме пратюркской, общетюркской и заимствованной, ареальную лексику, которая наблюдается только в тюркских языках Поволжья (башкирском, татарском, чувашском), а также в финно-угорских языках не только данного ареала, но и в мадьярском языке [16]. В мадьярском языке имеется слой тюркизмов (булгаризмов), которые бытуют в башкирском и отсутствуют в других тюркских языках. Данное языковое явление свидетельствует о непосредственных связях носителей башкирского языка с булгарами, возможно и мадьярами.

Отметим также, что финно-угорский лексический пласт тюркских языков Поволжья исследуется в трудах Р.Г. Ахметьянова, И.С. Насипова, однако в них башкирская лексика мало привлечена [17].

Монгольский пласт башкирского языка рассмотрен в научных работах Э.Г. Ишбердина,

а также А.Г. Вахитовой, где выявлены башкирско-монгольские лексические параллели более 100 слов [18].

Индоиранский пласт среди башкирских языковедов является обсуждаемой проблемой, данный заимствованный пласт рассмотрен во многих научных трудах тюркологов. Не вдаваясь конкретизацию работ всех авторов, отметим специальную статью Ф.Г. Хисамитдиновой опубликованную в Берлине в 1994 году под названием «Иранские элементы в башкирском языке», где исследуется демонологическая лексика башкирского языка [19]. Подробный этимологический анализ Ф.Г. Хисамитдиновой возводит многие наименования демонов к мифонимам иранского происхождения, которые были заимствованы с глубокой древности в определенной зоне контактов.

Изучение исследований о взаимодействии китайского языка с тюркскими языками (работы В.П. Васильева, Н.А. Баскакова, В.И. Новгородского, Т.Р. Рахимова, А.В. Дыбо и др.) дает лексический материал китайского пласта и в башкирском языке [20]. В башкирском языкознании в этом направлении в последние годы были опубликованы ряд специальных научных статей. Например, в 2015 году Муратова Р.Т. рассматривает около 20 слов китайского происхождения, опираясь на этимологические словари и привлекая специальные работы по данной проблеме [21]. Также в 2015 году автор данной публикации написала специальную статью о наименованиях луковичных растений, где рассматривает лексему *хуган* ‘лук’ как китайское заимствование не только в тюркских, но и в уральских языках [22].

Также наши предварительное исследование и изучение научной литературы показало, что в башкирском языке большое количество лексем имеет параллели с канглийской группой тюркских языков, которая состоит из казахского и ногайского языков. Например *болак* ‘родник, ручей’, *татран* ‘дух болезни уха’ и т.п. Появление башкирско-канглийской лексической общности вызвано территориальной близостью, тесными этнокультурными, историческими контактами. Тем самым башкирско-канглийские лексические параллели отражают влияние канглийской культуры на этнокультуру башкир и обратно.

Предварительный проведенный анализ заимствованной лексики башкирского языка в генетическом аспекте и предыдущие исследования языковедов позволяет нам выделить следующие эвентуальные генетические пласты башкирской лексики для дальнейшего специального этимологического исследования:

Индоиранский, (восточно)иранский, монгольский (*среднемонгольский, калмыкский*), китайский, палеоазиатский, финно-угорский (*мадьярский, удмуртский, марийский, мордовский*) тюркский (*канглийский: казахский, ногайский; чагатайский; болгарский; татарский; чувашский*), персидский, арабский, восточнославянский (*русско-башкирские культурно-хозяйственные контакты*) и т.д.

Таким образом, исторические корни, события, контакты, этнические миграции и локализация башкир по-соседству с другими этносами отражаются в языке в виде разновременных лексических напластований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкортостан с древнейших времен до наших дней. Хроника основных событий. / Сост. Р.А. Валишин. Под ред. Мажитова Н.А. - Уфа: Китап, 2007. – С. 3; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI века. – Уфа: Китап, 1994. – С. 20; Котов В.Г. Святилище в пещере Шульган-Таш (Каповой) и мифология Южного Урала // Проблемы первобытной культуры. – Уфа: Гилем, 2001. – С. 54-80; Котов В.Г. Культ медведя на Урале по данным пещеры Заповедная // Проблемы первобытной

культуры. – Уфа: Гилем, 2001. – С. 81 – 105; Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Котов В.Г. Палеолитическое местонахождение Горнова: проблема возраста // Проблемы первобытной культуры. – Уфа: Гилем, 2001. – С. 187 – 189; Матюшин Г.Н. У колыбели истории. М., 1972. 275 с. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. 368 с.; Матюшин Г.Н. Яшмовый пояс Урала. М., 1977. 175 с.; Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. 331 с.; Матюшин Г.Н. У истоков человечества. М., 1982. 144 с.; Матюшин Г.Н. Каменный столетний период Южного Урала. М., 1994; Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала: Предуралье. М., 1996. 302 с.

2. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников. // История башкирского народа. В семи томах. Т. 1. – Уфа: Китап, 2009. – С. 173.; Юсупов Р.М. Палеоантропология Южного Урала и вопросы происхождения башкир-гайнинцев // Башкиры-гайнинцы Пермского края: история, этнография, антропология, этногеномика. Под ред. Р.М. Юсупова. – Уфа: Гилем, 2008. – С. 315 - 326; Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. – М. 1957. 64 с.; Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. – М., 1964. 201 с.

3. Мажитов Н. А. К вопросу о мадьярах в исторической науке Башкортостана // Ватандаш. 2012. № 6. – С. 17-27; Мажитов Н. А. О древнейшем этнокультурном компоненте в этногенезе башкирского народа: племена даик (йайык) // Проблемы востоковедения. 2013. № 2. – С. 24 – 37; Мажитов Н. А. Даики в этногенезе башкирского народа // Ватандаш. 2013. № 9. – С. 3-28; Башкортостан с древнейших времен до наших дней. Хроника основных событий. / Сост. Р. А. Валишин. Под ред. Мажитова Н. А. - Уфа: Китап, 2007. – С. 11.

4. Гарипов Т.М. Иранские этимоны в урало-поволжской ономастике // *Vaškiriča*. – Уфа: Восточный университет, 2004. – С. 138 – 141; Гарипов Т.М. Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии // *Vaškiriča*. – Уфа: Восточный университет, 2004. – С. 141 – 143.

5. Дмитриев Н.К. К вопросу об изучении башкирского языка // Вопросы башкирской филологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 22, 23; Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1976, – С. 186.

6. Ахметов М.А. Глаголы в языке орхоно-енесейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). – Саратов, 1978. 131 с.

7. Хисамитдинова Ф.Г. История башкирского языка: материалы по исторической фонетике. – Уфа, 1989. 84 с.

8. Ахметов М.А. Глаголы в языке орхоно-енесейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). – Саратов, 1978. – С. 10, 11; Бикбулатов Н.В. Башкиры: краткий этноисторический справочник. – Уфа, 1995. – С. 3-7.

9. Иванов В. Этническая история чувашского народа. – Чебоксары, 2010. – С. 15-23; Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания. – Чебоксары, 1993. – С. 23, 24.

10. Гагин И. А. Волжская Булгария и мир кочевых народов в X-XII вв. // Чувашский гуманитарный вестник. № 1, 2006. – С. 12-19.

11. Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX – XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1972. 156 с.

12. Сальманов А.С. К истории происхождения башкирского рода кара-табын // Вестник ВЭГУ. № 3 (71) 2014. – С. 184 – 188.

13. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894. – Спб., 1897 (ЗИАН СИФ, сер. VIII, т. 1, № 4). – С. 85.

14. Егоров Н.И. Проблемы периодизации истории башкирского и татарского языков // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. – Уфа, 1991. – С. 134 – 138.

15. Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. – Уфа: Китап. 368 с.; Гарипов Т.М. Сопоставление корней башкирского и контактировавших

с ним алтайских языков // Тезисы докладов XXIX сессии ПИАК. – М. 1986; Гарипов Т.М. Место башкирского языка в структурно-типологической классификации языков // Научная сессия по этногенезу башкир. – Уфа. 1969. – С. 143-145. Нафиков Ш.В. Бореальные элементы в башкирском языке. – Уфа: Гилем. 302 с.; Нафиков Ш.В. Тамыры уғата боронғо башкорт. - Өфө. 2009. – С. 42, 43, 118 – 331.

16. Валиева М.Р. Проблема болгарского влияния на развитие башкирского языка. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Уфа, 23 с.; Валиева М.Р. Булгаризмы Поволжья в апеллятивной лексике башкирского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XVI Всероссийской научной конференции. – Уфа, 2014. – С. 126-130.; Валиева М.Р. Булгаризмы в апеллятивной лексике башкирского и мадьярского (венгерского) языков // Вестник ВЭГУ. 2014, №3 (71). – С. 155-160.

17. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1981. 143 с.; Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1988. 200 с.; Насипов И.С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. – Казань, 2009. 236 с.; Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Биишевой, 2009. 228 с.; Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Мордовские заимствования в татарском языке. Монография. – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2013. 155 с.; Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Удмуртские заимствования в татарском языке. Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. 173 с.

18. Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. – М., 1986. 152 с.; Ишбердин Э.Ф. Термины земледелия в башкирском языке. – Уфа, 2002. 150 с.; Вахитова А.Г. Башкирско-монгольские языковые связи (на материале лексики). – Уфа, 2009. 213 с.

19. Хисамитдинова Ф.Г. Иранские элементы в башкирском языке // *Islamkundliche untersuchungen*. – Berlin, 1994. – С. 75-80.

20. Васильев В.П. Об отношении китайского языка к средне-азиатским. // Журнал Министрства народного просвещения. IX 1872.; Баскаков Н.А. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках. // *philology.ru*. дата обращения 23.10.16.; Новгородский В.И. Китайские элементы в современном уйгурском языке. – М., 1950; Рахимов Т.Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке. – М., 1970; Дыбо А.В. Китайские заимствования в пратюркском // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – С. 773 – 777.21. Муратова Р.Т. Тюрко-башкирские и китайские языковые параллели // Исторические и историко-культурные связи башкир с народами стран ШОС и БРИКС. – Уфа, 2015. – С. 133-141.

22. Валиева М.Р. К вопросу этимологии названий съедобных луковичных растений башкирского языка // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск. 2015. – С. 25-32.

**LOCALIZATION OF ANCIENT AND MEDIEVAL BASHKIRSON RESEARCH
ARCHAEOLOGISTS, HISTORIANS AND LINGUISTS**

*Valieva Madina R.,
Candidate of Philology,
Junior Researcher of the Institute of History,
Language and Literature of the Ufa Scientific Center
Russian Academy of Sciences
Russia, Ufa
E-mail: valieva_1979@list.ru*

In this research paper the author analyzes existing assumptions about the localization of the ancient and medieval Bashkirs research of known archaeologists, historians and linguists. During the study of scientific literature and observations on medieval maps material, it appeared that in the Middle Ages Bashkirs dwelt side by side on one hand with the Pechenegs and Kimaks, on the other – with the Volga Bulgars. Besides historians localize the hypothetical ancestral home of the Magyars (lat. *Magna Hungaria, Hungaria maior*; Hung. *Nagy-Magyarország*) in the Urals, in the neighborhood with the ancestors of the Bashkirs. There is the other extreme, a scientific hypothesis that the ancestors of Bashkirs did not have time to meet with the Magyars before their departure from the Urals to Levediyu and Atelkuze about 884 under the pressure of the Pechenegs. All this is reflected in the historical process of the formation of not only the Bashkir ethnic group, but also its language.

Key words: Bashkirs, Bulgars, Magyars, Kimaks, Pechenegs, autochthonous population of the Urals, Bashkir language, the eventual genetic strata of the Bashkir language.

К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ТЕРМИНОВ «ЮРТОСТРОИТЕЛЬСТВО»

Бердиев Хусан Холназарович
старший научный сотрудник-соискатель
Самаркандский государственный университет,
кафедра узбекского языкознания, г. Самарканд, Узбекистан
E-mail: rustam_berdiyev1996@mail.ru

Статья освещает некоторые сведения лексической системы юртостроительство в тюркских языках и их методические стили, используемые в научно-исследовательской работе. Проблема широко освещается в свете факторов методических задач и связей таких научных направлений как археология, этнография и фольклор.

Ключевые слова: терминологические системы, юртостроительство, лексикон, методика, стиль, методы, интеграция.

Как обоснованно признают источники «методология предмета способна определить общие направления познавательной деятельности, но она не сможет определить направления исследуемого объекта» [Шермухамедова, 2005: 213].

Известно, методы, зачастую используемые в научных исследованиях с методологической точки зрения составляют одну систему, более того, они отображают суть вопроса в масштабе ряда проблем объединяемых общей темой (тома, главы, параграфы).

Связи, возникающие с развитием языка, воплощают в себе системный образ совместимых связей, историко-гениологического, иерархического и др. аспектов.

В связи с этим, протоформа и деривационные особенности требуют структурно-этимологического подхода в рассмотрении. Так и в лексической системе юртостроительство объем материалов, составляющих основу исследования – материалы исторических, диалектологических, толковых, этимологических и других словарей. В связи с этим, исследование материалов в диахроническом аспекте требует использования различных методов.

В исследованиях лексики юртостроительство узбекского языка, в качестве приоритетных методов используются описательный, сочинительный, историко-сопоставительный, системный анализ и др. к ним часто относятся также компонентный, когнитивный и лингвостатистический методы анализа. Как, вполне обоснованно отмечается в научных источниках «методология предмета способна определить общие направления познавательной деятельности, но она не сможет определить направления исследуемого объекта» [Шермухамедова, 2005: 18].

Научные проблемы, связанные с дальнейшим развитием лексикологии и терминологии узбекского языка, в том числе и лексики касающейся юртостроительство, должны исследоваться не только на основе лингвистических источников или источников живой устной речи, но и основываться на результатах археологических, этнографических и художественно-фольклорных исследований.

Узбекский народ традиционно поддерживает отношения с родственными и неродственными народами дружеские связи, что в течение долгого периода отражается в системе узбекского языка. Это и является причиной того, что на сегодняшний день составная часть лексики узбекского языка, складывалась в результате развития определенного аспекта жизни.

В процессе исследования преобразований, некоторые термины должны рассматриваться с применением типологических, дистрибутивных, статистических, а иногда и историко-этимологических методов.

Присущие определенным уровням разных языков явления, должны рассматриваться с научной точки зрения в сопоставительно-типологическом аспекте. В частности, рассматривать в разрезах морфемных уровней Каракалпакского и Узбекского языков, термины, применяемые в юртостроительство *кўкламоқ // коклеу* [2, Каракалпак, II, 1984: 28]; *чангароқ кўтармоқ // шаңарак котериу* [2, Каракалпак, II, с. 29] проявляют своеобразные знаки этих языков в сопоставительном процессе.

Изучение в сопоставительно-типологическом аспекте узбекского и каракалпакского языков, в частности терминов относящихся к одной сфере жизни обоих народов – процесс, связанный с этимологией, историей и фонетическими, лексическо-грамматическими слоями языков.

Строение лингвистических систем, возможность открытия законов эволюции процесса развития языков относящихся к одной семье, имеют особое значение в исследовании языков имеющих важное сходство, при определении своеобразия.

Мы знаем, каждый язык имеет своеобразную систему и методы номинирования [Звегинцев, 1965: 123-140].

При сопоставительном изучении лексики определенных языков, работа ведется на основании отдельно взятого слова, лексико-семантической группы слов или общей лексико-семантической категории.

Экспрессивные и логические связи слов, объемы значений, многозначность, синонимичность, структура лексико-семантических парадигм проявляются как раз таки в структурном аспекте.

Одной из характерных сторон в лексической системе языков одной семьи, является близость или даже общность понятий, хотя мы и не можем забывать особенности присущие к сопоставляемым языкам.

Своеобразие каждой единицы заключается еще и в том, что каждая из них является лингвистическим явлением, противопоставляемой другим единицам, которые можно наблюдать на уровне фонетики, морфемике, словообразования, грамматики (естественно как часть словообразования).

Типологическими особенностями узбекского и каракалпакского языков, является также и то, что некоторые слова в обоих языках можно отнести к группе слов/терминов относящихся к юртовозведению.

Например:

Термины, выражающие части деревянных материалов юрты: узб.: *керага* – ккал.: *кереге* [а↔е]; узб.: *увуқ* – ккал.: *уук* [в↔ø]; узб.: *чангароқ* – ккал.: *шаңарак* [ч↔ш, нг↔н].

Терминов выражающих понятия связанные с традициями юртостроительство: узб.: *бақан* // *бақам* – ккал.: *баган* // *бақан* [н//м↔г/к]. В обоих языках, при применении этого слова наблюдаются чередования звуков, в узбекском языке н↔м; в каракалпакском языке г↔к.

Выражение морфологических категорий разносистемных языков характеризуется различием способов применения окончаний. Например, можно рассмотреть употребляемый в юртовозведении термин манлайша, приводимое в толковом словаре каракалпакского языка как «*МАҢЛАЙША ат. Қара үйлердиң есигиниң яғный ергенектиң ең жоқарғы бөлеги, жоқарғы жақлауы, шарқырауық бөлеги*» [4, Каракалпак, III, 1988: 269]. В толковых словарях узбекского и каракалпакского языков также приводиться лексема *маңлай*, но, в данном случае даже переносное значение лексемы не доказывает его причастность к

лексеме *маңлайца*. К примеру, узб.: «*МАНГЛАЙ* [монг. *Магнай* – пешона «лоб»; олдинги]. 1. непосредственно лоб 1. *Унинг (Фани отанинг) қошлари чимирилиб, серажин манглайи тагин тиришди. Фулом, Машъал.* – ‘Его брови сдвинулись, и лоб стал морщинистее’. 2. непосредственно Пешона «лоб»: *Ўзига тасалли берди; Ҳар ким пешонасига ёзилганини кўради. К. Яшин. Хамза* – ‘Он успокаивал себя на том, что у каждого на роду написано’. *Уфф... нетай ога, манглайим қора экан. С. Сиёев, Ёрузлик* [5, Ўзбек, II, 2006: 537]. – ‘Что мне делать, если неудача мне сопутствует неудача’.

Ккалп.: «*МАҢЛАЙ ат. 1. Адамниң бас мүшесиндеги көз бенен қастиң үстиндеги шашқа дейинги аралық*» [4, Каракалпак, III, 1988: 269].

Следует отметить, что в своей монографии посвященной исследованию анатомико-терминологической системы узбекского языка, З. Мирахмедова, на примере *қоринча* констатировала, что окончание – *ца*, в составе лексемы *маңлайца* образует новый термин [Мирахмедова, 2010: 74].

Посредством типологических особенностей в структурах компонентов, можно получить представление, о системе путем сопоставления следующих явлений:

Термины, обозначающие внутреннюю часть юрты: узб.: *тўр* – ккалп.: *тор жак*; узб.: *чап томон* – ккалп.: *сол жак*.

В узбекском языке, значение сторона определяется лексемой *томон*, а в каракалпакском языке, лексемой *жак*.

Термины, выражающие части юрты, изготовленные из определенных материалов: узб.: *қизилбов* – ккалп.: *кызылбаскур*, узб.: *оқбов* – ккалп.: *акбаскур*.

Из примеров видно, что сопоставительно-типологическое исследование терминов юртоостроительство в узбекском и каракалпакском языках имеет важное значение в исследовании терминологических систем узбекского и каракалпакского языка.

В настоящей статье исследуется применение методологических факторов терминологической системы на примере терминов юртоостроительство в тюркских языках.

Как становится ясным из наблюдений лексика юртоостроительство непосредственно связано с такими сферами как археология, этнография, фольклор и лингвистика.

В связи с этим, и методология его исследования также своеобразна. Конечно, изучение языка определенного народа или народности связано с образом его жизни, культурой и обычаями и является характерными свойствами лексики изучаемой сферы.

Слова/термины, касающиеся лексической системы юртоостроительство имеет особое место в раскрытии своеобразия, в частности узбекского языка. При анализе группы слов, терминов юртоостроительство в соответствии с отношением лингвистических единиц к разным языкам образующим систему сопоставительного исследования, мы обратились к типологическому методу. Языки, относящиеся к одной семье, в частности узбекский и каракалпакский языки были исследованы нами в типологическом аспекте на основе материалов некоторых лексикографических источников и непосредственно языкового материала исходя из требования сопоставительной типологии для освещения общности и частных признаков лексики юртоостроительство узбекского и каракалпакского языков.

Примечания

узб. – узбекский

ккалп. - каракалпакский

ЛИТЕРАТУРА

1. Шермухамедова Н. Фалсафа ва фан методологияси. – Тошкент: Университет, 2005. – Б. 213.
2. Карақалпақ, II, 1984 – Қарақалпақ тилиниң тусиндирме сөзлиги. Төрт томлық. II том, Г – К (к - көзсизлик). – Нөкис: Қарақалпақ баспасы, 1984. – Б. 12.
3. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – М.: Просвещение, 1965.
4. Карақалпақ, III, 1988 – Қарақалпақ тилиниң тусиндирме сөзлиги. Төрт томлық. III том, К – Н (көйлек –нюанс). - Нөкис: Қарақалпақстан, 1988.
5. Ўзбек, II 2006 – Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 томлик. II том. – Тошкент, 2006.
6. Мирахмедова З. Ўзбек тилининг анатомия терминологияси ва уни тартибга солиш муаммолари. – Тошкент: Фан, 2010.

**TO THE PROBLEM OF COMPARE ANALYSIS OF TERMS
OF CONSTRUCTION OF YURT**

Berdiev Husan Halnazarovich

Samarkand State University

Applicant, elder research fellow of the chair of Uzbek linguistics

Samarkand, Uzbekistan

E-mail: rustam_berdiyev1996@mail.ru

On the following article were given some information about lexical system of yurt less in Turkic languages and their methodological styles whole using in scientific investigation.

Key words: terminological systems, making yurta, lexica, methodology, styles, method, integration.

ОСНОВЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

*Куртчаев Алтыбай Таганмурадович,
ассистент,
филологический факультета,
кафедра казахского и туркменского языков
Каракалпакский государственный университет. Нукус*

В статье рассматривается взаимодействие и взаимовлияние тюркских языков, в частности, взаимодействие и взаимовлияние каракалпакского и узбекского языков, определяются и описываются мнения ученых на этом вопрос. На конкретных примерах приведено личное мнение самого автора на вопрос заимствования.

Ключевые слова: взаимовлияние, взаимодействие языка, генеалогия, типология, ареал, говор, лингвистическая география, государственный язык.

Республика Каракалпакстан, являющаяся неразделимой частью независимого государство Узбекистан, занимает особое место в Центральной Азии. Потому что здесь проживают четыре ветви тюркских народностей. Из них узбеки и каракалпаки составляют основную часть населения, а казахи и туркмены малочисленны. Их вековое совместное проживания на территории Каракалпакстана оказало большое взаимовлияние на разговорной речи. Исследование взаимовлияния этих языков является одной из актуальных проблем современности.

Как нам известно по общей лингвистике в языке встречаются общезыковые понятия. Такое явление прямо связано с языковым явлением универсального характера. Несмотря на то, что разные языки имеют разные звуковые системы, грамматический строй, словарный состав, среди них встречаются общее языковые явления, понятия, которые способствуют образованию общих названий. Языки, имея большое различия друг от друга, в то же время имеют общее, будто созданы по общей основе. Общее явление в языках признаются всеми лингвистами и часто ученые используют их в качестве характеристики современных языка¹. Эти общие явления, во-первых связаны с физиологической основой т.е. все люди имеют одинаковые физические органы осязания, при помощи которых они воспринимают окружающий мир. Если не учитывать индивидуальное своеобразие каждого человека, то их органы речи с анатомо-физиологической стороны одинаковые, возможность воспроизведения звуков ограничены, во-вторых во всех языках находит свое отражение объективно существующие в природе вещи и явления их законы и взаимоотношения. И поэтому, несмотря на большое количество языков, в основе их образования лежит среда, где они живут и роль языка как средство взаимоотношения в практической жизнедеятельности человека.

Таким образом, если не учитывать родственные языки, то нахождения схожих явлений в абсолютно не схожих неродственных языках имеют свои объективные причины. Если этих многочисленных языков рассмотрим в качестве орудия взаимоотношения, то тогда можно заметить, что в основе взаимоотношения лежит вещи и их знаки□.

1 Серебренников Б.А. Сводимость языков мира. В книге «Принципы описание языков мира». М., 1976, С. 8.

По (генеологическому) происхождению, по (типологии) встречаемости общих универсальных языковых явлений, по (ареалу) схожести территории распространения ограниченное количество мировых языков объединяются в одну группу или ветвь. Если схожесть между лингвистическими явлениями не случайная, а закономерная, то она образуется в результате генеологических (если языковые схожести имеют универсальное качество) или ареальных (если схожести между языками связаны территориальным взаимодействием).

Генетическое происхождение, географическое соседственное расположение, типологическая близость тюркоязычных народностей, проживающих в республике Каракалпакстан, подтверждает близость и родственность этих народов. Как и другим мировым языкам, тюркскому языку, в ходе своего развития, оказывало действие внешние факторы. По утверждению Н.А.Баскакова явление объединения и распад, продолжавшийся несколько веков, племен и объединение племен, а позднее единой народности, а также прямое и близкое взаимоотношение с иноязычными народами является основными явлениями развития тюркских языков□.

При определении взаимообогащения языков путем взаимовлияния и на основе этого об их изменении, развитии и достижении необходимо прежде всего особое внимание обратить на то, что, где они жили, т.е. в подчинении какого народа они были, с какими народами вместе живут или соседствуют, и с каких пор они живут в таких географических условиях, по функции выполняемой в обществе какой язык имеет свое превосходство, какой язык принят в качестве государственного языка. Эти факторы прямо определяют ход развития языков, местных говоров и в определенной степени влияет и на литературный язык этого народа. Поэтому, когда говорим о взаимовлиянии языков мы имеем в виду в основном местные говоры и в то же время учитываем общий литературный язык. Потому что изменения, происходящие в языке в результате взаимовлияния в литературном и в местных говорах бывают не одинаковые. Например в языке каракалпаков Тахтакупырского района можно заметить влияние казахского языка, в языке каракалпаков южного района влияние узбекского языка.

Если остановимся на истории проблемы взаимовлияния некоторых тюркских языков, то правильнее будет начинать с профессора И.А.Богородицкого². Он в исследовании истории развития тюркских языков предлагая использовать метод лингвистической географии и на основе этого метода доказал историю развития некоторых фонем³Е.Д.Поливанов, исследуя диалекты узбекского языка, указал на влияние на этот язык трех разных с генетической стороны языков на одну из главных причин отдаления друг от друга диалектов узбекского языка указывает на этот фактор. Указывая на влияние соседних языков, в родственных диалектах он рассматривает это как явление смешивания. В качестве примера такому явлению смешивания приводит влияние казахского языка на северный хорезмский говор, влияние уйгурского языка на говоры Наманганского, Нарынского районов⁴. Также Е.Д.Поливанов указывает на то, что при классификации узбекских диалектов на необходимость учитывать историко-генетических причин и на близость туркменского языка на огузский говор узбекского языка, а на кыпчакский говор узбекского языка, близость казахского и каракалпакского языков⁵.

Исследование каракалпакского литературного языка и его диалектной системы с

2 Н.А.Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, С. 23.

3 Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953, С. 106.

4 Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953,

5 Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент. 1933, С. 3-9.

давних времен и уделение к ним особого внимания учеными зарубежных стран (Стефан Бурм, Карл Менгес, С.Е.Малов, Е.Д.Поливанов, Н.А.Баскаков) и местными учеными (Д.С.Насыров, О.Доспанов, О.Бекбаулов) и т.д.) указывает на то, что взаимовлияние языков и в результате этого их изменение и развитие это закономерный процесс. Если люди друг с другом в каком взаимоотношении находятся при помощи языка, то и целиком языки находятся точно в таком же отношении, друг от друга переходит слова, грамматические формы и другие грамматические единицы и постепенно обогащаются.

В настоящее время самым плодотворным способом во взаимовлиянии языков является освоение слов и их форм со второго языка. Мы во взаимовлиянии каракалпакского и других языков понимаем это явление.

Как мы указали выше, каракалпакский народ в продолжении многих веков живут в соседстве и в некоторых местах вместе по происхождению генетически родственными народами как узбеки, казахи, туркмены. Поэтому взаимовлияние этих народностей друг другу очень сильно. В настоящее время это явление продолжается в их языке. Вместе с этим надо отметить, что влияние на каракалпакский язык узбекского, казахского и туркменского языков не одинаковое. В этом есть разные причины.

В последнее время в Узбекистане в связи принятием узбекского языка в качестве государственного, в Каракалпакстане каракалпакского и узбекского языка в качестве государственного, их функции очень расширились. Обучение в школах, радиовещание, телевидение, все проводимые собрания, деловые бумаги в Узбекистане проводится на узбекском, а в Каракалпакстане на каракалпакском и узбекском языках, выпуск газет и журналов на этих языках и контролирование их со стороны государства усилили роль еще более. В результате, взаимовлияние каракалпакского и узбекского языков еще более усилились. Здесь необходимо отметить следующее: такое взаимовлияние языков бывает двухстороннее каракалпакский язык оказывает влияние на узбекский. Например, в языке узбеков Ходжелийского и Кунградского районов можно наблюдать влияние каракалпакского языка. А в смешанных населенных районах как Турткуль, Беруний, Амударья, Елликкала влияние узбекского языка на каракалпакский сильнее.

Займствование новых слов и словосочетаний через узбекский язык наблюдается и в каракалпакском литературном языке. Это явление в литературном языке прямо связано с расширением функции узбекского языка.

По нашему наблюдению займствование узбекских слов каракалпакским литературным языком осуществляется двумя путями. Во-первых, уместно-неуместно займствованные из русского языка и через русский язык из других языков научные термины и слова, все названия, связанные со сферой повседневной жизни переводятся на каракалпакский язык при отсутствии таких слов они заимствуются из узбекского языка. Например, *аллея – кыябан, штраф – жарийма, очко – упай* и. т.д. Такое займствованные из узбекского языка большинство слов уместные. Однако с целью обозначения новых понятий, займствованных из русского языка и полностью освоенные каракалпакским языком слов, переводить не дает хороших результатов. Например, переводить займствованных из русского языка таких слов как «процент», «программа» под воздействием узбекского на «процент – паиз», «программа – дастур» нецелесообразно т.к. они полностью освоены каракалпакским языком и в каракалпакском языке узбекские варианты дают абсолютно другое значение. Например, слово «*пайз*» в каракалпакском языке имеет значение «*пайз – раҳат*») (наслаждение), а не процент, а слово «*дастур*» - *урип-эдет* (традиция) и в таком значении используется они испокон веков. Поэтому правильнее будет оставить русское слово «процент» без перевода, а в место слова «программа» использовать каракалпакски слова «*бағдарлама*». Во-вторых обретение независимости Республики Узбекистан и нахождения в его составе суверенной

Республики Каракалпакстан привело к тому, что во всех областях общественной жизни появились новые слова, прямо заимствованные из узбекского языка. Они в основном являются заимствованными из общественно-политической, социально-экономической сферы. Например, *ҳажимият*, *бас саркарда*, *жарийма*, *мушайра*, *кыябан*, *талаба* и т.д. Возможно эти слова в каракалпакском языке раньше употреблялись частотно, но потом под влиянием русского языка вышли из употребления. В настоящее время слова со значением «*бас саркарда*», «*ҳажимият*» в связи с широким употреблением в узбекском языке и под его влиянием начали входить в состав новых заимствованных слов. Такие явления часто встречаются и в других языках.

Таким образом, в развитии и обогащении тюркских языков и в том числе каракалпакского языка большое значение имеют наравне с внутренними возможностями и внешние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н.А.Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, С. 23.
2. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953, С. 106.
3. Гринберг Дж., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях. Сб. «Новое в лингвистике». Т. V. М., 1970, С.31
4. Серебренников Б.А. Сводимость языков мира. В книге «Принципы описание языков мира». М., 1976, С. 8.
5. Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент. 1933, С. 3-9.

THE BASICS OF INTERACTION AND ENRICHMENT OF THE TURKIC LANGUAGES

A.Kurtcheav

assistant of Philological faculty

Charir of Kazakh and Turkmen languages

Karakalpak State University named after Berdakh.

In this article interaction and influence of Turkish languages, especially, interaction of karakalpak and uzbek languages are regarded, as well as, opinions of scientists are defined and described on this question. On the specific principles, to the question of loan words personal opinion of the author is given in this work.

Key words: interaction, interactional languages, genealogy, typology, natural habitat, sound of talking voices, linguistically geography, national language.

**В КОРНЯХ ТЮРКСКИХ СЛОВ КРОЮТСЯ КОРНИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
И НЕ ТОЛЬКО ИХ (В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ)**

Мурадгелди Соегов

доктор филологических наук

профессор, действительный член (академик) АН Туркменистана

Национальный институт рукописей АН Туркменистана

E-mail: msoyegov@gmail.com

В статье предпринята попытка обосновать на лингвистическом материале взгляд, согласно которому древний Туран (современная Туранская низменность) является первичной родиной всех народов, входящих по основным параметрам своих языков в так называемую “алтайскую языковую семью”. Вероисповеданием прототюрков (древних туранцев) служил тенгризм (тенгрианство ‘солнцепоклонничество’) – первоначальная религия народов Евразии, на основе которой возникла в последующем зороастризм ‘огнепоклонничество’.

Ключевые слова: Геродот, Фирдоуси, Туран, языковые данные, первоначальная родина, родство языков.

Персы (фарсы) и их заядлые противники массагеты (скифы), как равноправные, независимые друг от друга народы (племена), а также проходившие между ними сражения, описываемые в своем известном сочинении древнегреческим “отцом истории” Геродотом (484–425 гг. до н.э.) [2, I 201, 202, 204–216; III 36; IV 11, 172; VII 18], примерно через тысячи лет после него легли в основу большой поэмы-эпопеи “Шахнаме” Фирдоуси (936–1020 гг.) как фольклорно-исторические сюжеты, но уже под названиями “иранцы” и “туранцы”, последние из которых зависят от первых, находятся в их подчинении [См.: 1. См. еще: 3. У Л.Н. Гумилева забавная этимология: Зевс / Дев / (Див) / Деус. Со своей стороны добавим, что по-туркменски дейюс – это ‘негодяй’, ‘мерзавец’, ‘подлец’, ‘прохвост’]. Такой поворот событий, конечно, прежде всего был связан с подлинными патриотическими чувствами автора поэмы. Не трудно допустить предположение, что именно из-за этого Фирдоуси материально понес жестокое, но справедливое наказание – султан Махмуд Газневи (971–1030 гг.), туркмен по национальности, отказался платить из казны государства обещанный ему большой гонорар, состоящий исключительно из золотых монет. Султан сам узнал или ему подсказали, что поэт специально искажает историю в пользу иранцев, ибо он пользовался историческими легендами, распространенными только среди иранцев, игнорируя при этом таковымы у туранцев. Но Фирдоуси все таки был прав в главном: он ставит равенство между древними туранцами и современному ему тюрками (туркменами).

У Геродота также читаем: “скифы называют амазонок “эорпата”, что по-эллинически означает “мужеубийцы”; “эор” ведь значит муж, а “пата” – убивать” [2, с. 214]. Можно без всякого сомнения утверждать, что скифское слово “эор” – это несколько искаженное древними греками тюркское имя существительное “эр” ‘муж’, ‘мужчина’; тем более в современном туркменском языке его начальный гласный звук произносится долго [ээ], то есть “эр” [ээр] ‘в том же значении’. Ср. еще: туркм. “эркек” ‘мужчина’, ‘самец’. Что касается глагола “пата” ‘убивать’, скорее всего, он тоже является тюркским, а именно многозначным глаголом бат- ‘утонуть’, ‘погружаться’, ‘разориться’, ‘исчезать’, использованном в сакральном значении: туркм. Гүн батды ‘Солнце зашло (село, исчезло)’. Ай батды ‘Луна зашла (села, исчезла)’. Ср.: туркм. гүнбатар ‘запад’. Таким образом, скифское (древнетюркские) название амазонок “эорпата” первоначально выглядело как “эр [ээр] батды”.

Легенды рассказывают, что эпический Иран – это страна мировых царств, первое из которых было основано Каюмарсом, соответствием первочеловека Гаюмарта, персонажа зороастрийской мифологии. По «Огузнаме», современником Каюмарса был Огуз-хан – легендарный прародитель современных туркмен. Неслучайно, древняя история Ирана практически представляет собой противопоставление его Турану – стране туров (тюрков). В последующем туранцы со стороны соседей назывались не только как массагеты, но и как саки, скифы, аланы, кушаны, эфталиты (абдалы, т.е. ак-хунны) и другие тюркоязычные народы, проживавшие в странах на севере-востоке современного Ирана. Для сравнения: современные этнонимы с идентичным содержанием Deutsch / Germany / Almanlar / немцы. Что касается этнонима “фарс” (ср.: фарси / персидский), исторически (этимологически) в древних европейских языках он был связан с такими значениями, какими являются: ‘циничное’, ‘лживое’ или ‘обман’. Не трудно догадываться, что при описании сражений, проходивших в эллинистических полисах против персов (фарсов), Геродот и другие европейские авторы придавали этому этнониму наряду с этнической семантикой также указанные выше значения. Неслучайно, по требованию Реза-шаха Пехлеви от всех европейских государств, тогдашнюю Персию с 1935 года все стали официально называть его древним именем Ираном («Страной ариев»).

Первичной родиной всех народов, входящих в “алтайскую” (“туранскую”) языковую семью (по Геродоту – массагеты), была современная Туранская низменность и сопредельные территории [Об этом еще см.: 5. С. 22–24. 10. С. 175–199]. Ниже хотим проводить краткие этимологические этюды по топониму “Туран” в сравнении с этнонимом “туркмен”, которые наряду с освященными уже вопросами характеризуют по существу суть рассматриваемой проблемы.

Если говорить более конкретно, общим корнем топонима “Тур(ан)” и этнонима “тур(к+мен)” является выделяемая нами лексема (тур-/тур) с первоначальным глагольно-именным значением ‘твориться / твар (т.е. человек)’, ‘создаваться / созданный (т.е. человек)’. Именное составляющее лексем тур-/тур сохранилось до наших дней почти в неизменяемом виде, но уже в составе производного от него глагола, и при этом, не утратив свою первичную семантику: *tür-e-mek* (турец.), *dör-e-mek* (туркм.) и т.д. (Ср. туркм.: *ýaş* ‘молодой’, ‘возраст’ – *ýaş-a-mak* ‘жить, проживать’; *güýç* ‘сила’ – *güýj-e-mek* ‘усиливаться’ и др.)

Во времена флективного состояния внутривидового развития тюркских (туранских) языков, которое непосредственно предшествовало их современному агглютинативному строю, глагол *tür-e-(mek)* послужил основой для появления *ýar-a-(t-mak)* почти с идентичным значением: *ýazuýjuny döredijiligi* (турм.) // *ýazuýjyn ýaradyjylygy* (азерб.) ‘творчество писателя’. В туркменском языке в значении ‘Бог’ имеет широкое употребление слово *Ýaradan* (*ýar-a-t/d+an*), т.е. ‘Творец’, ‘Создатель’. Таким образом, первоначальное значение этнонима *tür(k-men)* является ‘созданные (Богом люди)’, а *Ýar(a-dan)* – ‘их создатель’. Типологическую аналогию не трудно находить в других языках. Например, в арабском языке: Халык ‘Создатель’, ‘Бог’, а халк ‘созданный’, ‘народ’ – лексем, восходящее из единого гнезда. Следовательно, Туран / Туркестан – эта ‘страна народов, созданных Богом’.

В XI веке тюркские (туранские) авторы Юсуф Баласагунский и Махмуд Кашгарский вслед за персом (иранцем) Фирдоуси одновременно писали, что древний тюркских герой Алп-Эр-Тонга (Alp Er Toŋa ‘Герой-мужчина подобно льву’) в легендах иранских народов называется Афрасиабом из Турана. Как свидетельствует М. Кашгарский, Алп-Эр-Тонга обосновал несколько городов, в том числе город Мерв (современный Мары), а город Казвин (в современном Иране) назван в честь его дочери по имени Каз (совр. газ ‘гусь’) [13. С. 149]. Правители Караханидского государства, являясь представителями туркмен-карлуков

(термин Махмуда Кашгарского), возвели свой род к Афрасиабу (жил примерно в VII веке до н.э.), легендарному шаху Турана, и стали называться “домом Афрасиаба”. В более позднее время старый Туран справедливо стали называть официально Туркестаном, ибо древние туранцы (туры) действительно были прямыми предками современных тюркских народов. Умышленное противопоставление друг к другу Турана и Туркестана, присущее работам отдельных современных авторов, не назовешь иначе как кощунство в отношении исторической памяти и достоинства современных тюркских народов.

Вот еще несколько эпизодов из древней истории туранцев (массагетов) и иранцев (персов). О массагетской царице Томарис, начиная с Геродота, писали и пишут античные, средневековые и современные авторы Европы, как она, Томарис, во главе войск массагетов в начале декабря 530 г. до н. э. разгромила персидские войска под командованием царя Кира II Великого, который, перейдя реку Аракс (т.е. совр. Амударья, другое древнегреческое название Окс или Оксус ‘река огузов – потомков хуннов’, а до этого Джейхун ‘река хуннов – предков огузов’), углубился на территорию массагетов. Следует отметить, что Оксус (Огуз сув ‘Река огузов’) – один из древних названий Амударьи сохранился в виде Унгуз (Заунгузские Каракумы) и Узбой (т.е. Огуз бойы), обозначая старые русла ее ответвлений, проходивших через Каракумы и выпадавших в Каспийское море. Древнее название другой, некогда полноводной реки Турана – Сырдарьи (Сейхун), как и название Амударьи (Джейхун), восходит к словам сей / джей (т.е. чай ‘река’) и хун (‘хунны гунны’).

Этимологию имени массагетской царицы Томарис также связываем с тюркским лексиконом, а именно со словом темир (/демир, тамир / дамир, тимур...) ‘железо’. Эта этимология бесспорно относится и к именам последующих грозных правителей – Тему(р)чина (Чингисхан, 1155–1227 гг.) и Тамерлана (1336–1405 гг.). Более того, личное имя великой грузинской царицы Тамар (1184–1209 или 1213 гг.), – родилась во времена Тему(р)чина-Чингисхана, – по нашему мнению, также можно связать с тем же тюркским словом темир, ибо она была дочерью Георгия III и царицы Бурдухан, дочери Худана, – царя аланов, о тюркоязычности которых (хотя бы части их) не сомневаются многие современные ученые. Вполне логично, что царица Тамар, как и ее мать, красавица-аланка Бурдухан, сравниваемая с Пенелопой (персонаж «Одиссеи»), могла иметь личное имя тюркского происхождения. Следует также отметить, что в грузинской царской истории была еще и другая Тамар, дочь царя Давида III Строителя (жена Ширванского шаха), которая после смерти мужа вернулась в Грузию и воспитала своего племянника Георгия.

Библейское женское имя Тамара (предположительно от ивр. תָּמָר ‘финиковая пальма’), сохранившее память об общей праматери Иисуса и израильских царей Давида и Соломона, может быть заново этимологизировано в будущем в свете новых достижений науки о первичной религии Евразии – тенгрианстве, на основе которого возник в последующем и древний зороастризм [См.: 11. С. 127–132. 8. С. 197–198]. Этому в значительной степени способствуют также монографии и статьи патриарха тюркологии наших дней, академика Академии наук Республики Татарстан (РФ), профессора М.З. Закиева, посвященные обоснованию адекватной тюркологии в XXI веке [См.: 4. С. 21–25].

Если заглянуть в географическую карту, то отчетливо видно, что Туранская низменность с длиной около двух тыс. км. с юга на север начинается там, где заканчивается Копетдагский хребет Туркмено-Хорасанских гор, а своей конечной частью на севере она соединяется с Западно-Сибирской низменностью. На Туранской низменности расположена основная часть территорий трех современных тюркоязычных государств – Туркменистана, Узбекистана (с Республикой Каракалпакстан) и Казахстана. Низменность занята величественными пустынями Каракумы, Кызылкум и Муюнкум, по ней текут некогда полноводные реки Амударья и Сырдарья, а также многочисленные более мелкие реки – речки.

Имеет богатую флору и фауну. В этих краях когда-то водился исчезнувший подвид тигра – туранский тигр (garpāñ ‘felis tigris’). На западе низменность омывается водами седого Каспия, вблизи Каспийского моря находится подвергнутое к засыханию Аральское море. Туранская низменность богата углеводородными ресурсами (газ, нефть) и другими многими полезными ископаемыми. Государства Туранской низменности имеют высокоразвитое сельское хозяйство. В них сохранились многочисленные остатки древних цивилизаций.

В отличие от Алтая, региона с небогатыми остатками древних культур, что очевидно связано его климатическими и другими природными условиями, Туран, в частности, территория современного Туркменистана, просто изобилует древнейшими очагами человеческой цивилизации: Анау (Pumpelly), Джейтун (Марущенко), Маргуш / Маргиана (Сарианиди), Алтындепе (Массон) и т.д. Возникновение в глубокой древности единого общетуранского (“общеалтайского”) праязыка, обусловившего появление в последующем туранской (“алтайской”) языковой семьи, дальнейшее внутривидовое развитие языков данной семьи, а именно переход их структуры от одного состояния в принципиально другое, дальнейшее группировка на близкородственные языки – все это мы связываем с последовательным чередованием появлений, рассветов и угасаний упомянутых цивилизаций. По существу древний Туран (современная Туранская низменность) был первичной Месопотамией, и он фактически является родиной предков шумеров [См.: 15. С. 56–58].

Разработки историков-археологов (В.И. Сарианиди и др.) убедительно доказывают, что именно на территории современного Туркменистана (древний Туран) возникла и развивалась (на основе тенгрианства – солнцепоклонничества), другая общечеловеческая религия зороастризм (огнепоклонничество) многие представители которой со временем в поиске места нахождения Солнца (“богоискатели”) двинулись на Восток, на “край света”, туда, где “живет” по их представлению (восходит) Бог-Солнце, и дошли до Корейского п-ва, а оттуда – в Японские острова. Поэтому неслучайно, что в основе мифологической базы древней корейской культуры лежит миф о Женщине-Солнце и ее родителей.

Небольшая часть бывших туранцев через Сибирь и п-в Дежнева, преодолев современный Берингово пролив, проникла в Америку и составила предков некоторых племен американских индейцев [См.: 14. С. 43–46]. В последующем, уже в начале нашей эры, объединившие вокруг общих и благородных (в их понимании) идей, аланы (усуни), хунны-бывшие туранцы (гунны Аттилы) и огуры (огузы) всем миром двинулись в обратном направлении – на Запад, которое (в отличие от предшествовавшего движения на Восток) в той или иной степени полноты описано в научной литературе.

Здесь же отметим, что наряду с традиционно существующим лингвистическим методом установления родственности языков мира нами было предложено использовать новый, дополнительный метод, условно называемый “сказочным”, при помощи которого выявляются общие сюжетные линии сказок народов-носителей предположительно родственных языков с похожими сказочными героями и персонажами, восходящими к единому источнику. Использование этого метода может стать результативным только при сравнении сказок народов, представители которых не контактировались в обозреваемом прошлом, например, не менее, чем трех тысячи и более лет. Такими народами, были и являются туркмены и корейцы или туркмены и американские индейцы, на примере сказок которых нами проведены соответствующие исследования, и их результатами еще раз подтверждено дальнейшее языковое родство этих народов [См.: 6, с. 108-123; 9].

Если археолог из Петербурга В.М. Массон в своей статье “Культурное наследие Туркменистана в истории мировой цивилизации” пишет, что “Материальная преемственность через устойчивый набор артефактов, привязанных к степному образу жизни и номадизму, проявляется в зоне евразийских степей в течении всех лингвистических перемен, из ко-

торых наиболее значительным было распространение языков тюркской лингвистической группы” [5. С. 9], то ученый из Узбекистана Т. Широно начинает свою статью “Туранская цивилизация Бактрии и Маргианы во II тыс. до н.э.” [12. С. 27], включенную в тот же сборник, с утверждения, что туранская цивилизация стояла в одном ряду с такими знаменитыми центрами древневосточных цивилизаций как Шумер, Вавилон, Египет, Хараппа и другие, однако информация о ней весьма ограничена. Эти слова ученых-археологов мы принимаем в качестве своеобразного обобщения применительно для заключительной, конечной части проведенного нами исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геворкян А. Иран против Турана // Византийское наследие. Информационно-аналитический журнал [Электронный ресурс] URL: <http://www.vizantarm.am/page.php?5> (Дата обращения: 10.09.2016).
2. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л.: Ленинградское отделение Изд-ва “Наука”, 1972. 561 с.
3. Гумилёв Л. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению: Иран и Туран // [Электронный ресурс] URL: http://oldeurasia.ru/library/Lev--Gumilyev_Konets-i-vnov-nachalo--Populyarnye-lektsii-po-narodovedeniyu-/43 (Дата обращения: 11.09.2016).
4. Закиев М.З. Тюркология без постулатов евроцентризма // Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтническом пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (27 ноября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 21–25.
5. Массон М.В. Культурное наследие Туркменистана в истории мировой цивилизации // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы. Материалы к международной конференции. СПб-Ашхабад, 2000. С. 9–12.
6. Соегов М. Взгляд на предполагаемое родство корейского и туркменского языков через призму сравнительного сказковедения (в связи с вопросом о трансформации мифов в сказки) // Вестник Центра корейского языка и культуры, № 15. СПб, 2013. С. 108-123.
7. Соегов М. Диалектами и говорами какого единого языка пользовались при общении между собой древние туранцы // Хакасский этнос на рубеже XX–XXI веков. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27–28 сентября 2013 г.). Абакан, 2013. С. 22–24.
8. Соегов М. Задолго до ‘железных’ Тамерлана и Темучина были еще Томарис и другие ‘железные леди’ // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы V-й Международной научно-практической конференции (20–24 сентября 2015 г., Камчия, Болгарии). София, 2015. С. 197–198.
9. Соегов М. Многообещающий подход к сказочному эпосу в его сравнительном изучении (на примере народных сказок туркмен и индейцев Америки) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия “Эпосоведение”, № 2. Якутск, 2016. // [Электронный ресурс] URL: <http://epossvfu.ru/wp-content/uploads/2016/06/Соегов.pdf> (дата обращения: 03.07.2016).
10. Соегов М. Об обнадёживающих направлениях исследования предполагаемого древнего генетического родства туркменского, калмыцкого и корейского языков // Актуальные проблемы востоковедения. Вып. 5. Хабаровск, 2013. С. 175–199.
11. Соегов М. О «народном исламе», сформировавшемся у туркмен в раннем Средневековье под влиянием древнего тенгрианства, и его современное состояние // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Серия “Регионалистика и этнополитика”, № 4 (29). Уфа, 2015. С. 127–132.

12. Ширинов Т. Туранская цивилизация Бактрии и Маргианы во II тыс. до н.э. // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы. Материалы к международной конференции. СПб-Ашхабад, 2000. С. 27–28. 1 3 .
- Divanü Lügat-it-Türk. III cilt. Çeviren Besim Atalay. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1986. 452 s. 14. Söyegov M. Amerikan Kızılderilileri Dil Akrabalarımız mıdır? // Kardeşlik Dergisi. Sayı: 275–276 Eylül–Ekim. Bağdat (Irak), 2012. S. 43–46. 15. Söyegov M. Anau Medeniyeti ve Devamı olarak Sümerler: Tengri / Dingir ‘Sema’ Oğulları // Kardeşlik Dergisi. Sayı: 257–258 Mart–Nisan. Bağdat (Irak), 2011. S. 56–58.

IN ROOTS OF TURKIC WORDS ROOTS OF THE TURKIC PEOPLE AND NOT ONLY THEM ARE COVERED (AS DISCUSSION)

Muradgeldi Soyegov

E-mail: msoyegov@gmail.com

The summary: In article attempt to prove on a linguistic material a sight according to which ancient Turan (modern Turan’s Ansky lowland) is the primary native land of all people entering on key parametres of the languages in so-called “the Altay language family” is undertaken. As religion of Prototurkis (ancient Turans) served Tengrizm (Tengrianstvo ‘Sun worship’) - initial religion of the people of Eurasia on which basis has arisen in the subsequent Zoroastrian ‘fire worship’.

Key words: Herodot, Firdousi, Turan, the language data, the initial native land, relationship of languages.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Муссабекова Урзада Абилкасимовна
кандидат филологических наук, доцент
факультет международных отношений
кафедра тюркологии

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана
E-mail: *mussabekovaua@yandex.kz*

Личные имена как знаки социокультурные, которые раскрывают национально-культурную специфику речевого поведения определенного этноса. Актуальность исследования сопрягается с неугасающим интересом людей к именам. В статье рассматриваются имена собственные (антропонимы) как социокультурные знаки, отражающие изменения, происходящие в экстралингвистическом пространстве в своем морфонологическом составе. Проблема изучения социокультурного аспекта антропонимов предопределяет междисциплинарный характер, в ходе которого используются наработки не только в области лингвострановедения, но также культурологии, философии, социологии, этнографии, истории, мифологии.

Ключевые слова: языковая информация, идентификация, маркеры ареала, закономерности, сакральные элементы, социокультурная.

Одной из важнейших проблем ономастики является изучение механизма номинации и соотношения в именах собственных таких основополагающих для ономазиологии концептов, как «реалия», «понятие», «имя». Характерную особенность этого класса слов они видели в том, что имена собственные могут выражать как общие свойства, присущие индивиду, так и личные. Языковая информация содержится в системных знаниях об именах собственных. При языковом подходе к изучению имен собственных, базирующемся на исследовании двух функций слов – идентифицирующей и классифицирующей. Это подразумевает, что имена собственные лишены какой-либо семантики и в языке функционируют в качестве ярлыков, которые присваиваются объектам именованию. А.В. Суперанская подчеркивает, что «языковая информация имени (кроме первичной и минимальной, что это имя) – наиболее постоянная и неизменяющаяся часть его информации» [Суперанская, 1973, с. 47]. Основа имени отражает его внутреннюю форму, на основании чего можно говорить об аналогичных именах в родственных или контактирующих языках. Форманты имени, как правило, национально ориентированы и служат маркерами ареала распространения имени. Отмечая своеобразное место, которое принадлежит имени человека в культуре, он присваивает именам статус *факта* культуры. Им делается интересный вывод о том, что любое имя человека является определенным архетипом его духовного и личностного строения. Это заключение является следствием того факта, что количество личных имен, обслуживающих человечество на протяжении многих веков, ограничено в сравнении с ростом численности населения. Функционирование личных имен – это факт наличия языковой культуры, который базируется на теоретических знаниях, законах развития общества в синхронии и диахронии, а также на познаниях, заимствованных из социальной психологии. Личные имена как знаки социокультурные, которые раскрывают национально-культурную специфику речевого поведения определенного этноса. Языковая информация содержится в системных знаниях об именах собственных. При языковом подходе к изучению имен собственных, базирующемся на исследовании двух функций слов – идентифицирующей

и классифицирующей. Имена являются «уникальными атрибутами» (термин Синдера и Фромкина), служащими для дифференциации личностей. «Уникальные атрибуты», среди которых находятся личностные и общественные поступки человека, накапливаются в имени на протяжении всей жизни, и имя, таким образом, представляет собой своего рода идентификационную карту каждой личности. Личные имена являются средством идентификации в младенчестве и детском возрасте. Так, например, было выявлено, что для детей у тюркского народа дается по ритуалу и когда достигает определенного возраста по поступкам, дают новое имя. После инициации Кутлук был удостоен титула *Эльтириш Бильге каган*, означающий ‘Мудрый правитель’. Неправильно данное имя может негативно повлиять на дальнейшую судьбу человека: «могут быть неудачники имени, которые получают трудное, невыполнимое для себя имя... и нужно особое озарение благодати. *İlah* (Божей), чтобы правильно наименовать, т.е. осуществить наибольшее соответствие имени и его носителя. Размышления о *социальной природе* имени базируются на анализе имен святых, имен народной словесности, а также выделении некоторых общих закономерностей в функционировании имен. На фоне данных исследований красной нитью проходит мысль о том, что имя не только идентифицирует отдельных людей, но на основе имени формируется и отдельный типический склад личности. В народном сознании имена делятся на группы. И это, в первую очередь, основывается на именах *kutsal* (святых) и *şehit* (великомучеников). *İlahın adı* – это не просто имя, выхваченное из всего многообразия имен, – это определенная духовная задача, которую должен выполнить его носитель. Типизация личности на основании духовной задачи, которую выполняет носитель канонического имени, однако, не объясняет типизацию личности в языческих культурах. Мы считаем, что в языческих культурах, которые в нашем исследовании представлены ранним древнетюркским периодом, происходил обратный процесс: не житие происходило по данному имени, а имя давалось в соответствии с культурными и социальными идеалами. Именно реалии повседневной жизни определяли и номенклатуру используемых имен. Признаки имени, и соответственно, и признаки типа личности, заложенного в имени народным творчеством, находят свое выражение в пословицах и поговорках об именах, дразнилках и частушках, песнях, былинах и сказках, в которых признаки личности, имплицитно выступающие через имена, основаны на рифмовках или созвучии. Небольшая группа антропонимов включает в себя элементы, соотносящиеся с *сакральными понятиями*: имя верховного бога в тюркской мифологии – *Tengri* (ас, божества – *Erklik* имя божества). Сакральные элементы этих антропонимов особенно важны для исследования взаимосвязи традиций имянаречения и общего культурологического фона того периода. На наш взгляд, мифологические понятия, отраженные в этих компонентах, легли в основу и лимитировали дальнейший отбор апеллятивов, используемых в древнетюркских личных именах. Полагается, что *Börü* в первую очередь покровительствовал воинским союзам и олицетворял бога войны и военной дружины. Символом *Börü* являлось ‘копье’, символизирующее военную власть и военную магию. Совпадение атрибутов *Börü* с первыми двумя выделенными семантическими полями в личных именах является не только примером мифологичности сознания, но и во многом объясняет преобладание тем войны и завоеваний в семантике древнетюркской антропонимии. Одной из наиболее частотных апеллятивных основ древнетюркских антропонимов является существительное *Börü*, имеющее прямое значение ‘волк’. Однако под влиянием таких факторов, как общий культурологический фон имянаречения, объект номинации и значение сопровождающих это существительное основ, а также под влиянием мифов и эпических поэм прямое значение в личном имени модифицируется в переносное – ‘воин’. Перенос, как правило, носит метафорический или метонимический характер. Использование *эпитетов* в имятворчестве является одним из наиболее часто применяемых

поэтических средств. Как правило, характеристика второго компонента давалась с помощью эпитета с положительной семантикой. В качестве эпитетов употреблялись такие прилагательные, как *soylu* (благородный), *parlak* (яркий), *mert* (храбрый), *eski* (старый), *uzun* (высокий), *zengin* (дорогой), *sevgili* (возлюбленный), *tanınmış* (известный), *şerefli* (славный), *harika* (великолепный), *güçlü* (могущественный), *şiddetli* (сильный), *katı* (суровый), *parlak* (сверкающий). Данные прилагательные можно разделить на две группы:

а) *антропоморфные прилагательные*. Наличие подобных прилагательных в антропониме значимо в силу того, что они во многом определяют толкование как значения имени в целом, так и переосмысление второго компонента, обозначающего неодушевленный предмет;

б) *не антропоморфные прилагательные*. В комбинации с неодушевленным существительным данный тип прилагательных образует метафорические или метонимические антропонимы.

Так, прилагательное *soylu* (благородный) принадлежит к первой группе прилагательных, используется в комбинации как с одушевленными именами существительными, так и с неодушевленными.

В случае использования этого прилагательного в комбинации с одушевленными существительными мы имеем сложное слово, в котором прилагательное выступает в качестве эпитета к сопровождающему его существительному. В качестве примеров можно привести следующие имена.

Soylu taş буквальное значение ‘благородный камень’; *метафорическое значение* – *savunucu* ‘защитник’, *asker* ‘воин’. В любом случае наличие прилагательного *soylu*, соотносимого и применительного только для характеристики человека и используемого в составе личного имени в комбинации с неодушевленным существительным, ведет к метафоризации композита *kişi*, заставляя переосмысливать его в плане поиска среди компонентов его значения тех, которые также обладали бы семами, соотносимыми с понятием ‘человек’. К таким семам можно отнести вторичное значение существительного *katı* ‘твердый’, *sert* ‘стойкий’.

Soylu mızrak буквальное значение ‘благородное копье’; *метонимическое значение* – ‘asker’. Метонимический перенос основан на пространственно-временном тождестве композитов и в данном случае представлен синекдохическим образованием, при котором часть ‘mızrak’ репрезентирует целое ‘asker’. Прилагательное *soylu*, как и в предыдущем примере, выступает в качестве активизатора «одушевленных» сем существительного ‘mızrak’.

Soylu ordu буквальное значение имени ‘благородное войско’, *метонимическое значение* имени – ‘asker’. Как и в предыдущем примере, метонимия базируется на отношении части к целому. При этом связь элементов по признаку одушевленности более очевидна, так как собирательное существительное «войско» в качестве единиц его собирательности подразумевает отдельных воинов. Имя – *kişi+börü* (человек + волк) может рассматриваться как тавтологическое только в непрямом значении. В этом случае оно читается как ‘asker’ + ‘asker’. Прямое значение имени складывается из первичной семантики элементов и читается как ‘kişi’ + ‘börü’. Однако это имя интересно именно тем, что под влиянием переносного значения каждый из элементов имени приобретает то поэтическое значение, которое закрепилось в именах собственных. Понятие «человек» включает в себя следующие семы: мужчина, защитник, деятель и т.д.; понятие «волк»: животное, хищник, захватчик и защитник, а также – агрессия, сила, ловкость, гибкость. Взаимопересечение и взаимовлияние

сем ведет к формированию поэтического значения обоих композитов имени. Дублирование значения в одном имени, как и в предыдущем случае, является средством усиления выражения основных приоритетов. О формировании метафорического значения личного имени, можно сделать вывод о том, что имя личное в древнетюркской культуре являлось средством поэтизации человека, а через нее – и отгадывания его функции и назначения в обществе. *Морфологический анализ* показал, что в качестве композитов двусложного имени в древнетюркский период в основном выступали существительные и прилагательные. Наиболее частотной моделью образования являлась комбинация двух существительных (СС) или сочетание прилагательного с существительным (ПС). В мужских именах использовались имена нарицательные мужского и иногда среднего рода. В антропонимике древнетюркского периода входили имена, морфологическая целостность компонентов которых нарушалась под воздействием фонетических процессов ассимиляции и диссимиляции звуков. Среди исследуемых нами композитов двусоставных имен в редуцированной или видоизмененной форме наиболее часто выступают такие антропонимические компоненты, как *Aslan*, *Böğü* в которых выпадение маргинальных фонем происходило при наличии трех и более согласных звуков на стыке двух антропонимических композитов. В некоторых композитах в конце древнетюркского периода начался процесс монофтонгизации дифтонгов, зависящий от позиции компонента в имени. В целом изменения в антропонимах не являются типичными для развития языка вообще, но они были существенны для развития сложного антропонима и в целом, происходили из структуры сложного антропонима, наличие двух компонентов в котором и предопределило адаптацию их друг к другу в процессе функционирования имени собственного, как единого слова. *Анализ семантики* двусоставных антропонимов показал, что, во-первых, антропонимикон древнетюркского языка обладал ограниченным количеством нарицательных основ, используемых в процессе создания личных имен. Доминирующие семантические поля, охватывающие большинство мужских личных имен, связаны с темами *cesaret* (мужества) и *kahramanlık* (героизма), *savaş* (войны), *sosyal statü* (социального статуса), сферой сакральных понятий. Данные семантические группы являются своеобразным отражением основных ценностей того времени. Во-вторых, дистрибуция композитов имени в позиции инициалей или финалей была достаточно четко разграничена. Также в ходе проводимого исследования также было выявлено наличие *поэтической окрашенности* древнетюркских антропонимов, базирующейся в большинстве случаев на отношениях метонимии и метафоры между элементами имени. Тесная связь между нормами формирования поэтической и реальной антропонимии предполагает влияние поэтических традиций героической поэзии того периода как наиболее значимых в процессе имятворчества. Древнетюркский антропоним заключал в себе (в двусоставной структуре) значительную *социокультурную информацию*. Основная социальная функция антропонима заключалась, прежде всего, в указании на принадлежность к определенному роду. Анализ основных приемов указания родства и проведение аналогии с их экстралингвистической функцией позволяет сделать вывод о том, что в структуре двусоставного антропонима прослеживается аналогия с такими элементами развитой антропонимической формулы, как *adı* и *soyadı*. Также необходимо подчеркнуть, что все родственные отношения отражались через одно имя, т.е. оно было информативно емким. Сохранению информативности способствовал основной структурный принцип древнетюркской антропонимики – принцип сложения основ, который допускал существование бесконечного количества вариантов сходных имен.

На наш взгляд, объяснение этому лежит в стремлении тюркского народа сохранить свою самобытность в процессе адаптации к новой религии, а более обширно – к новой системе мировоззрений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973, с.260
2. *Щербак А.С.* Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 10 (78).
3. *Щербак А.С.* Когнитивный подход к изучению ономастики // Проблемы науки и образования в условиях мировой глобализации: труды 7 Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Южно-Казахстанского гуманитарного университета им. М. Сапарбаева. Шымкент, 2015. Т. 2.
4. *Никонов В.А.* Имя и общество. М., 1974.
5. *Джанузаков Т.Д.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата, 1982.
6. *Махпиров В.У.* Имена далеких предков (источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики). Алма-Ата, 1997.
7. *Никонов В.А.* Системы личных имен // Системы личных имен у народов мира. М., 1989.
8. *Redmonds G.* Christian Names in Local and Family History. Toronto, 2004.
9. *Penkethman J.* Onomastophylacium: or the Christian Names of Men and Women now used within this Realm of Great Britaine, alphabetically expressed as well in Latine as in English. L., 1626.
10. *Hanks P., Hardcastle K., Hodges F.* A Dictionary of First Names. Oxford, 2006.

SOCIOCULTURAL FEATURES OF THE ANCIENT TURKIC ANTHROPOLOGY

Mussabekova Urzada A.

PhD (Candidate of Philology), Associate Professor

Gumilyov Eurasian National University,

Kazakhstan, Astana

E-mail: mussabekovaua@yandex.kz

Proper names as sociocultural signs, which open national and cultural peculiarities of speech behavior of determined ethnos. Actuality of the research mated with people's interest. This article considers proper names as sociocultural signs, reflecting changes in morphological structure, which appear in extra linguistic space. The problem of research in sociocultural aspect of anthroponomies determines interdisciplinary nature during which we use not only developments in linguistics, but also in cultural studies, philosophy, sociology, ethnography, history and mythology.

Key words: linguistic information, identification, markers of areal, regularities, sacral elements, sociocultural.

О НЕКОТОРОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ И ТЕРМИНОЛОГИИ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Каракаев Юмав Иманьязович,
доцент, Институт филологии,
кафедра карачаевской и ногойской филологии,
Карачаево-Черкесский государственный
университет им. У.Д.Алиева, Карачаевск,
E-mail: Almira50@yandex.ru

Каракаева Эльмира Юмавовна,
аспирант кафедры карачаевской и
ногойской филологии,
Карачаево-Черкесский государственный
университет им. У.Д.Алиева, Карачаевск,
E-mail: Almira50@yandex.ru

В статье рассматривается проблема функционирования общественно-политической лексики и терминологии ногойского языка в историко-графической и лингвистической литературе дореволюционного периода, особенности ногойской титулатуры, их связь с тюркским миром.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, термин, стройная система, титулатура, заимствование.

Исследователи, анализирующие социально-политическую структуру бывшей Ногойской Орды, социально-политическое состояние ногойского общества после принятия российского подданства, административно-территориальное управление царизмом ногойцев приводят и толкуют ряд терминов, отражающие некоторые титулы, звания, должности, сословное состояние [1; 4; 5; 7; 9; 10; 12; 13; 14; 16; 17; 18; 19; 20; 22; 25].

Специальную работу, посвященную титулам и званиям в социальной структуре бывшего Хивинского ханства, посвятил Н.А.Баскаков [2].

Известно, что Ногойская Орда, как государственное объединение со своей верховной и административной властью, воинскими титулами, титулами придворного окружения, возникла после распада Золотой Орды, поэтому она в некоторой степени унаследовала некоторые названия управленческого аппарата из золотоордынского арсенала, выдвинула свои должности, которые были заимствованы другими ханствами после золотоордынского периода. Титулы и названия Ногойской Орды просуществовали с момента зарождения и до его распада (18 век). Кроме того, ногойцы входили в состав Крымского ханства, где была своя система управления ногойцами и соответственно свои звания. Русское самодержавие само вело стройную систему управления над ногойским населением. Мы классифицируем в данной статье ногойские титулы и звания по следующим разрядам:

Титулы и звания в Ногойской Орде;

Классово-сословные звания ногойского общества в XV – нач. XX в.

Следует особо подчеркнуть, что в ногойском обществе были сильны традиции и поэтому после распада Золотой Орды, когда возникла и Ногойская Орда, его главный правитель принял титул бия, а не хана, т.к. термин хан был привилегией представителей рода Чингизидов.

Именно поэтому, известный историк В.Л.Егоров справедливо отметил одну из особенностей ногайской титулатуры – «отсутствие в нём такого известного и высоко чтимого в степи титула, как хан... Для обозначения своего верховного правителя ногайцы (мангыты) возвратили древний степной титул бий. Это подчёркивало династийную новизну и полный разрыв с наследственными традициями Чингизидов.

Новациями в государственной титулатуре ногайцев явилось и появление совершенно новых званий, образованных из имен сына и внука Идиге – Нураддин и Ваккас. Естественно, что при жизни их личные имена не могли рассматриваться в качестве официальных государственных титулов. Превращению их имени в высшие ранги способствовало и то, что оба они имели конкретное и вполне подходящее для государственной титулатуры значение. В переводе с арабского Нурад-Дин означает «светоч веры», а Ваккас – «подчиняющийся» [8, с.34].

Глава Ногайской Орды **бий** «князь» имел неограниченную власть, мог самостоятельно объявить войну, вести мирные переговоры с соседними государствами, смещать неудобных ему должностных лиц и т.п. Постоянной резиденцией ногайского князя был город Сарайчик [10; с.34; 13, с.40]. Однако, как свидетельствуют исторические документы, власть его была номинальной.

Бия избирали предводители племён и родов [13, с. 39].

«Верховный властитель ногайского народа - назывался бий, каковое титуло переводимо было на российский язык – словом князь. Сие достоинство воспринимали по старшинству Едигеем, Темиром и Нурадином. Между тем брат после брата...» [ЦГВИА, колл. 414, л. 434, лл. 278-279. Цит. по 13, с.39].

В грамотах ногайских князей мы встречаем также термин *бек* «бей, бек (титул)» [15, с.75]. Например: Тевкели бек, Кул чюра бек, Хусейин бек и др. [РГАДА, ф.№ 112, л. 102-102 об.; 19, с. 294].

Как видим, оба термина существовали параллельно, однако существенно различались по своим значениям. Если *бий* означал верховного князя, то *бек*, по-видимому, феодала.

Слова **бий - бек** с фонетическими модификациями являются общетюркскими, различающимися также семантически. Поэтому Э.В.Севортыян справедливо отмечает, что в привлечённых источниках не всегда ясно, с чем мы имеем дело, с социальной категорией (с общественным положением и ролью лица именуемого *бегем-беком-беем – бием*), с наследственным или должностным званием (титулом)... Ещё меньше говорят языковые источники об историческом положении *бег - бек*, его место в системе или (сменяющихся системах титулов, званий, общественных функций у тюрков)» [21; с.99]. Этимология слова *бек – бий* до конца не разрешена. Одни считают их китайским, другие иранским, однако не исключают чисто тюркского происхождения данного слова [21, с.100].

Таким образом, термин *бий* исторически означал в Ногайской Орде титул главного, верховного князя. Видимо, поэтому иногда в исторической литературе встречаем наряду с названием «Ногайская Орда» – «Ногайское княжество». А термин «*бек*» означал «князь» как социально- общественное положение феодала.

Второе лицо в Ногайской Орде носил титул «*нураддин*». Обычно он был одним из сыновей князя, чаще всего старший сын от первого брака. После смерти князя он автоматически становился у руля управления [10, с.34]. Б.Б.Кочекаев пишет: «...Происхождение этой должности, по-видимому, связано с именем младшего сына основателя Ногайской Орды Едигея - Нурадином» [13, с.40].

«Второе после бия достоинство имело титул – Нурадин - мурза. Оже носящий имел две обязанности: оберегать кочевья Ногайской Орды по Волге со стороны Крыма, с владельцами коего они всегда враждовали» [ЦГВИА, колл. 414, л. л. 275-277. Цит. по 13, с.40].

По Н.М.Рогожину в обязанности носящего титула «нурадин» входило оберегать кочевья и право собирать пошлыны [19, с. 5]. Так, в грамоте князя Шиндяка великому князю Ивану IV Грозному говорится: «...и ты бы ему Нурадинову пошлыну таки послал» [19, с.200].

Историк Г.И.Перетяткович отмечал, что после смерти ногайского князя «люди его собрания все переходят ко второму сыну... старший сын его стал князем и унаследовал потомственные услуги отца, второй сын получает звание нурадина и людей, собранных его отцом...» [18, с.140].

Исследователь истории Ногайской Орды В.В.Трепавлов написал обстоятельную статью, посвящённую этому титулу [23].

Термин «*нурадин*» встречается во многих исторических документах не только ногайских, но и крымско-татарских. Данный термин как титул просуществовал в Крымском ханстве до его включения в состав Российской империи.

Кейкуват – термин так же встречаемый в исторической литературе о Ногайской Орде [10; 13 и др.]. Он встречается в различных фонетических модификациях: *кикбат-кекуват-кекват*. *Кейкуват* являлся третьим лицом в Ногайской Орде и был военачальником [10, с.34]. По Н.М.Рогожину, *кековат*, пользовавшийся правами, подобными *тойбуге* [19, с.5]. «Третье после бия достоинство называлось *кейкуватъ* «Должность сего состояло в охране орды по реке Эмбе от киргиз – касакон» [ЦГВИА, колл. 414, л. 434, л. 275. Цит. по 13, с.41]. В одной из ногайских княжеских грамот читаем: «При Юсуфе князе кехуватство мне досталось...» [19, с.311]. Мы полагаем, что данный термин восходит к имени собственному и образован от арабизмов *кей* «крепко, основательно» + *куват* «сила, мощь».

Тойбуга-тайбуга – должность, появившаяся в Ногайской Орде во второй половине XVI века, функции которого подобны функциям *нурадина* и *кейкувата*. Разница между ними, вероятно, состояла в масштабах и сферах влияния. Он так же как нурадин и кейкуват имел в своём распоряжении «братьев, детей, племянников и улусных людей. Происхождение тойбуги и его обязанности не ясны. Ясно лишь одно, что тойбуга состоял на четвёртом месте в орде» [19, с.5; 13, с.41]. Однако, историк Ногайской Орды В.В.Трепавлов считает *тайбугу* «третьим человеком в Ногайской Орде» [24].

Слово *тойбуга* или *тайбуга* также, по-видимому, восходит к имени собственному и образовано от слов *тай* «жеребёнок» или «равный, ровня» + *буга* «бык». Как свидетельствует древнетюркский именник, эти оба слова являются составными частями сложных древнетюркских имён. Ср. Ара-Буга, Сарай буга [6, с.50; С.60] или Тай-бег, Тай билге тутун [6, с. 527].

Однако, как видно, историки не пишут до какого времени просуществовали данные должности, видимо, до распада Ногайской Орды.

Термин *мырза* обозначает «князь» [15, с.231]. Видимо, здесь следует уточнить его значение. Как свидетельствуют исторические документы, мурзы являлись членами княжеской семьи. Они играли в Ногайской Орде значительную роль. Они владели обширными и богатыми улусами, являлись неограниченными властелинами в своих землях, независимыми от главы всей орды [13, с.54]. Считается, что слово *мырза* образовано от фарсизмов *эмир* «правитель» + *заде* «сын», т.е. сын эмира, правителя.

Мы полагаем, что мурзы и в истории ногайского народа входили в состав правящей верхушки. Слово *мырза* означает не «князь», а «дворянин, феодал вообще». В ногайской историографии термины *бий*, *мырза* смешиваются. Так дошедшей до нас фотографии ногайского бия Юсуфа читаем «Ногайский хан Юсуф мырза». Поэтому, как нам кажется, нужно уточнить значение слова «мырза». Мы полагаем, что термин *мырза* это титул феодальной знати в татарских государствах Золотой Орды и послеордынского времени, дошедшего

до нас. Сословие мырза было сметено Октябрьской революцией. Однако в ногайской этнонимике сохраняется название рода Мырза, потомки которых проживают в Нефтекумском районе, по нашим полевым записям.

Все перечисленные выше четыре титула в военное время командовали войсками.

Классово-сословные звания ногайского общества в XV- начале XX века

Кроме выше названных титулов в Ногайской Орде, здесь мы приведем ряд слов, характеризующих классово-сословную структуру ногайского общества в XV – начале XX века. Историки, путешественники обратили внимание на классовый состав ногайского феодального общества. К эксплуататорскому классу кроме биев и мурз относились султаны, уздени, койбаши и асламбеки.

Султаны или царевичи, потомки крымских Гиреев в ногайском обществе, особенно у кубанских ногайцев, относились к высшему дворянскому сословию. Они занимали привилегированное положение: у них были большие земельные угодия, огромное количество скота, служилых людей. Термин султан восходит к арабскому слову «*султан*» «царь, государь, правитель».

Дворянское сословие *койбаши*, как и нукеры, несло функцию дружинников мурзы. Термин встречается в ногайских княжеских грамотах. По-видимому, лексема состоит из слов *кой* «овца» или *кой* «деревня» + *баши* «голова», буквально означает «голова аула или смотритель за овцами». Возможно, что аппелятив восходит к имени собственному.

В исторической литературе встречается также ногайское дворянское сословие «*асламбеки*». Авторы «Очерков истории Карачаево-Черкесии» оба последних термина объединяют. Они пишут: «Основную массу среднего и мелкого дворянства составляли у ногайцев койбаши и асламбеки. В отличие от крупных феодалов эти категории не обладали земельной собственностью, а имели только владения на участки. Они несли функции дружинников мурз. Они охраняли их, заседали вместе с ними в суде (мехкеме), по требованию мурз выставляли лошадей и конвойных» [17, с. 344].

Видимо, термин *асламбек* восходит к имени собственному и состоит из *аслам* «большой, великий» + *бек* «князь, бек», т.е. феодал.

Оьзден «уздень (сословие свободных крестьян)» [15, с.255].

По поводу сословия *узденей* историк Б.Б.Кочекаев замечает: «Отдельную группу сословия патриархальных феодалов, среднюю прослойку его, составляли так называемые уздени... Будучи служилым сословием уздени жили в аулах мурз и несли в основном военную службу. Уздени составляли конвой владельца» [13, с.143].

Слово *оьзден*, по-видимому, состоит из *оьз* + *ден*, где *оьз*, судя по древнетюркскому словарю, является составной частью некоторых сложных слов как, *Оьз ана тутук* имя собственное и титул; *Оьз билге* – имя собственное + *ден* - имяобразующий аффикс.

К свободным прослойкам ногайского общества ордынского времени относились также *имилдеши*, *аргиши*, *чапкыны*, *азаты* и *тарханы*.

Термин *имилдеш-эмилдеш* широко представлен в тюркских языках, обозначает «молочный брат». В ногайских же княжеских грамотах XVI века неоднократно встречаемое слово *имелдеш* означает служилых людей, находившихся в подчинении бия и мурз. Приведём пример: «А зовут того моего имилдеша Идилбаем» [19, с.309].

Этимология слова *имилдеш* достаточно ясна и прозрачна: состоит из гл. *им* - *эм* «сосать, кормиться грудью» + *ил* - залогообразующий аффикс + *деш* – имяобразующий аффикс.

Также к служилым людям относились *аргиши*, означающие «гонцов». В одном из ногайских грамот XVI века читаем: «И ныне всё лихо покинув, межи бы нас послы и гостины-аргиши ходили» [19, с.166]. Слово *аргыши* зафиксировано в Древнетюркском словаре в форме *аркыш* «1. караван; 2. вестник, гонец; 3. послание, весть» [6, с.54].

Чапкыны «гонцы» также являлись служилыми людьми. Термин неоднократно встречается в ногайских княжеских грамотах. «Чапкынымыз Байсунгар иле оззинъизнинъ яхшы кишинъизни, Шайхалининъ де яхшы кишисин бизге элчи этип йиберсенъиз» [РГАДА, ф. 127, лл 100-103]. «А с нашим бы еси гонцом, з Байсунгуром, прислал к нам доброго человека и царева Шагалеева доброво человека» [19, с. 294].

Этимология данного термина достаточно прозрачна. Слово образовано от глагола *чап-шап* «скакать (на лошади), ехать вскачь; бежать» + *кын* – имяобразующий аффикс.

Среди свободного от податей сословия встречаются **тарханы**. Они по определению Н.Ф.Дубровина, лица, избавленные от повинностей за различного рода заслуги [7, с.264].

Данный термин ещё ведёт начало со времён Золотой Орды. Он встречается в ярлыках золотоордынских ханов, которые специально выдавали определенно заслуженным лицам так называемые тарханные ярлыки [5, с.112-113].

Историк Б.Б.Кочеев сообщает, что одним из источников образования тарханов среди ногайцев были рабы. «Ногайские тарханы освобождались от податей и несения службы. Звание тархана было почётным и считалось личным, а не наследственным... Царское правительство, закрепив свои позиции в Ногайской степи, не нуждалось более в тарханах и в 1828 г. уничтожило сословие тарханов» [13, с.156-157]. Ср. *таркан- тархан* «титул, титул правителя» [6, с.538; 539]. Считается китайским заимствованием [3, с.73].

Все перечисленные нами выше феодальные сословия объединялись одним собирательным словосочетанием - *ак суюек* «белая кость», т.е. аристократия.

Им противопоставляется эксплуатируемая масса, которая также различается разнообразием своей иерархии. Речь пойдёт о так называемом «*кара халке*», т.е. «простолюдинах». К ним в ногайском обществе относились *кедеи* и *байгуши* «бедняки», *кулы* «рабы» и *чагары*.

Кедей-гедей «бедняк». *Кедеи* являлись менее обездоленными крестьянами, скотниками. По данным историков *кедей* или *кедей-малишылар*, т.е. *кедеи-скотники* имели в своём личном хозяйстве несколько голов скота, служивших им основным источником средств существования [13, с.153]. Термин восходит к арабизму *гедай* «бедняк». Любопытно, что в ногайском языке параллельно с этим словом наличествует слово *кидий*, означающее «оставшийся без матери ягнёнок».

Термин *байгус-байгуш* «наибеднейший крестьянин, который был лишён всяких средств производства и в силу этого являлся экономически и политически бесправным» [13, с.154]. Данное слово широко представлено в тюркских языках. Поэтому, касаясь его этимологии, Э.В.Севортян отмечает, что *байкуш* означает «бедняк» или «глупец», т.е. в абсолютном большинстве тюркских языков элемент «бай» более правомерно связать с другим лексическим источником. Одним из них может быть, например, «бай» обманывать, убеждать, «втереть очки», оставлять под впечатлением, *тур. диал.* Отсюда производное «*баймак*» «глупый, дурень» [Там же. С.154]. Таким образом, этимология слова *байгуш* остаётся спорной и неразрешенной.

Термин **чагар** означает «зависимый крестьянин». По поводу данного слова историк Б.Б.Кочеев, ссылаясь на М.Б.Лобанова-Ростовского, пишет: «Чагары, те же холопы, избавленные от домашней службы». Он же продолжает, что этимология слова не совсем ясна. Чагары принадлежали султанам, князьям и узденям. Одним из источников пополнения категории чагаров были холопы, т.е. рабы. Вторым немаловажным источником пополнения категории чагаров была бесскотная бедность [13, с.157-158].

Может быть этимология слова *чагар* связана со сложным древнетюркским словом *чагры бег* «придворный чин и титул» [6, с.136], возможно следует связать с глаголом *чак* «перен. доносить, делать донос; наговаривать, подстрекать, сеять вражду» [6, с.140].

Термин *кул* во всех тюркских языках означает «раб». Ср. *кул* «раб, невольник» [6, с. 464].

До XIX века в ногайском обществе было также сословие рабов. Как свидетельствуют исторические источники, они в основном появились путём войн, пленения противников. Положение рабов, естественно, было тяжёлым. Бесправные, они выполняли самую чёрную, тяжёлую работу.

Таким образом, как показывает анализируемый материал, ногайский народ в недалёком прошлом имел достаточно устойчивую социально-политическую и административную систему, возглавляемую бием из рода мангыта Едигея, и тесно связанную с тюркским миром. Общественно-политическая лексика и терминология, отражающая эту систему, относятся к разряду историзмов словарного состава современного ногайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI-XVII веках. Черкесск, 1957. 148 с.
2. Баскаков Н.А. Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства // Советская тюркология. Баку, 1980. - №1. С.63-70.
3. Баскаков Н.А. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // Советская тюркология. – Баку, 1987. - №5. С.69-75.
4. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. – 240 с.
5. Греков В.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и его падение. – 3-е изд. М-Л., 1950. 236 с.
6. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
7. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе // Очерк Кавказа и народов, его населяющих. СПб., 1871. – ч.1-2. 451 с.
8. Егоров В.Л. Начальный период истории Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды: Сб.статей / Сост. Д.С.Кидирниязов. – Махачкала, 1993. С.29-35.
9. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
10. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А-И-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. 232 с.
11. Каракаев Ю.И. Лексика пассивного употребления в ногайском языке. Карачаевск, КЧГУ, 2006. 156 с.
12. Кидирниязов Д.Р. Ногайцы в XV-XVIII в (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала: изд-во ДНЦ РАН, 2000. 532 с.
13. Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. Алма-Ата: Карач.-Черкес. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1973. 185 с.
14. Кочекаев, Б.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII веках. Алма-Ата, 1988. 272 с.
15. Ногайско-русский словарь: около 15000 слов / Под ред. проф. Н.А.Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. – 1963. 562 с.
16. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV – XVIII вв. (Составитель Д.С.Кидирниязов). Махачкала, 1999. 416 с.

17. Очерки истории Карачаево-Черкесии – С Древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Ставрополь, 1967. – т.1. – 600 с.

18. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. – М., 1877. – 331 с.

19. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. - Махачкала, 1995.- 360 с.

20. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1551-1561 гг.- Казань. - Тат. кн. изд-во., 2006. – 396 с.

21. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков – М.: Наука, 1978. – 349 с.

22. Сикалиев (Шейхалиев), А.И.-М. Ногайский героический эпос. - Черкесск, 1994.- 328 с.

23. Трепавлов, В.В. Нурадины Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды: сб. статей / Сост. Д.С. Кидирниязов – Махачкала, 1993. – С.43-61.

24. Трепавлов, В.В. Тайбуга. «На Мангытском Юрте третий государь» // Татагиса. Звездный час татарской истории. – Казань: Ин-т истории АНТ, 1997. - №1. – С.96-107.

25. Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды. - М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002.- 752 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ В КАЗАХСТАНЕ

Сатенова Сериккуль Купешбаевна

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой общего языкознания и теории перевода
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(г. Астана, Казахстан)
E-mail: satenova_sk@enu.kz

Журавлева Евгения Александровна

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(г. Астана, Казахстан)
E-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

В статье рассматриваются вопросы развития тюркологии и тюркской лингвистической традиции. В процессе анализа проводимых исследований определены тенденции развития современной тюркологии в Казахстане, показана роль сравнительных, сравнительно-исторических и сопоставительных исследований в области тюркологии, представлены научные труды известных казахстанских исследователей. Происходящие процессы в тюркологической науке интерпретированы не только с учетом их теоретического осмысления, но и новых подходов и направлений, актуализировавшихся в начале XXI века.

Ключевые слова: тюркология, тюркский мир, классификация, языковые данные, заимствования, казахский язык.

Тюркология – одна из научных областей, имеющая свою историю формирования, пути развития, цели, задачи и направления. Сфера исследований тюркологии охватывает историю, материальную и духовную культуру тюркских народов. В настоящее время накоплен богатейший фактический и теоретический материал, который вскрывает многие проблемные вопросы тюркологической науки и основывается на скрупулезных исследованиях древнейших памятников письменности, археологических данных и др. источников, представляет различные концепции ученых, в том числе и весьма спорные. Однако широта объекта исследования тюркологии и современные тенденции развития общества ставят перед учеными все новые и новые вопросы, которые требуют своего исследования, в особом ракурсе преломляются они в работах казахстанских ученых.

Проведем краткий экскурс в историю формирования тюркологии как науки: так, наблюдаются и периоды расцвета в ее развитии, и периоды относительного научного спокойствия. Тюркологические научные разыскания берут начало с памятников тюркской письменности – Жусипа Хас Хажиба «Кутадгу билик» («Благодатное знание») и Махмуда Кашгари «Диуани лугат ит тюрк» («Словарь тюркских наречий») и продолжаются до настоящего времени. Многие задачи были решены в результате плановых фундаментальных исследований в различных направлениях. Зачастую бурное развитие тюркологии связывают с советской эпохой. В этот период были проведены значимые мероприятия. В частности, созданы научные институты, исследовательские центры тюркологии, началось специальное изучение исторического, культурного, языкового и литературного наследия тюркских народов.

Огромный вклад в развитие тюркологии Казахстана внесли монографические труды и исследования, связанные с изучением отдельных тюркских языков, изданием различных словарей (исторические, диалектологические, сравнительные, частотные словари и т.д.); тюркология начала изучаться как отдельная дисциплина. Данный период характеризуется и регулярными встречами всемирно известных тюркологов, проведением научных форумов и конференций с их участием. Например, большой вклад в мероприятия, связанные с тюркологией, внес Институт языкознания им. А. Байтурсынова, способствующий взаимному обмену мнениями ученых, приобретению опыта молодыми соискателями и укреплению международных связей. Однако поразным причинам количество широко масштабных научных конференций по проблемам тюркологии с привлечением известных ученых уменьшается. В последнее время данный вопрос снова поставлен во главу угла, это верное направление, поскольку, там, где нет научного сотрудничества, нет и значимых результатов. Большой вклад в развитие тюркологии Казахстана вносят созданная по инициативе Президента страны Тюркская академия, выполняющая много фундаментальных и прикладных исследований, финансируемых в том числе и по линии МОН РК, и открытая в 2011 году в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева кафедра тюркологии, специализирующаяся как на подготовке специалистов-тюркологов на уровне бакалавриата, магистратуры и докторантуры PhD, так и на исследованиях научного характера, реализующая на своей базе проекты совместно с зарубежными тюркологическими центрами.

Наряду с вопросами, нашедшими конкретное решение на основе научных исследований, выше были обозначены задачи, существующие и нерешенные до настоящего времени. На основе таких проблем выявляются перспективы будущих исследований, кратко остановимся на некоторых из них.

1. Важно осуществлять непрерывные сравнительные, сравнительно-исторические, сопоставительные исследования в области тюркологии. Очевидно, что важные события в обществе и социальные изменения оставляют заметный след в языке. Со временем забываются те или иные факты их происхождения, наблюдаются и случаи их игнорирования. Развитие международных исторических, этнокультурных связей на различных уровнях оказывает заметное влияние на развитие языковых взаимоотношений, состав языка и языковую систему. Таким образом, там, где существуют международные связи, имеют место и межъязыковые контакты, которые, в свою очередь, способствуют пополнению лексической системы отдельного языка заимствованными элементами. О влиянии на казахский язык других языков Л.З. Рустемов пишет: «... В словарном фонде современного казахского языка немало слов, существующих в родственных (тюркских) языках, слов, заимствованных из арабских, персидских, монгольских языков, русских, греческих, латинских слов, а также достаточно и других иноязычных элементов» [Рустемов, 1982, с. 4]. Известно, что вопросы изучения иноязычного пласта в словарном фонде казахского языка рассматривались в ряде научных работ, однако в последние десятилетия в связи с процессом глобализации в мире эта проблема и для казахского языка начинает приобретать совершенно новые формы.

С другой стороны, учитывая, что языковая картина Казахстана представляет собой уникальное культурно-историческое и лингвистическое пространство, на котором проживает более 130 народностей, говорящих на языках разных генетических групп и структурных типов, весьма остро встает проблема изучения заимствований из казахского языка или посредством казахского языка в другие языки, в частности, русский язык. Влияние казахского языка на русский язык проявляется как в устной, так и в письменной форме, в тексты включаются единицы казахского языка, и явление это достаточно распространенное. Можно наблюдать разнообразные «вставки» в русскую речь (текст) разных языковых элементов контактирующей системы. Это лексика, отражающая политическое устройство

современного Казахстана (*аким, акимат, маслихат, мажлис, курултай, тенге, оралман, баскарма и др.*), национальные праздники, отмечаемые в Казахстане, и связанные с ними предметы и действия (*Наурыз, наурыз-коже и др.*), быт (*пиала, чапан, шанырак, дастархан, корпе, жайляу, кошма и др.*), названия блюд (*баурсак, бешбармак, чак-чак, согым, арак, кумыс, айран, шубат и др.*), религиозные обряды (*айт, курбан, садака, жоктау, рамазан и др.*), народные традиции (*бата, шашу, тусау-кесу, бесикке салу, суйниши и др.*), сферу музыкального искусства (*кюй, акын, айттыс, жыры, домбра и др.*), спорт (*байга, аламан-байга, кызкуу, казакша-курес, аударыспак, кокпар и др.*), собственные названия (города – *Астана, Актау, Атырау, Кокшетау и др.*, реки, озера – *Есиль, Бурабай и др.*, горы – *Жумбактас, Окжетпес и др.*), антропонимы, а также единицы многих других сфер.

Все приведенные лексические единицы другого языка в русском тексте используются как единицы «другого», но одновременно и «своего» (= «не чужого») кода. Тем самым фиксируется функционирование лексических единиц как норма языковой практики.

Именно в связи с устранением «языкового дефицита» носители русского языка используют лексику казахского языка и слова, отражающие современную реальность Казахстана. Благодаря регулярности воспроизведения данные единицы теряют свой «чуждый» характер и воспринимаются как естественные компоненты лексической системы родного языка.

Проблема заимствований относится к числу остро дебатированных вопросов, актуальность которых напрямую связана с возрастанием осознания этноидентифицирующей роли одного языка (по принципу «свой – чужой»). Чаще всего предметом дискуссии являются три вопроса: а) допустимая степень открытости для заимствований внутриэтнического языкового пространства; б) коммуникативная и лингвистическая мотивированность притока заимствований; в) источник пополнения заимствований, то есть конкретный язык-донор. В определенные периоды жизни социума некоторые из этих вопросов могут выходить на первый план, приобретая особую значимость.

Потребность в новых номинациях, достаточно остро проявляющаяся в настоящее время и напрямую зависящая от социально-культурных, экономических и политических условий, удовлетворяется за счет мобилизации как внутриязыковых ресурсов, так и ресурсов экстралингвистических. Это, прежде всего, интенсивный приток заимствований, позволяющих заполнить номинационные лакуны. Важно отметить, что на рубеже веков темп изменения экстралингвистических обстоятельств по своей стремительности превышает темп эволюции языковой системы в целом, ее внутренних закономерностей, хотя не все уровни языковой системы развиваются с одинаковой скоростью. Так, лексический уровень, непосредственно связанный с внеязыковой реальностью, более мобилен, чем уровень словообразовательный, фонетический или графический.

Известный специалист в области теории терминологии и лексического заимствования Д.С. Лотте указывал на важность экстралингвистических причин заимствования: 1) культурное влияние одного народа на другой; 2) наличие устных или письменных контактов; 3) повышение интереса к изучению того или иного языка; 4) авторитетность языка-источника; 5) исторически обусловленное увлечение определенных социальных слоев культурой чужой страны; 6) условия языковой культуры социальных слоев, принимающих новое слово [Лотте, 1982, с. 112]. Как видим, весь комплекс причин можно отнести к взаимосвязям русского и казахского народов и пополнению лексической системы русского языка Казахстана лексикой казахского языка, а также лексической системы казахского языка единицами русского языка или других языков, приобретаемых посредством русского. На функционирование заимствований влияет и характер коммуникативных намерений, которые предполагается реализовать в тексте.

Результаты такого влияния имеют первостепенное значение для дальнейших

путей развития указанных языков, так как слова, принадлежащие иной культуре, иной «языковой стихии», органично входят в язык и отражают особенности восприятия мира и его ценности, зависящие от инонационального окружения, территории и длительности контактов.

Изучение тюркских элементов в других языках следует рассматривать не только статистически, но и с учетом тех изменений, которым они подверглись под влиянием заимствуемого языка. Однако научные исследования в данном направлении необходимо проводить непрерывно. Поскольку вопросы, как, в какой период вошли заимствованные устойчивые единицы, причины заимствования, каковы изменения в их структуре и т.п., не нашедшие конкретных решений, требуют привлечения в исследовании и сопоставлении данных таких научных областей, как языкознание, история, этнография, археология, культурная антропология.

2. Один из вопросов, оказывающихся вне поля зрения ученых в ходе тюркологических исследований – явления адстрата, субстрата, суперстрата, интерстрата, перстрата, имеющие место в истории развития языков. Об этом отмечается в работах Ж.К. Туймебаева [Туймебаев, 2008, с. 27], посвященных исследованию истории тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. Несмотря на то, что эти вопросы рассматриваются в ряде работ, во многих из них представлена лишь констатация фактов, а сведения, касающиеся тюркских языков, весьма незначительны.

3. Исследования в сопоставительном направлении также должны быть основаны на новых и последних достижениях науки. Большой интерес представляют работы известного казахстанского ученого А.К. Ахметова, так, в его монографии «Азия-Берингия-Америка» рассматриваются многочисленные тюркские языковые элементы в языке американских индейцев [Ахметов, 2003, с. 84]. Например, как можно объяснить причины лексических совпадений слов в языке майя и казахском языке: iki-eki, bur-бұр, baldiz- балдыз, tur-тұр, tic- тік, sat- сат, сату, tannim- танымын и др., языке сиу и казахском языке: tan-tang-таң, kan-қан, kokta-көкте, ісу-ішу и др.? Это обычные совпадения или существуют какие-то связи в их корнях? Язык майя и его диалекты, когда-то являвшийся языком великой цивилизации майя, в настоящее время является родным языком индейцев, проживающих в Мексике, Гватемале, Белизе. В исследованиях зарубежных ученых высказываются предположения о происхождении предков американских индейцев из Азии, приводятся исторические и языковые данные. Подобные вопросы требуют всестороннего изучения.

4. Первые тюркологические исследования связаны с рассмотрением истории формирования тюркологии. Например, А.Н. Кононов историю формирования тюркологической науки связывает с XIX веком, а А.Т. Кайдар оценивает труд М. Кашгари как первое тюркологическое исследование и предлагает рассматривать формирование тюркологии в тюркском мире – Средней Азии с XI в.

Думается, что скрупулезное исследование появляющихся в последние годы источников, древних рукописей, закрытых ранее от общего пользования научных трудов позволит либо подтвердить уже имеющиеся концепции, либо прийти к новым интересным выводам.

5. Следующий вопрос, не нашедший точного ответа и основанный на различных мнениях – классификация тюркских языков. На основе исследований в данном направлении сформировалось несколько типов классификации тюркских языков, в частности, классификации В.В.Радлова, Ф.Е.Корша, А.Н.Самойловича, В.А.Богородицкого, С.Е.Малова, И.Бенцинга, К.Г.Менгеса, Н.А.Баскакова, С.Е.Малова и др.

В ходе типологии языков В.В. Радлов, Т. Текин опираются на фонетическую систему тюркских языков, Ф. Корш – на фонетические, морфологические особенности, В.А. Богородицкий основывается на географическом месте распространения этноса, а

С.Е. Малов классифицирует языки с исторической позиции. Опираясь на выводы ученых, специально рассматривавших эти вопросы, можно убедиться в том, что всестороннее изучение тюркских языков, выявление грамматических и фонетических особенностей, а также их полная классификация принадлежит Н.А. Баскакову. Тем не менее, Н.З. Гаджиева не согласна с мнением Н.А. Баскакова и выражает собственное мнение по поводу его классификации, по ее утверждению, история языка и история народа не связана между собой, они не могут развиваться на одном уровне [Теоретические..., 1982, с. 110].

Во всех классификациях существуют определенные достижения и недостатки, вызывающие споры, о них ученые отмечают в своих трудах. В этом отношении следующее мнение академика А. Кайдар наводит исследователей на определенные мысли: «Несмотря на то, что вопросы классификации тюркских языков по родственным, историческим, морфологическим и другим особенностям достигли определенного уровня и решения, существует достаточно неисследованных сторон, требующих дополнения и совершенствования» [Кайдар, 2004, с. 125]. И это еще одна из важнейших тенденций в изучении развития современной тюркологии Казахстана.

6. Неоднократно лингвистами и общественными деятелями Казахстана поднимается вопрос о переводе казахского алфавита на латиницу. В 2006 году, выступая перед участниками XII сессии Ассамблеи народа Казахстана, Н.А. Назарбаев отметил, что настало время подумать о переходе на другой алфавит. «Нужно вернуться к вопросу о переходе на латиницу казахского языка», – сказал он делегатам, представлявшим различные этнические группы Казахстана. После выступления Назарбаева была создана комиссия по переходу на латинский алфавит. В ее задачи входило изучение проблем, с которыми столкнулись при переходе на латиницу Турция, Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан, и выработка предложений по данному вопросу. До настоящего времени продолжается дискуссия, показывающая различные мнения и точки зрения по этой проблеме, вопрос остается открытым. Проблемы перехода на латинскую графику или внесения некоторых изменений в существующий алфавит все еще стоят на повестке дня в казахстанской тюркологии.

7. Важно поддерживать связи между отечественными и зарубежными центрами тюркологии, так как обширные исторические материалы о жизни древних тюрков, их быте, богатой культуре и духовном мире хранятся в зарубежных архивах. В настоящее время центры тюркологии функционируют в России, Америке, Польше и других странах.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева также способствует открытию Центров казахского языка и культуры на базе многих зарубежных вузов. Например, казахское отделение открыто в Институте востоковедения и тюркологии Университета им. Адама Мицкевича (г. Познань), Центр им. Абая открыт в Минске на базе Белорусского технического университета, активно функционирует Центр казахского языка в Казанском (Приволжском) Федеральном университете и др.. Выполнение тюркологических исследований на международном уровне возможно даст ответы на многие неизвестные вопросы.

8. Недостаточно исследований об отечественных и особенно зарубежных исследователях, работающих в данной области, их научных трудах и школах. Считаем, это также один из важных и нерешенных вопросов.

Таким образом, мы представили собственное мнение о тенденциях развития тюркологии вообще, о перспективах ее будущих исследований, в том числе в Казахстане, о нерешенных проблемах, требующих своего разрешения. Безусловно, невозможно осветить все моменты, но, думаем, некоторые перечисленные проблемы станут поводом для дальнейших научных изысканий

ЛИТЕРАТУРА

1. Рүстемов Л.З. Қазіргі қазақ тіліндегі араб-парсы кірме сөздері. – Алматы: Ғылым, 1982.
2. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М., 1982. – 112 с.
3. Тұймабаев Ж.К. История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. – Астана, 2008.
4. Ахметов А. Азия-Берингия-Америка. – Алматы, 2003.
5. Теоретические основы классификации. – Москва, 1982.
6. Қайдар Ә., Оразов М. Түркітануға кіріспе. – Алматы, 2004.

**TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN TURKIC STUDIES IN
KAZAKHSTAN**

Serikkul Satenova

Doctor of philology, Professor

Head of the General Linguistics and Translation Theory Department

L.N.Gumilyov Eurasian National University

(Astana, Kazakhstan)

E-mail: satenova_sk@enu.kz

Yevgeniya Zhuravleva

Doctor of philology, Professor

Head of the Theoretical and Applied Linguistics

L.N.Gumilyov Eurasian National University

(Astana, Kazakhstan)

E-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

The article deals with the issues of development of Turkic languages studies and Turkic linguistic tradition. The analysis held in the research defined the trends in the development of modern Turkic languages studies in Kazakhstan and shows the role of comparative, comparative-historical and contrastive research in the field of Turkic studies as well as there is a review of the treatises of outstanding Kazakhstani scientists. The current processes in the Turkic science are interpreted from the point of view of their theoretical understanding and as well as new approaches and trends which have been relevant in the early XXI century.

Key words: Turkic studies, Turkic world, classification, linguistics data, loan words, Kazakh language.

**ОСНОВНЫЕ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В XX-XXI ВВ.**

Салимова Садагат Рашидовна

старший преподаватель французского языка

факультет филологии и методики преподавания иностранных языков

кафедра романской филологии

Бакинский Славянский Университет, Баку

E-mail: S_Selimova@mail.ru

Статья посвящена основным направлениям развития тюркской мысли во Франции XX-XXI вв. Здесь рассматриваются два направления – создание и восстановление политических отношений, ведение особых научных исследований и религиозно-философское направление. Особо указывается на значимость научного журнала «Азиатик» в развитии тюркологической мысли во Франции. В конечном итоге эти факты оцениваются как база развития тюркологической мысли во Франции.

Ключевые слова: Франция, тюркология, развитие, бектишизм, шиизм, Ж.Дени.

Несмотря на то что, во Франции основные тюркологические исследования в XX-XXI вв. велись на фоне межкультурных отношений, у них были свои цели. Для того чтобы воплотить их в жизнь проводились работы в нескольких направлениях. Рассмотрим существенно значимые из них.

Стремление установления и восстановления политических отношений. После объявления Турцией Республикой её политически-экономические отношения с Францией были очень слабыми. В 1929 году переписка между Министерством иностранных дел Франции и его послом в Турции немного оживили отношения и в результате был создан «Стамбульский Археологический институт». В этом деле у профессора Страсбургского Университета Альберта Габриеля были особые заслуги. 12 февраля 1930 года учредительный состав данного Института из специалистов исламского мира, эпохи Византии и Древнего Рима, посла Франции в Анкаре и других выдающихся личностей собравшись подготовили проект института в Стамбуле, и этот институт называется «Стамбульским археологическом институтом».

Основной целью его учреждения было создание сотрудничества в области науки между Францией и Турцией; французские специалисты должны были провести научные исследования в областях, интересующих Турцию [7].

Это учреждение должно было обеспечить сближение Парижских и Стамбульских университетов и заложить соответствующую основу для развития научных отношений между двумя странами.

В начале 1930-го года А.Габриель встретив в Бейоглы будущего специалиста кавказских и индоевропейских языков Жоржа Дюмузиля, который преподавал в лицее в Стамбуле, предлагает ему миссию в Анатолии. Ж.Дюмузил тотчас же воспользовавшись предложением просит стипендию для того, чтобы собрать угасающие в Кавказе легенды и эпосы у Черкесов, которые живут в районе Сапанджа. Таким образом, первую стипендию Института получает Ж.Дюмузил. Он не смог найти оригинальную версию легенды “Narta”, но зато узнаёт, что здесь еще разговаривают на языке “Ubih” и лучше всех разговаривает Ильяс-бек. Результатом месячной работы с этим человеком является первый убихский словарь. Несмотря на это, до конца своей жизни Дюмузил занимается убихским и другими кавказскими языками, которые находятся под угрозой исчезновения. В начале 30-х гг. такие археологи как Алфред Ломоньер, Луис Роберт и Пиер Давамбез из

Института Афины ведут первые исследования и раскопки и начинают искать материалы о самых древних Анатолийских народах "*Likyahılar, Karyahılar, Frigiyaahılar*". Эти раскопки от первого прикосновения, особенно раскопки *Xanthos u Claros*, проложили путь развития французской археологии в Анатолии. Несмотря на трудности с разрешением в Анкаре в эти годы, такие люди как заведующий Комиссии просвещения Аса-І Атика Амит Зюбейр (Кошай), а также заведующий музеем Измир Асар-І Атика Селахеддин-бек с первых дней помогли французским археологам.

Накануне Второй Мировой войны большая слабость положения археологии в университете во Франции, тюркологии, а также Османской и тюркской истории, естественно, повлияла на институт в Стамбуле. Но заведующим Института являлся историк Тюркской и Османской архитектуры и его руководство открыло широкие возможности для очень важных исследований. И так, *I том произведения Альберта Габриеля «Тюрко-Анатолийские памятники» был напечатан 1931 году, II том 1934-ом, а оба тома «Археологических путешествий Восточной Турции» были напечатаны 1940 году.* Приезд французских преподавателей высокого ранга в Турцию ради специальной миссии являлся иной деятельностью, предусмотренной в проекте. Среди приезжих в довоенные годы мы встречаем имя Морис Альбюагса. Социолог и социальный историк Альбюагс со своей книгой *«Жители Парижа и открытые дороги с давних лет»* считался большим авторитетом. Как и в Берлине и Чикаго, он приехал в Стамбул по приглашению Французского Института, чтобы вести социологические исследования в этом городе.

С октября 1939 года по май 1940 года во Францию из Турции едут студенты для получения образования. Во время Второй Мировой войны в жизни Института не было существенных изменений. После двадцати шести лет управления в 1956 году Альберт Габриэль уходит с должности заведующего, но вместо него приходит Луис Роберт, который работал там со дня открытия института.

Тематические исследования о тюркологии, Османской империи, даже о Турции были более расширены и создали равновесие между научными отраслями, предметами которых являются Анатолийская земля и люди с древних времен до сегодняшних.

Сегодня около двадцать человек связаны и работают в институте.

Более шестьдесят лет почти все исследователи уделяют внимание библиотеке Института. Несмотря на ограниченные материальные возможности они стремились обогатить библиотеку; они превратили её в 16000 томную самую важную иностранную библиотеку в Турции после Немецкого Археологического Института. Большое количество книг на иностранных языках превратил её в необходимый письменный источник для тюркских исследователей. Эта библиотека должна была формировать практическую основу отношений и взаимопомощи между тюркскими и французскими учеными. Но широкий круг интересов Института затрудняли создание удовлетворительной во всех сферах библиотеки, так как с одной стороны должны были сотрудничать в некоторых сферах, особенно в сфере древнего периода с Голландским Институтом, с Немецким Археологическим Институтом, имеющим богатую коллекцию археологических книг, с другой стороны – должны были стремиться набрать опыт по определенным предметам.

Последние годы сотрудники института выдвинули значительные предложения; были построены два центра письменного первоисточника. Первое из них это «Стамбульская городская обсерватория», находящаяся в Стамбуле. Основной целью явилось собрание информации, в основном в виде картографического пособия и оставить их открытым для исследователей.

К функциям этого центра относились сбор полученных планов градостроительства Стамбула, исследований о социологии, демографической информации, а также ознакомиться с исследованиями об определенном градостроительстве, проведенном во Франции и в других странах.

Второй письменный источник был на Кавказе и Средней Азии. К ним относятся Кавказская и Средне-Азиатская обсерватория. Здесь предусматриваемой целью явился поиск на Западе постоянных изданий, дающих информацию об этих местах, сбор самых важных местных журналов и газет, осмотр тюркских изданий и наблюдениями за изданиями, нацеленными на этот регион в Турции. Собрание документов в этих двух центрах дает возможность для открытия еще одного центра для тюркских и иностранных исследователей, работающих в Институте.

Становление библиотек и центров письменного источника, особенно для тюркских докторантов и юных исследователей, единым центром связи, предложение общих идей этого органа с Тюркскими университетами, органами изыскания и исследователями, совместная подготовка проектов, взаимные приглашения, организация симпозиумов и семинаров являются их основными функциями. Основной функцией института являлось организация с немногими специалистами семинара и предложение новых проблем для обсуждения.

Постепенно добавлялись новые идеи к новым идеям, идущим из Турции или со стороны. Создание микрофильмов периодической печати на тюркском языке и их охрана, реставрация здания Топхана университетом Мимара Синана означали написание истории организации Топханы.

В итоге грядет политика издания, то есть объявление результатов исследователей, собраний. Здесь основной целью является ознакомление с журналами Института Античный Анатолий и Современный Анатолий, с коллекциями *Varia Turcica* которые были изданы начиная с 1957 года во Франции и с 1985 года в Турции, с совместными работами издателей в Турции (Тюркское сообщество истории, издательство Исис) и во Франции (de Vossard, L'Harmattan) тюркских, французских и других иностранных исследователей.

В настоящее время в мире существует около 30-ти французских институтов. Они были созданы в разное время, под воздействием различных политических воздействий и на сегодняшний день их важность, распространение, существование воспринимается одинаково французским государством [1].

Тюркологические исследования со специальными научными целями. Развитие тюркологической идеи во Франции опирался на существующую в Европе научно-культурной базу. Если одна их часть несла лингвистический характер, то с другой стороны философский, исторический, социологический и географический. Рассмотрим важные их них. Изданная в 1920-21 гг. книга “*Grammaire de la turque (dialecte osmanli)*” Жана Денина до сегодняшнего дня сохранила свое тюркологическое значение.

Произведение Ж.Денина состоит из шести частей после «Предисловия» и «Вступления»: 1. Письмо и транскрипция; 2. Звуки; 3. Слог; 4. Слово; 5. Части слова; 6. Фразы. В части «Звуки» показано написание гласных и согласных арабскими буквами; потом звуки были сгруппированы аналогично современным классификациям. Самой важной частью этого произведения с точки зрения нашего исследования является информация, данная под главой «фонетика слов с суффиксами» в части «Слово» В этой части расположен “*eklerde vokal deęiş tuşları*”, “*ek vokalları*”, “*ek vokallarında deęişiklik*” [6,с.39]. Это произведение Ж.Денина имело большое значение в создании произведений о тюркском языке не только во Франции, но и в Европе. Выдвинутые идеи, положения не утратили свою научную ценность и по сей день.

Большие заслуги в развитии тюркологической идеи во Франции Ж.П.Рун. Он получил известность в научном мире за произведение “*Geographie,-Economie.- Histoire, -Civilisation et Culture*”, изданное в 1953 году. После этого печатаются ценные книги об истории и культуре Среднеазиатских тюрков. Нижеперечисленные его произведения были переведены на тюркский язык:

Babür-Büyük Moęolların Tarihi.Kabalçı Yayınevi .İstanbul Nissan 2008;
Eski Altay Halklarında Ölüм. Kabalçı Yayınevi. İstanbul Kasım.1999;

Moğol İmparatorluğu Tarihi.. Kabałçı Yayınevi. İstanbul Aralık 2001;
Orta Asiya: Tarih və Uygarlık. Kabałçı Yayınevi. İstanbul 2001;
Türklərin Tarihi. Kabałçı Yayınevi. İstanbul.1998;
Türklərin və Moğolların Eski Dini. Kabałçı Yayınevi. İstanbul. 2002;
Orta Asiyada Kutsal Bitkiler ve hayvanlar. Kabałçı Yayınevi. İstanbul.2000.

Как видно начиная с половины XX века во Франции расширилась география тюркологических знаний и исследований. Надо отметить, что Ж.П.Рун написал 200 статей о тюркологии и 25 книг о тюрках Средней Азии [2].

Отметим исследования в этой области профессора Ираны Меликовой. Исследования Ираной Меликовой в области тюркологии во французских источниках и по вопросам Алеви и Бекташи в Турции прославили её в мире науки.

Её мать была русской, а отец был тюрком. В 1917 году до Русской буржуазной революции семья Меликовой переселившись в Европу стали жить во Франции. Из за того что в семье разговаривали на тюркском и на французском языках, она с детства знала оба языка и во время учебы в школе во Франции она выучила греческий и латинский языки. Во время тюркологического исследования в Университете Сорбонны она была студенткой великого тюрколога Ж.Денина. От того, что большая часть её публикаций были о шиизме и бекташи Меликова привлекла внимание общества Алеви-Бекташи в Турции.

Её исследования в этой области обрели широкую известность после 1970 года. После докторского исследования по теме “*Danışmendname*” руководила Тюркологическим институтом Страсбургского Университета; написала отзывы об исследовательских работах, связанных с тюркским языком, культурой, историей и литературой; давала уроки докторантам и вела семинары, подготовила много студентов. Один из известных имен, которому она дала отзыв, является академик Мишель Баливет, работающий в Университете Аикс-эн-Провенс во Франции. Он ввел исследования о культурных отношениях и торговле между христианами и мусульманами в Турции об их религиозной и культурной жизни.

Докторская работа Ираны Меликовой была издана под названием “*La Geste de Melik Danışmend Etudü Critique du Danışmendnamə*” (Париж 1960). В 1962 году была напечатана книга “*Abu Muslim: Le Port-hache du Khorassan*” (Париж 1962) о Шиизме и Бекташи.

С 1970 года появляются следующие исследования по теме Шиизм-Бекташи: “*De l'Épopée au Mythe: Iteneraire Turcologique (Les Editions Isis, Стамбул 1995)*” (От эпоха к легенде: по пути тюркологии) “*Au Banquet des Quarante: Exploration au Coeur du Bektachisme et Alevisme (Стамбул 2001, Les Editions Isis)*” (В совете сорока: поиск в сердце Бекташи и Шиизма).

В книге “*Hadji Bektach: Genese et Evolution du Sounfisine Populaire en Turquie*” (Brill, Leiden 1998) Меликова попыталась раскрыть корни верований и ритуалов Бекташи и Шиизма и пришла к своеобразным выводам. Благодаря знаниям турецкого языка Ирана Меликова смогла идти до глубин суфизма [3,С.210-212].

Исследования профессора Мишеля Баливета были религиозно-философского характера. Его исследования о бекташи были широко известны в тюркском мире. В этом контексте его духовные отношения с Юнус Имре и Гаджи Вели Бекташи были широко изложены в статье «*Hadji Bektash et Yunus Emre ou l'Universalisme Turc Medieval*» («Гаджи Бекташи и Юнус Имре или Турецкий средневековый универсализм»). Он отмечает, что является представителем мистического течения Гаджи Бекташи Вели, которое соединяет в одном оригинальном синтезе племенные и шаманские обряды Средней Азии с мистическим Исламом и что, универсальный характер мировоззрения успешно распространился в узкую прослойку в течение Османского периода.

М.Баливет пишет: . М.Баливет пишет: «Большая, духовная семья Шиа Бекташи, не имея важных догматических огреничений против других вер, в меру взаимоотношений исторических изменений, подготовила себя для принятия элементов вне Ислама на подобии

сообщества Христиан. Помимо этого, Тюркский прогресс в Анатолии, куда присоединились борющиеся отшельники, показывает, что суфийские общности систематически устроились в трех провинциях на границе с Византией (в маленьких приграничных регионах) и поселились в домиках, распространяя свои учения среди тюркских племен. Рассказанные в Вилаетнаме истории о Гаджи Бекташ и о первых мюридах указывают на плотную миссионерскую деятельность в XIV и XV вв.» [3,С.212].

Экономические отношения, религиозные обряды и Бекташи-Христианские связи были отмечены в другой части Вилаетнаме. Баливет в статье под заголовком «*Permanences Regionales en Heresiologie Anatolienne*», (2001) (*Региональная стабильность в религиозном расхождении в Анатолии*) написал, что надо говорить о треугольнике Анкара, Конья и Гаджи Бекташ, включая три главных тюркских мистических сект в сердце Анатолии – Мевлеви в Конье, Байрамы в Анкаре и Бекташи в Каппадокии - где он родился и вырос. Он вдобавок отмечает, что эти секты привлекают внимание различающимися назначениями, используют музыкальный инструмент «ней».

Другие успешные исследования в религиозном направлении связаны с именем М.Элизе. Её произведение “*L'Autre Turquie. Le mouvement aleviste et ses territoire*” исходит из докторской диссертации на политическую тему[5]. В этом произведении показано, что Шиизм и Бекташи, связанная с ним с точки зрения исторической позиции и происхождения, являются близкими друг другу религиозными движениями. Книга начинается с длинного 46-ти страничного вступления, где изложено состояние приезжих тюрков и проблемы шиитов; первый раздел о Шиитов в Турции и о формировании движения идентичности; второй раздел о шиитов, переезжавших во Францию и Германию; третья глава рассказывает о геополитической структуре Шиитов и является обобщающим окончанием. Также интересны исследования Т.Файта по этой теме. Его произведение “*Les l'Union Europeenn*”, (*Paris, L' Harmattan, 2003*) охватывает следующие темы: Шииты и шиитские общности в Турции накануне вступления в Европейский союз, свидетельства о личности, стратегии, положение приезжих шиит, последние информации в мире шиит, напряжения между мусульманами и христианами в глобальном мире, Тюрко-Европейские прения накануне присоединения Турции к Европейскому Союзу и др.

А.Попович и Ж.Венстен известен произведением «*Les voies d'Allah. Les ordres mystiques dans le monde musulman des origines à l'aujourd'hui*” Paris, Fayard, 1996). В этом произведении разобраны пути соединения с Богом, мистические секты в мусульманском мире от начала и до наших дней. Его другие произведения были напечатаны в Анкаре и Стамбуле (“*Bektachisme et nationalisme albanais*”, in A.Popovic et G.Veinstein (eds.), *Bektachiyya. «Etudes sur l'orde mystique des Bektachis et les groupes relevant de Hadji Bektach» (Istanbul, Isis, 1995).*

Произведение «*Ata İshaq, Baba İlyas, Hadjdji Bektash et autres*”(*TURCICA, I, 1969*”) Дж.Джахен связана с темами Бекташа, Отца Исака, Отца Ильяса.

Произведение Б.Стейнера «*Les Bektashi a la lumiere des recensements Ottomans (XVe-XVIe siecles)*» (1991) рассказывает о Бекташи в XV и XVI вв. в Османскую эпоху.

А.Попович: «*Les statuts de la communaut?musulmane albanaise (Sunnites et Bektachis de 1945)*», (*JOURNAL ASIATIQUE, CCLXV, 3-4, 1977*).

Произведение «*Nouvelles perspectives dans les recherches sur les Qizilbaş - Alevis et les Bektachis de la Dobraidja, de Deli Osman et da la Thrace orientale*» (*IV, DERVISHES DES BALKANS DISPARITIONS ET RENAISSANCES, İstanbul, 1992*) прославил З.Тьерри в тюркологии.

Тюркологический журнал. В развитии тюркологической идеи большую роль играет журнал “*Turcica. Revue d'études Turqice*”. В журнале, выпускаемом совместно Страсбургским и Парижским университетами, были опубликованы статьи о древних тюркских памятниках, тюркских языках, фольклоре, истории и др.

Например, в 4-ом номере, выпущенном 1974 году, опубликована статья Жана Лораша о А.Габриеле. В статье говорится, что А.Габриел является большим организатором преподавания тюркского языка, выдающейся личностью, изучавший исторические памятники в разных городах Турции.

В статье «Три неизвестные фрагменты Орхона» Ж.Матуза рассказывается о памятнике Гюль Текина и его авторе. В этом отношении также интересна статья Д.Хемилтона, в которой говорится о древнем тюркском письменном памятнике, написанном на бумаге в X веке. В этом памятнике имеются факты о тюркском фольклоре, мудрых словах и др. В общем, в журнале печатаются произведения тюркологов разных стран мира о различных областях тюркологии. Туда, особенно, входят статьи из Польши, Швеции, Германии, Югославии, Америки и др. стран. Номер журнала 1975 года был издан в трех частях.

В первой части представлены статьи об общих вопросах, о работах над тюркологией, библиотекой, архивом, музеями, библиографией, о статьях, а также, юбилеях в разных странах.

Во второй части – развитие тюркологии в разных странах, грамматика тюркского языка, древний османский язык, современный тюркский язык, словари, ономастические единицы, влияние тюркского языка на другие, языковая практика и т.д.

В третьей части – общие вопросы, литература, история тюркской литературы, фольклор и т.д. [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. https://tr.wikipedia.org/wiki/Stefanos_Yerasimos.
2. https://wikipedia.org/wiki/Jan_paul_roux
3. Perihan Yalçın. Fransız kaynaklarına göre Haçı Bektaş Veli və Bektaşilik. Türk Kültürü və Haçı Bektaş Veli araşdırma dərgisi. Ankara. 2010/55 s.212.
4. Turcica. Revue d'études Turqice". Paris. 1974;1975.
5. Dr. Yavuz Karatallıoğlu. Klasik Osmanlı Türkçesinde Eklerin Ses Düzeni. Ankara Türk Dilm Kurumu Yayınları 2011.s. 39.
6. Stefan Yersimos Fransız Anadolu Araşdırmaları İnstitutu müdiri, 1994
7. www.ifea-istanbul.net/index/ph?lang=tr; <https://tr.wikipedia.org/> .../
Fransız_Anadolu_Ara.

MAIN TURKOLOGICAL RESEARCH IN XX-XXI CENTURIES

Salimova Sadaqat R.

senior teacher of the French language

Faculty of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages

Department of Roman Philology Baku Slavic University, Baku

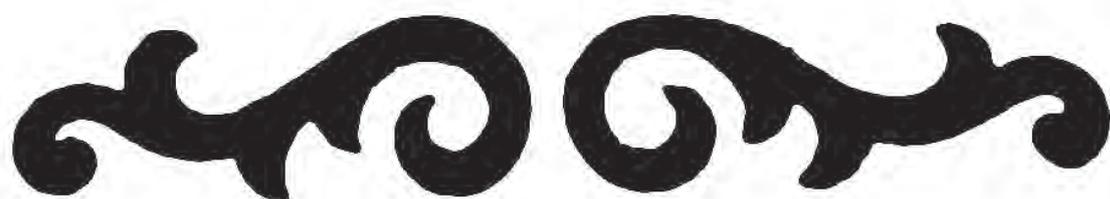
E-mail: S_Selimova@mail.ru

The article focuses on the development of Turkological mindset in France in XX-XXI centuries. Two major routes are critically reviewed in this article: 1) the establishment and development of political relations, conducted on the basis of specific research methods, as well as 2) development of religious mindset - philosophical trend, which is one of the key areas of the study.

All of the above influenced the formation of the scientific method of data. The article pays special attention to scientific collections Asiaticus on the basis of which was formed and developed Turcologists scientific mindset in France. As a result, these facts are evaluated in the development of basic Turkological mindset in France.

Key words: France, Turkic, development, Bektashi, Shiism, J.Deni.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОГО
ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ПАДЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Рыбаков Михаил Анатольевич

кандидат филологических наук, доцент

филологический факультет

кафедра общего и русского языкознания

Российский университет дружбы народов, Москва

E-mail: rybakov_ma@pfur.ru

В статье исследуется проблема системного сопоставления категории падежа в тюркских языках и построения типологической модели тюркской падежной системы. Указанная проблема рассматривается в двух аспектах: определение специфики отдельных тюркских языков на фоне общетюркского инварианта падежной системы и определение детерминанты тюркской падежной системы на фоне языков иных типов. Новизна статьи состоит в том, что падеж рассматривается с позиций системно-типологической концепции Г.П. Мельникова как морфологическая категория, выполняющая грамматико-семантические и коммуникативные функции.

Ключевые слова: грамматика, категория, морфология, падеж, система, типология.

1. История вопроса о падеже в сравнительно-историческом и типологическом языкознании. В сравнительно-историческом языкознании XIX – XX в., как в индоевропеистике, так и в тюркологии, падежные формы имён существительных рассматривались исключительно в аспекте их происхождения. Высказывались гипотезы о более сложном устройстве падежных систем в праиндоевропейском и в пратюркском. Эти гипотезы трудно проверить, так как они относятся к праязыковым состояниям более древним, чем те, которые можно увидеть по результатам реконструкции.

В целом же в рамках сравнительно-исторического направления падеж чаще всего рассматривался с формальной стороны – как парадигма флективных форм, показывающая родство языков, а вопрос о семантике падежа не ставился.

Индоевропейский термин «падежное окончание» использовался и в грамматике тюркских языков, хотя для них падежный аффикс является «окончанием», только в том смысле, что занимает конечную позицию в словоформе, и если в индоевропеистике термины «окончание» и «флексия» синонимичны, то тюркский падежный показатель называть флексией будет уже ошибкой.

Вопросы о семантике падежа и типологическом сопоставлении падежных парадигм были впервые поставлены в работах Л. Ельмслева, О. Есперсена, Р.О. Якобсона. После работ Р. Якобсона для структуралистского направления стало обычным рассмотрение морфологических категорий как оппозиций словоформ по какому-либо дифференциальному признаку. Однако идея объёмности (многомерности) оппозиций, выдвинутая Р.О. Якобсоном, не получила развития в синхронно-структурных описаниях языков, по-прежнему, хотя и в новых терминах, воспроизводивших линейный перечень грамматических форм. На примере русской падежной системы Р.О. Якобсон рассматривает падеж как систему формально-семантических оппозиций, задающих общую структуру данной грамматической категории и представляет эту структуру в виде объёмной геометрической модели куба [Якобсон, 1985, с.194]. Эту модель можно представить и на плоскости в виде двух противопоставленных квадратов с правой стороны которых размещаются маркированные формы, а правый квадрат противопоставит левому наличием семантического признака объёмности:

[nom – acc]	–	[gen I – gen II (partitive)]
[inst – dat]	–	[loc I (explicative) – loc II]

Е. Курилович разделял индоевропейские падежи на грамматические и семантические. Тройка грамматических падежей (номинатив, аккузатив и генитив) составляет основу индоевропейской падежной системы [см. Курилович, 2000, с. 196]. Аналогическое разграничение было предложено в тюркологии Н.К. Дмитриевым, выделившим грамматические (номинатив, аккузатив и генитив) и пространственные падежи (датель, выражающий направительное значение во всех языках, где нет аллатива, местный и исходный падежи) [см. Дмитриев, 1962, с. 153–154]. Такое же деление принимает А.М. Щербак, называющий дательный, местный и исходный конкретными падежами [Щербак, 1977, с. 62].

2. Падеж в тюркологии. В трудах В.В. Радлова, Ф.Е. Корша, В.А. Богородицкого, Н.А. Баскакова, Б.А. Серебренникова, Н.З. Гаджиевой категория падежа в тюркских языках рассматривалась в сравнительно-историческом освещении. Выдвигались гипотезы как об упрощении структурной сложности падежной системы [Кардашев 2009], так и о постепенном усложнении тюркской падежной системы в результате грамматикализации послелогов и их вхождения в состав именных словоформ [Ирисов 1997].

Сопоставительный анализ состава и функций падежей, впервые проведенный Е.Д. Поливановым [Поливанов 1933], продолжили С.Н. Иванов, В.А. Андреев, М.А. Артемьев, В.Г. Гузев. Модель Р.О. Якобсона была применена к анализу тюркских падежей Э.Р. Тенишевым, однако с некоторой модификацией – вместо признака периферийности рассматривается дифференциальный семантический признак принадлежности. Сопоставление различных концепций классификации тюркских падежей проведено в публикации А.М. Течиновой [2011].

3. Ядро тюркской падежной системы. Ядро падежной системы современных тюркских языков составляют шесть падежей, называемых в грамматиках по-разному, но в любом случае выражающих в качестве своего инварианта следующие значения: номинатив (падеж подлежащего), аккузатив (падеж прямого дополнения), генитив (выражение ряда косвенных притемных функций, в том числе принадлежности), датель (выражение косвенного объекта и направления), локатив (выражение места), аблатив (выражение исходной точки движения).

Разумеется, все указанные падежи обладают целым рядом других грамматических и семантических функций, а само деление падежей на грамматические и конкретные, как не раз отмечалось в описательной грамматике и типологии, является условным, но, хотелось бы добавить, не бессмысленным, так помогает увидеть системные отношения в разнообразии конкретных употреблений и разграничить первичные и вторичные значения в падежной системе.

Как отмечает Э.Н. Кардашев, шестипадежная система «как основа неизменно присутствует в любом современном тюркском языке» [Кардашев, 2009, с. 196]. Данное утверждение требует одной поправки: в долганском, хакасском и якутском языках нет генитива [Андросова, 1996, с. 238; Донидзе, 1996, с. 463; Антонов, 1996, с. 518], что является вариативной чертой указанных языков. Показательно, что все эти три языка имеют в целом 8 падежей, то есть только дальнейшая дифференциация косвенных функций позволила этим языкам обойтись без родительного падежа, который, как показывает типология, всегда является обобщением ряда косвенных функций.

Данное ядро можно представить в виде треугольной призмы, в которой отдельное ребро составят падежи направления (датель и аблатив), а пары номинатив – аккузатив и генитив – локатив являются двумя корреляциями, в которых правый элемент обладает признаком объёма.

[nom – acc]	–	[loc – gen]
[dat]	–	[abl]

3. Варианты структуры категории падежа в различных тюркских языках. Во многих тюркских языках падежная система формально полностью совпадает с описанным выше ядром, хотя, конечно, отдельные падежные формы могут иметь различную систему вторичных функций. К числу таких языков относятся, в частности, азербайджанский, алтайский, башкирский, гагаузский, киргизский, кумыкский, ногайский, саларский, турецкий, туркменский, узбекский.

В нескольких языках падежная система кроме ядра включает некоторые другие падежи. В казахском языке седьмым падежом является инструменталис-комитатив, выражающий типичную пару значений орудия и совместности. В других языках – не имеющих этого падежа – данные значения чаще всего выражает исходный падеж (аблатив). В тувинском языке падежная система является восьмипадежной – она осложнена двумя направительными падежами.

Специфическую систему из 8 падежей имеют долганский и якутский языки, в которых имеются номинатив, аккузатив, датив, аблатив (аналогичные другим тюркским) и партитив, компаратив, инструменталис, комитатив. Из числа общетюркских долганскому и якутскому недостаёт генитива и локатива. Компаратив – падеж, обозначающий объект с которым проводится сравнение, является типологически редким падежом. Этот падеж отмечен в дагестанских языках – арчинском, гунзибском, рутульском, цезском, некоторых финских, например, марийском.

Другая специфическая система из 8 падежей имеется в хакасском языке: номинатив, аккузатив, датив, посессив, локатив, аблатив, аллатив, комитатив-инструменталис. В этой системе структурную точку генитива занимает посессив, направительное значение отделено от дательного падежа и аналогично казахскому и чувашскому единой падежной формой выражаются значения орудия и совместности.

Ещё один вариант расширения общетюркского ядра представлен в чувашском языке. В отношении этого ядра особенностью чувашского является объединение в один падеж аккузатива и датива. Сверх ядра в этом языке представлены: инструменталис-комитатив, приватив (лишительный падеж, выражающий отсутствие предмета, типичен для некоторых финских языков) и причинно-целевой падеж, типологически очень редкий падеж, хотя указанные значения относятся к числу наиболее частотных, но обычно выражаются не специальной формой, а другими падежами.

5. Возможности системно-типологического обоснования специфики тюркского типа падежной системы. Системно-типологический подход к анализу тюркских падежей впервые предпринят в работах [Мельников, 1969, 1971, 1980] и развит в статье [Дубровина, 2013].

Г.П. Мельников установил, что поводом коммуникации в агглютинативных языках (и соответственно их внешней детерминантой) является потребность получить сведения «об интегрированном результирующем состоянии общеизвестных людей, вещей, мест и т.п., сложившемся за относительно длительный период времени, в течение которого воспользоваться какими-либо каналами коммуникации вообще не было возможности» [Мельников, 2003, с. 121]. Г.П. Мельников также обратил внимание на определяющий характера принципа экономии служебных элементов в агглютинативных языках [Мельников, 1969, с. 105]. М.Э. Дубровина раскрывает этот принцип, указывая на коммуникативную значимость аффиксов падежа в тюркских языках, и рассматривает падеж в целом как средство реализации

определённой коммуникативной задачи [Дубровина, 2013, с. 10]. Анализ истории тюркской падежной системы с учётом предложенной Г.П. Мельниковым иерархии падежных функций в работе [Мельников 1980] позволяет М.Э. Дубровиной сделать два важных вывода: 1) архаичные падежные формы должны представлять собой средства с максимально абстрактным грамматическим значением; 2) самые ранние падежные формы в тюркских языках должны были возникнуть как средства передачи прежде всего косвенных отношений предмета [Дубровина, 2013, с. 15].

Падежная система тюркских языков органично объединяет в себе три грамматических падежа (nom, acc, gen), что типологически сближает её с падежными системами других номинативных языков, и три семантических, точнее, пространственных падежа (dat, loc, abl), что сближает её с падежными системами других агглютинативных, в том числе, эргативных языков, для которых является важным специальное обозначение в словоформе пространственных отношений с дополнительным использованием этих падежей в иных семантических функциях. Дательный падеж тюркских языков вполне может быть включён в число пространственных, так как он имеет направительное значение во всех языках, кроме тех случаев, когда в языке есть отдельный направительный падеж. Такие типологические сходства вполне объяснимы в свете системной типологии языков. Общими внешними факторами для флективных и агглютинативных языков являются ослабленная близость текущих образов, разнообразие сюжетов сообщений. Общими внешними факторами для тюркских и эргативных языков являются близость индивидуальных образов и однообразие аспектов высказывания. Специфика тюркской падежной системы определяется качественно-признаковой внутренней формой этих языков, для которой связь с событием более важна, чем описание обстановки, но событие интересно не как процесс, а как результат, характеризующий участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон Р. К общему учению о падеже // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.
2. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М.: УРСС, 2000. 490 с.
3. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во восточ. лит., 1962. 608 с.
4. Щербак А.М. очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Л.: Наука, 1977. 191 с.
5. Кардашев Э.Н. К вопросу исторического развития тюркской падежной системы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 117. С. 194–197.
6. Ирисов Н.И. Категория падежа в татарском языке в сравнении с индоевропейскими языками // Вестник Челябинского государственного университета. 1997. Т. 2. № 1. С. 186–188.
7. Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент: Госиздат УзССР, 1933. – 182 с.
8. Течинова А.И. Категория падежа в тюркских языках // Вестник Тувинского государственного университета. Серия «Педагогические науки». 2011. № 4. С. 95–99.
9. Андросова С.И. Долганский язык // Тюркские языки. М.: Наука, 1996. С. 235–241.
10. Донидзе Г.И. Хакасский язык // Тюркские языки. М.: Наука, 1996. С. 459–469.
11. Антонов Н.К. Якутский язык // Тюркские языки. М.: Наука, 1996. С. 513–524.
12. Мельников Г.П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 104–113.

13. Мельников Г. П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 121–137.

14. Мельников Г. П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 39–64.

15. Дубровина М.Э. Эволюция тюркской категории склонения в контексте системной лингвистики (на материале языка древнетюркских рунических памятников) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. 2013. Вып. 1. С. 10–17.

16. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

THE TURKIC CASE SYSTEMS IN THE CONTEXT OF TYPOLOGY

Rybakov Mikhail A.

PhD, associated professor

The school of philology

General and Russian Linguistics Department

RUDN-University,

Moscow, Russia

E-mail: rybakov_ma@pfur.ru

The problem of a systematic comparison of the category of case in the Turkic languages and constructing a typological model of the Turkic case system is viewed in the article. This problem is considered in two aspects: the definition of the specificity of the individual Turkic languages against the background of the Turkic invariant case system and the definition of the determinants of the Turkic case system on the background of other kinds of languages.

The novelty of the paper is that the case is examined from the standpoint of system-typological concept of G.P. Melnikov as a morphological category, fulfilling the grammatical-semantic and communicative functions.

Key words: grammar, category, morphology, case, system, typology.

ПРИЧИНЫ ФАКУЛЬТАТИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ВИНТЕЛЬНОГО И РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Дубровина Маргарита Эмильевна
кандидат филологических наук, доцент
восточный факультет
кафедра тюркской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
E-mail: maggydu@rambler.ru

Целью исследования, которую предпринимает автор, является попытка проследить зависимость между морфологическим типом языка и тем, как развиваются и функционируют отдельные его категории и формы. В сферу интереса настоящей статьи входит категория склонения в тюркских языках и особенности отдельных ее форм: форм родительного и винительного падежей. Автор пытается обнаружить причины факультативного использования этих форм в речи различных тюркских языков. По мнению автора, агглютинативные языки развиваются под влиянием определенного принципа – принципа экономной аффиксации, и именно это позволяет аффиксам названных падежей в ряде случаев опускаться.

Ключевые слова: тюркология, категория склонения, родительный падеж, винительный падеж.

Прежде всего, необходимо остановиться на некоторых теоретических положениях, составляющих базу для научного анализа. Автор настоящей работы полностью разделяет мнение, устройство любого языка формируется вокруг некоего стержня, т.е. определенного принципа, который можно охарактеризовать как первооснова всех языковых явлений. Выявление подобной первоосновы позволяет рассматривать все языковые закономерности, особенности, исключения в единой системе, исходя из единого признака, что предполагает, вероятно, лучшее понимание и отражение фактического материала. В качестве такой первоосновы урало-алтайских языков, вслед за Г.П. Мельниковым, предлагается рассматривать способность тюркской словоформы быть составленной в момент сообщения из исходных морфем [Мельников, 1969, с. 63-67]. В тюркском языковом мышлении исходные единицы, очевидно, пребывают в обособленно изолированном, не сливаемом друг с другом состоянии, необходимом для характерного только этим языкам способа составления словоформы в момент высказывания. В целях большей наглядности изложения, можно уподобить процесс построения тюркской словоформы с составлением поезда путем присоединения вагонов к паровозу. Паровоз и вагоны представляют собой изолированно сосуществующие в рамках одной задачи исходные элементы, соответствующие морфемам тюркских языков, паровоз это главная ведущая морфема – корень, исключение которой из цепочки невозможно. Отличие тюркского процесса составления словоформы от модели флективных языков состоит, по всей видимости, в том, что каждый «вагон» используется в «составе» только в случае его функциональной необходимости и без колебаний может быть удален из состава, при потере к нему функционального «интереса» со стороны составителя. Нетрудно понять, что поезд является аналогией тюркской словоформы, но не всего высказывания, которое представляло бы сочетание нескольких «поездов». При этом самым важным для понимания тюркской первоосновы является осознание того, что «вагоны» в тот момент, когда они не употребляются, стоят в «депо» и ждут своего часа. Возвращаясь к лингвистическим понятиям, можно утверждать, что инвентарные единицы, т.е. морфемы, тюркской языковой системы не только в грамматических изложениях представлены учеными как отдельные

элементы, но, вероятно, пребывают в таковом состоянии и в сознании коммуниканта. В чем же отличие от флективных языков? Предполагается, что исходным строительным элементом в сознании носителя флективных языков является не отдельная морфема, а словоформа, т.е. некий конструктор, неделимый с точки зрения коммуниканта на составные части. Эти словоформы лишь условно расчленяются исследователями на морфемы в целях удобства изучения, носителями же языка заучиваются уже в виде слитных словоформ в детском возрасте. [Мельников, 1969а]. Таким образом, уподобление словоформы флективных языков с легко разбивающимся на части составом поезда невозможно. Другими словами, говорящие на флективных языках оперируют в качестве элементарных единиц готовыми словоформами, из которых в свою очередь конституируется высказывание, а говорящие на тюркских – морфемами. На практике, подобное базисное отличие урало-алтайских языков, выливается в тенденцию к *экономному использованию служебных элементов*.

Если в языке проявляется тенденция к экономии служебных элементов, то не исключена возможность крайней степени проявления этой тенденции: использование корней без служебных элементов в роли самостоятельных слов [Мельников, 1969б]. Гипотетически не исключена также крайняя степень реализации и подобного явления – приближение тюркского языка наиболее раннего этапа развития к языку без морфологических средств, т.е. языку, имеющему в своем распоряжении преимущественно корневые морфемы. Язык такого устройства логично считать языком корневым, в котором и знаменательная (основная), и служебная информация в большинстве случаев передается с помощью слов-корней. Умозрительно, в таком языке, которым мог быть ранний пратюркский язык, морфологические средства как средства уточнения служебной (реляционной) информации развивались исключительно с целью подкрепления смысла высказывания, когда опора «на логику вещей» [Санжеев, 1966] по каким-то причинам «не работает». Но даже в корневом языке существует необходимость выражать служебную информацию, чем продиктовано повышенное значение порядка слов в тюркском высказывании и развитие безморфемного способа передачи такой информации путем соположения. Соположение как способ передачи связи между элементами в тюркских языках используется намного чаще, чем в языках индоевропейских, при этом соположение слов является наиболее часто употребляемым приемом именно для передачи любых атрибутивных отношений.

Таким образом, если в языке действует такой закон как принцип экономии служебных элементов, то в языке будут обнаруживаться следующие моменты:

Тенденция к факультативной аффиксации имеет следствием выражение максимума значения через контекст.

Чистый корень имеет возможность функционировать как самостоятельное слово (в индоевропейских языках слово всегда словоформа).

Возрастает роль простого соположения как универсального способа указания на самые различные смысловые отношения между словами, представленные в виде синтаксического отношения «определяемое – определение» («уточнение – уточняемое»).

Темой настоящей работы является выявление причин факультативного употребления тех падежей, которые вслед за Е. Куриловичем индоевропейцами и тюркологами традиционно называются «грамматическими», речь пойдет о родительном и винительном падеже в системе тюркских языков. Западноевропейской лингвистикой были выработаны общие формулы, схематически очерчивающие значения основных падежей, которые в большинстве случаев легли в основу понимания и аналогичных тюркских падежей. **Родительный падеж** в приименном употреблении имеет «определятельное «прилагательное» значение» [Виноградов, 1947, с. 168]. **Винительный падеж** в европейских языках оформляет имя, называющее предмет, который «ближе всего и полнее всего затрагивается глагольным»

действием (Дельбрюк). Как красочно определяет значение винительного падежа Я. Гримм: «Accusativus обозначает самое полное, самое бесповоротное овладение предметом со стороны понятия, заключенного в глаголе...» [Там же, с. 168]. По мнению А.А. Шахматова, винительный падеж означает, что глагольный признак распространяет свое действие на всю зависимую от него субстанцию (имеется в виду, вероятно, предмет, называемый основной имени) [Шахматов, 1973, с. 307-308].

Таким образом, в индоевропейских языках родительный падеж в приимённой позиции это языковое средство передачи логического признака другого предмета, а винительный падеж это средство выражения логического предмета, максимально включенного в действие. В индоевропеистике эти падежи объединяются в одну группу, исходя из превалирующей у них синтаксической функции. С нашей точки зрения, эти формы могут быть объединены по иному критерию, все они являются морфологическими средствами передачи *более важной* с точки зрения коммуниканта информации, чем пространственные или косвенные падежи, т.е. являются «выразителями» наиважнейших коммуникативных «запросов». Именно подобная коммуникативная функция обуславливает формирование этих падежей во флективных языках в первую очередь и присутствие этих форм практически во всех индоевропейских языках, хотя бы в системе местоимений (как в английском языке). Исключительная значимость родительного падежа состоит, вероятно, в том, что это единственная форма в категории склонения, передающая связь предмета и другого предмета. Г.П. Мельников так характеризует коммуникативные задачи этих падежей: именительный падеж – «выразитель «темы» предложения», родительный падеж – «актуализатор при теме (атрибут в широком смысле), т.е. средство уточнение информации о теме предложения», винительный падеж – «выразитель прямого объекта при действии» [Мельников, 1980, с.44-47].

Исходя из типологических различий агглютинативных и флективных языков, а также, принимая во внимание выделенную детерминанту тюркских языков, можно предположить, что «тюркская» категория склонения развивалась под влиянием иных факторов, нежели чем индоевропейская.

Связь между элементами действительности, которую передает падежная форма, является одной из разновидностей атрибутивной связи в рамках синтаксической конструкции. А именно для выражения атрибутивных отношений в тюркских языках, как было сказано выше, активно используются позиционные возможности, т.е. способ соположения слов. Следовательно, наиболее приемлемым способом выражения падежных связей можно признать способ соположения, причем основную нагрузку при дешифровке высказывания берет на себя контекст. Таким образом, хочется выдвинуть предположение о том, что исходным мотивом возникновения падежных форм в тюркских языках являлась необходимость с помощью морфологического показателя ликвидировать смысловую неоднозначность высказывания. Как представляется, выбор между использованием или не использованием грамматического знака падежной формы сводился к антитезе: известное из контекста – неизвестное из контекста. Другими словами, если существование некой связи у предмета, передаваемого «корнем», естественно вытекает из контекста, укладывается в «логику вещей», т.е. является *известным* из фоновых, внеязыковых знаний участников коммуникации, то эта связь понятна без специальных служебных средств и в этом случае нет необходимости в употреблении падежного показателя. Если же сообщение содержит нечто *неизвестное*, если необходимо уточнить информацию о наличие какой-либо связи у предмета и избежать, таким образом, непонимания или искаженного понимания смысла высказывания, то форма падежа, реализующего данную связь, обязательно должна быть использована. Из высказанного предположения следует вывод о том, самые ранние падежные формы должны были возникнуть как средства передачи, прежде всего, косвенных отношений предмета, т.е.

быть прообразом современных косвенных падежных форм. Ведь связи, передаваемые косвенными падежами, если они не вытекают из лексического значения глагола, представляют собой информацию *неизвестную* для коммуниканта, предметы, выступающие в качестве косвенных объектов, очевидно, наиболее удалены в семантическом отношении от действия, к которому относятся. Именно вследствие этих причин, в высказывании они с большей вероятностью должны оформляться определенными показателями, маркерами передаваемой связи во избежание непонимания. Выражая наименее важные связи предметов, именно косвенные падежи и возникают в тюркских языках ранее остальных, ведь их значения труднее предсказать, кроме того их может быть в высказывании несколько и все они не могут быть переданы соположением. Например, в искусственно созданном примере, основанном на фактах рунических надписей, *Ben qaγan tabγač sü sülatdim* 'я каган табгач войско повел' слова *qaγan* и *tabγač*, будучи удаленными по смыслу от действия глагола *sülatdim*, должны получить морфологическое оформление – формы инструментального и направительного падежей, чтобы высказывание было интерпретировано верно. Слово же *sü*, соответствуя логическому прямому объекту, морфологического оформления не получает, так как смысл его предсказуем, и достаточным является помещение перед глаголом. Таким образом высказывание должно было выглядеть так:

Ben qaγanyn tabγačγaru sü sülatdim. 'Я с каганом войско повел на табгачей'

Н.М. Артемьев, анализируя в якутском языке сочетания основной формы слова с глаголами в функции действия и его прямого объекта, пишет: «Прямое дополнение в неформальном падеже в якутском языке употребляется в тех случаях, когда центр тяжести значения лежит не на объекте, а на самом действии» [Артемьев, 1999, с.50]. Таким образом, неаффиговое прямое дополнение, по мнению исследователя, воспринимается «скорее как характеристика действия, а не его объект», например, якут. ...бэйэм **таба** көлүнүөм '... сам буду оленя запрягать. Здесь, по словам Н.М. Артемьева, внимание сосредоточено не на олене, как на объекте, а на умении самостоятельно запрягать оленя, т.е. не на предмете, а на действии, в которое предмет-объект так максимально включен, что интерпретируется коммуникантом как неразрывное сочетание типа «оленезапрягание».

Родительный падеж в тюркских языках имеет, как известно, только приименную сферу употребления, из чего следует, что форма тюркского родительного падежа реализует коммуникативную функцию, которая сводится к уточнению определенных характеристик предмета, выступающего в роли определяемого [Мельников, 1980, с.43]. В этом смысле, слово с показателем родительного падежа воспринимается коммуникантом как некий атрибут к основному понятию. Иными словами, форма родительного падежа указывает на то, что один предмет выступает в роли уточнения-определения другого предмета. Особенность устройства флективных языков такова, что подобная функция не могла не иметь материального выражения, поэтому даже в тех европейских языках, в которых категория склонения пребывает уже явно в разрушенном виде вследствие утраты многих падежных форм, форма родительного падежа чаще всего присутствует, являясь маркером именно приименной атрибутивности. Тюркские же языки, как было сказано, напротив имеют тенденцию эксплицитно не выражать наиболее предполагаемые (известные) смыслы, эти смыслы чаще всего передаются препозиционным примыканием. Это предположение получает доказательства на практике. Как известно, в древних тюркских языках, например в языке памятников рунической письменности атрибутивные отношения зачастую передаются соположением, что и может быть причиной для факультативного употребления родительного и винительного в современных тюркских языках. Так, В.Г. Кондратьев констатирует, что *изафет II* т.е. без родительного падежа, выражает в текстах руники те связи, которые в современных тюркских языках передаются двумя синтаксическими конструкциями – *изафетом II* и *изафетом III*.

[Кондратьев, 1962, с. 71]. Другими словами, даже в тюркском языке VI-VIII вв. потребность в эксплицитном выражении такой характеристики как субъект обладания при отношениях принадлежности возникает намного реже, чем в языках более поздних эпох. Для обеспечения этой функции достаточной представлялась позиция слов внутри высказывания. То есть, можно предположить, что возникновение формы родительного падежа в тюркских языках произошло значительно поздно, изначально же этой формы могло и не быть в системе тюркского склонения. [Дубровина, 2016].

Можно заключить, что винительный и родительный падежи, передавая важные с точки зрения понятийного содержания отношения между элементами действительности, в истории тюркской категории склонения долгое время могли не иметь материального показателя, то *мыслительное содержание*, которое они впоследствии стали выражать, – прямой объект воздействия и атрибут субъекта (предмета), на языковом уровне передавалось соположением слов как максимально экономичным грамматическим способом выражения служебной информации. Это положение имеет своим следствием то, что родительный и винительный падежи в тюркских языках возникли позже, чем пространственные, ведь именно их значения наиболее важны для коммуникации, следовательно, именно их связи передавались соположением. И именно это отражается в современных тюркских языках в том, что в ряде случаев родительный и винительный падежи может не употребляться в высказывании. Подобные отсутствия аффиксов в речи можно охарактеризовать в качестве проявления до сих пор действующего в тюркских языках принципа экономии служебных элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьев Н.М. Категория падежа: системный анализ (на материале долганского и якутского языков). СПб., 1999.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
3. Дубровина М.Э. Существовал ли родительный падеж в якутском языке? // Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (11 мая 2016г.). Вып. 3. Омск, 2016. С. 50-53.
4. Дубровина М.Э. Эволюция тюркской категории склонения в контексте системной лингвистики (на материале языка древнетюркских рунических памятников) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение, африканистика. Вып.1. Март 2013. СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. С. 10-17.
5. Мельников Г.П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М.: Издательство «Наука», 1971. С. 121-137.
6. Мельников Г.П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. М.: Издательство «Наука», 1969, № 6. С.104-113.
7. Мельников Г.П. Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969. С. 45-73.
8. Санжеев Г.Д. Проявление логики вещей в языке // Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов. М., 1966. С.62-68.
9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка // Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высшая школа, 1973. 503 с.

**REASONS FOR OPTIONAL USE ACCUSATIVE AND GENITIVE CASES
IN TURKIC LANGUAGES**

Dubrovina Margarita Emilevna

Candidate Philology Sciences, Associate Professor

Faculty of oriental Studies

Chair of Turkish Philology,

Saint Petersburg State University, St. Petersburg

E-mail: maggydu@rambler.ru

The purpose of the study, which has taken the author, is an attempt to trace the relationship between the morphological type of language and the way of development and functioning of its individual categories and forms. This article examines the category of cases in Turkic languages and distinctive features some of its forms: the genitive and accusative. The author tries to find the reasons for the optional use of these forms in the speech of different Turkic languages. According to the author, agglutinative languages evolve under the influence of a certain principle - the principle of economical affixation. And this principle allows the affixes of these cases not be used in turkic speech.

Key words: Turkology, category declension, genitive, accusative.

О СТРУКТУРЕ ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ И КАТЕГОРИЙ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Лебедев Эдуард Евгеньевич
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
филологическое направление

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары
E-mail: edlebed@gmail.com

В статье представлен взгляд автора на структуру описания словоизменительных форм и категорий в чувашском языке на основе функционально-семантического анализа. В соответствии с упомянутым подходом, состав категорий глагола, по мнению автора, необходимо дополнить категориями залога и аспектуальности, а среди форм, составляющих категории, должны присутствовать и формы, образованные аналитическим путем, в связи с чем, отдельно указаны такие наклонения как желательное и долженствовательное. Ряд глагольных форм, выполняющих функцию репрезентации действия в качестве признака, субъекта и обстоятельства, объединяются в категорию номинализации действия, при этом необходимо учитывать, что формы, традиционно называемые причастиями, на самом деле обладают большими функциональными возможностями, чем обычные причастия.

Ключевые слова: система категорий глагола, залог, категория аспектуальности, наклонение, категория выделения.

Изучение глагольных форм в чувашском языке ведется уже с первых его грамматик, начиная с середины XVIII в. Однако, подлинно научную базу для подобного рода исследований заложил крупнейший ученый, профессор Н.И. Ашмарин [Ашмарин, 1898, с. 291–344; Ашмарин, 1923, с. 3–268]. В своих трудах он в доступной и систематизированной форме представляет основные парадигматические и синтагматические особенности форм чувашского глагола. Своими трудами Н.И. Ашмарин поднял уровень научного изучения грамматики чувашского языка на большую высоту. Достаточно сказать, что главные его работы в этой области сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

Проблематика глагольной морфологии чувашского языка активно исследовалась и последователями Н.И. Ашмарина. Среди ученых, которые в своих работах изучали глагольные формы, мы особо отметим таких авторов, как В.Г. Егоров [Егоров, 1957, с. 151–239], Андреев И.А. [Андреев, 1961], Андреев Н.А. [Андреев, 1964, с. 71–122], Павлов И.П. [Павлов, 1965, с. 231–296], Федотов М.Р. [Федотов, 1986, с. 81–122], Сергеев В.И. [Сергеев, 2002, с. 230–280], Сергеев Л.П. [Сергеев, 2012, с. 352–401]. Опираясь на работы этих ученых, мы можем сделать вывод, что практически все формы и категории глагола в чувашском языке в настоящее время описаны достаточно подробно. Изучены их основные особенности в синхроническом плане, исследована этимология большинства форм. Но, в то же время, по нашему мнению, в описании этих форм и категорий существуют и некоторые недостатки, по причине того, что оно по преимуществу происходило по лекалам русской (и шире индоевропейской) грамматики, не всегда учитывалось своеобразие тюркского языкового строя, и за основу обычно брался формально-описательный метод, что часто отодвигало понимание функциональной сущности этих форм на задний план. К подобным недостаткам, на наш взгляд, относится непреклонное следование такому постулату, сформулированному на базе грамматик индоевропейских языков, как тотальность или универсальность грамматической категории, под которой понимается ее распространение на

все «множество элементов той части речи, которой она свойственна» [Гузев, Насилов 1981, с. 25]. А так как факты чувашского языка не всегда подтверждают этот постулат, многие формы, которые не характеризуются тотальностью, искусственным образом были выведены из общей системы словоизменительных категорий. Подобным же образом обстоит дело и с аналитическими формами глагола, грамматическая сущность которых была выявлена еще А.А. Юлдашевым [Юлдашев 1965]. Но в современных грамматиках чувашского языка в парадигмах словоизменительных форм глагола мы не найдем ни одной аналитической формы, так как это противоречит устоявшемуся стереотипу, в соответствии с которым, тюркские языки являются языками синтетического типа, и никакие формы, помимо тех, что образованы при помощи аффиксов, не могут включаться в их парадигмы. Исходя из сказанного, мы делаем вывод, что в настоящее время возникла насущная необходимость по-новому взглянуть на принципы и методы описания форм и категорий глагола в чувашском языке.

Основным методом исследования глагольной морфологии, на наш взгляд, должен стать функционально-семантический анализ, учитывающий внутреннюю содержательную сторону и особенности функционирования форм глагола. В современной тюркологии подобный метод, например, используется в трудах ученых, принадлежащих к петербургской школе [Гузев, 2015; Дубровина, 2011; Телицин, 2011 и др.]. Структура описания системы словоизменительных глагольных форм и категорий в чувашском языке, составленная на основании функционально-семантического метода, будет выглядеть следующим образом:

1) в соответствии с порядком присоединения аффиксов к глагольной основе, открывать это описание должна категория залога, формы которой традиционно не признаются словоизменительными в чувашском языкознании и описываются в разделе словообразования. Доводом для подобного подхода к формам залога является то, что аффиксы с соответствующими значениями не могут присоединяться ко всем глагольным основам [Павлов, 2014, с. 181; Сергеев 2002, с. 234]. То есть во главу угла ставиться признак тотальности употребления. На наш взгляд, подобный подход не учитывает функционально-семантическую суть этих форм. Ведь при присоединении аффиксов со значением залога к глагольной основе не происходит образования нового слова, а лишь меняется его субъектно-объектные характеристики: *ёс* 'пить' – *ёстер* 'поить', *кала* 'говорить' – *калаç* 'разговаривать', *çu* 'мыть' – *çăвăн* 'умываться' и т.д. В тех же случаях, когда действительно происходит образование нового слова, залоговая семантика исчезает полностью, и здесь говорить о категории залога уже не приходится, так как налицо чисто деривационный процесс с участием деривационных аффиксов, омонимичных залоговым: *пул* 'быть' – *пулаш* 'помогать', *тăр* 'стоять' – *тăраш* 'стараться', *пул* 'быть' – *пултар* 'мочь' и т.д. Среди залоговых форм в чувашском языке мы выделяем следующие: страдательный (аффиксы *-ăл/-ĕл*), возвратный (*-ăн/-ĕн*), взаимно-совместный (*-ăш/-ĕш*), понудительный (*-ттар/-ттер*);

2) далее следует категория статуса (термин заимствован у В.Г. Гузева [Гузев, 2015, с. 142–145]), включающая в себя формы отрицания (*-ма/-ме*, *-мас/-мес*, *ан*, *мар*), возможности (*-ай/ей*) и невозможности (*-айма(с)/-ейме(с)*). Формы отрицания обладают определенной валентностью. Так, аффикс *-ма/-ме* участвует в образовании отрицательной формы большинства прошедших времен, аффикс *-мас/-мес* сочетается с формами настоящего-будущего и прошедшего длительного времен, а частицы *ан* и *мар* образуют формы отрицания повелительного наклонения. В грамматике чувашского языка обычно не включаются формы возможности и невозможности, образованные аналитическим способом – при помощи сочетания инфинитива на *-ма/-ме* с глаголом *пултар-* 'мочь': *тума пултаратăн* 'могу сделать', *тума пултараймастăн* 'не могу сделать'. Между тем в речи чувашей эта форма встречается гораздо чаще синтетической формы.

3) категория аспектуальности также обычно отсутствует в грамматиках чувашского языка. Вместо нее, как правило, в разделе словообразования описываются так называемые **сложные глаголы** [Павлов, 1965, с. 220–229]. Но, фактически, формы, передающие акционсартовые значения, представляют собой область словоизменения и должны быть выделены в качестве категории. Сюда мы включаем как синтетические, так и аналитические формы. К первым относятся формы с аффиксами *-кала/-келе*, *-ала/-еле*, а ко вторым – формы, образованные сочетанием аффиксов деепричастий на *-а/-е*, *-са/-се* и причастия на *-акан/-екен* со вспомогательными глаголами. Мы выделяем четыре группы акционсартовых значений в чувашском языке: фазовые, количественные, векторные значения и значения эготива и адрессива. Одно значение может передаваться формами, образованными при участии нескольких вспомогательных глаголов, а один вспомогательный глагол образовывать формы с разными акционсартовыми значениями. Например, формы со вспомогательным глаголом *кай* ‘идти, уходить’ могут передавать значение начала действия – *вӑранса кай* ‘просыпаться’, окончания действия – *манса кай* ‘забывать’, направление – *чупса кай* ‘убегать’ и т.д. [Лебедев, 2016, с. 53–138];

4) формы, образующие причастия, деепричастия, имена действия и инфинитивы, мы, вслед за В.Г. Гузевым [Гузев, 2015, с. 153–176], объединяем в единую категорию номинализации действия. Такое объединение упомянутых выше форм оправданно, так как основной их функцией является представление действия, выраженного в значении глагольной основы, в виде субъекта, признака или обстоятельства. Другими словами, происходит процесс **номинализации действия**. Формы, называемые в грамматиках чувашского языка «причастиями» (формы с показателями *-нӑ/-нӗ*, *-акан/-екен*, *-ас/-ес* и др.) на самом деле обладают большими функциональными возможностями, чем обычные причастия. Помимо адъектива (основной функции причастий) они могут выступать в функциях субстантива, предикатива и адвербума [Лебедев, 2013, с. 116–123]. Термин «причастие» в случае с этими формами нам видится не совсем подходящим. Необходим поиск нового термина, который точнее отражал бы их сущность. В разряд деепричастий входят формы со следующими показателями: *-са/-се*, *-а/-е*, *-сан/-сен*, *-нӑсем/-нӗсем*, *-массерен/-мессерен*, *-уӑн/-уӗн*, *-нӑранпа/-нӗренпе*, *-аспа/-еспе*. Категория имен действий состоит из форм с показателями *-ма/-ме*, *-машкӑн/-мешкӗн*, *-у/-ӗ*;

5) категория наклонения и времени глагола. Изъявительное наклонение конституируется целым рядом временных форм, среди которых представлены формы настоящего-будущего, будущего, прошедшего категорического, прошедшего субъективного, давнопрошедшего и прошедшего длительного времен. Все эти формы характеризуются наличием определенных семантических составляющих в их значениях. Так, семантика директивности или категоричности присутствует в формах прошедшего категорического действия и настоящего-будущего времен – *кайрӗ* ‘он (точно) ушел’, *пыратӑп* ‘я (точно) приду’; семантика заглазного, индирективного действия передается формой прошедшего субъективного времени, которая фактически является формой причастия с показателем *-нӑ/-нӗ* в функции предикатива – *килнӗ* ‘видимо, пришел’; семантику постоянства совершения действия имеет форма прошедшего длительного времени – *каяттӑм(чӗ)* ‘я ходил постоянно’ и т.д. Категория времени изъявительного наклонения в чувашском языке представляет собой сложную систему форм и значений, взаимосвязанных друг с другом определенными структурными отношениями. В качестве косвенных наклонений необходимо выделить формы повелительного, уступительного, желательного, долженствовательного, сослагательного наклонений. Желательное и долженствовательное наклонения, как правило, ускользают от внимания исследователей чувашской грамматики. Причиной этому является то, что в их состав входят как сложные аффиксальные формы, так и формы, образованные

аналитическим способом. К желательному наклонению относятся формы *-асийн/-есиён, -ас/-ес те* и *-ас/-ес кил – эй каясийн, эй каяс тетён, манйн каяс килет* ‘я хочу уйти’. Долженствовательное же наклонение образуется следующими формами: *-малла/-мелле, -ас/-ес пул – ман каймалла, ман каяс пулать* ‘мне нужно уйти’;

б) категория лица, формы которой образуются при помощи аффиксов, относящихся к двум группам. Первую группу составляют аффиксы, присоединяющиеся к основам настоящего-будущего и будущего времен, а другую группу – аффиксы, сочетающиеся с формами прошедших времен;

7) отдельно должна быть представлена категория выделения, которая, по сути, является межчастеречной категорией. Формы, относящиеся к этой категории (*-и, -скер*), передают значения номинализации. Они сочетаются с формами, так называемых, причастий с показателями *-нй/-нё, -ас/-ес, -акан/-екен*, а также с формой долженствовательного наклонения с показателем *-малла/-мелле*;

Следовательно, все глагольные формы чувашского языка должны быть распределены по семи, перечисленным выше, категориям. Данные категории представляют собой совокупность словоизменительных форм, объединяемые в эти категории независимо от того, способны ли они образовываться от всех глагольных основ языка, или только от их части, а также независимо от способа их образования – синтетического или аналитического. Главным критерием объединения этих форм в категории должно быть их функционально-семантическое содержание. На основании этого критерия состав категорий чувашского языка в научных грамматиках необходимо дополнить категориями залога и аспектуальности, а некоторые уже имеющиеся в грамматиках категории, дополнить новыми формами, образованными аналитическим способом (желательное и долженствовательное наклонения и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1961. 262 с.
2. Андреев Н.А. Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пайĕ. Морфологи. Шупашкар: Чăв. АССР кĕн. изд-ви, 1964. 184 с.
3. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 2. Учение о формах (морфология). Казань, 1898. 392 с.
4. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск, 1923. 276 с.
5. Гузев В.Г., Насилов Д.М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. № 3. С. 22–35.
6. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 320 с.
7. Дубровина М.Э. Категория аспектуальности языка древнетюркских рунических памятников // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 141–158.
8. Егоров В.Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 151–239.
9. Лебедев Э.Е. Функционально-семантические особенности причастия на *-нй/-нё* в чувашском языке // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 112–125.
10. Лебедев Э.Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: Изд-во ЧГИГН, 2016. 164 с.

11. Павлов И.П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи. Шупашкар: Чăв. АССР кĕн. изд-ви, 1965. 343 с.
12. Павлов И.П. Современный чувашский язык. В 2 т. Т.1: Морфемика, морфонология, словообразование. Чебоксары: Изд-во ЧГИГН, 2014. 264 с.
13. Сергеев В.И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2002. 300 с.
14. Сергеев Л.П. Глагол // Чăваш чĕлхи. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 2012. С. 352–401.
15. Телицин Н.Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 179–230.
16. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Т. III. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1986. 128 с.
17. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 276 с.

STRUCTURE OF CHARACTERISTICS OF VERBAL FORMS AND CATEGORIES IN THE CHUVASH LANGUAGE

E. Y. Lebedev (Cheboksary)

Doctor of Philology

Senior Staff Scientist

Speciality – Philology

Chuvash State Institute of Humanities

E-mail: edlebed@gmail.com

The author presents the structure of characteristics for inflectional forms and categories in the Chuvash language on the basis of the functional and semantic analysis. According to the mentioned approach and in the author's opinion it is necessary to add categories of voice and aspect to the structure of verbal categories and forms composed in the analytical way refer to the forms composing verbal categories, in this connection such modal categories as of willingness and obligation are specified separately. A number of the verbal forms functioning to represent the action as sign, subject and circumstance is united in the category of the action nominalization. At the same time it is necessary to notice that the forms traditionally called as participles have in fact more functionality, than usual participles.

Key words: system of verbal categories, category of voice, category of aspect, modal category, category of emphasis.

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА (СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ)¹

*Ефремов Николай Николаевич (г.Якутск),
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
E-mail: nik.efrem50@mail.ru*

Рассматриваются основные особенности грамматического строя якутского языка. Постулируется, что грамматическая система якутского языка характеризуется изоформизмом морфологических и синтаксических структур. Утверждается, что подобная системная особенность обусловлена манифестацией в структуре якутского языка и других тюркских языков атрибутивной конструкции (препозитивный уточняющий компонент + постпозитивный уточняемый компонент), функционирующей в качестве фундаментальной языковой модели.

Ключевые слова: якутский язык, тюркские языки, системная лингвистика, принцип экономной аффиксации.

Строй тюркских языков, куда входит и якутский язык, своеобразен, и проблемные вопросы этих языков определяются, прежде всего, особенностями их структуры и системы.

Грамматические особенности тюркских языков определяются агглютинативным типом языка [Насилов, 1989, с. 35]. В тюркологии существует положение о том, что морфологическая структура слова строго соответствует синтаксической структуре словосочетания и предложения: определение размещается перед определяемым, дополнение перед дополняемым, подлежащее – перед сказуемым [Баскаков, 1975, с. 38]. Имеется также идея об аналогии агглютинативных процессов в структуре слова с процессами взаимодействия элементов сложного словосочетания: «... процессы агглютинации как в малоаффиксальном, так и в многоаффиксальном слове характеризуются не простым сочленением корневой морфосемы с аффиксальными морфосемами (определенными элементарными значениями, выражающимися морфемами. – Н.Е.), а сложным взаимодействием между собой морфосем, аналогичным взаимодействию элементов сложного словосочетания, состоящего из двух, иногда весьма сложных по своему составу групп определения и определяемого» [Баскаков, 1979, с. 85].

В качестве одного из специфических явлений этих языков исследователи называют зависимые синтаксические структуры с предикативным смыслом. Такие зависимые (так называемые трансформированные) конструкции, по мнению Н.З. Гаджиевой [1973, с. 337], созданы тоже давлением системы – агглютинативной структуры тюркских языков. Характерная особенность названных состоит в том, что они в целом «обладают свойствами, роднящими ... (их) с предложением» [Там же, с. 235].

Как известно, для создания средств подчинения в тюркских языках используется закон «определение+определяемое» [Там же, 228], согласно которому зависимое слово / определение предшествует главному / определяемому.

В тюркских языках нет сложных предложений европейского типа, что обуславливается особенностями их грамматического строя – постпозитивно-агглютинативным характером структуры языковых форм и конструкций [Там же, с. 35]. А основным доминантом системы этих языков является принцип экономной аффиксации, которая в них проводится наиболее последовательно. Поэтому аффиксальная системная согласованность функции, структуры

и субстанции всех ярусов проявляется в тюркских языках ярче, чем в других бореиских или ностратических языках [Мельников, 1971, с. 124]□.

А.М.Щербак пишет, что в тюркологических исследованиях «особенные черты ... (тюркского синтаксиса) получили, в общем, удовлетворительное объяснение» и своеобразная черта синтаксических построений – бессоюзие (комплексивность) компенсируется тем, что «падежные аффиксы и аффиксы принадлежности присоединяются ... к глагольным формам, сохраняющим определенные черты своего причастного, то есть именного, происхождения» [Щербак, 1994, с.107-108].

Основным способом связи слов многие тюркологи считают примыкание. По их мнению, согласование чуждо структуре тюркских языков и нарастающее расширение формального согласования сказуемого с подлежащим происходит в относительно поздний период и не без влияния извне. Продолжительное время нормальным синтаксическим приемом связи подлежащего со сказуемым было примыкание, и морфологическое выражение множественности осуществлялось только в пределах подлежащего [Там же, с. 98-99]. И потому, видимо, в якутском языке подлежащее с количественным определением, в большинстве случаев формально не согласуется со сказуемым в числе. Ср.: *Икки киһи кэллэ* ‘Пришли два человека(букв. два человек пришел)’. А в пословицах и устойчивых идиоматических выражениях, а также в зависимых предикативных частях бипредикативных конструкций встречаются грамматически несогласующиеся субъекты и предикаты. Ср.: *Эн соххор, мин соххор диэбиккэ дылы* ‘Подобно тому как, говорят: **ты кривой, я кривой**’; *Эн билэр киһини кэлэ сылдыбыта* ‘Приходил человек, которого **ты знаешь / приходил твой знакомый**’.

Как отмечают исследователи, тюркское предложение представляет собой общую «грудку», что тоже обусловлено отсутствием связующих элементов; вместо последних выступают деепричастия, а глагол является важной, заключительной частью предложения [Дилячар, 1976, с. 66-67]. В этой связи отметим, что слова в тюркских предложениях располагаются по принципу последовательного постпозитивного соположения. При этом сказуемое является тем постпозитивным компонентом предложения, который как бы выходит за «скобки», объединяя эту общую «грудку» слов – последовательно сопологающиеся слова в единую целостную коммуникативную единицу.

Е.И.Убрятовой было выдвинуто и научно обосновано положение о функционировании в тюркских языках универсальных способов и средств для выражения грамматической связи и отношений как в сочетаниях слов, так и в сочетаниях предложений (предикативных единиц). По ее мнению, данным явлением объясняется своеобразие синтаксического строя этих языков и то, что основу синтаксического строя тюркских языков представляют сочетания слов, а его вершину – сложноподчиненные предложения [Убрятова, 1976, с. 8]. Однако с этим положением солидаризуются не все тюркологи. По их мнению, непонятно, на основании каких данных одни и те же способы связи получают различную интерпретацию [Щербак, 1994, с.106].

Из анализа специфики структуры и системы тюркских языков можно утверждать о том, что эти особенности определяются, прежде всего, законом твердого порядка в подчинительных конструкциях – *препозитивное зависимое слово / определение + постпозитивное главное слово / определяемое*. Данный закон, в свою очередь, обусловлен самой системой и структурой языка – агглютинативным характером строя этих языков. А агглютинативная структура языка представляет собой основную самобытную форму проявления «принципа экономной аффиксации» – экономного использования специализированных средств для выражения грамматических связей и отношений в языке.

Законом строя тюркских языков *«определение / уточнение+определяемое /*

уточняемое» (что многими связывается с механизмом агглютинации) предопределяется языковой механизм, формирующий структуру этих языков. Такой механизм мы условно называем языковой агглютинацией, под которой подразумевается последовательное, «сложноспаянное», постпозитивное соположение языковых элементов друг за другом в внутри определенной конструкции (слова, словоформы, сочетания слов, предложения, сложного предложения). При этом на каждом «шаге» соположения образуются относительно законченные, относительно самостоятельные и в то же время относительно незаконченные, несамостоятельные языковые явления. В этой связи необходимо учесть и тот факт, что «система языка ... находится постоянно в состоянии неустойчивого равновесия» [Черкасский, 1965, с.4].

Сам механизм агглютинации представлен непосредственно в синтетических морфологических структурах. Агглютинация определяется как «способ слово- и формообразования, при котором к основе или корню, в преобладающем количестве случаев сохраняющих стабильный звуковой состав, присоединяются одностандартные аффиксы» (способ соединения морфем) [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 17]. Аффиксы следуют один за другим в определенной иерархической последовательности. Ср.: словоформа «имя +аффикс множественного числа+аффикс принадлежности+аффикс падежа» – *оһолорбутугар* оһо-лор-бут-угар ‘нашим детям’. В синтаксических структурах нами различается тоже общий способ сочетания слов, словоформ, конструкций, что называем условно способом синтаксической агглютинации – последовательного соположения аналитических языковых компонентов (слов, членов предложения, предикативных единиц, предложений). Способ сочетания конструкций – синтаксической агглютинации основывается в первую очередь на способе соположения, который выражается порядком расположения слов (конструкций): препозитивное определение / уточнение + постпозитивное определяемое / уточняемое (см. ниже).

Соположение представляется, прежде всего, примыканием. Другие способы связи слов, конструкций – изафет, управление, согласование, хотя и характеризуются грамматическими средствами выражения, подчиняются основному закону тюркских языков «препозитивное определение / уточнение + постпозитивное определяемое / уточняемое», который, как уже отмечалось, связан с агглютинативным строем тюркских языков. В соответствии с этим указанные способы связи слов и конструкций объединяются в общую группу как способы выражения синтаксических связей слов и конструкций, имеющих твердый порядок. Подобное языковое явление, как уже говорили, определяется как синтаксическая агглютинация.

Вышесказанное представим обобщенно следующим образом:

Основной способ связи – соположение (препозитивный, уточняющий элемент/*ПрУщЭ* + постпозитивный, уточняемый элемент/*ПсУмЭ*) и его **варианты:**
примыкание (*ПрУщЭ* + *ПсУмЭ*), **изафет** (*ПрУщЭ* + *ПсУмЭ* = **афф. принал.**),
управление (*ПрУщЭ* = **афф. падежа** + *ПсУмЭ*), **согласование** (*ПрУщЭ* + *ПсУмЭ* = **афф. лица-числа**).

Таким образом, между морфологическими и синтаксическими структурами имеется известная аналогия, которая заключается в манифестации в них общей позиционной модели *ПрУщЭ* + *ПсУмЭ*. При этом надо отметить, что «основное лексическое значение слова заключено, как правило, в корневой морфеме ... аффиксы, при указанной детерминанте, служат лишь *факультативными* (курсив мой. – Н.Е.) уточнителями деривационных и реляционных значений корня» [Мельников, 1976, с. 126]. Понятно, что морфологические структуры – слова, словоформы являются структурными компонентами синтаксических конструкций. Например.: *дьиэбитигэр баарбыт* дьиэ-/дом +-бит-/аффикс принадлежности

первого лица множественного числа: ‘наш’ + игэр/аффикс дательного падежа: ‘в’, *баарбыт* баар-/есть: ‘находиться’ + -быт/аффикс 1 л. мн.ч.: ‘мы’ ‘Находимся в своем доме’.

Как известно, что слова, словоформы состоят из морфем. В вышеприведенном примере словоформы *дьиэбитигэр* и *баарбыт* представляют собой соответственно сочетание трех и двух морфем, которые в структурном плане связаны между собой определенными лексико-грамматическими значениями. Фраза *дьиэбитигэр баарбыт* как языковая конструкция, в свою очередь, сформирована сочетанием двух словоформ – имени существительного в форме дательного падежа лично-притяжательного склонения и имени наличия в форме настоящего времени 1 л.мн.ч. В семантическом плане указанная словоформа имени существительного функционирует в качестве локализатора, обозначающего местонахождение объекта.

Слова и словоформы являются относительно самостоятельными языковыми единицами. Однако и они, вступая в сочетания с другими словами, могут утратить свою былую самостоятельность, приняв новое значение. Например, личное местоимение 3 л. ед.ч. *кيني* ‘он, она, оно’ в составе изафетной конструкции (ср.: *кيني уола* ‘его сын’), выполняет функцию определения и характеризуется значением субъекта обладания, что обуславливается значением аффикса принадлежности – грамматического показателя субъекта обладания.

Постпозитивные агглютинативные аффиксы, присоединяясь к лексической основе слова, меняют ее форму, соответственно, и значение. Надо отметить, что некоторые аффиксы (например, личные) являются морфологическими аналогами определенных лексических единиц. Ср.: показатель л.-ч. в финитных формах – аналог личного местоимения (ср.: *бара-быт* ‘идем’ = *биһиги барабыт* ‘мы идем’), в изафетных структурах – эквивалент местоимения, обозначающего обладателя (ср.: *дьиэ-бит* = *биһиги дьиэбит* ‘наш дом’); показатель дательного падежа лично-притяжательного склонения - морфологический аналог наречия или прономинальной скрепы (союза) (ср.: *дьиэбити=гэр* ‘в нашем доме, в наш дом’ = *дьиэбит, онно* ‘наш дом, туда, там’).

Функциональными эквивалентами могут стать имена существительные и наречия/союзы (скрепы). Ср.: имя существительное в дательном падеже лично-притяжательного склонения *оскуолаларыгар* – оскуола-/школа + -лары/аффикс принадлежности 3 л. ед.ч.: ‘их’ + -гар / аффикс дательного падежа: ‘в’ – ‘в их школе/в их школу’ и наречие *онно* ‘туда’, ‘там’. Как видно из вышеприведенного, дейктическое наречие *онно* характеризуется двумя значениями (статическим и динамическим) – местонахождения (локации) и направления движения (директив-финиш), что реализуется в зависимости от лексико-семантического значения предиката. Если это наречие (эгоцентрический локализатор) сочетается с предикатом движения, то имеет место директив-финиш; если же оно вступает в сочетание с предикатом существования или местонахождения, то выражается отношение локации. Подобными же функциональными значениями характеризуются и имена существительные в дательном падеже, которые сочетаясь с глаголами движения и позиции, передают соответственно динамические и статические пространственные отношения.

Итак, в семантическом плане между некоторыми морфемами (аффиксами) и местоименными формами, наречиями, скрепами существуют отношения функциональной эквивалентности.

Резюмируя вышеизложенного, отметим, что основные особенности грамматического строя тюркских языков, как показывают материалы якутского языка, заключаются в изоморфизме морфологических (синтетических и аналитико-синтетических) и синтаксических (аналитических) структур, что обусловлено постпозитивно-агглютинативным характером строя этих языков. Дальнейшие исследования языковых конструкций тюркских языков целесообразнее всего проводить в аспекте функциональной

эквивалентности языковых единиц разного уровня. Например, синтетические и аналитико-синтетические конструкции можно сопоставлять с аналитическими структурами с прономинальными скрепами и описать их функциональные и коммуникативные дифференциальные признаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтикиреева У.М. О некоторых особенностях детерминанты казахского языка в свете системной типологии языков Г.П. Мельникова // Языковая системология: К 85-летию профессора Г.П. Мельникова [Текст]: сборник статей. Материалы Международной научной конференции. Москва, РУДН, 21 февраля 2013 г. М.: РУДН, 2013. С. 13-20.
2. Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: Словосочетание и предложение. М.: Наука. 1975. 288 с.
3. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: Структура слова и механизм агглютинации. – М.: Наука. 1979. 276 с.
4. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973. 408 с.
5. Дилячар А. Заметки о синтаксисе и грамматических функциях в турецком языке // TURCOLOGICA: К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л.: Наука, 1976. 65-78.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия., 1990. 688 с.
7. Мельников Г.П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С.121-137.
8. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. Л.: Наука, 1989. 208 с.
9. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Т2-й. Сложное предложение. В 2-х книгах. Новосибирск: Наука, 1976. 378 с.
10. Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм: Опыт историко-типологического исследования. М.: Наука, 1965. 144 с.
11. Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб: Наука, 1994. 192 с.

GRAMMATICAL FEATURES OF THE YAKUT LANGUAGE (SYSTEMATIC AND STRUCTURAL ASPECT)

Efremov Nikolai Nikolaevich (Yakutsk),

D.Sc., Senior Researcher,

*Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of
Science, Siberian Branch*

E-mail: nik.efrem50@mail.ru

The main features of the grammatical structure of the Yakut language are discussed. It is postulated that the grammatical system of the Yakut language is characterized by isomorphism of morphological and syntactic structures. It is stated that such systemic feature is conditioned by the by the manifestation in the structure of the Yakut language and other Turkic languages of the attributive construction (prepositional specifying component plus postpositive specified component) functioning as the fundamental language model.

Key words: Yakut language, a Turkic language, systemic linguistics, the principle of economical affixation.

ТЕЛЕНГИТЫ И ТЕЛЕНГИТСКИЙ ЯЗЫК

Алмадакова Надежда Дмитриевна

*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник*

*Научно-исследовательский институт
алтаистики им. С.С. Суразакова»г. Горно-Алтайск
E-mail: ndalmadakova@mail.ru*

В статье анализируются особенности системы гласных фонем улаганского диалекта теленгитского языка в сопоставлении с алтай-кижи диалектом и близкородственными хакасским, тувинским языками; рассматриваются вопросы употребления этнонимов «теле», «телениты», «теленгуты», «теленгиты», «алтайцы» и терминов «алтайского языка», «диалекты алтайского языка», «теленгитский диалект».

Ключевые слова: язык, диалект, говор, алтайцы, теленгиты, гласный, дифтонг, слог.

Наше исследование целесообразнее начать с краткой характеристики и анализа некоторых вопросов, связанных с историей теленгитов, что необходимо для сравнения языка теленгитов с языком близкородственных народов.

Теленгиты прошли длительный исторический путь. Теле были одним из создателей древне-тюркских каганатов, в составе теле-телесских этнических групп имели отношение к образованию Уйгурского каганата. В монгольских, ойротских источниках этноним теле/телек упоминаются наравне с ойронтами, урянхайцами или самостоятельно. Одну из версий объяснения этнонима выдвинул Н.Я. Бичурин, который считает, что название этноса теле связано с Алтаем – постоянным местом проживания теле. По его мнению, тульеобразные вершины Алтая (по – монгольски «дулга») дали самоназвание одного из крупных этнических подразделений тюркских государств – деле/теле, потомки которого до сих пор проживают на своей древней родине [Бичурин, 1991, с. 234]. Н. Ядринцев пишет о «чуйских теленгетах», называя их урянхайцами; китайцы называли урянхайцами и жителей около Телецкого озера, т.е. телесов, присваивая им название алтын-норских урянхов. Кроме этого, были и настоящие урянхайцы – саянцы или сойоты из Кемчика, пришедшие вследствие голодов [Ядринцев, 1881, с. 231]. Г.Н. Потанин пишет, что «тюркское племя Русского Алтая не имеет общего названия, однако выделяет «три отделения: Алтай, Теленгит, Тоёлес» [Потанин, 1883, с. 1]. Со слов старика-шамана, переданных начальнику Алтайской миссии, Г.Н. Потанин отмечает, что «Чулышманские Теленгиты пришли сюда после того, как в этой стране сменялись последовательно один после другого несколько народов; прежде тут жили Киргизы, потом Китайцы, потом Хотоны. Потом эти места заняли Теленгиты, вышедшие из страны Конграй, которую рассказчик указывал на северо-восток от Телецкого озера, из чего сделан вывод о том, что Конграй есть Енисей; кроме Алтая Бийского округа есть ещё другой Алтай, называемый телеутами Кунграй-Сагай [Там же. С. 10], т.е. Сагайская степь Минусинской долины.

Л.П. Потапов выделяет собственно алтайцев, или алтай-кижи, теленгитов и телесов (тёлёс) [Потапов, 1953, с. 6, 7]; алтай –кижи обитают по долинам рек Катунь, Урсула, Семь, Маймы, Кана, Песчаной и др. Большинство этих племён сосредоточено в Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Кксинском, Шебалинском, Эликмонарском и Майминском аймаках Горно-Алтайской области [Там же. С. 6, 7]. По заметкам Л.П. Потапова теленгиты живут по долинам рек Чуи и Аргута; телесы расселены по долинам рек Чулышмана, Башкауз и его притока Улагана; отдельными группами встречаются на р. Чуе и в бассейне Урсула [Там же. С. 6, 7]. Наименование телес относится преимущественно к населению долины Чулышмана, а жители Башкауза именуется термином «улан», который произошёл от названия реки Улаган или Улаан [Там же, с. 6].

Г.Н. Потанин, опираясь на фольклорный материал (алтон тумен теленгыт ‘шестьдесят туменей теленгитов’), не оставляет без внимания и другой немаловажный вопрос – вопрос о численности теленгитов (телеутов), которых насчитывается до 600000 душ с учётом того, что каждый тумен равняется десяти тысячам [Потанин, 1883, с. 10]. Однако ко времени официальной переписи смешение различных родо-племенных групп южных алтайцев между собой зашло довольно далеко. Численность теленгитов по переписи 1859 года 18 470 человек, 1867 года в 1-й и 2-й Чуйских волостях – 4 849 теленгитов и телесов [Селютина, Уртегешев и др., 2013, с. 69], 1926 года – 3 414 человек. Далее в советский период теленгиты, рассматривавшиеся как этнографическая группа алтайцев, в переписях отдельно не учитывались. В 2000 г. теленгиты были отнесены к коренным малочисленным народам Российской Федерации (Постановление Правительства РФ №225 от 24 марта 2009 г.). По данным переписи 2002 г. теленгитов в РФ насчитывается 2 399 человек. По итогам переписи 2010 г., в Республике Алтай проживает 3648 теленгитов [Там же. С. 69].

Теперь перейдём к анализу вопроса о языке теленгитов.

Общеизвестен исторический факт поэтапного вхождения предков алтайцев в состав Российского государства [Самаев, 1991]. В то время, когда теленгиты Центральной части Алтая приняли подданство России, северо-восточные теленгиты остались в статусе двоеданцев. Со временем исторический этноним теленгиты стал заменяться этнонимом алтайцы как народа, проживающего на территории Алтая. Но в связи с созданием в советское время Ойротской автономной области параллельно стал реанимироваться исторический этноним ойроты. Этнонимы телеут, теленит, теленгут в своей структуре имеют корень теле и аффикс множественного числа монгольского происхождения =ут. Первые исследователи алтайского языка специфический согласный звук алтайского языка н в слове теленит передавали сочетанием знаков нг (теленгут, теленгит).

Краткий экскурс в историю теленгитов позволяет сделать вывод о том, что исторически язык алтайского народа основывается на языке теле/теленгитов. Между тем Г.Н. Потанин, ссылаясь на Г. Радлова, отмечает, что алтайские племена делятся на восемь языков [Потанин, 1883, с. 1], среди которых самостоятельно выстраиваются южно-алтайский и северо-алтайский языки. К южно-алтайский язык подразделяется на два наречия: собственно алтайское и телеутское; северо-алтайский язык – язык лебединских татар, который подразделяется на два наречия: куманда и наречие черневых татар, куда относятся «туба и щоры» [Там же. С. 1]. Потанин Г.Н. не использует термин «теленгиты», поскольку, как следует полагать, этот термин отождествлялся с термином «телеуты». Традиционно по классификации Н.А. Баскакова, алтайский язык дразделяется на две группы: южную и северную; к южной группе относятся алтай-кижи, теленгитский и телеутский диалекты, к северной группе – куманды, чалканду, туба диалекты [Баскаков, 1958, с. 67]. Известно, что Постановлением Правительства РФ №225 от 24 марта 2009 г. кумандинцы, чалканцы, тубалары, телеуты, а также теленгиты определены как самостоятельный этнос, что предполагает самостоятельность и их языков. Заметим, что в лингвистической литературе последних лет стали употребляться и термины «тубинский диалект», «тубинский язык»; внедряется и термин «теленгитский язык» [Селютина, Уртегешев и др., 2013, с. 69]; кроме того, для языка тубаларов создан тубинский алфавит [Сарбашева, 2006, с. 41 - 46].

По классификации Н.А. Баскакова, теленгитский диалект распадается на два говора: 1) теленгитско-телесский, носители которого живут по рекам Чулушман, Башкаус и по южному берегу Телецкого озера (самоназвание теленит) и 2) чуйский, носители которого живут по реке Чуй (самоназвание чуй-кижи) [Баскаков, 1966, с. 506].

С учётом того, что теленгиты являются самостоятельным этносом, а также с учётом фонетических, морфологических и морфонологических особенностей [Алмадакова, 2016 в печати], мы рассматриваем самостоятельный теленгитский язык, который подразделяется на два диалекта: улаганский и чуйский. Улаганский диалект – язык теленгитов, проживающих

на современной территории Улаганского района, чуйский диалект – язык теленгитов, которые живут на современной территории Кош-Агачского района [Алмадакова, 2012]. В данной статье мы рассмотрим материалы улаганского диалекта, который подразделяется на шесть говоров: 1) балыктуюльский; 2) саратанско-язулинский; 3) чолушманский; 4) чибилинский; 5) каракудюрский; 6) чибитский.

Результаты исследования гласных фонем улаганского диалекта в сопоставлении с алтай-кижи диалектом дали возможность выделить восемнадцать гласных фонем. Из них: а) девять кратких гласных фонем: а, о, ö, у, ү, э, и, ы, ä; б) девять долгих гласных (аа, оо, öö, уу, үү, ээ, ии, ыы, ää). Краткий гласный звук ä и его долгий коррелят ää являются характерными только для языка теленгитов-улаганцев. Мягкорядный неогубленный краткий ä и его долгий коррелят ää произносятся с призвуком э, тяготеющим к звуку а, но не доходящий до него. Заметим, что в алтай-кижи диалекте фонематических гласных шестнадцать [Селютина, 2002, с. 76].

Особенностью улаганского диалекта, отличающего его от алтайского языка, но сближающего с кумандинским, хакасским и тувинским языками, является то, что огубленный широкий гласный а употребляется и во втором слоге именной и глагольной словоформы после гласного звука а первого слога (койан ‘заяц’ – койон, колда ‘на руке’ – колдо); кроме того, неогубленный широкий гласный ä второго слога употребляется после гласных э, и, ö, ү первого слога (эinä ‘мама, мать’, иinä ‘игла’, örä ‘вверх’, örää ‘верхний’, үйä ‘сустав, поколение’, көлдän ‘с озера’), чем находит сходство с хакасским, тувинским языками (хөлдөн, көлдөн), но отличается от алтайского языка (эне, ийне, öрө, öрöги, үйе, көлдөн).

В улаганском диалекте в именных словоформах после гласного о первого слога в показателях посессивности употребляется гласный у (колум ‘рука=моя’, колун ‘рука=твоя’, колу ‘рука=его’, чем находит сходство с хакасским и тувинским языками, но отличается от алтайского языка (колым, колын, колы). Кроме того, в улаганском диалекте в показателях 1, 2 лица множественного числа употребляется долгий гласный (колуус ‘рука=наша’, көзүүс ‘глаз=ваш’, колаар ‘рука=ваша’, көзääр ‘глаз=ваш’), в чём проявляется особенность улаганского диалекта на фоне других южносибирских тюркских языков.

В системе гласных улаганского диалекта присутствуют и долгие гласные, так называемые вторичные долгие, которые образовались в результате выпадения заднеязычного интервокального и ауслатного согласного г, й (бүүн ‘сегодня’ – бүгүн, чүүн ‘сеть’ – шүүн, суу ‘вода, река’ – суг и др.), выпадения слогов и стяжения основ (тайна ‘бабушка по матери’ – таай эне, баруутурум ‘иду, еду’ – барып отурум, алаалар ‘взять’ – алып алар, ичүүтуру ‘пьёт’ – ичип отуры и др.).

Процесс выпадения интервокальных согласных и последующего стяжения гласных происходит и при аффиксации: в словоформах с личными аффиксами бардуус ‘пошли=мы’, кэлдүүс ‘пришли=мы’, колаар ‘руки=ваши’, бараар ‘идите, уходите’ и др.) и показателями дательного падежа (балаа ‘ребёнку’, кижää ‘человеку’ и др.). Долгие гласные встречаются и в причастных формах глагола (туштаан ‘встретил’, барбаан ‘не пошёл, не уехал’, кайнаан ‘сварился’, сураан ‘просил’ и др.). Аналогичное явление характерно и для туба-диалекта, но исключается как в алтайском литературном языке [Селютина, 2002, с. 74], так и в целом алтай-кижи диалекте.

В улаганском диалекте употребляются и такие гласные, долгота (длительность) которых проявляется в позиции перед узкими гласными последующего слога. В отличие от алтай-кижи диалекта, в языке улаганских теленгитов позиционная долгота характерна для всех широких гласных звуков: са:гыш ‘дума, мысль’, а:шу ‘перевал’, кэ:чү ‘переправа, брод’, кө:рүш ‘взгляд’, кө:рүм ‘видение’, пә:лим ‘спина=моя’, ко:рум ‘щебень, россыпь’, колум ‘рука=моя’ и др. В улаганском диалекте довольно широко представлены и эмфатические долготы, проявляющиеся в заимствованных из русского языка словах, особенно в антропонимах: ударные гласные передаются как долгие гласные (меечик ‘мяч’, Наадя ‘Надя’, Мааша ‘Маша’, Сааша ‘Саша’ и др.). Долгота этого типа характерна и для якутского языка, в котором в заимствованных из

русского языка употребляются и дифтонги (*byokka* 'водка', *оруомна* 'ровно' и др.) [Щербак, 1963, с. 28].

Наличие дифтонгов сближает якутский язык не только с туба-диалектом (тубинским языком), но и с улаганским диалектом, в котором обнаружено четыре дифтонга: *оа*, *уа*, *öä*, *үä*. Наличие гласных фонем-дифтонгов определяет специфику улаганского диалекта на фоне других южносибирских тюркских языков. Дифтонги образовались в результате выпадения интервокального согласного в корневой словоформе (*боа* 'сюда' – *бога*, *күä* 'зять' – *күйү* и др.) и выпадения интервокального согласного из аффиксов (*сууаар* 'вода=ваша, река=ваша', *тууаар* 'гора=ваша' (ср. в алтайском – *суугар*, *туугар*))

В улаганском диалекте, в отличие от тувинского языка, отсутствуют фарингализованные гласные фонемы, наличием которых тувинский язык отличается от других тюркских языков. В отношении длительности они приближаются к долгим, однако долгота не является постоянным признаком [Щербак, 1963, с. 11]. Фарингализованные гласные тувинского языка представляют собой среднее звено в развитии так называемых вторичных долгот при переходе их в краткие гласные; возможно, что возникновение фарингализации является результатом «поглощения» гласным увулярного или фарингального согласного [Там же. С. 26].

Таким образом, улаганский диалект имеет специфическую систему гласных, состоящую из 18 фонем. Он находит как общие черты с другими тюркскими (алтайским, хакасским и тувинским языками), но имеет и существенные различия, обусловленные артикуляционно-акустической базой этносов

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмадакова Н.Д. Фонетические особенности теленгитского диалекта и его говоров // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XII региональной конференции (Уфа, 27-28 ноября 2012 г.). Уфа, 2012. С. 19-21.
2. Алмадакова Н.Д. Фонетические и морфологические особенности теленгитского диалекта // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XIII региональной конференции (Уфа, 27-28 ноября 2013 г.) – Уфа, 2013. С. 61- 69.
3. Алмадакова Н.Д. Язык теленгитов: очерки по фонетике и морфологии в сопоставительном аспекте. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2016. 202 с. (в печати)
3. Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958.
4. Баскаков Н.А. Алтайский язык // В кн. Языки народов СССР в пяти томах. М., 1966. 658 с.
5. Бичурин Н.Я. Ради вечной памяти: Поэзия, статьи, очерки, заметки. Письма. / Сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Чувашское кн. издательство, 1991.
6. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. Издание 2-ое. Репринтное воспроизведение издания 1883 г. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. 1025 с.
7. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. /Отв. ред. С.В. Киселёв – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 442 с.
8. Самаев Г.П. Присоединение Горного Алтая к России. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во: Горно - Алт. отд-ние, 1991. 256 с.
9. Селютина И.Я. Фонетика языков народов Сибири. / Отв. ред А.Т. Тыбыкова. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2002. 101с.
10. Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Эсенбаева Г.А. и др. Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. / Отв. ред. Широбокова Н.Н. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2013. 250 с.
11. Щербак А.М. О тюркском вокализме // Тюркологические исследования. /Отв. ред.

А.К. Боровков. – М-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 24-40.

12. Ядринцев Н. Об алтайцах и черневых татарах // Известия РГО Т. XVII/ 1881

TELENGITS AND THE TELENGIT LANGUAGE

Almadakova Nadezhda Dmitrievna

Senior Research Officer

Altaiian Scientific-Research Institute by S.S. Surazakov

Altai Republic, Gorno-Altaiisk

E-mail: ndalmadakova@mail.ru

The article analyzes the features of vowel's phonemes system of the Ulagan dialect in comparison with the Altai-Kizhi dialect, the Khakass and the Tuvinian language. Also there are problems of ethnonyms' usage as «tele», «Telengits», «Telenguts», «Altaiian» and terms «Altai language», «Altai language dialects», «Telengit's dialect» are considered there.

Key words: language, dialect, patois, Altaiians, Telengits, vowel, diphthong, syllable.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Молгаждаров Касиет Какенович

доктор филологических наук, доцент

главный специалист научно-исследовательского центра «Тюркология»

Таразский инновационно-гуманитарный университет, Тараз, Казахстан.

E-mail: kasiet_k@list.ru

В статье даются теоретические основы служебных слов на материале древнетюркского, среднетюркских и современных тюркских языков. То есть, формирования и развития исторического состава служебных слов, выявление лексических, фонетических, морфологических и синтаксических особенностей, определение их семантики и категориального значения, проведение статистического анализа. В результате комплексного исследования служебных слов казахского языка использованы сравнительно-исторический, диахронный, синхронный и ретроспективный методы и выявлены состав и частотности их использования, формы аналитизма, основные принципы лексикализации и семантические особенности служебных слов.

Ключевые слова: служебные слова, союз, послелог, частица, вспомогательные имена, вспомогательные глаголы, аналитическая форма.

Известно, что современный казахский литературный язык берет свое начало с древнетюркского языка, имевшего уже к V в. н.э. достаточно развитую систему письма, которую впоследствии назвали рунической письменностью. К этой основе относится среднетюркский литературный язык, на базе которого сформировались все современные тюркские языки. Историко-лингвистический анализ служебных лексем еще раз убеждает нас в том, что все они являются наследием одного языка в разные периоды его существования. Это наследие едино для всех тюркских языков, хотя по мере их развития служебные слова приобрели в каждом языке свои специфические особенности. С генезисологической точки зрения, следовательно, служебные элементы, пережившие за многие века языковые процессы, являются производной категорией. В древнетюркских рунических письменах использовались все группы служебных слов (вспомогательные глаголы, послелоги, союзы, модальные слова, служебные имена, частицы с усилительным значением). В ходе исследования была прослежена история формирования и развития служебных слов, методом сравнения выявлены аналитические форманты и их лексико-грамматические значения, и приведены статистические данные, касающиеся частотности употребления служебных слов в тексте. Результаты анализа служебных слов позволяют сделать следующие выводы:

- Историко-лингвистическое исследование служебных слов в общем языкознании начинается с работы Панини, жившего в IV веке д.н.э. С тех пор служебные слова рассматриваются в различной степени, разных наименованиях, контрастивных взглядах. Формирование служебных слов как части речи или группы слов совпадает с высказыванием Б.Базылхана: «об эпохе сложных слов, т.е. формировании абстрактных слов» [Базылхан, 1996] или «с эпохой до истории» М.Оразова [Оразов, 1996]. В языкознании процесс определения слов по их лексическому значению, по морфологическим признакам и синтаксической функции в предложении – это та традиция, которая придерживаются с давних времен. По этой традиции формировалась концепция служебных слов тюркского языка. Служебные слова являются не только словами, сгруппированными по одному признаку, но и группами слов по их характерным грамматическим и лексическим значениям. До сегодняшнего дня все слова по такому принципу классифицируются. Служебные слова в древнетюркском языке имеют категориальные свойства, которые возникли на основе лексических значений.

- Одной из причин формирования служебных слов является языковая коммуникация, когда говорящий при передаче мысли или при высказывании вместе абстрактных аффиксов употреблял именные слова, которые постепенно превратились в служебные элементы. В современной лингвистике обосновывается положение о том, что все служебные слова образованы от

знаменательных лексем, однако лингвисты не пришли к единому мнению о конкретных путях перехода знаменательных лексем в служебные. Теоретически предполагается, что значения знаменательных слов максимально обобщились и грамматикализировались, что явилось причиной перехода их в служебные слова. Кроме того, есть мнение, о том что этому процессу способствует ударение. Некоторые служебные слова (корень и аффикс) стали неотделимыми. Переход осуществляется способами транспозиции и конверсии.

- История и значение служебных слов в казахской лингвистике обоснованы К.Жубановым (1930) в его научном докладе «Мағынасыз сөздердің мағынасы», и дополнены трудами современных ученых. При переходе слова из одной части в другую, вместе с изменением первичного лексического значения в слове изменяются и его грамматические значения и формы. Это касается частеречной деривации в целом. Следует иметь в виду, что не все знаменательные лексемы могут переходить в служебные.

В зависимости от лексического значения слова, от характера морфологических признаков и синтаксической функции все слова делятся на определенные лексико-грамматические разряды. В рамках этих трех принципов ни в одном языке не нашла своего решения семантика служебных слов. В основном придерживаются мнения, что служебные слова лишены номинативной функции. Например, некоторые ученые (Ф.Ф.Фортунатов, М.Терентьев, Ф.Зейналов, А.М.Пешковский, И.И.Мещанинов, А.А.Шахматов, Н.Оралбаева и др.) разделяют взгляд, что служебные слова лишены лексического значения, а другие лингвисты (А.А.Реформаторский, А.И.Смирницкий, Н.К.Дмитриев, Х.М.Ходжилаев, Л.С.Бархударов, В.М.Жирмунский, Н.Хаджыеминоғлы, М.Оразов и др.) доказывают, что служебные слова имеют и лексическое, и грамматическое значения. Мы поддерживаем и полностью присоединяемся к мнению Л.С.Бархударова, который считал, что, «...поскольку служебные слова имеют все морфологические признаки самостоятельных единиц-слов, постольку они представляют собою единство форм и содержания, самостоятельного оформления и самостоятельного значения, т.е. в этом отношении ничем не отличаются от слов вообще. Стало быть, неверно говорить, что они не имеют никакого лексического значения. Они, правда, выражают грамматические отношения, но это грамматическое значение и является их собственным лексическим значением; здесь нет никакого противоречия, но есть живое диалектическое единство лексики и грамматики, которые не находятся в «противоречии», не исключают друг друга. Служебные слова выражают грамматическую категорию или грамматическое отношение между теми знаменательными словами, с которыми они связаны, но это значение для самого служебного слова есть его собственное лексическое значение» [Бархударов, 1952, с. 15].

При формировании языка слово, переходя из одной части речи в другую, не утрачивает (континуум) исторической целостности. В определении исторической целостности большую роль играет метод комплексного исследования, который выявляет структуру и употребление служебных слов древнетюркского языка, их функции, сочетание с другими частями речи, позволяет сравнить и исследовать сходства и различия служебных слов в письменном наследии средних веков и современных тюркских языков (в основном с казахским языком) и учитывать отдельные высказывания по их поводу в науке о литературе и истории, а также сопоставить общие мнения по типологии языков.

Недостаточно рассматривать историю формирования служебных слов на примере только одного языка, потому что в казахском языке употребляются служебные слова, вошедшие в него с арабского, персидского, русского языков. В любом языке есть служебные слова, хотя они употребляются в разных функциях. Например, в арабском языке, который относится к группе хамит-семит, служебные слова не имеют самостоятельного лексического значения, они являются своеобразным средством для передачи значений, выраженных самостоятельными частями речи, а глаголы делятся на полные и неполные. Такие сходства присущи и другим языкам. По словам С.Аманжолова « ... в мире нет языка, который не вошел в отношение с другими языками. Все языки мира, все народности как одна целая материя» [Аманжолов, 2002, с. 368]. Изучение истории

показывает, что система грамматического строя любого языка не формируется на основе одного языка. Заимствованные служебные слова в языке подверглись лишь звуковому изменению.

Служебные слова в письменно-исторических памятниках Орхон-Енисей, Талас в основном схожи со служебными словами современного казахского языка. По сравнению с другими служебными словами (служебные имена, модальные слова, частицы с усилительным значением) часто употребляются вспомогательные глаголы и послелогии. И понятно, что состав служебных слов древнетюркского языка по сравнению с современным тюркским языком в какой-то мере отличается. Но к тому же, нельзя ограничивать словарный состав и категории служебных слов, потому что любой текст древнетюркских памятников краток и обработан, и поэтому в тексте невозможно было использовать все служебные слова того периода. Это можно подтвердить высказыванием М.Шералиева: «В письменных памятниках, как известно, лексический и грамматический строй языка не находит полного и всестороннего отражения. В них фиксируются лишь отдельные крупницы языка, ограниченные темой и задачей, поставленными перед собой авторами рукописей и памятников» [Шералиева, 1970, с. 20], или Б.А.Серебренникова: «Отсутствие того или иного слова и формы в языке вовсе не означает отсутствие соответствующего понятия в сознании людей» [Серебренникова, 1974, с. 43]. Вообще, сравнивая казахский язык с письменностью мы больше наблюдаем сходств, чем отличия. Служебные слова древнетюркского языка являются основой современного языка и отражают один язык в разные периоды его становления, то есть наблюдаем генезис одного языка в разные эпохи.

Источник нашего исследования – древнетюркские рунические надписи, представленные в памятниках (Култегин, Тоникук, Билге каган, Кутлык каган, Тариат, Суджа, Ырык бітік, Кули Чор, Мойын Чор и др.), написанные с использованием первого алфавита древнетюркской письменности. Служебные слова на этих надписях подверглись сравнению с средневековыми письменными памятниками (Коркыт ата, Огызнама, Кутты билик, Акикат сыйы, кисса Рабгузи, и др.), которые рассматриваются на основе современного тюркского языка (на прямую с казахским языком).

Служебные слова средневековья значительно развиты по сравнению с древнетюркскими служебными словами. В письменном наследии прослеживаются незначительные диалектные различия, но служебные слова в целом по своей природе вошли в концепцию «целостности тюркского языка». Но вследствие экстралингвистических и интралингвистических явлений обособляются отдельные элементы огузского, кыпчакского, карлукского языков. В историко-письменном наследии есть факты наибольшего присутствия кыпчакских элементов. Служебные слова древнетюркского, средневекового и современного тюркского языка взаимосвязаны между собой. В работе определен состав служебных слов древнетюркского языка и проанализирован о их употребление в средневековом языке, дана их классификация в письменных памятниках по сходству и различию, а также классификация по общим признакам на языке гуннов Запада и Востока, их и сочетаемость с другими частями речи, связь древних и современных форм и аналитические форманты.

Учитывая развитие языка в связи с развитием общества, изменение развитие внешних и внутренних оболочек языка не бывает одинаковым. Словарный запас и сочетаемость служебных слов тюркского языка в разные периоды подвергались изменениям. Если состав и группы служебных слов древнетюркского и современного казахского в целом совпадают, то в письменных памятниках средневековья обнаруживается принадлежность некоторых служебных слов к одной или нескольким группам слов, и есть служебные слова общие для всех тюркских языков. А кроме того, в работе приведены примеры использования служебных слов одного языка в другом языке или их употребления в нескольких языках, или вообще их отсутствия. В связи с этим составлена статистика служебных слов древнетюркского языка в разные эпохи, соответствующих друг другу по смыслу, но подвергшихся звуковым и смысловым изменениям. Помимо этого, даны примеры служебных слов, использованных в древне и средневековом языке, но не встречающихся в казахском.

В состав служебных слов включаются вспомогательные глаголы, послелогии, союзы,

модальные слова, служебные имена, частицы с усилительным значением, и в последних исследованиях называются нумеративные слова и разные служебные слова. Не вызывает сомнений, что по специфике лексических значений служебные имена, вспомогательные глаголы и послелого являются служебными словами. Но определить лексическое значение некоторых слов нелегко. К ним относятся модальные слова, частицы с усилительным значением и нумеративные слова. Например, в отдельных трудах туркменской [Грамматика туркменского языка, 1970], узбекской [Узбек тилининг грамматикаси, 1965] грамматиках усилительные наречия считают к различными служебными словами, а в некоторых тюркских языках (киргизком, уйгурском, хакасским, шорском) их рассматривают в составе послелогов. В татарском же языке они включены в разряд частиц [Исхаков, 1956]. Усилительные наречия (өте, тым, зор и др.) следует считать служебными словами, придающими усилительное значение и употребляемыми перед знаменательным словам. Тюркологии известно, что модальные слова трактуются по-разному. Например, в казахском языке они трактуются то как самостоятельная часть речи, то не включаются в систему частей речи. отдельные тюркологи относят их к частицам. По нашему мнению, модальные слова нужно относить к служебным словам. Во-первых, в тюркологии нет единого мнения о формировании модальных слов как служебных элементов. Во-вторых, словарный состав модальных слов тюркского языка окончательно не установлен. В-третьих, модальные слова относят к неизменяемым служебным словам. В-четвертых, они устойчиво сочетаются со знаменательными словами и составляют сочетания с существительными, прилагательными, глаголами, местоимениями как служебные слова. Модальные слова активно употребляются в казахском языке, но очень редко встречаются в древнетюркском языке. В казахском языке служебные слова (вспомогательные глаголы и послелого, служебные имена, модальные слова, частицы с усилительным значением) определяются по-разному. В связи с этим проанализированы дефиниции служебных слов и сформулировано общее определение. На наш взгляд, служебные слова по происхождению – это знаменательные единицы языка, которые в результате грамматического развития потеряли полностью или частично первоначальное лексическое значение и утратили синтаксические функции членов предложения. Сочетаясь со знаменательными частями речи, они стали дополнять и уточнять их значения, а также обеспечивать связь слов в словосочетаниях и предложениях.

Служебные слова делятся на две группы: изменяемые и неизменяемые. К изменяемым служебным словам относятся вспомогательные глаголы, служебные имена, послелого и некоторые частицы, а неизменяемым модальные слова, союзы и частицы с усилительным значением. В древнетюркском языке служебные слова, как и в современном казахском, делились на изменяемые и неизменяемые. Кроме того, служебные слова современного казахского языка при помощи словообразующих суффиксов могут выполнять функции знаменательных частей речи (имени существительного, прилагательного, наречия). Такие особенности не наблюдаются в древнетюркском языке. В работе всесторонне рассмотрены формирование, развитие служебных слов и проблемы их изучения в диахронном и синхронном аспектах. На стадии исследования находится проблема принадлежности значительной части служебных слов древнетюркского происхождения к определенной группе тюркских языков.

ЛИТЕРАТУРА

Бархударов Л.С. Служебные слова и их функций // Труды военного института иностранных языков. М.: 1952, №1

Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология. Ашхабад: Ылым. 1970, 503с.

Исхаков Ф.Г. Лексико-грамматическая классификация слов или части речи в тюркских языках // Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков (морфология). М.: АН СССР, 1956, с. 72-77.

Серебрянников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука. 1974, -352 с.

Узбек тилининг грамматикаси. I, Тошкент, 1965, 137п.

Ширалиев М.Ш. Новые диалектные данные для историй тюркских языков // Советская тюркология. 1970, №5

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Гениш Эйюп

*кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры восточных языков МГГЭУ*

*Факультет иностранных языков
заведующий кафедры восточных языков*

*Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
Москва*

E-mail: eyurgenis@inbox.ru

В настоящей статье рассматриваются проблемы склонения служебных имен по падежам и лицам, была сделана попытка отразить некоторые специфические особенности склонения служебных имен, раскрыть спектр значений, которые приобретают рассматриваемые имена при склонении, а также анализируются сходства и различия переводов служебных имен с турецкого языка на русский язык.

Ключевые слова: турецкий язык, служебные имена, пространственные отношения, притяжательный изафет, относительный изафет, предлоги.

Во многих языках пространственные отношения выражаются при помощи предложных групп (например, в русском – предлоги, в английском – preposition, в арабском – харф-и джер и т.п.), в турецком же языке для выражения взаиморасположения объектов в пространстве используются специальные служебные имена. Служебными именами называются слова, выражающие части предметов, структурирующие пространство вокруг предметов и их расположение в пространстве. Являясь главным членом притяжательного изафета, эти имена указывают на часть объекта, задействованную в рассматриваемой ситуации. Служебных имен не так много, они могут присоединять падежные аффиксы и аффиксы принадлежности, но в большинстве случаев они используются в качестве главных слов, конструкций притяжательного изафета. В основном падеже они встречаются крайне редко. Присоединение падежных аффиксов несколько изменяет и значения служебных имен. К их числу относится ряд знаменательных слова, являющихся как именами существительными, так и именами прилагательными [Гениш, Гулиева, 2014, с. 61].

Служебные имена могут использоваться только в притяжательном изафете, т.к. характеризуют какое-то конкретное пространственное расположение объектов, какую-либо часть поверхности, внутренности или окрестности объекта. Эта тесная связь топологической зоны с самим объектом обуславливает использование служебных имен только в функции главного слова притяжательного изафета.

Само служебное слово (его корень) выражает лишь какую-то область пространства, связанную с ориентиром, выраженным зависимым членом конструкции. Прибавление падежных аффиксов придает служебному имени дополнительные значения.

Основные служебные имена: **alt** – 1) низ, нижняя сторона; 2) нижний; **üst** – 1) верх, поверхность; 2) верхний; **arka** – 1) спина, задняя часть; 2) задний; **ön** – 1) перед, передняя часть; 2) передний; **iç** – 1) внутренняя часть; 2) внутренний; **diş** – 1) наружная часть; 2) наружный; **yan** – 1) бок, боковая сторона; 2) боковой; **orta** – 1) середина, центр; 2) центральный, средний; **karşı** – 1) противоположная сторона; 2) противоположный; **civar** – 1) окрестность; 2) окрестный....

Например:

masanın altı (masa: стол, alt: низ) пространство под столом;

dolabın üstü (dolar: шкаф, üst: верх) *верхняя поверхность шкафа*;
 kapının arkası (kapı: дверь, arka: задняя часть) *пространство за дверью*;
 evin önü (ev: дом, ön: перед) *пространство перед домом*;
 çantanın içi (çanta: сумка, iç: внутренняя часть) *внутренняя часть сумки*;
 kutunun dışı (kutu: коробка, dış: наружная часть) *наружная часть коробки*;
 televizyonun yanı (televizyon: телевизор, yan: боковая часть) *боковая часть телевизора*;
 odanın ortası (oda: комната, orta: середина) → *середина комнаты*;
 dükkanın karşısı (dükkan: магазин, karşı: противоположная сторона) *противоположная сторона магазина*;

okulun civarı (okul: школа, civar: окрестность) *окрестность школы* [Гениш, 2015, с. 90].

Такие слова выражают лишь какую-то область пространства, связанную с ориентиром, выраженным зависимым членом конструкции (masanın altı (masa: стол, alt: низ) *пространство под столом*). Но в сочетании с падежными аффиксами переводятся на русский язык предлогами.

Падежные аффиксы используются для маркирования актантов и сирконстантов глаголов. Каждый глагол управляет определенными падежами зависимых имен существительных, падежи используются для выражения связей между словами в предложениях (именами и глаголами или послелогоми).

Выбор падежного аффикса в каждом конкретном случае зависит не только от выражаемой связи, но также и от того глагола, который управляет данным именем существительным. В большинстве случаев, глаголы в турецком и русском языках различаются падежным управлением, что обусловлено принадлежностью этих двух языков к разным языковым семьям и разным содержанием падежных систем турецкого и русского (Например, глагол 'evlenmek' в русском языке сочетается с именами в предложном (*жениться на ком?*) или винительном (*выйти за муж за кого?*) падежах; а в турецком языке этот глагол требует использования творительного падежа (*выйти за муж или жениться с кем?*)) [Гениш, 2008, с. 5].

Например:

Dolabın yanına koy (dolar: шкаф, yan: боковая часть, koymak: ставить). *Поставь рядом со шкафом.*

Yatağın altına sakladım (yatak: кровать, alt: нижняя часть, saklamak: прятать). *Я спрятала под кроватью.*

Masanın üstünde duruyor (masa: стол, üst: верх, поверхность, durmak: стоять). *Стоит (лежит) на столе.*

Evin altında bir market var (ev: дом, alt: нижняя часть, bir: один, market: магазин, var: есть). *Под домом есть магазин.*

Kapının arkasından çıktı (kapı: дверь, arka: задняя часть, çıkmak: выходить). *Вышел из-за двери.*

Buzdolabın altından su akıyor (buzdolabı: холодильник, alt: нижняя часть, su: вода, akmak: течь). *Из-под холодильника течет вода.*

Служебные имена (yanında, önünde, arkasında и т.п.) в русском переводе в большинстве случаев теряют свою специфику, которая очень важна для носителя турецкого языка, как, напр.: «evin yanında» воспринимается не как русское «у дома», а у определенной части дома: «у бока дома», «в боку дома», т.е. нечто примыкающее к дому с боку; эту специфику особенно следует учитывать при переводе с русского языка на турецкий [Кононов, 2002, с. 202].

Перед падежным аффиксом могут стоять аффиксы принадлежности не только третьего,

но первого и второго лица. В этом случае служебные имена получают дополнительное значение, в них выражается лицо и число ориентира.

Например:

Etrafımız (*bizim etraf+ımız+ı*) sardılar. (Они нас окружили.)

Üstümü (*benim üst+üm+ü*) örter misin? (Накрой меня, пожалуйста!)

Yanıma (*benim yan+ım+a*) otur. (Сядь рядом со мной.)

Yanıma (*onun (kendisi) yan+ı+n+a*) para almamış. (Он взял с собой деньги?)

Önüne (*senin ön+ün+e*) bak! (Смотри перед собой.)

Sizin yerinize ben gideceğim. (Вместо вас пойду я.)

Sen arkama (*benim arka+m+a*) geç. Ben seni korurum. (Отойди за меня. Я тебя прикрою.)

Üstümüzde (*bizim üst+ümüz+de*) bir pilot yaşıyor. (Над нами живет пилот.)

Bu aramızda (*bizim ara+mız+da*) kalsın. (Это останется между нами.)

Aramızda (*bizim ara+mız+da*) hainler var. (Среди нас есть предатели.)

Biz sizin sayenizde kazandık. (Благодаря вам мы выиграли.)

Yanımda (*benim yan+ım+da*) para yok. (У меня с собой нет денег.)

İçimde (*benim iç+im+de*) bir sıkıntı var. (Мне грустно.)

Sizin dışınızda (*dış+ınız+da*) kimse bilmiyor. (Кроме вас, никто об этом не знает.)

Önümden (*benim ön+üm+den*) geçti ve beni tanımadı. (Прошел мимо меня и не узнал.)

Önümüzden (*bizim ön+ümüz+den*) kara kedi geçti. (Нам дорогу перебежала черная кошка.)

Yanıımızdan (*bizim yan+ımız+dan*) geçti ve bizi tanımadı. (Он прошел мимо нас и не узнал.)

Arkamdan (*benim arka+m+dan*) gel! (Иди за мной.)

Senin yüzünden kaybettik. (Из-за тебя проиграли.)

Слово “arasında (между)” в употребление отличается от других служебных слов. Так как для употребления этого служебного слова требуется как минимум два объекта. Поэтому после первого слова употребляется союз “ile” (с), ко второму предмету добавляется аффикс родительного падежа, а только потом употребляем служебное слово “arasında (между)”.

Например:

Banka ile eczanenin arasında otobüs durağı vardı. (Между банком и аптекой была остановка.)

Masaı, dolap ile televizyonun arasına koyduk. (Мы поставили стол между шкафом и телевизором.)

После этого служебного слова, также как и во всех остальных случаях перед падежным аффиксом могут стоять аффиксы принадлежности не только третьего, но первого и второго лица.

Например:

Bu, (*senin ile benim*) aramızda kalsın. (Пусть это останется между нами.)

Aranızda para toplayın, alın. (Соберете деньги между собой и купите.)

Bu, onunla bizim aramızdaki özel bir mesele. (Эта тема, касается только его и меня.) [Гениш, 2015, с. 92].

При употреблении служебных имен в конструкции с составными именами, образованными посредством относительного изафета, аффикс родительного падежа присоединяется к составному имени так же, как и к простому имени.

Например:

Yatak odası (yatak oda+sı) → yatak odasının yanında (рядом с спальней)

Hayvanat bahçesi (hayvanat bahçe+si) → hayvanat bahçesinin önünde (перед зоопарком)

В случае, когда составное имя требует какого-либо, помимо третьего лица единственного или множественного лица, показателя принадлежности, определяемое в изафетной конструкции не присоединяет к себе аффикс принадлежности третьего лица, но присоединяет к себе требуемый аффикс принадлежности. При этом аффикс принадлежности третьего лица единственного числа присоединяется к последующему служебному слову.

Например:

Yatak odası (yatak oda+sı) → benim yatak odamın yanında (рядом с моей спальней) (но ни в коем случае не прибавлять аффикс принадлежности к оформленной изафетной конструкции: “yatak oda-sı-m” → “yatak odasının yanında” — неверно)

Hayvanat bahçesi (hayvanat bahçe+sı) → sizin hayvanat bahçenizin önünde (перед вашим зоопарком) [Там же. с. 96].

Иногда аффиксы дательного (-e/-a), местного (-de/-da) и исходного (-dan/-den) падежей употребляются вместо служебных имен “iç (внутренняя часть чего-либо)” и “üst (верхняя часть чего-либо)”. С грамматической точки зрения эти два варианта не несут каких-либо отличий. Употребление служебных слов “iç” ve “üst” только усиливает значения.

Например:

Kitap çantanın içinde. (Книга внутри сумки) = Kitap çantada. (Книга в сумке.)

Defteri masanın üstüne koy. = Defteri masaya koy. (Положи тетрадь на стол.)

Kutunun içinden bir oyuncak çıkardı. = Kutudan bir oyuncak çıkardı. (Из коробки он вытащил игрушки.)

Masanın üstünden yere atladı. = Masadan yere atladı. (Он спрыгнул со стола на пол.)

Служебные слова присоединяются к существительному которое всегда стоит в родительном падеже. Но иногда встречаются ситуации, когда аффикс родительного падежа опускается. Такой прием применяется в следующих моментах:

1. В устойчивых словосочетаниях:

Например:

Kanun karşısında (kanunun karşısında) hepimiz eşitiz. (Перед законами мы все равны.)

Onu yarın hâkim karşısına (hâkimin karşısına) çıkaracaklar. (Он завтра предстанет перед судьей.)

Şehir içindeki (şehrin içindeki) fabrikaları kapatacaklarmış. (Говорят, якобы все фабрики находящиеся за городом собираются закрыть.)

2. В сложных именах образованных с помощью относительных изафетов. В данном случае эта конструкция правильная, так как образованные сложные имена существительные с помощью относительного изафета схожи с аффиксами служебных слов:

Например:

Şehir dışında bir yazlığım var. (За городом у меня есть коттедж.)

Bütün kablolar yer altından geçiyor. (Все провода проведены под землей.)

В данных выше примерах словосочетания “şehir dışı” (за городом) и “yer altı” (под землей) являются сложными именами.

3. В разговорной речи из-за неправильного употребления опускается аффикс родительного падежа у существительного. Такой прием для разговорной речи турецкого языка считается нормой (например: опущение аффикса принадлежности у главного слова в относительном изафете: şiş kebar (şiş kebapı) и т.п.).

Например:

Salata dışında (salatanın dışında) her şey hazır. (Кроме салата все готово.)

Halk paralarını yastık altında (yastığın altında) saklıyor. (Народ хранит деньги под

подушкой.)

У имен обозначающих время аффикс родительного падежа не употребляется перед служебными именами.

Например:

İki ay **içinde** gelir. (*В течение 2-х месяцев придет.*)

Üç hafta **içinde** size cevap veririm. (*В течение 3 недель я дам вам ответ.*)

Учитывая выше данные пункты, можно сказать, что образование, спряжение и употребление служебных имен в турецком языке отличается от предлогов в русском языке. Не смотря на то, что эти имена часто переводятся на русский язык как предлог. Если внимательно не изучить все нюансы употребления служебных имен в турецком языке, можно столкнуться при переводе на русский язык с серьезными проблемами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гениш Э. Гулиева Э.М. Способы связи слов в турецком языке // Вестник московского государственного гуманитарно-экономического института. № 2(18). – Москва, 2014. – С. 59-68.
2. Гениш Э. Словарь турецких глаголов & управление глаголов в турецком языке. – М.: ЛКИ, 2008. – 328 с.
3. Гениш Э. Грамматика турецкого языка том 1. Изд. 4-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 232 с.
4. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. – С.: Миллениум, 2002. – 232 с.

THE SPATIAL RELATIONSHIPS IN TURKISH LANGUAGE

Genish Eyup,

PhD, associate professor,

Moscow State University of Humanities and Economics,

Russian Federation, Moscow

E-mail: eyupgenis@inbox.ru

The article deals with the problems of functional nouns' inflecting for case and person. A try to reflect some specific peculiarities of functional nouns' declension and to disclose the spectrum of meanings that considering nouns take on during declension was made. The similarities and differences of functional nouns' translations from Turkish to Russian language are also analyzed.

Key words: Turkish language, functional nouns, spatial relationships, possessive ezafe, prepositions.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОДСТВА В ФОНЕТИКЕ ТЮРКСКИХ И БАСКСКОГО ЯЗЫКОВ

Сулейманова Дильбар Данисовна

соискатель

факультет башкирской филологии и журналистики

кафедра башкирского языкознания

и этнокультурного образования

Башкирский государственный университет, Уфа

E-mail: dilbar.bulatova@yandex.ru

В статье рассматриваются типологические сходства между тюркскими (на примере башкирского, татарского языков) и баскским (на материале диалектов) языками на уровне фонетики, а именно гармония гласных и согласных, сингармонические параллелизмы и палатализация основы, обусловленность (ограничения на встречаемость) начальных и конечных согласных в структуре слова.

Ключевые слова: сопоставительно-типологическое языкознание, баскский язык, башкирский язык, татарский язык, гармония звуков, тюркский сингармонизм, фонотактика.

Гармония гласных, наличие сингармонических параллелизмов с дифференцированным лексическим значением являются одними из главных типологических сходств в фонетике алтайских и уральских языков [Баскаков, 1981, с. 30]. Подобные явления выявляются также при сравнительно-сопоставительном анализе тюркских и баскского языков. В качестве материала выбраны тюркские (башкирский, татарский) и данные баскских диалектов. Башкирский и татарский языки относятся к урало-поволжской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков, принадлежащих алтайской семье. Агглютинативный баскский язык (*Euskera*), вопрос о генетической принадлежности которого остается нерешенным, развивался в окружении флективных языков.

Гармония гласных

Основным признаком на фонологическом уровне, фундаментальной структурно-типологической особенностью тюркских языков выступает сингармонизм, разновидность ассимиляции гласных. Составляющими сингармонизма в современном алтайском языкознании, согласно мнению В.Г. Гузева, А.А. Бурькина, принято считать: небную и губную гармонию гласных, уподобление начальных смычных согласных аффиксов конечному фону основы по признакам звонкости/глухости, воздействие дифференциальных признаков гласных на артикуляцию согласных [Гузев, 2007, с. 117–118]. Особое внимание ученых привлекают процессы ассимиляции гласных в аффиксальных морфемах. По мнению А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, тюркский «сингармонизм – это не фонетическое, а морфонологическое явление, проявляющееся в выборе по-разному огласованных вариантов присоединяемых аффиксов» [СИГТЯ, 2006, с. 212]. Ср. башкирское/татарское (далее – БТ) БТ *at-i* ‘лошадь его (ее), БТ *et-e* ‘собака его (ее)’. Между тем необходимо отметить, что в узбекском языке произошла утрата сингармонизма. Имеются случаи несоблюдения сингармонизма в отдельных башкирских и татарских лексемах, в т. ч. – аффиксах. Для праалтайского языка восстанавливается десингармонистическая система гласных [СИГТЯ, 2006, с. 152–159].

Ж.А. Лакарра приходит к мнению, что гармония гласных и более богатый инвентарь гласных фонем могут быть характерны для прабаскской фонологической системы [Lakaṛra,

2006, с. 305]. Р.Л. Траск признает ареальную (бискайскую, частично верхненаваррскую) гармонию баскских гласных ($/a/ > /e/$, когда предыдущий слог содержит фонемы верхнего подъема $/i, u/$: *itaun > iteun* ‘исповедь’) [Trask, 2008, с. 36]. По исследованиям Х.И. Уальде, в говоре Арбису (провинция Наварра) наблюдаются: а) прогрессивная ассимиляция корневых гласных *ikas-i [ikesi]* ‘учить’, *izan [isen]* ‘быть’; б) ассимиляция гласных в составе аффиксов, когда показатели падежей имеют морфонологические пары в зависимости от характеристики гласных корня: *asto-Vn [astoon]* ‘дна’, *mendi-Vn [mendiin]* ‘горы’; *paate-tas* ‘стенами’, *mendi-tes* ‘горами’, *paate-tan* ‘на стенах’, *mendi-ten* ‘на горах’ [Hualde, 2007, с. 40, 6, 43]. А.В. Архипов, Г.А. Нуждин пишут, что ассимиляция наблюдается и в формах существительных с определенным артиклем *-a* (*esku-a [-ue]* ‘рука (кость) его (ее)’, *gari-a [-ie]* ‘пшеница его (ее)’) [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>].

Прогрессивная ассимиляция по лабиализации прослеживается в баскских диалектах, например, *zuzi*[□] (B, G, HN, L, LN), *züzü* (Z), *zuzu* (R) < **zuzi* ‘факел’, в заимствованиях: *kusu* (L, LN), *kusi* (L, LN), *kusin* (арх. L), *gusu* (L, LN), *kosino* (R) < романское **cusinu* ‘двоюродный брат’. Имеются случаи регрессивной ассимиляции начальных или срединных гласных корня в баскском языке: *behor* (L, LN), *beor* (B Sout., G, HN, SR), *bóhor* (Z), *beur* (R) ‘кобыла’; *suri* (B, G, HN, L, LN, Z), *ixuri*, *usuri* (R), *esuro* (арх. B) < **e-sur-i* ‘лить(ся)’.

Ассимиляция согласных

Башкирские и татарские аффиксы обнаруживают модификации аффиксальных морфем по глухости-звонкости. К примеру, БТ $/t-, d-/$ и морфонологические варианты (башкирское (далее – башк.) $/l-, \delta-/$) выступают в падежных показателях: 1) в показателях местного падежа: БТ *-ta, -tä, -da, -dä*, башк. *-lal/-lä, -dal/-dä*: БТ *qiš* ‘зима’, БТ *qiš-ta* ‘зимой’; БТ *qan* ‘кровь’, БТ *qan-da* ‘в крови’; 2) в показателях исходного падежа: БТ *-tan, -tän, -dan, -dän, -nan, -nän*, башк. *-dan, -dän*: БТ *qiš-tan* ‘от зимы’; БТ *qan-dan/qan-nan* ‘из крови’ (ср. архаичное БТ *-tin, -din*).

Обнаруживается ассимиляция баскской начальной $/t-/$ в составе показателя аблатива (местно-исходного падежа) *-(e)tatik* (неопред. ч.), *-(e)tik* (опред. ед. ч.), *-etatik* (опред. мн. ч.) ‘от, из, с, по, через’: *Bilbo-tik* ‘из Бильбао’; *atze* ‘задняя часть’, *atze-tik* ‘сзади’. Как показывают исследования Х.И. Уальде, морфонологический вариант представлен аффиксом *-dik* в основах с конечными $/-n, -l/$ [Hualde 2007, 103]: *hemen-dik* ‘отсюда’; *non-dik* ‘откуда?’; *Brasil-dik* ‘из Бразилии’. Озвончение анлаутной $/t-/$ в аффиксе *-tegi* ‘место’ наблюдается после $/-n/$: *ardan-tegi* (B) ‘кладовая’, ср. *ardan-degi* (B, G, арх. L, B, G) ‘винный погреб’, *muin-tegi* (G), *mun-tegi* (арх. B), *min-degi* ‘теплица’.

Гармония согласных

Безусловно, развитие вокализма и консонантизма взаимосвязаны. В баскском языке наблюдается «гармония сибилантов»: баскские лексические единицы могут содержать только ламинальные ($/s, ts/$) или только апикальные фонемы ($/ʃ, tsʃ/$). Ламинальные звуки подстраиваются под апикальные: баск. арх. *zinetsi* ‘истина’ > современное *sinetsi* [Trask, 2008, с. 42]. Тенденция к гармонии переднеязычных фрикативов – особенность и тюркских языков: БТ *säs/çäç* < **s(i)aç* ‘волосы’; БТ *šäš-* < **säš-* ‘переходить меру’.

Палатализация основы или сингармонические пары

Как отмечено выше, одним из главных типологических сходств в фонетике алтайских и уральских языков выступает наличие сингармонических параллелизмов. В этом контексте заслуживает внимания мнение Н.А. Баскакова, который считает, что фонологическую структуру тюркского слова определяют согласные, «строгая парность гласных» является вторичной и зависит «от парности согласных» [Баскаков, 1988, с. 17].

В башкирском, татарском языках фиксируются сингармонические пары или параллелизмы с различием или без различия семантики [Кейекбаев, 1958, с. 148–177]. Сингармонические пары с гласными $/a/ \sim /ä/$, к примеру: *ata* ‘отец’ ~ *äti* ‘папа’, *ana*

‘мать’ ~ *äni* (диал. *inä, ini*) ‘мама’ сосуществуют в литературном татарском языке, широко представлены в башкирских диалектах [Миржанова, 2006, с. 30, 88, 150, 219].

Можно предположить, что варианты с гласными переднего ряда в допратюркском языке вторичны и обозначали предмет, лицо, действие с ослабленной или более конкретной семантикой. Ср. тат. *borçaq* ‘горох’ ~ *börçek* ‘крапинка’, тат. *tor-* ‘жить’ ~ *tere* ‘живой’, БТ *bor-* ‘поворачивать’ ~ *bör* ‘делать круглым, округлым’. Нельзя исключить морфонологическую обусловленность палатализованных основ. По мнению Дж. Г. Киекбаева, «...в личных местоимениях некоторых урало-алтайских языков идея множественности-неопределенности грамматически выражается путем замены узких передних гласных широким или задним» [Киекбаев, 1972, с. 96].

На наш взгляд, схожее явление обнаруживается в материале баскского языка. Баскологами отмечается экспрессивно-выразительная палатализация (как правило – переднеязычных) согласных, образование пар по палатализации [Michelena, 1990, с. 179–181], уменьшительная форма может вытеснить оригинал (например, слово *zakur* означает ‘большая собака’, но оно утеряно в некоторых диалектах, в отличие от уменьшительного *xakur* [Trask, 2008, с. 45]).

Палатализация основы может быть обусловлена также аллофонными изменениями. Согласно «Татарской грамматике», в татарском языке после гласных переднего ряда употребляются палатализованные аллофоны согласных фонем [ТГ, 1995, с. 95]. Переход твердоядных слов в мягкорядные В.В. Радлов объясняет как результат регрессивной ассимиляции при наличии звука *i* (*i*) или прогрессивной ассимиляции при наличии анлаутного *j* или *ç, š, ž* [Приводится по: Щербак, 1970, с. 36].

Для сравнения, в бискайском, также гипускоанском, сулетинском (зубероанском), ронкальском диалектах баскского языка Р.Л. Траск указывает на автоматическую палатализацию переднеязычных согласных */s, ʂ, ts, tʂ, t, l, n/ > /ʃ, ʃ, tʃ, tʃ, <tt>c, <ll, il>ç, <ñ>ñ/* после гласной */i/* в позициях */iCV/, /iC/* [Trask, 2008, с. 30].

Предположительно, тюркские языки развили сингармонистическое противопоставление гласных заднего и переднего ряда, в баскском же данный процесс остался в зачаточном состоянии (или был утерян), исследователи говорят лишь об ареальных случаях гармонии гласных. Данный подход позволяет объяснить свободное варьирование сингармонических пар аффиксов в тюркских языках, когда гласные аффиксов уподобляются сингармонистическому ряду основы.

Обусловленность согласных в структуре слова

На наш взгляд, одним из важных структурно-типологических сходств между исследуемыми языками являются фонотактические закономерности, а именно ограничения на встречаемость начальных и конечных фонем в структуре слова.

Для пратюркских и прабаскских консонантных систем характерны ограничения на встречаемость согласных в структуре слова. По одной из реконструкций, пратюркские согласные имеют сильные ограничения на встречаемость (возможность употребления в анлауте только глухих смычных и спиранта */s/*, в ауслауте многосложных слов (CVCC(V)) – сонорных, глухих спирантов, только слабых смычных и **-/γ, -δ/*) [СИГТЯ, 2006, с. 62–66]. По другой версии, восстанавливаются анлаутные смычные **/b- ~ p-, d- ~ t-, (ž- ~ č-), g- ~ k-, (q-)/* для начала слова и сонорные **/-λ- ~ -š-, (-v-), -m-, (-δ-), -n-, -r-, -l-, -ř- ~ -z-, -ñ-, -j-, -η-, (-γ-)/* для середины и конца слова [Дыбо, 2007, с. 15]. По исследованиям Л. Базена, в материалах орхоно-енисейских памятников в анлауте встречаются только */b-, t-, k-, č-, s-, j-/* [Баскаков, 1988, с. 14]. Обзор и анализ двуязычных, лексических словарей показывает, что слова с начальными смычными */b-, q-, k-, t-/*, а также щелевыми */j- ~ /j-(ž-)/, /s- ~ /ç-/*, */h- ~ /s-/* составляют значительную часть лексического фонда башкирского и татарского языков. В современном татарском языке, согласно данным «Письменного корпуса татарского

языка» [ПКТЯ, <http://corpus.tatfolk.ru/>], наиболее частотными в конечной позиции являются фонемы /n, r, l/.

Как предполагал Р.Л. Траск, в прабаскском анлауте преобладали слабые смычные, сибиллянты, в других позициях – сонорные, сильные смычные, аффрикаты [Trask, 2008, с. 18].

Такое распределение согласных, вероятно, свидетельствует о корнеобразующей роли сонорных в тюркских и баскском праязыках. Подобные явления присутствуют и в языках других семей. Например, В.Л. Котвич считает, что «тунгусские языки стремятся избавиться в конце слова от других согласных, кроме сонорных *n, r, l*» [Котвич, 1962, с. 35]. Тенденцию разграничения «финалей и инициалей» наблюдает Г.К. Вернер в енисейских языках: «за известными исключениями, согласные *r, l, m, n, ng, j* встречаются только в исходе слогов; *b, d, g, p^h, t^h* – в начале слогов (звонкие – чаще внутри слов)» [Вернер, 1997].

Возможно, что в тюркских языках некоторые группы слов (в основном глагольной семантики, с анлаутными /j-/ ~ /ž-/ , фрикативами /s-/ ~ /h-/ , /ç-/ ~ /s-/ , смычными /b-, g-, k-, q-, d-, t-/) являются реликтами словоформ, принадлежащих к одному семантическому полю, но различающихся по классам (лицо, число, вид и др.), и традиционно рассматриваются как самостоятельные лексемы. Вероятно, что в определенный период они являлись производными (маркированными) основами, позже утвердились в качестве корневых морфем и стали основой для развития семантических дериваций и обогащения лексического состава языка.

Аналогичным образом, сонорные (/n, l, r/) в позиции после первой гласной, по всей вероятности, имели корнеобразующую функцию. Существует гипотеза о переходе носового звука в плавный (закон NLR), объясняющая трансформацию сонантов, но, по мнению О. Сулейманова, «тюркскую консонантную структуру почти не затронул закон NLR» [Сулейманов, 1998, с. 25, 45]. Возможен универсальный характер подобной структуры в ностратических языках. Например, по общеизвестной гипотезе Ф. де Соссюра, индоевропейский односложный корень возводится к структуре VSC, где V – гласный, S – сонант, C – консонант [Соссюр, 1977, с. 658].

Таким образом, возникает необходимость учета морфонологических процессов в анлауте и появляется возможность классификации и этимологизации тюркских лексем не только по начальным согласным, как это принято в традиционной тюркологии, но и с учетом этимологических сонорных */n, l, r/ в позиции после первой гласной.

Таким образом, гармония звуков имеет обширное и системное влияние на развитие тюркского вокализма, а в отдельных баскских диалектах наблюдается гармония гласных и ассимиляция начальных согласных аффиксальных морфем по звонкости-глухости. Вопрос о наличии связи между явлениями гармонии звуков и агглютинации, причинах явления палатализации основы в языках агглютинативного типа требует дальнейших исследований. Наличие ограничений на встречаемость начальных и конечных фонем в структуре слова является одним из важных структурно-типологических сходств тюркских и баскского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов А.В., Нуждин Г.А. Баскский язык: рабочий вариант статьи для энциклопедии «Языки мира». [URL]: <http://xnportal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>.
2. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Наука, 1981. 136 с.
3. Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М.: Наука, 1988. 208 с.
4. Вернер Г.К. Енисейские языки // Языки мира: Палеоазиатские языки. М., 1997. С. 169–177

5. Гузев В.Г., Бурыкин А.А. Общие строевые особенности агглютинативных языков. – Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. СПб., 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 109–117.
6. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007. 222 с.
7. Кейекбаев Ж.Ф. Башкорт теленең фонетикаһы (на башк. яз.). Өфө: Башкортостан китап изд-һы, 1958. 211 б.
8. Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа: Китап, 1972. 152 с.
9. Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 372 с.
10. Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). 2-е изд. Уфа: Китап, 2006. 296 с.
11. Письменный корпус татарского языка. [URL]: <http://corpus.tatfolk.ru/>.
12. СИГТЯ 2006 – Сравнительно историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.
13. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
14. Сулейманов О. Язык письма. Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества. Алматы-Рим, 1998. 178 с.
15. Татарская грамматика: в трех томах.–Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. Т. 1. Происхождение языка. Фонетика. Фонология...
16. фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 204 с.
17. Hualde J.I. Basque Phonology. – Routledge, 2007 (Revised 1991 edition). – 210 p.
18. Lakarra J.A. Protovasco, munda y otros: Reconstrucción interna y tipología holística diacrónica. Donostia – San Sebastián, 2006. P. 229–322.
19. Michelena K. Fonetica historica vasca. San Sebastian: Diputación Foral de Gipuzkoa, 1990. 596 p.
20. Trask R.L. Etymological Dictionary of Basque / edited for web publication by Max W. Wheeler. University of Sussex, 2008. 418 p. [URL]: http://www.academia.edu/2154989/Etymological_Dictionary_of_Basque_by_R.L._Trask_edited_for_web_publication_by_Max_W._Wheeler.

TYPOLOGICAL SIMILARITY IN PHONETICS OF TURKIC AND THE BASQUE LANGUAGE

*Suleymanova Dilbar D.,
applicant
Bashkir State University,
Republic of Bashkortostan, Ufa
E-mail: dilbar.bulatova@yandex.ru*

The article deals with the typological similarities between the Turkic (Bashkir, Tatar language) and Basque (in the dialect material) languages at the level of phonetics, namely, harmony of vowels and consonants, synharmonic parallelisms and the palatalization of the basics, conditionality (restrictions on the occurrence of) of the initial and final consonants in the of words structure.

Key words: comparative-typological linguistics, the Basque language, the language of the Bashkir, Tatar, harmony sounds, Turkic vowel harmony, phonotactical.

О НЕКОТОРЫХ ФИТОНИМАХ АРАБСКО-ПЕРСИДСКОГО О ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Отемисов Азиз Зарлыкбаевич,

ассистент-преподаватель

факультет каракалпакская филология

кафедра каракалпакского языкознания

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, Нукус

В этой статье рассмотрены причины образования фитонимов, мотивы называния, историко-этимологические пласты, этимологическо-смысловые особенности некоторых фитонимов арабско-персидского происхождения в каракалпакском языке.

Ключевые слова: фитонимы, номинация, мотив, семантика, образование фитонимов, иноязычные элементы, заимствование.

В словарном составе каракалпакского языка часто встречаются иноязычные элементы. Они были заимствованы в различные эпохи, смешались с коренными словами, поэтому происхождение их было забыто и перешли в тюркский язык. Пути и способы заимствования таких элементов различны.

Если обратим внимание на историю освоения заимствованных слов, то наблюдаем два способа заимствования с одного языка в другой: по первому способу, освоенные слова были заимствованы из определённого языка прямо без языка посредника; по второму способу, освоенные слова были заимствованы из языка источника не посредственно, а через третий язык.

Заимствованные из арабского и иранских языков элементы, вошедшие в тюркские языки Средней Азии, исследуются учёными с давних пор [Абдуллаев, 1946; Боровков, 1952; Джафаров, 1971; Дмитриева, 1962; Иванов, 1973; Касымов, 1948; Майзель, 1945; Меметов, 1985; Насыров, 1972; Рустемов, 1982; Шамшетов, 1984].

Известно, что арабы захватили Среднюю Азию, развивали экономические, культурные отношения, с живущими здесь народами. Поэтому в языке тюркских народов, проживающих в Средней Азии, часто встречаются слова арабского и персидского происхождения. Слова арабского и персидского происхождения в каракалпакский язык вошли через соседних народов (узбекского, туркменского, казахского), также по книгам религиозного содержания, по классической литературе. Слова арабского и персидского происхождения передают в основном религиозные понятия, понятия связанные с общественно-политическим содержанием, с производством и торговлей, с наукой и культурой.

В фитонимах, в современном каракалпакском языке, встречаются ряд слов арабского и персидского (таджикского) происхождения. Например: слово *эдираспан* образовано сложением двух слов *эдир* и *аспан(д)*, где слово *эдир* в иранских языках произносится как *адар//атар//азар* и обозначает 'огонь', 'пламя'. В современном персидском, таджикском и дари языках используются в виде *азар*. Вторым вариантом этого слова является слово *сипанта*, основное значение которого *ақ* 'белое', в результате переносного употребления (метафоризации) стал обозначать *ийгиликли* 'благое', *муқэддес* 'священное' [Бафоев, 1951, с. 56; Рустамов, 1987, с. 129]. Значит, слово *эдираспан* означает *ийгиликли от* 'благое огонь, трава', 'благое растение', 'священное растение'. Это слово употребляется и в языке казахов, проживающих на территории Республики Каракалпакстан в варианте *испенти* [Бекетов, 1992, с. 112].

Әдираспан имеет лекарственное свойство. Оно употребляется в народной медицине с древних времён. Поэтому в народе говорят: *Әдираспан деген сенбисең, ҳәр бир кеселге ембисең* ‘Адраспан это ты, и являешься ли лечебным для каждой болезни’.

А.К.Боровков отмечает, что слово *гүлқайыр* арабского происхождения образовано путём сложения двух слов *гүл* ‘цветок’ и *қайыр* ‘круглый’ [Боровков, 1971, с. 102]. По мнению Б. Калиева, слово *қайыр* ‘хаугі’, состав слова *гүлқайыр* на арабском языке означает *түйме гүл* ‘кругообразный, шарообразный цветок’ [Калиев, 1988, с. 84]. В арабском языке слово *ریح* [хайрун] означает *баг* ‘сад’, значит слово *ریح* - [хайрун] означает *жақсы* ‘хороший’ [Баранов, 1957, с. 260]. Соответственно слово *гүлқайыр* означает *баг гүли* ‘садовый цветок’ или *жақсы гүл* ‘хороший цветок’. В казахском языке словом *гүлқайыр* называют и другие растения [Бекетов, 1992, с. 56] т.е. называют его *түймегүл* ‘шарообразный цветок’.

Растение *дәри тамыр* ‘лекарственный корень’ употребляется в различных вариантах: в узбекском языке *томир дори*, в казахском *қос мекенди самалдық, суқумық, томардәри*, в туркменском *қара бугдай*, в башкирском *қара бойзай*, в татарском *қарабодай*, в азербайджанском *қарабошақ*, в ногайском *қара йарма*, в древнетюркском *arnavut darısı*, в чувашском *хуратула*, в якутском *торуча уба* [Дмитриева, 1972, с. 223]. Первое слово названия *дәритамыр* *дәри* ‘лекарство’ арабского происхождения, а второе слово *тамыр* ‘корень’ тюркского происхождения [Севортян, 1980, с. 143].

Слово – ‘*خنج*’ *банг* в составе слова *бангидууана* арабского происхождения и обозначает *ақылынан адасыу* ‘сходить с ума, лишиться ума’ [Баранов, 1957, с. 102], а вторая часть *дууана* персидского происхождения также означает *ақыл-есинен айырылған адам* ‘человек лишившийся ума’ [Бекбаулов, Мамбетназаров, 1992, с. 30]. Этот вид растения в узбекском языке встречается в виде *бангидевона*, в казахском *сасық меңдуана* ‘вонючий мендуана’, в киргизском *чочко жангак* ‘свиной орех’, в туркменском *данегерчек*. О слове *меңдуана* казахского языка А.Кайдаров приводит следующее мнение: «Это слово образовано из двух слов иранского происхождения *бәнг* и *девона* – *ақылынан адасқан, есерсоқ, есауас* ‘лишённый ума, ненормальный, дурак’ т.е. в соответствии с казахским фонетическим своеобразием слово *банг* изменился в *мең*, а *девона* в *дувана*» [Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі, 1966, с. 35]. *Бангидууана* является ядовитым растением. Поэтому его называли так. Его листья, в период цветения, используются в лекарственных целях. Слово *мыңдууана* вариант слова *бангидууана*, претерпевший фонетическое изменение. Оно в каракалпакском языке употребляется в различных формах: *мыңдууана, менгидууана, мәнгидуана*. На самом деле *бангидууана* и *мыңдууана* – два различных растения. В казахском языке оба они называются *меңдуана*. *Мыңдууана* встречается и в других тюркских языках. Например, в узбекском языке *мингдевона (шайтонкоса)*, в казахском языке *қара меңдуана* ‘чёрный мендуана’; в киргизском языке *қара мездубана* ‘чёрный мездубана’; в туркменском языке *гара мапырсақ*; в татарском языке *тилебәрән, тилорлоқ, тиле үлән, тиле бәрән ырлығы, котырғыч* [Бурганова, 1976, с. 128].

В Каракалпакстане растет два вида *мыңдууаны*: одно из них *мыңдууана*, второе *киши мыңдууана* ‘маленькое мыңдуана’ или *шайтанкеса* ‘пиала дьявола’. Слово *шайтанкеса* является фонетически изменённым вариантом узбекского слова *шайтонкоса*. *Мыңдууана* является ядовитым растением.

Слово *мерезшөп* в каракалпакском языке называют также *сары шөп* ‘жёлтое растение’ и *жер гөмис* ‘земельный гомис’. *Жер гөмис* в трудах Махмуда Кашгарского определяется как растение вьющееся вокруг дерева *йорганч* и приводящее к его гибели. По-видимому форма *мерез шөп* ‘буквально сифилис трава’ появилась позже, а старой формой является *жер гөмис*. Первый компонент слова *мерез шөп*, т. е. *мерез* арабского происхождения от слова *ضرم* [маразун], означает *кеселлик* ‘болезнь’, *ауырыу* ‘больной’ [Баранов, 1957, с. 957].

Действительно, *мерез шөп* вьётся вокруг других растений, давит и душит, всасывая необходимую влагу и сушит траву или любое растение, которое в результате чего гибнет.

Жыңғыл ‘тамариск’ в древнетюркском языке встречается в варианте *jilgun*. Из современных тюркских языков в узбекском языке имеет вариант *юлгун*, в казахском *жыңғыл*, в туркменском *йылгын*, в киргизском *жылгын*, *жилгин*, в кумыкском *йылгын*, в азербайджанском *йулгун*, в ногайском *йылгын*, в татарском и чувашском языках *тамариск*, в якутском *тамарыыска* [Дмитриева, 1972, с. 206], в некоторых говорах уйгурского языка *жангал*, *жанго* – *пута* ‘кустарник’ [Малов, 1961, с. 109]. Слово *жыңғыл* в таджикском языке употребляется в значениях 1) *тогай* ‘лес’; 2) вид растения, в персидском языке употребляется в варианте *джангал тогай* ‘лес’. В некоторых трудах первую часть слова *жангал* (*жыңғыл*) – *жанг* связывает с персидско-таджикским словом *чанг* – *қол* ‘рука’. Значение *тогай* ‘лес’ *пута* ‘кустарник’ произошедшим от первого значения [Бафоев, 1951, с. 51-52]. По нашему мнению, слово *жыңғыл* восходит к персидско-таджикскому слову *жангал*, *джангал*. А слово *чанг*, применяющееся в значении *пәнже*, *қол* ‘рука, когти’ можно связать с каракалпакским словом *шеңгел*. Некоторые исследователи слово *жыңғыл* связывают с индийским словом *dzangal* – *сүрилмеген жер* ‘не вспаханная земля’, со древнеиндийским *jangala*, английским *jungle*, русским *джунгли* [Жаримбетов, 1980, с. 101].

В Каракалпакстане растут следующие виды *жыңғыла* ‘тамариска’ *ерманы жыңғыл*, *қызыл жыңғыл*, *тышқақ жыңғыл*, *ақ жыңғыл*, *урпекбас жыңғыл*, *қақ жыңғыл*, *сулама жыңғыл*. В южных диалектах каракалпакского языка встречается вариант *жылқын*. [Насыров, Доспанов, 1983, с. 132].

Қәлемпир // *қалампир* – полевое или растущее в садах с ароматным запахом растение. Это растение в тюркских языках имеет следующие варианты названия: в татарском *каламфир*, *канафир*, в казахском *қалампыр*, в турецком *каранфил*, в узбекском *қалампир*, в туркменском *гвоздика*, в чувашском *калэмбэр*.

Названия *қәлемпир* в персидском языке применяется как *гаранфил*, в арабском *garanful*. Это слово встречается и в греческом языке: *karofullon*. В узбекском и казахском языках словом *қалампир* называют ‘красного перца’, а в других тюркских языках оно обозначает *гвоздику*, а в виде *каранфул* применяется и в русском языке [Жаримбетов, 1980, 115-116].

Пәшек ‘вьюнок полевой’ – вьющееся по земле с белыми и красноватыми или фиолетовыми цветками, дикорастущее растение. Цветет летом, а осенью дает семена. В Каракалпакстане растет 6 видов этого растения. Среди этих видов широко распространено *қойпәшек* ‘бараний вьюнок’. Помимо этого вида встречаются *ақпәшек* ‘белый вьюнок’, *ақкерт*, *пәртек*, *түйе байпақ* ‘верблюжье валенки’. В южных диалектах каракалпакского языка *пәшек* ‘вьюнок полевой’ называют еще *керт*. [Насыров, Доспанов, 1983, с. 155].

Основой для такого названия послужило персидское слово, означающее *пеш* – *орау*, *оралыу* ‘обвернуть, виться’ [Персидско-русский словарь, 1983, с. 220]. Суффикс –*ек* в составе слова *пәшек* является аффиксом, образующий прилагательное (причастие – вьющийся) в последствии это слово перешло в разряд существительных. Название этого растения в тюркских языках еще раз доказывает нами высказанное выше мнение. Слово *пәшек* в узбекском языке встречается в вариантах *қүйпечак*, *печакгул*, *чирмовиқ*, *партак*, *эчкичак*, *оқ печак*, в казахском *шырмауық*, *партек*, *дала шырмауығы*, в туркменском *чырмашык*, *гаранпечак*, *керт*, в азербайджанском *сырмашық*, в башкирском *сырмалсық*, *урмагөл*, *эт эсәге*, в якутском *киччигэн* [Дмитриева, 1972, с. 218-219].

Шеңгел – цветущее весной, с плодами похожее на почки, колючее растение. *Шеңгел* в узбекском языке называют *чингил*, в казахском *шеңгел*, в туркменском *қизқон*. Слово *шеңгел* заимствовано из персидско-таджикских языков в таджикском языке слово *чанг* означает *қол* ‘рука’. Возможно связь этого слова и со словом *жыңғыл*.

Ойранбояў ‘солодка’. Растение высотой более одного метра, травообразный стеблями и густыми листьями, зеленовато-желтым цветочком, расположенными на верхней части стеблей. Это растение часто растет на берегах арыков и рек. В литературе по ботанике оно называется *марена руян*. Название слова восходит к двум корням *ойран* и *бояў*. Первая часть этого слова заимствована из арабско-персидского языка и возможно, обозначает *ўэриян*. Потому что в некоторых исследованиях указывается, что *ўэриян* – ‘растение из которого готовят краски’ [Бекбаулов, Мамбетназаров, 1992, с. 84]. На самом деле, люди из давних времен использовали *орйанбояў* для изготовления красок. Позже его использовали и в качестве лекарственного сырья. *Ойранбояў* в казахском языке называется *бояў лэйлекшөп*, в туркменском *чөп боя*, *гызыл боя* [Русско-туркменский словарь, 1956, с. 305].

Подводя итоги можно утвердить, что фитонимы в каракалпакском языке были заимствованы из арабского и иранских языков еще в древние времена. Поэтому они ужились как каракалпакские слова. Их происхождения можно определить путем этимологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Ф. Арабизмы в узбекском языке АКД. Ташкент, 1946.
2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1957.
3. Бафоев Б. Кўхна сўзлар тарихи. ЎзРФА. Ташкент, “Фан”, 1951.
4. Бекбаўлов О., Мамбетназаров Қ. Қахарманлық дәстанлардағы өзлестирме сөзлердің түсиниги. Нөкис, 1992.
5. Бекетов Б. Каракалпак қазақтарының тілі. Алматы, Рауан, 1992.
6. Боровков А.К. Названия растений по бухарскому списку “Мухаддимат ал адаб”. // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971.
7. Боровков А.К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского народов. // Учение записки Института востоковедения АН СССР. Т. IV. 1952.
8. Бурганова Н.Б. О татарских народных названиях растений. // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань. 1976.
9. Джафаров Дж. Персидские слова в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1971.
10. Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках, // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
11. Дмитриева Н.К. Арабские элементы в башкирском языке. // Строй тюркских языков. М., 1962.
12. Жаримбетов А. Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений. –Нукус: Каракалпакстан, 1980.
13. Иванов С.Н. Арабизмы в турецком языке. Л., 1973.
14. Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы. 1966.
15. Қалиев Б. Қазақ тіліндегі өсімдік атаулары. Алматы, Ғылым, 1988.
16. Қалиев Б. Өсімдік атаулары. Орысша-қазақша сөздік. Алматы, 1993.
17. Касымов Р. Арабские лексические элементы в туркменском языке. Ашхабад, 1948.
18. Майзель С. Арабские и персидские элементы в турецком языке. М., 1945.
19. Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь. М., 1961.
20. Меметов А. Арабские заимствования в современном крымско-татарском языке. // “Советская тюркология”, 1985, №5.
21. Насыров Д. Доспанов О. Қаракалпак тилинің диалектологиялық сөзлігі. Нөкис, “Қаракалпакстан”, 1983.

22. Насыров Х. Таджикско- персидские заимствования в уйгурском языке. АКД. Ташкент, 1972.
23. Персидско-русский словарь. Том I. –М., Русский язык, 1983.
24. Русско-туркменский словарь. М., 1956.
25. Рустамов А. Сўз хусусида сўз. Тошкент. 1987.
26. Рустемов Л. Қазіргі қазақ тіліндегі араб-парсы кірме сөздері. Алматы, 1982.
27. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980.
28. Шамшетов Ж. Қарақалпақ тилиндегі шығыс тиллеринен кирген сөзлер тарийхынан. Нөкис, 1984.

ПОВТОР ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Абуталипова Рамзана Асхатовна
профессор кафедры башкирского языка
факультет башкирской филологии
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного
университета, Стерлитамак
E-mail: rabutalipova@mail.ru

Статья посвящена специфическому речевому и языковому явлению в тюркских языках – повтору. В языках данной группы повтор разноуровневых языковых единиц является одним из продуктивных способов репрезентации аспектуальных значений. Наиболее употребительными в сфере аспектологической деривации выступают редуцированные словоформы фономорфологического уровня: редуцированные аспектуальные модификаторы, удвоенные деепричастия, сложенные синонимичные глагольные формы. Важное место занимают повторы синтаксического уровня. Сюда мы относим повторяющиеся, тем самым принимающие различную аспектуальную семантику глаголы-сказуемые, основы предложений, а также целые простые и сложные синтаксические конструкции.

Ключевые слова: тюркские языки, повтор, редупликация, аспектуальные значения, способ репрезентации.

Повтор как довольно распространенное в языках мира специфическое речевое и языковое явление издавна привлекает внимание ученых. Еще в античности термины ‘повторение’ и ‘удвоение’ использовались в риторике. Позднее к проблеме повторов обращаются лингвисты, литературоведы, психолингвисты, социолингвисты, биологи и др.

В языкознании данное универсальное языковое явление исследуется под терминами ‘редупликация’, ‘повтор’, ‘удвоение’ и др. В лингвистической литературе чаще используется термин ‘редупликация’ (от позднелатинского *reduplicatio* – ‘удвоение’). Определяется редупликация как «... способ слово- или формообразования, состоящий в удвоении корня или его элементов (звуков, слогов), аффиксов или целых слов, переходящих на положение морфем. Редупликация может быть полной, неполной, дивергентной, осложненной, синонимической» [Крючкова, 2000. с. 81]. Как видим, речь ведется о повторах фономорфологического уровня. Редуцированные словоформы чаще всего выступают «... как средство варьирования лексического значения, выражая интенсивность, дробность, уменьшительность и т.п.» [ЛЭС, 1990. с. 408].

В научном обиходе наряду с термином ‘редупликация’ используется термин ‘повтор’, сфера употребления которого намного шире. Он употребляется для обозначения повторов как фономорфологического, так и синтаксического уровней. Термин ‘удвоение’, как правило, предполагает наличие тождественных компонентов. Следовательно, понятие ‘повтор’ является родовым по отношению к понятиям ‘редупликация’ и ‘удвоение’.

В настоящей работе объектом анализа являются повторы, используемые средством репрезентации аспектуальных значений в тюркских языках. В языках данной группы повторы принимают участие в образовании синтаксических конструкций с аспектуальными значениями многократности, интенсивности, длительности и продолжительности действия, процесса, состояния.

В тюркологии удвоенные деепричастия, ‘выражающие усиление или продолжение действия’, впервые зафиксированы на материале татарского языка в середине XIX в. Так,

М. Иванов в «Татарской грамматике» 1842 года издания отмечает, что «для выражения усиления или постепенного продолжения действия нередко настоящее деепричастие употребляется вдвойне, например: *эйләнә-эйләнә карады* 'он оборачиваясь, загляделся', *уйлый-уйлый саташып киттем* 'эта мысль меня с ума свела', *бирә-бирә кулым арды* 'у меня рука устала от подаяний'» [Цит. по Ганиев, 1963, с. 161].

В XX в. удвоенные словоформы и повторы описаны в грамматиках Г. Алпарова (1925 г.), Н.К. Дмитриева (1930 г.), Х. Бадигова (1933 г.) и др. 'Повторные' деепричастия на *-а/-ә*, *-й* Г. Алпаров называет 'длительными', а на *-н* – 'многократными' деепричастиями, Н.К. Дмитриев называет их 'парными словами'. Х. Бадигов указывает, что в татарском языке 'повторные деепричастия' на *-а/-ә*, *-й*, выражают «способ протекания и многократность действия, обозначенного другим глаголом» [Бадигов, 1933, с. 69]. Н.А. Баскаков (1954 г.) повторение «деепричастия данного глагола» считает способом образования многократного вида глагола, Ш.А. Рамазанов явление редупликации относит к сфере словообразования (1954 г.).

А.Т. Кайдаров пишет, что в современном уйгурском языке парные слова используются в целях передачи различных стилистических оттенков мысли, для придания речи особой экспрессивности, эмоции, для образного выражения интенсивности протекания действия, усиления качества [Кайдаров, 1958, с. 56]. А.Ф. Ганиев же парирует, что «стилистические оттенки, например, в глагольных повторах, являются производными, вторичными, главным для глагольных повторов является выражение характера протекания действия, его длительности, интенсивности и т.д., и они только отсюда, в связи с контекстом могут иметь те или иные стилистические окраски» [Ганиев, 1963, с. 160].

Впервые в тюркских языкознании в диссертационном исследовании З.Н. Кожабергеновой повторы подвергаются классификации по нескольким основаниям: по способу и структуре организации, по местоположению компонентов, распространенности / нераспространенности компонентов, стилистических характеристик организации повтора в зависимости от различных проявлений повторов [Кожабергенова, 1985].

Х.Ф. Исхакова, Д.М. Насилов, В.М. Рассадин указывают, что редупликация деепричастий на *-а/-ә* или на *-н/-б*, образованные от лексических мультипликативов, является общетюркским грамматическим способом выражения мультипликатива [Исхакова, 1989, с. 114]. Э.Ф. Чиспияков приводит несколько форм выражения длительности действия редупликацией в шорском языке: 1) повторение одного и того же глагола в личной глагольной форме; 2) повторение одного и того же глагола в деепричастной форме а) на *-а/-ә*; б) на *-н* [Чиспияков, 1992, с. 239]. Н.Э. Султанмурадов в кумыкском языке выделяет три модели редулицированных форм в сфере выражения способов глагольного действия: 1) от одной и той же основы деепричастия на *-ын*; 2) от основ-антонимов деепричастия на *-а*; в) сочетания положительной и отрицательной форм деепричастия на *-а* [Султанмурадов, 1997: 160].

Ф.А. Ганиев считает редупликацию глагольных форм в татарском языке как способ выражения характера протекания действия и выделяет пять групп повторов глагольных форм: 1) повторение деепричастий на *-а/-ә*, *-й*; 2) повторение деепричастия на *-н*; 3) повторение личных форм глаголов; 4) асиндетическое сопоставление основ будущего времени в положительном и отрицательном аспекте; 5) сложение синонимичных глагольных форм [Ганиев, 2003, с. 159-165]. При описании повторов **в сфере аспектологической деривации** в башкирском языке мы придерживались в основном данной классификации [Абуталипова, 2008, с. 102].

Наши дальнейшие исследования показали, что в тюркских языках в сфере репрезентации аспектуальных значений используются повторы и на других уровнях

языковой иерархии. На фактическом языковом материале мы выявили различные модели повторов, которые относятся к синтаксическому уровню.

Далее рассмотрим модели редуцированных словоформ и повторов, используемых **в репрезентации аспектуальных значений в тюркских языках**. (В качестве иллюстрационного материала использовался преимущественно материал башкирского языка с привлечением фактического материала других тюркских языков из двуязычных русско-тюркских словарей. В некоторых случаях со ссылкой на автора приводятся примеры из указанных в списке литературы трудов. Заметим, что аспектуальные значения, содержащиеся в тюркских контекстах, особенно передаваемые посредством деепричастных глагольных форм, не всегда удается точно перевести на русский язык. В целях более точной передачи их значения, даже в ущерб благозвучности, даем дословный перевод с пометой (досл.).

I. Модели редуциций слово- и формообразовательного типа.

1. Модель «редуцированные деепричастия на -а/-ә, -й» выражает:

а) длительность и продолженность (срединность) действия: *Ауыл кешеләре, үз-ара шытырт кына һөйләшә-һөйләшә, килеүсенән берәй яңы хәбәр кәтә башлайзар* (башк.) – ‘Деревенские, тихо переговариваясь (досл.: говоря-говоря), ждут какую-нибудь весть от пришедшего’ (Из эпоса “Алпамыша”). *Қайта-қайта Көксеректің үстіне артыла береді, ыңырып тістелеп те қояды* (казах.) – ‘Вновь и вновь продолжая давить сверху Куксурука (Серого лютого), со стоном покусывал’ (М. Ауэзов). *Бара-бара ал сезимдер биротоло жоюлду* (киргиз.) – ‘Те чувства у него постепенно исчезли’. *Қаза-қаза, тебир тап алғаннар* (шор.) – ‘досл.: копая-копая, нашли железо’ [Чиспияков, 1992: 239]. *Ойуурап миэхэ күлэ-күлэ эппитэ* (якут.) – ‘Ойуров, посмеиваясь (досл.: смеясь-смеясь), мне сказал’ [Самсонова, 2010].

б) многократность действия: *Хасбулат олатай, төтөнлөккә сыбык-сабык ыргыта-ыргыта, һалмак, уйсан ғына тауыш менән һөйләп китте* (башк.) – ‘Дедушка Хасбулат, подбрасывая (досл.: бросая-бросая) в дымокур прутья, мягким задумчивым голосом начал свой рассказ’ (З. Биешева). *Артыма қарай-қарай зытам* (казах.) – ‘Убегаю, (то и дело) оглядываясь назад’. *Микиитэ охто-охто сүүрдэ* (якут.) – ‘Никита побежал (то и дело) падая’ [Самсонова, 2010].

в) интенсивность действия: *Иртәнән үк мазаһызлаган серәкәйзәрзе асыланып кыуа-кыуа, кор мамыгын кабалан-карқалан һызырзы* (башк.) – ‘Сердито разгоняя замучивших с утра комаров, (он) торопливо (как попало) сдирал тетеревиные перья’ (Р. Низамов). Повторение глагольной формы, осложненной аффиксом многократности, обозначает интенсивность кратного действия: *Сәй яһағас, Гөлийөзөм уны тарткыслай-тарткыслай көскә уята* (башк.) – ‘Налив чаю, Гульюзум еле будит его, теребя (досл.: теребя-теребя)’ (Х. Давлетшина).

2. Значения многократности и интенсивности могут актуализироваться посредством повторения деепричастий на -п: *Дилә шуга яуап таба алмай намысланып, үкһеп-үкһеп иланы* (башк.) – ‘Диля, не находя ответа на это, усоветившись, плакала навзрыд’ (Х. Давлетшина). *Икенче ноябрь төнендә бурап-бурап кар яуды* (татар.) – ‘Ночью второго ноября валил снег, заметая (досл.: заметая-заметая)’. *Жүріп-жүріп ақыры құздан ұшып, Қаламыз ба бір сайдың аңғарында?* (казах.) (М. Макатаев). *Ол қыс, қатқырып-қатқырып, нана перген* (шор.) – ‘Та девушка, всё время хохоча, стала возвращаться’ [Чиспияков, 1992: 239].

4. Для выражения интенсивности действия, процесса иногда используется сложение синонимичных глаголов-сказуемых в деепричастной форме в составе аналитических конструкций: *Бер аззан ул (Нурбулат) йүгерә-атларга тотондо* (башк.) – ‘досл.: Через некоторое время он (Нурбулат) заторопился (досл.: шел то бегом, то шагом)’ (Р. Низамов).

5. Сложенные синонимичные глаголы в деепричастной форме выполняют функцию контекстуального интенсификатора: *Азат хатны ашыга-кабалана укырга тотынды* (татар.)

– ‘досл.: Азат, торопясь (досл.: торопясь-спеша), начал читать письмо’.

6. Для выражения интенсивности, многократности или длительности действия употребляются редуцированные наречия-обстоятельства в роли контекстуального аспектуального модификатора. Например: *Атаһы улының һауығыуына бик тә бик кыуана* (башк.) – ‘Отец (его) очень и очень радуется выздоровлению сына’ (Р. Низамов). *Ұзақ-ұзақ улыды* (казах.) – ‘Долго-долго выл’. Алар биздикине *бат-бат келип турушчу* (киргиз.) – ‘Они часто-часто приходили к нам’. *Игит атын астры йшлады кола махлайма эриндяң да узах-узах өпкяляди, кёрюнд, арув йүрягиндяң* (караим.) – ‘Молодая жена сильно плакала, прося прощения у мужа и долго-долго целовала его, видно, от чистого сердца’ [Мусаев, 2003: 244].

7. Повторяющиеся компоненты являются грамматическими формами одной и той же основы. Например: *Тимербәк аждаһа һарайына якынайгандан-якыная бара* (башк.) – ‘Тимербек все ближе и ближе приближается к дворцу дракона’ (М. Карим). *Жиргә сыенганнан-сыена барып, изгелек эшләргә мең төрле нәзерлә әйтелә* (татар.) – ‘(Все больше) прижавшись к земле, даются тысячи обетов делать добро’ (З. Зайнуллин).

II. Повторы синтаксического уровня.

1. Значение интенсивности и длительностидействию, обозначенному в глагольной основе, передается путем повторения глагола-сказуемого. Рассмотрим несколько вариантов повторения глагола-сказуемого и способы их оформления в устной и письменной речи:

а) между повторяющимися простыми или в аналитической форме сказуемыми ставится запятая: *Яз килә лә китә, йөрәк кәтә, кәтә, йәшлек үтә, үтә яз һымак* (башк.) – ‘Весна приходит и уходит, сердце ждет, ждет, молодость проходит, проходит, как весна’ (Я. Кулмуй). *Соқ, сағатым, соқ, соқ, менің сағатым!* (казах.) – ‘Бейте, бейте, бейте, мои часы!’ (М. Макатаев). *Артынан келген адамдарға осы араға үй тіккізуге, сусын әкелуге бұйрық берді де, суы жылы сор көлге күні-түні шомыла берді, шомыла берді* (казах.) (Г. Мусрепов) [Фразеологиялық сөздік, 2007: 355].

б) повторяющиеся сказуемые пишутся через дефис: Сәлимә *килде-килде лә, кире уйлап, туктап калды* (башк.) – ‘Салима шла-шла да, передумав, остановилась’. *Туп сикерде-сикерде дә чокорға барып төште* (татар.) – ‘Мяч прыгал-прыгал да упал в овраг’. *Тийиң осты-осты – тир шүбеде чоқ пол* парды (шор.) – ‘Белка перепрыгивала (с дерева на дерево) и исчезла на одной пихте’ [Чиспияков, 1992: 239].

в) между повторяющимися компонентами может употребляться соединительный союз *-ла/-лә* (фономорфологические варианты союза зависят от качества последнего звука глагольной основы): *Тетя Даша һаман кәлә лә кәлә* (башк.) – ‘Тетя Даша все смеется и смеется’ (Х. Давлетшина). *Һаман кайтмый да кайтмый* (татар.) – ‘Все не возвращается и не возвращается’ (из разговора).

г) между повторяющимися сказуемыми могут стоять другие члены предложения, например, обращения или аспектуальные модификаторы: *Һанама, қәқүқ, һанама гүмерем сәғәттәрен* (башк.) – ‘Не считай, куқушқа, не считай минуты (часы моей) жизни’ (З. Кутлугильдина). *Соқ, сағатым, соқ, соқ* (казах.) – ‘Бейте, (мои) часы, бейте, бейте!’.

2. Повторение глагола-сказуемого в односоставных предложениях придает конструкции оттенок интенсивности и длительности. Например: *Беләм, беләм, һузар кире акмай, тик мин генә кире укталам* (башк.) – ‘Знаю, знаю, реки не текут обратно, только я порываюсь вернуться назад’ (Р. Бикбаев). З.Н. Кожабергенова отмечает, что в казахском языке повторы типа *Көтөйік, көтөйік* – ‘Подождем, подождем’ (С. Муканов). *Зытып келем, зытып келем* – ‘Быстро иду, быстро иду’ (Г. Мусрепов) «<...> используются для выражения эмоциональности, экспрессивности речи, вместе с тем передают грамматические оттенки многократности, множественности, интенсивности» [Кожабергенова, 1985: 12].

3. Значения длительности, многократности и интенсивности действия выражается

повторением основы (главных членов) предложений. Например: *Эй эт өрзө, эт өрзө, тышта берәү йүткерзе* (Из народной песни) – 'Ну и лаяла собака, лаяла собака, кто-то на улице кашлянул'. *Агыла йыр, агыла йыр, Агыла һаман* (Р. Назаров) – 'Льется песня, льется песня, Льется все еще'.

4. В художественной литературе для выражения значения интенсивности длительных или продолженных действий, ситуаций может использоваться повторение всей сложной синтаксической конструкции. Например: *Туп тәгарай – ул йүгерә, туп тәгарай – ул йүгерә* (М. Карим) – 'Катится мяч– он бежит, катится мяч – он бежит'. *Һал ага – мин йүгерәм, һал ага – мин йүгерәм* (М. Карим) – 'Плывет плот – я бегу, плывет плот – я бегу'.

Мы выявили еще одно специфическое языковое явление: значение интенсивности действия усиливается выделением интонацией (продлением) ударной гласной в удвоенном глаголе-сказуемом или в интенсификаторе. На письме оно оформляется в виде повторения гласной буквы через дефис. Например: *Бирмәй һуң, бирәлә-ә-әр* (Н. Мусин) – 'Дают, конечно, даю-у-у-т'. *Мәликә би-и-и-ик илай, бик илай* (Из народного эпоса) – 'Малика о-о-очень плачет, очень плачет'.

Подытоживая вышеизложенное, можно утверждать, что в тюркских языках повтор равноуровневых языковых единиц – продуктивное средство выражения аспектуальных значений. Наиболее употребительными являются редуцированные словоформы фономорфологического уровня (редуцированные аспектуальные модификаторы, удвоенные деепричастия, сложенные синонимичные глагольные формы). Менее продуктивны повторы синтаксического уровня (повторение глаголов-сказуемых, основ предложений, простых и сложных синтаксических конструкций). Приведенный в качестве иллюстрации материал тюркских языков позволяет делать вывод о том, что различные модели повторов, задействованные в репрезентации аспектуальных значений, имеют общетюркские этимологически родственные формы, что говорит о единстве генетических корней тюркоязычных народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крючкова О.Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания, 2000. № 4. С. 68-84.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
3. Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка; науч. ред. Л.З. Залялутдинов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1963.
4. Алпаров Г. Грамматика татарского языка на формальной основе (Избранные труды, Казань, 1945).
5. Дмитриев Н.К. О парных словосочетаниях в башкирском языке / Изв. АН СССР. Гуманитарные науки, 1930.
6. Бадигов Х. Грамматика, морфология, Казань, 1933.
7. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т. 2. Фонетика и морфология. Ч. I. / Части речи и словообразование. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
8. Рамазанов Ш. Очерки по татарскому языку, Казань, 1954.
9. Кайдаров А. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.
10. Кожабергенова З.Н. Повторы. Их организация и употребление в казахском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1958.
11. Исхакова Х.Ф., Насилов Д.М., Рассадин В.М. Выражение множественности ситуаций в тюркских языках // Типология итеративных конструкций / Под ред. В.С.Храковского. Л.: Наука, 1989. С. 110-122.
12. Чиспияков Э.Ф. Учебник шорского языка: Пособие для преподавателей и студентов. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992.

13. Султанмуратов А.М. Способы выражения аспектуальных значений в кумыкском языке: автореф.дис. ...канд.филол.наук. Махачкала, 1997.
14. Абуталипова Р.А. Функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке. Уфа: Гилем, 2008..
15. Самсонова Е.М. Синтетические средства выражения мультипликативной множественности в якутском языке // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал / ТГСХА. Тверь, 2010. № 2 (19). Идентификационный номер 0421000038\0015. – Режим доступа: <http://tverlingua.by.ru>.
16. Мусаев К.М. Синтаксис караимского языка. М.: «Academia», 2003.

СЛОВАРИ

1. Бектаев К. Большой казахско-русский и русско-казахский словарь. – Алматы, 1995.
2. Киргизско-русский словарь. В двух кн. Около 40 000 слов / Сост. К.К. Юдахин. М., 1985.
3. Фразеологиялык сөздик. Алматы: «Арыс» баспасы, 2007.
4. Татарско-русский словарь: в 2-х т. Т. 2 (М–Я). Казань, 2007.
5. <http://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/ru>
6. <http://ru.wiktionary.7val.com/wiki>
7. <http://www.tilachar.biz/dictionary>
8. <http://www.sostik.info/word.php>

REPEAT AS A WAY OF REPRESENTATION ASPECTUAL MEANINGS IN TURKIC LANGUAGES

Abutalipova Ramzana Askhatovna
Professor of the Department of the Bashkir language
Bashkir philology
Sterlitamak branch of Bashkir State University, Sterlitamak
E-mail: rabutalipova@mail.ru

The article is devoted to a specific speech and language phenomenon in the Turkic languages – repetition. In languages of this group of repeat units of different levels of language is one of the productive ways of representation aspectual values. The most widely used in the derivation aspektological act reduplicated word form phonomorphological level: reduplicated aspectual modifiers doubled gerunds, folded synonymous verb forms. An important place is occupied by reruns syntactic level. Here we include repetitive, thereby taking a different aspectual semantics of verbs, predicates, based on the proposals as well as the whole simple and complex syntax.

Key words: Turkic languages, repeat, reduplication, aspectual values, method of representation.

ТЮРКСКИЙ ЛИНГВА-ТУРИЗМ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович
доктор филологических наук, профессор,
Иссыккульский государственный университет,
декан факультета русской филологии и иностранных языков
Каракол
E-mail: abdullaev.sayfullah@gmail.com
sayfylla-ab@rambler.ru

В статье ставятся вопросы развертывания исследований по тюркскому лингва-туризму. В качестве приоритета выбран лингвистический аспект в плане поддержки формирования общетюркского языка как средства общения в тюркском мире. Намечены актуальные направления исследований в области лингвокогнитивных и этнокультурных исследований.

Ключевые слова: языковое развитие, лингва-туризм, тюркоязычный мир, общетюркский язык.

Цель настоящей статьи заключается в постановке проблем современного тюркского лингва-туризма. Такая проблематика для тюркологических исследований, на наш взгляд, представляется актуальной. В условиях глобализирующегося мира те стратегии, по которым развиваются современные тюркские языки, неизбежно приведут к проблеме дефицита культурного взаимодействия и даже их сохранения перед угрозой исчезновения [Хаким, 2005, с. 291]. В целях предотвращения таких нежелательных процессов возможно осуществление разных проектов, в том числе и по общетюркскому языку. Реализация проекта создания общетюркского языка несет с собой выгоды тюркскому миру в различных аспектах. Задача создания общетюркского языка является реальной альтернативой современному использованию региональных языков как средств межнационального общения (имеются в виду такие нетюркские языки, на которых общаются между собой турки). В результате претворения в жизнь этого проекта сам общетюркский язык окажется в числе региональных языков. Двадцать первое столетие предоставляет шанс тюркским народам реализовать имеющиеся предпосылки и осуществить лингвистический ренессанс. Для этого необходимы воля тюркских народов и согласованная деятельность политиков, ученых-лингвистов по всем языкам тюркской общности, а также специалистов в области туризма и другим смежным областям этнокультурного характера.

В исследованиях в сфере туризма эта проблема своего преломления пока не находит. Вместе с тем эта сфера содержит значительные возможности для решения актуальной проблемы общетюркского языка на огромной территории расселения современных тюрков. Современные реалии предоставляют большие возможности для наблюдений и анализа направлений и возможностей реализации проектов по тюркскому лингва-туризму.

Тюркский лингва-туризм – это прежде всего развитие не музейных экскурсий и образовательных туров, но это возможности для создания коммуникативных площадок по развитию речевых навыков и умений межтюркского общения на общетюркском языке. В определенном смысле мы апеллируем к опыту общения тюрков между собой в прошлом, когда в устном разговорном общении турки без труда понимали друг друга. Современное состояние разобщенности тюркских народов в большой степени обусловлено внедрением для каждого народа различных алфавитов и созданием свыше тридцати мелких литературных

языков. Это вызывало положительную реакцию, но сейчас это ставит под угрозу реальное будущее межтюркской коммуникации и функциональные возможности тюркского слова в эпоху глобализации. Тюркская речь стоит перед выбором: либо будет выработан наддиалектный общетюркский язык, который станет региональным и получит быстрое развитие при использовании в сети Интернет и развернутом масштабе межтюркского общения, либо тюркская речь будет звучать только в границах национальных квартир. Первый вариант является для тюрков предпочтительным и перспективным. Тюркская история может предоставить примеры успешного функционирования таких наддиалектных языков.

Проекты межтюркского лингва-туризма могут опираться на достопримечательности тюркского мира, связанные с известными именами или историческими событиями. Такой подход позволит осуществить гармоничное погружение в общетюркское прошлое для того, чтобы использовать это при решении актуальных прикладных задач единения тюркского мира. Мы считаем, что важное значение имеет привлечение к реализации проектов по лингва-туризму тюркских языков Южной Сибири. Это открывает богатые возможности для внедрения единиц общепонятного лексического фонда, основываясь на принципе тюркизма. Язык и речь приобретают для тюрков судьбоносное значение: как показывает история, через язык (письменность, алфавиты) тюрков можно разделить, через язык же (общетюркский) может начаться и их реальное объединение.

В двадцать первое столетие туризм вошел как глобальное социально-экономическое явление, ощутимо влияющее на экономику и мироустройство [Ушаков, 2009, с. 3]. Туризм стал выступать как стабилизирующий фактор. Сегодня он влияет на качество жизни каждого десятого жителя земли, выступая в качестве многогранного феномена. В данном случае мы обращаемся к одному из аспектов современного туризма - тюркскому лингва-туризму. Под лингва-туризмом мы понимаем вид путешествий, совершаемых для отдыха и лингвистического познания. Сразу же оговоримся, что тюркский лингва-туризм в нашем случае рассматривается в аспекте интеграционных процессов современного тюркского мира. Это значит, что лингвистические цели туризма больше связаны с вопросами общетюркского языка.

Общетюркский язык – это уникальный шанс для тюрков в наши дни и их своеобразное испытание. В идеале статьи, аналогичные нашей по своей тематике, должны писаться на общетюркском языке. Это благородная и высокая цель. Но это и одна из функций данного языка, главным назначением которого должно стать сохранение тюркского слова вообще в условиях глобализации и натиска других международных языков.

Отталкиваясь от прошлого, на лингва-туристических турах можно ставить задачи практического овладения навыками межтюркского общения. Это реально актуальные задачи. Если их не ставить и не решать, то тюрки будут обречены общаться между собой не на тюркском, а на других языках. А тюркское слово будет звучать лишь в ограниченных пределах. Такие процессы, к сожалению, сейчас идут и подтверждают актуальность рассматриваемых нами вопросов. Лингва-туристические проекты тюркского мира могут в определенной степени решать эту задачу и – самое главное - отрабатывать техники и стратегии отбора и формирования общетюркского лексического фонда, который можно использовать в межтюркском общении.

Естественно, нас в первую очередь заботили вопросы специфики и своеобразия тюркского лингва-туризма. Отличия нам видятся в том, что в других лингва-туристических традициях обычно занимаются вопросами перевода, организации музейных экскурсий, образовательных поездок. Для тюрков приоритеты, очевидно, другие. Им важно реализовать возможность влияния на речь и язык, имея в виду не только их коммуникативные возможности,

но и когнитивную и аккумулятивную функции. В целом особенность тюркского лингватуризма заключается, на наш взгляд, в том, что он обращен не в прошлое для изучения истории и старины, а в большей мере в будущее. Его генеральное назначение состоит в продвижении благородных идей сближения и единения многочисленного и разбросанного тюркского мира. Поэтому здесь активную роль должны играть не только музеи и родственные им учреждения и субъекты туризма, но и тюркские лингва-отели, детские и взрослые лингвистические лагеря и другие субъекты туристической индустрии [Уокер, 1999, с. 91-92]. Можно делать ставку и на исторические экскурсии. В частности, например, при поездке в населенный пункт на месте известного для эпохи Караханидов города Барсхана на озере Иссык-Куль можно окунуться в эпоху знаменитого языковеда с мировым именем Махмуда Кашгари. В это время на территории Центральной Азии широко звучала естественная тюркская речь, посредством которой общались между собой разные тюрки [Конурбаев, Мокрынин, Плоских, 1994, с. 23]. Более того, такие исторические экскурсии могут служить хорошей помощью в решении современных проблем [Котлер, Боуэн, Мейкенз, 1998, с. 294]. Опыт прошлого может давать подсказки и примеры того, как разные тюрки находили между собой общий язык.

Знаменитая крепость-резиденция Пор-Бажын – уникальное место в истории тюрков, великолепная дестинация для организации и проведения проектов по тюркскому лингватуризму. Крепость находится на озере Тере-Холь (Tere-ghöl), на островке в самом его центре. До крепости ведет пешеходный деревянный мост. Легенды тывинцев приписывают возведение крепости уйгурскому кагану Моюн-чуру, многие сведения о котором сохранились благодаря надписям (древнетюркская письменность) на каменной стеле в его честь, обнаруженной учеными еще в начале XX века.

Лингва-туристические проекты могут быть направлены как в прошлое тюрков, так и в их будущее. Изящная и орнаментобразная древнеуйгурская письменность распространилась на большие территории и продолжает использоваться и в наши дни. Нисходящие сверху вниз письмена, словно исполняя волю небес, сопровождали и обслуживали огромную империю Чингиз-хана. Это красивое письмо используется монголами и калмыками и сейчас.

Специальный подход, используемый в проектах тюркского лингва-туризма, позволяет за относительно короткий период освоить навыки ориентации в лексике тюркских языков на основе общего лексического фонда. Основная цель – свободное общение тюрка с тюрком. Лексика, как известно, самая динамичная и изменчивая сторона языковой системы. Именно на этом надо основывать свои надежды при работе над общетюркским языком. Решая основную цель, придется работать над следующими задачами: 1. Развитие межтюркских разговорных навыков; 2. Слуховое восприятие различных вариантов тюркской разговорной речи: тюрко-турецкого, тюрко-татарского, тюрко-уйгурского и других; 3. Развитие межтюркских навыков чтения и письма в условиях современных алфавитов и графики.

После распада СССР на территориях проживания современных тюрков сложилась интересная ситуация. Тюрки пользуются разными алфавитами и системами письма, а в общении между собой все чаще прибегают к помощи переводчиков и третьего языка. Это закономерный итог современного развития тюркского мира, некогда единого, а в настоящее время раздробленного на маленькие фрагменты. Каждый из тюркских этносов надеется на достойное будущее, хотя в перспективе для большинства из них при сохранении нынешней ситуации маячит лишь вопрос об элементарном этнокультурном выживании.

Двадцатый век – век надежд и разочарований для тюрков. В результате создания частных тюркских литературных языков для каждой местности на базе местных диалектов произошло разделение тюркского мира на более чем тридцать литературных языков. Тюркские народы в настоящее время не имеют общего литературного языка. В то же время

их языки возможно ближе между собой, чем языки локальных групп других народов.

Безусловно, негативной тенденцией является то, что развитие тюркских языков пошло и продолжает идти независимым друг от друга путем, что в определенной степени повлияло на отдаление тюркских языков друг от друга. Если бы тюркские народы, создали общий литературный язык и внедрили его для использования в тюркском сообществе, то этот язык по своему потенциалу можно было бы отнести к числу региональных. К этому нужно стремиться в процессе регулярных межтюркских контактов, в том числе и туристических. Это может способствовать формированию и обогащению современной общетюркской картины мира.

В целях противодействия языковой ассимиляции необходимо повышать значимость тюркских языков путем создания и внедрения общетюркского языка. Такой функционально более продвинутый язык был бы близок ко всем тюркским языкам и служил бы задачам расширения сотрудничества между тюркскими народами в языковой, туристической и культурной сферах, включая сближение тюркских языков друг с другом.

Внедрение общетюркского языка является вопросом не только тюркского ренессанса, потому что не только тюркский мир, но все мировое сообщество получит выгоду от его принятия. Основная часть сельского населения в тюркских странах не владеет ни одним из региональных языков и не имеет возможностей к их изучению. Внедрение общетюркского регионального языка, близкого к разговорному языку в регионе, способствует образовательному и культурному прогрессу, упростит туристическую и коммуникационную проблему не только внутри региона, но и между регионом и внешним миром.

Значимость языка во многом определяется тем, какие возможности он открывает [Абдуллаева, 2016, с. 48]. В настоящее время для того, чтобы получить хорошее образование и информацию, представителям тюркских народов нужно учить другие региональные языки. Создание общего языка, открывающего возможности для хранения информации не одного, а всех тюркских народов, позволило бы в большей степени обходиться этим языком, являющимся к тому же родным для всех тюрков. Это подняло бы, в частности, тюркский туризм еще на одну ступень выше.

Близость тюркских языков создает перед тюркскими народами огромные возможности, которые не просто не используются, но с течением времени теряются. Создание для целей взаимного общения, обучения, и хранения информации общетюркского языка является жизненно важным. Сегодня вопрос стоит так: либо тюркское сообщество реализует свой неиспользованный потенциал и добьется вышеуказанных преимуществ, либо будет продолжать терять большую часть своего потенциала, обусловленного близостью тюркских языков.

Современные тюркские литературные языки являются наддиалектными стандартизированными языками, созданными на базе стандарта определенного района, в соответствующих тюркских регионах, где существуют различающиеся друг от друга диалекты. Учитывая взаимную близость тюркских языков, позволяющую считать их диалектами, вполне реально создание стандартизированного тюркского языка, выполняющего функцию наддиалектного языка для всего тюркского сообщества.

Для этого необходимо определить, на основании каких стандартов целесообразно создать наддиалектный тюркский язык, для того, чтобы он был приемлем для всего тюркоязычного мира. Эти стандарты следует принимать во внимание и в проектах по тюркскому лингва-туризму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева Г. Модельно-правовые вопросы этнокультурализма. Саарбрюккен, 2016
2. Котлер Ф., Боуэн Дж., Мейкенз Дж. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм. М., 1998.
3. Конурбаев А., Мокрынин В., Плоских В. Город великого путешественника. Бишкек, 1994
4. Уокер Дж. Введение в гостеприимство. М., 1999.
5. Ушаков Д. С. Страноведение. М.–Ростов-на-Дону, 2009. 256 с.
6. Хаким Р. Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). Казань, 2005.

TURKIC LINGUA-TOURISM: NEW CHALLENGES

Abdullayev Sayfulla N.

Dr. Ph., Prof.,

Dean of Issikkul State University,

Kyrgyzstan, Karakol

E-mail: abdullaev.sayfullah@gmail.com;

sayfylla-ab@rambler.ru

The article poses new challenges of Turkic lingua tourism. The main focus is on the linguistic aspect. It must support common Turkic language. Common Turkic language can be a means of communication in the Turkic world.

Key words: language development, lingua-tourism, Turkic world, Turkic language.

СОВРЕМЕННЫЙ ТЮРКОЯЗЫЧНЫЙ МИР СНГ: КИРИЛЛИЦА И ЛАТИНИЦА

Джусупов Маханбет

*доктор филологических наук, профессор,
Узбекский государственный университет мировых языков,
факультет русской филологии,
Кафедра русского языка и литературы, Ташкент, Узбекистан
E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru*

В статье рассматривается проблема смены типа графики (с кириллицы на латиницу) в тюркоязычных республиках СНГ. Тюркофонное общество разделилось на два лингвографических социума – кириллографическое и латинографическое как внутри каждой республики (Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан с Каракалпакстаном), так и в целом в пространстве Евразии. Переход с одного письма на другой в высокообразованном государстве приводит к серьезным психологическим, образовательным и другим трудностям, так как тормозится восприятие письма и создание письменной продукции. Такое положение дел длится 25-30 лет. Если в Казахстане произойдет смена типа письма, то там, обязательно будет функционировать и кириллица (в казахоязычных школах) и латиница (в русскоязычных школах), так как в школах с русским языком обучения и в соответствующих академических группах вузов будет функционировать кириллица. Письмо – постоянная категория, поэтому смена, функционирующего типа письма на другой тип, переводит его в состояние непостоянной категории.

Ключевые слова: тюркоязычный мир, СНГ, кириллица, латиница, смена графики, постоянная категория, Казахстан.

Вступление

Письмо – графически фиксированный тип языка и речи, языкоречевая память народа, человечества.

После распада СССР (1991 г.) и плавного формирования СНГ, ряд тюркоязычных государств сменили тип национального письма – кириллицу на латиницу (Азербайджан, Узбекистан с Каракалпакстаном, Туркменистан). Решение о смене типа графики было принято быстро, а внедрение латиницы во все социальные сферы национального общества осуществляется откровенно медленно, с большими лингвографическими, психологическими, образовательными и другими трудностями [Алпатов, 2000; Джусупов, 2013].

Письмо – первооснова современного человеческого бытия, то средство, которое дифференцирует видение, восприятие и маркированное отражение мира человеком (в отличие от других живых существ – животных, насекомых, ...). Письмо – человеческая память, сохраняющаяся тысячелетиями, передающая опыт предшественников их последователям, то есть потомкам. Поэтому история человечества – одновременно и история письма. Отсюда, раз человечество делает все, чтобы сохранить человека и духовно, и физически здоровым, то оно точно так же должно заботиться и о письме – главной знаковой памяти человечества. Такое уважительно-трепетное отношение к письму должно быть не только абстрактно-общечеловеческим, но и конкретно национально-ориентированным. Именно тогда будет обеспечено сохранение на тысячелетия главного богатства человечества – различных типов письма (график) в виде соответствующих письменных памятников, отражающих историю, культуру, науку, образование, образ жизни каждой эпохи, каждого народа, национальных объединений. Письмо – времен связующая нить. Поэтому оно в государстве, у народа же-

лательно, чтобы было однотипным (письмо Китая, письмо арабских стран, письмо многих европейских стран, письмо России и т.д.). Смена типа национального письма обрывает эту связующую нить эпох, веков, т.е., чтобы прочитать свое национальное прошлое нужно будет индивиду и обществу владеть несколькими типами графики, а этому специально не обучают ни в одной школе мира. Бартольд В.В. пишет, что история тюрков писалась на фарси, арабском, китайском языках и тюрки [Бартольд, 1998, с. 4]. К этому списку добавим и русский язык (последние 300 лет), т.е. были использованы 3 типа графики – арабская, китайская, кириллица и, частично, латиница. Сложности прочтения тюрками своей истории осложняется еще и тремя сменами графики в 20 веке. После смены типа письменности, большая часть будущих поколений оказываются в атмосфере нового национального лингвографического беспамятства [Джусупов, 2013, с.7].

Смена типа графики – долгий и сложный лингвографический процесс

Смена графики – процесс сложный и болезненный. Последствия этого процесса будут ощущаться в обществе долгое время, пока не произойдет полный переход на новую графику, т.е. когда в обществе не будет умеющих читать и писать на предшествующей графике (кроме специалистов в области истории, лингвистики и т.п., объектом исследования которых является тот период развития государства и его народа, когда использовалась ушедшая в забвение графика). Смена типа письма приводит общество к нежелательной взволнованности и к серьезным психологическим перепадам, к неуверенности в оценке своего образовательного уровня, к чувству некоторой ущемленности и т.д. Эти социально-психологические процессы ни при смене арабской графики на латинскую (1926-1929 гг.), ни при смене латинской графики на кириллическую (1930-1940 гг.), ни при смене кириллицы на латиницу (после 1991 г.) не были изучены (такая проблема вообще не ставилась – ни государствами, ни научными организациями).

Если бы эти личностные и социумные «переживания» изучались, это дало бы серьезные научные результаты в области социальной и личностной психологии, психолингвистики, дидактики, этнопедагогики, языкового образования и т.д., которые, на наш взгляд, были бы доказательством тому, что в современном цивилизованном обществе – в обществе космического мышления, в обществе компьютерных технологий, ... смена графики в государстве – это в определенной степени на 2-3 десятилетия шаг назад, потому что государство и каждый его гражданин на достаточно долгое время теряют стабильность восприятия и создания письменного текста (полиграфического или электронного), без которого видеть общество XXI века немислимо.

Если смена графики, например, произойдет в Казахстане, то этот процесс не обогатит, а обеднит общеобразовательный диапазон учащихся казахской школы и вуза как минимум на два-три десятилетия, а то и больше, что мы наблюдаем в тюркоязычных республиках СНГ, сменивших тип графики после приобретения независимости. Национальное общество разделится на два: общество с кириллографическим письмом и общество с латинографическим письмом.

Не нужно утверждать, что дважды два – не четыре. Или же, чтобы доказать, что дважды два – четыре, не нужно проводить один и тот же эксперимент многократно в разные периоды развития истории народа, образования. Есть древние истины на все времена, которые являются постоянными категориями. Письмо (графика) – именно такая постоянная категория. Частая («скорострельная») смена ее в одном государстве (3 раза за 85 лет) приводит в состояние непостоянства не только национальное письмо, но и другие сферы жизни общества, непосредственно связанные с использованием письма (школа, вуз, официальное делопроизводство, средства массовой информации и т.д.).

Ратующих за смену кириллицы на латиницу в Казахстане не мало, но их гораздо меньше, чем тех, кто за сохранение кириллического казахского письма. Первые (Джунисбеков А., Шарипбаев А., Балтабай К. и др.) предлагают «завершающие» умозаключения, которые, на наш взгляд, основываются на внешнем восприятии языка, как средства общения, или же на понятиях, положениях и категориях политики и идеологии, временных стандартов, которые в пространстве времени и территории не всегда постоянны [Балтабай, 2008; Шарипбаев, 2006; 2009]. Их инолингвографические стремления приостановлены содержанием Постановления Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана от 14.12.2012 г., в котором говорится Президента Республики, что это глобальная проблема будет рассматриваться в 2025 г., что до этого времени нужно все обдумать, взвесить и нация должна сделать свой выбор [Назарбаев, 2012]. Следует опираться на внутреннюю (прежде всего) и внешнюю суть языка, речи, письма как постоянных категорий. Смена типа графики народом и государством – это глобальное мероприятие, охватывающее все аспекты социальной жизни общества. А в высокообразованном государстве, как Казахстан, это торможение, шаг (а то и два шага) назад.

Смена типа графики в Казахстане – это обязательное параллельное функционирование кириллицы и латиницы

В Казахстане традиционно функционируют школы с пятью языками обучения: казахским, русским, уйгурским, узбекским, таджикским. В последние годы появились единичные школы с английским языком обучения, процесс обучения в которых, как правило, осуществляется в условиях искусственного билингвизма, а – не естественного.

В колледжах и вузах обучение за редким исключением ведется на двух языках – казахском и русском. После приобретения независимости опять же появились единичные вузы, в которых обучение ведется или частично на английском языке, или же – полностью. Но это маленькие островки получения англоязычного образования. В них англоязычное обучение также ведется в условиях искусственного билингвизма.

Школ и групп с русским языком обучения в колледжах и вузах меньше, чем с казахским языком обучения, но незначительно.

Переход Казахстана на латиницу коснется в системе образования школ и групп в колледжах и вузах, в которых обучение ведется на казахском языке, а также школ с узбекским языком обучения, так как Узбекистан уже перешел на латиницу.

Школы, группы в колледжах и вузах с русским языком обучения будут работать на кириллице, так как Россия – на кириллице.

Школы с уйгурским языком обучения и уйгурский народ должны решать эту проблему – переходить или не переходить на латиницу, так как в Казахстане нет закона об обязательном использовании одного типа графики всеми народами и соответствующими национальными образовательными учреждениями.

Школы с таджикским языком обучения (их всего 12) останутся на кириллице, так как в Таджикистане пока не ставится вопрос о переходе на латиницу. По всей видимости, Таджикистан не будет осуществлять такой графический «скачок».

Почему обучение на русском и таджикском языках нельзя переводить на латиницу? Потому что есть международное положение, согласно содержанию которого школы и другие образовательные учреждения с инофонными языками обучения (не на языке титульной нации страны), при переходе государства на другой тип письма, остаются на графике, на которой основывается письмо на их исторической Родине. То есть Россия на кириллице, значит, русскоязычное образование в Казахстане или в Узбекистане также на кириллице, то же самое в случае с таджикскими школами и т.д.

Именно поэтому, например, в Узбекистане, который уже более 20 лет на латинице, обучение в русских, казахских, таджикских, кыргызских школах ведется на кириллице. А это 449 казахских школ, около 100 таджикских, около 60 кыргызских, более 120 русских школ и около 200 школ, в которых есть все классы, начиная с первого, где обучение ведется и на русском языке, т.е. это так называемые «смешанные школы» (например, классы с узбекским и параллельно классы с русским языком обучения). Туркменские школы (43), и каракалпакские школы (380) в Узбекистане – на латинице, так как Туркменистан и Каракалпакстан перешли на латиницу.

Таким образом, в системе образования современного Узбекистана равноправно (но в разных объемах) функционируют две графики – латиница и кириллица. Такое двуграфическое положение полностью охватывает и СМИ, и область функционирования науки (подготовка научных кадров, издание научной продукции и т.д.).

Есть и исключения из этого «правила». Так, школы с узбекским языком обучения в Казахстане работают на основе кириллицы, а не на основе латиницы. Объясняется это тем, что Республиканский узбекский культурный центр в Казахстане обратился в МОН РК с просьбой не переводить их на латиницу (хоть Узбекистан и перешел на латиницу), а разрешить образовательный процесс вести на кириллице, так как они хотят находиться в одном графическом пространстве со всем Казахстаном. МОН РК принял во внимание желание узбекской диаспоры в Казахстане и удовлетворил ее просьбу.

Итак, исходя из изложенного выше, можно безапелляционно заявить, что если Казахстан перейдет на латиницу, то в образовательной системе Казахстана будут равноправно (но в разных объемах) функционировать две графики – латиница и кириллица.

К этой двуграфичности в системе образования следует добавить двуграфическое функционирование СМИ.

Суть дела в том, что все средства массовой информации (газеты, журналы, программы телевидения, радио, интернет, кино и т.д.), функционирующие в настоящее время в Казахстане на русском языке, будут продолжать функционировать на русском языке (т.е. на кириллице) и в случае перехода Казахстана на латиницу. Русскоязычных кириллических средств массовой информации и изданий в современном Казахстане на сегодня не меньше, а больше, чем казахоязычных. В итоге может получиться так, что в СМИ Казахстана кириллическая графика начнет доминировать над латинской графикой, которая будет обслуживать только казахоязычные средства массовой информации.

Итак, принятая казахская латиница в некоторых социальных сферах может «добровольно» оказаться в казахской лингвографической «резервации» в самом Казахстане. Почему? Потому что, прежде всего, в СМИ предположительно (гипотетически) будет доминировать кириллица, а не латиница. А СМИ – всемогущее орудие формирования взглядов, настроений, умозаключений у каждого индивида в отдельности и в целом у всего населения государства.

Нужна ли такая двуграфическая бимодельность в СМИ и в системе образования Казахстана? Конечно же, не нужна! Ведь Казахстан – демократическое, многонациональное государство с высоким уровнем образования.

В случае перехода Казахстана с кириллицы на латиницу через 10 – 12 лет, а тем более через 20 – 25 лет, в результате функционирования в СМИ и в системе образования двух типов график появится два типа населения страны, в сознании которых будут сформированы два разных графических психообраза – лингвокириллические и лингволатинизированные. Деление на два лингвопсихографических общества в определенной степени коснется и самого казахского народа Казахстана, так как некоторая часть казахских детей, уже по сложившейся традиции, обучается в школах с русским языком обучения. Смена типа графики не

остановит этот процесс, но, конечно же, в процентном отношении может уменьшить приход казахских детей в школы с русским языком обучения. Они (эти дети) и в вузе будут учиться (за редким исключением) в группах с русским языком обучения, т.е. на кириллице. Это будет способствовать формированию (сформирует) две типологии людей в казахском национальном обществе государства: 1) казахи с латинизированными лингвопсихографическими образами в сознании; 2) казахи с кириллическими лингвопсихографическими образами в сознании. Нужно ли Казахстану, чтобы его народ разделился на два больших (огромных) лингвопсихографических общества? Не нужно!!!

Такое положение дел может привести казахстанское общество к лингвографическому конфликту, что, как правило, имеет серьезные социальные последствия.

Для современного СНГ (бывших республик СССР) лингвографический аспект системы образования Турции, или Англии, или Франции, или США и т.п. не может быть примером для подражания. В этих и других странах Европы, Америки и т.д. образование можно получить только на одном языке и только на одной графике. Например, в Англии или в США с первого по двенадцатый класс и в вузе обучаются только на английском языке, если даже в данном штате или графстве в количественном отношении доминирует неанглоязычное население. Законы образования этих и других подобных стран построены на монопольном обучении. Это никто не может нарушить. Нарушение карается законом. То же самое в Турции: школы, колледжи и вузы работают только на турецком языке. То же самое во многих государствах Европы, Америки. Именно потому, что у них обучение ведется только на одном языке (языке титульной нации), там и используется только одна графика.

Казахстан, или Узбекистан, или Кыргызстан, или огромная Россия и т.д. не могут идти по этому пути, так как у них глубокие традиции в системе полиязычного образования в школе и в вузе, что предусмотрено законами образования этих государств.

Мы не сторонники двуграфической системы образования в Казахстане. Мы не сторонники формирования в Казахстане двух обществ, одно из которых сформировалось бы на основе кириллицы, а другое – на основе латиницы.

Мы сторонники функционирования одной графики в образовательной и других системах Казахстана, которая была введена в 1940 году и функционирует уже и в XXI веке – это кириллица.

Мы за единое общество Казахстана со знанием его гражданами своих родных языков и государственного (казахского) языка. Такой результат может быть обеспечен только при функционировании одной графики, при формировании в сознании каждого гражданина Казахстана, независимо от его национальной принадлежности, единых графических психобразов.

Таким образом, проблема смены графики – это не только собственно графическая проблема, но и образовательная, социологическая, социолингвистическая, социографическая, информационная, психолингвистическая, ... проблема.

Мы ничего не имеем против латиницы. Латиница – это великое письмо, так же как арабское письмо, славянское письмо (кириллица), китайское письмо и др. Мы против многократной смены Казахстаном и казахским народом типа графики в течение 90-95 лет. Нужно уважать традиции, в том числе и традиции письма, а они уже сформированы на основе кириллицы как постоянные категории не только в казахстанском обществе, но и в казахском обществе за пределами Казахстана (в Узбекистане, в Монголии, в России, в Туркменистане, ...).

Заключение

Олжас Сулейменов когда-то написал:

.....

Искрится дым –
 сгорел последний том,
 Но вечен знак над легким пеплом букв,
 Над кошмами,
 над каменной плитой
 изогнутый лекалом мысли звук. [Сулейменов, 1976].

.....

Именно звук – создатель и интерпретатор смысла слова. Да, пусть казахский звук, казахское звучащее слово будут всегда изображаться современными кириллическими казахскими буквами, которыми написаны произведения М. Ауэзова, М. Макатаева, М. Шаханова, ... и, наконец, – Конституция Республики Казахстан.

Смена типа графики в государстве не только национальное, но и полинациональное глобальное мероприятие, так как все тюркоязычные республики СНГ, в том числе и Казахстан, – полинациональные государства. Этот процесс породит серьезный лингвографический дискомфорт не только внутри титульной нации, язык которого является государственным языком этой республики, но и внутри других народов этой страны. Мы за сохранение казахского кириллического алфавита и орфографии, тем более, что современное казахское письмо, по утверждению многих выдающихся языковедов 20 века [Поливанов, 1924; Яковлев, 1970], является одним из самых совершенных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Москва, Крафт + ИВ РАН, 2000. 224 с.
2. Балтабай К. Алфавитный указатель. Станет ли латиница азбукой для казахов? / «Литер». 02.08.2008.
3. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы, «Жалын», 1998. 193 с.
4. Джусупов М. Казахская графика: вчера, сегодня, завтра (кириллица или латиница...). Москва, РУДН, 2013, 108 с.
5. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». Астана. Акорда. 14.12.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-14-dekabrya-2012-g_1355499089.
6. Поливанов Е.Д. Новая казак-киргизская (Байтурсуновская) орфография. (Спорные вопросы киргизской графики и орфографии) // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета, Вып. 7, Ташкент, 1924.
7. Сулейменов О.О. Определение берега. Алма-Ата, «Жазушы», 1976, 456 с.
8. Шарипбаев А. Казахский язык и латиница / «Digital Kazakhstan», 30.04.2009.
9. Шарипбаев А. Латиница: алгебра перехода / «Digital Kazakhstan», октябрь, 2006.
10. Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) // А.А.Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Москва, «Наука», 1970, С.123-148.

**MODERN TURKIC-SPEAKING WORLD OF THE CIS:
CYRILLIC AND LATINIC ALPHABET**

Dzhusupov Mahanbet

Doctor of philology (Habl.), professor,

Uzbek State University of World Languages,

Faculty of the Russian philology,

The department of the Russian language and literature, Tashkent, Uzbekistan

E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

This article deals with the problem of graphics change (from Cyrillic to Latin alphabet) in Turkic-speaking republics of the CIS. The Turkic-speaking society has been divided into two linguographical societies – the Cyrillic graphical and Latin graphical. Such linguographical situation occurs in some republics of the CIS (Azerbaijan, Turkmenistan, Uzbekistan and Karakalpakstan) and in a whole space of Eurasia. Change of types of writings in high educational commonwealth leads to serious psychological, educational and other difficulties as perception of the text and creation of new writing production are hindered. Such circumstances have gone on for the last 25-30 years. If there would be change of type of letter in Kazakhstan, there would function Cyrillic (in the Kazakh-speaking schools) and Latin alphabet (in the Russian-speaking schools), that is why the Cyrillic writings will function in schools with the Russian language and in the academic groups of universities. The written form of the language is a constant category, therefore change in its functioning to another transfers it to the changeable category.

Key words: Turkic-speaking world, CIS, Cyrillic, Latin, change of graphics, constant category, Kazakhstan.

**REFLECTIONS ON REVERSING KAZAKH LANGUAGE SHIFT:
MIGHT ALMATY FOLLOW BAKU'S PATTERN?**

William Fierman

Professor Emeritus, Ph.D.

School of Global and International Studies

Department of Central Eurasian Studies

Indiana University (Bloomington)

E-mail wfierman@indiana.edu

This paper examines the language balance in Kazakhstan from the late Soviet period to the present. It argues that loss of domains by Kazakh to Russian in the Soviet era is attributable above all to Soviet language policies and demography. Some comparisons are made between Kazakhstan's language balance and those in the South Caucasus and Baltic republics. Since Kazakhstan's independence, Kazakh has been reclaiming domains from Russian. The article posits that future development of Kazakh in Kazakhstan's largest city (Almaty) may in delayed fashion resemble the recovery of status by the Azerbaijani language in Baku.

Keywords: language policy, language shift, reverse language shift, Kazakh language, Kazakhstan, Russian language.

В докладе рассматривается языковой баланс в Казахстане с позднего советского периода до настоящего времени. Отмечается, что происходившее в советское время замещение казахского языка русским объясняется в первую очередь советской языковой политикой и демографическими процессами. В докладе приводятся некоторые сравнения между языковыми балансами в Казахстане и в республиках южного Кавказа и Прибалтики. С тех пор как Казахстан стал независимым, казахский язык стал употребляться в некоторых сферах, где прежде доминировал русский язык. Предлагается гипотеза, что хотя и с отставанием, дальнейшее развитие казахского языка в самом крупном городе страны (Алматы) будет напоминать восстановление статуса азербайджанского языка в Баку.

Ключевые слова: языковая политика, поворот языка, обратный поворот языка, казахский язык, Казахстан, русский язык.

Language policy in Kazakhstan has changed radically over the last 30 years, most notably as a result of overall political change and demographics. In this paper I will give a brief overview of these shifts and their relation to one another. I will also attempt to project some of these changes into the future in light of current policies and issues related to their implementation, as well as demographic developments.

To start with, 30 years ago the political unit which we know today as the Republic of Kazakhstan (RK) was one of the fifteen union republics of the USSR. Despite the overall Soviet policy of linguistic russification, inside this republic the Kazakh language remained in widespread use in rural areas, including in schools; indeed, even in the late Soviet era, the majority of Kazakh children studied in Kazakh. In addition, though dwarfed by those in Russian, a large number of Kazakh-language periodicals and books were printed in the Kazakh SSR. In this regard, the publication of a multi-volume encyclopedia in the Brezhnev era deserves special attention. Many Kazakh-language television and radio programs were also broadcast, though even in the Kazakh SSR the availability of programming in Russian was much greater.

Language policy for the Kazakh SSR, as for all other parts of the USSR, was determined in Moscow by the leadership of the Communist Party and the Soviet government. Although there

was no de jure “state language” in the USSR, in fact Russian served this purpose. As a result, Russian was the primary language of administration in the Kazakh SSR, especially in urban areas. Furthermore, with the exception of a couple of regions, Kazakh-medium schools were extremely rare in urban areas. Indeed, even in Almaty, the republic capital, only one Kazakh-medium school operated. Higher education was overwhelmingly in Russian, and even in so-called “national groups,” after the first year of study in the Kazakh SSR, much if not most of the instruction was in Russian.¹

To better illustrate the language situation in Kazakhstan I will briefly compare the Kazakh SSR with union republics of the Baltic and South Caucasus in the late Soviet era. In the field of higher education, for example, unlike Kazakhstan, in the South Caucasus and Baltic, higher education was available in a wide variety of specialties in the titular nationality language. True, even in these other regions, Russian-medium higher education was common. The biggest differences from Kazakhstan, however, were the very availability of higher education in the titular language and the fact that such education in the titular language was not considered inferior to that in Russian.

Demography was part of the explanation for the particular dominance of Russian in the Kazakh SSR—even compared to the rest of Central Asia. As of the last Soviet census, in 1989, the share of Kazakhs in the Kazakh SSR was under 40 percent, i.e., only slightly more than the share of Russians; the number of Kazakhs was less than the combined Slavic population, which totaled over 45 percent. Although some non-Russian Slavs still spoke the language of their ethnic group, many were Russian-dominant speakers or at a minimum bilingual in the ethnic group language and Russian. Furthermore, although Soviet census data might suggest otherwise, many members of the remaining ethnic groups in Kazakhstan were also native Russian speakers; this was also true even of a substantial share of ethnic Kazakhs. It goes without saying that few non-Kazakhs spoke Kazakh; it was generally not taught in non-Kazakh schools, and where it was, as a rule it was not treated as a serious discipline.

The first signs of improvement for the low status of the Kazakh language appeared in early 1987; just months after Gennadiy Kolbin became leader of the Kazakhstan Communist Party, the republic Party and state leadership adopted a resolution designed to begin to redress the situation. Later, in 1989, along with other republics, the Kazakh SSR adopted a language law. In the wake of that law and especially following the collapse of the USSR, the situation began to change more significantly. Thus, although more on paper than in fact, during the initial years after Kazakhstan’s independence, government correspondence began to shift to Kazakh, or at least to Russian with Kazakh translations. Moreover, there was a “boom” in enrollments in Kazakh-medium primary and secondary schools. Thus, whereas in 1988, less than a third of primary and secondary school pupils in Kazakhstan were studying in the Kazakh medium, a decade later the share studying in Kazakh had grown to half. The shift was especially dramatic in urban schools, where the share jumped from about one in six in 1990 to almost one in three in 1998 [1]. It should be noted in

1 . Only a very small share of the Kazakh SSR non-Kazakh population was literate in Kazakh at the time of the last Soviet census in 1989; and non-Kazakhs accounted for over 60 percent of the total population. Based on the fact that at the time, approximately one third of Kazakh children were enrolled in Russian-medium schools, it is plausible to estimate that something in the range of one third of Kazakhs could not write in Kazakh. So the remaining two thirds of the ethnic Kazakhs likely constituted a bit more than a quarter of the population. If this is adjusted upward to account for the Kazakh graduates of Russian-medium schools who were nevertheless literate in Kazakh and the few non-Kazakhs literate in the Kazakh language, it is likely that the total Kazakh SSR population literate in Kazakh was in the range of 30 percent. Russian literacy was virtually universal among Kazakhstan’s Slavs; even among Kazakhs in the republic, almost 67 percent claimed fluency in Russian in the 1989 census.

passing that, although it did not radically change the situation, in 1997 the RK adopted a second language law.

Both in the Soviet era and throughout the period of independence, in public pronouncements Kazakhstan officials have frequently emphasized the multiethnic and multilingual composition of the republic/ country. Indeed, under Soviet power, Kazakhstan became a territory with over 100 ethnic groups and languages. However, even at the time of the last Soviet census, for the most part it was a republic with two dominant ethnic groups—Kazakhs and Russians—and their respective languages. Beyond these, Ukrainians and Germans (each under 6 percent of the Kazakh SSR population), were the largest ethnic groups, followed by Tatars and Uzbeks (each ca. 2 percent); each of the other hundred-plus groups accounted for only about 1 percent, and in the majority of cases, far fewer. Among these minorities (the Uzbeks being a major exception), many if not most members were Russian-language dominant.

Indeed, at the time the language law was adopted in 1989 and Kazakh was made the single state language, only about 30 percent of the population of the republic was literate in that language. On the other hand, probably over 90 percent of the population was literate, but overwhelmingly in Russian [2, C. 68].² It is not surprising, then, that in 1989, the Russian language dominated in most public domains in Kazakhstan, especially in the cities, with Kazakh trailing far behind.

One critical way in which the Kazakh SSR was unlike any republic of the Baltic or South Caucasus is that a substantial share of Kazakh youth in Kazakhstan knew little or none of the state language, i.e., the traditional language of their own ethnic group.³ A second important and related difference to note here is that at the time of the collapse of the USSR, in a very large range of fields, Kazakhstan lacked a generation of specialists trained in the state language. Consequently, in a wide variety of fields, even ethnic Kazakhs with good Kazakh skills were often employed in work environments with only one language, Russian. Furthermore, these cadres were unprepared to begin to function in professional life in Kazakh after independence. In contrast, all of the newly independent states in the Baltic and South Caucasus emerged from the Soviet era with cadres for almost all fields who were trained in the medium of the state language, and were prepared to function in their post-Soviet professional lives in that language. This applied even to such a country as Latvia, where Slavs comprised approximately 45 percent of the population, as well as to Azerbaijan, the country among the six Baltic/South Caucasus where literacy and the standardized literary language arguably had the shortest history [3].

Against this background of the Soviet period, I would like to look at what might be termed the language environment in Kazakhstan today, twenty-five years after independence.⁴ Russian

2 The phenomenon of the titular nationality members with little to no knowledge of the nationality language was not unique to Kazakhstan. It was not rare in other Central Asian republics, but available evidence suggests it was more pronounced in Kazakhstan than elsewhere. Outside of Kazakhstan this was probably most common in the north of Kyrgyzstan, followed by towns with majority Slavic populations elsewhere in the region.

3 By “language environment” I am referring to the use of all languages in various domains in the country.

4 Although somewhat contradictory, the sources I have found show that in any case Russian-language secondary education is not very widespread in Azerbaijan today. According to [10, C. 102], in the 2014–2015 academic year, 7 percent of secondary school pupils in Azerbaijan were studying in Russian-medium schools or classes. Similarly, according to a phone communication with an official at the Azerbaijan Ministry of Education on 17 Oct. 2016, currently 7.4 percent of the school pupils in the country are in such institutions. However, the same official provided the identical percentage for the *city of Baku* as the country as a whole, which would be impossible, given that Russian-medium schools are mostly in Baku. If indeed 7.4 percent of

still has a major role in the RK, far greater than in the South Caucasus or Baltic countries. To start with, according to the 1995 Constitution, still in force today, “In state institutions and local self-administrative bodies the Russian language shall be officially used on equal grounds along with the Kazakh language” (Art. 7). Beyond this, Russian continues to be used very widely in virtually all domains outside of those rural areas where very few representatives of Slavic ethnic groups reside. The continued broad use of Russian is apparent in government office work (делопроизводство). Even though plans have long called for a shift to Kazakh, Russian is very frequently used; indeed, a common practice is to create a document in Russian, after which a poor quality Kazakh translation is created to comply with the letter of the law, even though no one reads that translation. Likewise, Russian-language radio and television programming is widely consumed, both produced in Kazakhstan and broadcast from Russia. In addition, approximately one-third of school children in the RK, including many Kazakhs, are still in Russian-medium schools or classes. A similar situation exists in higher education: thus, in 2014, 37 percent of higher education students were enrolled in Russian-language divisions [4], though in this case, even for Kazakh-language groups, Russian-language textbooks are sometimes still used because adequate Kazakh equivalents do not exist. Russian remains an obligatory subject in all RK schools. (Of the six states in the Baltic and South Caucasus, this is the case only in Armenia, a country where the state language is the native language of almost the entire population, and thus especially secure.)

Despite the continued very strong role for Russian in Kazakhstan, its role has been diminishing in recent years as the role of Kazakh has been growing. One reason is that despite President Nazarbayev’s balanced policy designed to avoid open strife based on ethnic or linguistic grounds, he is on record supporting a greater role for Kazakh. The Constitution, which was certainly crafted with the president’s support in 1995, makes Kazakh the single state language. This same formulation is repeated in the language law of 1997 where, despite popular views to the contrary, Russia is *not* declared the language of interethnic communication [5]. Secondly, President Nazarbayev has stated that it is the “duty” of every RK citizen to know Kazakh [6]. Beyond this, however, the ethnic population balance in the country has radically shifted. Whereas at the time of the last Soviet census the shares of Russians and Kazakhs were approximately equal, today there are over three Kazakhs for every Russian in the country [7]. In line with the above, official state policy has promoted increased use of Kazakh. Implementation of laws seriously lags behind their adoption; nevertheless, whole sets of Kazakh terminology have been developed for a wide range of domains, Kazakh is used much more today in government offices than a quarter century ago, and the amount and variety of programming in electronic mass media have tremendously increased. An important example of this is the initiation in 2010 of Balapan, a Kazakh-language television channel designed for children between three and ten years of age.

It is difficult accurately to determine the extent to which this reflects a displacement of Russian by Kazakh in Kazakhstan’s language environment. How many hours do children in Kazakhstan spend watching Balapan that in the absence of such a channel they might spend watching Russian-medium children’s programs? That is unclear, but it is no doubt considerable. It is easier to measure the shift in language of education. Today, almost two-thirds of the pupils in Kazakhstan’s primary and secondary schools are enrolled in Kazakh-medium institutions [8, C. 154]. To recapitulate, this reflects growth from less than one-third of pupils in 1988 to less than one half in 1998 to almost two-thirds today.

This is not to say that Kazakhstan’s school children in Kazakh-medium schools are not *studying* the Russian language. Russian remains a mandatory subject in all schools. However, my

Baku school children study in the Russian medium, this would suggest a figure of in the range of 3 percent for the entire country. On the other hand, if 7.4 percent is correct for the entire country, it could be that around 15 percent of Baku pupils or even more study in the Russian language.

own personal observations and conversations with a wide variety of interlocutors suggest that the overall level of Russian skills in the RK has fallen and is falling.

In the past and to some extent even today, many public settings in Kazakhstan involve communication among individuals whose Kazakh language skills are weak to non-existent; as a rule, traditionally in such settings, almost all of those citizens with weak or no Kazakh skills have known Russian. Outside of rural locales and beyond certain regions in the south and west of Kazakhstan there have almost always been individuals who did not know Kazakh, and it was accepted practice (as well as Communist Party policy in the Soviet days) to use Russian in these cases.

We are approaching a very different era, one that has already begun in certain parts of Kazakhstan. In these places, individuals without even a passive knowledge of Kazakh will become a small minority. Native Kazakh speakers will be a substantial majority, and, although varying across public domains, in many cases those educated in Kazakh will constitute a majority; indeed, in some cases they will be the overwhelming majority. Russian may continue as a major component in the RK language environment for a long time; nevertheless, it appears increasingly likely that Kazakh will become the dominant language in an increasing set of domains, including the urban workplace. This is not to exclude the likelihood of considerable code-switching; indeed, it is likely that at times individuals will mix languages in the same sentence. However, this will represent a sea change from Soviet days: in the Kazakh SSR the “default setting” was to communicate in Russian because a substantial minority, and often a majority of those interacting could not understand Kazakh. Still more could not express themselves in that language. However, this set of circumstances is shifting. Even though today many administrators have low or zero Kazakh skills and (out of deference to them) Russian is still used, this practice, appears to be diminishing; furthermore, it seems likely to continue to diminish over the coming decades.

In conclusion, let me cite the experience of Azerbaijan, a country with an admittedly very different history and language environment from Kazakhstan. And in order to be brief, I will focus just on the capital city, Baku. Yes, at the end of the Soviet era, Azerbaijani was used much more in Baku than Kazakh was used in Almaty or, for that matter, in almost any major Kazakh SSR city. Nevertheless, in Baku and the certain other areas of the Azerbaijan SSR as well, Russian was the main language for interethnic communication. And Russian was used in many settings because Soviet policy specified this role in inter-ethnic communication; by and large, minorities in Baku did not know Azerbaijani, but they did know Russian. And at the time of the last Soviet census, 1989, non-ethnic-Azerbaijanis still constituted one third of Baku’s population [9, p. 85].

The non-ethnic-Azerbaijani population shrunk radically in the decade after that census, most importantly as Armenians, Russians and Jews left at the end of the Soviet era and early years of independence. More important for my argument here, however, is the following: as noted above, already in the Soviet era, the Azerbaijan SSR trained specialists throughout the educational system in the Azerbaijani language. In this way it was very different from the Kazakh SSR. Consequently, upon independence, Azerbaijan had cadres educated in the state language who were able to work in most public domains; and, as a whole, it appears that even those ethnic Azerbaijanis educated in Russian in Azerbaijan had a substantially better capacity in Azerbaijani than Kazakhs educated in Russian had in Kazakh in Kazakhstan. Consequently, over the last quarter of a century, Russian has largely been displaced by Azerbaijani in the workplace in Azerbaijan. A small share of Azerbaijani children in Baku, along with members of other ethnic groups, still attends Russian-medium schools. □ Furthermore, although nationwide, Russian is no longer a mandatory subject in the curriculum, it is a popular subject. Russian is widely spoken in Baku by ethnic Azerbaijanis. Among those with deep roots in the city, it is usually spoken fluently and without grammatical mistakes; these urban residents typically have a distinctive dialect of Russian particularly characterized by

intonation. Russian is also often spoken by members of families who have recently migrated to the city, though more often than not these people speak the language with mistakes and a heavy accent.

Kazakhstan is not Azerbaijan, and Almaty, Kazakhstan's largest city, is not Baku. That said, in looking ahead another decade or two, it seems likely that Kazakh will continue to displace Russian in a number of parts of the language environment. And in thirty or forty years the linguistic environment there may in many aspects resemble today's Baku.

LITERATURE

1. Fierman, W. Language and Education in Post-Soviet Kazakhstan: Kazakh-Medium Instruction in Urban Schools // *The Russian Review*. Vol. 58, No. 1, 2006.

2. Государственный Комитет СССР по Статистике. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года, Часть II, Национальный состав населения. М.: Финансы и статистика, 1989.

3. Fierman, W. Russian Language in Post-Soviet Central Asia: Persistence in Prestige Domains // *Вестник Российского Университета дружбы народов*. 2015, No. 5.

4. «ЖОО студенттерінің жалпы санынан қыздардың үлесі 57,2%-ды құрайды» Білім және мәдениет. [URL] <http://bmtv.kz/m/kz/zha-aly-tar/item/5828-zhoo-studentterini-zhalpy-sanypan-yzdardy-lesi-57-2-dy-rajdy>,

5. Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-І (1997) [URL] http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034#pos=12;-204.

6. “Казахский язык должны знать все”, - Нурсултан Назарбаев, [URL] www.matritca.kz/news/30146-kazahskiy-yazyk-dolzhen-znat-vse-nursultan-nazarbaev.html (1 марта 2016).

7. Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитеті, Серия 14, Демография. 2015 жыл басына Қазақстан Республикасы халқының жекелеген этностары бойынша саны.

8. Министерство Образования и Науки Республики Казахстан. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования в Республике Казахстан, Астана, 2016.

9. Fierman, W. Language Vitality and Paths to Revival. Contrasting Cases of Azerbaijani and Kazakh // *International Journal of the Sociology of Language*, Vol. 198, 2009.

10. Арефьев, А. Л. Русский язык в системах образования стран мира // *Грани российского образования*. М.: Центр социологических исследований, 2015.

**БАЗОВЫЕ ОППОЗИТИВНЫЕ ПАРЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
ХАКАССКИХ БИЛИНГВОВ: СИСТЕМНОСТЬ И ДИНАМИКА¹**

Боргоякова Тамара Герасимовна

доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова

ХГУ им. Н.Ф. Катанова (Абакан)

E-mail: tamarabee@mail.ru

Общечеловеческая практика познания и структурирования мира с помощью бинарных оппозиций представлена в естественных языках системой антонимических пар. Выделение категории канонических антонимов связано с высокой степенью их семантической связанности, лексико-семантической закреплённости в памяти, конвенционализации в тексте и дискурсе [Murphy 2003; Paradis, at el 2009]. Представленные в докладе результаты анализа системности и иерархии базовых канонических антонимических пар в ядре хакасского языкового сознания (ЯС) служат валидной основой изучения когнитивных моделей концептуализации хакасского образа мира с привлечением контрастивных данных ядра русского и английского языкового сознания. Каноничность анализируемых антонимических пар подтверждается лексикографическими и ведущими ассоциативными значениями.

Лидирующая каноническая антонимическая пара *чахсы/хомай* «хороший/плохой» с одинаковой позицией обоих компонентов в ядре хакасского ЯС представлена ассоциативными полями (АП) компонентов данной оппозиции, выступающих как в роли слов-стимулов, так и в роли слов-реакций. Для сравнительного анализа привлекается АП-I, представленные в рукописи хакасского ассоциативного словаря [Боргоякова 2002], и АП-II, смоделированные в 2015 году по итогам свободного ассоциативного эксперимента с участием 150 хакасских билингов, свободно владеющих хакасским языком.

Ведущей когнитивной основой ассоциирования на слово-стимул *чахсы* в обоих АП служат синтагматические модели, реализованные реакциями в виде имен существительных. Среди них лидирует ассоциат *кізі* «человек» и семантически связанный с ним «пучок» ассоциат, типа *кізілер* «люди», *оол* «мальчик», *палалар* «дети» и др., составляя 20% и 17% в АП-I и АП-II соответственно. На втором месте находится «пучок» реакций, объединённых вокруг доминанты *чуртас* «жизнь», составляя 8% и 13% в АП-I и АП-II.

Стратегия ассоциирования второго компонента ведущей оппозитивной пары *хомай* «плохой» оказалась тождественной в плане существенной доли реакции *кізі*, объединяющей семантически близкие ассоциаты, составляя 20,7% и 26% в АП-I и АП-II соответственно. Однако в АП-I доминирует синтагматическая модель, представленная нарицательными именами существительными, обозначающими природные явления и предметы окружающей действительности.

Архетипы хакасской традиционной культуры проявляются в особенностях полярной категоризации социального пространства в ядре хакасского ЯС. В нем актуализирована константа половозрастной дифференциации, влияющая на статус человека и представленная двумя оппозитивными парами: *улуг/кічіг* «старший/младший», и *оол/хыс* «парень/девушка, девочка». Возрастная оппозиция присутствует в значении компонентов обеих антонимических пар. Гендерная противоположность составляет семантическую основу только второй антонимической пары. Третий параметр социальной иерархизации,

1 Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ (Проект №15-04-00156)

проявившийся в ядре хакасского ЯС, связан с оппозицией *чох/най* «бедный/богатый», отсутствующий в структуре ядра других ЯС.

Таким образом, анализ стратегий поляризации образа мира на материале антонимических пар, выявленных в ядре хакасского ЯС с привлечением данных других языков, позволил получить наблюдения, релевантные не только в рамках «внутренних детерминант речевого поведения», но и «внешних, социальных детерминант», обусловленных особенностями культурно- исторического и духовного развития конкретных народов [См. об этом: Тарасов 2010: 23-24]. Несомненно, что изучение и учет психолингвистических коннотаций в системе и динамике оппозитивных пар ядра ЯС этноса является важным условием успешности межэтнической коммуникации в условиях полиэтнических регионов России.

ЛИТЕРАТУРА

Боргоякова А.П. Хакасский ассоциативный словарь (рукопись). 2002. 235 с.

Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения. Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языкознания. Москва, 1992 // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2 (12). М. С. 20-26.

Paradis C., Willners C., Jones S. (2009). Good and bad opposites. Using textual and experimental techniques to measure antonym canonicity // *The Mental Lexicon*. – John Benjamins Publishing Company. P. 380- 429.

Murphy M.L. (2003). *Semantic relations and the lexicon: antonyms, synonyms and other semantic paradigms*. Cambridge: Cambridge University Press. 236 p.

УЧАСТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ОБРАЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Бекджаев Тагандурды Бекджаевич

Старший преподаватель,

факультет туркменской филологии

кафедра туркменского языка

Туркменский Государственный Университет имени Магтымгулы

Туркменистан, Ашгабад

E-mail: yapon70@rambler.ru

Основной целью научной статьи является, выявление особенностей фразеологизмов, содержащих в своем составе профессиональную лексику, исследовании путей проникновения профессиональной лексики в состав фразеологизмов, исследование общих черт этих фразеологизмов в тюркских языках, определение лексического содержания.

В работе как объект исследования впервые комплексно рассматриваются фразеологизмы, в своем составе имеющие профессиональную лексику. Сделаны выводы и введена в научный оборот мысль о том, что причиной проникновения в состав фразеологизмов туркменского языка профессиональной лексики является активность лексических единиц, несмотря на то что предметы обозначаемые этими словами, вышли из использования.

Основываясь на данных археологических и этимологических исследований туркменских и зарубежных ученых, высказывается мысль о том, что возникновение различных групп профессионализмов связано с определенными этапами истории, исследуется потенциал и значение участия профессиональной лексики в образовании фразеологизмов.

Ключевые слова: профессиональная лексика, фразеологизм, ковро ткачество, рукоделие, земледелие, животноводство, военная лексика.

В туркменском языке есть множество фразеологизмов, в составе которых присутствует профессиональная лексика. Эти слова, закрепленные в составе фразеологизмов, как правило, являются главным словом в составе фразеологического словосочетания. Профессиональная лексика крепко связана с жизнью, бытом, психологией народа. Так же необходимо особо отметить, что активно участвуют в образовании фразеологизмов предметы и явления, которые занимают важное место в жизни народа. Следовательно, большое место в образовании фразеологизмов занимают профессии, которыми занимались представители нации, названия орудий труда. Такими профессиями, оставившими след в фразеологизмах туркменского языка являются животноводство, земледелие, рукоделие, ювелирное искусство, ремесла кузнеца и столяра, военное дело. Известно, что эти профессии имели большое значение в жизни туркменского народа, что было продиктовано жизненным укладом, борьба за выживание.

Вышеназванные профессии своими корнями уходят в древнюю историю туркменского народа. Археологические исследования убеждают нас в том, что земледелием занимались на территории Туркменистана еще в VI веке до нашей эры. Археологические раскопки, проведенные в Аннау, Мянэ-Чааче, Намазгадепе, Конурдепе доказывают, что предки нынешних туркмен занимались животноводством, кузнечным делом, изготавливали

гончарные изделия [Массон, 1989, с. 143].

Фразеологизмы в большинстве своем, возникают в общенациональной разговорной речи. Поэтом, основным условием их возникновения является то, что слова, которые несут основную смысловую нагрузку в фразеологизме – основные слова сочетаний в течение долгого времени должны находиться в употреблении. Эту мысль подтверждают и фразеологизмы, функционирующие в современном туркменском языке.

Часть туркменских фразеологизмов отличаются тем, что в них чаще других встречаются профессиональная лексика. Как мы отмечали и выше, в составе встречаются слова, связанные с земледелием, животноводством, столярным и кузнечным мастерством, военным делом.

Необходимо отметить, что значительный пласт фразеологизмов составляют единицы, образованные на основе сравнения с предметом или явлением. В таких фразеологизмах компаративные значения могут быть выражены явно или скрытно. С этой точки зрения фразеологизмы, в составе которых присутствуют профессионализмы можно представить в двух группах.

1. Фразеологизмы, образованные на основе сходства с предметами и явлениями, обозначаемыми профессиональной лексикой.

Общее значение таких фразеологизмов основывается на схожести со значением, выражаемым словом из профессиональной лексики. Приведем несколько примеров.

Kelebiň ujuny ýitirmek (потерять конец мотка нити) – остаться в безвыходном положении, не зная что делать.

«Wäh! Diýip, Sähet kelebiň ujuny ýitirip durdy.»

«Бах сказал Сахат, не зная что делать.»

Çagarygy çaşmak – разрушиться. быть разгромленным.

Waşyna iş düşüp, çagarygy çaşanda adam pahyr göwnüne bir teselli tapmaly bolýar-a.-В трудные дни, когда кажется, что жизнь разрушена, человек ищет утешения.

2. Фразеологизмы, образованные на основе сходства с действием, обозначаемым словами из профессиональной лексики.

В этих фразеологизмах общее значение основывается на схожести с действиями, обозначаемыми профессионализмами. Это действие связано с работой и жизнью человека. Рассмотрим примеры:

Burunnyk dakmak (буквально вдеть в морду верблюда особым образом сплетенную веревку, которая принимает боль при резком движении) – подчинить своей воле.

Gapana düşmek – попасть в капка, попасться, оказаться в безвыходной ситуации. Bakgal: «Wäh, gapana düşdüm!» diýdi.-Бакалейщик сказал «Вах попал я в капкан».

Gylyçdan geçirmek (букв. провести через саблю) – убить, уничтожить. Meniň häkimiýetime garşy pitne turzanlary ýeke+ýekeden gylyçdan geçir- «Кто восстанет против моей власти – уничтожу».

Demi bilen degirmen ýöretmek (букв. «привести в движение мельницу силой дыхания) – подчинить людей своей воли. Ol demi bilen degirmen ýöredýän gazaply adamlaryň bigidi.-Он был человеком, подчинявшим своей волей окружающих.

Ok bolup degmek (букв. попасть как пуля) – оказать плохое воздействие. Edilýän gürrüňiň Şalar bagşa ok bolup degjegini aňan-da bolsa, aljyramazlyga çalyşdy.- «Хотя он знал, разговор будто пулей попадет – окажет сильное плохое воздействие на Шалар бахши, старался не растеряться». Профессиональная лексика, слова: **kelep, çagaryk, burunnyk, gapan, gylyç, degirmen, ok**, которые входят в состав вышеприведенных фразеологизмов, использованы в переносном значении.

Учитывая, что профессионализмы, входящие в состав указанных фразеологизмов

используются в современной разговорной речи очень редко, считаем, что необходимо их толкование.

Kelep – моток нитки, собранный особым образом, используемый в ковроткачестве.

Çagaryk – крестообразно скрепленные палки, поддерживающие верхние отверстие туркменской юрты.

Burunnyk – см. Burunnyk dakmak.

Gapan – капкан

Degirmen – мельница

Ok – стрела, пуля.

Способность к фразеобразованию слов зависит от того, к какому ремеслу относится фразеологизм. Наиболее активными бывают профессионализмы, используемые представителями наиболее распространенных профессий. Чем шире распространена профессия, тем глубже она входит в жизнь народа. А это приводит к широкому использованию сравнений с участием слов, обслуживающих этих профессий в образовании фразеологизмов. По значению слов, участвующих в образовании фразеологизмов они делятся на несколько групп.

Считаем целесообразным более подробно остановиться на фразеологизмах, в составе которых имеется военная лексика. Эта лексика имеет наиболее древнюю историю.

Обозначая военное снаряжение, военные действия, лиц военных профессий они вместе с туркменским народом прошли всю его историю. Вначале военную лексику составляли названия простых средств, используемых в повседневной жизни. Поэтому, связь военной лексики со словами других профессий очевидна.

Профессиональная лексика различных языков в разное время стала объектом исследований лингвистов. Исследования С. Д. Ледяевой [Ледяева, 1954.], Ф. П. Сороколетова [Сороколетов, 1970.], М. Ф. Тузовой [Тузова, 1955.] имеют большое значение в изучении профессионализмов. В кандидатской диссертации С. Д. Ледяевой исследуется собственно военная лексика, но и их участие в образовании фразеологизмов.

Военная лексика стала объектом пристального внимания и в исследованиях, посвященных тюркским языкам. Наиболее пристально изучали данный пласт лексики узбекского, казахского, азербайджанского, турецкого языков. Ученые, изучавшие военную лексику тюркских языков, ставили перед собой следующие задачи:

а) история военной лексики, особенности её формирования.

б) заимствованная военная лексика, степень их проникновения в изучаемый язык.

в) лексико-семантические особенности, семантические отношения, эмоционально-экспрессивное значение военной лексики.

В работах, посвященных военной лексике в тюркских языках не исследуется участие этих слов в образовании фразеологизмов, не упоминаются фразеологизмы, в составе которых встречаются такие единицы. Говоря об изучении военной лексики, мы имеем в виду исследования Т. Байджанова [Байжанов, 1973.], Д.Т. Багышева [Багышов, 1990.], Х.А. Дадабаева [Дадабаев, 1981.], Ю.А. Яковлева [Яковлев, 1981.]. Они ценны тем, что в них содержится богатая информация о военной лексике тюркских языков.

Как первая работа, посвященная военной лексике туркменского языка можно упоминать словарь, составленный Н. Вельмурадовым и А. Ниязовым [Welmyradow, Nyuzow, 1934.]. Этот словарь можно считать удачным двуязычным, русско-туркменским словарем. В нем имеется 2730 словарных статей. В последние годы военная лексика туркменского языка явилась объектом обстоятельного изучения. Книга Ч. Гараджаева [Garaǰaýew, 1989.] «Военная лексика туркменского языка» посвященная изучению терминов туркменского и тюркских языков. В ней группируются в несколько групп слова,

обозначающие военное снаряжение. Автор специально исследует и способы образования военной лексики. Однако, в книге не уделяется достаточного внимания участию военной лексики в образовании фразеологизмов. В разделе «Синтаксическое словообразование» как словосочетания, связанные с военным делом, приводит и несколько фразеологизмов, в образовании которых участвует военная терминология. Кроме того, в этом же разделе, словосочетания, связанные с военным делом, делятся на образованные при помощи внутренних ресурсов и образованные под влиянием русского языка.

Недостаточная изученность вопроса участия в образовании фразеологизмов туркменского языка и послужила причиной того, что предметом настоящей статьи стала эта проблема.

Военная лексика, участвующая в образовании туркменских фразеологизмов, как правило, являются исконно туркменскими словами. Они имеют древнюю историю, являются неотъемлемой частью культуры и быта туркменского народа. Количество фразеологизмов туркменского языка, в составе которых имеется военная лексика не очень большое. Несмотря на это, они широко используются как в литературном языке, так и в диалектах.

В составе фразеологизмов туркменского языка чаще других встречаются слова **ok** (стрела, пуля), **gylyç** (сабля, меч), **eýer** (седло), **tyg** (штык), **hanjar** (нож), **galkan** (щит), **çis** (вертело), **reýkam** (лук), **gyn** (ножны), **duzak** (силки), **didiwan** (мушка), **tebil** (военный барабан), **miş** (медь, капсула), **naýza** (копье), **sapan** (праща).

Фразеологизмы, в образовании которых участвует военная лексика могут быть использованы при обозначении как военных действий, так и не связанных с ними.

а) фразеологизмы, обозначающие понятия, связанные военным делом.

Gylyç gemirmek (букв. грызть меч) – хотеть войны. *Özüm-ä seniň ýaşyňda bolsam, dutara ýaruşman gylyç gemirerdim.* -Будь я в твоём возрасте не брался бы за дутар, а грыз бы меч.

Ýeňiş teblini kamak (букв. ударить в барабан) – чувствовать близость победы. *Indem bularyň ýeňiş teblini kakyp, biziň üstümize gelişimikä?* -«А теперь они ударив в барабан победы, идут на нас войной?».

Didiwana mündürmek (букв. посадить на мушку) – взять на мушку, прицелиться. *Didwana mündüren adamsyny bir okda alybilmese namys etdi.* -«Корил себя, если первой пулей не попадал в человека, которого взял на мушку.

Naýza gezäne özüňi galkan etmek (букв. сделать себя щитом против копья, нацеленного на кого-то) – быть защитой для кого-то. *Ol naýza gezäne özüni galkan eder.* -Он делает себя щитом, против нацеленного кем-то копья.

Значение приведенных фразеологизмов основывается на значении военной лексики. Такие фразеологизмы обычно обозначают военные действия. В то же время, они имеют и переносные значения, не связанные с военным делом, которые широко используются в речи.

б) Фразеологизмы, обозначающие понятия не связанные с военным делом. Значение военного термина участвующего в образовании фразеологизма, на основе схожести переносится для обозначения других понятий.

Ok bolup atylmak (букв. вылететь пулей) быстро двигаться, бежать. *Şyhym Sülgün ok bolup atlyp çykyр gitdi.* -Шыхым Сульгун пулей вылетел.

Misi gyzmak (букв. накалиться капсулой) – сердиться, злиться. *Muňa Funtikowuň misi guzyр gitdi.* -На эти слова Фунтиков разозлился.

Sapandan sypan ýaly (букв. как с пращи сорваться) – бежать, убегать, быстро удаляться. *Ol harby gullukdan sapandan sypan ýaly bolup gaýdyp geldi.* -Из военной службы он вернулся как с пращи сорвался:

Bagryna tyg sançamak (букв. проколоть чью-то печень вертелом) – тяжело переносить, сделать больно. Berkitmäniň birden elden gitmegi faşistleriň komandirleriniň bagryna tyg sanjurdy. Внезапную сдачу фортификационного сооружения, фашистское командование приняло очень тяжело.

В приведенных примерах показывается, как значение слов **ok, mis, sapan, tyg**. На основе схожести характера или выполняемого действия переносится на понятие из жизни народа не связанные с военным делом.

Быстрое движение сравнивается с быстротой пули, действия капсулы – с сердитостью человека. Также с различные действиями человека сравниваются особенности пращи, вертела, сабли и другими, что имеет огромное значение в образовании фразеологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Массон В. М. Первые цивилизации, -Л., 1989 . 420 с.
2. Ледяева С. Д. Русская военная лексика XI-XII вв. Рукопись канд. дисс. -М, 1954. 150 с.
3. Сороколетов Ф. П . История военной лексики в русском языке XI-XVII вв. -М, 1970. 235 с.
4. Тузова М. Ф. Русская военная лексика 2-й половины XVII- 1-й половины XVIII в. -М, 1955. 285 с.
5. Байжанов Т. Военная лексика в казахском языке; Автореф, канд. дисс. -Алма-Ата, 1973. 30 с.
6. Багышов Д .Г. Военная терминология азербайджанского языке; Автореф, канд. дисс. -Баку, 1990. 28 с.
7. Дадабаев Х .А .Военная лексика в староузбекском языке; Автореф, канд. дисс. -Ташкент, 1981. 32 с.
8. Яковлев Ю.А. Пути развития и способы образования турецкой военной терминологии; Автореф, канд. дисс.-М, 1981. 34 с.
9. Welmyradow H., Nyýazow A. Oryşça-türkmençe terminologiýa sözlügi.-Aşgabat-Baku, 1934. 420 с.
10. Garajaýew Ç. Türkmen diinde harby leksika. -Aşgabat, 1989. 186 с.

TURKMEN PHRASEOLOGICAL UNITS INVOLVING PROFESSIONS

Bekjajev Tagandurdy

Senior teacher

Turkmen State University name Magtymguly

Turkmenistan, Ashgabat

E-mail: yapon70@rambler.ru

The main objective of the article is to reveal the specific peculiarities of the Turkmen phraseological units involving professions, to analyze the reasons of penetration of words of profession into the phraseological units, to show the generality of those phraseological units in Turkic languages, and to define their lexical content.

In the research work the Turkmen phraseological units involving professions were widely and fully studied for the first time. The reasons of penetration of words of ancient profession and words related to crafts into the phraseological units, the ideas about the words in phraseological units

though not used any longer but not become obsolete, and the ideas of connection phraseological units with the national peculiarities were put forward and put into scientific usage.

Referring to the archeological and etymological research of foreign and Turkmen scientists, hypothesis about the application of words of profession at a definite period of time of history was put forward, the aptness of words of profession to create phraseological units and their importance were revealed.

Key words: words of profession, phraseological unit, carpet-making, farming, cattle-breeding, jeweler's art, blacksmithing, carpentry, handicrafts.

CONCEPTUAL PECULARITIES OF THE UZBEK IDIOMATIC COMPOUND WORDS

Yuldashev Akmal Gulamjanovich

Senior Researcher

Uzbekistan State University of World Languages,

Tashkent, Uzbekistan

E-mail: akmal1909@mail.ru

The place and significance of cognitive mechanisms in word formation and verbalization of language units are considered one of the topical problems of linguistics. The present article analyzes the cognitive bases of the formation of the idiomatic compound words in Uzbek.

Key words: idomaticy, conceptual metaphor, conceptual metonymy, motivation, idiomatic compound words.

Main attention is paid to the study of a language as a system at the structural-functional stage of linguistics. By the end of the XX century focus on anthropocentrism, a new scientific paradigm which studies the language users a number of problems which should be solved in linguistics related to the factor of a human being appeared. Studying the language units in relation to extralinguistic factors like speech situation, the spirit of language users, their knowledge about the world, associative thinking, national and cultural outlook became a basic concern. One of the problems to be solved is to study cognitive bases of the formation of Uzbek idiomatic compound words in comparative aspect.

As is known, idiomatic compound words serve as a means of preserving and transmitting human beings knowledge as a result of their cognition on the world. Compound words like these appear in the point where cognition and communication meet together. There may be several language units in the structure of the idiomatic compound words on the basis of economy of a language principle. Idiomatic compound words reflect people's every day empiric, cultural and historical experience. The cognitive bases of compound words peculiar to various languages allow to study the problems of relations of language and culture, language and ethnos and to define the significance of language units. It enables to approach to idiomatic compound words from cognitive point of view in linguistics.

The term "idiomaticy" became a central notion in a number of research in the third quarter of the XIX century. The present term used by Sh. Bally to phraseological units. According to him, idiomaticy is a phraseological unit which is a result of losing its denotative meaning from semantic point of view and inseparable from each other [Bally, 1961, p. 344].

A.A.Reformatzkiy gave the following definition of the term *idiomaticy*: "According to the formation of lexicalized word combinations as they related to regional and periodical, to certain events of the society they have individual and specific features. Therefore they cannot be translated into another language word for word. Such linguistic unit is called idiom and their general state is called idiomaticy" [Reformatzkiy, 2006, p. 128]. According to the scientist, the term "idiomaticy" means a set of idioms.

"Oxford Dictionary of Idioms" includes simple words, derived words, compound words and phraseological units. As we think idiomatic should be studied not in general but for each language unit separately.

Idomatic units demonstrate the peculiarities of language possibilities and along with this they give information of the language speakers imagination of the world and on how they are

percieved. G.Salomov was right to state that “*the real cream of the langauge defines its peculiarities and nature, and shows the degree of perfection and determines idioms and other combinations the like used in figurative meaning in determining the imporatant factor and the place of it among other langauges*” [Salomov, 1961, p. 18].

It is important the given definition to compound words by A.I.Smirnitski in linguistics. The scholar revealed the idiomatic sign of the English compound word *blackboard* from semantic point of view. The present compound word is translated into Uzbek word for word: *black – qora, board – maxma*. But the original meaning of the compound word is a classroom board. A.I.Smirnitskiy underlines the fact that any black board can't be a blackboard and a classroom board can be of any material. The combination of *black board* is a word combination and it shows that every component of the combination has an independent separate stress and semantically they do not mean one thing. The scholar explains general meaning of idiomaticity of a compound word stating that they do not come out of the combination of components [Smirnitskiy, 1956, p. 117].

Idiomaticity is peculiar of majority of the Uzbek compound words. The semantic volume of compound words are larger than patterned compound words. Their formation is more complicated process than patterned compound words and it is related to re-comprehension of the world.

A.Hajiev states that words may have metaphoric meaning and writes the following: “*The meaning of compound words will not appear as a result of combination of components, for instance, umoʻguz, (um – dog, oʻguz – mouth) in English snapdragon, otquloq (ot – horse, quloq – ear) its English correspondences are sorrel; dock*” [Hajiev 2007: 10].

General meaning of analyzed words neither connected with the first nor the second component. Idiomatic nature of these words comes out of its expression of a plant name but not a body of the animal.

How idiomaticity processes are carried out in compound words? A human being fulfils a number of cognitive processes in the formation of idiomatic compound words. The following cognitive mechanisms actively participate in the formation of idiomatic compound words:

Conceptual metaphor.

Conceptual metonymy.

As is known in many cases in the formation of compound words is carried out by metaphoric transformation. According to M.Mirtajiev, “... *metaphor is based on the interrelation of the sameness of forming and derived meaning references in the formation of meaning*” [Mirtajiev, 2010, p. 94].

By the last quarter of the XX century “theory of metaphor” was introduced by the book “*Metaphors We Live by*” published by J.Lakoff and M.Johnson. The essence of the present theory lies in that J.Lakoff and M.Johnson revealed the new nature of metaphor not as a stylistic means but as a conceptual linguistic phenomenon. According to them, as metaphors have their place in human beings’ conceptual system they exist as a means of expression in language. In other words, metaphor is peculiar to thinking, and linguistic metaphors are outer expression of the present phenomenon, “*metaphors are not only in our every day life, not only in our language but they are in our thinking and activities. Our every day conceptual system, our ideas and actions to their essence are metaphoric*” [Lakoff, G., Johnson, M., 2003, p. 4].

J.Lakoff and M.Johnson indicated two domains in the formation of a metaphoric derived meaning in cognitive linguistics, i.e. source domain and target domain [Lakoff, G., Johnson, M., 2003, p. 266]. According to them, there is intereffect of a frame and scenario behind methaphors. “*Source domain*” is a human being’s set knowledge mainly on the basis of experience. As for “*target domain*” is comparatively less clarified and defined inevitable knowledge.

If to clarify the issue we should state that when meaning transformation takes place through metaphor a human being uses the units existing in the structure of the vocabulary of a langauge and

it serves to be “source domain”. As for “target domain” a human being uses new derived meaning formed of ready-made language units in his/her thinking.

According to Ayvor A. Richards, “*thinking itself is metaphoric, it takes place on the basis of comparison and just on this point of the language metaphor appears*” [Ayvor A. Richards, 1990, p. 47].

Jose Ortega-I-Rasset also advances the idea that “*metaphor is not only a means of expression, but it is a basic tool of thinking*” (Jose Ortega-I-Rasset 1990: 71).

According to N. Mahmudov, it is difficult to interpret metaphorical use separating it from human being. He wrote the following ideas on it: “*it is easy to imagine thinking over human being’s outer world by one’s own measure, own pattern when one remembers about innumerable metaphors in the language: when trees weep ... Human being has qualities and peculiarities, actions in the outer world and get them through his body and has peculiar view on them and as if he proves them for himself and evaluates, the fact that these metaphors have human factor and it should be stressed their essence cannot be separated and interpreted apart from human being*” [Mahmudov N., 2012, p. 6].

One thing should be stressed here that the following conclusion made by Z. Kovecses and G. Radden (1998) changed researching metonymy by introducing a new approach in linguistics: “*Metonymy is a cognitive process, in which one concept is a vehicle and another concept is target which is provided metal achieving target domain within one domain or idealized cognitive model*” [Kovecses Z., Radden G., 1998, p. 39].

It should be stressed that there is no notion commonness in this definition. It is explained by the fact that concepts are the parts of idealized cognitive model, thus they will be in common relation.

We also following the ideas advanced by the mentioned scientists interpret the transference of the meaning of metonymy through part for whole and whole for part relations.

In the formation of idiomatic compound words transference of meaning of conceptual type takes place. V. Croft and D. Cruse (2004) state that conceptual metonymy includes two domains: vehicle domain and target domain. According to them, the task of vehicle domain is to define the structure of target domain in metonymy [Croft W., D. Alan Cruse., 2004, p. 193].

The transfer of meaning of conceptual metonymy type the name of the part serves to express the whole. For instance, in Uzbek somatic lexemes express the features peculiar to an individual and events and phenomena related to it in the structure of the idiomatic compound words *калла*: *хомкалла* – хеч нарсани тушуниб етмайдиган инсон (*хом* – raw, uncooked, *калла* – head) [Uzbek Explanatory Dictionary, 2007: 408] a dull person.

In Uzbek there is a word which means a disease *отнайноқ* “болдир-панжа бўғими қимирламайдиган бўлиб қотиб қолган, оёқ панжа кафт томонга (остига) букилиб қолган панжа” (Explanatory dictionary of medical terms I, 2003: 163). (*От* – horse, *найноқ* – socks).

The *от* component of the present compound word means “якка туёқлиларга мансуб ўтхўр, сутэмизувчи йирик иш-улов ҳайвони” (Uzbek Explanatory Dictionary III, 2007: 150) and it takes place in the conceptual domain ХАЙВОН (ANIMAL). The concept ХАЙВОН (ANIMAL) is considered to have a wide domain and it fulfills the function of “source domain”. The component of the compound word *найноқ* means “тўпик, болдир ёки сонгача беркитадиган, асосан тўкиб тайёрланадиган оёқ кийими” [Uzbek Explanatory Dictionary III, 2007, p. 202]. The reason why this word takes a place from the ARTEFACT conceptual domain is that the socks were created by human beings.

In the structure of the compound word the seme of the first component becomes active and in the second – *тўпикни беркитадиган*. In the formation of the idiomatic compound words the language user takes into consideration the fact that horse hoofs do not bend and socks are not

deep when they are worn. On the basis of these signs a disease which is found in human beings' is called *омнайноқ*. Word for translation of this compound word is horse socks. The units which were subcategorized from two conceptual domains integrated passed over the third new concept КАСАЛЛИК (DISEASE). It is considered to be "a target domain".

In Uzbek unhappy person is called *шўрпешона* which means "бахтсиз, омадсиз киши" [Uzbek Explanatory Dictionary V, 2008, p. 14]. (*Шўр – salt(y), пешона – forehead*).

The first component of the compound word *шўр* means "меъёрдан ортиқ туз солинган, азоб-уқубат, кулфат; бахтсизлик" [Uzbek Explanatory Dictionary V, 2008, p. 12]. The lexeme semantically is *шўр* included in the cognitive domain ТАЪМ (TASTE). This lexeme is also used in figurative meaning "*азоб-уқубат, кулфат; бахтсизлик*". Just these meanings become active in the formation of the compound word *шўрпешана*.

The second component of the compound word *пешана* means "юзнинг қошдан сочгача бўлган қисми, манглай" [Uzbek Explanatory Dictionary III, 2007, p. 252]. The lexeme *пешана* has several phraseological units including *пешанасига битмоқ, пешанасига сизмоқ, пешанасида бор, пешанасидагини кўрмоқ* means "инсон тақдирида азалдан битилган, белгилаб кўйилган".

The second component *пешана* of the idiomatic compound word *шўрпешана* is in the cognitive domain of the concept ТАНА (BODY). In the formation of the present compound word the concepts ТАЪМ (TASTE) and ТАНА (BODY) fulfills the function of the "vehicle domain". Metonymic transfer of meaning is carried out by means of a part of the body which means *пешана*. That is, in the pattern of PART for WHOLE. The process which took place in the formation of the idiomatic compound word *шўрпешана* means "*хаётда омади келмаган, фақат азоб-уқубат кўриши манглайига ёзилган инсон*". The concept ИНСОН (HUMAN BEING) is "a target domain". This idiomatic compound word (*шўрпешана*) in English will be *unlucky*.

In Uzbek the lexeme *бўрикалла*, one of the kinds of melon, means "шакли бўри калласига ўхшаш қовун" [Uzbek Explanatory Dictionary I, 2006, p. 417]. (*Бўри – wolf, калла – head*)

The first component *бўри* of the idiomatic compound word *бўрикалла* belongs to the concept ХАЙВОН (ANIMAL) and the second one *калла* belongs to the cognitive concept ТАНА (Part of animal body). In the formation of the compound word *бўрикалла* a lexeme *калла* which means a part of body has a metonymic meaning transfer. The seme resemblance in the dictionary meaning of the compound word appeared on the basis of metaphoric metonymy.

New words may be formed in language, which are radically different from its primary denotative meaning on the basis of use of in transferred meaning. This case particularly is vividly seen in idiomatic compound words. Structurally **idiomatic compound words** is a complex lexical unit consisting of a combination of two or more roots and semantically the meaning of which does not come out of its components. According to the sementic-structure idiomatic compound words can be divided into two groups:

Human being does not name things and phenomena by him/herself, but does it on the basis of his/her knowledge. The task of cognitive linguistics is to study the problems of reflection the knowledge in language. Categorized knowledge plays an important role in it. A human being refers to conceptual mechanisms and he/she forms a new derived meaning in lexical unis by the help of it. Idiomatic compound words are lexical units which are formed by the help of conceptual mechanisms.

Conceptual metaphor and conceptual metonymy play very considerable role in the formation of indidiomatic compound words. Verbalization of the world view through metaphor and metonymy in language is carried out by conceptual analysis and defined by the help of cognitive models.

REFERENCES

- Ayvor A. Richards. (1990). *Metafora* [Metaphor]. Teoriya metafora [Theory of Metaphor]: Sbornik: Per. s. ang., fr., isp., pols., yaz. / Vstup. St. i sost. N.D.Artyunovoy; Obsh. red. N.D.Artyunovoy i M.A.Jurniskiy. Moskva: Progress.
- Bally Ch. (1961). *Fransuskaya stilistika* [French stylistics]. Moskva: Izdatelstvo Innostranniye Literaturi.
- Croft W., D.Alan Cruse. (2004). *Cognitive Linguistics*. New York by Cambridge University Press.
- Hajiyev A. (2007). *O`zbek tili so`z yasalishi tizimi* [The word formation of Uzbek]. Toshkent: O`qituvchi.
- Kovecses Z., Radden G. (1998). *Metonymy: Developing a Cognitive Linguistic View*. – Cognitive Linguistics, – Vol. 9. - № 1. - P. 39. 37 – 77 p.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We live by*. London: The University of Chicago Press.
- Mahmudov N. (2012). *Tilning mukammal tadqiqi yollarini izlab...* [Searching the complex research methods of language...].// O`zbek tili va adabiyoti. Toshkent: №5. Б.6
- Mirtojdiyev M. (2010). *O`zbek tili semasiologiyasi* [Semasiology of Uzbek]. Toshkent: Mumtoz so`z.
- Reformatskiy A.A. (2006). *Vvedeniye v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moskva: Aspekt press.
- Salomov G. (1961). *Maqol va idiomalar tarjimasi* [The translation of proverbs and idioms]. Toshkent: FAN.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОМАТИЧНЫХ СЛОВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Юлдашев Акмал Гуламжанович
Старший научный сотрудник,
Узбекский государственный университет мировых языков
E-mail: akmal1909@mail.ru

Место и значение когнитивных механизмов в формировании слов и вербализации языковых единиц считаются одной из актуальных проблем лингвистики. В настоящей статье анализируются когнитивные основы формирования идиоматических сложных слов на узбекском языке.

Ключевые слова: идиоматичность, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, мотивация, идиоматические сложных слов.

О ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Хизбуллина Диля Ишбуловна

кандидат филологических наук, доцент

Доцент кафедры английского языка

*Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций
Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмиллы*

г. Уфа, Республика Башкортостан

E-mail: della08@mail.ru

Статья посвящена проблеме отражения языковой картины мира общих закономерностей развития общества и познания единых свойств окружающей действительности. Научная новизна данного исследования состоит в том, что анализируется несколько языков, принадлежащих к разным языковым группам – индоевропейской (английский, французский, русский) и тюркской (башкирский). Научная ценность заключается в том, что полученные результаты способствуют дальнейшему развитию отечественного сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. На материале фразеологических единиц исследуемых языков автор делает вывод, что язык отражает не только историю говорящих на нем этносов, но и единую духовную культуру. Тем самым, сохранение национальных языков способствует морально-нравственному единству человечества.

Ключевые слова: картина мира, история культуры, сопоставительное языкознание.

Наука развивается путем расширения диапазона исследований. Если к достижениям языкознания добавить исторические аспекты – это будет способствовать прогрессу науки. «Волшебные очки науки» (Л.Н.Гумилев) нужны для того, чтобы понять окружающий мир и научиться предвидеть хотя бы ближайшие последствия наших поступков. История – наука о событиях, а события происходят при взаимодействии народов во время их контактов. Человечество состоит из разных народов – этносов. Поэтому «коллективная память этносов – это есть история культуры» [Гумилев, 2011, с. 379]. История многогранна. Она может быть историей культуры или языка, литературы или религии. Человеческую историю можно представить и как историю народов [Гумилев, 2012, с.8]. Этности, существующие в пространстве и времени, являются действующими лицами этой истории.

Одна из задач науки – получение наибольшей информации из «умопостижимого» количества фактов, чтобы сделать возможным выделение закономерностей и понять самые разные их проявления. [Тойнби, 2009, с.10].

Картина мира как совокупность знаний о мире с помощью языка представляет, в том числе, и духовно-культурную картину мира человечества. История языка отражает историю общества, пути познавательной деятельности человека, обусловленной определенными климатическими, географическими, биологическими, психологическими и многими другими культурными факторами и условиями. Языковые знаки и язык в целом являются средством абстрагированной мыслительной деятельности и общения людей.

Категория взаимодействия является одним из основных принципов познания природных и общественных явлений. Согласно Аристотелю, взаимодействие обуславливает возникновение и развитие объектов, их переход из одного качественного состояния в другое. В философии И.Канта взаимодействие – это категория отношения, которое порождает единство вещей и процессов чувственного мира.

Доступная и недоступная нам реальность есть совокупность предметов и явлений, находящихся в самых разнообразных отношениях друг с другом. Их взаимосвязанность отражает единство мира в организованности всех образующих его систем. Свойства объектов могут проявиться и быть познанными во взаимодействии с другими объектами. Взаимодействие выступает как интегрирующий фактор, объединяющий структурные части в определенный тип системной целостности. Любая система находится под влиянием, как внешних сил, так и внутренних условий, через призму которых преломляются внешние воздействия. Чтобы понять конкретную систему как объект познания, необходимо исследовать ее всевозможные взаимные связи и отношения в самом широком контексте.

Понятие *взаимодействия* в языкознании – это инструмент анализа, открывающий новые измерения языкового пространства, новые интерпретации языковых процессов. В свое время революционные идеи Н.С.Трубецкого о специфическом виде языкового взаимодействия, возникающем при контакте географически смежных языков при географической неограниченности пространства, позволили представить в новом свете взаимоотношения языков. Сегодня актуально звучат его высказывания о *многочеловеческой* и *многонародной личности* в связи с евразийской теорией. Личностью является не только отдельный человек, но и народ, и для личностей многочеловеческих (многонародных) связь с их физическим окружением очень сильна. Между отдельными народами существуют общие черты, поэтому можно говорить об их духовном родстве. Р.Якобсон использовал идею языкового взаимодействия для описания фонологической системы евразийских языков, что позволило ему обнаружить совершенно иного масштаба связи между языковыми системами [Цивьян, 2008, с.16].

Описание картины мира в связи с историей культуры позволяет учитывать разные коды, представляющие модель мира, не только лингвистический и символический метакод. А.Дж. Тойнби сделал предположение о том, что Евразийская степь подобно морю благодаря движению кочевых «моряков» способствовала распространению вдоль ее берегов четырех языковых групп: берберской, арабской, тюркской и индоевропейской. По его мнению, именно благодаря тому, что «Британия правит морями» английский язык стал языком международного общения. Нынешнее разделение индоевропейской семьи на две изолированные географические группы он объясняет тем, что «языки этой семьи первоначально распространялись кочевниками, являвшимися жителями Евразийской степи еще до того, как распространители тюркских языков устроили там свой дом» [Тойнби, 2009, с. 358].

Л.Н.Гумилев определяет этническую целостность как «динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями» [Гумилев, 2011, с.100]. Таким образом, переход к внелингвистическому уровню означает, что язык оказывается универсальным орудием описания, семантической основой картины мира.

Границы между языком и культурой становятся условными, поскольку язык выступает как важнейший фактор самой культуры. Лингвистический уровень подталкивает к выходу за свои собственные пределы, а накопленный материал требует классификации и интерпретации. Естественный язык – исторически сложившаяся знаковая система. На основе первичных знаковых средств культуры в разных формах возникали и возникают семиотические системы более высокого уровня. Интерпретация культурных кодов позволяет представить историю культуры в зеркале языка. Подобные исследования в сопоставительном аспекте имеют определенный общечеловеческий интерес, поскольку способствуют духовно-культурному обогащению, расширению мировоззрения, углублению философского взгляда на мир и жизнь в обществе, на историю человечества [Хизбуллина 2012].

Анализ понятий **добро** и **благо** на материале английских, башкирских, русских и французских фразеологических единиц, показывает, что эти этические категории имеют универсальный смысл для данных этносов, несмотря на их разную историю культуры.

Добро – это основная моральная ценность, нравственная ценность сама по себе. **Благо** – то, что имеет ценность, и является предпосылкой нравственных ценностей. К примеру, честность предполагает, что существуют блага (не только вещи), которые нужно уважать как владения других людей.

В английском языке существительные *good* ‘добро’, *the good* ‘благо’ имеют дополнительное значение ‘польза, смысл’. Ср. *what is the good of it?* ‘какая польза от этого, какой в этом смысл?’ Прилагательное *good* имеет такие дополнительные значения как ‘приятный’ (ср. *good features*), ‘свежий (о пище)’, ‘добродетельный, любезный, полезный, умелый’ (ср. *good at languages*); ‘плодородный, целесообразный, кредитоспособный, значительный’ (ср. *a good deal of*).

В русском языке существительное *добро* означает ‘все положительное, хорошее, полезное’ с дополнительным значением ‘имущество, вещи’. Прилагательное *добрый* значит ‘делающий добро другим, отзывчивый’, ‘нравственный’, ‘дружески близкий’, ‘безукоризненный, честный’, ‘самый настоящий’, ‘несущий благо, благополучие’, ‘значительный’. Ср. *В добрый час. Оставить о себе добрую память. Всего доброго*. Понятие *благо* во множественном числе означает ‘то, что дает достаток, благополучие, удовлетворяет потребности’. Ср. *Всех благ*.

В башкирском языке для обозначения понятия ‘добро’ употребляются слова *якшылык, изгелек, игелек*, которые определяются как ‘доброе дело, благодеяние’. Данные существительные образованы от прилагательных *якшы, изге, иге* со значением ‘добрый, благой’ и с дополнительным значением прилагательного *изге* ‘святой, благочестивый’. Ср. *изге йян* ‘святая душа’, *изге сәггәттә* ‘в добрый час’. Понятие ‘благо’ определяется как *бәхет* ‘счастье’, *именлек* ‘благополучие’, *мәнфәгәт* ‘добро’. В понятие *именлек* ‘благополучие’ входит значение ‘безопасность, неприкосновенность’. А понятие *мәнфәгәт* ‘добро’ может использоваться в значении ‘интерес, польза’. Например: *мәнфәгәт күреү* ‘пользоваться благами’.

Во французском языке понятия ‘добро’ и ‘благо’ обозначаются одним словом *bien*. В значении ‘добро’ оно имеет дополнительные значения ‘польза’, ‘имение, имущество, собственность’, ‘ценности’. Ср. *homme de bien* ‘порядочный человек’, *biens meubles / immeubles* ‘имущество движимое / недвижимое’, *Bien mal acquis ne profite pas* ‘чужое добро впрок не идет’. Прилагательное *bon* ‘добрый, хороший’ имеет дополнительные значения ‘годный, пригодный’, ‘значительный’ (ср. *une bonne lieue* ‘добрая миля’). А как существительное в мужском роде – ‘чек, талон, ордер, требование’, ‘свидетельство о покупке, продаже’.

Анализ семантического наполнения концептов *добро / благо* в исследуемых нами языках показывает, что данные понятия используются не только для обозначения субъективно-эмоциональных этических характеристик и качеств. Ср. *Доброе утро. В добрый путь. Благие намерения*. Делать добро и благо в данных языковых культурах значит делать что-то полезное, помогать не только морально, но и материально. Ср. англ. *for the good of the country* – франц. *pour le bien de la Patrie* ‘на благо страны, Родины’. В русской картине мира – *Сей добро, посыпай добром, жни добро, одеяй добром* (В.Даль). В башкирской культуре – *Игелеген күр* ‘пользуйся на здоровье’ (букв. почувствуй благо); *Балаларындың изгелеген күр* ‘Испытай добро от своих детей, пусть твои дети принесут тебе благо’.

В английской картине мира добрый человек лучше, чем изумруды – *Kind hearts are more than coronets (emeralds)*. Доброе имя лучше богатства – *A good name is better than riches*.

В русском языке – *Добрый человек надежнее каменного моста. Промеж худых и хорошему плохо. Тьма свету не любит – злой доброго не терпит* [Даль, 2005].

В башкирском языке добрый человек – *мәрхәмәтле кеше* (букв. сострадательный человек). Во французской картине мира добрые люди – *brave gens* (букв. отважные, честные люди).

В английском, русском, французском языках *good morning* – *доброе утро* – *bonjour*. В башкирском языке – *хәйерле иртә* (букв. от *хәйер* ‘милостыня, польза, выгода, прок’).

Ср. русск. *Худо до добра не доведет* – англ. *Good can never grow out of evil* (букв. добро никогда не вырастает из зла). Ср. русск. *От добра добра не ищут* – англ. *Enough is as good as feast* ‘Все хорошо в меру’. В христианской традиции русского этноса – *Доброе дело на два века: на этот и на тот*. Во французской картине мира нет добра без труда и работы – *Nul bien sans peine*.

В теории этногенеза Л.Н.Гумилева, этнос – динамическая система, включающая людей, элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями [Гумилев, 2011, с.100]. Географический ландшафт влияет на этнические сообщества. Разнообразные ландшафты – разные народы. Происхождение различий связано с адаптацией в разных географических условиях при одинаковых ступенях развития человечества. Родиной этноса является сочетание ландшафтов, где он впервые сложился в новую систему. Поэтому для жителей британских островов – *It is an ill wind that blows nobody good* ‘это плохой ветер, который никому не приносит добра’. Для предков башкир, возможно, зимняя дорога была лучше, безопаснее – *ак юл* ‘в добрый путь’ (букв. белый, чистый, счастливый + дорога).

В сентябре 2015 года на 70-й юбилейной Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций лидер Китайской Республики Н.Е.Хи Jinping вновь напомнил нам о том, почему мы изучаем историю. В своем приветственном обращении к нациям мира он говорил, что история – это зеркало, в которое человечество должно смотреть, чтобы не забывать ее уроков. Прошлое нельзя изменить, но будущее можно формировать. В современном мире все страны зависят друг от друга, и у них общее будущее. История человечества – это процесс обмена, взаимодействий и интеграции между разными цивилизациями. Нам необходимо вдохновляться друг другом, чтобы способствовать созидательному развитию человеческой цивилизации [Statement by Н.Е. Xi Jinping, 2015].

Метафора «история – зеркало» прекрасно отражает значение истории в жизни общества. Как современный культурный человек не может обходиться без зеркала в своей ежедневной жизни, так и современное цивилизованное общество не может не учитывать исторические события и их влияние на нашу жизнь сегодня. Даже если некоторые страницы в истории любой цивилизации больно и стыдно вспоминать.

С другой стороны, история – это «книга народов», которая пишется на языках этносов, говорящих на них. Человеческие языки являются уникальными документами, материальными источниками информации, свидетельствующими об истории этносов, об их взаимодействиях с другими этносами, культурами и цивилизациями.

Общение народов происходило всегда. История отражает их общение и культурное взаимообогащение. С Востока пришли к европейцам арабские цифры, достижения математики, астрономии, медицины, философии. Научно-технический прогресс в Европе способствовал развитию мировой экономики. Различные религии влияли и влияют друг на друга. Японские цветные гравюры вдохновляли Ван Гога и Поля Гогена.

Например, по пословицам английского и русского языков можно рассказать историю жителей Британских островов и России. Сравните в английском языке: *East or West, home is best. An Englishman's house is his castle. Too far East is West. I fear Greeks even when bringing gifts. When Greek meets Greek, then comes the tug of war. When at Rome, do as the Romans*

do. If the mountain will not come to Mahomet, Mahomet must go to the mountain. В русском языке: *Чужая сторона прибавит ума. Хоть в Орде, да в добре. Где святая София, там и Новгород. Казань прогребли – и Орду прошли. Кто в Вильне не бывал, тот чудес не видал. Азов был славен, Смоленск грозен, а Вильна дивна. Страшна Сибирь слухом, а люди там лучше нашего живут. Урал золотое дно, серебряна покрывка. У немца на все струмент есть. На француза и вилы ружье. Много нам бед наделали – хан крымский да папа римский* [Даль, 2005].

Таким образом, языки отражают не только картину мира, но и историю своих этносов. И она будет сохранена, пока живы народы, говорящие на этих языках. В то же время величайшая народная мудрость заключена в словах – *чужая сторона прибавит ума*. Мы станем мудрее, общаясь с другими культурами, и это обогащение взаимно.

Даже такой небольшой экскурс показывает, что культура представляет собой множество текстов – смыслов, порожденных деятельностью человека. Процесс порождения и понимания текста – это всегда творческая деятельность. С нее начинается создание новых текстов, и ею завершается их понимание. Для людей современной культуры это чаще всего уже неосознаваемый процесс. Но символы и знаки, историю и политику творят сами люди.

В своем выступлении на Генеральной Ассамблее глава Китая г-н Н.Е.Хи Jinping использовал древнюю китайскую пословицу: *‘The greatest ideal is to create a world truly shared by all’* (‘Величайшим идеалом является создание мира справедливого для всех’). Эта истина, увековеченная мудрыми людьми в языке, была известна давно. Наверно, народная мудрость не может потерять свою актуальность и сегодня, и стремится к такому идеалу по-прежнему необходимо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2011. 560 с.
2. Гумилев, Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории / Лев Гумилев; [послел. С.Б. Лаврова]. М.: Айрис-пресс, 2012. 320 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2005. 616 с.
4. Тойнби, А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. – М.: АСТ, 2009. 670 с.
5. Цивьян Т.В. Концепт языкового союза и современная балканистика // Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн. М.: Наука, 2008. Т.1. 314 с. С. 13-48.
6. Хизбуллина Д.И. Евразийское взаимодействие: Язык. Миф. Культура. LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 112 с. ISBN 978-3-8433-1792-4.
7. Statement by Н.Е.Хи Jinping at the General Debate of 70th Session of the UN General Assembly // [Электронный ресурс]. Режим доступа – <http://qz.com/512886/read-the-full-text-of-xi-jinpings-first-un-address/> (Дата обращения 10.10.2016).

**ON LINGUISTIC INTERACTIONS IN HISTORICAL
AND COMPARATIVE ASPECTS**

Hizbullina Delia

*Candidate of Philology, Associate Professor
Department of English
Bashkir State Pedagogical University
Republic of Bashkortostan, Russia
E-mail: della@mail.ru*

The article concerns the problem of the linguistic picture of the world and the reflection of the common development in the society and the cognition of the unique features of the world. The topicality of the study is in the analysis of several languages from different language groups – Indo-European (English, French, and Russian) and Turkish (Bashkir). The value consists in the results that favour the progress of the Comparative Linguistics. On the material of the phraseological units the author comes to the conclusion that a language reflects not only the history of the ethnos, but the unique culture as well. Thus, the protection of national languages contributes to the ethical unity of mankind.

Key words: world view, culture history, comparative linguistics, concept, phraseology.

О ГЕНЕЗИСЕ И РАЗВИТИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В НОСТРАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ

Зулпукаров Капар Зулпукарович,

доктор филологических наук, профессор, директор центра лингвистических исследований Ошского государственного университета, г. Ош.

E-mail: zulpikarov48@mail.ru

Зулпукарова Аида Капаровна,

преподаватель кафедры иностранных языков Баткенского государственного университета, г. Баткен

E-mail: zulpikarov48@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы происхождения и развития личных местоимений в языковых семьях Евразии – алтайской, кавказской, уральской, дравидской, индоевропейской, семито-хамитской, эскимосо-алеутской и сино-тибетской. В ней реконструируются исходный состав персональных прономинативов в сравниваемых языках и демонстрируются пути появления расхождений в их семантике и звуковом облике. Впервые в ностратике подвергаются сравнению факты дагестанских и китайского языков.

Ключевые слова: ностратика, личные местоимения, указательные местоимения, ностратические языки, тюркские языки, дагестанские языки, корневые и аффиксальные морфемы лица, перекрестные соответствия.

Данное исследование выполнено в русле идей ностратической гипотезы, согласно которой большие языковые семьи Старого Света – алтайская, уральская, дравидская, индоевропейская, картвельская и семито-хамитская – имеют лексические и морфолого-словообразовательные сходства, которые носят не случайный, а мотивированный характер. Основная их масса может быть истолкована в рамках теории, постулирующей генетическое родство упомянутых языковых семей [Х. Педерсен, 1903, с. 560; Долгопольский, 1964, с. 56-60; Иллич-Свитыч, 1968, с. 407-426], основанное прежде всего на идентичности морфем. При этом идентичными по происхождению ряды морфем с близкими значениями в двух сравниваемых языках или языковых семьях признаются в том случае, если обнаруживаются стабильные соответствия между фонемами, образующими сравнимые морфемы.

Цель статьи – прокомментировать некоторые явления в развитии семантики ностратических прономинативных корневых и лично-суффиксальных морфем, не укладывающиеся в традиционные представления об исторических изменениях в сфере значений.

Мы представляем состав ностратических языков шире, включая в него дагестанские, эскимосо-алеутские, сино-тибетские и другие языки [К.З. Зулпукаров, 2016, с. 19-753].

Личные местоимения в языке образуют замкнутый круг лексем, обладающих целым рядом специфических свойств.

Ниже попытаемся доказать диахроническую мотивированность семантики личных местоимений двойственного и множественного числа, имеющих семы «я и ты», «я и он» и т.д., в языковых семьях Северной Евразии.

Знак [*] используется для обозначения реконструируемой формы.

В ностратическом праязыке-основе, вероятно, было личное местоимение **mi* со значением I л.ед., которое в процессе своего развития приобрело различный фонетический

облик и вступало в оппозицию «я – не-я». Все ностратические языки имеют m-овое местоимение в значении «я».

**bi *mi *ni *vi *bi *pi*

Приведем отдельные примеры: картв.: сван. *mi*, и.-е.: санскр. *mi*, авромани -v; рус. *men-*; сем.-хам.: фул *min*, егип. *vi*; эск.-алеут.: эск. сиреник. диал. *туна*, алеут. -n; чукот.-камч.: коряк. -*тто*; урал.: эст. *minä*, венг. *en*, нен. -v; кит. *wǒ, nǐ, nǐ, an*; монг.: калм. *bi, min-, nan-*; тунг.: эвенк. *bi, min-*, тюрк.: узб. *men*, гагауз. *ben*, чув. *ere*; дравид.: кодагу *na*, брагуи -v; шумер. *me*, юкагир. *me-*. Ср. алеутские и узбекские лично-притяж. аффиксы:

алеут. *ada-n* «мой отец», узб. *ota-m* «мой отец»

алеут. *ada-mas* «наш отец», узб. *ota-miz* «наш отец»

Как видно, мы допускаем местоименное происхождение лично-притяжательных и лично-сказуемых суффиксов в сравниваемых языках.

В оппозиции «я - не-я» второй компонент представлен корневыми морфемами на **t-*, **s-*, **n-*, **l-*, **k-* со значениями «ты», «он, она», «тот, та» и т.д. Почти во всех ностратических языках встречаются местоименные основы, восходящие к данным реконструируемым корневым праморфемам. Никто, конечно, не может отрицать генетическую общность местоимений на **al* в языках Евразии: дагест.: даргин. *il* «он, она, оно», картв.: сван. *ala, ali, ale* «этот, эта, это»; сино-тибет.: кит. *lǎo* «ты, он, она»; и.-е.: лат. *ell-* «он, она, оно», вайгали *al-* «этот, эта, это»; дравид.: гонди *al, ul, al* «он, она, оно», тюрк.: кирг. *al* «он, она, оно» и т.д. Примечательно, что И.И. Срезневский возводил общеславянский глагольный суффикс-окончание *-lъ, -la, -lo, -li* к указательному местоимению [Срезневский, 1963, с. 64].

Сочетание **mi* «я» с данными местоименными морфемами с обобщенным значением «не-я», т.е., «ты», «это», «он», «она», «тот» и др., вероятно, образовало местоимение I л. мн. и дв. числа или с инклюзивным и эксклюзивным значениями.

**mi + *s*

**bis *mis *nis*

Ср.: и.-е.: др.-прусс. *mes*, лат. *-mes*, греч. дор. диал. *-mes*, лит. *mės*, арм. *mez-* в косв. п., санскр. *nas*, лат. *nos*, общеслав. *nas*, гот. *veš*, санскр. *-vas* в дв. ч.; тунгус.: маньч. *muse*; урал.: мордов. *-muz'* в объектн. спряж., удмурт. *-meos*, ср.: *as'-meos* «мы сами», *as'-im* «я сам»; чук.-камч.: ительм. *muza, muzan*; эск.-алеут.: алеут. *-mas* «мы, нас, наш»; тюрк.: хакас. *pis*, тувин. *bis*, узб. *-miz*, ср.: *uzi-miz* «мы сами», *uzi-m* «я сам»; дагест.: даргин. *nuša*, удин. *-beši* в личн. спряж., хуррито-урарт.: хурр. *-iwwaz, -ifaz* «наш», урарт. *-vše* «мы». Ср. совпадение узб. и удмурт. личн. форм, рус. *мы* и кит. *mǐ* «мы» из *mis*.

**mi + *t*

**bit *mit *nit*

И.-е.: греч. *-meda*, авест. *-maide* (рус. инклюзивное *-mte* «мы» - новообразование, но подчиняется общей закономерности), гот. *vit*, др.-анг. *vit* в дв.ч., литов. *vedu* в дв.ч., нем. *-nd*, ср. нем. *zi-nd* с лат. *su-mus* «мы есть»; монг.: дунсян. *matan*, дагур. *bed*, монг. *bid*, калм. *madn, bidn, -mdn*, баоан. *bede* в инкл. значении; тунг.: негид. *bitta*, эвенк. *mit, mut*, тюрк.: якут. *-bit, -but* «мы, наш»; чукот.-камч.: коряк. *mut-*, чукот. *mut-, mutre-*; урал.: энец. *-bid'* в дв. ч., *-bad'* во мн.ч., селькуп. *-mit, -mut*, дравид.: гонди *ammāt* в экскл. знач.; юкагир. *mit*, шумер. *-enden*; эск.-алеут.: эск. *-mt-, -mta, -bit, -put...* ср.: эск. *pana-n* «твое копьё», якут. *die-n* «твой дом», *pana-vut* «наше копьё», *die-but* «наш дом».

**mi + *r*

*bir *mir *nir

Сем.-хамит.: чибак *tur* в инкл. знач., марги *mer* в экскл. знач.; и.-е.: др.-исланд. *ver*; др.-верх.-нем. *wir*; чукот.-камч.: чукот. *muri*, алютор. *muri*, *murivvi*; дравид.: куви *māro* в инкл. знач.; тюрк.: чуваш. *epir* «мы», *pire* «нам», *-mār*, *-pār* «наш», ср.: *ha-mar* «мы сами», *ha-m* «я сам»; корейск. *uri* «мы», по Г. Рамстедту, из *vuri*, нивх. *mer*, *mir* в инкл. значении.

Точно так же арм. *mek'*, *-nk'*; др.-перс. *-mahī* «мы» легко сближаются с ливх. *meg*, норв.-лапл. *-mek*, нен. *-vag*, венгер. *-nk*, *-mk* «мы, наш», с чукот. *-muk* «нас» в объектном спряжении, с *-nag* «наш» в языке шильх сем.-хамит. семьи.

Сочетание местоименных формантов со значением “не-я” между собой привело к образованию местоимений 2 и 3 л. мн. и дв. числа, указательных местоимений мн. и дв. числа.

*t- + *t-. И.-е.: санскр. *-tad*, драв.: конда *tder*; монг.: калм. *tadn*, могал. *tot*, *tod*, урал.: мордов. *-tado*, карел. *-tta* «вы»; юкагир. *tit* «они».

*t- + *s-. И.-е.: лат. *-tis*, санскр. *-thas*, майон, панджаби, пахари *tus*; монг.: монгол. *tasa*, *tasge*; дравид.: тода *-tš*; чук.-камч.: ительм. *tuza*, *tuza'n*; урал.: удмурт. *-teos*, эрзян. *-duz'*, мокш. *-daz'* «вы»; санскр. *-tas* в дв.ч. «они», в жончичальском диал. вайгали *-tēse* «они» при *se* «он, она».

*t- + *n-. И.-е.: в диалектах бенгали *tonne*, хетт. *-teni*, вед. *-tana*, седеи *-idin*, семнан. *-tun*, сулеймани *-tān*, тадж. *-ton*; сем.-хам.: аккад. *attunu* в муж.р., *attuna* в жен.р., сомали *i'din*, *ádin*, *áidin*; урал.: венг. *tin-*, саам. *tin-* во мн.ч., *tongi* в дв.ч., мордов. *tin*; монг.: бурят., калм. *tan-*, в торгут. говоре калм.яз. *tanr*, *tansud* «вы»; тунг.: эвенк. *-tyn*, негид. *-tūn*; урал.: манс. *ten*, *tin*, хант. *tin* в дв.ч., манс. *tan* во мн.ч.; эск.-алеут.: эским. *-tyn* в объект.спряж.; и.-е.: маратхи *tvan-* в косв.п. «они». Ср. калм. *ah-m* «мой брат» и *ah-in* «ваш брат».

*t- + *k-. И.-е.: армян. *dik*, картв.: груз. *tkven*, мегр.-чан. *tkvan*; урал.: общеурал. **tek* в реконструкции Б.А. Серебренникова, ливх. *tēg*, норв.-лапл. *-dek*, венгр. *-tek* «вы, ваш», ср. эрзян. *kudo-t* «твой дом» и *kudo-tk* «ваш дом»; чукот.-камч.: чукот. *-tyk* в объектном спряжении, ср.: *ne-l'u-tyk* «они увидели вас» и *ne-l'u-myk* «они увидели нас».

*t- + *r-. И.-е.: др.-исл. *der* «вы», бенгали *torā* уничижит. «вы», тохар. А *-tār* «вы»; чукот.-камч.: чукот. *turi* «вы»; др.-исл. *deir*; др.-швед. *der*, *dir* «они».

*s- + *s-. Тюрк.: бараба *sis*, татар. *sez*; чукот.-камч.: вост.-ительм. *suze* «вы»; урал.: удмурт, *soos*, *-seos*, эрзян. *-suz'*, мокшан. *-saz'* «они»; и.-е. **sūes* «вы, они» в реконструкции В.Я. Мыркина. Ср. кит. *soy* «вы» из **sous*.

*n- + *s-. Тюрк.: азерб. *-nuz* «вы, ваш», дагест.: авар. *nuz* «вы», шумер. *-enzen* «вы»; эск.-алеут.: алеут. *-nis*; и.-е.: оскско-умбр. *-ns* «они».

Приведенный выше сравнительный материал позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, в ностратических языках первоосновой указания на говорящее лицо была, вероятно, морфема **mi*.

Во-вторых, сочетание этой морфемы с дейктическими единицами со значениями «ты», «он, она, оно», «тот, та, то» привело к образованию лично-местоименных основ дв. и мн. числа.

В-третьих, почти все первичные местоименные корневые морфемы не ед.ч. построены по единому образцу.

Возможно, что некоторые из привлеченных нами соответствий являются случайными, возникшими в результате различных звуковых изменений. Отдельные совпадения звукового облика слов могут быть объяснены как результаты языковых контактов или как явления дискретного развития местоименных основ. Но все примеры вместе, взаимно дополняя друг друга, могут подтвердить наличие общей закономерности в развитии семантики и образовании прономинальных основ мн.ч. и дв.ч.

Семантика морфем в своем диахроническом развитии претерпевает различные изменения, которые приводят к сужению или расширению первоначального значения, к его расщеплению или слиянию, к потере первичного и приобретению нового смысла и т.д. Эти явления хорошо изучены в исторической лингвистике. Менее известно явление «перекрещивания» значений двух близких по смыслу или сфере употребления лексических и грамматических единиц языка. Наличие этого явления давно отмечается компаративистами, но не было предметом специального изучения. Сначала приведем отдельные примеры, демонстрирующие отмеченное явление в отдельных семьях или подсемьях ностратических языков.

Известно, что индийские и иранские народы имеют общие корни. Их предки, вероятно, говорили на одном диалекте индоевропейского праязыка и имели общие территорию расселения, культуру, мировоззрение, психологию и т.д. У них была общая предфилософия, основанная на мифах. Мифология персов была очень сходна с мифологией ранних ариев в Древней Индии. Но у ариев *асуры* - демоны, а *дева* - боги, у персов *асуры* - боги, а *дева* - демоны [Чанышев, 1981, с. 103].

Аналогичные факты встречаются и в других языках и языковых семьях. По предположению Е.Д. Поливанова, общеалтайское слово со значением «зима» в корейском получило значение «осень», а слово со значением «осень» - значение «зима» (Поливанов, с. 103). Согласно В. Краузе в тохарских языках «на 3 лицо было перенесено индоевропейское окончание 2 ед. **-si*, на место которого в свою очередь встало окончание 2 ед. перфекта **tha*» (Краузе, 1958, с. 72). «Перекрестное» развитие семантики лично-предикативных флексий мы обнаруживаем в рамках различных этапов одного и того же языка.

В китайско-тюркских языках мы встречаем и метатезу слогов и слов:

1) кит. *ha ta* «лягушка» кит. *hūānxī* «радость»

кирг. *ба ка* «лягушка» кит. *xīhūān* «радость»

2) кирг. сложное слово: *кубанып-сүйүнүп* «радуясь»

сүйүнүп-кубанып «радуясь»

Эти примеры тоже демонстрируют наличие в языке структурно «перекрещивающихся» знаков с идентичным смыслом.

Санскрит – древнеиндийский литературный язык. Из пракритов - разговорных вариантов древнеиндийского – образовались многие современные литературные языки: хинди, бенгали, ория, синдхи, цыганский и др [Воробьев-Десятовский, 1956, с. 13]. Сравнение лично-предикативных форм ряда современных индийских языков с санскритом показывает наличие «перекрестного» (а) и «параллельного» (б) развития их семантики:

а) санскр. *-mī* «я» *-sī* «ты» б) санскр. *-mī* «я» *-sī* «ты»

синдхи *-sē* «ты» *-m* «я» цыган. *-m* «я» *-s* «ты»

Как видно, цыганские флексии сохранили древнеиндийские значения, а лично-сказуемые флексии синдхи демонстрируют возможность «перекрестного» развития семантики.

Незнание этого явления привело некоторых лингвистов к опровержению ностратической гипотезы на материале личных местоимений (Л.Г. Герценберг, А.Н. Савченко, К.Е. Майтинская и др.) [Зулпукаров, Зулпукарова, 2002, с. 88; Зулпукаров, 2016, с. 575]. Из литературы давно известно, что во всех языках Северной Евразии признаком I л.ед. выступает архиморфема **mī* «я», признаками 2 л. ед.ч. морфемы **ti*, **si*, **ki* «ты». Противники ностратики обычно ссылаются на корневые морфемы личных местоимений в дагестанских языках, в которых, наоборот, основы на **m-* указывают на 2 л.ед., основы на **s-*, **t-*, **r-* - на I л. ед.

В свете «перекрестных» соответствий данный факт может только дополнительно обосновать ностратическую гипотезу и расширить географию родственных языков Евразии. И здесь мы обнаруживаем примеры «перекрестного» (а, в) и «параллельного» (б, г) развития семантики:

а) ностр. *mi «я» даг.: анд. *din/den*, багв. *den*, авар. *ton* «я»

*ti «ты» даг.: анд. *min/men*, багв. *me*, авар. *mun* и т.д. «ты»

б) ностр. *mi «я» – тадж. *man*, удм. *mon*, мар. *min*, юкагир. *me-* «я»

*ti «ты» – тадж. *tu*, удм. *ton*, мар. *tin*, юкагир. *te-* «ты»

в) ностр. *mi/vi «я» даг.: цахур. *zu*, лезг. *zun*, будух. *zen* «я»

*si/zi «ты» даг.: цахур. *vu*, лезг. *vun*, будух. *ven* «ты»

г) ностр. *mi/bi «я» – сван. *mi*, эвенк. *vi*, *min-*, эст. *minä*, тур. *ben*, кит. *wǒ* «я»

*si/zi «ты» – сван. *si*, эвенк. *si*, *sin-*, эст. *sinä*, тур. *sen*, кит. *qīng* «ты»

Наш вывод подтверждается идентичностью происхождения *-n* в этих местоимениях и соответствием корней указательных местоимений в дагестанских и собственно ностратических языках.

Данное выше предположение подтверждается также контрастностью значений признаков 1 и 2 л. мн. при тождественности звукового облика:

1. Маньч. *musa*, узб. *-miz*, алеут. *-mas*, ительм. *muza*, греч. (дор.) *-mes*, лат. *-mus*, др.-прус. *mes*, литов. *mes* «мы» — дагест.: цез. *mezi*, хварш. *mizo*, гинух. *mezi*, бежит. *mize* (в род.п. *mizol*), гунзиб. *mize* «вы».

2. Латин. *nos*, гот. *uns*, *unsis*, хетт. *anzaš*, ст.-сл. *nas* «мы, нас» - дагест.: авар. *nuž* «вы».

3. Санскр. *-vas* (дв.ч.), тохар. *vas/ves*, хетт. *ves*, гот. *veis*, хуррит. *-iwwaz*, тюрк. *biz*, *bis*, *pis* «мы» - дагест.: тинд. *vissa*, анд. *bissil*, ботл., багв. *bišti*, каратин. *bišdi* «вы».

4. Могольск. *bida*, бурят. *bide*, дагур. *bed*, др.-анг. *vit* (дв.ч.), литов. *vedu* (дв.ч.) «мы» - дагест.: чамал. *biti*, годобер. *bitte* «вы».

5. Др.-егип. *-vin*, хетт. *-veni*, эвенк. *-vun* «мы» - дагест.: криз. и будух. *bin*, удин. *vaIn/efaln* «вы».

6. Общеиндоевроп. **sūes*, вост.-ител. *suze*, тюрк. *siz*, *sis* «вы» - дагест.: чамал. *issi*, ахвах. *issi* (в род.п. *essebi*) «мы».

7. Нивх. *čín*, тунгус. *syn-*, *-sun* «вы» - дагест.: лезгин. *čín*, агульск. *sin*, криз., будух. *žin* «мы» (экскл.).

8. Селькуп. *-li*, *-lui*, камас. *-lui* «вы» (дв.ч.) - дагест.: ботлих. *illi*, годобер. *ille*, багв. *illli* «мы» (инкл.).

9. Аккад. *-kunu* (муж.), *-kina* (жен.), кет. *ъkn*, *ъkna-* «вы» - дат.: агульск. *klin*, хиналуг. *klin* «мы» (инкл.).

В приведенных выше примерах знак [I] является эквивалентом соответствующей буквы в алфавитах дагестанских языков.

Данные сближения самодостаточны для выдвижения гипотезы о «перекрещивании» значений местоименных корневых морфем. Они дополнительно могут быть обоснованы с точки зрения единства происхождения личных и указательных местоимений.

Генетическая связь личных и указательных местоимений давно установлена. Следующие примеры убедительно доказывают обоснованность предположения о единстве их происхождения:

Орошор. (иран.) язык		Казах. (тюрк.) язык	
Указат. (косв.п.)	Личн. (косв.п.)	Указат. (им.п.)	Личн. (им.п.)

<i>mi</i> “ЭТОТ” <i>tam</i> “ЭТА”	<i>mi</i> “Я”	<i>mynau</i> “ВОТ ЭТО”	<i>men</i> “Я”
<i>di</i> «ТОТ» <i>dam</i> «ТА»	<i>tā</i> “ТЫ”	<i>sonau</i> “ВОН ТО”	<i>sen</i> “ТЫ”
<i>wi</i> «ОН» <i>wam</i> «ОНА»		<i>ol</i> “ТОТ, ТА, ТО; ОН, ОНА, ОНО”	

Теперь сравним указательные местоименные основы дагестанских языков с ностратическими.

Цахур.	Грузин.	Фин.	Кирг.	
			Указ.	Личн.
<i>tana</i> “ЭТО”	<i>me</i> “Я”	<i>minä</i> “Я”	<i>mini</i> (в.п.) “ЭТО”	<i>men</i> “Я”
<i>šen</i> “ТО”	<i>šen</i> “ТЫ”	<i>sinä</i> “ТЫ”	<i>ušuni</i> (в.п.) <i>šuni</i> “ВОН ТО” (в говорах)	<i>sen</i> “ТЫ”

Ср. также таблицу, где сравниваются удинские указательные местоимения с личными суффиксами других языковых семей:

Удин. (даг.)	Хауса (сем.-хам.)		Кирг. (тюрк.)
<i>me/meno</i> “ЭТО”	<i>-na, -wa</i> “Я”	<i>-mi</i> “МЫ”	<i>-m/-min/-mün,</i> <i>-myn/min</i> “Я”
<i>ka/kano</i> “ТО”	<i>-ka</i> (муж.) <i>-ki</i> (жен.) “ТЫ”	<i>-ki</i> “ВЫ”	<i>-gun, -gin, -gün, -gun</i> (повел.) “ТЫ”

Указательные местоимения агульского языка в звуковом отношении и семантически соотносительны с личными местоимениями индоевропейских (санскрит) и уральских (коми) языков:

Агульский язык	Коми	Санскрит
<i>me</i> “ЭТО” <i>te</i> “ТО”	<i>me</i> “Я” <i>te</i> “ТЫ”	<i>me</i> “мне” (энкл.) <i>te</i> “тебе” (энкл.)

Как видно, основы указательных местоимений дагестанских языков сходны с основами личных местоимений иных языковых семей. Весьма вероятно, что дагестанские языки в древности имели такие же основы личных местоимений, какие имеют картвельские языки, например, грузинский.

С чем же связано «перекрещивание» значений личных местоимений первых двух лиц?

Для нас представляются ценными данные памятников письменности Урарту. В урартских памятниках не встречаются самостоятельные личные местоимения. Лично-местоименные энклитики превратились в чисто глагольные субъектно-объектные форманты. Ср., например, урартские

Хуррито-урартские языки		Ностратические языки	
Хуррит.	Урарт.	Хетт. (и.-е.)	Кирг. (тюрк.)

-iww “мой”	-me “мне”	*em- “мне”	-m/min/-myn... “я”, “мой”
-iwwaž “наш”	-všə “мы”	weš “мы”	-biz/byz... “мы”, “наш”

Но, как отмечает И.И. Мещанинов, в урартском языке «суффикс *-bi* передает в непереходном предложении действие 3 лица: *ušta-bi* «выступил-он». Тот же суффикс *-bi* получает в переходных предложениях субъектно-объектное значение, выражая действие 1 лица, направленное на 3 лицо: *karu-bi* «победил-я-его» (Мещанинов, 1967, с. 183). Этот факт позволяет нам связать семантические изменения в системе лично-местоименных корней с периодом дифференциации и противопоставления субъектных и объектных значений.

Есть основания предположить, что ностратические основы личных местоимений употреблялись в общедагестанском в первоначальном значении до обособления переходных глаголов и, следовательно, до возникновения эргативного строя предложения, чем и резко отличаются дагестанские и урартский языки от индоевропейских, уральских и других языков.

Данное предположение подтверждается и еще двумя фактами.

Во-первых, картвельским языкам (грузинскому, сванскому и др.) тоже свойствен эргативный строй. Однако лично-местоименные основы в них очень сходны с соответствующими основами других ностратических языков. В чем же тут дело? Оказывается, личные местоимения картвельских языков, так сходные с общеностратическими, в отличие от других склоняемых слов, не имели и не имеют специальных форм для эргативного падежа [Климов, 1966, с. 77; Чикобава, 1967, с. 14]. Следовательно, не подвергшиеся влиянию эргативной конструкции, они дошли до нас, сохранив первоначальные значения.

Во-вторых, в дагестанских языках *me/mi* выступает в значении 2-ого лица ед.ч. только в именительном и эргативном падежах, а в прочих падежах они имеют основу *de/di*. Например, в гинухском языке *me* «ты» в им. и эрг. п., *debe, debzo* «твой» в род.п., *debez* «тебе» в дат.п. и т.д. Ср. также фонетическое сходство выражения значения «тебе» в языках Северной Евразии: латин. *tibi*, ст.-славян. *tebe*, прус. *tebbei*, санскр. *tabhyam*, авест. *taibyō*, в дагестанских языках: гунзиб. *dibi*, хварш. *dubuli*, гинух. *debez* и др.

Если учесть вторичность формы им.п. личного местоимения 1-го лица ед.ч. в индоевропейских языках, возникновение которого, вероятно, связано «с более поздним развитием абстрактной грамматической формы 1-го лица как абсолютного носителя (субъекта) действия» [Жирмунский, 1965, с. 233], то дагестанское *mi/me* в значении «ты» в им. и эрг. п. тоже, по-видимому, вторичного происхождения, а основы других падежей, сравнимые с индоевропейскими, представляют древнейшее состояние личных местоимений.

На основе выше изложенного можно сформулировать некоторые общие выводы.

1. Общность фонетического облика и семантики прономинальных лексем с наибольшей долей вероятности свидетельствует об идентичности возникновения, оформления и развития лично-местоименных основ в ностратических языках.

2. Одним из путей развития семантики в языке является «перекрещивание» значений языковых единиц, имеющих близость в сфере употребления.

3. Дагестанские языки относятся к ностратическим. Перекрестное развитие семантики личных местоимений, вероятно, связано с появлением эргативного строя в этих языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев-Десятовский В.С. Развитие личных местоимений в индоарийских языках. - М.-Л., 1956.

2. Дарбеева А.А. О личных местоимениях в монгольских языках // Вопр. языкознания. - 1970. - №1.
3. Долгопольский А.Б. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопр. языкознания. – 1964. – №2
4. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М., 1965.
5. Зулпукаров К.З., Зулпукарова А.К. О происхождении и развитии личных местоимений в ностратических языках // Сборник научных трудов. Узген. ин-та Ошск. технол. ун-та. – Ош-Узген, 2002. С. 84-92.
6. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. - Бишкек, 2016. – 748 с.
7. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, уральский, дравидийский, алтайский, индоевропейский) // Славянское языкознание. – М., 1968.
8. Климов Г.А. Краткая характеристика склонения в занском языке // Вопросы грамматики. - М.-Л., 1966.
9. Краузе В. Тохарский язык // Тохарские языки. - М., 1958.
10. Мартиросов А.Г. К генезису личных и указательных местоимений в картвельских языках // Вопр. языкознания. - 1968 - №3.
11. Мещанинов И.И. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. - Л., 1967.
12. Мыркин В.Я. Типология личного местоимения и вопросы реконструкции его в индоевропейском аспекте // Вопр. языкознания. – 1964. – №5.
13. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. - М., 1968.
14. Срезневский И.И. Избранные труды по языкознанию. - М., 1963.
15. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. - М., 1981.
16. Чикобаева А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. - Л., 1967.
17. Языки народов СССР. Том 4. Иберийско-кавказские языки. – М., 1967.
18. Forhheimer P. The categorie of person in Language. - Berlin, 1953.
19. Pedersen H. Turkische Lautgesetze // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. Bd. / 57, 1903.

**ON THE GENESIS AND DEVELOPMENT OF THE PERSONAL
PRONOUNS IN THE NOSTRATIC LANGUAGES**

Zulpukarov Kapar Zulpukarovich,
*doctor of philological sciences, professor, director of the Centre
of Linguistic Studies of the Osh State University, Osh city
E- mail: zulpukarov48@mail.ru*

Zulpukarova Aida Kaparovna,
*teacher of foreign languages department of Batken State University,
Batken city
E- mail: zulpukarov48@mail.ru*

In the article the problem of the origin and development of the personal pronouns in the language families of Eurasia - the Altai, the Caucasus, the Urals, Dravidian, Indo-European, Afro-Asiatic, Eskimo-Aleut and Sino-Tibetan. It reconstructs the original composition of the personal pronouns in compared languages and demonstrated the way of occurrence of discrepancies in their semantics and audio form. For the first time in Nostratika exposed than facts Dagestan and Chinese languages.

Key words: Nostratika, personal pronouns, demonstrative pronouns, Nostratic languages, Turkic languages, Dagestan languages, the root morpheme and affixal person cross compliance.

ТЮРКСКИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ: СОСТАВ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

*Атакулова Мээрим Абдыкеримовна,
доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка
Ошского технологического университета, г. Ош
E-mail: atakulova.m@mail.ru*

В статье рассматривается проблема происхождения и развития указательных местоимений в тюркских языках, анализируются сходства и различия дейктических прономинативов в диахроническом и синхроническом аспектах.

Ключевые слова: тюркские языки, указательные местоимения, локальные демонстративы, эгоцентрическое поле, дейктические единицы языка.

Проблемы локальных демонстративов были предметом изучения целого ряда специалистов по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам (Т.Ковальский, А.Габэн, В.А.Гордлевский, Б.Я.Владимирцов, В.Котвич, Г.Рамстедт, А.П.Поцелуевский, Н.К.Дмитриев, Г.Д.Санжеев, Э.А.Грунина, А.М.Щербак, М.А.Хабичев, С.Кудайберген, Т.Садыков и др.).

По мнению В.Котвича, тюрки, а частично маньчжуры и некоторые группы тунгусов основываются в системе указательных прономинативов главным образом на разграничении **трех степеней отдаленности предметов от говорящего**: «этот (ближайший)», «этот (более отдаленный, но видимый)» и «тот (еще более отдаленный, но невидимый)». В связи с этим в тюркских языках существует три основных дейктических слова: *бу*, *шу* и *о* (*у*). Эта система местоимений в некоторых языках и диалектах либо подвергается разным фонетическим изменениям, в результате чего возникает параллелизм то начального согласного *б/п*, *ш/с*, то гласного *у/о/а* (*бу/пу/по/во/шу/су/шо/сол, о/у/а*), либо же видоизменяется в результате присоединения к концу основы *л* (*бул/был/бол/пул/пел, шул/сул/шол/сол, ол/ул, ал*). Эти изменения не оказывают влияния на основное значение прономинативов, и упомянутая трехстепенная система остается устойчивой во всех тюркских языках.

Как отмечает В.Котвич, трехстепенная система иногда нарушается и подвергается существенным изменениям. Часто два первичных демонстратива, сочетаясь между собой, образуют сложные дейктические единицы, совмещающие значения первичных корней. Ср. кумыкские: *ошбу*, *шубу* и др. Только в некоторых языках отмечается четырехстепенная дифференциация указания. Ср. казах. *бу*, *осу*, *со* (*сол*), *о* (*ол*), кирг. лит. *бу/бул*, *ушу/ушул*, *ошо/ошол*, *тиги/тигил*, *тетиги/тетигил*, при разговорно-диалектных: *бу*, *шу*, *шо*, *о* и др.

Как пишет Э.А.Грунина в статье «К истории указательных местоимений в турецком языке», в разные периоды развития турецкого языка система демонстрационных прономинативов была разной. Она на большом фактическом материале показала, что письменные источники XV-XVIII вв. раскрывают процесс сложения современного трехэлементного ряда дейктических местоимений *бу*, *шу*, *о*. По ее мнению, «четырёхэлементная система в ранних турецких памятниках идентична восточнотюркской литературной норме (ср. среднеазиатские и другие памятники этого периода). Она строилась на общетюркском противопоставлении «близкое-далекое», образуя два ряда по степени дейксиса: *бу-ол*, *ошбу/ушбу/шшбу – шол*» (Грунина, 1971, с. 223-238). Э.А.Грунина очень подробно описывает демонстративные, анафорические, предваряющие и другие значения прономинативов в пределах двухступенчатого пространственно-временного указания.

В современном турецком языке отмечается наличие двух двухстепенных систем демонстративов:

- 1) пространственная или топографическая: *бу* «этот близкий» и *о* «тот далекий»;
- 2) временная: *бу* «тот, о котором уже шла речь» и *шу* «тот, о котором еще будет речь».

Предполагается, что в результате контаминации этих двух планов произошла трехстепенная система указательных прономинативов: *бу-шу-о* (В.А.Гордлевский, Г.Вейль, Н.К.Дмитриев, В.Котвич и др.).

В.Котвич пишет, что «нет никакого сомнения в том, что в практической жизни чаще всего выступает двухстепенное противопоставление: «этот»-«тот», в основе которого лежит именно отдаленность, независимо от того, идет ли речь о пространственной отдаленности или о какой-нибудь иной («известный»-«неизвестный», «видимый»-«невидимый», «тот, о котором только что говорили» - «тот, о котором говорили несколько раньше» и т.п.). Однако следует считаться с тем, что в тюркских языках имеется три указательных местоимения, которые в случае необходимости могут употребляться, несомненно, как система, хотя и с некоторыми модификациями. Важность этого обстоятельства выявляется при сопоставлении тюркских местоимений с монгольскими и северо-тунгусскими, которые, как известно, имеют в своем составе по два взаимно противопоставленных местоимения. Это отнюдь не исключает того факта, что в некоторых тюркских языках ... существует большее количество указательных местоимений (4-6), так как обычно там существуют варианты только трех основных местоимений» [Котвич, 1963, с. 142]. Как видим, для тюркских языков и языка вообще более естественной и достаточной считается двухстепенная система демонстративов. А более конкретизированные формы указания, имеющие три-четыре и более степеней, являются новообразованиями.

Как видно из сказанного, в тюркских языках указательные местоимения немногочисленны. Они достаточно однородны и прозрачны с точки зрения семантики и происхождения .

Указательные местоимения в них располагаются в двух плоскостях – пространственной и хронологической. В пространственной плоскости указание осуществляется по признакам близости и дальности расположения демонстрируемого предмета, в хронологической – по признакам предшествования или последования по отношению к моменту разговора. В соответствии с этим указательные прономинативы подразделяются на обобщенно-указательные и конкретно-указательные.

Обобщенно-указательные местоимения употребляются для указания на ближайшие и отдаленные предметы. Они подобно лично-прономинальному разряду лексем функционируют субстантивно, самостоятельно, т. е. не в функции определения, а в тех функциях, какие выполняют личные местоимения. Поэтому их называют указательно-субстантивными местоимениями [Котвич, 1963, с. 247].

Указательные местоимения обнаруживаются почти во всех тюркских языках, имеют материально и семантически единичные корневые морфемы, которые, вероятно, унаследованы от эпохи праязыкового состояния. В качестве таких местоимений в современных тюркских языках выступают следующие слова:

- 1) в азербайджанском *бу* «это», *о* «то»;
- 2) в алтайском *бу* «это», *ол* «то», *ту* «вон то»;
- 3) в бараба *пу*, *бу* «это», *ол*, *ул* «то (близкое)», *шу*, *шол* «то (далекое)», *тиги*, *теги* «то (далекое)»;
- 4) в башкирском *был* «это», *бынау* «вот это», *теге* «то», *ул*, *анау* «вон то», *ошо* «это самое», *шул* «то самое»;
- 5) в боджнурди *бу* «это», *шу* «то», *о* «то»;

6) в гагаузском *бу* «это», *о* «то», *шу* «это», *те бу* «вот это», *те о* «вон то», *те шу* «вот это самое»;

7) в долганском *бу*, *ба*, *бо* «это», *ол* «то», *хубу* «вот это», *хол* «вон то», *хити* «вон то»;

8) в казахском *бұл*, *бұ*, «это», *мынау* «вот это», *ол* «то», *анау* «вон то», *осы* «это самое», *сол*, *со* «то самое», *сонау* «вон то самое»;

9) в кара-калпакском *бул* «это», *мынау* «вот это», *ол* «то», *анау* «вон то», *усы* «это самое», *сол* «то самое»;

10) в киргизском *бул*, *бу* «это», *тигил*, *тиги*, *тетиги* «то», «вон то», *ал* «то», *ушул*, *ушу* «это самое», *ошол*, *ошо* «то самое»;

11) в крымско-татарском *бо*, *бу*, *босы* «это», *шо*, *шу* «то», *о*, *осы* «то», *абу* «вот это», *аву* «вон то»;

12) в крымчакском *бу* «это», *шу* «это самое (упомянутое)», *о* «то», *анаву* «вот это»;

13) в кумыкском *бу*, *бул* «это», *ол* «то», *шу*, *шул* «это самое», *шо*, *шол* «то самое»;

14) в ногайском *бу* «это», *сол* «то», «то самое», *анав* «вон то»;

15) в саларском *пу* «это», *чу* «это самое», *ву* «то», *ту*, *туугу* «то самое»;

16) в татарском *бу* «это», *теге* «то», *ул* «вон то», *шушы* (диал. *тушы* и *ушы*) «это самое», *шул* «вон то самое»;

17) в тувинском *бо* «это», *дее*, *доо*, *дii*, *дуу* «то», *ол* «вон то», *ук*, *мун* «то самое»;

18) в турецком *бу* «это», *о* «то», *шу* «это самое», «то самое»;

19) в туркменском *бу* «это», *ол* «то», *шу* «это самое», «то самое»;

20) в узбекском *бу* «это», *у* «то», *анав* «вон то», *шу* «вот это», *ушбу* «это самое», *уша* «то самое»;

21) в уйгурском *бу* «это», *шу* «вот это», *у* «то», *тушу* «это самое»;

22) в тофаларском *бо* «это», *ол* «то»;

23) в халаджском *бо* «это», *о* «то»;

24) в хакасском *пу* «это», *тиги* «то», *ол* «вон то»;

25) в хорасанском *бо*, *бу* «это», *ту* «то», *о* «то»;

26) в чувашском *ку* «это», *лешм* «то», *вӑл* «то»; *савӑ*, *сав* «вон то»;

27) в чулымском *пу* «это», *тег* «то»;

28) в шорском *по* «это», *тиги* «то», *ол* «вон то»;

29) в юртовском *бу* «это», *шул* «то», *ул*, *у* «вон то»;

30) в якутском *бу* «это», *ити* «вот это», *ол* «вон то», *били* «то самое», *субу* «вот это самое», *сити* «то самое», *сол* «вон то самое» и т.д. [Исхаков, 1956, с. 247-248; Щербак, 1977, с. 127-128; Тюркские языки, 1996, с. 201, 219, 230, 240, 304, 314, 342, 384].

В мертвых языках мы встречаем следующие формы указательных местоимений:

1) в древнеуйгурском *бу* «это», *ол* «то»;

2) караханидско-уйгурском *бу* «это», *ол* «то», *ошбу* «вон то»;

3) в мамлюкско-кыпчакском и чагатайском *бу* «это», *ол* «то», *шул*, *шу* «вот это упомянутое», *ош*, *ошбу* «вот это», *ошул* «вот то»;

4) в огузском *бу* «это», *ол* «то», *ошбу* «вот это», *ошол* «вон то»;

5) в половецком и орхонских текстах *бу* «это», *ол* «то»;

6) в староанатолийско-тюркском *бу* «это», *ол* «то», *ишбу* «вот это», *шу*, *шол* «вон то»;

7) в тюрки *бу* «это», *ол*, *ул* «то»;

8) в хорезмско-тюркском *бу* «это», *ол* «то», *ошол* «вон то самое», *ошна* «вот это», *ошбу* «вот это», *ошал* «вот то», *ош* «вот, вот это» и т.д. [Тюркские языки, 1996, с. 60, 68, 88, 97, 115, 134, 145, 156].

Сравнивая между собой приведенные выше указательные прономинативы и учитывая закономерности звуковых соответствий в тюркских языках, можно прийти к некоторым

Выводам, существенным для понимания сущности демонстрационных слов и осмысления путей их происхождения и развития.

Общим пракорнем, указывающим на ближайшие предметы, является *бу* «это». Форма *бу* встречается в киргизском, кумыкском, татарском, азербайджанском и других языках, форма *бо* – только в крымско-татарском, тувинском, тофаларском, халаджском, хорасанском, долганском языках, форма *но* – в шорском, *ну* – в саларском и хакасском, *бы(л)* – в башкирском языках. Распространенность формы *бу* свидетельствует о ее общетюркском характере, а другие звуковые варианты, по всей вероятности, возникли на ее основе:

бу → *ну*, *бу* → *но*, *бу* → *бо*, *бу* → *бы*.

Следует отметить, что *бу* в ряде языков усложняется и встречается с конечным *л*. Ср.: в казахском *бұ*, *бұл*, в кумыкском и киргизском *бу*, *бул*.

В языках иногда встречаются варианты с различной огласовкой: *бо*, *бу* в хорасанском и крымско-татарском, *бу*, *ба*, *бо* в долганском языке.

Есть основания считать, что формант *бул* сложный и образован из сочетания *бу* «это» с дейктической частицей *ол* «то». Два местоименных корня, сочетаясь между собой, образовало новое местоимение. При этом произошла диереза: в результате редукции устраняется начальный звук второго компонента сложного прономинатива: *бу+ол=бул*.

Иную точку зрения выдвигает и обосновывает Ф.Г.Исхаков. По его мнению, древним является формант *бул*, из которого произошли *бу*, *бұ*, *бо*, *ну*, *но* и другие формы. Он пишет: «Очевидно местоимения *бул//бұл [бӧл]* (каз.) // *бу// бұ [бӧ]* (каз.) // *бо* (тув.) // *ну* (хак.) // *но* (шор.), возможно и *ку* (чув.), происходят из одного и того же корня:

1) *бу* // *ну* // *ку* < *бул*;

2) *бұ [бӧ]* < *бұл [бӧл]*;

3) *был [был]* < *бұл [бӧл]* < *бул* (по закону «*у*>*ӧ*>*ы*);

4) *бо* // *но* могли происходить только от **бол*, но такого местоимения в современных тюркских языках нет, не встречается оно также в древних письменных памятниках. Принимая во внимание, что *ул* (в татарском и башкирском) <*ол*, можно все же предположить: *бул* < **бол* (которое, может быть, когда-то было, но не сохранилось ни в каких памятниках) [Исхаков, 1956, с. 248]. На этом предположении Ф.Г.Исхаков устанавливает следующую цепь развития тюркского указательного местоимения со значением «это»:

**бол//>бул//>бӧл//был*;

**бол//>бо//>но*;

бул//>бу//>ну//ку;

бӧл//>бӧ.

Данное предположение вызывает ряд возражений.

Во-первых, в качестве архетипа местоимения берется не встречающийся ни в древнетюркских памятниках, ни в современных языках формант **бол*, из которого как будто бы образованы все современные формы дейктического местоимения. Архетипом может быть, по нашему мнению, только формант *бу*, который встречается почти во всех тюркских языках.

Во-вторых, если архетипом рассматриваемого указательного прономинатива является *бу*, то естественно предположить производность форманта *бул*, который имеет место только в кумыкском, киргизском, казахском и кара-калпакском языках.

В-третьих, предположение о том, что и чувашское указательное местоимение *ку* «это» восходит к **бол* «это» через ступени: **бол* → *бул* → *бу* → *ку*, лишено всякого основания: губно-губной звук в языке не превращается в заднеязычный и даже не чередуется с ним в пределах одной морфемы.

В-четвертых, предположение Ф.Г.Исхакова базируется на очень сложной модели,

состоящей из нескольких ступеней и подступеней, хотя вполне возможно построить весьма простую схему возникновения и развития указательного прономинатива со значением «это». Архетипом тюркского указательного местоимения, вероятно, было *бу* «это», встречающееся почти во всех тюркских языках. Оно фонетически могло трансформироваться в *пу* (*б*→*п*), *бо* (*у*→*о*), *ба* (*у*→*а*) и т.д. Сочетание *бу* с *ол* «то» привело к появлению сложного образования *бул* (*бу*+*ол*), которое фонетически преобразовалось в *бул* [*бӱл*], *был*. Такое мнение высказывал и Н.К.Дмитриев в своем труде «Об указательных местоимениях в башкирском языке» [Щербак, 1977, с. 127-128].

Для такого предположения существует аналогия. В крымско-татарском языке «это» передается и местоимением *босы* [Тюркские языки, 1996, с. 304]. Его строение прозрачное. Оно, вероятно, состоит из *бо* «это» (из *бу*) и прономинатива *осы* «то», то есть прономинатив *босы* возник в результате сочетания *бо* с местоимением *осы* «то». И здесь произошла редукция: *бо*+*осы*=*боосы*→*босы*.

Что касается чувашского прономинатива *ку* «это», то он стоит особняком и генетического отношения к общетюркской корневой морфеме *бу* не имеет. Его можно связать с конечными формантами в местоимениях типа *тиги*, *тетиги* «то» в киргизском, *теге* «то» в татарском и башкирском языках, *ук* «то самое» в тувинском языке (в данном случае допускается метатеза: *ку*→*ук*, где согласный и гласный звуки поменялись местами). А отождествление общетюркского *бу* и чувашского *ку* в плане происхождения (Н.И.Ашмарин, Ф.Г.Исхаков и др.) подвергается сомнению. По мнению А.М.Щербака, «для прямого фонетического сопоставления *ку* с *бу* ..., по-видимому, нет оснований: случаи подобных чувашско-тюркских соответствий в области согласных неизвестны» [Щербак, 1977, с. 128].

В литературе отмечается, что лично-указательное местоимение со значением «то», является общетюркским и представлено в виде *о/ол*, *у/ул*, *а/ал*.

Формант *о* «то» встречается в азербайджанском, боджнурди, гагаузском, крымско-татарском, турецком, хорасанском, халаджском языках.

Формант *ол* «то» имеет место в алтайском, бараба, долганском, казахском, каракалпакском, кумыкском, тувинском, туркменском, тофаларском, шорском, якутском языках, в памятниках древнетюркской письменности на древнеуйгурском, караханидско-уйгурском, чагатайском, мамлюкско-чагатайском, староанатолийско-тюркском, хорезмско-тюркском и тюрки языках.

Формант *у* «то» мы встречаем в узбекском, уйгурском, юртовском, тюрки языках; формант *ул* «то» - в татарском, бараба, башкирском, юртовском, тюрки языках.

Формант *ал* «то» представлен в киргизском языке. Иногда два форманта в отдельных языках употребляются параллельно: *ол*, *ул* в бараба, тюрки языках, *у*, *ул* в юртовском языке и т.д.

По отношению к киргизскому лично-указательному местоимению можно предложить дополнительные сведения. Формант *ал* «то» встречается в письменном стандартном языке. А в устной разговорной речи и в говорах можно встречать варианты, по-разному репрезентируемые фонетически: *а*, *ал*, *о*, *ол*. Ср.: *О эмне дейт?* «Что он сказал?», *Ол макулбу?* «Он согласен?».

В узбекских говорах киргизского языка встречается формант *у* «то»: *У ниме депти?* «Что он сказал?»

Общепризнанной в тюркологии считается точка зрения относительно происхождения однозвучного форманта от двухзвучного, форманта с лабиализованным гласным от форманта с гласным *а*: *о*<*ол*, *у*<*ул*, *ул*<*ол*, *ол*<*ал* [Исхаков, 1956, с. 248].

Такое предположение тоже вызывает возражение в двух отношениях. Во-первых, ничто не мешает предположить о первичности дейксисов *о* и *у* по отношению к более

сложным образованиям *ол* и *ул*; вполне можно допустить производность последних относительно более простых дейктических единиц *о* и *у*. Во-вторых, киргизское *ал* не может рассматриваться в качестве архетипа для формантов *ол* и *ул* в силу своей уникальности, неповторимости и единственности. Скорее, киргизское *ал* является вторичным относительно самого распространенного форманта *ол*, т.е. *ал*<*ол*.

Конкретно-указательные местоимения, вероятно, произошли позднее, чем обобщенно-указательные. В большинстве своем они образовались из сочетания обобщенно-указательных местоимений с различными дейктическими частицами языка [Ашнин, 1958, с. 11; Щербак, 1977, с. 128]. Конкретное указание передают местоимения, включающие в себя дейксис *ош/уш/иш/ш/с*.

Приведем примеры:

- А. 1) в староузбекском *ошбу*, *ошбул* «вот это», *ошу*, *ошул*, *оша*, *ошал* «вот то»;
 2) в хорезмско-тюркском *ошол* «вон то самое», *ошна*, *ошбу* «вот это», *ошал* «вон то», *ош* «вот это»;
 3) в башкирском *ошо* «вот это», *шул* «вот то, то самое»;
 4) в киргизском *ушу*, *ушул* «вот это», *ошо*, *ошол* «вот то»;
 5) в ногайском (диал.) *шу* «вот это», *шо*, *шол* «вот то», *шошу*, *шушу*, *шеши* «вот это»;
 6) в татарском *шуши*, (диал.) *иши* «вот это», *шул* «вот то»;
 7) в турецком *ишбу* «вот это», «данное», *шу* «вот то»;
 8) в туркменском *ушбу*, *шу* «вот это», *шо*, *шол* «вон то»;
 9) в узбекском *шу* «вот это», *ўша*, *ўшал* «вон то»;
 10) в уйгурском (диал.) *ушбу* «вот это», *оша*, *ошу*, *шу*, *шул* «вон то»;
 11) в гагаузском *шу* «это» и т.д.
- Б. 1) в казахском языке *осы* «вот это», *со*, *сол* «вон то»;
 2) в кара-калпакском *осу*, *усу*, *усы* «вот это», *сол* «вот то»;
 3) в караимском *ушпу*, *ушбу*, *успу* «это», *ошол*, *осол* «вон то»;
 4) в якутском *субу* «вот это», *сити* «то самое», *сол* «вон то».

В данном случае обращает наше внимание три момента. Во-первых, в чистом виде дейктический корень на *ш/с* представлен в ногайском (*шу*, *шо*), турецком, узбекском, гагаузском языках (*шу*), а также в казахском языке (*со*). Все остальные представляются новообразованиями, возникшими в результате удвоения (ногайские *шошу*, *шушу*, *шоши*), сочетания с формантом *бу* в постпозиции (якутское *субу*) или *сол* в постпозиции (туркменское *шол*, башкирское *шул* и т.д.), с *ти* (якутское *сити*). Если допустить метатезу (*шу*>*уш*, *шо*>*ош*, *иш*>*иш*), то к этим образованиям можно отнести целый ряд других местоименных дериватов: староузбекские *ошбу*, *ошбул*, *ошул*, *ошал*, турецкое *ишбу*, туркменское *ушбу*, караимские *ушпу*, *ушбу*, *успу*, *ошол*, *осол*, киргизское *ушул* и др.

Во-вторых, исходя из своеобразия приведенных примеров и их сравнения между собой, мы склонны признать, что основу прономинативов-дериватов составляют не полноценные и полнозначные местоимения, а элементарные дейктические частицы *о*, *шу*, *ъл* и т.д.

В-третьих, дейктический элемент *ош*, *уш* и др. со значением «то», «вон то», сочетаясь с дейксисом *бу*, приобретает новое, более конкретное значение под влиянием семантики последнего.

Если допустить, что тюркские указательные местоимения–дериваты возникли из сочетания дейктических частиц *уш+бу*, *уш+ол*, *ош+ол* и т.д., то можно провести аналогию между этими примерами и обобщенно-указательным местоимением *бул*, которое тоже, вероятно, возникло из сочетания *бу+ол*. А вариантность *бу* и *бул* и их синонимичность объясняется простым переносом значения и нивелировкой их дифференциальных сем.

С этой точки зрения требует дополнительной аргументации вывод А.М.Щербака,

который писал: «В некоторых [тюркских] языках *бу* встречается в форме *бул*, которая, по мнению ряда тюркологов, появилась в результате сочетания и слияния с местоимением *бу* местоимения *ол*. Однако такое сочетание кажется маловероятным, так как *бу* и *ол* выражают прямо противоположные значения. Скорее *л* в *бу* является следствием изменения по аналогии, тем более, что *бу* и *ол* часто оказываются рядом и образуют устойчивую семантическую оппозицию» [Щербак, 1977, с. 128]. Мы со своей стороны не усматриваем наличие между *бу* и *ол* оппозиции. Перед нами два указательных местоимения с обобщительно-дейктическим значением. Их прототипы – дейктические частицы могли **свободно сочетаться между собой для передачи смежного значения**. К тому же мы имеем примеры, свидетельствующие о возможности сочетания дейктических показателей со значениями «это (вот это)» и «то (вот то)». Ср.: *ушбу*, *ушпу*, *успу* в караимском языке, *ошо+бу=ошбу* в староузбекском языке и в диалектах современного узбекского языка, *субу* (<*су+бу*) в якутском языке. Здесь материально-семантическое слияние двух оппозитивных местоименных формантов привело к образованию новых сложных местоимений, включающих в свое содержание значение *ошо*, *ушу* «то» и *бу* «это», т.е. «вот это, вот это самое».

В тюркологии высказывается мнение о том, что более простые местоимения с демонстрационным значением произошли из более сложных. Многие тюркологи считают, что путь развития *шу*<*шол*<*ошол* является наиболее мотивированным (Ф.Д.Ашнин, Ф.Г.Исхаков, А.М.Щербак и др. [Ашнин, 1958, с. 12; Исхаков, 1956, с. 248-249; Щербак, 1977, с. 129].

Сошлемся на соображения Ф.Г.Исхакова, который более склонен видеть в киргизских местоимениях праформы дейктических единиц языка. Он пишет: «Общепризнано, что: 1) *ул*//<*ул*, 2) *ол*//<*ол*, 3) *ул*//<*ол*. Но вполне возможно, что *ол*//<*ал* (киргизская форма)». Считая киргизские лексемы праформами тюркских демонстративов, он предполагает, что

- а) *ушу*// <*ушул* и *ошо*//<*ошол*; возможно, что *ушул*<*ошол*;
- б) не подлежит сомнению, что *ошо* [ʃшʊ] (баш.) //<*ушы* (тат. диал. форма) //ушу< (кирг.); отсюда первый вывод: *ошол*> *ушул*> *ушу*> *ушы*> *ʃшʊ*;
- в) вполне возможно, что: 1) *шул* (татарская форма) < *ушул* (киргизская форма); 2) *шол* (кумыкская)<*ошол* (киргизская форма); не подлежит сомнению, что: 1) *сол* (казахская и ногайская форма)<*шол* (кумыкская форма); 2) *со* (каз.)//*шо* (кумыкская), а *шо*< *шол*, *со*< *сол*; 3) *су* (в якут. *субу*) <*шу*, а *шу* <*шул*;
- г) возможно, что *шушы* (тат.) разложимо на *шу+шы*, где *шы*<*шу*, т.е. *шушы*<**шушу*; следовательно, возможно, и уйгурское *тушу* разложимо на *ту+шу*, где *ту* есть имеющееся в алтайском указательное местоимение *ту*, а татарское диалектальное *тушы*< *тушу* (уйг.);
- д) несомненно, что узбекские *ʃш*//<*ʃшал*; возможно, что узбекское *ʃшал* и киргизские *ошол* и *ушул* разложимы на *ʃш+ал*, *ош+ол* и *уш+ул*, в которых вторые компоненты *ал*//*ол*//*ул* – фонетические разновидности одного и того же местоимения, а первые компоненты *ʃш*//*ош*//*уш*, возможно, также являются фонетическими разновидностями *ол*//*ул* (по закону звукового соответствия *ш*//*л*), т.е. *ʃш*< *ош*//*ол*, *уш*//*ул*;
- е) узбекское *ушбу* разложимо на *уш+бу*, а якутское *субу* – на *су+бу*, в якутском *су*//<*шу* других языков [Исхаков, 1956, с. 248-249].

В данном случае произведено сравнение наиболее распространенных и типичных форм указательных прономинативов. Приведенный сравнительно-этимологический материал позволяет сделать некоторые выводы и замечания.

Конкретно-указательные прономинативы в тюркских языках достаточно однородны, имеют прозрачную внешнюю и внутреннюю формы и допускают возвести к определенному архетипу.

Заслуживает внимания предположение об образовании ряда прономинативов путем

сложения первообразных дейктических местоимений, являвшихся, вероятно, в древности указательными частицами: 1) кирг. *ош+ол=ошол*, *уш+ул=ушул*; 2) узб. *ўш+ал*. При этом считается, что в данных примерах «вторые компоненты *ал//ол//ул* – фонетические разновидности одного и того же местоимения». Однако наряду с таким утверждением имеет право на существование и другой взгляд на этот вопрос, допускающий вероятность существования только указательного прономинатива *ол* (представленного во всех тюркских языках), который, сочетаясь с местоимением *ош* (самостоятельное местоимение *ош* «вот это» встречается в памятниках древнетюркской письменности), образовало сложное местоимение *ошол* и подверглось прогрессивной ассимиляции по подъему языка, сочетаясь с местоимением *уш* (*уш+ол=ушул*).

Следует отметить, что *ошолиушул* в киргизском языке семантически дифференцированы. Первое указывает на более отдаленные предметы, на события, происшедшие в прошлом, второе указывает на предметы близкого расстояния и на явления, происходящие в момент речи.

Нет оснований для возведения *ол* к *ал*, поскольку первое представлено почти во всех тюркских языках, а второе – только в киргизском.

В рассуждении Ф.Г.Исхакова есть отдельные суждения, требующие разъяснения и аргументации. Он пишет о том, что местоимения «*ўш//ош//уш*, возможно, также являются фонетическими разновидностями *ол//ул* (по закону звукового соответствия *ш//л*, т.е. *ўш<ош//ол, уш//ул*)). Надо отметить, что соответствие *ш//л* нехарактерно всем тюркским языкам. В тюркологии доказано, что такое соответствие имеет место между чувашским, с одной стороны, и прочими тюркскими языками, с другой, когда чувашскому *л* в других языках соответствует звук *ш* (А.Биишев, А.М.Щербак и др. языковеды) [Биишев, 1965, с. 43-46; Щербак, 1970, с. 85-87].

Ср. примеры: чув. *алăк* – кирг. *эшик* «дверь»
тăлă - *тушоо* «пути»
тул - *тыш* «вне, наружу, наружный»
илт - *эшит* «слышать, слушать» и т.д.

Поэтому универсализация соответствия *л//ш* во всех тюркских языках является решением, ничем не оправданным и лишенным всякого основания. К тому же в составе одного из указательных местоимений имеется компонент *шз*: *лешз* «то, вон то».

В вышеприведенных сопоставлениях указательно-местоименных корней есть одно наблюдение, которое тоже интересно с точки зрения компаративистики. В составе сложных прономинативных образований типа уйгурского *тушу*, татарского диалектного *тушы* Ф.Г.Исхаков выделяет первый компонент *ту-* и отождествляет с алтайским самостоятельным прономинативом *ту* с указательным значением. С ним можно согласиться в вопросе о том, что слова *тушу* и *тушы* образованы из сочетания *ту* с местоимением *шу*. Однако мнение о происхождении татарского *тушы* из уйгурского *тушу* сомнительно, поскольку и татарское, и уйгурское местоимение могли возникнуть параллельно по правилу простого словосложения. А различия конечных гласных не существенны для этимологии рассматриваемых прономинативов.

Почему-то данный тюрколог не обратил внимание на связь алтайского номинатива *ту* с местоименными формантами других языков. Ср., например, в саларском языке *ту*, *туугу* «то самое», в хорасанском *ту* «то»; в бараба *тиги*, *теги* «то (далекое)», в чулымском *тег* «то», в татарском *теге* «то», в хакасском *тиги* «то», в якутском *ити* «вот это» и *сити* «то самое», в киргизском *те* (разг.), *тиги*, *тигил*, *тигине*, *тетиги* «то» и др. Особое место среди этих прономинативов занимают тувинские *дээ*, *доо*, *дйй*, *дуу* «то».

С большей долей вероятности мы допускаем генетическую связь номинатива *ту* в

алтайском, саларском и хорасанском языках. Этот же формант мы встречаем в тувинском языке, но здесь, видимо, произошло озвончение начального согласного. Его усматриваем в составе сложных местоименных образований как в препозиции (*ти-ги, те-ги, те-ге* и т.д.), так и в постпозиции (*си-ти*).

Ясно, что рассматриваемое местоимение имеет разветвленный состав в киргизском языке. Вероятно, в киргизском *тетиги* произошло удвоение т-ового форманта. В этом языке мы встречаем *те* (*те алыста* «там далеко»), *тээ* (*тээ алыста* «там очень далеко»), которые, приставляясь спереди к местоимению *тиги*, привели к образованию местоимения с интенсивным дейктическим значением (*тетиги, тээтиги*).

Удлинение гласного основы и удвоение основы – характерное явление для указательных местоимений. В якутском языке, например, «местоимение *ол* может принимать усиление и путем удлинения гласного основы (*оол*) или путем удвоения основы (*оолол*)» [Коркина, 1982, с. 191].

В примерах из киргизского языка остается неясным происхождение конечного компонента этих прономинальных образований. Есть ли связь форманта *-ги* с местоименными корневыми морфемами или местоименными частицами? На этот вопрос следует ответить положительно. Он, кажется, напоминает отдельные местоимения в языках. Очень сходное с ним в звуковом отношении местоимение имеется в чувашском (*ку* «это») и тувинском (*ук* «то самое») языках. Чувашское *ку* и тувинское *ук*, при всем семантическом различии, являются указательными и легко возводимы к одному прототипу, если допустить в данном случае метатезу. В данном случае мы склоняемся к заключению о том, что местоимения типа *теге* (татар.), *тиги* (кирг.) и другие произошли из сочетания двух местоименных единиц: *те+ку*, в котором звук *к*, попадая в позицию между гласными, озвончается, а лабиализованный звук *у* уподобляется переднеязычному нелабиализованному гласному и по требованию прогрессивной ассимиляции превращается в *и*.

Именно сложение первичных указательных частиц послужило основанием для появления усилительных демонстративных прономинативов. Обратимся к фактам якутского языка. В нем имеются первичные указательные местоимения: *бу* «вот это», *ити* «вон это», *ол* «то». Их сочетания между собой привели к образованию местоимений с более интенсивным значением. В «Грамматике современного якутского литературного языка» читаем: «Местоимение *бу* служит для указания на ближайший предмет, местоимение *ити* указывает на предмет несколько отдаленный, а местоимение *ол* указывает предмет, еще более отдаленный, местоимения же *субу, сити, сол* представляют усилительную форму первых». Видно, что последние являются производными. В них четко выделяются первообразные основы: *су-бу, си-ти, су+ол=сол*. В первом примере произошло сложение *су* и *бу*, во втором – сложение и регрессивная ассимиляция, когда лабиализованный гласный первой основы под влиянием гласного второй основы делябиализуется и превращается в переднеязычный гласный, а в третьем – сложение и диерезация, когда происходит редукция двух гласных между согласными в результате устранения первого звука. А усилительные указательные местоимения в этом языке выполняют важную коммуникативно-смысловую функцию и «служат для лучшего уточнения, большей конкретизации предметов, о которых идет речь в предложении» [Харитонов, 1947, с. 158].

Как видим, состав и строение тюркских указательных прономинативов являются прозрачными. В отличие от соответствующих местоимений индоевропейских, семитохамитских, кавказских и других языков, тюркские языки обладают определенным числом прономинативов с четко выделенными типами указания.

По числу и разнообразию типов указания особенно выделяются киргизский и якутский языки, где имеется более десятка слов, употребляемых в качестве демонстрационных

прономинативов.

Так, в киргизском языке мы обнаруживаем следующие указательные прономинативы: *бу/бул, ошо, шо* (диал.)/*ошол, ушу, шу* (диал.)/*ушул, те, тээ, тетиги/тетигил, а* (разг.)/*ал, о* (разг., диал.)/*ол* (разг., диал.) и др.

В этом языке *бу* и *бул* находятся между собой в отношениях вариантности. Они свободно заменяют друг друга, не имея четко выраженного смыслового различия. По-видимому, форма *бул* используется для большего подчеркивания и выделения указываемого предмета, а слово *бу* в силу своей краткости более мобильно и продуктивно употребляется, не имея в своей семантике смыслового содержания компонента *л*, восходящего, вероятно, к дейктической частице-местоимению *ол*. Оба употребляются для указания на ближайшие к говорящему предметы.

По значению к данным прономинативам примыкают слова *ушу/ушул, шу/шул*. Они тоже указывают на ближайшие предметы или на предметы, о которых адресат информирован и имеет предварительное представление. Варианты *шу* и *шул* встречаются в основном в ичкиликских говорах. В них произошла редукция начального гласного, который превратился в «нуль». Прономинативы с выкидкой начального гласного иногда встречаются и в говорах, которые соприкасаются с ичкиликскими. А варианты с начальным гласным *у* (*ушу, ушул*) представлены повсеместно и употребляются в речи носителей литературного языка. Семантические различия между всеми приведенными прономинативами явно не улавливаются и, видимо, не существуют. По значению они находятся между собой в эквивалентных отношениях. Формативы с конечными *л*, кажется, используются для большего выделения указываемого предмета.

Местоимения *бу/бул* выражают общее указание, а прономинативы *ушу/ушул, шу/шул* – конкретное указание. Первые имеют широкий диапазон употребления, вторые – более узкую сферу функционирования. В предложениях *Бу адам ким?* «Кто этот человек?», *Бу сүйлөй берет* «Этот (эта) говорит (не обращай внимание)» и т.д. слово *бу* может быть заменено вариантом *бул*, но не местоимениями *ушу/ушул* и т.д. в силу определенности и конкретности их смыслового содержания. Именно поэтому последние не могут передавать предваряющее указание, свойственное местоимениям *бу/бул*: *Акыркы айтар сөзүм бу: сен эми иш боюнча мага кайрылба. – Это мое последнее слово: по работе дальше ко мне не обращайся.* В данном контексте *бу* «это» выражает указание на последующее высказывание, ориентирует внимание адресата на продолжение сообщения. А слова *ушу, ушул*, имея конкретное смысловое содержание, указывают на известные, уже названные или видимые предметы и явления действительности.

Местоимения *тиги* и *тигил* «то» употребляются для указания на ближайшие предметы в сфере 3 лица, а *бу* и *бул* «это» указывают на предметы, находящиеся в сфере говорящего. А местоимения *те, тээ*, а также слова *тээтиги, тээтигил* с удвоенной т-овой основой демонстрируют те предметы, которые находятся дальше тех, на которые указывают *тиги* и *тигил* «то». Местоимение *тээтигине* «то» указывает предметы, которые находятся еще дальше. При указании на лиц эти местоимения приобретают оттенки пренебрежительности и неуважительности. Они нейтральны только по отношению к названиям предметов.

Местоимение *ал* (*а, о, ол*) употребляется для обозначения указания предмета, который находится дальше всех среди имеющихся перед глазами и на который по-русски можно указывать местоимениями «вон то», «он, она, оно». При этом следует отметить, что оно может употребляться и в тех случаях, когда указываемый предмет не находится перед глазами говорящего, скрыт за другими предметами или упомянут в разговоре.

Н.А.Баскаков на примере кара-калпакского языка писал, что личное местоимение 3 л. *ол* «он, она, оно» и семантически, и фонетически совпадает с указательным местоимением

ол «тот, та, то». Он считает, что местоимение *ол* произошло из *оны*<*онын*, т.е. из формы родительного падежа через винительный.

Это мнение не может быть принято по нескольким причинам.

Во-первых, в данном случае перед нами **не два разных местоимения – омонима**, а одно, которое имеет разные функции, выполняя функции лично-указательного и собственно-указательного местоимения.

Во-вторых, вместо того, чтобы признать первичность номинативной формы, признается первичность генитива. От генитива образуется аккузативная форма путем удаления конечного согласного. Предполагается архаичность значения принадлежности, из которого происходит объектное значение. Объектное значение как бы служит базой возникновения субъектного значения.

Мы считаем, что исходной формой выступает действительная частица *о*, к ней присоединяется *л* и в результате возникает номинатив указания. Присоединение к частице *о* форманта *-ну*, *-ны...* привело к появлению формы аккузатива. Присоединение к *-ну*, *-ны...* форманта *-н* послужило основанием возникновения формы генитива. Такая схема соотношений рассматриваемых словоформ представляется более естественной и отражающей путь «от простого к сложному» и «от ядра к периферии» [Зулпукаров, 2016, с. 570-573].

В-третьих, генитивная форма *онын* (кирг. *анын*, в говорах *онун*), по мнению Н.А.Баскакова, произошла из сочетания и слияния *ол+ненъе=онынь*. Слово *ненъе* имело реальное значение «предмет», «нечто». Непонятен и необъясним предпологаемый им путь «воскрешения» *ол* через генитивную и аккузативную ступени: *ол+ненъе=онынь* > *оны* > *ол*.

Мы же считаем, что основой указательных местоимений *ал*, *ол* являются действительные частицы *о*, *а*. Их сочетание с л-овым формантом служит базой для возникновения лично-указательного местоимения *ол*, *ал*, сочетания с *-ну*, *-ны*, *-ни...* - форм аккузатива и т.д. Такое представление происхождения форм данного местоимения является простым и больше соответствует закономерностям развития и усовершенствования единиц языка.

Местоимения *ошо*, *ошол*, (в говорах) *шо*, *шол* имеют консонантный состав, идентичный с составом согласных в местоимениях *ушу*, *ушул*, (в говорах) *шу*, *шул*, но, в отличие от них, указывают на отдаленный или упомянутый предмет. Местоимение же с гласным *у* чаще всего используется при указании предметов, находящихся в видимой близости или близко к говорящему.

Есть основание считать, что звук *о* сигнализирует об отдаленности предмета указания или его нахождения на невидимом расстоянии, а звук *у* – о близости указываемого предмета по отношению к производителю речи.

В киргизских говорах (Б.Юнусалиев, Э.Абдулдаев, С.Кудайбергенов, Н.Бейшекеев и др.) встречаются местоимения, производные от *бу*, *бул*: *буногу*, *муногу*, *мүнөгү*, *мөнөгү*; *береги*, *мына берсгү*, *бобереги*, *мобереги* с усилительно-конкретным действительным содержанием «вот это»; местоимения от *о*, *ол*: *оногу*, *өнөгү* «вот то», *тигиногу*, *тиногу*, *тоногу*, *тигинөгү*, *тинөгү*; *тетиногу*, *тетинегеги*, *тетинөгү*; *тетереги*, *төтөрөгү*, *тебереги* и др. «вон то» [Щербак, 1977, с. 131].

В целом по составу и семантике киргизские указательные местоимения напоминают татарские. Неслучайно, Ф.Г.Исхаков усматривает общую семантическую идентичность в киргизских и татарских демонстрационных прономинативах:

- 1) татар. *бу* – кирг. *бу*, *бул*;
- 2) татар. *теге* – кирг. *тиги*, *тигил*, *тетиги*, *тетигил*;
- 3) татар. *ул* – кирг. *ал*;

4) татар. *шушы*, (диал.) *ушу*, *тушы* – кирг. *ушу*, *ушул*;

5) татар. *шул* – кирг. *ошо*, *ошол*.

По мнению этого компаративиста, *шушы* отличается от *бу* тем, что указывает на такой предмет, который уже знаком собеседникам. Таким образом, *шушы* «это самое» выражает более конкретное понятие, чем *бу* «это». Между *ул* и *шул* имеется точно такое же различие, как между *бу* и *шушы*. Что касается *теге*, то оно совмещает в себе специфику как *бу*, так и *шушы*: когда предмет налицо – оно означает более близкий по расстоянию предмет, на который можно указать по-русски местоимением «то», а когда оно обозначает предмет, которого налицо нет, то указывает на такой предмет, с которым собеседники уже знакомы и который находится даже в данный момент в центре их внимания» [Исхаков, 1956, с. 251].

Выше говорилось о том, что и якутский язык обладает шестичленной парадигмой системы личных местоимений.

С одной стороны, по отдаленности расположения предметов указания от говорящего дифференцируются три местоимения:

1) *бу* указывает на ближайший предмет;

2) *ити* – на предмет, несколько отдаленный от производителя речи;

3) *ол* – на предмет, еще более отдаленный от говорящего.

Эти местоимения имеют следующие соответствия в киргизском языке: *бу=бу*, *тиги*, *тигил*, *тетиги*, *тетигил* = *ити*, *ал=ол*.

Якутская трехстепенная прономинативная подпарадигма в одном контексте имеет идентичную семантику, допуская взаимозамену, и может дифференцироваться, выражая разные уровни удаления. Здесь важную смыслодифференцирующую роль играет интонация, жестикация и место расположения указываемого предмета.

Данные три местоимения могут приставляться спереди префиксоидом *с*. Такая протеза может происходить без звукового изменения (*с+ити*, *с+ол*) или сопровождаться эпентезой – вставкой гласного между префиксоидом и местоименным корнем, подвергающегося огублению под влиянием гласного корня (*с-у-бу*). Конечно, префиксоидная дейктическая частица родственна местоимениям *со*, *сол* «то самое» в казахском языке, *сол* в каракалпакском языке, *шо*, *шол* в кумыкском и т. д. Здесь допустимо и другое предположение: из сочетаний: **со+бу*, **со+ити*, **со+ол* в результате регрессивной ассимиляции гласного среднего подъема [о] гласному верхнего подъема [у] возникло *субу* «именно это», в результате диерезации и редукции – местоимения *сити* «именно то» и *сол* «именно вон то».

Местоимения *субу*, *сити* и *сол* в якутском языке имеют усилительно-указательное значение. Как пишет Л.Н.Харитонов, «усилительные варианты указательных местоимений служат для лучшего уточнения, большей конкретизации предметов, о которых идет речь в предложении. Они выражают значение не просто 'этого, вон этого и того', а значение 'именно этого, именно вон этого и именно того'» [Харитонов, 1956, с. 159]. Здесь подразумевается возможное указание усилительно-прономинативных единиц не на неодушевленные предметы, а на людей и на животных-самцов. Правильнее было бы передавать значение указания в форме нейтрального (среднего) рода в виде «именно это, именно вот это и то».

Препозитивная (префиксоидная) уточнительно-дейктическая частица встречается и в других языках. Как отмечает Л.А.Покровская, в гагаузском языке «дейксис осуществляется указательными местоимениями и частицами. Указательные местоимения: *бу* «этот (эта, это)» – указывает на предмет, лицо, находящиеся близко от говорящего или же известные ему; *о* «тот (та, то)» – указывает а) на отдаленный предмет, лицо, б) на отсутствующий предмет, лица, уже известные говорящему, в) на предмет, лицо, о которых будут даны пояснения; *шу* «вот этот (эта, это)» – употребляется с целью усиленного, подчеркнутого указания на предмет, лицо, для его эмоционального выделения, т.е. обладает наиболее сильным дейктическим значением.

Сложные указательные местоимения образуются путем сочетания указательных местоимений с частицей *та ~ те* « вот»: *те бу* « вот этот (эта, это)», *те о* « вон этот (та, то)», *те шу* « вот этот самый (эта самая, это самое)» и др. [цит. по: Атакулова, 2010, с. 147].

Как видим, гагаузское *те*, родственное с киргизским *те*, *тээ* (*тээ качан* « тогда ещё », « в те давние времена »), по месту нахождения и семантике усиления напоминает якутское *со*.

К числу языков, в которых имеется большее число указательных местоимений, относится и башкирский язык.

В этом языке указательные местоимения, как пишет В.Ш.Псянчин, включают в себя следующие слова: *был* « это », *теге* « то », *шул* « тот », *ошо* « это самое », *ул* « то », *бынау* « это », *анау* « то », *бындай* « такое », *ундай*, *тегендэй*, *шундай* « эдакое », *былай*, *ошолой*, *улай* « эдак » и др. Обычно отмечается, что последние местоимения классифицируются также по заменяемой ими части речи: а) *бындай*, *тегендэй*, *шундай*, *ошондай*, *ундай* употребляются вместо имен прилагательных, б) *былай*, *тегелэй*, *шулай*, *ошолой*, *улай*, *шунса* – вместо наречий [Псянчин, 1981, с. 155].

По значению они распределяются на две группы.

1. Местоимения, указывающие на предметы, которые расположены перед глазами говорящего или находятся на близком расстоянии: *был*, *ошо*, *бынау*.

2. Местоимения, указывающие на более удалённые предметы, которые знакомы участникам общения до момента данной речевой ситуации: *теге*, *шул*, *анау*, *ул*.

Вторые имеют более обобщённое значение и « почти всегда выступают в роли обобщающего слова » [Псянчин, 1981, с. 155].

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что тюркские личные местоимения немногочисленны, имеют прозрачную семантику и близкий звуковой облик. Они дифференцируются только по координатам пространства и времени, занимая одно из ключевых мест в эгоцентрическом поле языка.

Указательные прономинативы составляют наиболее продуктивную подгруппу в парадигме эгоцентрических единиц языка [Атакулова, 2010, с. 11-24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Атакулова М.А. Инвариантное в прономинальной парадигме языка. Бишкек, 2010. 260 с.
2. Ашнин Ф.Д. Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком и туркменском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1958. 24 с.
3. Баскаков Н.А. О соотношении личных и указательных местоимений в тюркских языках // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М.: Изд-во АН СССР. – Вып. I. С. 132-143.
4. Биишев А. Соответствие *-л/-ш* в алтайских языках // Уч. зап. [Чуваш.] НИИ. ХХУШ. Чебоксары, 1965. С. 43-46.
5. Грунина Э.А. К истории указательных местоимений в тюркском языке // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 223-238.
6. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. - Бишкек, 2016. 768 с.
7. Исхаков Ф.Б. Местоимения // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Часть II. Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 208-262.
8. Коркина Е.И. Местоимение // Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. С. 187-213.
9. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1962. 371 с.

10. Псянчин В.Ш. Местоимение // Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. С. 153-160.
11. Тюркские языки. М.: Наука, 1996. 613 с.
12. Харитонов Л.И. Современный якутский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. – Якутск, 1947. 304 с.
13. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфонологии тюркских языков: Имя. – Л.: Наука, 1977. С. 191.
14. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 212 с.

TURKIC DEMONSTRATIVE PRONOUNS: COMPOSITION AND WAYS OF DEVELOPMENT

Atakulava Meerim Abdykerimovna

*doctor of philological sciences, assistant professor of
Russian language Osh Technological University, Osh city*

E-mail: atakulova.m@mail.ru

The problem of the origin and development of demonstrative pronouns in Turkic languages, examines the similarities and differences deictic pronominatивov in diachronic and synchronic aspects.

Key words: Turkic languages, demonstrative pronouns, demonstrative local, egocentric field, deictic language units.

ПРОТЕЗА В КИРГИЗСКО-КИТАЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ

Зулпукаров Капар Зулпукарович,

доктор филологических наук, профессор, директор центра лингвистических исследований Ошского государственного университета, г. Ош.

E-mail: zulpukarov48@mail.ru

Амиралиев Семетей Манасович,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики английского языка Ошского государственного университета, г. Ош.

E-mail: sem.87.90@mail.ru

В статье определяется сущность протезы как фонетического процесса и характеризуются условия появления протетических звуков в киргизских и китайских словах, имеющих общее происхождение.

Ключевые слова: протеза, ностратика, лексические соответствия, протетический звук, протетический гласный, надставка звуков к началу слова.

Термин протеза имеет греческое происхождение. В языке древних эллинов слово *prothesis* выражало значение «подстановка».

В современном языкознании протезой называют звук, который надставляется к началу слова. Явление протезы часто встречается в речевом потоке языков различного строя. Например, в качестве протетических согласных в русском языке нередко выступают звуки *в, й, и*. Ср., например, болгарское *осъм* и русское *восемь*, болгарское *агнец* и русское *ягненок*, болгарское *абълка* и русское *яблоня*. В русских словах, в отличие от болгарских, в абсолютном начале слова появляются добавочные звуки. Аналогичные факты мы встречаем и в других языках. Например, русское слово *ряд* на киргизской почве получает протетический гласный в виде *и* и *ы*: *ирет* «ряд, порядок» и *ыраат* «последовательность», слово *стакан* звучит по-киргизски в виде *ыстакан*. Изучение протезы в китайском и киргизском языках базируется на методологии ностратики – отрасли языкознания, постулирующей древнейшее родство языковых семей Евразии [Зулпукаров, 2016, с. 14-754]. Как известно, китайский язык является силлабо-тоническим, в нем минимальной языковой единицей выступает не звук, а слог. Слоги в этом языке строго противопоставляются по тону. В языке различается четыре тона: ровный, нисходящий, восходящий и нисходяще-восходящий. Тоновые различия слогов в нашей работе отмечаются с помощью надстрочных знаков.

Явление протезы мы часто обнаруживаем в китайско-киргизских лексико-фонетических соответствиях. В китайском языке есть много слов с начальным согласным *й-*, а в киргизском языке слова подобного звукового облика отсутствуют. Можно предположить, что слова с начальным *й-*, некогда общие для этих двух языков, дошли до нас в видоизмененном виде: в киргизском языке перед начальным *й-* появляется дополнительный протетический звук. Например, возьмем китайское слово *уї* «одежда, платье, костюм; одежда верхней половины тела, кофта, куртка; внешний покров, кожица, шелуха (плода), покрывка, чехол; оперение (птицы), шерсть (животного), надевать, носить (платье), одеваться; одевать, покрывать, прикрывать», которому соответствует устаревшее киргизское *ийин* в значении «одежда». Ср. *ийиниңди тоздурба* «не доводи свою одежду до износа, не ходи оборванцем», *курсак тоюп ийин бутөлө баштады* «только-только стали сытыми и одетыми» (Юдахин, с. 296).

Китайскому вариантно тонируемому слогу *yīn/yín* «прятаться, скрываться, таиться; прятать, скрывать, утаивать, хоронить; скрытый, тайный, тайком, украдкой, втайне, скрытно», *yǐn* «прятаться, скрываться, исчезать, пропадать, таиться, уединяться; прятать, скрывать, умалчивать, скрытый, скрытный, тень, укромное место» в киргизском языке соответствует слово *ийин* «нора, логово» с протетическим *и-*, обеспечивающим произношение начального *й-*.

Китайское *yǐn* «сменяться, сменять друг друга, чередоваться, совершать кругооборот; двигаться, вращаться, кружиться, поворачиваться; перемещать, двигать, вращать, вертеть, поворачивать; движение во времени, кругооборот, чередование, смена» очень напоминает киргизское *оюн* «игра, танец (в говорах), любовник, любовница (в говорах), спортивные состязания, шутки», *ойно-/ойноо* «играть, танцевать (в говорах), участвовать в спортивных состязаниях». И здесь мы допускаем возможность надставки звука *о-* к началу слова *оюн*.

Китайские слоги *yǎn/yā* «страшный (зловещий) сон, кошмар; видеть кошмарный сон; кричать, стонать, бредить во сне (от приснившегося кошмара)»; *yàn* «ясный, чистый, спокойный; ясно, чисто, спокойно» многозначны и в своей семантике содержит значение киргизского слова *аян* «предостережение, внушение свыше (во сне), тайное знание, дар ясновидения; известный, ясный; щадить себя, проявлять нерешительность» с добавлением звука *а-* к началу слова. Ср. узб. *аён* «явный, очевидный, ясный, наглядный, известный; явно, очевидно, наглядно, известно».

Начальное *й-* сохраняется и в сложных словах, когда этот звук занимает позицию между их частями. Например, китайским слога *yīn/yín* «рушиться, развалиться, падать (с высоты), ронять, сыпать вниз», *yǐn* «вращать, вертеть, поворачивать, совершать кругооборот, двигаться, вращаться, кружиться, поворачиваться, кругооборот, чередование» в киргизском языке соответствует корневая морфема *-йун* в словах: *куюн* «вихрь, смерчь», *куюндап* «быстро, стремительно, вихрем», *куюндануу* «витья вихрем, подниматься смерчем». Первую часть слова *куюн* мы сравниваем с китайскими слогами *kuī* «разваливаться, разрушаться, рушиться, распадаться, терпеть крушение» и *kǐ* «мучиться, страдать, бояться, причинять страдания, мучить; мучения, муки, невзгоды, горе, несчастье, печали», которые, вероятно, имеют этимологические связи. Киргизское *-йан* в слове *баян* «рассказ, повествование, разговор, беседа, описание» допускает сравнение с китайским слога *yán* «речь, язык, слова, разговор; слово, фраза, говорить о, вести беседу, вести обсуждение (дебаты), дебатировать, описывать, обрисовывать», который, сочетаясь со слога *bǎo* «ценный, чудесный, прекрасный, редкий; беречь, чтить, преклоняться», могло образовать слово *баян*, встречающееся почти во всех тюркских языках.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что начальное *й-* сохраняется в киргизском языке не в абсолютном начале слова, а в позиции между гласными звуками. В абсолютном начале слова китайскому *й-* в киргизском языке регулярно соответствует звук *ж-*. Например, китайские слоги *yǎn/yǎn/yàn* «мокнуть, намочать, обливаться (слезами, потом), погружаться в воду, уходить в (глубину), покрываться водой, затонуть; тонуть, утопиться; мочить, намачивать, пропитывать, увлажнять; затоплять, заливать, наводнять, погружать в воду, окунать; топить», *yān* «падать в воду, тонуть, погружаться (в воду), уходить (в землю), кануть (в вечность), потеряться (в дали); намочать, пропитаться, затапливать, погружать, хоронить (в волнах, под облаками); намачивать, промачивать, проливать, подтек» фонетически и семантически сближаются с киргизскими словами *жаан* «дождь, атмосферные осадки», *ак жаан* «ситничек, мелкий, морозящий дождь», *жаанчыл* «дождливый», *жаан-жуун/жаан-чачын* «атмосферные осадки»; татар. *йавым*, каз., каракалп. *жавын*, туркм., азерб. *ягын*, уйг. *йегин*, кумык., башк. *йавун* «дождь» [Севортян, 1989, с. 57]. Слова на *й-* близки к китайскому, но отличаются от него эпентетическим

согласным (з/в). В киргизском слове *жаан* нет такой вставки звука, произошло удлинение межконсонантного гласного звука.

Аналогично соотносятся между собою китайское *й*- и киргизское *жс*- в примерах: *yán* «языки огня, вздымающееся пламя», *yán/yàn* «пылать, гореть ярким пламенем, сиять, сияющий, яркий, ослепительный; палить, обдавать жаром, жаркий, знойный, палящий, раскаленный» - кирг. *жан-/жануу* «гореть, загораться, горение», *күйүп-жанып* «возгараясь», *жандыр-/жандыруу* «зажигать, поджигать, поджог», *жанар тоо* «горящая гора, вулкан». В тюркских языках имеют место трансформы с идентичным китайскому слогу началом: *йан*- «гореть, загораться, зажигаться, воспламеняться, пылать, светить, сверкать, сгорать» в туркм., тур., азерб., гагауз., караим., крым.-тат., кумык., ног., тат., башк., узб. диал., уйг. диал., лобн. и др. языках, *жан*- только в кирг., казах., кара-калп., узб. диал. [Севортян, 1989, с. 112].

В киргизском языке древний инициальный звук *й*- не переходит в *жс*- и сохраняет прежний фонетический облик и в составе сложных слов в позиции между гласными. Ср. *бу жерде* и *бийерде* «здесь», *бу жыл* и *бийыл* «этот год, в этом году», где отмечается действие регрессивной ассимиляции, уподобляющей гласный звук указательного местоимения гласному звуку существительного.

Известно, что в киргизском языке в начале слова почти не употребляется звук *л*-. В нем перед начальным *л*- регулярно появляется протетический звук. Эта особенность языка имеет место в китайско-киргизских общих словах. Приведем некоторые примеры.

Китайское *lài* «проказа, часотка, лишай, парша, паршиветь, паршивый, прокаженный» имеет эквивалент в киргизском языке в виде *ала* «проказа, парша, пестрый, пегий», в котором тоже мы обнаруживаем протетический звук. Сложное слово *lǎoyīng* «коршун» представлено в киргизском языке соответствием *ылаачын* «сокол-сапсан», имеющим в начале дополнительный звук.

Китайское *lèsuǒ* «вымогать (ценности), шантажировать, требовать, вытягивать; вымогательство, шантаж» очень напоминает киргизское *аласа* «долг за что-то; то, что положено отдать». Ср. китайское *lè* «принуждать, вымогать, выжимать, силой требовать» и киргизское *ал*- «брать/взять, держать»; сочетание слогов *suǒ* «излишки, проценты» и *dé* «получать, приобретать» дает сложное слово *suǒdé* «то, что получено (достигнуто), доход», которому в киргизском языке соответствует слово *соода* «торговля».

Протетический звук имеет место и в примерах: 1) *өлөң* «песня, осока, травянистое растение с узкими плотными, нередко режущими длинными листьями, растущее обычно в сырых и болотистых местах и используемое для получения пуха коры ее плода», который является семантическим эквивалентом китайского слога *líng* «легкий/легко, парящий, воздушный, свободный/свободно; нежный/нежно, мелодичный/мелодично»; 2) корень *ала*- в слове *алачык* «маленькая юрта, лачуга, шалаш» сравнимо с китайским слогом *lí/lí* «хижина, шалаш, жилище отшельника; беседка; древко (копья); редька, редис; жить в шалаше». Последние примеры напоминают русское *лачуга*, в котором часть *-чуга* и киргизский суффикс *-чык*, вероятно, имеют общее происхождение.

Китайское *luán* «высокий пик, островерхая гора; горы, отроги гор» и киргизское *албан* «высокий» (*албан ийгиликтер* «высокие успехи, огромные достижения», *алп* «великан, исполин, силач») с протетическим звуком возводимы к общему пракорню.

Кит. *lǎo* имеет много значений с общим содержанием, которые передаются разными киргизскими словами с идентичным пракорнем и сходным звучанием:

- 1) «старый, престарелый, пожилой, дряхлый» – кирг. *улг*- в словах: *улгайган* «старый, пожилой, престарелый», *улгайып* «состарившись, становясь пожилым, дряхлым»;
- 2) «старый, стародавний, врожденный, прежний, привычный, опытный, испытанный»

– кирг. *илг-* в словах: *илгери* «давным-давно, в стародавние времена», *илгертен* «издавна, исстари», *илгеркилер* «люди прежних времен, опытные люди»;

3) «старый, старинный, старомодный, консервативный, косный, устаревший, изношенный, ветхий» – кирг. *илг-* в словах: *илгерки үйлөр* «старые, старинные дома», *илгерки чапан* «изношенный халат», *илгерки көпүрө* «ветхий мост»;

4) «старший, почтенный, уважаемый» – кирг. *улуу* «старший, почтенный, уважаемый, известный, великий, выдающийся»; *улуу уул* «старший сын»;

5) «стареть, стариться, дряхлеть, утомляться, черстветь» – кирг. *улг-* то же самое (в отношении людей); *улгайган киши* «старый человек»;

6) «старик (после 50 или 70 лет), старики, родители» – кирг. *улуулар* «старшее поколение, старшие члены семьи, клана»;

7) «старейшина, высокий чин» – кирг. *улук* «старший (по чину), главный, глава», *улуктар* «элита, аристократы, чиновники высшего ранга, властные»;

8) «прежде, прежний» – кирг. *алг-* в словах: *алгач* «прежде, прежний», *алга* «вперед».

Как видим, китайский слог с финальным дифтонгом на киргизской почве получил трансформацию, совмещающую протезу с метатезой.

Теперь рассмотрим случаи появления протезы в других фонетических позициях.

Хорошо известно, что в тюркских языках редко встречаются слова с начальным *p-*. И в китайско-киргизских соответствиях мы обнаруживаем случаи, когда древнекитайскому начальному *p-* в киргизском языке соответствует такой же звук с протетическим элементом. Отметим, что в современном китайском языке в качестве начального звука произносится звук *ж-*. Это дает основание говорить, что киргизский язык сохранил древнейший фонетический облик общих для ханью и тюркских языков слов.

В киргизском языке имеется свыше тридцати слов, в которых отмечается наличие протезы в отличие от их китайских соответствий: 1) *ыраң* «хороший, здоровый цвет/вид/внешность; краска (*кызыл ыраң* «красная краска»); зеленая трава, весеннее разноцветье», *ыраңда-/ыраңдоо* «красить, подвергать крашению, раскраске»; *ыраңдуу* «красивый, прекрасный» - кит. *rǎn* «окрашиваться, принимать оттенок; пачкаться, намочить, мокнуть; окрашивать, красить, закрашивать; мара́ть, пачка́ть, мочи́ть, бесче́стить, черни́ть, позори́ть; писа́ть, рисо́вать; грязное пятно, мазок»; 2) *ыраң/ирең* «внешний вид, облик; хороший, здоровый цвет лица, хороший, здоровый вид; красота, краска (южн.); зеленая трава, разноцветье», *ыраңына чыкты* «расцвела, в расцвете своей красоты (о женщине)», *ыраңдуу* «красивая (о женщине)»; *ирең* «лицо, цвет лица», *иреңи/ыраңы суук киши* «человек с неприятным, несимпатичным лицом» - кит. *róng* «внешний вид, облик, образ, осанка, манера; украшение, орнамент, рисунок; заниматься своей внешностью, уход за собой»; 3) *эрен* «герой, молодец; сильный, мужественный человек», *эрендик* «геройство, мужество, молодечество», *эренсийт* «считает себя храбрецом, героем, храбрится», *эреңде-/эреңдөө* «важничать, высокомерничать»; от слова *эрен*, видимо, образовано слово *берен*. Слово *эрен*, сочетаясь с препозитивным слогом *bà* «тиран, деспот, узурпатор, узурпировать, захватывать силой, самоуправствовать, быть впереди, главенствовать», вероятно, привело к образованию слова *берен* «богатырь, герой, молодец; человек, служащий опорой, главенствующий человек; сильный, могучий, мужественный, один из лучших видов беркута» - кит. *rén* «человек, род человеческий, человечество, человеческий; каждый человек, люди, другие (не я), некоторые, кто-то; взрослый, солидный человек, персона, особа; уроженец, люди (страны), гражданин, граждане, народ, население; мелкий чиновник, работник, рабочие руки; человеческое достоинство», *rénrén* «каждый человек», *rénmen* «народ, люди»; 4) *араан* «отряд; солдаты, разделенные на три отряда», *оң араан* «правый отряд»; *сол араан* «левый отряд», *орто араан* «средний отряд», *араанда-/араандоо* «усиливаться» - кит. *róng* «оружие

(общее название видов холодного оружия), военная колесница; солдат, воин, войско; военная служба, война, военный поход; большой, дикий; идти войной, помогать».

Принято считать, что слово *оромол* (южн.) «женский головной платок, шаль» заимствовано из иранских языков [Юдахин, 1965, с. 579]. Факты ханью позволяют исправить эту досадную неточность. В киргизском и китайском языках мы находим исходную основу слова. Слог *rào* в древнем ханью имел значение «обвязывать, обматывать, мотать». Ему созвучны киргизские слова *оро* «заверни, обмотай», *ороо* «завернуть, обернуть, обмотать, мотать, запеленать, закутать», *орогуч* «обмотка, обертка», *оролуу* «быть завернутым, обернутым, закутанным, обернуться, завернуться, закутаться», *оромол* «женский головной платок». Последнее соотносится с целым рядом однокоренных слов и поэтому не является заимствованным. В древнем ханью и иранских языках было возможным употребление инициального *p-*, а киргизская артикуляция наращивает корень слова спереди, меняя его звуковой облик префиксоподобным незначимым элементом. Этот факт говорит о том, что к отдалению от прежних родственных языков приводят приобретенные в процессе развития новые индивидуальные свойства языка. В данном случае заметную роль играет протеза.

В выше приведенных примерах появление протезы объясняется наличием в начале слов звуков *й-, л-, р-*, которые требуют непривычных для киргиза артикуляционных навыков. Однако в сравниваемых языках есть случаи, когда возникновение начального добавочного звука не связано с трудностями артикуляции.

Х. Карасаев полагает, что киргизские слова *аба* в значении «отец, дядя, брат отца, старший брат» и *баба* «отец, дед, божество земледельцев» являются арабскими по происхождению [Карасаев, 1986, с. 11, 51]. Мы допускаем возможность сравнения приведенных примеров с китайскими наименованиями. В этом языке *bà* обозначает «папа, отец», *bàba* - «папа, тятя, папаша (в обращении к старшему)». Протетический элемент имеет место и в киргизском слове *эже* «старшая сестра (независимо от степени родства: родная, двоюродная и т.д.), вежливое обращение к любой старшей сестре, мать (устар.)», которое сравнивается с китайскими фонетически варьируемыми слогами *zī* и *jiě* «старшая сестра (независимо от степени родства); сестрица, вежливое обращение к девушке, жене». Китайское *gē* «старший брат; уважаемый старший брат», *gēge* «старший брат» допускает сравнение с киргизским *аке* «старший брат», *-ке* «старший брат, уважаемый человек» в словах: *байке* «старший двоюродный брат (по отношению к младшему или к младшей двоюродной сестре); старший брат, уважаемый старший мужчина (при обращении)», *абаке* почтительное обращение к старшему мужчине или брату отца, *Чыке* «уважаемый Чингиз Торокулович Айтматов», *Соке* «уважаемый поэт Сооронбай Жусуев».

Сравнение китайских слогов 1) *chā* «вилка, вилы, разветвление», 2) *chā* «раздвигать, разводиться»; 3) *chā* «ответвление (дороги), развилка, стык трех дорог; помеха, перебой, разлад, неприятная неожиданность, происшествие, инцидент, черенок, осколок, обломок; развиваться, расходиться, разветвляться, отклоняться; уходить в сторону, уклоняться, расходиться с фактами; срезать (дорогу), идти напрямик; ошибиться, сбиваться, запутываться, изменяться (в голосе)» с киргизским словом *ача* «развилка, раздвоенный; промежуток между ягодицами, между внутренней частью ног человека» (*ача ой* «несовпадающее мнение, расходящееся мнение, раздваиваемые соображения, противоречивая идея»; *ачалан-/ачалануу* «разветвляться, раздваиваться, расходиться, отличаться», *ачакай/ачакей* «раздвоенный») позволяет усмотреть наличие протезы в сравниваемых киргизских словах. Ср. киргизское *айык-/айыгуу* «выздоровливать, поправляться, заживать (о ране)», *айыгып калды* «выздоровел, поправился», *айыктыр-/айыктыруу* «вылечивать, исцелять, заживлять (рану)» с китайским *уй* «выздоровливать, поправляться».

Как видим, фактор протезы заслуживает особого внимания. Он нередко сочетается с

явлениями эпентезы, диерезы, метатезы и других фонетических процессов, что часто меняет звуковой облик слова одного языка до неузнаваемости в другом языке или фонетически в такой степени трансформирует прототип одного слова в двух прежде родственных языках. В результате комплексного действия различных фонетических процессов и закономерностей в языке современные рефлексии протослова так расходятся между собою, что они воспринимаются как этимологически нетождественные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. - Бишкек, 2016. – 748 с.
2. Китайско-русский словарь / Сост. Чжу Имин, Яо Иэнь и др. – М.: Вече, 2008. – 1280 с.
3. Карасаев Х.К. Өздөштүрүлгөн сөздөр. Заимствованные слова. – Фрунзе, 1986. – 312 с.
4. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – Фрунзе, 1965. – 916 с.

PROSTHESES IN THE KYRGYZ-CHINESE LEXICAL CORRESPONDENCES

Zulpukarov Kapar Zulpukarovich,
doctor of philological sciences, professor, director of the Centre
of Linguistic Studies of the Osh State University, Osh city
email: zulpukarov48@mail.ru

Amiraliev Semetei Manasovich,
Candidate of philological sciences, senior lecturer in phonetics and
grammar department of the English language at Osh State University, Osh city
sem.87.90@mail.ru

The article defines the essence of the prosthesis as a phonetic process and conditions characterized by the appearance of prosthetic sounds in Kyrgyz and Chinese words that have a common origin.

Key words: prosthesis, nostratika, lexical correspondences, prosthetic sound, prosthetic vowel sounds extension to the beginning of the word.

**РЕЛИГИОЗНАЯ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКИ
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ: К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ**

Хафизова Зубаржат Ришатовна
аспирант, факультет башкирской филологии
кафедра башкирского языка
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
Стерлитамак, Республика Башкортостан
E-mail: izu1976@yandex.ru

Абдуллина Гульфира Рифовна
доктор филологических наук, профессор
факультет башкирской филологии
кафедра башкирского языка
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
Стерлитамак, Республика Башкортостан
E-mail: abguri@yandex.ru

В статье рассматривается проблема определения границ между мифологическим и религиозным понятиями; анализируются сходства и различия мифонимов и религиозных понятий. Научная новизна определяется тем, что делается попытка уточнения семантического поля «религиозная лексика» в башкирском языкознании.

Ключевые слова: башкирский язык, религиозная лексика, мифологическая лексика, мифонимы, религиозные понятия.

Лексика самая подвижная и неустанно меняющаяся область языкознания: слова претерпевают колоссальные изменения в историческом развитии, ассимилируют, эволюционируют. В башкирском языке, в связи с падением атеистического общества и усилением интереса к религии, слова, которые когда-то ушли в периферию, стали историзмами и архаизмами, обрели “новое дыхание”. Однако для современного поколения эти слова зачастую выступают агнонимом, достаточно тяжело воспринимается как специальная литература по религии, также художественные произведения, написанные в XIX веке, которые изобилуют арабизмами, зачастую религиозного характера. При попытке анализа подобных лексем возникает еще больше вопросов: в словарях они в одном случае помечены как религиозное слово, в других – как мифологическое.

Для разграничения мифологической и религиозной лексики мы попытались провести сравнительный анализ «спорных» слов в разных лексикографических источниках башкирского языка, обратились к толкованию подобных слов в словарях родственных языков: татарского, узбекского и т.д.

В башкирском языкознании мифологическая лексика изучена достаточно хорошо: имеется ряд работ по демонологии и обрядам венгерского тюрколога Йожефа Тормы [Торма, 2005], Ф.Г. Хисамитдиновой издан мифологический словарь башкирского языка [Хисамитдинова, 2010; Хисамитдинова, 2014], произведена классификация башкирских мифонимов [Валиева, 2014], в работе Г.Х. Бухаровой о мифологическом мышлении как основы моделирования картины мира народный эпос “Урал батыр” рассматривается как произведение мифологического характера [Бухарова, 2013] и т.д. Что же касается религиозной лексики, то она тоже эпизодически анализируется в научных статьях [Халикова, Абдуллина,

2010], диссертациях [Батыршина, 2008], имеется словарь-справочник по исламской религии [Магадеев, 2010]. Отражение ислама в башкирской мифологии рассматривает Ф.Г. Хисамитдинова [Хисамитдинова, 2010]. Тем не менее, в качестве отдельного исследования религиозная лексика в башкирском языкознании не стала объектом специального монографического исследования.

Для сбора фактического материала мы обратились к различным словарям башкирского языка. Первый из них – I-V тома Академического словаря башкирского языка [АСБЯ, 2011, 2012, 2013, 2014]. Обращение к данному словарю не случайно. Это первый в истории башкирской лексикографии толково-переводной словарь, рассчитанный на широкий круг читателей. Второй источник – Мифологический словарь башкирского языка [Хисамитдинова, 2010], третий – Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения [Экба, 2004]. Собранный материал показывает, что в разных словарях одна и та же лексема приводится с разной пометой: *дәжжәл* в Мифологическом словаре – □ дух-искуситель, антихрист □ [Хисамитдинова, 2010, с. 85], в АСБЯ дается с пометой “миф.” [АСБЯ, 2012, с.467], в Словаре слов арабского и персидского происхождения – “религ.” [Экба, 2004, с. 62], лексема *дога* □ молитва □ в Мифологическом словаре дается как мифоним [Хисамитдинова, 2010, с. 84], в остальных словарях – как религиозное слово [АСБЯ, 2012, с.409; Экба, 2004, с.61].

Представление одних и тех же лексем в разных словарях с разными словарными пометками, или же отсутствие пометки “религ.”, в первую очередь, связано с отсутствием единого мнения по разграничению мифологической и религиозной лексики в башкирском языке. Слово *йәннәт* □ рай □ в Академическом словаре башкирского языка рассматривается с пометкой “миф.” [АСБЯ, 2012, с.299], но в то же время лексема *йәннәт кош* □ райская птица □ помечена как “религ.” [АСБЯ, 2012, с.300]. То же самое наблюдается в отношении диаметрально противоположного значения этой лексемы – *йәһәннәм* □ ад □ : в Академическом словаре сама лексема дается с пометой “миф.” [АСБЯ, 2012, с.326]., а *йәһәннәм газаб* □ адские мучения □ с пометой “религ.” [АСБЯ, 2012, с. 326]. В Словаре слов арабского и персидского происхождения *йәннәт* □ рай □ дается без помет, а *йәһәннәм* □ ад □ – с пометой “религ”.

Этот факт, возможно, объясняется и неразработанностью понятия “религиозная лексика” в башкирском языке. Понятие “религиозная лексика” многосторонне изучена полонистами, русистами, а в тюркологии данная проблема остается одной из нерешенных. В русистике религионимы изучены с когнитивной, этимологической, лингво-культурологической точки зрения, поднимался вопрос о церковно-религиозном и проповедническом стилях. Проводятся границы между церковной, библейской и религиозной лексикой [Якимов, 2013]. В тюркологии имеются: монографическое исследование о функционировании религиозной лексики в кабардино-черкесском языке [Хужева, 2002], диссертационные работы по тематической классификации религиозной лексики, устойчивых оборотов, содержащих религиозную лексику кумыкского языка [Яхьяева, 2010], выявлен и систематизирован религиозный пласт лексики в чеченском языке [Курбанов, 2007], в рамках статьи рассмотрена глагольная лексика как средство выражения религиозных понятий в современном татарском литературном языке [Саттарова, 2014] и т.д. А в башкирском языкознании, как нами было отмечено чуть выше, специальных исследований нет, соответственно, нет и конкретного определения термина “религиозная лексика”.

Что небезынтересно, в словарях башкирского языка имеются лексем, где отсутствует какая-либо словарная пометка, но которые явно относятся к религиозной лексике: *абыстай* □ супруга служителя культа, муллы, религиозно грамотная женщина □, *ғибәҙәт* □ молитва,

поклонение. В АСБЯ дается толкование 6 значений лексемы *йән* «душа», в Словаре слов арабского и персидского происхождения 5 значений, но религиозное толкование отсутствует. В татарском языке первое значение толкуется с религиозной точки зрения.

На наш взгляд, к религиозной лексике относятся все лексемы, имеющие религиозную семантику: наименования религиозных праздников, таинств, обрядов, чинов и регалии духовенства, все имена Бога, специальные сооружения, соответствующая одежда. Это язык проповеди, язык верующего. К мифологической же лексике целесообразно отнести слова, в которых отражается вера народа в «чудо», встречающиеся в вымыслах, легендах и преданиях, сказках и не зафиксированные в религиозных текстах: *аждаһа* «дракон», *шүрәле* «леший», *һыу инәһе* «русалка» и т.д.

Зачастую в словарях дается узкое толкование мифологического и религиозного значения слова, дефиниции носят неточный характер. Например, толкование религиозной лексемы *иман* «вера» в башкирской части в АСБЯ преподносится как «ислам диненә булған ышаныс» досл.перевод «*верование в исламскую религию*», в русской же части дается перевод как «вера в бога, верование, исповедывание» [АСБЯ, 2012, с. 713]. Ознакомившись лишь с башкирским вариантом дефиниции, можно прийти к ложному выводу, что эта лексема употребляется только в мусульманстве. А ведь для обозначения понятия «вера» относительно других конфессий в башкирском языке иной лексемы, кроме «иман», не существует. Для сравнения обратимся к переводу Нового Завета на башкирский язык: *Иман* – ул өмөтләнен кәткәндәрзең тормошка ашыуына ышаныс һәм күренмәгән нәмәләрзең барлығын раслау [Инжил, с.512]. В Библии имеет место схожая дефиниция: «*Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*» [Библия, с.1079].

В результате исследования мы пришли к такому выводу: нет возможности провести четкую грань между понятиями «религиозная лексика» и «мифологическая лексика», ибо они тесно переплетаются; тем не менее, можно внести некоторые коррективы в области словарных пометок и толкований, дополнить религиозными лексемами, относящимися к другим конфессиям, Академический словарь башкирского языка. Мы солидарны с мнением Ф.Г. Хисамитдиновой, что мифологическая лексика как лексическая группа не имеет четких границ [Хисамитдинова, 2010, с.3], это утверждение применимо и по отношению к религиозной лексике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академический словарь башкирского языка: в 10 т./ Под ред. Ф.Г.Хисамитдиновой. – Уфа: Издательство «Китап». – 2011-2016 гг.
2. Батыршина Г.Р. Терминология родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ): Автореф. дис. ... канд.филол.н. – М., 2008. – 24 с.
3. Библия. Синодальный перевод. – Донецк: ОБФ «Восточно-европейская миссия», 2012. – 1134 с., табл.
4. Бухарова Г.Х. Этиологизм, метафоризм и символизм мифологического мышления как основа моделирования мифопоэтической картины мира (на материале башкирского мифологического эпоса) // Вопросы когнитивной лингвистики. – ООО Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, №2 (35), 2013. – С. 86-100.
5. Валиева М.Р. Булгарские мифонимы башкирского языка // Вестник Челябинского государственного университета, № 10(339). 2014. С. 37-41.
6. Инжил башкорт телендә (Новый Завет на башкирском языке).– М.: Институт перевода Библии, 2014. 591 с.
7. Курбанов Х.Т. Религиозная лексика в чеченском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук М., 2007. С.9-13.

8. Магадеев Д.Д. Исламская религия: словарь-справочник (на башкирском языке). – Уфа: Китап, 2010. – 172 с.
9. Мифтахов З. Толковый словарь татарского языка. <http://tatarca-text.narod.ru> (дата обращения: 13.10.2016)
10. Сагтарова М. Р. Глагольная лексика как средство выражения религиозных понятий в современном татарском литературном языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – №8. – С. 294-302.
11. Торма Й. Статьи по тюркской этнографии и башкироведению. Уфа, 2005. 128 с.
12. Халикова А., Абдуллина Г.Р. Религиозные лексемы в народных обычаях // Филологическое образование: история, современность, перспективы: Матер. Межд. науч.-практ. конф. – Стерлитамак, 2010. – С.16-19.
13. Хисамитдинова Ф.Г. Ислам в башкирской мифологии // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе. – Research Centre for Islamic History, Art and Culture, 2010. – С. 191-198.
14. Хисамитдинова Ф.Г. С.Ф.Миржанова и мифологическая лексика северо-западного диалекта башкирского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. – ФГБУН ИИЯиЛ УНЦ РАН, 2014. –С. 222-229.
15. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 452 с.
16. Хужева Л.К. Религиозная лексика в кабардино-черкесском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук – Нальчик, 2002. – 20 с.
17. Эмба З.Н. Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения. – Уфа: Китап, 2004. – 208 с.
18. Якимов П.А. Религиозная лексика-церковная лексика-библейская лексика: к вопросу о соотношении понятий // Вестник ОГУ, №9 (158), 2013. – С.66-68.
19. Яхъяева З.Б. Функционально-семантическое поле религиозной лексики кумыкского языка // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2010. – №4. – С. 91-95.

RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL VOCABULARY IN THE BASHKIR LANGUAGE: TO THE QUESTION OF DIFFERENTIATION

*Zubarzhat Khafizova R.,
graduate students
Bashkir state University
E-mail: izu1976@yandex.ru*

*Abdullina Gulfira, R.,
doctor of philological science, Professor
Bashkir state University,
E-mail: abguri@yandex.ru*

The article considers the problem of defining the boundaries between mythological and religious concepts; analyzes the similarities and differences mironkov and religionlaw. Scientific novelty is determined by the fact that an attempt is made to clarify the semantic field of «religious language» in the Bashkir language.

Key words: religious vocabulary, mythological vocabulary, mythonism, religionism, dictionary, marker.

АНТОНИМИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ В ЛЕКСИКЕ

Евсеева Алена Алексеевна

ассистент

факультет иностранных языков

кафедра восточных языков

Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Москва

E-mail: misses.dalloway@mail.ru

Статья посвящена антонимии в турецком языке. В статье рассмотрены понятия антонимии и проанализированы классификации антонимии в данном языке. Основное внимание уделено нюансам, отличающим антонимию турецкого и русского языков.

Ключевые слова: антонимия, комплектарная противоположность, векторная антонимия, контрарная противоположность, лексические антонимы.

Слово «антоним» произошло от латинских «anti» – противоположный и «онута» – имя и в языкознании используется как единый термин. В лексике особенность слов выражать противоположные друг другу значения квалифицируется как наиболее яркая и интересная их сторона. Однако антонимия никак не может быть отнесена ко всем языковым единицам. В лексикологии антонимы, как и лексические синонимы, обычно относятся к одной и той же части речи и выявляются на основании полной противоположности выражаемого ими значения. Антонимы в отличие от омонимов и многозначных слов различаются по написанию и звучанию и являются средствами выражения совершенно противоположных значений. Например, **правда – ложь, добрый – злой, говорить – молчать** и тд. [Голубь, 2007, с.33-34]. При сопоставлении антонимов подразумевается противоположный признак общего значения какого – либо признака, качества, действия.

Следует отметить, что отечественные, европейские лингвисты, так и тюркологи активно занимаются исследованием проблем антонимии, пытаясь разработать общую методологическую базу для изучения актуальных вопросов антонимии. К сожалению, в турецком языкознании отсутствует единое мнение по вопросу определения понятия антонимии, ее классификации и функционировании. Этим объясняется отсутствие специальных словарей и научных исследований по данной проблематике. В самых известных научных источниках по грамматике турецкого языка, об антонимии говорится достаточно поверхностно, например лингвист Туфан Демир дает следующее определение антонимам: «это, слова которые определяют противоположные друг другу значения предметов, определения предметов, действий, например, **inmek (спускаться) – çıkmak (подниматься), sabah (утро) – akşam (вечер), iyi (хороший) – kötü (плохой)** [Demir, 2006, с.436].

Тахир Нежат Генджан в свою очередь дает следующее определение: «антонимы – это слова, имеющие противоположные значения к каким-либо особенностям предмета, положениям, понятиям, фактам и действиям». Например, **çalışkan (трудолюбивый) – tembel (ленивый), akıllı (умный) – deli (глупый), hayla (пакостник, непоседа) – uslu (послушный)** [Tahir Nejat, 2001, с.552].

Лексические антонимы встречаются во всех знаменательных частях речи. Однако следует отметить, что антонимы проявляются более ярко в прилагательных, наречиях, глаголах, например: **güzel – çirkin** (красивый – страшный); **gelmek – gitmek** (приходить

– уходить); **uzaklık – yakınlık** (отдаленность – близость); **akıllı – deli** (умный – глупый); **sevmek – nefret etmek** (любить – ненавидеть).

Но также существуют антонимы, которые не вступают в антонимические отношения. Так не имеют антонимов имена с конкретным значением имена собственные, числительные, большая часть местоимений, например: **masa (стол), duvar (стена), takvim (календарь), beş (пять), su (вода), aramak (искать)**. В антонимические связи вступают слова, которые соотносительны между собой по логической связи, общности семантики и грамматическому значению.

А.А. Реформатский, выделяет следующие виды противоположности: контрарную, комплементарную и векторную.

Контрарная противоположность выражается понятиями, между которыми есть средний, промежуточный член, то есть она может градуироваться по степени проявления того или иного признака, свойства, качества предмета или явления. Например: **жарко – тепло – холодно**. Вид этой противоположности не характерен для турецкого языка [Реформатский, 2001, с.102-103].

Комплементарную – противоположность образуют понятия, являющиеся предельными по своему характеру, между которыми невозможно существование среднего члена, например: **doğru – yanlış** (верно – не верно); **evli – bekar** (замужняя, женатый – холостой); **tatlı – acı** (сладкий – горький); **yumuşak – katı** (мягкий – твердый); **varlık – yokluk** (богатство – бедность) [Там же. С.102-103].

Векторные антонимы обозначают разнонаправленные действия, движения или признаки, например: **çıkma – inme** (подниматься – спускаться); **getirmek – götürmek** (приносить – относить); **büyütmek – küçültmek** (увеличивать – уменьшать); **küsmek – barışmak** (ссориться – мириться); **kalkmak – yatmak** (стоять – лежать) [Там же. С.102-103].

Турецкие лингвисты не рассматривали турецкую антонимию тщательно, для них вообще при ее исследовании не было никаких проблем. Они пытались только уделить большое внимание отрицанию и многозначности в турецком языке, которые составляли проблему исследования для тюркологов.

Явление антонимии тесно связано с многозначностью слова. Каждое из значений слова может иметь свои антонимы, например в данных примерах слову **iyi** антонимом является слово **kötü**, например: **iyi adam – kötü adam** (прекрасный человек – нехороший человек), **iyi haber – kötü haber** (замечательная новость – дурная новость), **iyi söz – kötü söz** (хорошее слово – нехорошее слово). Но также у слова **iyi** есть многозначное значение, т.е. в этом случае антонимом слову **iyi** не будет являться слово **kötü**, а на его месте понесет другое значение слово **az**, например: **Bu yıl iyi yağmur yağdı – bu yıl az yağmur yağdı** (В этом году было много дождя – в этом году было мало дождя), **Bu işten iyi para kazanmış – Bu işten az para kazanmış** (Он заработал много денег на этой работе – он заработал мало денег на этой работе) [Demir, 2006, с.579].

По структурному типу антонимы турецкого языка бывают только разнокоренные, например: **ucuz – pahalı** (дорогой – дешевый), **büyük – küçük** (большой – маленький), **uzun – kısa** (высокий – низкий) [Гениш, 2015, с.70].

Слова в турецком языке могут быть образованы с помощью заимствованных аффиксов из европейских, арабского, персидского языков, а также с помощью аффиксов турецкого языка, но в турецком языке эти слова не считаются антонимами, например:

– образование слов с помощью отрицательной частицей в глаголах **-ma, -me – ne**, например: **oturmak – oturmamak** (сидеть – не сидеть) [Гениш, 2015, с.70].

– образование слов отрицательной частицей в именных частях речи **-sız (-siz, -suz, -süz) –**

без, например: **acı – acısız** (боль – безболезненный).

– образование слов положительная частица **-lı** (**-li, lu, -lü**) – **с**, которая с отрицательной частицей **-siz** составляет противоположность, не являются антонимами, а несут просто отрицательное значение в словах, примеры: **hareketli – hareketsiz** (подвижный – неподвижный) [Demir, 2006, с.579].

Редко, но бывают исключения, когда именные части речи на конце с аффиксом **-siz-** не содержат в противопоставление слову с аффиксом **-lı-**, например: слово **evli** в турецком языке имеет значение **женатый, замужняя**, в то время как слово **evsiz** обозначает **бездомный**. А антонимом к слову **evli** является слово **bekâr** (холостой).

- образование слов с аффиксами европейских языков **a, de, anti**, например: **normal – anormal** (нормальный – ненормальный); **moda – demoda** (модный – не модный, старинный).

- образование слов с помощью арабское слова – отрицание **gayri**, например: **memnun – gayri memnun** (довольный – недовольный)

- образование слов с помощью с помощью персидского аффикса **na**, например: **mağlup – pamağlup** (побеждённый - непобежденный).

Антонимами не являются служебные слова, выражающие пространственные отношения, если они употребляются в виде парных слов, например: **Bundan aşağı yukarı** (вверх-вниз) **üç ay önceydi.** – Это произошло примерно 3 месяца назад [Там же С.580].

Для русского языка характерны антонимы с приставкой **НЕ**, что для турецкого языка не свойственно, например: **счастье – несчастье; везение – невезение; воля – неволя.**

При переводе с турецкого языка на русский язык, встречаются проблемы такого характера: в русском языке существуют слова начинающиеся на приставку (**-небез, -небес**), которая передает значение умеренной, но достаточно значительной степени качества, например: небезопасный, бесполезный, безразличный. Проблема состоит в том, что в турецком языке не может стоять рядом 2 отрицательные частицы. А если переводить дословно, то смысл теряется, например: возьмем слово **небезызвестный (очень известный)**, в турецком языке, это будет звучать вот так **ünlü, meşhur**, но никак не **ünsüz değil** (не неизвестный).

Такие слова, как: **hanım – bey** (госпожа – господин); **kedî – köpek** (кошка – собака); **erkek – kız** (мальчик – девочка), - в исследованиях некоторых турецких лингвистов, в учебной литературе и в словарях, за исключением работ ученых Турецкого общества лингвистов (ТДК), считаются антонимами.

Таким образом, как и в турецком, так и в русском языке антонимы, относятся к одной части речи и выражают противоположные значения. Не смотря на то, всем языкам свойственны антонимы, но не везде так тщательно их исследуют, например, в турецком языке во многих крупных изданиях по турецкой грамматике, об антонимии говорится крайне поверхностно, т.е. турецкие лингвисты основное внимание уделяют отрицанию и многозначности турецкого языка. Великие русские лингвисты выделяют такие виды противоположностей: контрарную, комплементарную и векторную, в турецком языке выделяются только 2 – комплементарная и векторная. В турецкой антонимии не выявлены однокоренные антонимы, а в русском языке они есть. И следуя, из этого турецкие антонимы не могут образовываться с помощью суффиксов **-lı, -siz (-с, - без)**. Также в отличие от русского языка, в турецком языке в число антонимов входят такие слова, как: **женщина – мужчина, собака – кошка, мальчик – девочка**. Такие слова, которые начинаются с заимствованных приставок из европейских языков **a, de, anti**, арабское слово – отрицание **gayri**, и персидский аффикс **-na** также не входят в состав антонимов турецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гениш Э. Грамматика турецкого языка. В 2-х частях. Ч. 1 Фонетика, морфология, этимология, семантика, синтаксис, орфография, знаки препинания. – М.: Ленанд, 2015. – 232 с.
2. Голубь И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 448 с.
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект пресс, 2001. – 536 с.
4. Gencan Tahir Nejat. Dilbilgisi. – Ankara: Ayraç, 2001. – 639 s.
5. Demir Tufan. Türkçe Dilbilgisi. – 2 bsk. – Ankara: Kurmay, 2006. – 704 s.

**ANTONYMY IN TURKISH LANGUAGE:
SEMANTICAL ANALYSIS OF CONTRAST IN VOCABULARY**

Yevseyeva A.A.

*The assistant of Turkish Language
Moscow State University of
Humanities and Economics
E-mail: misses.dalloway@mail.ru*

Abstract: The article presents antonymy in Turkish language. It considers the notions of antonymy and analyses classifications in the language. The main focus is landed on nuances, differentiating antonymy of Turkish and Russian languages.

Key words: antonymy, complementary contrast, vector antonymy, contrary contrast, vocabulary antonymy.

**РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С ФРАНЦУЗСКИМ
(на материале дипломатических документов)**

Тарзуманова Иннара Фаиковна

доктор философии по филологии, доцент

факультет филологии и методики преподавания иностранных языков

кафедра романской филологии

Бакинский Славянский Университет, Баку

E-mail: innaratarzumanova@gmail.com

В данной статье рассматривается формирование дипломатических терминов в азербайджанском и французском языках с помощью лексико-семантического, морфологического, синтаксического способов словообразования, а также метода кальки. Большое количество дипломатических терминов в двух языках были сформированы с помощью этих методов. Необходимо отметить, что если во французском языке словообразование осуществляется с помощью суффиксов и префиксов, то в азербайджанском языке - аффиксов. Метод кальки является наиболее продуктивным и оптимальным способом увеличения дипломатических терминов в современном азербайджанском языке. В последние два десятилетия большая часть языковых единиц, в дипломатической терминологии азербайджанского языка образована при помощи кальки с русского языка.

Ключевые слова: термин, метод калькирования, морфологический, синтаксический, семантический способ, суффиксальное словообразование, аббревиация.

В современной дипломатической терминологии происходит процесс непрерывного ее обновления и обогащения, т.к. развитие общества и появление новых понятий способствует образованию лексических единиц.

Излагая свое отношение к различным видам терминов, А.А. Реформатский отмечал, что они могут быть словами своего языка и иноязычными, международными словами, а также искусственно созданными словами. Большое значение он придавал терминологическому словообразованию, где выделял: а) образование самих терминов, б) образование производных от терминов. [13. С. 165]

Нередко высказывается мнение, что терминологическое словообразование в целом повторяет словообразование, присущее словам общей лексики. Так, В.П. Даниленко отмечает, что в лексике существуют: семантический, синтаксический, морфологический способы образования терминов. [11.С. 89-90]

Одним из наиболее основательных таких словообразований мы считаем лексико-семантический метод терминообразования. Он, наряду с семантической эволюцией и заимствованием слов из других языков, является главным средством появления новых слов путем словообразования. Необходимо отметить, что дипломатические термины, образованные путем семантического словообразования, попадая в новое окружение, приобретают новые значения, отличные от прежних. Таким образом, этот процесс и служит для образования дипломатических терминов. Данное явление прослеживается в образовании терминов, как за счет внутренних возможностей языка, так и заимствований. Например, в азербайджанском языке слова «*danişıq*», «*yazışma*», «*barışiq*», «*dönüş*», «*elçi*», «*pozma*», «*kəsilmə*» и другие слова, образуя различные словосочетания, приобретают новые значения и пополняют словарный фонд дипломатических терминов. Исходя из примеров, большинство обще-

употребляемых слов, самостоятельно или в составе словосочетаний, выполняют эту задачу, а их общий смысл в составе словосочетаний конкретизируется.

В процессе терминотворчества дипломатической лексики общеупотребительные лексические единицы в составе того или иного словосочетания, попав в новые условия, приобретают отличный от прежней семантики смысл. Этот процесс чаще всего наблюдается как при заимствовании, так и в отдельных словах, носящих интернациональный характер. Например: в азербайджанском языке слова *yazışma, danışiq, barışiq, səfir, dönüş, kəsilmə, pozma* выступают в функции таких дипломатических терминов-словосочетаний, как: *uğursuz danışiq sülh haqqında danışiq, ikitərəfli danışiq, beynəlxalq danışiq, işgüzar danışıqlar, sülh danışıqları, diplomatik yazışma, rəsmi yazışma, müvvəqəti barışiq, ümumi barışiq, barışığın şərtləri, siyasətdə dönüş, qarşılıqlı anlaşmaya doğru dönüş, elçinin ezam olunması, elçinin səlayətləri, səlayətli elçi, müqaviləni pozmaq, konvensiyanı pozmaq, beynəlxalq hüququ pozmaq, diplomatik münasibətlərin kəsilməsi, konsul münasibətlərin kəsilməsi* и другие.

Вышеприведённые слова, употребляемые отдельно или в составе словосочетаний, получают новое содержание и служат для наименования тех или иных дипломатических понятий. При этом внутреннее значение этих слов конкретизируется. «Когда слово приобретает дополнительное терминологическое содержание, оно специализируется, и значение его сужается» [12. С.69].

Главная суть семантического способа терминотворчества состоит именно в том, что «языковые единицы, имеющие одинаковую звуковую оболочку, выражая различные значения, служат обогащению словарного состава языка того или иного языка» [2. С.147]. Этот процесс наблюдается и во французском языке, в котором некоторая часть общеупотребительных лексических единиц подвергается лексико-семантическим изменениям и широко используется в дипломатической терминологии, способствуя выражению определенного понятия. Например, во французском языке слова *l'atmosphère, l'arène, le coup, le rendez-vous, acte, envoyé, la valise* и другие, образуя различные словосочетания, приобретают новые значения и выступают в роли дипломатических терминов. Например: *L'atmosphère internationale, l'atmosphère de coopération, l'atmosphère de confiance, le climat international, le rendez-vous officiel, la valise diplomatique, la valise consulaire, l'envoyé extraordinaire et plénipotentiaire* и др.

В азербайджанском языке при образовании дипломатической терминологии лексико-семантическим способом часто наблюдается явление, при котором, устаревший термин вновь употребляется в языке, выражая определенное дипломатическое понятие. Например, слово «*dilmanc*», перешедшее в фонд устаревшей лексики, в последнее время приобрело статус дипломатического термина. Такой переходный этап можно выделить также в слове «*elçi*»; будучи одним из формантов обрядового лексикона, данная лексическая единица в дипломатической терминологии отныне обрела своё новое назначение. Данный переход лексических единиц в тот или иной терминологический слой, оценивается как положительное явление и считается важным фактором обогащения дипломатической терминологии.

Известно, что слово одновременно является лексической, грамматической и фонетической единицей. Уже на уровне лексики во многих языках мира проявляются определенные грамматические категории слов, позволяющие рассматривать их как лексико-грамматические классы. В отличие от семантического способа словообразования, при морфологическом способе возникают новые по форме и содержанию терминологические единицы. Это становится возможным благодаря различным словообразовательным морфемам, имеющим прямое и непосредственное отношение к конкретным языкам. Эти словообразовательные морфемы, присоединяясь к различным общеупотребительным словам или терминам, становятся производящей базой для новых терминологических единиц. Такой

процесс, играет особую роль в обогащении дипломатической терминологии языка, потому что основывается на специфических словообразовательных особенностях каждого из сопоставляемых языков. Но реализация данного процесса проходит по-разному: во французском языке существенную роль играют суффиксы и префиксы, а в азербайджанском он осуществляется в соответствии с типологической структурой данного языка, точнее, с помощью аффиксов. Хотя встречаются случаи терминотворчества с помощью некоторых заимствованных префиксов. Морфологический способ дипломатического терминотворческого процесса также имеет ряд общих особенностей. В обоих языках дипломатические термины вполне могут выражаться разными частями речи, но наивысшей способностью участвовать в терминологической номинации обладают имена существительные. Терминами могут быть также имена прилагательные, глаголы, наречия в составе специального текста и те формы, в которых термины могут быть включены в словарь. Как правило, любая «терминологическая» часть речи может транспонироваться в имя существительное, номинативность которого максимальна.

Продуктивность суффиксов, образующих дипломатические термины, выступающих в роли существительных современного французского языка указала на наиболее употребляемые: -isme; -ation / -tion, -iste; -ité; -été; -té; -age; -at; -ard; -ement; -atrice; -cide; -ence; -ie; -ure; -cité и т. д. Например: *colonialisme n.m., existensialisme n.m., expansioniste n., extrémiste n., réception n.f., génocide n.m., excellence n.f., suspension d'armes n.f., terreur n.f., théorie n.f., satisfaction n.f., sainteté n.f., sanction n.f., séparation n.f., signature, autonomie n.f., autocratie n.f., authenticité n.f., coalition* и т. д. А в азербайджанском языке в процессе образования дипломатических терминов морфологическим способом активную роль играют морфемы национального происхождения. Это, в частности аффиксы: - lıq, - ma// - maq, - ı, - ıq и др., а также окончания: - namə, - gah, - ızın, перешедшие в азербайджанский язык из других языков. Эти суффиксы, присоединяясь как к исконно азербайджанским так и к заимствованным словам, играют важную роль в обогащении дипломатической лексики азербайджанского языка. Например: *fəallıq, asılılıq, səfirlıq, konsullıq, paraflama, yazışma, tanınma, ləğv etmə, akkreditə olunma, çevriliş, dönüş, yürüş, düzəliş, lobbiçi, müşahidəçi, elçi, vasitəçi, çevik, danışıq, etimadnamə, bəyannamə, qətnamə, militarizm, demarkasiya, denonsasiya, demarş* и др.

Что же касается вопроса продуктивности словообразования в классе имен прилагательных, в трудах как зарубежных специалистов так и азербайджанских лексикологов на этот счёт нет единого мнения. Одни исследователи отмечают ограниченность словообразовательных средств и связанную с этим немногочисленность прилагательных, другие полагают, что деривация является активным средством пополнения словарного фонда теми лексемами, которые выражают признак предмета. Однако, о многих исследовательских трудах по языкознанию, анализ терминологических единиц показывает, что в образовании различных понятий, наряду с именем существительным, широко используется и глагол. В таком случае становится ясным, что в определении большинства дипломатических понятий можно использовать не только имя существительное, но и глагол или отглагольное существительное. Причём, понятия могут также образовываться от инфинитивной формы глагола. Такой принцип образования, наблюдается не только в дипломатической терминологии. Продуктивными суффиксами являются следующие: - er; -ir; - ıser; -re; -onner; -iner; -iller; -ifier; -eter; -eler; -oter; -eiller; -asser; -oyer; -ocher.

Что же касается префиксов, то в отличие от суффиксов, в процессе создания нового слова, эти элементы примыкают к основной части речи, в то время как суффиксы в целом отличаются большей функциональной валентностью. Наиболее продуктивными глаголообразующими префиксами в классе дипломатических терминов являются: *dé-, re-, des-, inter-* и *post-*. Кроме того, связь префикса с основным словом представляется более независи-

мой и самостоятельной. Например: *dépolitisation n.f.*; *antimilitarisme n.m.*; *colonialisme n.m.*; *superpuissance n.f.*; *préhistoire n.f.*; *coprésident n.m.*; *hypertension n.f.*, *dépolitiser*; *décoloniser*; *remilitariser*; *démobiliser* и т.д.

В целом сравнение продуктивности префиксального словообразования в классе имен существительных, прилагательных и глаголов с суффиксальным словообразованием говорит о том, что первое в данном случае уступает второму.

В обогащении терминологической системы разных отраслей во многих языках особую роль играет синтаксический способ терминотворчества. С помощью него в основном формируются термины сложной структуры в виде словосочетаний; в настоящее время они носят более широкий и системный характер. Будучи одним из древних видов словотворчества, синтаксический способ содействовал дальнейшему успешному развитию лексики современного азербайджанского литературного языка [4. С. 4].

На современном этапе развития языков выражение многих понятий с помощью терминов, сформированных в виде словосочетаний, наблюдается чаще. Причём, речь может здесь идти не только о дипломатической отрасли. Именно по этой причине в последнее время в разных терминологических отраслях азербайджанского языка, в том числе и дипломатической, явно преобладают многокомпонентные термины. Примечательно, что данный факт чётче проявляет себя именно на материале азербайджанского языка, потому что в нём функциональная активность дипломатической лексики с годами развивается интенсивнее, тогда как во французском языке он протекает в более стабильной форме, собственно говоря, как и раньше.

В образовании названных видов дипломатических терминов, в данном случае выступающих в качестве сложных образований, участвуют как минимум два значимых компонента: формально-синтаксический и внутренне-семантический. Перекрывая друг друга, они, в сущности, выражают одно и то же понятие и при этом активно содействуют расширению возможностей выражения и объема его значения.

Это означает, что термины, выступающие в речи в форме словосочетаний, носят сложный и многофункциональный характер. Поэтому возникает необходимость в некотором увеличении количества многокомпонентных языковых единиц в различных терминологических отраслях, в том числе и дипломатической терминологии.

А это связано с тем, что «язык, являющийся одним из необходимых факторов и условием передачи понятий национальной жизни, формируется, как национальный язык внутри того же процесса и с этой точки зрения, выступает и как причина национального развития, и как его результат [1. С.31].

Образование дипломатических терминов синтаксическим способом находит своё ясное отражение, как во французском, так и в азербайджанском языках. Это явление можно наблюдать и в процессе формирования терминов-словосочетаний на основе разных частей речи.

При всём отмеченном совершенно очевидно, что в сопоставляемых языках функцию ядерного слова равнозначно берут на себя именные и глагольные слова. С этой точки зрения указанные терминологические формы целесообразнее исследовать на основе языковых факторов. Некоторая часть дипломатических терминов словосочетаний в азербайджанском и французском языках формируется на основе именных частей речи. Здесь в функции «ядра» выступают слова с номинативным содержанием. Естественно к ведущим ядерным словам могут подключаться и слова-глаголы другого характера. Но в большинстве случаев в процессе формирования словосочетаний такого типа исключительно имена играют ведущую роль, а другие средства присоединяются к ним.

Термин-словосочетание в дипломатической терминологии современного французско-

го языка может состоять из компонентов, которые образуются на основе а) существительных: *le secrétaire de presse, le système des garanties, la lettre de créance, la cloture de la session, le vice-consulat, la residence du président* и т.д.; б) прилагательных и существительных: *l'union européenne, la version officille, le transit international, l'assamblée générale, l'agression étrangère* и т. д. в) существительных и глаголов: *enlever le boycottage, délivrer un certificat, soutenir la coalition, exécuter sa mission* и т. д.

С этой точки зрения дипломатические термины-словосочетания азербайджанского языка можно разделить на следующие группы:

1. Оба компонента состоят из существительных: *hərbi avantürə, sərhədlərin təhükəsizliyi, xarici işlərin idarə edilməsi, qonaq vizası* и т.д.

Компоненты такого типа терминов-словосочетаний могут проявить себя в виде единиц национального языка, а также в форме заимствований или же единиц из смешанных компонентов (заимствований и единиц национального языка). Например; виза, консул, брифинг и др. В составе терминов-словосочетаний, образованных с помощью терминов того же типа, эти заимствованные слова используются без изменений. Тому есть простое объяснение: в азербайджанском языке они не имеют эквивалентов.

2. Дипломатические термины-словосочетания, состоящие из прилагательных и существительных, также отличаются некоторыми количественными показателями. При этом общее значение компонента, входящего в данное словосочетание, определяется и конкретизируется первым компонентом и тем самым дипломатические понятия сложного уровня фактически находят свое выражение в единицах этого типа.

Например: *xoşməramlı səfər, müvəqqəti viza, işgüzar səfər, qeyri-rəsmi səfər, səmimi görüş, sülhsevər dövlət, ikili vətəndaşlıq, ikitərəfli dialoq, siyasi emiqrant, bakterioloji müharibə* и т.д.

3. Среди дипломатических терминов-словосочетаний также можно обнаружить структуру существительное + глагол. Глаголы, составляющие эти сочетания, употребляются в форме отглагольных существительных или инфинитива.

Дипломаты по роду своей деятельности тесно связаны с динамикой передвижения, вот почему термины некоторым образом также выражают движение. Потому и замечено, что среди дипломатических терминов немало выражений основных понятий с помощью сочетания глаголов движения с существительными. Например: *baykot elmək, blokadanı götürmək, blokadanı qırmaq, xarici vətəndaşın ölkədən məcburi çıxarılması, etibarnaməni təqdim etmək* и т.д.

Как следует из приведённых примеров, французские дипломатические термины и их эквиваленты в азербайджанском языке в основном образованы при помощи инфинитива. В азербайджанском языке наиболее характерными оказались формы глаголов «*etmək*» и «*olmaq*». Термины такого типа объясняют тот или иной дипломатический процесс, сохраняя при этом свою прежнюю семантику. Являясь единицами лексического фонда, они в той или иной ситуации сохраняют функции терминов.

Так, исследование дипломатических словарей, существующих в современном азербайджанском языке, дают основание говорить, что эта отрасль терминологии находится лишь на ранней стадии, на пути к стабилизации. Большинство терминов образовано путем калькирования с русского языка, и поэтому среди них очень редко можно встретить дипломатические термины, устоявшиеся как сложные языковые единицы. А если это так, то в целом ряде случаев в современном азербайджанском языке на нынешнем этапе крайне сложно удовлетворить всю потребность языка, не обращаясь к калькированию.

Есть немало объективных причин, объясняющих продуктивность метода калькирования. В первую очередь это стремительное и всестороннее развитие общества на рубеже XX-XXI веков. В период демократизации Азербайджанской республики дипломатическая

деятельность приобретает всё больший размах. Естественно предположить, что такие масштабные изменения и инновации, происходящие в общественной, научной, культурной и политической жизни общества, находят свое отражение в языке, и особенно в его терминологии. С этой точки зрения, дипломатические термины не являются исключением из этого числа. Поступательное развитие общества отмечается активностью терминологического слоя и всей языковой системы, так как под новообразования следовало подвести соответствующий лексикон. Калькирование, как весьма несложный и удобный путь пополнения дипломатической лексики терминами-словосочетаниями, оказалась наиболее продуктивным и оптимальным способом словообразования.

Поэтому большинство дипломатических терминов, собранных в дипломатических словарях, изданных в последнее время в нашей стране, составляют те слова, которые созданы методом калькирования, и в настоящее время этот процесс привлекает внимание своей масштабностью и прогрессивностью. Конечно же, по мере увеличения и развития возможностей национальных лексических единиц, метод кальки будет «угасать». В таком случае национальные лексические единицы приобретут ведущее положение в дипломатической терминологии.

Под влиянием русского языкознания, в Азербайджанском языкознании можно встретить утверждения о том, что калька является одним из видов заимствования. Но в большинстве случаев сторонники этих идей считают, что калька – особый вид заимствования или же те слова, которые получены посредством перевода.

В то же время некоторые другие учёные, не согласные с высказанной точкой зрения, считали, что калька - это формирование новых единиц в языке, когда слова калькируются «при помощи частичного или полного перевода лингвистические единицы с другого языка». Не случайно, еще в начале 50-х годов выдающийся тюрколог Н.А. Баскаков отметил кальку как один из путей обогащения тюркских языков за счет внутренних возможностей. «В тюркских языках обогащение за счет внутренних возможностей происходит при помощи кальки, расширения значения слова, сложных слов, сокращений» [7. С. 29]. Соглашаясь с мнением Н.А. Баскакова, считаем, что с логической и научной точек зрения калька, действительно, является одной из продуктивных форм словообразования, в которой изыскиваются и «приводятся в движения» внутренние возможности языка. И данный процесс протекает практически в любом языке, включая французский, азербайджанский и русский. Если то или иное понятие заимствуется из других языков (чаще всего из русского), форма его выражения реализуется на основе собственного материала и законов развития калькирующего языка. В последние два десятилетия большая часть языковых единиц, нашедших свое отражение в дипломатической терминологии азербайджанского языка, составляют заимствования или слова, калькированные из русского языка. Таким образом, можно утверждать, что кальки занимают одно из ведущих мест в создании дипломатических терминов. Приведём примеры: *Территориальные воды – daxili sular; союз четверки – dördlər ittifaqı; мирный договор – sülh paktı; контракт века – əsrin müqaviləsi; двойное гражданство – ikili vətəndaşlıq* и т. д.

В различных источниках по языкознанию отмечаются лексические, семантические и фразеологические виды калек. Лексические или семантические кальки считаются прямым переводом отдельных слов, а под синтаксическими кальками подразумевают выражение значений или понятий, представленных с помощью отдельных единиц калькирующего языка. Иными словами, при заимствовании понятия грамматический строй, и семантическая модель приобретают национальный характер, а внутренние грамматические законы калькирующего языка (в конкретном случае азербайджанского) играют решающую роль. Верно и предположение многих языковедов, что в некоторых случаях для правильной трактовки той

или иной мысли, наряду с понятием, калькируется также грамматическая модель и структура. Но такие факты немногочисленны, потому что языковые единицы, как правило, не соответствуют законам азербайджанского языка, но из-за долгого употребления вошли в него и беспрепятственно употребляются в устной и письменной речи.

Например: *danışır Bakı* – *govorım Bakı*; *göstərir Bakı* – *показывает Баку*; *ifa edir ... ansambli* – *выступает.....ансамбль*.

В современном языкознании рассматриваются два типа кальки: полные и частичные. Полные кальки - это такие слова, все части которых сходны с моделями калькируемого языка. Здесь обнаруживаются аналогии отдельных слов или словосочетаний, а также формируются дипломатические термины в соответствии с грамматическими законами калькирующего языка. Например: *круглый стол* – *dəyirmi masa*; *международная тактичность* – *beynəlxalq nəzakət*; *консилиум стран большой семерки* – *böyük yeddiilər müşavirəsi*; *государственный секретарь* – *dövlət kətibi*; *второй фронт* – *ikinci səbhə*; *свободный город* – *azad şəhər* и т.д.

Полукальки по сравнению с полными чаще используются в системе дипломатических терминов азербайджанского языка. В этом случае один из компонентов дипломатического термина-словосочетания калькируется, а другой элемент используется в форме и значении калькируемого языка.

Например: *Обмен нотами* – *notalar mübadiləsi*; *листок курьера* – *kuryer vərəqəsi*; *самый подходящий режим* – *ən əlverişli rejim*; *принцип справедливости* – *adətəlilik prinsipi*; *государственный иммунитет* – *dövlət immuniteti*; *морская блокада* – *dəniz blokadası* и др.

В обоих случаях при формировании дипломатических терминов и терминов-словосочетаний посредством этого метода в азербайджанском языке наблюдается соблюдение грамматических законов и структурных специфических свойств. Таким образом, иногда возникает противоречие, потому что в некоторых случаях только путем калькирования терминов-словосочетаний оказывается возможным восполнить те «белые пятна», которые обнаруживаются в современной дипломатической терминологии.

Аббревиация, как правило, занимает самый нижний ярус в иерархическом описании способов терминологического образования. Но распространенность и значимость ее в разных языках весьма велика. Аббревиация – это способ словообразования, объединяющий все типы сложносокращенных или сокращенных образований.

В современном азербайджанском и французском языках аббревиатуры играют огромную роль в процессе обогащения дипломатической терминологии. Необходимо отметить, что в дипломатической терминологии данных языков аббревиатуры встречаются значительно чаще, чем в других отраслевых терминологиях. Этот метод увеличения количества терминов резко отличается от других способов словообразования, потому что лексический слой языка, в данном случае, обогащается исключительно за счёт сокращений тех или иных слов. Поэтому современные лингвисты уделяют этому методу особое внимание.

Аббревиатурами в научной грамматике называются «сложные сокращения», и это указывает на тот факт, что новые слова в форме сложных сокращений, созданные синтаксическим способом, составляют их определённую часть.

На самом деле, аббревиатуры не приносят в язык лексические единицы с новыми значениями; употребляясь в сокращенном виде вместо существующих в языке готовых лексических штампов (сложные термины или термины-словосочетания), они упрощают их произношение, попутно создавая условия для более экономного употребления языковых единиц. Ввиду сложности представленной нами проблемы, возникают и различные теории. К примеру, современный языковед С. Садыгова принимает аббревиатуры как один из уникальных способов создания терминов, в то же время с некоторым сомнением относится

к ним как методу словообразования. «Метод аббревиатуры отличается от других методов образования терминов. Потому, что целью этого метода является не создание термина для выражения того или иного понятия, а подразумевается преобразование уже существующих терминов в удобную форму» [6. С.122].

Несмотря на то, что этот метод не является распространенным языковым явлением в создании новых лексических единиц в дипломатической терминологии, многие языковые единицы в форме аббревиатур, используемые в дипломатической терминологии, всё же предоставляют возможность говорить о структурно-семантических свойствах аббревиатур. Скрупулёзный анализ этих форм рождается из насущной необходимости сокращения, точнее, упрощения произношения и более частого употребления в азербайджанском языке сложных терминов-словосочетаний. Ведь потенциальной тенденцией любого языка всегда является стремление к упрощению, сокращению трудно произносимых названий, равно как и многокомпонентных синтаксических единиц.

Дипломатические аббревиатуры просты и доступны в произношении, поэтому продуктивны в речи самых широких слоёв населения.

В последние годы термины в виде аббревиатуры в азербайджанском языке интенсивно используются в дипломатии. С одной стороны, это связано с возникновением очень сложных по структуре дипломатических понятий, включая и некоторые термины-словосочетания, с другой, употребление их форм в сокращении способно существенно упростить процесс переговоров, официальной дипломатической переписки. Тем самым стимулируется сам процесс общения и получения информации. Использование аббревиатуры, таким образом, может принести скорые и, самое главное, эффективные результаты.

Неслучайно, что, принимая во внимание значимость аббревиатур, еще на I-ом Все-союзном Тюркологическом Съезде было предложено создавать термины в азербайджанском языке посредством этого метода.

Аббревиатуры, относящиеся к дипломатической терминологии современного азербайджанского языка, можно подразделить на две группы:

Аббревиатуры, носящие общеупотребительный характер и смысл которых ясен всем членам общества. Сокращения, которые все чаще встречаются в речи, со временем становятся понятными всем и начинают носить всенародный характер. Например: *АБИШ -EUA* (Америка Бирляшмиш Штатлары - Соединенные Штаты Америки); *NATO – OTAN* (Шимали Атлантика Щярби Блоку Тяшкилаты - Организация Североатлантического пакта); *ВМТ – ONU* (Бейнялхалг Миллятляр Тяшкилаты - Организация Объединенных Наций); *YUNESKO - ONUESC* (БМТ-нин Тяцсил, Елм вя Мядяниййят мясяляри цзря Тяшкилаты - Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры); *BENELUX* (Белчика, Нидерланд вя Лцксенбург Эюмрцк Иттифагы - таможенный союз Бельгии, Нидерландов и Люксембурга); *BVF – FMI* (Бейнялхалг Валйута Фонду - Международный Валютный Фонд); *BYIB – BIRD* (Бейнялхалг Йенидянгурма вя Инкишаф Банки – Международный Банк Реконструкции Экономического Развития); *BQXC – CICR* (Бейнялхалг гырмызы хач ъямиййяти – Международный Красный Крест) и т.д.

Специальная аббревиатура - это аббревиатура такого типа, значение которой распознаётся с трудом, и суть ее употребления заключается том, что она используется только в официальной дипломатической документации и переписке. Большинство аббревиатур такого типа не являются общеупотребительными и могут быть правильно понятны лишь в узком кругу профессионалов в области дипломатических познаний.

Во французском языке можно привести такие примеры, как: *C.Bl.* - *Carte Blanche* (неограниченные полномочия, предоставление свободы); *Doу.* – *Doуen* (Старшина дипломатического корпуса); *Dr. Crim.* – *Droit Criminel* (уголовное право); *e.p.* – *en personne* (лично,

персонально); *exp.* – *expert, expertise* (эксперт, экспертиза) и т. д.

Примерами в азербайджанском языке могут служить такие слова, как: *НБЪ – Нцвя, биоложи, кимйяви; ЛДЪ – даща аз инкишаф етмиши юлжя; ИНИС – Нцвя енержиси цзря бейнялхалг информасийа системи; ИЪБМ – Гитялярарасы баллистик ракет; П.А. – пер аннум – латын дилиндя: илдя, иллик; П.С. – per capita – латын дилиндя - адам башына* и т. д.

В дипломатической терминологии есть такое понятие - акронимы. Суть его в том, что в процессе необходимых сокращений отсекаются некоторые слоги слов, составляющих словосочетания. Тем самым написание и произношение упрощается.

Например, в азербайджанском языке широко употребляется: *Дипкорпус – дипломатик корпус; дипмиссийа – дипломатик миссийа; дипкурийер – дипломатик курйер* и т. д. В современной дипломатической терминологии азербайджанского языка такие сокращения не многочисленны и связаны с процессом унификации, которая продолжается и до сих пор.

Итак, на современном этапе развития азербайджанского языка употребление сокращений в форме аббревиатур можно встретить в самых разных областях: в науке, технике, на любом лингвистическом уровне, в том числе и в дипломатии. Опыт показывает, что появление аббревиатур и их широкое употребление растет с каждым днем. Это лексическая форма в свою очередь служит для развития и обогащения дипломатической лексики, расширения возможностей ее употребления и во многом облегчает речь во время выражения дипломатических идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abdullayev B.A. Bəzi terminlərinin yazılışına dair // Terminologiya məsələləri. Bakı: «Elm» nəşr., 1984, С. 29-31.
2. Qasimov İ.Z. Müasir Azərbaycan dilində hərbi terminlərin yaranma yolları. Bakı: «Nurlan», nəşr., 2000, 216 с.
3. Qasimov İ.Z. Azərbaycan dilində hərbi terminoloji leksikanın təşəkkülü və inkişafı. Bakı: «Nurlan», nəşr., 2001, 98 с.
4. Cəfərov С. Müasir Azərbaycan dili(Leksika). Bakı: «Maarif» nəşr., 1982.
5. Sadıqova S. Azərbaycan dili terminologiyasının nəzəri problemləri. Bakı: «Elm», 2002, 230 с.
6. Sadıqova S. Azərbaycan dilində terminologiyanın təşəkkülü və inkişafı. Bakı: «Elm», 2005, 348 с.
7. Баскаков А.Н. Словосочетание в современном турецком языке. М.: «Наука», 1974, 185 с.
8. Баскаков Н.А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. // Вопросы терминологии - материалы Всесоюзного терминологического совещания. М., 1961, С. 55-51.
9. Гасымов М.Ш. Из истории образования и развития терминологии в Азербайджане. // Тюркская лексикология и лексикография. М.: «Наука», 1971, С. 194-208.
10. Гасымов М.Ш. Основы терминологии азербайджанского языка., Баку, 1972, 186 с.
11. Даниленко В.П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии. // Современные проблемы русской терминологии. М.: «Наука», 1986, стр. 5-24.
12. Каграманов Д.В. К вопросу об изучении философских терминов азербайджанского языка// Ученые записки. АГУ им. С.М.Кирова. 1956. N 7 с. 69
13. Реформатский А.А. Мысли о терминологии. // «Современные проблемы русской терминологии». М.: «Наука», 1986, С. 163-199.

**DIFFERENT WAYS OF TERMINOLOGY FORMATION IN AZERBAIJANI
COMPARED TO FRENCH LANGUAGES
(BASED ON THE DIPLOMATIC DOCUMENTS MATERIAL)**

Tarzumanova İnnara F.

PhD in philology, docent

Faculty of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages

Department of Roman Philology

Baku Slavic University, Baku

E-mail: innaratarzumanova@gmail.com

This article considers generation of the diplomatic terms in Azerbaijan and French languages by syntactical and lexical-semantic methods of word-formation. A lot of diplomatic terms have been formed in both languages using these methods. Other process of diplomatic terms formation is morphological method by means of suffixes and prefixes in French and by affixes and loan worded prefixes in Azerbaijani language. Comparative study of Azerbaijan and French languages has indicated that in Azerbaijani language formation of diplomatic terminology by means of prefixes is not characteristic. Therefore, the given language uses either loan words, or the international terminology. The method of calking is the most productive and optimum way of augmentation of the diplomatic terms in modern Azerbaijan language.

Last two decades the major part of language units found in a diplomatic terminology in Azerbaijan language is made by loan wording or through calking from Russian.

Key words: method of calking, morphological, syntactic, semantic way, word formation de suffix and prefix, terminoloji formation.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА УРОВНЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Бахшиева Фидан Сурат гызы
кандидат филологических наук, доцент
Азербайджанский университет языков
факультет филологии и журналистики
кафедра II иностранного языка, Баку
E-mail: fidan_baxsiyeva@mail.ru

В статье анализу подвергается широкая сфера речевых образований. Особое внимание уделяется таким речевым жанрам, как язык рекламы и язык телепередач, КВН, СМИ. Отмечается, что игра слов, служащая образованию парадоксальных синтагм, представляет собой сферу реального творчества.

Ключевые слова: языковая игра, игра слов, окказионализмы, пословицы, поговорки, словотворчество, русский язык, азербайджанский язык

Современная лингвистика как будто бы задалась целью обнаруживать игровое начало в самых разных подсистемах языка и стихиях речевого творчества. На первом месте, как это и можно было бы предположить находится изучение игровых моделей в рекламотворчестве. Закономерность игровых стратегий в пространстве рекламы связана с необходимостью постоянного восполнения экспрессивного накала рекламного дискурса. Игре в рекламном дискурсе посвящены работы Л. П. Амири [Амири, 2007], К. С. Баранова [Баранов, 2011], А. П. Ерошина [Ерошин, 2015], Е. Б. Кургановой [Курганова, 2004], Н. В. Лазовской [Лазовская, 2007], Ю. В. Поповой [Попова, 2014]. Игра в пространстве художественного текста становится объектом исследования таких ученых, как Т. В. Игнатьева [Игнатьева, 2012], Г. Ф. Рахимкулова [Рахимкулова, 2004], А. В. Усолкина [Усолкина, 2002], Т. В. Устинова [Устинова, 2004], М. Ф. Шацкая [Шацкая, 2010]. Современные СМИ играют исключительно важную роль в жизни общества. Анализ работ, посвященных языку СМИ и вообще публицистике, показывает, что одно из центральных мест в них занимает проблематика языковой игры. В этой связи можно назвать исследования А. Д. Бутаковой [Бутакова, 2015], О. В. Журавлевой [Журавлева, 2002], С. В. Савельева [Савельев, 2009], С. В. Фащановой [Фащанова, 2012], О. А. Шинкаревой [Шинкарева, 2009]. Лингводидактический аспект языковой игры представлен в работах Е. Ф. Болдаревой [Болдарева, 2002], Л. М. Галимовой [Галимова, 1991], Т. А. Гридиной [Гридина, 1993], Е. Е. Тимофеевой [Тимофеева, 2006]. Особое значение, естественно, языковая игра приобретает в условиях расслабленной разговорной речи, в речевых жанрах типа анекдота и тоста, вообще в комическом дискурсе. Здесь следует указать исследования Е. А. Земской [Земская, 1983], В. Г. Костомарова [Костомаров, 1999], Ю. В. Бульиной [Бульина, 2011], А. Д. Бутаковой [Бутакова, 2015], В.З.Санникова [Санников, 2002], Т. И. Шатровой [Шатрова, 2006], Н. И. Шихкебировой [Шихкебировой, 2012]. Существует множество других исследований, посвященных самым разным аспектам языковой игры. Все они интересны, поскольку способствуют более глубокому пониманию этого явления. На наш взгляд, дискурс языковой игры сегодня переживает этап накопительства фактов. И это несмотря на довольно длительную историю. Содержание языковой игры затрагивает как систему языка, так и речевую практику. В данной статье анализируются окказиональные факты.

Игра слов, служащая образованию парадоксальных синтагм, представляет собой сферу реального творчества. На самом деле любая речь, или речь сама по себе, является

пространством для языкового творчества. Одни образования запоминаются, но и те, которые остаются за пределами внимания языкового коллектива, обнаруживают уникальный механизм выражения смысла. Нарочитая игра слов, на наш взгляд, представляет собой только редкий случай в пространстве слово- и синтагматворчества. Обычный речевой поток, ежедневная речь на любом языке содержит в себе огромное количество спонтанно возникающих и быстро забываемых конструкций. Эти порождения разговорной речи стимулированы подсознательной реакцией на стимулы бесчисленного числа конситуаций, которые столь же спонтанно образуются, разрушаются и переходят одна в другую. Стихия живой речи представляет определенные стандартные модели игры слов, которые структурируются совершенно бессознательно. Что касается так называемых синтагм-однодневок, отражающих механизм языковой игры, то в современных условиях они фиксируются различными источниками, что совсем не то же самое, что сохранение в коллективной памяти и воспроизведение. Вызывает интерес механизм их порождения и существующие модели. Очень часто игра слов отражает современные реалии. Например, *Каковы порядки – таковы и взятки* (интернет). На уровне формы игра проявляется в рифмовке. Как и другие окказионализмы такого рода, выражение носит комический характер. Однако, наряду с этим, оно обладает очень глубоким историко-социальным содержанием. Действительно, размеры взяток на постсоветском пространстве стали зависеть от порядков, устанавливаемых новой администрацией. Что же касается самих взяток, то они стали жизненным стандартом. Иногда эти реалии строятся в шуточной форме, но и тем не менее отражают жизненные реалии. *Лучше один раз родить, чем каждый день бриться* (интернет). Игра всецело связана с содержанием, в котором обыгрываются стандарты женских и мужских страстей. Если для женщины самое тяжелое рождение ребенка, то для мужчины – бритье. Понятно, что в структуре окказиональной пословицы представлено представление о необходимости бриться каждый день. Именно необходимость каждодневного бритья мотивирует сопоставление его с рождением. Как бы тяжело ни было родить ребенка, это лучше, чем бриться каждый день. В основе выражения лежит универсальная модель сопоставления одноразового тяжелого испытания с длительным и постоянным мучением. Ср. *Лучше один раз умереть, чем умирать каждый день*.

Лучше пиво в руке, чем девица вдалеке (реклама пива РТР, 2002). Оригинал широко известен: *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*. Трансформ обыгрывает ходячее представление о мужских удовольствиях: женщины и выпивка. Ясно, что выпивка доступнее женщины. Реклама предлагает не просто выбор, она утверждает, что пиво лучше. Количество слогов в обеих частях синтагмы создают ритм. Кроме того, рифмуются компоненты *в руке* и *вдалеке*.

Из мухи ты становишься как слон (ATV, “Нәфтәбесәг”, 23.06.2002). Очевидно и происхождение, и модель игры. Акцент переводится с объекта на субъект, при этом оба знака, в структуре оригинала выполнявшие чисто символическую роль, в трансформе становятся фактически бранными словами. Афористическое содержание позволяет по-разному использовать и интерпретировать это выражение в зависимости от ситуации употребления. Так, возможна схема «худой человек сильно поправился». Причем, прибегая к терминологии академика В. В. Виноградова, такое употребление и значение можно квалифицировать как номинативно-производное, так как слова *муха* и *слон* используются в обычных для русского языка метафорических значениях. Более отвлеченным является, например, такое употребление, где *муха* означает «ничтожество», «отставной козы барабанщик», слон – «человек, который вдруг приобрел власть над другими людьми, превратился в дракона» и т.д. Выражение сохраняет основную особенность пословиц – способность ситуативно реализовывать неожиданные смыслы, адаптируясь к особенностям употребления.

Береженого Бог бережет, небереженого конвой стережет (к/ф «По данным уголовного розыска»). Окказионализм здесь также представляет собой актуальную для ситуации в этом фильме добавку к узуальной поговорке. Такие добавки в конкретных ситуациях могут быть какие угодно в прямой и непосредственной зависимости от ситуации. Например, *небереженого врач оперирует; небереженого милиция штрафует; налоговая инспекция наказывает* и т.д. Суть игры как раз в такого рода ситуативной актуализации и состоит.

Скажи где ты работаешь, скажу где ты живешь (телепередача «Планета парни из Баку», Lider TV, 2001). Оригиналом выражения является широко известная поговорка *Скажи кто твои друзья, скажу кто ты*. Основой и мотивом игры слов являются реалии наших дней, когда появились элитные дома и элитные кварталы. Универсально-логическая схема паремии-этимона не меняется «скажи условие – скажу следствие». Окказионализм также представляет собой всего лишь комическую и всем понятную конкретизацию данной логической схемы и соотнесение ее с актуальными реалиями современности. Такая конкретизация может быть практически бесконечной, так как может быть соотнесена с какими угодно ситуациями. Кроме того, такие актуальные трансформы поговорок у адресата всегда вызывают сочувствие, поскольку затрагивают наиболее болезненное.

Лежачих не бьют: по ним ходят и вытирают ноги (журнал «Монитор», № 3, 4. 03. 2000, с. 20). Игра строится на неожиданной смысловой добавке, которая к тому же обладает противоположной коннотацией. Лежачих не бьют, но, вопреки ожиданиям, с ними поступают хуже. Добавка носит характер псевдоуточнения, поскольку ходить и вытирать ноги действительно можно только по тому, что лежит под ногами.

Покажи, как ты спишь, и я скажу, кто ты (реклама газеты «Московский комсомолец», № 2000, 2000). Выше была рассмотрена окказиональная паремия *Скажи, где ты работаешь, скажу, где ты живешь*. Здесь реализуется идентичная модель, что может служить лишним доказательством продуктивности модели. Можно сделать вывод о том, что узуальной является сама модель, по которой способно образовываться бесчисленное количество окказиональных единиц. В сознании говорящего коллектива модель связана с одним лексическим наполнением и конкретным значением. В данном случае с синтагмой *Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты*. Окказионализм *Покажи, как ты спишь, и я скажу, кто ты* является слабой в семантическом отношении, поскольку она носит искусственно привязанный к рекламе характер. На этом фоне выражение *Скажи, где ты работаешь, скажу, где ты живешь* отличается значительным культурно-историческим фоном. К этой же модели относится и выражение *Скажи, с кем ты встретишься, и я скажу, кто ты* («Московский комсомолец», № 2000, 2000). Современные СМИ в некотором роде опощляют эту модель, спекулируя на ней. Ср. также *Скажи, кто твой враг, и я скажу, что ты собой представляешь* (Д. Мамин-Сибиряк «Золото», ч. 3). Это последнее выражение из Мамин-Сибиряка носит более классический характер обыгрывания, если правомерно такое определение. Дело в том, что здесь игра строится на закономерной антонимии с оригиналом.

Крошка камень точит (журнал «Монитор», № 3, Баку, 2000). Реализация смысла всецело связана со знанием этимона. Латиняне говорили *Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*, что означает: «Капля точит камень не силой, но часто падая». Связь с латинской поговоркой объясняет глубинный смысл окказионализма. Дело не только в крошке, но в ее частоте и доступности. Интерпретация выражения носит полностью историко-культурный характер и вне фоновой информации совершенно непонятна. С другой стороны, деятельность самого журнала подтверждает справедливость максимы.

Стыд не дым, глаза не ест (телепередача «Однако», ОРТ, 19.11.2001). Видимо,

оригиналом выражения является всё же пословица *Голод не тетка, пирожка не подсунет*. Хотя вполне возможна и более старая трансформация, к которой восходит это выражение. *Голод не тетка, пирожка не подсунет*, несмотря на узуальный характер, является пустым выражением, не представляющим когнитивного опыта. Это что-то вроде междометия, экспрессивного обозначения отрицательного явления. Ср. обычное *это тебе не шутки*. Что же касается трансформы *Стыд не дым, глаза не ест*, то он является носителем глубокого смысла, хотя и безнравственного содержания. Сентенция оправдывает бесстыдство и потому аморальна. Но нельзя отрицать того, что она глубокомысленна и отражает устойчивую жизненную позицию, возможно, даже философскую позицию. Если исходить из этого, то можно предположить, что трансформ является развитием узуальной пословицы.

Сделал гадость, сердцу радость (интернет). Несмотря на шутовскую тональность игры, здесь мы имеем дело с достаточно сложным выражением. Можно подумать, что это поговорочное выражение выполняет исключительно эмоциональную функцию и является своеобразным междометием. Если бы так, то окказионализм носил бы частный характер по отношению к отдельной ситуации, где человек получает удовольствие от плохого поступка. На наш взгляд, предложение носит когнитивно значимый характер и выражает народный опыт. Поговорка здесь легко интерпретируется как пословица: «Существуют люди, получающие удовольствие от совершения зла». Ср. азербайджанское *Yaxşılıq deyil ki, əlinizdən gəlsin*. В обоих случаях мы видим обобщение опыта. Чисто формально игра строится на рифмовке слов *гадость* и *радость*. Но суть игры, конечно же, не в этом. В функциональной нагрузке перевешивает выражение опыта.

Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше (к/ф «Кавказская пленница»). Известное выражение из известного фильма, которое, возможно, уже следует считать узуальным. Фильм Л. Гайдая вышел в 1966 г. С тех пор прошло 50 лет, а это глубокомысленное высказывание повторяется и сегодня миллионами русскоговорящих людей. Трудно обозначить конкретный этимон этого выражения, хотя сама максима о жизни и о том, что жить хорошо, может считаться универсальной. Возможно, выражение *Жить – хорошо* восходит к восклицанию *Жизнь – прекрасна*. В любом случае здесь представлен стандарт. Что же касается выражения из фильма, то оно само по себе оригинально, и потому, что строится на игре, связанной с перестановкой знаков, и потому, что действительно глубоко. Кроме перестановки знаков, здесь существенно и осмысление положительной и сравнительной степени наречий.

Кому бублик, а кому дырка от бублика (интернет). Существует мнение, что выражение *дырка от бублика* принадлежит В. В. Маяковскому. Возможно, поэту принадлежит и все выражение в целом. Во всяком случае узуального предшественника в данном случае нет. Выражение в целом и характер игры носит очевидный социально заостренный характер.

Чай не водка – много не выпьешь (интернет). Это выражение стало очень популярным в последние годы. Юмористическим его делает фоновая информация, так называемый глобальный вертикальный контекст. Русские люди пьют и пьют много, само слово *пить* вбирает в себя семантику «спиртные напитки». На уровне языкового мышления конфигурация с глаголом *пить* не требует полноты, следовательно, если пить, то водку, это стандарт, не требующий уточнений. Игра здесь всецело связана с парадоксальностью смысла.

Рассмотренных окказиональных пословиц и поговорок вполне достаточно для того, чтобы делать общие выводы. Можно сказать, что современные СМИ и особенно интернет представляют собой неисчерпаемую кладь образования самого разного типа синтагм, демонстрирующих игру слов. Сама по себе стихия игры слов такова, что она является столь же древней, как и сами естественные языки. Но современность, особенно с появлением интернета, сделала игру слов совершенно уникальным явлением. Возможно, игра слов

составляет наиболее характерную особенность сети. Речевое пространство в целом сегодня представляет собой реальное творчество миллионов. Конечно, здесь сложно и в принципе неправомерно говорить о появлении каких бы то ни было нормативных моделей или конкретных синтагм. Поскольку сеть всеядна и с точки зрения норм совершенно бесцензурна, говорить о нормах не приходится. Сеть – это поле неграмотности и в этом смысле «мусорный ящик». Однако именно это обстоятельство, столь характерное для интернета, делает его совершенно уникальным пространством для свободного творчества. Другое в высшей степени характерное обстоятельство состоит в том, что речетворчество в сети строится на аналогии. Если отсутствует ориентация на литературную норму, то совершенно отчетливо проявляется подсознательное воспроизведение стереотипов, создание окказиональных в своей основе синтагм, строящихся на аналогии. В этом процессе проявляется фундаментальная особенность речевой стихии в целом. Постмодернизм вообще и сознание человека эпохи информационных технологий тесно связано с повтором и уверенностью в необходимости повторения. Повтор становится символом современности, сопровождающимся уверенностью в невозможности и ненужности оригинальности. С другой стороны, оригинальность присутствует, но только на уровне импровизации. Никто не создает модели, постмодерн утверждает, что их создавать и невозможно. Творчество проявляется в подражании «своими словами». Эта постмодернистская установка обуславливает и самую распространенную особенность игры слов, когда на основе узуальной модели создается бесчисленное количество ситуативно актуальных новообразований. Например, вышерассмотренные окказионализмы на основе логической схемы «скажи – скажу» подтверждают это наблюдение.

Неисчерпаемой базой для игры слов по всему постсоветскому пространству остается сама жизнь, где столько нового. Общей и типологически значимой моделью является выражение иронического и даже издевательского отношения к нахальству нуворишей, беззастенчивости бюрократов, наивности и безграмотности политиков. Практически все стороны современной жизни оказываются в поле зрения народа и становятся поводом для игры слов. В этих социально-политических условиях игра слов становится не только мощным оружием политической борьбы, но и средством и возможностью высказать наболевшее вообще.

В современной азербайджанской речи также языковая игра чаще всего строится на ассоциациях с актуальными реалиями. Исследование показывает, что, наряду с рекламными текстами, стихия азербайджанской речи наиболее интенсивно создает игровые синтагмы в шоу-бизнесе. Причем они, как правило, содержат аллюзии на проблемы этой сферы человеческой деятельности. Например, *Ulduz ağacı, qoz ağacı, hər keçən bir daş atar* (Həftə çal-çağırı. 10.04.2002.). Узуальная пословица гласит *Qız ağacı – qoz ağacı, hər keçən bir çimdik alar*. Народная пословица обладает очень глубоким житейским смыслом. Смысл таков, что на девушку все засматриваются, в этом нет ничего необычного, это следует принимать как должное. Не менее мудрым представляется окказионализм, гласящий, что «Дерево звезд подобно ореховому дереву – каждый проходящий/проходимец бросает камень». Иными словами, звезды должны принимать как должное то, что их жизнь обсуждается на страницах газет и журналов, на телевидении, их осмеивают, порой откровенно издеваются. Каждый, кому не лень, бросает камень. Или, например, *Adın çıxınca, kasetin çıxsın* (Həftə çal-çağırı. 10.04.2002.). В азербайджанском языке существует пословица *Adın çıxınca gözün çıxsın*, т.е. «Чем выйдет имя твое (прославится), пусть лучше выйдет глаз». Суть в том, что молва опережает человека. Окказионализм обыгрывает пословицу в соответствии с новой ситуацией в шоу-бизнесе: «Чем выйдет имя, пусть выйдет кассета», т.е. выпуск собственной сольной кассеты лучше известности. Или, например, *Sən saydığını say, gör sponsorlar nə sayır* (Həftə çal-çağırı.

07. 04. 2003.). В языке существует поговорка *Sən saydığını say, gör fələk nə sayır*, т.е. «Ты считай свое, посмотрим, что посчитает судьба». Окказионализм утверждает: «Ты считай свое, посмотрим, что насчитают спонсоры».

Köhnə hamam – təzə tas (Журнал “Kırpı”, 1967, № 19.). В языке существует выражение *Köhnə hamam – Köhnə tas*. Существует также окказионализм *Köhnə hamam – Köhnə TASS*, где есть намек на консерватизм телеграфного агентства ТАСС. Здесь же, напротив, присутствует ассоциация с другой пословицей: *Köhnə bazara təzə nırx qoymazlar*, т.е. «нельзя ставить новые цены, новые условия на старом рынке». Ср. *Со своим уставом в чужой монастырь не ходят*. Окказионализм подчеркивает стандартную для нового времени ситуацию, когда новые хозяева ставят новые условия. Поэтому баня старая, а тазик – новый. Интересно отметить, что синтагма *Köhnə hamam – Köhnə TASS* непосредственно связана с новым постсоветским временем, которое никак не повлияло на ТАСС. Что же касается выражения *Köhnə hamam – təzə tas*, то оно столь же тесно связано с реалиями советского времени, когда нельзя было что-то менять в структуре производственных или экономических отношений. Таким образом, здесь актуален концепт «новый/новизна», поскольку она неприемлема, а в случае с ТАСС, напротив, неприемлем «консерватизм», поэтому актуален концепт «неизменность/старость».

В азербайджанском языке игра слов на современном этапе строится в основном вокруг узуальных пословиц и поговорок. Обыгрывание узуальных выражений строится по разным моделям. Например, замена основных концептов на современные, распространение выражения за счет актуальных для современности комических утверждений, создание парадоксальных антонимов. Особое место, как и в русском языке, в азербайджанской речевой стихии игра занимает в сфере рекламы. Реклама сама по себе составляет особую и постоянно действующую стихию воспроизводства игры знаков или, точнее, игры со знаками. Как показывает опыт работы с рекламными текстами, рекламы вне языковой игры просто не бывает. Однако это обстоятельство не есть жанровая особенность рекламы. Дело в том, что реклама направлена на убеждение и побуждение к действию, она не нейтральна в стилистическом и прагматическом отношении. Другой сферой постоянного производства и воспроизводства игры словами является современный шоу-бизнес. «Особый вклад» в копилку языковой игры внесла команда КВН «Парни из Баку», а также телешоу или телетеатр «Планета Парни из Баку». И то, и другое также представляет собой пространство перманентного воспроизводства языковой игры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амири Л. П. Языковая игра в российской и американской рекламе. Дис. ... к. филол. н Ростов-на-Дону, 2007, 198 с.
2. Баранов К. С. Языковая игра в немецкоязычных рекламных текстах. Автореф. дис. ... к. филол. н. Москва, 2011, 24 с.
3. Болдарева, Е. Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций: Дис. ... к. филол. н. Волгоград, 2002, 160 с.
4. Бульина Ю. В. Языковая игра в речи студентов и преподавателей как способ создания смехового пространства в общении. Дис. ... к. филол. н. Саратов 2011, 174 с.
5. Бутакова А. Д. Семантические парадоксы в условиях языковой игры (на материале периодики). Автореф. дис. ... к. филол. н. Волгоград, 2015, 19 с.
6. Галимова Л.М. Язык – игра – творчество// Рус. яз. в школе. 1991, №1, с.8-13.
7. Гридина Т.А. Языковая игра в детской речи // Рус. яз. в школе. 1993. №4. С.61-65

8. Ерошин А. П. Эквивалентность и адекватность при переводе словесной игры в аудиомедиальных текстах. Автореф. дис. ... к. филол. н. Москва, 2015, 20 с.
9. Журавлева О. В. Когнитивные модели языковой игры: На материале заголовков русских и английских публицистических изданий: Дис. ... к. филол. н. Барнаул, 2002, 207с.
10. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русская разговорная речь. фонетика.морфология. Лексика, Жест. М.: Наука, 1983, 238 с.
11. Игнатьева Т. В. Языковая игра в художественной литературе: на материале русской прозы XX века. Автореф. дис. ... к. филол. н.. Вологда, 2012, 22 с.
12. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999, 320 с.
13. Курганова, Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте Автореф. дис. . канд. филол. наук / Е.Б. Курганова. Воронеж, 2004. 24с.
14. Лазовская, Н. В. Языковая игра в рекламном дискурсе : на материале русско- и англоязычной рекламы. Автореф. дис. ... к. филол. н. Саратов, 2007, 22 с.
15. Попова Ю. В. Феномен языковой игры в рекламном дискурсе: лингвокультурологический и гендерный аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков): Автореф. дис. ... к. филол. н. Ростов н/Д, 2014, 25 с.
16. Рахимкулова Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля. Дисс. Док. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004, 332 с.
17. Савельев С. В. Социокультурные особенности языковой игры в современных англоязычных печатных СМИ: Автореф. дис. ... к. филол. н. Москва, 2009, 16 с.
18. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002, 552 с.
19. Тимофеева Е. Е. Языковая игра как средство развития лингвокреативных способностей учащихся. Дисс. канд. пед. Наук. М., 2006, 174 с.
20. Усолкина А. В. Языковая игра как текстообразующий фактор: На материале литературных сказок Л. Кэрролла и их переводов. Дисс.канд.филол. наук. Екатеринбург, 2002, 222 с.
21. Устинова Т. В. Языковая игра в художественном тексте и варианты ее перевода (на материале литературных сказок Льюиса Кэрролла и их переводов на русский язык): Дис. ... к. филол. н. Омск, 2004, 182с.
22. Фашанова Светлана Владимировна. Языковая игра в радиодискурсе: коммуникативно-прагматический аспект: Автореф. дис. ... к. филол. н. Томск, 2012, 24 с.
23. Шатрова Т. И. Языковая игра в текстах комической направленности: Процессы кодирования и декодирования. Дис. ... к. филол. н. Тула, 2006, 159 с.
24. Шацкая, М. Ф. Взаимодействие лексической синтаксической семантики в русском художественном тексте межуровневые контакты и механизмы аномальных трансформаций при порождении языковой игры: Дис. ... докт. филол. н Волгоград, 2010, 460 с.
25. Шинкарева О. А. Новообразования как проявление языковой игры: структурно-функциональный аспект: на материале нижегородской прессы начала XXI в. Автореф. дис. ... к. филол. н. Нижний Новгород, 2009, 26 с.
26. Шихкебирова Н. И. Языковая игра в тосте: Автореф. дис. ... к. филол. н. Махачкала, 2012, 24 с.

LANGUAGE GAME AT THE LEVEL OF OCCASIONAL EDUCATIONS
IN RUSSIAN AND AZERBAIJANI LANGUAGES

Bakhshiyeva Fidan Surat (Baku)

Candidate of philology, associate professor

Azerbaijan University of Languages

Faculty of philology and journalism

Department of II Foreign language

E-mail: fidan_baxsiyeva@mail.ru

The wide sphere of speech formations is exposed to the analysis in the article. Special attention is paid to such speech genres as language of advertizing and language of telecasts, KVN and media. It is noted that the word-play serving to formation of paradoxical syntagmas represents the sphere of real creativity.

Key words: language game, word-play, proverbs, sayings, word creation, Russian, Azerbaijani.

СИНТЕТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ТАКСИСА ОДНОВРЕМЕННОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Расулова Роза Шагитовна

методист

*Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования
“Детская эколого-биологическая станция” городского округа город Салават Республики*

Башкортостан

E-mail: ms.valiant@mail.ru

Статья о синтетическом способе репрезентации таксиса одновременности в современном башкирском литературном языке. Путем анализа фактического языкового материала делается вывод о том, что в башкирском языке наиболее продуктивными средствами выражения значения одновременности являются синтетические формы.

Ключевые слова: таксис, одновременность, средства выражения таксиса, синтетический способ.

В современном языкознании таксис определяется как «функционально-семантическое поле, формируемое различными средствами (морфологическими, синтаксическими, лексическими), объединенными функцией выражения временных отношений между действиями в рамках целостного временного периода, охватывающего комплекс действий, выражаемых в высказывании (имеются в виду действия в широком смысле, включая состояния и отношения, т.е. любые репрезентации предикатов)» [Бондарко, 2003, с. 235]. Различаются два семантических типа таксиса – таксис одновременности и разновременности (предшествования/ следования).

В башкирском языкознании таксис как самостоятельная функционально-семантическая категория еще не исследована. Однако ученые-башкироведы и авторы учебников (Н.К. Дмитриев, А.А. Юлдашев, Дж.Г. Киекбаев, К.З. Ахмеров, Г.Г. Саитбатталов, Д.С. Тикеев, А.М. Азнабаев и др.) в своих трудах, посвященных синтаксису башкирского языка и семантике синтаксических конструкций, часто оперировали такими понятийными категориями как «одновременность», «следование», «предшествование». С аспекта функциональной грамматики данные термины относятся к области таксисных значений.

Таксисные ситуации выражаются рядом разноуровневых специализированных и неспециализированных вербальных средств (падежные окончания, причастия, деепричастия, сложноподчиненные предложения с обстоятельственными придаточными, сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения), которые различны по продуктивности в зависимости от языкового строя.

В.Г. Гак к синтетическим относит такие морфологические формы, «в которых основа неразрывно связана с формантами, представляющими грамматическую категорию» [Гак, 1998, с. 451]. Относительно синтетических форм А.М. Азнабаев отмечает, что если придаточные предложения присоединяются к главным предложениям лишь при помощи аффиксов (падежных окончаний, окончаний деепричастий и причастий, окончаний глаголов условия), то такие сложноподчиненные предложения называются синтетическими [Азнабаев, 2003, с. 33]. На языковом материале попытаемся определить типы синтетических конструкций, актуализирующих таксис одновременности в башкирском языке.

В функциональной грамматике таксисом одновременности называются временные отношения между ситуациями, когда «основное действие (процесс или целостный факт) совершается во время протекания второстепенного действия» [Бондарко, 2003, с. 268].

Наиболее продуктивным синтетическим средством репрезентации таксиса одновременности в башкирском языке выступает причастие прошедшего времени на *-ған/ -гән, -кан/ -кән* с аффиксом местно-временного падежа *-да/ -дә*. Обозначая семантику конструкции, М.В. Зайнуллин пишет: «Форма *-ған* в местном падеже выражает действие, которое происходит или произошло одновременно с действием главного сказуемого» [Грамматика, 1981, с. 315]. Например: *Әкиәт тыңлаганда шулай йоклайзар инде ул (М. Кәрим). 'При слушании сказки именно так и спят'*. Следует отметить, что при актуализации данной формой одновременность приобретает ограничительную окраску, то есть происходит частичная одновременность действий.

Можно выделить три семантических вида частичной одновременности:

1) во время длительной опорной ситуации совершается недлительная зависимая ситуация. Например: *Юлдаш йоконан уянып һикереп торганда, Ирәндек артынан, кисә ай калккан урындан, утлы шар булып кояш күтәрелеп килә ине (З.Бишиева). 'Когда Юлдаш проснувшись ото сна, вскочил, на месте вчерашнего восхода луны за Ирәндеком, огненным шаром поднималось солнце'*.

2) на фоне длительной зависимой ситуации совершается недлительная опорная ситуация. Например: *Кис, ауыл аръягында бызау эзләгәндә, аулагырак Кисеүән йылғаһы яклап ул Йәмил ағаһының Нәфисә апай менән икәү генә йөрөп ятканын күрөп калғайны (Р. Байымов). 'Вечером, когда искал теленка за деревней, в стороне уединенной реки Кисуан, он увидел прогуливающихся (своего) брата Ямиля и Нафису апай'. Тәхеттәр алышынганда, һиндәйзәр өмөттәр зә уянғылап куя (Ғ. Хөсәйенов). 'При смене престолов пробуждаются (досл. пробуждаются иногда, время от времени) и кое-какие надежды'*.

3) на фоне длительной зависимой ситуации совершается прерывистая, повторяющаяся опорная ситуация. Например: *Ул [Хәмит] камсыһын болгай-болгай өйгә инде (Ж. Киекбаев). 'Он [Хәмит], размахивая хлыстом, зашел домой'. С точки зрения субъектов, важно отметить, что данная форма является вариативно-субъектной. Действия, связанные отношениями одновременности, могут относиться к одному субъекту, либо у каждого действия может быть свой субъект. Пример моносубъектного таксиса: *Шуга күрә артына әйләнеп караганда, ул тотош кәүзәһе менән борола (Ж. Киекбаев). 'Поэтому, оборачиваясь назад, он поворачивается всем туловищем'. В данной конструкции действия *әйләнеп карау* и *боролоу* относятся к одному субъекту. Следовательно, таксисное значение одновременности выражено простым предложением.**

Приведем пример двусубъектного таксиса: *Кызарып кояш калкканда, һайрап каршылай коштарың (С. Юлаев). 'Когда, краснея, поднимается солнце, с песней встречаются (твои) птицы'. В данном примере действие *калкыу* относится к субъекту *кояш*, а действие *каршылау* производится субъектом *коштарың*. Очевидно, что таксисные отношения репрезентированы сложноподчиненным предложением с придаточным времени. Приведем еще несколько примеров: *Мин бер көн йоконан торганда, атайым да, әсәйем дә өйзә юк ине (Д. Юлтый). 'Когда я (однажды) проснулся, и папы, и мамы не было дома'. Мин килгәндә, баләкәй улы ла, үзе лә больница ята ине (М. Буракаева). 'Когда я приехал, и ее маленький сын, и она сама лежали в больнице'*.*

Частотной синтетической формой актуализации таксиса одновременности является и деепричастие первой формы с аффиксальным компонентом *-ып/-еп, -оп/-өп, -п*. Например: *Унан, икеһе өстәлдәң ике башына ултырып, уфылдай-уфылдай һыу кайнаганын көтә баиланы (Г. Мостафина). 'Затем оба, присев за две стороны стола, охая-ахая, стали дожидаться вскипания чайника'. Как видим, конструкция с деепричастием первой формы несёт в себе семантическую нагрузку образа или способа действия. По этому поводу А.А. Юлдашев писал: «Значению способа действия обязательно сопутствует значение*

одновременности...» [Грамматика, 1981, с. 49]. Репрезентация таксиса одновременности посредством представленной формы может быть как в рамках простого предложения, так и сложноподчиненного.

Примеры простого предложения: *Унан һуң йәшел үлән өстөнә ятып, төрлө уйзарга сумам (Д. Юлтый). 'Затем, прилягу на зеленую траву, окунаюсь в разные мысли'. Вазир, болдорга сыгып, озак кына йондоззарга карап ултырзы (М. Кәрим). 'Вазир, выйдя на крыльцо, долго сидел, глядя на звезды'. Кем узарзан күләүектәр кисеп, йүгерәбез күккә без карап (Г. Шафикова). 'Бежим наперегонки по лужам, глядя на небо'. Простое предложение осложнено деепричастным оборотом. При выражении сложноподчиненным предложением, таксис становится двусубъектным. Например: *Береһе ак нәмә болған, кәлгәгә карай сабып китте былар (Ф. Хәсәйенов). 'Один, размахивая чем-то белым, поскакали (они) в сторону крепости'. В башкирском языке данный способ выражения таксиса одновременности является малопродуктивным.**

Таксис одновременности может реализовываться в речи посредством деепричастия с аффиксом *-ышлай/ -ешләй*. О такой форме А.А. Юлдашев пишет: «Она представлена только глаголами движения с общим профилирующим значением «находясь в движении по направлению», в котором она бытует исключительно в функции сказуемого слитного предложения» [Грамматика, 1981, с. 313]. Примеры: *Командировканан кайтышлай, байтактан бирле ауылды ла курган юк тип, ата йортонан һугылып китергә булгайны ул (Р. Байымов). 'По пути возвращения из командировки он решил забежать в отцовский дом, так как давно не бывал в деревне'. Йәм-йәшел тугайлыктарзы, узган кара ергә әйләндереп үтешләй, ул кара язуың уң канатынан әллә нисәмә алайзары төмәндәре менән Агизел буйзарына ыңгайлаган (Ф. Хәсәйенов). Радио дикторы Наилә Ғәләүетдинова (ул сакта Фазылова) менән эштән кайтып килешләй [...], Сафуандың катыны Фәрзиә янына инеп сыгырга йомош төштө (М. Буракаева).*

Одной из форм синтетического способа выражения таксиса одновременности является деепричастие пятой формы с аффиксальным компонентом *-а/-ә, -й*. Она чаще всего употребляется в редуцированном виде. Как отмечает А.А. Юлдашев, «редуцированная форма на *-а / -й* обозначает относительное время – чаще всего одновременность» [Юлдашев, 1977, с. 70]. Причем, «выражая одновременность, рассматриваемая форма характеризует обозначаемое ею действие как обстоятельство, при котором совершается другое действие» [Там же, 1977, с. 71]. Примеры: *Шуның өсөн улар бына, аяктарын болгай-болгай, баянан бирле капка башында ултыралар (З. Бишшева). 'Поэтому они до сих пор сидят на заборе, раскачивая ногами'. Улар шулай һөйләшә-һөйләшә маршрут буйлап байтак барзылар был көн (Р. Байымов). Мин курка-курка гына уның артынан иркен бүлмәгә индем (М. Фафури). Гөлийөзәм еңгә, кулындагы бәрәстең аркаһынан һөйә-һөйә, үз эшен азагына тиклем якларга тырышты (З. Бишшева).*

Проанализировав фактический материал башкирского языка, мы можем утверждать, что в области выражения таксисных значений одновременности важное место занимают синтетические средства, представленные целым комплексом форм и аффиксов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд 3-е, стереотипное. М., 2003.
2. Гак В.Г. Аналитизм // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 451.
3. Азнабаев А.М. Синтаксис сложного предложения в башкирском языке. Уфа, 2007.

4. Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
5. Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1977.

**SYNTHETIC EXPRESSIONS METHOD OF SIMULTANEITY TAXIS IN THE
BASHKIR LANGUAGE**

Rasulova Roza Shagitovna.

postgraduate

Sterlitamak branch of Bashkir State University

Russia, Sterlitamak

Email: ms.valiant@mail.ru

Article about the synthetic mode of representation taxis simultaneity in modern Bashkir literary language. By analyzing the actual language of the material it is concluded that in the Bashkir language most productive means of expression of the values of simultaneity are synthetic forms.

Key words: taxis, simultaneity, mean of expression, synthetic expression method.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ КРАТНОСТИ ДЕЙСТВИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Сулейманова Тансылу Ахметовна

аспирант

факультет башкирской филологии

кафедра башкирского языка

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного

университета, Стерлитамак

E-mail: tansylu1986@mail.ru

В статье прослеживается сложный путь становления и развития учения о категории кратности глагольного действия в башкирском языкознании. Анализируются основные подходы к данной категории в учебных и научных грамматиках по башкирскому языку с 1925 по настоящее время. Определяются перспективные направления дальнейших исследований категории кратности действия в башкирском языке.

Ключевые слова: башкирский язык, кратность действия, история изучения, разные подходы.

В современной функциональной грамматике и аспектологии под термином 'кратность' действия рассматриваются значения, которые, присоединяясь к значениям глагольных лексем, характеризуют их по количеству крат или непрерывности / прерывности осуществления. Как указывает В.С. Храковский, «семантический признак кратности ситуаций реализуется как совокупность двух сопряженных значений: однократности и неоднократности. <...> При этом важно подчеркнуть, что значения признака кратности относятся не только к значению глагольной лексемы, но и к ситуации, выражаемой в предложении» [Храковский, 2003, с. 126].

Анализ научной и учебной литературы показывает, что в башкирском языкознании учение о категории кратности действия прошло сложный путь становления и развития.

Впервые выражение значения многократности действия при помощи аффиксов *-гыла/-гелә* было зафиксировано в учебнике «Башкорт теленең сарыфы» – «Морфология башкирского языка», изданном в 1925 году на основе арабской графики. Составили учебник Х. Габидов, Н. Тагиров, В. Хангильдин, Г. Вильданов. В учебнике приводятся синтаксические конструкции с глаголами, осложненными аффиксом *-гыла/-гелә* со значением многократности действия, как формы 'повторительного вида' – *ق-ل-ت ابا ق ئى-ع-ام-ي-ائى* (кабатлык аймағы) [Габидов, 1925, с. 107]. Здесь глаголы с залоговыми и видовыми значениями рассматриваются как формы категории «кылым аймактары» – 'аймаки глагола'. В качестве примеров для анализа приводятся предложения с глаголами *тот-кала-ны*, *бар-гала-ны-м*, *һал-гала-нык*, *күр-гәлә-гән*.

В 1939 г. издан I часть учебника башкирского языка на основе латинской графики «Фонетика һәм морфология» А. Мансурова. В данном учебнике аффиксы *-гыла/-гәлә*, *-штыр/-штер* отнесены к суффиксам, образующим 'повторительную степень' глагола – 'кабатлау дәрәжәһе' в рамках категории залога, где указывается, что «кратная степень глагола обозначает выполнение одной работы несколько раз» [Мансуров, 1939, с. 160-161]. Автор учебника отмечает и тот факт, что в башкирском языке в целях усиления семантики незначительности или редкости многократного действия аффиксы *-штыр* и *-гыла* могут использоваться в одном слове одновременно: *бар* – *баргыла*, *баргылаштыр*, *баргылаштыргыла*.

Существенный вклад в определение лингвистического статуса глагольных форм с видовыми значениями, в том числе и со значением многократности действия, внес А.И. Харисов. Ахнаф Ибрагимович в 1941 г. при Институте языкознания Академии наук СССР защитил диссертацию на тему «Категория глагольных видов в башкирском языке». Материалы диссертации нашли отражение в одноименной монографии, изданной в 1944 г. Как справедливо отмечает Р.А. Абуталипова, монография явилась одной из первых значительных работ в тюркологии, где глагольные формы с видовыми (аспектуальными) значениями подвергнуты изучению в широком аспекте [Абуталипова, 2014, с. 13]. А.И. Харисов выделяет следующие видовые значения в башкирском языке: 1) ступени развития действия; 2) количественные характеристики действия (однократность / многократность); 3) моментальность (внезапность, неожиданность) действия; 4) прочие характеристики действия (неосуществление действия в реальности; попытка, проба совершения действия) [Харисов, 1944, с. 16-19]. Как видим, в монографии количественная характеристика действия рассматривается как отдельное видовое значение.

Глагольные формы, образованные посредством аффиксов *-гыла/-гәлә*, *-штыр/-штер*, *-ңкыра*, *-ыңкыра*, *-мһыра*, *-ымһыра* исследуются в разделе «Синтетическая система видов». Ученый пишет, что «аффикс *-кыла/-гыла*, в соответствии с русскими суффиксами *-ива/-ыва*, обозначает повторяющееся действие с указанием на многократность и раздельность его повторяющихся моментов, а глагольные основы, снабженные аффиксами *-штыр/-ыштыр*, *-штер/-ештер*, выражают многократность действия, которая, в отличие от разобранных выше формы, происходит без особой последовательности, настойчивости, серьезности, т.е. кое-как, без всякой интенсивности» [Там же, с. 73].

В 1948 году увидел свет «Грамматика башкирского языка» известного тюрколога Н.К. Дмитриева. В данном труде глагольные виды башкирского языка делятся на две категории: к первой категории отнесены совершенный, несовершенный и многократный виды, образуемые синтетически, а к второй – аналитические глагольные конструкции, классифицированные по ‘модальным глаголам’. Интересно отметить, что глаголы, осложненные аффиксами *-гыла/-гәлә*, *-штыр/-штер*, рассматриваются ученым как особые формы ‘усиления и ослабления действия’: «форма усиления действия выражается в виде повторения или кратности действия, т. е. семантически приближается к русскому многократному виду. Показателем этой категории служат два аффикса (исторически разные по своему происхождению) *-кыла/-келә*, *-гыла/-гәлә* (после согласных) и *-штыр/-штер*, *-штор/-штөр* (после гласных)» [Мы цитируем по: Дмитриев, 2008, с. 174].

А.А. Юлдашев в работе «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» впервые в башкирском языкознании разграничивает грамматические и лексические значения видовых форм глаголов и подчеркивает, что их лексическое значение сводится к уточнению характера протекания действия. Существенно и то, что в составе «внутривидовых модуляций, сводящихся в основном к уточнению характера протекания действия в пространственном, временном, количественном и других отношениях», ученый выделяет глаголы *кратного* действия [Юлдашев, 1958, с. 71-80].

Известный башкирский ученый-тюрколог Дж.Г. Киекбаев в учебнике «Современный башкирский язык» для студентов вузов, изданном в 1966 году, вместо термина ‘*төр*’ – ‘вид’ использует термин ‘*кылымдың күләм категорияһы*’ – ‘категория объема глагола’, где перечисляются глагольные формы с видовыми значениями, выраженные при помощи аффиксов, аналитических конструкций, редуцированных глагольных форм, среди которых приводятся формы и со значением многократности действия [Киекбаев, 1966, с. 139].

В последующие несколько десятилетий значительных работ, посвященных глагольным

формам с видовыми значениями, не было. В учебниках и учебных пособиях для вузов, ссузов и общеобразовательных школ по башкирскому языку (Н.Х. Ишбулатов, М.В. Зайнуллин, М.Х. Ахтямов, А.М. Азнабаев, В.Ш. Псянчин, К.Г. Ишбаев и др.) средства выражения видовых значений вслед за Дж.Г. Киекбаевым относятся к формам морфологической (грамматической) категории объема (вида) глагола – ‘*кылымдың күләм (төр) категорияһы*’.

В 1981 году издана коллективная монография «Грамматика современного башкирского литературного языка». В данном академическом труде образование глагольных форм со значением многократности действия при помощи аффиксов рассматривается как один из способов образования «производных глаголов с аффиксами, выражающими *характер протекания действия*: различных оттенков интенсификации или, напротив, ослабления, неполного проявления действия; эпизодической повторяемости или раздробленности действия во времени, совершаемого без усердия, как бы мимоходом» [Грамматика..., 1981, с. 213].

К.Г. Ишбаев аффиксы *-гыла/-гелә, -ыңкыра/-еңкерә, -штыр/-штер* относит к формообразующим аффиксам «категории меры и степени глагола» [Ишбаев, 2000, с. 21].

Как известно, в XX веке в общем языкознании параллельно развивается несколько научных парадигм, одним из перспективных среди которых признается функциональное направление. Как отмечает один из основоположников отечественной функциональной грамматики А.В. Бондарко, данный вид грамматики исследует закономерности функционирования грамматических единиц, передающих смысл высказывания, во взаимодействии с элементами разных уровней языковой системы. Функции языковых средств при этом описываются в направлении «от семантики к формальным средствам» в сочетании с подходом «от формы к значению (функции)» [Бондарко, 2003, с. 6].

Функциональное направление получило развитие и в башкирском языкознании. Так, в 2008 году издана монография «Функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке» Р.А. Абуталиповой. В данном труде средства репрезентации значений однократности / многократности исследуются как компоненты функционально-семантического поля аспектуальности. Ученый выделяет целый комплекс аффиксов (*кыла(-кла), -(ы)штыр/-(е)штер, -л/-ла/-ала, -ылда/-елдә и др.*), которые создают оппозицию ‘многократность, осложненная признаком интенсивности : однократность действий’. Далее, основываясь на выводе осетинского ученого-лингвиста А.А. Левитской о том, что «обязательность, регулярность выражения значения кратности любого глагольного действия при соотнесении с ситуацией повторяющегося в разные локально-временные промежутки действия во всех временах и наклонениях с помощью особой конструкции “глагол + частица *-иу*” позволяет говорить о существовании в осетинском языке *грамматической аспектуальной категории кратности*» [Левитская, 2004, с. 31], Рамзана Асхатовна считает возможным выделить и в башкирском языке особую формообразующую категорию кратности действия.

Далее выделяются и анализируются аналитические, лексические, контекстуальные, комбинированные средства репрезентации однократных / многократных действий, объединенные общностью их функции – репрезентации кратных аспектуальных ситуаций, которые составляют особое «частное» функционально-семантическое поле (ФСП) кратности в сфере ФСП аспектуальности [Абуталипова, 2008, с. 172].

Структуру взаимопроникающих ФСП *кратности* и *интенсивности* в башкирском языке в «разрезе» Р.А. Абуталипова представляет в виде рисунка, где «наглядно видна картина интеграции двух категорий, образующих диффузные кратно-интенсивные сегменты как на уровне формообразующих категорий кратности и интенсивности, так и на уровне соответствующих им одноименных ФСП» [Там же, с. 173].

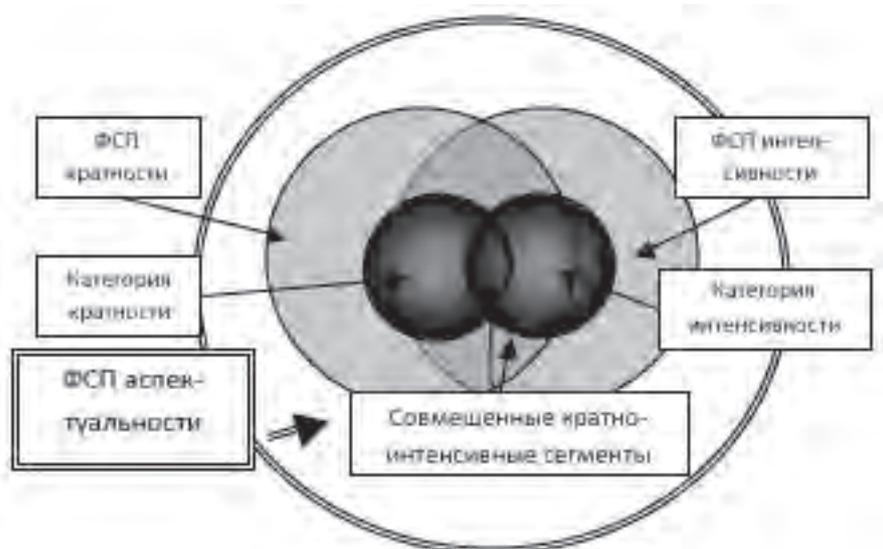

Рис. 1. Взаимопроникающие ФСП кратности и интенсивности в башкирском языке

На основе вышеизложенного сформулируем выводы:

1. Учение о категории кратности действия в башкирском языке прошло сложный путь становления и развития. В башкирском языкознании долгие годы неоднозначно решался вопрос о лингвистической сути глагольных форм со значением однократности / многократности действия. Они рассматривались под разными терминами: ‘кабатлык аймағы’ – ‘повторительный вид’, ‘кабатлау дәрәжәһе’ – ‘повторительная степень глагола’, ‘форма усиления’ глагольного действия и др. в рамках разных морфологических категорий глагола (залога, вида, объема, меры и степени).

2. В современных исследованиях кратность рассматривается как особая формообразующая категория глагола в составе функционально-семантической категории аспектуальности.

3. Не решены и **нуждаются в дальнейшем исследовании особенности** репрезентации кратных ситуаций в рамках сложных и осложненных синтаксических конструкций, а также семантические типы однократных и многократных ситуаций в башкирском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Храковский В.С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 124–152.

2. Ғәбидов Х., Таһиров Н., Хангилдин В., Вилданов Г. Башкорт теленең сарыфы. Өфө: Башкнига, 1925. 112 б.

3. Мансуров Ә. Грамматика: ете йыллык һәм урта мәктәптең 5-9-сы кластары өсөн дәреслек; 2 кит. Өфө: Башгосиздат, 1939. 163 б.

4. Абуталипова Р.А. О монографии «Категория глагольных видов в башкирском языке» А.И. Харисова // Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посвященной 100-летию со дня рожд. А.И. Харисова 20-21 июня 2014 г. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 9–13.

5. Харисов А.И. Категория глагольных видов в башкирском языке. Уфа: Башгосиздат, 1944. 91 с.
6. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка; отв. ред. Ф.Г. Хисамитдинова. М.: Наука, 2008. 264 с.
7. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 196 с.
8. Кейекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теле (Башкорт дәүләт университетының ситтәге студенттары өсөн лекциялар). Өфө, 1966. 146 б.; 2-се бас. Өфө: БДУ нәшриәте, 2001. 148 б.
9. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495 с.
10. Ишбаев К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование: Учебное пособие. Уфа: Гилем. 2000. 247 с.
11. Бондарко А.В. Аспектуальность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис; отв. ред. А. В. Бондарко. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 3–63.
12. Левитская А.А. Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство / А. А. Левитская // Вопросы языкознания. 2004. №1. С. 29–41.
13. Абуталипова Р.А. Функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке. Уфа: Гилем, 2008. 294 с.

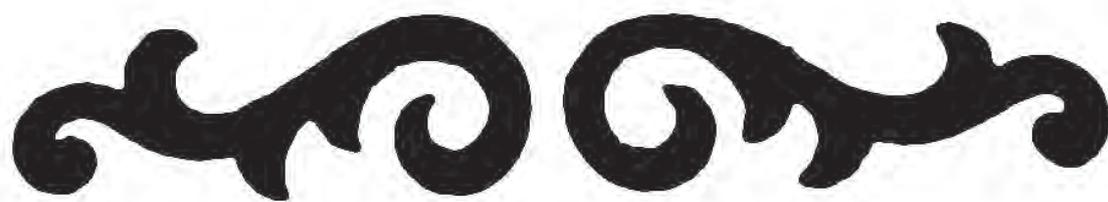
A BRIEF HISTORY STUDY CATEGORIES OF MULTIPLICITY IN THE BASHKIR LANGUAGE

Suleymanova Tansylu Ahmetovna
graduate student
Bashkir philology
Department of the Bashkir language
Sterlitamak branch of Bashkir State University
E-mail: tansylu1986@mail.ru

The article traces the difficult way of formation and development of the doctrine of categories multiplicity of verbal actions in Bashkir linguistics. Analyzes the main approaches to this category in the educational and scientific grammars for the Bashkir language from 1925 to the present. Identify promising directions for further research action category of multiplicity in the Bashkir language.

Key words: the Bashkir language, multiplicity of actions, history of research, different approaches.

**ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ
И
ОБУЧЕНИЯ
ЯЗЫКАМ**

**О ПРАКТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СИСТЕМНОЙ ТИПОЛОГИИ
В ПРОЦЕССЕ ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ
НОСИТЕЛЕЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ**

Валентинова Ольга Ивановна

доктор филологических наук, доцент, профессор

Российский университет дружбы народов

филологический факультет

кафедра общего и русского языкознания

Москва

E-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru

Статья посвящена исключительному значению тюркских языков в создании концепции системной типологии языков Г.П. Мельникова и той роли, которую может и должна сыграть системная типология в практическом преподавании русского языка носителям типологически других языков. Цель статьи – показать практические возможности системной типологии, потребность в которых, по мнению автора, крайне актуализируется происходящими в современном обществе активными миграционными процессами.

Ключевые слова: тюркские языки, системная типология, преподавание русского языка, миграционные процессы.

Начавшееся с наблюдения над представленными в объемных геометрических моделях и алгебраических генеративных формулах системами гласных тюркских языков как языков классического агглютинативного строя многофакторное подтверждение высказанного И.А. Бодуэном де Куртенэ положения о системной взаимной обусловленности сингармонизма и агглютинации [Бодуэн де Куртенэ, 1963] стало отправной точкой в рассуждениях основателя современной системной лингвистики Г.П. Мельникова, которые в конечном счете привели ученого к созданию системной типологии языков, выявляющей определяемые условиями жизни и характером общения языкового коллектива внутренние детерминанты, а значит, доказывающей и объясняющей системные взаимодействия и взаимосвязи всех ярусов языка. Причем не только в выделенных В. фон Гумбольдтом четырех основных типах языков, но и в их разновидностях.

Обращение при объяснении агглютинации к факторам внешним, выходящим за пределы языковой системы, факторам, вскрывающим причину, по которой определенный тип языка со всеми своими особенностями является «ответом на запрос» надсистемы, позволило внешне (экстралингвистически) обосновать вектор причинно-следственных связей в пределах языковой системы: между подсистемами разных уровней языка и внутри подсистем. Сингармонизм стал рассматриваться как следствие (а значит, и средство) агглютинации, то есть как следствие такого способа соединения морфем в слово, при котором границы между морфемами не размываются: «В тюркском слове мы также имеем дело с цепочками элементов, и та или иная фонема в предшествующей позиции этой цепи при заданном типе аффикса только тогда «замкнется» как допустимая в психике носителя языка, когда в последующей позиции будет вполне определенный гласный» [Мельников, 2003, с. 223]. А состав и фонетико-фонематические свойства гласных стали рассматриваться как следствие и средство обеспечения сингармонической огласовки. В системной лингвистике фонологические признаки гласных перестали быть перечислительными, а выстроились в иерархию.

В тюркских языках различительные признаки гласных выполняют смысловозначительную, главную, функцию и словоразграничительную, вспомогательную, функцию.

Поскольку смысловозначительная функция – главная, то признаки, которые могут обеспечить наиболее существенное материально выраженное различие гласных, станут использоваться именно как смысловозначительные. Таким признаком в первую очередь станет подъем, ведь именно по оси подъема акустическое расстояние между гласными может быть достаточно большим, а значит, таким, чтобы они свободно различались со слуха. Напротив, гласные, обеспечивающие сингармонические варианты одной – в смысловом отношении – морфемы, должны характеризоваться явно воспринимаемым со слуха общим акустическим признаком, а различаться признаком, гораздо менее воспринимаемым материально. Таким признаком оказывается прежде всего признак ряда (а в тюркских языках еще и огубленность). Сингармонизм, как средство подлаживания характеристик гласных аффиксальных морфем к гласной первого слога, корневой гласной, и признаки гласных, поддерживающие это свойство, потому и выступают средством разграничения слов в потоке речи, что слабо различаемый со слуха акустический признак выступает средством соединения морфем в одно слово. Кстати, В.А. Богородицкий отмечал, что свободное владение одновременно неагглютинативным и агглютинативным языками приводит к снижению гармонии гласных в родном агглютинативном языке: «Так как татарская интеллигенция владеет русским литературным языком в достаточном совершенстве, включая и слова иностранного происхождения, то повседневный разговор на обоих языках – татарском и русском – не может не вызывать в родном татарском языке ослабления и ступшевывания сингармонизма гласных...» [Богородицкий, 1934, с. 27].

Разработав метод описания синтагматических характеристик исследуемой системы через парадигматические характеристики, Г.П. Мельников модели, основанные на схемах «констатации связи», преобразовал в «генную формулу», записывающую законы причинно-следственных связей.

В ходе работы внутренняя детерминанта агглютинативных языков была сформулирована Г.П. Мельниковым как тенденция к такому способу выражения содержания, при котором словоформы не выбираются из представленной в заранее сложившейся парадигме системы возможностей, как это происходит во флективных языках, а каждый раз – исходя из потребностей действительной ситуации общения – набираются из морфем, составляются. Чем больше очевидной по контексту вспомогательной информации, тем меньше потребность в служебных элементах. Поэтому внутреннюю детерминанту агглютинативных языков, а значит, и внутреннюю детерминанту тюркских языков Г.П. Мельников понимает также как тенденцию к экономии служебных средств. В предельно очевидной ситуации общения каждый корень сможет выполнять функции самостоятельного слова. А такие ситуации не просто возможны, а свойственны для языковых коллективов, говорящих на агглютинативных языках. Поскольку агглютинация возникает там, как установлено в системной типологии Г.П. Мельникова, где нет потребности передавать одну и ту же новость линейно по многозвенному каналу связи и где говорящий передает информацию одновременно всем заинтересованным либо каждому поочередно, а значит, ситуация общения достаточно очевидна для всех общающихся. В таком случае ряд служебных аффиксов опускается: узб. *Тошкент барди* – ‘Ташкент отправился’ подразумевает ‘он отправился в Ташкент’ [Кононов, 1960].

Нет многозвенной передачи информации – нет искажения информации, а значит, нет потребности в крайнем усложнении формальной языковой техники. Поскольку служебные аффиксы при самоочевидности ситуации опускаются и речевая цепь может состоять из

одних корней, корни должны состоять из гласных и согласных, чтобы речь оставалась членораздельной. Кроме того, чтобы границы между морфемами хорошо улавливались со слуха, морфемы не начинаются с соединения согласных. Чтобы при хорошо известной ситуации можно было свободно извлечь «избыточный» аффикс, на стыках морфем не образуется фузия, а функция связывания морфем в цельное слово закрепляется за гласными: связь данного аффикса с данным корнем выражается гармонией гласных, то есть уподоблением гласных аффиксов гласному корню. Поскольку именно корень не меняется, а меняется только аффиксы, присоединяемые к корню.

Чтобы изменить значение корня без служебных элементов, надо вводить другие лексемы, расширяя контекст. А отсутствие выражения отношений между словами в предложении с помощью морфем можно компенсировать жестким порядком слов.

Число реляционных связей минимально, и они выражаются постановкой атрибута, замещающего определительные, объектные и обстоятельственные отношения, после определяемого слова: башк. *Ол бистинге хуннун келир чуве* – ‘он к нам ежедневная приходящая вещь’ (‘он к нам ежедневно приходит’) [Там же]. Сложноподчиненные предложения при таком способе выражения самых сложных отношений практически не нужны.

Так как новый образ отличается от предыдущего лишь дополнительными признаками, выраженными атрибутами, то предложение в языках такого типа реализует схему «он водитель он», когда сначала стоит тема, а следующая за ней рема состоит из повторенной темы и атрибутов к повторенной теме.

Такое устройство языка характерно для больших однородных коллективов кочевников-скотоводов, которые большую часть года разбросаны и почти не общаются, а в определенные периоды годового цикла почти все собираются вместе и интенсивно обмениваются социально значимой информацией: «<...> наиболее полно агглютинативные тенденции развиваются в тех языковых коллективах, в которых традиционное содержание из сферы личного опыта, нуждающееся в социализации, т.е. *повод коммуникации*, обусловлено потребностью получить сведения не столько о конкретных событиях, сколько об интегрированном результирующем состоянии общеизвестных людей, вещей, мест и т.п., сложившемся за относительно *длительный период* времени, в течение которого воспользоваться какими-либо каналами коммуникации вообще не было возможности. Такой дискретный режим с длительными периодическими *перерывами* складывается, например, у больших кочевых народов» [Мельников, 2003, с. 120 – 121]. Такова выделенная Г.П. Мельниковым внешняя детерминанта агглютинативных языков.

Происходящие в современном мире миграционные процессы, внутренние и внешние, характерны и для России. Они способствовали массовому переезду в русскоговорящую среду носителей типологически разных языков. В том числе и тюркских. Русским языком (а тем более русским литературным языком) не владеющих или владеющих лишь в весьма ограниченном объеме, а потому неизбежно сталкивающихся с трудностями адаптации. То, что в обществе, в том числе и среди преподавателей-русистов, воспринимается как ошибки в русской речи носителей тюркских языков, оказывается, как правило, воспроизведением типологических особенностей агглютинативного языка. Поэтому осведомленность преподавателей русского языка и русского языка как иностранного о типологических свойствах языков своих слушателей, способствовала бы диагностике совершаемых ошибок и помогла бы разработать методику преодоления «ошибок», вызванных трудностями перехода с одного языкового типа на другой. Разработанная Г.П. Мельниковым системная типология языков, направленная на вскрытие глубинных причин, обусловивших формирование и взаимозависимость формы на всех уровнях языка, могла бы стать незаменимым фундаментом в этом деле. Повседневные вопросы практического преподавания могут и должны решаться при поддержке высокой теоретической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань: Татиздат, 1934. 167 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 382 с.
3. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 446 с.
4. Мельников Г.П. Системная типология языков. М.: Наука, 2003. 395 с.

**ABOUT THE PRACTICAL POTENTIAL OF SYSTEM TYPOLOGY
IN LANGUAGE ADAPTATION
OF TURKIC LANGUAGE NATIVE SPEAKERS**

Valentinova Olga Ivanovna

Doctor of Science

Professor

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

School of Philology

Chair of General and Russian linguistics

E-mail: ovalentinova@yandex.ru

The article is devoted to the exclusive value of the Turkic languages in the creation of the system typology of languages by G. P. Mel'nikov and the role that the theory of G. P. Mel'nikov can and should play in the practical teaching of the Russian language for other language type speakers. The purpose of the article - to show the practical potential of the system typology, the need for which, according to the author, is updated by reason of active migration processes in the modern society.

Key words: Turkic languages, system typology, the teaching of the Russian language, migration processes.

ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ТУРЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Букулова Марина Георгиевна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГГЭУ,
факультет иностранных языков
Московский государственный гуманитарно-экономический университет
г. Москва*

E-mail: m.bukulova@gmail.com

В данной статье рассматриваются фонетическая, графическая, грамматическая и лексическая интерференции, с которыми сталкиваются русскоязычные студенты, изучающие турецкий язык как иностранный. В статье анализируются наиболее типичные ошибки, которые встречаются в речи на турецком языке, и предлагаются пути минимизации отрицательного воздействия родного языка на изучаемый иностранный.

Ключевые слова: лингвистическая интерференция, влияние родного языка, интерферентные ошибки, турецкий язык.

При изучении иностранного языка учащиеся неизбежно совершают ошибки. Одной из причин возникновения ошибок при продуцировании иностранной речи является влияние системы родного языка на систему изучаемого, так как именно родной язык принимает активное участие в выработке у учащихся навыков и умений неродного языка.

По замечанию У. Вайнрайха, перед индивидом, оперирующим несколькими языками, стоит одна и та же проблема – «следовать огромному количеству норм в соответствующих контекстах; и в случае неудачи результат один и тот же: вторжение (интерференция) норм одной системы в пределы другой» [Вайнрайх, 1972, с. 26]. Если изучаемое явление неродного языка аналогично явлению родного, то оно усваивается без особых затруднений. Если такого соответствия нет, то родной язык оказывает тормозящее влияние на усвоение материала на иностранном языке. Следовательно, сходства изучаемого и родного языка способствуют положительному переносу навыков, а различия, наоборот, вызывают отрицательный перенос. В лингвистике и смежных науках эти явления принято называть соответственно транспозицией и интерференцией [Супрун, 1977, с. 6].

Проблемы интерференции в различных ее аспектах разрабатывались учеными, занимающимися языковыми контактами. Тема актуальна и для специалистов, занимающихся методикой преподавания иностранных языков. Однако ряд проблем, особенно практического плана, еще требует своего решения.

Целью настоящего исследования является описание случаев интерференции в устной и письменной речи русскоязычных студентов, изучающих турецкий язык в качестве первого иностранного, и определение интерферирующего влияния родного (т.е. русского) языка. Явления интерференции фиксировались автором при наблюдении за устной и письменной речью студентов на практических занятиях по турецкому языку.

Турецкий и русский языки являются разносистемными, генетически неродственными языками. Турецкий язык относится к урало-алтайской языковой семье и относится к типу агглютинирующих языков. Русский язык же входит в индоевропейскую семью и является преимущественно флектирующим языком. Расхождения в системах этих двух языков в известной степени затрудняют процесс освоения турецкого языка учащимися.

По определению В.В. Виноградова, «Интерференция (от *лат.* *inter* «взаимно» и *ferens, ferentis* «несущий, переносящий») – взаимодействие языковых систем в условиях

двуязычия, складывающегося при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [Большой энциклопедический словарь, 1990, с. 197].

Главным источником интерференции являются расхождения в системах взаимодействующих языков: различный фонемный состав, интонирование предложения, различные грамматические категории и др. Причиной же возникновения интерференции является тот факт, что учащийся строит свою речь по нормам родного языка и устанавливает между языковыми явлениями иностранного языка несвойственные связи и отношения.

Интерференция охватывает все уровни языка, и в языковедческой литературе выделяют следующие виды интерференции:

1. фонетическую;
2. семантическую;
3. лексическую;
4. грамматическую;
5. орфографическую;
6. стилистическую;
7. лингвострановедческую;
8. социокультурную.

В рамках данной статьи мы остановимся лишь на некоторых из вышеуказанных видов интерференции.

1. Фонетическая интерференция, проявляемая в речи в виде акцента, является наиболее значимой по сравнению с другими видами интерференции, поскольку фонетические и фонологические ошибки в значительной степени затрудняют процесс коммуникации. Н.С. Трубецкой сравнивал фонологическую систему любого языка с ситом, через которое просеивается сказанное. По мнению ученого, каждый с детства приучается автоматически и бессознательно анализировать речь, как бы просеивая через сито и вычлняя в первую очередь существенные для конкретной фонемы признаки, затем признаки, существенные для апеллятивной функции языка, и после – черты звука, характерные для экспрессивной функции языка. Однако система «сит» в каждом языке строится по-разному. «Слушая чужую речь, мы при анализе слышимого произвольно используем привычное нам «фонологическое сито» своего родного языка. А поскольку наше «сито» оказывается неподходящим для чужого языка, постольку возникают и ошибки... Звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, так как они пропускаются через «фонологическое сито» нашего родного языка» [Трубецкой, 2000, с. 57].

Примеры фонетической интерференции можно встретить на каждом занятии по турецкому языку. Наиболее распространенными на уровне фонетики случаями интерферирующего влияния родного языка являются следующие:

а) прежде всего, это смещение ударения в некоторых словах, присутствующих в лексике обоих языков, под влиянием русского языка: [ˈdollar] вместо [doˈlar], [ˈlira] вместо [liˈra];

б) другая регулярная ошибка связана с редукцией звука *o* в безударной позиции. Под влиянием этого явления русского языка учащиеся вместо фиксированного безударного *o* в турецком произносят [ʌ], что иногда ведет к смысловым ошибкам: [ʌda] *ada* «остров» вместо [oda] *oda* «комната», [kʌjun] вместо [kojun], [ʌtuz] вместо [otuz], [sʌn] «вымогатель» вместо [soan] «лук» и др.;

в) другая типичная ошибка, которая встречается и у студентов старших курсов, – палатализация *t* и *d* перед гласными переднего ряда: [gitˈtʰim], [gidˈijorum], [tˈelefon] и т.д.;

г) турецкий согласный *h* с гласными переднего ряда характеризуется мягкостью,

а с заднерядными гласными – произносится с придыханием, тогда как в русскоязычной аудитории этот звук зачастую воспроизводится излишне энергично: [merhaba] вместо [merhaba] [xajır] вместо [hajır];

д) слова, присутствующие в обоих языках, регулярно воспроизводятся так, как они воспроизводятся в русском, без соблюдения требований турецкой фонетики: [plan] вместо [p'l'an] или [pil'an], [fil'm] [filim] [lampa] [l'amba];

е) в позиции в начале слова труднопроизносимыми являются звуки, передаваемые буквой ü ([y] и [y:]). Они воспроизводятся как йотированный звук или, напротив, как [u]: [juç] или [uç] вместо [yç], [university] или [juniversity] вместо [yuniversity] и др.

ж) труднопроизносимыми оказываются также слова, в которых есть более одного йотированного звука: [ijim] вместо [ijjim] iyüym «у меня все хорошо».

Проявления просодической интерференции выражаются в отклонениях от норм турецкого языка в интонационном оформлении речи. Русская речь более монотонна, чем турецкая, и изменения движения основного тона в ней менее выражены, чем в турецком. В результате этого турецкая речь звучит более эмоционально, с большим разнообразием ядерных тонов, выражающих оттенки отношения говорящего к высказыванию и собеседнику. Наибольшие трудности при освоении турецкой речи вызывает низко-восходящий тон, сложные восходяще-нисходящий тон и нисходяще-восходящий тон.

II. Графическая и орфографическая интерференция проявляется на письме путем переноса в изучаемый язык правил написания слов изучаемого языка.

Несмотря на то что алфавит турецкого языка устроен на основе латиницы, а русский – на основе кириллицы, оба алфавита обладают некоторыми одинаковыми графическими знаками. На начальной стадии изучения учащиеся нередко совершают ошибки в написании и чтении турецких букв, путая их с буквами русского алфавита (графемы с (передает турецкий звук [дж]), у (турецк. [j]), р (турецк. [pe]), прописная и (совпадает с русской прописной и), прописная В (турецк. [be]). На письме учащиеся нередко используют буквы русского алфавита. Так, буква *M, m* зачастую пишется как русское *M, m*, и – как *и*. Влияние английского языка прослеживается в написании *г* вместо фиксированного турецкого *r*. Также для прописи турецкого языка не характерно слитное написание букв, но под влиянием русского письма учащиеся на письме очень часто пишут буквы слитно.

В турецком компоненты названий организаций пишутся с заглавной буквы (*İstanbul Teknik Üniversitesi*), и при письменном переводе нередко можно увидеть версию «Стамбульский Технический Университет» вместо нормативного «Стамбульский технический университет».

III. В грамматической интерференции традиционно выделяют синтаксический и морфологический подтипы. Синтаксический рисунок фразы в турецком языке характеризуется обратным порядком слов (подлежащее располагается в начале, сказуемое – в конце предложения). Морфологическая система, построенная на присоединении аффиксов, падежная система, изафетная конструкция, отсутствие категории рода, наличие неопределенного артикля – далеко неполный перечень аспектов, в освоении которых студенты испытывают затруднения. На уровне морфологии преобладают следующие случаи:

а) употребления во множественном числе существительного в сочетании с числительным (*beş kalemler* вместо *beş kalem*);

б) притяжательность в турецком языке оформляется при помощи аффиксов принадлежности, которые присоединяются к слову. Под влиянием этого явления нередко ошибки типа *baş ağrıyor* (букв.: «голова болит») вместо *başım ağrıyor* (букв.: «моя голова болит»);

в) ошибки в падежном управлении глаголов. Системы падежного управления глаголов

в обоих языках довольно сильно различаются, и неправильное управление зачастую ведет к искажению смысла высказывания. Напр., глагол *sormak* «спрашивать» в значении «спросить кого-л.» управляет дательным падежом, а в значении «спросить о ком-л.» - винительным. Предложения типа *Arabada geldim* с местным падежом (букв.: «я приехал внутри машины») вместо соответствующего нормам турецкого языка *Arabayla geldim* с инструменталисом (букв.: «я приехал с машиной») также являются переносом русскоязычной конструкции.

Сюда же относятся ошибки в падежном управлении переходных глаголов. В русском языке существительные в сочетании с переходными глаголами (напр., *читать*, *слушать*) оформлены винительным падежом, тогда как в турецком существительные с переходным глаголом в контекстах, когда акцентируется именно факт занятости чем-либо, падежного оформления не имеют. Поэтому студенты нередко говорят *müziği dinledim*, *hafta sonu kitapları okudum*, *Cumartesi filmler izledim*.

На синтаксическом уровне выделяются следующие ошибки:

а) нарушение порядка слов. В русском языке он свободный, а в турецком – строго фиксированный, и студенты младших курсов зачастую строят турецкое предложение по типу русского (*Yarın gidiyorum Ankara'ya anne ile* вместо *Yarın annemle Ankara'ya gidiyorum* «Я завтра еду в Анкару с мамой»).

б) В турецком языке вопросительное предложение строится при помощи вопросительной частицы, и студент на начальном этапе обучения может забыть употребить ее, оформляя вопросительность при помощи интонации: *Baban eve geldi?*

в) Интерференции подвергаются отрицательные конструкции, в том числе в предложениях, которые на русском оформляются двумя отрицаниями: *Fazla kalemin yok mu?* вместо правильного *Fazla kalemin var mı?* «У тебя нет лишней ручки?»; *Ben ne okula ne eve gitmiyorum* вместо правильного *Ben ne okula ne eve gidiyorum* «Я ни в школу, ни домой не иду».

IV. Лексическая интерференция выражается в:

а) неправильном выборе лексического синонима:

Otobüse oturdum, *eve gidiyorum* вместо *Otobüse bindim*, *eve gidiyorum* «Сел в автобус и еду домой»; *Trenden çıktı* вместо *Trenden indi* «Он вышел из поезда», *Bizimle gider misin?* Вместо *Bizimle gelir misin?* «Пойдешь с нами?»;

б) ошибки могут возникать и при овладении лексики, близкой по звучанию и написанию в обоих языках, но имеющих разное значение. Такие слова называют так же «ложными друзьями переводчика»:

	Турецкий		Русский
<i>başka</i>	«другой»	<i>başka</i>	башка
<i>durak</i>	«остановка»	<i>duvak</i>	дурак
<i>başın</i>	личное имя	<i>başın</i>	баран
<i>bank</i>	«скамейка»	<i>bank</i>	банк
<i>banka</i>	«банк»	<i>banka</i>	банка
<i>kanat</i>	«крыло»	<i>kanat</i>	канат
<i>kulak</i>	«ухо»	<i>kuşak</i>	кулак
<i>saray</i>	«дворец»	<i>saray</i>	сарай

Кроме того, встречаются выражения, совпадающие по звучанию с осмысленными выражениями в русском языке: *ya* – *ваш* и турецкое *yavaş* «медленно»;

Примечательно, что интернациональные слова вроде *jeep* «джип», *mavzer* «маузер» и др. студентами в процессе чтения опознаются очень редко.

Таким образом, при изучении иностранного языка обучающиеся предсказуемо совершают интерферентные ошибки на всех языковых уровнях. Причиной интерференции является недостаточная иноязычная компетенция обучающегося, поэтому следует стремиться к снижению интерферирующего воздействия системы родного языка. Систематизация

интерферентных ошибок и изучение причин их появления позволят разработать эффективный механизм минимизации интерференции при обучении иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. М.: Едиториал УРСС, 2005. 160 с.
3. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.
2. Вайнрайх У. Однойзычие и многоязычие// Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. - М., 1972. С. 25 – 60
4. Супрун А.Е. Два типа двуязычия, транспозиция и интерференция // Русский язык в национальной школе. М., 1974. С. 6
5. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., Аспект Пресс, 2000. 352 с.

RUSSIAN LANGUAGE INTERFERENCE IN LEARNING TURKISH LANGUAGE

M.G. Bukulova

PhD in Philology,

Moscow State University of Humanities and Economics,

Russian Federation, Moscow

E-mail: m.bukulova@gmail.com

When we take a look at the issue from the cognitive side, the preliminary information learned earlier affect learning positively or negatively during foreign language learning. Consequences such as changes in the narrative, negativity, communication disorder, semantic shift and delay in the learning process due to deviations from the norm in interference. In this study the inference errors made by university students whose native language is Russian and are learning Turkish as a foreign language during the stages of learning Turkish will be analyzed. The purpose of the study is to determine and classify the syntactic, lexicological and phonemical interference errors and to try to present alternatives, which will minimize language interference.

Key words: Interference, Influence of the Mother Tongue, Interference Errors, Turkish Language.

РОЛЬ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Шафигуллина Лилия Шамиловна

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры алтаистики и
китаеведения ИМОИиВ (КФУ)*

E-mail: Liliyashamilovna@mail.ru

Данное исследование рассматривает роль турецкого языка как средство преподавания в высшей школе и представлен обзор типичных ошибок, допускаемых студентами, при изучении того или иного грамматического явления турецкого языка. Среди грамматических особенностей турецкого языка, представленных в данном исследовании: категория принадлежности имен существительных, правила согласования турецких имен прилагательных и числительных с именами существительными, а также порядок слов в простом предложении. Указанные аспекты представлены в сопоставлении с аналогичными явлениями в русском языке. Автор статьи также информирует об умении правильно и логично выстроить процесс обучения турецкому языку, приводя анализ системы упражнений.

Ключевые слова: научность, последовательность, лингвистические основы, агглютинативные языки, морфология, имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, глаголы, синтаксис.

В субъектах России наряду с развитием государственных языков неуклонно возрастает роль иностранных, особенно восточных языков, что связано с потребностью общения, обмена опытом между народами в новых условиях. Перестройка общественной жизни в последнее десятилетие привела к расширению экономических, политических и культурных связей России с другими странами, что требует глубоких знаний, устойчивых речевых навыков, необходимых для полноценной языковой коммуникации в различных жизненных ситуациях, так как «двухязычным можно назвать того человека, который, кроме своего первого языка, в сравнимой степени компетентен в другом языке, способен со схожей эффективностью пользоваться в любых обстоятельствах тем или другим из них» [5: 11].

Следовательно, целенаправленное формирование двуязычия (многоязычия) в системе образования должно способствовать практическому овладению иностранным языком, в том числе турецким, предполагающему развитие навыков речевого общения в учебной деятельности, бытовой, официально-деловой и социокультурной сферах.

В связи с этим обучение турецкому языку в высшей школе приобретает особую значимость. При этом первоочередной задачей становится разработка содержания и системы обучения турецкому языку.

Актуальность данной статьи обусловлена недостаточной разработанностью исследований по проблеме обучения грамматическим особенностям турецкого языка в вузе, способствующих повышению эффективности обучения турецкой устной речи, которая была бы ориентирована на развитие процессуальных коммуникативно-речевых качеств личности обучающегося.

Грамматическая система в процессе обучения языку служит направляющей силой, ведущей к практическому овладению языком. Это положение получило убедительное подтверждение в исследованиях Л.В. Щербы: «...под языком мы разумеем едва ли не в первую голову его грамматику» [6:67]. Эти слова имеют прямое отношение и к турецкому языку.

Степень важности тех или иных грамматических явлений при отборе содержания и системы обучения турецкому языку определяется следующими факторами:

- а) спецификой самой системы турецкого языка по сравнению с родным языком студентов;
- б) степенью сходства и расхождения турецкого языка с родным языком студентов;
- в) методической целесообразностью введения тех или иных языковых единиц в процессе обучения турецкому языку на начальном этапе.

Для агглютинативных языков характерно механическое и постепенное присоединение аффиксов к корню. К морфемам при этом относятся все значимые части слова. Следовательно, выделяются морфемы корневые, аффиксальные словообразующего и аффиксальные грамматического (формообразующего) значений. Аффиксы, в свою очередь, подразделяются на суффиксы (аффиксы, стоящие после корня) и префиксы (аффиксы, стоящие перед корнем). К аффиксам в турецком языке относятся морфемы, стоящие на конце слова и выражающие отношение данного слова к другим словам в составе предложения [2].

Отличительной особенностью имен существительных турецкого языка является наличие категории принадлежности. С помощью специальных аффиксов выражается принадлежность предмета какому-либо лицу: *benim kalem-im* – моя ручка (с пером), *senin kalem-in* – твоя ручка (с пером), *onun kalem-i* – его (ее) ручка (с пером), *bizim kalem-imiz* – наша ручка (с пером), *sizin kalem-iniz* – ваша ручка (с пером), *onların kalem-i* – их ручка (с пером).

В турецком языке принадлежность может выражаться:

- а) синтетическим способом – с помощью аффиксов принадлежности соответствующего лица: *kalem-im*;
- б) аналитическим способом – сочетанием личного местоимения в притяжательном падеже с существительным: *benim kalem*;
- в) аналитико-синтетическим способом – сочетанием личного местоимения в притяжательном падеже с существительным, имеющим аффикс принадлежности соответствующего лица: *benim kalem-im* [4].

Для отработки навыка использования слов с аффиксами принадлежности можно предложить задания со следующими формулировками: 1) Допишите аффиксы принадлежности к следующим словам: *benim çant.....*, *senin okul.....*, *onun arkadaş.....*, *bizim teyze.....*. 2) Переведите следующие словосочетания: *arkadaşımın evi*, *ablamin elbisesi*, *annemin teyzesi*, *ablamin kedisi*, *komşumun çocuğu*. □

Сложность в обучении турецкому языку представляет и изучение имен прилагательных. В турецком языке имена прилагательные не изменяются по родам, числам и падежам. С существительными они связываются способом примыкания: *ilginç kitap* – интересная книга, *ilginç dergi* – интересный журнал, *büyük evler* – большие дома, *küçük çocuklar* – маленькие дети, *tembel öğrenci* – ленивый студент. Как известно, в русском языке имена прилагательные согласуются с существительными, к которым они относятся, в роде, числе и падеже (*большой город*, *большая сумка*, *большое окно*). Поэтому учащиеся с большим трудом осмысливают указанную особенность прилагательных в неродном языке, не могут понять, что к существительным *sokak* – улица, *masa* – стол, *sıra* – парта можно подобрать одно и то же прилагательное *geniş* – широкий.

Для закрепления навыков употребления в речи имен прилагательных можно использовать следующие задания: 1) Составьте словосочетания, используя следующие прилагательные и существительные: **güzel** – красивый, **geniş** – широкий, **küçük** – маленький, **kız** – девушка, **masa** – стол, **ev** – дом. 2) Опишите своего друга, используя следующие прилагательные: **güzel** – красивый, **büyük** – большой, **uzun** – высокий, **tembel** – ленивый, **mavi** – синий, **sarı** – желтый, **siyah** – черный, **küçük** – маленький, **çalışkan** – трудолюбивый. 3)

Переведите с русского на турецкий язык следующие словосочетания: большой дом, длинная речь, маленькая девочка, желтое платье, деревянная дверь, низкий потолок, шумный класс, яркая звезда.

Имена числительные в турецком языке также имеют свои особенности: они связываются с существительным путем примыкания, причем имена существительные, обычно имеют форму единственного числа (*beş öğrenci* – пять учеников). В русском языке числительные имеют свои грамматические признаки: связь с существительными выражается падежными формами имени существительного единственного и множественного числа (два преподавателя, десять учебников). Поэтому для обучающихся типичным является нарушение согласования числительных с существительными. По аналогии с русским языком они употребляют при числительных имена существительные с аффиксами множественного числа. Например, словосочетание пять учеников переводят как *beş öğrenciler* вместо *beş öğrenci*.

Для закрепления практических умений и навыков по теме «Имя числительное» можно предложить следующие задания: 1) Ответьте на вопросы: *Sınıfta kaç tane talebe var?* – Сколько студентов в классе?; *Bu ailede kaç tane çocuk var?* – Сколько детей в этой семье?; *Senin kaç tane arkadaşın var?* – Сколько у тебя друзей? 2) Определите слово, которое не является числительным: а) *milyon* – миллион; б) *kırk* – сорок; в) *bir* – единица; г) *bir buçuk* – полтора; д) *bin* – тысяча. 3) Переведите следующие словосочетания: *dört öğrenci*, *beş defter*, *üçü beş çocuk*, *altmış iki kedi*, *sekiz elma*, *on iki kalem*.

При переводе с русского языка на турецкий могут возникнуть трудности, связанные с тем, что некоторые русские префиксальные глаголы передаются на турецкий язык при помощи наречий или каких-либо других частей речи в сочетании со вспомогательным глаголом, например, подойти – *yanına gelmek*, опередить – *önüne geçmek*, исполнить – *yerine getirmek*, предусмотреть – *göz önüne almak*[1].

Касаемо заимствованных слов в турецком языке, то они активно используются в турецком языке и применяются во всех сферах жизни. Так, например, традиционные экономические и политические отношения во Франции, восходящие к средним векам, отразились в турецкой лексике на ряде самых различных фактов. Полагают, что во Франции был сделан турецкий заказ по чеканке монет, которые по своей грубой отделке получили латинское название *grossus*, откуда турецкое *guruş > kuruş* – “пиастр” и далее разными путями русское “грош”. Через Францию турки познакомились с Германией, что подтверждают турецкие слова “*alman*” (немец) и “*Almanya*” (Германия).

Франция стала для Турции тем же, чем была Германия и Голландия для России эпохи Петра I. К середине XIX в. группы молодых людей отправлялись в Париж для получения образования; французская техника, наука и литература успешно конкурировали на турецкой почве со средневековыми арабскими традициями. Характерна хотя бы такая деталь, как железнодорожная терминология: *tren – tiren* “поезд” < фр. *train*; *vagon* «вагон» < фр. *wagon*; *istasyon* «станция, вокзал» < фр. *station*. Интернациональный сектор турецкого словаря пополнялся при посредстве французского языка. Эпизодическую роль в истории турецкого словаря играли такие языки, как румынский, албанский, грузинский, армянский и южнославянские. Их отражения нужно искать по линии быта в женской (и специально гаремной) среде, где томились невольницы разных национальностей, купленные султанами, беями и пашами для своего гарема.

Русский язык также отражался в старом турецком словаре небольшим количеством терминов. Например, интересно слово *telâtin* “юфть” (собствен.: “телятина”), запечатлевшее старинную статью русского экспорта, *ruble* «рубль», *put* “пуд”; кроме этих экономических терминов, – ряд слов, связанных с русско-турецкими войнами: *kazak* «казак» (для турецкого языка это русское слово).

В ходе изучения учебного материала по предложенным темам студенты в речи употребляют заимствованные слова, что значительно облегчает запоминание грамматических структур.

Следует отметить и то, что в лексике русского языка также содержится значительное количество слов тюркского (турецкого) происхождения. К таким словам относятся названия специфических предметов быта из жизни турок. Среди них есть такие слова, как *баклава*, *раки*, *кебаб*; татарского происхождения. Например, *катык*, *чһкчһк*, *льчпочмак*, *бһлеш*. Поэтому тюркско-турецкие заимствования, также как русские и другие, должны учитываться при изучении отдельных тем на начальном этапе обучения (например, темы «*Benim ailem*», «*Benim okulum*» и т.д.).

Далее остановимся на сопоставительном описании синтаксических конструкций турецкого и русского языков, которые играют существенную роль при первоначальном обучении турецкому языку как неродному. При этом надо иметь в виду, что расположение членов предложения турецкого и русского языков определяется следующими факторами: построением предложений, формой выражения главных членов предложения, местом второстепенных членов предложения. Необходимо напомнить, что порядок слов в предложении напрямую зависит от подлежащего и сказуемого. Именно они служат связующим центром для всех остальных членов. В русском языке порядок слов более свободный, чем в турецком, в результате чего при составлении предложений у студентов часто встречаются предложения типа *Ben gidiyorum okula* вместо *Benokula gidiyorum*: (*Я хожу в школу*); *Benim babam çalışıyor fabrikada* вместо *Benim babam fabrikada çalışıyor* (*Мой папа работает на фабрике*).

Чтобы пояснить суть типичных ошибок в речи студентов, связанных с порядком слов в турецком предложении, сначала рассмотрим местонахождение главных членов предложения – подлежащего и сказуемого – в турецком и русском языках. В обоих языках подлежащее, выраженное именем существительным, местоимением или субстантивированной частью речи, обычно располагается перед сказуемым, выраженным глаголами изъявительного наклонения. Например: *Talebe okuyor* – Студент читает. *Ben okuyorum* – Я читаю. Сказуемое в турецком языке находится на последнем месте, перед ним располагаются те второстепенные члены, которые относятся к нему. Например, *Ayşe okula gidiyor*. – Айше идет в школу.

Сказуемое в русском языке может находиться и перед подлежащим. Обычно такое предложение начинается со второстепенных членов, которые относятся к сказуемому. Например: Сегодня начинаются каникулы. Если сказуемое выражает процесс, действие, то оно также располагается в начале предложения: Течет река Волга.

Что касается второстепенных членов предложения турецкого и русского языков, то о них можно сказать следующее:

а) в турецком языке определение всегда находится перед определяемым словом: *Bu kimin çantası?* – Это чья сумка? *Bu benim çantam*. – Это моя сумка.

В русском языке согласованное определение ставится перед определяемым словом, а несогласованное – после него: Дует сильный ветер. Дом из кирпича;

б) в турецком языке дополнение обычно находится перед сказуемым, а в русском – после сказуемого: *Ahmet kitap okuyor*. – Ахмет читает книгу.

в) обстоятельства места и времени в обоих языках обычно занимают место в начале предложения: *Yazın biz köyde tatil yaptık*. – Летом мы отдыхали в деревне. *Sokakta güzel arabalar geçiyor*. – На улице проезжают красивые машины;

г) тот член предложения, который содержит в себе что-то новое, в турецком языке обычно находится перед сказуемым и имеет логическое ударение. Например: *Timur eve*

gidiyor. – **Тимур** идет домой. В русском языке член предложения, имеющий логическое ударение, обычно ставится на последнее место: Дети играют **на улице**.

Для отработки навыков построения синтаксических конструкций можно предложить следующие задания: 1) Составьте предложения, поставив слова в правильном порядке: а) **Ayşe, geldi, sabah, okula;** б) **Fabrikada, çalışıyor, annem.** в) **Gitti, Ayhan, sinemaya;** г) **Ben, çıktım, erken, sınıftan.** 2) В данных предложениях подчеркните обстоятельства места: *Evde güzel müzik çalıyor.* – Дома играет красивая музыка. *Kışın biz köyde tatil yaptık.* – Зимой мы отдыхали в деревне. *Ben sinemada film seyrettim.* – В кинотеатре я смотрел фильм. *Cocuk sokakta futbol oynuyor.* – Ребенок на улице играет в футбол. 3) Составьте простые предложения.

Таким образом, роль турецкого языка как средство преподавания в высшей школе очень велика и при обучении грамматическим аспектам турецкого языка на уровне морфологии особое внимание нужно уделить, в первую очередь, категориям принадлежности, именам прилагательным и числительным, не имеющим морфологических показателей, а на уровне синтаксиса – порядку слов в предложении, формам выражения членов предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М.–Л.: Гос.соц.экон. издательство, 1935. 354 с.

2. Кузнецов П.И. Учебник турецкого языка // Часть 2. Завершающий курс. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2005. 380 с.

3. Поливанов Е.Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию / Сост. Л.Р. Концевич. – М.: Наука, 1991. 622 с.

4. Советкин Ф.Ф. О новых научно-методических требованиях к учебникам русского языка для национальных школ // Родной и русский язык в национальной школе / Под ред. В.В. Решетова и Ф.Ф. Советкина. – М.: АПН РСФСР, 1962. с.87-105

5. Сигуан М., Макки Ч.Ф. Образование и двуязычие. – М.: Педагогика, 1990. 184 с.

6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. 428 с.

7. Шакирова Л.З. Основы методики преподавания русского языка в татарской школе. – Казань: Магариф, 1999. 351

8. Шафигуллина Л.Ш. Дидактические условия развития иноязычной речевой деятельности студентов педагогического вуза на начальном этапе: дис. ... канд. пед. наук. – Казань: ТГГПУ, 2006. 144 с.

**THE ROLE OF THE TURKISH LANGUAGES A MEANS OF THE TEACHING
IN A HIGHER SCHOOL**

Dr. L.Sh.Shafigullina

*Assistant professor the Department of Altaic and Chinese studies,
Institute of International Relations, History and Orientalism,
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
E-mail: Liliyashamilovna@mail.ru*

This paper presents The role of the Turkish languages a means of the teaching in a higher school and an overview of typical mistakes made by students during the study of a particular grammatical appearance of the Turkish language. The following grammatical peculiarities of Turkish language are presented in this study such as a category of the belonging of the nouns in the Turkish language, the procedure of binding of the Turkish adjectives and numerals with nouns, as well as the word order in a Turkish simple sentence. These aspects are presented in comparison with the similar phenomena in the Russian language. The author of article also informs about ability to build the training process of the Turkish language correctly and logically, giving an analysis of exercises.

Key words: scientific, sequence, morphology, linguistic bases, agglutinative languages, nouns, adjectives, syntax, numerals, verbs.

**УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ РЕПАТРИАНТОВ-КАЗАХОВ**

Агманова Атиркуль Егембердиевна
доктор филологических наук, профессор
филологический факультет
кафедра теоретической и прикладной лингвистики
Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана
E-mail: agmanova@mail.ru

Асмагамбетова Батима Мирамбаевна
кандидат педагогических наук, доцент
филологический факультет
кафедра теоретической и прикладной лингвистики
Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана
E-mail: batima_2010@mail.ru

В статье рассматриваются учебные пособия по русскому языку, разработанные авторами для казахоязычных студентов-репатриантов, а именно учебное пособие для начального обучения русскому языку; пособие, формирующее элементарные знания и навыки в области научного стиля речи, а также учебное пособие для самостоятельной работы. В пособиях представлен репертуар моделей межкультурного общения в разных сферах деятельности, в том числе, в учебно-научной, с учетом казахстанских языковых реалий. При подборе языкового материала и формировании текстовой базы в учебниках использованы материалы, отражающие культуру России и Казахстана.

Ключевые слова: учебные пособия, изучение русского языка, упражнения, текст, межкультурная коммуникация, студенты-репатрианты.

Языковая адаптация этнических казахов на исторической родине сопряжена с определенными трудностями, среди которых следует отметить особенности языковой ситуации в Казахстане, связанные с широким повсеместным использованием, наряду с казахским, русского языка. В современном поликультурном пространстве студенты-репатрианты испытывают потребность в общении с людьми разных национальностей, необходимым условием этого является обучение русскому языку как языку межнациональному. Создание условий для эффективного усвоения русского языка и решения вопросов реализации учебной программы, ориентированной на межкультурную коммуникацию, несомненно, играют немаловажную роль в успешной адаптации студентов-репатриантов.

В процессе реализации данной задачи в обучении студентов репатриантов-казахов велика роль учебников и учебных пособий по русскому языку, которые на начальном этапе являются основным источником получения не только сведений об изучаемом языке, но и информации об этнокультурных особенностях страны изучаемого языка. Придерживаясь мнения о том, что при усвоении второго языка большую роль играет формирование лингвокультурных знаний, мы, ориентируясь на учебные пособия российских изданий, в частности и РУДН, попытались реализовать свое видение по данному вопросу в учебном пособии лингвокультурологической направленности «Русский язык для тюркоязычных студентов-репатриантов» [1].

Издание нами данного учебного пособия по русскому языку для студентов-репатриантов было насущной необходимостью, поскольку в Казахстане до сих пор нет

учебников, направленных на формирование межкультурной компетенции студентов репатриантов-казахов и способствующих их успешной адаптации в условиях вузовского обучения.

Учебное пособие ориентировано на обучение элементарному (начальному) уровню владения языком. При построении учебника мы исходили из приоритетной цели обучения русскому языку репатриантов-казахов - формирование языковой, коммуникативной и культурологической компетенций.

В предлагаемом нами учебнике использованы следующие основные принципы обучения:

1. Ситуативно-тематическое представление учебного материала, которое отражает специфику функционирования языка в социально-культурной и социально-бытовой ситуациях общения студентов-репатриантов: «Давайте познакомимся», «Приветствие», «Семья», «В супермаркете», «Общезитие», «Университет», «В библиотеке», «Свободное время», «Мой день» и т.д.

В рамках каждого занятия определяются наиболее типичные ситуации общения, интенции, встречающиеся в этих ситуациях и средства их выражения.

2. Функциональность. В учебнике реализована модель обучения от функции, значения, смысла речи, интенции (целевых установок коммуникативных действий) к средствам их выражения (коммуникативным действиям, грамматическим и лексическим операциям).

3. Принцип коммуникативности, который предполагает обязательное использование условно-коммуникативных и собственно-коммуникативных упражнений, направленных на развитие четырех видов речевой деятельности (слушание, чтение, говорение и письмо). Особое внимание уделено работе с речевыми образцами в сфере межкультурного общения.

4. Принцип системности и последовательности, реализуемый посредством систематизации языкового и коммуникативно-речевого материала.

5. Принцип сознательности обеспечивается презентацией учебного материала в контрастивном аспекте с опорой на родной (казахский язык) студентов, грамматические особенности русского языка сопровождаются комментариями на казахском языке.

Пособие построено с учетом целесообразности, системности, минимизации и тематико-ситуативной организации учебного материала. При отборе лексико-грамматического материала учитывались коммуникативные потребности студентов-репатриантов. Система упражнений направлена на выработку навыков фонетического и лексико-грамматического оформления высказываний на русском языке, а также на развитие навыков и умений в основных видах речевой деятельности с учетом межкультурного общения.

Учебное пособие состоит из введения, пятнадцати разделов, приложений, включающих три варианта тестовых заданий для рубежного контроля, тексты для аудирования, тексты для заучивания, русско-казахский словарь, лингвокультурный справочник (фразеологизмы, пословицы и поговорки, культурные реалии двух стран: достопримечательности Казахстана и России, национальные традиции, национальные праздники русского народа).

Основной дидактической единицей при обучении языку является текст. Текст как явление языковой действительности, представляющий собой сложный феномен, является и средством коммуникации, и способом хранения и передачи информации, он отражает психологическую жизнь индивида, является продуктом определенной исторической эпохи и формой существования культуры, а также отражением традиций и определенной национальной культуры. Широкое понимание содержательной емкости и функциональности текста позволяет утверждать, что в тексте найдут отражение в той или иной степени все значимые составляющие лингвокультурной действительности страны изучаемого языка. Следовательно, знакомство с текстом позволяет обучающемуся приобретать фоновые знания

в области инокультуры. Большую помощь в приобретении знаний лингвокультуроведческого характера оказывают художественные и публицистические тексты. Любой текст является источником информации, поэтому важен отбор текстов на основе их содержательной структуры. Система заданий к ним позволяет обеспечить принцип диалога двух культур, т.е. дает возможность обучать русскому языку посредством использования полученной информации для сопоставления фактов родной и изучаемой действительности, выявления позиций обучаемого по рассматриваемому вопросу, обобщения с опорой на их личный опыт. В тексте реализуются композиционно-синтаксические функции предикативных структур, которые проявляют себя как модели, предназначенные для выражения конкретных речевых намерений говорящего.

В учебное пособие включены тексты с национально-культурным компонентом, содержащим сведения о русской и казахской культуре, речевом этикете, быте, традициях, обрядах и обычаях, устном народном творчестве. Так, под заголовком «Обратите внимание» дается информация о названиях членов семьи и родственников в русских и казахских семьях, их сходствах и отличиях; об особенностях приветствия русского и казахского народа; приводится таблица ласкательных слов в русском и казахском языке; указываются особенности обращения русского и казахского народа к разным категориям людей и т.д. Предлагаются сведения о первом вузе Казахстана и Российском университете дружбы народов (РУДН); об общежитиях и библиотеках в казахстанских и российских университетах, о библиотеке первого президента Республики Казахстан и т.д. Система послетекстовых вопросов и заданий служит мотивационной базой для речевого общения с опорой на личный опыт студентов: Задаются вопросы: Как здороваются жители той страны, откуда вы приехали? Какие формы приветствия имеются у казахстанской молодежи? Как обращаются друг к другу жители той страны, откуда вы приехали? Какие библиотеки Астаны вы знаете? Что вы узнали об Эрмитаже? О каких достопримечательностях Москвы говорится в тексте?

В учебнике представлена работа с фразеологизмами, несущими этническую информацию, как известно, фразеология отражает историю и многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его нравственные ценности, религиозные воззрения и верования. Особое место в пособии занимают прецедентные высказывания: цитаты, пословицы, поговорки, загадки, обращение к которым позволяет студентам понять, что все народы одинаково ценят и воспевают лучшие человеческие качества (смелость, отвагу, трудолюбие, любовь к родине, щедрость, смекалку и др.) и, наоборот, высмеивают отрицательные черты характера (леность, зависть, трусость, жадность, глупость и др.). Сопоставление фразеологизмов, пословиц и поговорок приучает студентов внимательно относиться к слову, вырабатывает привычку пользоваться словарями, справочниками культурологического содержания.

Помимо учебника, нами издан сборник «Задания для самостоятельной работы по русскому языку (для студентов-оралманов)» [2]. В сборнике представлено 30 практических тем, каждая из которых предполагает работу с текстом и выполнение заданий, связанных с самостоятельным составлением монологического или диалогического высказывания. В качестве коммуникативных опор представлены функционально-смысловые таблицы (ФСТ), которые выступают в качестве содержательной и мотивационной базы порождения текста на предложенные речевые темы. Внутри каждой функциональной группы таблицы слова связаны парадигматическими связями. С левой стороны таблицы даны речевые модели, которые позволяют студентам построить высказывание путем сочетания этой модели с выбранной лексической единицей и глаголом-сказуемым. Все слова таблицы представляют единый смысловой блок, что способствует формированию в сознании обучающихся прочных семантических связей, следствием чего является более эффективное усвоение русской лексики.

Кроме того, в сборник включены тексты для самостоятельного чтения, стихотворные тексты известных русских поэтов для заучивания, лингвокультурный справочник, включающий сведения о культуре русского и казахского народа.

В современном обществе важной составной частью культуры русской устной и письменной речи является овладение нормами научного стиля. Для второго семестра нами разработано пособие по научному стилю речи русского языка по профилям специальностей физико-математического, физико-технического, информационно-технического, социально-гуманитарного и общественно-политического факультетов [3]. Целью учебного пособия «Русский язык (научный стиль речи): учебное пособие для казахоязычных студентов-репатриантов» является формирование у студентов-репатриантов элементарных умений аудирования, чтения, говорения и письма по научному стилю речи в рамках изучаемых специальностей. Для этого следует овладеть навыками выражения мысли в научной речи, то есть наиболее типичными, частотными языковыми средствами, необходимыми для построения элементарных моделей предложений: 1) при определении предмета используются такие языковые формулы, как: что есть что; что - это что; что называется чем; 2) введение термина осуществляется с помощью клише: что носит название чего; что получило название чего; 3) принадлежность предмета к классу определяется с помощью конструкций: что относится к чему; что принадлежит к чему; что входит в группу чего и т.д. Эти и другие структуры предлагаются в учебном пособии для практической работы.

Пособие состоит из 15 уроков и приложения с научными текстами по разным специальностям. Каждый урок рассчитан на 3 часа аудиторных занятий.

Структура пособия нацелена на активное участие студентов в коммуникативной деятельности. Между частями урока осуществляется взаимосвязь с помощью научных текстов, содержащих языковой материал урока, а также материалом грамматических упражнений, подобранных на текстовой основе. Задания рассчитаны на совершенствование коммуникативно-речевых умений в чтении, в устной и письменной речи на основе содержания текста.

Каждый урок предваряет материал по совершенствованию орфоэпических норм произношения, например, произношение мягких и твердых согласных, шипящих, аффрикат (ц, ч) и т.д.. Для отработки орфоэпических норм предлагаются, наряду с другими упражнениями, русские пословицы, специально подобранные с учётом рассматриваемых языковых явлений, что одновременно способствует формированию лингвокультуроведческой компетенции. Так, например, к Уроку 4 на тему «Произношение звонких согласных в конце слова и перед глухими согласными» предложено следующее задание: Прочитайте пословицы. Укажите, какие звуки обозначают подчёркнутые буквы. Как вы понимаете пословицы?

1. Без царя в головѣ. 2. Терпѣнье и труд всё перетрут. 3. Старый друг лучше новых двух. 4. Муж — голова, а жена — шея. 5. В деньгах родства нет.

После орфоэпической работы предусматривается работа с текстом по теме занятия.

Третий раздел посвящён Речеведческому комментарию. Приведем образец комментария к Уроку 6 по теме «Компрессия как вид переработки научного текста»:

Чтобы произвести компрессию текста необходимо:

1. *Внимательное чтение текста и выделение ключевых слов и предложений. Ключевые слова – это слова, которые содержат основной смысл высказывания. Чтобы найти ключевой элемент текста необходимо знать строение абзаца.*

Каждый абзац имеет зачин и комментирующую часть, в которой раскрывается утверждение главной абзацной фразы и где находятся ключевые слова. Заканчивается абзац выводом.

2. Автор вторичного текста использует стандартные выражения (клише), выбор которых раскрывает структуру текста-первоисточника. Например: В монографии обосновывается принцип..., статья представляет собой обзор..., в статье обобщается опыт..., в диссертации использованы следующие методы исследования.

В четвертом разделе представлен Грамматический комментарий. Поэтапное введение новых конструкций позволяет осуществлять систематическую работу по усвоению синтаксических моделей.

Приведем образец из Урока 1 по теме «Способы выражения предиката при квалификации и характеристике явления, научного понятия»:

Для того чтобы охарактеризовать предмет в научной речи используются следующие конструкции:

- ✓ что – (это) что
- ✓ что – один из чего
- ✓ что есть что
- ✓ что представляет собой что
- ✓ что выступает как что

Например: Алматы – бывшая столица Казахстана.

Пятый раздел, посвященный Упражнениям, представлен двумя научными текстами с соответствующими предтекстовыми и послетекстовыми заданиями к ним для устного и письменного выполнения. Приведем некоторые примеры предтекстовых заданий:

1. Прочитайте слова и словосочетания, которые вы встретите в тексте. Значения незнакомых слов определите по словарю.

2. Правильно прочитайте слова, которые вы встретите в тексте.

Компрéссия [рэ], основно́го[ва], аннотáции [цы], тэ́зисы[тэ], сжáтие [жж], образу́ется [ца], егó [во], информáция [цы].

Послетекстовые задания различны, в том числе:

1. Выпишите из текста определения, выраженные прилагательными и причастиями.

2. Постройте по содержанию текста предложения, используя предложенные конструкции.

3. Определите тему, основную мысль текста, составьте план к тексту.

Задания предусматривают понимание содержания текста; обогащение лексического запаса студентов, в том числе научной терминологией; усвоение сочетательных возможностей слов, синтаксических конструкций, характерных для научной речи. Содержание текста воспроизводится в зависимости от целевых установок того или иного грамматического задания. Следовательно, предусматривается неоднократное обращение к тексту с использованием разных видов чтения. Упражнения способствуют усвоению правил русской грамматики, совершенствованию навыка грамматического оформления высказывания, что является весьма сложным для иноязычных студентов.

Таким образом, новые учебные пособия для студентов репатриантов-казахов, учитывающие казахстанские реалии, нацеленные не только на формирование языковых знаний, но и навыков межкультурного общения, повышают положительную мотивацию к изучению русского языка и способствуют успешной адаптации молодого поколения репатриантов-казахов в условиях вузовского обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агманова А.Е., Асмагамбетова Б.М., Акынова Д.Б., Даирова М.К. Русский язык: Учебное пособие для казахоязычных студентов-репатриантов. Астана: изд-во «ТОО«KazServicePrint LTD», 2015. 250 с.
2. Агманова А.Е., Асмагамбетова Б.М., Рахимбекова М.К. Сборник заданий для самостоятельной работы по русскому языку (для студентов-оралманов). Астана, 2013. 88с.
3. Русский язык (научный стиль речи): учебное пособие для казахоязычных студентов-репатриантов / А.Е. Агманова, Б.М. Асмагамбетова, М.К. Даирова, Ж.Н.Кузар; под общей ред. А.Е. Агмановой. – Астана: Изд-во ТОО «KazServicePrintLtd», 2016. 170 с.

TEXTBOOK AS THE PRIMARY MEAN OF LEARNING RUSSIAN LANGUAGE FOR KAZAKH-REPATRIATE STUDENTS

Agmanova Atirkul Yegemberdiyevna

Doctor of Philology, professor

Faculty of Philology

Department of Theoretical and Applied Linguistics

L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana

E-mail: agmanova@mail.ru

Asmagambetova Batima Mirambayevna

Ph.D, assistant professor

Faculty of Philology

Department of Theoretical and Applied Linguistics

E-mail: batima_2010@mail.ru

The article contains information about textbooks of Russian language for Kazakh-speaking repatriate students that were developed by us, specifically, about the textbook for initial learning of Russian language, and the textbook forming the basic knowledge about scientific-style speech, and the textbook for self-study. The textbooks represent repertoire of the model of intercultural communication in different spheres, including teaching and research, taking into account realities of Kazakhstani languages. During selection of language material for learning Russian language by inofon-students the materials that reflect the cultures of Russia and Kazakhstan were used in the textbooks.

Key words: textbooks, Russian language learning, exercises, text, intercultural communication, repatriate students.

ВЫЯВЛЕНИЕ ОРФОЭПИЧЕСКИХ ОШИБОК УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

Харисова Чулпан Мухаррамовна

доктор педагогических наук,

профессор кафедры татарского языкознания,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: c.harisova@yandex.ru

Публикуется при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №15-16-16004 а(р)»

В статье показаны причины появления орфоэпических ошибок у русскоязычных учащихся при изучении татарского языка. В ней фонологический подход к обучению произношению рассматривается как самый эффективный при устранении орфоэпических ошибок; раскрываются особенности речевых неточностей в коммуникации, разделенные на фонологические и фонетические.

Ключевые слова: орфоэпия, интонация, речь, аллофоны, умения, навыки, воспроизведение, контактирующие языки.

Основная и самая главная причина появления орфоэпических ошибок у учащихся при изучении неродного языка – это имеющиеся особенности в фонетико–фонологических системах контактирующих (татарского и русского) языков. Не менее важной причиной является также особая забота учителя о правописании, насилие над звучащей речью во имя выработки у учащихся правильных орфографических навыков. Многие учителя обычно убеждены в том, что орфоэпически правильное литературное произношение мешает формированию и развитию орфографических навыков. Однако здесь необходимо напомнить о том, что чем выше культура устного слова, чем правильнее орфоэпически говорят ученики, тем правильнее они напишут. На практике же некоторые учителя, к сожалению, приучают учеников к побуквенному чтению, поэтому они все чаще руководствуются орфографическими правилами и нередко допускают произносительные ошибки.

Как известно, учащиеся воспринимают звуки изучаемого языка в сопоставлении с фонологической системой родного языка. В результате наложения системы артикуляционных навыков родного языка на второй неизбежно возникают ошибки в произношении.

Типологические признаки фонологической системы татарского языка могут затруднять обучение русскоязычных учащихся нормам произношения как в области гласных, так и в области согласных. Например, в системе татарских согласных, по нашему мнению, такими признаками являются: отсутствие корреляции согласных по твердости–мягкости, специфическое произношение согласных при соседстве с гласными переднего или заднего ряда, воспроизведение ларингальных, фарингальных, сонорных и других специфичных звуков. Как следствие этого, появляются смыслоразличительные ошибки, связанные с неправильным произношением аллофонов.

Как показывает практика, самым эффективным приемом устранения ошибок считается фонологический подход к обучению произношению, предполагающий приспособление артикуляционных навыков родного языка к изучаемому. Эффективная борьба с языковыми (смыслоразличительными) ошибками должна основываться на двуязычном сопоставлении, учитывающим не только артикуляционные базы рассматриваемых языков, но, в первую очередь, их фонологические системы. Поэтому во избежание серьезных ошибок в речи учащихся с самого начала необходимо фиксировать их внимание на правильном усвоении

фонем языка, т.е. на тех комплексах артикуляционных особенностей звуков, которые помогают различать фонемы.

Для определения наиболее рациональных путей обучения русскоязычных учащихся произносительной системе татарского языка нужно знать не только отличительные особенности контактирующих языков, но и выявить «специфические особенности восприятия и воспроизведения тех или иных элементов фонетической системы в соответствии с имеющимися у них, т.е. детей – опытом» [Баранников, 1984, с. 83].

Фонологический подход к обучению произношению является более эффективным на пути предупреждения, устранения ошибок в речи учащихся, при которой артикуляционные навыки родного языка приспособляются к изучаемому. Эффективность работы с произносительными ошибками основывается на результатах сопоставления контактирующих языков. В своей деятельности учителям рекомендуется уделять серьезное внимание на правильное усвоение фонем татарского языка. При воспроизведении отдельных звуков изучаемого языка ученик сравнивает его с другими, ищет ему аналогию в родном языке. Ребенок при этом «шепчет про себя, пишет или зачеркивает, т.е. думает, сравнивает, анализирует... Это умение названо И.М.Сеченовым как «самым драгоценным умственным сокровищем». Большое значение придавал сравнению при обучении языку и К.Д.Ушинский.

На уроке татарского языка ученик воспринимает иноязычную фонему как сложный целостный объект: прежде всего он воспринимает и воспроизводит сходные с родным языком признаки. Например, наиболее трудный для учащихся глухой согласный [h] обычно заменяется согласным [x], гласный [ə] – [э], вместо губно–губного щелевого [w] в словах [w]акыт–время, та[w]ыш – голос произносится губно–зубной [в]. Этому способствует ошибочное восприятие и воспроизведение буквенного (графического) образа данного согласного.

В теории и практике обучения произносительной системе неродного языка встречается различная классификация орфоэпических и интонационных ошибок. Одни называют произносительные ошибки как недопустимые и терпимые (Галеева М.М.); другие – как нарушения и искажения (Мышкин З.Ф.), разделяя их в свою очередь на допустимые фонетической системой и как недопустимые; третьи – как внутриязыковые и межъязыковые (Алиева Т.Н.), а также – фонетические и фонологические (И.В.Баранников).

Такое разграничение ошибок происходит с учетом коммуникативных целей обучения неродному языку. При этом учитывается и то, насколько та или иная ошибка важна для общения на изучаемом языке, затрудняет ли взаимопонимание между собеседниками, искажается ли семантика изучаемой лексической единицы и т.д.

Учитывая характер нарушения норм и законов произношения татарского языка и их значимости в коммуникации речевые ошибки нами разделены на две группы: фонологические и фонетические. В первом случае (фонологическом) неправильное произношение одной фонемы искажает звуковой облик слова и изменяет его значение, происходит замена фонемы татарского языка, в результате чего у собеседников могут появиться затруднения в понимании друг-друга: «хам», «Илхамия», «ява», «мина», «сина» вместо [həm] – союз *и*, *Ил[h]амия* – имя девочки, *ми[ҥ]а* – мне, *си[ҥ]а* – тебе. Таким образом, фонологические ошибки могут стать причиной нарушения в ряде случаев смыслового содержания речевого высказывания. Например, «телар» вместо [телләр] – языки, «тонар» вместо [төннәр] – ночи, «голар» вместо [гөлләр] – цветы, «кул» вместо [кул] – озеро, «мин» вместо [миң] – родинка и др. Следовательно, фонологические ошибки связаны с особенностями фонологических систем контактирующих языков, возникают в результате влияния норм родной (русской) речи учащихся на татарскую.

А при втором случае, т.е. фонетически ошибочное употребление звуков изучаемого языка приводит к некоторому искажению звукового облика слова, происходит замена татарской фонемы русской, не нарушая при этом общей семантики отдельного слова,

например, «кыйш», «кала», «бак^мча», «калфак», «сыйзык», «ыйшан» вместо [къыш] – зима, [къа^ола] – остается, [ба^окъча] – сад, [къа^олфакъ] – национальный головной убор женщины, [сызыкъ] – черта, [ышан] – верь .

Фонетические ошибки связаны с особенностями артикуляционной системы, когда привычный уклад органов речи учащихся при произношении отдельного звука на русском языке переносится на татарскую речь. Фонологические ошибки могут нарушить в ряде случаев смысловое содержание речевого высказывания. Например, [телар] вм. [т'ел'л'эр'] – языки; [голар] вм. [г'өл'л'эр'] – цветы; [кул] вм. [к'ул'] – озеро; [мина] вм. [м'иң'а] – мне и др. Как было уже сказано выше, фонетические ошибки чаще всего не приводят к искажению смысла высказывания, однако они нарушают артикуляционные нормы языка, появляется специфический акцент в речи русскоязычных учащихся: [сина] вм. [сиңа] – тебе, [карга] вм. [къаргъа] – ворона и др. Поэтому учителя татарского языка особенно в начальных классах должны уделять серьезное внимание на проведение орфоэпических «пятиминуток» с использованием аудиокассет и записывающей аппаратуры.

Следует отметить, что фонологические ошибки одновременно являются и фонетическими, т.к. они сопровождаются неправильным выбором аллофонов фонем, характеризующихся собственной артикуляцией. Обычно фонетические ошибки не затрагивают фонологическую систему, являются чисто артикуляционными. Однако фонетические ошибки связаны с фонологической в том плане, что являются результатом влияния артикуляционной базы родного языка учащихся, зависящей от состава и системы фонем. Обе они порождают в речи акцент, своеобразие которого зависит от характера артикуляционных нарушений.

На выделение фонологических и фонетических ошибок в татарской речи учащихся мы обращаем пристальное внимание т.к. исходя из целей обучения татарскому языку как неродному, все они одинаковы значимы и должны быть учтены в процессе формирования и развития произносительных умений и навыков на изучаемом языке.

Вопросам обучения интонации, классификации интонационных ошибок необходимо также уделять серьезное внимание. С учетом методических целей интонационные нарушения можно разделить на две группы: артикуляционные и функциональные. При обучении произносительным особенностям татарского языка мы считаем необходимым отметить, что артикуляционные ошибки должны быть устранены в первую очередь, они связаны с фонетическим оформлением интонационных конструкций (ИК).

Функциональные ошибки связаны прежде всего с неверным интонационно-смысловым членением многосинтагменных предложений, неумением правильно употреблять нужные типы интонационных конструкций в отдельных синтагмах, неумением ставить логическое ударение на том слове, где оно требуется по смыслу. Указанные ошибки, по нашему мнению, прежде всего связаны с недостаточным развитием у учащихся умений и навыков по видам речевой деятельности, особенно по аудированию, что говорит об отсутствии на него должного внимания учителей.

Классификация интонационных ошибок на артикуляционные и функциональные оправдана еще и тем, что она дает возможность более четко определить последовательность изучения различных аспектов интонации изучаемого языка, но не изменяет суть интонационных ошибок. Поэтому далее перечисляем конкретное проявление интонационных нарушений, считая при этом необходимым устранение сначала ошибок в фонетическом оформлении интонационных конструкций, т.е. артикуляционные ошибки.

Среди интонационных ошибок, которых нам удалось обнаружить в своей работе, нами выделены следующие неточности: неверное синтагматическое членение речи на татарском языке; неправильная постановка синтагматического и логического ударения и связанное с ней неточное определение интонационного центра в татарских синтагмах, а также нарушения в мелодическом оформлении синтагм и фраз. Наряду с указанными ошибками,

нарушения при интонировании могут наблюдаться в тембровой окраске высказывания и в выборе необходимого темпа речи учащихся.

Охватить сразу все стороны произносительных особенностей татарского языка, особенно в начальный период, практически невозможно. Учитель вынужден работать по устранению отдельных произносительных ошибок, например, по произношению специфических гласных и согласных, временно оставляя за рамками внимания особенности слогаделения. Однако считаем допустимым это лишь в начальный период обучения языку. Работа по отработке навыков правильного произношения должна вестись регулярно, из класса в класс, и учителя обязаны ориентировать обучаемых на дальнейшее безакцентное произношение [Харисова, 2015, с. 118].

Таким образом, главная задача в формировании и совершенствовании произносительных умений и навыков учащихся при изучении татарского языка состоит в оптимальных способах коррекции уже имеющихся навыков. Ученые едины во мнении о том, что необходимо обратить пристальное внимание прежде всего на преодоление влияния родного языка. И самое трудное для учащихся при этом не усвоение норм нового языка, а исправление уже имеющихся навыков. Если на начальном этапе «коррекции подвергаются навыки родного языка «в чистом виде», то на продвинутом корректируются навыки родного языка «перенесенные» в ткань чужого и «прижитые» в нем, представляющие собой сумму навыков родного и изучаемого языков» [Лебедева, 1981, с. 99]. Влияние двух языковых систем ученые рассматривают как одну из главных причин возникновения акцента в речи. Если интерференцию можно рассматривать как процесс, обуславливающий искажение родного и неродного языков, то акцент мы понимаем как «результат или следствие интерференции» [Вишневская, 1997, с. 7; Kharisov, 2014, с. 441].

Для владения вторым языком, как было уже отмечено, необходимо прежде всего усвоить звуковую сторону изучаемого языка. Чтобы добиться успеха при осуществлении данной задачи, учителю необходимо иметь систему упражнений, рассчитанную на проведение последовательной и системной орфоэпической работы с учащимися. Создание произносительных упражнений для начального и продвинутого уровня, с одной стороны, должно опираться на результаты сопоставительного анализа фонетической и фонологической систем контактирующих языков; с другой – необходимо вести эту работу в связи с изучаемой лексикой, словообразованием и грамматикой татарского языка. Кроме того, большое значение имеет при этом включение в произносительную деятельность учащихся элементов занимательности, которые стимулируют к созданию спонтанной речи на неродном языке, способствуют овладению учащимися навыками фонетического оформления татарской речи в различных видах речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранников И.В. Обучение звуковой системе русского языка. –Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 144 с.
2. Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты: Учебное пособие. –Иваново, 1997. – 99 с.
3. Лебедева Ю.Г. Лингводидактические основы обучения русскому произношению студентов-иностранцев в гуманитарном вузе: Дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1981. – 496 с.
4. Kharisov F.F., Kharisova C.M. Bilingualism and multi-lingualism in a globalized society // Life Science Journal 2014; 11(11s. – P. 439-443. <http://www.lifesciencesite.com>
5. Харисова Ч.М. Обучение татарскому произношению: дидактический аспект // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/121-18653>.

**ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ
ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)**

*Харисов Фираз Фахразович,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры татарского языкознания,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: harisov.52@mail.ru*

Публикуется при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №15-16-16004 а(р)»

Данная статья посвящена к проблеме обучения диалогической речи на татарском языке как неродном. В ней рассматриваются важные методические подходы обучения языку на начальном этапе: понимание иноязычной речи и выражение своих мыслей средствами изучаемого языка, воспроизведение и передача мысли других в устной (аудирование, говорение) и письменной (чтение, письмо) формах общения. Особо подчеркивается взаимосвязь говорения с другими видами речевой деятельности.

В статье описаны некоторые практические рекомендации по совершенствованию диалогической речи одному из тюркских языков — татарскому языку через речевые образцы (структуры).

Ключевые слова: диалог, монолог, виды речевой деятельности, татарский язык, структура, коммуникация.

Для решения задач практического владения татарским языком как неродным в методике на первый план выдвигается задача формирования и последовательного развития умений и навыков по овладению всеми видами речевой деятельности. Следовательно, в условиях школы с русским языком обучения должны учить детей, *во-первых*, пониманию татарской речи, *во-вторых*, выражению своих мыслей средствами татарского языка, *в-третьих*, воспроизведению и передаче мыслей других как в устной, так и письменной формах. Перечисленные коммуникативные умения и навыки формируются путем приобретения знаний. По сравнению с татарской, в русскоязычных образовательных организациях в процессе обучения речевые упражнения преобладают над теоретическими. А теоретические знания носят главным образом прикладной характер. Вместе с тем по мере овладения татарским языком, речевой деятельностью происходит изучение языковых явлений.

Таким образом, особенностью методики преподавания татарского языка в общеобразовательных организациях с русским языком обучения является практическая направленность, сознательно-коммуникативное обучение предмету через ситуативно-тематическое предъявление изучаемого материала.

Принцип коммуникативной направленности предполагает ввод языкового материала в составе предложений и связном тексте. Так как предложение состоит из слов, слова — из морфем, морфемы — из фонем устанавливается тесная связь между единицами различных уровней изучаемого языка. Эти разделы лингвистики должны изучаться комплексно [Зимняя, 1989, с. 142].

В процессе коммуникации виды речевой деятельности находятся во взаимосвязи, что объясняется двусторонностью этого процесса: один из участников общения сообщает информацию адресату, другой — принимает ее.

Условия естественной коммуникации тесно связывают устную (аудирование, говорение) и письменную (чтение, письмо) формы речи [Пассов, 1989, с. 102]. Можно ли общаться с людьми без участия какого-либо вида речевой деятельности? Безусловно, нет.

Для активной коммуникации важны все виды, не овладев которыми невозможно строить нормальное общение, т.е. без взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности нельзя эффективно обучать языку.

Виды речевой деятельности имеют свои особенности. В ходе обучения татарской речи на них следует обратить особое внимание.

Говорение является вторым (после аудирования), не менее важным компонентом процесса коммуникации.

Психологическая природа говорения на втором языке разработана в исследованиях Л.С. Выготского, П.П. Блонского, Н.И. Жинкина, А. Н. Соколова, Б. В. Беляева.

В методическом плане обучение говорению как одному из видов речевой деятельности рассмотрено в работах Е.И. Пассова, Е.В. Котока, Г. В. Роговой, И.Н. Верещагиной, а применительно к татарскому языку как неродному А.Ш. Асадуллина, Ф.С. Сафиуллиной, Ф.Ф. Харисова и др.

Подчеркивая тесную взаимосвязь двух видов речевой деятельности в акте коммуникации, П.П. Блонский писал: «Говорящий и слушающий оба говорят, только один вслух, другой про себя». Действительно, аудирование и говорение настолько взаимосвязаны, что даже трудно установить границу между ними.

Говорение — перевод внутренней речи в акустическую. Перекодировка мысли человека в сигналы возникает тогда, когда у людей появляется потребность сказать что-то друг другу.

Говорение выполняет функцию общения. Последнее осуществляется в двух формах: устной и письменной. Устная форма общения происходит через аудирование и говорение. А для письменной формы необходимо владение такими видами речевой деятельности, как письмо и чтение. «Говорение есть выражение своих мыслей в целях решения задач общения», — пишет Е. И. Пассов [Пассов, 1989, с. 112]. Отсюда вытекает, что предметом общения на уроке являются взаимоотношения объекта и субъекта (учащихся и учителя).

В лингвометодике рассматриваются три способа общения:

1. *Прецептивный*. Участники общения воспринимают друг друга зрительно, интуитивно.

2. *Интерактивный*. Участники общения взаимодействуют друг с другом.

3. *Коммуникативный (информационный)*. Участники общения обмениваются мнениями, мыслями и т. п. [Пассов, 1989, с. 126].

На уроках татарского языка у учащихся возникает естественная потребность общения, то есть стремление выразить мысль на изучаемом языке. Однако у некоторых из них оно пробуждается медленно, и поэтому задача учителя — оказать практическую помощь младшим школьникам в формировании первых навыков говорения. Побуждающим мотивом могут служить ответы на вопросы, выполнение каких-либо действий. Результатом этих операций является ответная реакция собеседника. В ответе, то есть в процессе говорения, происходит выражение собственного способа формирования и формулирования мысли.

Итак, для говорения должны быть созданы особые условия, среди которых первостепенное значение приобретает наличие речевой ситуации (ситуативно-тематическое предъявление материала), что является стимулом для общения на изучаемом языке. Среди других условий можно назвать наличие знаний об объекте, отношение к нему, сообщение своих мыслей.

Наши исследования подтвердили и то, что слова хорошо запоминаются в процессе говорения, если они имеют ассоциативные связи, выраженные с помощью:

- *синонимов*: өй — йорт (дом), юа — чистарга (моет — чистит), ипи — икмэк (хлеб);
- *антонимов*: эти — эни (папа — мама), малай — кыз (мальчик — девочка), тэмле — тэмсез (вкусный — не вкусный);
- *омонимов*: алма — алма (яблоко — не бери), бүлм`э — б`үлмэ (комната — не дели),

май — май (масло — месяц).

Новая лексика может также встречаться в знакомых структурах: *Бу малай укый. (Этот мальчик читает.) Бу малай ашый. (Этот мальчик ест.) Бу малай юа. (Этот мальчик моет.) Бу малай тәзи. (Этот мальчик строит.)* [Харисов, 1996, с. 12].

Говорение тесно связано с другим видом речевой деятельности — чтением, играющим важную роль при становлении механизмов чтения. Говорение также связано и с письмом. Во время графического изображения языкового материала учащиеся проговаривают его про себя.

В целях формирования необходимых умений и навыков татарской устной речи на первоначальном этапе нами была написана книга, которая вышла в издательстве «Магариф» как методическое пособие для учителей под названием «Начальный этап обучения русскоязычных детей татарской устной речи» [Харисов, 1996] с грифом «Рекомендовано Министерством образования Республики Татарстан». Языковой и речевой материалы в ней позволяют добиться необходимых для первоначального этапа умений и навыков в аудировании и говорении на татарском языке. Речевые упражнения способствуют успешному освоению языкового материала. Для иллюстрации вышесказанного обратимся к теме «Безнең мәктәп» — «Наша школа».

Вводится новая структура: *Бу нәрсә? — Что это?* и дается ответ: *Бу китап — Это книга.* Для активного усвоения предлагается следующая лексика: *китап — книга, акбур — мел, класс — сыйныф, карандаш — каләм, нәрсә? — что?* После запоминания образца (структуры) учащиеся по аналогии на вопрос: *Бу нәрсә? — Что это?* отвечают: *Бу акбур (сыйныф, ...) (Это мел (класс, ...)).* На этом же уроке отрабатывается орфоэпия звуков [a] и [a° (лабиализованное а)] на примерах татарских и русских слов [Харисов, 1996, с. 15-16].

Другой пример. Вводится типовое предложение: *Бу кемнең дәфтәре? — Бу минем дәфтәрем. (Это чья книга? — Это моя книга.)* Лексические единицы *дәфтәр — тетрадь, дарес — урок, тәрзә — окно, мәктәп — школа, кемнең? — чья?* Фонетика: отрабатывается орфоэпия специфического звука татарского языка [ә]. Грамматика: подлежащее — указательное местоимение *бу — это*, определение — местоимение *кемнең — чья?*, *минем — моя*, сказуемое — существительное с аффиксами принадлежности 3-го и 1-го лица и т.п.

В программе представлены образцы диалогов и связного высказывания:

— Ул кем? (Он кто?) — Ул Артур. (Он Артур.)

— Ул Артурмы? (Он Артур?) — Әйе, ул Артур. (Да, он Артур.) — Юк, ул Марат. (Нет, он Марат.)

— Малай нәрсә укый? (Что читает мальчик?) — Малай китап укый. (Мальчик читает книгу.) [Харисов, 1996, с. 14].

xxx

— *Бу Казан шәһәре. Шәһәрдә трамвай, троллейбуслар йөри. Мин мәктәпкә троллейбус белән барам. (Это город Казань. В Казани ходят трамваи, троллейбусы. Я еду в школу на троллейбусе.*

Весь этот речевой материал выполняет важную функцию — помогает учащимся составить свои собственные высказывания.

Обучение говорению неразрывно связано с паралингвистикой. Применение жестов, мимики важно еще и потому, что у русскоязычных учащихся татарская речь невыразительна и монотонна.

Анализ исследований о психологической природе говорения подтверждает наличие трех фаз говорения:

- выяснение цели высказывания;
- языковое оформление мысли;
- «выдача» высказывания.

Такой порядок в обучении позволяет выработать необходимые для процесса

говорения навыки звуковой реализации устной речи, умения владеть средствами изучаемого языка автоматически и в нужном объеме.

Учителю татарского языка при обучении русских детей приходится формировать навыки владения татарской устной речью и умения правильного пользования механизмом порождения речи.

Вспомним, что навык — это действие, которое происходит автоматически и не контролируется со стороны лица, совершающего действие. Прочно усвоенные умения становятся навыками [Харисов, 2001].

Элементарными навыками говорения на татарском языке можно овладеть, если научиться произносить специфические звуки, иметь необходимый для начального этапа словарный запас и уметь употреблять их в составе предложений.

Речевые умения — это готовность учащихся применить накопленные практические и теоретические знания.

Овладение умениями и навыками говорения на начальном этапе тесно связано с имитацией речи учителя или диктора (например, при слушании аудио- и видеозаписи). Учащиеся всем классом или индивидуально вслед за учителем произносят звуки, звукосочетания, слова и начинают сознательно усваивать словосочетания и предложения. При этом языковой материал периодически должен повторяться. Наблюдения за процессом обучения языку показывают, что такая целенаправленная работа способствует прочному владению как языковым, так и речевым материалами на изучаемом языке.

Учитывая коммуникативную направленность, функционально-семантический принцип обучения, наша программа предусматривает изучение лексического, фонетического и грамматического материалов главным образом комбинированным способом. Например, при изучении темы «Наша школа» вводится слово *зур* — большой: *зур мәктәп* — большая школа. Эта структура (прилагательное + существительное) с помощью других слов неоднократно повторяется, благодаря чему прочно усваивается. Таким образом, формируются навыки ее употребления без особых трудностей в последующих темах (примеры словосочетаний разных тем: *зур гаилә* — большая семья, *зур күлмәк* — большая рубашка, *зур авыл* — большая деревня). Или другой пример. Типовое предложение: *Синең сумкаң бармы? (У тебя есть сумка?)* — *Әйе, минем сумкам бар. (Да, у меня есть сумка.)* — легко употреблять в других речевых ситуациях (темах):

— *Синең абыең бармы? (У тебя есть брат?)* — *Әйе, минем абыем бар. (Да, у меня есть брат.)*

— *Синең сөлгең бармы? (У тебя есть полотенце?)* — *Әйе, минем сөлгем бар. (Да, у меня есть полотенце.)*

— *Синең күлмәгең бармы? (У тебя есть рубашка?)* — *Әйе, минем күлмәгем бар. (Да, у меня есть рубашка.)*

— *Синең курчагың бармы? (У тебя есть кукла?)* — *Әйе, минем курчагым бар. (Да, у меня есть кукла.)*

Отрицательный ответ учащиеся могут дать следующим образом: *Минем абыем юк. — У меня нет брата. (Абыем юк. — Нет брата.) Минем сөлгем юк. — У меня нет полотенца. (Сөлгем юк. — Нет полотенца.)* или могут ответить неполным предложением: — *Юк. — Нет.*

В процессе обучения говорению на неродном языке необходимо учесть, что речь всегда:

- *мотивирована*, то есть мы не просто говорим, а ставим при этом какую-то цель;
- *направлена к собеседнику*;
- *бывает эмоционально окрашена*;
- *обусловлена различными ситуациями.*

Исходя из вышеизложенного, говорение как вид речевой деятельности можно

охарактеризовать следующим образом:

- говорение всегда ситуативно обусловлено;
- говорение всегда целенаправлено и мотивировано;
- говорение всегда связано с мышлением (поэтому необходимо развивать речевые умения учащихся);
- говорение на уровне умения — это всегда продукция, а не репродукция готового.

С методической точки зрения содержание обучения говорению включает в себя умение пользоваться опорами, например, слуховыми, зрительными, вербальными и невербальными.

На уроках татарского языка следует шире использовать *групповые* (коллективные) формы работы, создающие условия общения, близкие к естественной ситуации. Так, у учащихся можно спрашивать: На каком виде транспорта можно добраться до Казанского Кремля? Кто из членов семьи сейчас дома, а кого нет? Сколько стоит хлеб (сахар, ...) на рынке (в магазине)? и т.п.

Ролевая игра — важная форма активизации речевой деятельности учащихся и их самостоятельности. Ее можно использовать после завершения изученной темы. Ситуация создается по предложенной учителем теме, например, из повседневной жизни (в класс пришел новый ученик, в кабинете зубного врача, в столовой и т.п.).

Для повышения эффективности обучения диалогической речи особое значение имеет применение информационно-коммуникационных технологии обучения, помогающих воссоздать необходимую рабочую атмосферу общения.

Стимулируя самостоятельную речевую деятельность, ситуацию поиска можно создать и с использованием портретов (фотографий) видных татарских и русских писателей, деятелей искусств. Например:

- *Бу шагыйрь — Габдулла Тукай. (Этот поэт — Габдулла Тукай.)*
- *Син аның нинди шигырьләрен беләсең? (А ты какие его стихотворения знаешь?)*
- *«Туган тел», «Су анасы», «Шүрәле». («Родной язык», «Водяная», «Леший»)*
- *Аның «Туган тел» шигырен сөйлә әле. Расскази, пожалуйста, стихотворение «Родной язык».*

xxx

- *Рус шагыйрьләрен әйт әле. (Назови, пожалуйста, русских поэтов.)*
- *Менә алар: Пушкин, Есенин. (Вот они: Пушкин, Есенин.)*
- *Исемнәрен беләсеңме? (Знаешь, их имена?)*
- *Әйе, беләм: Александр, Сергей. (Да, знаю: Александр, Сергей.)*

С учетом аудитории учитель может привести дополнительные сведения о жизни и творчестве этих поэтов. Ситуацию знакомства можно разыграть с использованием семейной фотографии. Форма непринужденной беседы получается тогда, когда на уроках татарского языка используются жизненные ситуации, отражающие реальную действительность самих учащихся. Например, после изучения темы «Ашамлыклар» — «Еда» воссоздается ситуация: «Что вы берете из еды, когда идете в поход зимой (летом)?» Разделив класс на две группы, учитель поручает одним вести диалог, другим записывать названия указанных предметов. Затем весь класс решает, все ли положили в рюкзак, нет ли в этом списке лишних продуктов.

Достичь желаемого результата в овладении правильной диалогической речью можно с помощью контроля, который должен вестись постоянно. Детей нужно учить умению правильно оформлять вопросо-ответные реплики. А эту форму высказывания желательно контролировать попарно [Shakirova, 2016, с. 229].

Диалог — это речевое взаимодействие двух собеседников с целью обмена информацией. В связи с этим один из них должен вызвать речевую реакцию, а второй — осуществить ответную. Обучение таким репликам способствует реализации принципа

коммуникативности и функционально-семантического в обучении татарскому языку как неродному. Учащиеся должны почувствовать, какую функциональную нагрузку в диалогической речи несут слова, словосочетания и предложения. С самого начала учитель должен учить особенностям диалогической речи: быстрому чередованию реплик, употреблению различных речевых штампов, обращений, междометий, восклицаний для придания речи эмоциональной окраски; использовать соответствующие содержанию работы интонацию, жесты, мимику и др.

Вместе с тем под диалогом нельзя понимать только умение задать вопрос и ответить на него. К сожалению, при обучении диалогической речи на неродном языке некоторые учителя татарского языка слишком увлекаются вопросо-ответными упражнениями. По мере продвижения вперед надо учить детей пользоваться другими (кроме вопросов и ответов) типичными для диалогической речи ситуациями, репликами, формулами повседневного общения.

Приведем некоторые образцы диалогов на татарском языке, с тем, чтобы показать их разнообразие.

Знакомство: — *Мин Әлфия. (Я Альфия.) — Ә мин Саня булам. (А я Саня.)*

Приветствие: — *Исәнме, Илшат! (Здравствуй, Ильшат.) — Исәнме, Гөлшат! (Здравствуй, Гульшат.)*

Прощание: — *Сау бул, әти! (Досвидания, папа.) — Сау бул, улым. (Досвидания, сынок.)*

Поздравление: — *Бэйрәм белән котлыйм! (Поздравляю с праздником.) — Рәхмәт.*

Выражение благодарности: — *Сораган китабыңны алып килдем. (Принес книгу, которую ты просил.) — Рәхмәт! (Спасибо.)*

Приглашение: — *Кибеткә барыйк әле. (Пойдем в магазин.) — Мин риза. (я согласен.)*

Вопрос — утвердительный ответ: — *Син мәктәпкә барасыңмы? (Ты пойдешь в школу?) — Әйе, барам.*

Вопрос — отрицательный ответ: — *Ручкаң бармы? (Ручка есть?) — Юк. (Нет.)*

Встречный вопрос: — *Китапханәгә барганың бармы? (Был когда-нибудь в библиотеке?) — Ә синең?(А ты?)*

Уточняющий вопрос: — *Без гимназиягә барабыз. (Мы идем в гимназию.) — Кайсы гимназиягә? (В какую гимназию?)* и т. д.

Разумеется, на начальном этапе невозможно научить русскоязычных учащихся всем особенностям диалогической речи на втором языке. Важно, чтобы татарская речь русского школьника приближалась по возможности к естественной форме и сохраняла основные качества диалога (умение задать вопрос, ответить на него, поддержать разговор, развить мысль собеседника и довести ее до логического конца). Очень важно, чтобы при обучении диалогической речи была определенная система.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. — М., 1989.
2. Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. — М.: Рус. яз., 1989.
3. Сафиуллина Ф. С. Татар теленә өйрәтүнең фәнни-методик нигезләре. — Казан: ТаРИХ, 2001.
4. Харисов Ф.Ф. Начальный этап обучения русскоязычных детей татарской устной речи. — Казань: Магариф, 1996.
5. Харисов Ф.Ф. Основы методики обучения татарскому языку как неродному. — СПб.: Просвещение, 2001.
6. Shakirova G.R., Kharisova S.M., Kharisov F.F. The development of language competence of students in the study of native language morphology //journal of language and literature, issn: 2078-0303, vol. 7. no. 1. february, 2016. – P. 227-230.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ НАРЕЧИЯМ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Шакирова Гульнара Расиховна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель

кафедра татарского языкознания

Институт филологии и межкультурной коммуникации имени Льва Толстого

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

г. Казань

E-mail: shakirova25@mail.ru

В статье рассмотрены особенности лингводидактического обеспечения обучения морфологии татарского языка. Определены эффективные **лингводидактические аспекты**, способствующие формированию и развитию лингвистической, коммуникативной компетенции студентов при обучении наречиям татарского языка. Результаты, представленные в статье, расширят возможности использования принципов обучения с целью создания комфортных условий для овладения обучающимися лингвистической компетенцией.

Ключевые слова: морфология, татарский язык, лингвистическая компетенция, часть речи, наречие.

В основе преподавания родного (татарского) языка лежат фундаментальные методические положения, определяемые социально-психологическими функциями языка и спецификой языка как науки. Основными положениями, определяющими содержание, организационные формы и методы учебного процесса в соответствии с его общими целями и закономерностями являются принципы обучения. В лингводидактической литературе они определяются «как руководящие идеи, нормативные требования к организации и проведению дидактического процесса» [Пидкасистый П.И., 2014, с.200].

В истории развития методики преподавания татарского языка ученые выделяют различные дидактические принципы. Для нас большой интерес представляют работы М.А.Фазлуллина, М.Ш.Галлямовой, С.Г.Вагыйзова Р.Г.Валитовой, Ф.С.Валеевой и Г.Ф.Саттарова, М.З.Закиева, которые акцентируют свое внимание на принципах научности, систематичности, последовательности; связи обучения с жизнью; сознательности и активности; прочности; доступности обучения; наглядности; дифференциального и индивидуального подхода. Мы же считаем, что основой формирования прочных знаний, умений и навыков у обучающихся по морфологии является усвоение лексико-грамматических, морфологических и синтаксических особенностей частей речи языка [Kharisova, 2015, с.169].

Учитывая что, формирование грамматического понятия о частях речи является одним из важнейших направлений лингводидактики, а так же опираясь на концептуальные исследования вышеперечисленных дидактов, при обучении наречиям татарского языка, мы берем за основу следующие дидактические принципы и рассматриваем их в тесной взаимосвязи: научность, системность, доступность, сознательность и активность, прочность, индивидуальный подход в обучении и наглядность.

Именно в процессе обучения частям речи формируются умения и навыки: определять принадлежность слова к той или иной части речи; разграничивать грамматическое и лексическое значение слова; склонять и спрягать слова в соответствии с грамматическими нормами; выделять в словосочетании, предложении и тексте изучаемые грамматические явления; производить морфологический разбор разных частей речи. Исходя из этого,

принцип научности, который предполагает вооружение обучающихся научно достоверными знаниями, приобретает особую значимость при осмыслении отдельных грамматических явлений татарского языка. Для реализации этого принципа преподавателю необходимо глубоко и доказательно раскрывать каждое положение изучаемого материала о наречиях, не допуская при этом фактических ошибок, неточностей и механического зазубривания обучающимися теоретических выводов и обобщений, учитывать данные современной науки о языке и специфические особенности родного языка. В качестве примера мы приводим случаи смешивания наречий с качественными прилагательными татарского языка, которые, в контексте часто выступают в роли обстоятельств. Поскольку в татарском языке кроме словообразовательных аффиксов нет формальных показателей наречий и прилагательных, то для правильного их определения, прежде всего необходимо обратить внимание на их лексико-грамматическое значение и синтаксическую связь между частями речи. Кроме того, при определении наречий и прилагательных важно учитывать и словообразовательные аффиксы данных частей речи [Харисова, 2013, с.311].

Принцип научности не может быть рассмотрен в отрыве от дидактического принципа системности. Применительно к обучению наречиям татарского языка, принцип системности не может трактоваться как стремление сообщить обучающимся знания о всей системе, связанной с этой частью речи. Системность должна проявляться во взаимосвязи усваиваемых явлений в определенной последовательности их предъявления, которая определяется не системой языка, а значимостью ее элементов для овладения речью. Исходя из этого, наречие должно быть включено в изучаемый материал в том объеме, в каком оно необходимо для использования в связной речи.

Следующим важным принципом обучения частям речи родного языка является принцип доступности, реализация которого требует учета особенностей развития обучающихся, анализа материала с точки зрения их реальных возможностей и такой организации обучения, при которой они не испытывали интеллектуальных, моральных и физических перегрузок. Классический пример нескольких правил этого принципа мы находим у Я.А.Коменского: переходить от легкого к трудному, от известного к неизвестному. Учет данного принципа при обучении наречиям требует анализа реальных языковых возможностей обучаемых, правильного определения степени теоретической сложности и глубины изучения программного материала.

Преподаваемые знания должны быть сознательно восприняты обучающимися, глубоко продуманы и переработаны в их сознании [Харисова, 2015, с.291]. Значит, необходимо поставить процесс обучения так, чтобы обеспечить сознательное усвоение знаний о языковых явлениях в активном познавательном процессе [Шакирова, 2008, с.53]. Это требование выражается в принципе сознательности и активности в обучении наречиям родного языка. Реализация этого принципа предполагает сознательное, осмысленное понимание и прочное запоминание наречий, их грамматических форм, происходящее при изложении преподавателем нового материала в сочетании с различными видами работы обучающихся в тех или иных формах, при «заинтересованности учеников в выполняемой ими работе» [Харламов, 1997, с.20]. Все это является залогом прочного закрепления и удержания в памяти знаний, умений и навыков правильного употребления изучаемой части речи. Например, при экспериментальном обучении наречиям активность обеспечивалась созданием проблемных ситуаций, постановкой проблемных вопросов, познавательных задач.

Принцип прочности отражает ту особенность обучения наречиям, в соответствии с которой овладение знаниями, умениями, навыками достигается только тогда, когда они, с одной стороны, обстоятельно осмыслены, а с другой – хорошо усвоены и продолжительное

время сохраняются в памяти. При реализации данного принципа мы руководствуемся положениями о необходимости глубокой переработки научных знаний, их прочного усвоения, что зависит как от объективных, так и от субъективных факторов. Его залогом служит проявление у обучающихся познавательной, интеллектуальной активности, способность провести четкий анализ изучаемого материала, выделить в нем существенное, главное. При этом важна правильная дозировка и периодичность упражнений, учет индивидуальных особенностей обучаемых.

«В общий комплекс дидактических принципов органической частью входит принцип индивидуального подхода к учащимся в обучении, – отмечает А.А.Кирсанов. – Реализация этого принципа базируется на всестороннем знании особенностей учащихся и вовлекает в сферу обучения такие стороны их личности, как мотивационная, эмоционально-волевая, интеллектуальная» [Кирсанов, 1982, с.121]. Как показывает экспериментальная работа, результативность обучения частям речи выше у тех преподавателей, кто работает с учетом гибкости ума, быстроты или вялости, работоспособности своих подопечных [Yusupov, 2015, с.160]. Большое значение при реализации данного принципа имеют компьютерная технология, элементы программированного обучения и т.д.

Изучение лингводидактической литературы, относящейся к методике преподавания татарского языка, показывает, что эффективность изучения морфологии, отдельных грамматических тем, зависит от успешной реализации принципа наглядности. Формы и содержания работы по данному принципу меняются в связи с развитием и совершенствованием технических средств обучения и содержанием учебного предмета (таблицы, схемы с обозначением лексико-семантических групп разных частей речи; с иллюстративным материалом об особенностях функционирования отдельных частей речи в связной речи; в виде тестовых заданий, составленных для выполнения с использованием компьютера; в виде творческих заданий для уроков развития речи и т.д.).

Таким образом, в данной статье рассмотрены некоторые особенности лингводидактического обеспечения обучения наречиям татарского языка, а именно, вкратце охарактеризованы основные лингводидактические принципы, от успешной реализации которых зависит эффективность формирования грамматического понятия об изучаемых частях речи, в частности о наречиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирсанов А.А. Индивидуализация учебной деятельности как педагогическая проблема. – Казань: КГУ, 1982. – 224 с.
2. Педагогика: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / под редакцией П.И. Пидкасистого. — М.: Издательский центр «Академия», 2014. — 624 с.
3. Харисова Ч.М. Компетентностный подход в обучении родному языку // Модернизация педагогического образования: сборник научных трудов Международного форума / под редакцией Р.А. Валеевой. – Казань: Бриг, 2015. С. 289-293.
4. Харисова Ч.М., Харисов Ф.Ф. Особенности морфемного строя слов в татарском языке: лингводидактический аспект // Филология и культура. Philology and Culture. – 2013. – № 2: 310 – 313.
5. Харламов И.Ф. Педагогика. Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1997. – 512 с.
6. Шакирова Г.Р. Психолого-педагогические особенности обучения наречиям татарского языка // Казанский педагогический журнал – 2008. – №9: 52-57.

7. Kharisova Ch.M., Shakirova G.R. Adverbs in the Tatar language: linguistic and historic aspects // Literature and Culture. – 2015. – № 4(42): 169-173.

8. Yusupov R. A., Aydarova S.H., Sagdieva R.K., Harisova G. F. Improving efficiency of teaching the Tatar language to a foreign audience / R. A. Yusupov, S.H. Aydarova, R.K. Sagdieva, G. F.Harisova // International Education Studies; Vol. 8, No. 5; 2015 ISSN 1913-9020 E-ISSN 1913-9039 Published by Canadian Center of Science and Education: 158-164.

LINGUISTIC DIDACTIC PECULIARITIES OF TEACHING THE ADVERBS OF THE TATAR LANGUAGE

Shakirova Gulnara R.,
Ph.D., senior lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Russia

This article deals with lingvo-didactic peculiarities of teaching the morphological system of the Tatar language. There were determined some effective lingvo-didactic aspects which promote formation and development of linguistic and communicative competence of students in learning adverbs of the Tatar language. Results, which are presented in this article can expand the possibilities of using the principles of studying in order to create comfortable conditions for students' mastering linguistic competence.

Key words: Morphology, Tatar language, linguistic competence, parts of speech, adverb.

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НОГАЙСКОГО НАРОДА

Каракаева Альмира Юмавовна

учитель ногайского языка и литературы,

МКОУ «СОШ№8» г. Черкесск,

E-mail: Almira50@yandex.ru

В статье рассматриваются нравственные проблемы развития педагогической культуры ногайского народа, которая включает в себя особенности воспитания подрастающего поколения средствами народной педагогики.

Ключевые слова: традиционная педагогическая культура, воспитание, этнопедагогика, образование, обучение, этнос, нравственное воспитание.

Традиционная педагогическая культура, по мнению известного исследователя этнопедагогике Г.Н.Волкова является сферой материальной и духовной культуры народа, связанная с воспитанием детей. Она, прежде всего, проявляется в детском фольклоре, которая включает в себя колыбельные и игровые песни, традиционные детские праздники, подвижные национальные игры и другие элементы народной жизни [1]. Так же педагогическая культура включает в себя систему народного образования и воспитания, индивидуальную педагогическую просвещенность основного населения, уровень подготовленности учителей и воспитателей общеобразовательных учреждений, а также педагогическое развитие отдельного индивида.

Раскрытие исторического опыта воспитания, накопленные народом в течение его длительного периода, охватывает анализ педагогической культуры в нашем исследовании. Оно также предполагает естественным и закономерным признание нравственных ценностей народов одним из форм проявления этических проявлений в обществе.

С момента возникновения ногайского этноса (XIII в.), традиционная педагогическая культура ногайцев прошла очень сложный, порою драматический, разнообразный по условиям общественной жизни, формам государственности, этногенезу исторический путь. Развитие традиционной педагогической культуры ногайского народа проходило в составе 4 государственных образований: Золотой Орды, Ногайской Орды, Крымского ханства и России.

Своеобразные социально-экономические, исторические, географические условия жизни и быта ногайского народа, кочевой и полукочевой образ жизни, политическая раздробленность, отсутствие торговых связей с другими этносами наложили свой отпечаток на материальную, духовную, педагогическую культуру ногайцев, выработали своеобразие национальных обычаев и традиций.

Суровые условия патриархально – родовой жизни ногайцев формировали своеобразную систему национального воспитания. Воспитательным делом у ногайцев занималась семья и родовая община. Особенностью этнопсихологии ногайского народа является, как было сказано выше, его кочевое и полукочевое существование, который накладывал определенные мировоззрения и предъявлял жесткие требования к обитателям степи. Им необходимо было быть психологически, физически выносливыми, духовно крепкими, приспособляться к часто меняющимся погодным условиям.

С XII–XVI вв. традиционная педагогическая культура ногайского народа основывается на исламской религии, отражает её идеологию, как в духовной, так и в материальной культуре и складывается под её значительным влиянием. Отличительной чертой традиционной педагогической культуры ногайцев данного периода является то, что она развивалась

под воздействием доисламских тюркских традиций, формировалась на фоне разных культур и конфессий Средней Азии, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма.

Культура традиционного воспитания ногайского народа включает в себя черты толерантности, стремление к творческому самовыражению (вспомним дореволюционную поэзию, его героические сказания). Для прошлых столетий становление педагогической культуры ногайцев характерно господство религиозного мировоззрения.

После утраты своей государственности (XVII-XIX вв.) распада Ногайской Орды, его население вынуждено было переселиться в различные регионы. По словам ногайского поэта XVII в. Казтувгана, кто-то ушел в Крым, кто-то в Румынию (Византию), кто-то в горы, а затем переселился в Турцию. Несмотря на трудности и трагические события в жизни ногайского народа, педагогическая культура в области воспитания не прерываются. В традиционной педагогической культуре ногайцев открыто выделяется противопоставление добра и зла, добродетели и порока и т.д.

Находясь уже в составе России, несмотря ни на какие жизненные коллизии, ногайцы продолжают сохранять прежние традиции, приобщаться к достижениям русской, а через неё и западноевропейской мысли. Вспомним деятельность одного из ногайских просветителей конца XIX начала XX в. Абдрахмана Исмаиловича Умерова – историка-педагога, фольклориста, теолога, философа, книгоиздателя, который внес весомый вклад в развитие духовной культуры народа вообще, в частности, педагогической.

Ногайская общественно-педагогическая мысль всегда была тесно связана с тюркским и мусульманским миром и развивалась в форме религиозного реформаторства, а также в форме просветительства (тот же А.И.Умеров, А-Х.Ш.Джанибеков, Н.А.Мавлюбердиев (Гасри)) и др. К концу XIX – нач. XX в. традиционная педагогическая культура ногайцев находит свое выражение в просветительской мысли и идеологии джадидизма.

XX в. внес свои изменения в жизнь не только ногайского народа и его культуру, особенно в советский период. Тем не менее, ногайцы сохранили свою самобытную культуру и развили гуманистические черты традиционной педагогической культуры. Начало ногайской педагогической культуры, в том числе и семейной, следует искать в культурном наследии древнейших этнических предков – тюркоязычных племен, появившихся на обширной территории Евразии в VII-VIII вв., в Средневековье.

На современном этапе развития ногайского общества возрос интерес к научным исследованиям в области истории, культуры, образования. В связи с этим вопросы образования и просвещения ногайского народа остается еще малоизученной. Правда, в последнее время наметилась некоторая тенденция разрешения данной проблемы в сфере историко-этнографической, педагогической литературе ногайцев. Это и понятно, так как развитие национальных, отношений в стране сегодня требует к себе самого пристального внимания.

В настоящее время актуальным стал вопрос педагогической культуры ногайского народа. В трудах как дореволюционных, так и послереволюционных исследователей истории и этнографии ногайского народа фрагментарно затрагивались вопросы просвещения, образования, воспитания ногайцев. В этом отношении показательны работы этнографов, историков, фольклористов С.Ш.Гаджиевой, А.Ш.Джанибекова, Р.Х.Керейтова, А.Сергеева, А.И-М. Сикалиева, В.В.Трепавлова, А.И.Умерова, С.В.Фарфоровского, А.А.Ялбулганова и др.

В традиционной педагогической культуре ногайского народа активно взаимодействуют такие факторы, как труд, искусство, пример-идеал, этническая детская среда, а также средства: сказки, пословицы и поговорки, игры, праздники, загадки, народные песни и др. Среди сокровищ педагогической мудрости ногайцев идея совершенного человека, ориентация на нравственные качества занимают одно из значительных мест. К ним следует отнести следующее: стремление к знаниям, уважение к старшим, любовь к родной Отчизне, любовь

и уважение, сохранение родного языка, доброта, справедливость и др. Основная суть воспитательного процесса – это передача старшего поколения обычаев и традиций народа.

Многовековая педагогическая культура сохранила лучшие примеры нравственного образа жизни ногайцев, где в большинстве своем они соответствуют современным гуманистическим идеалам воспитания. Особая роль в формировании нравственности в истории ногайского народа отводится национальному образованию. Одним из основных принципов ногайского образования является приобщение подрастающего поколения к этнической культуре и традициям народа, к его духовно-нравственным истокам. Духовно-нравственные ценности, обычаи, традиции ногайского народа, также как и других народов, в течение многих веков играли главную роль в нравственном становлении подрастающего поколения, его трудовых качеств, социализации личности в целом.

Патриотизм является одним из общественных и нравственных принципов, характеризующий отношение людей к своей Отчизне [7]. Он является неотъемлемым качеством человека, означающее любовь к Родине, к своему народу. Являясь общечеловеческой ценностью, патриотизм выступает одним из основных нравственных качеств человека, раскрывающих такие свойства личности, как храбрость, выдержку, отвагу, стойкость, решительность, настойчивость в достижении поставленной цели, честность, справедливость, великодушие и т.д. Такие герои ногайского эпоса, как Эдиге, Шора батыр, Мамай, Эр Копланлы, Эр Косай и др. боролись за справедливость, защищали Отечество от врагов, выступали против социального неравенства, за единство Родины. Они представляют собой истинных патриотов своего Отечества и народа.

В педагогической культуре ногайцев значительное место отводилось *героизму*, под которым понимается особая форма человеческого поведения в нравственном отношении представляющая собой подвиг. Подвиг является актом героизма, требующий от человека предельного напряжения его духовных сил, связанных с преодолением трудностей [7]. Это качество воспевается в ногайском героическом эпосе, например, «Эдиге», «Шора батыр», «Эр Таргыл», «40 ногайских богатырей», «Мамай» и др.

Приоритетными нравственными качествами для женщин считались доброта, смелость, преданность мужу, семье, трудолюбие, скромность. Таковыми являются следующие героини эпоса, как Карлыгаш, жена батыра Копланлы, Янбикеш и др.

С такими нравственными понятиями как *патриотизм*, *героизм*, тесно связана в педагогической культуре ногайцев *идея дружбы, дружелюбия по отношению к соседним народам*. Дружба является формой межличностных отношений, основой которых являются общие интересы и взаимные привязанности. Объединяя людей, дружба считается главной социально-нравственной ценностью. В широком смысле это понятие обозначает, не только межличностные отношения, но и социальные. К ним можно отнести дружбу народов, договор о дружбе между странами и т.д. [7]. Известно, что ханы и мурзы, изъявляли дружеское отношение ногайского народа к России. Естественно, отношения России и Ногайской Орды не всегда были безоблачными, но здравый смысл – жить с соседями в дружбе – часто побеждал холодные отношения между двумя государствами, между двумя народами.

Цитируемый ранее автор исторического очерка «Нагайцы на Молочных водах (1790-1832 гг.)» А.Сергеев отмечает, что ногаец является кочевником-скотоводом и воином-наездником. «Его жестокость, страсть к опустошению неприятельских селений и отвага делали его опасным соседом, с которым полезнее было быть в ладах, чем в неприязни. Это понял еще Иван III, вступивший с ногайцами в дипломатические отношения» [4, с.10].

Идея дружбы с русским народом, имевшая глубокие корни, отражается также в ногайском героическом эпосе. Так, дестан «Сорок ногайских богатырей» заканчивается призывом безымянного певца:

<i>Орыслар ман конъсылас,</i>	<i>С русскими по-соседски</i>
<i>Ана тувган аданас.</i>	<i>Как братья одной матери</i>
<i>Болув керек, анъланъыз!</i>	<i>Должны мы быть, поймите!</i>

Честность как моральное качество включает в себя такие понятия как правдивость, верность, принципиальность, убежденность в правоте проводимого своего дела, искренность человека перед другими и перед самим собой, которыми он руководствуется. Антиподами честности является ложь, обман, вероломство, лицемерие, воровство и т.д.

Правдивость характеризуется как нравственное качество, когда социум руководствуется говорить истину, не скрывать ни от кого действительное положение дел [7]. Честность, правдивость как моральные качества личности отражают нормы поведения, связанные с достоинством человека, его авторитета. Народ, воспитывая детей в духе правдивости, говорит: «*Тувра айткан кутылар, алдап айткан тутылар*» - «Кто правду говорит, тот спасется, кто лжет – тот попадетсся», «*Тувра айтылмас, амин туъзетилмес*» - «Если прямо не будешь говорить, то недостаток не исправится». Однако он предупреждает: «*Тувра айтсанъ, тувганынъа ярамас*» - «Если правду будешь говорить, родным не понравится», «*Ынанма туълкиге, каларсынъ куълкиге*» - «Не верь лисе, попадешь под смех» и др. Эти и другие пословицы и поговорки учат молодое поколение быть правдивыми.

Справедливость является категорией морального сознания, отражающее определенное положение вещей, которое соответствует определенному пониманию сущности человека и его прав. Она соотносится с такими понятиями как добро и зло, в которых подразумевается моральная оценка явлений в целом [7].

С понятием честности, справедливости, правдивости всегда тесно связано в народном представлении *совесть* – это такое понятие этики, которое характеризует способность личности совершать нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для индивида высокие моральные особенности, спрашивать с себя их выполнение и производить самооценку совершаемых поступков.

Совесть является осознанием личностью своего субъективного долга и ответственности перед обществом [7]. Народ учит: «*Намысы бардынъ наъсиби бар*» - «У кого есть совесть, у того есть и счастье», «*Намыс оттан куъшли*» - «Совесть сильнее огня» и др. Народная мудрость предупреждает, что совесть человека должна быть чистой. Это нашло отражение в пословицах: «*Намыс кирлиги, кум ман ыскыласа да, таймас*» - «Грязь совести, хоть будешь тереть песком, не сойдет», «*Ахырет азабыннан дуныя намысы куъшли*» - «Чем муки того света, сильнее совесть мира», «*Атты камышы оьлтирер, элди намыс оьлтирер*» - «Коня кнут убьет, народ совесть убьет» и др.

Вежливость – нравственное качество, которое характеризует поведение человека, для коего уважительное отношение к людям стало нормой. Вежливость - это определенное понятие требования культуры поведения. Она вбирает в себя такие моральные качества, как доброжелательность, деликатность, внимательность, такт. Особенно эти качества нужны девочкам. Поэтому народ говорит: «*Кыз кылыгы ман суъйдирер*» - «Девушка заставит полюбить себя своей скромностью». Вежливость является ярким показателем внутренней культуры человека. У ногайцев широко бытует пословица: «*Кел демек бар, кет демек йок*» - «Приходи – говорят, уходи – не говорят» и др.

Одной из важных нравственных черт в педагогической культуре ногайцев считается чувство *коллективизма, единства и сплоченности (бирлик, тыпаклык)*.

Коллективизм – один из важнейших принципов нравственности, который раскрывает взаимоотношения индивида и общества в целом, личности и коллектива. Коллективизм

содержит важнейшие нравственные проблемы, такие как «отношения личности и общества; определение целей и мотивов общественно полезной деятельности; соотношение общественных, коллективных и личных интересов; нормы повседневных взаимоотношений между людьми» [7, с.132]. Эти нравственные чувства диктовались самим образом суровой, полукочевой жизни народа. Он помнил и помнит, какой моральный вред наносили и наносят разобщенность, междоусобица. По этому поводу в народе говорят: «*Айырылганды аюу ер, боьлингенди боьри ер*» - «Того, кто отделился, съест медведь, того, кто разделился, съест волк», «*Тили бир болса, ис оьр болар*» - «Если будет взаимопонимание, то работа подвигнется вверх», «*Тил бирдинь дини бир*» - «У взаимопонимания и религия одна». Народ учит: «*Бирлик болса, берекет болар*» - «Если будет единство, будет и изобилие», «*Етевдинь тили бириксе, эти тав авдарар*» - «Если семеро объединятся, то семь гор могут свалить», «*Тил бириксе, эл тирилер*» - Если будет взаимопонимание, страна оживет» и др.

Многие герои ногайских народных сказок действуют сообща, коллективно. Так, герои сказки «Камыр батыр» выступают против неприятеля и вместе побеждают. Герои ногайского героического эпоса также никогда не выступают в одиночку. У них всегда есть друзья. Так, у Шора-батыра – это Кулунчак, у Ахмет батыра друг Алав и др. Народ видел, что единство и сплоченность, коллективизм ведет к сохранению страны, его целостности, независимости и свободы. Именно тех, кто выступает за единение и сплоченность, он всегда воспевал в своих бессмертных творениях.

В педагогической культуре ногайского народа акцентируется внимание на необходимости трудиться с детства, бережно относиться к окружающей среде, уважать дело взрослых и т.д. Народная мудрость гласит, что именно труд представляет собой источник и средство воспитания не только трудолюбия, но и других нравственных понятий.

Высшими нравственными ценностями ногайцы считают *семейно-родственные отношения, родной дом, семейный очаг*. На основе этих чувств воспитывается уважительное отношение к людям. «*Кудалык айырылса да, тувганлык айырылмас*» – «Сватовство может оборваться, родство не оборвется», - гласит народный афоризм.

Нравственным критерием в педагогической культуре ногайцев, является *гостеприимство*, который является одним из его лучших традиций. Народная мудрость утверждает: «*Мисаьпир атанънан уьйкен*» - «Гость старше твоего отца», «*Уьйинъе келгенге, уьйдей оьпкень болса да, айтпа*» - «Хоть ты сильно обижен, но в своем доме не говори об этом обидчику», «*Конак тойса эсикке карар*» - «Гость поел и смотрит на двери» и др.

Необходимым условием воспитания у подрастающего поколения было и остается чувства гостеприимства, который составляет один из нравственных критериев в жизни любого этноса. По народному представлению ногайцев, смысл гостеприимства состоит не только в обильном угощении, но и в теплоте встречи и приема гостя. Об этом качестве сохранились и дошли до наших дней, следующие пословицы и поговорки. Например, «*Конакка сорап бергенше, согьт бер*» - «Чем угощать гостя, спросив у него, лучше уж угощай, ударив его» и др. Эту же мысль продолжают своими крылатыми выражениями и другие народы Средней Азии и Казахстана: «*Если тебе нечем угостить гостя, хоть говори с ним ласково*» (казах.), «*Если нет угощения, одари приветливым словом*» (каракалп.), «*Нет вкусного плова, пусть будет ласковое слово*» (туркм.), «*Хоть у тебя нет пшеничного хлеба, пусть лицо твое будет открытым*» (узб.) и др. [3, с.225].

Огромное значение в педагогической культуре при воспитании уделялось *слову*. В ногайском фольклоре данному понятию посвящены десятки пословиц и поговорок, крылатых выражений. Оно сопровождается такими эпитетами, как «правдивое», «старинное», «верное», «искусное», «доброе» и т.п. О значении самих пословиц и поговорок говорит одна из них: «*Эл казнасы – эски соьз*» - «Сокровище народа – старинное слово». Оратор, мастер

слова высоко ценились народом. Верность данному слову, неременное его выполнение – долг настоящего человека: *«Бердинъ соъз – берк ысла»* - «Дал слово – держи крепко» - гласит народный афоризм. Слово со смыслом ценится народом дороже любой вещи. Поэтому народная мудрость гласит: *«Маьнели соъз малдан артык»* – «Слово со смыслом лучше скота (имущества)». Не менее дорого ценится народом доброе слово.

Исследователь ногойского фольклора А.И-М. Сикалиев отмечает, что *слово* имело огромную созидательную и разрушительную силу. Об этом говорят следующие народные афоризмы: *«Айтылган соъз – атылган ок»* - «Сказанное слово – выпущенная стрела», *«Соъз тас ярар, тас ярмаса бас ярар»* - «Слово расколется камень, если не камень, то голову» и др.

У ногойцев большое значение имело написанное слово. Об этом говорит следующая поговорка: *«Каьлем ушында кылыш куьши бар»* - «На кончике пера – сила сабли» и др. Ногойский поэт XV века Шал-Кийиз Тиленши улы писал: *«Яхшылардынъ оьзи оьлсе де соъзи сав»* – «Хотя добрые люди и умрут, но будут жить их слова» [6, С.7].

Ногойский фольклорист А.И-М. Сикалиев замечает, что у всех народов немало пословиц и поговорок о том, что самым сильным оружием человека является правдивое и вовремя сказанное умное слово. Известные личности прошлого отмечали, что слово, поэзия представляют непреходящую ценность. Так, ногойскому поэту и певцу XVI в. Асану Кайгылы приписывают изречение: *«Ат уьстинде аьлем кырып болады, ат уьстинде аьлем куруп болмайды»*, что означает «Находясь в седле, можно разрушить государство, но, находясь в седле строить (благоустраивать) государство нельзя» [6, с.10-11].

В педагогической культуре ногойцев также в значительной степени отводится огромная роль народным сказкам, по своим жанровым особенностям ставших первыми учебниками в семье. Трудно переоценить воспитательное значение сказок, в которых, как правило, прославляется и воспевается труд, благородные качества личности, где всегда побеждает разум и справедливость, осуждается лень, жадность и т.д.

Исследователь народной педагогики А.Э.Измайлов отмечает, что сказки, как первые попытки создания народной педагогики, имеют свои характерные особенности. В преобладающем большинстве в них воплощены присущие народу нравственные черты: любовь к Родине, ее защита, беспредельная отвага в борьбе со злом, трудолюбие и мастерство, справедливость, верность в дружбе и творчестве и т.д. [3].

Как отмечают исследователи народной педагогики Г.Н.Волков, А.Э.Измайлов, М.Б.Гуртуева сказки выражают характер народа, его психологию, жизненные позиции. Народная сказка является фольклорным повествовательным жанром, творчеством народа. В них, основным воспитательным воздействием является наставление, назидание подрастающему поколению. Они хранят в себе многовековую мудрость народа, и главной задачей современных учителей и родителей является помощь ребенку в верном истолковании и прочтении вековой народной мудрости.

Многие замечательные рассказы для детей написали ногойские писатели и поэты С.И.Капаев, Б.Б.Иналов, Е.Х.Булатукова, А.С.Киреев, К.И.Кумратова, М.А.Авезов, И.С.Капаев, Т.А.Кирейтова и др., положив в их основу народные сказки, песни, легенды, где воспеваются лучшие гуманистические нравственные качества. Вышеназванные авторы в своем творчестве широко используют фольклорный материал.

Сказки развивают творческую фантазию детей, прививают им самые благородные эстетические, этические качества. Умение рассказать сказку красочно, образно, ярко должно быть свойственно рассказчику. Недаром ногойцы умелого рассказчика определяли словом *«шешен»*, т.е. красноречивый. По этому поводу народная пословица гласит: *«Шешен ийгит элге ортак»* - «Красноречивый – общее достояние народа», *«Соьйлей, соьйлей – шешен болар»* - «Рассказывая можно стать красноречивым» и др. Красноречивый человек

высоко ценился народом, так как обладал мудростью, тактом, глубокими знаниями в той или иной области. Благодаря им, до наших дней дошли лучшие образцы устного народного творчества, которые служили и служат духовно-нравственным ориентиром в жизни народа. Многовековая педагогическая культура сохранила в различных средствах лучшие примеры нравственного образа жизни ногайцев, где в большинстве своем они соответствуют современным гуманистическим идеалам воспитания.

Таким образом, сохранение многообразия традиционной педагогической культуры ногайского народа является одним из приоритетных задач, поставленных перед этносом на данный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика. - М.:Изд.центр «Академия», 1999.-168 с.
2. Гуртуева М.Б. Этнопедагогика карачаево-балкарского народа. - Нальчик: Эльбрус, 1997. - 256 с.
3. Измайлов А.Э. Народная педагогика: педагогические воззрения народов Средней Азии и Казахстана. - М.: Педагогика, 1991. - 256 с.
4. Сергеев, А.К. Нагайцы на Молочных водах (1790-1832 гг.). Исторический очерк. - Симферополь. Типогр. Таврического Губернского Земства, 1912. - 144 с.
5. Сикалиев, А.И.-М. Место и роль народных певцов в ногайском обществе XIV-XIX вв. – Черкесск, 2007. – 48 с.
6. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. - Черкесск, 1994.- 328 с.
7. Словарь по этике / Под ред. А.А.Гусейнова и И.С.Кона.- М.: Политиздат, 1989.- 447 с.

MORAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF TRADITIONAL PEDAGOGICAL CULTURE OF THE NOGAI PEOPLE

Karakayeva Almira Ymavovna
teacher Nogai language and literature,
MKOU «SOSH №8», Cherkessk,
E-mail: Almira50@yandex.ru

The article discusses the moral problems of development of pedagogical culture of the Nogai people, which includes the features of the education of the younger generation by means of folk pedagogy.

**ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ЧУВАШСКОГО
НАРОДА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРЕЗ СРЕДСТВА
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

*Ахметьянова Наиля Ахмадулловна,
доцент,
факультет башкирской филологии и журналистики
кафедра журналистики
Башкирский государственный университет, Уфа
E-mail: ANailaA@yandex.ru*

В статье рассматривается проблема сохранения и развития языка, культуры, традиций и обычаев чувашского народа в полиэтническом пространстве; анализируется современное состояние национальных СМИ в Республике Башкортостан; подвергается контент-анализу газета на чувашском языке «Урал Сасси» (Голос Урала).

Ключевые слова: полиэтническое общество, национальное самосознание, национальная культура, пресса, сохранение культуры, языка.

Роль периодических изданий республики в осуществлении Закона о государственных языках чрезвычайно велика. Они активно отображают все многообразие происходящих событий, работают на благоприятный политический и социальный климат в республике, создают своеобразие менталитета Башкортостана [Ахметьянова, 2015, с.253]. Статья 18 Закона Республики Башкортостан «О языках Республики Башкортостан» определяет башкирский и русский языки как языки издания государственных республиканских газет и журналов, передач телевидения и радиовещания. По усмотрению учредителей допускается так же издание газет и журналов на иных языках и использование в СМИ языков народов, составляющих большинство населения данной территории. Динамика роста зарегистрированных печатных изданий, появление новых изданий позволяют говорить о серьезных изменениях в структуре печатных средств массовой информации в республике. Всего в РБ по состоянию на 01.02.2014 г. зарегистрировано 803 средства массовой информации.

Государственный сектор средств массовой информации, координацию деятельности которой осуществляет Агентство по печати и средствам массовой информации Республики Башкортостан на сегодняшний момент представляют 176 подведомственных печатных средств массовой информации, 1 государственная телерадиокомпания, 1 информационное агентство. Всего в РБ по состоянию на 01.02.2014 г. зарегистрировано 803 печатных и электронных средств массовой информации.

Придается большое значение развитию национальных СМИ, как важнейшему инструменту сохранения самобытности народов и укрепления согласия в обществе. Сегодня государственные СМИ, играют важную роль в сохранении и популяризации языков народов республики и выходят на шести языках: башкирском – 69 (39,7%), русском – 68 (36,2%), татарском – 32 (18,5%), чувашском – 3, марийском – 1, удмуртском – 1.

Газеты удмуртской, марийской и чувашской диаспоры Республики Башкортостан призваны не только информировать удмуртское, марийское и чувашское население об экономическом, социальном и общественно-политическом развитии народов, освещать культуру, историю, традиции, их быт и труд. Кроме этого газеты «Ошмес» («Родник»), «Урал Сасси» («Голос Урала»), «Чолман» («Кама») играют большую роль в формировании и укреплении национального самосознания этих народов в республике. С первых номеров

эти газеты превратились в органы сплочения удмуртов, чувашей и марийцев не только нашего региона, но и соседних областей [Ахметьянова,2013,с.115].

«Урал сасси» (ред. Ю.Михайлов) - республиканская общественно-политическая газета на чувашском языке, издается в г. Белебей, форматом А4 (4 полосы), распространяется 1 раз в неделю тиражом в 2524 экз., с октября 1989 года силами общественности при поддержке правительства РБ в целях возрождения и развития родного языка, культуры и национального самосознания населения. Красочность 4+1. [<http://ursas.ru>]

Газета пропагандирует и содействует реализации государственной программы по сбору, сохранению и развитию фольклора народов РБ. Так же важное место занимают материалы о людях показывающих примеры добропорядочности, доброты, высокой нравственности [Ахметьянова,2014,с.114]. Особое внимание уделяется темам развития и сохранения языка, культуры и традиций чувашского народа.

Но, все-таки национальное возрождение, взаимопонимание и духовное единение народов Башкортостан – главные принципы, которыми руководствуются журналисты республиканской газеты со страниц «Урал сасси» (гл.редактор Ю.Н.Михайлов). Здесь читатели знакомятся с деятельностью Президента, Государственного Собрания-Курултая и Правительства РБ. Журналисты отражают жизнь и труд башкортостанцев, вопросы нравственности, семьи и детства, проблемы изучения языка, истории и культуры народа. Немало места уделяется и творчеству поэтов, прозаиков, композиторов, художников и ученых. «Урал сасси» впервые познакомила читателей со многими выдающимися земляками-деятелями науки и производства, культуры и просвещения, Героями Советского Союза, биографиями репрессированных.

За плодотворные усилия в возрождении самосознания, сохранении, развитии и пропаганде духовного наследия, укрепления дружбы между народами Башкортостана и Чувашии и в связи с 10-летием со дня выхода первого номера чувашская газета Башкортостана удостоилась премии Чувашского национального конгресса и Союза чувашских краеведов имени Н.Я.Бичурина.

Редакция выступила инициатором нескольких республиканских культурных мероприятий, ставших традиционными. В частности, конкурса «Чăваш пики» («Чувашская сударушка»), фестиваля детского творчества «Силпи асамачё» («Силпийская радуга»), конкурса детского рисунка, посвященного 150-летию со дня рождения выдающегося чувашского просветителя И.Я.Яковлева (1848-1930).

Газета освещает жизнь чувашей Башкортостана, их историю, проблемы возрождения, сохранения и развития языка, культуры, традиций и обычаев, способствует пропаганде чувашского языка. Газета также рассказывает о знаменитых чувашах — учёных, писателях, поэтах, композиторах, общественных деятелях, художниках и др. Печатает произведения литературного объединения «Шуратал». Так же важное место занимают материалы о людях показывающих примеры добропорядочности, доброты, высокой нравственности. Особое внимание уделяется темам развития и сохранения языка, культуры и традиций чувашского народа. На страницах газеты публикуются в переводе на чувашский произведения современных башкирских и татарских писателей. Регулярно выходят целевые полосы «Семья», «Усадьба», «Молодежная страница», «Здоровье», «Из редакционной почты». Страница для детей «Детский сад». Тексты реализуются в различных информационных жанрах. Сотрудники редакции ведут агитацию и подписку среди населения, организуются встречи с читателями. Ведутся национальные рубрики «Урал сасси пики тата каччи» – («Голос Урала» девушка и парень»), «Ăру хыççан ħру» («Род за родом» «Семье уявё») («Семейный праздник»), «Аваллăх управси» («Сторожилы»), «Аса илÿ» («Воспоминания»), «Асра тытма» («Операясь на прошлое»), «Асра юлнă çул çÿрев»

(«Памятные путешествия»), «Асра юлнӑ Кун» («Памятные дни»), «Вырсарни шкулӑсен хыпарӑсем» («Новости воскресных школ»), «Йӑла-йӑрке» («Традиции»), «К. В. Иванова асӑнса» («Вспоминая К.В. Иванова»), «Культура пурнӑҫӑ» («Культурная жизнь»), «Музей пурнӑҫӑнчен» («Из жизни музея»), «Пӑлме кӑсӑк» («Интересно знать»), «Паллӑ ентешсем» («Знаменитый земляк»), «Пирӑн ҫынсем» («Наши люди»), «Поэзи кӑтесӑ» («Уголок поэзии»), «Поэтӑмӑра асӑнса» («Вспоминая поэта»), «Уяв» («Праздник»), «Хӑйпултарулаӑ ушкӑнӑ» («Группа самодеятельности»), «Халӑх сӑнанинчен» («Из наблюдений народа»), «Бӑрӑ тӑслӑх» («Хороший пример»), «Юратнӑ вӑрентекен» («Любимый учитель»). [2]

За свою сравнительно недолгую историю газета прочно вошла в общественно-политическую и культурную жизнь чувашской диаспоры в нашей республике. Она ярко отражает реалии времени и новые вехи нашей жизни, уделяет большое внимание мероприятиям, посвященным жизни и творчеству известных чувашских деятелей литературы и культуры — уроженцев Республики Башкортостан [Бурангулов, 2014, с.34]. .

Газета «Урал сасси» популярна не только среди чувашей, проживающих в Башкортостане. Ею интересуются и в соседних регионах. По словам заместителя министра культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики Александра Усова, за годы своего существования «Урал сасси» стала верным помощником в деле укрепления межнациональных и межрегиональных отношений между двумя республиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урал Сасси. Газета чувашей Башкортостана // <http://ursas.ru>: Официальный сайт газеты.
2. Ахметьянова Н.А. Роль СМИ в развитии национального самосознания // Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтническом пространстве.-Уфа, 2015.с.253-260.
3. Ахметьянова Н.А. Система рубрик приложений татароязычных изданий республики Башкортостан. «Чаткылар», «Очкын», «Тузганак»//Актуальные проблемы татарской филологии.-Уфа, 2014.-с.114-121.
4. Ахметьянова Н.А. Роль СМИ финно-угорской диаспоры РБ в свете реализации «Закона о языках» // Роль родных языков в развитии национальных культур Республики Башкортостан. Часть 2.-Бирск, 2013.-стр.216-219.
5. Бурангулов Б.В. Информационные ресурсы Центрального архива общественных объединений Республики Башкортостан по истории национально-культурных объединений региона конца 20-начала 21 вв//Этносы и формирование гражданской нации: диалектика Российской национальной политики. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Рекомендовано к изданию Научным советом БАГСУ. 2014.-34-39.

**THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY OF THE CHUVASH PEOPLE
IN THE POLYETHNIC SPACE THROUGH MEDIA**

*Ahmedjanova Naila Ahmadullova,
associate Professor,
the faculty of Bashkir Philology and journalism
the Department of journalism
Bashkir state University, Ufa
E-mail: ANailaA@yandex.ru*

The article considers the problem of preservation and development of language, culture, traditions and customs of the Chuvash people in a multiethnic space; analyzes the current state of the national media in the Republic of Bashkortostan; it is a content analysis of the newspaper in the Chuvash language «Ural Sassi» (the voice of the Ural).

Key words: multiethnic society, national identity, national culture, the press, the preservation of culture and language.

**О СПОСОБАХ МИНИМИЗАЦИИ ИНТОНАЦИОННЫХ НАРУШЕНИЙ
В ГРУППАХ ТУРЕЦКИХ СТУДЕНТОВ**

Шахин Зульфия

кандидат филологических наук,

и. о. доцента кафедры русского языка и литературы Анкарского университета,

Турция Анкара, Турция.

E-mail: sahinz@ankara.edu.tr;

zulfiya.sahin@gmail.com.

В докладе, наряду со сравнительным анализом интонационных особенностей двух языков, содержится также описание системы речевых техник, способных стимулировать развитие характерных для русского языка интонационных навыков среди тюркоязычных студентов.

Ключевые слова: обучение интонации, русский как иностранный, языковая интерференция.

Среди всех супraseгментных единиц просодии ударение и интонация заслуживают особого внимания. Именно ударение и интонационное оформление высказывания во многом обеспечивают успешное коммуникативное общение на языке. Интонационные нарушения речи не только искажают общее звучание, но и приводят к нарушению смысла высказывания. Доклад посвящен проблематике интонационного оформления синтагм на русском языке тюркоговорящими студентами. В работе на базе сопоставления интонационных систем русского и турецкого языков сделана попытка объяснить причины негативной интерференции, а также представлены техники направленные на минимизацию интонационных нарушений, вызванных влиянием родного языка.

Изучение иностранного языка всегда сопряжено с проблемой интерференции родного и изучаемого языка. Интерференция, как правило, является следствием влияния первичной языковой системы, сформированной ранее, на вторичную сформированную позже. Данное явление способно проявляться на самых разных языковых уровнях: морфологическом, семантическом, синтаксическом. Фонетический уровень также не является исключением. Произносительные и интонационные навыки формируются вместе с артикуляционной системой языка и, если, опираясь на мнение Л.Р. Зиндера, рассматривать артикуляционную базу языка как «совокупность артикуляционных и фонотактических привычек», то при изучении иностранного языка крайне важным становится процесс формирования новых, лежащих в основе изучаемого языка фонетических привычек. Именно этой проблеме и посвящен доклад, конкретнее описанию существующих в турецком языке интонационных привычек и способам наработки новых характерных для русского языка навыков интонирования.

Проанализировав грамматические справочники и исследовательские работы по интонации турецкого языка можно отметить, что наиболее изученным аспектом в турецкой интонологии является мелодика, в которой традиционно выделяется три интонационных типа: терминальный, прогрессивный, вопросительный, а среди функциональных особенностей отмечаются эмоциональная и синтаксическая [4:35]. Некоторые фонетисты, как например А. Сумру Озсой, склоняются к мнению о существовании всего двух типов интонационной мелодики: терминальной и вопросительной [1:85]. Таким образом, можно объективно говорить о меньшей, по сравнению с русским языком, вариативности

интонационных решений. Другой отличительной чертой турецкой интонационной мелодики является относительно небольшой подъем тона, в то время, как в русском языке «для артикуляционной базы предложения характерны разнообразные переключения с большей частоты колебания голосовых связок на меньшую и, наоборот, с меньшей на большую» [2:84]. Здесь, было бы уместным отметить, что синтаксические конструкции в турецком языке имеют большую грамматикализованность, чем в русском. Теория А.М. Пешковского об интонации и грамматике, и так называемый *принцип замены*, суть которого заключается в том, что «чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое выражение (тоже до полного исчезновения)» [3:270] отчасти объясняет менее яркое интонационное оформление турецкой речи, и одновременно актуализирует наработку навыков экспрессивного интонационного выражения присущего русскому языку. Среди других отличий, негативно влияющих на интонационное оформление речи на русском языке, можно отметить различное положение интонационного центра в синтагматическом ударении. Так для турецкого языка, нормативным положением интонационного центра в синтагматическом ударении считается не конечное как в русском языке, а пред конечное смыслового центра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Озсой А.С., *Türkçe'nin Yapısı. Sesbilim.*, Boğaziçi Üniversitesi Yayınevi, Стамбул, 2004, 136 стр.
2. Брызгунова, Е.А., *Звуки и интонация русской речи*, Русский язык, Москва, 1977, 279 стр.
3. Зиндер Л.Р., *Общая фонетика*, Высшая школа, Москва, 1979, 312 стр.
4. Эргенч. И., *Konuşma Dili ve Türkçenin Söyleyiş Sözlüğü*, Multilingual, Стамбул, 2002, 486 стр.

ABOUT TECHNIQUES FOR MINIMIZATION OF ERRORS IN INTONATION AMONG TURKISH STUDENTS

Z. Sahin

Ankara University,
Ankara, Turkey

Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi No: 45 06100 Sıhhiye/Ankara/Türkiye

The report covers the matter of forming and developing of intonation skills among Turkish students, who study Russian as a foreign language. Along with this the report presents types of exercises that could help to build good intonation skills in Russian among Turkish students. The system of exercises offered in report is based on the results of comparison of intonations in Russian and Turkish languages. The comparison mentioned above was made in order to spot main differences in the intonation of two languages and to analyze them as possible reasons of negative cross-language interference.

Key words: teaching intonation, Russian as a foreign language, linguistic interference.

**AZERBAIJANI EDUCATION IN IRAN:
HOPES AND FEARS**

Niayesh Umid

Researcher

Founder of AzMekteb

Digital Education Program for Azerbaijani Children

Tabriz, Iran

E-mail: umidniayesh@gmail.com

Iran with its cultural and historic background as well as demographic composition cannot be separated from the Turkic world in the context of Eurasia.

However Turkic people, as the country's largest ethnic group still suffer from lack of education in their mother tongue. The article studies the problem's political and historic background and its negative impacts on Azerbaijani language and culture in Iran. Iranian Azerbaijanis' efforts to gain the right of education in their mother language, and protecting the language also is reflected in the study. The article also reviews the prospect of education in Azerbaijani language in Iran and the main challenges regarding the issue.

Keywords: Azerbaijani education Iran, Iran Azerbaijan, Iran Turkic people.

Modern education in Iran, where Turkic speaking people make the country's largest ethnic group¹ started with efforts of an Azerbaijani man in Turkish language.

Mirza Hassan Roshdieh² (1851-1944), who is known as the founder of modern education in Iran founded his first modern school for Muslims in Yerevan in 1883. And then the first modern primary schools in his home-town Tabriz in 1888 and 1893- where he implemented his new method of teaching the alphabet, using the concept of sounds instead of alphabetic letters to teach the Azerbaijani(Turkic) language with Arabic script- which became a model for other modern schools[Xəlilov, 1998, p. 136].

Before establishing the schools, Roshdieh left for Beirut in 1881 and studied for two years in its Teachers' School(Daar ul-Mu'allimeen), giving him a chance to become familiar with modern teaching methods. Roshdieh, later, proceeded with visiting Istanbul and the Caucasus, where he was deeply impressed with the ongoing education reform movements [Qasemi Pouya, 1998, p. 190].

Roshdieh published his first textbook namely "Vatan Dili" (The Language of the Homeland) in Tabriz in 1894, inspired by a book in 1882 under the same title penned by Alexei Osipovich Chernyayevsky (1840-1894), an outstanding Azerbaijani teacher.

1 There is no accurate or official statistics about the population of Turkic-speaking people in Iran. The Islamic Republic's then Foreign Minister Ali Akbar Salehi said during a visit to Turkey in 2012 that «about 40 percent of Iranians speak Turkish so this is a big link between Turkey and Iran.» <https://www.youtube.com/watch?v=KiiicAtcVDM>

Iran's Education Minister Hamidreza Haji-Babayi said in 2009 that "70 percent of students throughout country are bilingual and their mother language doesn't convert to Persian after entering to first year of school and passing one year. How can such students compete with students those educate in Tehran? The students those faced this decline of education, couldn't always succeed." <http://dw.com/p/117oA>

2 He was called Roshdieh after the name of primary schools in the then Ottoman empire, roshdiyye, because he had established the first such schools in Iran.

Conservative population of Tabriz in particular religious leaders and clerics bitterly opposed Roshdih's schools. Therefore, he had to leave the homeland to capital city, Tehran.

Leaving in the capital city provided him with chances to establish his latest modern school in 1897 as well as translating his "Vatan Dili" textbook to Persian language for Persian-Speaking students [Ibid, p. 195].

Modern Turkish schools in Iran's Azerbaijan however would not flourish wide but did not suffer any ban until Pahlavi era.

In that years other modern schools inspired by the Caucasus or Ottoman schools were founded in Iran's Azerbaijan which their education language was Azerbaijani Turkic such as Naseri school in Khalkhal city(1908), Salahieh school in Urmia(1918), Petros Elyas school in Baloo village Urmia(1909)[Ibid, p. 370, 379; Tamaddon, 1971, p. 84].

After Reza Shah Pahlavi took the power in Iran in 1925 education in the Azerbaijani language was banned in line with his authoritarian modernization policy to hammer out a new nation-state based on Persian language.

Backed with a large number of intellectuals, the new monarch extended centralization policies to all areas including the education. Textbooks' contents were unified all around the county and using other books as textbook was banned. Teaching the Persian language was made compulsory for all schools across the country even for foreign ones [Hamedi, 2016, p. 163].

Iranian foreign ministry's documents from 1926 indicate that the then government prevented the Soviet Azerbaijan from establishing at least two schools in Tabriz and Urmia due to concerns over using Azerbaijani as the academic language [Ibid, p. 182]. The documents also shows that the Iranian administration expressed dissatisfaction over establishing a Soviet Union school in Ghazian, northern Iran due to refusing the education ministry's decree on teaching the Persian language[Ibid, p. 184].

The education system in Iran became a tool for promotion of the dominant ideology with Persian nationalism on its pivot and consolidation of a single Iranian national identity based on Persian language.

Besides restriction in education system, the Iranian administration extended ban on Azerbaijani and other non-Persian language to publication of books and journals, as well.

Formation of Azerbaijan Republic in 1918-1920, and then Soviet Union and its look to south policy as well as historic competition with Ottoman Empire and rising nationalist movements there and concerns over joint ethnic, linguistic and historic roots of Iranian Azerbaijanis with people beyond the borders also had a key role in formation of dominant ideology's viewpoint and government's stances towards Iranian Turkic people and Azerbaijani language in the country.

The Azerbaijani language and its instruction started to be seen as national security issue. This viewpoint imposed serious impacts on Azerbaijani Turkic culture and language in Iran and even at the time being many intellectuals in the country consider the issue of Azerbaijani language instruction as a national security threat.

During the first years of Pahlavi government, certain intellectual circles alongside with encouraging the government to implement assimilation policies and promotion of Persian language in Iran's Azerbaijan, even offered forced migration of Azerbaijani Turks to central Iran and replacing them with Persian-speaking people[Afshar, 1927 , p.556-559; Afshar, 1927, p. 761-774; Arani, 1924, p.247-254].

According to the dominant Iranian intellectuals and the country's education ministry, Turkish language was an ominous legacy from foreign domination in various historic periods, which had to be eliminated and wiped out [Hamedi, 2016, p. 196].

The politicized viewpoint towards Turkish language and imposed bans on publications in Turkish and its education, which started from Pahlavi period as well as using Persian as the only

instruction language, decreased functionality of Turkish language and prevented it from being developed as literary language. Written language skills were not developed and the Turkish language in Iran remained at the level of spoken language.

Azerbaijan People's Government

The one-year period of Democratic Party government in Iran's Azerbaijan has a significant role when we talk about the Azerbaijani language education.

During the World War II Iran was jointly invaded and occupied by the Allied powers of the Soviet Red Army in the north and by the British in the center and south in 1941.

A group of Soviet-backed veteran communists headed by Jafar Pishevari formed the Azerbaijani Democratic Party (Firqə-yi Demokrat) in Tabriz on September 3, 1945.

The party formed a short-lived autonomous government in Iranian Azerbaijan from November 1945 to November 1946 with support of the Soviet Union and took important steps to eliminate the negative effects of Reza Shah period's language policies in Azerbaijan.

Actually, the issue of restoring Azerbaijani language position was raised even before formation of the Azerbaijani Democratic Party. For instance, Azerbaijan newspaper, which was an organ of the Azerbaijan Society, from the first issues called for restoring the Azerbaijani language's position, its promotion and replacing Persian language with Azerbaijani in schools and government bodies in Iran's Azerbaijan [Azerbaijan newspaper, 1942].

The issue of teaching Azerbaijani language till third grade in primary schools and teaching Persian besides Azerbaijani in higher grades took place among the Azerbaijani Democratic Party's goals, which were announced in its first declaration in September 3, 1945 [Şəhrivər in on ikisi, 1946, p. 8].

Azerbaijan's government adopted a resolution in January 6, 1946 to make the Azerbaijani language the official state language. The 10-point resolution also emphasized switching the instruction language from Persian to Azerbaijani in all schools [Dil haqqında Azərbaycan hökumətinin qərarı, 1946].

The education ministry of Azerbaijan government published six textbooks namely Ana Dili (mother tongue) for primary schools for teaching the Azerbaijani language.

Geography and A Brief History of the World for fifth grade of primary school, as well as Homeland language: Literary Reading Book for sixth grade of primary school were also other textbooks in Azerbaijani published during the Democratic Party government [Heyat, 2016].

Although the Azerbaijani language was widely used in its written form in books and newspapers as well as official and governmental documents during the Azerbaijan People's Government, and despite the fundamental steps, which were taken by the government to restore the Azerbaijani language and elevate its position, this period was too short to leave behind lasting effects.

Only one year after establishment of the autonomous government, Iranian army entered Azerbaijan and restored the central government's rule.

The army's entrance followed by a revenge not only against the Democratic Party members, but also against the Azerbaijani language. All shop signboards, as well as plaque signs in Azerbaijani language attached on streets were destroyed and the Azerbaijani books were gathered and burned [Moradi Maraghei, 2003, p. 473].

During the second term of Pahlavi government, the former policies regarding the non-Persian languages continued without any significant change.

Excluding some poetry and religious threnody books, almost no Azerbaijani book or Journal was published during the period [Ibid, p. 474].

In certain periods, even speaking in Azerbaijani was banned in the schools [Behrangi, 1999, p. 96].

Post-Revolution

The victory of Iran's revolution in 1979 opened a new chapter for Iran's non-Persian ethnic groups including Azerbaijanis. The issue of teaching regional languages took place in Iran's constitution for the first time and gained legal and official status.³

However, teaching the Azerbaijani language in schools was never implemented and many Azerbaijani activities were prosecuted and harassed only for pursuing Article 15 of Iran's Constitution implementation.⁴

Actually, the Pahlavi period's attitudes towards ethnic groups and languages continued in post-revolution period and teaching of the Azerbaijani language continued to be considered as a threat to national security as past. The politicized approach towards the issue has created a solid mentality in the society, which needs time to be eliminated.

On the other hand, the existence of the Soviet Union and an Azerbaijani population beyond the borders was still a source of concern.

But it should be noted that thanks to a partial opening in the post-revolution period, various books and journals were published in the Azerbaijani language, which were effective in development of the language, however not very significant. These publications on the other hand, had an important role in breaking the taboo on the usage of Azerbaijani in various fields.

However, the lack of a standard written language and orthography has become a main challenge for the Azerbaijani language in Iran, in particular in the recent years.

In the beginning, the publications mainly were using the Azerbaijan Republic's standard language with an Arabic-based script. It was understandable as the dominant part of the Azerbaijani activists in the first years after the revolution were leftist intellectuals, who were affected from Soviet ideology and were completely familiar with Soviet Azerbaijan's language and literature.

But gradually a new generation of people writing in Azerbaijani and not necessarily affected by the Azerbaijan Republic's standard language emerged in Iran. The influence of Turkey's literature and language (through books and publications, as well as satellite TV channels which became popular in Iran from 1990s) was more significant in the writings of this generation.

The pervasiveness of the Internet from the late 1990s in Iran also prepared grounds for Iranian Turkic activists to easily access the sources in Turkish language and write and publish their own contents in the Azerbaijani language. If we review the contents, we will see a significant divergence between various texts in terms of orthography and vocabulary. This is even more visible in the texts covering complex or contemporary topics, such as science and philosophy.

In lack of a center for standardization of the language and creating Azerbaijani equivalents of the foreign general or technical terms and centralization of the linguistic activities (similar to Academy of Persian Language and Literature in Iran and Turkish Language Association in Turkey) some Azerbaijani activists and writers create new equivalents for Persian or English terms by themselves⁵ or employ the words which are used in Turkey.

3 The article 15 of Iran's Constitution reads: The official language and script of Iran, the lingua franca of its people, is Persian. Official documents, correspondence, and texts, as well as textbooks, must be in this language and script. However, the use of regional and tribal languages in the press and mass media, as well as for teaching of their literature in schools, is allowed in addition to Persian.

4 For instance, during the Iranian parliamentary elections in 1996, Mahmudali Chehregani, the parliamentary candidate from Tabriz ran on a platform that called for the teaching of Azerbaijani in schools and implementation of Article 15. He received big support from the voters in Tabriz and won the first round of the elections but was detained and forced to withdraw his candidacy from the elections [Davoudi, 2014].

5 Some equivalent words created and used by various individuals: biliyurdu(university),

This initiative itself has led to a greater divergence in the written language. Moreover, no doubt that the Iranian Azerbaijani population in general is unable to communicate using this writing structure or understand the new words anymore.

On the other hand, the new words do not confirm to the structure of the Iranian Azerbaijani language. In this regard, the most suitable language, which can be used as a written language by Iranian Azerbaijanis, is the Azerbaijan Republic's standard language, however, there is a strong negative approach towards that language due to many Persian, Arabic and Russian words used in it.

In other words, there is a nationalistic, not linguistic approach towards the issue, in particular among the young generation.

Returning to the spoken language among Iranian Azerbaijani Turks, the lack of Azerbaijani instruction, the deliberate measures to deform the language's structure and use a mixed Azerbaijani-Persian in radio and TV, as well as using the Persian as the only language for education has caused serious damages to the Azerbaijani language in Iran, even to its vernacular form.

Today, the spoken Azerbaijani language is strongly influenced by Persian in terms of lexicon, pronunciation and even sentence structure. This is especially true for the language spoken among the more highly educated portion of the population.

It is no wonder that teaching mother language has become the main demand of the Azerbaijani activists in these years. Besides that, the Azerbaijanis have published various textbooks⁶ for teaching the Azerbaijani language and volunteers have held various unofficial courses in universities, educational institutions and homes for teaching their mother tongue.

Widespread use of computer and Internet in recent years has provided a new ground for Iranian Turks to follow the issue of education in their mother tongue in cyberspace.

Some Azerbaijani intellectuals in the country have taken certain steps to create educational programs for Azerbaijani children in Iran, and give them opportunity to learn reading and writing in their mother tongue via developing multimedia products, games and mobile applications as well as various Internet sites.⁷

könüt(editing), kültürsəl(cultural), bügüs(philosophy), ötək(history), quraşdırım(technology), tüzəbilim(law), devimli(dynamic), sayıtımsal(statistical), etc.

6 Here are some of these textbooks: *Ana Dil: Azərbaycanca dərslik*, İbrahim Rəfrəf, Tehran, 1998, 304 pages; *Azərbaycan Türkcəsinin nəhvi*, Ümid Niayəş, Tehran, 2003, 68 pages; *Doktor Sədiqin dil bilim Dərslisi*, Mohammad Sadeq Naebi, Tehran, 2009, 96 pages. *Dastoure Zabane Azerbaijani*, Samad Rahmani, Tabriz, 2012, 240 pages; *İnci dilim: ədəbi Azərbaycan dilinin qaydaları*, Məhəmməd Təqi Zehtabi, Tabriz, 2002, 64 pages; *Azərbaycan Türkcəsinin nəhvi*, Məhəmməd Təqi Zehtabi, Tabriz, 2005, 672 pages; *Qaedeye Zabane Torki*, Abdolali Khalkhali, Tabriz, 2008, 240 pages; *Dastoure Tatbiqiye Torki va Farsi*, Hasan Ahmadi Kivi, Tehran, 2004, 630 pages; *Türki dili: Dərs ocağı*, İbrahim Rəfrəf, Tehran, 1999, 356 pages; *Dastour va Zabane Torkiye Azerbaijan*, Ali Mohammadi Guneyli, Tehran, 1998, 208 pages; *Amouzeshe Gram-mere Zamane Torki*, Mohammad Sadeq Naebi, Karaj, 2009, 80 pages; *Belə oxu, belə yaz*, Əli Mohammad Bəyani, Tehran, 2012, 186 pages; *Ana dili mavi dünyada*, AyTürk/Deniz, Tabriz, 1998, 40 pages; *Ana dilində ilk dərslik*, Hüseyinqulu Səlimi, Tabriz, 2000, 238 pages; *Birinci sinif üçün ana dili*, Əli Səlmani Naseri, Tabriz, 2000, 48 pages; *Muasir ədəbi Azəri dili(səs-sərf)*, Məhəmməd Təqi Zehtabi, Tabriz, 1992, 356 pages; *Mabaniye dastoure zabane Azerbaijani*, M.A. Farzaneh, Tehran, 1992, 147 pages; etc.

7 In this line Azmekteb foundation started developing electronic educational materials for children from 2008. Those were materials about Azerbaijani language and literature, history, as well as some multimedia journals for kids, which followed by "Elifba" software. The main idea behind the program is to establish an unofficial education system for Azerbaijani kids, in paral-

From late 1990s, the new global conditions and the coming of modern ideas and thoughts into Iran – thanks to globalization and the effects of the Communication Age – as well as increasing public demand for mother language education among the Iranian ethnic groups have brought this issue into the Iranian society's political and intellectual discourses, and the media gradually started to discuss it.

After the reformist president Mohammad Khatami (1997-2005) took office, the administration, or at least some segments of the Iranian government, started to view teaching of regional languages less as a matter of national security.

The issue of using various textbooks for different regions was raised in the Education Ministry and the Educational Research and Planning Organization of the ministry started to study the issue.

Even Ali Zouelm, then head of the Curriculum and Textbooks Development Office of the ministry, said in 2006 that using the same textbook for first grades in primary schools of Tehran, Tabriz and Kurdistan is unfair and cruelty towards Azerbaijani and Kurd children – first-ever such confession from a top Iranian official [Niayesh, 2013].

All these developments however has no result in terms of Azerbaijani education, but was indicating formation of a new approach towards the issue of teaching non-Persian languages in certain layers of the government.

Beginning from those years “free lessons” added to the textbooks aimed at decentralization of the educational materials. Teachers in each region are free to fill the free lessons with educational materials corresponding to their own region's culture. Some teachers in various Azerbaijani cities welcomed the issue and filled the free lessons with contents in Turkish language [kiçik imkanlar, büyük addımlar, 2007].

Also in 2003 Council of Development of Higher Education of Iran (related to the ministry of Science, Research and Technology) approved the Bachelor degree in Azerbaijani language and literature and its framework and program for the first time in Iran's history. The approved comprehensive program included various topics such as Azerbaijani Turkish history, grammar, dialectology, folk literature, old Turkic texts, modern Azerbaijani poetry and prose, comparative study of Turkic dialects and languages, introduction and study of Turkic dictionaries and study of modern literary language style of Azerbaijani Turkish [Moshakhasate kolli, barname va sarfasle dorouse doreye karshenasiye zaban va adabiyyate Torki Azari, 2003, p. 8-12].

In addition, a list of references, which should be used for each course, were mentioned in the program including references published in Iran, Azerbaijan and Turkey.⁸

lel with Iran's official education system, to teach them their own language, literature and history.

Some kind of smart school. <http://az.azmekteb.com/> & <http://az.oxucan.com/>

8 Below are some of the approved references:

1- Azerbaijan Republic: M.Ş. Qasımov, *Azərbaycan dili terminologiyasının esaslari*; R.Məhərrəmov, M.Cahangirov, *Azərbaycan dilinin tarixi sintaksisinə dair materiallar*; Məmmədağa Şirəliyev, *Azərbaycan Diyalogologiyasının Əsasları*; Həmid Araslı, *Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi*.

2-Iranian references: M. T. Zehtabi, *İran Türkcəsinin sərfi*; Teymur Pirhaşemi, *Azəri dilinin qrameri*; Həmid Nıtqi, *Yazı qaydaları*; Səməd Zuhuri, *Şeir sənəti İran Türkcə ədəbiyyatında*; Məhəmməd Əli Niqabi, *Azərbaycan bayatıları*; Əli Əsgər Müctəhed, *Türki dilində məsəllər*; Məhəmməd Əli Fərzanə, *Dədə-Qorqud kitabı*; Cavad Heyət, *Azərbaycan ədəbiyyat tarixinə bir baxış*.

3-Turkey: Nihat Sami Banarlı, *Resimli Türk edebiyatı tarihi*; Ahmet Bican Ercilason, *Karşılaştırmalı Türk lehçeleri sözlüğü*.

Old and classic Turkic texts including Orkhon-Yenisey inscriptions, Atabetu'l-Hakaik, Kutad-

Study of the approved references and courses indicates that the ministerial authors have had access to Turkish language and literature experts, capable of proposing an accurate and academic program without any narrow-mindedness and ideological prejudice. However, the implementation of the program was not materialized at that time and delayed for 13 years.

On the other hand, in line with efforts for teaching regional languages including Azerbaijani in schools some Iranian MPs submitted a bill for implementation of the Article 15 of Iran's Constitution in sixth(2000-2004) and seventh(2004-2008) parliaments which was rejected in both times[Navide Azerbaijan newspaper, 2014].

However, the issue of teaching Azerbaijani language found way to Iran's political discourses and politicians started to refer to that, in particular during the elections.

Iranian president Hassan Rouhani published a statement in June 2013, during his presidential campaign regarding teaching the ethnic mother languages of Iranians (Kurdish, Azerbaijani, Arabic, etc.), officially emphasizing his intention to fully implement Article 15. In his statement, Rouhani also promised to abandon the look towards the ethnicities from the security lens [Bayaniyye shomare 3- Hoquqe aqvam, adyan va mazaheb, 2013].

Furthermore, during a visit to Tabriz city, Rouhani promised that an Azerbaijani language and literature academy will be established in Tabriz [Dolate tadbir va omid nakhahad gozasht javanan bikar bashand, 2013].

It was the first time that two important demands of Azerbaijani activists and scholars involved clearly among concrete promises of a presidential candidate.

A campaign for collection of signatures was carried out for creation of Azerbaijani language and literature academy after Rouhani took office in Aug. 2013; however, the president failed to materialize his promise in this regard.

Initially, Esmacil Jabbarzadeh, the newly appointed governor of East Azerbaijan Province, emphasized the importance of the promise and said that he will make it a reality. However, after a while instead of the academy, a Foundation of Azerbaijan's Culture, Art and Literature established in Tabriz [Eftethae bonyade farhang, honar va adabe Azerbaijan, 2015].

Academies for languages are usually official reference bodies and authorities regarding a specific language, giving the tongue an officiality. For instance based on the statute of the Academy of Persian Language and Literature, the academy would have guaranteed maintaining strength and originality of the Persian language as well as promoting and spreading it [Darbareye Farhangestane Zaban va Adabe Farsi]. Actually, the Iranian government refused to elevate the status of the Azerbaijani language by rejecting establishment of an academy for it.

Coming back to the Rouhani's promise about instructing the ethnic mother languages of Iranians including Azerbaijani, the University of Tabriz for the first time opened a new department for Azerbaijani language and literature later in 2016 and admitted 29 students for the academic year starting in October[Aghaz be tahsile daneshjouyane nokhostin dovreye reshteye zaban va adabiyate Turki, 2016].

The issue has raised serious protests among certain intellectual circles as well as some hardliner political groups, who have accustomed to a monophonic and monolingual system for decades.

Opponents in particular criticize certain parts of the approved educational program including old and historic Turkic literature such as Orkhon-Yenisey inscriptions, Kutadgu Bilig , Diwani

guBilig, Diwani Hikmet, Dīwān Lughāt al-Turk, etc as well as modern term authors and poets from both Azerbaijan Republic and Iranian Azerbaijan such as Mirza Alakbar Sabir, Jalil Mam-madguluzadeh, Jafar Jabbarly, Samad Vurgun, Mikayil Mushfig, Huseyn Javid, Mammed Said Ordubadi, Mahammad Huseyn Shahriar, Habib Sahir, Bulud Qarachorlu Sahand, also took place in the program[Ibid, p. 60-63].

Hikmet, etc as well as introducing Turkic works of poets and authors who used to live beyond the Iranian borders(Azerbaijan Republic), saying that the contents are non-Iranian and have no link with Iran's Azerbaijan. They claim that the issue is official promotion of Pan-Turanism, threatening Iran's "national unity" and that the educational program will bring up a new generation of Pan-Turanists in Iran [Seyfaddini, 2016].

The issue of academic and systemic teaching of the Azerbaijani language and its grammar within its historical context has also raised concerns among these circles. They argue that the current spoken language in Iran's Azerbaijan is a mix of ancient Iranian languages (Tati, Talysh language, etc.), Persian and Turkish and try to force the Ministry of Science, Research and Technology to withdraw its approved program and replace it with an abstract politicized program[Hamrang, 2016].

Actually, these circles are concerned that all efforts were made in last 100 years for deformation, marginalization and finally extinction of Azerbaijan's Turkic language in Iran will be nullified. And try to convince the government to continue the traditional assimilation policy within a new format by limiting the educational content to Iran's political borders, and separating the language from its historical background and other modern Turkic languages.

It is still not clear whether the government will be loyal to the Azerbaijani language and literature program, which was approved in 2003 or not.

Responding to the criticism, head of the Azerbaijani language and literature department of Tabriz University has announced that only domestic references will be used in the courses and lessons will be held in Tabriz dialect.

He also requested the critics to avoid politicizing the issue, adding that the department aims to systematize and scientize the Azerbaijani Turkish in Iran[Aghaz be Tahsile daneshjouyane nokhostin dovreye reshteye zaban va adabiyyate Torki, 2016].

No doubts that, the graduates of the Azerbaijani language and literature will play an important role as language teachers in the future once the Azerbaijani language finds way to the Iranian schools.

Ali Asghar Fani, Iran's education minister said in Aug. 2016 that, the ministry has prepared a plan for teaching the regional languages in schools in all bilingual regions in line with the implementation of the Article 15 of Iran's Constitution and submitted it to president for final approval [Teaching ethnics' mother tongue waits Rouhani's approval, 2016].

Meanwhile the head of Research and Planning Organization of Iran's Education Ministry Mohyedin Bahram Mohammadian said in June 2016 that no content has been prepared for ethnic groups' language. He further said that issue needs approval of Supreme Council of the Cultural Revolution [Amouzeshe zabane aqvam niazmande mosavvabeye Shoouraye Aliye Enqelabe Farhangi, 2016]. He also announced in another interview that the ministry plans to prepare educational contents for ethnic language, which will be offered in cyberspace [Tarrahiye mohtavaye amouzeshe zabane aqvam az tariqe majazi, 2016].

These contradictory statements indicate that the Iranian government has no plan to take widespread and serious steps regarding the instruction of ethnic languages including Azerbaijani in schools in bilingual regions in the near future.

The administration prefers to handle the issue through limited measures such as allocating 2-4 pages of the textbooks for regional languages under the name of free lesson rather than implementation of an independent and systematic program.⁹

9 For example, the education ministry's provincial department in Zanjan(an Azerbaijani province) in a decree published Sept. 26, 2016 has asked teachers to gather and send literary works in Azerbaijani Turkish to the department for preparing content for two free lessons(4 pages) of Persian language textbook of tenth grade, which is allocated for "regional literature."

Conclusion

The issue of education in Azerbaijani in Iranian schools faces serious challenge despite existence of legal structures, as a significant portion of the society cannot even tolerate the systematic and academic instruction of the language in a limited scale in university level.

Today the government seems to have softened its attitude towards teaching the regional languages, but still a major and effective part of academic, political and intellectual (either close to government or opposition) circles continue to resist its implementation and see the issue as a security problem and essentially unnecessary.¹⁰

It is no wonder that, the Azerbaijani activists and intellectuals have started an initiative to convince the opponents, break the taboo of teaching Azerbaijani language and gain more supporters for their demands.

The efforts are actually focused on two axes:

1- Emphasizing that teaching the mother tongue of the ethnic groups is not making a threat against the country's national security; Vice versa, it contributes to the national security through preventing radicalization of ethnic groups' demands.

2- Explaining the issue's importance and necessity from the point of psychology, pedagogy, international laws, etc.¹¹

Other challenges for education in Azerbaijani language are lack of scholars and teachers as well as standard written language.

On the other hand, the issue of teaching the regional and ethnic languages in schools is expected to face some legal challenges, as the Article 15 of Iran's Constitution is unclear and open to interpretation. The article actually does not clearly recognize the right to receive education in mother tongue.

This issue has already inflamed debates in Iran society regarding the legal aspects of education in mother tongue and seems that the disputes will grow in the future as the issue of teaching Azerbaijani language becomes more serious and the public demand for education in mother language increases. Conservative circles in Iran may submit restrictive interpretation of Article 15 to raise legal obstacles for teaching the mother tongue of ethnic groups in Iran.

10 For instance, certain members of Persian Language and Literature Academy were appalled by this initiative, and viewed it as a threat against the Persian language. In a meeting with education minister in 2014, members of the academy expressed concern about possible teaching of ethnic languages by the administration, saying that it is a serious threat against Persian language. Teaching Iranian ethnic's mother language in the school is a conspiracy to weaken the Persian language, the members of the academy said. They also called the plan «very dangerous», which will lead to problems in the country. One of the members even accused foreign countries including Azerbaijan Republic of pressuring for teaching ethnic groups' mother languages, pursuing their own interest [Amouzeshe zabanhaye madari dar ostanha bouye totee midahad, 2014].

11 The best example in this regard is a book dubbed «The end of monolingualism», which was published in 2015 in Tabriz. The author has gathered 13 investigative interviews with Azerbaijani and non-Azerbaijani experts, and intellectuals about the right to mother-tongue education, which focus on the aforementioned topics [Zare Kahnamouyi, 2015].

REFERENCES

1. Afshar, Mahmoud. khatarhaye siyasi. Ayandeh journal, 1927, № 11.
2. Afshar, Mahmoud. Masaleye melliyyat va vahdate melli dar Iran. Ayandeh journal, 1927, № 8.
3. Aghaz be Tahsile daneshjouyane nokhostin dovreye reshteye zaban va adabiyyate Torki. October 5, 2016. [URL]: <http://www8.irna.ir/fa/News/82257697/>
4. Amouzeshe zabane aqvam niazmande mosavvabeye Shoouraye Aliye Enqelabe Farhangi. June 20, 2016. [URL]: mehrnews.com/news/3690671/
5. Amouzeshe zabanhaye madari dar ostanha bouye totee midahad. January 27, 2014. [URL]: mehrnews.com/news/2222873/
6. Arani, Taqi. Azarbayjan ya yek masaleye hayati va mamatie Iran. Nameye Farhangestan journal, 1924, № 5.
7. Behrangi, Asad. Baradaram samad Behrangi. Tabriz: Behrangi, 1999.
8. Darbareye Farhangestane Zaban va Adabe Farsi. [URL]: <http://www.persianacademy.ir/fa/about.aspx>
9. Davoudi, Nader. Agaye Ostandar. Tehran: Ney, 2014.
10. Dil haqqında Azərbaycan hökumətinin qərarı. Azerbaijan newspaper. January 9, 1946. № 96.
11. Dolate tadbir va omid nakhad gozasht javanan bikar bashand. June 10, 2013. [URL]: <http://www.isna.ir/news/92032011711/>
12. Eftethae bonyade farhang, honar va adabe Azerbaijan. May 19, 2015. [URL]: mehrnews.com/news/2584189/
13. Hamedi Zahra. Mabaniye ideolojiye hakemiyyat va tasire an bar motoon va mavadde darsi dar asre pahlaviye avval. Tehran: Nazshre Tarikh, 2016.
14. Hamrang, Naser. In zaban Mogholi nist. Sharq newspaper. September 7, 2016. № 2676.
15. Heyat, Mohammad Reza. Siyasate Zabani va Sakhtare Hokumate Melliye Azerbaijan. [URL]: tebaren.org/fa/?p=80
16. Khod mikoshi hafez ra, khod taziye midair. February 2, 1942. Azerbaijan newspaper, № 260.
17. Kichik imkanlar, Boyuk addimlar. Feb. 9, 2007. Turkja Hamshahri newspaper.
18. Moradi Maraghei, Ali. Az zendane Reza Khan ta sadre Ferqeye Demokrat. Tehran: Ohadi, 2003.
19. Moshakhasate kolli, barname va sarfasle Dorouse Doreye karshenasi zaban va adabiyyate Torki Azari. Vezarate Oloum, Tahghighat va fannavari. Tehran: 2003.
20. Navide Azerbaijan newspaper. May 28, 2014, № 531.
21. Niayesh, Umid. Amouzeshe gheyre rasmi ejtenabnapazair ast. March 25, 2013. [URL]: <https://cheshmandaz.org/2013/03/25/>
22. Qasemi Pouya, Eqbal. Madarese jaded dar dovreye Qajariye. Tehran: Markaze Nashre Daneshgahi, 1998.
23. Seyfaddini, Salar. Siyasate hoviyyat va kampeyne entekhabati, Sharq newspaper. August 24, 2016. № 2664.
24. Shahrivarin on ikisi. Təbriz: Markaze Tablighat Shobesi, 1946.
25. Bayaniyye shomare 3- Hoquqe aqvam, adyan va mazaheb. 2013. [URL]: http://rouhani.ir/event.php?event_id=63
26. Tamaddon, Mohammad. Ozae Iran dar jange avval ya tarikhe Rezaiye. Urmia: 1971.

27. Tarrahiye mohtavaye amouzeshe zabane aqvam az tariqe majazi. June 5, 2016.
[URL]: <http://www.isna.ir/news/95031609400/>
28. Teaching ethnics' mother tongue waits Rouhani's approval. Aug. 28, 2016.
[URL]: <http://en.trend.az/iran/society/2653782.html>
29. Xəlilov, N. Azərbaycanca məktəb və pedaqoji fakir tarixindən. Gəncə: 1998.
30. Zare Kahnamouyi, Asgar. Payane tak zabani. Tabriz: Mugham, 2015.

РОЛЬ ТЮРКСКОГО (АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО) ЯЗЫКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

*Алиева Севиндж Исрафил гызы,
доктор исторических наук,
зав.отделом «История азербайджано-российских отношений» Института
Истории Национальной Академии наук Азербайджана
E-mail: a.sevemin.i@mail.ru*

Тюркский язык долгое время являлся наиболее распространенным средством общения у народов мусульманского Кавказа (огузы, хазары, печенеги, кыпчаки, Золотая Орда, Крымское ханство). Тюркский язык (азербайджанский язык) приобрел значение лингва-франка для народов Северного Кавказа в дороссийский период. В период существования на Кавказе Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920) язык азербайджанских тюрков стал государственным и влияние его на Северный Кавказ еще более упрочилось. В царское время русский язык постепенно применяется и распространяется на Северном Кавказе. Но лишь в советский период утверждаются позиции русского языка, вытеснившего тюркский язык из сферы образования, делопроизводства и общения.

Ключевые слова: тюркский язык, Северный Кавказ, азербайджанский язык, русский язык, лингва-франка.

Тюркский язык издавна являлся распространенным средством общения у народов мусульманского Кавказа. Топонимия Северного Кавказа, этнические названия Северного Кавказа в источниках дороссийского периода даются сквозь призму тюркских языков. В местах исторического проживания даже не тюркских народов (чеченцев, кабардинцев и т.д.) огромен удельный вес тюркских названий. Надо признать, что Кавказ с древних времен тесно связан с народами тюркского мира. По Кавказу – мировому пути сообщения – тюркские кочевые племена проникали на территорию бассейна Средиземного моря (гунны, огуры, сабиры, авары, Огузы, куманы, сельджуки, печенеги, кыпчаки).

Тюркский язык в XI веке был языком тюркских племен печенегов и кыпчаков [17, с. 22; 29, 60-61]. С 1222 – 1223 годов на Кавказе появились вестники татаро-монголов, подчинившие в 1231 – 1240 годы Южный Кавказ. В управляемых монголами государствах основное население представляли тюркоязычные племена и народности [36, 8-10]. По оценке С.А. Плетневой, на первом этапе формируются единая общая культура, единое мировоззрение (религия) и единый язык. На втором, появляются общие этнические черты, главные из которых – культура и язык. Появление союзов и объединений политических образований способствовали сложению в степях этнических общностей, которые считаются прообразами будущих народов. Единство этнической общности определялось, прежде всего, общим языком [29, с. 40, 62, 72-73].

С распадом мощного тюркского государства Золотой Орды появились тюркские государства: ханства – Астраханское (60-е годы XV века), Крымское (с 1443 года), Казанское (с 1436 года), Казахское (с середины XV века), Сибирское ханство (со второй половины XV века), а также Большая Орда (со второй половины XV века), Ногайская Орда (с конца XIV века) и государство Абулхайр хана. В дальнейшем на территории Кавказа возникали различные государственные образования тюрков: Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу, азербайджанское государство Сефевидов. В середине XV века на Южном Кавказе усилилась Османская империя.

Тюрки коренным образом повлияли на ход военно-политической и экономической истории Кавказа и этнолингвистические характеристики многих народов этого региона.

На Северном Кавказе проживает значительное число представителей тюркских народов: азербайджанцы, кумыки, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, поволжские татары, казанские татары, крымские татары, башкиры, казахи, ставропольские туркмены, ахыскинские турки, греки-урумы, и др. Из них четыре народа (кумыки, карачаевцы, балкарцы и ногайцы) являются коренным населением Северного Кавказа. Остальные тюркские народности испытали на себе те же исторические события, как и другие народы региона. Это придает им полное право относиться к тюркским народам Кавказского региона.

Существенные изменения в истории народов, в том числе тюркских, произошли в конце 1980-х - начале 1990-х годов. Статус государственного языка в РФ наряду с русским получили 31 титульных народов России, в том числе 10 тюркских языков: алтайский, башкирский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, татарский, тувинский, хакасский, чувашский и якутский. Этот закон повлиял на развитие тюркских языков, применение их в системе образования, культурных сферах жизнедеятельности, в СМИ, в трудовой деятельности, и т.д. Однако, по оценке выдающегося тюрколога, доктора филологических наук, профессора А.Баскакова, некоторые тюркские языки, например, карачаево-балкарский, кумыкских, ногайский, и другие, хотя и имеют статус государственного, но из-за «относительной немногочисленности носителей и недостаточности высокого уровня структурного развития» не могут в должной мере применяться в сфере образования и квалифицированной трудовой деятельности. По мнению А.Баскакова, «альтернативой трайболизации тюркских народов может стать интеграция малочисленных тюркских этносов и субэтнических групп в близкородственные народы с развитыми письменными языками и социокультурной инфраструктурой - системой образования, СМИ, с сетью учреждений культуры» [11].

По арабским источникам X-XII веков, в Дербенте и прилегающих окрестностях говорили на тюркском языке. Известный историк начала XIX века Семен Броневский писал, что «татарские поколения, укоренившиеся в Кавказе с половины XIII до исхода XV столетия оставили явные знаки своего господствования в языке и нравах» [12, с. 442-443; 30, 26].

И в последующем татарский язык был «повсюду употребляемый». В последующем в Дербенте, Шемахе и Баку в школах преподавали арабский язык и фарси. Городские жители и грамотные чиновники говорили на фарси. Но общенародным языком всегда был татарский или азербайджанский язык. По сообщению С.Броневского, черкесы, не имевшие своей письменности, писали арабскими буквами (как и остальные народы Северного Кавказа), «татарским наречием, называемым тюркю, которое весьма употребительно у черкесов». С.Броневский отмечал, что кубачинцы употребляли арабский шрифт для написания «турецкого, татарского и собственно своего языка». Он также зафиксировал, что табасаранцев причисляли к дагестанским азербайджанцам (татарам), потому что они говорили «испорченным татарским и лезгинским наречием» [12, с. 140, 459-460, 323-324, 347].

Путники, путешественники, торговцы, послы, благодаря знанию тюркского языка могли общаться с представителями полиэтничного Кавказа. Разноэтничные и разноразличные народы Дагестана применяли в общении друг с другом именно тюркский язык. Это обусловлено их историческими связями с азербайджанскими тюрками и нахождением долгое время в одном цивилизационном поле. Распространение азербайджанского языка среди народов Северного Кавказа связано с историей взаимоотношений народов современного Северного Кавказа и азербайджанскими тюрками, начиная с древнейших времен. Проникнув с севера через Дербентский и Аланский проходы на территорию Азербайджана (Аран, Ширван, Муган) тюркские и кавказские племена взаимодействовали с местным населением, передавая и заимствуя культурные и этнические особенности [7, с. 30-37].

К началу XVIII века Азербайджанские земли, благодаря своему торгово-транзитному значению, стали ядром, притягивающим к себе близлежащие мусульманские, тюркские и кавказские народности. В первую очередь, это влияние проявлялось в отношении народов

современного Северного Кавказа: кумыков и других многочисленных народов Дагестана, а также чеченцев, кабардинцев, осетин и пр. Территория Северного Кавказа в дороссийский период находилась в зоне экономического и политического влияния Азербайджанских политических образований. Экономические трудности и необходимость дополнительного заработка вынуждали представителей народов Северного Кавказа, как в одиночку, так и группами, устремляться на Южный Кавказ на сельскохозяйственные работы и наниматься на военную службу к азербайджанским ханам, в пограничные турецкие пашалыки и в Иран [23, с. 58]. В то же время нередко представители народов Северного Кавказа, переселяясь на территорию Северо-Западного Азербайджана, образовывали совместные поселения с местными азербайджанцами.

По единодушному определению исследователей и современников, в целом по Дагестану, а в основном в Южном Дагестане на тюркском (азербайджанском) языке помимо собственно азербайджанских тюрков – коренного населения этого региона, общались и разговаривали также местные табасаранцы, лезгины, даргинцы и лакцы. О распространении и роли азербайджанского языка в Дагестане сообщали Д.Свечин, Н.К.Зейдлиц, Беккер, П.К.Услар, К.Ф. Ганн, А.М.Дирр и др. [19, с. 549]. Как известно, историк XIX века Гасан Алкадари написал свое знаменитое сочинение «Асари Дагестан» на азербайджанском языке [28, с. 4].

Еще в позднее средневековье и новое время российский двор переписывался с владельцами Северного Кавказа на тюркском языке, который служил также для написания грамот и других документов [6, с. 73]. Тюркский язык служил на Кавказе межэтническим средством общения. По свидетельству лингвиста-ориенталиста Ю.Клапрота, путешествовавшего по Кавказу в 1807-1808 годы, «татарский язык, как и во всей Западной Азии, широко распространен по Кавказу; его понимают как черкесы и осетины, так и чеченцы и лезгины» [22, 108]. По оценке Семена Броневского, «Татары (читай «азербайджанцы» – С.А.) оставили в Кавказе неизмеримую память своего господствования в языке, которая и до ныне в общем употреблении у всех почти Кавказских жителей» [12, с. 227].

По данным З.Джавадовой, к началу XIX века 2/3 населения Джаро-Белоканского региона Азербайджана были тюркоязычными. На тюркском языке говорили жители селений Чобанкол, Кеймур, Базар, Алмалы, Ляляли, Гейлер, Бояхмедли, Бёюк Лахыдж, Кичик Лахыдж, Кюрдемир и др. [2, 257-258].

Даже у чеченцев на правом берегу Терека было множество деревень с тюркским названием: Каш-Гельды, Курчи-аул, Науруз-аул, Нуим-берди, Ойсунгур, Истесу (400 дворов) под общим названием Алты-качалык («шесть деревень»). По материалам С.Броневского они были основаны аксаевскими владельцами (кумыками) [12, 175-176].

А.А.Бестужев-Марлинский в одном из своих сочинений, вышедшем под названием «Красное покрывало», отмечал, что с азербайджанским языком, «как с французским в Европе, можно из конца в конец пройти всю Азию» [24, 272].

По материалам А.А.Бакиханова, «четыре деревни табасаранские – Магарты, Маграга, Хучни и Чирах, все магалы Улуч и Терекеме, по обеим сторонам Дербента, равно и как сам город, магалы Тип, Мюскюр, Шабран, город Кудиал (Куба) и остальные магалы Ширванские с Сальяном, шесть деревень бакинских терекеме и весь уезд Шекинский говорят на языке турки...» [9, 24-25; 16, с. 8-9, 22-24; 34, 86].

Азербайджанский мыслитель, просветитель Мирза Фатали Ахундов полковник русской армии, всю жизнь работал первым штатным переводчиком канцелярии наместника Кавказа, сопровождал его и в поездках, все местные обращались именно к Ахундову. Именно он переводил наместнику в обращении к северокавказским народам [39.1, с.95].

В первой половине XIX века на Северном Кавказе многие национальные общественные деятели и просветители одинаково прекрасно владели своим собственным родным языком, а также тюркским, русским, турецким, арабским и персидским языками. Например,

хаджи Мухаммед Шарданов - секретарь Верхнего Моздокского пограничного суда, его сын Якуб, лидер шариатского движения в Кабарде Адиль Гирей Атажукин [39, 8-9]. Один из авторов XIX века писал: «С введением магометанства черкесы пишут на своем языке арабскими буквами. Один из узденей, занимающийся разным торгом на Горячих Водах, известный всем приезжим Шора, намеревался представить правительству ... успел выучить – сколько можно в здешнем краю – пяти языкам, кроме природного: арабскому, который по справедливости считается на Востоке не только священным, но и ученым; татарскому, или турецкому, который от древнего монгольского владычества, не менее от позднейшего распространения суннитского вероисповедания, в таком же общем употреблении между кавказскими племенами, в каком теперь французский язык в Европе; абазинскому, в котором вопреки некоторым ученым не находит кабардинский филолог никакого сходства с черкесским; персидскому и русскому. Один из них стали ему известны в школе кумыцкой, заведенной в деревне Эндери...» [27, 103-104].

Российская администрация в Дагестане по началу до распространения русского языка и даже еще в 1930-е годы пользовалась услугами переводчиков-азербайджанцев или людей, знающих азербайджанский язык, как наиболее распространенный на Кавказе. Распространение азербайджанского языка в целом в Дагестане, не только в районах, приграничных с этнической территорией азербайджанцев в Южном Дагестане, обусловлено ходом исторических процессов, торгово-экономических и культурных взаимосвязях. Азербайджанский язык являлся средством общения народностей лезгинской группы, части аварцев, лакцев, татов и др. [37, с. 162-169].

По результатам исследования академика В.В.Бартольда, на прибрежной равнине Дагестана «говорили большей частью по-тюркски, в Дербенте и вокруг него – на азербайджанско-турецком языке, а в северных районах – на западнотюркских диалектах кумыков и ногайцев». В.В.Бартольд отмечал, что «сейчас (т.е. в его время – А.С.) повсеместно получает перевес азербайджанский язык как письменный» [10, с. 417].

О значительной роли тюркского языка как основного средства общения на Кавказе, свидетельствует и использование тюркских – ногайского и кумыкского языков у народов Северного Кавказа [14, с.207].

Многие исследователи сошлись во мнении о «внушительной доле тюркизмов в лезгинском (языках лезгинской группы), даргинском, лакском и других языках» [5, с.160; 15, с.113].

Исследователи выделяли несколько этноконтактных зон на Северо-Восточном Кавказе, в частности, даргино (кайтаго)-азербайджанскую, лезгино-азербайджанскую (дагестанские азербайджанцы), табасарано-азербайджанскую, азербайджано-татскую, а также межрегиональную цахуро-рутуло-лезгино-азербайджанскую зону и др. Так, по результатам исследования Г.А.Сергеевой, азербайджанский язык был широко распространен среди жителей современного Дагестана и у некоторых из них, например, табасаранцев, рутульцев, и др. получил роль второго языка, а у татов – и вовсе вытеснил родной язык. Так, в Дербентском районе в с. Рукель таты говорили только на азербайджанском языке, а с. Митаги на двух языках: азербайджанском и татском, а в с. Гимейди жители только двух кварталов помнили татский язык. В цахуро-рутуло-лезгино-азербайджанской контактной зоне на азербайджанском языке как традиционном языке общения всех народов лезгинской группы говорили все. По материалам Г.А.Сергеевой, цахуры даже в кругу семьи говорили на азербайджанском языке, а рутульцы легко переходили на него в кругу лезгин и цахур. Этнические группы будугцев, хыналыгцев и крызов, живущие в Азербайджане, издавна пользуются азербайджанским литературным языком [26, с. 25; 38, с. 102, 127].

По оценке дагестанских исследователей, у табасаранцев в названиях одежды было много заимствований из тюркских языков. На северных табасаранцев оказала влияние и азербайджанская кухня. Заимствования заметны в употреблении ряда блюд: «долма»,

«бозбаш», «довга», «пити» и др. Между табасаранцами и азербайджанцами заключались межнациональные браки. На основании долговременных и устойчивых экономических и культурных связей с азербайджанцами, табасаранцы заимствовали также некоторые обычаи. Так, приветствуя гостя, они по-азербайджански говорили и говорят: «Хошгельди!» (Добро пожаловать!).

Азербайджанский язык преобладал в восточной части этнической территории лезгин: в восточной оконечности нынешних Касумкентского и Магаррамкентского районов, примыкающих к территории дагестанских азербайджанцев (сел.Белиджи, Ньюнди, Рубас и др.). Практически все лезгины знали (да и ныне знают) азербайджанский язык. По оценке Г.А.Сергеевой, «укреплению позиций азербайджанского языка среди лезгин Дагестана способствовали и их устойчивые контакты (экономические, семейно-бытовые) с населением Северного Азербайджана» [38, с. 104-105, 107]. По ее исследованиям, в табасарано-азербайджанской зоне азербайджанский язык завоевал настолько прочное место, что вытеснил родной. Л.Загурский в 1870-е годы отмечал, «табасаранцы уже забывают все более и более свой родной язык, уступающий место азербайджанскому наречию» [38, с. 107]. Г.А.Сергеева установила, что для табасаранцев азербайджанский язык стал родным не только из-за близкого соседства, но и из-за тесных экономических и семейно-бытовых связей (смешанные браки). Азербайджанский язык прочно завоевал позиции языка-посредника у народов Северного Кавказа при торговых делах в общении с азербайджанцами, в частности, дербентскими [38, с. 107].

Азербайджанский язык был общераспространен не только среди ближайших соседей азербайджанцев в Дагестане, но и среди отдаленно живущих лакцев. Лакцы, особенно ремесленники и торговцы, в поисках заработка регулярно отправлялись в Азербайджан. Так поступали, в частности, жители с.Хосрех. Интересно, что пройти в Азербайджан они могли через земли агулов, но не знали агульского языка, а употребляли и среди них азербайджанский. По-азербайджански говорили также арчинцы, среди которых были отходники, отправлявшиеся на заработки в Азербайджан [33, с. 126, 156; 38, с. 108-112].

Итак, на распространение азербайджанского языка оказало влияние совместное и соседское проживание азербайджанцев с народами Северного Кавказа: табасаранцами, лаками, и другими.

Надо отметить, что сами азербайджанские тюрки говорили на тюркском языке, который считался, по определению М.Э.Расулзаде, «языком простонародья и крестьян» [31, с. 24]. Разговорный азербайджанский (тюркский) язык использовался широко и в прилегающих к Азербайджану районах Северного Кавказа.

По словам азербайджанского публициста Мухаммеда Шахтахинского, редактора-издателя газеты «Шярги Рус», его газета на азербайджанском языке распространялась по всему Кавказу [32, л. 42 об.]. По результатам исследования Е.Вейденбаума, азербайджанский язык – «международный язык для всего восточного Закавказья. Каждый год он делает новые захваты среди горцев Дагестана, влияя на туземные языки и вытесняя их мало-помалу». Так, в частности, азербайджанский язык хорошо знали табасаранцы. Е.Вейденбаум установил, что табасаранцы «усвоили азербайджанское наречие... вследствие близкого соседа и постоянных сношений с тюркскими племенами прикаспийской плоскости» [13, с. 101-102, 105, 107].

К.Закуев, на страницах газеты «Ачык Сёз» справедливо рассудил, что «касается народа, массы, то среди них получил право гражданства в качестве международного языка тюркский язык. Последний среди них настолько сильно вкореняется, что дагестанские мусульмане тюркский язык начинают считать за свой национальный, отводя своему родному языку второстепенное значение. В настоящее время на склонах высоких дагестанских гор не найдется ни одного дагестанца, который бы не был способен к выражению своих мыслей на тюркском языке» [21].

В XIX – начале XX века на зимние азербайджанские пастбища Ширака отгоняли свой скот не только азербайджанцы, но и картлийцы, кахетинцы, кистинцы, пшавы, мтиулы, гудамкаранцы, мохевцы, тушины и дагестанцы. Тушины и др. арендовали земли у азербайджанцев. Поэтому их дети учили с детства азербайджанский язык, в основном направляясь на жительство в семьи кунаков-азербайджанцев. В азербайджанские семьи определяли своих детей также кистины. Ребенок становился кунаком хозяев дома. По справедливому замечанию Н.Г.Волковой, межэтнические контакты в Шираке вели к взаимообогащению хозяйственных традиций, установлению куначеских связей, развитию двуязычия [14, с. 168-169, 183; 18, л. 38, 39, 41, 53, 53 об., 54, 57, 57 об., 58, 83, 93, 105; 18.1, л. 7, 12].

Великий русский писатель Лев Толстой в своих произведениях широко обращается к тюркскому (татарскому) языку, вкладывая его в уста героев произведения казаков. Л. Толстой сам хорошо говорил на азербайджанском языке, он обучился ему в молодости у азербайджанского ученого, востоковеда Мирзы Кязым бека. В повести «Казачьи» его герои казаки используют в речи тюркские фразы и слова, например, «хош кильды», «Алла разы босун» и т.д. В повести «Хаджи Мурад», герой произведения Хаджи Мурад говорит по-тюркски: «кунак булур», «сабул», т.д., русская Мария Дмитриевна: «улан яхши», Бутлер «хош гелди», т.п. [41, с.178; 42, с.431, 441].

В начале XX века российские власти констатировали процесс «отатаривания» в Дагестанской области. Тюркский язык стал доминирующим на плоскости и в предгорьях. Прогнозировалось, что очередь дойдет и до Нагорного Дагестана, что связывалось с открытием разными просветительно-благотворительными обществами и отдельными зажиточными татарами (речь, конечно же, шла об азербайджанцах, которых российские власти именовали татарами) школ с преподаванием на татарском языке, распространением среди населения газет на татарском языке о Кавказе и открытием национальных типографий [35, с. 516]. Так, в Темир-Хан-Шуре функционировала такая школа с общежитием для мальчиков со всего Дагестана. Власти опасались, что начнется «отатаривание» всего Нагорного Дагестана. Азербайджанский меценат Г.З.Тагиев основал в Темир-Хан-Шуре еще одну аналогичную школу. В этой школе обучение осуществляли азербайджанские преподаватели, получившие образование в Стамбуле [8, л. 195-198].

В период Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920) правительственным постановлением от 27 июня 1918 года азербайджанский язык получил статус государственного языка Азербайджанской Республики. Но при этом временно допускалось употребление русского языка в государственных учреждениях [3, с. 66].

После провозглашения АДР М.Э.Расулзаде отмечал, что азербайджанцы – часть большой семьи тюркских народов, но самостоятельная нация. В декабре 1919 года была принята программа об обязательном обучении в школах Азербайджана османского диалекта («принцип политическая раздельность при культурной близости»). В марте 1919 года была создана специальная комиссия для перевода азербайджанской письменности с арабской на латинскую графику [4, с. 141]. Для закупки книг на тюркском языке было выделено 1 млн. манатов [1, с. 22].

На 67-ом заседании 26 августа 1918 года М.Э.Расулзаде заявил, что преподавание тюркского языка будет повсеместно [1, с.9-18].

В период АДР позиции тюркского языка на Северном Кавказе, особенно в сопредельном Дагестане, были особенно сильны. АДР оказывало как моральную, так и финансовую и материальную помощь Горской республике. Турецкие офицеры и аскеры на Северном Кавказе без каких-либо проблем общались с горцами. Тесное сотрудничество с горцами, их постоянные приезды в Баку и взаимодействие с Азербайджанским Правительством и Парламентом способствовало восприятию азербайджанской действительности, идей и националистических настроений. Тесное взаимодействие, сотрудничество и даже проекты

слияния и объединения АДР и Горской республики, сближали мусульманские народы этих двух республик. И, несомненно, крепили позиции азербайджанского языка на Северном Кавказе и особенно в Дагестане. Этот процесс был прерван и повернут вспять русификаторской политикой, на этот раз советского правительства.

После установления советской власти в Азербайджане начались гонения на азербайджанский язык. Он постепенно вытеснялся из правительственных учреждений. В работе Наримана Нариманова «К истории нашей революции в окраинах», отмечалось, что в собственной столице «азербайджанские турки поневоле должны обращаться устно и письменно к служащим Баксовета на русском языке, так как русские, евреи и армяне не говорят на тюркском языке...». (Хотя местные русские, армяне и евреи хорошо знали азербайджанский язык – С.А.). По замечанию Н.Нариманова, азербайджанские турки «не испытывали такого притеснения даже во времена существования городской Думы» [4, с. 170-171].

Как следствие, этот процесс затронул и северокавказский регион. Позиции тюркского языка были сильны в дороссийский период и не были полностью вытеснены даже в царское время.

В советское же время этот вопрос принял политическую окраску.

В первые годы советской власти в Дагестане, как и в остальных национальных регионах Северного Кавказа, остро обсуждался вопрос о замене арабского языка, используемого мусульманскими народами Кавказа при письме в делопроизводстве, написании книг на арабском шрифте ногайцами, кумыками, и другими народами Северного Кавказа. Пленум обкома партии в ноябре 1923 года принял решение о языке народов Дагестана: принять единый государственный язык – тюркский язык. Это мнение разделяли руководители Дагестана Н.Самурский, Д.Коркмасов, К.Мамедбеков и др., полагавших, что тюркский язык является наиболее массовым.

Самурский и Коркмасов говорили между собой на кумыкском языке. По воспоминаниям современников тюрко-кумыкский язык был «самый распространенный язык в Дагестане и, наряду с русским, признанный язык общения» [25, с. 478].

На совещании по вопросам языка и алфавита 26 июня 1926 года в Дагестанском обкоме партии, Председатель Совнаркома Дагестана (1921-1931) Д.Коркмасов и Нарком финансов (1925-1928) К.Мамедбеков требовали введения тюркского языка в Дагестане. Против выступил заместитель Председателя Совнаркома ДАССР, нарком Просвещения и финансов республики, заместитель народного комиссара финансов ЗСФСР С.Габиев и другие, отмечавшие, что аварцы и даргинцы не понимают тюркский язык, и настаивавшие на принятии в качестве государственного – русского языка. На совещании было принято решение об объявлении государственным языком в ДАССР тюркского языка [43, с. 89-91].

По оценке Н.Самурского, русский язык не мог быть культурным языком народов Дагестана. По его мнению, это было связано с негативным отношением к русскому языку в горском обществе, ассоциировавшемся с царской политикой угнетения и насильственной русификацией, а также могло вызвать яростное недовольство мусульманского духовенства, с мнением которого в Дагестане нельзя было не считаться. Тюркский язык, как отмечал Самурский, «как язык мусульманских масс, не может встретить таких препятствий. Тюркский язык, употребленный как оружие к достижению светской образованности в горах, один только способен поколебать господство арабской схоластики и фанатизма. Советский учитель, несущий знания на тюркском языке, явится грозой для мулл и кадиев, от этих знаний они уже не смогут отпугнуть население призраком «огяурения».

Образованность на тюркском языке, аргументировал Н.Самурский, позволила бы Дагестану как восточной стране быть ближе к странам Востока, который «весь либо говорит на тюркском языке, либо понимает его» для распространения революционных идей.

Н.Самурский предложил решить проблему языка в Дагестане так:

- ввести первоначальное обучение на материнском языке

- на второй год обучения школы I ступени перевести на тюркский язык, либо по выбору населения, на русский.

- в школах II ступени устанавливалось обязательное обучение русского языка.

При этом обязательно в делопроизводстве должно было сохраняться использование двух государственных языков: тюркского и русского.

По мнению Н. Самурского, «тюркский язык, как язык мусульманских масс», не мог встретить препятствия в распространении в отличие от русского языка и даже способствовал бы тесной связи с народами Ближнего Востока. Н. Самурский считал, что тюркский и русский языки постепенно приведут к замене всех остальных языков в Дагестане и слиянию многочисленных народов Дагестана. Тюркский язык оставался в школьных программах: дети изучали родной, русский и тюркский языки одновременно [25, с. 134-135, 241-243].

Февральский пленум обкома партии 1928 года принял резолюцию «О языке и алфавите», в котором признавалось одновременное существование трех языков: родного, тюркского и русского. Был принят новый дагестанский алфавит на латинской основе для аварского, лезгинского, кумыкского, азербайджанского, лакского, татского языков, позже (1931) – для табасаранского языка.

Курс на введение тюркского языка единым в Дагестане продолжался до 1930-х годов, когда Д. Коркмасов и А. Тахо-Годи были освобождены от занимаемых ими должностей в руководстве Дагестана. Проводимый курс в отношении тюркского языка был признан ошибочным. В 1930-е годы началась кампания по внедрению русского языка. В постановлении бюро Дагобкома ВКП(б) от 15 августа 1937 года «О языке обучения в национальных неполных средних и средних школах ДАССР» говорилось уже о преподавании русского языка в неполных средних школах, начиная с пятых классов.

В 1937 году Самурский был обвинен в национализме и пантюркизме, его работа была названа «разрушительной». По решению бюро Дагестанского областного комитета ВКП(б) от 30 сентября 1937 года, Самурский был обвинен как один из идеологов и руководителей контрреволюционной буржуазно-националистической группы в Дагестане и исключен из рядов ВКП(б) [25, с. 446, 449].

В 1938 году дагестанская письменность была заменена кириллицей, что сыграло важную роль в последующем, приблизив кавказские народы к русской культуре и ментальности. Аналогичный процесс происходил на всем советском пространстве, в том числе и в самом Азербайджане. Ни в коем случае не умаляя значения языка А. Пушкина и Ф. Достоевского, ставшего проводником европейской и всемирной литературы, средством общения тысяч народов постсоветского пространства, следует также отметить, что это привело кавказские народы к отчуждению от восточной культуры и цивилизации. К. М. Ханбабаев, специально изучивший эту тему, вскрыл малоизвестные документы о процессе замены тюркского языка на русский. В своей работе он отмечает, что тюркский язык оставался в школьных программах: дети изучали родной, русский и тюркский языки одновременно [40, с. 89-97].

В самом Азербайджане тюркский язык (азербайджанского языка) вытеснялся. Он вытеснялся из государственных органов, высшей школы, научных центров и т.д.

В целом, тюркский язык, выполнявший функцию средства международного и межэтнического общения, постепенно лишался этого своего статуса.

Итак, лишь с распространением русского языка, в основном в советское время, роль азербайджанского языка несколько уменьшается. В советское время азербайджанский язык сохранял значение традиционного языка общения среди народов Северного Кавказа, хотя с распространением русского языка роль и степень употребления азербайджанского языка несколько изменилась. По переписи 1926 года, табасаранцы и таты называли азербайджанский язык своим родным языком. Лезгины и народы лезгинской группы продолжали считать азербайджанский язык вторым языком. Лезгины, цахуры, рутульцы общались между собой на азербайджанском языке. До начала 1950-х годов цахуры и рутульцы учились в школе

на азербайджанском языке. По материалам Г.А.Сергеевой, особенно сильные позиции азербайджанский язык занимал у цахуров. Так, в 1952 году по-азербайджански говорило 88% населения, а в 1982 году – 87,9%, что указывало на устойчивое положение азербайджанского языка [38, с. 91-93, 98-99, 113, 115, 120-121, 128-130]. Известный этнограф Л.Лавров, побывав в 1959 году в Табасаранском районе, писал: «Табасаранский язык постепенно вытесняется азербайджанским, который в районе знают почти все... Так как азербайджанские селения Аркит, Арак, Ерсид носят табасаранские названия, то можно думать, что раньше в них говорили по-табасарански. На протяжении всей истории речь тюркоязычных народов, войдя в контакт с местным языком, в силу ряда причин одержала верх над табасаранской речью» [38, 89-130].

Русский язык стал связывать Кавказский регион: делопроизводство, межнациональные контакты, научное сотрудничество, смешанные семьи, и т.д. Тем не менее, азербайджанский язык сумел удержать статус языка межнационального общения и по сей день, несмотря на большое влияние русского языка в Кавказском регионе в советское время.

Азербайджанцы Дербента и его окрестностей используют азербайджанский язык только на бытовом уровне.

В Конституции Дагестана 1994 года ни один из языков многочисленных народов этой республики, в т.ч. и азербайджанский, не выделяется в качестве официального. По Конституции, все языки Дагестана обладают государственным статусом.

Статус государственного языка в Дагестане получили языки, имеющие стандартизованную письменность, в т.ч. азербайджанский язык. Надо отметить, что кумыкский и ногайский языки также в списке государственных языков. Если аварский язык был средством межнационального общения в горных аулах Дагестана, то азербайджанский – на юге Дагестана, а кумыкский – в ее равнинной и предгорной частях [20, с. 63].

В свете положений части II (слабо защищенный язык) Рамочной Конвенции по меньшинствам и европейской языковой Хартии, «статус азербайджанского языка подлежал установлению в процесс моделирования и на основе его итогов». Надо отметить, что дагестанские ученые и общественность выступили против результатов экспертизы и из-за опасения негативной реакции в обществе на отчет по моделированию в Дагестане, который поэтому не был опубликован. В целом азербайджанский язык был отнесен к «инфраструктурно более сильным» языкам [20, с. 23, 69, 72]. Статус государственного языка на уровне субъектов РФ азербайджанский язык не получил. Однако, азербайджанский язык – основной язык другого государства (Азербайджана), распространен на территории Российской Федерации, т.к. азербайджанцы компактно и длительно живут на территории РФ. По мнению европейских экспертов, азербайджанский язык (в т.ч. и как один из государственных языков в Республике Дагестан) должен быть удостоен статуса государственного языка РФ. Азербайджанский язык (на территории Дагестана) был отнесен под действие Части III (статусный подход) [20, с. 3-4, 7, 15].

Итак, на протяжении веков тюркский язык играл роль лингва-франка в Южном Дагестане и широко использовался на всем Северном Кавказе. Нахождение долгое время в системе российского государства привело к тому, что народы Азербайджана и Северного Кавказа стали общаться друг с другом на русском языке. На сегодняшний день тюркские народы Северного Кавказа, в том числе азербайджанцы, проживающие в этом регионе, – это часть российского общества. Напоминанием о тюркской принадлежности является язык, памятники архитектуры и некоторые элементы культуры, соблюдаемые представителями тюркских народов Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920). Parlament (II kitab Stenoqrafik hesabatlar. Bakı, 1998.

2. Cavadova Z.Ə. Şimal-qərbi Azərbaycan (tarixi-demoqrafik tədqiqat). B.: Altay, 1999.
3. Азербайджанская Демократическая Республика. Баку: «Елм», 1998.
4. Айдын Балаев. Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955). Москва: Издательство «Флинта», 2009.
5. Алексеева В.П. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа// Ученые записки Института истории, языка и литературы Даг. ФАН СССР. Т. 13. Махачкала, 1964.
6. Алексеева Е.П. Истоки дружбы народов Северного Кавказа с русским народом (IX–XVII вв.)// Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии (Сборник научных трудов). Черкесск, 1991.
7. Алиева С.И. Азербайджанский язык на Северном Кавказе// Современные процессы в российской социологии, экономике, исторической науке. Сборник научно-практической конференции с международным участием. Кизляр, 2009.
8. Архив политических партий и общественных движений Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (АПП ОД УДПАР). Ф. 276. Оп. 8. Д. 269.
9. Бакиханов А.А. Гюлистан-и Ирам/ Редакция, комментарии, примечания и указатели З.М. Буниятова. Баку, 1991.
10. Бартольд В.В. Т. 3. Дагестан// Работы по исторической географии. М.: Наука, 1965.
11. Баскаков А. Тюркские языки: судьбы и прихоти// <http://www.tatmir.ru/article.shtml?article>
12. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Часть вторая. М., 1823.
13. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Очерк этнографии Кавказского края// Весь Кавказ. Отд. III. Баку, 1914.
14. Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.)// Кавказский этнографический сборник. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М., 1989.
15. Гаджиев А.М. Происхождение народов Дагестана. М., 1958.
16. Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд. дом «Эпоха».
17. Гаджиева С. Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX – XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1999.
18. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979.
19. ГААР (Государственный архив Азербайджанской Республики). Ф. 2502 Оп. 1. Д. 20. ГААР. Ф. 379. Оп. 2. Д. 1234.
20. Дирр А.М. Грамматика удинского языка с предисловием, оглавлением, поправками и дополнениями// СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. XXXIII, IV, предисловие.
21. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. М., 2012.
22. Каспий, 5 (18) мая 1917, № 99.
23. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.// Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967.
24. Мамбетов Г.Х. Из истории экономического развития народов Северного Кавказа в XVIII в.// Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (Дореволюционный период). Нальчик, 1989.
25. Марлинский А.А. Повести и рассказы. М., 1976.
26. Нажмутдин Самурский (Эфендиев). Книги, статьи, документы, исследования. Махачкала: ГУП «Даг.кн.из-во», 2003.
27. Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.

28. Нечаев С.Д. Отрывки из путевых заметок о Юго-Восточной России// Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т.1. Нальчик: издательский центр «Эль-Фа».
29. Османов А.И. Вступительное слово// Гасан Алкадари. Ученый, поэт, просветитель. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006.
30. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.
31. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу/Публ. О.Г.Большакова, А.Л. Монгабта. М., 1971.
32. Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем / Сост., предисл. и примеч. С.Исхаков. Москва: Флинта, 2010.
33. РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 66.
34. Ризаханова М.Ш. Гунзибцы. XIX-начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: ММАЖ ДНЦ РАН, 2001.
35. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988.
36. Севиндж Алиева. Азербайджан и народы Северного Кавказа (XVIII-начало XXI вв.). Баку, 2010.
37. Севиндж Алиева. Ногайские тюрки. Баку: Шарг-Гарб, 2010.
38. Севиндж Алиева. Распространение азербайджанского языка среди народов Северного Кавказа// Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universiteti Xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası. Bakı, 2008, № 3.
39. Сергеева Г.А. Межэтнические связи народов Дагестана во второй половине XIX – XX в. (этноязыковые аспекты)// Кавказский этнографический сборник. IX. Вопросы исторической этнографии. М., 1989.
- 39.1. СЭС. Изд-во советская энциклопедия. М., 1981.
40. Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик: изд центр «Эль-фа», 1998.
41. Толстой Л.Н. «Казачи». Повести и рассказы. М.: Худ литература, 1981.
41. Толстой Л.Н. Повести. «Хаджи Мурад». М.: Советская Россия, 1978.
42. Ханбабаев К.М. Нажмутдин Самурский (Эфендиев) – видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана. Махачкала: Изд.дом «Народы Дагестана», 2007.

THE ROLE OF TURKIC (AZERBAIJANI) LANGUAGE IN THE NORTH CAUCASUS

Aliyeva S.I.

E-mail: a.sevemin.i@mail.ru

Turkic language for a long time was the most common mean of communication among the peoples of the muslim Caucasus (oguzs, khazars, pechenegs, kipchaks, Golden Horde, Crimean Khanate). The turkic language (azerbaijani language) has gained importance of lingua-franca for the people of the North Caucasus in the pre-russian period. The azerbaijani language was the mean of communication for many peoples of the Caucasus, especially for the peoples of Dagestan. As a whole turkic language was the mean of the international and interethnic communication. In the period of existence of the Azerbaijan Democratic Republic (1918-1920) in the Caucasus language of the azerbaijani turks became the state language and its influence on the North Caucasus was even more strengthened. In the period of tsarism russian language gradually takes root in the North Caucasus. But only in the soviet period positions of the russian language which has forced out turkic language from the sphere of education, office work and communication are approved.

Key words: turkic language, North Caucasus, azerbaijani language, russian language, lingua-franca.

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Муфтахутдинова Диляра Шамилевна

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории Татарстана, археологии, этнологии

Казанский федеральный университет,

Казань

E-mail: dilaratatatar@mail.ru

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена задачей сохранения и развития татарского языка и культуры. Статья направлена на поиск путей развития и сохранения татарского языка в билингвальной коммуникативной среде и популяризации татарской культуры в медийном пространстве России. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы был выбран полипарадигмальный подход, учитывающий как позитивистские, так и конструктивистские методы исследования этнических идентичностей. Материалы статьи могут быть полезными для координации национальной политики в области массовой коммуникации.

Ключевые слова: татарский язык, коммуникативная среда, ассимиляция, руссификация, мультикультурализм.

Ни для кого не секрет лучшая мотивация изучения и освоения языка – его широкая сфера применения в обыденной жизни, научной информационной среде и культурном пространстве. Э. Геллнер, характеризуя социокультурную составляющую в развитии этносов, особо подчеркивал, что «ни одна политическая единица», которая не способна развивать «самостоятельную (национальную) образовательную систему», не может «воспроизводить себя». У любого социального сообщества должна быть «высокая культура», поскольку «основное предназначение и идентификация человека связаны теперь с письменной культурой, в которую он погружен и внутри которой способен успешно функционировать». Поэтому «государства стремятся совместить свои границы с границами своих культур и защищать, и внедрять свои культуры в пределах своей власти».[1.7].

Однако еще в 90-е годы многие специалисты гуманитарного профиля, которые касались проблем национального возрождения татарского народа, отмечали низкую привлекательность татарской культуры для молодежи и недостаточное развитие высокой городской культуры. Как известно высокая городская культура начинается с третьего поколения горожан, если оглянуться в прошлое, то до революции инородцам не разрешалось селиться в городах. Поэтому татар до революции в городах было не более 11%. В массовом масштабе урбанизационные процессы начались в нашей стране только в 50 –е годы XX века, когда колхозники получили паспорта, и у них появилась возможность переезжать в города. Если принять за одно поколение 25 лет, то можно констатировать, что массово 3-е поколение горожан-татар пока учится в школе. От этого поколения зависит очень многое. Татарская интеллигенция еще может и должна сформировать у них интерес и мотивацию к усвоению родного языка и культуры. Для этого в отличие от 90-х годов у нас сформировались определенные условия как в интернет, так и медиа- пространстве.

В современном информационном поле появились молодые авторы 20-30 лет, закончившие татарские городские гимназии и дневные отделения престижных вузов Казани. Они прекрасно владеют родным, а нередко и иностранным языком, стараются поддерживать национальные и религиозные традиции, демократичны и свободны в высказывании своих

мыслей. Это целая плеяда молодых писателей и поэтов, среди которых можно назвать: Йолдуз Миннулину, Луизу Янсуар, Рузалия Мухаметшина, Гульнур Курбанову, Булата Ибрагимову, Линара Шаяхметова, Рифата Салахова, Лилию Губайдуллину, Резиду Губаеву, Эльвиру Хадиеву. Именно через призму их творчества необходимо увлекать школьников на изучение родного языка. Они видят мир современными глазами, чутко чувствуют пульс времени. Поверьте, это круче чем Гари Потер, но к сожалению из-за слабой информированности о них мало кто знает. Пока на наших радио и телеканалах будет крутиться низкопробная попса, и не будет высокоинтеллектуальных передач с широкой популяризацией этих молодых авторов, мы будем терять городскую молодежь. Верю и надеюсь, что наш телеканал «Майдан» достигнет уровня телеканала «Культура» и в ней появятся добротные аналитические передачи на татарском языке о нашей богатейшей культуре и истории, способные увлечь татарскую молодежь в лоно родной культуры.

А в общероссийском медиа пространстве ни татарской речи, ни культуры абсолютно не слышно. Считаю, что татарстанские СМИ должны активнее пропагандировать классиков татарской литературы и драматургии. Это, прежде всего, авторы произведений, которых читает старшее и среднее поколение читателей. Безусловно, это: Хасан Туфан, Роберт Миннулин, Марсель Салимжанов, Аяз Гилязов, Туфан Миннулин, Лябиб Лерун, Ринат Харис, Нурихан Фаттах, Мусагит Хабибуллин и многие другие.

Необходимо отметить, что в стране очень низкая коммуникативная среда по поддержке и популяризации культуры нерусских народов. Если репортажи о культуре нерусских народов и проскальзывают на телевидении или радио, то это не более чем сельские зарисовки какого-либо фольклорного праздника. Между тем в Татарстане проходят действительно весьма серьезные и масштабные культурные мероприятия, меняющие представления о современном статусе и роли татарского народа. Это и фестиваль мусульманского кино «Золотой Минбар», и фестиваль театрального искусства тюркоязычных народов, огромной популярностью пользуется в народе фестиваль детского эстрадного творчества «Йолдызлык», недавно прошел конкурс «тюрковидение». На подмостках казанских театров поставлены изумительно сильные спектакли, с которыми не стыдно выехать и за рубеж, например «Любовь поэта» (Театр оперы и балета имени Мусы Джалиля), «Курчак туе» «Кукольная свадьба», «Бичура» (Татарский Академический театр им.Г. Камала), «Скрипач на крыше» - спектакль о судьбе еврейского народа (Театр юного зрителя) и многие другие. Однако ни телеканал «Культура», ни другие каналы за последние десятилетия ни разу не показали не одного татарского или татарстанского спектакля или концерта. По численности населения мы второй народ России и из 6 миллионов татар только 1\3 часть компактно проживает в Татарстане. Татары за пределами республики «изголодались» по своей родной культуре.

Как человек воспитанный на основе советской культуры я вполне могу сказать: мой Окуджава, мой Визбор, мой Розенбаум, мой Макаревич, мой Рязанов, мой Гайдай, мой Данелия и многие, многие другие... Но может ли современный русский человек сказать мой М. Магдеев, Т. Миннулин, М. Салимжанов, Х. Туфан, А. Гилязов, Х.Бегичев, И. Шакиров? Любовь без взаимности причиняет только боль, так и здесь без взаимности нас ожидает развод.

Некоторым российским чиновникам не дает покоя факт преподавания в средних школах Татарстана татарского языка в равном объеме с русским. На недавнем заседании совета при Президенте по межнациональным отношениям министр культуры Владимир Мединский сказал: «...Мы довольно серьезно увеличили региональную составляющую и в языке, и в истории...Убеждены, что соотношение русского и «регионального» языков, содержание образования должно быть в пользу русского. Очень просим дать

соответствующее поручение министерству образования, иначе, если этого не сделать то какая культура?! Все наши усилия будут абсолютно бесполезны». [2.4] Интересно о каких усилиях он высказался? Усилия всех сделать безликой русскоязычной массой? Это уже почти воплотилось. Информационный фон в нашей стране и в республике сплошь на русском языке и после этого нам говорят, что татарский язык находится в привилегированном положении? Татары были и есть «служилый народ», каждый понимает, что для успешной карьеры нам необходимо знать как минимум три языка - татарский, русский и зарубежный. Только сфера применения татарского чрезвычайно узка. А в русском языке мы уже давно преуспели. Каждый год средний показатель ЕГЭ по русскому языку в Татарстане значительно выше, чем по стране. В 2014 году по России этот показатель составил 62,5 балла, а по Татарстану – 65,8 балла. В объективности этих показателей я не сомневаюсь. Третий год работаю уполномоченным от министерства образования по время проведения экзаменов. Сдача ЕГЭ поставлена на безукоризненную основу, особенно в «чисто татарских» районах. Сама тому свидетель.

О высоком уровне знания русского языка татарстанскими школьниками говорят результаты Международной олимпиады по русскому языку и большое количество выпускников «стобальников». В упомянутых мной министерствах стоило бы подумать о том, как улучшить методику преподавания русского языка для того, чтобы в совершенстве овладеть «великим и могучим», чем думать о том, как разрушить преподавание родных языков нерусских народов и так существующих в неравных условиях.

Приказом от 28 ноября 2008 г. № 362 Министерства образования и науки Российской Федерации было утверждено положение отменяющий сдачу Единого государственного экзамена на родных языках для нерусских народов. Кроме того, в соответствии с пунктом 4.2. Закона РФ «Об образовании» результаты единого государственного экзамена признаются образовательными учреждениями среднего профессионального образования и образовательными учреждениями высшего профессионального образования как результаты вступительных испытаний по соответствующим общеобразовательным предметам. Проведение единого государственного экзамена исключительно только на русском языке нарушило право на получение образования на родном языке, а так же на шанс получения высшего образования, детей окончивших национальные школы. Это положение создало дискриминацию основных прав и свобод личности по национальному признаку.

Вот что показал социологический опрос молодежи по республике Татарстан. В вопросе из анкеты по поводу сдачи ЕГЭ на родном (нерусском) языке: 43% татар и 39% русских считают, что данный закон сужает возможности нерусских детей поступать в высшие учебные заведения. 19% татар и 12,37% русских отметили, что данный закон направлен против развития высшего образования на языке народов титульных наций. Между тем 38% татар и 48,71 % русских отметили, что знания русского языка расширяют возможности детей из национальных школ при выборе профессии.

Опасной тенденцией в наше время стала политика оптимизации малокомплектных школ, которая проводится в сельских традиционно татарских районах. Необходимо заметить, что при этом ликвидируются, прежде всего, начальные и средние школы, дающие образование на татарском языке.

Под влиянием глобализации мир нивелируется, стандартизируется, становится безликим и однообразным. Исчезновение любого языка – это утрата целого мира. Утрата целостного уникального восприятия нашего очень хрупкого, но вместе с тем очень разнообразного Земного пространства.[3] Убеждена, пусть цветут все цветы, пусть живут все народы! В нашей стране идеология гражданского общества может строиться только на основе мультикультурализма, призванного сплотить народы нашей страны на

фундаментальных ценностях равноправия и свободы, а так же гарантии нерусским народам сохранение их культуры, самобытности и идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 7, 81, 86, 126, 127.
2. Иваннычева О. Табрис Яруллин: Национальные языки нужно поддерживать! // Казанские ведомости №114(5867) 7 августа 2014, С.4.
3. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики...: учеб. Пособие/ С.Г. Тер-Минасова. М: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007, 286 с.
4. Приказ Министерства образования и науки.
Утверждено Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 ноября 2008 г. № 362. >...prikaz-minobrнауки-rf-ot-28.11.2008...362

**TO THE ISSUE OF THE WAYS OF PRESERVATION AND DEVELOPMENT
OF THE TATAR LANGUAGE AND CULTURE**

Dr. Dilyara Muftachutdinova

Kazan (Volga Region) Federal University.

18, Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, the Russian Federation

E-mail: dilaratatar@mail.ru

The relevance of the investigated problem is caused by the task of preservation and development of the Tatar language and culture. The article is aimed at finding ways for developing and preserving of the Tatar language in the bilingual communicative sphere and the popularization of Tatar culture in the media space of Russia. The leading approach of the research work is multiparadigmatic one which includes positive and constructive research methods of ethnic identities. Article Submissions may be used for the national policies coordination in the field of mass adverse communication.

Key words: Tatar language, communicative environment, assimilation, Russification, multiculturalism.

КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Шарипова Эркайым Козуевна

Доктор философских наук, профессор

факультет бизнеса и менеджмента

кафедра государственное и муниципальное управления

Ошский государственный университет

E-mail: e.sharipova_kg@mail.ru

В данной статье анализируется место и роль кыргызского языка в условиях распространения английского языка на современном мире.

Ключевые слова: язык, эволюция, лингвистика, глобализация, информационное общество, этнокультурная идентичность.

Эволюция английского языка из малоизвестного языка в один из самых широко распространенных международных языков приобрела во второй половине XX столетия характер быстро текущего процесса, который привел к его преобразованию в язык всемирного общения. Приобретение английским языком статуса глобального языка представляет собой беспрецедентное явление в истории языков и культур и влечет за собой глубокие последствия для сохранения языкового и культурного наследия планеты. Если английский язык, еще задолго до его превращения во всемирное средство преодоления языковых и культурных барьеров, рассматривался рядом ученых и политических деятелей как доминирующий язык, представляющий собой угрозу для дальнейшего существования национальных языков и культур, то в начале третьего тысячелетия, в период ускоренной глобализации, вопрос о взаимоотношениях английского языка как языка всемирного общения с другими языками и культурами мира стал наиболее актуальным. Действительно ли, что использование английского языка в функции глобального лингва-франка во всех сферах международного общения и культурная глобализация мира приведут к вытеснению других языков и культур, в особенности тысяч языков и культур малых народов мира или язык всемирного общения становится частью множественной идентичности человека эпохи глобализации в условиях информационного общества и не представляет угрозы этнокультурной идентичности?

Что касается Кыргызстана и кыргызского языка, то в настоящее время степень распространения английского в нашей стране, несмотря на его популяризацию, можно охарактеризовать как невысокую, не способную в настоящее время составить реальную конкуренцию ни кыргызскому, ни русскому языку. Однако, несомненно то, что с каждым годом английский язык будет укреплять свои позиции в Кыргызстане. Проблема состоит в другом: как быстро это будет происходить, а также не представляет ли реальную угрозу английский язык кыргызскому языку? Очевидно, что в настоящее время не представляет. По нашему мнению, он не будет опасен для кыргызского языка и ближайшие несколько десятилетий.

Одними из наиболее важных вопросов, связанных с изучением языковой и культурной глобализации, являются вопросы о воздействии языка всемирного общения глобализации на другие языки, возникновение новых разновидностей английского языка и их взаимоотношения с английским в его глобальном статусе.

К концу XX столетия число говорящих на английском языке как на втором превысило число носителей английского языка как родного. Именно в странах, где английский укрепил свои позиции в политике, экономике, образовании и культуре, стало возможным говорить о смене парадигмы от распределения языка к его распространению и адаптации в новых социокультурных условиях.

Решающую роль в формировании общества знания сыграла информационная революция конца XX в., которая на основе цифровых технологий привела к тому, что современное знание трансформировалось в информацию. Массовые информационные потоки, компьютерная эпистемология, виртуальная реальность, глобальная сеть Интернет объединяют все страны и все народы и обеспечивают процесс развития информационной культуры как всемирной культуры. Для того, чтобы сохранить в этой формирующейся всемирной культуре собственную самобытность, основным элементом которой, по нашему мнению, является язык, необходим ряд условий.

Как известно, культура и язык кочевых народов характеризовались чрезвычайным консерватизмом. При этом консерватизм выступает не только как одна из основных черт кочевой культуры, но и как главное условие ее сохранения, как и сохранения языка. Подтверждением данного утверждения является, в частности, тот факт, что кыргызская идентичность в общественной и личной жизни вплоть до настоящего времени определяется принадлежностью индивида к одной из трех клановых групп, две из которых образуют крылья - онг (восточное крыло) и сол (западное крыло), и третью группу – ичкилик [Абрамзон, 1990, с. 480].

Длительное историческое время опасность исчезновения кыргызского языка была связана в первую очередь с физическим истреблением самих кыргызов, которое им удалось избежать главным образом за счет мобильности. За счет нее же удалось сохранить и кыргызский язык. Однако как только кыргызы переходили к длительной оседлости, резко возрастала опасность культурной и языковой ассимиляции, осуществлявшейся оседлым доминирующим этносом. Особенно ярко это проявилось во время пребывания кыргызов в пределах Кокандского ханства.

Мобильная форма жизни и хозяйствования позволяланомадам сохранять собственные социумы, культуру и язык вне государства, которое возникало у кочевников только под давлением внешних обстоятельств, а не в силу внутренней потребности в нем. Однако именно мобильная форма жизни позволяла им сохранять собственный язык [Айтматов, 1988. – С. 98-101].

Пространства, в пределах которых могли свободно существовать кыргызские роды и племена, уже к XIX веку стали резко сокращаться, и перед кыргызами стала все чаще возникать угроза ассимиляции со стороны более многочисленных и мощных в военном и экономическом отношении оседлых народов [Алтмышбаев, 1985, с. 148]. Несомненно, вместе с культурной ассимиляцией неизбежно произошла бы и языковая. Наиболее существенный удар по кыргызскому языку наносит, по нашему мнению, внешняя миграция, в которую вовлечена кыргызская часть населения республики.

Кыргызский народ не должен стремиться к самоизоляции, а это значит, что можем отказаться от билингвизма, который уже в обозримой исторической перспективе имеет все возможности перейти в новое состояние – триязычия. Наш всемирно известный писатель Ч. Айтматов, который блестяще владел кыргызским и русским языками, писал в свое время на то, что овладение и практическое применение обоих этих языков в Кыргызстане не ведет на деле к отмиранию кыргызского языка и связанного с ним национального самосознания, а также к утрате его этнических особенностей. По его мнению, двуязычие в Кыргызстане придает новую историко-культурную, смысловую и психологическую объемность национальной идентичности, когда национальная культура «претерпевает процесс приращения к своему древу одного из высокоразвитых языков... такая культурная консолидация значит – мы – народ двух языков, точнее говоря, двуязычные киргизы... ценим, храним, развиваем, функционально применяем свой родной язык и активно используем, плавно внедряем в свою культуру, в свою повседневную деятельность русский язык» [Алтмышбаев, 1985, с. 148].

Одной из важнейших причин исчезновения того или иного языка является

исчезновение или, другими словами, вымирание его носителей. Очевидно, что кыргызам, имеющим свое государство, не грозит вымирание. Приведем некоторые статистические данные, подтверждающие данное утверждение. Так, в 1959 году численность кыргызов в Кыргызстане составляла 834 тысяч человека. В процентном отношении кыргызы на этот составляли 40,4 %, русские – 30,3 %, узбеки – 10,6 %, украинцы – 6,6 %, татары – 2,7 %, немцы – 1,9 % и др. – 7,5 %. Согласно переписи 2013 года кыргызы составляли уже 72,3 % населения страны, что в абсолютных показателях составило более 4 миллионов человек [Электронный ресурс, http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Киргизии]. Как видим, почти за 55 лет количество кыргызов увеличилось более чем в 4,5 раз.

Необходимо подчеркнуть, что одной из важных характерных особенностей Кыргызстана является слабый уровень урбанизации. В настоящее время 60 % населения страны живут в селах, причем главным образом это кыргызы и узбеки.

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что иностранные языки, и в первую очередь, конечно, русский, не представляют реальной угрозы для кыргызского языка.

Если сравнивать влияние русского языка на лингвистическую ситуацию в Кыргызстане, то оно на настоящий момент значительно сильнее, чем влияние английского языка. Это объясняется главным образом двумя факторами, а именно географическим и историческим.

Создание глобального общества ведет к формированию глобальной культуры и созданию новой, глобальной идентичности, которые обогащают многоязычную и поликультурную личность информационного общества и не приводят к вытеснению национальных культур и этнокультурных идентичностей. Образование глобальной культуры как компонента всемирного языка было обусловлено рядом факторов, способствующих формированию универсальной культуры в глобальном культурном пространстве периода глобализации. Современное общество определяется как информационное, чье развитие происходит в направлении его превращения в общество знания. Фактор знания, как основной источник и ресурс преобразования современного общества в общество знания, оказывает решающее влияние на ход и характер глобализационных процессов. По своей природе знание интернационально, что ведет к сглаживанию в нем всех этнических и национальных различий. Знание представляет собой начало, объединяющее все страны и народы, и общество знаний, формирующееся в глобализации, не может не быть глобальным. Логично предположить, что на почве этого объединяющего начала складывается и объединяющая всех всемирная культура.

Язык всемирного общения в своей основной коммуникативной функции межъязыковой и межкультурной коммуникации является частью множественной идентичности и оставляет нетронутой область репрезентации предметного содержания этнической культуры, находящей выражение в языках этносов и этнокультурных идентичностях. Понятие «множественная идентичность» не является новым, хотя наибольшее признание оно получило в период глобализации.

Множественная идентичность, однако, не представляет собой новое явление, возникшее во второй половине XX в. как результат роста экономического, политического и культурного обмена в масштабах всего земного шара.

Этнокультурная идентичность в рамках множественной идентичности выражается на основе использования родного (или государственного) языка. Язык всемирного общения и глобальная культура как компоненты глобальной идентичности являются частью множественной идентичности, обуславливающей выход этносов в общее мировое экономическое, политическое, образовательное и культурное пространство, а также коммуникации. Язык всемирного общения, не устраняя многоязычия, упорядочивает синергетический хаос, возникший во всемирной системе языков как открытой, динамичной, самоорганизующейся и саморазвивающейся системе в результате воздействия глобализационных процессов, которые привели к активизации межъязыковых и межкультурных контактов.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что, с одной стороны, английский язык не представляет угрозы для кыргызского языка. Во всяком случае в обозримой исторической перспективе. А с другой стороны, говорит в пользу того, что английский язык будет, по всей видимости, в Кыргызстане уже ближайшие десятилетия третьим из наиболее востребованных языков в нашей республике после кыргызского и русского. При этом ясно, что знание английского языка едва ли необходимо в условиях сельской жизни. Поэтому английский язык будет востребован главным образом в городах республики, нося первое время преимущественно элитарный, а не массовый характер. Объясняется это тем, что сам по себе практически любой язык относится к достаточно сложным феноменам, которые требуют для освоения, как правило, жизни не одного, а минимум двух-трех поколений для того, чтобы знание иностранного языка приняло массовый характер. При этом даже массовое знание иностранного языка далеко необязательно ведет к вытеснению и замене им родного. Особенно в сельской местности. С другой стороны, необходимо учитывать современные глобальные тенденции, во многом обусловленные тремя важными процессами. Во-первых, ускоренным научно-техническим развитием всего человечества. Во-вторых, интеграционным характером данного развития. И, в-третьих, процессом информатизации общества, когда информация становится одним из основных факторов дальнейшего социально-экономического развития. Все эти три процесса, фактора, безусловно, способствуют возрастанию популярности и роли как в Кыргызстане, так и в мире в целом в первую очередь английского языка. И все эти три фактора гарантируют, что английский язык будет относительно быстро внедряться в культурную и языковую почву Кыргызстана. Уже к настоящему времени влияние глобальной культуры, в большой степени представленной западной культурой, в Кыргызстане достаточно ощутимо, что проявляется, в частности, в трансформировавшейся традиционной системе ценностей кыргызского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. / С.М. Абрамзон. Фрунзе, 1990. 480 с.
2. Айтматов Ч.Т. Интернационализация духовной культуры и повышение роли художественной интеллигенции в патриотическом и национальном воспитании трудящихся. / Ч.Т. Айтматов // Патриотическое и интернациональное воспитание в трудовом коллективе: Мат. респ. научно-практ. конф., состоявшейся 4–5 декабря 1987 г. / ЦК Компартии Киргизии. Фрунзе: Кыргызстан, 1988. С. 98–101.
3. Алтмышбаев А. Очерк истории развития общественно-политической и философской мысли в дореволюционной Киргизии. / А. Алтмышбаев. Фрунзе, 1985. 148 с.
4. Население Киргизии [URL]: http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Киргизии.

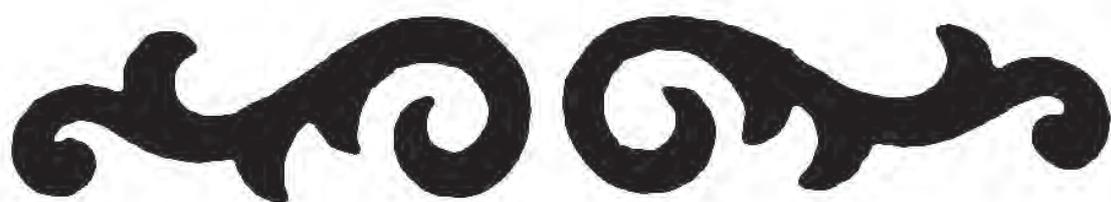
THE KYRGYZ LANGUAGE IN THE SPREAD OF ENGLISH LANGUAGE

Sharipova Erkaiym Kozuevna
Doctor of Philosophy, Professor
Osh State University,
Osh, Kyrgyzstan
E-mail: e.sharipova_kg@mail.ru

This article analyzes the place and role of the Kyrgyz language in the conditions of the spread of English in the modern world.

Key words: language evolution, linguistics, globalization, information society, ethnic and cultural identity.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА,
КОГНИТИВНАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЦВЕТА В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ТЮРКОВ И СЛАВЯН

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна

*доктор филологических наук, профессор, декан
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, филологический факультет, Астана
E-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com*

Статья посвящена изучению концепта цвета в тюркской и славянской картинах мира. Речь идет о цветовосприятии, заложенном в архаическом сознании человека. Специфичность цветоконцепта связана с окружающим его историческим коннотативным фоном, а также местом в национальной иерархии цветового предпочтения. Выявление национально-культурной информации, заключенной в различных речевых единицах, позволяет увидеть специфику мировоззренческих представлений о мире той или иной лингвокультурной общности.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурная общность, цветолексема, языковая картина мира, мифологическая картина мира.

Освоение, объяснение человеком окружающего мира представляет собой эволюционный лингвопсихолого-когнитивный процесс, подчиненный определенным внутренним законам самой природы познания. Создавая вещи, люди изучали природные формы, пытались влиять на окружающий мир, привлекая добрые силы и заклиная злые. В этих условиях краскам придавался магический смысл. Самая широкая сфера, где использовался цвет, – магические и религиозные обряды. Распорядители обрядов и их участники красили тело и лицо, пользовались предметами и животными определенной окраски, облачались в одежду строго предписанных цветов. Таким образом, можно считать, что человек не только жил в цветовой среде, но и активно взаимодействовал с ней.

По мнению Н.В. Серова, цвет в своем семантическом наполнении может выступать как материя, энергия, разнообразие и нечто другое. Значение определяется тем, в каком инвариантном качестве проявляет себя цвет: поверхности предмета (материя), источника излучения (энергия), во взаимодействии субъекта и объекта (разнообразие и нечто другое) [Серов, 1990, с. 53]. Кровь всегда была красной, и всегда ее вид волновал людей и вызывал в них избыточное по сравнению с нормой эмоциональное напряжение. Это свойство архаического сознания способствовало развитию полисемантичности цвета, превращению предметного цвета в апертурный, так как цветовой образ мог накапливать нечто вроде суммы свойств, но не в виде формально-логических абстракций, а на уровне подсознательных общечеловеческих представлений.

В цветовых мифологемах заключена образная логика самой жизни. Их семантика опирается на объективные особенности психики и ассоциации. Подобные значения цветов архетипичны, основаны на неизменных свойствах природы и человеческого восприятия. Цвет, используемый в таком контексте, не символизирует что-либо, а является этим «что-либо». Идея видения, которая лежит в формировании цветообозначений, неразрывно связана с идеей видения места. Это определенный ландшафт (поле, гора, пещера, лес и т.д.), на фоне которого разворачиваются события; животные, птицы, растения; вода (река, озеро, болото, море). Фон (вид, облик, пейзаж) является фундаментальным структурным элементом при любом описании зрительного восприятия: небо (обычно синее и голубое), земля (коричневая), трава (чаще всего зеленая, но бывает и других цветов), солнце (обычно

желтое и блестящее), море (обычно синее, но и белое, красное, и даже черное), широкие снежные просторы (как правило, белые). Однако пейзаж везде выглядит по-разному, и принцип описания типичных черт пейзажа является особенностью человеческого знания, характеризующего тот или иной этнос.

При несовпадении цветового континуума в различных культурно-языковых традициях следует отметить то, что действительно является универсальным, – это противопоставление между временем, когда человек видит (день), и временем, когда человек не видит (ночь). Человек различает те предметы, которые кажутся светлыми и блестящими, и те, которые кажутся темными (т.е. без света и блеска). Все цивилизации на заре человеческого существования поклонялись солнцу, а от солнца исходит свет и цвет, именно солнце рождает день, который несет в себе божественное начало (ср. и.е. *deiu – «свет, небо, день, божество дня»; древнетюрк. *kūn – «солнце, день, свет, божество»). Человек различал преходящий свет огня и непреходящий свет солнца и луны. Поддержание огня играло существенную роль в жизни древних и приобрело ритуальную значимость, в частности очистительную – отграничивать священное место и преграждать путь непризванным. Все это относилось к природному естественному свету, который постигается чувственным восприятием. Поскольку человеческий глаз не в состоянии выносить свет солнца, постольку в человеческом сознании происходит его метафоризация: солнечный свет – это и благодатный акт духовного просветления и медиум познания души, озаренной актом божественной благодати. Подобная мотивировка основана на обыденном опыте, который дополняется религиозными, эстетическими воззрениями. Так возникли световые религии, например, манихейство.

«Цветовые мифы» обильнее всего произрастают в древних культурах, но сохраняются и по сей день, так как основы цветовосприятия остаются неизменными.

В подобных системах все явления рассматриваются как имеющие одну сущность, а потому один цвет не противопоставляется другому, но вся вселенная рассматривается как некий спектр, в котором один цвет переходит в другой под влиянием определенных условий. Значения цветов, основанные на принципе соответствий, могли существовать только в обществе, спаянном единством культуры, сохранившем коллективизм и общность идеологии. По этой причине невозможен полный отрыв от мифологической основы в семантике цвета.

Цветовая символика трехчастной вертикальной структуры мира отражается в мифологиях многих народов с древнейших времен. Исходя из наличия трех основных цветов, древний человек обозначал, как правило, верхний мир богов белым цветом; это соответствовало свету, исходящему от дневного неба (первоначально именно определения «светлый» и «темный» выступали в бинарной оппозиции друг к другу вместо «белого» и «черного»). Нижняя, противоположная небу часть вселенной обозначалась черным цветом по цвету земли; под ней понималась и сама земля, и нижний (подземный) мир. Третий основной цвет – красный, скорее всего, мог закрепиться за срединной сферой, населенной людьми. Подобное видение мира нашло свое отражение во многих культурах. Так, известно, что в Древнем Египте белый цвет в изобразительном искусстве был символом дня и верхнего мира, а черный – ночи и подземного мира мертвых.

Анализ текстов позволяет сделать вывод, что цвет играл важную роль в мифологических представлениях людей об окружающем мире. Являясь средством воспроизведения и познания действительности, цвет служил и своего рода языком для общения людей между собой и со сверхъестественными существами. Вопрос о классификации цветов решался предками в тесной связи с представлениями об устройстве космоса, мира богов и людей. Все самое значимое и ценное для себя древний тюрк и славянин отмечали каким-либо основным

цветом, то есть «цветовой» код модели мира накладывается на другие (в частности – на «космический») коды. Цвет, являясь как бы дополнительным классификатором пространства, времени, человеческого коллектива, мира сверхъестественных существ, закрепляет их разделение на «свое» хорошее и «чужое» плохое и становится магически «действенным», символизируется. Все вышесказанное позволяет нам утверждать, что в самом общем виде концептуальная картина мира древних тюрков и славян основывалась на бинарной оппозиции как простейшем типе системы, строящейся «не на основе противопоставления внутренних принципов, а по вторичным чувственным качествам, неотделимым от самих объектов и вызываемых последними эмоций» [Мелетинский, 1998, с. 12]. Так, например, цвета ак/белый и кара/черный, являясь одними из наиболее древних и эмоционально напряженных, стали знаком, заместителем членов мифологической классификации, принадлежащих к противоположным полюсам. Поскольку, по мнению большинства специалистов в области мифологии, первичными в мифологических оппозициях являются чувственные качества, то первоначально, вероятно, «кара/черный» стал тождествен таким членам основных мифологических оппозиций, как низ, внутри, закрыто, так как эти чувственные качества наиболее соответствуют представлениям о черном цвете (когда почти ничего не видно), а «ак/белый» – таким членам оппозиций, как верх, снаружи, открыто. Мы предполагаем, что данные сочетания элементарных смыслов для каждой из категорий являются первичными концептуальными схемами (ПКС) для соответствующих прилагательных. Необходимо сказать, что в данном случае действует главный принцип мифологического мышления: *pars pro toto*. Часть может явиться заместителем целого. Одна из составляющих данного полюса оппозиций может стать заместителем всех членов. Затем происходят процессы «семантизации» и «идеологизации» (по Е.М. Мелетинскому) и в соответствующие полюса вписывается фундаментальная оппозиция жизнь/смерть; здесь уже видна известная доля обобщения. И наконец, в эту систему вписывается аксиологическая оппозиция хорошо/плохо; появляется оценка.

Т.В. Цивьян пишет об этом процессе: «Когда же оказывается, что оппозиции приложимы к гораздо более общим ситуациям, далеким от непосредственного чувственного восприятия, то они начинают восприниматься уже в ином значении, условно его можно определить как метафорическое» [Цивьян, 1990, с. 13]. Действительно, включение жизнь/смерть в общую систему (верх/низ, открыто/закрыто, снаружи/внутри) является своего рода метафорой, в то время как оценка хорошо/плохо, вероятно, подразумеваемая в прежней системе оппозиций, непосредственно появляется как «реакция» на включение в систему глобальной оппозиции жизнь/смерть.

Но это противопоставление носило по преимуществу условный и относительный характер. Древними славянами одновременно с выделением пары полюсных понятий всегда принималась во внимание и относительность. В этом смысле победу доброго начала над условно злым следует понимать как упорядочивание низшей структуры более высшей и восстановление гармонии в соотношении разных уровней единого мироздания. Зло, таким образом, мыслилось славянами не как таковое, а как нечто, нарушающее гармонический порядок вещей и потому находящееся в борьбе с более высоким строящим и упорядочивающим мир божественным началом. В то же самое время это нечто, при внесении своего вклада в миропостроение, приобретает положительное значение. «Особенностью славянских языческих богов был их неоднозначный, двойственный характер, вытекающий из свойственного языческому мировоззрению непротиворечивого единства противоположностей и условного понимания добра и зла. Однако степень проявления благодатных и карающих функций у различных божеств была разной. Наиболее двойственный образ имеют боги творческих стихийных начал, а наиболее благоприятный и

покровительствующий – семейно-родовые. Это понятно, так как первые отражают взгляды древних славян на сложное и неоднозначное участие сотворяющих сил в процессе развития и функционирования миров, а последние – светлое и возвышенное восприятие семейно-родовых отношений и вытекающую из этого этику» [Осипова, 2000, с. 61]. Возникновение дуалистических космогонических мифов есть следствие влияния христианской церковной традиции, над воздействием которой они, по сути, и сформировались.

В этом отношении показательны результаты этимологических изысканий современных ученых-лингвистов.

Так, например, Е.Е. Стефанский, рассматривая фольклорно-мифологические истоки славянского концепта «лютость», приходит к выводу, что корень *Ljut синкретически совмещал в своей семантике два значения: праславянский корень *Ljut получил в восточно- и южнославянских языках значение ‘жестокий, свирепый’, тогда как в западнославянских языках он имеет семантику ‘жалость, сострадание, милосердие’. Как отмечает автор, следы этого древнего синкретизма до сих пор находят отражение в славянских языках и культурах [Стефанский, 2003, с. 120]. В связи с вышеприведенными положениями большой интерес для нашего исследования представляет фрагмент о божественных персонажах в славянской мифологии. «У древних славян она (классическая мифологическая оппозиция) получила отражение в фигурах Чернобога и Белобога. Существование Чернобога не вызывает у исследователей сомнений. Существование Белобога как оппозиции Чернобогу и носителя исключительно добра и положительного начала многими исследователями подвергается сомнению и считается результатом позднего «кабинетного мифотворчества» XVI века. Доказательства его существования носят косвенный характер и связаны исключительно с топонимикой [Мифологический словарь, 1991, с. 91]. Чернобог ассоциировался как с добром, так и со злом, поэтому подвергался как хвале, так и проклятиям.

Подобные факты мы наблюдаем и в тюркской мифологии. Исследователь тюркской мифологии А.М. Сагалаев отмечает, что схема пантеона, состоящего из небесных земных и подземных божеств, может быть весьма условной при сохранении следов некогда актуальных мифологем и верований. Для тюркского мира можно констатировать именно такую ситуацию: пантеон не вполне отражает реалии культовой практики, они существуют как две параллельные структуры. Для носителей мировоззрения, судя по этнографическим данным, актуальны далеко не все разряды пантеона. Его персонажи отчетливо подразделяются на «далеких» и «близких». Почитание «высоких» персонажей пантеона связано с одной особенностью. Умай, Калтащ – все эти персонажи особенно близки людям благодаря своему милосердию, состраданию, соучастию. Взаимоотношения социума с этими божествами – яркое воплощение родственных и договорных отношений, которые моделируются мировоззрением. Здесь с одной стороны – податели и хранители жизни, опекуны и блюстители порядка, с другой – охраняемые младшие, наделенные в отношении старших вполне определенными обязанностями и правами. Здесь нет резкого противопоставления богов-антиподов [Сагалаев, 1991, с. 12].

Основной причиной данного явления была, скорее всего, сама природа синкретизма, выраженного в слитности мировосприятия человека на архаичных стадиях развития, отражающегося в языке (прежде всего – на лексическом уровне) и представляющего следствие сложного взаимодействия языка, мышления и сознания.

Мифолого-магическое сознание древнего человека синкретично по своей сути; оно не различает глубоких причинно-следственных отношений в мире. Синкретизм мифообразующих знаков порождается понятийной целостностью вербализуемого концепта. Кроме того, синкретизм мифообразующих знаков обуславливает их амбивалентность (способность вступать в разные, даже антонимические, смысловые связи и отношения с

другими знаками, что обуславливает их смыслопорождающий потенциал) [Алефиренко, 2003, с. 82]. Например, древняя восточнославянская языческая символика этих цветов отличалась от официально-христианской, церковной. Белый цвет был не только символом чистоты, но и символом траура, смерти. Он преобладал в погребальной одежде восточных славян. В поэме «Мороз-Красный нос» Дарья, провожая мужа в последний путь, «шагала. Глаза ее впали, И был не белей ее щек надетый на ней в знак печали из белой холстины платок...» (Некрасов, 106). Противоположным членом этой символической оппозиции жизни и смерти был красный цвет, что находит свое отражение в символике, например, свадебной одежды – в ней преобладал яркий красный тон (красная юбка, красный кафтан, красная понева и т.п.). Но в красном видели радость жизни и угрозу осквернения. Не менее двойственный смысл имел черный цвет, выступающий то как примета ужасов мрака, то как знак мудрости и глубочайших знаний. Выбор смысловой модальности находился в зависимости от контекста установления субъектно-объектных отношений, так как ценностные отношения в синкретических культурах имеют тенденцию переживаться непосредственно и практически.

Цвет как атрибутивный признак еще не выделен, он неразрывно связан с предметом или явлением – носителем этого цвета. Например, белый есть свет, черный есть мрак, красный есть кровь. В восприятии цвета внутреннее и внешнее, материальное и духовное неразрывно слиты. Любой предмет с реальными признаками величины, цвета, качества и назначения наделяется архаическим мышлением воображаемыми чертами, которые порой не имеют ничего общего с реальными признаками предмета. Характерными чертами данного типа мышления можно считать цельность и нерасчлененность восприятия образа, неспособность разложения на субстанцию и предикат или атрибут, отождествление части и целого, субъекта и объекта, специализацию времени. О синкретизме сознания древнего человека свидетельствуют языковые факты, многочисленные диффузные номинации объектов разных форм действительности – физической, физиологической, психологической. Анализируя истоки синкретизма в Древней Руси, В.В. Колесов устанавливает, во-первых, связь этого явления с мифологическим сознанием: «Синкретизм, понимаемый как «нерасчлененность», свойствен мифологическому сознанию, представляющему «вещь» как целостность со всеми ее атрибутами и функциями, включая также и «имя» вещи». Следовательно, слово как одна из форм выражения мифологического сознания, к примеру, Древней Руси, представляет собой «нерасчленимое и недробное единство смыслов» [Колесов, 1986, с. 260]. Подчеркивая значимость данного явления, автор пишет: «Методологически это важный вывод, он позволяет взглянуть на язык извне. И тогда оказывается, что вне культуры нет языка, как нет культуры без языка» [Колесов, 1991, с. 48]. Это означает, что все вышеназванные черты должны были лечь в основание картины мира и, одновременно, семантической структуры языка. Понимание синкретизма позволяет увидеть, что концептуализации архетипов могут репрезентировать и более сложные отношения, чем бинарность, и как следствие этого обуславливает особенности развития лексического значения слова в исследуемых языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серов Н.В. Хроматизм мифа. Л.: «Васильевский остров», 1990.– 351 с.
2. Мелетинский Е.М. Миф и XX век // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. М., 1998. С. 419-428.
3. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. 202 с.
4. Осипова О.С. Славянское языческое миропонимание (философское исследование). М., 2000. 60 с.
5. Стефанский Е.Е., Агранович С.З. Философско-мифологические истоки славянского концепта «лютость» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. – Волгоград: Перемена, 2003. С. 119-121.
6. Мифологический словарь. М., 1991. 455 с.
7. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: «Наука», 1991. 150 с.
8. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.
9. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 312 с.
10. Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л., 1991. С. 90-138.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА “АЯЛ” (ЖЕНЩИНА) В ЭПОСЕ “МАНАС”

Бурул Сагынбаева

зав. кафедрой тюркологии,

доктор филологических наук, доцент,

Кыргызско-Турецкий Университет Манас

Бишкек

E-mail: sburul@mail.ru

В настоящей статье дается описание концепта “Аял” (женщина) в эпосе “Манас” по варианту Сагынбая Орозбакова. Данный концепт исследуется на материале эпоса “Манас”, который является одним из трех частей трилогии “Манас”. Исследование проводится в лингвокультурологическом аспекте.

Ключевые слова: концепт, эпос “Манас”, лингвокультурный подход, культурный код, менталитет, когнитивно-семантическая сфера.

Концепт “Аял” (женщина) исследуется на материале эпоса “Манас”, который является одним из трех частей трилогии “Манас”. Исследование проводится в лингвокультурологическом аспекте.

Главным мотивом обращения к данной теме стала новая парадигма в языкознании, в рамках которой этнокультуру, ее национальные особенности, миропонимание и мировосприятие народа можно постичь путем исследования языка, то есть через лингвокультурные коды.

Лингвокультурные коды, используемые в качестве одного из методов лингвистического анализа, позволяют раскрыть особенности восприятия мира и выявить, на каких факторах акцентируют свое внимание люди, говорящие на одном и том же языке. В основе языковой вербализации лежат ключи-коды, которые передают особое мироощущение, миропонимание каждого народа.

В литературе по данному вопросу выделены типы культурных кодов, среди которых выделяются вещественный, зооморфный, вегетативный, пространственный, соматический, колоративный, пищевой, перцептивный, количественный, темпоральный и т.д. Коды чаще всего связаны с метафорами. В основе каждой метафоры лежат свои ключи-коды. Посредством этих кодов-ключей возможно выявить глубинные идеи и интерпретировать те аспекты, которые связаны с ценностями данного этноса. Изучение вербализованных и невербализованных кодов-ключей позволяет узнать об истории народа, его традициях, обычаях, ритуалах, о существующих положениях в обществе, т.е. создаются условия для познания народа, начиная с его самых примитивных форм существования до прикладного искусства и национальных игр, которые дошли до наших дней. [Маслова, Пименова 2015: 3-14]. Так, в эпосе очень часто для описания внешности жены Манаса Каныкей используется прилагательное *нурдуу* “красивая, букв. лучезарная”, которое образовалось от существительного “*нур*” (луч). В словаре кыргызского языка слово “*нур*” (луч) имеет следующие значения: 1) *жарык* (свет), *шоола* (луч); 2) *ачык* (светлый), *жарык өң* (светлый, яркий цвет); а слово “*нурдуу*” означает: 1) нур чачкан, нурданган (букв. излучающий свет); 2) *өндүү* (красивая), нурданган *өндүү* (лучезарная, “лицо, излучающее свет”). [Кыргыз тилинин сөздүгү 2010: 970]. Из вышесказанного можно отметить, что при описании внутренней и внешней красоты женщины используется код света, вербализованный такими существительными как: луч, свет, луч света.

Кыргызы издревле высоко ценили мудрость, находчивость, изобретательность, ловкость женщины и всегда относились к ней с глубоким уважением. Такое отношение к женщине ярко наглядно прослеживается в народных произведениях, пословицах и поговорках, сказках, дастанах (сказ), санжыра (история рода). В эпосе “Манас” и других эпических произведениях, которые прошли через века и тысячелетия, кыргызский народ передает своим потомкам ценные установки, раскрывая к примеру, роль женщины в обществе, в семье, особую этику отношений. В этих произведениях прослеживается мудрость, справедливость, находчивость, ловкость таких героинь, как Каныкей, Айчүрөк, Акыл Карачач, Айганыш, Кенжеке, Жаңыл Мырза дают яркое представление о характере кыргызской женщины.

Нужно отметить, что в эпосе “Манас” отмечаются как положительные стороны, которые проявляются в таких женских образах эпоса, как Каныкей, Чыйырды, Карабөрк, Сайкал, Арууке, Кардыгач, а также противопоставляются им и неоднозначные женские образы, такие как Ороңгу, Акылай, Канышай. В эпосе повествуется, что одним из главных путей для мужчины стать удачливым, достичь власти и славы, является брак с мудрой женщиной. У кыргызов широко распространено мнение о том, что если жена баатыра (народного героя) заботится не только о благосостоянии и благополучии своей семьи, но и всего народа, то и народ будет жить хорошо, а если народ живет в достатке и спокойно, то и баатыр добьется поставленной цели [Жумалиев 1999: 130]. Таким образом, эпическо-фольклорная интерпретация образа женщины концентрирует наше внимание на следующих когнитивно-семантических аспектах:

1) мудрость женщины; 2) красота женщины; 3) героизм женщины; 4) женщина – искусница, рукодельница, мастерица; 5) красноречие женщины; 6) роль женщины в семье.

1. Когнитивно-семантическая сфера “Мудрость женщины”. В эпосе «Манас» при описании мудрости женщин, сказители чаще всего используют такие эпитеты, как: “акылдуу” (мудрая), “акылга терең” (рассудительная, глубоко мыслящая), “акылы артык” (очень умная), “адамдан бөлөк акылы” (чрезмерно мудрая, умная), “ою терең” (букв. ум глубокий). Например, в следующих строках описывается мудрость Каныкей: ...*Ал Каныкей капыры, Адамдан бөлөк акылы...*” (букв. Эта Каныкей дьявол во плоти, потому что слишком она мудра / чрезмерно умна); “*Оюн терең жиберип*” (глубоко мыслит); “*Үзүлгөнүн улаган*” (та, которая соединяет то, что рвется); “*Ыраазы кыла сөз айткан*” (та, чья речь оставляет человека довольным); “*Кылган иши баары амал*” (все, что бы она не делала – умный поступок); “*Он асыйга тең экен*” (она – та, которая стоит 10 коней). Как видим, для описания положительного образа Каныкей используются следующие культурные коды: *терең* (глубокий) – пространственный код; *үзүлгөнүн улаган* (та, которая соединяет то, что рвется) – предметный код, *асый* (по пятому году (т.е. уже взрослый о лошадях, крупном рогатом скоте, верблюдах, оленях, до четырёх лет эти животные имеют специальные названия в зависимости от возраста) – зооморфный код.

В эпосе “Манас” истинные представления кыргызского народа о женщине в основном передаются через образ Каныкей. Каныкей – самая красивая из смуглолицых, миловидная, непорочная, та, которая предугадывает и доброе и злое, бережливая, прозорливая, проникательная, находчивая, мудрая в дни, когда наступают нелегкие времена для народа. Она – та, которая борется с внутренними и внешними врагами до последней капли крови, она – заботливая мать, которая родила, воспитала и вырастила достойного сына. Качества, присущие мудрости Каныкей, в эпосе особенно наглядно видны в таких ярких эпизодах как: “Поминки по Кокетею”, “Великий поход”, похороны Манаса, сооружение кумбеза (мавзолей) Манасу.

Кроме того, в эпосе “Манас” встречаются и другие женщины, такие как Арууке, Санамкүл, Ойсалкын, которые также выступают советчицами баатыров и, благодаря их советам баатырам удается уберечь своих родных, близких, а также свой народ от разных бед и неприятностей. Например: в эпизоде когда богатырь Кошой готовится к походу в Дангуу, перед тем как совершить наступление в Кашгар, Арууке дает ему совет по поводу какого рода препятствия придется ему пройти и как преодолеть их [Манас 1995: 39-40]; баатыр Оронгу, следуя совету своей жены Санамкүл сумел уберечь свой народ от резни (здесь о мудрости Санамкүл говорится: “*Акылдуусун анын бил*”(если бы только знал, как она умна и мудра), “*Жакшы киши окшойсуң*” (Видно, ты очень умна) [Манас 1995: 193]; Ойсалкын, дочь Кеймена выходца из Ойрота сумела также сохранить свой народ обращаясь к врагам и умоляя их: “*Сындырбагын белимди, Кырдырбагын элимди?!”, “Аздырбагын айлымды, Аздырбаска айлымды, Абыдан тилейм кайрыңды*” (букв. “Не ломай мне хребет, не приказывай истребить мой народ!, Не уничтожай мой аул, Тому, кто не уничтожит мой аул, буду молить, чтобы воздалось ему это добром) [Манас 1995: 182-184]. Эти эпизоды свидетельствуют о том, что женщины, проявляя выдержку, рискуя своим жизнями и жертвуя собой, сумели сохранить свой народ и оградить его от страшных бед.

2. Когнитивно-семантическая сфера “Красота женщины”. В представлении кыргыза внешняя красота неотделима от ее внутренней красоты. При описании внутренних качеств оценивается ее ум, скромность, сдержанность, немногословность, а внешние качества включают в себя женскую красоту, миловидность, обаятельность [Дербишева 2012, 271-291].

В эпосе «Манас» эти характеристики в основном используется при описании женщин Каныкей, Айчүрөк, Акылай, Сайкал, Карабөрк и других. Именно при описании внешней красоты женщин, наиболее часто в эпосе прибегают к культурным кодам. Их нрав, характер, движения, поведение, внешние данные характеризуются путем их уподобления эстетически приятным объектам окружающего мира. Например, небесным телам: луне, солнцу, лучу света, а также ярким цветам, драгоценным камням, животным, растениям, ягодам и фруктам и т.д. Эти метафоризированные образы являются кодами, которые кыргызы используют для описания красоты. Так, в эпосе красота женщины воспринимается у кыргызов не как целостный образ, а эстетически оценивается каждая часть женского облика. Наиболее часто в образной интерпретации женской красоты используются природно-растительный код (ива, яблоня), предметный (драгоценные камни, украшения), астрономический (луна, солнце), зооморфный (красивые животные). Например: красивые губы или рот уподобляются наперстку “*оймок ооз*”, “*оозу оймоктой*” (у нее ротик маленький, как наперсток); брови сравнивают с пишущим пером, чий (высокая степная трава, стебли которой идут на изготовление циновок): “*калем каш*”(брови, как перо), “*чийдей кашы чийилип*” (тонко очерченные брови, как чий); “*кара каш*” (чернобровая); зубы сравниваются с сердоликом, жемчугом: “*инжиден аппак тиштүүдөн*”(зубы белее жемчуга), “*тиши тунук аактан*” (зубы прозрачнее сердолика), “*инжүү тиш*”, “*инжи тиш*”, “*бермет тиш*” (жемчужные зубы); стан женщины, девушки сравнивают с нежным прутиком ивы: “*тал чыбыктай боу бар*” (стан у нее как у нежного прутика (легко и плавно изгибающийся); лицо сравнивается с лучом, луной, солнцем: “*бети айдай*” (луноподобная), “*ай чырайлуу*”(лунолика), “*бети нурлуу*” (лучезарное лицо), “*нурдуу кызыл бети бар*” (у нее лучезарное румяное лицо), “*Кардан аппак этин көр, Кар үстүнө кан тамса, Канды көр да бетин көр*” (Кожа у нее белее снега, Если на снег капнет кровь, Сравни цвет крови и ее лицо); шея сравнивается с шеей петуха, журавля, лебедя: “*короз моюн*” (красивая шея как у петуха), “*турна моюн*” (журавлиная шея). Маленькая и круглая форма головы в эпосе описывается как один из показателей женской красоты и поэтому в эпосе женскую головку часто сравнивают с

пуговицей или яблоком: “*алманы көр, башын көр*” (посмотри на яблоко и на ее голову, т.е. они одинаковой формы), “*жазык маңдай, түймө баш*” (у нее широкий лоб, маленькая изящная головка), “*элик моюн, түймө баш*” (шея как у оленя, маленькая изящная головка), “*короз моюн, түймө баш*” (шея как у петуха, маленькая изящная головка), “*алтындан түймө баштуулар*” (маленькие головки из золота), “*алмадай назик баштуудан*” (она из тех, у кого нежная как яблочко головка) и т.п (С.О.). Здесь явно прослеживается своеобразие этноментального восприятия мира, в данном случае понимания женской красоты. Навряд ли в представлении других народов в основе описания *яблоко* и *пуговка* являются символами красивой женской головы.

У кыргызов красивые женские волосы сравнивают с шёлком, который связан с предметным кодом. Например, в эпосе очень часто встречаются такие словосочетания как: “*чачы кара жибектей*” (её волосы черные как шёлк), “*жибекти көр, чачын көр*” (посмотри на шёлк, а потом на её волосы), “*кара чачы жибектей*” (её чёрные волосы как шёлк), “*куллунган кара чачы бар*” (у неё чёрные переливающиеся волосы), “*жыпарлап чачы жуулган*” (благоухающие волосы). В ряду предметного кодирования метафорических образов встречаются такие символы, как подпруга, упряжка, которые используются для описания красивых длинных и густых волос: “*олоңдой кара чачтуудан*” (“*олоң*” – подпруга, пряжка; т.е. толстая чёрная длинная женская коса). Кыргызы издревле ценили длинноволосых женщин. Поэтому в эпосе также очень часто встречается устойчивое словосочетание “*сумбул чач*” (черноволосая), в основе которого лежит вегетативный код. Слово “*сумбул*” было заимствовано из персидского языка и обозначает название длинного цветка. В переносном же значении оно означает “красивые длинные женские косы”.

Для описания красоты женских глаз часто в эпосе используется зооморфный код, который отражает ментальность кочевого человека, психологию скотовода, близкого к природе, к животному миру. В понимании кыргыза часто ассоциации проводятся с глазами тех животных, которых они ценят, знают и близки им самим: верблюд, овца, архар, марал и т.д. Кроме того кыргыз сравнивает красивые глаза с блестящими драгоценными камнями и красивыми растениями. Например, в эпосе красота женских глаз передается через следующие образы: “*бото көз*” (букв.: глаза верблюжонка; большие карие томные глаза); “*көөхар көз*” (букв.: глаза – бриллиант т.е. блестящие глаза), “*көөхардай жарык көзү бар*” (букв.: у нее сверкающие как бриллианты глаза), “*көөхардай көзүн сүзүлтүп*” (букв.: повела кокетливо сверкающими как бриллиант глазами), “*карагаттай көзү бар*” (букв.: у нее глаза как смородина), “*аркардай көзү коюлган*” (глаза как у архара) и т.п. Здесь для обозначения красивых женских глаз использованы зооморфный, вегетативный, предметный, колоративный коды-ключи. Колоративные коды связанные с глазами, разных народов разные. Например, если у тюркских народов эталоном красивых глаз в основном считаются чёрные глаза, у других народов ценятся голубые зеленые, карие глаза. Однако когда у кыргызов рождаются дети с зелёными или голубыми глазами, они не считают это эстетическим достоинством.

3. Когнитивно-семантическая сфера “Женский героизм”. В миропонимании кыргызского народа идеальная женщина - это не та женщина, чьи заботы ограничиваются лишь заботами и тяготами каждодневного быта. Наряду с мужчиной, это сильный, смелый, храбрый соратник, который проявляет заботу о своем народе и беспокоится о его благополучии. Поэтому из эпоса “Манас” становится ясным, что долг защищать родную землю от врагов возлагался не только на мужчин, но и на женщин. В частности, здесь повествуется, что женщины были также сильны как и мужчины, а иногда даже и превосходили их. У кыргызов бытует мнение, что у женщины достаточно сил и духа, чтобы защищать свой народ и землю наравне с мужчинами. Такое отношение является частью

жизненного опыта и знания в сознании кыргызского народа о месте и роли человека.

Титул “баатыр”(герой) в истории кыргызского народа присуждался как мужчинам, так и женщинам. Например, по варианту Сагымбая Орозбакова, Каныкей была удостоена чести носить следующие характеристики баатыра: *“Кабылан катын Каныкей”* (Женщина – тигрица Каныкей), *“Жолборс жеңең Каныкей”* (твоя сноха тигрица Каныкей), *“Кайраттуу энең Каныкей”*(твоя смелая мать Каныкей), *“Көкжал энең”* (твоя сивогривая (волчица) Каныкей), *“Бууданың жеңең Каныкей”* (буудан – эпитет богатыря, молодца, здесь: твоя сноха богатырь Каныкей), *“Опсуз балбан Каныкей”*(чрезмерно бесстрашная воительница Каныкей), *“Ойрон энең Каныкей”* (твоя сильная мать Каныкей).

Каныкей прославилась своей храбростью и героизмом задолго до замужества за Манасом, ещё когда она была девушкой. В эпизоде, упомянутом из эпоса, Чубак, один из близких сподвижников Манаса, отступая назад под натиском Каныкей, так говорит о ее храбрости Манасу: *“Оо, баатыр, кыздан чыккан шер көрдүм, Буюрбасын, кабылан, Мен, кылымга татыр эр көрдүм...”*(Оо, баатыр, я видел девушку льва-баатыра, Говорю тебе истину, баатыр, Я видел богатыря, чья храбрость будет навека). Одним из эпизодов, свидетельствующих о героизме Каныкей, является случай когда Көзкаман и Көкчөкөз отравляют Манаса и после этого Каныкей наравне с мужчинами бесстрашно наступает на врагов: *“...Кабылан Манас айынан, Катын башы кагышып, Курган жеңең Каныкей, Калмактар менен салышып...”* (Ради баатыра Манаса, даже будучи женщиной, вступив в бой, Бедная твоя сноха Каныкей сражалась с калмыками). В этом сражении Каныкей получает множество ранений. Однако ради спасения, прежде всего Манаса, а вместе с ним и всего народа, она преодолевает боль и храбро сражается до победного конца.

В рамках данной статьи нам удалось остановиться на описании лишь нескольких когнитивно-семантических сферах, которые дают определенное представление эпического восприятия концепта “Аял” (Женщина).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимбеков Акматали “Кыргыз элинин билим берүү салттары”. –Б.: 2001, 49-б., 36-б.
2. В.А.Маслова, М.В.Пименова “Коды культуры в пространстве языка”. Санкт-Петербург, 2015, 3-14
3. Жумалиев Курманбек «Манас эпосундагы жалпы адамзаттык идеялар», -Бишкек, 1999, 130-б.
4. Дербишева З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка, Бишкек, 2012
5. Кыргыз тилинин сөздүгү, КРУИАнын Ч.Айтматов атындагы тил жана адабият институту, ‘AVRASIA PRESS’: Бишкек, 2010, 68, 462, 714, 970, 1105-б.
6. “Манас”. Биринчи бөлүк. I китеп. –Фрунзе: Кыргызмамбас. -1958, 253-б.
7. «Манас». С. Орозбаковдун варианты. I китеп Ф.: 1979. И-б.
8. “Манас” эпосу. Сагымбай Орозбак уулунун варианты боюнча, VI к. –Ф.: Кыргызстан, 1982. 90-91-б.
9. «Манас» эпосу жөнүндө» (Илимий иликтөөлөр жана макалалар), «Шам» басмасы, -Бишкек, 1994, 36-б.
10. Манас. Эпос. II китеп. С.Орозбаковдун варианты боюнча. –Б.: Кыргызстан, 1995, 39-40-б.
11. Манас. Эпос. III китеп. С.Орозбаковдун варианты боюнча. –Б.: Кыргызстан, 1995, 193-б.
12. Манас. Эпос. III китеп. С.Орозбаковдун варианты боюнча. –Б.: Кыргызстан, 1995, 182-184-б.

13. Манас. Эпос. III китеп. С.Орозбаковдун варианты боюнча. –Б.: Кыргызстан, 1995, 182-184-б.
14. В.В.Радлов. “Образцы народной литературы северных тюркских племен”. Ч. 5. Наречие дикокаменных киргизов, 1885.
15. К.К.Юдахин “Киргизко-русский словарь”. I книга, Ф.: 1985, 87-б.
16. К.К.Юдахин “Киргизко-русский словарь”. I книга, -Ф.: 1985, 214-б.
17. К.К.Юдахин «Кыргызча-орусча сөздүк», I китеп, Фрунзе, 1985, 182, 325, 330, 334-б.
18. К.К.Юдахин «Кыргызча-орусча сөздүк», II китеп, Фрунзе, 1985, 361-б.

LINGUA-CULTURAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “WOMAN” IN THE EPIC “MANAS”

Burul Sagynbaeva (Bishkek)

*Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Turkology
Kyrgyz-Turkish Manas University
E-mail: sburul@mail.ru*

This article examines the concept of «woman» in the epic «Manas» on the basis of Sagynbay Orozbekov’s version. This concept is studied in the epic «Manas», which is considered one of three parts of the trilogy «Manas». A study is conducted on lingvo cultural aspect.

Key words: concept, the epic «Manas», lingvocultural, cultural code, mentality, cognitive-semantic sphere.

ЭТНОМЕНТАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Дербишева Замира Касымбековна

доктор филологических наук, профессор Кыргызско-Турецкий Университет Манас

Центр исследований тюркской цивилизации г. Бишкек

E-mail: derb-07@rambler.ru

В статье предложен анализ нескольких концептов, имеющих универсальную природу: время, счастье, любовь. Специфика их концептуализации и вербализации обусловлена своеобразием киргизского менталитета, особенностями жизненного уклада и коллективного этнического мировоззрения. Языковая репрезентация концептов включает не только ресурсы лексико-фразеологической номинации языка, но также единицы их грамматической интерпретации.

Ключевые слова: концепт, ментальность, лексикон, грамматическая категоризация, лингвокультурный код.

По словам Н.Д. Арутюновой, «каждое понятие «говорит» особым языком. Такой «частный язык» располагает характерным для него синтаксисом, своим – ограниченным и устойчивым – лексиконом, основанным на образах и аналогиях, своей фразеологией, риторикой и шаблонами, своей областью референции для каждого термина. Такого рода язык и открывает доступ к соответствующему понятию».

Совокупность языковых и внеязыковых способов выражения концепта составляет аксиологический уровень (аксиосферу) языкового менталитета – именно на этом уровне в явном или скрытом виде и концентрируется мир идеалов и ценностей этноса [Радбиль, 2010: 226].

Концепт «Время»

Концепт «Время» можно отнести к универсальным, философским категориям культуры, содержащим общие для различных культур смыслы. В русском представлении концептуализация времени суток в большей степени зависит от того, **что** человек делает в период времени, о котором идет речь (в западном представлении дело обстоит скорее противоположным образом: взглянув на часы и определив время суток, человек знает, что ему надлежит делать). Так, если в западных языках *утро* концептуализуется как часть суток, предшествующая полудню¹, то для русских *утро* – это скорее время, когда человек уже проснулся и занимается приготовлением к основной дневной деятельности (умывается, одевается, завтракает), но еще не приступил к ней. Такое представление находит отражение даже в произведениях массовой культуры. Итак, если обозначение времени суток в русской языковой картине мира зависит в первую очередь от того, какой деятельностью оно заполнено, то в западноевропейской модели скорее наоборот: характер деятельности, которой надлежит заниматься, детерминируется временем суток [Шмелев 2002: 332-333].

Особенности образа жизни кочевника-скотовода могут создавать особый «облик» рутины, и с позиции стороннего наблюдателя их время представляется менее событийно насыщенным и более предсказуемым. Но для самого человека оно неизбежно рутинизируется и наполнение внутреннего времени остается повседневностным «жизненным потоком» [Чернявская 2006].

В повседневной жизни кыргызов измерение времени осуществлялось через такие рутинные факты жизни, как дойка кобылиц, приготовление пищи и т.д.: *аш (эт) бышым* (букв. варка мяса) – отрезок времени, достаточный, чтобы сварилось мясо, это примерно около полутора-двух часов; *чай кайнам* (букв. вскипание чая) – время, необходимое, чтобы

вскипел чай, небольшой отрезок времени около 20–30 минут; *бээ саамы* (букв.: дойка кобылиц) - промежуток времени между двумя дойками кобылиц (1–1,5 часа).

Восприятие времени у киргиза связано с визуальным восприятием пространства. Свидетельством тому служит широкая палитра временных значений в киргизском языке, которая связана с сочетанием солнечного света и тени. Периоды, составляющие суточный цикл, а также некоторые природные явления, например, темнота, таким образом, воспринимаются как нечто закрытое, ограниченное. В этом смысле мы можем говорить о некоем условном пространстве суточного времени. Время в этом плане представляется как нечто расширяющееся, поглощающее. У киргизов в древности существовало значительное количество слов для наименования времени суток, где состояние дня или ночи описывалось практически почасово, в зависимости от положения солнца и сочетания света и тени, то есть не было просто «утро-день-вечер-ночь», а была целая градация временной протяженности. Лексика киргизского языка располагает разными словами для описания времени суток.

Грамматическая категоризация времени в языковом сознании этноса отражает особую ментальность. Говоря о временах тюркского глагола, прежде всего, легко заметить количественное превалирование форм прошедшего времени над формами настоящего и особенно будущего времени. Прошедшие времена имеют разнообразные формально-грамматические вариации, актуализируя разные аспекты реализации действия в прошлом: исполненное действие, постоянно выполняемое действие, действие, восстановленное в памяти и т.д. Что же касается плана настоящего и будущего, то для тюркского сознания они зачастую сливаются воедино. «Чистые» будущие времена почти не употребляются в языке. Иными словами, считается, что прошедшее время в тюркских языках имеет более четко очерченные контуры, чем настоящее и будущее время, что дает основание некоторым исследователям говорить о том, что тюркский менталитет «обращен своим взглядом более в прошлое, нежели в будущее» [Исмоили, 1996].

Несколько иначе видится нам грамматическое время в киргизском языке. На наш взгляд, настоящее время для киргизского человека имеет большую ценность для него в плане того, что настоящее время для киргиза - это реально существующее время. Киргизское языковое время представляет собой единую и целостную систему с гибкой и управляемой структурой. Ядром этой системы и центром основных ее связей является время настоящее. Другие субъективные времена порождены настоящим и сохраняют с ним «генетические» связи. В любой момент прошедшее и будущее могут быть «возвращены» в настоящее; т.е. киргизское прошедшее-будущее – это *потенциальное настоящее*. Поэтому **настоящее – главное киргизское время**. В нем и происходят наиболее значимые события жизни киргиза. Киргизский глагол свидетельствует, что в картине мира его носителей настоящее время не отличается, в принципе, от прошедшего времени. Поэтому естественно предположить, что все времена воспринимаются киргизами как подлинные, реальные; так же предметно, надо полагать, воспринимается ими и время как таковое. Настоящее время в киргизском языке выражается аналитической формой основного глагола и вспомогательного глагола: *окуп жатам*. Вспомогательный глагол *жат* (лежать) выполняет важную когнитивную функцию, то есть то, что происходит в настоящем для киргиза, это все неторопливо, в состоянии устойчивого горизонтального положения, стабильности. Настоящее время киргизами воспринимается в статике. Идеалы кочевников, говорил В.В. Радлов, не совпадают с идеалами оседлых народов. Кочевник живет настоящим и наслаждается спокойствием, пока возрастающая в нем сила не побудит его к деятельности или враг не заставит взяться за оружие [Радлов 1885, ч.5]. Диапазон действия настоящего киргизского глагола (в отличие от русского) достаточно широк, так как оно почти всегда существенно выходит за пределы момента речи – распространяется на объективное будущее вплоть до его полного поглощения.

С прошедшим временем в киргизской языковой картине мира человек связан памятью, к будущему отнесены его планы и надежды, а с настоящим человек связан ощущениями и переживаниями.

Осознание категории времени носителями современного русского языка практически полностью совпадает с описанными в лингвистике представлениями о системе форм времени в русском языке – начиная от отрицания настоящего времени, отождествляемого с «мигом между прошлым и будущим», до увеличения количества временных форм [Бекасова, 2013: 99]. Теория вневременности русского глагола использована известным фантастом Е. Лукиным для обоснования особенностей русского менталитета в сатирическом Манифесте партии национал-лингвистов: «Мысля на современном русском языке, нам никогда ничего не достроить, поскольку русские глаголы совершенного вида в настоящем времени употреблены быть не могут. В настоящем времени можно лишь ДЕЛАТЬ что-то (несовершенный вид). СДЕЛАТЬ (совершенный) можно лишь в прошедшем и в будущем временах [Лукин, 2008]. Русский человек устремлен в будущее, все его мечты, цели, желания связаны с будущим.

Концепт «Счастье».

В киргизском языке есть целый синонимический ряд единиц со значением счастья, а именно: *таалай, бак (бакты, бакыт) ырыс, дөөлөт, кут*. Многие единицы из этого ряда являются полными синонимами, способными к взаимозаменяемости. Слова *бакыт, дөөлөт, таалай* являются заимствованными. К исконно киргизским относятся слова *ырыс* и *кут*. Однако в устном дискурсе употребление всех этих слов достаточно частое. Исключение составляет лишь слово *дөөлөт*, которое имеет книжный оттенок. В семантическом объеме этих слов имеются особенности, которые обуславливают соответственно прагматический аспект их употребления.

Многие выражения, связанные с пониманием счастья, фиксируют жизненные ценности. В основе этих выражений лежат лингвокультурные коды, которые раскрывают архетипическое сознание киргизского этноса. Астрономический код: *кунуң тууду* (букв. твоё солнце разродилось), то есть пришло твоё время быть успешным и удачливым. *Алдына ай, аркасына күн туугандай болуп* (букв. будто перед ним взошла луна, а за ним взошло солнце), то есть он почувствовал себя так, будто ему сопутствует полная удача. Выражение *төбөсү көккө жетип калды* (букв. его макушка достигла неба) - он на седьмом небе. Пространственный код: *ташы өөдө (или өргө) кулап турат* (букв. его камни катятся вверх), то есть его дела идут успешно. Поговорка *төбөң – жайлоо, төшүң – кыштоо* (букв. макушка твоя – летнее пастбище, грудь – зимнее пастбище), т. е. нет надобности в дальних перекочёвках, что означает у тебя полная благодать. Зооморфный код: *Итиң чөп жей баштаган белем* (букв. твоя собака, вижу, траву есть начала) дела у тебя, вижу, на лад пошли; *дөөлөт кушу башында* (букв. птица счастья на его голове), то есть он вполне счастлив и всем доволен (обеспечен материально и уважаем в обществе); *дөөлөт кушу конду* (букв. птица счастья приземлилась), то есть ему привалило счастье.

Следует полагать, что счастье для киргиза воспринимается прагматично как социальное благосостояние, материальный достаток, семейное благополучие. Понимание концепта «Счастье» в русском языке иное, оно более возвышенно, чем в киргизском восприятии. С.Г. Воркачев называет такие концепты телеономными. Понятие счастья, наряду с такими феноменами человеческого бытия как благо, смысл жизни, смерть, желание и любовь, «покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания», а «отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения» [Воркачев, 2003: 95]. В русском концепте счастья превалирует духовная сущность. Стремление к гармонии с окружающими, как и желание наслаждаться жизнью, получая

максимум удовольствий, характеризует состояние души. Такую трактовку поддерживает и А. Зализняк, которая считает, что русское «счастье не является повседневным словом», оно принадлежит к высокому регистру и несет в себе очень сильный эмоциональный заряд. *Счастье* не относится в русском языке к числу «базовых эмоций» (счастье вообще не относится в русском языке к категории чувств). *Счастье* относится к сфере идеального и в реальности недостижимого и находится где-то рядом со «смыслом жизни» и другими фундаментальными и недостижимыми категориями бытия [Зализняк А., 2005].

К настоящему времени в науке о языке накоплен богатый материал, позволяющий делать глубокие теоретические выводы об особенностях возникновения, определения, функционирования, содержания концепта «Любовь» в русской языковой картине мира. Несмотря на разнообразие материалов исследования, ученые сходятся в едином мнении: любовь – сильное и глубокое чувство, не поддающееся рациональному объяснению и контролю, способное многое изменить в мироощущении и поведении человека, заставить его совершать благородные и неблаговидные поступки. Она может стать величайшим благом, наслаждением, но и быть злом. Для счастливой любви нужна взаимность. «Любовь» пересекается с другими важнейшими понятиями русской картины мира: «дружба», «родство», «семья», «жертвенность», «жалость», «страсть», «ненависть» и т.п. [Салимова, 2014:173].

Концепт «Любовь»

Любовь в киргизской системе ценностей многогранная эмоция. Она имеет разные ипостаси и проявляется: 1) между мужчиной и женщиной; 2) в любви матери к ребенку; 3) в любви детей к матери, к отцу, близким; 4) в любви к родной земле.

- Любовь женщины и мужчины – это сокровенная внутренняя страсть.
- Любовь матери к ребенку – это безграничная нежность.
- Любовь детей к матери, к отцу – это благодарность и почтение;
- Любовь к родной земле – это гордость и преданность.

В данной иерархии любовь между мужчиной и женщиной занимает не первую позицию. Менталитет кыргызов не позволяет демонстрировать чувства напоказ. Реальное общение влюбленных мужчины и женщины молчаливо и немногословно. Любовь у кыргызов - латентное чувство, которое внешне мало проявляется. Это подтверждается и в языке. Степень вербализации этого чувства, как видно из таблицы, невысока. Основной лексемой, выражающей любовь между мужчиной и женщиной, является слово *сүйүү*. Примечательно, что исконным значением данного слова, выявленным этимологическим анализом, является «быть опорой, поддерживать». Ментальное восприятие этого чувства у кыргызов в основе связано, прежде всего, с взаимной поддержкой. При объяснении в любви используется идиома *жакшы көрөм*, что буквально обозначает «хорошо вижу». Можно предположить, что это эвфемизм, который закрепился в этом значении. Это также подтверждает определенный ментальный стереотип, что о любви не принято было говорить словами. Если обиходно-разговорный дискурс был скуден с точки зрения выражения любви между мужчиной и женщиной, то чувства любви кыргызы ярко и красочно доносили поэтическим языком, который был полон иносказательности, метафорической образности. Особенно часто кыргызское поэтическое сознание ассоциирует любовь со стихией огня. Ср.: *Сүйүү деген–от чачышуу жүрөктөн* (А.Осмонов): любовь – искры огня из сердца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: 1999, С.52.
2. Бекасова Е. Н., Психолингвистические аспекты оппозиции настоящего и

прошедшего времени в русском языке.// Педагогическое образование в России. 2013. № 6.

3. Вежбицкая А Семантика, культура и познание” (*Semantics, culture and cognition*, Wierzbicka 1992).

4. Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): Монография. Волгоград: Перемена, 2003. - 164 с.

5. Дербишева З.К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры. Бишкек, 2012.

6. Исмоили Абдулхамид О философии узбекского языка Проблема времени в философии жизни// Антропология культуры. Вып. 1. М, 2002. С. 161.

7. Зализняк А.А., Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира// Русский язык в научном освещении. 2003.№1, С. 85-105.

8. Колесов В.В. Отражение русской ментальности в слове // Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. М.: Златоуст, 1999. С. 112-137.

9. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: 2004, с.6-71.

10. Лукин Е. Манифест партии национал-лингвистов // Из книги перемен. М.: АСТ МОСКВА, 2008.

11. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета, М. «Флинта», 2010

12. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. 5. Наречие дикокаменных киргизов. 1885.

13. Салимова Л.М. О лингвокультурном концепте «Любовь» в русской языковой картине мира.//Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 2 (32) 2014, часть 2, 173.

14. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

15. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира, М., 2002.

16. Чернявская Ю.В. Этническое время в хронотопе народа // Человек. – №1. – 2006. С. 78-88.

ETHNIC MENTAL SPECIFIC FEATURES OF CONCEPTUALIZATION

Derbisheva Zamira Kasymbekovna

Doctor of Philology, Professor

Kyrgyz-Turkish Manas University

Research Centre of Turkic civilization

Bishkek

E-mail: derb-07@rambler.ru

The article proposes the analysis of several concepts of universal nature: time, happiness, love. The specific features of their conceptualization and verbalization are conditioned by the originality of the Kyrgyz mentality, lifestyle peculiarities and common ethnic worldview. Language representation of the concepts includes not only the resources of the lexical and phraseological nomination in the Kyrgyz language, but also the units of their grammatical interpretation.

Key words: concept, mentality, vocabulary, grammatical categorization, lingvocultural code.

**САКРАЛЬНЫЙ СТАТУС И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ
ТЮРКСКОГО СИМВОЛА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ
(*КӨКБӨРІ/БӨРІ/ҚАСҚЫР*)**

Джусупов Нурсултан Маханбет улы

кандидат филологических наук

Кафедра языков, факультет гуманитарного образования

Университет «Сырдария», Казахстан

E-mail: Nursultan79@mail.ru

Статья посвящена комплексному изучению проблемы отражения компонентов смысловой природы общетюркского символа *Көкбөрі/бөрі/қасқыр* «Небесная волчица», «волк») в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах. Цель исследования, главным образом, определяется выявлением особенностей собственно языковой и контекстуальной (художественной) репрезентации сакрального статуса и амбивалентного характера значения символа-архетипа.

Ключевые слова: символ, тюркский символ, тюркские языки, амбивалентность, сакральный статус, структуры знания, художественный текст, культура, табу.

Функциональные, структурные особенности символа и его концептуальная смысловая природа чрезвычайно разнообразны и многомерны. Определение значения символа в художественном тексте во многом зависит от взаимосвязанного привлечения множества различных в социокультурном отношении фактов окружающей действительности. Реализация и формирование символа происходит именно за счет его способности вбирать в свое содержание высокие духовные ценности (сакральный смысл), позитивные и вместе с тем негативные начала человеческого бытия (амбивалентность).

Репрезентация структур знания в раскрытии смысловой природы тюркского символа *қасқыр/бөрі* («волк») в художественном контексте тесно связана с отражением самого символа-архетипа в тюркской лингвокультурной общности. Это обуславливает корреляцию контекстуальной информации с информацией мифологического характера, которая определяет центральное место животного *волк* в образе небесной (синей) волчицы (*Көкбөрі*) как тотема и прародительницы тюркского племени, т.е. всех тюркских народов. Помимо этого, следует также учитывать реальные факты наблюдения над животным.

Согласно информации, выявляемой из контекста отдельных художественных произведений (М. Ауэзов «Көксерек» («Серый Лютый»), Ч. Айтматова «Плаха» и т.д.) поведение и действия волка как хищника по отношению к человеку носят неоднозначный характер: это могут быть и хищнические набеги в аул, в результате которых погибает скот и страдают люди, проклиная волка за его жестокие деяния; и трагическая судьба героя, вырастившего и любившего волчонка, но затем погибшего по его же вине. Такого рода информация о символе в определенной степени соответствует общей пейоративной характеристике животного в повседневной жизни: безусловно, хищник наносит вред хозяйственной деятельности человека, вызывает страх. Однако, кроме этого, из контекста может вытекать другая вербализованная автором позитивная информация относительно повадок и нрава хищника в окружении домашних животных и его действий в дикой природе и родной для него среде – волчьей стае. Здесь проявляются независимый, стойкий и непоколебимый нрав хищника, его физические и лидерские способности, тактика ведения охоты, бойцовские качества и многое другое, т.е. в родной дикой среде выявляется позитивный

аспект образа-символа. Выделение амбивалентности смысловой природы символа в тексте приводит к задействованию дополнительных когнитивных процессов, которые заключаются в активизации структур представления знания о роли мифологического образа волк (*Көкбөрі*) в общетюркской культуре. В итоге на первое место выходит информация об истории и родословной тюркских народов и легенда о волке, т.е. небесной (синей) волчице как родоначальнице племени, которая занимает особое место в казахском национальном мировоззрении.

Как известно, в истории тюркских народов имя великого хана Ашина, воинственного вождя древних тюрков, тесно связывается с образом волка (*бөрі*). Как подчеркивает Л.Н. Гумилев, слово «Ашина» значит «благородный волк». Также отмечается, что китайские авторы рассматривали названия «тюркский хан» и «волк» в качестве синонимов [Гумилев, 1967, с. 23]. Согласно древней легенде, предки тюрков были жестоко истреблены соседними племенами, единственным уцелевшим остался изуродованный мальчик с отрубленными руками и ногами, которого впоследствии выкормила волчица и стала его женой. Однако мальчик был все же убит вражескими племенами, а волчица бежала в далекие горы, и, скрываясь в пещере, родила от него десятерых сыновей. В результате распространились многочисленные потомки волчицы и стали называться тюрками [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 77]. Именно такая мифологическая информация или та или иная связь с ней в большинстве случаев отмечаются в общем фонде структур знания как адресанта, так и адресата (лингвокультурной личности) и во многом объясняют национально-культурную специфику выражения ценностного значения универсального зоосимвола *волк* в культуре тюркских народов в целом, и казахского – в частности.

Глубокий символический потенциал образа волка (*бөрі*), широко представлен в текстах произведений казахской литературы. Причем на первый план, главным образом, выдвигается информация, подчеркивающая именно культовый (тотемный) характер зоосимвола в истории тюркских народов, и непосредственно его сакральный статус в жизни казахского этноса. Например, в стихотворении казахского поэта Суюнбая Аронулы «Бөрілі менің байрағым» («Знамя мое с изображением волка») активизируются структуры знания, обусловленные актуализацией глубокой ценностной информации о ведущей роли образа Бөрі в национальной символике (геральдике) и его особой императивной функции.

*Бөрілі менің байрағым
Бөрілі байрақ астында
Бөгеліп көрген жан емен.
Бөрідей жортып кеткенде,
Бөлініп қалған жан емен.*

*Бөрілі найза ұстаса,
Түйремей кеткен жан емен,
Бөрілі байрақ құласа,
Күйремей кеткен жан емен.*

*Жау тисе жапан далада,
Бөрілі найза атамыз,
Қарасайлап шабамыз,
Қызыл қанға батамыз.
Бөрілі байрақ астында
Ту түсіріп, жау алған,*

Қазыбек, Қастек атамыз!

*Бөрілі байрақ көтерсе,
Жоқты жонып табамыз.
Бөрілі байрақ астында
Ту түсіріп, жау алған
Шапырашты батыр бабамыз.*

*Бөрі басы – ұраным,
Бөрілі менің байрағым.
Бөрілі байрақ көтерсе,
Қозып кетер қайдағым!* [Сүйінбай Аронұлы, 1990, с. 18].

Как видим, в стихотворении сквозь призму раскрытия тотемного характера образа волка как в общетюркской, так и в казахской этнической среде автор интегрирует различные фрагменты структур знания, аккумулированных вокруг выдвижения общего фокуса – идеи о священности символа **Көкбөрі** как базовой духовной ценности народа. В этой связи отдельного внимания заслуживают заключительные строки стихотворения. Ниже представим смысловой прозаический перевод:

*Волчья голова – мой девиз (боевой клич),
Знамя мое с изображением волка,
Когда поднимают знамя с изображением волка,
Во мне пробуждаются инстинкты древнего воина.*

В итоге можно констатировать то, что символ **Көкбөрі** («небесная волчица») является важной составляющей культурной памяти и менталитета представителей тюркских народов и на основании этого обладает глубоким ценностным архетипическим содержанием и большим императивным потенциалом.

Вместе с тем, следует отметить факт табуирования названия животного в ряде тюркских языков, который способствует наиболее глубокой интерпретации рассматриваемого символа. Так, например, в казахском и узбекском языках выделяются два основных слова, обозначающих понятие «волк»: каз.: **бөрі – қасқыр**; узб.: **бўри – қашқир**. Считается, что слово **бөрі** в казахском языке является табуированным в результате его отражения в составе номинации мифологического символа **Көкбөрі** («Небесная волчица» – родоначальница тюркских народов) и, включает только «мелиоративное культурологическое содержание»,... тогда как вторая номинация (қасқыр) характеризуется более сложным концептом: наличием как мелиоративной, так и пейоративной оценки» [Кажигалиева, 2000, с. 183]. В узбекском языке причиной табуирования названия животного (замена слова **бўри** словом **қашқир** и ряд других номинаций животных) является, «по-видимому, боязнь и уважение» [Буранов 1983: 66]. Итак, исходя из примеров, следует, что табуирование языковой номинации хищника наглядно отражает амбивалентность символа *волк* и является его отличительным межъязыковым признаком, что, в свою очередь, служит дополнительной предпосылкой для творческого осмысления символа в художественном тексте.

Учитывая факт табуирования наименования животного **бөрі/қасқыр** в тюркских языках, в частности в казахском языке, к синонимическую группу лексемы, также может быть включен целый ряд слов-табу и эвфемизмов: *қара құлақ* («черные уши»), *серек құлақ* («с острыми ушами»), *ұлыма* («воющий»), *ит-құс* («собака-птица»).

Языковые выражения [Кеңесбаев, 1977; Кайдар, 2003; 2004] с использованием слов *қасқыр/бөрі* в качестве символических составляющих паремиологических и фразеологических единиц весьма разнообразны и многочисленны, в них широко используется амбивалентность зоосимвола, что позволяет распределить их на основе выделения базовых признаков. Так, например, первичное значение следующих казахских пословиц и фразеологизмов исходит из акцентирования независимого, свободолюбивого нрава животного и невозможности его адаптации в человеческой среде: *Бөлтірікті қанша асырасаң да, бөрілігін қоймайды; Қасқыр байлағанға көнбес, шошқа айдағанға жүрмес; Асыранды қасқыр да далаға қарап ұлиды; Қасқыр қасқырлығын қоймайды*; Также отмечены пословицы, основанные на таких, признаках хищника как **опасность и опытность**: *Бөлінгенді бөрі алар, узағанды уры алар; Кәрі торғай топанға түспес, кәрі қасқыр қақпанға түспес*; **физическая сила**: *бөрінің күші тісте, кісінің күші істе*; **голод**: *аш бөрі ауылға қарап ұлиды; бөрі құрсақтанды*; **вред хозяйству**: *бөрі тиген қойдай қылды; қасқыр шапқан қойдай болды; құтырған қасқыр тигендей*; **охотничий инстинкт, свирепость**: *бөрінің құлағы – аңда, ұрының көзі – таңда; ұялы қасқыр, ұялы бөрідей; ұялы қасқыр; қасқырдай анталады; у жеген бурыл бөрі порымданды; бөрінің артындай шұлады*;

Позитивный национально-специфический характер зоосимвола-архетипа *қасқыр/бөрі*, обусловленный мифоэпической информацией, наглядно представлен в следующих устойчивых выражениях: **бесстрашие**: *бөрі бет батылды* (букв. «волчья смелость»), *қасқыр жүректі* (букв. «сердце как у волка», т.е. смелый как волк); **верность ближнему**: *Қасқыр да қас қылмайды жолдасына* (букв. «И волк не делает зла своему другу, спутнику»). Однако самыми яркими примерами, прямо и четко указывающими на культовость и мифоэпический аспект зоосимвола в системе языка, являются следующие в структурно-семантическом отношении идентичные пословицы: *Иттің иесі болса, бөрінің тәңірісі бар* (букв. «Если у собаки есть хозяин, то у волка свой бог-покровитель (Тенгри)»); *Малдың иесі болса, қасқырдың құдайы бар* (букв. «Если у скота есть хозяин, то у волка есть Бог»). Как следует из примеров, в них зоосимвол *қасқыр/бөрі* противопоставляется двум другим символам-лингвокультуремам *ит* («собака») и *мал* («скот») и связывается с Богом Неба – Тенгри, т.е. верованием древних тюрков – тенгрианством.

В целом в тюркской лингвокультурной общности символ *волк*, несмотря на наличие отрицательного компонента значения, которое обусловлено реалиями жизни, является культовым тотемным животным, так как свое начало берет из общетюркского мифологического символа *Көкбөрі*. Это в свою очередь служит основной причиной его широкого отражения в художественных текстах различного жанра (поэзия, проза, эпос). Отсюда следует, что в национальном художественном мышлении положительный образ животного является результатом многовековых культурных традиций и тем самым характеризуется определенной генетической информацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронұлы Сүйінбай Шығармалары. Толғаулар, сын-сықақ, өлеңдер, айтыстар. – Алматы: Жазушы, 1990.
2. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1983. 267 с.
3. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 504 с.
4. Кажигалиева Г.А. Культурологический аспект в работе над художественным текстом. – Алматы: Айкос, 2000. 249 с

5. Кайдар А.Т. Тысяча метких и образных выражений: (казахско-русский фразеологический словарь с этнолингвистическими пояснениями). – Астана: Білге, 2003. 368 с.;
6. Кайдар А.Т. Халық даналығы (қазақ мақал-мәтелдерінің түсіндірме сөздігі және зерттеу). – Алматы: Тоғанай Т, 2004. 560 б.
7. Кеңесбаев І.К. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі.– Алматы: Ғылым, 1977. 712 б.;
8. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. 380 с.

**SACRED STATUS AND AMBIVALENCE OF TURKIC SYMBOL
IN LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC CONTEXTS
(KO'KBO'RI/BO'RI/QASQYR)**

Nursultan M. Dzhusupov

PhD, Senior lecturer,

Department of Languages, Faculty of the Humanities,

Syrdariya University, Kazakhstan

E-mail: Nursultan79@mail.ru

The article concentrates on issues concerning the representation of semantic components of the Turkic symbol *Ko'kbo'ri/bo'ri/qasqyr* (“wolf”, “Heaven wolf”) in linguistic and extralinguistic contexts. The main focus of the study is to identify the language and contextual (literary) features providing the sacred status and ambivalent character of archetypal symbol.

Key words: symbol, Turkic symbol, Turkic languages, ambivalence, sacred status, knowledge structures, literary text, culture, taboo.

**THE ROLE OF ASSOCIATIVE EXPERIMENTAL METHOD
IN THE STUDY OF HUMAN LINGUISTIC MEMORY**

Prof. Dr. Lutfullayeva Durдона Esonovna

(city Tashkent, Uzbekistan)

*Tashkent state university of Uzbek language and
literature named after Alisher Navoi,*

Department of Teaching method of the Uzbek language

This article discusses the role and importance of associative method in the study of speakers' linguistic memory and thinking mechanism, experiment stages, results and their analysis.

Key words: Associative experiment, linguistic memory, linguistic thought (mind), free associative experiment, directed associative experiment, tied associative experiment, associate, statistical analysis.

Associative experiment method is one of the methods which gives an opportunity to study linguistic mind (thought) activity standing behind linguistic units, formation of reality image in it, the view of world picture in different cultures, human linguistic memory and thinking activity mechanism through practical experiments. Associative experiment method has also gained a methodological importance in different disciplines such as neurolinguistics, neurophysiology, psycholinguistics, linguaculturology as a result of the establishment of anthropocentric paradigm in science recent years.

As we know, associative experiment method was first used in 1879 by Francis Galton in order to investigate the "association of ideas" in his experiments. Following F. Galton German physiologist and philosopher W. Wundt, who created first psychology laboratory in the world, used associative experiment method to define the verbal association speed in 1892. Associative experiment method was also developed by M. Trautscholdt, a pupil of W. Wundt [Jdan, <http://www.psychol-ok.ru>].

Well-known psychologists and psychiatrists such as J. Lock, D Hume, T. Brown, C. Jung, C. Marb fruitfully used associative experiment method to check how human being understands the reality and human memory. Associative experiment method was widely used in psychoanalytical practice beginning with the 20th century. A founder of "analytical psychology" C. Jung (1875-1961), a well-known psychologist, philosopher and psychoanalyst, used free associative experiment to analyze human personality. As Ya. Osipova writes, the use of free associative methods as a means of psychoanalytical experiments is directly connected with the name of C. Jung [Osipov, 2011, s. 124].

Associative experiments were introduced in practical psychology as well in this period. American psychologists H. Kent and A. Rosanov are acknowledged as the authors of associative experiments in practical psychology. They announced first associative norm based on American English in 1910.

Associative experiment method was also used in experimental psychology. As mentioned in certain sources, there are the following types of associative experiment in experimental psychology: 1) pair associations; 2) serial associations; 3) verbal differentiation; 4) free association [King, Riggs, 1972, r.740].

Having been used to investigate human mind and thought activities for many years in psychology associative experiment method is introduced in psycholinguistics to realize «the aim

of characterizing and explaining functional features of language as a psychic phenomenon that influences on the individual taking internal and external factors absorption into account socio-cultural relations» [Zalevskaya, 1999, s.26].

With the aid of associative experimental method it is possible to create certain people's national-cultural map. As a scientific research related to this discipline it is possible to point out the cultural map (picture) of Europe compiled by the students of foreign languages faculty of the Moscow State University which is registered by S.G. Ter-minasova [Ter-Minasova, 2000, s. 42-45].

According to A.A. Leontyev, a Russian scholar who has given a high evaluation to the opportunities of associative experimental method, it is an associative experimental method that gives an opportunity to describe "cultural" marker of lexical units as accurately as possible, to generalize semantic relations specific for a word, to disclose its "semantic overtones", and an important source in this field is a dictionary of associative words [Leontev, 1977, s.14]. However, it should be stated here that although associative experimental method gives much opportunity to a linguist, it is necessary to take certain external factors (artificial arrangement of speech activities, experimentator's influence at respondents, respondents' impact at each other, holding unusual experiments on respondents, their psychological state, lexical units may be misunderstanding for certain respondents etc) influencing at the experiment results in drawing certain conclusions into account.

Several types of associative method: free associative experiment, directed associative experiment and tied associative experiment are distinguished in psycholinguistics. According to free associative experimental method participants in the experiment (they are also called *respondents, informers, enquired* in some sources) express an association or unlimited number of associations thought in mind spontaneously. In the directed experimental method associations appeared in native speaker's memory related to certain grammatical units or semantic expressions are registered. It is required to express certain number of associations related to a stimulus word in the tied associative experiment. All of the types of associative experimental methods mentioned above give an opportunity to draw valuable conclusions on the problems of human linguistic thought and memory, the influence of spirituality on a language, language and thought, language and culture.

Some linguists have pointed certain specific advantages and drawbacks of associative experiment types. According to Yu.I. Alferov the directed experimental method limits freedom in association process to certain degree, leads to address associations at investigation aim. Marking certain demarcation line to "the direction" of the experiment and the process of association dramatically decreases experiment results, makes it difficult to hold associative process accurately. The main advantage of this associative experimental method is its simplicity, easy to use, and its ability to use in a large group of respondents at the same time. Respondents work at the word's meaning while "using time of the word", which gives a chance to determine misunderstood semantic components of a given word [Alferova, 2005, s. 46].

Free associative experimental method is frequently found in psycholinguistic investigations as this type of method is convenient to conduct. The specific feature of the free associative experimental method is that the main source used in it is unlimited number of lexical units and word combinations. Sometimes paremiis, phraseological units, different and occasional uses can also serve as associates.

Free associative experiments are held in several stages. First of all, stimulus words are selected, respondents are elected, questionnaire (form) is worked out. In the next stage the associative experiment is held with the respondents. Then gained results are collected. Gained results are analyzed and certain conclusions are drawn in the final stage.

An experimentator reads out the stimulus word to the respondents and records each association uttered by the participants in dictaphone in the oral form of the free associative experiment. This experiment is held with every respondent participating in the experiment. The experiment results are then registered in the computer, generalized and analyzed.

Written experimental method is usually used to compile associative dictionaries. Linguists mainly prefer using written experimental method as it takes long time to hold oral experimental method.

Respondent's nationality, language, gender (sex), age, educational background, profession, address are seriously taken into account in the time of the associative experiment. As mentioned in certain sources these features significantly influence at the character of the associations. In most cases people at the age of 21-27 are attracted at participating in associative experiments. As many scholars state native speakers' word stock and linguistic ability are fully completed at this age. They can demonstrate the ability of today's native speakers' and future generation's linguistic thought and mind. According to Yu.N. Karaulov respondents' world picture is reflected in the associations. Enlargement of language content ability (word stock, hierarchic structure of valuables, their pragmatic setting) in most people and its formal-combinatory opportunity are, in their turn, almost constantly preserved till the end of their life [Karaulov, 1994, s. 192-193].

People with higher education or students are mostly invited to the associative experiments as respondents. Representative of the same gender (sex) (male or female) are attracted to associative experiments in the investigations related to gender peculiarities of lexical units.

In this case, the following questions connected with respondents are naturally arisen: «Can selected respondents participating in associative experiments give full information about general state of lexical layer of a certain language?», «Do the results gained with the aid of respondents of one group give full information about linguistic memory of all native speakers?», «Can respondents with limited number fully reflect all native speakers' linguistic stock?», «Can the results gained by the help of respondents serve to determine laws specific for a language?». Discussing about the results expected from the linguistic experiments, linguist A. Mustayoki puts forward the following question: «If a linguist tries to get information about «a language in whole», the situation is clear. Who is entitled to express “all people's” opinion? In this case an investigator comes directly across the notion «native speaker» or «literary native speaker»» [Mustayoki, 1995, s.157].

Undoubtedly, the results gained by the help of respondents with limited number cannot give full information about all native speakers' linguistic ability and word stock. However, associative experiments which have been performed for many years show that verbal associations in respondents are mainly repeated, and very few associations possess individual character. If the repetition of associative experiment results in a number of native speakers taken into account, it would be possible to discuss about the most general features specific for a certain language and its native speakers.

As associative experiments are performed on human being it is required to follow ethic principles in their realization process. Ethic principles of experiment process are found their reflection in the following accepted rules adopted by American psychology association in 1992, and British psychology society in 1993:

- to get permission from respondents to participate in the experiment with their own willing, to give them information about the main point of the experiment beforehand;
- to protect respondents from any inconveniences and probable harm;
- to avoid unclear, ambiguous and offensive questions, to express them as “soft” as possible;
- not to let respondents feel as if they are assessed;
- not to announce secret information about respondents during the experiment;
- to completely found and prove the main idea of the investigation after the experiment.

[Gorodetskaya, 2002, s. 28-37]

Associative experiments are organized on the basis of certain goal and after having been arranged, the gained data is analyzed. Experiment results are analyzed from both qualitative and quantitative (statistical) the points of view. Associative field, its nucleus and peripheries are distinguished in the analysis.

Associates with the highest frequency are put in the nucleus of the field, whereas associates with lower frequency are set in the periphery of the field. According to N.O. Zolotova, the nucleus is “a set of native speaker’s mostly given response reactions to the stimulus word”, “units of limited number which have a high-degree associative power” [Zolotova, 2005, s. 3].

The size and composition of the associative field of every lexical unit which is formed by means of associative experiment are different. In his period Ch. Balley also registered that the size of associative field in different individuals is different. The problem of the composition of associative field plays a significant role in the analysis of associative field. The main part of the associative field is composed by associates connected with the stimulus word from semantic point. In some cases, it is observed that the stimulus word can be given in the function of associate. Associates can be found with the stimulus word in the same form from grammatical point, but sometimes in different forms. Units belonging to different levels can be seen in the composition of associates. For example, in the response reactions given to the Uzbek word *bilim* (knowledge) it is possible to find the words belonging to the Noun such as *dars* (a lesson), *ilm* (knowledge), *kitob* (a book), *malaka* (a skill), *maktab* (a school), *kollej* (a college), *universitet* (a university); the words in the form of the verb such as *o’qish* (reading), *izlanish* (research), *intilish* (to strive), *bilim olish* (to get knowledge), *bilimga ega bo’lish* (to have knowledge); adjectives such as *bilimsiz* (uneducated), *bilimli* (educated), *bilimdon* (learned); the word combinations such as *bilimi zo’r* (a person with profound knowledge), *challasavod odam* (illiterate person), *bilimlar uyi* (a house of knowledge), *bilimdonlar jamoasi* (a team of erudites); precedent phrases such as “*Kitob – bilim manbai*” (a book is a source of knowledge), “*Bilimi zo’r mingni yutar, bilagi zo’r – birni*” (a knowledgeable man can win a thousand people, a man with strong muscles can win one person), “*Bilimli ming yashar, bilimsiz - bir*” (a knowledgeable person is an adult, uneducated is a young new-born baby).

As associative experiments are performed with many respondents sometimes pragmatic associates related to external factors such as some associates belonging to colloquial speech, not fully linked with the lexical unit from semantic point or speech situation, speech owner’s psychological state are also observed. For example, the associate *vaqt o’tkazish* (to spend time) given to the stimulus word *hunar* (handicrafts), the associate *shajara* (dynasty) given to the word *bo’g’irsoq* (a doughnut) in Uzbek are not linked semantically.

Associates can have individual and collective character. Every human being perceives the reality in their degree of imagination. This leads to the formation of individual associates. Individual associates give information about knowledge about reality based on individual person’s life experience, their ideas, spirituality. For instance, the associates *puli ko’p* (to have much money), *mashinasi bor* (to have a car), *hamma narsasi o’ziga yetarli* (to have everything) given to the stimulus word *boy* (rich) in Uzbek express person’s individual viewpoint.

Associates of collective character are formed by means of similarly understanding reality by majority. Such associates mostly express the most important notions related to human life. For instance, the associates *maktab* (a school), *kollej* (a college), *litsey* (a lyceum), *songgi qo’ng’iroq* (the last bell), *ustozlar* (teachers), *sinfdozlarim* (my classmates), *diplom* (a diploma), *attestat* (a certificate) given to the stimulus word *bitiruvchi* (a graduate) in Uzbek are collective associates reminding the events of school or student years which trace as an unforgettable period of life. Such collective associates are considered to be basis for a normative associative dictionary of a certain language. The characteristic feature is that even associates can have an individual or a collective

character, they are considered to be a result of personal speech activity (internal or external speech) of each native speaker attracted as a respondent at the experiment. Thus, associative experimental method has practical significance as a main means of analysis in investigating such problems as human linguistic thought, word stock, interconnection of words in thought, formation of speech patterns by native speakers, the formation of lexical stock in human being.

REFERENCES

1. Alferova Yu.I. Professionalno-markirovannye komponenty yazikovogo soznaniya, reprezentirovannye yedinitami rodnogo i izuchaemogo yazikov: Dis. ... kand. filol. nauk. – Omsk, 2005. – S.46.
2. Experimental Psychology. Vol. II. / Ed. by J.W. King and L.A. Riggs. Holt, Rinehart and Winston Inc., 1972. - 740 p.
3. Gorodetskaya L.A. Assotsiativnyy eksperiment v kommunikativnykh issledovaniyakh // Vestnik Rossiyskoy kommunikativnoy assotsiatsii. Vip. 1. - Rostov n/D: IUBiP, 2002. - S. 28-37.
4. Jdan A.N. Istoriya psixologii. Ot Antichnosti do nashix dney // [http:// www.psychol -ok. ru](http://www.psychol-ok.ru)
5. Karaulov Yu.N. Russkiy assotsiativnyy slovar kak noviy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazikovoy sposobnosti // Russkiy assotsiativnyy slovar'. Kniga 1. – M., 1994. – S. 192-193.
6. Leontev A.A. Obshie svedeniya ob assotsiatsiyakh i assotsiativnykh normakh. - Slovar assotsiativnykh norm russkogo yazika. - M.: MGU. 1977. – S.14.
7. Mustayoki A. O lingvisticheskikh eksperimentakh // Yazik – sistema. Yazik – tekst. Yazik – sposobnost. (K 60- letiyu chlena-korrespondenta Rossiyskoy akademii nauk Yu.N.Karaulova). Rossiyskaya akademiya nauk. ins.rus. yazika im. V.V.Vinogradova. – M.: Nauka, 1995. - S.157.
8. Osipov Ya.V. Metodologicheskoe znachenie assotsiativnogo eksperimenta K.Yunga v razrabotke A.R.Lurii osnov reaktologicheskoy teorii affektivnogo povedeniya // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnie i sotsialnie nauki. – 2011. -№1. – S.124.
9. Ter-Minasova. Yazik i mejkulturnaya kommunikatsiya. – M.: Slovo/SLOVO. 2000. – S. 42-45.
10. Zalevskaya A.A. Vvedenie v psixolingvistiku. - M.: Rossiyskiy gosudarstvenniy gumanitarniy universitet, 1999. – S.26.
11. Zolotova N.O. Yadro mentalnogo leksikona cheloveka kak yestestvenniy metayazik: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Tver: 2005. – S. 3.

**РОЛЬ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОГО
ПАМЯТИ И МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

Лутфуллаева Дурдона Эсоновна
доктор филол.наук, профессор Ташкентском государственном университете
узбекского языка и литературы
г.Ташкент, Узбекистан

В данной статье рассматриваются вопросы роль ассоциативного эксперимента в изучении механизмов языкового памяти и мышления человека, этапы проведения эксперимента, ожидаемые результаты, статический анализ результатов.

Ключевые слова: Ассоциативный эксперимент, языковая память, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, ассоциат, статический анализ результатов.

**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОВЛИЯНИЙ
ЛЕКСЕМ ЯЗЫКА ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ
И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА**

Шайхисламова Зубаржат Фаниловна

*кафедра башкирского языкознания и этнокультурного образования,
Башкирский государственный университет
E-mail: zubarzhass@yandex.ru*

Акилова Мунира Фатиховна

*кафедра востоковедения
Башкирский государственный университет
E-mail: akilova_m@mail.ru*

В работе рассматриваются особенности языка памятников орхоно-енисейских письменности и башкирского языка с когнитологической точки зрения. Отсутствие комплексных исследований по этимологии башкирского языка, его отношения к древним тюркским языкам актуализирует тему данной статьи. Впервые лексика орхоно-енисейской письменности и башкирского языка подвергается историко-сравнительному, лексико-семантическому, идеографическому анализу в когнитологическом осмыслении.

Ключевые слова: башкирский язык, памятники орхоно-енисейской письменности, лексика, когнитология.

В современной лингвистике антропоориентированная парадигма сфокусировала внимание исследователей не только на человеке и его языке, но и шире – на видении мира человеком, обусловленном языком, на связи языка и культуры, на отражении в языке человеческого мировосприятия, на языке как орудии создания, трансляции, хранения и передачи языковой и культурной традиций. При этом основополагающим при определенных трактовках в компетенции как этнолингвистики, так и антропоцентризма ставятся вопросы контактологии, когнитологии и характер мировоззренческой истории человеческой мысли. Когнитивный подход изучения лексики способствует выявлению в них отражения как индивидуального «образа мира», так и системы знаний о мире; через понятия языковой картины мира, языкового сознания, самосознания и мировосприятия, миропонимания. В настоящее время сравнительно-историческая лексикология занимает важное место в системе лингвистических дисциплин. Лексика является самым непостоянным уровнем языка по сравнению с фонетикой, грамматикой. В лексике, как уже было отмечено выше, отражается быт, менталитет, мышление, особенности мировосприятия народа.

Весомый вклад в развитие отечественной когнитивистики внесли такие ученые, как Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др. В их трудах основное место занимает значение «человеческого фактора» в языке, а также тесная связь лингвистики с философией и психологией.

Важную систематизирующую, репрезентирующую и преобразующую роль языка описывает в своем труде и В.З. Панфилов: «Язык обеспечивает саму возможность специфически человеческого, т. е. абстрактного, обобщенного мышления и познания, <...> в языке в той или иной мере фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности. Очевидно, что предшествующий уровень познания действительности, в определенной степени зафиксированный в языке, не может не оказывать известного

влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека, на сам подход познающего субъекта к объектам действительности, в частности, в связи с категоризацией мира в языке» [8. С. 29]. Когнитивная лингвистика, в свою очередь, неразрывно связана с коммуникативной прагматикой и теориями дискурса.

Ученые уделили внимание специальному исследованию отношений между языком древнетюркских памятников и современными тюркскими языками. Лексика языка памятников древнетюркской письменности, посвященных Культегину, Бильге кагану, Тоньюкуку анализируется в когнитологическом аспекте. Данные памятники являются источником интереснейшего и богатейшего материала как для историков, так и для лингвистов. В орхоно-енисейских записях достаточно подробно описываются исторические события того периода. Записи, посвященные Культегину, Бильге кагану, нанесены на камни их родственником, Юлуг-тегином. В них отражается письменный язык тех времен. В записях, посвященных Тоньюкуку, большое место занимает разговорный язык людей высшего общества. Памятники с орхоно-енисейскими записями, найденные в Северной Монголии, дополняя друг друга, в полной мере отражают период жизни тюркских каганатов, их связи с другими государствами и народами, деятельность их видных личностей. Поэтому мы вправе назвать их историко-биографическими произведениями. Полная сохранность этих текстов, их графики делают памятники особенно ценными для научного мира. Изучена историческая фонетика, морфология, лексика текстов орхоно-енисейских памятников. Проведен сравнительный анализ лексических, фонетических, грамматических, семантических особенностей памятников древнетюркской письменности и современных тюркских языков. Проблема исторической связи орхоно-енисейской письменности с башкирским языком затрагивается в трудах башкирских ученых А.М. Азнабаева, М.А. Ахметова, А.Г. Бишева, И.Г. Галяутдинова, Э.Ф. Ишбердина, Дж.Г. Киекбаева, В.Ш. Псянчина, З.Г. Ураксина, З.А.Хабибуллиной, Р.Х. Халиковой, Ф.Г. Хисамитдиновой и др. Результаты исследований этих авторов раскрывают влияние древних письменных наследий на формирование башкирского языка. Однако научные труды, в которых исследуется историческая взаимосвязь древних письменных наследий с лексикой башкирского языка, а также когнитологические аспекты лексических взаимосвязей башкирского языка и языка памятников орхоно-енисейской письменности практически отсутствуют. Современные формы лексики в литературных языках не появились в одно мгновение. Процесс формирования этих явлений был длительным и сложным. Изучение истории каждого языка – это не только история этимологий, это еще и участие ее в истории языка и общества.

Отметим, что изучение географических названий проливает свет на многие вопросы истории, культуры, языка народов, в том числе и древних народов. Орхоно-енисейские письменные памятники представляют собой важным свидетельством языка, основополагающих концепций древнетюркской государственности, ценнейших источников познания древнетюркской философии, а также бесценных источников информации по древнетюркской ономастике. Древнетюркская топонимика как система, включающая в себя многообразные взаимосвязанные элементы ономастического пространства языка, представляет собой своеобразный историко-культурный материал, который до сих пор не стал объектом цельного и всестороннего монографического исследования [7. С. 185]. Топонимы являются источником знания о географическом положении, истории, этнографии, миропонимании и восприятии окружающей действительности того или иного народа. Наханова Л.А. в статье «Ключевые детерминанты топонимов в тексте Кюль-Тегина» попыталась охарактеризовать древнетюркские топонимы памятника в честь Кюльтегина путем описательного метода, разделив топонимы на тематические группы, отражающие явления природы, связи «человека и природы», основу которых составляют лексемы,

означающие реалии материальной и духовной культуры социума (человека).

В письменных памятниках Культегина и Тоньюкука отмечены следующие топонимические термины. Растительный мир, свойственный местности Отюкенской черни, очень хорошо описан П.М. Мелиоранским: «Утуканьыш» есть, несомненно, собственное имя той горной богатой лесомъ страны, которая вънадписяхъ выставляется центромъ турецкаго царства и резиденцією хана тюрокъ». Ссылаясь на Ф. Хирта, П.М. Мелиоранский полагает, что под Отюкенской местностью подразумевается местность между верхним течением Орхона и озером Косоголом [4. С. 84].

1. *Ötükänjîş olursarbängü iltutaolurtaçisäntürkbodun* (КТм. 8). – *Өтүкән шырылыгында йәшәп, һинмәңге ил тотасакһың.* – «Проживая в чащобах Отюкана, ты вечно будешь держать в руках государство». На северо-востоке Башкортостана зафиксирован микропоним *Өтөшкән* [11.С. 57], возможно, корни уходят к *Өтүкән*. Центром мира была «священная Отукенская чернь», населенная тюрками, резиденция тюркских каганов, откуда они ходили походами «вперед (на восток)», «назад (на запад)», «направо» и «налево» для покорения «четырёх углов света». Слияние в древнейших тюркских памятниках мифологического мировоззрения с реальной исторической традицией и конкретной географической и этнополитической картой мира фиксирует в масштабах эпохи рождение новой культурной схемы, которая характеризует древнетюркскую цивилизацию как сложную систему, включающую в себя, наряду с архаичными и консервативными, также прогрессирующие, подвижные структуры, определявшие сравнительно высокий динамизм ее развития [5.С. 242].

2. *Altunjus* – Алтын йышлығы (современные Алтайские горные леса) – леса на горной системе Азии, располагающиеся на территории России, Казахстана, МНР и Китая. *OljılqatürgistapaAltunjîñ.* – УйылдытүргиштәргәкаршыАлтын ... – «В тот год против тургишев ... Алтын...». 2. *Sü barıñtidiAltunjîşdaoluruñ tidi.* – *Һез ғәскәр менән барығыз, Алтын шырылыгында урынлашығыз.* – «Вы с войском вместе располагайтесь в чащобах Алтын».

3. *Anı* – Аны – «Аны» (река): 1. *Anınbarmış...* (Тон. 24). – Аныйылғаһыбуйлапбарасак... – «Пойдет вдоль реки Аны». 2. *Anısubuğ baralm. Olsuqodı bardımız* (Тон. 27). – Аныйылғаһыһыуыбуйлаптүбәнтөшөпкиттек. – «Спустились вниз по водам реки Аны».

4. *Äzgänti Qadaz* – Эзгэнти Кадаз – «АзгантиКадаз» *геогр. название: Bisinç äzgänti Qadazda oğuz birlä sünüsdimiz* (КТб. 47). – Бишенсе тапқыр уғыззар менән Эзгэнти Кадазер ендә һуғыштык. – «В пятый раз с огузами сражались на земле Азганти Кадаз».

5. *Bökli* – Бөкли – северокорейское государство Когурё: *Ilgärü küntoğsudqa Bökli qağanka tägi süläjü* (КТб. 8). – *Алга, көнсыгышка, Бөкликағанға кәзәр һуғыштылар.* – «До этого, на востоке, бились до Кагана(та) Бекли».

6. *Bänligäk* – Бәнлигәк тау – «Банлигак, гора»: *Tinäsiögh jatığma bänligäk tağığ...* (Тон. 44). – Тинәси улы йәшәй торған Бәнлигәк тауын... – «Гора Банлигак, на которой живет сын Тинеси ...»

7. *Qadırqan* – Кадыркан шырылығы – «чаша Кадыркан»: *Ilgärü Qadırqan jıçqa tägi* (КТб. 2) – *Алга, көнсыгышка, Кадыркан шырылығынакәзәр.* – «До этого, на восток, до самой чаши Кадыркан».

8. *Bolçu* – Болчу / Болсу – «Болчу» – в ДТС и в Моюн-чура топоним *Bolcu* дается в качестве реки, а в памятниках Теркин, Бильге-кагану и Кюльтегину – в качестве названия земли. Оркун предполагает, что это название реки или земли, находящейся в районе Иртыша. Также есть мнения о том, что это один из притоков реки, впадающей в Зайсан из Алтайских гор. А. Ташагыл в своей работе допускает, что *Bolcu* является поселением «Токай» на юго-западе озера Урунгу [9. С. 187]. *Bolçu qatañ üntürü tägdimiz* (Тон. 35). – *Таң беленгәндә*

Болчуга еттек. – «К рассвету, дошли мы до Болчу».

9. **Jaşıl ügüz**– Йәшелүгез – тюркское название реки Хуанхэ: *Äcim qağan birlä ilgärü Jaşıl ügüz...* (КТб. 17). – *Агайым-каған менән элгәре көнсығышка Йәшел үгез...* – «Как-то с братом-каганом (поехали) на восток, в сторону реки Яшелугез (Хунхэ)».

10. **Jänçü ügüz**– Йәнсү, Ырдарьяйылғаһы – «река Сырдарья, Янчу»: *Jänçü ügüzügkäcä* (Тон. 44). – Йәнсүйылғаһынкистек. – «Пересекли реку Янчу».

11. **Jaris** – Ярыс – «Ярыш, Йарыс». Возможно, этот географический термин в башкирской оронимике употребляется в названии горы – Ярыштау [11.С.17]. 1. *Jaris jazı datırıl älimtimis* (Тон. 33). – *Улар Ярыш далаһына бергә тупланасак*. – «Они соберутся вместе в степи Ярыш». 2. *Jaris jazıda ontümänsü tärlititir* (Тон. 36). – *Ярыш далаһына ун мең ғәскәр йыйылды*. – «В степи Ярыш собралось десять тысяч войск».

12. **Qaraköl**– Каракүл – «Кара куль» (Черное озеро). В тексте Культегина говорится, что на этом месте они воевали с народом азов в 715 году. И.Л. Кызласов предполагает, что **Qaraköl** находилась возле реки Кемчик, в которую впадали реки Аксу и Алаш. Также он допускает возможность того, что река находилась на юге Когменских гор [3.С. 848]. *Qaraköltä sünjüdimiz* (КТб. 42.). – *Кара күлдә һуғыштык*. – «Сражались на Черном озере (на Кара куле)».

13. **Arquj**– Орхон йылғаһы – Аркуй – «река Орхон»: *Arqujqarağığ ulğartım* (Тон. 53). – Мин Аркуйдаһактыкөсәйттем. – «Я усилил охрану на реке Аркуй (Орхон)».

14. **Toğubalıq**– Тоғукалаһы – «город Тогу балик». **Toğubalıq**– город, сохранив шийся до сегодняшнего дня на территории Монгольской Республики на западном краю города Улан-Батора, западной стороне узкого ущелья под названием Сонгин. После падения Объединенного Тюркского каганата (744 г.) и до образования Монгольской империи Тогу кент (город) являлся малой ханской ордой кереитов. В мусульманских летописях Малая ханская орда кереитов обозначена «Харауын-жидун», а в восточных нарративных данных – в качестве «Тогул-унхар-тун». Также в XIII веке здесь находилась малая орда Он хана. После того как Чингисхан разгромил кереитов, он перевел свою орду в эту местность. Таким образом, монголы стали насельниками данного географического объекта [3. С. 197]. *Äñilik Toğubalıqdasünjüdimiz* (КТб. 44). – Инэлек *Тоғубалыктаһуғыштык*. – «Сначала бились в городе Тогу балик».

15. **Tämirqapığ** – ТимерКапка – «Железные ворота». *TemirqaruY* – горный проход Бузгала, отделившего в то время Согд от Тохаристана, т.е. культуры рек Зеравшан и Кашка Дарьи от областей по верхним притокам Аму Дарьи. Томсен правильно помещает этот проход на пути между Самаркандом и Балхом [2. С. 45]. *Tämirqapığqatägürtimiz* (Тон. 45). – *ТимерКапкағатиклемяуменән еттек*. – «С боем дошли до Железных ворот».

16. **Şantun jazı**– Шантунтигезлеге– «Шандунская равнина» – эта долина была одна из самых плодородных и богатых областей Китая: *Şantun taluı ügüzkä tägürtim* (Тон. 19). – Шантунға, *диңгезгәбарыпеттек*. – «Добрались до равнины Шантун, до моря».

17. **Çuğajquz**– Суғайкузы– «ЧугайКузы» (горы Инь-Шань: *ÇuğajquznQaraqımığ oluruärtimiz* (Тон. 7). – ЙәшәуурыныитепСуғайкузын, кара комды һайланык. – «Местом для жизни выбрали ЧугайКузы, Черные пески».

18. **Çuğajjiş**– Суғайшырлығы– «чащобы Чугай»: *Türkbudun üläsikiñ birijä çuğajjiş...* (КТм. 6). – *Төркихалкыберөлөшөңкөнъякта, Чугай шырлығы...* – «Часть тюрков (ушла) на восток, в чащобы Чугай...». В Белорецком и Белокатайском районах РБ есть деревня Шығай и река Шығай, возможно, как географический термин имеется что-то общее. В обоих районах жили катаяцы [11.С. 11].

19. «Усын» будучи этнонимом встречается только в памятных записях Тоньюкука. *Usınbuntatujirtajatuqalurarti* (Тон. 19). – *Усын-бунтатуйортондайәшәуурыны таптык*. – «В

доме Усын-бунтату нашли себе приют».

Исследование когнитологических аспектов лексических взаимосвязей башкирского языка и языка памятников орхоно-енисейской письменности дают интересные результаты. Памятники орхоно-енисейской письменности представляют собой ценнейший источник познания древнетюркской мировосприятия, мировоззрения, а также являются бесценным источником информации по древнетюркской топонимике. Древнетюркская топонимика представляет собой своеобразный историко-культурный материал, который до сих пор не стал объектом цельного и всестороннего монографического исследования. Исследование древнетюркской топонимики в орхоно-енисейских письменных памятниках требует системного подхода в когнитологическом аспекте.

Считаем, что в каждой культуре присутствуют определенные культурно-этнические доминанты, которые влияют на мироощущения, мировоззрения, мировосприятия и мироощущения народа. На существования этнической общности влияют климатические условия, культурные традиции, обычаи и условия жизни. В дальнейшем язык продолжает транслировать особенности национальной ментальности в собственных формах: «Язык начинает делать то, что на раннем этапе развития этноса делала сама внешняя среда его обитания и его генетико-антропологическая природа» [5. С. 123].

Духовные и социальные изменения, происходящие в общественном сознании и жизни, требуют осмысления своих истоков, истории, культуры, языка, обращения к великим творениям древних цивилизации, к числу которых принадлежат древнетюркские орхоно-енисейские письменные памятники. Тексты орхоно-енисейских письменных памятников, бесспорно, являются источником мировоззренческой, исторической, социальной, этнокультурной информации о древнетюркском мире, о народе. Они насыщены словами и выражениями, через которые можно установить область ментального сознания древних тюрков, рассмотреть процесс их мышления и миропонимания, мировоззрения, мировосприятия.

Орхоно-енисейские письменные памятники показывают понимание мира и связанного с ним типы мышления, также они запечатлели высокий уровень интеллектуальной деятельности древних тюрков. Тексты памятников орхоно-енисейской письменности богаты гиперболами, метафорами, сравнениями, переносными выражениями, которые являются показателями ассоциативно-образного мышления. Это говорит о том, что древние тюрки владели искусством красноречия, богатством воображения, образности и мышления.

Обращение к исследованию когнитологических аспектов лексических взаимосвязей башкирского языка и языка памятников орхоно-енисейской письменности способствует в той или иной мере решению проблем, указанных на перспективу, что «каждый из тюркских языков имеет этнос, государственные или территориальные границы, самосознание, ощущение непрерывности истории, свои традиции в области религии, культуры, быта... Если говорить о близости, то речь может идти не о близости диалектов, а о близости языков. Это – поиск общих корней, символизирующих единый характер тюркского мира. Единые корни кроются в лексической сокровищнице тюрков» [10. С. 9-10]. Наше исследование в определенном смысле отличается системным подходом к интерпретации лексических единиц башкирского языка и языка памятников орхоно-енисейской письменности. В результате этого в ней сосредотачиваются все узловые проблемы, обозначенные сегодня антропо- и этноцентрической парадигмой в лингвистике и в гуманитарной отрасли наук в целом.

Процесс формирования башкирского языка связан с участием в этнической истории родов и племен, проживающих на Урале в V-X веках, многих кочевых народов.

Формирование и развитие языка, возникновение его норм – сложный и длительный процесс. Если язык некоторых тюркских народов развился раньше и достиг степени конечного (полного) формирования, то язык остальных развивается с большим отставанием. Поэтому очевидно неверно будет утверждать, что языки всех тюркских народов напрямую относятся к языку древних памятников письменности. Результаты исследований башкирских ученых также предоставили возможность обнаружить особенности генетической связи башкирского языка с языком древнетюркских памятников письменности и сохранение в нем каких-то определенных общих элементов [1. С. 191]. Главная особенность древней тюркской культуры, особенно, Западного Тюркского каганата – появление письменности. Возникновение орхоно-енисейской письменности, записи, посвященные видным каганам (ханам) и полководцам (военачальникам), использование этой письменности древними тюрками, раскрытие секрета письма в XX веке – все это помогает нам осмыслить прошлое и понять настоящее современного мира тюркских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметов М.А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. Саратов: Изд-ство Саратовского ун-та, 1978. 247 с.
2. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. 757 с.
3. Жолдасбеков М., Сарткожаулы, К. Атлас орхонских памятников. Астана, 2005. 848 с.
4. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
6. Мелиоранский, П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. СПб., 1899. 144 с.
7. Наханова, Л.А. Историко-семантическая интерпретация топонимов в орхоно-енисейских памятниках: Дисс... докт. Филос. Наук (PhD). Астана, 2014. 185 с.
8. Панфилов В.З. *Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты.* М.: Наука, 1977. 288 с.
9. Taşağıl A. Göktürkler. Cilt1, Atatürk Kültür, Dil, ve Tarih Yüksek Kurumu Basımevi, 1995. 187 s. (на тур.яз).
10. Тенишев Э.Р. Некоторые социолингвистические проблемы в тюркском мире. М., 2003. № 2. С. 9–10.
11. Шайхисламова З.Ф. Национальное мировидение в этноонтологической интерпретации номинативных принципов в контексте топонимических систем Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и северо-востока Российской Федерации. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 184 с.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО
СТЕРЕОТИПА В ТЮРКСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**
(на материале узбекского, казахского и каракалпакского языков)

Исмаилов Гулом Мирзаевич

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
узбекского языка и литературы
при Ташкентском государственном университете
узбекского языка и литературы, г.Ташкент, Узбекистан
E-mail: gulom1208@gmail.com*

В данной статье исследуются лингвистические особенности гендерный стереотип в тюркских фразеологизмах, то есть формирование в качестве фразеологизма определенных явлений бытия на основе концептов “женщина” и “мужчина”. Фразеологизмы разделены на два типа и проанализированы как а) фразеологизмы, общие для референтов обоих пола; и б) фразеологизмы, связанные с референтами одного пола.

Ключевые слова: фразеологическая картина мира, гендер, стереотип, концепт, лингвокультурология, лингвокультура, этнос, фразеологизм, фразеолекс, имплицитная форма, маскулинность, фемининность.

Исследование языка как феномена, формирующего в сознании человека лингвистическую картину мира, становится одним из актуальных направлений современного языкознания. Понятие гендера всё больше привлекает внимание представителей гуманитарных наук, в частности лингвистов. Термин гендер поначалу применялся в социологии. Гендер, обозначая организационную модель социальных отношений женщин и мужчин, определяет их социальные отношения в обществе, а в психологии это – «социально-психологический пол человека, совокупность его психологических характеристик и особенностей социального поведения, проявляющихся в общении и взаимодействии [Чекалина, 2009, с. 11]. Ещё в начале XX века Ф.Маутнер, Э.Сепир, О.Есперсен в своих трудах проявляли повышенный интерес к гендерному аспекту языка и коммуникативным процессам, а также языковым аспектам гендера.

Следует отметить, что формирование в 70-х гг. XX века новых направлений языкознания – лингвокультурологии, этнолингвистики, изучающих языковые явления на основе принципа антропоцентризма, породило такие проблемы, как лингвокультурологическое исследование во фразеологии гендерной проблемы, асимметрическое научное определение основных социально значимых компонентов, формирующих в языковой картине мира основные стереотипы – концептов “женщины” и “мужчины”. Важность изучения “культурных факторов в языке и языковых факторов в человеке” [Телия, 1996, с. 223] в развивающемся направлении языкознания – лингвокультурологии заключается в том, что изучение человека сквозь призму его культуры включает не только индивидуальные языковые особенности носителей языка определенной культуры, но и гендерные понятия. Образные представления и взгляды о поведении женщин и мужчин, их мышления и взаимоотношений в определении социальных, культурных и когнитивных особенностей человека в языковой картине мира образуют языковое явление “гендерного стереотипа”. Ибо “гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке” [Словарь, 2002], определяя национальные представления об определенных явлениях и предметах в

сознании носителей языка формируют ментально-языковую совокупность.

В тюркском языкознании фразеологизмы всегда являлись объектом изучения различных (лексико-грамматический, семантический) аспектов, однако до сих пор остаётся неисследованной до конца проблема лингвокультурологического изучения гендерного стереотипа. Изучению этой проблемы обращено внимание в работах отдельных исследователей, посвященных изучению романо-германских языков, в частности, А.В.Кириллиной, Е.С.Бадмаевой, В.С.Самариной, Д.А.Турдиевой, О.Ю.Суралевой, М.Н.Муковой, М.Н.Варикаши.

Фразеологизмы отображают национально-культурные, т.е. идиоэтнические признаки определенного этноса, следовательно, изучение их гендерных стереотипов, в свою очередь, показывает что данное явление демонстрирует существование своеобразного национально-культурного представления, картины явлений, свойственных оппозиции “женщина” и “мужчина” в определенном социуме. Поэтому, в каждом фразеологизме находят своё отражение стереотипы определенного народа. Стереотип по сути кажется явлением, близко стоящим к фразеологизмам, что нашло своё отражение в исследовании Б.А.Ларина, то есть фразеологизмы долгое время рассматривались как стереотипные сочетания [Ларин, 1977, с. 125-149]: «такому пониманию способствуют основные свойства фразеологической единицы, действительно сближающие стереотипные выражения с фразеологизмом: устойчивая раздельно оформленность и воспроизводимость... Отличает их от фразеологических оборотов отсутствие тропической семантики, которая не востребована в данном случае, потому что в них заложены наиболее значимые фрагменты реального опыта этноса» [Кириллова, 2002, с. 129]. Также и во фразеологии тюркских языков данная оппозиция проявляется в языке как результат мышления этноса, образного представления мира, то есть значение, предмет, сема, признак образуют суть фразеологического образа. Именно внутренняя форма фразеологизма имеет своеобразное значение в национальном мышлении народа, в его отношении к миру, создании фразеологической картины мира.

Образная реализация во фразеологизмах определенного явления имеет общие и отличительные черты в разных этносах. В силу этого, гендерные стереотипы во фразеологизмах, явления (признак, образ), свойственные концептам женщина и мужчина, не универсальны в разных культурах и толкуются с помощью различных представлений. Это, безусловно, связано с такими культурными компонентами, как традиции этноса, образ жизни, историческое развитие, географическое расположение, социально-политическая роль и др. Хотя далеко не все пословицы и фразеологизмы содержат гендерные категории, однако среди тех, которые апеллируют к понятиям «мужского» и «женского», можно установить доминирующие тенденции и оценки. В силу этого, фразеологизмы располагают определенными элементами, демонстрирующими их лингвокультурное своеобразие, при их лингвокультурологическом исследовании руководствуются двумя методами, то есть **“сравнительным и интроспективным”** [Алиференко, 2008, с. 172].

Фразеологизмы, демонстрируют национальную картину мира каждого этноса, названия объектов и обретают образность в сознании носителей языка. Устойчивые национально-культурные представления определенного общества о том или ином явлении, сформированные в тюркской фразеологии на основе концептов женщина и мужчина, составляют гендерный стереотип и в каждом социуме изображают небольшую ментальную картину, соответствующую его мировоззрению. Ибо, языковая картина мира и языковой стереотип находятся в отношении части и целого. По мнению Е.Бартминьского, “стереотип как конвенциональное представление о предмете, которое касается того, как этот предмет смотрится, как действует, какую он содержит в себе упрощенную – теорию предмета, является элементом всей развернутой культурно-языковой картины мира, создает эту картину вместе с другими

элементами. Стереотипы как основная составляющая языковой картины мира определенно-го общества отражают специфическую для соответствующего сообщества интерпретацию окружающего мира” [Бартминьский, 2009, с. 12-13]. Именно поэтому актуальность нашего исследования заключается в раскрытии сути гендерных особенностей фразеологизмов узбекского, казахского и каракалпакского языков в лингвокультурологическом аспекте.

Как известно, один из основных признаков фразеологизмов это их образность, в которой в определенной степени отражаются гендерные особенности. Объектом нашего исследования являются фразеологизмы, формирующие образы, свойственные концептам “женщина” и “мужчина”. Например, фразеолокс “белбоғ” в составе узбекского фразеологизма “*Белингада белбоғинг борми?*” и фразеолокс “айдар”, т.е. “*прядь длинных волос*” [<https://ru.wikipedia.org>] на голове казахских бойцов, в составе казахских фразеологизмов *айдарлысын құл, тұлымдысын тұл етті* (ФС, 22), *айдарымен жел еседі* (ФС, 22), *айдарына белгі тақты* (ФС, 22) формируют в качестве эталона концепт мужчины. Как выясняется, образное формирование в сознании носителей языка понятия “мужчины” (*белбоғ, айдар*) образует национальную фразеологическую картину в тесной связи с национально-историческим представлением этого народа. При этом, несомненно, важную роль играет денотативный аспект фразеологизма (эталон), а внутренняя форма лексемы (эталон) живёт в семантике производного слова, поскольку следы прежнего предмета, хранящиеся в исторической памяти носителей языка (*айдар, белбоғ*) в имплицитной форме выражает концепт “мужчины” в составе фразеологизма. “Попытка осмысления специфики моделей поведения в соответствии с гендерной идентичностью приобретает особую значимость в процессе сопоставления фразеологических единиц различных языков, которые имплицитно содержат оценку маскулинности и феминности на основе национально-культурных представлений и традиций” (Семашко,). Следовательно, “фразеологизмы представляют собой своеобразный промежуточный результат бесконечного процесса имплицирования информации” [Макаров, 2013, с. 60].

Формирование в определенном лингвокультурном социуме социально-культурных особенностей биологического пола, проявление в языке того или иного гендерного эталона является результатом прикрепления в языке каждому полу целого ряда критериев и оценок. В свою очередь, эти критерии и оценки, создавая картину языкового мира, формируются в зависимости от отношения личности к вселенной, природе, обществу и к себе и в результате формируется своеобразная картина мира общества определенных носителей языка. “Мысль о том, что под влиянием общества, в результате полученных при взаимодействии с людьми впечатлений, у человека формируются» оценочные эталоны, с помощью которых происходит категоризация понятий [Семашко, 2014, с. 177]. Языкознание обращает особое внимание характеристике в лексико-семантических группах различных качеств человека, в частности, особенностей, проявляемых в его интеллектуальных способностях и поведении [Кунин, 1979, с. 92-108]. Именно поэтому мы при анализе тюркских фразеологизмов с гендерной точки зрения разделили существующие фразеологизмы на 2 типа.

К первому типу фразеологизмов относятся фразеологизмы с общей семантической структурой как для концепта “женщина”, так и “мужчина”, т.е. общие для референтов обоих пола. При этом, общие концепты гендера “женщина” и “мужчина” являются основными культурными концептами, и характерны для женщины и мужчины всех национальных лингвокультур. Например: в узбекском языке фразеологизм *балогатга етмоқ* (ЎТИЛ, I, 152) – достижение физического совершенства, совершеннолетие. ... *йигитлар шу ёшда ҳарбий хизматга борадилар. Демак, балогатга етадилар, жазо ҳам шу ёшда берилади, дегувчилар ҳам мавжуд* (Т.Малик, Длинный путь преступления). А в каракалпакском языке эта особенность реализуется с помощью фразеологизма *бой жетиў* (ҚТҚФС, 63) – достижение

совершеннолетия, достигать возраста вступления в брак). А в казахском языке употребляется фразеологизм *бойга жетті* (ФС, 154) *Бойга жеткен кісі мен баланың арасында ортақтық, бірлік шын аз, мұндай аралары шалғай жатқан екі жанның байланысы берік бола алмақ емес* (Меңдігүл). Эти фразеологизмы в представлении носителей языка все трёх социумов характерны для оппозиции **женщина** и **мужчина**. Следует также отметить, что данный вариант казахского и каракалпакского фразеологизмов (*бойга жетті, бой жетиу*) существует также и в узбекском языке, однако употребляется лишь для выражения концепта **женщина**. *Бўйи етган қизнинг ўғай онани кутиб олиши осон эмаслигини ҳис қилишдим, ҳар ҳолда уни ҳоли қўйишди* (Т.Малик, Талваса). Приведенные примеры ярко свидетельствуют о том, что в представлении физического совершенства носителей трёх языков имеются как общие, так и отличительные свойства.

Второй тип фразеологизмов относится лишь референту определенного пола. Каждое культурное сообщество своеобразно воспринимает мир с помощью устоявшихся национально-культурных представлений, то есть стереотипов и исходя из своего исторического опыта, изображает во фразеологизмах мелиоративные или пейоративные категории, касающиеся в основном человеческой деятельности. В результате этого, каждый социум, исходя из своего мировоззрения, сформировал фразеологизмы с асимметрической оценкой, связанные с полом человека. «Первоначально маскулинность и фемининность были зафиксированы в мифологии как основная бинарная дихотомия, посредством которой интерпретировался весь мир и славянские представления о Земле-матери и Небе-отце, и древнекитайская концепция Инь и Янь, и древнегреческий миф об андрогинах тому подтверждение» [Маслова, 2001, с. 122]. Дифференциация пола проявляется с помощью определенного символа в тесной связи с культурой, то есть, понятия и явления не связанные с гендером, (природа, культура, цвет, темнота, свет, зло, добро и др.) ассоциируется с концептом «женщина» или «мужчина». Так к примеру, в тюркских языках **порождение, сила, мощь** во фразеологизмах считаются символическим выражением концепта «мужчина», а отдельные отрицательные понятия в рамках ассоциативного поля «женщина», т.е. присущие женщине качества сформировали во фразеологизмах ассоциативное поле концепта «мужчина». Например, в узбекском языке выражение «*хотин сунурги*» в Толковом словаре узбекского языка истолкован как «*хотинак*», что имеет значение *маленький веник* [Рахматуллаев, 2000, с. 85]. В словаре зафиксировано выражение «*эркак сунурги*» имеющее значение «*длинный веник*», который в определенной мере выражает отрицательное качество «женщины». *Хотинларнинг холаси, қизларнинг дугонаси. Ҳай, бу нимаси, уят ҳам яхши гап?! Хотинларнинг холаси, қизларнинг дугонаси бўлиб, даврани эгаллаб олганингизни қаранг!* (Ш.Исахонова, Тош ноқ). А в казахском языке женские качества ассоциируются в концепте «мужчина» с помощью названий женской одежды или её частей. Например, фразеологизм *ұзын етек* (ФС, 729). В каракалпакской фразеологии не отмечены фразеологизмы такого типа, т.е. ассоциирование в концепте «мужчина» отрицательных качеств женщины. Следовательно, в тюркских языках фразеологизмы подобного типа выражают отрицательные качества мужчин с помощью использования стереотипов женственности в изображении концепта «мужчина».

Следовательно, реализация в сознании носителей узбекского, казахского и каракалпакского языков фразеологизмов, относящихся к биологическому полу, является результатом своеобразного восприятия мира членами этого социума. Во фразеологической картине мира существуют общие и отличительные особенности гендерного стереотипа в трёх лингвокультурах, которые образуют разносторонний концепт во фразеологической картине тюркских языков. «С помощью стереотипов накапливаемая информация представляется не просто как сумма полезных знаний, но как определенным образом организованный опыт, который благодаря своей структурированности может быть передан следующим поколениям» [Садохин, 2010, с. 194].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиференко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. - М.: Элпис, 2008.
2. Бадмаева Е. С. Концептуальные пространства маскулинности и фемининности: на материале фразеологизмов и паремий: дисс... кандидата филол. наук: – Иркутск, 2010.
3. Бартминьский Е. Базовые стереотипы и их профилирование // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 11-21.
4. Варикаши М.Н. Гендерний дискурс: семіотичні аспекти / М. Варикаша // Слово і час. – 2008. - № 7. – С. 83-89; Капак Ю. М. Маскулінність у компаративних фразеологічних одиницях в сучасному німецькомовному дискурсі / Ю. М. Капак // Наукові записки. Серія «Філологічна». – Вип. 24. – 2012. – С. 108-111.
5. Кирилина. А.В. Гендер: лингвистические аспекты. - М., 1999.
6. Кирилина В.Н. Гендерный конфликт как фактор социокультурного развития: Дис...докт.философ.наук. – М., 2004.
7. Кириллова Н.Н. К вопросу о стереотипах во фразеологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2002. №2. С. 129-140.
8. Кунин Н.А., Скорнякова М.Ф. Коннотативность в семантической группе названий лица // Классы слов и их взаимодействие. – Свердловск, 1979. – С. 92-108.
9. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. - С. 125-149.
10. Макаров В.И. Фразеологизмы и прецедентные феномены как маркеры стереотипности восприятия // Вестник новгородского государственного университета. - №71. Т.1., 2013. – С. 59-62.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология. – Москва: Академия. – 2001.
12. Мукова М.Н. Стереотипы маскулинности и фемининности в британской лингвокультуре: автореф.канд.филол.наук. – Нальчик, 2011.
13. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тили этимологик лугати (туркий сўзлар). - Тошкент: Университет, 2000.
14. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 304 с.
15. Самарина В.С. Гендер во фразеологии: когнитивно-лингвокультурологический аспект: автореф. канд.филол.наук, - Ставрополь, 2010.
16. Семашко Ф.Т. Стереотип как фрагмент языковой картины мира / Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 2 (32). – Тамбов, 2014, часть 2. – 176-179.
17. Словарь гендерных терминов. Под ред. А.А. Денисовой. М., 2002.
18. Суралева О.Ю., Скоробогатова Т.И. О гендерной сбалансированности фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальную состоятельность (на материале французского языка) // Гуманитарные и социальные науки, - №3. - 2010. – С. 230-239.
19. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
20. Турдиева Д.А. Гендерные отношения во фразеологических системах французского и уйгурского языков: автореф.канд.филол.наук. – Алматы, 2010.
21. Чекалина А.А. Гендерная психология: учебное пособие. 2-е изд. М., 2009.

22. <https://ru.wikipedia.org/>
23. Jespersen O. Language, its Nature, Development and Origin. London, 1922. URL: <http://interlanguages.net/jesplanguage.html>
24. Maunthner F. Beitrage zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie), 3. Auflage. Stuttgart, Berlin, 1921.
25. Sapir E. Male ad Female Forms of Speech in Yana // Selected writings of Edward Sapir. Los Angeles, 1968. P. 206-212.

LINGUOCULTURAL STUDY OF THE GENDER STEREOTYPES IN THE TURKIC PHRASEOLOGY

(on the material of Uzbek, Kazakh and Karakalpak languages)

Ismailov Gulom Mirzaevich

*PhD. (Senior Scientific Researcher of Research Institute
of Uzbek Language and Literature under
the Tashkent State University of Uzbek Language and Literature) city
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: gulom1208@gmail.com*

This article studied the linguistic features of gender stereotypes in the Turkic phraseologisms, that is formation as phraseologism certain events being based on concepts of «woman» and «man.» Phraseologisms divided into two types, and analyzed as well: a) phraseologisms, which are common to both sex referents; and b) the phraseologisms, which are associated with referents of the same sex.

Key words: phraseological picture of the world, gender stereotype, concept, linguoculturology, linguoculture, ethnicity, phraseologism, frazeolex, implicit form, masculinity, femininity.

ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЙ ХАРАКТЕР НАИМЕНОВАНИЙ ПТИЦ НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Ыбырайым Азимхан Оразбаевич,

кандидат филологических наук, доцент

декан факультета гуманитарно-социальных наук

Таразский государственный университет им. М.Х.Дулати, Тараз, Казахстан.

E-mail: Azimcan23@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные в современный период проблемы, связанные с выявлением лексико-семантического, когнитивного, словообразовательного и мировоззренческого характера наименований птиц, выделением общих для тюркских языков наименований птиц, определением их места в мировосприятии народа и связанных с ними поверий и запретов.

Ключевые слова: этно-культурный характер, древние тюрки, казахи, казахский язык.

В понимании казахов слова, имеющие особую значимость в содержательном, когнитивном плане и мировосприятии – это наименования птиц. У казахского народа сформировались достаточное количество запретов, поверий, связанных с наименованиями птиц. С.Кондыбай пишет следующее о священном характере птиц: “Птица – посредник между двумя мирами (дух, ангел). В примитивной мифологии в связи с разделением иного мира на верхний и нижний образ птиц также бывает двойственным; то есть птица – связывает человека и с верхним миром, и с нижним” [Кондыбай, 2008, с. 201]. Наши предки знали об их лечебных свойствах. Согласно поверьям, голова, ноги и крылья совы защищают от дьявола и сглаза, эта птица считалась священной. Специальное исследование наименований птиц в языке охватывает актуальные проблемы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии казахского языкознания; является основой для определения некоторых наименований с нераскрытыми значениями, выявления в народном мировосприятии понятий о птицах.

Для казахского народа основным источником жизни является скотоводство. Наименования птиц, особо знакомые в быту и встречающиеся в языке, тесно связанные с природными явлениями, до сегодняшнего дня не являлись объектом специального языкового исследования. Исследования в этом направлении проводились только с этнографической целью. Здесь можно особо выделить труды академика А. Маргулана, Е.Раушанова. А наименования птиц в казахском языке не являлись объектом исследования в когнитивном, этнолингвистическом и словообразовательном плане. В данной статье рассматриваются определения лингвокогнитивной основы, лексико-семантической и словообразовательной системы наименований птиц в казахском языке. На сегодняшний день актуальным является выявление лексико-семантического, когнитивного, словообразовательного и мировоззренческого характера наименований птиц, выделение общих для тюркских языков наименований птиц, определение их места в мировосприятии народа и связанных с ними поверий и запретов. Наименования птиц, занимающие огромное место в мировосприятии казахского народа, имеют различные оценочные, критические, коннотативные значения. Эти особые образы, созданные в мифологическом, религиозном, философском плане имеют культовое значение, служат символической основой для наименования птиц и вполне могут выступить концептом.

Наименования птиц входят в основной словарный фонд и занимают древние слои лексики казахского языка. Основная часть наименований птиц является общей для тюркских языков, и их словообразовательная структура и лексическое значение схожие. Эта схожесть дает огромную информацию об истории и культуре, понятии и уровне мировосприятия

тюркских народов. Фразеологизмы и сравнения с наименованиями птиц созданы, в первую очередь, для восполнения недостатков в наименовании определенного явления, во-вторых, в результате аккумуляции лексических единиц для обогащения коннотативного фонда языка. Одним из широко применяемых приемов в казахской поэзии является художественное описание, олицетворяющее автора и персонажей с птицами в коннотативной системе. Наименования птиц, встречающиеся в казахской поэзии для изображения разных свойств человека с целью описания пережитых ситуаций, настроения, являются языковыми средствами поэзии. Наименования птиц, населяющих высокогорные местности, – это экспрессивные словоупотребления, изображающие свободолюбивых, сильных, устойчивых персонажей с высокими целями. Беркут, являющийся для кочевников символом свободы, независимости, стремления к цели, высоте, будущему, усиливает понятие мужественности, зоркости казахов. Так изображение беркута имеется на нашем флаге.

Наши предки больше поклонялись беркуту, нежели охотились с их помощью на зверей. Они свято чтит его, сажали на насест, ухаживали, кормили, соблюдая все принципы почета. С древних времен свято чтит беркута настолько, что, если умирал беркут, то хозяин вешал тушу на почетном месте в доме с раскрытыми крыльями. Согласно поверью, беркут защищает от всех напастей. Также лапы, голову, крылья беркута вешали на ковры, у колыбели ребенка, на почетном месте. По поверьям казахского народа, беркут – это птица открытой дороги. Если во сне приснится беркут, то к лучшему. Сохранилось поверье: «Он станет счастливым, к нему вернется богатство», если во сне беркут садится кому-то на голову, плечи. Согласно поверьям, у казахов одна из священных птиц – лебедь. По этимологии слово «Акку – лебедь» означает «ак» – синоним, «ку» – в казахском языке означает «белое». Тогда увидим, что в словах «ак-ак», «аппак» произошли звуковые изменения, по признаку «цвета» стали называться «акку». Древние тюрки «акку» называли «ку». Согласно общему мировосприятию казахов, лебедь – символ чистоты, красоты, нежности, любви.

Когда-то и ворона считалась священной птицей-тотемом. Доказательством тому могут послужить сочетания «карга тамырлы казах, колыма карга тышар, карга каттасым, уйрек жунди оттасым». Это встречается и у тюрко-алтайских народов. Например, если вороны съедали мясо, оставленное во дворе, то это у манчжуров вызывало радость, так как означало, что духи довольны им, если не съедали, то пугались, значит - духи разгневаны. Эвенки говорили, что «ворона – помощник бога в создании человека», монголы называли ворону птицей, которая «приносит одновременно и хорошее, и плохое». Тувинцы верили, что если убьют ворону, то она будет проклинать весь народ. Саха считают ворону птицей-тотемом и «птицей вселенной». Причиной этому служит то, что вороны живут долго (300 лет), отсюда и вера в их ясновидение и управление человеческой судьбой. Такое поверье, связанное с вороной, встречается и у других народов. Особое место в понятии, поверьях человека о птицах, определение по действиям птиц изменений природных явлений, катаклизмов показывает тесную связь человека с маленькой частичкой природы – птицами, общность их места обитания.

Для человечества имеет значимое влияние приносимая птицами польза и наносимый ими вред, священность птиц. На основе данного взгляда можно сделать вывод о том, что каждая птица превратилась в символ определенного понятия. Сравнения относительно птиц активно используются для описания характера, эффективного состояния, медленных или быстрых действий человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Қондыбай С. Қазақ мифологиясына кіріспе // Толық шығармалар жинағы. – Алматы: Арыс, 2008. 376 б.

**ЭТИКЕТ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ ПРИ ПРИВЕТСТВИИ И ЧИХАНИИ:
НА ПРИМЕРЕ КАЗАХОВ КАЗАХСТАНА И МОНГОЛИИ**

Бекназаров Рахым Агибаевич
профессор, доктор исторических наук
исторический факультет
кафедра отечественной истории
и исторических дисциплин
Актюбинский региональный государственный
университет им. К. Жубанова,
Казахстан, Актобе
E-mail: r.beknazarov@gmail.com

В статье рассматривается этикет благопожеланий при приветствии и чихании на сравнительном полевом материале казахов Казахстана и Монголии, а также репатриантов, вернувшихся на свою историческую родину, начиная с 90-х годов прошлого столетия. Ставится цель определить древний пласт благопожеланий, их истоки, региональные особенности, этимологию некоторых слов, инноваций и изменения, вносимые за последний период в эту сферу этикетных отношений.

Ключевые слова: этикет общения, казахи, казахи Монголии, приветствие, чихание, благопожелание, диаспора, репатриант, оралман.

Одной из актуальных тем современной этнографии, этнолингвистики по праву можно считать этикет и культуру общения, как в целом всех народов мира, так и казахов, в частности. Отметим, что данная проблема в Казахстане не являлась предметом специального исследования в комплексном виде, а отмечалась лишь отчасти при анализе других этнокультурологических вопросов. Хотя, следует подчеркнуть, что, некоторые элементы рассматриваемой проблемы, фиксировались и отложились во многих исторических записях путешественников, ученых и военных людей, посещавших территорию Казахстана начиная с XVIII в. Безусловно, за бортом целенаправленного изучения остается едва «приметный» в повседневной жизни – этикет благопожеланий при приветствии и чихании. Тема всплывает на поверхность именно в сравнительном анализе с культурой казахской диаспоры и репатриантов, т.е. возвратившихся на историческую родину соплеменников, которым в Казахстане официально присваивается сейчас статус «оралмана» (буквально «возвращенный, возвращенец»). Основным источником исследования являются полевые этнографические материалы, собранные автором в составе комплексных этнографических, этнокультурных экспедиции на всей территории Казахстана (1995–2015) и западной части Монголии в Баянкульгыйском аймаке (2001–2009) (науч. рук. профессор С.Е. Ажигали) [Ажигали, 2012; Бекназаров, 2012].

Итак, следует отметить, что широко распространенное сейчас в Казахстане мусульманское приветствие ‘Ассаламагалекум’ (мир вашему дому!), в сельской среде до сих пор дополняются следующими фразами ‘Мал-жандарыныз аман ба?’ (Благополучна ли ваш скот и семья?) ‘Үлкен кісілер қуатты ма?’ (Как здоровье ваших старших, т.е. родителей?). Мужчины при этом словесное приветствие сопровождают рукопожатием: равные по статусу и возрасту одной рукой (правой), младшие старших – двумя руками [Сагнаева, 2001, с. 235–236]. С женщинами женщины, так и мужчины в Западном Казахстане обычно здороваются словами ‘Сәлем бердік’ (Приветствие вам!). В последнее время, конечно, повсеместно в

Казахстане культивируется и часто встречается литературное слово ‘Саламатсыз ба?’ (Здоровы вы ли?).

В западном и южном Казахстане сохраняется традиция сопровождать молодыми замужними женщинами свое приветствие к старшим по возрасту и по статусу своеобразным поклоном ‘Сәлем беру’, а именно, преклонять одно колено с одновременным поклоном головы, руки при этом скрещиваются спереди туловища. Приведем выдержку из работы этнографа И.В. Стасевич: «У казахов был такой обычай: когда молодая женщина встречалась с мужчиной солидных лет, она становилась на правое колено и оставалась в таком положении до тех пор, пока не проедет или не пройдет этот мужчина. Ответом со стороны мужчины должно было быть легкое кивание головой и пожелание долгих лет жизни. Такое почтение женщин к мужчине – тізе бұғу – называлось «приклонить колено». Все эти почести воздавались мужчинам до тех пор, пока женщины были замужем, но в случае вдовства женщины могли пренебречь этим обычаем» [Стасевич, 2011, с. 57]. Заметим, что данное приветствие почти без изменения до сих пор сохраняется в Мангыстауской области Казахстана. Элементы данного типа приветствия хорошо сохранились в свадебной обрядности казахов повсеместно при проведении обряда ‘беташар’ (открытие лица невесты). Здесь невеста, лицо которой укрыто платком, проводит ритуальное приветствие со всеми родственниками мужа, делая одновременно поклоны [Қазақ халқының, 2007, 141 бет]. У монгольских казашек в быту мы такое приветствие не фиксировали вообще, хотя пожилые женщины говорили, что в начале XX века это тоже у них еще существовало.

При анализе данной проблемы в среде мужчин монгольских казахов нами было отмечен интересный факт – это почти полное отсутствие приветствия ‘Ассалаумағалейкум!’ и рукопожатия руками. В их среде, как в определенном «диаспорологическом изоляте»¹, т.е. в законсервированном виде, мы фиксировали слабо подверженные исламу тюркские элементы приветствия, а именно, при встрече казахи произносят несколько дежурных фраз в зависимости от времени суток, времени года и т.д. При этом это действие происходит в течение относительно продолжительного времени. Приветствие начинается со слов ‘Амансыз ба?’ (Здоровы ли вы?), ‘Бала-шаға сау ма?’ (Здоровы ли дети?), ‘Құда-құдағайларыңыз аман ба?’ (Здоровы ли сват и сватья?) летом – ‘Жайлауларыңыз жақсы ма?’ (Хорош ли ваш жайлау?), ‘Шабындықтарыңыз жақсы ма?’ (Хорош ли ваш сенокос?), зимой – ‘Қыстақ жайлы ма?’ (Как ваша зимовка?) и т.д. Отличия приветствия с женщинами не имеется, используются те же слова, рукопожатие не производится.

Если перейти к процедуре чихания, то она воспринималась казахами как приграничное состояние организма между миром живым и мертвых. Считалось, что во время этого процесса душа человека как бы выходила наружу и могла покинуть тело насовсем. Поэтому от окружающих требовалось помочь чихающему благопожеланиями скорейшего возвращения души в первоначальное состояние. При этом человека пугало само беспомощное состояние при чихании и невозможность контроля этого процесса. Плохим предзнаменованием считалось, если человек часто и много чихал. Однако, громкое чихание, наоборот, воспринималось как наличие хорошего здоровья и этого неоднократно могли достигать с помощью хорошего табака.

В целом, по Казахстану складывается следующая картина. В западных регионах (в Актюбинской, Атырауской, Мангышлакской, Западно-Казахстанской обл.) говорят ‘Жәрекмолда!’ или ‘Жәрекмолла!’, в Кызылординской области ‘Ақұдай!’, в Жетысу среднее и старшее поколение желают словами ‘Аққас!’ или ‘Аққұш’ [Бекназаров, 2009].

1 В шутку местные казахи говорят, что были случаи, доводившие до драки, по поводу непропорционального деления виртуального табуна лошадей (якобы, почему чихнувший должен делить «своих» лошадей так несправедливо – 50 на 50, а не 20 на 80, например!)

Молодежь сейчас на всей территории Казахстана говорят ‘Сау бол!’[□] (Будь здоров!). Следует признать, что среди молодого поколения последний вариант приветствия получает широкое распространение, т.е., к большому сожалению, теряется целый пласт культуры благопожелания при чихании.

Отметим, что благопожелание при чихании ‘Аққас!’ казахстанский этнограф Н. Алимбай разъясняет следующим образом: ‘Қасың ағарып, қартайғанша денің сау болсын, жамандық көрме, қайғы-мұнсыз өмір сүр!’ (До старости, пока не побелеют брови будьте здоровы, пусть все плохое обойдет вас, проживите беспечную жизнь!) [Қазақтың этнографиялық, 2011, 121 б.].

В Западной Монголии казахи произносят следующую фразу: ‘Бер Тәнірім 500 жылқы!’[□] (Тенгри, дай мне 500 коней!). Чихнувший в ответ должен сказать: ‘Жартысы сенікі, жартысы менікі!’ (одна половина моя, другая твоя!). Заметим, что семипалатинские казахи говорят ‘Ақ күш бер, Тәнір!’ (дай святую силу Тенгри!), т.е., на большей части территории Казахстана до сих пор сохраняются тюркские элементы благопожеланий, что, на наш взгляд, говорит о более позднем влиянии религии ислам в этой области этикетных отношений казахов.

Таким образом, в благопожеланиях у казахов при приветствии и чихании, на наш взгляд, можно проследить в целом этикет в историческом разрезе, в совокупности с вопросами влияния тюркской, мусульманской и современной евразийской культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажигали С.Е., Бекназаров Р.А. К методике комплексного исследования архитектурных некрополей и кладбищ Западного Казахстана: предварительные замечания (из опыта работы ЗККЭАЭ) // Материалы 1-го и 2-го Симпозиумов по казахскому памятниковедению: Актобе, 15 сентября 2011; Атырау, 22–24 ноября 2012 г. Алматы–Атырау: «Агатай», 2012. С. 24–40.
2. Бекназаров Р.А. Этикет благопожеланий при чихании у казахов: по материалам полевых исследований 2007–2008 // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: Этнология, история, археология, культурология / Отв. Ред. Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 138–139.
3. Бекназаров Р.А. Состояние развития ремесел казахов Алтая (России, Монголии и Китая) // Казахстан и зарубежные казахи: мат. Межд. научн.-практ конф. «Репатриация этнических казахов в Казахстан как составная часть государственной миграционной политики: достижения, проблемы и пути решения», посвященной 20-летию Всемирной Ассоциации казахов (г. Алматы, 12 октября 2012 г.) / Сост.: К.Н. Балтабаева, К.М. Конырбаев. Алматы: Дүниежүзі казактарының қаумдастығы «Атажұрт» баспа орталығы, 2012. С. 95–99.
4. Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. 2-том: дүниеге келгеннен өмірден озғанға дейін (отбаслылық әдет-ғұрыптар ертеректегі авторлардың еңбектері бойынша). Алматы, 2007. 416 бет.
5. Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. 1 том: А–Д. Алматы: DPS, 2011. 736 бет.
6. Сагнаева С.К., Коспанов А.А. Институт гостеприимства в казахском обществе (по материалам Западно-Казахстанской области) // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Сборник статей. Алматы: НИЦ «Ғылым», 2001. С. 230–244.

**ETIQUETTE OF GOOD WISHES WHEN GREETING AND SNEEZING
(KAZAKHS OF KAZAKHSTAN AND MONGOLIA)**

Beknazarov Rakhym

Professor, Doctor of Historical Sciences

K.Zhuban ov Aktobe Regional State University

Kazakhstan, Aktobe

E-mail: r.beknazarov@gmail.com

The article considers the etiquette of good wishes upon a greeting and sneezing based on the comparative field data of the Kazakhs of Kazakhstan and Mongolia, as well as of the returnees who have come back to their historical homeland since 1990-s. The objective is to define the ancient layer of good wishes, their sources, regional peculiarities, etymology of some words, innovations and changes made in this sphere of etiquette relations over the recent period.

Key words: communication etiquette, the Kazakhs, the Kazakhs of Mongolia, greeting, sneezing, good wish, diaspora, returnee, repatriate.

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА
«TREE/ДЕРЕВО/АГАЧ» В ПЕРВИЧНОЙ ЕГО НОМИНАЦИИ**

Шакирова Диляра Шамилевна

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры языковой и межкультурной коммуникации
Казанский федеральный университет, Казань
E-mail: dilyara.israfilova@mail.ru*

Аиранова Алсу Халиловна

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры языковой и межкультурной коммуникации
Казанский федеральный университет, Казань
E-mail: tatarandlanguages@gmail.com*

Данная статья рассматривает концепт «tree/дерево/агач» в английской, русской и татарской лингвокультурах. Интерес к данному концепту обусловлен его широким распространением в мировой культуре, отражением в религиозных и мифологических представлениях и разных литературных жанрах. Данный концепт обладает обширной системой коннотативных значений и актуализируется многообразными средствами языковой объективации в языках. В первичной номинации концепта «tree/дерево/агач» сходным является его определение в ботаническом значении как многолетнего растения, в русской и татарской лингвокультуре это понятие также используется для обозначения строительного материала.

Ключевые слова: концепт «tree/дерево/агач», разноструктурные языки, лингвокультура, первичная номинация.

Один и тот же концепт по-разному может быть представлен в разных типах сознания при анализировании репрезентации исследуемого концепта, в нашем случае «tree/дерево/агач» в английских, русских и татарских лингвокультурных источниках. В зависимости от типа сознания представляется различная языковая объективация концепта, особенности его внутреннего содержания и структуры.

В этом параграфе мы выявляем различия и сходства в средствах вербализации исследуемого концепта в разных видах словарей и текстов в изучаемых лингвокультурах в первичной его номинации. Анализу подвергаются толкования лексической репрезентации концепта в различных толковых словарях, выявляются все его значения, а также приводятся примеры из различных художественных текстов, позволяющие расширить словарные толкования.

Анализ набора синтаксических позиций лексем, объективирующих концепт, проводится с точки зрения того, что способность одних языковых единиц открывать позиции для замещения другим единицам выступает в виде категорирующей или классифицирующей функции данного слова по отношению к другим словам. Таким образом, глаголы, существительные, прилагательные, предлоги, входящие в контекстуальное окружение лексем, представляющих исследуемый концепт, рассматриваются нами как классификаторы концепта, из которых складывается общая картина организации знаний о дереве, представленная в разных видах текстов английской, русской и татарской лингвокультур.

Первичные номинации осознаются носителями языка как первообразные. Производность таких номинаций может быть раскрыта только при этимологическом или инструмен-

тальном анализе. Номинативный инвентарь языка пополняется преимущественно посредством заимствований или вторичной номинации, то есть использования в акте номинации существующей единицы в качестве имени для нового обозначения.

Когнитивно-дискурсивный анализ концепта «tree/дерево/агач» в первичной его номинации является неотъемлемой частью исследования, потому что представляет собой основу общего понимания того или иного предмета и явления.

В процессе исследования нами было проанализировано более пятидесяти словарей – толковых, энциклопедических, научно-технических и других (полный перечень которых приведен в списке использованных источников), на основе чего нами были вынесены следующие значения слова «дерево» в английском, русском и татарском языках, представленные ниже в таблицах с указанием частотности их употребления.

В таблицах мы указываем все определения первичной номинации, найденные в различных словарных источниках, а также количество словарей, дающих данное определение, и ссылки на эти словари для каждой из трех изучаемых лингвокультур.

В английских источниках:

Таблица 1

Первичная номинация в английских словарных источниках

№п/п	Значение слова в английских словарях	Количество словарей, поддерживающих данное значение
1.	Any large woody perennial plant with a distinct trunk giving rise to branches or leaves at some distance from the ground (любое большое растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону)	15 [1-9, 11-16]
2.	A wooden beam, post, stake, or bar used as part of a framework or structure (деревянная балка, столб, кол или брусок дерева, используемые в качестве части структуры, или структура)	7 [1, 6, 8, 13-16]
3.	Any of a variety of shrubs, bushes, or plants similar to a tree in shape or size (любое множество кустов, кустарников или растений, подобных дереву по форме или размеру)	3 [6, 10, 12]

В русских словарных источниках были обнаружены следующие значения:

Таблица 2

Первичная номинация в русских словарных источниках

№ п/п	Значение слова в русских словарях	Количество словарей, поддерживающих данное значение
1.	<i>ботан.</i> Многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону	14 [17-27]
2.	Древесина, пиломатериал, идущие на постройки и изделия	5 [20, 22, 23, 25, 27]
3.	Бревно, брус	2 [23, 27]

Также нами был проведен анализ толковых словарей татарского языка:

Таблица 3
Первичная номинация в татарских словарных источниках

№ п/п	Значение слова в татарских словарях	Количество словарей, поддерживающих данное значение
1	Каты кәүсәле, ботаклары ябалдашланып торган купьеллык үсемлек (любое многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями)	4 [28-31]
2	Төзүгә һәм эйберләр ясауга китә торган агач материал; үзгач (материал, идущий на ястроительство и изделия; древесина)	4 [28-31]

Исходя из данных, отраженных в таблицах, мы можем сделать вывод о том, что первичная номинация во всех трех изучаемых нами лингвокультурах сходна с определением понятия «дерево/агач» в ботаническом значении. При анализе значений лексемы «дерево» по данным словарей английского, русского и татарского языков выявляются и некоторые различия. Они наблюдаются не только в количественном показателе, но и в своих значениях. Эти расхождения в трактовке данного понятия, в свою очередь, не имеют ярко выраженной окраски.

На основании проведенного анализа мы делаем выводы об основных определениях и значениях концепта «tree/дерево/агач», которые представлены в специальных научных лексикографических источниках русского, английского и татарского языков. В английских, русских и татарских словарях определения слов «tree», «дерево» и «агач» совпадают в основных значениях:

1. Многолетнее растение (для всех трех изучаемых лингвокультур).
2. Строительный материал (для русской и татарской лингвокультуры).

В таблице №4 «Первичная номинация в художественных текстах» предлагается сопоставить найденные нами первичные номинации изучаемого концепта в художественных текстах в английском, русском и татарском языках. В результате обращения к художественным текстам выведены следующие значения:

Таблица 4
Первичная номинация в художественных текстах

№ п/п	Значение	Язык	Примеры из художественных текстов
1.	Многолетнее растение	Англ.	Then, last summer at a political speaking in a grove of oak trees at Jonesboro, they both suddenly became aware of Scarlett O'Hara. (M. Mitchell) Then, last summer at a political speaking in a grove of oak trees at Jonesboro, they both suddenly became aware of Scarlett O'Hara. (M. Mitchell) Пер.: А потом, прошлым летом, на политическом митинге в дубовой роще возле Джонсборо внимание обоих внезапно привлекла к себе Скарлетт О'Хара (перевод с английского Е. Е. Палиевской: Алгоритм, Москва 2000)
		Рус.	Я засыпал под тихий, неслышный дождь и думал о том, что хорошо бы посадить на «моей земле» дерево. Выросло бы оно большое-пребольшое, и птичка свила бы на нем гнездо (В. П. Астафьев)
		Тат.	–Әй ходаем, бу күперне ничек салыйм да, агачларны ничек үстерим дә, алмаларын-хөрмәләрен ничек пешерим, –дип такмаклап утырганда, әлеге кыз килеп житә (Сказка «Чүмеч») Пер.: Когда он бормотал: «О Боже, как мне построить этот мост, вырастить эти деревья, да помочь поспеть плодам этого дерева?», пришла эта девочка (перевод наш)
2.	Строительный материал	Англ.	Слово tree не употребляется в данном значении, его заменяет слово wood
		Рус.	Направо от туалетного стола стоял комод из красного дерева (М.А. Бекетова)
		Тат.	Илебез бездән – агач хәзерләүчеләрдән, агачны мөмкин кадәр күбрәк бирүне таләп итә (Г.Әпсәләмов) Пер.: От нас – лесозаготовителей – родина просит как можно больше леса (перевод наш) Кыскасы, үзәк урамнар ике катлы таш йортлардан торса, кырый-кырыйда агач өйләр тезеләп киткән... (Ф. Бәйрәмова) Пер.: Короче, если на центральных улицах стоят двухэтажные каменные дома, то на окраинах выстроились деревянные дома (перевод наш)

Значения первичной номинации данного концепта в изучаемых нами английской, русской и татарской лингвокультурах используются в различных литературных жанрах. Однако необходимо выделить тот факт, что значение слова «дерево» в качестве строительного

материала не нашло отражения в исследуемой нами английской литературе. Слово *tree* не употребляется в данном значении, его заменяет слово *wood*. Ботаническое же значение изучаемого нами концепта «tree/дерево/агач» подтверждается примерами из текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евстигнеева М.В., Никуленкова Ю. Внутренняя форма слова. Проблема первичной номинации (на примерах английских названий растений) // В сборнике: интеллектуальный потенциал высшего педагогического образования материалы XXIII преподавательской и XXI студенческой научно-практической конференции огпу. Министерство образования российской федерации; Оренбургский государственный педагогический университет., 2001. С. 100-103.
2. Исабекова У.К. Концепт «qut» в казахской языковой картине мира // Филология и культура. – № 2 (44). 2016.С. 82-87.
3. Лозовой А.Ю., Названова И.А К проблеме номинации. Особенности современной // Известия ЮФУ. Технические науки, №10. 2013. С.25-30.
4. Рогова А.В. Языковая палитра как отражение особенностей менталитета народа: белое и черное в русской, английской и немецкой фразеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность № 4. 2011. – С. 67-71.
5. Хабибуллина Е.В. Языковые средства изображения животных в произведениях Ю. Коваля // Филология и культура. – № 1 (43). 2016. С. 140-144.
6. Шамсудинова С.Э. Роль звукоподражания и звукосимволики в первичной номинации глаголов (на материале лакского языка с параллелями из русского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1-1 (55). 2016.С. 198-200.

СЛОВАРИ

American Heritage Dictionary of the English Language – New York: Bartleby.Com. – 8652 p.

Collins Pocket English Dictionary. – UK: Collins:Ninth edition edition, 2009. – 704 p.

Macmillan Dictionary for Students / P. Macmillan. - NY: Simon & Schuster Children's Publishing (1984) Binding. – 1216 p.

Cambridge Advanced Learner's Dictionary (<http://dictionary.cambridge.org>).

Cobuild Student Dictionary for Learners of English Macmillan Dictionary (<http://www.collinslanguage.com/english-as-a-foreign-language>).

Infoplease Dictionary (<http://dictionary.infoplease.com>).

Legal dictionary (<http://www.thefreedictionary.com>).

Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition (<http://www.merriam-webster.com>).

Mnemonic Dictionary (<http://www.mnemonicdictionary.com>).

Online Plain Text English Dictionary(<http://www.mso.anu.edu.au/~ralph/OPTED>).

Rhymezone (<http://www.rhymezone.com>).

The Wordsmyth English Dictionary-Thesaurus (<http://www.wordsmyth.net>)

Webster's 1828 Dictionary (<http://1828.mshaffer.com>).

Webster's New World College Dictionary, 4th Ed.(<http://www.yourdictionary.com>).

Webster's Revised Unabridged, 1913 Edition (<http://machaut.uchicago.edu>)

All Words.com Multi-Lingual Dictionary (<http://www.allwords.com>).

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. – 431 с.

Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М.С. Гиляров; А. А. Бабаев, Г. Г. Винберг, Г. А. Заварзин и др. – 2-е изд., исправл. – М.: Сов.энциклопедия, 1986. – 864 с.

Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия / гл. ред. А.П. Горкин. – М.:

Росмэн-Пресс, 2006. – 560 с.

Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров, 3-е изд. Т. 1-30 – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

Большой Энциклопедический словарь. –СПб.: Норит, 2000. – 1456с.

Гизатуллина-Старцева Р.Г. Татарско-русский словарь пословиц (татарча-русчамакальлярсүзлеге) / Р.Г. Гизатуллина-Старцева, И.Г. Гизатуллин. – Уфа: Вагант, 2011. – 274 с.

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.

Научно-технический энциклопедический словарь / <http://dic.academic.ru>

Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : около 57 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.

Современный толковый словарь. – М.:Большая Советская Энциклопедия, 1997 г.

Толковый словарь русского языка: В 4 т./ под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т “Сов. энцикл.”; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940

Татар теленең аңламалы сүзлеге өч томда. Том 1. – Казань: Татарское книжное издательство, 1977. – 475 б.

Татар теленең фразеологик сүзлеге ике томда / Н. Исанбет. Том 1 (А-К) – Казань: Татарское книжное издательство, 1989. –495 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге : 3 томда / ред. Л.Т. Махмутова,М.Г. Мөхәммәдиев . – Казан: Татар.кит. нәшр. – 1977. – Т. I: А-Й. – 476 б.

Татар энциклопедиясе сүзлеге / баш мехәр. М.Х. Хәсәнов. – Казан :Татар энциклопедия институты, 2002. – 830 б.

COGNITIVE AND DISCOURSE ANALYSIS OF THE CONCEPT “TREE / DEREVO / AGACH” AND ITS FIRST NOMINATION

Shakirov Dilayra Shamilevna

Candidate of Philology,

Associate Professor of Department of

Language and Intercultural Communication

Kazan Federal University, Kazan

E-mail: dilyara.israfilova@mail.ru

Ashrapova Alsu Khalilovna

Candidate of Philology, Associate Professor,

Associate Professor of Department of

Language and Intercultural Communication

Kazan Federal University, Kazan

E-mail: tatarandlanguages@gmail.com

This article examines the concept “tree / derevo / agach” in English, Russian and Tatar linguistic culture. This concept is interesting due to its wide distribution in the world culture, a reflection in religious and mythological ideas, and in different literary genres. This concept has an extensive system of connotative meanings and updated by means of diverse linguistic objectification in language. The concept “tree / derevo / agach” is similar to the definition of its botanical value as a perennial plant in the first nomination; in the Russian and Tatar linguistic culture it is also used to refer to a building material.

Key words: concept “tree / derevo / agach”, different structural languages, linguistic culture, the first nomination.

О СОМАТИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ РУКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОВ

Мамедова Эльмира Сеидмамед гызы
доктор филологических наук, профессор
Бакинский славянский университет
кафедра общего и русского языкознания, Баку
E-mail: e-mamedova@mail.ru

Соматизмы относятся к одному из древнейших существенных разрядов лексики любого языка и издавна были объектом внимания лингвистов. Проблематика данной статьи вписывается в антропоцентрическую парадигму исследований, рассматривающих языковую картину мира, изучение влияния фактора человеческого тела на язык, определения его места в лингвокультуре. Соматический компонент рука является стержневым для фразеологизмов в двух сопоставляемых языках. Этот компонент является самым продуктивным в образовании соматических фразеологизмов-соматизмов.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, соматизмы, рука, нога, русский и азербайджанский язык.

Обращение к человеку без анализа и понимания той лексики, которая порождена познанием его самого и отражающей его строение, названий частей его тела – соматической лексики невозможно.

Человеческое тело во все времена было объектом исследований с различных ракурсов.

Древние греки *смертную часть* тела человека без души называли *soma*. Отсюда, соматизм как термин для обозначения явлений и систем организма человека, в отличие от психических и физических особенностей его организма, означало относящийся к телу, связанный с телом.

Соматизмы относятся к одному из древнейших существенных разрядов лексики любого языка и издавна были объектом внимания лингвистов.

Проблематика данной статьи вписывается в антропоцентрическую парадигму исследований, рассматривающих языковую картину мира, изучение влияния фактора человеческого тела на язык, определения его места в лингвокультуре.

Ученые объясняют особое место соматизмов в языке тем, что для языка уникальность человека не только в его интеллектуальных или душевных качествах, а также в особенностях его строения и в функциях составляющих его частей [Булыгина, Шмелев, 1997].

Лингвисты не всегда однозначно трактуют термин соматизм. Например, Ф.Вакк [Вакк, 1964] определяет этот термин как совокупность устойчивых словесных комплексов, имеющих в своем составе названия частей тела человека и животного, а также слова, не называющие части тела – такие как *кость, кровь, кожа, мускул, нервы* и т.д., естественно, которые непосредственно связаны с организмом человека. Им также включаются в состав соматизмов и устойчивые словосочетания, связанные с символикой жестов и мимики. О.Назаров не считает жестовые и мимические слова соматическими терминами, к ним он относит лишь единицы с названиями частей тела человека [Назаров, 1973].

Мы считаем, вслед за О. Назаровым, что в состав соматизмов должны быть включены только лексемы, называющие части тела, а термины, связанные с организмом человека, несмотря на то, что они обозначают жизненно важные органы человека, без которых живой организм не может существовать, тем не менее, они не должны быть в составе наружных, внешних соматических терминов.

В лингвистике существуют разные семантические поля. Только при изучении семантического поля *Человек* возможна языковая концептуализация человеческого тела в целом, но также его частей, органов и действий, совершаемых ими или над ними. Наименования частей человеческого тела можно классифицировать по-разному, выделять их в группы по разным признакам:

- 1) на основе названий наружных частей и обозначении внутренних органов;
- 2) органы, принимающие и не принимающие информацию извне;
- 3) по внешнему облику, строению человеческого тела, складывающегося из трёх составляющих: а) голова и её части; б) тело; в) конечности и т.д.

Все языки мира, независимо от степени их генетического родства, выполняют общие функции – коммуникативную, прагматическую, когнитивную. При сопоставительном изучении языков эти основные, общие функции языков предполагают существование у них и общих признаков и общих закономерностей.

А. Д. Райхштейн пишет: «Во всех исследованиях языка *голова* связывается с интеллектом, *сердце* с эмоциями, *рот* и *язык* с речью, *рука* – с практическими действиями и т.п.» [Райхштейн, 1980], то есть они в прямом значении у разных народов ассоциируются тождественно.

В разных языках соматизмы обладают неодинаковой частотностью и символизацией. Используя соматизмов в переносном значении, – как сравнения, метафоры, в пословицах, фразеологизмах люди стараются при помощи слов, называющих их органы, передать свои эмоции и мысли.

Соматический компонент *рука* является стержневым для фразеологизмов в двух сопоставляемых языках. Этот компонент является самым продуктивным в образовании соматических фразеологизмов-соматизмов. Сопоставление их позволят нам выявить общее и различие в семантике фразеологизмов с компонентом *рука*, а также их национально-культурные особенности.

Следует отметить, что русскому слову *рука* в азербайджанском языке соответствуют две лексемы *əl* и *qol*.

В исламском мире имеется амулет Рука Фатимы, который также известен как Хамса. Рука Фатимы – это древний талисман в виде ладони с тремя поднятыми пальцами и двумя симметричными пальцами по бокам. Символику пальцев на руке можно рассмотреть в контексте числовой символики. Традиционно цифра пять, связана с человеком – это образ человеческого тела, с его головой и четырьмя конечностями.

Хамса получила название «Рука Фатимы» по имени единственной дочери пророка Мухаммеда, с именем которой связывают многие чудеса. Говорят, что однажды Фатима готовила еду на огне, помешивая ее ложкой, в это время муж Али привел в дом новую жену. Фатима, убитая горем, от неожиданности выронила ложку, но продолжила помешивать еду рукой, не чувствуя боли. С тех пор рука Фатимы стала символом терпения и веры. Этот амулет символизирует благословение, силу, власть, счастья, процветание, благородства, здоровье, благополучие, а также рассматривается как мощный талисман от сглаза, несчастья.

В сказках славян описывается жильё Бабы-Яги. Баба-Яга живет в дремучем лесу. Её избышку окружает забор из человеческих костей с черепами на столбах. На воротах вместо запора - руки. Вместо замка – рот с острыми зубами.

В работах языковедов исследуется семантика и функция соматизмов. В русском и азербайджанском языках лексема *рука* полисемантическая. В словарях отмечено одно прямое значение слова *рука* «каждая из двух конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев», а остальные значения слова *рука* употребляются в переносном смысле и участвуют в образовании фразеологизированных словосочетаний. Соматические фразеологизмы

с компонентов *рука* занимают ведущее место во всех языках и обладают большими возможностями для образования фразеологизмов, характеризующихся устойчивостью, большой частотностью употребления и разветвленностью семантической структуры.

В образовании фразеологизмов определенную роль играет способность лексемы *рука* к абстрактности.

В языке они могут выражать положительную характеристику человека. *Рука* - символ власти, права, силы, руководства, управления, олицетворение правильного пути, который также выступает своеобразным атрибутом изображения Фортуны.

Имеются фразеологизмы, обладающие позитивным эффектом, положительной коннотацией: о везучем человеке – *легкая рука* – *əli yüngül*; оказывать особое расположение кому-либо, проявлять большое внимание к кому-либо; баловать предупреждать все желания, выполнять прихоти – *носить на руках (кого)* – *əllərində gezdirmək/əldə gəzdirmək/əлиндən yəрə qoymamaq/əl üstündə daşımaq /qolları üstündə gəzdirmək/qıcağından yəрə qoymamaq/ayağını yəрə deyməyə qoymamaq/gözü üstündə saxlamaq*; *просить руки* – *elçi düşmək*; взаимопомощь – *протянуть руку/протянуть руку помощи* – *yardım əlini uzatmaq, kömək əlini uzatmaq* – помочь кому-либо; *рука об руку/рука в руку* – *əl-ələ/əlbir olub/əl-ələ verib* – взявшись за руки, сообща, дружно бороться/работать; способ совершения совместного действия; *у кого щедрая рука, у того открытая душа* – *əliaçıq adamın ürəyi də açıq olar – əliaçılıq etmək* – раздавать не скупясь; характеристика способностей, качеств человека; *в надёжных руках* – *təhlükəsiz /etibarlı əllərdə* – ответственность, опека; *рука руку моет* – *əl əli yuyar* – действия в интересах друг друга; *играть/сыграть на руку* – косвенно помогать, содействовать своим поведением, своими действиями кому-либо; Фразеологические выражения с компонентом *рука* характеризуют личность человека. Они базируются на переносе: качества *руки* – качества человека. Такие соматические фразеологизмы могут выражать в двух сопоставительных языках положительную характеристику человека. Например, *правая рука* – *sağ əli* – первый помощник кого-либо; *большая рука* – *əliuzun, güclü arxa, dayaq*; *длинные руки* – *əliuzun* – большие связи, большая власть; человек, наделенный высокой степенью власти; *сильная рука* – *imdada çatan əl* – человек с сильной волей, характерам, занимающий важную должность; *твердая рука* – *güclü əl, möhkəm idarə* – *держат в руках бразды правления*;

Значение владения самим собой, обладания или приобретения власти, управления, руководства: *держат себя в руках/держат в руках/взять в свои руки/брать в руки* – *özünü ələ almaq/özünü saxlaya bilmək/əl ayaq yığışdırmaq* – не давать воли чувствам; *забирать в руки/брать/взять в свои руки* – *əldə saxlamaq*; *иметь в своих руках/иметь руку* – *əldə elmək*; *держат в руках/под сапогом/в узде* – *əldə saxlamaq*; *с руками рвать* – *əldən-ələ qartmaq* – нарасхват раскупать; *обеими руками ухватиться/схватиться* – *dörd əllə sarılmaq/yarışmaq*.

В отличие от предыдущих соматических фразеологизмов с тем же значением, следующие фразеологизмы имеют негативный оттенок: *взять в руки* – *ələ/əlinə keçirmək*; *прибрать к рукам* – *öz əlinə almaq/keçirmək/əлиндən qartmaq*; *взять все, что есть под рукой* – *əlinə keçəni götürmək*; *попадать кому-либо в руки* – *əlinə keçmək*; *быть под рукой* – *подручный*.

В качестве компонента фразеологических единиц слово *рука* символизирует труд, трудолюбие: *золотые руки /умелые руки* – *əlləri qızıldır*; *мастер на все руки /на все руки мастер* – *əлиндən hər iş gəlir/əli işə yaraşır* – о том, кто умело, искусно всё делает, справляется с любой работой. В них описывается физическое состояние человека, возникшее в результате работы – *руки отваливаются* – *əllərim qırılır/qolları qırılır/ qolları sınır* – кто-либо очень устал от работы; *на скорую руку* – *əliüstü*; *живой рукой* – *əliüstü quş kimi*; *мозолить руки* – *əllərini qabar etmək/əllərinin qabarını çıxarmaq* – много работать, тяжело трудиться; *дело горит в руках/ в хороших руках все горит* – *əлиндə işi yanır/əli işi axtarır*; *рук не покладать / не покладая рук работать/ не покладая рук* – *əlİ boş durmadan* – употребляется в значении

прилежно работать, работать сверх нормы; усердно трудиться; *с руками нигде не пропадешь* – *aldən zirəkdir/aldən-dəldən zirək/qollarını çırmayıb işə girişmək* – засучив рукава, приступить к какой-либо работе – бойкий/ловкий/расторопный человек.

В предыдущей группе фразеологизмов с компонентом *рука*, соматизм *рука* выступает как символ деятельности. Термин *рука* может выражать также противоположное действие – нерасторопность, нежелание, неумение работать, медлительность, лень, безделье, недобросовестность в работе: *сидеть сложа руки/сидеть барином/валять дурака* – *əlini ağdan qaraya vurtmaq/əlini əlinin üstünə qoyub oturmaq* – терять время попусту; *руки в боки, глаза в потолок ходит* *руки в брюки* – *əli cibində gəzmək/alləri arxada gəzmək/əli bəldə gəzmək* – лодыря гонять; слоняться; болтаться; бездельничать; *белоручка* – *əlini ağır işə vurtmayan/əlini vurtmaq/əli dəutətək* – неженка, не умеющий работать человек; *у него/нее из рук все валится* – *əliküt*; *заломить руки за спину* – *əllərini dalına qanırmaq*; *руки опускаются* – *əlləri yanına düşmək* – падать духом; *руки не отвалятся* – *əlləri qorub düşməz* – принуждение к труду; *призыв сделать/делать что-либо; рук не хватает/оставаться без рук* – *əl çatmır* – нехватка рабочей силы; не ладится что из-за отсутствия соответствующего настроения, желания, сил и т.п.

Немалая доля фразеологических единиц приходится на фразеологизмы, символизирующие жесты и характерные действия – психическое и физическое состояние человека. С помощью жестов рук производились многие важные ритуальные действия, что закрепилось в целом ряде фразеологизмов: соединение рук является символом связи, согласия: *ручается, т.е. принимать на себя ответственность за другого; рукопожатие* – *əlini sıxmaq* – жест приветствия, дружбы; *ударить по рукам* – *əli ələ vurmaq* – утвердить сделку, согласиться; *положа/положив руку на сердце* – *əlini döşünə qoymaq/əlini ürəyini üstünə qoymaq* – честно, чистосердечно говорить; *не подавать руки* – *əлиндən tutmaq*; *из рук в руки/в собственные руки/передать из рук в руки* – *əlbəəl* – непосредственно, лично передавать что-то кому-то.

Далее по количеству соматических ФЕ с компонентом *рука* следует группа фразеологизмов со значением образа действия, образованных на основе вторичного переноса по сходству впечатления: *обоими руками подписаться* – *dörd əlli sarılmaq*; *с пустыми руками* – / *приходить с пустыми руками* – *əliboş/əliboş gəlmək/əli ətəyindən uzun* – ничего не взяв с собой; *живой рукой* – *əlibol*; *передать с рук на руки* – *əldən-ələ vermək*; *размахивать руками* – *əlini ölçmək/əl-qolunu ölçmək* – жестикулировать руками; *ухватиться обеими руками (за что)* – *bir işə iki əliylə yapışmaq/tutmaq/bir işdən ikiəlli yapışmaq/möhkət yapışmaq* – с удовольствием согласиться с каким-то предложением; *умывать руки* – *əllərini yumaq*; *рука руку моет* – *əl-əli yuyar, əl də üzü* – услуга за услугу; *смотреть в руки* – *əlinə göz dikmək*; *держаться рука об руку* – *əl-ələ vermək*; *ходить с протянутой рукой* – *əl açmaq* – попрошайничать, просить милостыню; *связывать руки /связать кого-либо по рукам и ногам/ быть связанным по рукам и ногам* – *əлиндə girinc olmaq/əli-qolu bağlı olmaq/əlini-qolunu bağlamaq/əl ayağını bağlamaq*; *связывать руки* – *əlini tutmaq/qolları yanına düşmək* – мешать; *продавать/торговать с рук* – *əldən vermək*; *рука не поднимается* – *əli qalxتماq* – не хватает решимости; жалеть; никак невозможно совершить действие из-за внутреннего запрета; *брать под руку* – *qol-qola getmək* – идти, опираясь рукой на чью-либо согнутую в локте рук; *умереть на руках* – *əлиндə ölmək*; *выпускать из рук/пропускать мимо рук* – *əlinə qaçırmaq*; *держат в руках* – *əлиндə saxlamaq*; *ускользать из рук/уплывать из рук* – *əлиндən çıxmaq*; *ускользнуть из рук* – *əлиндən getmək* – потерять что-либо; *развязывать руки* – *əl-qolunu açmaq/əl ayaq açmaq*; *проходить через руки* – *əлиндən gəlib getmək*; *есть из чьих-либо рук* – *əлиндən uymək* – беспрекословно слушаться кого-либо; *к рукам приручать* – *ələ öyrətmək*; *подвернуться под руку* – *əlinə düşmək* – случайно находить что-либо; *ловкость рук* – *əlin*

məharəti; идти навстречу/вводить на дорогу/давать ход – *əl uzatmaq/ tutmaq* – оказывать содействие; руки коротки – *əli gödək olmaq/ əlim gödəkdir* – не достанешь; рука поднимется – *əli qalxmaq*; отдашь деньги руками, а ходишь за ними ногами – *əli ilə verib ayağı ilə axtarır*; быть воском/глиной/ пластилином в чьих-либо руках – *əлиндə tım olmaq/ əлиндə olmaq*; из первых рук – *birinci əl/mənbədə* – непосредственно от кого-либо, без посредников/узнать, получить; от руки /от руки переписывать – *əlnən* – почерк, письма; читать все подряд, что попадается под руку – *əlinə keçəni oxutmaq*; соглашаться с руками и ногами; охотно, с радостью – *əlli-ayaqlı razı olmaq*; на руках – *əldə olmaq* – о книге, во временном пользовании.

Фразеологизмы, связанные с рукоприкладством: тяжёлая рука (у кого) – *ağır əlli/ zindan əlli* – больно сильно бьет; поднимать/подымать/поднять руку – *əlini qaldırmaq/ əl qaldırmaq* – замахиваться на кого-либо, пытаться ударить, бить кого-либо; давать по рукам (кому) – *qabağını almaq, tövbələtmə vermək*; руки горят/руки чешутся – *əli qaşınmaq* – о большом желании что-либо сделать; о желании подраться; держать руки при себе – *əlini özündə saxlamaq*; распускать/распустить руки/ пускать в ход(свои)руки/ давать волю рукам – *əllərini işə salmaq* – бить кого-либо; с тяжёлой рукой/тяжел на руку – *əli gurğuşun*; скор на руку – *əldən iti*; горячий на руку; скор на расправу – *əldən iti*.

Фразеологизмы с компонентом *рука* рассматриваются как результат участия в каком-либо нечистом деле, нехорошем деле: обгрить руки кровью – *əlini qana bulamaq*; руки марать/ марать руки/начкать руки/ испачкать руки кровью м *əl bulaşdırmaq/əlini qana bulamaq/əlini qatmaq* – убить кого-либо; нечист на руку/быть нечистым на руку – *əli əyridir/ əli təmiz olmataq* – быть вором; его/ее/твоих/наших/их рук дело – *əli var*.

Термин *рука* носит символический характер – символ богатства, орудие приобретения материальных благ, причем часто нечестным путем: греть руки – *əliəyriklə dövlətlənmək – əliəyriyə gətmək/uyumaq/oğurluq edərək zəngin olmaq*; чужими руками легко жар загребать пользоваться плодами чужой работы; длинные руки – *əliəyri/əli uzun* – человек, который ворует; наложить руку/наложить лапу/прибрать к рукам – *əl qoumaq*;

Некоторые фразеологизмы с компонентом *рука* выражают негативную коннотацию или оценку: переходить из рук в руки / ходить по рукам/ ходить из рук в руки/из рук в руки/ пойти по рукам/ гулять по рукам/с рук на руки/ в руки – *əldən ələ kəçirmək/ vermək – əldən-ələ gəzmək/ əl-əl gəzmək/əllərə düşmək* - иметь неофициальное распространение; о женщине-проститутке; передаваться от одного человека к другому передаваться от одного человека к другому.

Соматические фразеологизмы со значением потери чего-либо, его неимением или избавления, а так же недостаточности делаемого: из рук вон – *əldən düşmək*; уйти из рук – *əлиндən buraxmaq/çıxartmaq* – прозевать, упускать, упускать из виду/выпускать из виду; выпускать/выпустить из рук – *əлиндən qaçırmaq/ əлиндən çıxmaq* – лишиться чего-либо; *əлиндə deyil – не в руках – не в силах*.

Фразеологизм *из первых рук – tək/birinci əl* - имеет значение без посредников, непосредственно от кого-либо; надёжный, верный; тогда как фразеологизм *из вторых/ третьих рук – ikinci/üçüncü əl* - имеет значение как менее надёжный и верный, так как *не первая рука*.

Среди типов межъязыковых фразеологических соответствий фразеологических единиц с компонентом *рука* в азербайджанском и русском языках имеются также аналоги со сходным сигнификативно-денотативным и коннотативным компонентами значения, но разным или частично схожим компонентным составом.

В этом фрейме соматических фразеологизмов с компонентом *рука* в большей части наблюдаем одинаковую образность и семантическую эквивалентность, но в тоже время имеются случаи расхождения образности (рука – нога; рука – кулак, мизинец, локоть,

шея, нос; *əldən düşmüş* – без задних ног – не в состоянии двигаться от усталости; *əl-ətək elətək* – валяться в ногах – умолять, просить; *əl/ əlini üzmək* – терять почву из-под ног/ потерять землю из-под ног; *əldən düşmüş* – без задних ног; быть не в состоянии двигаться от усталости; *əl ayağı boşalmaq* – валиться с ног; вбиваться из сил/быть без задних ног/ сбиться с ног; *əldən salmaq* – валить с ног утомлять кого-либо; *ələ baxmaq* – висеть на шее: быть на иждивении, быть материально зависимым; *əl altından* – за спиной, тайно; *əli boşa çıxmaq* – остаться на бобах/оставаться с носом; не достигать желаемого; *əlində tum ələmək* – зажимать в кулаке/держать в кулаке; *əlinə su tökməyə yaramaz* – мизинца не стоит/в подметки не годится; *əl ovuşdurmaq* – кусать локти; *əllərinin ləhməsi axır* – траур под ногтями/грязь под ногтями; *əli ətəyində olmaq* – бить челом; почтительно просить о чем-либо; *əli yarmaq* – ломать, сломать, обломать зубы на чем-либо; *əlīm çatmayan armud-babamın xeyratına* – видит око да зуб неймет/видит собака молоко, да рыло коротко; *əlində zəncir çeypmək* – точить, вострить, острить зубы/иметь зуб; *əl ayağı soyumaq* – смежить очи/испустить дух; *ələ salib oypatmaq* – натянуть нос/наставить нос; дурачить, издаваться; *əlini dizinə vurmaq* – кусать локти/рвать на себе волосы; *əlini ətəyində qoymaq* – оставить с носом; *əldən buraxtamaq* – упускать из глаз/не выпускать из виду; *əlini isti sudan çıxardıb soyuq suya saltamaq* – пальцем не шевельнуть/пальцем не двинуть; *əlinin içində* – как на ладони; что-либо ясное и понятное; *əl qatmaq* – совать свой нос – вмешиваться в какое-либо дело; *əl tapmaq* – заткнуть за пояс/натянуть нос – превзойти, пересилить; *ələ baxmaq* – висеть на шее – быть на иждивении; быть материально зависимым; *əl altından* – за спиной, тайно, исподтишка; *ələ salib oypatmaq* – натянуть нос – дурачить, издаваться; *ələ vertək* – выдать с головой – обнаруживать причастность кого-либо к чему-либо; *əlini ətəyində qoymaq* – оставить с носом /вернуть кольцо; *əldən buraxtamaq* – не упускать из глаз/не выпускать из виду; *əldən-ayaqdan getmək* – смотреть/глядеть в зубы; телячьи нежности; чрезмерный восторг; *əl bulaşdırmağınə dəutəz* – овчинка выделки не стоит/игра не стоит свеч; *əldən qədən ələ gəlməz* – с возу упало – пиши пропало; *əldən qarılaraq satılmaq* – идти с колес; продаваться или раскупаться нарасхват; *ələ çiraqla axtarmaq/ əliçiraqlı axtarmaq* – искать днем с огнем/искать с фонарем; *əlində tutmasan əgər sübut ədə bilməzsən* – не пойман не вор; *əlləri və ayaqları üstündə durmaq* – стать одновременно на обе руки и ноги; *əlləri və ayaqları üstündə durmaq* – стать одновременно на обе руки и ноги; *əlləri bumbuzdur* – руки как ледышка; *əllərim qaşınır* – руки чешутся/руки зачесались – о большом желании что-либо сделать и т.д.

В азербайджанском языке имеются фразеологизмы, которые при их семантически тождественны фразеологизмам русского языка, но вместе с тем обладают частично иной образностью. Например, в некоторых соматических фразеологизмах азербайджанского языка функционируют компоненты *əl-ayağ* (руки-ноги), а в русском языке компонент *əl* опускается и функционирует только компонент *ноги*: *əl-ayağa dolaşmaq* – путаться под ногами/вертеться под ногами; *əl ayağını izatmaq* – протянуть ноги; умереть; *əldən-ayaqdan olmaq* – сбиться с ног; *əl ayağı boşalmaq* – валиться/ сбиться с ног; вбиваться из сил/ с ног; *əl-ayağa dolaşmaq* – путаться под ногами/вертеться под ногами; *əldən salmaq* – валить с ног – утомлять кого-либо и т.п.

В азербайджанском языке имеются фразеологизмы вышеупомянутой группы, которые при их семантической тождественности фразеологизмам русского языка, но вместе с тем обладают частично иной образностью. Характерно это, например, и для соматических фразеологизмов азербайджанского языка с компонентом *qol-qanad* (руки-крылья), которые в русском языке заменяется только компонентом *крылья*, а компонент *qol* (рука) опускается: *qol-qanad vertək* – придавать крылья/окрылять – воодушевлять; *qol-qanadı qırılmaq* – опускаться/обламываться крылья – становиться пассивным, инертным; *qol-qanadını kəsmək*

– подрезать/подрезать крылья/крылышки – лишать возможности проявить себя; *qol-qanad açmaq* – расправлять крылья.

Многие из фразеологизмов этой группы азербайджанского языка не имеют фразеологических эквивалентов в русском, например: *əlləri xınada olmaq* – лодыря гонять; бездельничать; *əl ayağı düz* – порядочный, честный; *əlibişmiş* – неумеха; *əl ilişdirmək* – взяты за какую-либо работу; начать заниматься; *əlini hər işə atmaq* – браться за любое дело; справляться с любым заданием; *əлиндən bir iş gəlməyən çox danışan olar* – кто много говорит, тот мало делает; *əlini əlinə vurmamaq* – сидеть как на именинах; *əli aşağı düşmək* – сидеть на бобах; разориться, бедствовать, обанкротиться; *əl çirki* – зеленые, деньги; *əli pul ilə oynayır* – быть при бабках; *əli əsmək/titrəmək* – дрожать над каждой копеечкой; жадничать, быть бережливым; *əli əyrilik etmək* – набивать себе карман, воровать; *əlini cibinə salmaq* – раскошелиться, платить, тратить деньги; *əлиндən cana gəlmək* – достать кого-либо/действовать на нервы; *əliyalın olmaq* – быть безоружными; *əlinin duzu yoxdur* – о человеке достоинство и заслуги которого не оценивают должным образом; *əlini öpür* – готов/быть в твоём/вашем распоряжении; *əldən zirək* – бойкий/ловкий/расторопный человек; *əl ayağı salmaq* – вызвать суету/суматоху; *əl ayaq elmək* – показывать рвение, стараться; *əl ayaq oynatmaq* – угрожать; *əl-əl üstə dayanmaq* – покорно стоять; быть готовым выполнить приказ; докучать кому-либо своей назойливостью; *əl etmək* – подзывать кивком/кивать; *əl ayağını yığmaq* – указать свое место; *əl gəzdirmək* – наводить порядок; *əl tərпətmək* – не мешкаться/усердствовать; *əl-qol ilə danışmaq* – сильно жестикулировать во время разговора; *əl-qol açmaq* – успешно расширять какое-либо дело; *əli döşündə dayanmaq* – стоять покорно/заискивающе; *əlinə bəl vermək* – подзадоривать/разжигать страсть; *əl-qol açmağa qoymamaq* – задира́ть, не давать хода; *əldə etmək üçün əлиндən gələni etmək* – идти на все ради достижения своей цели; *əлиндən gələni etmək* – свернуть горы; *əлиндən gələni hər şeyi etmək* – приложить все усилия, не щадя сил; *əliboş qayıtmaq/dönmək* – вернуться несолоно хлебавши; *əli üzündə qalmaq* – диву даваться, удивляться; *əl ayağı yerdən üzülmək* – диву даваться, поражаться; *əl ayaq tərпətmək* – действовать живо; не мешкать; *əl atmaq* – прибегнуть к чему-либо; *əl ayağını kəsmək* – лишить кого-либо возможности что-нибудь делать; *əl ayağını qayıtmaq* – привести в порядок, в надлежащий вид; *əl ayağını toplamaq* – собраться с духом/набираться духу; *əldən-ayaqdan uzaq düşmək* – быть подальше от всех; *əldən-ayaqdan diri* – на ходу подметки рвет/ржет; смел в делах, изворотлив; *əl-ayağa düşmək* – засуетиться, всполошиться; *əl ayaq yığılmaq* – опустеть; стать безлюдным; *əldən-ayaqdan uzaq düşmək* – быть подальше от всех; *əldən-ayaqdan diri* м на ходу подметки рвет/ржет; смел в делах, изворотлив; *əl-ayağa düşmək* м засуетиться, всполошиться; *əl ayaq qalmaq* – между двух огней; *əl ayaqdan uzaq yer* – медвежий угол; глухое место, глушь; *əl çəkmir* – спасу нет, надоел, замучил; *əl ilə yoxlayaraq* – на ощупь; *əl-qolu açmaq* – давать волю; освободиться от того, что стесняет, сковывает; *əl qoymağa yer yox* – пробу негде ставит; *əl mənim, ətək sənin* – ради Бога/умоляю тебя; *əl üstündə əl var* – есть человек посильнее; *əl üstündə gəzmək* – быть в цене; *əl yeri* – оставить зацепку; *əldə edilən şeydir* – дело наживное; *əldə etdiyi ilə kifayətlənmək* – довольствоваться достигнутым, не стремясь к большему, лучшему; *əldə etmək* – добиться, достигнуть что-либо; *əldə tutacaq etmək* – сделать что-либо поводом/зацепкой; *əldən getmək* – любить до безумия/любить без памяти; *əldən qaçırmaq* – прозевать; *əldən qalan əlli il qalar* – промедление опасно; *ələ keçirmək* – попадать в чье-либо распоряжение; *ələ salmaq* – попытка одурачить; *əl-əldən üzüldü* – связь прервалась; *əl-ələ, baş-başa* – душа в душу, дружно, сообща; *əli ağır olmaq* – быть невезучим; *əli bala batmaq* – найти счастье в чем-нибудь; испытывать наслаждение жизни; *əli boş getmək* – уйти, остаться ни с чем не получив ничего; *əli çörəyə çatmaq* – выйти/выбиться/пробиться в люди; *əli dinc dayanmamaq* – *rahat durmamaq* – давать волю рукам; обнимать, трогать кого-либо; *əli ətəyindən uzun qayıtmaq* – зная не больше,

чем раньше; *əli hər şeydən çıxmaq* – оказаться в полете; *əli hər yerdən üzüldü* – куда ни кинь, кругом клин; *əli iş tutan* – трудоспособный; *əli işdə olmaq* – заниматься чем-нибудь; *əli kəsilmək* – лишиться чего-нибудь; *əli qələm tutan* – грамотный; умеющий читать и писать; *əli qoynunda, boynu çiyində* – жалобно/уныло/кротко; *əli olmataq* – ни сном ни духом; *əli soyumaq* – падать духом; потерять охоту; *əli yetiştirmək* – достигать, добиваться, успевать; *əlim-ayağım sənə dəyərmiş* – подобру-поздорову; по-хорошему, без скандала; *əlimi yaxşılığa doğru uzatdım* – когда кто-либо перебивая говорящего, встревает в разговор; *əlimin içindən gəlir* – и хорошо сделал(а)/хорошо и делаю; *əlimizdədir – hərşey əlimizdədir* – все схвачено; все контролируется; *əlimyandı ilə iş görmək* – пороть горячку/картину гнать; торопиться; *əlimyandıda qalmaq* – становиться в тупик; очутиться в безвыходном положении; *əлиндə alət olmaq* – быть на поводе у кого-либо; *əлиндə qalmaq* – под каблуком; беспрекословном подчинении; *əлиндə nə olsa, alib gəlmək* – быть палочкой-выручалочкой; *əлиндə-ovcunda qalsın* – пусть живет и здравствует – выражение пожелания здоровья новорожденному; *əлиндə oynatmaq* – вить веревки; всецело подчинять кого-либо своей воле; *əлиндə səbəbi hüququ olmadan bir şey etmək* – не иметь оснований, права сделать что-либо; *əлиндən dada gəlmək* – быть доведенным до белого каления; *əлиндən gəlmək* – от него/нее этого можно было ожидать; *əлиндən gələnə beş qaba çək* – можешь сделать все что хочешь; *əлиндən gəlsə mənə bir qaşığı suda boğar* – он/она ненавидеть меня всеми фибрами души; *əлиндən iş gəlməyinin aləti pisdir* – у плохого мастера всегда инструмент виноват; *əлиндən su dammaz* – зимой снега не выпросишь (об очень скупом человеке); *əлиндən su içmək* – перенимать чужей-то характер/как две капли воды похожи; *əлиндən уаха qurtarmaq* – избавиться, освободиться, спастись от кого-то; *əлиндən уığmaq* – лезть в бутылку/взбелениться; сердиться на кого-либо; *əлиндən zağ-zağ əsmək/əлиндə tir-tir titrəmək* – трепетать; *əлиндəyət* – быть во власти кого-либо; *əlinə baxmaq* – жить за чужой счет; *əlinə belə su tökməyə layiq olmataq* – в подметки не годиться/недостойн; *əlinə çör verəg* – даст десять очков вперед/даст фору; *əlinə göydən düşmək* – как будто, словно, точно с неба свалился; *əlini ayağını уığmaq* – поставить на свое место/приструнивать/подтянуть; *əlini başına уığmaq* – собираться с мыслями; приходиться в себе; *əlini bənd etmək* – браться за какое-либо дело; *əlinin altında olmaq* – быть на побегушках у кого-либо; *əlinin altında saxlamaq* – вести кого-либо на поводе; держать в подчинении; *əlsiz-ayaqsız* – беспомощный как младенец; *əlli-ayaqlı olmaq/əlli-ayaqlı* – быть шустрым; крутым; *əlli-ayaqlı itirmək* – стереть в мелкий порошок; *əlli-ayaqlı itmək* – как-будто, словно, точно в воду канул; *əldən düşənə qədər döymək* – избить до потери сознания; *əldən düşənə qədər içmək* – напиться до потери сознания; *əлиндə əsir olmaq* – быть в руках; *qolları arasına almaq* – заключить в объятия; *qolaylanaraq bir kəsi vurmaq* – с размаху/со всего размаху/изо всех сил; *əliaşağı olmaq* – садиться на мель и т.п.

Некоторые фразеологизмы азербайджанского языка находятся в антонимических отношениях: *əldən qoymaq* – оставлять/отвязаться; *əldən qoymatmaq* – не оставлять/ не отвязаться; *əlini dinc qoymaq* – никого или ничего не трогать; *əlini dinc qoymatmaq* – не стоять или не сидеть спокойно; *əl çəkmək* – бросить что-либо; перестать делать что-либо; *əl çəkməmək* – стоять над душой/торчать над душой; *əl vermək* – выгодный/пригодный; *əl verməmək* – невыгодный/непригодный; *əldən tutma* – помощь, содействие поддержка; *əldən tutmaq* – поддержать, помогать; *əli gətirmək* – все удаётся, везет; *əli gətirməmək* – совсем не везет; *əli qiymaq* – не жалеть; *əli qiymatmaq* – жалеть/щадить; *əli yatmaq* – быть по душе; *əli yatmatmaq* – быть не по душе; *əliaşiq olmaq* – быть очень щедрым, великодушным и т.п.

Многие из русских фразеологизмов этой группы не имеют фразеологических эквивалентов в азербайджанском языке, например: *под сердитую, веселую руку; руки согрешили, а спина виновата; попасть под горячую руку/ под горячую руку; попадешься в руки – натерпишься муки* – нарваться на плохое настроение; *руки ценят не по рукавам,*

а по делам; руки-то золотые, да горло медное; рука коротка, да ноготок длинный; руки длинные, ум короток; руки-то у него золотые, да ум дурак; руки – крюки: не тем концом воткнуты; руки не тем концом вставлены; брать ноги в руки – быстро убежать не владеть собой, не контролировать себя; рукам воли не давай; руками жизнь не уложишь; руки не протянешь, так и ложки с полки не достанешь; быть обеими руками «за»; се ниточки в руках; своя рука владыка: чего хочет, то и ворочит; рука согрешит, а голова отвечает; руки работают, а голова кормит; как рукой сняло – быстро исчезло, прошло; дать по рукам – наказать, отучить; рука руку моет, вор вора кроет; ловить за руку; дойти до ручки; довести до ручки; всплеснуть руками; валиться из рук; набить руку – приобрести навык; махнуть рукой – перестать обращать внимание; наложить на себя руки; играть на руку; протирать руки; предлагать руку и сердце; рука руку моет и обе белы бывают; рука руку моет и обе хотят быть чистыми; того не будет, чего в руки не дают и т.п.

Связь соматизмов с реалиями окружающего мира объясняется функциональными свойствами частей тела человека и его символизацией.

Широкое использование и сочетаемость слова *рука* /ə/ в составе фразеологизмах русского и азербайджанского языков объясняется важнейшими функциями этого соматизма.

Следует отметить, что при адекватной семантике определенные подтипы этой группы фразеологизмов имеют совпадающую структуру и образность, а другая часть обладает народной образностью, что объясняется национальным колоритом языка. Во ФЕ с компонентом *рука* отображаются национально-культурные различия языков.

Анализ семантических групп соматических фразеологизмов с компонентом *рука/ə* в лексике русского и азербайджанского языков позволяет отметить, что в азербайджанском языке больше фразеологических единиц с соматизмом *рука*, чем в русском, в том числе и безэквивалентных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. 576 с.
2. Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Вакк Ф. Таллин, 1964. 24 с.
3. Назаров О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: дис. канд. филол. наук / Назаров Отуз. Ашхабад, 1973. 203 с.
4. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1980. 143 с.

**ABOUT SOMATIC COMPONENT PHRASEOLOGISMS HAND IN RUSSIAN
AND AZERBAIJANI LANGUAGES**

Mammadova Elmira Seidmammad (Baku)

doctor of philology, professor

Baku Slavic University

Department of General and Russian linguistics

E-mail: e-mamedova@mail.ru

Somatism is one of the oldest and significant part of the vocabulary of any language. Recently, linguistics significantly expanded range of studied objects and phenomena, and one of these objects was the human body. The problems of the Articles fits into anthropocentric paradigm of studies looking at the linguistic picture of the world, the study of the influence of factors on the human body language to determine its place in the linguistic culture. Somatic component arm is pivotal for phraseology in two comparable languages. This component is the most productive in the formation of somatic frazeologizm-somatism.

Phraseological units with somatic components refer to the vertices of the human body as depicted in the linguistic consciousness of different peoples and express wisdom, conventional truths. Construction of frame-based phraseological units gives us an idea of how concepts such as arm or leg are derived from the phraseology of Russian and Azeri languages.

Key words: phraseology, phraseological units, somatic terms, arm, leg, Russian and Azeri languages.

**БАШКИРСКИЙ СОМАТИЗМ ТУЛ ‘ПЛОД’:
ЭСКИЗ СВЕРХДАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СРАВНЕНИЯ**

Нафиков Шамил Валеевич

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания,
Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.
E-mail: nafiqoff@mail.ru

Тема и проблема статьи – изучение в сопоставительном плане конкретного соматического термина из башкирского языка *тул* ‘плод’. Цель автора – поиск вероятных сближений в русле т. н. сверхдального сравнения языков и/или макросемей (англ. long-range comparison). Новизна предлагаемого эскизного обзора несомненна, так как в современной тюркологии подобные исследования весьма немногочисленны, несмотря на ряд работ, аналогичных книге О. Сулейманова «Аз и Я» (1985 года), которая имеет, как известно, научно-популярный характер. Релевантность предложенной проблематики в XXI веке достаточно высока. Результаты по основному содержанию статьи: башкирский соматизм *тул*, resp. его тюркские и алтайские соответствия проявляют общность со своими коррелятами в (гипотетических) макросемьях языков мира: ностратической, сино-кавказской, америндской и австрической.

Ключевые слова: соматизм, тюркские языки, алтайская семья, сверхдальнее языковое сравнение, гипотетические филии (макросемьи), общие лексические единицы.

Вводные замечания. Названия частей тела (соматизмы) – один из классических элементов основного словарного фонда всех языков. В тюркологии эта тематика получила освещение во многих работах. См. в списке литературы: [Егоров, 1964; Золотницкий, 1875; Историческое развитие..., 1961]. Из публикаций последнего времени особенно выделяются обстоятельное исследование московского тюрколога А.В. Дыбо [Дыбо, 1997]. Из зарубежных авторов стоит отметить специальную статью голландского компаративиста И. Радера [Rahder, 1964/1965], однако в последней вынесенная в наш заголовок лексема отсутствует, хотя сравнительный материал насчитывает многие сотни слов со всех языковых семей народов мира.

Цель предлагаемой вниманию тюркологов и других специалистов статьи – представить возможные сближения, общие слова в плане т. н. сверхдального языкового сравнения (англ. long-range comparison) в масштабе 4-х (гипотетических) макросемей, как-то: ностратической, сино-кавказской, америндской и австрической.

Фактический сопоставительный материал

I. Ностратическая макросемья.

Тюркское *дөл* ‘потомство, семья’ [Севортян, 1980, т. 3, с. 274], очевидно, является первоосновой таких башкирских слов как *тул* ‘плод’, ‘яичник (у птиц)’ и дериватов наподобие *туллек* ‘яичник; семяприемник’; *туллә-* ‘размножаться’ и т. п.

Авторы полагают, что однокоренным соматизмом выступает пратюрк. **d(i)a:l-ak* ‘селезенка’, среди рефлексов которого находим др.-уйг. *tal*, тур. *dalak*, башк. *talaq*, як. *ta:l* в значении ‘селезенка’. См. подробнее [Севортян, 1980, с. 138–133] и подобные источники; возможно, сюда же ТМ **dilba* ‘брюшина, диафрагма’ и кор. **tira* ‘селезенка’... [Дыбо, 1997, с. 279].

В свете этих алтайских сопоставлений, с которыми мы полностью согласны, в качестве изоглоссы или лексического сближения предлагаем башкирский глагол *toroq-*

‘оплодотворить, случаться’ (о животных). Далее автор оперирует понятиями L-овая форма и R-овая форма обсуждаемых в статье лексем. В таком случае кор. **tira* и башк. *toroq-* есть примеры R-овых форм по существу одного и того же корня, где L-овые формы полагаем за более первичные. Подробное обоснование такого подхода, тем не менее, выходит за рамки настоящей статьи.

В ареале алтайских языков имеются многочисленные примеры слов (не соматизмов) со схожим фонеморфологическим обликом, а именно в R-овой форме: кирг. *tөр-кин* ‘родители и родня жены’, тув. *tөр-(e)л* ‘родственник, родственный’; турк. *dөре-мек* и хак. диал. *töre* ‘рождатые’; якут. *törö-* ‘рождать, родить, рожать, разрешаться от бремени, телиться’. *Confero* далее бур. *түрөл* ‘родня’, калм. *төрл* ‘родня, рождение’, монгол. *түро-* ‘рождатые’, сол., эвенк. *түрул* ‘родственник’, см. [ТМС, II, с. 221]. Сходные глоссы встречаются и в кыпчакских языках, в том числе в регионе Поволжья.

Автор предлагает как вероятный этимон перечисленных выше лексем реконструкт, предложенный В.Иллич-Свитычым, а именно *t'urA* ‘рожать, родить’ [Иллич-Свитыч, 1976, № 361].

L-овые формы, функционирующие в алтайских языках как соматизмы, можно встретить в фундаментальном «Алтайском этимологическом словаре», далее – EDAL, см. праалт. **t'ōli* (~ -e) ‘грудь’; **dile* ‘вымя’.

II. Сино-кавказская (палеоевразийская) макросемья.

В ряде языков аборигенных народов, обитающих в обширном ареале распространения сино-кавказских (СК) языков встречаются лексем-соматизмы, (весьма) сходные с башк. *түл*, что явствует из таких сближений как кет. *tudje*, котт. *thu-tul(i)*, юкаг. *šole, šolje* ‘кишка’ [Trombetti, 1926/1928, p. 227].

В значении ‘кровь’ в литературе отмечены слова из ареала атапаскских языков на севере и в более южных районах Северной Америки: эйак *del*; из атапаскских чипевьян *del*, тутутни *dəl*, навахо *dil*. Праатап. форма **del*; ? бурушаски *del* ‘содержимое яйца’; баск. *odol*. В значении ‘ягодицы’ тот же автор приводит эйак *i'ij*; като (атапаскская семья) *i'a*, маттоле *i'ah?* [Ruhlen 1994, гл. 5, с. 96].

III. Американдская макросемья.

Приведенные в предыдущем подразделе соматизмы из языков т. н. палеоазиатских народов в цитированной работе А. Тромбетти представлены в качестве параллелизмов в ряде языков американских индейцев: атакапа (язык из гр. галф, юг Северной Америки) *tol* ‘podex’, суньи *toule*, в аравакских (север Южной Америки) – *tula* ‘кишки’, в суньи также *tsude*, с сибилантным анлаутом, в значении ‘кишка’. Возможно, к той же серии относятся слова в значении ‘сердце’; она (Огненная Земля) *tol*. Из апаче (атапаскский идиом на юго-западе Северной Америки) в значении ‘podex’ известен соматизм *til* [Trombetti, loc. et opus cit.].

Авторы известной ныне сводной работы по всем американдским языкам Дж. Гринберг и М. Рулен [Greenberg, Ruhlen 2007, p. 119] *tol* ‘анус’ из языка атакат и такелма *telkan* ‘ягодицы’ (семья пенути) сопоставляют с *doro* ‘пещера’ из языка каинганг (семья макро же, Южн. Америка).

Далее, цитированные выше ученые [с. 22 указ. соч. в словарной статье к реконструкту **talo* в значении ‘testiculi’ на материале языков из семейства пенути] приводят прасахапт. **ta:lo*, не-персе (‘пронзенные носы’) *ta:lo*, чоктав – *talop* ‘testiculi’.

Из хоканской семьи в Северной Америке названы прахока. **sul*, тонкава *cāl* (с = ts – авт.), сан антонио *solo*, также в значении соматизма. В индейском аборигенном языке караха (Бразилия) в языке женщин отмечено однокоренное (?), сходное слово-соматизм *tu* ‘vulva’, см. [сб. Scritti in onore di A. Trombetti, 1938, p. 114].

IV. Аустрическая макросемья.

На уровне реконструктов в статье [Hayes, 1999, p. 159] находим АН *[t]elur ‘яйцо’, в виде лексической параллели к чему дана лексема *thuul* ‘класть яйца’ из аустронезийского языка тавунг (Thavung). Фактический материал цитирован из исследований известного ученого П. Бенедикта.

В плане широких сопоставлений, но вызвавших скептическую реакцию многих ученых, принадлежащих перу известного французского этнолингвиста П. Риве [Rivet, 1926, p. 197] следует отметить лексические сближения между языками индейцев Северной Америки в лице семейства хока(нских) языков *tol, til* ‘anus’ и аустронезийскими *tore* ‘живот’ (из Меланезии), *tore* ‘vulva’; *tore* ‘penis’; *tol* ‘vulva’ (из Полинезии) и *tahlu* ‘живот’ из Полинезии.

Как явствует из сопоставительного материала по языкам весьма древней и обширной гипотетической аустрической макрофилии (syn. макрофила), многие сопоставимы с башк. *тул* по своим значениям и по форме своих (архе)типов.

Некоторые соображения по обсуждению полученных результатов

В современной компаративистике специфика сверхдальнего сравнения языков и/или их макросемей предполагает прием сопоставления на уровне реконструктов или праформ. Исходя из этого приведем нижеследующую цепочку сближений:

ностр. *t'urɫ* ‘рождать’: пра-атап. **del* ‘кровь’:

америнд. **talo* ‘testiculi’: аустронез. **[t]elur* ‘яйцо’.

Здесь ностратическая и АН лексемы представлены в R-овой форме, сино-кавказская и америндская глоссы – в L-овой форме; обращает на себя внимание такое древнее фонетическое явление как латеральный ауслат в атапаском реконструкте. Все слова в показанной цепочке суть не корневые морфемы, но основы с точки зрения словообразования, где вероятен корень типа ‘переднеязычный + полуширокий гласный’.

В семантическом отношении АН, америндская и палеоевропейские глоссы – соматизмы (в расширительном толковании); ностратическая форма входит в общее семантическое поле (рождать / яйцо / testiculus). С учетом специфики мышления древнего человека концепт ‘кровь’ может иметь отношение к ‘рождать’ и под.

Эскизный анализ башкирского соматизма *тул* ‘плод’ и его производных, тюркской родственной лексемы *dol* ‘потомство, семя’, пратюрк. **d(i)a:l-ak* ‘селезенка’, далее ТМ **dilba* ‘брюшина’, кор. **tira* ‘селезенка’, праалт. **dile* ‘вымя’ и сходных лексических единиц (в основном соматизмов) позволяет высказать предположение, даже утверждение: у нас есть основания считать данные тюркские, resp. алтайские слова когнатами (?), общими с их аналогами в 4-х макросемьях в Евразии, Новом Свете и в Океании.

Выявление степени случайного сходства (англ. lookalikes) – дело ученых из математической лингвистики; вопрос о вероятности заимствований, либо геноинного характера описанных слов также требует обширных исследований и т.п. Перед автором стояли более скромные задачи, о чем см. в начале статьи. Выражаем надежду на то, что читатели выскажут свое мнение, что станет стимулом к последующей работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дыбо А.В. 1997. Части тела // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Том VII. Лексика. М.: Наука.
2. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
3. Золотницкий Н.И. Корневой-чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

4. Иллич-Свитыч В.М. 1976. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. Том 2. М.: Наука.
5. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
6. ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-манчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1975, 1977.. Тт. I-II. Гл. ред. Цинциус В.И.
7. Greenberg J.H., Ruhlen M. Amerind Etimological dictionary. Stanford.
8. EDAL – Sergei A. Starostin, Anna V. Dybo and A. Mudrak. Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden: Brill, 2003.
9. Hayes, L.V.H. On the Track of Austric: Part I. Introduction // Mon-Khmer Studies 21.P/ 143-77.
10. Rahder, Johannes. 1964/1965. Words for abdomen and entrailles/ Zeitschrift für Phonetik und Kommunikationsforschung. 17. 609-620.
11. Rivet, Paul. 1926. Les Malayo-Polynesiens en Amerique. /Journal de la societe americaniste de Paris.
12. Ruhlen, Merrit. 1994. Studies in linguistic taxonomy. Chapter 5. Na-Dene etymologies. Stanford. P. 96 ff.
13. Ruhlen, Merrit. 1997. Dene–Caucasian: A New Linguistic Family. In *The Origins and Past of Modern Humans – Towards Reconciliation*, ed. by Keiichi Omoto and Phillip V. Tobias, Singapore, World Scientific. P. 231–46.
14. Trombetti, Alfredo. 1903. Delle relazione delle lingue caucasiche com le lingue camito-semitiche e con altri gruppi linguestici // Giornale delle Societa asiatica italiana. Vol. XV, 1902 e XVI 1903. P. 126-159.
15. Trombetti, Alfredo. 1926/1928. Origine asiatica delle lingue e popolazioni americane. In «Atti del 22 Congresso Internazionale degli Americanisti, Roma, Settembre 1926,» T. 1. Pp. 169-246. Roma: Istituto Cristopho Colombo.

Перечень некоторых сокращений

америнд[ский], АН – австронезий[ский], аустронез[ийский], баск[ский], башкир[ский], бурят[ский], др[евне]-уйг[урский], калм[ыкский], кет[ский], кир[гизский], кор[ейский], котт[ский], монгор[ский], ностр[атический], праалт[айский], праатап[аскский], прасахаг[тинский], сол[онский], ТМ – тунгусо-манчжур[ский], тув[инский], тур[ецкий], турк[менский], тюрк[ский], уйг[урский], хак[асский], эвенк[ийский], юкаг[ирский], як[утский]

ceit[atun] – цитированный

loc[us] – место

resp[ectivus] – соответственный

syn[onym] – синоним

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ТУРЕЦКОЙ ДИАСПОРЫ КАЗАХСТАНА

Сайын Жазира

докторант PhD

Евразийский национальный университет

им. Л.Н. Гумилева

Кафедра тюркологии

Астана

E-mail: jazirasaiyn@yandex.ru

В статье рассмотрен вопрос языковых контактов на примере языка турецкой диаспоры Казахстана. Дана характеристика иноязычной лексики разговорного языка турок. Также из отрывков записей речи турок-ахыска (как в последнее время они себя идентифицируют), проживающих в Казахстане, были выписаны и проанализированы казахские лингвокультурные концепты.

Ключевые слова: взаимодействие языков, билингвизм, заимствование, турецкий язык Казахстана, лингвокультурный концепт.

Известно, что система любого языка в результате тесных экономических, политических, культурных связей постепенно подвергается изменению. Этот процесс особенно ощутим в разговорной речи билингвов и полилингвов в виде различных типов заимствований. Фактор билингвизма в процессе заимствования ранее выделял русский ученый Л. П. Крысин, выражая мнение: 'Знакомство с передающим языком, некоторый минимум двуязычия – главное условие лексического заимствования' [Крысин, 1968, с. 32]. А так как в современном мире возрастает количество билингвов и полилингвов, которые наиболее проницаемые для заимствований, наблюдается необходимость исследования взаимодействия и взаимообогащения языков. Накопление подобного рода знаний способствует постижению закономерностей развития языков. В. Фон Гумбольд по этому поводу отметил, что язык необходимо 'изучать в состоянии их развития'.

До депортации в Казахстан турки-ахыска проживали на территории Грузии, вследствие чего, в лексике турецкого языка ахыска образовался большой пласт грузинских заимствований. Эти заимствования главным образом относятся к области ботанической (*лазут* – кукуруза, *чархала* – свекла, *чанчур* – слива и др.), зоологической (*шошия* – грач, *чия* – червь, *цинтал* – котенок и др.), аграрной (*куал* – грядка, *корт* – твердая необработанная земля с заросшей травой и др.), анатомической (*зыгел* – десна, *какал* – зеница ока, *библо* – мочка и др.) терминологии, также встречаются и названия пищевых изделий (*хинкал* – пельмени без бульона, *чади* – кукурузный хлеб, *хачапур* – соленая лепешка с сыром и др.). В языке казахстанских турок встречаются также отдельные заимствования из армянского языка: *мэрэк* – помещение для хранения сена и соломы, *нахыр* – коровье стадо, *нахыржи* – пастух, *пэтэк* – пчела, *панжар* – лебеда и др. [Алиев, 1978, с. 69].

Проживая на территории Казахстана на протяжении 70 лет, турки-ахыска в результате тесного языкового контакта в различных сферах общественной жизни в разной степени ощущают влияние соседствующих русского и казахского языков. В период советского правления, как и на все другие языки Союза, на развитие и обогащение языка турок Казахстана преимущественно оказывал свое влияние русский язык. Из русского языка перешли общественно-политические термины (*комунизма* – коммунизм, *партия* – партия, *балшевик* – большевик, и др.), названия научных понятий, названия, возникновение которых

обусловлено развитием промышленности, сельского хозяйства (*колхоз* – колхоз, *пиригада* – бригада, *пулан* – план, *зивана* – звено, *учаска* – участок, и др.), транспорта (автабоз – автобус, *велисапед* – велосипед, *повез* – поезд, и др.), и т.д.

Что касается влияния казахского языка на язык турков Казахстана, то в своей книге ‘Очерки по лексике турецкого языка Казахстана’, которая была издана около сорока лет назад, представитель диаспоры казахстанских турок, тюрколог Ф. Алиев отмечает, что в языке турок Казахстана казахских слов небольшое количество и они как заимствования еще непрочны, так как часто употребляются параллельно с эквивалентами, т.е. как синонимы [там же, с. 71]. После приобретения Независимости Казахстана положение, на наш взгляд, изменилось, и казахские реалии и вкрапления начались активно проникать в турецкий язык ахыска, что демонстрирует повышение статуса казахского языка. Это и названия пищевых изделий и напитков: *бешбармак* – казахское национальное блюдо из мяса, *касма* – лапша (каз. кеспе), *тохач* – бауырсак (каз. тоқаш), *кумус* – кисломолочный напиток из кобыльего молока (каз. қымыз) и др.), и названия домашней утвари, видов одежды и обуви *тахия* – тюбетейка (каз. тақия), *мас* – ичиги (каз. мәсі) и др.), ботанические и аграрные термины (*қызылша* – свекла (каз. қызылша), *пияз* – лук (каз. пияз), *карагач* – вяз (каз. қарағаш), *бүлдүргүн* – малина (каз. бүлдірген), *масах* – мелкие корни, оставшиеся после сбора сахарной свеклы, катофеля (каз. масақ), *чабан* – пастух (каз. шабан) и др.), наименования этнографических понятий (*кокпар* – состязания на конях (каз. көкпар), *домбура* – казахский народный инструмент (каз. домбыра), *беташар* – казахская традиция открывания лица невесты (каз. беташар), *төр* – почетное место в доме для гостей (каз. төр), *бата* – благословение уважаемых людей (каз. бата) и т.д. Можно заметить, что некоторые вкрапления вытесняют из разговорного турецкого языка ахыска некоторые грузинские и армянские заимствования. Например, *қызылша* вместо *чархала*, *чабан* вместо *нахыржи*, *жүгері* вместо *лазут* и др. Эти заимствования обусловлены усвоением турками ахыска элементов казахской культуры.

Приведем отрывки из образцов записей речи турков ахыска, а именно информанта С.Ибрагимова (63 года), села Тургенъ Алматинской области, которые были сделаны автором статьи во время полевых исследований в рамках проекта «Взаимодействие языков и культур тюркских этносов в постсоветском Казахстане».

Bizim тойlarımız edändä qazah ta urus ta nemec ta gälir. ‘На наши *mou* приходят и казахи, и русские, и немцы’. В данном примере информант использовал казахский концепт *той*. *Той* – это пиршество по поводу радостного события. Существуют той по случаю первой езды верхом, той по случаю призыва в армию, той по случаю возвращения из армии, той по случаю укладывания ребенка в колыбель, той по случаю перенесения ребенка из пеленок в колыбель, той по поводу женитьбы сына, той по поводу беременности, той по поводу замужества дочери, той по случаю окончания школы, той по случаю поступления в школу, той по поводу достижения определенного возраста (*обычно 13 лет*), сабан той по случаю окончания уборки урожая, сүндет той по случаю обрезания, тусау кесер той, которым отмечают первые шаги ребенка, свадебный той, шілдехана, той по поводу достижения новорожденным сорокадневного возраста и т.д. Можно заметить, что казахи придают большое значение каждому переходу из одного жизненного этапа человека в другой. Каждый этап считается важным и радостным событием, которое в свою очередь сопровождается многочисленными традициями и обрядами. В этом и заключается вся философия казахского народа. В языке это отобразилось следующим образом: *Жиган-тергенің тойға шашылсын* ‘Пусть все, что ты заработал, уходит на той’; *Тойдың болғанынан боладысы қызық* ‘Подготовка к тою еще радостней чем сам той’; *Тойдан тойға аман-есен жете берейік* ‘Будем живи и здоровы от тоя к тою’ и т.д.

Qazah ayañimlarimizä çayrijerux gälir däm tus tat_dejerlär. ‘Мы приглашаем наших

братьев казахов и они приходят отведавать хлеба-соли'. В этом примере использовано концепт-вкрапление *дам-тұз* вместо турецкого *tadına tuzuna*.

В переводе с казахского *дам* – 1) вкус; 2) пища, еда, в высоком смысле – ‘хлеб насущный’; 3) отпущенный срок жизни; *дамі бітті* или *дам-тұзы таусылды* – скончался (*бітті, таусылды* - закончился); *тұз* – соль.

В казахской лингвокультуре концепт *дам-тұз* имеет богатую коннотацию. Например: *Үйден дам-тұз татқызу*. ‘Угостить в своем доме’. Это приглашение гостей своих родственников или друзей, с которыми в дальнейшем может и не быть отношений, однако существование принципа *Қонақ бір үйден кетпеу керек* ‘Гость не должен уехать, посетив только один дом’, обязывает пригласить чужого гостя, особенно приехавшего издалека. Предположим в гости к вашим друзьям приехали их родственники из другого города. Если приехавшие гости погостят только в доме, пригласившем их, протокол будет считаться нарушенным, о неполноценности визита будут свидетельствовать такие слова как: *Құдай ау, бір үйден келіп, бір үйден кетті ау!* ‘Бог ты мой, они как к одним приехали, так от них и уехали!’. Приглашая гостей своих друзей или знакомых, говорят: *Дам татқызығым келеді* ‘Хотим угостить хлебом-солью’, а пришедший гость отметит *дам бұйырды, дам жазды* или *дам айдады* - ‘было суждено ‘преломить хлеб’ в вашем доме’. Побывавшие в одной компании за гостевым столом говорят о себе *дамдес болдық*. Обычай призван показать гостям авторитетность принимающей стороны, ее многочисленность, единство, согласие и знание этикета [Тасибеков, 2015, с. 111].

Onlar bizä dua batasini verijer gedijerläär. ‘Они делают для нас дуа, бата’. Дуа (арабо-исламский термин) – ценное духовное пожелание присутствующим, которое произносящий просит у Всевышнего. Бата от акакалов у казахов служит как напутствие молодежи, благословение хозяевам дома, новорожденного, новобрачных, путников и всех, кто просит удачи в новых начинаниях. Считается хорошей приметой получить бата от мудрого старца и уважаемой бабушки. О важности бата говорят следующие выражения: *Жаңбырмен жер көгереди, батамен ел көгереди* ‘Земля расцветает с помощью дождя, народ процветает с помощью бата’; *Бота алғанша, бата ал* ‘Лучше получи бата чем бота (верблюженка)’; *Баталы құлга бақ қонар* ‘Удача на стороне раба, получивший бата’ и др. Казахский язык настолько богат различными бата, что образовался отдельный жанр в данном направлении. Устная и письменная история казахов сохранила множество бата известных биев, акынов, знатных людей. Основные пожелания, произносящие во время бата: *бақытты бол* ‘будь счастлив’, *бағың жансын* ‘да улыбнется тебе удача’, *бағың ашылсын* ‘да раскроется твоя удача’, *жұлдызың жансын* ‘да загорится твоя звезда’, *қыдыр дарып, бақ қонсын* ‘да снизойдет благо и придет удача’, *өмір жасың ұзақ болсын* ‘долгих лет тебе жизни’, *мың жаса* ‘живи тысячу лет’, *көп жаса* ‘живи долго’, *ғұмырлы-бақытты бол* ‘живи долго и счастливо’, *мақсатыңа жет* ‘достигни цели’, *мұратыңа жет* ‘достигни желаемого’, *арманыңа жет* ‘достигни мечты’, *еліңе елеулі бол* ‘будь достойной в роду’, *халқыңа қалаулы бол* ‘будь любимой в народе’, *ата-енеңе жағымды бол* ‘приди по душе свекру и свекрови’, *ауылыңа айбарлы бол* ‘в ауле будь авторитетной’, *күйеуіңе жайдарлы бол* ‘для мужа будь мечтой заветной’ и т.д.

Также лексема *бата* означает материальную помощь семье покойного. При передаче *бата* обычно говорится: *Марқұмның қәдесіне жаратыңыз. ‘Используйте на обряды покойного’* (в смысле – наша помощь на похороны).

Hörmät edijerläär bizläär törлә dijler türk ayajındar törлә jöyari. ‘Почитают нас, проходите выше, говорят, к төру (почтенное место в доме)’. *Төр* – место для гостей, заслуженных людей, старейшин семьи. Считается, что данная лексема в тюркских и некоторых алтайских языках произошла от глагола *торумек/тору*, что означает ‘закон’, регулирующий внутренние взаимоотношения племен. В монгольском языке *тор* переводится как руководитель государства. В казахском языке в значении председатель *төр* употребляется в сочетании с лексемой *аға* ‘брат, дядя’ – *төраға*. Известный казахстанский ученый Н.Г. Шаймердинова в своей статье отмечает ‘в тюркологических толкованиях последних лет слово ‘тор’ обозначает ‘правительство’, ‘власть’. Полный морфемный анализ ‘тореси’

означает ‘обладать властью над правительством’, а все сочетание ‘ел-тореси’ (‘ильтерис’) обозначает власть над народом, власть над правительством’ [Шаймердинова, 2010, с. 55]. В казахской ментальности заслужить почетное место **төр** означает достижение успеха в жизни. Поэтому в пожеланиях часто можно услышать: **Төріңнен қарт кетпесін!** ‘Пусть у тебя будет дома всегда пожилой человек на почетном месте!’, **Орындарың төр болсын!** ‘Пусть вас на почетное место сажают!’.

Итак, мы сделали попытку выявить лингвокультурные заимствования в языке турок-ахыска, проживающих в Казахстане. По вышеуказанным примерам можно увидеть как носители языка турок ахыска используют вкрапления и заполняют лакуны, проявляющиеся в речевой деятельности, иноязычными заимствованиями тех народов, с которыми они волею судьбы контактировали. Это в большинстве случаев результат билингвизма, а также процесса аккультурации. Также мы наметили круг проблем для дальнейшего исследования, ведь процессы, происходящие в языке диаспор дают возможность посмотреть на многие общезыковые вопросы под иным углом зрения и помогают лучше понять ряд общетеоретических лингвистических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. – 208с.
2. Алиев Ф.Ф. Очерки по лексике языка турок Казахстана. А-Ата.: Наука, 1978. – 100 с.
3. Тасибеков К. Ситуативный казахский. Мир казахов. Алматы.: ИП «Такеева А.Б.», 2015 г. – 270 с.
4. Шаймердинова Н.Г. Знания о древнетюркском мире сквозь призму русского языка. Материалы международного научного симпозиума//Русский язык - язык мировой науки и высшего образования, Бишкек, 2010.
5. Гумбольдт В. Фон. Характер языка и характер народа. М.: Прогресс, 1985. – 381 с.
6. Копыленко М.М., Ахметжанова З.К. и др. Казахское слово в русском художественном тексте. А-Ата.: Гылым, 1990. – 168 с.
7. Каиржанов А.К. Древние тюрки и славяне: культурно-исторический аспект аккультурации//Материалы международного симпозиума «Евразия на стыке веков», Астана, 2002. – С. 214-215.

ADOPTING LINGVOCULTURAL CONCEPTS IN TURKISH DIASPORA IN KAZAKHSTAN

Saiyn Zhazira (Astana)

PhD students

LN Gumilyov Eurasian National University

Department of Turkology

E-mail: jazirasaiyn@yandex.ru

In this paper, we review issues relevant to interactions of different languages given an example of Turkish diaspora in Kazakhstan. We consider the characteristics of foreign Turkish language lexicon. Further, we analyze Kazakh lingvocultural concepts from samples of spoken examples that were recorded from the tongue of Meskhetian Turks (or Turk-Akhiska as they identified themselves recently) who have resided in Kazakhstan.

Key words: interaction of languages, bilingualism, borrowing, Turkish Kazakhstan lingvocultural concepts.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТУРЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПО- И ТОПОНИМИКИ

Сарыгёз Ольга Владимировна

Соискатель Восточного факультета,

Санкт-Петербургский университет

E-mail: sarigozby@gmail.com

Статья посвящена исследованию фразеологизмов, а также других устойчивых выражений современного турецкого языка с компонентом антропонимом или топонимом. Антропоним и топоним являются особыми языковыми знаками, которые несут в себе историческую и культурную информацию, отражая не только языковые контакты, но и стереотипную семантику, закрепившуюся за теми или иными выражениями.

Ключевые слова: антропоним, топоним, турецкий язык, фразеология, фразеологизм, имя собственное.

Имена собственные, обладая особой консервативностью, постоянно реагируют на происходящие социально-культурные изменения в обществе. Они являются собой зеркало эпохи, в которую были созданы, сохраняя свидетельства более древнего состояния языка, и содержат большую языковую и внеязыковую информацию. Антропонимы как культурно обусловленные компоненты отражают научную картину мира на уровне языка.

Основная цель работы – систематизация антропосодержащих устойчивых выражений в современном турецком языке, определение их особенностей. Проблема комплексного исследования системы антропонимов в современном турецком языке остается в числе малоизученных, что и определяет актуальность работы. Научная ценность работы состоит в уточнении общетеоретических вопросов и в получении дополнительных сведений о функционировании языковых единиц в речи.

Антропонимика представлена такими именами, как Р. О. Якобсон, Б. О. Унбегаун, Ст. Роспонд, А. Бэкунд, Н. М. Тупиков, А. И. Соболевский, А. М. Селищев, антропонимика тюркских языков – В. В. Радлов, В. А. Гордлевский, Ю. Немет, Л. Рашони, К. Юнд, А. Титце, И. Баски, Х. Ашикгёз.

Еще Павел Флоренский писал: «Мало задумываются, как при общем подсчете численно ничтожна та совокупность имен, которая оказалась исторически жизнеспособной и выдержала испытание тысячелетий» [Флоренский, 2007, с. 103].

Фразеология – отражение памяти общества, его зеркало, в ней аккумулирована, прежде всего, культура и национальная ментальность носителей языка.

Каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, поэтому языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и служат средством презентации основных установок культуры [Маслова, 2007, с. 166].

Формирование и развитие антропонимической и топонимической системы турецкого языка напрямую связано с историко-культурными событиями, имевшими место в ходе формирования данного этноса.

В большинстве случаев связь с денотатом, входящим с состав оборота, не была зафиксирована и, скорее всего, навсегда утрачена. В Турции существует огромное количество сборников фразеологизмов, в которых авторы, без ссылок на исторические документы, не используя научную аргументацию, толкуют возникновение и этимологию того или иного выражения через якобы легенды и предания. Трактовки иных авторов, на наш взгляд, представляют собой фантазию составителя. Поэтому в нашей работе мы не будем

заострять внимание на этимологии, а сконцентрируемся на функционально-стилистических характеристиках устойчивых выражений, собранных нами путем выборки из современных фразеологических словарей, изданных в Турции, а также из другой научно-популярной литературы.

Несомненно, установить происхождение выражения вроде *Sen de mi Brutus?* или *Sen bile mi Brutus?* («И ты, Брут?») не представляет никакой сложности. Иные – калькированные заимствования из языков, оказавших непосредственное влияние на турецкий язык, – *Ali'nin külağını Veli'ye, Veli'nin külağını Ali'ye giydirmek* («колпак Али надеть на Вели, колпак Вели надеть на Али»), взятые из языков, непосредственно контактировавшим с турецким (данное выражение взято из фарси).

Устойчивые выражения турецкого языка с элементом антопонимом или топонимом можно разделить на следующие функционально-семантические группы: 1) мифонимы; 2) конфессионимы; 3) культуронимы; 4) этнонимы.

К **мифонимам** мы отнесем те выражения, в состав которых входят имена из мифологии, преданий, легенд; к **конфессионимам** – относящиеся к религиозным верованиям; к **культуронимам** – имена исторических личностей, деятелей культуры и искусства, которые оставили значимый след в турецкой культуре; к **этнонимам** – содержащие указания на тот или иной этнос.

1. Мифонимы: *Sen de mi Brutus?* («И ты, Брут?»), *Aşil topuğu* (Ахиллесова пята), *Dingonun ahığı* (Авдиевы конюшни).

2. Конфессионимы

□ **Adem** – Адема (Адам), первый пророк:

Adem baba gibi – без ничего (рус. «Гол как сокол»), *Hazret-i Adem kıyafeti* (в одежде Адама, т. е. нагой), *âdem elması* – адамово яблоко (кадык).

□ **Halil İbrahim** – Халил Ибрахим: *Halil İbrahim bereketi* – изобилие Халил Ибрахима обозначает «достаток, благосостояние»; *Halil İbrahim sofrası* – стол (богатое угощение) Халил Ибрахима, доступное, предлагаемое всем, является именем досточтимого (хазрети) Ибрагима.

□ **Hızır** – Хызыр (пророк или праведник, в древности верили в его бессмертие и в то, что земля, по которой он ступает, зеленеет). **Kul sıkışmayınca Hızır yetişmez** (Хызыр не придет к рабу (божьему), если тот не испытывает нужду, не оказался в беде) – используется для утешения и ободрения тех, кто испытывает трудности.

□ **İsa/Musa**

Hem İsa'yı hem de Musa'yı memnun etmek. – Потешить (доставить) удовольствие и Ису(е), и Мусу(е), рус. «И вашим, и нашим».

Her firavunun bir Musa'sı çıkar (olur). – На каждого фараона найдется свой Моисей (на пути любого зла встанет человек, который будет с ним бороться).

□ **Nuh** – Нух (Ной) – пророк

- **Nuh der peygamber demez.** – Нухом назовет, но пророком не признает (об упрямом человеке, который не захочет признать общеизвестные вещи);

- **Nuh nebiden/yılından kalma.** – Осталось (дошло) до нас со времен пророка Нуха, т. е. нечто очень старое, древнее, давно вышедшее из моды.

□ **Kâni/Yani** – Кани/Яни:

Kırk yıllık Kâni olur mu Yani? – Разве может стать (превратиться) в Яни сорокалетний Кани? / *Kırkı yıllık Yani, olur mu Kâni* (от старых привычек очень сложно отказаться). (Кани – турецкое мусульманское имя, а Яни – широко употребляемое христианское имя.)

□ **Akşam Hacı Mehmet, sabah eskici Yahudi.** – Вечером он Хаджи Мехмет, утром – еврей-старьевщик.

3. Культуронимы

□ **Abbas** – Аббас: *Abbas yolcu* – тот, кто собирается в дорогу. (Аббас Ходжа, который, согласно существующему мнению, был народным поэтом, отправляясь в путь, говорил: *Yolcudur Abbas, bağlaşan da durmaz!* – Аббас собрался в дорогу, его не остановить, даже если привяжете.)

□ **Abdurrahman Çelebi** – Абдуррахман Челеби:

Koynunun bulunmadığı (olmadığı) yerde keçiye Abdurrahman Çelebi derler. – Там, где нет овцы, козу Абдуррахманом Челеби кличут (*рус.* «На безрыбьи и рак рыба»). По поводу личности Челеби существует множество версий: от одного из десяти сахабов (сподвижников пророка) до А. Челеби Эфенди (?–1517), кадия и мюдerrиса.

□ **Ali Paşa**: *Ali Paşa narhı (vergisi)* (такса/государственная пошлина, налог Али-паши) – в отношении ценных подарков, которые сначала дарят, а потом забирают обратно.

□ **Karagöz**

Из кукольного театра теней *Karagöz ve Hacıvat* именно образ Карагёза, необразованного и наивного простолюдина, больше всего полюбился народу и породил массу выражений:

Karagöz oynatmak – создать смешную ситуацию.

Karagözlük etmek – веселить других.

Karagöz göstermeliği – шоу (показуха) Карагёза.

Karagözün atı gibi tepinmek – бесноваться, словно конь Карагёза.

Karagözün düğünü (свадьба Карагёза).

Все эти выражения описывают (означают) невежество, непристойность, показуху и неправильное поведение.

□ **Leyla ile Mecnun**: «Лейла и Меджнун» – история несчастной любви в изложении Фузули послужила основой для таких выражений, как:

Mecnun ile Leylâ misali – сказка о несчастной любви Лейлы и Меджнуна.

Mecnun gibi gezmek – бродить, словно Меджнун, т. е. витать в облаках (пребывать в мечтаниях) от любви.

Leylâ olmak – превратить в Лейлу, т. е. быть опьяневшей от любви.

□ **Lokman Hekim**: Локман Хеким – мудрец, который знает средства от всех бед.

Lokman Hekimin ye dediği. – То, что доктор Локман прописал (есть) (*о полезной еде*).

Çaresiz derde Lokman bile çaresiz kalır. – В безвыходной ситуации даже Локман Хеким не найдет выхода (будет бессилён).

Ecele çare olsaydı Lokman Hekim bulurdu. – Если бы смерти можно было избежать, Локман Хеким нашел бы выход (решение).

□ **Marko Paşa**: Марко Паша – врач греческого происхождения в Османской империи:

Derdini Marko Paşaya anlat. – Расскажи о своей беде (пожалуйста Марко Паше). (Никто не хочет слушать твои жалобы, сетования.)

Использование в стилистических целях:

Рифма:

Существует ряд выражений, в которых употребляемые имена собственные использованы для рифмы.

□ **Odunun iyisi meşe kızın iyisi Ayşe.** – Лучшие дрова дубовые, лучшая девушка Айше, («Айше» рифмуется со словом «меше» – дрова).

□ **Vurdumduyamaz Kör Ayvaz** – бесчувственный (равнодушный) слепой Айваз (о равнодушном, безразличном человеке).

□ **Herkes gider Mersin'e biz gideriz tersine.** – Все поедут в Мерсин, а мы – в обратную сторону.

□ – Buna kim inanır? – Kadir İnanır. – Кто в это поверит? – Кадир Инаныр (фамилия актера переводится как «поверит»).

□ **Aleme talih, bize K r Salih mi?** – Всем должно везти, а нам, что досталось, – слепой Салих?

□ **Umma Davut g nl n  avut.** – *прибл.* Не надейся, Давут, не тешь свою душу впустую.

□ **Hatice'yi bırak, neticeye bak.** – *досл.* Оставь Хатидже, смотри на результат (важен не процесс, а результат).

□ **Hıdır/Hızır:**

Benim (Ustamın, Babamın) adı Hıdır elimden gelen budur (меня (моего учителя, отца) зовут Хыдыр, это все, что в моих силах), что значит «это все, что я знаю и умею, на большее я не способен (большего от меня не ждите)».

Парономазия:

Приведем несколько примеров фразеологической парономазии в современной прессе, когда звуковое уподобление слов «повод» и «великопленный» служит основой для построения заголовков газетных статей в сети Интернет:

1) Gaz bahane Akdeniz Őahane (газ – повод, Средиземное море – настоящая причина) (<http://www.marifethaber.com/genel/ucak-bahane-akdeniz-sahane-h80228.html>, дата обращения: 20.10.2016);

2) Gezi Park bahane, eđence Őahane (парк «Гези» – повод, развлечения – причина), (<http://www.dogurehberi.com/dunya/gezi-park-bahane-egence-sahane-h247490.html>, дата обращения: 20.10.2016);

3) IŐID bahane dođal gaz Őahane!? (ИГИЛ – повод, природный газ – настоящая причина) (<http://www.kamusalhaberler.com/haber/272/akdenizde-esed-isid-bahane-dogal-gaz-sahane.html> – дата обращения: 20.10.2016).

□ **Recep:**

Atma Recep din kardeŐiyiz. – Не ври (не заливай), Реджеп, мы же братья по вере (в значении «все, что ты говоришь, ложь и преувеличение, и нам об этом известно»).

Не стоит умалять и роль современных СМИ, киноиндустрии, литературных произведений, которые на пике популярности становятся источником для появления новых устойчивых выражений. Так, название вышедшего в 1965 г. фильма само стало устойчивым выражением:

Helal Adanalı Cel l – Молодец, Джелал из Аданы! (говорят в качестве похвалы); **«Kezban Paris'te»** – «Кезбан в Париже» (1971). Он положил начало использованию выражения, которое употребляется при описании девушки с периферии, приехавшей в большой город и не знающей, как себя вести, образ простушки;

Ali Cengiz oyunu – махинация/заговор (одноименный фильм 1971 г.);

Dalton kardeŐler – герои мультипликационного фильма Red Kit, три брата, одевались одинаково – теперь так могут сказать о людях в похожей одежде.

4) Этнонимы

Первые попытки анализа языковых стереотипов турецкого языка были предприняты в работе В. А. Гордлевского «Силуэты Турции». В частности, он провел анализ пословиц с точки зрения того, «как смотрел османец на народы, с которыми он сталкивался в своем государстве» [Гордлевский, 1968, с. 270], четко подмечая и анализируя все его характерные черты.

□ **Afyon'un kaymađı, Konya'nın manyađı.** – Афьон славен каймаком □, Конья – «сумасшедшими».

□ **Gavur İzmir** – гяурский Измир (город, в котором до сих пор проживает

большое количество греков-христиан).

□ **İzmir'in havasıyla, kızına güven olmaz.** – В Измире нельзя доверять погоде и девушкам. (В данном выражении употреблен также и гендерный стереотип.)

□ **Senin bu yaptığını Çorumlu bile yapmaz.** – То, что ты сделал, даже житель Чорума не сделает.

□ **Ağaçtan maşa, Kürt'ten paşa olmaz.** – (Как) из дерева не получатся щипцы, (так) и из курда – паша (правитель).

□ **Çingene çalar, Kürt oynar.** – Цыган играет, курд танцует.

Антропонимы также участвуют в создании выражений арго, в словарях арго они относятся к фонду нецензурных выражений, приведем лишь нейтральные:

deli Asiye – свихнувшаяся, чокнутая, **Beyza Hanım** – наркотик (кокаин), **Leyla gibi** – в состоянии сильного опьянения, **astronot Niyazi** – о человеке, оторванном от земных реалий, живущем в своем мире.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Фонд устойчивых выражений турецкого языка весьма разнообразен и подвижен, пополняется за счет кино- и литературных произведений, СМИ. Он формируется и развивается внутри системы турецкого языка на базе его лексики, словообразовательных законов и письменности.

2. В течение долгих столетий в турецком обществе уживались представители различных религий, которым приходилось создавать семьи, а порой и спасаться от преследований, притворяясь приверженцами другой веры, за некоторыми турецкими поселениями и народностями закрепились устойчивые стереотипы, язык сохранил имена наиболее ярких личностей и исторических событий.

3. Сохраняя следы культурно-исторических событий, язык являет собой полномасштабное полотно для анализа специалистом практически из любой научной сферы – от языкознания до социологии и истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордлевский, В. А. Избранные сочинения. Т. 4. Этнография, история востоковедения, рецензии / В. А. Гордлевский. – М.: Издательство восточной литературы, 1968. 613 с.

2. Мальцева, Д. Г. Страноведение через фразеологизмы / Д. Г. Мальцева. – М.: Высш. школа, 1991. 173 с.

3. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. М.: Гнозис, 2007. 320 с.

4. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский. СПб.: Авалонь, Азбука-классика. 2007. 336 с.

5. Ersoylu N. Türk Argosu / N. Ersoylu. Ötüken. 2012. S. 381.

**TURKISH LINGUISTIC WORLD THROUGH PHRASEOLOGICAL
ANTHROPOLOGI AND TOPONYMCS**

*O.V. Sarygoz
1st year reasecher
St. Petersburg State University
E-mail: sarigozby@gmail.com*

The article is devoted to investigation of phraseology and other fixed expressions of the modern Turkish language with component-anthroponym and toponym. Anthroponyms and toponyms signs are a special language, which carry a historical and cultural information, reflecting not only the linguistic contacts, but also stereotyped semantics, foothold for these or other expressions.

Key words: anthroponym, toponym, Turkish language, phraseology, idiom, a proper name.

**EMPIRICAL STUDY OF USING KAZAKH, RUSSIAN AND ENGLISH
IN COMPANY SIGNS IN ASTANA CITY**

M. Zh. Tussupbekova

Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor

L.N. Gumilyov Eurasian National University

Kazakhstan, Astana

E-mail: tusupbekova_mzh@mail.ru

M. A. Idrissova

Senior teacher

L.N. Gumilyov Eurasian National University

Kazakhstan, Astana

E-mail: mapruza_2015@mail.ru

Zh.M. Konyratbayeva

Candidate of Philological Sciences, assistant professor

L.N. Gumilyov Eurasian National University

Kazakhstan, Astana

E-mail: zhanarkon@mail.ru

Bekzhan Abduali

Doctor of Philological Sciences, assistant professor

L.N. Gumilyov Eurasian National University

Kazakhstan, Astana

E-mail: bekzhan_a7@mail.ru

This paper presents the usage of three languages (Kazakh, Russian and English) in the linguistic space of the city of Astana as an example for the current language usage on the territory of Kazakhstan. The main aim of this paper is to identify the role of Kazakh in the linguistic space of Astana in company signs. The hypothesis concludes in determining the functioning of Kazakh as the state official language and the ways of implementation of the cultural project «Trinity of languages». The outcome of the research is based on the methods of empirical study that relies on the working hypothesis, observation and experiment of company signs in Astana.

Kazakhstan is a multinational country, where people of many ethnic groups live with their cultural, linguistic and historical specificity. The largest ethnic groups are Kazakhs (45%), Russians (35%) and the rest are people of more than 100 other nationalities. The official language of the Republic of Kazakhstan is Kazakh, closely related to Uzbek, Kyrgyz, Turkmen and Turkish. Kazakh and Russian languages are equally used in state institutions and local administrations. One of the most important strategic goals of the language policy of Kazakhstan is the necessity of speaking Kazakh, Russian and English. By the year 2020, 100% of the population is expected to speak Kazakh language, 95% Russian, and 25% English. For the implementation of these goals, many companies in Kazakhstan present their names in Kazakh, Russian, English and other languages.

Key words: ergonym, empirical study, company names, language policy, linguistic data, questionnaire.

Introduction on the territory of Kazakhstan

The Republic of Kazakhstan is a sovereign state, situated in the central part of Eurasia with rich natural resources and a huge economic potential. It is the ninth biggest country in the world with the territory 2, 7 million square km, which equals to the territory of Western Europe. The country borders with Russian Federation, China, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Turkmenistan. Kazakhstan is a secular, stable and social state whose highest values are its people with their lives, rights and freedoms. The state official language is Kazakh. Kazakhstan President Nursultan Nazarbayev in his 2007 address named “New Kazakhstan in a New World» proposed gradual implementation of the cultural project «Trinity of languages» [Nazarbayev, 2007]. He declared, “The Government should accelerate the implementation of the project “Trinity of languages” and urgently improve the quality of teaching of the Kazakh language, as the state language that unites our entire society”. Thus, the Kazakh language was determined as the state language, the Russian language is now the language of interethnic communication, and the English language serves for integration of our country into the world economy and global society.

Language Policy in Kazakhstan

During the Soviet era, all Soviet Republics were required to use Russian as their first language. After the collapse of the USSR, all-independent states switched to their native languages, it was the transition made by many non-natives to struggle and even to migrate. In Kazakhstan, Russian was kept as “the language of international communication” [Isaeva, 2013, 12]. Russian continues to perform important social and humanitarian functions, so that the purposeful replacement of Russian by Kazakh is still in progress. President Nazarbayev announced, “We must not declare that we would only develop our language, our culture. We must keep up with the times.” He assured the people that the transition to the Kazakh language would be step – by - step and prudent. “A gradual development of the Kazakh language will not be at the expense of Russian.”

Thus, Kazakh and Russian are the working languages at all educational institutions at all levels. Kazakh is the native language of instruction at schools, colleges and higher institutions. Moreover, the Kazakh language is taught as an official language in all educational institutions, regardless of the language of teaching [Fierman, 2006, 98]. The Russian language is taught as a native language in educational institutions with the Russian language teaching and as compulsory subject in all educational institutions.

The trilingual education program – Kazakh, Russian, and English have been implemented on a pilot basis in special schools for gifted children since 2007. It involves in-depth studies of the teaching of humanitarian and mathematical cycles in English. Currently, there are 33 primary schools with tri-lingual teaching [Tsay, 2011, 82].

The number of secondary schools specializing in multi-lingual education is steadily growing, from 67 in 2011–2012 to 90 in 2012–2013. Among them, there are 29 Kazakh - Turkish lyceums, 11 Nazarbayev Intellectual Schools and 33 other schools for gifted children. The number of pupils in these schools amounts to 20,461 [Smagulova, 2016, 89].

In order to develop multilingual education in Kazakhstan further, a special gradual action plan has been completed by September 2016, developed by the Ministry of Education and Science. English has been taught in all comprehensive schools from the first grade, since 2013.

In fact, the effectiveness of multi-lingual education depends immediately on the skills and proficiency of the teachers. In order to develop these skills, trainings of teachers abroad are organized, international scholars are invited, the newest pedagogical methods are adopted and interactive telecommunication technics are acquired.

Since 2005, several official programs have been developed, namely, the State Program of Education Development for 2005 – 2010, the State Program of Technical and Vocational

Education Development for 2008 – 2012, “Children of Kazakhstan” for 2007 – 2011, “Balapan” (preschool education) for 2010 – 2014, “Bolashak” (international scholarship). The State Program of Education Development in the Republic of Kazakhstan for 2011 - 2020 is the organizational basis for the implementation of multi-lingual education. The program “Bolashak” is considered one of the most interesting, promising, and potentially enduring programs for the multi-lingual education in Kazakhstan for the last decades. The participation of teachers in these programs has clearly opened new possibilities for the practical use of languages in multi – lingual groups [Kulzhanova, 2012].

Due to these programs, the number of English speaking teachers is significantly increasing. Up to nowadays, more than 20,000 citizens of Kazakhstan have studied abroad. About 3000 recipients of Presidential International Scholarship Bolashak are studying in 27 countries of the world.

Since September 1, 2012, multi-lingual departments for more than 5000 students have been opened in 32 higher education institutions. These departments create normative and educational-methodological aids; elaborate different educational programs for multi-lingual education; give lectures and conduct practical classes in multi-lingual groups; organize courses on special subjects of sciences as engineering and humanitarian; improve the professional skills and proficiency of the teaching staff. Many Kazakhstani universities started to elaborate new projects for multi-lingual education.

Linguistic landscape of Astana city

The term linguistic landscape refers to the visibility and salience of languages on public and commercial signs on a given territory. Landry and Bourhis define this term more precisely in their paper ‘Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality’. “The language of public road signs, advertising billboards, street names, place names, commercial shop signs, and public signs on government buildings combine to form the linguistic landscape of a given territory, region, or urban agglomeration” [Landry & Bourhis, 1997, 23].

As pointed out by Gorter, linguistic landscaping is not only “the literal study of the languages as they are used in the signs”, but also “the representation of the languages”, of which the latter aspect can be related to “identity and cultural globalization, to the growing presence of English and to revitalization of minority languages” [Gorter, 2006].

Exploring scientists’ terms about linguistic landscape, we try to analyze company signs of Astana and demonstrate preferences of citizens and examine, to which extent the national project “Trinity of Languages” has currently been implemented.

The choice of Astana city as the research area was caused by several factors:

- Astana is considered as a reflection of geopolitical processes that are designed to determine the vector of the state development as a whole and to structure society in accordance with global trends taking place in the global community;

- Due to its strategic location, Astana attracts investors and has great potential for economic development, which means that it has a positive effect on all Kazakhstan’s regions;

- Astana is a major metropolis in the northern part of Kazakhstan;

- The city is involved in an ongoing process of renewal, which affects its spatial, sociocultural, and linguistic appearance. The capital’s image consists of several important elements, among which its linguistic component plays a significant role.

Currently, Astana is the culturally young and developing city and the administrative center of Kazakhstan. Here live various ethnic communities (Kazakhs, Russians, Ukrainians, Tatars, Armenians, Azerbaijanis, Jews, Belarusians, Georgians, Moldovans, Tajiks, Uzbeks, and others). Many languages operate and coexist. The city can rightly be called multi - ethnic and its community

heterogeneous.

Research Questions and Methodology

From methodological point of view, our linguistic landscape analysis was based on photos of company signs. One of the aims of our research was to collect photos of company signs randomly, which we could see on the streets of the city. As we have already noticed, company signs were presented in three languages, but the dominant language was Kazakh. However, the number of company signs in Russian and English was not an exception (Picture 1, 2).

Picture 1 – Beauty Salon Picture 2 – Currency Exchange

Studies of linguistic landscape and company signs show that a range of consistent actions should be made, namely:

- to study the real situation with regard to company signs in Astana;
- to research the questions of language preference in Astana;
- to research the perspectives of company naming and renaming.

Approximately 200 photos of company signs of Astana city were collected and examined in our research. In other words, company signs of the linguistic landscape of Astana were gathered and classified according to the frequency of representation of Kazakh, Kazakh - Russian, Kazakh - Russian - English. In addition, some interviews were carried out with randomly selected company owners in order to investigate reasons concerning the choice of Kazakh, Russian and English and linguistic items in the signs.

Results of the Linguistic Research

In the analysis, we checked the presence or absence of specific languages, namely, Kazakh, Russian and English. The table below provides the findings.

Table 1 – Overview of three languages in company signs

Languages	Number of company signs	%
Kazakh only	40	20
Kazakh – Russian	67	33.5
Kazakh – Russian – English	93	46.5
Total	200	100

The table indicates that Kazakh – Russian-English (46.5%) constitutes the highest number of linguistic landscape in Astana. It demonstrates the implementation of the national project “Trinity of languages”. In all researched company signs, the Kazakh language is dominant one. In order to identify the role of Kazakh in the linguistic space of Astana in company signs, this paper presents observation and experiment. The observation is based on the collection of photos of company signs. The experiment consists of three questions: What language do you prefer to speak? What language do you like to see in company signs? Do you pay attention to company signs?

These questions help to identify the steps of the experiment:

- 1) Choice of languages in the process of naming company signs;
- 2) Perspectives of process development of company signs.

1) Choice of languages in the process of naming company signs

In order to know what languages citizens speak in Astana, we notice that the majority (63.4%) speak Kazakh and Russian simultaneously. Only 19% of citizens speak Russian and 16.3% speak Kazakh (Figure 1).

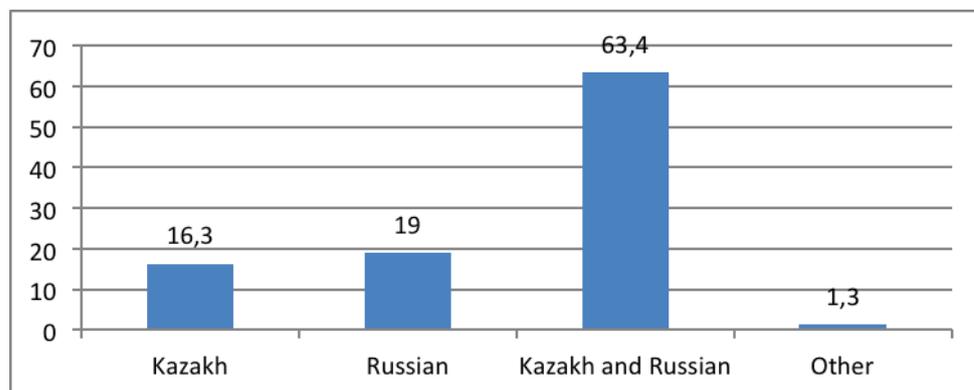

Figure 1 – Distribution of the respondents’ answers to the question: “What language do you prefer to speak?”

In spite of it, the majority respondents prefer to see company signs in Kazakh, Russian and English. The reason of this answer is learning of three languages in Kazakhstan, implementation of the national project “Trinity of languages”, and inhabitancy of other nationalities in Astana (Figure 2).

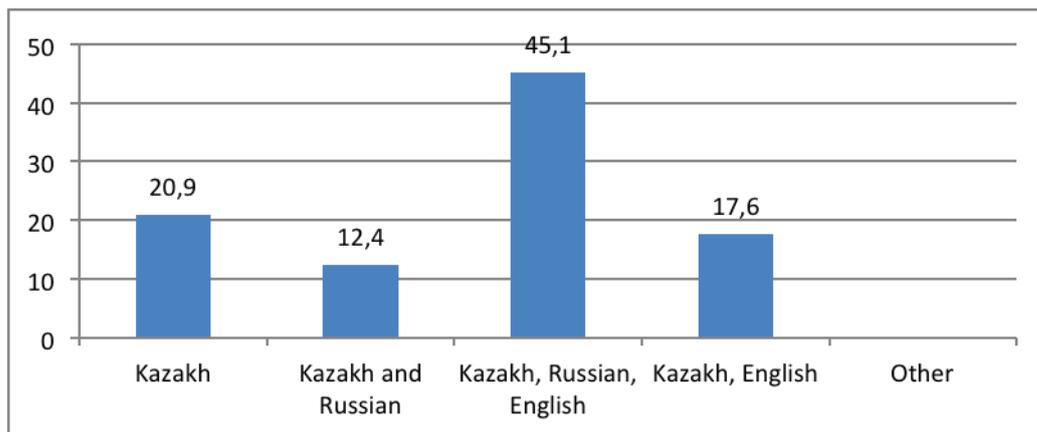

Figure 2 – Distribution of the respondents’ answers to the question: “What language do you like to see in company signs?”

The interesting fact is that citizens pay attention to company signs. Namely, 78.4 % of respondents show their preference to the written company signs. 21.6% people do not draw attention to the functioning of languages in the linguistic space of Astana (Figure 3).

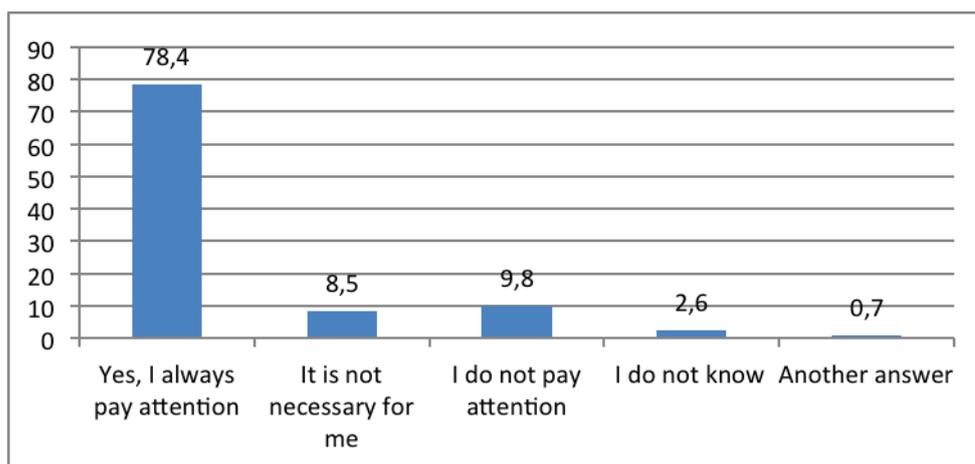

Figure 3 – Distribution of the respondents’ answers to the question: “Do you pay attention to company signs?”

2) Perspectives of process development of company signs

The right choice of the sign can make company profitable and famous. The wrong one can doom it to obscurity and failure. Ideally, any company sign should convey the expertise, value and uniqueness of the product or service. Experts suppose that it is better to give abstract signs to create an image of the company. Others consider that signs should be informative for customers to know immediately what your business is. Some believe that coined names (that come from made-up words) are more memorable than names that use real words. Others think they are forgettable. Respondents give reasonable answers to our questions about company signs (Figure 4).

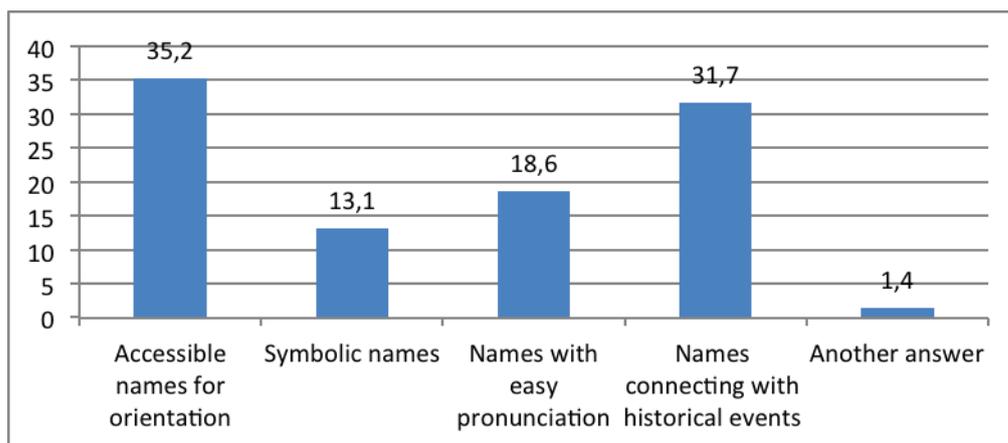

Figure 4 – Distribution of the respondents’ answers to the question: “What signs will companies have in future?”

According to our experiment, 35.2 % of respondents prefer accessible company signs for orientation; however, 31.7 % choose signs connected with the history of Astana. Additionally, 18.6% of respondents offer to name company signs in Kazakh, Russian and English with easy pronunciation. Only 13.1% wish to use symbolic company signs.

Conclusion

In this study, we have analyzed company signs in Astana to demonstrate preferences of the citizens and examine, to which extent the national project “Trinity of Languages” has currently been implemented. Following Gorter [Gorter, 2006], we have explored the use of Kazakh, Russian and English languages in company signs.

According to the ‘Law of the Republic of Kazakhstan on Languages’ [Law of the Republic of Kazakhstan as of July 11, 1997]:

“Traditionally, historically formed Kazakh names of inhabited localities, streets, squares, as well as of other physical and geographical objects should be reproduced in other languages in compliance with transliteration rules. Signs of state organizations, structural subdivisions thereof shall be given in Kazakh and Russian languages. Signs of joint ventures, foreign organizations should be given with transliteration in Kazakh and Russian languages“ (Ch. 4, Art. 19)

“Forms, signboards, advertisements, advertising, price lists and other visual information shall be set forth in Kazakh and Russian languages and, if required, in other languages too. ...All texts of visual information shall be placed in the following order: from the left or the top - in the state language, from the right or the bottom in the Russian language and shall be written in the equal size letters. If required, the texts of visual information may be given additionally in other languages. In this case, the typed letters should not exceed the requirements specified by normative legal acts“ (Ch. 4, Art. 21).

The State Language Policy of Kazakhstan aims at increasing the use of all three languages: Kazakh, Russian, and English in company signs. Our investigation of company signs in Astana reveals that the national project ‘Trinity of Languages’ is being gradually implemented. The Kazakh language is increasingly used for company signs, while businessmen and tourists coming to Kazakhstan from different parts of the world prefer Russian and English company signs for the better orientation in Astana. The linguistic landscape reflects Kazakhstan language policy and the economic processes that brought about the influx of Kazakh in all spheres of business.

REFERENCES

1. Nazarbayev N. A. New Kazakhstan in new world: Message of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan from February 28, 2007 // *Kazakhstanskaya Pravda*. - 2007.
2. Isaeva A., Sultaniarova A. NA Nazarbayev and peculiar features of ethnic language processes in Kazakhstan // *Proceedings of World Academy of Science, Engineering and Technology*. - World Academy of Science, Engineering and Technology (WASET), 2013. - №. 80. - P. 12.
3. Fierman W. Language and education in post-Soviet Kazakhstan: Kazakh medium instruction in urban schools // *The Russian Review*. - 2006. - V. 65. – №. 1. - P. 98-116.
4. Tsay Y. N., Pagnueva A. S. To the problem of “Trinity of languages” cultural project realization in the republic of Kazakhstan // *Education and Science Without Borders*. - 2011. - V. 2. - №. 4. - P. 82.
5. Smagulova J. The Re-Acquisition of Kazakh in Kazakhstan: Achievements and Challenges // *Language Change in Central Asia*. - 2016. - V. 106.- P. 89.
6. Kulzhanova A. Language Policy of Kazakhstan: An Analysis. - Central European University, 2012. - 43 p.
7. Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality an empirical study // *Journal of language and social psychology*. - 1997. - T. 16. - №. 1. - P. 23-49.
8. Gorter D. (ed.). Linguistic landscape: A new approach to multilingualism. – *Multilingual Matters*, 2006.
9. Law of the Republic of Kazakhstan as of July 11, 1997 № 151-I *On Languages in the Republic of Kazakhstan* <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs>

УПОТРЕБЛЕНИЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТРИЧЕСКОЙ ЗАПИСИ ПО ОТДЕЛАМ ЗАГСА ГОРОДА УФЫ 1970-2000 ГГ)

Сулейманова Резида Ахметьяновна

Старший научный сотрудник

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

На основе фактического материала по изучаемому населенному пункту предпринята попытка проследить мотивы выбора имен в национально-смешанных семьях. Этот вопрос пока еще недостаточно исследован в башкирском языкознании и этнологии.

В Уфе часты случаи смешанных браков. В Уфе количество новорожденных в смешанных семьях за 1970, 1980, 1990 и 2000 годы составляет 5180 (71,1%), а в собственно башкирских семьях – 2099 (28,9%). Основными факторами при выборе имен в национально-смешанных семьях являются количественное преобладание национальности той местности, в которой родился ребенок, социальные условия, нейтральность имени по отношению к именам обеих национальностей.

При анализе мотивов выбора имен в смешанных семьях выяснилось, что в настоящее время башкиры заключают браки с представителями разных народов. В основном предпочтение отдают татарам и русским. В таких смешанных семьях преобладают интернациональные и русские имена.

Ключевые слова: тюркология, антропонимика, личные имена, этнология, лингвосоциология.

Suleymanova Rezida Ahmedjanova

Senior researcher

Institute of history, language and literature Ufa scientific center RAS

On the basis of factual material on the studied locality is an attempt to trace the motives of choice of names in the national-mixed families. This question is not yet sufficiently investigated in the Bashkir linguistics and Ethnology.

In Ufa there are frequent cases of mixed marriages. In Ufa the number of births in mixed families for 1970, 1980, 1990 and 2000 is 5180 (up 71.1%), and in fact Bashkir families – 2099 (28.9 per cent). The main factors in the choice of names in the national-mixed families are the quantitative predominance of the nationality of the place where the child was born, social conditions, neutrality is the name against the names of both nationalities.

In the analysis of motives of choice of names in mixed families it became clear that currently, the Bashkirs marriages with the representatives of different Nations. Mostly preference is given to the Tatars and Russian. In such mixed families is dominated by international and Russian names.

Key words: turkology, onomastics, personal names, ethnology, linguoecology.

**ТЮРКСКАЯ ОСНОВА ПРОЦЕССА ТОПОНИМИЗАЦИИ
(на примере урбанонимии Астаны)***

*Коныратбаева Жанар Молдалиевна,
кандидат филологических наук, и.о. профессор
филологический факультет
кафедра общего языкознания и теории перевода,
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан
E-mail: zhanarkon@mail.ru*

*Тусупбекова Мадина Жанбырбаевна,
кандидат филологических наук, доцент
филологический факультет
кафедра иностранных языков,
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан
E-mail: tusupbekova_mzh@mail.ru*

В урбанонимическом пространстве Астаны в последнее время активно осуществляются три важных процесса. Это: 1) процесс национальной трансонимизации, то есть осуществление наименования и перенаименования объектов на основе меморативного принципа с применением, в том числе национальных меморативов; 2) процесс возрождения национально-культурного своеобразия в ходе наименования объектов, данный процесс носит историко-культурный характер; 3) процесс национальной топонимизации, осуществляющийся за счёт перехода имен, имеющих нарицательное значение, в разряд имён собственных.

Главная цель статьи – раскрытие тюркских основ пласта онимов, возникшего в результате топонимизации. Этимологический анализ урбанонимической системы столицы Казахстана показал, что тюркский пласт является самым продуктивным ресурсом развития урбанонимии Астаны, и что источником возрождения онимов является тюркская историко-культурная основа и тюркские языки.

Ключевые слова: топонимизация, топосистема, имя собственное, урбанонимия, тюркская основа, этимология, интралингвистический фактор, Казахстан.

Любой язык в процессе своей жизнедеятельности пополняется, развивается и обогащается двумя путями. Первый путь – развитие за счёт внутренних ресурсов, второй – за счёт влияния внешних факторов.

В топосистеме столицы Казахстана, Астане, влияние как экстралингвистического, так и интралингвистического факторов достаточно сильно. В последнее время на урбанонимическом пространстве Астаны, да и в целом на территории Казахстана, наиболее продуктивным является путь развития за счёт внутренних ресурсов. Данный путь реализуется в процессе национальной топонимизации. Национальная топонимизация основывается на лингвистическом явлении, которое характерно для ономастических процессов, – приобретении именами нарицательными свойств имён собственных.

*Статья выполнена в рамках научного проекта «Разработка принципов научно обоснованной номинативной политики г. Астаны в контексте формирования казахстанского ономастического пространства» (2015-2017 гг.).

При переходе имен нарицательных в разряд имён собственных в процессе топонимизации наблюдается изменение лексических характеристик языковых знаков. А.В. Суперанская писала по этому поводу: «Преобразование нарицательного в собственное, даже если при этом сохраняется прозрачность семантики нарицательного, сопровождается редуцированием лексического значения апеллятива. Прежде всего редуцируются эмоциональные обертоны» [Суперанская, 1973, с. 246]. Первоначальное значение имен нарицательных, теряя свой первоначальный смысл, приобретает символическое значение.

Т. Жанузаков отмечал, что топонимы, которые характеризуются символическим значением, имеют множество разных особенностей. По мнению учёного, у имён собственных преобладает денотативное значение и четко прослеживается отсутствие сигнификата [Жанузаков, 2004, с. 39]. Языковые знаки, перешедшие в разряд онимов, можно считать средством целостного описания истории. На их языке вещает как прошлое, так и настоящее народа. Известно, что именно имёна собственные имеют такую особенность – сохранять информацию о культуре и истории народа.

Цель статьи – рассмотрение этимологической основы наименований, появившихся в результате перехода из разряда имён нарицательных в разряд имён собственных в процессе топонимизации на урбанонимическом пространстве Астаны. Помимо этого была предпринята попытка анализа различных научных мнений по поводу онимов, имеющих тюркские корни.

Нами было проведено исследование наименований урбанонимических ансамблей Астаны, среди которых названия улиц, проспектов, жилых комплексов, кварталов. Для ономастической науки очень важно рассмотрение исторических корней языковых единиц, подвергшихся онимизации и приобретших значение имён собственных. В целом, «все виды – собственных имен этнографичны, будь это личные именованья (антропонимы), имена божеств (теонимы), географические названия (топонимы), названия племен и народов (этнонимы) и др. Хотя они, как и все слова, подчиняются законам языка, и, следовательно, подлежат лингвистическому исследованию, но оно невозможно в отрыве от этнографии в силу характера самого материала. В свою очередь их изучение помогает решать различные этнографические задачи» [Никонов, 1971, с. 25].

Т. Жанузак, анализируя географические наименования Казахстана с точки зрения этимологии отмечает, что в составе казахских топонимов есть единицы, берущие своё начало с древних времён и раннего средневековья. Он отмечает, что нужно признать существование такого исторического факта, как средневековые и современные топонимы. [Жанузак, 2011, с. 13]. Учёный пишет по этому поводу: «Некоторые из этих наименований характерны для эпох Саков, Канлы, Уйсуней, Гуннов, некоторые для периода существования урало-алтайской языковой семьи, какая-то часть характерна для древнетюркского языка, большая часть относится древнеказахскому языковому пласту, небольшие группы топонимов пополнились за счёт арабского, персидского, монгольского, славянских (русского, украинского, польского и др.) языков» [Жанузак, 2011, с. 13]. А. Абдрахманов распределяет слои казахских топонимов следующим образом: «Мы считаем, что казахские топонимы с точки зрения их структуры состоят из двух больших групп: 1) топонимы, образованные на основе родного языка, 2) топонимы, созданные на основе других языков». Затем учёный распределяет происхождение топонимов, созданных на основе родного языка, на следующие периоды: 1) топонимы алтайской эпохи, 2) топонимы древнетюркской эпохи, 3) топонимы древнеказахской эпохи, 4) топонимы современного казахского языка. Также он отмечает что наименования алтайского периода содержат тюрко-монгольские языковые единицы [Абдрахманов, 1975, с. 31]. А. Б. Абдуалиулы, беря за основу главную классификацию казахской ономастики, выделяет четыре разных периода формирования топонимической системы

Казахстана: «1. Период общетюркского языка: а) период древнетюркского языка, б) период казахского языка, 2. Арабо-персидский период. 3. Период монгольского языка. 4. Период славянского (русского) языка» [Абдуалиулы, 2012, с. 15]. В своём исследовании мы берём за основу вышеназванные классификации, которые хорошо известны лингвистической науке. Нам хотелось показать на конкретных примерах, что топонимическая система столицы Казахстана формируется за счёт внутренних языковых ресурсов, имеющих тюркские основы.

В данное время в Астане 934 улицы, проспекта, квартала [<http://astana.gov.kz/>], из них более 100 в результате процесса топонимизации получили новые наименования. Аппелятивная лексика становится номинативной и приобретает значение символа. Около 70% наименований перешедших из разряда имен нарицательных в разряд имен собственных имеют тюркские корни.

На ономастической карте города появились наименования, образованные от языковых единиц, имеющих тюркскую основу: *Ақжелкен, Арна, Атақоныс, Базарлық, Балауса, Бастау, Болашақ, Бостандық, Боталы, Бірлік, Достық, Жайсаң, Жалын, Жасыл, Кеңдала, Кеңшалғын, Өркен, Өрнек, Сарын, Сонар, Үлкен, и др.* (названия улиц), *Алаш* (название шоссе), *Айдын, Гүлдала, Жазық, Мерген, Көкорай, Керуен, Сұлама, Ұлан, Шаттық, Ырыс, Оғыланды, Шабыт, и др.* (названия кварталов) *Азат, Арман, Гүлдер, Жастар, Қайнар, Көркем, Керемет, Сәтті, Сенім* (названия жилых комплексов) и мн. др. Конечно, эти лексические пласты активно используются в языке и нарицательном их значении. Некоторые из них находят применение только в профессиональной сфере и по нормам общеупотребительного языка не очень продуктивны. А вот некоторые языковые единицы возрождаются и начинают заново входить в языковой оборот. Например, такие как *Алаш, Оғыланды*.

Обратим внимание на происхождение некоторых топонимов, образованных на основе лексики тюркских языков:

Вот несколько примеров, относящихся к периоду тюркских языков.

Айдар (*Айдар-1, Айдар-2*) (наименование жилых комплексов. В труде М. Кашкари «Дивани лугат-ат-тюрк», который считается уникальной реликвией XI века, слово *айдар* представлено в виде слова *jalыг* (иалығ) *тақиғ jalығы* (гребень на голове петуха) [Кашкари, 1998, Т. 3, с. 22]. В современном казахском языке слово *айдар* приобрело множество значений. На протяжении веков этот языковой знак нашёл применение в разных стилях казахского языка. Например, «1) этнографическое значение «пучок длинных волос на гладко выбритой голове ребёнка», 2) «возвышенность, горка, высокое место» - есть такое значение, 3) «гребень на голове птиц или пучок перьев» распространённое значение, 4) «запряженный в арбу скот» переносное значение, 5) «звание, статус, престиж, известность» используется в переносном значении, 6) постоянная рубрика на определённую тему в газетах и журналах [СКЛЯ, 2006, Т. 1, с. 144]. А. Абдрахманов же при рассмотрении этимологии топонима *Айдарлы* происхождение слова *айдар* объясняет совсем по другому: «На самом деле это слова связано с часто встречающимся в Иране словом Абдарлы. Аб (иран. – вода) + дар (иран. – «ды» частица слова как суффикс) + лы (тюрк. – происхождения, суффикс образующий имена прилагательные): Абдарлы>Айдарлы». Очевидно, если опираться на топонимические исследования, значение топонима *Абдар>Айдар* «земля где есть вода, влажная земля», более оправдано. Однако, мы думаем, что активно используемое этнографическое значение слова из словаря современного казахского языка «пучок длинных волос на гладко выбритой голове ребёнка», является основой урбанонима «*Айдар*».

Айдын (название квартала). На древнетюркском языке *айдын* имеет значение «свет луны, лунный свет» [Кашкари, 1997, Т. 1, с. 47]. Академик Р. Сыздыкова на основе конкретных языковых фактов взятых из древних народных сказаний, из произведений устного народного

творчества, анализирует данное слово совсем иным образом. Она отмечает, что данное слово в средневековых памятниках имеет значение «яркий, ясный, открытый, прозрачный», и опираясь на мнение А. Курышжанова и Э. Фазылова говорит, что данное значение также связано с образом «луны». В ряду некоторых современных тюркских языков, турецкий, азербайджанский и др., слово *айдын* обозначает «яркий, сверкающий, ясный». В турецком языке есть глаголы, образованные от этого корня: *айдынламак* «освещать», *айдынланмақ* «1) сверкать, блестеть; 2) светлеть, светать». В современном туркменском языке слово *айдын* имеет значение «правильно, ясно, приятно» и «известно» [Сыздыкова, 1994, с. 21]. Анализируя этимологию лексемы *айдын*, упоминается также значение, которое имеет это слово имеет в киргизском языке «величие, величественность». Во всех этих словах *айдын/ айдың/ айдун* прослеживается значение «свет, луч». Поэтому возникло значение «лучистый, светлый», а из этого далее появилось значение «великий». Значение «великий» у данного слова свойственно не только киргизскому языку, но и казахскому тоже [Там же, с. 21]. Пояснения словарей современного казахского языка созвучны с мнением академика Р. Сыздыковой. В словаре казахского литературного языка даётся три значения слова *айдын*: 1) «вышедший из берегов, разлившийся водоём; озеро»; 2) «грозный, доблестный, величественный»; 3) переносное значение «ясный, открытый, просторный» [СКЛЯ, Т. 1, 2006, с. 147]. Т. Жанузак значение слова *айдын*, входящего в состав топонимов объясняет его так «море, достаточно большой водоём размером с озеро» [Жанузак, 2011, с. 22]. Таким образом, основой для процесса топонимизации является первоначальное значение этого слова – «вышедший из берегов, водоём».

Алаш (наименование шоссе) – древнетюркское слово. Это понятие появилось в древние времена, когда тюркские племена были единым целым. Понятие *Алаш* используется в качестве альтернативы слову «казах, казахи». «Наш предок – Алаш», - говорил казахский народ. На пути приобретения Независимости вернувшийся к понятию «Алаш», казахский народ использует данное слово в качестве призыва к свободе и единству [Улицы Астаны, 2011, с. 261]. Р. Сыздыкова в своём труде «Слова говорят» говорит о том, что в исторических источниках слово *алаш* используется в двух-трёх значениях. Первое – в качестве синонима слов «народ, страна, необъятная земля». Второе – определённое этническое сообщество, объединение (объединение племён, ханство, айталык). Третье значение - значение противоположное предыдущим - «враг, противник». Отрицательное значение данного слова встречается также в монгольском и калмыкском языках. В казахском языке в эти дни слово *алаш* зачастую употребляется в значении «казахский народ». [Сыздыкова, 1994, с. 33-37]. В толковом словаре казахского языка зафиксировано четыре значения данного слова: 1) Объединение казахских племён, 2) Призыв, боевой клич казахских родов в древние времена, 3) Страна, народ, люди, 4) Первая политическая партия казахской интеллигенции [ТСКЯ, 2008, с. 39]. А в 15-томном «Словаре казахского литературного языка» значения слова *алаш* раскрываются шире: 1. а) «самоназвание древних казахских племён, объединившихся в единое сообщество до возникновения самоназвания «казах»; б) «казах, казахская нация»; в) «народ, страна», 2. «Клич казахских племён в старые времена» древнее значение; 3. Название патриотично настроенной казахской интеллигенции и политических деятелей, которое использовалось в советское время; 4. Древнее значение «чужой, посторонний, враг» [ТСКЯ, 2006, Т. 1, с. 377-380]. При переходе данного слова из разряда имени нарицательного в имя собственное за основу было взято значение «казахский народ, казахское сообщество».

Аиутас (название квартала) – тюркское слово. В словаре М. Кашкари это слово представлено как *ажмиқ* (ажмүк), «ассоциация с плешивой головой *ажмиқ taz – ажмүк тас*». Голова плешивого, покрытая болячками и смазанная народным лекарственным средством» [Кашкари, 1997, Т. 1, с. 129]. В толковом словаре современного казахского языка это

лексема зафиксирована как *ашудас*, и там даются два значения этого слова: 1) Полученная из примесей алюминия, хрома, железа и других однощелочных металлов двухпроцентная сернокислая соль; бесцветный «прозрачный кристалл» - значения применяемые в химической отрасли; 2) «Кусок камня ашутас, использующийся при изъязвлениях ротовой полости» - общее значение [СКЛЯ, 2006, Т. 2, с. 273]. Таким образом, *ажмұқ тас* → *ашудас* → *ашутас* – «лекарственный препарат, использующийся в казахской народной медицине».

Жазык (наименование квартала). «Словарь казахского литературного языка» даёт три разных значения данного слова: 1) «широкая, просторная ровная территория»; 2) «широкое пространство не выше 200 метров над уровнем моря» географическое понятие; 3) «плоскость, природная геометрическая фигура» геометрическое описание [СКЛЯ, 2007, Т. 5, с. 551]. У этого слова тюркские корни. Например, в словаре М. Кашкари слово *jazy* (язы) объясняется следующим образом: «равнина, ровная земля, открытое пространство» [Кашкари, 1998, Т. 3, с. 36]. В труде О. Сулейменова «Язык письма» говорится, что такие наименования как «языги, язычники, то есть степняки» имеют значение «не христианин, антихрист», закрепившиеся в значении враг. Тем не менее само слово «язык» в русском языке получило положительное значение и широко употребляется. Язык – 1. Ровная степь. 2. Письмо, написание, письменные памятники. На огузском языке слово *язык* толкуется как – письмо, письменный текст, написание. В итоге, осёдлые христиане, враждуя со степными кочевниками, называя их «языгами, язычниками», то есть врагами, само слово *язык* оставили для широкого применения в русском языке. Конечно, сложно утверждать прав ли автор или нет по в данном вопросе. По мнению О. Сулейменова, тюркские и славянские языки – это языки, которые сохранили древнюю морфологическую систему и морфологические форманты. Несмотря на то, что тюркские и славянские языки не являются генетически родственными, между ними существует культурное родство, их можно считать принадлежащими к единому культурно-родственному пространству [Сулейменов, 1998, с. 223-224].

В нашем случае, когда речь идёт о топонимизации Астаны, применимо топонимическое описание «место, пространство, где нет гор, хребтов, возвышенностей; пространство, где невозможно увидеть горизонт».

Жалын (название улицы) – языковой знак, использующийся с периода существования древнетюркского языка до сего дня. В Древнетюркском словаре *jalin* – пламя, огонь: *ot jalini* – языки пламени, пламя огня [ДТС, 1969, с. 229]. В современном казахском языке это слово используется в разных значениях. Например, 1) «пламя зажженного огня, яркое горение»; 2) «вещество в виде гранул, появляющееся в результате высокой температуры горения газа»; 3) диалектное значение «сильный порывистый ветер»; 4) из предыдущих значений вытекающее значение «сила, мощь» «воля, энергия» 5) «сила, накал, порыв» эмотивное значение [СКЛЯ, 2007, Т. 5, с. 682-683]. В топонимизации, мы думаем, использовалось значение «огонь пламя».

Жасыл (название улицы) – тюркский элемент. В толковом словаре казахского языка даются три значения данного слова: «1) наименование цвета, цвет; 2) период, когда растительность находится в стадии зелени; 3) в разговорном языке данное слово используется в значениях «возраст, молния, огонь». В труде М. Кашкари есть слово *jaşyl* (иашыл) – зелёный, а также есть слово, обозначающее густо, ярко-зелёный цвет *jar jaşyl* «иап иашыл». В словаре говорится, что слово *jaşyl* иногда употребляется со словом *juşul* «иүшүл» вместе: *jaşyl juşul* - «иашыл иүшүл». В «Древнетюркском словаре» зафиксировано два значения данной лексемы. 1-е значение – значение цвета «зелёный, зелень, трава, растительность (в значении зеленеющий)»; 2-е значение имеет значение географического термина – наименование реки - *jasil oguz* (зелёный огуз) [ДТС, 1969, 246].

Думается, что оба эти значения, и обозначение цвета и обозначение растительности, легли в основу онимизации.

Кендала (название улицы). Это словосвойственно употреблять при описании очень большого степного пространства. В составе данного топонима слово *кен*, которое в древнетюркском языке использовалось в трёх значениях: 1. «широкий, крупномасштабный»; 2) «обильный, благодатный, богатый»; 3) переносное значение «щедрый» [ДТС, 1969, 298].

Кенжайлау (название улицы) – слово, которое несет в себе понятие о широте казахской степи. Обе составные части данного слова имеют тюркскую основу. Первая часть слова *кең* в словаре М. Кашкари, так и даётся *кең* [Кашкари, 1998, Т. 3, с. 482], а вторая часть как *жайлау*, то есть *жайлау* [Кашкари, 1998, Т. 3, с. 67]. Слово *жайлау* в современном казахском языке употребляется в значениях предметном (имя существительное), описательном (как имя прилагательное), в значении движения (глагол). Среди них предметное значение – это «место для выпаса скота».

Кырат (название квартала) – «возвышенность на поверхности земли». В древнетюркском языке вышеупомянутая единица представлена как *сырт* (сырт). «Огузы возвышенности и склоны, хребты называют *сырт*» [Кашкари, 1998, Т. 1, с. 400]. Т. Жанузак, анализируя этимологию пастбища *Сырт* в Алматинской области, опирается на следующую информацию Э. Мурзаева «В древнетюркском языке *sirt* имеет значение «возвышенность»; в узбекском языке *сирт* «возвышенность», «гребень, хребет», «высота»; в азербайджанском языке «высокая часть чего-либо», «гребень, холка», «ровная поверхность»; в казахском языке *сырт* «внутренний, «наружный, внешний», «горная гряда, возвышенность»; в киргизском языке *сырт* «внешняя сторона», «место, территория, находящаяся дплеко» (в переносном значении – «вершина высокой горы», «горное плато»); в хакасском языке *сыр* «возвышенность», «хребет», «вертикаль, грань», «гребень горы»; в туркменском языке *сырт* «хребет, возвышенность», «дюна»; в турецком языке *sirt* «горная гряда, хребет», «горный хребет»; в монгольском языке *сэр* «арка тус», «позвонок», в переносном значении «возвышенность», «дюна» [Жанузак, 2011, с. 372]. *Сырт* сформирован из древних языковых элементов, поэтому появление этого наименования в ономастиконе столицы закономерно. Степные пастбищные просторы и возвышенности, плато и дюны – сильная и оправданная мотивация образования таких наименований как *Кырат* в ряду онимов казахского ландшафта.

Шаттық (наименование квартала) – состояние радости человека. По М. Кашкари понятие «шаттық, сүйініш» (радость, восторг) передается словом *sevinch* (севінч). В словаре М. Кашкари приводится в пример пословица *Үкүмсеvinch bolsa қатығ охsunur: Если человек сильно радуется, то он следом может сильно огорчиться* [Кашкари, Т. 3, 1998, с. 500]. Ясно, что в основу названия квартала легли именно значения «радость, восторг». В то же время отмечается, что у слова *шаттық* при сохранении первоначального значения, формируется символическое значение.

Переход имен нарицательных в разряд имен собственных осуществляется при помощи определённых частиц, формантов, что также отмечается в исследованиях ученых. А. Абдрахманов, проводя этимологические исследования топонимов, отмечает ряд древних суффиксов, которые активно участвуют в образовании онимов. Один из таких формантов – -лы//лі, -ды//ді (Даган+ды, Зерен+ді, Каза(л) +лы, Каркара+лы, Карта(л) +лы), -ты//ті (Алма+ты, Аргана+ты, Ебей+ті, т.б.) [Абдрахманов, 1975, с. 48].

В ономастике Астаны в названиях улиц и кварталов встречаются упомянутые форманты. Например,

Боталы (название улицы) – единица, использующаяся с древнетюркского языка. В древнетюркском языке слово использовалось в форме *botuq* (ботұқ), имело значение «верблюжонок» [Кашкари, 1998, Т. 3, с. 297]. Для кочевых тюркских народов испокон веков

земля для «выпаса верблюдов, верблюжат» имеет особое значение, это земля благодатная. Переходу данного слова на урбанонимическую карту Астаны безусловно способствовало данное значение.

Камысты (название улицы) – тюркское слово. В древнетюркском языке использовалось как *қамышлығ* (камышлығ). Например, *Қамышлығ* жег: қамышлығ иер [Кашкари, 1997, Т. 1, с. 553]. То есть «земля, где растёт много камыша, обильная камышом земля»

Огыланды (название квартала) – у слова тюркские корни. В древнетюркском языке слово использовалось в значении «чей-то ребёнок, наследник, раб или воин» [Кашкари, 1998, Т. 3, с. 277]. В современном казахском языке активно используется слово *ұлан*, исторической основой которого было слово *огыланды*. Только в последнее время это слово появилось в языковом обороте, в большей степени оно было характерно для лиро-эпических произведений, а также для стиля художественных произведений. Языковой знак *Огыланды* из категории имен нарицательных переведён в имена собственные только с одной определённой целью – с целью возрождения историко-культурных ценностей, с целью раскрытия национальных источников, ресурсов пополнения современного казахского ономастикона. Известно, что по сравнению с апеллятивами имена собственные в большей степени имеют способность к сохранению национально-культурной окраски.

Наряду с этим необходимо отметить, что суффиксы *-лы//лі*, *-ты//ті*, *-ды//ді*, используемые в составе годонимов *Боталы*, *Қамысты*, *Огыланды*, активно используются в морфологических конструкциях современного казахского языка.

Как мы упоминали ранее современная лексема *қамысты* в словаре М. Кашкари представлена в древнетюркской форме *қамышлығ* (камышлығ). Получается, частица *-ты//ті* имела древнюю форму *лығ* (лығ). Совершенно очевидно, что эта форма, имеющая древнетюркские корни является опорой для создания топонимов и в наши дни.

Сана (наименование жилого комплекса). Лексема *сана* – в казахском языке известна как многозначная языковая единица. Материалы словарей это подтверждают. Например, в литературном словаре у слова *сана* есть и номинативное значение, и значение движения, и много других значений можно обнаружить: «*Сана*. Значения именной формы: 1) самая высшая форма описания объективной действительности в идеальной виде свойственная только человеку; 2) знания, здравомыслие; 3) переносное значение «кругозор, сознание, разум»; 4) психологическое значение «чувство и набор образов»; 5) «наука, знания, образование»; 6) «мышление, деятельность; 7) «разум, мысль, сознание»; 8) диалектное значение «лекарственное растение». *Сана*. Значения глагольной формы: 1) «подсчёт денег или чего-либо другого»; 2) «говорить по очереди, идти в ряд, цепочкой»; 3) «уточнение количества»; 4) переносное значение «придти к какому-либо известному мнению»; 5) появилось переносное значение «брать на учет» [СКЛЯ, 2011, Т. 12, с. 635-637]. Р. Сыздыкова говорит о том, что лексема *сана* в значении «мысли раздумья» встречается в народных преданиях. Она доказывает своё мнение конкретными языковыми фактами, анализируя эти факты, ученый говорит о том, что данное слово не заимствованное, что оно является общим языковым фактом для тюркских и монгольских языков.

Сеним (наименование жилого комплекса). В труде М. Кашкари представлено как *ынанч* (ынанч), примеры которые дают понимание значения «*ынанч бег*: *ынанч бег* – надёжный бек (человек, которому можно доверять)» [Кашкари, Т. 3, 1998, с. 594]. Таким образом, алгоритм появления слова *сеним* выглядит так: *ынанч* – *иланыс* – *сенис* – *сеним*, имеет значение «верить, доверять чему-либо или кому-либо» в именной форме.

В целом, у прагматонимов (наименования жилых комплексов) в соответствии с функционально-прагматической деятельностью такие языковые единицы как *сана* (качество), *сеним* (доверие) имеют рекламные характеристики и активно используются в топонимизации.

Улан (наименование жилого комплекса) – слово, берущее своё начало от древнетюркских основ, имеет значение «подросток, ребёнок, юноша». В словаре М. Кашкари данное слово представлено как *oġla* (оғла) [Кашкари, Т. 1, 1997, с. 159]. В словаре дается описание значения слова через такие примеры как «*oġlanығ күchedi: oġlanығ күchedi – ұланды күшитеді*, то есть показывает силу ребёнку [Кашкари, Т. 3, 1998, с. 347]. В Словаре казахского литературного языка раскрывается четыре значения данного слова: 1) «подросток, юноша, молодой человек»; 2) «огромный, великий, крупный»; 3) «воин, охранявший правителя; группа конных воинов в средние века; воины-лучники в тюрко-монгольской армии с пиками, украшенными кистями»; 4) переносное значение «подразделение воинов, которые пользуются особыми почестями за отвагу и стойкость» [СКЛЯ, 2011, Т. 14, с. 706]

Жилому комплексу наименование *Улан* даётся с использованием значения «подросток, юноша, молодой человек». Этот оним очень удачно сочетается с молодостью, с ростом, с будущим Астаны.

В результате процесса топонимизации национальный фонд наименований обновился и возродился также за счёт языковых ресурсов досоветской эпохи и советского периода. В советское время в Астане появились топонимы (наименования улиц и проспектов), использующие в качестве основы номинативную лексику в символическом значении: – *Цветочная – Балауса, Озерная – Өзен, Набережная – Жагажай, Мира – Бейбітшілік, Дружба – Достық, Трудовая – Еңбекшілер, Шахтерская – Кеншілер, Няфтяников – Мұнайшылар*. Все названия переведены на казахский язык, приобрели национальное своеобразие и получили новое звучание.

Наименования, вызывающие стереотипные ассоциации советского периода в жизни казахского народа, были сменены на меморативные онимы, связанные с историей и культурой Казахстана.

Подводя итоги, хочется подчеркнуть, что топонимизация на урбанонимическом пространстве Астаны внесла вклад в развитие и обогащение внутренних языковых ресурсов. На ономастической карте Астаны были возрождены и внедрены онимы, сформированные на тюркской языковой основе. Можно сделать вывод о том, что урбанонимический дизайн главного города Казахстана соответствует принципам языковой политики страны и наименования/перенаименования объектов города. Этот закономерный процесс позволил превратить Астану в историко-культурный центр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – Москва: «Наука», 1973. – С. 367.
2. Жанузаков Т. Казахская ономастика: достижения и перспективы. – Алматы: Азия, 2004. – С. 128.
3. Никонов В.А. Этнография и ономастика (на материале Украины) // Советская этнография. — 1971, № 5. – С. 25-36.
4. Жанузак Т. Географические названия (этимологический справочник). – Алматы: «Искусство», 2011. – С. 496.
5. Абдрахманов А. Топонимика и этимология. – Алматы: «Наука», 1975. – С. 207.
6. Ономастика Астаны. – Астана: «Астана полиграфия», 2012. – С. 248.
7. <http://astana.gov.kz/>
8. Кашкари М. Тюркский словарь. В 3 томах. Т. 3. – Алматы: «ХАНТ», 1998. – С. 600.
9. Словарь казахского литературного языка. В 15 томах. – Алматы: «Арыс», 2006, 1-том. – С. 752.
10. Кашкари М. Тюркский словарь. В 3 томах. Т. 1. – Алматы: «ХАНТ», 1997. – С. 590.

11. Сыздыкова Р. Слова говорят. – Алматы: «Санат», 1994. – С. 272.
12. Улицы Астаны. Сборник. – Алматы: «Сардар», 2011. – С. 376.
13. Толковый словарь казахского языка. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2008. – С. 968.
14. Словарь казахского литературного языка. В 15 томах. – Алматы: «Арыс», 2006, 2-том. – С. 744.
15. Словарь казахского литературного языка. В 15 томах. – Алматы: «Арыс», 2007, 5-том. – С. 752.
16. Сулейменов О. Язык письма. Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества. – Алматы-Рим, 1998. – С. 497.
17. Древнетюркский словарь. – Ленинград: «Наука», 1969. – С. 677.
18. Словарь казахского литературного языка. В 15 томах. – Алматы: «Арыс», 2007, 6-том. – С. 752.
19. Словарь казахского литературного языка. В 15 томах. – Алматы: «Казахская энциклопедия», 2011, 12-том. – С. 752.
20. Словарь казахского литературного языка. В 15 томах. – Алматы: «Казахская энциклопедия», 2011, 14-том. – С. 800.

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ЗООНИМАМИ
В КАЗАХСКОМ, АРАБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Гаджиева Анар Ахметбековна

кандидат филологических наук, доцент,

Военный университет (Москва, РФ);

E-mail: nuanar@yandex.ru

Самая многочисленная группа фразеологизмов объединяется вокруг названий частей тела человека, наименований животных и явлений природы.

Во многих языках мира фразеологизмы с компонентами-зоонимами обладают особыми эмоционально-оценочными значениями и составляют пласт фразеологического фонда, в которых отражается самобытность культуры народа и особенности его уклада жизни.

В сопоставляемых языках фразеологизмы с компонентами-зоонимами могут абсолютно совпадать по смыслу, стилистической окраске и образности. В то же время могут иметь различные специфические коннотационные значения. В основе коннотаций и переносных значений зоонимов лежат, как правило, не реальные признаки, а особенности восприятия того или иного животного носителями определенного языка, которые зачастую формировались под влиянием исторических или случайных факторов [Кронгауз 2001:139].

В основном фразеологизмы с компонентами-зоонимами передают те или иные черты характера человека, символизируют красоту, ум, особенности его поведения и действий. Например, эпитеты о женщине передают фразеологизмы: каз. *‘қаз мойын’* – (букв. гусиная шея) стройная, гибкая, длинная; русск. *‘лебединая шея’*; араб. *‘tamshuqatu-l-qaua:m miṭla-l-faras’* (букв. стройная станом словно лошадь) – стройная словно лошадь.

В традиционной казахской культуре очень много фразеологизмов, относящиеся к лошади, так как для казаха она является в некотором смысле священным животным, незаменимым помощником в быту и хозяйстве. На протяжении веков богатство у казахов измерялось количеством лошадей, а самых почитаемых гостей потчевали деликатесной пищей из мяса лошади – казы, карта, жал, жая. Лошадь является главным животным в национальных конных играх – кыз куу, бәйге, көкпар. Фразеологизмы с компонентом *‘ат’* (лошадь) у казахов имеют положительную оценочную коннотацию при описании человека: *‘ат жалын тартып міну’* (букв. сесть на лошадь, взявшись за гриву) – возмужать, повзрослеть; *‘ат құлағында ойнайды’* (букв. играет на ушах лошади) – очень ловкий и шустрый человек; *‘атқа жеңіл телпекбай’* (букв. легок на лошади) – легок на подъем. Отрицательная характеристика деятельности человека чаще всего выражается действиями через нанесение вреда, каких-либо действий по отношению к лошади. Например: *‘ат кекілін (құйрығын) кесісу’* (букв. взаимно подрезать челки или хвосты лошадей) – враждовать, разорвать отношения; *‘ат сабылтты’* (букв. измучить лошадь) – испытывать хлопоты, неудобства, измучиться; *‘ат бауырына алды’* (букв. положить под лошадь) – избить, всыпать.

Лошадь занимает особое место и в жизни арабов. Это можно увидеть в фразеологизмах, связанных с ним. Арабы чаще всего сравнивают человека с *‘faras, ḥiṣa:n’* (лошадью): *‘absar min al-faras’* (букв. зрячее лошади) – человек с хорошим зрением; *‘miṭla-l-faras’* – (букв. словно лошадь) – сильный, решительный человек; *‘yajri miṭla-l- ḥiṣa:n’* – (букв. скачет словно жеребец) – быстроногий человек.

Зооним *‘faras, ḥiṣa:n’* (лошадь) в большом количестве встречается в арабских пословицах и поговорках. Например: *‘inna -l-jawwad qad ya ṭaru’* – Породистый конь и тот иногда спотыкается (о человеке, от которого в основном исходят благие дела, но иногда бывают и промахи).

В русском языке лошадь типичный символ трудолюбия, благородства и силы: *укатали сивку крутые горки, ломовая лошадь, рабочая лошадка, устал как лошадь, въехать на белом коне, ход конем*. В то же время фразеологизмы с компонентами-зоонимами ‘мерин’, ‘кобыла’ имеют отрицательное коннотационное значение: *бред сивой кобылы, врет как сивый мерин, пришей кобыле хвост и т.д.*

Другим животным, связанным с многочисленными фразеологизмами, является верблюд. Он один из почитаемых животных у многих народов, в том числе у арабов. Самец верблюда символизирует силу, мощь и оплот народа. В доисламской поэзии, в пословицах и поговорках верблюд играет заметную роль: «Никуда не впускай даже носа верблюжьего, ибо тогда будешь вынужден впустить и все остальное» – гласит арабская пословица. Выносливость, неутомимость, величие, бешенство и ярость – вот основные качества выражаемые посредством фразеологизмов с компонентом-зоонимом ‘*jamal*’ (верблюд): ‘*ahqadu min al-jamal*’ (букв. злее верблюда) – злобный человек; ‘*al-jamal yu:li: `ala: sa:hibihi*’ (букв. верблюд, управляемый хозяином) – о человеке, который после долгих лет дружбы причиняет зло другу; ‘*jamalu-ṭa:ḥunah*’ (букв. верблюд, который крутит мельничный круг) – о человеке, который напрасно трудиться в поте лица.

Для казахов верблюд является олицетворением силы, могущества: ‘*түйенің жарты етіндеі*’ (букв. с половины туши верблюда) – тучный, тяжеловесный человек; ‘*түйені түгімен, биені жүгімен жұтқан*’ (букв. проглотивший верблюда с шерстью и кобылу с вьюком)- жадный, ненасытный; ‘*түйе үстінен ит қабу*’ (букв. даже сидя на верблюде, быть укушенной собакой) – быть неосторожным, неприспособленным к жизни; ‘*түймедейді түйедей ету*’ (букв. что-либо величиной с пуговицу представлять размером с верблюда) – сильно преувеличивать, делать из мухи слона.

Название детеныша верблюда ‘*бота*’ имеет положительную коннотацию в казахском языке. Этот компонент присутствует в женских именах собственных. Например: Ботагөз – верблюжьих глазки; Акбота – белый верблюжонок. В казахском языке обращение ‘*ботам*’ – мой верблюжонок используется по отношению к детям. Описывая красивую женщину казахи говорят ‘*бота көз*’ – глаза, как у верблюжонка. Самого быстрого скакуна называют ‘*бота тірсек*’ – ноги как у верблюжонка. Данное фразеосочетание используется также, как тонконогий, слабый.

Наибольшее количество фразеологизмов с компонентом-зоонимом ‘*есек*’, ‘*осел*’, ‘*hima:r*’ имеет отрицательную оценочную коннотацию в сопоставляемых языках. Например: ‘*есектей ақымақ*’ – (букв. глуп как осел); ‘*есектің миын жеген*’ (букв. тот, который съел мозг осла) – обезумевший, одуревший человек; ‘*есектің мойнына байлап жіберу*’ (букв. привязать к шее осла) – насмеяться; ‘*есек даме*’ (букв. ослиная надежда) – несбыточная надежда, строить воздушные замки. Казахские поговорки ‘*есек барға саналса да, малға саналмайды*’ – хоть и осел имеется в домашнем хозяйстве, как домашний скот не в счет; ‘*есекті қанша мақтасаң да, тұлпар болмас*’ – сколько осла ни хвали, он тулпаром не станет, показывает пренебрежительное отношение людей к этому животному.

В арабском и русском языках отношение к этому животному двоякое. Во-первых, осел символ глупости, нерешительности, униженности и покорности. Во-вторых, осел символ выносливости и стойкости. Например: ‘*ajhal min al-hima:r*’ (букв. глупее осла) – невежда; ‘*aṣḥab min al- ḥima:r*’ (букв. терпеливее осла) – стойкий, выносливый человек; ‘*mitla-l- ḥima:r*’ (букв. как осел) – униженный, смиренный.

В «Словаре русской фразеологии» зооним осел встречается в фразеосочетании ‘*Буриданов осел*’ – крайне нерешительный человек. Выражение приписывается французскому философу-схоласту XIV века Ж.Буридану, который доказал, что поступки живых существ зависят не от их воли, а исключительно от внешних причин. Свою мысль

он подтверждал примером осла, который должен умереть с голоду, если две охапки сена будут находиться на равном расстоянии от него, так как при абсолютной свободе воли он не сможет выбрать, какую охапку сена съесть первой [Словарь русской фразеологии 1998:423-424]. О покорном, молчаливом человеке, который вдруг запротестовал или выразил свое мнение говорят '*валаамова ослица*'. В бранном значении имеется в виду глупая, упрямая женщина. Этот оборот восходит к Библии. Пророк Валаам направлялся на своей ослице к моавитскому царю, чтобы проклясть народ Израилев. Неожиданно ангел с обнаженным мечом перегородил дорогу ослице, и она стала сворачивать в сторону. Не видящий ангела Валаам начал бить ослицу. Тогда она запротестовала человеческим голосом [Словарь русской фразеологии 1998:424].

Таким образом, сопоставительный анализ фразеологизмов казахского, арабского и русского языков с компонентами-зоонимами позволяют сделать вывод, что положительный или отрицательный характер коннотаций зависит от своеобразия культур, быта, традиций, образа жизни и верований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии - Санкт-Петербург: Фолио-Пресс 1998
2. Кожухметова К.Х., Жайсакова Р.Е., Ш.О.Кожухметова Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата: «Мектеп», 1988
3. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Изд-во РГГУ, 2001
4. Hussein Maxos The Arabic Idioms - Damascus: 1995-2003.

БАШКИРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ О ТРАДИЦИЯХ ВЫБОРА БРАЧНОГО ПАРТНЕРА

Мигранова Эльза Венеровна

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдел этнологии Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН, Уфа
E-mail: mig.el@mail.ru*

В данной работе предпринимается попытка воссоздания картины выбора спутника жизни в традиционном башкирском обществе на основе народных пословиц. Поиск брачного партнера мог происходить следующими способами: подбор невесты родителями жениха; договоренность родителей с обеих сторон (это могло произойти и в раннем детстве потенциальных жениха и невеста); собственный выбор жениха (особенно если он был уже взрослым состоятельным человеком); брак на основе взаимной симпатии и влюбленности молодых – все это наиболее распространенные виды традиционного брака по сговору, подразумевавшие выполнение всех законных и религиозных брачных норм. Кроме этого раньше существовал такие искаженные формы брака, как, многоженство, левират, сорорат, брак похищением; но все они в целом не одобрялись обществом. Пословицы свидетельствуют о существовавших у башкир в прошлом экзогамных брачных отношениях, согласно которым запрещались браки в пределах семи поколений по отцовской линии. Удачный выбор супруги являлся залогом дальнейшей счастливой жизни. Из пословиц можно получить представление и о необходимых качествах невесты и жениха, времени проведения свадеб и т.д. В целом, пословицы довольно полно и достоверно отражают существовавшие в традиционном башкирском обществе проблемы выбора брачного партнера, к которым нелишне было бы прислушаться и в настоящее время.

Ключевые слова: Пословицы, фольклор, выбор брачного партнера, свадьба, традиции, этнография.

В одной из своих статей мы на основе анализа башкирских народных пословиц рассмотрели традиционный институт брака и взаимоотношения супругов [Мигранова, 2015, с. 421-424]. В данной же работе предпринимается попытка воссоздания картины выбора спутника жизни в традиционном башкирском обществе*. Поиск брачного партнера мог происходить следующими способами: подбор невесты родителями жениха; договоренность родителей с обеих сторон (это могло произойти и в раннем детстве потенциальных жениха и невеста); собственный выбор жениха (особенно если он был уже взрослым состоятельным человеком); брак на основе взаимной симпатии и влюбленности молодых – все это наиболее распространенные виды традиционного брака по сговору, подразумевавшие выполнение всех законных и религиозных брачных норм. Полюбивший мужчина практически всегда мог рассчитывать на брак «*Если едет влюбится – женится*», в то время, как влюбленность невесты не являлась достаточным основанием для замужества, даже напротив «*Если девушка влюбится – в девах останется*». Кроме этого раньше существовал такие искаженные формы брака, как, многоженство, левират, сорорат, о которых будет сказано ниже. Брак похищением не одобрялся обществом «*Умыкнутая девушка – опозоренная девушка*».

Конечно, благом и для мужа и для жены был брак по взаимной любви «*Краса жизни – с любимым*»; «*Глаза тысячу будут видеть, душа одну выберет*»; «*Если душа не тянет, и кровь не вскипает*». Не зря родились и такие пословицы «*С нелюбимым человеком вовек*

не уживешься»; *«В домах, где жены любят мужей, лучи солнца разливаются»*. Удачный выбор супруги являлся залогом дальнейшей счастливой жизни *«Хорошая жена – половина счастья»*; *«Хорошая жена – клад, плохая – беда»*; *«Хорошая жена – сокровище дома»*; *«Если жена хорошая – на аргамака взойдешь, если плохая – в могилу сойдешь»*; *«И добро и зло семейной жизни от женщины»*; *«И возвышает мужа жена, и унижает мужа жена»*; *«Если жена плоха, то она и есть твой Газраил»*; *«Если жена хороша, то и рая не надобно»*.

Башкирскому народу не чужда была и общая для всех народов идея, что *«Каждый человек рождается со своей парой»*. Хотя не редко встречались и такие союзы, в которых один супруг сам хоть и не сгорал от страсти, но позволял любить себя *«Один любит сам, другой любит, чтоб его любили»*.

Предпочтительным для женитьбы был молодой возраст, как для жениха, так и для невесты *«Если егет до тридцати лет по своей воле не женится, после тридцати – от страха не женится»*; *«Не созревший к двадцати годам и в пятьдесят не женится»*. Для брака девушки предпочитали молодых людей *«Хоть у мужа старика калач за пазухой, да он кровью пропитан, молодой держит плетку за пазухой, да она медом пропитана»*; *«Хлеб мужчины-вдовца хоть и приволен, девушки хотят замуж за егетов»*. Хотя, конечно, для мужчины возраст не был столь критичным для вступления в брак, а про возрастных невест в народе шутили: *«Взрослая девушка замужества не боится»*; *«Девушку на выданье усами не испугаешь»*.

Женитьба не молодой создавала иллюзию собственной молодости *«Жениться на молодой девушке – душу омолодить»*; *«Кто не любит кумыс? Кто не хочет сосватать молодую девушку?»*.

К брачному выбору необходимо было подойти серьезно, на всю жизнь *«На пока» не строй дом, «на пока» не бери жену»*; *«Выйди замуж раз, но выйди с умом»*. При выборе будущей жены не следовало пренебрегать советами родственников *«Жену хочешь обрести – со всем родом посоветуйся»*; не лишне было прислушаться и к общественному мнению *«Не бери ту, которую хвалит отец, бери ту, которую хвалит аул»*. Хотя и считалось, что *«Когда выбираешь девушку, верь больше ушам, чем глазам»*, но для собственного спокойствия следовало остерегаться и сплетен *«Если поблизости возьмешь жену, будь на ухо туг»*. Внимательно присматривались и к родителям: *«Не смотри на цветок, смотри на корень»*; *«Девушку видать по родне»*; *«Глядя на мать выбирай дочь»*; *«Если берешь жену, смотри на родословную»*. *«Не имеющему отца, коня не давай, не имеющему мать дочь не отдавай»*. С другой стороны, влюбленные могли и пренебречь общественным мнением *«Девушка идет за того, кто люб, а не за того, кого восхваляют»*.

Обычай предписывал не брать жену не только в своем роде, но даже в своем ауле *«Коня и жену в своем ауле не бери»*; *«В своем ауле не бери ни девушку, ни скотину»*. К тому же в более отдаленных от отчего дома местах девушке волей неволей приходилось быть более терпеливой: *«Не отдавай дочь в ближайший аул – со слезами к тебе вернется»*. Пословица *«После седьмого колена нутро девушки меняется»* свидетельствует о существовавших у башкир в прошлом экзогамных брачных отношениях, согласно которым запрещались браки в пределах семи поколений по отцовской линии. Считалось, что после седьмого поколения родственные связи обрываются [Башкирское народное творчество, 1993, с. 442].

Будущую жену следовало хорошенько узнать до свадьбы: *«Чем брать красавицу, которую не знаешь, лучше возьми некрасивую, которую знаешь»*. С другой стороны любимая казалась милее всех *«Кого любишь, тот и красив»*; *«Не красotka красивой кажется, а любимая»*. Жених также мог быть подвергнут испытаниям: *«Не выходи замуж, жениха не испытывай»*; *«Прежде чем выйти замуж, познай нутро своего жениха»*. Девушке не пристало торопиться замуж *«Девушка, которая торопится замуж, без мужа останется»*;

не следовало быть и чересчур строгой в своем выборе *«Ищущая безгрешного жениха, без жениха останется»*; *«Надменная дева себе мужа не найдет»*; *«Долго выбиравшая девушка за плешивого замуж вышла»*.

Для брака предпочтительным был партнер своего круга *«Ровня с ровней хороши»*; *«Хоть и в ссоре, да с ровней живи»*; *«Не старайся быть ровней тому, кто тебе не ровня»*. Однако, жену можно было взять и из более бедной и менее благородной семьи, предполагалось, что такая жена будет больше почитать своего мужа и его родственников *«Если берешь девушку, бери из бедной семьи»*; *«Зятя бери из тех, кто выше тебя родом, сына жени на той, что ниже тебя родом»*.

Раньше у башкир-скотоводов свадьбы, как и другие масштабные торжества (майданы, йыйыны), чаще проводились летом. Упоминания об этом содержатся в работах XVIII в. Так, И.И. Лепехин отмечал, что *«у Башкирцов отменные пирования отправляются тогда, когда их кумыс в совершенном бывает довольствии»* [Лепехин, 1802, с. 149]. По мере того как скотоводство теряло преобладающее значение, проведение свадеб все чаще стало приурочиваться к осенне-зимнему периоду. Д.П. Никольский, изучавший быт башкир в конце XIX в., утверждал, что *«браки чаще бывают зимою, в это время у башкир есть и деньги, и хлеб, да и работ меньше. Летом реже свадьбы бывают...»* [Никольский, 1899, с. 113]. И башкирская пословица гласит *«Весной – узкое горло, осенью – свадебное горло»*. Только для зажиточных семей не имело значения, когда проводить свадьбу; в народе даже сохранилась поговорка *«Байские свадьбы весной проходят»*.

Из пословиц можно получить представление и о необходимых качествах невесты и жениха. Так, ценились ум и образованность девушки *«Грамотная девушка – все равно что с придаными»*; *«Пусть девушка некрасива, да был бы ум в голове»*; трудолюбие и хозяйственность *«Трудолюбивой девушке сват не нужен»*; *«Ленивую замуж не берут»*. Будущая жена должна была быть покладистой, уметь угодить мужу – *«Покладистая жена дорога мужу»*; *«Коль жена покладиста, золота не нужно»*; *«Угодливая жена красивой кажется»*; быть рачительной, бережливой, уметь хорошо готовить *«Хорошая жена из ничего сготовит и накормит, плохая – последнюю лошадь зарезать заставит»*; *«У хорошей жены и лапша как халва»*; быть проворной, шустрой, расторопной: *«Проворная жена – истинное счастье»*; прилежной – *«На прилежной жене дом держится»*. Хорошая жена не должна была противоречить мужу, спорить с ним, бранить его *«Не брани хана, что далеко – рука его тебя достанет, не брани мужа, что глуп – гнев его тебя достанет»*.

Ну и, конечно, традиционно для башкирской невесты сохранить честь было делом чести *«Хоть сорок лет невесте, но пусть будет девушкой»*. Во все времена блуд и разврат считались грехом *«Дом с распутной хозяйкой не будет благополучным»*; *«В доме, куда вошел блуд, не будет благополучия»*; *«Дурной муж будет воровством заниматься, дурная жена будет блуду предаваться»*.

Ум и деловые качества, отвага имели немаловажное значение и для жениха *«Умная девушка на ум смотрит, глупая на возраст»*; *«Ничего, что жених молод, лишь бы с умом был»*; *«Егету смотрят не на зубы, а на его дела»*; *«Дура польстится на красоту, умная на отвагу»*. Ценилась верность *«На мужа гуляку не опирайся»*; *«Поверившая блудному – без мужа останется»*; *«Блудливый счастья не найдет»*. За настоящего мужчину говорили его дела *«Если егет сам удалой, о родителях и не спрашивай»*; *«Не важно, что егет беден, лишь бы он был истинным мужем»*. Излишняя скупость, страсть к наживе осуждались *«Признак плохого егета – не женится, а состояние копит»*; считалось, что *«Холостой егет не разбогатеет»*. Хотя и бедность часто была помехой для вступления в брак *«Рад бы жениться, да бедность не позволяет»*.

Женитьба повышала социальный статус егета *«Жениться – опериться»*; *«Мужчина*

пока не женится, добропорядочность не обретает». Безбрачие осуждалось, взрослый мужчина, не имеющий семьи, не воспринимался полноценным человеком «У кого нет жены, у того круг близких узок»; «Холостяк в доме не хозяин»; «У того, кто не женившись состарится, совета не проси»; «У того, кто не женится, корни иссохнут».

В обществе тяжело было и незамужней женщине: «У кого есть муж, у того есть опора в жизни»; «Замужняя на мужа опирается, незамужняя – на себя»; «Женщине без мужа, лошади без узды не верь»; «Крылья мужчины – кони, крылья женщины – муж».

Калым – выкуп за невесту подчас становился серьезным препятствием к браку «За кого бы только не вышла замуж девушка, на ком бы только ни женился егет – если бы не калым»; «За девушку, которую не хотят выдавать замуж, большой выкуп просят». Хотя родители девушки, конечно, могли пойти навстречу чувствам дочери «Если дочери жених по душе придется, отдай без калыма».

Молодые девушки на выданье из порядочной семьи недостатка в женихах, видимо, не испытывали «К воротам дома, где девушка, сорок лошадей будет привязано». Однако, более взрослым женщинам, особенно вдовам, найти нового мужа было уже не так просто. Скорее всего, количество женщин в традиционном башкирском обществе превышало число мужчин «Когда один мужчина женится, шестьдесят женщин плачут»; «Когда одна девушка выходит замуж, сорок девушек сны видят». Хоть и говорилось, что «Если у одной женщины муж умирает, она сорока женщинам соперницей становится», шансы вдовы на брак были невелики «Чем входить в дом вдовы, лучше войти в огонь».

Повторные браки, особенно для женщин, не одобрялись, что также отразилось в пословицах: «Первого мужа не лишайся, за второго не выходи»; «Пойти замуж один раз – обычай, во второй раз – позор»; «Первый муж богом дан, второй – стыд на лице»; «Чем метаться от мужа к мужу, лучше блуждать от могилы к могиле»; «Умер муж, вышла замуж – сплошная обуза, умерла жена, женился – сплошная беда».

Многоженство, хоть и имело раньше место в традиционном башкирском обществе, но оно не носило массового характера. А в пословицах и вовсе сохранилось негативное отношение к этому явлению: «У взявшего двух жен – раздоры в доме»; «У имеющего двух жен, уши не будут знать покоя»; «У того, кто имеет двух жен – ругань да брань»; «Если в доме две жены, пол некому подмести»; «В доме, где много соперниц, каждый день ссоры»; «Пусть дни и месяцы будут общими, пусть только муж не будет общим». Башкиры говорили: «Довольный одной женщиной, на всю жизнь счастлив», в то время, как взявшего нескольких жен, называли глупцом: «Драчун собирает булавы, глупец – жен». Из пословиц видно, что младшие жены были скорее неким развлечением, отрадой, а старшие обладали большими имущественными правами: «Молодой жене отдаст душу, а старой – добро и скотину»; «Первая жена – чтобы смотрела за скотом, последняя, чтобы смотрела за душой». Пожилому башкиру иметь молодую жену было достаточно хлопотно, как в моральном, так и в материальном плане: «Младшая жена – чужая жена»; «Молодая жена – золотая деньга».

Пословицы несут отголоски и некоторых пережиточных форм брака, что увеличивает историческую ценность этого фольклорного источника для реконструкции прежних традиций народа. Например, имеются пословицы о левирате^{1*}: «Младший брат мужа – наполовину муж, нет мужа – полный муж»; «Кто не добыл мяса, потрохами довольствуется, кто не нашел жену, снохой довольствуется»; сорорате^{2**}: «После

1 ** Сорорат – женитьба вдовца на сестре умершей жены.

закат луны есть звезды, после смерти жены есть ее сестра». Эти, на наш сегодняшний взгляд, уродливые формы брака имелись не только у башкир и, в первую очередь, они были обусловлены экономическими факторами: в первом случае – нежеланием отпустить из семьи работницу вместе с ее приданым, а во втором – возможностью мужчины получить жену, уплатив калым в меньшем, чем обычно размере. Такие браки для новых супругов часто были номинальными или несчастными, а те же пословицы о них отзываются негативно: *«Не топн дрова ольховые, не бери в жены вдову брата; у ольховых дров жара нет, у вдовы пыла нет»; «Конец дерева – кол, женитьба на сестре жены – зло»*.

Как видим, пословицы довольно полно и достоверно отражают существовавшие в традиционном башкирском обществе проблемы выбора брачного партнера. Нынешнему молодому поколению не лишне было бы присмотреться к некоторым рациональным моментам, отраженным в фольклоре и принять к сведению общечеловеческие морально-этические нормы традиционных семейно-брачных отношений, особенно в свете того, что в настоящее время распадается почти каждая вторая семейная пара.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирское народное творчество. Т. 7 / Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Сост. Ф.А. Надршина. Уфа, 1993.
2. Башкорт халык ижады. Өфө, 1980.
3. Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802.
4. Мигранова Э.В. «Муж и жена из одного теста слеплены» (башкирские народные пословицы о семье) // Россия и Восток: взаимовлияние стран и народов // Труды X Всероссийского съезда востоковедов. Уфа, 2015.
5. Никольский Д.П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

**BASHKIR PROVERB
ABOUT CHOICE OF TRADITIONS OF MARRIAGE PARTNER
ANNOTATION**

Migranova Elza

*PhD, Russian Academy of Sciences, Ufa Scientific Center, Institute of History,
Language and Literature, Department of Ethnology, Senior Scientist
E-mail: mig.el@mail.ru*

In this paper we attempt to recreate the paintings of choice of life partner in traditional Bashkir society based on folk proverbs. Search could occur in the following ways: the selection of a bride groom's parents; an agreement with the parents of both sides (it could happen in early childhood of prospective groom and bride); own choice of groom (especially if it was an adult wealthy man); marriage based on mutual sympathy and love the youngs – there are all the most common types of the traditional arranged marriage. In addition, before there was such distorted forms of marriage, as polygamy, levirate, sororate marriage abduction; but they are generally not approved by society. Proverbs shows existing among Bashkirs last exogamous marriage relationship, which prohibit marriages within seven generations on the father's side. A good choice of the spouses is a key to future happiness. From the proverbs can get an idea about the essential qualities of the bride and groom, the time of the wedding, etc. In general, the proverb is quite fully and faithfully reflects the problems of existing in the traditional Bashkir society choice of a marriage partner.

Key words: proverbs, folklore, the choice of marriage partner, marriage, tradition, ethnography.

М. КАШГАРИ – ТЮРКСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Исабекова Улдар Келдибековна

кандидат филологических наук, докторант

МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки

E-mail: isabekovauldar@mail.ru

М. Кашгари как первый филолог-тюрк, который написал труд «Диуани лугат-ит-түрк», являющийся источником информации о жизни и быте эпохи караханидов, существовавшей тысячу лет назад.

Его труд дает максимально полные и точные сведения по диалектам тюркского языка, ценную информацию о языковых особенностях с точки зрения грамматики, морфологии, истории языка, об этнографии, культуре. Все это доказывает, что Кашгари, как ученый, изучая сравнительно диалекты тюркского языка, сделал выводы, не потерявшие значимости в настоящее время, что позволило данному труду стать источником информации, в то же время стал самым первым основоположником сравнительного языкознания. Поэтому есть все основания рассматривать М. Кашгари в статусе языковой исторической личности.

Ключевые слова: языковая личность, средневековые письменная культура, языковые исторические памятники, мировоззрения, караханидская эпоха.

Предпосылкой формирования Махмуда Кашгари как личности является историческая ситуация того времени. В истории и культуре тюркских народов эпоха Средневековья, сменившая Древнетюркский период [VIII в. – первая половина X в.) и длившаяся вплоть до XIX в., и по времени, и по численности населявших народов, и по распространению тюркской литературы занимает важное место [Кормушин, 2010, с. 22]. Из истории известно, что IX-X века в Средней Азии, тюркской степи были богаты на исторические события. Ослабление Арабского халифата способствовало усилению тюркских государств, принявших ислам. Время, в которое жил Кашгари, отличается не только тем, что это было эпохой политических войн, но и пересечением тюрко-исламской культур и их развитием в новом направлении. Ислам трансформировался в тюркском миропонимании, вследствие чего появилась платформа для диалога тюркской, арабской и персидской культур. Историческая эпоха, в которой жил М. Кашгари, положительно влияла на формирование полиязычной личности. Проникновение в тюркскую степь ислама, соседство государства персов сыграло свою роль в глубоком освоении Махмудом Кашгари арабско-персидско-тюркской культуры, в становлении его как индивида с развитым лингвистическим сознанием.

Появление исторически-языковой личности М.Кашгари в поле тюркской цивилизации непосредственно связано с семьей и средой воспитания. Строки Дивана «из-за того, что тюрки происходят из красноречивых, из самых хороших рассказчиков, из самых толковых, знающих, древнейших благородных племен, ... » и «... наших предков-эмиров называли хатїг, потому что огузы не могут выговорить амї:г, они превращают алиф в 7 а и говорят хатїг. Нашего предка, который завоевал страну тюрков у Саманидов, звали ал-амир. Они превращали алиф в 7 как я уже показал тебе на уйгур» [Кормушин, 2010, с. 69] служат доказательством того, М.Кашгари – потомок ханского рода. Вместе с тем, этот анализ показывает М.Кашгари как языковую личность, хорошо владеющую несколькими языками. Если основываться на теории Ю.Н. Караулова, языковая личность, глубоко, на высшем уровне освоившая несколько языков, умеет свободно использовать применительно к языковой ситуации фонетические, номинативные, грамматические особенности освоенных языков

[Караулов, 1987, с. 3]. М.Кашгари, хорошо знавший арабский и тюркский языки, в своем труде указывает на фонетические особенности освоения языковых единиц, заимствованных из арабского языка. Происхождение Махмуда Кашгари из ханской династии позволяет предположить, что личные качества, способствующие формированию языковой личности, были привиты с материнским молоком и особым воспитанием. К тому же написать труд мирового масштаба как Диван, который навечно остался в истории человечества свойственно только одаренным людям, превосходившим свою эпоху, не уместающимся в понятие времени. Государство Караханидов уделяло внимание развитию религии и культуры и внесло значительный вклад в развитие Раннего ренессанса в Средней Азии. Не ошибемся, если скажем, что этот исторический период берет свое начало с «золотого века» ислама. Тем не менее, Ренессанс Востока «требует самого тщательного исследования» [Бертельс, 1973, с. 11]. К тому же Кашгари, будучи представителем караханской/караханидской элиты, получил возможность учиться в медресе «Хамидие», «Саджи», где было обучение на самом высшем уровне. Он «учился, совершенствовал знания и умения у таких учителей, как Шейх Желлалидин Багдади, Шейх имам аз-Захид Хусейн ибн Халеф аль-Кашгари» [Косыбаев, 2014, с. 10]. То, что Махмуд нарек себя Кашгари, говорит о решающей роли в формировании его как личности г. Кашгара, бывшего в то время административно-политическим и культурным центром Центральной Азии. В Кашгаре он формируется как личность и как будущий ученый уделяет внимание изучению национальной культуры, языка, фольклора, этнографии, географии, менталитета тюркских народов. Основные части известного Дивана пишет здесь и доканчивает в Багдаде. Знания, полученные в Кашгаре, дополняет учебой в городах Бухара и Нишапур. В ходе учебы он успешно освоил философию, логику, литературу, правоведение, историю, богословие, математику, астрономию, медицину и др. сферы науки, а также арабский и персидский языки. Эти горизонты знаний, эрудиции, кругозора М.Кашгари расширились и подняли его до уровня личности. Вот этот период жизни М.Кашгари при определении ученым Ю.Н.Карауловым природы языковой личности и «относится к начальному или нулевому уровню овладения традиционными языками, когда появляется самостоятельное функционирование слов» в соответствии с воспитанием, полученным в семье, происхождением, образованием» [Караулов, 1987].

Кашгари – человек, безгранично любивший отчизну и родной язык. Особый патриотизм автора по отношению к тюркскому языку прослеживается на всем протяжении Дивана. Например, для того, чтобы показать нетюркским народам величие своей земли и созидательные возможности языка, духовные устремления тюркской цивилизации, своеобразие интеллекта и научного мировоззрения тюрков, Кашгари выразил своеобразно в Диване мнение о том, что Творец создал все возможности для тюрков на земле: «Я убедился в том, что благоволение Всевышнего к тюркам проявилось в том, что он создал поселения тюрков и космос в их времена» [Егеубаев, 1997, с. 7]. Ссылаясь на хадис, «когда наш Пророк говорил о приметах лихолетья, наступлении конца света, когда тюрки-огузы выступали в походы: «Изучайте тюркский язык, тогда могущество ваше будет долгим», который слышал от ученых Бухары и Нишапура, о том, что есть сильное государство тюрков, которое «предоставив заботу, убежище ... спасет от опасности», отведа по степени почета тюркскому языку равное с арабским языком место, показал значимость его изучения [ДЛТ, 2010, с. 17]. Кашгари писал: «когда я увидел, что всевышний Бог заставил солнце судьбы взойти в зодиаке тюрков и установил их царство среди небесных сфер и что он назвал их тюрками. И теперь... изучение его (языка тюрков) есть долг перед верой, а если он неверен, [все равно] мудрость требует этого» [ДЛТ, 2010, с. 20]. В этих строках нельзя не ощутить безграничную любовь Кашгари к тюркскому языку. Из подтекста Кашгари становится понятным, что его адресантами являются нетюркские народы, можно определить также,

что это значительная часть мусульманского мира тюрков, которая жила в условиях новой военно-политической гегемонии. Кашгари, уподобив соперничество тюркского и арабского языков «двум скачущим скакунам», сравнил тюркские материалы с написанными на арабском и персидском языках, осуществил анализ и обосновал, что тюркский язык не ниже принадлежащих высокой культуре арабского и персидского языков [ДЛТ, 2010, 32]. Наряду с этим образно примененные в его труде «мудрые слова, сежи, пословицы и поговорки, песни и сказания, режез [внутренняя песня] и несир» содержат богатую информацию о мировоззрении тюркских народов, придававших исключительное значение искусству слова [ДЛТ, 2010, 31-32]. Тюрки воспринимали многообразие мира, в соответствии со своими представлениями, частями и фрагменты мира отражали в языке в духе их своеобразия. «Для того чтобы обучающиеся и заинтересованные быстро и легко находили нужные слова», тюрки, конструировавшие образ этого мира в языке, давали их в определенном порядке, «раскрывая их скрытый смысл», писали дополнительные примечания [ДЛТ, 2010, 33]. Сведения о площади земли, заселенной тюрками, характеристику населявших земли племен и народностей, связанные с ними исторические факты и легенды, упоминания о появлении и заселении некоторыми племенами тюркских земель, связанные с их преданиями документы можно обнаружить в этом труде. Об этом автор замечает: «... для детального знания существующих в этих языках различных незначительных отличий» [ДЛТ, 2010]. Предпринятый в Диване опыт «тщательного упорядочивания, систематизации» путем специальных методов показывает бесконечную любовь к Родине Кашгари, прошедшего всю тюркскую степь, у которого «поселилась в душе, прочно сохранилась» любовь к Родине [ДЛТ, 2010].

Диван – первый словарь, составленный на основе принципов, сформировавшихся в арабской лексикографии, систематизировавший грамматику тюркского языка на основе грамматики арабского языка. Об этом Кашгари написал: «Для облегчения процесса пользования словарем, для того, чтобы книга была компактной, я разработал никому неизвестный до меня и неиспользованный до сих пор особый порядок. Чтобы написанный мной труд был ясным, удобным для тех, кто его использует, я исправил некоторые правила, составил измеримые образцы употребления. Взял из языка каждого племени однокоренные, ставшие основой образования других, слова. Поэтому, говоря коротко, показав образец для устремившихся вперед, для того, чтобы открыть им широкую дорогу, создать ступень для желающих расти, и предпринял этот опыт» [ДЛТ, 2010]. Из изложенной социолингвистической ситуации, устойчивой в течение нескольких веков, следует сделать вывод о том, что «сдвиги в языковых системах монолингвов и полилингвов происходили разными темпами», и это отражалось при письменной фиксации их речи в сохранившихся памятниках. А так же профессор Д.М. Насилов, опираясь на пять языков, которые лучше всего изучил Махмуд Кашгарский, делает выводы «что письменно-литературный язык в государстве Караханидов исторически формировался на единой языковой основе, но, будучи языком высокого функционального стиля, использовался в определенной социальной среде, приближенной к правителям и элите мусульманского государства» [Насилов, 2012, с. 285-310]. В то же время он развился как региональный извод некогда общего наддиалектного токуз-огузского литературного языка.

Известно, что благодаря серьезным достижениям в области арабского языкознания, особенно грамматики и лексикографии, было издано много словарей, начиная со словарей глоссариев Корана и хадисов, включая объемные толкования, религиозные терминологические словари, а также двуязычные арабско-персидские, персо-арабские и наряду с ними арабо-турецкие и турецко-арабские словари. В процессе составления словаря Кашгари опирался на накопленный богатый опыт разработки словарей в арабском

языкознании и труды тюркских ученых. Кашгари понимал, что лексику тюркских языков, относящихся к группе агглюнативных языков, нельзя относить к группе флективных языков, к которой принадлежит арабский язык, корни в арабском языке, в сравнении с тюркскими языками, намного сложнее. Очевидно, что автор Дивана был знаком с трудом жившего столетием ранее тюркского языковеда Абу Ибрахим Исхака аль-Фараби (умер в 360/961 г.) «Диуан аль-Адаб». В советское время А.Б. Халидовым были переведены вступления к двум словарям и установлено в общем виде их сходство [Халидов, 1987, с. 15]. Исследовали и такие казахские ученые: А. Дербисалиев, Ш.С. Калиева, Р. Мухитдинов. Ш. Калиева отметила, что по следам «Диуан эл-Адаб» Исхака аль-Фараби в арабской лексикографии было написано порядка десятка словарей. Состоявший из трех томов объемный труд, который внес «своеобразными приемами составления большой перелом в арабскую лексикографию», позволил установить при сравнении двух Диванов такую общность, как «сходства названий, создание на арабском языке, единый способ размещения лексики» [Калиева, 2012, с. 25]. Востоковед Р. Мухитдинов пошел в обосновании данного мнения еще дальше: аль-Фараби во вступлении останавливает внимание на превосходстве и специфике арабского языка, используемых терминах, то Кашгари называет особенности лексики и грамматики тюркских языков [Мухитдинов, 2011, с. 6-15].

Кашгари путем демонстрации своеобразия созвучия тюркских языков обосновал в структуре тюркских языков явление сингармонизма. Дав пояснение отдельным словам, раскрывая их значение, стремился передать заключенное в приведенных им языковых фактах богатство мировоззрения тюрков. Наряду с этим образцы поэзии, цитируемые в Диване, географические названия, названия животных и асторонии, научные термины и др. многие языковые факты подаются в словаре Кашгари в качестве материала своеобразным образом, с соблюдением особой методики. Мы хотим заметить, что к Кашгари, в достаточной мере освоившему арабский язык, можно применить обоснованное исследователем И.И. Халеевой понятие «второй языковой личности» [Халеева, 1995, с. 68.]. Важно заметить, что Кашгари, в полной мере усвоив семантический код арабского языка в качестве второго, сравнив его со всеми диалектами родного языка, установил способность этого языка к созданию «образа языковой вселенной» и его своеобразную роль посредника в формировании «языкового образа вселенной» (становлении второго языкового сознания) и «концептуального (глобального) образа вселенной». Попытка понять Кашгари как явление общетюркской языковой личности, предпринятая в процессе работы с текстами, привлекла особое внимание к «многоуровневой характеристике личности» [Караулов, 1987, с. 3]. Помимо когнитивного, вербально-семантического, прагматического уровней, значима роль таких факторов, как цель личности, способы подачи текста, национальное своеобразие, социально-культурный статус и др. Главное отличие прагматического уровня языковой личности – отношения слушателя и говорящего. По существу, говорящий стремится оказать всемерное воздействие на мировоззрение слушателя, его взгляды, психологию. Учитывая эту ситуацию, Кашгари стремился создать для слушателя условия «ясного, удобного пользования и исправлял некоторые правила, создав измеримые образцы употребления», «каждую часть разделил на две группы географических названий, имена и глаголы» и разделил их далее [ДЛТ, 2010, с. 37]. Анализ и классификация специфики языка, богатства языка каждого рода-племени, путей обогащения языка, изучение, апробация, описание, вплоть до исследования закономерностей и заключения, связанные со сферой применения в быту, позволяют утверждать, что Кашгари был подлинным специалистом-языковедом, исследователем, а также воплощением общетюркской языковой личности. Кашгари, первым создавший словарь тюркского языка, расширил сферу «искусства слова тюркского мира», «он – гений, выростивший ростки» этого мира [Егеубаев, 1997, с. 22]. В известном труде,

посвященном вопросам синтаксиса тюркских языков, в «Китаб Жауахир Наху фи Лугат ит-Тюрк» автор делает ссылки на некоторые языковые единства, обстоятельно рассмотренные в Диване. К сожалению, этот труд до настоящего времени неизвестен науке, однако возможность его обнаружения позволит открыть неизвестные грани жизни и личности Кашгари. Принято считать, что «гора по мере удаления становится все более высокой», так и прошедшие тысячелетия хранят в себе «бесценные сокровища» – мировоззрение тюрков, исследование во всемирном масштабе упоминаемого труда о тюрках может принести много «интересных и ярких наблюдений» [Кононов, 1973, с. 3-10]. «Есть полное основание изучать Махмуда Кашгари как языковую личность, сумевшего, скурпулезно изучив родной язык, адаптировать его к социальной жизни посредством все еще актуальных методов, показавшего способы применения языка в качестве литературного, человека, создавшего по-прежнему актуальное произведение. В качестве же «второй языковой личности» Махмуда Кашгари мы подразумеваем явление в нем общетюркской языковой личности, его способность остро чувствовать тонкости арабского языка, искусство воспроизведения им языкового образа вселенной, заключавшегося в арабо-мусульманской цивилизации, умение передать потомкам дух тюркской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кормушин И.В. Введение // Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк «Свод тюркских слов) / пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина, прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. М.: Восточная литература, 2010. – Т. 1. 461 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 1-е изд. М.: Наука, 1987. 264 с.
3. Бертельс Д.Е. Предисловие // Мец А. Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1973. 473 с.
4. Қосыбаев М. Қашқаридың «Диуани лұғат-ит-түрік» еңбегіндегі әлемнің тілдік бейнесі: док... дисс. Астана, 2014. С. 10.
5. Егеубай А. Махмұт Қашқари «Диуани лұғат-ит-түрік» [ХІ ғ.) // Махмұт Қашқари. Түркі тілінің сөздігі: [Диуани лұғат-ит-түрік) / қазақ тіліне ауд., алғы сөзі мен ғылыми түсініктерін жазған А. Егеубай. Алматы: Хант, 1997. – Т. 1. – Б. 10.
6. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк «Свод тюркских слов) / пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина, прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. М.: Восточная литература, 2010. – Т. 1. 461 с.
7. Насилов Д.М. Пять языков у Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник. 2011-2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Восточная литература, С. 285-310
8. Халидов А.Б. Словари Исхака ал-Фараби и Махмуда ал-Кашгари [из истории лексикографии в Средней Азии X-XI вв// Письменные памятники и проблемы истории культуры народов востока. М., 1987. Ч. 4. С 15 б.
9. Қалиева Ш.С. Отырарлық ғұламалардың ислам өркениеті мен араб филологиясы ғылымына қосқан үлесі // ҚР ҰҒА Хабарлары. 2012. С. 25.
10. Мухитдинов Р.С. «Диуани лұғат әт-турк» – түркітану темірқазығы. А.: әл-Фараи атындағы Қазақ ұлттық университеті, 2011. 148.
11. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М. 1995. 277-278.
12. Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-турк» // Советская тюркология. – № 1. – 1972. С.3-17.

M. KASHGARI TURKIC LINGUISTIC PERSONALITY

Isabekova Uldar Keldibekovna

Candidate of Philology, Doctoral Candidate,

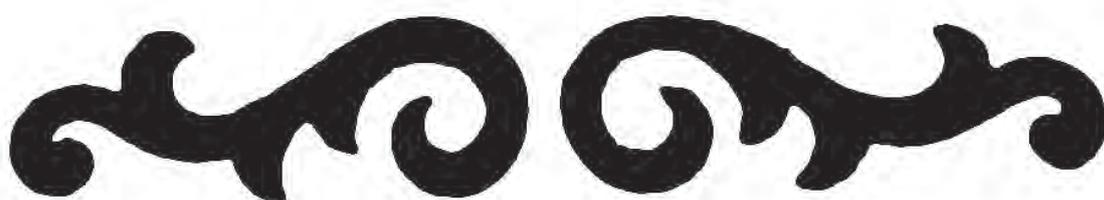
Lomonosov Moscow State University, The Institute of Asian and African Studies

E-mail: isabekovauldar@mail.ru

Kashgari, as first Turkic philologist, by writing the work, called “Diwani Lughat-it-Turk”, was the only source of information about the linguistic, cultural and ethnical lifestyle of the Turks who lived one thousand years ago was able to leave his name and the name of the Karakhans. In addition, he gives a lot of information about their ethnography and culture, folk literature. A comparative study of Turkic languages and their dialects made by Kashkari as a scholar and conclusions which did not lose their importance till today shows that the person is the founder of the first comparative linguistics and by studying his dictionary written by using a complex method we will try to find out his psychological peculiarity, philosophical-ideological and interethnic values, social characteristics and historical and cultural sources. The prerequisite for the formation of Makhmut Kashkari as an individual is a historic event.

Key words: language personality, medieval written culture, language historical monuments, outlooks, Karakhans era.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА
И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
ТЮРКСКИХ НАРОДОВ.
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ПЕРЕВОДА**

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ КНИГА «*İRQ BITİG*»
И КИТАЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ «КНИГА ПЕРЕМЕН»

Каиржанов А.К.
ЕНУ им.Л.Н.Гумилева,
Казахстан, Астана

В статье подвергается анализу тексты притч древнетюркской «Книги рассуждений и откровений» («*İrq bitig*») X века. Определяются проблемы перевода заглавия книги. Выявляются слова-маркеры, относящиеся к тем или иным сакральным системам или анти-системам. Определяются, какие древнейшие тексты могли оказать влияние на появление подобных текстов, для этого сопоставляются тексты притч с китайской классической «Книгой перемен» и с древнейшей мифологией древних тюрков. Выявляются различные мировоззренческие инкорпорации, заимствованных древними тюрками из других мифологических систем, проникшие по великому Шелковому пути в тюркскую среду: протошумерские заимствования, христианские идеи несторианского толка, манихейские воззрения, идеи различного толка буддизма, некоторые образы из Махабхараты. Выясняются собственные, присущие для тюркских народов, мировоззренческие устои, которые оказали влияние на появление некоторых притч в анализируемой «Книге рассуждений и откровений». Выявляются пути аккультурации с орхоно-енисейскими традициями, рудименты шаманизма и тибетской религии бон. Кроме того, определяются, какое влияние оказал индийский фольклор. Это, прежде всего, народные наставления, приметы и поверья, содержащие оценки-противопоставления – «плохо» или «хорошо». Привлекаются археологические материалы, обнаруженные на юге Казахстана. На некоторых артефактах имеются древнейшие одиночные надписи, перевод которых указывает на связь культур Ближнего Востока и Центральной Азии. Подвергается семантическому анализу притчи, что позволило выявить качественную и количественную характеристику семантики мантических терминов и определяется их значимость. Для выявления имплицитного слоя текста притч используются методы и приемы компаративистики, герменевтики, компонентного анализа, а также некоторые приемы современной лингвистики текста, позволяющие выявить не только древнейший слой текста некоторых притч, но и эксплицируется «горизонт ожидания», который присутствует в тексте притч имплицитным образом.

Ключевые слова: сакральные системы и антисистемы, аккультурация, «горизонт ожидания», имплицитные смыслы.

Сведения о культурных контактах народов Центральной Азии и теми этносами, обитавшими в Поднебесной империи, известны в основном из китайских летописей, к тому же некоторые сведения далеки от истины. Это объясняется не только абберацией дальности событий, но и целенаправленными искажениями в китайских нарративных источниках. Поэтому особенно велика роль при заполнении лакун этих отношений анализ древнейших текстов, в которых мы обнаруживаем рудименты культур разных этномассивов Великой степи и ее оппонентов в лице китайских правителей, которые умаляли и очерняли культуру древних тюрков. Несмотря на отрицательную комплиментарность между кочевыми и оседлыми народами Китая, мы наблюдаем явления аккультурации, когда представители правящего меньшинства посылали учиться своих отпрысков в китайские средневековые школы.

Степняки, приобретшие китайские знания, сумели противопоставить эти знания против агрессивных устремлений китайских императоров. Кроме того, мы наблюдаем следствия и последствия эллинистической культуры в древнетюркских текстах, являющимися концептами в языке кочевников, отражающие древнейшие контакты между представителями Запада и Великой степи.

Теперь приступим к анализу одной древнетюркской «Книги рассуждений и откровений» («İrq bitig»), созданной в первой трети X века н.э., обнаруженной второй экспедицией А.Стейна (1906-1908гг).

По просьбе А.Стейна она была исследована, дешифрована и издана Вильгельмом Томсеном в 1912 году [1]. Текст содержит 65 небольших притч, и в конце рукописи – колофон, написанный красными чернилами поверх китайского буддийского текста. Заглавия книга не имела, но текст перед колофоном все переводчики переводили так: «[...] *эта книга гаданий хороша!*» Поэтому этот памятник древнетюркской рунической письменности стал известен под названием «Книга гаданий». Однако значение термина «**irq**» может означать «гадание и знамение», «рассуждение и откровение», ниспосланное божеством, и «высказывание» самого божества. Поэтому мы предлагаем перевести название этой книги так – «Книга рассуждений и откровений».

Дж. Гамильтон, анализируя терминологию колофона, выдвигает гипотезу, что эта работа была написана в манихейской среде. Об этом свидетельствуют многие слова: *manystan* («обитель, монастырь»), образованное от среднеперсидского *m'nyst'n*; *dintar* («манихейский священнослужитель»), образованное от согдийской лексемы *dynd'r, durna* («доброе предзнаменование»), восходящее к среднеперсидскому слову *mwrgw*. Эти термины обычны для тюркских манихейских сочинений. Однако здесь же встречается слово из санскрита – *уиги* («духовный наставник, учитель»), которое относится к буддийской религии. Итак, только в одном колофоне наблюдаем симбиоз как минимум двух различных религиозных систем, если точнее, то одна из них – антисистема манихейства. Таким образом, внутри обители «Великого Облака» наблюдается «шатание» умов. Действительно, правы многие исследователи этой книги, что отдельные места по праву считаются одними из труднейших для понимания древнетюркских текстов.

Однако главное, по-видимому, не в том, в какой среде написана эта труднейшая для понимания книга, а важным является то, что же повлияло на появление подобных текстов. Мы считаем, что таких гадательных текстов было несколько. В Ние и Крорайне найдено несколько литературных буддийских текстов: четыре санскритские шлоки, по содержанию сходные с «Махабхаратой» и ряд других. Наше внимание привлекла рукопись под №565 – гадательный текст, приуроченный к центрально-азиатскому лунно-солнечному календарю. В тексте указано, каким делам благоприятствует каждый из годов 12-летнего животного цикла. По-видимому, это одно из самых древних упоминаний 12-летнего цикла в текстах из Центральной Азии. Индийский термин «накшатра» буквально означает «звезда», «созвездие», а в контексте получает опосредованное значение «год». Такое значение не встречается ни в одном другом месте. Наиболее вероятным является то, что подобные тексты послужили основой для создания анализируемой философской книги рассуждений и откровений. Отдельные места этой книги появились в результате влияния более древних мировоззренческих систем, которые возникли в результате действия процессов аккультурации между культурами Востока и Запада, заложивших основу текстов «Книги рассуждений и откровений». Аккультурация является процессом, представляющим следствие прямого и длительного контакта одной этнической группы с другой, изменяющим некоторые парадигмы культуры обеих групп индивидов. Однако основополагающие основы контактирующих культур не подвергаются существенным изменениям.

В некоторых притчах «Книги рассуждений и откровений» обнаруживаем рудименты из древнекитайской «Книги перемен». Главная идея этой книги, покоящаяся в ее основе, концепт изменчивости. В доисторические времена еще до возникновения письма, возможно, в эпоху влияния протошумерской культуры первознаков через древнеиндийское посредство доарийской цивилизации долины Инда, эта идея была воспринята различными этносами Центральной Азии. Древние люди, помещая человека в космический континуум, пытались проследить – идет ли человеческая деятельность вразрез с ходом космического свершения или она гармонически включается в ход мироздания. Одним словом, несет ли она несчастье или счастье человеку, и от этого зависела жизнь конкретного индивида априори, что получило отражение в эквиполентном содержании «Книги перемен» и в «Книге рассуждений и откровений».

Существующая система «Книги перемен» была сформирована при династии Чжоу и, в отличие от древнейших мантических (гадательных) систем более ранних эпох, она получила название «Чжоуской книги перемен» [3]. В композиционном отношении эта книга построена из 64 символов (древнетюркская - 65 притч), каждый из которых определяет ситуацию бытия во времени в эволюции. Символы «Книги перемен» состоят из шести черт каждый. Эти черты представляют собой последовательные шаги, алгоритмы развития данной ситуации. Черты образованы из двух типов: цельные или прерванные посередине. Цельные линии обозначают свет, активное состояние, прерванные - тьму, пассивное состояние. Итак, можно представить «Книгу перемен» как взаимодействие Света и Тьмы. Именно эта основополагающая особенность «Книги перемен» была воспринята манихеями и использована в создании специфической манихейской книги рассуждений и откровений. Для лучшего понимания и осмысления притч «Книги рассуждений и откровений» необходимо остановиться на дефинициях мантических терминов «Книги перемен».

Термин *юань* имеет несколько значений – «начало», «изначальный», «великий».

Термин *хэн* обозначает «приносить жертву» и «вкушать жертвоприношения».

По Т. Такате, гексаграмма *хэн* – зеркально-симметричное представление, отражающее жертву жреца (оракула) и принимающее жертву божества, то есть жертва проникает к божеству. Поэтому знак получил значение «проникать», «достигать», а в дальнейшей эволюции семантики (семантический сдвиг лексемы) получил – «свершение», «развитие» [4]. Подобные явления были известны в Центральной Азии еще до появления «Книги перемен». Об этом свидетельствует находка археологической экспедиции К. Акишева – небольшой миниатюрный каменный ритуальный сосуд желтоватого цвета из могильника «Каратома» (IV-III вв. до н.э.) [5]. Мы предлагаем опыт дешифровки надписи на этом ритуальном предмете. По нашему мнению, знак G [т] является арамейским (V в. до н.э.), который восходит к финикийскому знаку X-IX вв. до н.э., что является солярным символом Тенгри (Неба). Остальные знаки (~, ~[ы]) относятся к знакам ливийского письма -- ветви афразийских языков, носители которых в III тыс. до н.э. разделились в районе Ливийской пустыни, и определенная часть мигрантов оказалась на Иранском плато, а оттуда переместилась в пределы тюркоязычной и арийской ойкумены. Итак, некоторые элементы финикийской культуры и других алфавитных систем, например, ливийской, проникли в Центральную Азию. Знаки на ритуальном сосуде следует расположить вертикально и читать сверху вниз: [ытыы] «струиться», «исчезать», «переходить» (перевод А.К.). Отметим, что этот круглый ритуальный шарик закладывали в рот умирающим Сынам Неба, чтобы облегчить, по-видимому, переход души покойного на Небо. Этот погребальный ритуал, вероятно, еще в Чжоускую эпоху был заимствован у этносов Центральной Азии. В дальнейшем, в результате семантического сдвига слово «ытыы» приобрело следующие значения: «он послал» («Малая надпись Кюльтегина»), «посылать» («Памятник Тоньюкука»).

3. Термин *ли* появился в результате сокращения знака *хэ* и *дао* («нож», «разделять»). Юлиан Щуцкий указывает, что (...) всякая грань, оформляющая предмет, в такой же мере отделяет его от одного предмета, в какой и соединяет его иным, ставит предметы в соприкосновение, то понятно, почему в философском контексте это слово значит «оформление», «определение» (...)» [6]. Однако в контексте это слово (знак) может иметь и значение «благоприятный».

4. Термин *чжэнь* комментаторами «Книги перемен» понимается как ~ («верный», «крепкий»). Палеографический анализ показывает, что в форме *чжэнь* мы имеем сходство знаков *чжэнь* и *дин* («треножник», «незыблемость»). Сегодня известно, что «Книга перемен» написана между VIII – VII вв. до н.э. и местом создания этой книги, как указывает Эндо Такахиса, обозначена Центральная Азия [7]. Об этом косвенно свидетельствует происхождение термина *дин*, ведь *динлинами* китайцы обозначали аборигенов Алтая, это были родственные племена кыпчаков, относящиеся к европеоидам особого ствола, в пределах и в культурах которых развивалось шаманство, распространившееся и на юго-восток. В контексте «Книги перемен» этот знак получил значение «стойкость».

Итак, фразы, построенные из знаков *юань*, *хэн*, *ли*, *чжэн*, являются мантическими формулами, первичное значение которых подверглось аннигиляции. Отметим, что эти формулы гораздо древнее остального текста. По-видимому, они есть рудименты более ранней системы гадания, истоки которых можно обнаружить в глиняных табличках древних шумеров.

Особенностью древнетюркской «Книги рассуждений и откровений» является то, что в ней употребляются не мантические термины, а использована их значимость, то есть в притчах мы наблюдаем только семантику этих терминов, которая выражается порой скрытно, имплицитно. Об этом свидетельствует количественная характеристика семантики мантических терминов в тексте «Книги рассуждений и откровений». Из 65 притч только 48 обладают мантическим значением, остальные 17 отражают пассивное бытие, что отвечало сакральным требованиям манихейской доктрины обители «Великого облака».

Предшественники безымянного автора «Книги рассуждений и откровений» не только знали не понаслышке мантику гадательных книг, в частности, «Книгу перемен», но и тщательно изучали философское наследие Поднебесной империи. Например, некоторые стилистические фигуры этих книг имели высокую частотность употребления в древнетюркских рунических текстах. Так, в «Памятнике в честь Кюль-тегина» была усвоена и приспособлена идея синоцентризма. По-видимому, это произошло во второй половине VI века, она оформилась в тюркоцентризм (пантюркизм), который выражен эксплицитно в следующих строках: «Народы все по четырем углам врагами тюрков были». Эту же идею обнаруживаем и в «Книге рассуждений и откровений»: «Рассказывают: один хан, воссев на престоле в орде, стал укреплять Эль. По «четырем углам» [орды] собрал богатых и властных [подданных], которые кочевали и радовались, жили и процветали» (перевод А.К., смотрите полный текст перевода на русский язык в книге [8]). Кстати, Конфуций, создавая доктрину синоцентризм, неуклонно стремился к незыблемой неизменности, сложившейся социальной иерархии в империи, тогда как «Книга перемен» представляла в своей сути концепцию изменчивости, что отвечало больше всего требованиям последователей Лао-Цзы. Для того чтобы усилить свою идеологическую платформу, Конфуцию и его верным ученикам пришлось приспособить некоторые категории второго и третьего слоя «Книги перемен». Ср., четыре атрибута Неба – импульс, развитие, оформление и стойкость составили конфуцианский философский «квадрат», в центре которого находится, по мнению конфуцианцев, «истина». Итак, «квадрат» – это образ молчаливо-неподвижного духа. Именно данный образ, вероятно, лег в основу синоцентризма. Владение Сына Неба – это квадрат с длиной сторон 1000 ли, оно

носило название *ванцизи* – владение вана. Девять квадратов – поясов – *цзюцзи* (девять видов владений), или цзю фу – «земли, несущие девять видов повинностей». Каждый пояс имел ширину 500 ли. За пределами этих четырех углов Поднебесной живут варвары – ху.

Приведем несколько текстуальных сопоставлений из притч «Книги рассуждений и откровений» с афоризмами «Книги перемен», имеющие поразительную эквиполентную близость друг другу, но в то же время, обладающие определенными различиями.

XXIX. *«Рассказывают: некий муж был азартным игроком, он, поставив в заклад сына своего с его женой, приступил к рискованной игре. Он не только не проиграл своего сына и его супругу, но и вернул еще девяносто проигранных им ранее овец. Сын его и его жена ликовали и радовались. Так знайте же – это удача!»*

58. _____

兌

_____ «Дуй» (Радость. Свершение.
_____ Благоприятна стойкость)

III. Шестерка третья. Радость – от прихода. – Несчастье!

По сути этого текста радость должна распространяться на других людей. Всякое замыкание в себе того, кто переживает радость, отчуждает его от окружающей действительности и приводит к неудачным поступкам. Манихеи могли приспособить идею движения гексаграмме, которая отвечала их доктрине, то есть движение начинается от нижней черты к верхней. Другими словами, человеку надлежит при помощи поста освободить свою душу от частиц Тьмы и подняться к Свету, то есть к Солнцу через промежуточную лунную ступень.

X. *«Я – барс, скалящий (острые) зубы, голова моя скрыта в камышах. Я такой храбрый и отважный. Так знайте!»*

27. _____

頤

_____ «И» (Питание)

Стойкость – к счастью. Созерцай скулы: (они) сами добывают (то, что наполняет рот).

IV. Шестерка четвертая. Питание навыворот. – Счастье. Тигр смотрит, вперяясь, в упор, его желание – погнаться вслед. Хулы не будет.

В интерпретации «Чжоуской книги перемен» указывается, что «опасность со стороны пятой черты выражена в образе тигра. Этот «тигр» только угрожает и не бросается потому, что здесь возможен выход вниз, к первой черте» [6, с.521]. Мы думаем, что сближает «Ītq bitig» и китайскую классическую «Книгу перемен» - это ощущение общей эквиполентной мантической семантики, хотя в содержательном отношении они не совпадают друг с другом.

XXIII. *«Рассказывают: молодой человек отыскал хвост кукушки. Пусть станет счастливой невеста в головном уборе с кистью (выполненной из перьев этой птицы). Так знайте же – это благо!»*

22. _____

賁

_____ «Би» (Убранство. Свершение. Малому
_____ благоприятно иметь, куда выступить)

III. Девятка третья. Разубранность! Разукрашенность! – Вечная стойкость – к счастью.

В «Чжоуской книге перемен» это место интерпретируется как кризис отрицательного процесса, действующий не столь интенсивно, и даже пышность убранства не является опасной. Эта разукрашенность лишь ослабляет отрицательное влияние данной ситуации, но не снимает ее. Поэтому стремление сохранить стойкое отношение к соблазнительной красоте наряда позволяет достичь счастливого исхода всего процесса [6, с.494-495].

В притче «İrq bitig» и в гексаграмме китайской «Книге перемен» эквиполентность семантики налицо.

VIII. *«Говорят: Я – змея с золотой головой. Мое золотое чрево разрубили саблей: тело и голова, противолежащие друг другу, валялись снаружи дома, у дороги. Так знайте же – это скверно!»*

59. _____

換

_____ «Хуань» (Раздробление. Свершение)

III. Шестерка третья. Раздробись свое тело. – Раскаяния не будет.

В «Чжоуской книге перемен» обнаруживаем интерпретацию этого места, которое, вероятно, заинтересовало автора «İrq bitig»: в процессе раздробления наибольшую опасность представляет перманентность этого процесса. Если в процессе раздробления или разделения подвергается сама индивидуальность, то есть нечто неделимое, то благоприятный исход невозможен. Человек в этом случае вынужден горько сетовать в том, что он вовремя не остановил процесс раздробления. Однако следующая часть комментария отвечает требованиям доктрины манихейства: поскольку третья позиция по своей семантике является устремлением вовне, распадом внутреннего, постольку в этом случае человеку не придется раскаиваться, ибо он действует в духе той позиции, которую занимает в рамках данной сложившейся ситуации. Итак, амбивалентная семантика ощущается и в «İrq bitig», и в китайской «Книге перемен» [6, с.671].

Таким образом, наши сравнения и сопоставления приводят к выводу: манихейские идеи оказали существенное влияние на содержание многих притч этого загадочного памятника древнетюркской письменности, проявившееся в противопоставлении Света (Добра) и Тьмы (Зла).

Пути аккультурации демонстрируют нам связи анализируемого памятника письменности с орхоно-енисейской традицией культуры, проявившейся не только в шаманском содержании, но также в языке и в композиционно-стилистических особенностях книги из обители «Великого Облака».

Так, в тюркском письменном языке отразились свидетельства глубокой связи с монгольским шаманством и тибетской религией бон. Эти рудименты обнаруживаем и в ана-

лизируемой книге. Ср., например, следующую притчу: *«Водоем иссяк, а водосток замерз. Каким образом может иссякнуть водоем, когда он княжеский? Как может замерзнуть канал, когда он находится на солнце? Так знайте же! В начале этого божества есть некоторые трудности, затем снова будет хорошо!»*.

Отметим, что роль громовержца, которого чаще замещают особые категории духов, выполняет в монгольских шаманских призываниях верховный небожитель Тенгри, а если быть точнее, то это Хисага-тенгри [9], который является «началом в тучах».

В мифологии бон отведено ведущее место богине Лумо [10], которая выступает в роли первосущества: из ее головы возникает голубое небо, из правого глаза – луна, из левого – солнце, из верхних зубов – планеты. Когда богиня закрывает свои прекрасные волоокие очи, приходит ночь, когда же открывает их, настает день. Из голоса богини Лумо рождается гром. Именно последняя функция Лумо сближает с Хисага-тенгри: из ее дыхания появляются облака, из слез – дождь, из ноздрей – ветер, из-под прекрасных век – реки, из тела – земля. Таким образом, Лумо приносит дождь, этим способствуя плодородию. Тогда становится ясным содержание одной притчи «Книги рассуждений и откровений», в которой различаются цвета облаков: *«Говорят: шло серое облако. Оно прошло над народом. Шло черное облако. Оно прошло над всеми. Злаки созрели, выросли травы. И скоту и людям было хорошо. Так знайте – это хорошо!»* По цвету облаков, их форме и движению прорицатели-жрецы определяли, какие обряды в честь Лумо следует совершать. Только после того как будут совершены положенные обряды в честь Лумо и верховного Тенгри вкупе, водоемы наполнятся водою, оттает вымерзший водосток с голубых небес, то есть прольется благодатный дождь, дарящий жизнь всему существу на земле. А как устранить трудности на пути Лу? Только жертвоприношением, которое устраняет препятствия на их пути. В работе Г.В.Ксенофонтова [11] собран этнографический материал описания якутских обрядов жертвоприношений. Этот реликт шаманской и религии бон можно обнаружить в некоторых обычаях у современных тюркских народов, например, когда казахи собираются у какого-либо водоема и приносят в жертву барана, чтобы умиловить, по-видимому, Лу, то есть остановить испепеляющий зной. Отметим, что ни о шаманстве, ни о Лу они уже не помнят и не знают, но передается с молоком матери из поколения в поколение этот переосмысленный и перелицованный обряд-реликт жертвоприношения – *тасаттық*.

Другие следы аккультурации обнаруживаем в содержании ряда притч исследуемой древнетюркской книги. Например, некоторые притчи появились под влиянием индийских наставлений о приметах и поверьях, содержащих оценки -- противопоставления (плохо или хорошо) того же типа, что и в «Книге рассуждений и откровений». Ср.: *«Я хищный орел с золотыми крыльями. Добыча для меня никогда не истощится: находясь в море, я хватаю (когтями) нравящееся мне и поедаю мое любимое. Такой я сильный. Так знайте же – это благо»*. С древнейших времен после кремации умерших индийцы выбрасывают останки в воду Ганга, а хищные птицы (грифы) собирают свою «дань», полуобгоревшие трупы, поедая «свое любимое». Может быть, именно эти сакральные обычаи описывает анонимный автор из Мирана?

Библейские следы аккультурации демонстрируют некоторые притчи «Книги рассуждений и откровений». Ведь Библию везли на Восток по Великому Шелковому пути купцы-христиане несторианского толка. Ее изучали в христианских общинах и монастырях, которые были возведены по этому торговому тракту, где обосновались колонисты-несториане, наряду с представителями других религий. Поэтому не вызывает удивления, что древние тюркоязычные племена: керейты, найманы, басмылы, чигилы и другие этносы Центральной Азии так хорошо знали Ветхозаветные и Новозаветные тексты. Кроме того, тюрки-христиане отличались от своих собратьев по вере одной особенностью – свободным отношением к сакральной литературе. Иначе говоря, они свободно трактовали некоторые библейские положения. Ср., например, одну притчу из «Книги рассуждений и откровений»,

которая является своеобразным продолжением евангельской притчи о блудном сыне [12].

«Говорят: (некий) сын, рассердившись на своих родителей, ушел (из дома). Но затем после многих лет скитаний вернулся домой. Он сказал: «Да получу я наставления моей матери, да услышу я слова моего отца».

В евангельской притче повествуется о том, как некий человек разделил свое имущество между сыновьями; младший ушел со своей долей в дальнюю сторону и легкомысленно расточил полученную часть наследства отца. Испытав нужду и лишения, он вернулся к отцу своему; отец сжалился над ним и простил ему все прегрешения – пред Небом и перед своими близкими, сказав: *«Станем, есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся».* Старший сын осердился на своего отца. Текст притчи обрывается словами отца: *«Сын мой! Ты всегда со мною, и все мое твое; а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой был мертв и ожил, пропадал и нашелся».*

Итак, «Книга рассуждений и откровений» отражает не только следы манихейства, христианства, буддизма и тенгрианства, но и рудименты различных философских систем эпохи эллинизма. Эти выводы основаны на исследовании языка этого памятника письменности и на тех данных, которые были получены при помощи методов герменевтики и исследовательских приемов компаративистики, что позволило нам раскрыть и осветить общий культурно-исторический фон исследуемого произведения. Этот фон ушедшей эпохи находился в постоянной изменчивости и зависел от смены различных мировоззренческих парадигм культур, например, позиции манихейства и буддизма укрепились лишь в монастырях близ тех или иных городов средневековья, а сельское население продолжало поклоняться своим древним богам, но и здесь среди кочевников наблюдался переход в лоно новой религии. Это относится, прежде всего, к тюркоязычным племенам: кереитам, найманам, басмылам и чигилам, которые приняли христианство несторианского толка в 1007 году. В городской среде, среди купечества наблюдался процесс адаптации к новой манихейской или буддийской религии, происходивший под влиянием инкорпорированных этнокультурных массивов. Хотя и здесь не обошлось без сакральных зигзагов – к этому времени (во второй половине VIII в.) указом уйгурского хана Идиганя манихейство превратилось в государственную религию, что привело к драматическим последствиям – потере независимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Thomsen W.* Dr. M. A. Steins manuscripts in Türiş «Runic» Script from Miran and Tun-Huang // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.* London, 1912, January, 181-227.
2. *Hamilton J.* Le colophon de l'İrq bitig // *Turcica.* Vol. 7. Paris - Strasbourg, 1975, 12-13; *Bazin L.* Les calendriers turcs anciens et medievau. Lille, 1974, 296 p.
3. *Го Мо-жо.* О времени создания «Книги перемен» («Чжоу и») // *Го Мо-жо.* Бронзовый век. М., 1959.
4. *Таката Тадасукэ.* Словарь древней пиктографии (на япон. языке). Токио, 1925. Кн.73, С.34.
5. *Акишев К.А.* Курган Иссык. - М., 1978.
6. *Шуцкий Ю.К.* Китайская классическая Книга перемен. Минск, 1999. С.198.
7. *Эндо Такахиса.* Философия жизни в « Чжоу и » (на япон. языке). Токио, 1925, 2-ое изд. С. 18-22.
8. *Каиржанов А.К.* Palaeoturcica: Мир древних тюрков. Алматы, 1999. С.232.
9. *Неклюдов С.Ю.* Тенгри // *Мифологический словарь.* М., 1990. С.523-524.
10. *Огнева Е.Д.* Лу // *Мифологический словарь.* М., 1990. С.318.
11. *Ксенофонтов Г.В.* Шаманизм. Якутск, 1992.
12. *От Луки святое благовествование // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета: канонические.* М., 1968. С.15, 11-32.

**ОРТОГЕНЕЗ НОВОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В СФЕРЕ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Калаханова Зухра Мухтаровна
доцент кафедры всеобщей истории
кандидат исторических наук, доцент
Карачаево-Черкесский государственный университет
Россия, КЧР, г. Карачаевск
E-mail: Zyzy81@mail.ru

Освещается проблема русско-северокавказского цивилизационно-культурного взаимодействия, проблемы языковых культур кавказских народов. Поэтапно раскрыто формирование историографии Северного Кавказа, развития истории ее изучения. Описывается сложный процесс зарождения, становления и развития национальных литератур, новых жанров, критики и т.д. Оценивается интернационализирующую роль русского языка и русской советской литературы для тюркоязычных народов и их литератур.

Ключевые слова: Кавказские народы, проблемы языковых культур, тюркоязычные народы, этническая история, историческая и генетическая преемственность.

Северный Кавказ – самый, пожалуй, интересный многонациональный край. Здесь разместились и живут с древнейших времен карачаевцы, чеченцы, балкарцы, ингуши, осетины, кабардинцы, ногайцы, аварцы, кумыки, абазинцы, черкесы, адыгейцы, лезгины и др. Они в свою очередь, делятся на многие подгруппы по языку, нравам, традициям. Разделенный на северную и южную части могучим Кавказским хребтом, словно красивым ожерельем, со снеговыми и ледниковыми горами, во главе с величавым двуглавым великаном Эльбрусом, омываемый теплыми Черным и Каспийским морями, он стал с древних времен тем районом земли, который так притягивал взоры многих племен и народов. Кочевой тюркоязычный народ – хазары оказали большое влияние на политическое и экономическое развитие народов Древней Руси и Кавказа, а также других раннесредневековых государств. История данного времени только начинает получать свою точку отсчета в многосторонних подходах в изучении проблемы. По мнению А.В. Гадло: «Этническая история Северного Кавказа IV-X вв., несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки, обнаружить археологические памятники коренной Хазарии до сих пор не удалось», следовательно, только с открытием салтовского комплекса в истории археологии России встал вопрос об этнической принадлежности археологических комплексов данного периода. Кто такие хазары? Они считали себя родственными по происхождению с уграми, аварами, гузами, барсилами, оногурами, болгарскими и савирами. По языку они были близки к тюркоязычным болгарам. Об этом свидетельствуют арабские писатели: Ал-Истахри и ибн Хаукаль утверждают, что «язык болгар подобен языку хазар», Ал-Бируни заявляет, что «болгары и сувары говорят особым языком, смешанным из тюркского и хазарского» [1. С. 65]. Следовательно, около середины VII в. в степях Нижней Волги и Предкавказья уже существовал Хазарский каганат. Его власть распространилась к началу VIII в. на огромную территорию, простирающуюся на Западе до Таманского полуострова, Боспора (Керченского полуострова) и степной части Крыма. А его южная граница доходила до современного г. Дербента.

Мы видим историческую и генетическую преемственность в локализации исторического типа культуры: хазарской в форме салтово-маяцкой, включающей оседлую (земледельческую) и скотоводческую (кочевническую) и аланскую культуру древних ариев, расположенной на Северном Кавказе и частично на Нижней Волге. Использование

тюрков в качестве военной силы и опоры центральной власти характерно было для многих средневековых государств: Византии, Венгрии, Грузии, Хорезма и других. Они несли охрану крупнейших русских городов: Чернигова, Переяславля, Белой Вежи и т.д.

Из всех живых и мёртвых тюркских языков наиболее близким к карачаево-балкарскому языку является язык письменного памятника XIV века «КОДЕКС КУМАНИКУС» [1. С. 44].

Чем ближе подходили границы Русского государства к пределам Кавказа, тем теснее становились связи русского народа с народами Кавказа, тем большую роль в описании кавказских народов играли русские источники. До капитального труда П.В. Голубовского не было ни одной крупной работы. Монография П.В. Голубовского являлась первым, и долгое время оставалась единственным обобщающим трудом [2. С. 127] по истории кочевников. Отношения между русскими князьями и торками, берендеями и черными клобуками были прослежены по летописным источникам в трудах И. Самчевским.

Семен Бронеский – русский этнограф, описывая народы Карачая, отмечал, что Карачай, карачаевцы, по-грузински «каргашети», живут на тучной и возвышенной равнине у Северной подошвы Эльбруса около вершины Кубани... Имеют изрядное скотоводство и небольшое хлебопашество по склонам гор. Живут рассеянно малыми усадьбами и управляются одним старшиною. У них есть мелкая, но крепкая порода горских лошадей, известная под именем Карачаевских. Дорога к ним весьма трудная и опасная [3. С. 98].

И.Ф. Бларамберг – генерал-лейтенант Российской армии-1830-е гг. повествует: «Карачаевцы представляют собой один из красивейших кавказских народов... Характер у карачаевцев вспыльчивый; малейшая причина может привести их в гнев, но они довольно быстро успокаиваются и всегда готовы признать свою ошибку, что говорит о культуре. В целом можно сказать с полным основанием, что они относятся к числу наиболее цивилизованных народов Кавказа и что благодаря своему мягкому нраву они оказывают цивилизующее влияние на своих соседей... У карачаевцев обычно бывает одна жена, с которой они живут самым мирным образом; в отличие от других горцев они питают большую привязанность и человечно относятся к своим женам. В летописях и дипломатических документах XVI в. мы находим интересный материал обо всех народах Северного Кавказа, о посольствах в Москву с просьбой о присоединении, о совместной борьбе Русского государства и горцев с крымско-турецкой агрессией. Документы конца XVII-XVIII в. «Книга Большому Чертежу» и Статейные списки русских посольств Ф. Елчина и П. Захарьева в Мингрелию (1639-1640 гг.) и Н. Толочанова и А. Иевлева в Имеретию (1650-1652 гг.) схематично и ограничено предоставляют материал о расселении, торговле и других сторонах жизни горцев Северного Кавказа.

Территория Кавказа всегда представляла зону этнического смешения языков и культур в полиэтническом пространстве и времени. Формирование историографии Северного Кавказа проходило на всех этапах развития истории ее изучения: дореволюционный, советский и современный периоды. Актуальность проблемы исследования возрастает в связи с повышенным интересом граждан к научно-исследовательской работе архивных учреждений Южного, Северокавказского и Крымского федеральных округов. Отказ общества от одной идеологии, способствовал к пробуждению интереса человека к своему происхождению, своим корням, стремлением к поиску основания, которое дало бы возможность осознать себя частью некой общности, сопричастной к богатейшей истории своих предшественников. Данный материал направлен на раскрытие рассматриваемой реальности. Отразив периоды формирования, становления, развития человеческого общества в ходе миграционных процессов на Юге России, на примере народов Северокавказского региона; рассмотрены предания алан, а также записи, зафиксированные полевыми материалами и собранные информаторами, учеными КЧР. Теоретическое осмысление проблемы позволяет на сегодня определить степень ее изученности. Первые упоминания о предках народов Северного

Кавказа найдены у греческих авторов VI в. до н.э., они указывают на места их обитания и степень соседства с греческими городами. Надо признать, что фактически все мезон сцены древнегреческих легенд и мифов связаны с Кавказом. Это и легенда об Аргонавтах, это и миф о Прометее, прикованному к Кавказскому хребту и т.д. Знаменитый географ Страбон (рубеж I в. до н.э. и I в. н. э.) дал более детальную картину их расселения, описывая хозяйственную деятельность и общественную жизнь. Об этом же и о политической истории древних народов Кавказа рассказывают также римские писатели [1. С. 58].

Более 100 лет назад в Русском археологическом обществе ученые общим голосованием остановились на 1700 г. С данного периода принято считать начало истории изучения кочевников, которая делится на несколько периодов: дооктябрьский, когда лишь начинались попытки осмысления материала IX-XV вв. послеоктябрьский, когда были достигнуты определенные успехи в изучении кочевников и современный период развития историографии, происходит теоретический анализ достигнутых результатов знаний предшествующих эпох. Первый период изучения проблем истории кочевников и их взаимоотношений с Русью в историографии характеризовался трудами В.Н. Татищева, А.А. Куника, Н.М. Карамзина, Н.Г. Устрялова, М.П. Погодина, С.М. Соловьева. В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, Д.И. Багалея, рассматривающих кочевников, как силу, препятствующую развитию Русского государства. Первые историки, используя летописи, пытались определить происхождение названий кочевых народов, установить их местопребывание, пути кочевий, обрисовать общественный строй, религию, взаимоотношения между ними и другими народами. Данные по раннесредневековой истории алан, карачаевцев, балкарцев, адыгов и абазин довольно скудны. Мы находим их у византийских авторов - Анонима (V в.), Прокопия Кесарийского (VI в.). Несколько подробнее рассказывают о расселении кавказских народов, их образе жизни и политической истории византийский император Константин Багрянородный (X в.) и арабский географ Масуди.

К этому же периоду относятся первые упоминания о ясах и аланах (карачаевцах и балкарцах), касогах (адыгах) и обезах (абхазо-абазинах) и др. Карачаевцы говорят на карачаево-балкарском языке, который относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркоязычных алан. Стоит отметить, что в повседневной разговорной речи у карачаевцев используются слова «алан» (в значении «здравомыслящий человек» или «разумный человек») и «адам» (в значении «человек»). И по сей день слово «алан» у карачаевцев и балкарцев используется как обращение к соплеменнику независимо от его пола и возраста. С середины VI-VII вв. существовал Тюркский каганат, погибший из-за междоусобиц, в которых принимал участие знатный род Ашина и его антипод – Дуло. После гибели Тюркского каганата объединились Аварский и Великая Болгария во главе с ханом Кубратом (Кувратом) Батбаем. После смерти Кубрата (около 642 г.) он распался: его младший сын - Аспарух ушел на Дунай, старший Батбай - покорил и возглавил Волжскую Болгарию. Таким образом, знатный род Ашина руководил Хазарским каганатом. На сегодня в историографии сложились разные версии по вопросу поисков следов данного государства. С.А. Плетнева объясняет отсутствие хазарских могильников формой кочевания и соединения с местным населением. М.Г. Магомедов исследует наличие одного археологического комплекса хазарского времени у Чир-юрта (Беленджера) [2. С. 102].

Мучительный период борьбы народов Кавказа с монголо-татарами и социально-экономическая жизнь народов в период нашествия отражен в русских летописях и иностранных источниках: персидских (Рашид ад Дин), арабских (ал Омари), монгольских, китайских и западноевропейских (Вильгельм Рубрук, Плано Карпини) и др. С появлением в Крыму и на Кавказе генуэзских колоний ценный материал о народах Кавказа дают генуэзский источник (Устав генуэзских колоний) и автор Георгий Интериано. Венецианец Иосафат Барбаросообщает много деталей о внутренней жизни горцев. Галонифонтибус -

итальянский священник и путешественник XV века пишет: « Карачеркесы (т. е. карачаевцы) имеют свой собственный язык и свою письменность. Относительно их религии - в некоторых обрядах и постах они следуют грекам, пренебрегая всеми другими сторонами религии, ибо они имеют свои собственные культы и обряды...». Персидский автор Шереф ад Дин Иездиописал борьбу народов Кавказа против войск Тамерлана, как героическую и как одну из самых трагичных страниц их истории [3. С. 204].

Для XVII в. наиболее ценными источниками являются работы итальянских миссионеров Эмиддио Дортелли д'Асколи, Жан де Люка и Арканджело Ламберта, описания, которых довольно правдивы, так как основаны на собственных наблюдениях. Арканджело Ламберти- итальянский миссионер и путешественник XVII века отмечает « Меня очень удивило, что карачаевцы среди стольких варварских языков, на которых говорят окружающие их народы, могли так чисто сохранить язык». Исследования о торговле и других сторонах жизни народов, обитавших на татарском берегу Черного моря в середине XVIII в., оставил французский консул в Крыму М. Пейсонель [4. С. 36] Генрих-Юлиус Клапрот - немецкий ученый ориенталист, академик, 1800-е году после своего путешествия пишет: карачаевцы принадлежат к самым красивым жителям Кавказа и гораздо больше напоминают грузин, чем кочующих в степи татар. Они хорошо сложены и имеют очень тонкие черты лица, которые еще больше украшают большие черные глаза и белая кожа. Среди них совершенно не встречаются широкие плоские лица и глубоко посаженные, косо поставленные глаза, которые бы доказывали смешение с монгольскими племенами.

К концу XVIII-началу XIX вв. относятся первые описания отдельных народов Кавказа русскими офицерами и учеными, первые экспедиции на Кавказ Российской Академии Наук. Академики Гильденштедт и Паллас оставили ценные описания своих путешествий по Кавказу во второй половине XVIII в. В отличие от этих описательных работ, книга С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» носят характер серьезного исследования общественных отношений у горских народов. Серьезному исследованию наиболее большого - земельного вопроса в Карачае были посвящены статьи Н. Иваненкова и М.В. Орлова. Ветеринар С. В. Ваганов изучал карантинные мероприятия в районе Карачая, а попутно давал интересный материал и о карачаевском скотоводстве в целом. Преподаватель реального училища Н.Е. Талицкий публиковал свои впечатления от поездки по Карачаю. В.М. Сысоев и А.Н. Дьячков-Тарасов исследовали древние памятники Карачая и Черкесия, помещая материал о них и горских народах как в кубанских изданиях, так я в сборнике «Материалов для описания местностей и племен Кавказа», издаваемом в Тифлисе [3. С. 66].

Некоторые материалы содержатся в зарубежных изданиях иностранной литературы. Хотя лишь немногие авторы побывали сами в верховьях Кубани и оставили достоверные описания. Этим отличаются изданные на немецком языке работы К.Ф. Гана-преподавателя Тифлисской гимназии, описание итальянского путешественника Соммиеуа, немецкого автора Р. Еркертая некоторых других. Однако работы даже лучших дореволюционных авторов, как русских, так и иностранных, не решали вопросов социально-экономического развития народов Карачая и Черкесии, не рассматривали характера общественных отношений, не замечали классовой борьбы, идеализируя патриархальную старину. Историю карачаевцев или черкесов, абазин или ногайцев они рассматривали совершенно изолированно от общего хода развития Российской империи.

Жизнь горцев, их быт изучали писатели-классики А.Пушкин, М.Лермонтов, Лев Толстой, М. Горький. С творческой целью в Карачаево-Черкессию приезжали: Николай Тихонов, Константин Симонов, Мариэтта Шагинян, Анна Ахматова, Леонид Соболев, Александр Серафимович, Константин Паустовский, Борис Пастернак, Семен Кирсанов, Николай Асеев, Михаил Дудин, Юрий Либединский, Степан Щипачев, Семен Бабаевский

и другие. Они живо интересовались состоянием культуры и литературы наших народов. Их пребывание на нашей земле не прошло бесследно. Многие из них создали произведения, воспевающие неповторимую красоту горного края, трудолюбие его жителей, рождение новой светлой жизни. Это – роман «Горы и люди», рассказы «Адамей», «Девушка гор», повесть «Саня Боташева», поэма «Дорога на Клухор», повести «Абрек Науруз», «Пламя гнева», стихи: «Горный ливень», «Дары Теберды», «Эльбрус и самолет», «Рождение облаков» и другие. Установились творческие контакты между ними и зачинателями наших литератур.

Они обменивались своими впечатлениями о посещении горного края, делились своим творческим опытом, интересовались содержанием первых произведений писателей нашей области. Творческое доброжелательное общение между первыми литераторами и опытными талантливыми русскими писателями плодотворно повлияло на становление и развитие молодых литератур народов Карачаево-Черкессии. Чтобы опыт и достижения русской литературы стали достоянием, активным стимулятором развития наших литератур, необходимо было углубленное изучение русского языка и русской литературы. Для развития наших культур и литератур переводы с русского языка на национальные языки и наоборот стали жизненной необходимостью. Так, были переведены на языки наших народностей отдельные произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, И.и Крылова, Т. Шевченко, А. Чехова, М. Шолохова, В. Маяковского, Н. Тихонова, К. Симонова. Наши читатели, благодаря русскому языку, знакомы и с творчеством выдающихся писателей братских областей и республик Р. Гамзатова, Д. Гулиа, К. Кулиева, Я. Райниса, Ш. Руставели, М. Джалиля и других. Через русский язык и литературу читатели Карачаево-Черкессии получили доступ к сокровищницам мировой культуры.

Как известно в дореволюционный период становление карачаевской письменной профессиональной литературы было тесно связано с именами первых просветителей и писателей Юсуфа Хачирова, Ислама Крымшамхалова, Ислама Хубиева [Къарачайлы], Исмаила Акбаева [Чокуна афенди], Умара Алиева и других их последователей [5. С. 107].

В послереволюционный период карачаевская литература дала народу не менее известные имена: Ислама Тамбиева, Исса Каракотова, Хасана Аппаева, Тохтара Борлакова, Махамета Урусова, Азрета Уртеннова, Асхата Биджиева, Даута Байкулова, Абул-Керима Байкулова, Хасана Бостанова, Османа Хубиева, Абул-Керима Батчаева, Гемма Гебеннова, Халимат Байрамуковой и т.д., которые до начала Великой Отечественной войны стали известными писателями.

Однако большинство из них были репрессированы в 30-е гг. или погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Оставшиеся в живых Абида Боташева, Абул-Керим Байкулов, Халимат Байрамукова, Осман Хубиев, Асхат Биджиев и другие в 1943 г., вместе с карачаевским народом были депортированы сталинским режимом в Центральную Азию по ложному обвинению. На протяжении 14 лет они были вынуждены молчать.

С июня 1956 г. в целях успешной партийно-политической работы среди карачаевцев и балкарцев, проживающих на территории Киргизии, а также в целях удовлетворения пожеланий и запросов этих народов, в Киргизии начинает издаваться республиканская газета «Новая жизнь» на карачаево-балкарском языке тиражом в 3000 экз.

Уже в 1957 г. правительства республик Средней Азии, Казахской ССР и Киргизстана также создали условия для издания книг на карачаевском и русском языках. В том же году вышли из печати книги на карачаевском языке: «Бирге джырлайыкъ» [«Споём вместе»] – сборник песен, выпуск 2 [Фрунзе], «Джилтинле» [«Искры»] – сборник стихов [Алма-Ата], «Джюрек джырлайды» [«Сердце поет»] – сборник стихов [Фрунзе], составителем которых был Осман Хубиев [6. С. 79].

9 января 1957 г. указом Президиума Верховного Совета СССР была восстановлена автономия карачаевского народа – создана объединенная Карачаево-Черкесская автономная

область. С этого времени начинается новый этап в развитии культуры карачаевского народа.

После указа о реабилитации депортированных народов, в том числе карачаевцев, Союз писателей СССР стал уделять больше внимания, оказывал помощь в возрождении литературного процесса депортированных народов. 7 декабря 1957 г. в Колонном зале Дома Союзов открывается декада литературы и искусства Карачаево-Черкессии. С 11 апреля того же года возобновляется издание газеты «Къызыл Карачай» – как органа Карачаево-Черкесского обкома и Черкесского горкома КПСС, областного Совета депутатов трудящихся и выходит ее первый номер.

На специальных литературных страницах газеты «Къызыл Карачай» печатаются: стихи Расула Гамзатова «Песня горских девушек» в переводе М. Байчорова, «Наши молодые писатели пишут о счастливом труде народа», публикуются стихи: Х. Боташева «Ишлеучини махтайбыз» [«Славим труженика»], М. Алиева «Минги таугъа» [«Эльбрусу»], С Лайпанова «Къобанны джагъасында» [«На берегу Кубани»], А. Байрамкулова «Хош келигиз» [«Добро пожаловать»], А. Суюнчева «Къара-Кел», Х. Байрамуковой «Бизни телюбюз» [«Наше поколение»] и др. [7. С. 14].

В 1958 г. создание Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей РСФСР благотворно повлияло на развитие карачаевской литературы в 1958-1991 гг. Уже в 1957 г. вышли из печати книги на карачаевском языке: «Свирель Тембота», сборник стихов Х. Кубанова «Люблю я жизнь» Х. Байрамуковой, «Время» О. Хубиева, «Наша юность» – сборник стихов молодых поэтов Карачаево-Черкесской автономной области.

В 1957-1958 гг. активно включаются в литературный процесс писатели, начинавшие литературное творчество еще в 30-е гг., оставшиеся в живых после Великой Отечественной войны Халимат Байрамукова, Осман Хубиев, Абидат Боташева, Абул-Керим Байкулов, Азрет Эбзеев, Азамат Суюнчев и другие.

Появляются следующее поколения писателей, которые творческую деятельность начинали на депортации [1943-1957 гг.] в Средней Азии и Казахстане. Это одаренные литераторы Назир Хубиев, Хусей Джаубаев, Мусса Батчаев, Ахмат Кубанов, Сейт Лайпанов, Назифа Кагиева и другие.

Если первые послевоенные книги карачаевских писателей начали выходить в середине 50-х гг. в Алма-Ате, Фрунзе, то в конце 50-х гг. издаются литературно-художественные сборники.

Карачаевские писатели – участники Великой Отечественной войны Халимат Байрамукова, Хананафий Эбзеев, Осман Хубиев, Ханафи Эбзеев, Дагир Кубанов, Сейт Лайпанов наибольших успехов достигают в разработке темы героического подвига советского народа, карачаевцев в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В этот же период появляется мемуарная литература. Герой Советского Союза, гвардии полковник танковых войск Харун Умарович Богатырев публикует свои воспоминания «Ата джурт ючюн», переведенная и изданная на русском языке под заглавием «Танки идут в атаку». Выходит в свет книга Сейта Лайпанова «Къарачайны уланы-Белоруссияны джигити» [«Сын Карачая – Герой Белоруссии»] – о славном партизанском командире Османе Муссаевиче Касаеве, Герое Советского Союза и т.д. [8. С. 83].

Появляются очерки о других героях Великой Отечественной войны – Аскере Бархозове, Халимат Эбзеевой, Фатиме Чычханчиевой, о партизанке Залихат Эркеновой и других.

В январе 1962 г. Ставропольский краевой пленум работников творческих союзов отмечает, что «среди имен, чьи произведения вышли со страниц альманаха к широкому читателю – Халимат Байрамукова, Альберт Турклиев, Билял Аппаев и другие». Для этого периода характерно тяготение многих поэтов к прозе.

В 1970-1980 гг. в наших литературах преобладала проза, от рассказов лирических до эпических полотен, романов. Отрадно, что в послевоенный период в нашей литературе

прочное место заняла профессиональная критика. Это новый и, пожалуй, самый нужный для развития наших литератур жанр. О сложном процессе зарождения, становления и развития наших литератур литературоведы создали фундаментальные труды. Изданы очерки творчества многих ведущих писателей.

Взаимообогащение и совершенствование наших литератур немислимо без взаимных переводов. В Карачаево-Черкессии культура и литература создавались в условиях, почти не отличающихся друг от друга, их питала однородная среда. Экономическое положение, культурный уровень их были близки друг к другу. Языки, на которых говорят представители коренных национальностей, разные: тюркоязычные карачаевцы и ногайцы, адыго-абхазская языковая группа у абазин и черкесов. Взаимные переводы не практиковались. Только благодаря русскому языку, русским переводам, произведения наших писателей стали доступными для нас и для всех читателей.

Трудно переоценить интернационализирующую роль русского языка и русской советской литературы для наших народов и их литератур. Под непосредственным влиянием передовой русской культуры в полную мощь раскрылись творческие способности всех народов. Разве не об этом говорит творчество таких выдающихся современных советских поэтов и прозаиков, представителей малых народов, как Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Кайсын Кулиев, Мустай Карим, Давид Кугультинов, Алим Кешоков, Дмитрий Гулия, Мусса Джалиль, Юван Шесталов и многие другие. Они украсили разноцветием нашу литературу. В переводах произведений отдельных карачаевских, черкесских, абазинских, ногайских поэтов и прозаиков охотно приняли участие такие представители русской советской литературы, как Николай Тихонов, Константин Симонов, Майя Румянцева, Римма Казакова, Наталья Капиева, Андрей Исаков, Илья Чумак, Владимир Гнеушев, Николай Скребов, Евгений Карпов, Иван Кашпуров, Даниил Долинский и другие [10. С. 30]. Благодаря их переводам произведения писателей наших малых народов стали достоянием всесоюзного читателя. Творческое общение с переводчиками, обмен опытом, творческие контакты с писателями Москвы и Ленинграда, Ростова и Ставрополя, Абхазии и Волгограда, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, Якутии и Украины плодотворно влияли на дальнейшее развитие наших литератур, обогащали их духовно. [8. С. 183].

Знаменитый аварский поэт Расул Гамзатов часто говорил: «Язык языку – не враг». И вправду. Знание каждого языка – дополнительное богатство к тому, которым каждый из нас располагает, владея родным языком. Наиболее распространенными в мире считаются десять языков – английский, арабский, испанский, португальский, китайский, немецкий, русский, французский, хинди и японский. В каждом живом языке есть большой пласт интернациональной лексики, и обойтись без нее невозможно.

Языки небольших народов изначально могут быть древнее и богаче языков некоторых крупных наций. И, тем не менее, остаются языками общения и культуры лишь на сравнительно небольших территориях. Культура – это способ организации жизни, специфический для каждого этноса. Люди, независимо от того, к какому они принадлежали обществу, всегда стремились к совершенству в процессе эволюции. Из мировой истории известно: утрата языка есть первый, а чаще всего и последний симптом исчезновения любого этноса, и уж тем более малочисленного. Федеральным законом о языках народов Российской Федерации языки всех проживающих на её территории этносов объявлены национальным достоянием и культурным наследием. В статьях Закона о языках малочисленным народам гарантируется государственная поддержка, «Содействие в организации различных форм воспитания и обучения на родном языке независимо от их количества и в соответствии с их потребностями» (ст. 9, п.5), создание необходимых условий для сохранения и развития их языков. [9. С. 203].

Необходимо органам государственной власти СКФУ в своей политике в области культуры обратить особое внимание на сохранение и изучение народной словесности, на ее популяризацию среди населения; оказать содействие по сбору фольклорно-этнографического материала с приданием государственного статуса фольклорно-этнографическим фондам, находящимся не только в государственных, но и в автономных некоммерческих научно-исследовательских учреждениях и частных архивах, поскольку подобного рода материалы имеют важное историко-культурное значение и содержат информацию о культурных ценностях народа, нравственных и эстетических идеалах, нормах поведения, диалектах и говорах, обычаях и обрядах, традициях народной художественной культуры в ее аутентичных формах.

А научно-исследовательским учреждениям и образовательным организациям Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Крымской республик обратить внимание: проблемы языковых культур кавказских народов, на подготовку фольклористов-музыковедов, фольклористов-текстологов и переводчиков фольклорных текстов. Под языковой культурой понимается вся совокупность фактов, характеризующих развитую национальную школу, литературу и выработанный литературный язык, как-то: система и техника письма, учебная, художественная, просветительная и научная оригинальная и переводная литература, издательская деятельность, единый литературный язык, выработанная терминология и пр. В области национальной культуры литературы требуется учредить периодический литературно-художественный журналы на родных языках тюркоязычных народов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология карачаево-балкарской литературы. – Анкара, 2002. 302 с.
2. Антология карачаевской поэзии. [XVIII-XX века]. Москва: «Эльбрусид», 2006. 294 с.
3. Биджиев Х.Х.-М. Хумаринское городище. – Черкесск, ПОСТ-ПРЕС, 1983. 148 с.
4. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.: Мысль, 1964. 204 с.
5. Историография истории СССР / Ред.: В.Е. Иллерецкий и И.А. Кудряшов. М.: Старт, 1971. 2-е изд.; 308 с.
6. Калаханова (Борлакова) З.М. Последствия депортации в сфере образования и проблемы культурной реабилитации карачаевцев. Сборник статей научной конференции. Алиевские чтения. г. Карачаевск: Изд-во КЧГПУ, 1998. 56 с.
7. Калаханова (Борлакова) З.М. Развитие культуры народов Карачаево-Черкесии в середине XX века. Международная научно-практическая конференция «Проблемы монголоведных и алтаистических исследований». КГУ, Элиста: Изд-во КГУ, 2009. 100 с.
8. Калаханова (Борлакова) З.М. Культурная реабилитация карачаевского народа. Сборник статей преподавателей исторического факультета КЧГПУ. г. Карачаевск: Изд-во КЧГПУ, 1999. 27-33 с.
9. Калаханова (Борлакова) З.М. Очерки истории духовной и материальной культуры народов Северного Кавказа 14-21 вв. Том первый. Глокализация и развитие народного образования и науки на Северном Кавказе (во второй половине 20 начале 21 вв.). Ставрополь: ООО «Губерния», 2014. с. 212.
10. Янова М.В. История изучения Великой степи. М, 2012. Артамонов М.И. Труды Волго-Донской экспедиции. МИА. 1958. - № 62; 1958. - № 75; 1953. - № 109.

**АЛТАЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ:
ОБЗОР НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

Киндикова Нина Михайловна

доктор филологических наук

профессор Горно-Алтайского государственного университета.

Республика Алтай, г. Горно-Алтайск

В статье речь идет о развитии алтайского литературоведения в новом столетии, впервые анализируются новики научных трудов, обращается внимание на тематику и проблематику науки о литературе.

Ключевые слова: Алтайское литературоведение, новики научных трудов, тематика и проблематика, сравнительный анализ, монографии о творчестве алтайских писателей.

Вопрос о зарождении и развитии алтайского литературоведения рассмотрен нами в статье «Проблемы алтайского литературоведения: итоги и перспективы развития», которая охватывает только XX столетие [1]. С тех пор издано немало научных трудов, однако не осуществлен обзор исследований, изданных в XXI веке. Почему этот вопрос стал актуальным сегодня? Потому что в последние годы обесценился труд ученого. Заметим, после защиты кандидатской диссертации молодое поколение перестало писать монографии, почти отсутствуют отзывы и рецензии на изданные труды, не говоря уже о рецензиях на художественные произведения, а в опубликованных научных трудах зачастую отсутствует историография вопроса. Монографии ученых издаются мизерным тиражом, за научные статьи приходится платить самому автору, многие пишут гранты, однако редко кто выигрывает. Бумажная волокита занимает больше времени, чем творческая работа ученых. Об этом все знают, но молчат, так как в университетах идет ежегодное сокращение дипломированных специалистов без учета их творческих способностей. С другой стороны, это связано с отсутствием соответствующих структур в Республике Алтай. Как известно, в республиканском НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова десять лет назад необоснованно ликвидирован сектор литературы, занимавшийся непосредственно изучением алтайской литературы, творчества алтайских писателей в частности. Без этой структуры нет перспективы нашим магистрантам и аспирантам. Никто не захочет защищать кандидатскую диссертацию, не говоря уже о защите докторской диссертации.

Тем не менее, литературоведы успели издать «Историю алтайской литературы» (2004) в двух книгах, а преподаватели факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ) написали «Историю алтайской литературы» (2008) в двух частях на родном языке [2]. В первой книге «Истории...» речь идет о фольклорных истоках алтайской литературы и о развитии лирики, эпоса и драмы в исторической перспективе. Во вторую книгу вошли литературные портреты шести писателей: А. Адарова, Д. Каинчина, Л. Кокышева, Э. Палкина, С. Суразакова, Б. Укачина.

В «Историю...», написанной на алтайском языке, включены новые главы, как например, глава о письменных истоках алтайской литературы, в частности, впервые даны сведения о древнетюркской литературе. В начале книги речь идет о периодизации алтайской литературы, а заканчивается «История...» статей о развитии алтайского литературоведения и критики. Из персоналий во вторую часть «Истории...» вошли портреты более десяти писателей. Кроме выше названных писателей вошли имена П. Самыка, Д. Каинчина, Ш. Ша-

тинова, Б. Бедюрова. При переиздании ее предстоит включить литературные портреты других алтайских писателей. Помимо этого в «Историю» впервые включена статья о проблемах перевода литературы других народов на алтайский язык. Заметим, однако, что в XXI веке литературоведческие труды издаются в издательствах ГАГУ и ИПК и ППРО (Институт повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования) Республики Алтай.

В Горно-Алтайском государственном университете (ГАГУ) при факультете алтаистики и тюркологии функционирует лаборатория «Алтайская филология», занимающаяся написанием учебно-методических пособий для студентов, бакалавров, магистрантов, а также аспирантов. Одновременно преподаватели кафедры алтайской литературы и народной художественной культуры пишут монографические исследования о литературном процессе Горного Алтая. Их особенно интересуют личные архивы писателей и состояние современной алтайской литературы. В данной статье речь пойдет в основном о научных трудах алтайских литературоведов. Заметим, из-за отсутствия литературного музея в республике, нет доступа к творческому наследию алтайских писателей. Никто не занимается их личным архивом.

Для написания литературоведческих трудов на родном и русском языках нами впервые создан словарь литературоведческих терминов на алтайском языке («Литература билимнин созлиги», 2006). Кроме того подготовлен библиографический указатель научных трудов литературоведов – «Труды преподавателей кафедры алтайского языка и литературы» (2011) -, который полезен для написания историографии исследуемого вопроса.

Одной из важных задач лаборатории является подготовка национальных кадров для Республики Алтай. С этой целью под руководством Н.М. Киндиковой защищены кандидатские диссертации У.Н. Текеновой (2008), В.П. Канариной (2009), А.Б. Тадыровой (2012). На очереди Я. А. Мандина, которая работает по творчеству И.В. Шодоева. В. Канарина впервые написала диссертацию о генезисе, эволюции и жанровой системе литературной критики Горного Алтая. Вопрос стоит об издании монографии.

Отрадно, что преподавателями кафедры алтайской литературы и народной художественной культуры издан в последние годы ряд монографических исследований о жизни и творчестве алтайских писателей Б. Укачина (А.В. Киндиковой), Д. Каинчина (У.Н. Текеновой), А.О. Адарова, Л.В. Кокышева (Н.М. Киндиковой) и других. Научный интерес представляют книги «Алтайская детская литература» (2005) М.П. Чочкиной и «Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова» (2009) М.С. Дединой. Как известно, на основе монографических исследований М.П. Чочкиной, М.С. Дединой, А.В. Киндиковой, Н.М. Киндиковой и других подготовлены учебно-методические пособия для магистрантов и аспирантов.

Ежегодно нами проводятся научно-практические конференции, посвященные актуальным проблемам алтайского литературоведения. Так, в начале XXI века нами организованы и проведены конференции по проблемам перевода художественной литературы, итоги которой отражены в сборниках статей: «Тюркоязычные литературы Сибири: проблема художественного перевода» (2004), «Перевод тюркских литератур Сибири. Теория и практика» (2005), «Взаимоперевод национальных литератур: сохранение этнокультурных особенностей» (2014). В них затронуты проблемы возобновления прерванного переводческого дела и развитие взаимоперевода тюркских литератур. На основе проведенных исследований подготовлены учебные пособия для бакалавра, магистрантов, аспирантов[3].

Особое место отводится литературоведами Горного Алтая изучению творческого наследия писателей 20-40-х годов XX столетия. Этой теме посвящены материалы конференций, опубликованные в сборниках: «Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд из XXI века» (2010), «Судьба и наследие писателей-фронтовиков: взгляд из будущее-

го» (2015). По материалам юбилейных мероприятий издаются книги, посвященные творчеству того или иного алтайского писателя. К таковым относятся «Наследие М.В. Чевалкова в современном осмыслении» (2008), «Исследования по произведениям Л.В. Кокышева» (2010), «Современное восприятие творчества А.О. Адарова» (2012) и другие. Через ИПК и ППРО подготовлен и издан сборник «Современное осмысление личности и наследия классика алтайской литературы Л.В. Кокышева в школе» (2013) и другие. В них имеются свежие сведения о жизни и творчестве алтайских писателей, об истории создания или поэтике отдельных произведений автора. Конечно, не все материалы проведенных конференций издаются вовремя из-за финансовых затруднений. В последние годы проведены научно-практические конференции, посвященные преподаванию литературы тюркских народов: «Национальные и региональные особенности преподавания и изучения литературы тюркских народов» (2015), «Гуманитарные исследования в Горном Алтае» (2016). К сожалению, они не доступны алтаеведам республики.

Монографии, изданные в XXI веке, анализируются нами в хронологической последовательности. В книге «Творчество Бориса Укачина: тематическое и жанровое своеобразие» (2005) А.В. Киндиковой обстоятельно изучено наследие алтайского писателя в жанровом разнообразии [4]. При этом автор не ограничивается исследованием только творчества Б. Укачина, а рассматривает его во взаимосвязи с творчеством других тюркских писателей. В тематическом отношении наследие Б. Укачина богато и актуально до настоящего времени. Неслучайно по мотивам его прозаических произведений ставятся спектакли на сцене национального драматического театра им. П.В. Кучияка. К 80-летию писателя можно было расширить тематику исследования или дополнить новыми сведениями из жизни писателя. Поскольку издан новый «Библиографический указатель» (2006) и альбом, посвященный жизненному и творческому пути Бориса Укачиновича Укачина (2016). Поводом этому послужила бы переводческая деятельность алтайского писателя. Известно, что Б. Укачин в свое время переводил произведения русских (М. Лермонтова, И. Ерошина, Л. Касиля, С. Михалкова) и зарубежных (И. Такубоку) писателей, в том числе произведения родственных народов (Ч. Айтматова, А. Даржая, Ю. Кюнзегеша). В этом смысле интересно было бы исследование взаимосвязи алтайской литературы с другими литературами России.

Добротно, обстоятельно написана монография «Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова» (2009) М.С. Дединой. Казалось бы, о творчестве киргизского писателя написано ряд исследований российских и зарубежных литературоведов, но М. Дедина, опираясь на тюркский фольклор и мифологию, сумела выявить основные мотивы художественных произведений киргизского писателя Ч. Айтматова. Она пишет: «Опираясь на мифологическую картину мира, Айтматов строит в своих произведениях особую модель мира, во многом сохраняющую пространственно-временное мировоззрение древних тюрков» [5, с.123]. Более того, произведения Ч.Айтматова легко прочитывается на алтайском языке, благодаря переводам Б. Укачина, А. Адарова, Д. Каинчина, Т. Торбокова.

Литературовед М. Дедина впервые затронула анималистические мотивы в произведениях Ч. Айтматова, глубоко и убедительно раскрыла художественное пространство в прозе киргизского писателя. Все это позволило алтайским литературоведам по-новому взглянуть на произведения алтайских писателей. В дальнейшем она сможет раскрыть проблему влияния произведений Ч. Айтматова на творчество алтайских писателей. Помимо этого М. Дедина может написать монографическое исследование о наследии К. Телесова.

Во втором десятилетии XXI века издана одна монография и два сборника статей к.ф.н. У.Н. Текеновой [6]. Монография «Художественный мир Дибаша Каинчина» (2011) посвящена творчеству ведущего алтайского прозаика Д.Б. Каинчина, впервые рассмотрена тематика и проблематика его прозаических произведений, раскрыты особенности сюжета и

композиции рассказов, повестей и романов, особое место уделено модификации традиционных образов и мотивов, выявлен фольклорно-этнографический контекст отдельных произведений ведущего прозаика Д.Б. Каинчина.

Д. Каинчин творил во второй половине XX столетия. Литературовед У. Текенова уделяет основное внимание его произведениям, созданным в постперестроечное время. В них прослеживается новый взгляд на развитие алтайской литературы, переоценка исторических событий и художественное отображение их на новом идейно-эстетическом уровне. Автор отмечает особенности национального мировидения прозаика в сюжетно-композиционной структуре рассказов и повестей. Независимо от инонациональных влияний в его прозе заметно выделяется национальная самобытность и индивидуальное своеобразие.

Национальное мировидение Д. Каинчина восходит к мифологическим представлениям алтайцев. Отсюда и тотемные образы синего волка, беркута, почитание окружающей природы с его священными деревьями, горами и реками. В монографии У. Текеновой четко прослежено функционирование таких мифологем в повестях, рассказах писателя, как тотемные птицы и звери, священные деревья, родовая гора и т.д. Традиционные образы, символы способствуют созданию национальной картины мира в прозе Д. Каинчина. Помимо этого в исследовании У. Текеновой рассмотрен сочный народный язык, необычный стиль писателя. Знание двух языков позволило исследователю выборочно перевести фрагменты отдельных произведений.

В двух выше упомянутых сборниках статей ею анализированы произведения известных алтайских писателей Л. Кокышева, А. Адарова, Б. Укачина и других. Казалось бы, творчество Л. Кокышева достаточно изучено в исследованиях С. Каташева, Р. Палкиной, Н. Киндиковой и других. Тем не менее, У. Текеновой удалось рассмотреть новые грани творчества отдельных произведений известного алтайского писателя. В частности, в книге «Творчество Л. Кокышева. Опыт литературоведческого чтения» (2013) ею выявлены традиционные образы-символы в лирике алтайских поэтов и дана новая интерпретация отдельных образов-символов. Таковы, например, образы аила/дома, дороги/пути, свое и чужое и т.д. Причем каждый образ рассмотрен в сравнительно-сопоставительном аспекте с образами других алтайских поэтов. В поле зрения литературоведа не только лирика алтайских поэтов, но и лиро-эпические жанры (поэма «Туба»), повести («Сто писем») и романы («Арина», «Цветок степей») Л.В. Кокышева. Текстологический анализ этих произведений приводит исследователя к убедительным выводам.

В очередном сборнике У.Н. Текеновой – «В мире литературы» (2013) – дан обстоятельный анализ отдельных произведений алтайских писателей: Д. Каинчина, Б. Укачина, А. Адарова, Л. Кокышева и других. Литературовед, в то же время учитель-методист У. Текенова углубляется в мир поэта и передает затаенные мысли автора. В этом сборнике впервые затронута проблема перевода иноязычной литературы, а также тема репрессированных писателей. Особенность литературоведческих трудов У.Н. Текеновой в том, что она одновременно пишет на двух языках: алтайском и русском. Неслучайно ее книги востребованы алтаеведами республики, литературоведами Сибири.

Научный интерес представляет книга «Диалог поколений в эпистолярной истории» (2012) литературоведа и фольклориста С. З. Казагачевой. В ней впервые опубликована переписка автора с потомками известных ученых, писателей. Нас особенно заинтересовали главы, посвященные М.В. Чевалкову, П.В. Кучияку, С.С. Суразакову и других. С одной стороны, автор продолжает мысли, идеи профессора С.С. Суразакова, с другой – глубже и шире раскрывает родословную зачинателей алтайской литературы М.В. Чевалкова и П.В. Кучияка. Как известно, имя М. Чевалкова возвращено в историю алтайской литературы только в середине XX столетия профессором С. Суразаковым, прозаическое произведение «Жизнь

Чевалкова»(1860) впервые опубликовано на родине литературоведом З. Казагачевой.

В данной книге представлены письма потомков, письма правнука М. Чевалкова. Это почти неизвестные факты истории и культуры Алтая, алтайской литературы в том числе. З. Казагачева опубликовала результаты своей поисковой работы, буквально, где родился, где жил, где похоронен М.В. Чевалков, писатель-просветитель, общественный деятель второй половины XIX века. Сегодня его имя носит республиканская национальная библиотека.

Автор завершает свои научные изыскания словами: «Мечтала собрать все материалы Чевалкова по фольклору и этнографии алтайцев, переданные исследователями В.В. Радлову, Г.Н. Потанину, Н.М. Ядринцеву, Ананьину и др., издать их отдельной книгой. Мечтала в архиве М. Невского, митрополита Московского, найти оригинал «Памятного завещания», ведь он, по существу, был переводчиком второго автобиографического повествования Чевалкова. Следовательно, надо найти рукопись оригинала»[7,с.392]. Значит, поиски исследователя З.С. Казагачевой не завершены, они ждут своего продолжения.

Что касается П.В. Кучияка, то в книге З. Казагачевой даны ценные сведения иностранных и московских друзей и новосибирских коллег об алтайском писателе, есть отзывы зарубежных путешественников не только о писателе П. Кучияке, но и об алтайском народе в целом. Как известно, первые сведения опубликованы автором в книге «Павел Кучияк. Воспоминания. Дневники. Письма» (1979). Но эта книга выступает продолжением и в то же время восполнением белых пятен истории алтайской литературы. В век научно-технического прогресса простая переписка в форме письма оказалась ценнейшим средством общения и передачи неизвестной информации новому поколению.

В монографии «Литературы Сибири: опыт исследования» (2014) Н. Киндиковой, к примеру, представлены литературы народов Сибири во взаимоотношениях с другими литературами России [8]. Работа выполнена в лаборатории «Алтайская филология» факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета и учебно-научной лаборатории художественного наследия и сравнительного литературоведения Северо-Восточного Федерального университета. К монографическому исследованию творчества отдельных писателей привлечены литературоведы Алтая, Тувы и Хакасии. Их статьи апробированы на всероссийских, региональных, республиканских научно-практических конференциях, проведенных в Горно-Алтайске.

Структурно работа состоит из пяти глав, в каждой из них обозначены основные проблемы литературоведения сибирского региона. В первой главе раскрыты вопросы историографии, жанрового своеобразия алтайской, бурятской, тувинской хакасской, якутской литератур. Литературы народов Сибири впервые рассмотрены в историко-типологическом, сравнительно-сопоставительном, структурно-типологическом аспектах.

Во второй главе исследована проблема периодизации каждой из названных литератур в контексте тюркских литератур России. До недавнего времени в трудах востоковедов игнорировались письменные истоки и традиции литератур региона, истоки которых восходят к орхоно-енисейским письменам. Автор впервые выявляет исторические корни и отличительные черты родственных литератур. Кроме фольклорных истоков они опираются на древнюю поэзию тюрков VI-VIII-XII веков. В связи с этим впервые раскрыто их отношение к древнетюркским памятникам. Автор ссылается на последние изыскания ученых: археологов, историков, фольклористов, литературоведов. Алтайскую, тувинскую, хакасскую, якутскую литературу исследователь рассматривает в сравнении с другими тюркскими и монголоязычными литературами России.

В третью главу вошли литературные портреты отдельных творческих личностей, внесших заметный вклад в развитие национальных литератур. Это свежий материал, новый взгляд на творческое наследие алтайских, тувинских, хакасских писателей, результат много-

летней работы автора с их личными документами, архивами государственных музеев, государственным архивом региона. Впервые введены в историю национальных литератур имена и творчество ранее репрессированных писателей, по-новому рассмотрены литературная деятельность писателей фронтовиков, пересмотрены биография и литературное наследие. Проведение юбилеев писателей сибирского региона способствует раскрытию неизвестных фактов в их биографии и творческой деятельности. Автор приходит к выводу о том, что каждый из упомянутых личностей достоин монографического изучения творчества.

В четвертой главе изучена проблема поэтики и типологии отдельных произведений. Каждая из названных литератур развивалась независимо друг от друга. Типологическая связь тюркских литератур проявляется в тематике, проблематике, фольклорных мотивах, образах, в стихосложении и т.д. Автор анализирует конкретно рассказ или роман одного писателя, сравнивает их темы, образы, мотивы с образами, мотивами произведений других национальных писателей, обращает внимание на поэтику переводных произведений. В целом в них раскрыта драматическая судьба алтайского хакасского, башкирского народов. Эта глава - почти продолжение научных изысканий автора, начатых в предыдущих монографиях Н. Киндиковой: «Алтайская литература: проблемы и суждения» (2008), «Статьи об алтайской литературе» (2010), «Тюркские литературы: проблемы взаимодействия» (2012), «Типологическое исследование тюркских литератур» (Саарбрюккен, 2013), «Алтайская литература. Поиски и находки». (Саарбрюккен, 2016). В пятой главе рассмотрены вопросы художественного перевода национальных литератур на русский и другие тюркские языки народов Сибири, ставится проблема взаимного перевода произведений с языка оригинала. Особое место отводится сохранению этнокультурных особенностей литератур региона. Учитывая этнокультурные, этно-эстетические особенности оригинала и подстрочника, тюркоязычные переводчики могут перевести любое стихотворение на свой родной язык.

Взаимодействие тюркских литератур осуществляется, прежде всего, через художественный перевод. Однако переводы до настоящего времени выполнялись на русском языке. Каждая из представленных литератур опирается, в первую очередь, на существующие переводы, редко кто из переводчиков обращается к оригиналу. Неслучайно в работе ставится проблема художественного перевода литературы с оригинала. Все это позволяет творчески осмыслить изучаемый материал, глубоко войти в проблемы переводоведения и литературоведения сибирского региона, даже в методику преподавания родной литературы. Научные изыскания автора широко внедрены в школьные и вузовские программы и учебные издания Республики Алтай и Сибири, изучаются магистрантами, аспирантами в Туве, Хакасии, Якутии, пользуются преподавателями и научными работниками НИИ региона и в других вузах России. Данное исследование предназначено исследователям не только тюркских, но и других литератур, поскольку в ней затронуты литературоведческие проблемы, касающиеся всех литератур России, в том числе восстановление прерванного переводческого дела в стране. В целом алтайская литература исследуется в сравнении с другими славянскими и тюрко-монгольскими литературами.

Современный уровень развития отечественного литературоведения требует от исследователя качественно нового подхода к национальным литературам народов России, алтайской литературе в частности. В монографии Р.А. Палкиной алтайская литература рассмотрена как художественная система [9]. Содержание ее охватывает большой промежуток времени. Алтайская литература представлена в родовом разнообразии: лирика, поэмы, эпос. Особое внимание уделено мировоззренческо-этническим и поэтико-жанровым аспектам литературы. В первых двух главах выявлены истоки художественности, далее рассмотрено жанровое многообразие и богатство изобразительной системы алтайской литературы. Традиционное мировоззрение и философия алтайцев, окружающая природа являются

основным условием формирования нравственных ориентиров в характере человека, его поведении в обществе.

В главе «Истоки эстетики и художественности» прослеживается попытка показать особенности этнического человека в жизни и по отношению к природе. До настоящего времени алтаец придерживался обычаев, традиций своих предков. Его поклонение родовой горе, рекам, священным деревьям остается до сих пор в силе и в действии. Все это заложено в нем генетически и почитается из поколения в поколение. Однако современная молодежь только сегодня приходит к осмыслению и возвращению потерянных традиций и обрядов предков. Живым источником творчества алтайских писателей являются национальные традиции и фольклор, функционирующие в народном сознании.

В четвертой главе монографии выстраивается художественная картина мира алтайских писателей. Говоря об ускоренном развитии алтайской литературы, автор обращает внимание на проблему взаимодействия и взаимовлияние зарубежной и отечественной литературы на развитие алтайской литературы. Так, ею рассмотрено влияние Р. Бернса на поэзию Л. Кокышева, Э. Палкина, Б. Укачина и других. По мнению Р. Палкиной, «преломление, осмысление и глубокая трансформация иноязычного материала, явления иной культурной системы на материале родной поэтам национальной действительности обогащало алтайскую литературу, способствовало развитию изобразительной системы, развитию алтайской образности, алтайского стихосложения» (с.208). Эта мысль прослежена в произведениях алтайских прозаиков. Ею изучено также влияние Ч. Айтматова, Р. Гамзатова, К. Кулиева на творчество алтайских прозаиков Д. Каинчина, К. Телесова, Б. Укачина и других. Относительно рассказа «Следы на камне» (1969) Д. Каинчина она рассуждает так: «Художественный опыт Ч. Айтматова помог алтайскому прозаику создать самобытное произведение алтайской литературы на сходную тему, на аналогичном родном материале» (235). Здесь речь идет о генетических, типологических, контактных связях национальных литератур, а не только об их прямом влиянии. В целом в работе Р. Палкиной исследовано развитие алтайской литературы второй половины XX столетия.

Таким образом, алтайские литературоведы, пересматривая предыдущие произведения и перечитывая новинки алтайской литературы, пытаются проследить развитие алтайской литературы в XXI веке. Одновременно они углубляются в судьбу и наследие репрессированных писателей и писателей-фронтовиков, остро ставят проблему перевода произведений тюркоязычных писателей и двуязычного издания их в республиках. Кроме этого алтайским литературоведам предстоит написать монографические исследования о жизни и творчестве отдельных писателей, расширить главы созданной «Истории алтайской литературы». Все это возможно при восстановлении работы отдела литературоведения в республиканском НИИ алтаистики. Открытым остается вопрос о создании литературного музея в столице республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киндикова Н.М. Проблемы алтайского литературоведения: итоги и перспективы развития.// Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения. - Горно-Алтайск: ГУ кн. изд.-во «Юч-Сюмер-Белуха»,2008.- С.166-172
2. История алтайской литературы в двух книгах. – Горно-Алтайск: Горно- Алтайск: ГУ кн. изд.-во «Юч-Сюмер-Белуха»,2004; Алтай литературанын туукизи (История алтайской литературы в двух частях). Учебное пособие.- Горно-Алтайск: РИО ГАГУ,2008- 461с.
3. Проблемы художественного перевода в алтайской литературе. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ,2010.-115с. (на родном языке); Художественный перевод. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ,2013.-78с. (на русском языке).

4. Киндикова А.В. Творчество Бориса Укачина: тематическое и жанровое своеобразие. Горно-Алтайск, 2009. 176с.

5. Дедина М.С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова.- Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. - 135с.

6. Текенова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина.- Горно-Алтайск, 2011.-179с.; Текенова У.Н. Л.В. Кокышевтин чумделгези: литература билим кычырыш. (Творчество Л.В. Кокышева. Опыт литературоведческого чтения).- Горно-Алтайск, 2013.- 164с.; Текенова У.Н. В мире литературы.- Горно-Алтайск, 2013.-145с.

7. Казагачева З.С. Диалог поколений в эпистолярной истории.- Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2012.-749с.

8. Киндикова Н.М. Литература Сибири: опыт исследования.- Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014 – 180с.

9. Палкина Р.А. Алтайская литература как художественная система.- Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2015.- 280с.

ALTAI LITERATURE: A REVIEW OF SCIENTIFIC PAPERS

Kindikova N.M.

Doctor of Philology, professor

Gorno –Altaisk State University

Republic of Altai (Russia)

The article focuses on the development of the Altai literary studies in the new century. It is for the first time reviewed new scientific papers, draws attention to the themes and problems of the science of literature.

Key words: Altai Literature, new scientific papers, themes and issues, comparative analysis, monographs on the work of the Altai writers.

ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Амалбекова Марал Бимендиевна (г.Астана)
 доктор филологических наук, доцент, профессор
 Евразийский национальный университет
 имени Л.Н. Гумилева, кафедра общего
 языкознания и теории перевода
 E-mail: maraluspen@mail.ru

В культуре каждого народа есть свои способы выражения тех или иных жизненных категорий, таких, как движение, качество, количество, причинность, сущность и явление и т.д., значение которых должно быть эксплицировано. В данной статье рассматриваются способы выражения неразрывно связанных категорий «пространство» и «время» в казахской культуре, что отражает способы осмысления действительности, зависящие от образа жизни и хозяйственной деятельности. У казаха-кочевника-скотовода обозначение рассматриваемых категорий связано именно с кочевым образом жизни и скотоводством.

Ключевые слова: время, пространство, фактор стабильности, культура казахов, способы обозначения, кочевник, дифференциация значения лексем.

Неоспоримым является представление о неразрывности философских категорий пространства и времени. Советский энциклопедический словарь представляет эти категории «как всеобщие формы существования материи; пространство – форма сосуществования материальных объектов и процессов (характеризует структурность и протяженность материальных систем); время – форма последовательной смены явлений и состояний материи (характеризует длительность их бытия). Пространство и время имеют объективный характер, неотделимы от материи, неразрывно связаны с ее движением и друг с другом, обладают количественной и качественной бесконечностью» [Словарь, 1985, с. 1067].

Известный казахстанский публицист, писатель, этнограф Акселеу Сейдимбек утверждает, что усвоить понятия времени и пространства для казахов важно было «для ведения кочевой жизни на просторах Евразии, для того, чтобы в этой кочевой жизни установился стройный порядок, чтобы она стала фактором стабильного человеческого существования. Без овладения этими категориями жизнь человеческая в кочевой степи станет неуправляемой, в ней не найдешь ни начала, ни конца. Знать выгоды и опасности пространства, которое ты избрал местом своего обитания, соотносить явления, происходящие в этом пространстве, со временем, к которому они бывают приурочены – это значило для кочевников Евразии устройство размеренной, вполне сносной, а иногда и очень хорошей жизни. Может быть, поэтому казахи-кочевники не отделяли время от пространства, а установили взаимообусловленную слитность этих категорий. Действительно, только в природных явлениях можно четко проследить прочную пространственно-временную связь, которую зафиксировало народное сознание» [Сейдимбек, 2001, с. 234-235]. В качестве примера А. Сейдимбек приводит казахское слово *узак* – ‘долгий, длинный’, относящееся в равной мере и ко времени, и к пространству: *узак жол* – *долгий путь*/ *узак кун* – *долгий день*, *жолды узарту* – *продлить дорогу*/ *мерзімді(уакытты) узарту* – *продлить срок (время)*.

Так как казахи издавна занимались скотоводством, то они прекрасно знали все тонкости ухода за скотом, который выращивается в определенном месте и в определенное время. Чтобы скот рос правильно, набирал в весе, недостаточно выбрать для него удобное пастбище, нужно еще точно знать и время выпаса и, согласно сезона, верно определить способ

ухода за ним. Это значит, что свойства и качество места связаны со временем, зависят от времени, т.е. в скотоводческом производственном цикле время и пространство выступают комплексно, как показатели единого процесса, например, выражением *во время кочевки на жайлау* указывается время кочевки (это весна, когда уже растаял снег) и место, куда люди направляются (на летние пастбища; жайлау – 1) 'летовать, быть на летних пастбищах' [Словарь, 2008, с. 281]).

Все эти моменты хозяйственной деятельности казахов были тесно связаны и определялись небесными светилами – солнцем, луной, звездами. Известный государственный деятель Российской империи, историк, этнограф, писатель А.И. Левшин в своей книге «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» писал: «Зная положение и течение большей части светил небесных, киргиз (казак) смело пускается ночью в путь по степям, в которых нет ни дорог, ни тропинок и не только безошибочно достигает желаемой цели, но даже определяет на каждом шагу час или время, протекшее от начала ночи, и место, где застанет его утро. Таким же образом, смотря на солнце, назначает он, сколь давно показалось оно на горизонте и когда скроется. По сим замечаниям располагает он занятия свои, отдых, путешествия, остановки, выезды, свидания. Словом сказать, он смотрит на небо, как европеец на карманные часы» [цит. по Каирбеков, 2012, с.60]).

Без знаний маршрутов движения звезд по небу кочевник не смог бы сам странствовать по пустынной местности, где нет никаких ориентиров. Вот почему, по мнению Б. Каирбекова, задолго до морских путешественников проводники караванов научились ориентироваться по Солнцу, Луне и звездам. Например, Полярную звезду кочевники называют *Темір казык* (Железный кол), потому что она неизменно находится на северной половине неба, и считают самым верным ориентиром в ночном небе. Созвездие Плеяды в начале осени хорошо видно на восточной половине неба и как бы подает сигнал о наступлении холодов, а в день весеннего равноденствия хорошо видна на западе, сигнализируя о наступлении тепла – значит, можно начинать кочевку. Венера у казахов имеет два названия: Утренняя звезда (Тан Шолпан) и Пастушеская звезда (Шопан жулдызы), потому что в ее появлении на небе пастухи выводят стада на пастьбу, а караванщики поднимали верблюдов и выходили в дорогу.

Жизнь каждого казаха поделена на равные, очень важные временные отрезки, которые называются *мушель* (*мушель* – 'этно. Старинное исчисление возраста человека по двенадцатилетнему циклу; двенадцатилетний животный цикл' [Словарь, 2008, с.629]) и определяются по времени оборота Юпитера вокруг Солнца, равного 12 годам. Б. Каирбеков при переводе повести А. Альпеисова «Сурок-беглец» пишет о мушель: «По поверью казахов, каждые двенадцать лет человек меняется духовно и физически. Этот переходный этап называется «мушель жас». Он чреват болезнями и душевными переживаниями. 13 лет – первый «мушель». Далее соответственно: 25, 37, 49 и т.д.» [Каирбеков, 2003, с.169]).

В книге «Мир кочевья» Б. Каирбеков дает более подробное разъяснение этого периода: «Счет мушель с незапамятных времен начинали со дня весеннего равноденствия, с приходом в степь Нового года. Первый мушель в жизни человека *балалык* (1-12 лет) соответствовал его детству. Второй – жастык – молодости (12-24 года). Третий (24-36) и четвертый (36-48) – азамат – зрелости. Пятый (48-60) – карасакалдык – возраст мудрости, учительства. Шестой и последующие – аксакалдык – старости» [Каирбеков, 2012, с.76-77]). В этот период в жизни человека могут произойти хорошие, важные или, наоборот, сложные, трагические события.

Кроме мушель, у казахов есть еще такая классификация периодов жизни, например, мужчин, когда каждый определенный возраст имеет свое обозначение: только что родившийся ребенок – *наресте*, от одного года до семи лет – *саби*, девочка между годом и двумя годами – *боне*, мальчик такого же возраста – *бобек*, мальчик в возрасте от двух до трех лет

– *булдіршін*, от трех до пяти лет – *балдырған*, от восьми до двенадцати лет – *ойын баласы*, от двенадцати до пятнадцати – *сығыр*, от пятнадцати до шестнадцати – *ересек бала*, от шестнадцати до девятнадцати – *бозбала*, от двадцати до тридцати – *жасжігіт*. Мужчина в возрасте от тридцати лет до сорока – *куржігіт*, от сорока до пятидесяти – *ер тулегі*, от пятидесяти до шестидесяти – *жігіт ағасы*.

Подобная возрастная дифференциация в казахском языке есть не только для обозначения возраста человека, но и животных, например, коня (около 25 наименований), беркута (около 10 лексем) и т.д.

Еще примерами этой интересной особенности казахов (любое явление зафиксировать, классифицировать и дать четкое, точное наименование каждому предмету, элементу системы, видимо с тем, чтобы собеседники сразу вникали в суть дела, понимали, о чем идет речь и не задавали лишних вопросов для внесения ясности), являются обозначения пространства и времени. Например, если в русском языке для обозначения временных отрезков суток используется всего 7-8 слов (*утро, обед, вечер, полдень, ночь, день, сутемь, сумерки* и их сочетания с прилагательными *поздний, ранний*), то в казахском языке таких слов около тридцати: для обозначения утра (*тан ертен*) используются лексемы *елен-алан* (предутренние сумерки, перед рассветом; все еще неопределенно, неясно); *куланиек, кулансарі* (начинает светать и уже можно различать очертания предметов); *тансарі* (когда на землю падает свет, но солнце еще не взошло), *тан* (когда показывается, встает солнце); для обозначения дня (*кун*) – *саске* (пора, когда солнце всплыло над горизонтом), *сиыр саске* (когда солнце поднялось на длину аркана), *саске тус* (около 12 ч. дня), *улы саске* (полдень, перед обедом), *тус* (обед), *тал тус, талма тус, тапа-тал тус* (около часа дня, верхушка дня, пик дня, разомлевший день), *шанкай тус* (время дня, когда тень самая короткая, примерно около 2-х часов дня), *бесін* (после полудня, солнце перевалило зенит), *улы бесін, кіші бесін, кулама бесін* (солнце склоняется к закату все больше и больше), *екінді* (приближается вечер, солнце уже совсем низко), *намаздыгер* (солнце готовится к закату, склонилось над своим «гнездом»); для обозначения вечера (*кеш*) – *акшам* (вечер, сумерки), *алагеуім* (солнце вот-вот зайдет, ранние сумерки), *кеугім, кеуім, ымырт* (солнце зашло, сгущаются сумерки), *кешкүрым, намазшам* (время вечерней молитвы), *кеш* (все окутано сумерками, начало ночи); для обозначения ночи (*тун*) – *інір* (пора перед наступлением ночи), *кызыл інір* (начало ночи), *жарым тун* (жарым тун), *тан карангысы* (густая мгла, пора перед рассветом, близится рассвет) (разъяснения отрезков суток даны Г. Бельгером [Бельгер, 2003, с. 150-151]).

Перечисленные выше обозначения каждого положения солнца на небосводе этнограф Акселеу Сейдимбек по-русски описывает следующим образом: *перед рассветом; ближе к рассвету заря показалась; светает; рассвет забрезжил; горизонт побелел, как подбородок кулана; край рассвета распоролся; перед рассветом стало светлее; совсем рассвело; солнце взошло; солнце поднялось; солнце на горизонте; солнце поднялось до курука (курук – ‘шест с арканом для ловли пасущихся лошадей’ [Словарь, 2008, с. 570]); солнце поднялось на высоту аркана; солнце поднялось до плеч; солнце подошло к полудню* и т.д. (в книге приведено 46 обозначений, но и это не полный список) [Сейдимбек, 2001, с. 239].

А. Сейдимбек в своих художественных произведениях употребляет слова этой группы, например, в повести «Аккыз» он пишет: *Саске түстің өзі болып қалды ғой* [Сейдимбек, 2002, с. 67], что в русском переводе Бахыта Каирбекова представлено как *Утро уже позднее* [Каирбеков, 1987, с. 117]; *көп биені осылайша саске көтеріле байлап...* [Сейдимбек, 2002, с. 68] (дословный перевод ‘многочисленных кобылиц привязывают, когда солнце всплывает над горизонтом’. В переводе Б.Каирбекова точное время не указано. Данное предложение оригинала переведено так: *Турсын только сейчас заметил кобылиц на привязи* [Каирбеков, 1987, с. 118]).

У казахов есть еще одна единица измерения времени: *бие сауым* – это отрезок времени между двумя дойками кобылицы (только что ожеребившуюся кобылицу доят каждый час, а через полтора-два месяца – через полтора часа).

Подобное детальное обозначение времени было жизненной необходимостью для казахов, связанное с тем, что при отсутствии прибора для определения времени (часов) кочевники определяли точное время по месторасположению солнца на небосводе (в пространстве) и потому каждое его положение имело свое наименование. Известный казахстанский писатель и переводчик Герольд Бельгер пишет об этом: «Разумеется, это не прихоть номада, не забава кочевника, а потребность, нужда, необходимость. Так тонко и точно чувствовали время кочевники-скотоводы» [Бельгер, 2003, с. 151].

То, что солнце играло у казахов большую роль для обозначения времени, свидетельствует и такой факт, что для понятий *солнце* и *день* в казахском языке используется одна лексема – *кун*. Солнце для кочевника символизировало Радость, Надежду и Счастье, т.е. все то, что могла подарить человеку земная жизнь. «Жить» - по-казахски *кун* кору означало 'видеть каждый день свое божество – Солнце'.

Об измерении длительности пути казахи говорят: *бір куншілік жер* – путь в один день, *екі куншілік жер* – путь в два дня, *ара коньп жететін жер* – переход (путь) с одной ночевкой; для характеристики длительности какого-то события казахи употребляют выражения: *пока седлалась лошадь, пока молоко закипит, пока чай заварится, пока мясо сварится, пока снимут шкуру с барана*, т.е. освежают барана.

Свидетельством взаимосвязи времени и пространства в сознании казахов можно привести примеры из путевого очерка писателя А. Кекильбаева [Кекильбаев, 2001А, с. 440-441], когда информация передается на русском языке, но явно ощущается влияние родного (казахского) языка. Например, рассуждая о важности дорог в степи для кочевников, он пишет: «*Кочующий аул проходит 600-километровый путь за 25 ночевок, путник на двух лошадях преодолевает это расстояние за 110 ночевок, а аргамаку адайской породы достаточно для этого и восьми дней <...>. Расстояние 581 километр. Караван идет по ней 15-23 дня, а верхом на коне ее можно пройти за 10 дней*». В приведенных примерах для русского читателя привычным является измерение времени преодоления пути в днях (8 дней, 15-23 дня), но непривычно измерение длины пути количеством ночевок (110 ночевок, 25 ночевок) – это чисто казахская, еще с древних времен особенность измерения времени, проведенного в пути. А. Кекильбаев сначала называет привычные для казахов мерки (25 и 110 ночевок), а потом, как бы поняв неприемлемость этого для читателей-неказахов, переходит в конце первого же предложения на привычное измерение в днях.

Еще пример из очерка о способе измерения времени казахами: «*И люди, исследовавшие голые, как ногти, холмы этого края, находили успокоение лишь в короткие ночные часы. Короткие настолько, что мясо свежезарезанного барашка едва успевало свариться*». Для понимания данной информации читателю необходимы фоновые знания: известно, что баранина варится в среднем полтора часа. В данном контексте употребленная лексема «барашек» (молодое животное) подчеркивает, что на варку такого мяса потребуется еще меньше времени.

В казахском героическом эпосе «Алпамыс» для характеристики продолжительности летней ночи используется сравнение: «*Летняя ночь коротка, как рукоять камчи*» (камча – 'нагайка, плетка').

Приведем иллюстрацию из очерка А. Кекильбаева о способах измерения казахами расстояния: «*Ну а ровные, как доска, истресканные солончаки, протяженностью в сотни километров, голые проплешины глинистых такыров на расстояние конных скачек, гладкие, без единой травинки плато вы встретите, пожалуй, только в этом краю и нигде бо-*

лее» [Кекильбаев, 2001Б, с. 252]. В этом примере интересно измерение расстояния в конных скачках, т.е. такыры растянуты по длине на территории, равной расстоянию, которое должен по правилам преодолеть конь на соревнованиях (в разных ситуациях это расстояние бывает равно 20-25 км, 25-30 км или максимум 35-45 км). А. Сейдимбек приводит в качестве примеров следующие выражения, используемые казахами для измерения расстояния: тай шаптырым – дистанция для двухлетки, кунан шаптырым – дистанция для трехлетки, ат шаптырым – дистанция для взрослого коня [Сейдимбек, 2001, с. 242]. Использованное в очерке А. Кекильбаевым выражение «на расстояние конных скачек», на наш взгляд, является калькой казахского выражения «ат шаптырым жер».

Г. Бельгер в эссе «Казахское слово» приводит следующие примеры измерения казахами расстояния: «Спросишь казаха: «Сколько километров до следующего аула?», он ответит: «Э, кто твои километры считал? Кто божью землю мерял?», и скажет: «Иек астында», то есть «под полбородком». Или: «Два ягнячьих перегона». Или: «Один скак на стригунке». Или: «За время, пока вскипятишь молоко, доедешь». Или: «За время, пока свариишь мясо... пока подоишь кобылицу...верблюдицу...». Если совсем рядом, то «на расстоянии крика», «на расстоянии брошенной палки», «на длину аркана». И даже «на расстоянии струйки мочи» («сідік шаптырым»). Если далеко, то «на расстоянии двух-трех ночевок», или «двух-трехдневного пути» [Бельгер, 2003, с. 182].

Ср. примеры из повести А. Сейдимбека «Аккыз»: *аяк жетер жер* (буквально 'до куда достанет нога') [Сейдимбек, 2002, с. 67]; *kozy кош жерден аспас* [Сейдимбек, 2002, с. 66] (букв. 'не более одного ягнячьего перегона'. Б.Каирбеков для перевода этого оборота использовал русский эквивалент *рукой подать* (*Отсюда до аула рукой подать* [Каирбеков, 1987, с. 116]); *курук сілтем жер* [Сейдимбек, 2002, с. 66] (букв. 'на длину курука'. На русский язык переведено как *Тогда нас и на расстоянии курука никто не увидит* [Каирбеков, 1987, с. 116]); Салт журген жолаушынын озі арага екі коньп азер жететін [Сейдимбек, 2002, с. 65]. Б. Каирбеков сделал перевод: *Аул Карагаиш отстоял от них довольно далеко, в двух ночевках пути, да и то на хороших конях* [Каирбеков, 1987, с. 116]).

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что время и пространство казахами-кочевниками, занимавшиеся в основном скотоводством, измеряется длительностью выполнения привычных в быту действий – варки мяса, закипания молока, количество ночевок, разделывания туши барана и т.д., которые и формировали наивную картину мира степняков-номадов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельгер Г. Казахское слово// Гармония духа. М.: Русская книга, 2003. С.132-217.
2. Каирбеков 1987. Каирбеков Б. Всадник на белом коне// Всадник на белом коне. Алма-Ата, 1987. С.112-158.
3. Каирбеков Б. Сурок-беглец// Альпеисов А. Горькое горе потерянной женщины. Астана, 2003. С. 165-307.
4. Каирбеков Б. Мир кочевья. Домусульманские верования и обычаи казахов. М.: РУДН, 2012. 284 с.
5. Кекильбаев А. Пробуждение спящей красавицы// Собр. соч. в 6-ти тт. Алматы: Жазушы, 2001. – Т.5. С. 349-469.
6. Кекильбаев А. Край неразгаданных тайн // Собр. соч. в 6-ти тт. Алматы: Жазушы, 2001. – Т.6. С. 251-262.
7. Сейдимбек А. Аккыз// Аккыз. Алматы, 2002. С. 63-114.
8. Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. Алматы, 2001. 576 с.
9. Советский энциклопедический словарь. М., 1985. 1600 с.

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ МИФЫ, МОДЕЛЬ МИРОУСТРОЙСТВА И МИФОЛОГЕМЫ В УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Журакузиев Нодирбек Имомкузиевич

*старший научный сотрудник-исследователь
кафедра узбекской литература и текстологии*

факультет Узбекской филологии

*Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы
имени Алишера Навои*

E-mail: nodirbekjurakuziyev@mail.ru

Как известно по истории, территория Узбекистана в различные эпохи входила в состав тех или иных империй либо была владением известных императоров. Бурная история не могла не отразиться в литературе. Поэтому в основных сюжетах национальной литературы можно наблюдать особый колорит. В соответствии с этим, литературные источники тоже весьма разнообразны. Это – «Авеста», надгробные надписи, крупные литературные памятники мусульманской эпохи, в той или иной мере связанные с культурным наследием Узбекистана и населяющих его народов. В результате распространения тех или иных религий на территории Узбекистана в национальной литературе отразилась вся палитра религиозных взглядов и течений, существовавших в различные эпохи. Темой нашей работы будет одна из старейших ее частей – древнетюркская.

История узбекской литературы неразрывно связана с историей древнетюркских народов. А древнетюркская литература, в свою очередь, отличается тематическим богатством, религиозным многообразием, поэтической структурой и т.д. Конечно же, на то имеются свои причины. Религиозный фактор выделялся среди них сильнейшим влиянием на конъюктуру и систему культурных связей. По источникам хорошо известно, что у древнетюркских народов были свои архаичные религиозные поверья — религия Кёк Тенгри (тенгризм, тенгрианство в некоторых источниках), а также шаманизм. Естественно, в культуре, бытовой жизни и литературе тюркских народов отражались догматы данных религиозных взглядов. Под влиянием этих религий сформировалось крупное первичное наследие древнетюркских народов в виде устного народного творчества и письменного литературного капитала. Но это не означает, что у древнетюркских народов не существовала литература, сформированная под влиянием других религий. Сохранившиеся образцы литературы на древнетюркском языке, посвященные различным вопросам буддийской и манихейской религий, по объему не сильно уступают тенгрианской литературной традиции. Хотя эти литературные источники по жанровому и тематическому содержанию отличаются от тенгрианской традиции, но, тем не менее, дают более-менее полное представление о разнообразии литературы тех времен и позволяет сделать определенные выводы о ней.

История узбекской литературы и фольклора имеет много общего с культурной историей древнетюркских народов. По этой причине литературные и фольклорные образцы считаются общим наследием всех тюркских народов, составляя, таким образом, исторический базис также и для узбекского фольклора и литературы. Если обратить внимание на сюжеты и мотивы мифов и легенд древнетюркских народов, являющихся предками узбекского народа, нетрудно заметить в них следы различных религиозных течений либо тех или иных архаичных поверий той эпохи. Так, источники показывают наличие мифов и легенд, возникших под влиянием буддизма и манихеизма. Кроме того, в мифологических персонажах, сюжетах и мотивах угадывается очевидное влияние шаманизма и религии Кёк Тенгри. Большинство древнетюркских мифов затрагивает тематику модели мироздания и

возникновения человечества. В общем, основное содержание поверий о модели мироздания и космогонических мифов связано с вопросами возникновения вселенной вообще и человечества в частности.

Мифы и легенды, созданные древнетюркскими народами, возникли как продукт попытки первобытного познания мира и вселенной. Как было указано выше, понимание мира в вертикальном или горизонтальном разрезе считается характерным сюжетом мировой космогонии. Большое значение в изучении истории узбекской литературы и фольклора имеют китайские и греческие источники, а также “*Хуастуанифт*”, *манихейские стихи*, *Орхоно-Енисейские эпитафии*, “*Ырк битиг*”, “*Суварнампрабхаса*” и фольклорные образцы. Названные произведения считаются древнейшими источниками, в которых космогонические мифы и понятия о модели мироздания в определенной степени подверглись диффузии и сохранились до нашего времени, претерпев синкретизацию с другими поверьями. А теперь выясним, как представляли древние тюрки мир, и как это отразилось в литературных источниках, письменных памятниках, а также узбекской классической литературе и фольклоре.

Древние тюрки представляли мир трехэтажным, в горизонтальной форме. Каждый из этажей представлял собой отдельный мир.

Первый мир – высший мир Кёк Тенгри. Древние тюрки называли этот этаж мироздания ‘Уза’, т.е. “высший” [𐰽𐰺𐰍- *uza*]. В это мире жили *Кёк Тенгри*, его помощница *Умай*, а также духи *Мангдашира*, *Майтура*, *Янкара*, *Шалйима*, *владыка погоды Уркер*, *владыка грома Насигай* (он же – громовой меч Кёк Тенгри) и прочие вспомогательные духи.

Второй мир – срединный мир, Священная Ер-Сув. Древние тюрки называли этот мир ‘Экин ара’, т.е. “срединный – между небом и землей” [𐰽𐰺𐰍𐰆𐰽- *ekin ara*]. Главным божеством срединного мира считался Священная Ер-Сув, вместе с ней в этом мире обитали семнадцать вспомогательных духов, могущественный *Ио-кан*, *вода* [Kalafat, 1995, с. 52], *лес* [Алексеев, 1980, с. 63], *горные дух* [Рахмонов, 2002, с. 64, 65] и *сыны человека*.

Третий мир – подземный мир под владычеством Эрликхана. Древние тюрки называли этот мир ‘Асра’, т.е. “нижний” [𐰽𐰺𐰍- *sra*]. В этом мире обитал *Эрликхан* (в некоторых источниках – *Эрклиг*), его девять сыновей – *Караиш*, *Маттир*, *Шингай*, *Кюмирхан*, *Бадиш бий*, *Ябаш*, *Темирхан*, *Учархан*, *Керейхан* и две дочери – *Киштей ана*, *Эрке Султан*, вызывающий быструю смерть *Бурт* (в некоторых источниках – *Бюрт*) и другие злые духи.

Все правители и духи в трех мирах подчинялись Кёк Тенгри. Рассмотрение каждого из названных миров на основе первоисточников и выявление разнообразия во взглядах относительно них позволит определить практическое значение, цель и идею работы.

Ключевые слова: древнетюркская литература, узбекская литература, Кёк Тенгри, Священная Ер-Сув, Эрликхан

ЛИТЕРАТУРА

1. Kalafat Yaşar. Doğu Anadolu’da Eski Türk İnanclarının izleri. AKM. Ankara. 1995.
2. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. «Наука». Сибирское отделение. Новосибирск. 1980.
3. Рахмонов Н. Рухиятдаги нур муроди. А. Қодирий номидаги халқ меъроси нашриёти. – Т.: 2002.

ЭПОХА АБАЯ КУНАНБАЕВА, ЕГО ЖИЗНЕННАЯ СРЕДА И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Агаева Фируза Абдулла кызы
доктор филологических наук,
профессор кафедры тюркологии
Бакинского Государственного Университета, Баку
E-mail: firuza.agayeva@mail.ru

Абай был родом из знаменитого рода богатого бека. Прадедушка поэта Ыргызбай Тобыкты был батырем и беком племени. «Батыр» на казахском языке означает не только богатырь, но и указывает на отважного, храброго и мужественного человека, участвовавшего в боях и тем самым завоевавшего звание рыцаря, героя. Ыргызбай Керей был родственником именитого Жанибека батыра из племени Керей. Жанибек батыр получил благословение героя казахов Аблай хана за отвагу в боях с армией джунгаров.

Здесь же, для справки укажем, что ханство Джунгария была окруженной озером Балхаш, рекой Иртыш, горами Тянь-Шань, ойрат-калмыкским государством в XVII-XVIII вв., с которым казахи воевали длительное время. Абылай хан (жил в 1711-1781 гг., по историческим данным Абулай, Аблай, Абульмансур Аблай хан) после боя с джунгарами превратился в военного лидера народа и стал влиятельным человеком.

Дед Абая Оскембай был сыном Ыргызбая, которому был пожалован чин бека. Глава племени Кенгрибай видел после себя лидером Оскембая и учил его искусству управления. Сын Оскембая, отец Абая, Кунанбай родился 1804 году и снискал славу дальновидной, бдительной личности. Велика его роль в формировании характера Абая, в развитии его как личности, в приобретении высоких человеческих качеств. В определенном смысле, жизнь и творчество Абая формировалась в заранее начерченном Кунанбаем направлении. И Абай шагал к своей цели по пути, указанной отцом.

По данным некоторых источников мать Абая Улжан была искренней и мудрой женщиной. Она была из богатой и знаменитой семьи Шаншар, исходящей из племени Каракесек. Потомки семьи Шаншар известны остроумностью. Прадед Улжана - Бергис бек. В отличие от некоторых народов (например, от азербайджанцев) бекство у казахов не передавалось по наследству, люди завоевывали его личными качествами.

Братья отца Улжана Контай и Тонтай были знамениты среди народа своими шутками. Выросшая в этой среде Улжан по остроумию не отставала от своих братьев. По словам казахских исследователей, остроумие Абая, его умение своевременно реагировать на окружающие недостатки, передалось ему по линии матери.

В ранней молодости Абая направляет к творчеству и словесным наукам его бабушка Заре. Эта женщина, глубоко владеющая народным творчеством, смогла воспитать у своего внука уважение к учителям. Абай с детства любил свою бабушку, которая рассказывала ему разные сказания и легенды, и не мог разлучиться с ней. Терпеливая и мудрая бабушка, готовая потворствовать прихоти своего внука, и получающая удовольствие от этого, передавала ему самые прекрасные образцы устного народного творчества, чем смогла пробудить у Абая любовь к художественному слову. Как указывают источники, Заре была искусной рассказчицей, она доносила маленькому собеседнику истории и маленькие исторические происшествия с таким интересом, что смогла вызвать интерес маленького Абая к своим рассказам.

Мать Улжан, несмотря на домашние заботы, также уделяла Абаю много внимания. Улжан знала наизусть много древних сказаний и айтысы - состязания в импровизации стихов

и пении акынов. Открывший глаза в этот мир в результате воспитания и под влиянием этих двух женщин, Абай с детских лет живо заинтересовался художественным словом, был зачарован магией слова. Вырастая, Абай смотрит из окна великих ценностей, увековеченной художественным словом, пытается увидеть эти высокие ценности, увековеченные в памяти народа. В этом смысле первое духовное богатство Абая, приобретенное в школе жизни, является впитанная в художественное слово история казахского народа. Источником его воспитания и сознания является народная мудрость, истекающая из исторической памяти.

Исходя из этой позиции, можем сказать, что вместе с систематическим образованием в медресе и в светской школе Абай получил знание из жизни от людей, воспитанных самой жизнью.

Одним из объективных исторических условий, которое оказало влияние на творчество Абая, это - становление национальной философии казахского народа. Сегодня национальная философия превратилась в неотъемлемую часть общественного сознания человечества.

Философия поэта формировалась как национально – этническая. Есть такие нации, чья философия открыта для мира: люди имеют некоторые понятия о древнегреческой, древнеиндейской философии, английском эмпиризме, французском материализме, немецком идеализме. Но есть такие народы, чья философия, отношение к бытию и жизни, этическое-нравственные мысли все еще закрыты для мира. Изучение философских учений народов из этого ряда, имеет большое значение осуществить совместно с изучением мировоззрений отдельных мыслителей.

Казахская философия определяется конкретной исторической судьбой казахского народа, его менталитетом, образом мысли и жизни, характером проблем мировоззрения, которые меняются в разные периоды собственного исторического развития.

Когда речь идет о философии народа нужно различить два понятия: традиции мысли, исходящие от древних истоков народного сознания, и систему философских взглядов, связанную с именами отдельных личностей. Началом казахской философии можно обозначить философию казахского просветительства XIX века. Данная философия формировалась под воздействием Исламского Востока и русской просветительской мысли, и от их синтеза, т.к. после присоединения Казахстана к России менялись мышление казахов, их уклад жизни, этнические традиции.

Чтобы понять процесс формирования казахской философской мысли необходимо обратиться к такой яркой фигуре в казахской культуре как Абай. Как сын своего народа, Абай взял все лучшее от многовековой культуры казахского народа и обогатил это сокровище благотворным влиянием русской культуры. Философская направленность поэта, прежде всего, проявляется в его поэтическом творчестве. Он поэт-сатирик, обличитель. Его стихи носят просветительский характер: есть стихи-притчи, есть стихи-назидания. Но во всех произведениях звучит основная мысль: любовь к человеку и природе – это ключ к философии Абая. Исходя из своего философского мироощущения, ему близки такие русские поэты и писатели, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.А. Крылов, И. Бунин, Л. Толстой, Салтыков-Щедрин. Именно поэтому он переводит их произведения на казахский язык. Видимо, он считал этих поэтов ближе к своим идеям, и поэтому переводил их на казахский язык. Если рассмотреть эти переводы, то увидим, что Абая с русскими поэтами объединяет философская и общественная сущность отношений «поэт-народ».

Особенно с огромной любовью Абай переводил стихи М. Лермонтова. Об этом можно судить и по количеству переведенных стихов, их 29. В переводах Абай старался сохранить оригинальность поэтического духа, обращал внимание на передачу казахскому народу его философских мыслей. Можно сказать, что с Лермонтовым его роднит гражданская позиция по отношению к своему народу.

Не менее оригинальны и его переводы басен Крылова. В своих переводах он использует популярные казахские пословицы, поговорки, пытаясь привести эти переводы в соответствие казахскому языку и системе мышления.

С философией Льва Толстого его роднит направленность их педагогических воззрений – мысли о народе, идея его просвещения и воспитания.

Невозможно рассматривать художественное творчество Абая в отрыве от педагогических мировоззрений. В действительности казахское просветительство напрямую связана с понятиями школа и учение. Этот вопрос поставлен как теоретическая проблема казахского литературоведения, впервые о котором высказался Мухтар Ауэзов. Говоря о роли Абая в нравственном и эстетическом воспитании молодежи, М.Ауэзов выдвигает на передний план мотивы патриотизма и интернационализма, что составляет составную часть понятия, названного нами национальная философия.

Абай выступал против общественной отсталости, критиковал застой и безразличие общества, пытался поэтически донести до общественности процессы, которые ему казались новыми. Он призывал молодежь учиться, не отставать от общества, изучать современные науки, знакомиться с мировой литературой. В педагогических взглядах Абая выше всего стоит рациональный труд, приносящий пользу обществу. Над этой идее поэт философствует, возвышает достойный труд в ряд вечных ценностей.

Абай особое место уделяет семейному воспитанию. Основное направление философии Абая состоит в том, что невежество и тьма не вечны, рано или поздно их заменит свет, которую принесет именно молодежь. Согласно мыслям поэта, родители наши первые учителя.

В этико-педагогических и философских воззрениях Абая выявляются нравственные принципы сегодняшнего дня. Абай видел органическую связь в труде, нравственности, умственном и эстетическом воспитании человека; он верил, что основная роль в воспитании человека принадлежит труду. Он считал, что основу педагогического мастерства воспитателя составляют целенаправленность, высокий уровень педагогической культуры, ум, искреннее сердце, педагогический талант, готовность к постоянным исканиям, доброжелательность. По мнению Абая, в своей деятельности воспитатель должен учесть такие факторы как семья, среда, круг общения и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абай. Шеирляр вя поемалар, Бақы, 1970.
2. Құнанбайұлы, Абай. Өлеңдер, поэмалар, аудармалар, қара сөздер. Алматы, Мектеп, 2003.
3. Майтанов, Б. Абай Тарих, тұлға, уақыт. Алматы, Аруна, 2005.
4. Абай. «Қара Сөз» - «Слова Назидания» (тярғцмя едян К.Серикбайева), Алматы, 2006.
5. Ауэзов М., Кенжебаев Б. Абай – великий поэт. - Алма-Ата, 1945.

**EPOCH OF ABAY KUNANBAYEV, HIS SOCIAL ENVIRONMENT
AND PHILOSOPHICAL VIEWS**

Agayeva Firuza Abdulla

doctor of philological sciences, professor

Baku State University, department of turkology, Baku, Azerbaijan

E-mail: firuza.agayeva@mail.ru

In this article are excused to Abay Kunanbayev's life epoch and environment which formed him. The article is dealing with the formation of Kazakh national philosophy. In the process of the formation of Kazakh philosophical thought the essence of Abay's work and his public activities were being analysed. There as well looked through the system of philosophical outlooks joining Abay with Russian poets.

Key words: kazakh language, creativity, environment, russian poets, philosophical view, life, personality, history.

**ПРАВСТВЕННЫЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. АЙТМАТОВА**

Герайзаде Лейла Зейнал кызы
профессор, доктор филологических наук,
кафедра истории русской литературы Бакинского государственного университета
E-mail: gerayzade.l@gmail.com

Исследование творчества тюркских писателей дает богатую пищу для размышлений о сущности жизни и о месте человека в ней. И, возможно, вследствие вышеуказанного невольно проявляется интерес к тому, как же эти писатели относятся к проблеме происхождения Земли, судьбам цивилизации.

Айтматовская архетипика романа определяется взаимодействием двух основ: ретроспективно-исторической, связанной с жизнью человечества последней четверти XX века, и реально-романтической, связанной с поисками положительных героев, путей спасения человека, окружающей среды. И если первое «натывается» на мощное оружие сопротивления власть имущих, то второе, непосредственно связанное с мыслями Айтматова, близкое ему, чувство спасения находит полное свое отражение в положительных героях, таких, как Едигей и Укубала. Есть в изображении этих героев что-то живительное, что-то от мальчика в «Белом пароходе», может даже читателю и не верится, что эти вполне реальные герои могут быть носителями человечества в противовес тем, кто не хочет даже считаться с теми, кто ратует (прежде всего, своими действиями) за сохранность природы такой, какая она есть. Если руководителей волнуют, прежде всего, вопросы идеологического характера, где зачастую все подводится под одну гребенку, то Едигея и ему подобных интересует больше всего человеческий фактор, человеческие дружеские отношения. Если внимательно прочитать отрывок из романа, в котором говорится о беременности Укубалы, то можно встретить упоминание о том, как на ее лице проступают едва различимые коричневые пятна (это прямое указание на то, что продолжение проблемы с пятном будет, и она действительно займет главное место в романе «Тавро Кассандры»). Несколько аллегорически построив свое повествование о рыбке – золотое мекре, Айтматов показал еще одну очень важную деталь – человек никогда не должен забывать, что называется добрым делом. Действительно, интересно повествование о том, как Укубала захотела золотого мекре и как сказочно неординарно Едигей добыл эту рыбку жене, находящейся в положении, когда хочется чего-то несколько невозможного. Следуя традициям переплетения реального и фантастического, о чем мы говорили в «Белом пароходе», Айтматов мастерски изобразил сначала переживания Укубалы, а затем и стремления Едигея найти эту золотую рыбку, выудить ее во что бы то ни стало. Как и в «Белом пароходе», а также в «Пегом псе, бегущем по краю моря» Айтматов сумел передать самое искреннее пожелание своего героя, причем такого, что ни в коей мере не противоречит человечеству. Едигей, не объявляя Укубале о намерении найти золотую рыбку, отправляется на ее поиски на самый дальний остров Аральского моря. Почему-то он был уверен, что ему на этот раз повезет, хотя знал, что к началу зимы рыба уходит глубоко, и эта уверенность обрамлялась благими намерениями ради вещего желания беременной жены. Пока еще Арал не покрылся полностью белой пеленой, пока еще не покрылись льдом небольшие островки, можно было выудить мекре, обрадовать жену - показать рыбку ей и вернуть в море. Умоляя, прося мысленно, Едигей звал рыбу мекре: «Что же ты медлишь, вот ей-богу, да ты не бойся, подумал он о рыбе. - Не бойся, я говорю, я ведь тебя отпущу назад. Не бывает, говоришь такого? А вот представь себе - бывает. Не для еды тебя я ожидаю.

Понимаешь, первенец должен появиться у нас. А ты приснился недавно моей жене, и с тех пор она покой потеряла... Она жаждет увидеть тебя наяву, она хочет притронуться к тебе, чтобы почувствовать в руках, какой ты на ощупь, золотой мекре... И не беспокойся, я захватил с собой большой бурдюк. Туда я налью воды, и ты полежишь пока в бурдюке с водой, а потом уплывешь. Но я не уйду отсюда без тебя. А время не ждет. Разве ты не чувствуешь, как крепчают волны и ветер усиливается, разве ты хочешь, чтобы первенец мой родился сиротой, без отца? Подумай, помоги мне...» [Айтматов, 1988, 320].

Это один из редких эпизодов, когда природа внемлет мольбам человека. Но эта редкость, наверно, не случайно затрагивается Айтматовым. И если, к примеру, в «Пегом псе, бегущем краем моря» Айтматов частично помогает человеку, спасая только лишь мальчика, то в этом романе позиция автора вполне на стороне положительных героев, и, как это ни странно, природа благосклонно относится к мольбам человека в том плане, что заинтересована в продолжении рода человеческого. Своеобразный символ – постижение природой человеческих желаний, проблем получает некий укор в адрес человечества вообще. Айтматов в лице Едигея и Укубалы показывает, как природа может идти на компромисс, как она ценит человека, готового стать частью природы. Айтматов показывает нам действия золотой рыбы, уже после того, как Едигей освобождает ее из бурдюка, удивляя тем самым Укубалу. Очень интересно проследить это по тексту: «...Она бешено заколотила золотым хвостом, изгибаясь, подпрыгивая, разметая вокруг мокрую гальку, и, широко разевавая розовую пасть, обратилась к морю, пытаясь добраться до родной стихии, до прибора. На какую-то недолгую секунду рыба вдруг замерла напряженно, затихла, пытаясь освоиться, оглядывая немигающими безупречно круглыми и чистыми глазами тот мир, в котором нечаянно очутилась. Даже в сумеречном предвечерье зимнего года непривычный свет ударил в голову, и увидела рыба в сияющих глазах людей, склонившихся над ней, кромку берега и небо в очень далекой перспективе над людьми различила за редкими облаками на горизонте нестерпимо яркий для нас закат угасающего солнца...» [Айтматов, 1988, 322]. Именно этот отрывок романа дает возможность читателям в полной картине увидеть айтматовские аллюзии и ассоциации, которые в данном фрагменте создают особое решение и ценный фон. Это и приближает нас к основной мысли писателя, который превалирует в произведениях автора: природа должна быть сохранена в своей первозданности во что бы то ни стало. И человек всеми силами должен способствовать этому, и шаг Укубалы в этом отношении является примерным, назидательным. Она, вполне довольная тем, что подержала на руках и прижала к груди золотого мекре, просит Едигея отпустить его в море, и человек, стоя на берегу, становится свидетелем того, как рыба уплывает обратно в море. Как в сказке. Но в отличие от сказки, человек ничего не просит взамен, даруя свободу рыбе в знак благодарности.

В переплетениях реального и желаемого Айтматов попытался показать человека на заре возвращения его в природу. Напряженные поиски человеком той истины, которая сокрыта в общем-то его природе и не скрыта от наблюдения за ней как бы со стороны не могли не привести к той закономерности, которая в айтматовском тексте приобретает символ - возвращение в природу.

Изыскания киргизского писателя в области понимания и восприятия природы в ее первозданном виде и использование ее в интересах человечества получают свое развитие и в «Белом облаке Чингисхана», и в наиболее позднем романе «Тавро Кассандры». Если сравнить эти два произведения и в плане постановки проблемы деторождения, то можно смело утверждать, что переплетение налицо. Правда, в романе «Тавро Кассандры» эта проблема выявляет интересы большого числа руководителей, «спецлюдей» (как это банально ни звучит), тогда как в «Белом облаке Чингисхана» она отражает интерес одного человека -

властелина, чьими чудовищными завоеваниями до сих пор «восторгается» человек, занятые же повседневными делами люди огромного государства не знают, что их ждет, какие новшества готовят для них идеологи партии и государства. На редкость не запрограммированные действия, большинства этих идеологов не могут сравниться с так называемой выстроенной линией поведения огромных масс. В романе «Тавро Кассандры» именно это разделение «слоев» и приводит к искусственно поставленной проблеме «выращивания» спецлюдей, своего рода клонов по современным меркам. Наверно, читателю, который уже знаком с текстом романа, стало бы понятно, что обращение к столь неординарной проблеме вызвано не столько научно-исследовательским интересом, сколько интересом нравственно-этического плана. Конечно, отражение в романе бывшей советской действительности, где все вроде бы было для человека, во благо человека, вызвано стремлением автора романа акцентировать внимание мирового сообщества на том, что происходило в этой стране, и почему гражданин именно этой страны стал разоблачителем чудовищной идеи клонирования людей – монах Филофей, бывший космонавт-ученый, отправившийся в поисках лучшей галактики в космос. Он является прямым продолжателем дела тех паритет-космонавтов из романа «И дольше века длится день», которые решением покинуть международную космическую станцию и передачей сигналов в Лесную Грудь совершили своего рода акт протеста против того, что человек творит с окружающей природой и как он грубо вмешивается в дела, так сказать, Всевышнего (здесь в значении того, что все должно происходить само по себе, естественным образом). То есть, если Айтматов в начале 80-х годов написал роман о паритет-космонавтах (отметим, что жизнь и судьба боранлинцев составляет ведущее положение в романе), где первым смог показать своего рода протест против наступления человека на природу, и прежде всего, советского человека, то уже в конце 90-х годов прошлого века он, гражданин бывшего СССР, смог полностью отразить этот протест в романе «Тавро Кассандры». Отметим заранее, что обращение монаха Филофея с космического пространства через французскую газету «Трибюн» к Папе Римскому имеет глубокий смысл. Это тоже своего рода протест автора романа против распада Советского Союза. Этим он открыто показал, что никто не имеет права носить название «прямого наследника» бывшей огромной страны. Подавать сигнал бедствия эмбрион может лишь только в первые недели после зачатия, затем эта его способность угасает, ибо плод «постепенно примиряется с ожидающей его неизбежностью

Монах Филофей является и олицетворением своего рода дьявола, который всю свою энергию и знания потратил на то, чтобы стать одним из «производителей» спецлюдей. И как всегда, дьявол, несущий зло, становится и носителем добра, т.е. он сам и разоблачает готовящуюся аферу, полностью понимая необратимость катастрофы: «Чем вызвано, - задает он вопрос как бы самому себе, - такое нарастание незримого бедствия - готовности эмбрионов уклониться от потока жизни, исчезнуть в небытии, не вступать в борьбу за существование – и что оно предвещает? Есть ли смысл извлекать уроки, собственно, из мистической стихии, лежащей за пределами нашего обыденного опыта? И если да, то правомерно ли экстраполировать страх едва зародившегося организма на реальную жизнь вовне? И не эта ли жизнь и является первопричиной апокалиптического самоощущения плоти в материнском лоне? Мать - это слепок мира. Не становится ли она, мать, невольным проводником фатальных влияний окружающей действительности на плод?» [Айтматов, 2003, 609]. Довольно странным является то, что автор романа, в отличие от других своих произведений, где также звучит тема Апокалипсиса, говорит устами героя, открыто не проявляя сдержанности и даже какой-то учтивости. И это, конечно, не связано с тем, что роман «Тавро Кассандры» писался в условиях, так называемой, свободы слова, когда не давил над головой идеологический меч. Просто Айтматову самому, думается, открывается истина, да в таком плане, что не передать ее невозможно. Его герой – монах Филофей, такой замкнутый,

на первый взгляд, даже неуверенный в себе, представляет собой трибуна, от каждого слова которого приходишь в состояние энергетического и душевного кризиса, превращая свое человеческое достоинство в сгусток какой-то быстро сгораемой энергии. Подчеркиваемое критиками исключительно развитое у Айтматова чувство вины и ответственности наиболее полно проявляется именно в этом романе и непосредственно образом монаха Филофея. Прав А.Золотов, который отмечает, что «соединение вины и ответственности и у самого Айтматова, и у его героев вполне органично. Писатель чувствует себя виноватым в том, в чем он совершенно не виноват. Он чувствует вину человечества, вину других, вообще вину искусства перед жизнью. Будучи художником, он понимает, что искусство не может переделать мир, оно пытается только его украсить, смягчить его восприятие. Но и жизнь виновата перед искусством, потому как она не в состоянии обеспечить условия для его органического развития» [Золотов, 2003, 9]. Думается, что последняя фраза не очень-то соответствует действительности, в плане отношения ее к творчеству Айтматова вообще, и к роману «Тавро Кассандры» в частности. Если элиминироваться от обратного, т.е. поставить всецело искусство на служение человечеству и отдельно видеть заслугу Айтматова перед человечеством, то можно заметить какое-то равновесие и даже перевес в сторону киргизского писателя. Ведь то, что айтматовский герой, грубо говоря, не может умолчать, предвидя предстоящую катастрофу, не может проявить малодушия, говорит о том, насколько серьезна решимость писателя дозвониться над силами, которые тянут человечество ко дну, к экологическим катаклизмам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтматов Ч. Т. Белый пароход. Плаха. М.: Советский писатель, 1988.
2. Айтматов Ч. Т. Тавро Кассандры. М.: Молодая Гвардия, 2003.
3. Золотов А. Чингиз Айтматов – строки жизни // В кн. Ч. Айтматов “Тавро Кассандры”. М.: Молодая Гвардия, 2003, С.3-14.

ТЮРКСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Гусейнова Ульвия Гусейн кызы

*старший научный сотрудник, кандидат филологических наук,
научно-исследовательская лаборатория «Тюркологические исследования»
Бакинского государственного университета,
E-mail: guseynova.u@gmail.com*

Творческая личность Чингиза Айтматова – мастера слова, общественного деятеля отличается, прежде всего, яркостью и своеобразием его художественного дарования. Глубокое философское восприятие жизни, глобальность и ассоциативность мышления, стремление к поиску и постижению тайн слова и истории, чувство повышенной гражданственности – характерные особенности творческой деятельности этого талантливого писателя. Творчество Ч.Айтматова зародилось и развилось на родной киргизской почве. Оно проникнуто любовью и трепетным отношением к родному языку, к истории, к истокам народа. В формировании творческой индивидуальности писателя большую роль сыграло превосходное знание и владение киргизским и русским языками. Он не просто прекрасно владеет русским языком, глубоко чувствует его, но и создает на нем прекрасные произведения. Индивидуальный стиль Ч.Айтматова – это своеобразный синтез киргизской и русской культур, особый тип эстетической языковой структуры, целостность которой создается применением особых принципов отбора и мотивированного использования языковых элементов обоих языков. П.Е.Глинкин отмечает: «Действительно, если взять любое из произведений Ч.Айтматова, неизменно бросается в глаза ярко выраженное своеобразие формы. Строй мыслей и характер чувств, картины природы, не говоря уже о нравах и обычаях, – все специфически восточное, киргизское» [Глинкин, 1968, с. 104].

В настоящей работе делается попытка проследить и на основе конкретных примеров показать отражение тюркского, киргизского образа мышления, миропонимания в лексике (киргизской или русской) и выявить стилистические приемы, которыми мастерски пользуется писатель для достижения цели, показать особенности тюркских слов, или русской лексики, выразительно передающей киргизский образ мышления, тем самым создающей тюркскую языковую картину мира.

Сравнение – одно из самых распространенных средств образности, сущность которого заключается в сопоставлении одного предмета с другим с целью художественного описания первого. Художественное мышление киргизского народа, занимающегося испокон веков кочевым скотоводством, было сформировано в зависимости от рода его занятий, от его общественного быта [Кыдырбаева, 1980, с. 69]. Для Ч.Айтматова характерно создание сравнений, связанных с киргизским мировидением: *деревья стояли с почками, набухшими, как животы жеребых кобыл; олениха белая как молозиво первоматки; лицо Орозкула как воспаленное вымя; кашляет как больная овца; родной ты мне как печень моя* и др. Это вполне естественное стилистическое средство, отражающее миропонимание, мироощущение кочевника, его образный мир.

Художественный образ, используемый в развернутых сравнениях, придает описанию особую выразительность: *глаза как лампы в белой юрте в зеленом лугу; струны звенели вполголоса как вода на укатанных, светлых камнях в арыке; удивительные руки, упругие и чуткие как губы той маленькой гнедой кобылицы со звездой на лбу* и др.

К числу самых распространенных художественных средств в произведениях Ч.Айтматова относятся **эпитеты**, которые помогают типизировать и обобщать явления жизни, образы героев. Они, прежде всего национальны, почерпнуты из устного народного

творчества, и, конечно же, из эпоса «Манас», например: *батыры тигроподобные; Манас превеликий; мастера всеумеющие; народы многолюдные; громopodobный манасчи Элеман; золотой мекре; великие поминки; верблюд-сырттан*^{1*} и др. Это постоянные эпитеты, дающие представление об их сказочном, легендарном характере и происхождении, относятся к стереотипным эпитетам в киргизском эпосе.

В произведениях Ч.Айтматова **метафоры** отличаются своей красочностью, поэтичностью, выразительно оживляют язык писателя, усиливают художественную образность повествования. Метафоры Ч.Айтматова обладают глубоким философским смыслом, они поэтичны, образны и эмоционально выразительны. В основу метафоризации, как известно, может быть положено сходство самых различных признаков предметов: цвета, формы, объема, назначения, положения в пространстве и времени и т.д. Наблюдательный глаз Ч.Айтматова находит общие черты почти во всем: *тучки - белые верблюжата* (сходство по цвету и форме); *зима и верблюд лютуют* (зимой в самые холода, так называемые чильде, у верблюдов начинается брачный период, когда верблюда невозможно утихомирить);^{1**} *биться в наглухо закрытую дверь; дверь сокрушенной памяти* (голова манкурта, на которого надели шири, тем самым отняли память); *тулпар за тридевять земель отыщет свой косяк* (возвращение Данияра в родной аил) и др.

Ч.Айтматов, создавая выразительные, поэтичные метафоры, позволяет читателю познать мироощущение, мировосприятие киргизского народа, сопоставляя новое с уже известным, открывая в них общее и объединяя под общим именем. Они оригинальны, необычны, вызывают у читателя эмоции, помогают глубже осознать национальный колорит, представить или увидеть то или иное событие, явление глазами, чувствами киргиза.

В романе «Буранный полустанок» писатель создает яркую метафору: *Мать манкурта - боз мая* (сирая верблюдица), а ее сын – верблюжонок, набитый соломой. Этот плач, плач верблюдицы, пришедшей вдохнуть запах своего верблюжонка, почерпнутый Ч.Айтматовым из сокровищницы казахского народного творчества, до глубины души трогает читателя, в частности, тем, что дается на казахском языке: - *Мен ботасы олген боз мая, Тулыбын келип искеген* [Айтматов, 1982, т. II, с. 312].

Боз мая вдыхает запах шкуры верблюжонка, набитого соломой или его тула. *Тул* – изображение умершего (обычно мужа, ставившееся над местом супружеского ложа). Отсюда, возможно, и слово *дул* со значением «вдова» у тюркских народов, т.е. женщина, имеющая тул. У киргизов бытовало рас-пространенное представление о существовании души умершего. Поэтому после смерти ставили чучело – тул, в которое как будто бы вселялся дух покойника [Абрамзон, 1971, с. 326; Баялиева, 1972, с. 64-65]. В романе жестокие варвары - жуаньжуаны с помощью особой мучительной операции над мозгом стирали память пленника и превращали его в живое чучело прежнего человека, то есть в своего рода тул. Использование развернутой метафоры *ботасы олген боз мая тулыбын келип искеген* глубоко философично, метафора создана на сходстве манкурта с тулом.

Ч.Айтматов нередко в художественных произведениях использует **перифразы**. В художественной речи перифрастические выражения обычно экспрессивно окрашены. Так, Ч.Айтматов, говоря о киргизах, употребляет следующие перифразы, как *потомки Давлета; все, кто носит тебетей на голове; потомки рода Баракбая*, характеризующие важные родовые признаки киргизского народа. В ряде случаев перифразы служат в качестве эквивалентов, т.е. приложений, дающих образную характеристику описанию, например, параллельно со словом *акын* встречаются образные перифразы *великий мастер песни, певец от бога, певец большого дыхания*, со словом *манасчи* – *глашатай слова народного*. Данные

1 ** Состояние верблюда зимой – стереотипная стилистическая фигура для киргизов. Так, в эпосе состояние Манаса, впавшего в великий гнев, сравнивается со «взбешенным в зимнюю пору верблюдом» [5].

перифразы придают художественной речи высокопарное звучание.

Парантеза, как показали наши наблюдения, стилистическая фигура, часто встречающаяся в произведениях Ч.Айтматова. В парантетических высказываниях герои Ч.Айтматова обычно разясняют свои поступки, мысли, а иногда автор сам дает оценку происходящему. Парантеза, с одной стороны, разрушает барьер между автором и читателем, порождает иллюзию перехода от подготовленной речи к неподготовленной, но, с другой стороны, она вносит элемент нарочитости, поэтому нередко служит средством иронического, отстраненного изложения [Хатиашвили]. Часто встречаются парантезы в повести «Белый пароход», написанной в сказовой форме – одной из основных киргизских фольклорных форм. Так, Дед Момун рассказывает о людях, позабывших о том, что когда-то Рогатая Мать-Олениха спасла киргизов, и убивающих маралов ради тщеславия: «Сыновья богача ходили важные: пусть знают люди, какие богатые и щедрые наследники остались после умершего, как они его уважают, как почитают его память... («Э-э, сын мой, худо, когда люди не умом блещут, а богатством!»)...» [Айтматов, 1983, II, 47-48]. В неоднократно повторенных парантезах оживают интонации киргизских народных сказок. Они имеют анафорическую форму, одинаково начинаются, но во второй части каждой из этих фраз даются пословицы, в которых заключена народная мудрость. В устах деда Момуна эти парантетические внесения звучат как сентенция – назидание молодым, как философские размышления над закономерностями жизни. Эти парантезы построены по принципу параллелей на основе народных пословиц и изречений с употреблением дейктического элемента «Э-э, сын мой». Автор при помощи этих конструкций с предельной ясностью и убедительностью раскрывает мысль, выраженную до скобки.

Ч.Айтматов наследовал у фольклора важнейший принцип отношения к окружающему миру и его художественного отображения – принцип эпического сказывания. Сказывание в киргизском устном творчестве неотделимо от музыкального начала, от распевной манеры изложения. В нем присутствуют элементы музыкальной организации: интонация и ритм, принцип градации различных синтаксических структур. Все эти музыкальные свойства киргизского национального эпоса присущи поэтике Ч.Айтматова и неразрывно связаны с употреблением в произведениях **рефренов**.

Важную идейную, сюжетоорганизующую и ритмообразующую роль в романе «Буранный полустанок» играет рефрен: *«Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток... А по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства – Сары-Озеки, Серединные земли желтых степей. В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана... А поезда шли с востока на запад и с запада на восток...»* [Айтматов, 1983, II, 203]. Данный рефрен встречается на протяжении всего произведения, он звучит как эпиграф к каждой главе. Рефрен несет в себе символический смысл непрерывности течения жизни, единства и взаимосвязи всех элементов бытия. Он придает музыкальность и ритмичность всему повествованию: вся жизнь героев романа проходит на фоне движения поездов, напоминающих звуки копыт гуннских лошадей, направляющихся с востока на запад и с запада на восток. Рефрен выступает здесь и как свободное сочетание слов, и то же самое время объединяет в себе прямое и фразеологическое значения. Умелым, тонким использованием данного рефрена, проникновением в глубину лексических значений слов, Ч.Айтматов строит роман, наполняя его философским содержанием, создает сложную ритмическую композицию.

Еще эпосу «Манас» были присущи **речевые периоды**, а Ч.Айтматов, как известно, из народного творчества выбрал в себя все лучшее и ценное. В произведениях писателя чаще всего период строится как сложноподчиненное предложение с однородными придаточными. Приведем яркий пример такого речевого периода – своеобразного, присущего именно стилю

Ч.Айтматова: «Когда память твою отторгли, когда голову твою, дитя мое, ужимали, как орех клещами, стягивая череп медленным воротом усыхающей кожи верблюжьей, когда обруч невидимый на голову насадили так, что глаза твои из глазниц выпирали, налитые сукровицей страха, когда на бездымном костре сарозеков предсмертная жажда тебя истязала и не было капли, чтобы с неба на губы упала,- стало ли солнце, всем дарующее жизнь, для тебя ненавистным, ослепшим светилом, самым черным среди всех светил в мире?...» [Айтматов, 1983, II, 302-303]. В период, состоящий из трех сложноподчиненных предложений, последовательно нагнетающих силы однородных выразительных средств художественной речи, вовлекаются деепричастные и причастные обороты, однородные члены предложения. В периоде Ч.Айтматов использует разнообразные стилистические фигуры, сочетающиеся с употреблением тропов, ярких приёмов усиления эмоциональности, образности речи. Здесь придаточные предложения начинаются союзом *когда*, все более разрастаются, после них как кульминация замыкается главное, в котором заключена основная мысль, ответ на вопросы *когда?* Музыкальность и ритмичность периода достигаются его структурой, состоящей из нескольких однотипных, соразмерных синтаксических единиц, имеющих одинаковый союз *когда* и одинаковое грамматическое построение подчиненных предложений.

Ч.Айтматов создал плач, созданный в традициях киргизского и казахского героического эпосов, в уста Найман-Аны он вложил песню, написанную в форме жоктау*, идеализирующем образ умершего и завершающемся жалобой на судьбу [Мамытбекова, 1985, 102].

Ч.Айтматов как искусный художник слова творчески преображает единицы языка, расширяя рамки привычных способов отбора и соединения слов, приемов использования синтаксических конструкций и интонаций, и, таким образом, обогащает речь средствами выразительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон С.М.. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971.
2. Айтматов Ч. Собрание сочинений: В 3-х т. М.: Молодая гвардия, 1982, 1983, 1984.
3. Баялиева Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Л., 1972.
4. Глинкин П.Е. Чингиз Айтматов. Ленинград: Просвещение, 1968.
5. Кыдырбаева Р.З. Генезис эпоса «Манас». Фрунзе: Илим, 1980.
6. Мамытбекова Ч.З. Фольклорные источники в романе Ч.Айтматова «Буранный полустанок» / Современный литературный процесс и творчество Чингиза Айтматова. СПб.: Фрунзе: КГУ, 1985.
7. Хаташвили Л. Парантеза и текст. <http://www.slavcenter.ge>

TURKIC LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN WORKS OF CHINGIZ AITMATOV'S

Guseynova. U.G.

E-mail: guseynova.u@gmail.com

The Turkic lexicon of Russian-speaking works of Cingiz Aytmatov's is represented as a basis of national culture. The word *mankurt* used in its novel "The day lasts longer as century" differs under its ethnic maintenance. In article it is considered the ancient turkish word *mankurt* and is defined its place in the Kirghiz history and there are shown stylistic parametres of language and the reasons of input of this word in Russian express.

ЖАНР ДАСТАН У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Сехер Идаят кызы Оруджева

зав. кафедрой азербайджанского устного народного творчества,

доктор филологических наук, профессор

Бакинский Государственный Университет

E-mail: bdu-folklor@mail.ru

Дастаны, занимающие особое место в национальном азербайджанском фольклоре, являются одним из богатейших жанров по тематике, идее, бесконечному миру образов и поэтике. Пройдя по длинному пути развития, национальные азербайджанские дастаны стали еще более интереснее и обогащённее по своей форме и тематике, в историческом процессе были созданы его различные типы. Сегодня, не ознакомившись с такими дастанами (эпосами), как «Деде Горгуд», «Кероглу», «Ашыг Гариб», «Тахир и Зухра», «Асли и Керем», невозможно представить себе полную картину не только азербайджанского устного народного творчества, но и азербайджанской литературы, в целом.

Являясь названием фольклорного жанра, дастан называют также «эпосом» являющимся международным термином.

Как греческое слово «эпос» переводится как слово, рассказ, происшествие, притча, сказание. Как термин используется в своем узком и широком значении. Древнегреческий философ Аристотель в своём произведении (под названием) «Поэтика» впервые использовал слово «эпос» как термин.

В своём узком значении эпос используется как название эпического жанра, т.е. в смысле героического эпоса. Начиная с прожитого мифологическом сознании народов мира до настоящей их истории, жанром, изображающим происшествия, факты, события с героическим пафосом в эпическом стиле, называется «эпосом». Такие эпические произведения как «Иллиада», «Калевала», «Кероглу», «Алпамыш», называются в этом значении эпосом [1].

С точки зрения генезиса, в формировании эпического творчества мифология сыграла важнейшую роль. Как известно, являясь средством универсального мышления космогонические мифы объясняли космос и нашу вселенную, этногонические мифы – создание человека и этноса. Этот же образ мышления и отражается в первичных эпосах. Мифы о мироздании и представления о строении Земли, мира также, как и эпические сказания передавались из поколения в поколение, из уст в уста, эти сказания использовались в пояснении происхождения тех или иных элементов комплекса мир-природа – человек. Наряду с тем, что сказания о мифическом времени и первопредках изображали и объясняли внешний мир, они также определяли тематику, сюжет и мир образов первых эпосов. В более древних эпосах участвовали и Боги, их роль в создании человека, этносов – формировании племенно-родственных объединений, в возникновении появления огня, инструментов труда в установлении праздников и соответствующих обычаев и обрядовости, отражалась в мифологическом стиле [2].

Мифологическо-эпическая цепь с участием богов, полубогов и первопредков стала характерной для нравственной, моральной первобытной культуры многих народов. Например, у древних греков добыча Прометеем огня и его борьба на этом пути, отражение многих героических подвигов Геракла, из этого числа. В таких эпосах, как, «Бильгамыс», «Иллиада», «Одиссей» боги участвуют в жизни и быте людей, направляют их желания, стремления и деятельность. В «Бильгамысе», известном нам как самый древний эпос, некоторые Боги

живут среди людей – в горах Урук и Сидр, а некоторая их часть в небесах.

В эпосах «Создание» («Ярадылыш»), «Огуз хакан», который являются составной частью древнетюркского эпоса мы становимся свидетелями, наблюдая перерождение космогонических и этногонических мифов в эпический сюжет.

Эпос и сказание. У разных народов героическим эпосам даны отличные, различные названия. У якутов «олонхо», у русских- «былины», у скандинавцев- «эдда», у англичан и некоторых европейских народах- «баллада», у ирландцев используется слово – «сага» [3].

У некоторых тюркских народов параллельно со словом «эпос» используется слово «дастан- сказание». Термин «дастан», в переводе, «сказание» используется как в устной литературе, так и в письменной по сей день, этот термин носил и носит в себе различные терминологические значения являясь фарсидским словом, по происхождению, «дастан» буквально означает “сказка, рассказ, сказ, приключения, а также в значениях «слава, гордость».

К примеру, «Хосров и Ширин» Н.Гянджеви, а также другие его поэмы, вошедшие «Хемсе» и названные самим автором «дастан»ом, позже были переименованы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М.Л., 1962
 2. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М., 1963
 3. Путилов Б.Н. Героический эпос и реальность. М., 1988
 4. Пропп. В.Я. Русский героический эпос. М., 1958
 5. Литературный энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1987
- Сехер Идаят кызы Оруджева

**ПОЭТИКА ЖАНРА ДРАМАТУРГИИ
В АЛТАЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ**

Дедина Маргарита Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент
факультет алтаистики и тюркологии
кафедра алтайской литературы и народной художественной культуры
Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск)
E-mail: dedina76@yandex.ru

В статье рассмотрена история алтайской драматургии и ее изучение от периода основания национальной студии до настоящего времени. Внимание акцентировано на основных тенденциях особенностей драмы как литературного жанра, отмеченных в работах ключевых исследователей алтайской филологии и искусствоведения. Дана характеристика эволюции жанра драматургии в творчестве алтайских писателей XX века и в новейшей алтайской литературе в контексте литературоведческих исследований.

Ключевые слова: алтайская литература, алтайцы, драматургия, театр, литературоведение, жанры драматургии.

Алтайская литература начала активно развиваться в первые десятилетия XX века после установления Советской власти. В этот период на основе фольклорных песенных жанров в основном создавались лирические произведения, однако актуальным и наиболее востребованным жанром в литературе становится драматургия. Зарождение драмы как искусства следует отнести к 20 гг. XX века – до этого времени в Горном Алтае на алтайском языке не создавалось ни драматургических произведений, не было и профессионального театра. «Бурное развитие драматургического жанра в первые годы Советской власти обусловлено жизненной необходимостью – пишет З.С. Казагачева. – Через непосредственный показ событий, через «живые картины» легче было донести идеи революции и Советского государства до широкого круга зрителей, подавляющее большинство которых было неграмотным. Пьесы являлись действенным орудием в ожесточенной идеологической борьбе» [Казагачева, 1972, с.25]. Эту особенность алтайской драматургии на начальном этапе вслед за З.С. Казагачевой отмечали Т.С. Тюхтенов [Тюхтенов, 1975], С.Н. Тарбанакова [Тарбанакова, 1994], Н.М. Киндикова [Киндикова, 1998].

Драматургическое искусство в начале 20-х годов XX века получило развитие в художественной самодеятельности. «Уже в 1921 году в Горно-Алтайском уезде было зарегистрировано 29 народных театров, которые поставили 247 спектаклей различных авторов: А.Островского, Н. Гоголя, А. Чехова и агитационные пьесы, о содержании которых можно судить по названиям «Красные пришли», «Крестьянин», «Великий коммунар», «Совість проснулась» и другие» [Тарбанакова, 1994, с.27]. При наличии почти всеобщей неграмотности, при отсутствии достаточного количества книг на родном языке алтайские литераторы видели в драматургии почти единственное средство воспитания классового сознания народа. «Зарождение драмы как жанра стало возможным лишь после появления у алтайцев своей письменности, под непосредственным влиянием передовых традиций русской классической и советской драматургии» – писал Т.С. Тюхтенов [Актуальные вопросы современной алтайской литературы, 1975, с. 105.].

Первые сведения о драматических постановках были зафиксированы русскими критиками и писателями, исследовавшими литературную ситуацию в Горном Алтае в начале

20 гг. XX века. Особенностью данных работ следует считать констатацию факта наличия самодеятельных кружков и народных театров, краткое описание сценического действия и характеристику реакции публики на представленный материал. Поэтика и эстетическая ценность драматических произведений критиков не интересовала, на первом плане их заметок было идейное и агитационное содержание поставленного спектакля. Подобными источниками следует считать, к примеру, заметку сельского корреспондента из села Александровка Майминского аймака С. Кумандина: «У нас создан драматический кружок из двух секций – русской и алтайской. В кружок записались 16 человек. Ставились платные спектакли, а вырученные деньги шли на оборудование нардома. Один из спектаклей был алтайский, бытовой, и население было очень довольное его постановкой. Приходится жалеть, что у нас нет алтайских пьес еще» [Ойротский край. 1926. 10 ноября. с. 3]; или рецензию на театральную постановку алтайского спектакля, в которой информируется о том, что «в селе Бешпельтир все верующие во главе с попом готовились торжественно отпраздновать день святого Николая. Курсанты Совпартшколы в этот день поставили спектакль. Публика не вместились в помещение школы, и спектакль был разыгран на улице. В церкви остались старики с малыми детьми...» [Кызыл Ойрот, 1928, 9 июня, с.4].

Интересно то, что авторами первых пьес были не литераторы и не писатели. «В 20-30 годы в Горном Алтае и Хакасии было поставлено множество пьес, написанных грамотными энтузиастами, главным образом, учителями. Иногда местные руководители и общественность, не имея нужную по теме и содержанию пьесу на национальном языке, обязывали написать ее грамотного человека. Известный сибирский писатель А. Коптелов отмечал в своих заметках: «... в с. Сузаре Усть-Канского аймака Горного Алтая колхозники обязали учителя в порядке колхозной дисциплины написать пьесу» [Тарбанакова, 1994, с. 32]. Данный опыт был необходимым этапом для дальнейшего роста алтайской драматургии, и, учитывая ограниченность тематической и семантической составляющей, он заложил положительную тенденцию для последующих, более совершенных литературных произведений в жанре драмы.

Углубление поэтики и художественных особенностей создаваемых драматических произведений писателями и критиками отмечается в конце 30-х годов XX века. В этот период в Горном Алтае уже существовал и профессиональный театр, были опубликованы первые драмы алтайских писателей, от агитационной и лозунговой тональности драматургии пытались перейти в сферу исследования трансформации личности в меняющемся мире. В исследованиях Б. Каирского [Каирский, 1939], ряде статей И. Забродина [Красная Ойротия, 1937. 24 июня, с. 5], А. Иванова [Театральная энциклопедия, 1963, т. 2, с. 70], А. Коптелова [Сибирские огни, 1937, № 6, с. 92-108] и др. отмечается, что драматические произведения этого периода создаются на современном материале, остро актуальном и интересном для зрителя. Писатели направляли свое внимание на самые злободневные вопросы, ответы на которые выражались для зрителя понятным и знакомым языком.

Основные факторы развития алтайской драматургии в первой половине XX века описаны в работе З.С. Казагачевой «Зарождение алтайской литературы» [Казагачева, 1972]. Наряду с лирикой и прозой, прослеживая особенности создания драматических произведений и зачатки драмы у алтайцев, исследователь отмечает, что у алтайского народа «элементы театрального искусства наличествуют почти во всех видах фольклора: в народно-бытовых обрядах, в играх, песенных состязаниях и в героическом эпосе. Однако для первых алтайских пьес фольклорные мотивы не были столь характерными, как, например, для казахской, киргизской, башкирской, бурятской, тувинской и других литератур» [Казагачева, 1972, с. 24]. Н. М. Киндикова, например, отмечает, что в XIX веке у азербайджанцев, казахов, татар, узбеков уже функционировал профессиональный театр, зарождение и развитие же

драматического искусства у других тюркских народов относится к послеоктябрьскому периоду. Например, у истоков казахского театра стояли такие выдающиеся деятели как Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, А. Кунанбаев (XIX век), первая кыргызская театральная студия была организована в 1926 году [Киндикова, 1998]. Факт отсутствия влияния поэтики устного народного творчества исследователем объясняется тем, что, во-первых, в фольклоре алтайцев драматический элемент проявлен не столь отчетливо, как у других тюркских народов. Во-вторых, первые алтайские пьесы создавались на основе современного материала с опорой на самые актуальные темы с инсценировкой конкретных ситуаций, наиболее близких той аудитории, на которую было направлено сценическое действие.

Развитие драмы как рода литературы в алтайской культуре получил несколько предпосылок. Во-первых, истоки драматического искусства находятся в устно-поэтическом творчестве алтайцев. Об этом пишет С.Н. Тарбанакова, отмечая, что основные признаки драматического искусства заложены в исполнительском искусстве сказителя, шамана, певцов-импровизаторов, а жанровые признаки присутствуют в героическом эпосе, песнях-диалогах, обрядовой поэзии – своеобразный народный театр (предпосылок к созданию даже любительского театра, вследствие культурно-экономической неразвитости, не было), создавший «благоприятную почву, которая ускорила процесс освоения этими народами новых и непривычных для них основ европейского профессионального искусства театра» [Тарбанакова, 1994, с. 25],

Во-вторых, алтайская драматургия развивается под влиянием других, более развитых литератур. Прежде всего, на создание первых алтайских пьес после фольклорных мотивов, повлияла русская драма. В 20-30 годах XX века на алтайский язык было переведено несколько драматических произведений русских классиков, а первыми постановками на сцене «городского любительского театра» были пьесы Н. Островского, Н. Гоголя, А. Грибоедова и т.д.

Первые попытки осмысления основных факторов развития алтайской драматургии с периода зарождения до середины XX века предприняты в статье Т.С. Тюхтенева «Пути развития и задачи алтайской драматургии» [Актуальные вопросы современной алтайской литературы, 1975]. Исследователь отмечал, что если первые пьесы по художественной форме были весьма несовершенными и имели ярко выраженное агитационное содержание, то «в 30-е годы уже делаются попытки более глубокого изображения происходящих событий, писатели стали показывать в своих произведениях зарождение нового человека, его тягу к знаниям, новые черты его характера» [Тюхтенов, 1975, с.107]. По мнению исследователя драматургия П. Кучияка открывает новый период в развитии алтайской драмы: «с его пьес, можно сказать, и начинается алтайская драматургия» [Там же, 1975, с.108]. Согласившись с этим высказыванием, необходимо отметить, что одним из лучших произведений в алтайской драматургии до настоящего времени остается пьеса П. Кучияка «Чейнеш», поражая глубиной изображения образа и ярким самобытным языком. В своей статье Т.С. Тюхтенов, проанализировав драматургическую ситуацию, современную времени написания работы, констатирует факт слабого развития драмы как жанра в алтайской литературе и намечает основные векторы развития. По его мнению, в середине 1970-х годов в алтайской драматургии «почти нет пьес с острым жизненным конфликтом на злобу дня. Не освещено в драматургии появление рабочего класса; ничего не написано о местной интеллигенции, выросшей и воспитанной за годы советской власти; слабо отражено современное колхозное крестьянство. У нас отсутствуют и сатирические пьесы, которые остро и гневно клеймили бы все старое, отжившее» [Тюхтенов, 1975, с.110.]

Эволюцию развития театрального искусства тюркских народов Южной Сибири и развитие жанров драматургии впервые в рамках монографического исследования рассмотрены

С. Тарбанаковой [Тарбанакова, 1994]. В настоящее время она является центральным исследователем драматургии в алтайской литературе, по своему направлению научных интересов являясь искусствоведом, параллельно с исследованием театрального искусства, ею написан ряд ценных исследований, касающихся и драматургии как жанра в целом, и отдельных драматических произведений алтайских писателей. В своем монографическом издании «Пути развития театров народов Южной Сибири» (1994) С. Тарбанакова изучает основные факторы развития театра у тюркоязычных народов Саяно-Алтая. «Данная работа является первой попыткой обобщения многочисленных, разрозненных сведений по истории возникновения и становления драматического искусства Горного Алтая, Хакасии и Тувы, начиная с фольклорных истоков и до конца 60-х годов, выявления и раскрытия путем сопоставительного анализа основных этапов и закономерностей ускоренного этих молодых сценических культур» [Там же. С. 6].

Зарождение и развитие алтайской драматургии в XX веке было не равномерным. Достаточно продуктивное начало освоения драматургических жанров в начале XX века было прервано в 50-х годах, затем возобновлено с открытием национального драматического театра в 1978 году. II половина XX века ознаменовалась существенным ростом художественного мастерства писателей-драматургов, и обогащением жанрового содержания драматургии. К сожалению, жанр драмы в алтайской литературе не получил достаточного освещения как в литературоведческой науке в целом, так и в алтайском литературоведении в частности. В энциклопедическом научном издании «История алтайской литературы» С.Н. Тарбанаковой написаны две обзорные статьи, охватившие историю алтайской драматургии от истоков до конца XX века. Она проанализировала эволюцию алтайской драмы от народного театра до создания многопланового глубокого философского видения мира в пьесах современных писателей-драматургов [История алтайской литературы, 2004, т.1].

В новейшей алтайской литературе жанр драматургии развивается слабо в сравнении с другими родами литературы. На общем фоне упадка интереса к литературе драматургия продолжает занимать позицию наиболее продуктивного способа воздействия на мировоззрение современников, заставляя задуматься о наиболее актуальных проблемах общества, однако в истории алтайской литературы не было драматурга, посвятившего свое творчество только этому жанру. Многие писатели, классики алтайской литературы, пробовали себя в написании драматических произведений. В их числе и А. Адаров, написавший комедию «Старанный человек», «Женитьба Абаима», трагикомедию «Ченелтелү чак» / «Век испытаний» и трагедию «Каганаттан ийген самара» / «Письмо, посланное с каганата» [Эл-Алтай, 2000, № 1, С. 123-156], до настоящего момента не осмысленную в алтайском литературоведении. Исследователям следует обратить внимание и на ряд пьес, написанных для постановки на сцене Национального драматического театра. Для изучения и анализа поэтики подобных произведений их необходимо, в первую очередь, опубликовать. Подобным опытом можно считать публикацию пьесы «Восхождение на Хан-Алтай» Д. Белековым и А. Борисовым [Белеков, Борисов, 2013].

Изучение драматургии алтайской литературы имеет свою историю, ценные исследования которой стали уже историческими раритетами, запечатлевшими в себе как исторический путь становления и развития не только драматургии как рода алтайской литературы, но и эволюцию литературоведения алтайского народа, а также образ эпохи. Кроме того, многие драматические произведения алтайских писателей до настоящего времени не получили достаточного внимания ни со стороны критики, ни со стороны литературоведения. Они нуждаются в систематизации, классификации, глубоком и детальном исследовании как в жанровом и тематическом аспектах, так и в сравнительно-сопоставительном анализе для осмысления исторических путей и перспектив дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаров А. О. Каганаттан ийген самара / А.О. Адаров // // Эл-Алтай. 2000. № 1. С. 123-156.
2. Белеков И., Борисов А. Восхождение на Хан-Алтай / И. Белеков, А. Борисов Красноярск: «Класс плюс», 2013. 80 с.
3. Забродин И. С. «Чейнеш» – первая ойротская пьеса / И.С. Забродин // Красная Ойротия. 1939. 22 июня. С. 3.
4. Забродин И. С. Рождение национального театра / И.С. Забродин // Красная Ойротия. – 1937. – 24 июня. С. 3.
5. Иванов А. Горно-Алтайский театр и драматургия / А. Иванов // Театральная энциклопедия. 1963. Т. 2. С. 70.
6. История алтайской литературы. Часть 1 / Э.П. Чинина [и др.]; под ред. Р.А. Палкиной. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2004. 435 с.
7. Казагачева З.С. Зарождение алтайской литературы / З.С. Казагачева. Горно-Алтайск, 1972. 146 с.
8. Каирский Б. Ойротский национальный театр 1936-1939 гг. / Б. Каирский. Ойрот-Тура, 1939. 18 с.
9. Киндикова Н.М. Алтай литература јанырта кычырышла / Н.М. Киндикова. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1998. 196 с.
10. Коптелов А.Л. Литература советской Ойротии / А.Л. Коптелов // Сибирские огни. Новосибирск, 1934. № 6. С. 92-108.
11. Кумандин С. Драматический кружок / С. Кумандин // Ойротский край. 1926. 10 ноября. С. 3
12. Тарбанакова С.Н. Пути развития театров народов Южной Сибири / С.Н. Тарбанакова. - Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1994. 205 с.
13. Тарбанакова, С.Н. Народные истоки алтайского театра / С.Н. Тарбанакова // Алтайский фольклор и литература. Г-А., 1982. С. 111-120.
14. Тюхтенев Т.С. Пути развития и задачи алтайской драматургии / Т. Тюхтенев // Актуальные вопросы современной алтайской литературы. Г-А, 1975. С. 45-56.
15. Чочкина М.П. Драманын озуми / М.П. Чочкина // Алтай литературанын туукузи: учебное пособие. Часть 1. / Н.М. Киндикова {и др}; под ред. Н.М. Киндиковой. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. С. 45-56
16. Чочкина М.П. П.В. Кучияк ла национальный драматический театр / М.П. Чочкина // Как слово наше отзовется . Г-А., 1998. С. 42-44.

**THE POETICS OF THE GENRE OF DRAMATURGY
OF THE ALTAI LITERARY CRITICISM**

Dedina Margarita Sergeevna
candidate of Philological Sciences, associate Professor
the Faculty of Altai Studies and Turkic Languages
the chair of Altai Literature and National Art Culture.
Gorno-Altai State University, Gorno-Altai
E-mail: dedina76@yandex.ru

The article discusses the history of the Altai drama and its study from the period of Foundation of the national Studio to date. The Attention is focused on the main trends of the evolution of drama, noted in the works of key researchers in Altai the Philology and history of art. The characteristic of the status of drama in the modern Altai literature.

Key words: Altai literature, Altai, drama, theater, history of literature, drama genre.

**«...НЕ ДАТЬ СЕБЯ УЛОВИТЬ ...ВО ВСЕ СТРУКТУРЫ
ГРАЖДАНСКО-ЦИВИЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ»**

Абдыханов Уалихан Кибраевич

доктор философии (PhD), ассоциированный профессор

историко-филологический факультет

кафедра казахской и мировой литературы

Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, Шымкент

E-mail: uali.kibray@mail.ru

В статье рассматривается проблема нравственных поисков персонажей произведений Роллана Сейсенбаева. Автор сопоставляет сочинения казахского писателя с творениями ряда мастеров слова – Фирдоуси, Астафьева, Айтматова, Искандера, через призму исследователей Гачева и Гаджиева обозначает проблему, по выражению Гачева, «перевода души, шкалы ценностей в душе... – на иной диапазон, на иные волны, на иные понятия». Цель работы – раскрыть своеобразие писателя в создании реалистической картины общества во второй половине XX века. Новизна исследования заключается в том, что автор исследует малоизученный аспект создания картин преемственных связей между поколениями в казахской литературе.

Ключевые слова: роман, нравственность, герой, писатель, народ, интеллигенция, интерес, проблема, произведение.

Творчество Роллана Сейсенбаева полномочно представляет одну из самых зрелых тенденций в развитии казахской и мировой литератур, занимая в них достойное место. Произведения писателя подтверждают мысль о том, что существует глубочайшая корневая связь гуманизма, реализма, прогрессивной философской и мировоззренческой ориентации.

В романе «Трон сатаны» отражены метания, падения, взлёты и озаренья творческой интеллигенции. Все персонажи, представляющие молодое поколение, образованные люди. Большинство из них получило профессиональную подготовку в столичных и ведущих вузах страны. Однако, как показывает Сейсенбаев, оно ещё не рассталось с младенчеством, не осознало свой долг перед народом, находится на стадии осмысления. *«Как это пасмурное тяжёлое небо не даёт путнику определить свой путь по звёздам, так и им, всем им, что-то мешает идти вперёд, и они бредут по кругу, спотыкаясь и блуждая. Многое им ещё предстоит – они будут делать ошибки, путаться, метаться, расшибая лбы и обдирая локти. Но они не дрогнут, не отступят, не устанут, они найдут свою дорогу, и этому порукой сама их жизнь. Их честность, их стремление сделать что-то для себя и своего народа. Ежась от ветра, Кайрат мысленно поклялся в этом перед памятью Даулета и перед собственной совестью»* [Сейсенбаев, 1988, с. 205]. Раздумья Кайрата перекликаются с мыслями старого актёра Калмырзаева (повесть «Дни декабря»). В них звучит уверенность, что молодые представители интеллигенции обязательно найдут свой путь.

Литературовед Г. Гачев в послесловии к роману «Трон сатаны» раскрывает, «что мешает им всем идти вперёд», и почему «они бредут по кругу, спотыкаясь и блуждая». Критик отмечает незрелость младшего поколения в произведениях Сейсенбаева: *«Многие герои – как стронутые, ни на чём не держащиеся души, как пылинки, чуть что – сдуваются. Даже в своём теле еле держатся... – не в том смысле, что нездоровы-хилы, а – с лёгкостью отдаются страстным вихрям души, то любовно-чувственной страсти, то ошеломлению гнева и императиву чести, что неудержимо влечёт на схватку звериную, на нож и смерть.*

А ведь все почти герои романа – такие милые молодые люди, но какие-то непутёвые и бестолковые, не умеют и не имеют, чем и за что держаться в жизни» [Гачев, 1988, с. 505]. Таким образом, Гачев даёт верную характеристику «основному костяку действующих лиц». Всё, что бы ни создали они, «понимающие искусство и поэзию», «талантливые и что-то обещающие в будущем», рушится. Жизнь их изломлена. Так ли уж виновата молодёжь? Такие же вопросы выносит и Гачев: *«Что же за напасть такая? Почему все позитивности так зыбки, не устойчивы?»* [Гачев, 1988, с. 506].

Сейсенбаев, создав в легенде, органически вплетённой в канву романа, картины жизни казахов в далёкие времена, раскрыв судьбу последнего представителя уходящей эпохи Макпал, бабушки главного героя Абылая, рисуя широкие полотна развития современного общества, вскрыл причины бедственного положения интеллигенции. На этой основе Гачев делает справедливые выводы. Во-первых, *«старые устои рода и традиции, что предопределяли поведение и ритм жизни каждого индивида, – размыты, унеслись в невозвратное прошлое, в сказку уже и легенду. Но хорошо потрудились история в XX веке над усечением родо-жизненных корней»* [Гачев, 1988, с. 505]. Во-вторых, несмотря на то, что «старые устои рода и традиции» остались в прошлом, молодёжью второй половины XX столетия управляют инстинкты вольного степного человека. *«Молодые герои словно держатся за своё переходное состояние: быть свободными душами, тонко и остро чувствующими голоса и зовы внутреннего мира души и жизненной воли своего природного существа, – но не дать себя уловить в тяжкие формы быта и вообще во все структуры гражданско-цивильного существования»* [Гачев, 1988, с. 506]. В-третьих, книга казахского писателя подводит к мысли, что его народу очень важно понять тот факт, что для полнокровной его жизнедеятельности в ряду более цивилизованного и культурного мира необходимо осознать нелепость приверженности косным представлениям и убеждениям. *«Абсурдность действий прежних идеалов в новой ситуации и являет роман Сейсенбаева, – подчёркивает Гачев. – И это просто жизненно-самохранительно для народа и духа становится – закон воздержания от насилия (хоть бы и геройского): перевести душу, шкалу ценностей в душе казаха – на иной диапазон, на иные волны, на иные понятия»* [Гачев, 1988, с. 507].

Сейсенбаев, расширяя временные границы развития своего народа, проникает в психологию человека, что отмечено Гачевым. Но никто из критиков не обратил внимания на то, что писатель делает глубокие философские обобщения. Поэтому оценку литературоведа Гаджиева, данную роману Астафьева «Царь-рыба», отличающемуся аналитичностью, сложными связями прошлого и будущего, можно отнести в полной мере к книге Сейсенбаева «Трон сатаны». *«Произведение является философски-художественным повествованием, побуждающим читателя к ретроспективному (над причинами) и перспективному (над результатами) размышлению, к переоценке жизни»* [Гаджиев, 1997, с. 99].

В своём романе Сейсенбаев пытается осознать историю отечества, и при этом раскрыть душу индивида. Это всегда находило место в эпосе. Противоположность эпического героя и современного человека в литературе полно выражена Гаджиевым. *«Эгоистичные персонажи отделились от окружающей естественной среды, отказались от общения друг с другом. Каждый защищает лишь себя и живёт в замкнутой и эгоистичной микросфере. <...> Индивид ставит свою выгоду прежде общих интересов, эгоизм прежде любви к другим, свою жизнь прежде истории. Поэтому мир этот разрушается изнутри – самонадеянная гордость человека приводит к всеобщему грехопадению. Всеобщий духовный кризис, таким образом, обуславливается не внешними факторами, а имманентными причинами»* [Гаджиев, 1997, с. 102].

Айтматов в повести «Белый пароход» душевную неполноценность рода бугинцев и современников определяет их честолюбивыми стремлениями, желанием господства.

Данное явление освещено также и в повести Искандера «Стоянка человека».

Сейсенбаев в «Троне сатаны» убедительно показал, что симптомы нынешнего страдания родного народа кроются в самом человеке, внутри этноса, в далёком и недавнем прошлом казахов. Данная идея красной нитью проходит и в романе «Отчаяние». В статье «От книги слов» Абая – до «Отчаяния» Р. Сейсенбаева» Гачев отмечает, что причину бедствий родного народа Абай Кунанбаев «полагает в самих казахах», Сейсенбаев в последнем романе видит её «вне их» [Гачев, 1994]. Первая часть суждения критика не вызывает возражения. На наш взгляд, мнение исследователя о последователе Кунанбаева ошибочное: современный писатель не отступает от своего прежнего философско-художественного обобщения, отражённого в предыдущих романах. Это не столько как, возможно, покажется части читателей, постоянно сопровождающаяся внешняя агрессия, межэтническое противостояние, а сколько связано с другим, но вечным спутником разумного существа – внутриродовая, межличностная вражда, стремление его к власти, *«давить и уничтожать, пугать и топтать, приводить людей в трепет, чтоб они облик человеческий теряли и тоже становились нелюдьми»* [Сейсенбаев, 1988, с. 321]. Писатель словами Абылая выражает народную мудрость, переданную ему бабушкой Макпал. Народ ясно указывает на причины столь низменных поступков индивида: *«Всё это потому, что вы на трон карабкаетесь...»* [Сейсенбаев, 1988, с. 205].

Автор глубоко проникает в данное явление. Престол создается там, *«где у человека сердце. У иных – пустота или камень. И если ты глух, безразличен к страданиям ближнего своего, сердце становится подножием для трона сатаны, а сам трон сделан из воздуха, отравленного жестокосердием и равнодушием»* [Сейсенбаев, 1988, с. 205]. Писатель верно отметил, что деяния человека, основанные на антигуманных принципах, зыбки: *«а трон ваш шаткий, вот-вот рухнет»* [Сейсенбаев, 1988, с. 205].

Стремление человека к верховенству при душевной неполноценности превращает его в дьявола. *«Сатана жаждет трона и получит его, ибо он сатана, а не человек»* [Сейсенбаев, 1988, с. 205], – заключает писатель.

Тема власти и человечности давняя. Она поднималась ещё в древнеперсидской мифологии, и художественно воссоздал её в своём творчестве Фирдоуси [Фирдоуси, 1955]. В фольклоре многих народов отражено, как, каким путём и кому достанется «шаткий» престол.

Царя Джамшида, сделавшего много для персидской цивилизации, в том числе и создание государственности (недаром народ период его правления назвал «золотым веком»), обуревают гордыня. И возомнил себя сей властелин богом, за что был жестоко наказан: при помощи его визирей трон захватил иноземный царевич-узурпатор Заххак, развращённый дьяволом Иблисом.

Образно передано развитие эгоистической души человека как в мифах, так и в произведениях писателей средневековья и современности. Прошли тысячелетия, а человек не изменился по сути своей. Творцы картин движения души разумного существа подчёркивали и подчёркивают, что человек, воссевший на трон из «воздуха, отравленного жестокосердием и равнодушием», может привести страну к катастрофе. «Царь-дракон» Заххак подверг персидский народ многовековому тяжкому испытанию, огромным лишениям.

Эта тема на современном материале своеобразно раскрыта Сейсенбаевым в романе «Отчаяние». Бездумное вторжение человека в природу привело к нарушению гармонии в ней. Народ и главный герой книги Кахарман видят причины постепенного обмеления Синеморья – источника их жизни. Народный заступник стремится препятствовать претворению в жизнь новых, не до конца продуманных решений карьеристов, для которых важнее всего добиться выполнения плана любой ценой. Мнимые успехи застигли их глаза пеленой, да они и не хотят прозрения своего и чужого. В борьбе с ними погибает Кахарман.

Несмотря на смерть главного героя, роман заканчивается историческим оптимизмом: на смену ему идёт его сын Бериш, воспитанный на культуре нескольких народов. *«Не так давно Бериш с замирающим сердцем читал откровения святого Иоанна. Текст мгновенно запал ему в память. И сейчас, сравнив слова из Библии с сурой Песков, которую только что прочитал дед, он подумал, что и Библия, и Коран – это не пустые выдумки досужих людей. Каждое слово в них было проверено правдой жизни, той жизни, которую человечеству на протяжении многих столетий пришлось испытать на себе»* [Сейсенбаев, 1991, с. 538].

Подобно тому, как Кунанбаев предсказывает дальнейшее развитие своего народа через приобщение к достижениям Запада (через русский язык) и Востока (приверженность к искусству, исламу) при сохранении своей духовности, так и автор видит прогресс человечества во взаимодействии цивилизаций и культур. Это будет залогом развития гармоничной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтматов Ч. Белый пароход. Повесть. И дольше века... Плаха. Романы. М.: 1988.
2. Гаджиев А. Поэтика современной прозы. Вопросы мифологического и фольклорного генезиса. Баку: 1997.
3. Гачев Г. Джигит и гражданин // Сейсенбаев Р. Трон сатаны. Роман. Повести. М.: 1988.
4. Гачев Г. От «Книги слов» Абая – до «Отчаяния» Сейсенбаева // Простор, 1994, № 3.
5. Сейсенбаев Р. Трон сатаны. Роман. Повести. М.: 1988.
6. Сейсенбаев Р. Отчаяние, или Мёртвые бродят в песках. Роман. М.: Советский писатель, 1991.
7. Фирдоуси. Шах-намэ. Поэмы. М.: Детская литература, 1955.

**ДИАЛОГ НАРОДОВ В ПРИЗМЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
В РОМАНЕ КАВИ НАДЖМИ «ВЕСЕННИЕ ВЕТРЫ»**

Галавова Гульнара Вакифовна
старший преподаватель,
кандидат педагогических наук
кафедры иностранного языка и языкознания
Поволжской государственной академии
физической культуры спорта и туризма, Казань
E-mail: galgulwak@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о дружбе между народами. Ставится вопрос о том, существует ли дружба между русским и татарским народом. Выяснение вопроса дружбы основывается на романе «Весенние ветры» Кави Наджми. Автор в романе обосновывает, что дружба возможна, но только между пролетариатом.

Ключевые слова: дружба народов, соцреализм, толерантность, русский народ, татарский народ, реализм, национальность.

В настоящее время тема дружбы народов становится по-настоящему актуальной. Отсутствие толерантности, межнациональная ненависть – это уже довольно-таки устоявшиеся проблемы нашего времени. Можно вернуться в век двадцатый и посмотреть, как разрешались подобные конфликты тогда, согласно канонам социалистического реализма.

Как известно, социалистический реализм подразумевает под собой внедрение в творчество политических стандартов, которые отвечают за решение задач построения социализма. Кроме того, социалистический реализм согласовывает марксистско-ленинскую идеологию с реальным бытом общества. Необходимо было показать читателю разницу между прошлым буржуазным обществом, которое притесняло человека, и новым социалистическим будущим, где рабочий человек вознесётся на первое место. Но для того, чтобы рабочий человек достиг вершины, он должен быть лишён всех предрассудков буржуазии, он должен понимать, что все люди равны.

В Советском Союзе многие авторы включали лейтмотив дружбы народов в свои произведения. Это и Г.Н. Машкин в произведении о дружбе русских и японских детей «Синее море, белый пароход», Т.З. Сёмушкин – «Алитет уходит в горы» и многие другие. В данной статье рассматривается дружба народов в романе «Весенние ветры» за авторством татарского советского писателя Кави Гибятовича Наджми.

Роман «Весенние Ветры» Кави Наджми написан в 1948-ом году по всем устоям социалистического реализма. Многонациональная дружба – одна из ключевых идей романа. Не случайно жирным шрифтом выделена фраза «Что русский мужик, что татарин мужик – никакой разницы нет». Следует отметить жесткое разделение татар на две неравные группы: разницы нет для простых крестьян, более богатые же слои населения в своих умах возвращают неприязнь по материальным и национальным признакам (что опять-таки подчёркивает социалистическую ориентированность романа). Пролетарский интернационализм проходит красной нитью через весь роман.

Что же такое «дружба народов»? Советская идеология чётко определила это понятие. Как гласит Большая Советская Энциклопедия, дружба народов есть «всестороннее братское сотрудничество и взаимопомощь народов и наций, ставших на социалистический путь развития; в многонациональных государствах – одна из движущих сил развития социалистического общества; в межнациональных отношениях социалистических стран –

основа единства в борьбе за мир, за сохранение и умножение социалистических завоеваний, за торжество идей коммунизма». Роман «Весенние ветры» довольно-таки чётко отвечает задачам идеологии. «Братское сотрудничество» между русским и татарским народом успешно организовывается, сбрасывая иго буржуазии, и тем самым, борясь за мир и равенство. То есть, строя новое социалистическое общество. По сути, дружба народов – единственная движущая сила в условиях того капиталистического общества. Не оглядываясь на национальность, собираясь лишь по общему делу, люди смогли соединиться и оказать давление на буржуазную несправедливость. Кроме того, дружба народов – это когда каждый народ, живущий по соседству друг с другом, понимает, что он не есть самый главный народ и после него хоть потоп. А когда один народ стремится помочь другому народу в трудной ситуации, не задумываясь даже о том, что он может их презирать по какому-то признаку. Или же дружбой народов можно назвать какое-либо взаимовыгодное сотрудничество на политическом фронте. А ещё это и воспитанная толерантность, и радушие со стороны населения к гостям. Разумеется, все эти проявления дружбы можно найти в романе. Но Кави Наджми вложил не столько идеологический смысл в это понятие, сколько самый обыкновенный человеческий. Простые люди трудятся, живут, умирают, влюбляются. Да что только они не делают. Но они не смотрят на национальность. Неважно, какое у человека имя, неважно какая национальность, главное, чтобы «человек хорошим был».

Один из героев романа – Алексей Халявин – рассказывает рабочим о стачке в Батуми. Особо подчёркивается, что в стачке участвовали люди самых разных национальностей: «абхазцы, осетины, грузины, армяне, украинцы, русские». Наверное, этот момент можно назвать определяющим всю идею романа. Весь народ плечом к плечу, без оглядки на национальность, без деления по каким-либо признакам, пойдёт против старого строя во имя своего светлого будущего. Нельзя обойти вниманием и дружбу главного героя – Геряя – с соседским мальчиком Гришей. Их дружба выросла из помощи старшим – из борьбы против угнетающего класса. Они способствовали распространению шрифтов, пролетарской литературы и различных прокламаций. И всё это делали вместе. Что это, как ни ещё одно доказательство дружбы русского и татарского народа?

Автор в тексте романа упомянул более двадцати национальностей. Главным образом, разумеется, фигурируют русские и татары, но есть ещё и удмурты, чуваша, башкиры, немцы и так далее. Данное многообразие народов показывает читателю весь интернационализм произведения. Народы, испокон веков живущие на одной земле, априори дружны между собой, что подтверждает собой общую неприязнь к пришлым немцам. Однако же, стоит заметить, что концепция дружбы между народами в романе относится лишь к трудовым слоям населения. То есть, дружба возможна, скажем, между рабочим-русским и рабочим-татариним. Но дружба невозможна между хозяином-немцем и рабочим-татариним. Между ними существуют лишь исключительно «деловые» отношения. Хорошо это показывает сцена, где Саима – простая работница фабрики – уходит с фабрики со словами «А! Плевать нам на этого немца! Пошли!». Но её нельзя осуждать за такие слова. Немец – безжалостный эксплуататор и совсем чужой человек на этой земле, а она человек со своими радостями и убеждениям, что так безжалостно ограничиваются. Какая же при таком раскладе дружба народов?

Одним из главных доказательством симбиоза социалистического реализма с дружбой народов служат высказывания и цитаты исторических деятелей, как татарских, так и русских. Например, в романе использовано очень большое количество изречений татарского народного поэта Габдуллы Тукая наравне с цитатами Владимира Ильича Ленина. Причудливое переплетение национальной литературы с политическими тезисами отражает потенциальную ориентированность рабочего класса на совместную борьбу народов.

Стихотворения Тукая солидарны или даже созвучны в своём порыве свободы вместе с ленинскими цитатами. Но не стоит забывать про цитаты из Грузии товарища Кобы (И. В. Сталин). С самого начала романа его цитаты напечатаны на листовках, что распространяют простые рабочие люди – от мальчика Гриши до кузнеца Мустафы. «Вы, армяне, татары, грузины, русские! Протяните друг другу руки, смыкайтесь теснее и на попытки правительства разделить вас единодушно отвечайте: Долой царское правительство! Да здравствует братство народов!». В процессе ликвидации класса эксплуататоров сплочение пошло гораздо сильнее, нежели сто или даже двадцать лет назад от описываемого момента. Нетерпимость к любым проявлениям национализма, местечковости, шовинизма, расизма есть основная черта, которая закладывает принцип дружбы и равенства между народами. Стоит отметить, что лишь положительные авторы цитируют Тукая, Ленина и Сталина. Герей, например, цитирует родственникам стихотворение Габдуллы Тукая.

«Мы не уйдем туда: уйти не смогут города и реки!
И пережитые века пребудут с нами здесь навеки!
Здесь родились мы, здесь росли, и здесь мы встретим смертный час,
Вот с этой русскою землей сама судьба связала, нас,
Прочь, твари низкие, вам не смутить мечты святые,
К единой цели мы идём, свободной мы хотим России»

А отрицательные герои романа в разговорах использовали выдержки из Корана, как это делал Юнус-бай (главный отрицательный персонаж и главный враг рабочего народа). На момент написания романа религия считалось уделом «старорежимников», рабочий же представлял свободным от религиозных предрассудков. Поэтому нет ничего удивительного в том, что положительные герои цитируют «прогрессивного» Тукая, а отрицательные – «консервативный» Коран.

В татарском человеке из романа заложены строгие религиозные принципы, которые призывают терпимо относиться к социальному неравенству и прочим несправедливостям. Но проживание бок о бок с русским человеком вынудило татар сломать традиционное представление об обществе и сплотиться с братским народом против общего врага, так как стало ясно очевидно, что раздор между братскими народами приведёт лишь к усилению вражеского напора. Роман «Весенние ветры» очень хорошо показывает это сплочение. Например, сын кузнеца Герей и революционер Алексей Халявин несмотря ни на какие предрассудки (предрассудки – удел богатых баев!) делали общее дело – боролись за идею Революции. Пусть и каждый по-своему, но боролись.

Произведение Кави Наджми «Весенние ветры» написано по всем устоям социалистического реализма. Дружба народов, подчинённая социалистической идеологии, занимает в нём первостепенное значение. Роман провозглашает единство всех наций перед лицом опасности со стороны баев и капиталистов. Все события в произведении сводится к пролетарской революции, которая и не была бы совершена, если бы народы не объединились. История движется по спирали – межнациональные конфликты по-прежнему имеют место быть, таким образом роман «Весенние ветры» актуален и сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автореферат диссертации по теме «Роман Кави Наджми «Весенние ветры»: проблемы метода и поэтики», Юнусова Ф. В.
2. Большая Советская Энциклопедия, 1982 год, М. «Советская Энциклопедия»

**PEOPLES DIALOGUE IN THE PRISM OF SOCIALIST REALISM IN KAVI
NAJMIS «SPRING WINDS»**

*Galavova Gulnara Vakifovna,
senior lecturer,
the candidate of pedagogical Sciences
the Department of foreign language and linguistics
Volga region state Academy of
physical culture sport and tourism, Kazan
E-mail: galgulwak@mail.ru*

The article discusses the friendship between the peoples. The question of whether there is a friendship between the Russian and Tatar people. The clarification of the issue of friendship is based on the novel «Spring winds» Kavi Nadzhmi. In the novel the Author proves that friendship is possible, but only among the proletariat.

Key words: friendship of peoples, socialist realism, tolerance, Russian people, the Tatar people, realism, nationality.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАЗАХСТАНА

Исина Нурикамал Утеповна

кандидат филологических наук, доцент

филологический факультет

кафедра русской филологии

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва

E-mail: n.isinab1@bk.ru

Статья посвящена актуальной в современном литературоведении проблеме художественного двуязычия. Основная цель её - раскрыть содержание понятия «билингвизм», определить истоки возникновения и развития художественного двуязычия в Казахстане, его функции в развитии современной литературы Казахстана. Анализ осуществляется на материале творчества современных русскоязычных поэтов-билингвов: О. Сулейменова, Б. Канапьянова, А. Кодара, Б. Каирбекова, Е. Жумагулова. Осмысление феномена двуязычия в художественном творчестве и отношение к нему писателей-билингвов подтверждаются их конкретными высказываниями.

Ключевые слова: билингвизм, художественный билингвизм, писатель-билингв, билингвальный текст, творческая билингвальная личность.

Художественный билингвизм – одна из актуальных и исследуемых проблем современного литературоведения. Как научный термин «билингвизм» был введён в научный оборот в XX веке и стал объектом исследования преимущественно лингвистики, психологии, культурологии, социологии и др. В самом простом понимании он обозначает двуязычие, то есть владение двумя языками одновременно. Будучи лингвистическим термином билингвизм постепенно был введён в литературоведение, оформившись в понятие «художественный билингвизм», под которым подразумевается творчество национальных писателей на двух языках: родном и русском.

Наибольший подъём художественный билингвизм переживает в литературе второй половины XX в. Территориальная общность, единая общественно-политическая система, тесное взаимодействие культур разных народов, единый язык общения способствовали зарождению двуязычных, русскоязычных, поэтов, писателей.

Русскоязычную литературу в основном представляли писатели – выходцы из республик Центральной Азии, Закавказья, Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Практика бытования национальных культур убеждает в том, что литературы народов бывшего Союза развивались на двух языках: национальном и русском. Так, произведения казахских классиков: М. Ауэзова, Г. Мусрепова, С. Муканова, А. Кекильбаева, А. Нурпейсова – переживали второе рождение благодаря русским переводам. Но далеко не всегда и не все литературные переводы выполнялись на должном профессиональном уровне. Незнание языка оригинала, отсутствие профессионализма, практического опыта, «бригадный» метод перевода обусловили низкий уровень переводимых произведений. С появлением писателей-билингвов ситуация в переводческой сфере значительно изменилась.

Таким образом, художественный билингвизм оказал благоприятное воздействие на развитие национальной литературы: с одной стороны, усовершенствовал переводы, с другой – обогатил и национальную, и русскую литературу новыми темами и образами.

Проблема художественного билингвизма теоретически разрабатывалась в трудах российских учёных: Е. М. Верещагина, Ю. Н. Караулова, Ч. Гусейнова, В. Михайловской;

казахстанских – Б. Хасанова, Э. Сулейменовой, У. Бахтикиреевой и др. Старейший литературовед Г. Гачев, объясняя феномен билингвизма с позиции философии, предложил следующее определение: «Двуязычие – это диалог двух мировоззрений, систем мира, обуславливающий стереоскопичность зрения, объемность мышления» [Гачев, 1988, с. 445].

Теоретически проблема двуязычия была разработана в монографии Б. Хасанова «Казахско-русское двуязычие и проблемы билингвизма», опубликованной в 90-е годы прошлого века. Учёный исследовал природу художественного двуязычия, выстроил собственную классификацию и типологию билингвизма, охарактеризовал особенности функционирования двуязычия в литературе Казахстана. По мнению Б. Хасанова, «двуязычие – это интегрирующее средство общения в гетерогенном социуме, основанное на синхронном (параллельном, попеременном или смешанном) использовании двух языков» [Хасанов, 1990, с.23].

Не меньший интерес представляют научные исследования последних десятилетий нового тысячелетия, в которых рассматриваются проблемы творческой личности писателя-билингва, языковые особенности художественного текста писателя-билингва. В этом ряду следует отметить исследования У. Бахтикиреевой. В опубликованной в 2013 году монографии «Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения) учёный, анализируя творчество писателей-билингвов Ч. Айтматова, О. Сулейменова, А. Кодара, делает методологически важное заключение: «Соединение русской культуры с мощной основой изустного казахского творчества, уходящего корнями в далёкое историческое прошлое, представляет нам творческую билингвальную личность – индивидуальность, объединяющую в себе две отдельные монады» [Бахтикиреева, 2009, с. 149].

Научные исследования У. Бахтикиреевой значительно восполнили пробелы в изучении феномена двуязычия. Анализ природы художественного текста двуязычного писателя, характеристика механизма и развития двуязычного творчества, своеобразия авторского миропонимания обусловили необходимость включения в научный оборот новых понятий: «билингвальный текст» «писатель-билингв», «билингвальная личность».

Двуязычное, а точнее, русскоязычное творчество в современной литературе Казахстана представляют Бахытжан Канапьянов, Бахыт Каирбеков, Ауэзхан Кодар, Аслан Жаксылыков, Ербол Жумагулов, Сауле Усенбекова, Асель Омар, Мадина Асанова и др. В республике выходят двуязычные литературно-художественные журналы: «Тамыр», «Тан-Шолпан», «Аманат» и др.

Анализ литературной ситуации рубежа веков (XX-XXI) в Казахстане убеждает: в условиях обретения независимости и суверенитета, статуса государственного казахского языка, пропаганды национальной культуры художественный билингвизм приобретает всё более широкое распространение. Старейший литературовед В.В.Бадиков писал: «Во второй половине XX века художественное русскоязычие стало не только очевидным литературным, но и серьезным историческим фактом казахской культуры. Теперь уже очевидно, что русскоязычные писатели – это не школа, а широкое литературное течение, которое возникло на границе и стыке двух культур и литератур. Это характерный факт жизнеспособности духовного евразийства Центральной Азии и России» [Бадиков, 2004, с. 295].

У каждого писателя формируется своё отношение к двуязычному творчеству. Осмысление феномена художественного билингвизма демонстрируют поэты разных поколений. Олжас Сулейменов в одном из ранних стихотворений «Язык отцов, язык тысячелетий», размышляя о судьбах родного, казахского, языка, открыто выразил идею возрождения национального языка. В своих поэтических произведениях поэт умело использовал языковые средства казахского и русского языков, тем самым создав уникальные образцы «билингвального текста». Свидетельство тому стихотворения: «Аргамаки», «Догони», «Чем порадовать сердце?», «Молитва батыра Мамбета перед казнью», «Песня Кумана» и др.

Современник О. Сулейменова, поэт Бахытжан Канапьянов пишет стихотворение «По-забытый мной с детства язык», в котором выразил своё отношение к феномену двуязычия.

*По-забытый мной с детства язык,
Пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.* [Канапьянов, 2009, с. 24].

Стихотворение глубоко полемично: автор побуждает читателя к размышлению о сущности двуязычия. По мнению поэта, двуязычие по сути своей порочно: оно приравнивается к двуличию. Утрачивается связь с родным языком, культурой. Драматизм подчёркивается внутренним осознанием личности как предателя в глазах предка. В реальной действительности происходит некое раздвоение билингвальной личности.

Аналогичные настроения испытывает лирический герой стихотворения Б. Каирбекова «Степь. Цикады. За речкой аул...».

Как писатели-билингвы относятся к двуязычному творчеству?
Каковы, по их мнению, преимущества художественного двуязычия?

Показательны высказывания известного в Казахстане культуролога, публициста и поэта Ауезхана Кодара: *«В моей жизни были часты переходы с языка на язык, - вспоминает Кодар. - В нужный момент и в любой обстановке я легко переключаюсь с казахского на русский и наоборот. Мое двуязычие для меня как спасение, как выход из любой ситуации и творческого кризиса. Когда на русском я сам себе не нравлюсь, когда я как бы исчерпал свои средства выражения, я перехожу на родной, казахский. И как будто омолаживаюсь».*

Вхождение в стихию другого языка помогает автору раскрыть внутренние свойства, природу как родного, так и чужого языка. *«Мои стихи на казахском полны какой-то языческой радости жизни, в то время как стихи на русском полны грусти. В этом, по-видимому, кроется разный опыт этих двух языков, который порождает различную ментальность моего поэтического стиля. ... И русский язык диктует мне свои правила и опыт, свои средства выражения, отличные от казахского».*

В стихотворении «Двуязычие» А. Кодар вопрошает:

*Зачем мне этот жуткий дар судьбы –
Жить в двух мирах, качаясь, как на грани
Над пропастью, где нет людей во ржи,
А только холод отчужденья странный.
Я двуязычен, словно двухголов,
Одной – в Восток, другой смотрю на Запад.
Я на казахском грустен и суров,
На русском я – загадочно внезапен.* [Кодар, 2013, с. 282].

В одном из интервью А. Кодар признаётся, что писателю-билингву чрезвычайно трудно сохранить идентичность. *«Мало кто знает о трудностях творчества на чужом языке. Это приводит к раздвоению личности, к прострации, когда отчуждаешься ото всего и всему противостояшь. Это приводит к иному уровню сознания, к иным ценностям, неведомым для многоязычных...».*

В то же время, утверждает А. Кодар, именно двуязычие помогает автору обрести свободу выбора языка. И далее резюмирует: *«...а двуязычие – это наша современность, это «зов бытия», который нас понуждает к большему постижению мира на разных языках».*

Феномен двуязычия рассматривается как закономерность современного развития, как единственная возможность выхода казахской культуры на мировой уровень. В этом сложном процессе вхождения национальной культуры в общемировую, по мнению А. Кодара, главную роль играют писатели-билингвы.

О трудностях художественного билингвизма говорит и другой русскоязычный поэт Ербол Жумагулов: «... *быть казахским поэтом куда сложнее, чем русскоязычным, потому что русскоязычная поэзия молодая. Я раньше думал, что научусь писать по-русски, а потом буду переносить некоторые ходы и формы на казахский язык. Мне казалось, что поэтическая форма а-а-б-а (когда рифмуются первая, вторая и четвёртая строки, а третья произвольная – V) уже устарела, а потом я понял, что консерватизм – это конечная форма*».

Литературный дебют Е. Жумагулова отмечен выходом ряда поэтических сборников. Впервые о нём заговорили в московских издательствах. В Казахстане поэт опубликовал несколько книг, в том числе сборник стихотворений «Ерболдинская осень» (2010) с явно претенциозным названием. В другом стихотворении поэт открыто заявляет о своём исключительном даре: «*Ербол в России больше, чем поэт...*».

Билингвальная личность Е. Жумагулова ощущается во всём его творчестве. И это наглядно демонстрируют его стихотворения. Лирический герой его – человек, живущий в двух мирах: в России и в Казахстане. Для русских он – казах, для казахов – русский. Двойственность поэта-билингва прослеживается в его мировосприятии и мироощущении.

Поэтический мир Е. Жумагулова – это своеобразный синтез двух разных культур, разных народов. Лирический герой его – молодой человек, наш современник, болезненно переживающий время постперестроечных перемен. Сознание героя, оказавшегося заложником глобализационных и интеграционных процессов, воспринимает всё происходящее неоднозначно, противоречиво, болезненно.

Влияние классической русской поэзии вполне очевидно и выступает не только на поверхности текста:

Возможно, вытолзу из Бродского...

Возможно, вырасту... [Жумагулов, 2010, с. 56]

В одном интервью Ербол Жумагулов, говоря о своём творчестве, заявляет: «*Наверное, я казахский русскоязычный поэт. Я не могу не принадлежать к русской литературе, потому что пишу по-русски. То есть корни поэзии оттуда: Мандельштам, Бродский, XX век, немного XIX век, французская поэзия. Но темы сейчас больше пошли казахские, это исподволь происходит...*».

Игра текстами, аллюзии, реминисценции, пародирование классики – характерные признаки постмодернизма.

Из современных русскоязычных прозаиков, умело соединяющих разные культурные традиции и ментальные концепты, можно отметить Асель Омар. Творчество её формировалось под влиянием мировой классической литературы. В этом убеждает высказывание автора: «*Как человек, воспитанный на классической русской литературе, я могу назвать имена тех писателей, которых люблю, перед которыми преклоняюсь и которых перечитываю – это имена Льва Толстого, Пушкина, Достоевского, Тургенева, Гоголя*». не обходит без внимания и западноевропейскую классику. «*В зарубежной литературе это имена Фолкнера, Джеймса Джойса, Маркеса, людей, создавших мир, не похожий ни на кого, но в котором каждый может найти своё место и утешение*». Как истинный патриот своей родины, А. Омар продолжает: «... *И конечно, моя любимая казахская литература: «Красавица в трауре» Мухтара Ауэзова. «Записки о Джунгарии» Чокана Валиханова, произведения Ибрая Алтынсарина*». Рассказы и повести молодого прозаика глубоко содержательны, насыщены фольклорно-мифологическими сюжетами. Само название сборника «Синий волк» восходит к древнему архетипу Волка – прародителя тюрков. Современный автор воскрешает древний миф и средствами современного русского языка пересказывает народное предание. И мифологический сюжет, так искусно сложенный с помощью средств русского языка, сохраняя при этом ментальность, приобретает новый смысл и содержание.

Таким образом, анализ современной литературы Казахстана позволяет сделать принципиально важные выводы относительно двуязычного творчества и отношения к нему самих поэтов-билингвов:

- творчество писателей-билингвов – это синтез разных культур и ментальных концептов;
- взаимодействие двух языков и культур порождает оригинальное творчество;
- писатель-билингв – это гражданин Мира;
- художественный билингвизм – это способ сохранения национальной культуры и языка в полиэтническом пространстве.

Двуязычное художественное творчество обогащает культуры разных народов новыми темами, образами и идеями. Русский язык как язык творчества помогает национальным писателям взглянуть на собственную культуру, историю как бы извне, со стороны. Знание русского языка, умелое использование языковых средств помогают раскрыть внутренний творческий потенциал автора. Художественный билингвизм – это одно из приоритетных направлений современного общекультурного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г. Национальные образы мира. М. 1988.
2. Хасанов Б. Казахско-русское двуязычие и проблемы билингвизма. А-А, 1990, 200 с.
3. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). – Астана: ЦБО и МИ, 2009, 259 с.
4. Бадиков В.В. Русскоязычные писатели Казахстана // Литература народов Казахстана, Алматы, 2004. 352 с.
5. Жумагулов Е. [URL] [http: // vlast.kz/writers/14052-erbol-](http://vlast.kz/writers/14052-erbol-)
6. Кодар А. Интервью: Ауэзхан Кодар. [URL] [http: // el.kz/blogs/entry](http://el.kz/blogs/entry).
7. Независимый Казахстан: Антология современной литературы в трёх томах. Поэзия. Том III. Составители: Райхан Маженкызы, Георгий Пряхин. – М.: Художественная литература, 2013. – 464 с.
8. Асель Омар: «Я воспитана на русской классике» [URL] [http: // www.kazakh.ru](http://www.kazakh.ru).

LITERARY BILINGUALISM AND MODERN LITERATURE OF KAZAKHSTAN

Nurikamal Isina

*Candidate of Philology, Associate Professor
Russian Philology Department
L.N. Gumilyov Eurasian National University
E-mail: n.isina61@bk.ru*

The article is devoted to the problem of literary bilingualism which is quite topical in modern literary criticism. Its main purpose is to reveal the content of the concept “bilingualism”, examine the origins and development of literary bilingualism in Kazakhstan and determine its functions in the development of modern literature of Kazakhstan. Analysis of literary bilingualism is carried out on the basis of works of modern Russian-speaking bilingual poets: O.Suleimenov, B.Kanapyanov, A. Kodar, B. Kairbekov, Ye. Zhumagulov, etc. Understanding of the effects of bilingualism in literary works and attitude of bilingual writers to it are confirmed by their specific statements.

Key words: bilingualism, literary bilingualism, bilingual writer, bilingual text, creative bilingual personality.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ КАК СРЕДСТВО ВНЕШНИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ГЕРОЯ

Бобохонов Мавлон Р.

*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник-исследователь
кафедры узбекского языка и литературы,
Самаркандского государственного университета, Самарканд
E-mail: grafmk2002@mail.ru*

В статье определяется роль художественной детали в структуре произведения, его классификация в соответствии с функциями, выполняемыми по своей природе, а также исследуются специфические свойства художественной детали при воплощении внутреннего мира литературных героев и образа полноценных характеров.

Ключевые слова: художественная деталь, структура, внутренний мир персонажа, психоанализ, образ повествователя.

В произведении узбекского прозаика Тагая Мурада «Поля, оставшиеся от отца» («Отамдан колган далалар») художественные детали служат для раскрытия душевных страданий, тяжелых личных переживаний персонажей. Через сложное переплетение разных типов деталей в романе открывается внутренний мир героев, раскрываются их размышления и внутренние движения, а через создаваемые писателем характера героя-повествователя выражается концептуальный смысл текста. За пересказанным героем обнаруживается не просто дехканин-деревенщик (у которого предки «кетмени» – дехкане), но автор, прячущий за своим поэтически-ироническим, слегка прищуренным взглядом тревогу, драматизм.

Рисую внешние проявления внутренней жизни героя, автор делает акцент на определенной психологической детали и интересуется, прежде всего, тем, чтобы такая деталь отражала многосторонние взаимосвязи мотивов, побуждений и переживаний героя. Под внешними проявлениями внутренней жизни мы подразумеваем изображение мимики, жестикуляции, особенностей речи, физиологических изменений героев. В романе почти нет прямых характеристик персонажей, но есть точный рисунок, или абрис их позы, жеста. Например, беседа Дехканкула с девушкой-продавщицей в лавке не излагается открыто, а передаётся через художественную деталь, отражающую невербальное поведение и глубокое психическое состояние:

«Мен бахмални олиб бурчак бордим. Ер жойлашиб ўтирдим. Этикларимни биринкетин суғурдим.

Бахмални тирр-тирр икки бўлдим.

Бир бўлагини бу оёғим ўрадим, бир бўлагини у оёғим ўрадим. Этикларимни тортиб-тортиб кийиб олдим. Этикларимни ер тепиб-ер тепиб кийиб олдим» [Мурод, 1994, с. 127].

(«Я взял бархат и направился в угол. Сел на пол. Снял сапоги по-одному.

Разделил ткань на две части.

Одной половиной обмотал одну ногу, а второй половиной другую ногу»).

Хотя он должен был купить муку на пятьдесят сум, которые дала ему жена, для того, чтобы пристыдить девушку, не выказавшую ему должное уважение, Дехканкул купил дорогую ткань для портянок. Невербальное поведение как бы вплетено во внутренний мир личности. Поэтому нужно согласиться с В.А. Лабунской, которая пишет: «Невербальное поведение – это внешняя форма существования и проявления психического мира личности. В связи с этим анализ структуры, содержания индивидуального невербального поведения – это еще один из способов диагностики уровня развития личности как субъекта общения» [Лабунская, 1986, с. 35].

Художественная деталь всегда оценивается как признак точного и ёмкого стиля. Кроме того, деталь, дополняя не завершённую автором картину, побуждает читателя соавторству. Краткая характеристическая фраза, действительно, экономит слова, однако из-за автоматизации всех слов предполагаемая чувственная наглядность не реализуется. Деталь же является основой не только сопереживания читателя, но и образности, вызывающей личное творческое стремление.

Нужно подчеркнуть, что в последние годы психологизация литературы привела к разработке и активному использованию художественных средств, необходимых писателям для адекватного отображения духовно-душевного. Обогащение происходит не только за счёт новых ресурсов (символ, миф, техника «поток сознания», пространственно-временные эксперименты и т.д.), наблюдается перерастание психологизма в метастилевое явление. По справедливому суждению Н. С. Лейтес, «психологизм заявляет о себе сегодня не только как средство раскрытия внутреннего мира личности или над личностных духовных процессов, но и как действенный сюжетопределяющий и структураобразующий фактор» [Лейтес, 1993, с. 120]. То есть, намечается переход от «психологизации картины мира» к психологизации всего романного пространства.

Художественное бремя детали разнообразно. По характеру выполняемых задач художественная деталь можно классифицировать следующим образом: изобразительная, проясняющая, характеризующая и деталь с подтекстом.

Изобразительная деталь служит для визуального образа характеризуемого предмета или явления. Она часто выступает в качестве элемента в составе образа природы и внешнего вида персонажа. Такого рода детали очень многочисленны в вышеупомянутом романе Т. Мурада. Автор нигде не осуждает Дехканкула, но широко освещает его бедственное положение, картину его жизни и характер при помощи художественной детали:

«Аёлимиз далалар узра жимир-жимир этмиш хилга термулди.

«Қирмиз-қирмиз... Думалок-думалок»... – деди.

Мен кўлимда ўйнаб юрмиш ғўза гулини аёлимизга узатдим.

«Мана! – дедим. Қирмиз-қирмиз... думалок-думалок... гул!»

Аёлимиз кўлимни қайтариб ташлади.

«Бундайчикин эмас», – деди.

«Бўлмаса, қирмизи думалоғинг ниманг?»

Мен жўртгага шундай дедим.

Билдим – аёлимиз қирмизи олма, деди. Билдим – аёлимиз қирмизи олмага ерик бўлди!» [Мурад, 1994, с. 188]

(«Моя женщина всмотрелась на тепло, поднимающееся от полей.

«Красное-красное... Круглое-круглое»... – сказала она.

Я протянул своей женщине цветок хлопчатника, что играл в руках.

«Вот! – сказал я. Красный-красный... Круглый-круглый... цветок!»

Моя женщина свернула мне руку.

«Не такое», – сказала она.

«Что тогда твоё красное круглое?»

Я специально так сказал.

Понял – моя женщина сказала яблоко. Понял – моя женщина хотела пунцовое яблоко!»).

Жена Дехканкула, уставшая от изнурительного труда, сожгла себя заживо. Отчаяние женщины, родившей второго ребёнка ещё не выкормив первого, Дехканкул узнал после её смерти, увидев надписи на ручке бешика (колыбели). На ней вместе с другими надписями были выведены слова «Красное-красное... Круглое-круглое».

Следовательно, благодаря изображению портрета и пейзажа в романе деталь обретает более яркую окраску: именно она придает точность пейзажу или внешнему облику

персонажа. При выборе изобразительной детали авторская позиция видна ясно, модальность, прагматическая направленность и системность обретают актуальность.

Проясняющая деталь ставит перед собой задачу – обеспечить правдивость факта или явления путём фиксации его незначительных подробностей. Проясняющая деталь, обычно, используется в диалогах, изложениях, т.е. в речи персонажей. В романе задержание Дехканкула, его отправка прямо в Москву, заключение в следственном изоляторе и перевод с одного места на другое описаны в мельчайших подробностях. Читатель не имеет представления о тех местах, которые описывается, и, разумеется, никакие ассоциации у него не возникают. Однако перед его взором проходят картины срочных и безмятежных, целевых и нецелевых действий – отражение душевного состояния персонажа. Поскольку места событий описаны с максимальной правдивостью, и на фоне этих топонимов вырисовывается реальный облик персонажа.

Характеризующая деталь является основным признаком антропоцентризма. Однако она выполняет свою функцию не как изобразительная или проясняющая деталь косвенно, а непосредственно отмечает отдельные черты описываемого характера. В романе данная разновидность детали широко простирается по всему тексту. При этом автор не даёт полную характеристику персонажа сразу, но оставляет в тексте метки, т.е. применяет детали. Обычно они даются попутно, как нечто уже известное. Сочетание деталей, распространённых по всему тексту, направлено на всестороннюю характеристику объекта или усиление его главной черты. Так, льстивый и лживый характер директора школы в романе раскрывается постепенно, педантированием на эти пороки. Персонаж характеризует себя своей речью. Привыкший избивать детей за малый сбор хлопка директор повторяет каждый вечер одно и то же:

«Еганинг бурнингдан чиққурлар! – дейди. – Мен сенлар учун бюрода гап эшитдим! Ўртоқ Мавлонов бюро аҳли олдида изза қилди! Йўқ, мен сенлар учун изза бўлмаман! Ё пахта тердираман, ё териларингни шилиб оламан» [Мурод, 1994, с. 53].

(«Да чтоб вы подавились! – говорит. – Из за вас я выслушал в бюро! Товарищ Мавлонов отчитал меня перед всем бюро! Нет, из за вас я не буду выслушивать! Или заставлю собирать хлопок, или сдеру с вас кожу!»)

Через некоторое время, когда председатель райкома приехал на хлопковое поле, выясняется, что он не видел и не знаком с ним:

«Директоримиз қўл берайинми-қўл бермайинми, зайлида қўл узатади.

– Ўзлари ким бўладилар? – дейди.

Шляпали одам кафтларини очиб айтади:

– Ҳашарчи. Мана шу болалардай бир ҳашарчи, – дейди. – Чойингиз қайнамади, домла.

Энди сиз буюргандай ариқдан ичамиз-да.

Шляпали одам шундай дея, машинаси тараф йўл олади.

Директоримиз шляпали одам кетидан қараб туради-қараб туради – бригадирга ўнгалади.

– Бу ким бўлди? – дейди.

– Танмаяпсизми? Райком-ку.

– Райком? Қандай райком?

– Қандай райком бўларди – Мавлонов бова-да.

– Ўртоқ Мавлоновми? У киши далада нима қилиб юрибди?

– Далага самолёт келаяпти. Самолётдан олдин далаларни қараб юрибди.

– Ия, – дейди директоримиз. – Олдинроқ айтсангиз бўлмасмиди, ия» [Мурод, 1994, с. 58].

(«Директор колебался, протянуть руку или нет, наконец, протянул.

– Сами кем будете? – спрашивает он.

– Человек в шляпе говорит, раскрыв свои ладони:

– Сборщик. Как все эти дети – сборщик. – отвечает тот. – Чай ваш так и не вскипел, домла (учитель). Теперь будем пить из арыка, как вы и приказали.

Сказав это, человек в шляпе направился к машине.

Директор посмотрел вслед за ним, посмотрел – затем спросил бригадира.

– Кто это? – спросил он.

– Не узнаете? Это же райком.

– Райком? Какой райком?

– Какой райком – товарищ Мавлонов.

– Товарищ Мавлонов? Что он здесь делает?

– На поле прилетает самолёт. А он просматривает предварительно поля.

– А, – восклицает директор. – Не могли по-раньше сказать, а»).

Уходящего каждый вечер пить пиво директора, его низменный характер, корыстолюбие, лживая натура неоднократно отмечается Т.Мурадом. Можно считать, что характеризующая деталь, разбросанная по всему тексту, даёт возможность читателю сделать общие выводы.

Деталь с подтекстом фиксирует внешнее выражение, способствующее осознанию глубокого смысла явления. Как видно, основная функция детали с подтекстом – создание подтекста, импликации. Главный объект изображения это внутреннее состояние персонажа. В романе «Поля, оставшиеся от отца» душевные муки невинного Дехканкула, арестованного по «узбекскому делу», выстроены с помощью детали с подтекстом. Внутренние конфликты, грызущие Дехканкула изнутри проявлены рядом подтекстных деталей, придающих внешние штрихи отношениям между следователем и арестованным:

«Иван Иванович айтиб-айтиб турди.

Мен битта қолдирмайин битиб-битиб турдим.

– Қани менга бер, қани, – деди Иван Иванович. – Ай, кучингдан, жигит! Ана энди жигитмисан-жигит бўлдинг! Шугина гап учун Шўро қонун посбонларини бир йилдан зиёд қийнадинг-а!

– Энди... уст-бошимни берсангиз деб эдим.

– Уст-бош? Уст-бошни нима қиласан?

– Манави зиндони уст-бош билан қишлоқ бориб бўладими? Эл-юрт нима дейди? Дўст бор, душман бор...

Иван Иванович оғиз ушлаб-оғиз ушлаб кулди.

Иван Иванович бет чангаллаб-бет чангаллаб кулди.

Иван Иванович кўз артиб-кўз артиб кулди.

– Ҳай, жигит-ай, жигит-ай!.. – деди. – Айт, тагин нима қилай?

– Тагин... мени кечаси бир маҳалда олиб келиб эдилар. Мен бедирам-бедирам келиб эдим. Шу боис... айта берайинми?

– Айт-айт?

– Шу боис... бир-икки сўм йўлкира қарз бериб турсангиз... деб эдим. Бола-бақрам олдига эсон-омон етиб борсам армоним йўқ... Омонатингизни чақам-чақа жўнатаман...

Иван Иванович хандон-хандон кулди» [Мурад, 1994, с. 258].

(«Иван Иванович всё говорил и говорил.

Я же всё писал и писал, не пропуская ни одного слова.

– А ну-ка, дай мне, сказал Иван Иванович. – Ай, да джигит! Вот теперь ты стал настоящим джигитом. Из за этих пару слов ты мучал блюстителей закона Советов!

– Теперь я бы хотел получить свою одежду.

– Одежда? Зачем тебе одежда?

– Нельзя же поехать в родной кишлак в этой арестантской одежде? Что сказать народ? Есть дурзья, есть враги...

Иван Иванович смеялся, прикрывая рот-прикрывая рот.

Иван Иванович смеялся, закрыв лицо-закрыв лицо.

Иван Иванович смеялся, утирая слёзы-утирая слёзы.

– Эх, джигит, джигит!.. – сказал он. – Что ещё прикажешь сделать?

– Ещё... меня увезли из дома ночью. Я в чём был приехал. Поэтому... можно продолжать?

– Продолжай-продолжай!

– Поэтому... Не могли бы одолжить пару сум на дорогу?... Добраться бы до дома, до близких... Верну всё до копейки...

Иван Иванович всё хохотал-хохотал»).

В приведённом фрагменте издевательский смех следователя над простодушным Дехканкулом даётся повторами, с помощью этой детали автор показывает какую ценность имел человек во времена бывшей империи. Трагическое состояние Дехканкула, признавшего себя виновным после невероятных страданий, раскрывается в полной мере. Из этого становится ясно, что деталь с подтекстом считается основным средством изображения психического состояния персонажа с различных ракурсов.

Отмечу, что в определённой степени все виды детали участвуют в реализации подтекста, так как все они предполагают широкий и глубокий охват факта или явления. Вместе с тем, своеобразие каждой разновидности детали требует их дифференциацию.

Изобразительная деталь создаёт образ природы, образ внешнего облика персонажа, употребляется в тексте редко.

Проясняющая деталь – создаёт образ, условия и обстоятельства предмета, располагается группой в фрагменте, в котором излагается событие.

Характеризующая деталь – принимает участие в формировании образа персонажа и распространяется по всему тексту.

Деталь с подтекстом создаёт образ отношений между персонажами или героем и действительностью.

По характеру воздействия в художественных произведениях встречаются также и детали-символы. Уникальность данной разновидности детали в том, что она охватывает явление или предмет сразу и полностью. Отмечу, что любая разновидность детали в случае необходимости может стать художественным символом. Для примера можно взять состояние Дехканкула, который привел врача к больной жене:

«Аёлимиз шаходат бармоғини чаккасига нукиб-нукиб кўрсатди.

– Ҳа, калланг оғрияптими? – дедим.

– Ў-ўй, бу кишида калла борми ўзи? – деди аёлимиз.

– Бор, нима эди, бор?

– Калласи бўлса, дўхтир чақирадими?

– Дардга дўхтир чақирмай, кимни чақиради?

Аёлимиз тагин чаккасига бармоқ нукиб кўрсатди.

– Бўлмаса, дардингни менга айт, – дедим. – Мен Расул дўхтирга бориб айтаман.

Дўхтир, шундай-шундай экан, дейман.

Аёлимиз бош чайқаб кулди. Аёлимиз ерга қараб кулди. Аёлимиз оғиз ушлаб кулди.

Аёлимиз деразадан уч кунлик ойга ишора берди...» [Мурод, 1994, с. 102].

(«Моя женщина подвела указательный палец к виску.

– Что, башка болит? – спросил я.

– Эй, этот человек вообще имеет башку? – сказала моя женщина.

– Есть, а что?

– Если есть башка, вызовет ли он врача?

– Кого же ещё кроме врача, раз по болезни?

Моя женщина опять покрутила у виска.

– Тогда скажи мне, что тебя беспокоит, – сказал я. – Я пойду и расскажу всё доктору Расулу. Скажу, доктор, вот так и так.

Моя женщина качала головой и смеялась. Моя женщина смотрела на землю и смеялась.

Моя женщина прикрыла рот рукой и смеялась.

Моя женщина указала из окна на трехдневный месяц»).

Как видно, деталь-символ месяца/луны указывает на беременность женщины. С повторением несколько раз в тексте она превращается в ключ, открывающая все подобные ситуации – символ.

Такую деталь в литературоведении условно определяют как косвенную форму психологической детали, либо как «внешние проявления внутренней жизни героя (мимика, пластика, жестикация, речь, обращенная к слушателю, физиологические изменения и т. п.)» [Есин, 1988, с. 176], либо как «детали динамического портрета персонажа».

Нужно отметить, что внимание к поведенческому рисунку, к выразительной детали можно считать стилевой доминантой прозы Тагай Мурада. По своему характеру это могут быть произвольные или, напротив, намеренные действия персонажей. Как показывает анализ текста произведения, многие детали подобного свойства свидетельствует о том, что автор придает большое значение приему изображения внешних проявлений внутренней жизни героев.

Таким образом, с помощью художественной детали Тагай Мурад достоверно характеризовал душевное состояние персонажа, правдиво описывал его личные переживания, доносил до читателя главную идею произведения и свой творческий замысел в более яркой форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурод Т. Отамдан колган далалар (Поля, оставшийся от отца). – Ташкент: Шарк, 1994. 272 с.
2. Лабунская В. А. Невербальное поведение: структура и функции – Ростов: Издательство Ростовского университета, 1986. 35 с.
3. Лейтес Н. С. Конечное и бесконечное. Размышление о литературе XX века: мировидение и поэтика: Учеб. пособие по спецкурсу. – Пермь: Издательство Пермского университета, 1993. 120 с.
4. Чернец Л. В. Деталь // Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. – Москва: 2004. 286 с.
5. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя. – Москва: Просвещение, 1988. 176 с.

ARTISTIC DETAIL AS A MEANS OF EXTERNAL MANIFESTATIONS OF THE INNER LIFE OF THE HERO

Bobokhonov Mavlon R.

Doctor of philosophy (Ph.D.),

Senior-researcher at the Department of

“Uzbek language and literature” of the

Samarkand State University,

Uzbekistan, Samarkand

E-mail: grafmk2002@mail.ru

The article defines the role of the artistic details of the structure of the novel is classified in accordance with the functions performed by nature, explored the specific properties of the incarnation full image of the inner world of literary heroes and characters.

Key words: artistic detail, structure, the inner world of the character, psychoanalysis, dialogue, narrator.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ И В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОПИСАНИИ В ПОЭМЕ «АЙДОС БАБА»

Токымбетова Гулбахар Абатбаевна

старший научный сотрудник

кафедры истории каракалпакской

литературы и фольклора,

Каракалпакского государственного университета имени Бердаха, Нукус.

E-mail: tgulbakhar@mail.ru

Автор настоящей работы осуществляет попытку описания граней творческого мастерства поэта Бердаха Гаргабайулы.

Ключевые слова: художественный образ, художественная литература, художественное слово, правда, жизни, художественная правда, художественные приемы, эпитет, метафора, метонимия, гипербола, литота, фольклорное описание.

Творческая оригинальность каждого мастера художественного слова проявляется в его мастерстве создавать художественный образ. Невозможно представить художественное произведение без художественного образа, так как художественный образ – главный атрибут художественной литературы. Значит, если произведение не имеет художественного образа, его нельзя считать художественным произведением. Художественная литература показывает бытие, то есть мир, в художественно обработанном виде, а не как он есть, в виде фотографии.

Если писатель только излагает случаи и явления и людей, то это будет, лишь сухим описанием. Если образ созданный писателем или поэтом, заставляет людей мыслить, проникнуться, воодушевляться, наслаждаться или же расстроиться, то это будет венцов настоящего творчества.

Ибо читатель пропускает разные чувства через свою душу, через свои мысли и только затем оценивает их.

В создании художественного образа, фантазия писателя, его художественная выдумка дополняют и приукрашивают создаваемый образ. Первым делом, писатель описывает жизненную правду. Образ создается на основе жизни людей, происшествий и исторических ситуаций. В создании таких образов творческий деятель сохраняет совместимость между правдой жизни и художественной правдой. Исторические персонажи и их деятельность в историческом контексте – это, правда жизни, а фантазия писателя служит художественной правдой.

Поэтому поэма Бердаха «Айдос баба», которая является одним из его главных произведений, отвечает всем критериям художественного произведения тем, что в ней сохранена историческая правда.

Айдос бий – великая личность в истории каракалпаков. Он внес огромный исторический вклад в становление каракалпакского народа, в объединении его разрозненных распадающихся родов. Поэтому образ Айдос бабы присутствует в каракалпакских легендах, рассказах, поэмах, а также в каракалпакской классической литературе. Первым, кто создал образ Айдос бабы в каракалпакской литературе, был наш поэт-классик Бердах.

Как известно, стилистические приемы играют важную роль в создании трогательного произведения, привлекающего читателей сильными, интересными образами. Часто используемые в эпосах стилистические приемы, такие как эпитет, метафора, метонимия,

гипербола, литота и т.д., служат для усиления содержания произведения. Естественно, Бердах, который был одним из широко образованных людей своего времени, украшал свои произведения, художественными вышеуказанными приемами исходя из интересов (учитывая чаяния) народа.

В эпосах, дворцы ханов и падишахов, их троны и места обитания описываются различными эпитетами. Например, в эпосе «Алпамыс» страна Тайшахана описывается так:

Высокая улица, низкая улица,
Грязная улица, узкая улица,
Когда Байсары прогуливался,
Среди многочисленных жителей,
Шестьдесят два служащих,
семьдесят мастеров,
среди девяноста биев,
на золотом троне,
с секирой за поясом,
падишах Тайшахан,
сидел, волнуясь.[1, с.12].

В произведении «Айдос баба» Царский дворец описан так:

Хан сидит в прохладном доме,
Во дворце украшенном золотом,
Откуда деньги, если не буду я,
Знайте, – сказал Айдос баба. [2, с. 116].

эпитет «салкын» (прохладный), использованный здесь, употребляется также в народных песнях.

Склоны горы Каратау,
Пасется верблюдов богача,
Постель постелили
В прохладном доме,
А куда ушел хозяин? [3, с. 48].

Прием литота употребляется для образного описания предмета или человека. Он описывает образ в чрезмерно уменьшенном виде.[4, с.59].

Например, в эпизоде из эпоса «Алпамыс» когда Алпамыс направляется в страну Тайшахана, его видит Каражан, ждущий на перекрестке дорог. Этот момент описывается так:

Ноги маленькие,
Длина хвоста в один кушак,
Верхом едет один мальчик,
Качаясь как неудачливый купец,
Кони приземистые,
Шеи узкие,
Каражану этот мальчик
Видится как птенчик.[5, с. 48-49].

Бердах использовал литоту в произведении «Айдос баба», когда отношения между ханом и Айдос бий начали охлаждаться

Между ними пробежала кошка,
Одна приятная хану игла,
Хотел перехитрить Айдос бия,
Что застал врасплох его.

Здесь поэт употребляет литоту «одна приятная хану игла» чтобы передать, что, в конечном счете, все подарки хана окажутся не дороже одной иголки.

Почти во всех каракалпакских героических эпосах, богатырь оказывается в трудном положении, но он преодолевает его терпеливостью и мужеством, и, в конце концов, достигает своей цели. В отличие от них, произведения Бердаха, такие как «Амангелди», «Ерназар бий», «Айдос баба» завершаются трагическим концом.

В заключение отметим, что мы старались дать оценку фольклорным описаниям, стилистическим приемам, которые были успешно использованы Бердахом в произведении «Айдос баба» и в других его произведениях. Здесь нужно сказать еще об одном, хотя поэт пользовался фольклорными традициями, он пользовался ими и развивал их в своем оригинальном стиле. Поэтому произведения поэта актуальны и в наше время, находят живой отклик у читателей, нравятся новым поколениям людей, и являются объектом исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпамыс. Нукус, «Каракалпакстан», 1990, стр.12
2. Бердах. Сборник произведений, Нукус, «Каракалпакстан» 1997, стр. 116.
3. Максетов К. Фольклор и Литература. Нукус, «Каракалпакстан», 1975, стр.48.
4. Ахметов С. Бахадырова С. Краткий словарь фольклорных терминов. Нукус, «Билим», 1992, стр. 59.
5. Алпамыс. Нукус, «Каракалпакстан», 1990, стр. 48-49.

АЛИМ ТЕППЕЕВ – ПИСАТЕЛЬ-ФИЛОСОФ НОВОЙ ГЕНЕРАЦИИ

Казиева Альмира Магомедовна
доктор филологических наук, профессор,
Пятигорский государственный университет, Пятигорск
E-mail: kazieva@pglu.ru

Бродзели Альбина Олеговна
кандидат филологических наук, доцент,
Пятигорский государственный университет, Пятигорск
E-mail: k_mika@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы современного состояния культуры и литературных процессов в северокавказских регионах и, в частности, в балкарской прозе. Авторы отмечают, что творчество любого писателя, прежде всего, национально. Выявление и определение в литературе этнопоэтического аспекта художественного сознания дает представление о культуре народа, особенностях его мышления и мировоззрения. Цель работы – раскрыть значение творчества выдающегося балкарского писателя Алима Теппеева – выразителя культуры своего народа, его мировидения и самоосознания.

Новизна исследования заключается в том, что проблемы национальных литератур в целом, и творчество Алима Теппеева, в частности, рассмотрены недостаточно.

Ключевые слова: культура, северокавказская литература, балкарский роман, художественная картина мира, национальное мышление.

Творчество любого писателя, прежде всего, национально, так как он сам является носителем культуры своего народа, его мировоззрения и самосознания. И всегда актуально не только исследование своеобразия национального мышления и отражения мира в художественной литературе, но и определение типологической общности взглядов различных писателей на мир и человека. Концептуальность писателя формируется системой его взглядов на объективный мир и место человека в нем, на отношение человека к окружающей действительности и самому себе.

Балкарская проза, как и любая другая, с самого начала своего существования отражала процессы изменения действительности и развития человеческих характеров. Процесс развития балкарского романа в целом характеризуется становлением концепции, основанной на образном раскрытии сложного, порой драматического взаимодействия человека с историей, с ее социальными и духовными проблемами. Невозможно понять суть романов конца 60-90-х годов XX века, если не осознать охватывающий ее пафос исторического созидания, накал которого «отодвигает» на задний план все по отношению к нему второстепенное. В этом идейно-художественное своеобразие и неповторимость эпики романов той эпохи.

Выявление и определение в литературе этнопоэтического аспекта художественного сознания дает представление о культуре народа, особенностях его мышления и мировоззрения. Исследование творчества А. Теппеева в этом аспекте позволяет проследить и развитие самого художественного сознания писателя, протекавшего в весьма специфических исторических и социальных условиях.

Алим Магомедович Теппеев занимает особое место среди балкарских писателей второй половины XX – начала XXI вв.

С середины 1960-х гг. в творчестве А. Теппеева на первое место выходит проза, представляющая собой синтез духовных традиций балкарского народа и русской классической литературы. А. Теппеев вносит значительный вклад в дальнейшее развитие балкарской литературы. В числе наиболее значительных его произведений – романы и повести: «Ташыуул» (Тяжелые жернова, 1976), «Твой свет» (1977), «Гуппур Геюуюзню кёпюрю» (Мост горбатого Геуза, 1978), «Яблоки до весны» (1983), «Азатлыкъ» (Воля, 1981), «Адамны ичер суу» (Горькое земное питье, 1984), «Сыйрат кепюр» (Мост Сират, 1993) и др.

Роман «Тяжелые жернова» стал заметным явлением в отечественной литературе. В. Дементьев писал: «Вот еще загорелся один очаг на литературной карте современной многонациональной прозы – аул Жамауат! Алим Теппеев не в первой своей книге остается верен этому балкарскому аулу, его судьбе; его современное существование выписывается автором кропотливо и дотошно, можно ли здесь сказать о какой-то камерности взгляда или же замкнутости событий? Алим Теппеев «извлекает» из жизни вымышленного им селения большой эпический материал, позволяющий ему слагать своеобразную «сагу о Жамауате» [Эльберт М., 2003, с. 338].

За роман «Мост Сират» (1993) А. Теппеев удостоен Государственной премии КБР в области литературы. «Мы часто бываем неумеренно щедры на громкие слова, легко манипулируем почти священными понятиями высокого штиля, вроде «эпохальное произведение», «эпическое полотно», «классический роман». Глубоко и твердо убежден, что все те качества, которые должны отличать «эпическое, эпохальное, классическое», в полной мере относятся к «Мосту Сират», – писал о романе М. Эльберд [Эльберт М., 2003, с. 339].

Романы А. Теппеева отличают философичность, историзм. В них запечатлена вся история жизни балкарского народа XIX-XX веков.

А. Теппеев – писатель-философ новой генерации. Основа его художественного мышления – синтез литературной образности, элементов тенгрианского и мусульманского мировосприятия, а также мифологических мотивов и символики. Аллегорическая образность и символика занимают в романе достаточно места, структурируя философичность теппеевского романа, его пафос и интеллектуальное богатство. Символы – это не только вехи глубоких авторских обобщений, но и важнейший компонент раскрытия образов и художественных конфликтов.

Важнейшая составляющая мышления А. Теппеева – художественное мифотворчество. Прозаик часто обращается к Корану, Библии, Ветхому Завету, находя в них ответы на злободневные вопросы современности. Мифологические реминисценции А. Теппеева, соотнесенные с основными конфликтами и образами, выступают универсальным приемом создания обобщенных картин человеческой жизни. Образная символика А. Теппеева, генетически связанная с народной культурой, и мифотворчество как универсалии сознания и способ литературного обобщения, вскрывая глубинные жизненные процессы, перерабатывая и по-своему интерпретируя их, ориентируют роман А. Теппеева на совершенные оценки, выражают отношение автора к субстанциальным вопросам бытия, способствуют постижению непознанного в эмпирической действительности.

Изучение в различных аспектах романа «Мост Сират» А. Теппеева проходит в едином пространстве балкарской романистики с учетом научных достижений северокавказских ученых, философских и литературоведческих суждений и обобщений по теории жанра как модели, живущей в художественном сознании писателя, и устойчивой формы поэтического мышления. В жанрах, как известно, «<...> концентрируется художественная практика в ее историческом движении, их изучение способствует исследованию литературных произведений в единстве их содержания и формы, осмыслению не только того, что

изображено, но и *как* изображено» [Полякова, Л., 1985, с. 215]. Подобный взгляд позволяет рассмотреть творчество прозаика многоаспектно и избежать прямолинейных некорректных оценок.

Каждый из романов А. Теппеева значителен по-своему и выделяется из балкарской прозы XX столетия жанрово-видовой неповторимостью, содержательной и структурной оригинальностью, стилевым своеобразием. Но при видимых различиях они имеют типологически сходные качества, «сквозные линии», образуя единую художественно-философскую систему.

Новизна отражения вечных тем искусства в романном творчестве писателя проявилась в выборе А. Теппеевым фабулы и сюжетов о жизни народа и его истории, герое-идеологе и герое-антагонисте, в постановке и решении тревожных проблем эпохи, в бескомпромиссных попытках оценить их объективно, с надклассовых и общечеловеческих позиций.

Роман А. Теппеева «Мост Сират» поликонфликтен: наряду с главным столкновением власть-народ – важнейшим звеном всех антиномических структурно-семантических оппозиций – в книге есть множество других, менее значимых, реализуемых на разных уровнях текста и наслаиваемых на него: этический, религиозный, семейный, идеологический и др. Подобная многоплановость свойственна и другим романам А. Теппеева, в которых социальные противоречия, взаимообуславливаясь, сочетаются с парадоксальными поступками героев и их сложным внутренним миром. Архемотив теппеевской бинарной оппозиции, берущий начало в дуалистических мифах, где каждый из мифологических персонажей отнесен либо к положительному ряду как носитель добра, либо к отрицательному как воплощение зла, помог создать в произведении научные, мифологические и художественно-эстетические картины и представления, способствовал изображению бытия в неизбывной соотнесенности противоположных начал, в извечном поединке полярных сил.

В центре художественного мира романа А. Теппеева стоит человек – творец культуры и исторического прогресса, генетически связанный с другими формами жизни и возвышающийся над природным царством. И речь здесь следует вести не только о своеобразии поэтического видения художника-философа, но и о становлении иных ценностных отношений в обществе, новой эстетики, об утверждении таких ее качеств как трагическое мышление и философичность письма; о наличии в произведениях ярких характеров, наделенных могучей волей и сильной страстью, способных противостоять судьбе и обстоятельствам и готовых нести ответственность за разлад в мире; о художественном решении сложных конфликтов эпохи, вечных и неустранимых, таких как несовершенные законы мироустройства, при которых высшие человеческие блага – добро, достоинство, честь, справедливость – часто извращались и терпели трагическое поражение. По этой причине общественные условия нивелировали индивидуальность многих героев А. Теппеева, лишали их личностного «я», превращали в «винтики» государственной машины.

Обращение А. Теппеева к проблеме насилия над человеком, вне сомнения, происходило под влиянием традиций, сложившихся в философии и литературе прошлого века. «<…> Есть заметное насилие, – писал Н. Бердяев, – имеющее материальное выражение, и есть насилие незаметное. Более всего вызывает возмущение насилие заметное, физическое – людей убивают, пытаются, сажают в тюрьмы, лишают свободы движения, бьют. Но еще большую роль играет насилие незаметное, психическое» [Бердяев, Н., 1916, 2 апреля]. Физическое и нравственное насилие над личностью изображено в произведениях начального и последующих творческих периодов А. Теппеева, показавшего, как рушились вековые устои нравственности и сложившиеся народные обычаи, как выкорчевывалась вера в Бога, предопределяя неизбежную гибель гармоничного мира.

А. Теппеев воссоздавал неразрешимый идейно-нравственный конфликт,

развертывающийся на фоне поступков героев и сопровождающийся страданиями персонажей, на социально-классовом и онтологическом уровнях. Далекое не случайно ведущим экзистенциальным мотивом его прозы стала тема смерти. Осмысливая судьбы человека и человечества на очередном кризисном историческом рубеже, автор показал множество причин надвигающейся катастрофы. Самоубийственное начало, заложенное в природе человека, выступило в романах А. Теппеева как источник разложения человека и его души, общества и природы, Земли и Космоса; как движущая сила катастрофичности бытия.

В романе А. Теппеева достаточно полно проявились такие качества художественного мышления писателя как полифонизм, философско-концептуальное видение человека и мира, интеллектуальная содержательность произведений, наличие в них богатого историко-культурного материала, различных форм условности – аллегорий, художественных символов и знаков; острое противоборство героев-антиподов, отстаивающих на фоне социальных парадоксов свои жизненные позиции, нравственные и духовные ориентиры. «Мост Сират» – многосюжетный роман, в котором наряду с «второстепенными» сюжетными линиями есть главная, самая важная для автора – бытие человека и судьба народа. Ей подчинены тема книги и противоборство разных мировоззрений, совокупность связанных между собой характеров и событий, проблем и идей; единство мифологического, религиозно-исторического и философского материала; частая смена изобразительных приемов и принципов – от реалистических до условно-символических [Казиева А.М. (3), 2012, сс. 7-12].

В настоящее время в литературоведении актуализируется проблема изучения национальной художественной картины мира через целостный анализ литературных явлений, когда национальная концепция мира и человека включает в себе неотделимость человека от истории и социальной картины в целом [Казиева А.М., 2012, сс. 69-73]. В данной статье предпринята попытка исследования составляющих художественной концепции мира и человека в творчестве Алима Теппеева. Ко времени создания произведений А. Теппеева в балкарской литературе формируется выраженная национальная художественная концепция. В основе художественного мировидения балкарского писателя мы находим особые представления о нерасчлененности субъекта и объекта, человека, истории, среды и природы, материи и духа, обусловленные, в том числе, конфессиональными воззрениями и представлениями – при всей своей индивидуальности человек является неотъемлемой частью этого мира. Национальная концепция мира и человека, прежде всего, проявляется в эстетической системе, характеризуя особенности мышления писателя, формируя структуру произведения, систему противопоставлений и противоборств, заложенных в композиции, в движении сюжета, в развитии характеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Сила и насилие // Биржевые ведомости. – 1916 г. – 2 апреля.
2. Казиева А.М. К вопросу о диалектической взаимозависимости и взаимовлиянии между ментальностью и языком // Гуманитарные исследования. 2012. № 2. С. 69-73.
3. Казиева А.М. Национальная культура и ее место в цивилизационном пространстве страны // Гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 7-12.
4. Полякова, Л. Пути развития жанра в работах последних лет // Русская литература. – 1985. – № 1.
5. Эльберт М. Алим Теппеев // Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в.: Библиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 441 с.

КОНЦЕПТ «РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК» В БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кучукова Зухра Ахметовна

доктор филологических наук, профессор

кафедра русской и зарубежной литератур

Кабардино-Балкарский государственный университет

им. Х.М.Бербекова, Нальчик

E-mail: kuchuk60@list.ru

Автор статьи рассматривает диахронию русско-кавказских взаимоотношений, а также вариативные формы концепта «русский человек» на материале сказаний нартского эпоса и балкарской классической литературы.

Ключевые слова: этнокультура, литература, нартский эпос, кросскультурный герой, просветитель, русский горец, русское аталычество, амбивалентный персонаж.

«История любого народа по сути своей интернациональна» [Сулейменов, 2005, с. 167], – отмечает Олжас Сулейменов, скрупулезно рассмотревший историю славяно-тюркских культурных взаимоотношений в своей легендарной монографии «Аз и Я». Опираясь исключительно на «би-лингвистический» текст «Слова о полку Игореве», ученый доказал, что «с дохристианских времен славяне мирно общались с тюрками: вместе пасли скот и пахали землю, ткали ковры, шили одежду, торговали друг с другом, воевали против общих врагов, писали одними буквами, пели и играли на одних инструментах» [Там же. С.166]. Для доказательства автор приводит десятки тюркских «мирных» лексем, навсегда ставших органической частью русского языка.

Продолжая исследовательские традиции Олжаса Сулейменова, в данной статье мы предприняли попытку рассмотреть особенности межкультурной коммуникации тюркоязычных балкарцев и русских, обратившись к фольклорным и литературным текстам, как к самым достоверным источникам информации.

Первый русский зять: кросскультурный герой

Диахронический анализ показывает, что первое упоминание о русском человеке встречается в «Нартах» – героическом эпосе балкарцев и карачаевцев в публикации просветителя XIX века Сафар-Али Урусбиева (1881). Архаичный текст гласит: «Некогда Бёдене, русский переселенец, пришел к нартам; те радушно приняли его и выдали за него невесту без калыма. Бёдене поселился в ауле Кинте и занимался исключительно рыболовством» [Нарты, 1994, с. 513]. Здесь, в сущности, описывается первый русско-балкарский межэтнический брак, соединивший представителей двух стихий бытия: речного, равнинного и горского, высотного. Первоначальная бездетность пары по закону мифологического параллелизма призвана подчеркнуть проблематичность, сложность, малопродуктивность еще незрелого межкультурного диалога. Однако по сюжету русский рыбак все же чудесным образом обретает счастье отцовства: в один из дней он вылавливает в реке Идиль (Волга) железный сундучок, внутри которого находился «хорошенький мальчик». Архетипический мотив появления младенца из сундучка напрямую отсылает нас к древнейшему ритуалу инициации. Сундучок (изготовленный нартом-первокузнецом Дебетом [Там же. С. 514]), символизирует материнское лоно, где мальчику, биологически рожденному в горах, в результате длительного путешествия по Волге-реке, предстоит пережить онтологическое перерождение.

Высшим философским смыслом данного «аква-квеста» становится привитие эпическому герою интегративных личностных качеств альпийского и равнинного человека, горца и «речника». Иными словами, в образе новорожденного «русского горца» воплощен художественный принцип, названный культурологом В. Рудневым «медиацией», то есть посредничеством между крайними именами оппозиции. «В модальных оппозициях, – пишет исследователь, – вводится третий средний элемент, который нейтрализует два противоположных» [Руднев, 1999, с. 235]. В приведенном отрывке нартского эпоса ребенок, рожденный от горянки и русского рыбака, олицетворяет «новый строй души», «промежуточное существо, способное соединить два мира» [Эстес, 2002, с. 285]. Рачикау – кросскультурный герой, который своим появлением на свет сменяет дуалистическую модель бытия «свой - чужой» на мировоззренчески более прогрессивную триадную структуру «свой-пограничный-чужой».

Имя собственное в мифологическом тексте всегда больше, чем имя; оно служит онтологическим кодом, определяющим ориентир, должный вариант индивидуального и этноколлективного бытия. В этом смысле юный герой, которого нарекли *Рачикау* (балк. *Ёречикау* – восходящий), на протяжении всего эпического повествования будет «отрабатывать» свое имя, поднимаясь все выше и выше по ступеням физической и духовной самореализации. Рачикау, человек с расширенным сознанием, с рождения имеющий «двойное гражданство», одинаково комфортно чувствует себя как в степи, так и в горах. С точки зрения межкультурной коммуникации примечателен «клятвенный» диалог между «батыром гор» Сосуко и «батыром степей» Рачикау.

Сосуко: «Да не умрет в горах Рачикау!»

Рачикау: «Да не умрет на плоскости Сосуко!» [Нарты, 1994, с. 515].

Приведенный микродиалог является мифологически преломленной формой взаимного приятия культур и манифестации тех ценностей, общность которых бесспорна.

Чувство недоумения у читателя может вызвать столь неславянское по своему фонетическому звучанию имя исторически первого «русского зятя» балкарцев – *Бёдене* (с ударением на последнем слоге). Наличие карачаево-балкарского (тюркского) антропонима у русского объясняется тем, что субъектом номинации обычно выступает этническое большинство, принимающая сторона, которая по-своему нарекает пришельца, кунака, гостя. «Бёдене» в переводе с тюркского означает «перепел, перепелка». Думается, наречение русского юноши данным зооморфным образом мотивировано несколькими логико-ассоциативными причинами, среди которых на первый план выступает чисто внешнее цветовое сходство «рыжеватого-коричневого окраса птицы» и облика этнотипичного «русича». Во-вторых, *перепелка* может выступать как эколого-географический код степного ареала, русской надречной равнины, Приволжья.

Таким образом, цикл нартских сказаний, связанных с именем Бёдене, знаменует некий первоначальный этап в истории русско-балкарских социокультурных отношений. Образно-метафорический язык нартского эпоса фиксирует опыт контактов между российскими славянами и кавказскими горцами, каждый из которых сделал шаг навстречу «другому». Рожденный от первого интернационального брака ребенок (Рачикау), сын двух народов, эпический герой с супернормативными духовно-физическими данными являет собой по сути образ нового, поликонцептуального человека, преодолевшего узость этноцентрического сознания.

Просвещение по-русски

Вектор диалога, заданный нартским эпосом и институтом аманатства, с особой интенсивностью осуществляется в годы Советской власти, которая официально берет курс на культурное освоение южных окраин России, в том числе Балкарии. Многочисленные

коллективы русских учителей, инженеров, врачей направляются в горные аулы с одной целью – привить жителям «первозданного Кавказа» цивилизованные ценности и нормы просвещенного европейца.

Почти монополюльно действовавший на территории Северного Кавказа ближневосточный культурный канал сего серверным арабским языком сменяется приоритетом культуротворческой миссии русского языка. Данный момент лингво-цивилизационной «бифуркации» получил весьма интересное воплощение в творчестве классика балкарской поэзии Кязима Мечиева (1859-1945). Поэт - полиглот, дважды совершивший паломничество в Мекку, знающий арабский, персидский и целый «веер» тюркских языков, в стихотворении «Искреннее слово» (1906) с сожалением отмечает, что «присматриваясь к Востоку», он «не узнал Севера (России – З.К.)» [Мечиев, 1989, с. 302]. Кстати, ровно через полстолетия, поэтически осмысливая феномен билингвизма на Кавказе, Танзиля Зумакулова напишет: «Забыв родной язык – я онемею, // Утратив русский – стану я глухой!» [Зумакулова, 1983, с. 42]. В той же мере примечательны и лингвокреативные экзерсисы поэта Умара Алиева (1911-1972), оригинально чередующего балкарские и русские двустишия в единой по смысловому содержанию строфе.

Новейший балкарский фольклор сохранил любопытные сведения о встрече юных северокавказских горцев с далекими потомками Бёдене – русскими на заре советской эпохи (в 30 годы). Рассказывает Г. Ш., ныне известный деятель культуры и науки КБР: «Когда началось строительство Баксанской ГЭС, приехало много русских. Один из них, инженер, поселился в нашем доме. Мне, шестилетнему мальчику, было любопытно за ним наблюдать. Особенно меня заинтересовал продолговатый тонкий предмет, который он хранил за правым ухом. «Что это?» – спросил я. «О!» – протяжно отвечал русский мужчина. «Это очень, очень дорогая вещь... Этот предмет стоит больше, чем вся отара твоего отца. Это *карандаш*, это мои знания. Я запомнил это волшебное слово «карандаш» и сильно захотел стать таким же умным, как этот русский» [8].

Приведенный факт иллюстрирует, что диалог и синтез культур – это не только общение людей, диффузия идей/представлений, но и действие артефактов (электрическая лампочка, книга, карандаш, шприц, белый халат и т. д.), выступающие в роли «предметных писем». В условиях, где еще не выработан единый язык межнационального общения, красноречивее вербального языка «вещают вещи», опосредованно характеризующие как их обладателей, так и конструируемый совместно «дивный новый мир».

Картина особенностей межкультурной коммуникации горцев Северного Кавказа и России активно зафиксирована в кавказской поэзии 20 века. Характерен в этом плане стихотворный цикл Кайсына Кулиева «Мои соседи» (1939). Из «девяти соседей» лирического героя двое русских – фельдшер Петр Иванович и учитель Борис Игнатьевич, которые запечатлены как типичные представители русской интеллигенции, служители благородной цели и культурной миссии – лечить, просвещать, строить новую цивилизацию в «стране Прометей» – на Кавказе. По Кулиеву, отличительными чертами «русских людей» являются мастеровитость, профессионализм высшей пробы, самоотдача, большая внутренняя культура и толерантность. Альтруист по духу и фельдшер по профессии, Петр Иванович, которого чегемские горцы называют «Алтын Адам» (Золотой Человек), поименно знает всех жителей аула от мала до велика, всегда приходит на помощь, невзирая на погоду и время суток.

Кулиев, будучи реалистом, подмечает и случай «дисконтакта» из-за расхождения ментальных полей: к русскому доктору поначалу негативно относится местный священнослужитель (мулла), запрещающий своим прихожанам обращаться к гяуру (иноверцу). Однако этот конфессионально-психологический конфликт завершается

на комической ноте – мулла упал с коня, поранил голову и стал кричать: «Иваныча! Иваныча! Приведите ко мне Иваныча!» [Кулиев, 1958, с. 90]. Так пал последний «бастион» сопротивления русской цивилизации в Чегеме (на Кавказе). Образ русского фельдшера, изображенный в «Моих соседях», настолько типичен, что каждый старожил Балкарии может припомнить у себя в ауле типологического двойника кулиевского доктора Петра Ивановича.

Особое место в поэтической концептосфере К. Кулиева (как и во всей кавказской литературе советской поры) занимает образ «русского учителя» – транслятора русской и мировой культуры на Северный Кавказ.

Кулиевский «Борис Игнатьевич» – историческая личность, преподававшая в 30-е годы в сел. Верхний Чегем (откуда родом Кулиев). На «Страницах автобиографии» Кулиев пишет: «Русскому языку нас обучал старый учитель Борис Игнатьевич, пожилой милый человек в чеховском пенсне. Слова благодарности ему читатель найдет в той же «Горской поэме» и в более раннем моем стихотворении «Учитель Борис Игнатьевич». Но тогда я не понимал, каким благом станут для меня его уроки, не знал, что русский язык откроет мне свои несметные сокровища, и я приобщусь к великой русской литературе – от Пушкина до Твардовского, от Толстого до Паустовского» [Кулиев, 1986, с. 6].

Русское «аталычество»

Сюжетной основой целого ряда произведений в балкарской литературе является история знакомства юного горца с революционно настроенным «русским товарищем», который, по законам «жанра», перевозит его из кавказской этнокультурной среды в «цивилизованное пространство» большого русского города (Москва, Петербург, Ростов, Ставрополь, Пятигорск) и методично формирует из «человеческого пластилина» новую личность (красного комиссара, партийного работника, председателя колхоза и т. д.). Приведенная экзистенциальная формула с поразительной точностью совпадает с архетипической моделью становления «кросскультурного горца», представленного еще в «Нартском эпосе».

Процесс личностного перерождения горца под влиянием русской культуры в произведениях балкарских авторов (О. Этезов, Ж. Залиханов, М. Шаваева, А. Теппеев и др.) часто сопровождается сменой балкарского имени на русский лад (Мазан – Михаил, Саид – Сергей, Зухра – Зоя и т. д.), фиксируя таким образом глубину влияния русской культуры. Но при этом кавказская художественная литература рисует русских просветителей как стремящихся соблюдать баланс между этнической идентичностью воспитанника и обретаемой им русской культурой. Так, в романе Ж. Залиханова «Горные орлы» наставник Федор Иванович сначала научил юного Мазана писать свое исконное имя, и лишь потом начинает называть его «Михаилом» [Залиханов, 1966, с. 71]. Подобная поэтика «second-self» в текстах присутствует на самых разных нарративных уровнях: «герой смотрит на колокольню городской церкви и вспоминает родные вершины» [Там же. С. 76], ему «нравится не только айран, но и русский суп из капусты» [Там же. С. 84].

Художественно решая проблему русско-балкарской интеграции, авторы «в старый сосуд наливают новое вино», фактически следуя модели аталычества (традиции отдавать кавказского мальчика до «совершеннолетия ума» на воспитание в славянскую семью). С высокой долей частотности встречается и мотив побратимства, основанный на духовном родстве двух юношей - русской и балкарской национальности. В романе «Горные орлы» русский «аталык» Федор Иванович с одинаковой отеческой заботой воспитывает своих «сыновей» Мазана и Андрея. Символическая деталь: «Братья обнялись, прижавшись друг к другу так тесно, что обоим казалось, будто у них одно сердце» [Там же. С. 334].

Еще более трогательную историю побратимства рассказывает Керим Отаров в поэме «Дороги». Главный герой поэмы Олесь Гончаренко после 9 мая 1945 года отправляется в

Среднюю Азию, куда был депортирован балкарский народ, с целью разыскать там мать своего погибшего на войне друга Солтанхамида Батырова и заменить ей погибшего сына [Отаров, 1995, с. 280]. Уже по приведенному кругу текстов (а он может быть продолжен), видно, что Кавказ и Россия «проросли» друг в друга, образовав целостную семью с едиными духовно-культурными ценностями.

Конфликт мировоззрений

В 90-е годы балкарские писатели отходят от однозначной идеализации образа «русского человека» (что диктовалось идеологией), возвращаясь к естественным методам художественного отображения отношений этносов – к соотношению архетипов культуры, к оперированию стереотипами [Тхагапсоев, 2001]. В итоге в балкарской литературе появляется русский человек амбивалентной природы. Впрочем, корни такого подхода тянутся к сложившемуся со времен царской России двойственному отношению россиян к Кавказу: реакционно-консервативному, «ермоловскому», и прогрессивно-гуманистическому, берущему начало в творчестве Пушкина и Лермонтова. Так, суть конфликта в романе З. Толгурова «Голубой типчак» определяется столкновением диаметрально противоположных воззрений на Кавказ (и кавказцев) двух русских офицеров-антиподов. Первый из них, Георгий Марков, приверженец «ермоловского» лагеря, считает кавказцев «разбойниками» [Толгуров, 1993, с. 74], и участвует в карательных операциях, хладнокровно уничтожая даже тех, с кем еще вчера ел хлеб-соль.

Совсем другими красками нарисован в романе образ майора Сергея Кравцова, в котором воплощены лучшие черты русской ментальности. Продолжая пушкинско-лермонтовско-толстовские традиции, он остается философом на войне, способным переключить свой этнокультурный код, встать над конкретикой ситуации и сочувствовать горцам. После карательной операции, в которую Кравцов невольно оказался втянут, он навсегда «прощается с оружием». Символичен финал романа: по законам русско-балкарского «аталычества» Кравцов усыновляет осиротевшего малыша-горца и отправляется с ним в Россию, могилу же своего отца он навсегда оставляет среди кавказских гор. Подобный перекрестный обмен культурными символами высшего плана подчеркивает прочность уз, переплетенность русско-балкарских судеб.

Итог исследования: концепт «русский человек» является эстетически подвижной категорией, обусловленной историческими условиями и приоритетами народной аксиологии. Обзор сегодняшних постперестроечных художественных текстов показывает состояние стагнации самой темы интернационализма, еще не пришедшей в себя после «парада этнических суверенитетов». Достаточно вспомнить постмодернистский роман Дины Дамиан «В вашем мире я – прохожий» [Дамиан, 2006], где один из героев разводит мир Кавказа по полюсам «русская империя» и «туземцы».

Культурная история, развивающаяся по синусоиде, сегодня императивно разворачивает каждого мыслящего человека от собственной маленькой «плошки» к вселенскому «котлу» интернационального бытия. Художественно-научное исследование космо-психо-логоса своих ближайших соседей по планете представляется крайне актуальным для формирования культуры общества, предупреждения и смягчения межкультурных и межцивилизационных коллизий в эпоху глобализации. А в условиях России взаимные отношения этносов имеет еще одну грань - взаимное проникновение этносов и их культур является непременным условием формирования национальной идентичности постсоветской России. И здесь не последняя роль принадлежит художественной литературе и гуманитарной науке в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулейменов О. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. – М.: Грифон М, 2005 – 272 с.
2. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев /Вступительная статья и комментарии Т.М. Хаджиевой. – М.: Восточная литература, 1994. – 655с.
3. Руднев В. Словарь культуры XX века. М.: Агра, 1999. – 384с.
4. Эстес К.П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. – М.: Изд-во «София», 2002. – 495с.
5. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев /Вступительная статья и комментарии Т.М. Хаджиевой. – М.: Восточная литература, 1994. – 655с.
6. Мечиев К. Собрание сочинений: в 2-х т. Т.1. Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 319с.
7. Зумакулова Т. Избранное. – М.: Художественная литература, 1983. – 367с.
8. Кулиев К. Собрание сочинений: в 2-х т. Т.1. – Нальчик: Эльбрус, 1958. – 357с.
9. Кулиев К. Поэт всегда с людьми. – М.: Советский писатель, 1986. – 335с.
10. Залиханов Ж. Горные орлы. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. - 335с.
11. Отаров К. Молю судьбу о мире на земле. Стихи и поэмы. Нальчик: «Эль-Фа», 1995. – 427с.
12. Тхагапсоев Х.Г. Диалог культур: проблемы соотнесения архетипов//Научная мысль Кавказа, 2001, №1, с.62-68.
13. Толгуров З. Голубой типчак. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 325с.
14. Дамиан Д. В вашем мире я - прохожий. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 240с.

CONCEPT «RUSSIAN PERSON» IN BALKARIAN ART LITERATURE

Z.A. Kuchukova

*Doctor of philology, professor
Chair of Russian and foreign literature
Kabardino - Balkarian State University
named after Kh.M. Berbekov, Nalchik
E-mail: kuchuk60@list.ru*

The author of the article investigates the diachrony of Russian and Caucasian relationships and variable forms of the concept «Russian person» on the basis of Nart epos legends and Balkarian classic literature.

Key words: ethnoculture, literature, Nart epos, cross-cultural hero, enlightener, Russian highlander, Russian fatherhood, ambivalent personage.

ЧУВАШСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ*

Фомин Эдуард Валентинович

кандидат филологических наук, доцент

кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

E-mail: yeresen@yandex.ru

Работа посвящена изучению чувашских вкраплений в русской художественной литературе. Автором выделяются разновидности вкраплений фонетического (имитация акцента), лексического (использование экзотизмов, немотивированное включение чувашских эквивалентов русских слов) и синтаксического (введение в текст словосочетаний и предложений) уровней. С точки зрения автора, чувашские вкрапления в русском тексте выполняют аккумулятивную, выразительную, когнитивную, воспитательную, аксиологическую функции.

Ключевые слова: чувашский язык, русский язык, языковые контакты, художественная литература, вкрапления.

Контакты на уровне письменных текстов – новая форма взаимодействия языков. Первая фиксация чувашских слов в иноязычном (немецком) контексте датируется 1730 г., когда была издана книга Ф.-И. Страленберга «Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia...» [Strahlenberg, 1730]. С этого времени чувашский материал начинает включаться в труды европейских авторов, в особенности русских [Исследователи, 2002; Русские 2009].

Следует заметить, что чувашши упоминаются у многих именитых писателей, но в целом в русской литературе являются редкими персонажами, см.: По моему приказанию гребцы зацепили плот багром, и лодка моя толкнулась о пływучую виселицу. Я выпрыгнул и очутился между ужасными столбами. Полная луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш, другой – заводской русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет двадцати. Но взглянув на третьего, я сильно был поражен и не мог удержаться от жалобного восклицания: это был Ванька, бедный мой Ванька, по глупости своей приставший к Пугачеву (Пушкин А. С. Капитанская дочка (из пропущенной главы)); ...Мне на четвертый день чувашин показался, один пять лошадей гонит, говорит: садись верхом. Я поопасался и не поехал (Лесков Н. С. Очарованный странник); ...Опять какая-то манифестация, знамена, плакаты, музыка – и кто в лес, кто по дрова, в сотни плоток: «Вставай, подымайся, рабочий народ!» Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские (Бунин И. А. Окаянные дни); Командир батальона – капитан Ильгачкин, высокий худой юноша с черными глазами, с темным высоким лбом. По национальности он чуваш (Гроссман В. С. Сталинградское войско).

Чувашши у русских писателей говорят по-русски. Однако в некоторых случаях в русскую литературу непосредственно проникают и элементы чувашского языка.

В произведениях русских писателей можно выделить следующие разновидности чувашских вкраплений: 1) имитацию акцента; 2) использование лексических единиц; 3) включение предложений.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 11-14-21010 а/В.

1. Имитация чувашского акцента – способ придания речи выразительности с помощью минимальных иноязычных средств: Верховой мужик, выручая ленивого боярина, позвал бойко: «Э-эй, кто тут живой, православные...» Тогда близ кареты из-за канатов поднялось пропитое нерусское (чувашское) лицо с черными усами, по четверти в каждую сторону, зарычало по-ломаному: «Што кричишь, турак...» (Толстой А. Н. Петр I).

Имитация акцента не обязательно выражается в открытой форме, достаточно указания на нее в авторской речи: Когда он (Лукин) экзаменовался по русскому языку, преподаватель, еще молодой и не забывший, должно быть, университетских лекций по диалектологии, сказал, прислушавшись: «Среднее Поволжье, Симбирская или Саратовская губерния, сильное влияние чувашей». Так оно и было. Лукин родился и вырос в одной из чувашских деревень под Симбирском (Каверин В. А. Исполнение желаний); «Фебрис идиопатика», – повторил Лукин с чувашским выговором, который особенно был замечен, когда он говорил по-латыни (Каверин В. А. Исполнение желаний).

2. Вкрапления лексического уровня, как правило, представляют собой экзотизмы: шыбыр (< шӑпӑр) ‘чувашская волынка’, йомзя (< юмӑс) ‘чувашский ворожей’, кереметь (< киремет) ‘злой дух и место поклонения ему’ (Даль В. И. Сухая беда); тура / тора (< турӑ) ‘бог’ (в качестве элемента противопоставления чувашской религии православию), уяв ‘весенний праздник’, ирих / ирик (< йӑрӑх) ‘название злого духа’ (Гарин-Михайловский Н.Г. Зора).

Однако лексические вкрапления отнюдь не ограничиваются экзотизмами. В художественный текст часто допускаются и обычные слова: Все говорят по-русски, даже хирьярым (< хӑрӑрам) – прекрасный пол, не только затверживает русские слова, но и соединяет их по-своему (Немирович-Данченко В. И. Велика река); ...Пароход стоял у пристани, чуваша таскали дрова, с грохотом сбрасывая их в трюм кочегарки, а перед тем, как сбросить, сердито кричали странное слово: «Трушша!» (< тӑрӑшса ‘старательно’) (Горький М. На пароходе).

Разновидностью лексических вкраплений следует признать калькирование чувашских реалий. В целом данный способ введения материала русской литературе нехарактерен. Лишь в творческом наследии В. И. Даля имеется рассказ «Сухая беда», название которого является калькой чувашской суицидальной традиции самоасфиксии в строениях обидчика тип шар.

3. Синтаксические вкрапления – наиболее сложная форма включения чувашского материала. Обычно русскими писателями используются цитаты: И ямщик запел: «Кош, кош вурман, кош вурман». – «Да ты по-русски!» – перебил его Кумачев. – «Не знаю», – ответил тот и продолжал по-своему (Телешов Н. Д. На тройках), где чувашская фраза является зачином народной песни «Каш, каш вӑрман, каш вӑрман» (Шумный, шумный лес...); Анюта развернула влажную страничку. Косой луч фонаря упал на лиловые строчки: «Есес кильмес, сияс кильмес тул кулачи пулмазан» (< Ёсес килмест, сӑес килмест тул кулачи пулмасан), – прочла Анюта. «Я не понимаю», – удивленно сказала Анюта. Агриппина жестко ткнула подругу в плечо: «Пелагея не может, тебе читать нада». – «Чувашка эта писал. Подружка наш», – смущено улыбнулась высокая Пелагея. Анюта, запинаясь, прочла следующие строки: «Хура хурлаган писӑт те сире укет...» (< Хура хурлахан пиӑет те сӑре укет) (Чертова Н. В. Огнеупор), где первая фраза переводится как «Не хочется пить, не хочется есть, если не будет пшеничного калача», а вторая – «Черная смородина поспекает и падает на землю».

В целях создания местного колорита писателями в русский текст могут включаться этикетные фразы и номенклатура родственных отношений: Через несколько минут на холм вбежал Якку. «Салам, Микулай папай, – торопливо проговорил он. – Председатель

правления колхоза просит тебя на вечер в наш клуб» (Симуков А. Д. Возвращенная клятва), где чувашская фраза в виде прямой речи означает приветствие дяде Николаю.

Отдельную проблему межъязыковых связей составляют искажения русской речи: Наконец в пятом часу ее (Маслову) отпустили, и конвойные – нижегородец и чувашин – повели ее из суда задним ходом. Еще в сенях суда она передала им 20 копеек, прося купить два калача и папирос. Чувашин засмеялся, взял деньги и сказал: «Ладно, купаем», – и действительно честно купил и папирос, и калачей и отдал сдачу (Толстой Л. Н. Воскресение); «Куда пойдешь?.. Что делать будешь? – говорил ямщик-чуваш. – Наш народ очень бедный. Лошади нету, много хочет работать и нету работать» (Погодин Н. Ф. Унылый край); Когда батюшка вторично посетил этого христианина, он заметил, что образ Николы-угодника в переднем углу перевернут лицом к стене. «Это что же? К чему сие кощунство? Ты это сделал?» – «Нет, бачка! Сам он так делал» (Чириков Е. Н. Дочь Неба).

По сути в таких искажениях незримо присутствует и имитация акцента.

В лингвистическом плане чувашский материал у русских писателей орфографически подается более единообразно, нежели в переводах чувашских произведений или текстах, исходно написанных чувашскими писателями на русском языке (см.: Ерина, 2012). Последние транслитируют чувашские слова каждый на свой лад или пытаются в русском контексте употребить чувашские написания: Инге – *это тоже тетя, как и анна. Но так зовут тетей из других, чужих деревень* (Петрова И. Тядюк); «Ну что, Сухви-инге, какое у тебя дело ко мне, выкладывай, – сказал Граф. – Или все то же самое?» (Емельянов А. Мои счастливые дни); «Своих надо навестить», – *коротко бросила Агль тараторившей инке* (Агивер Ф. Агль); Ой, Плаги ингэ, крупы и масла у нас и на будущий год для каши останется. Вот йыву, пирога – *возьму* (Иванов-Паймен В. Мост); «Людей-то, которые в вас стреляли, вы видели?» – «*Ко мне трое подходил, – вмешался в разговор пожилой чуваш. – Хлеб сабрал, топор сабрал, чишка-маклашка тавал и опять вйрмана каять*», – истощив запас русских слов, по-своему закончил он (Краснов В. В огне).

Само обращение к чувашским вкраплениям у русских писателей носит осмысленный характер, что не всегда присуще вкраплениям в переводной литературе.

Использование вкраплений в художественной литературе выполняет ряд функций: аккумулятивную – сохраняет миноритарный чувашский языковой материал в мажоритарном русском контексте; выразительную – придает художественному тексту необычное звучание; когнитивную – развивает лингвистический кругозор читателей; воспитательную – формирует терпимое отношение к иным этносам; аксиологическую – акцентирует внимание самих чувашских этнофоров на титульной культуре. При этом аксиологическая функция воспринимается чувашами как доминирующая. Так, составитель сборника «Русские писатели о чувашах» Ф. Е. Уяр в предисловии ко второму изданию признается: «Одолол Льва Толстого несколько романов (на заметку взял его упоминания о чувашах)... Как “вновь открывающий”, поглощал я А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова, В. Г. Короленко... Встречи на страницах книг с описаниями чувашей сперва только радовали. Я не знал, для чего это делаю, но аккуратно все записывал. Или так запоминал. К лету 1936 года я заболел тоской по родине, по Чувашии (автор в то время учился на Дальнем Востоке. – Э. Ф.). До того хочется говорить по-чувашски, читать по-чувашски, прямо ужас» [Уяр, 2009, с. 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Чувашское слово в русском контексте: опыт словаря. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 229 с.
2. Исследователи Чувашского края: библиографический указатель / Э. Г. Николаева, Н. Д. Никитина; Чувашский университет. Чебоксары, 2002. 256 с.
3. Русские писатели о чувашах: 2-е издание, дополненное / сост. Ф. Е. Уяр. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2009. 589 с.
4. Уяр Ф. Е. Как создавалась эта книга // Русские писатели о чувашах. Чебоксары, 2009. С. 3–8.
5. Strahlenberg Ph. J. Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730. XXII, 438, XVI S.

CHUVASH INCLUSIONS IN THE TEXTS OF RUSSIAN WRITERS

*Fomin Eduard V.,
associate professor
Chuvash State Institute of Culture and Arts,
Russia, Cheboksary
E-mail: yeresen@yandex.ru*

The study is devoted to the research of Chuvash inclusions in the Russian belles-lettres. The author determined different types of inclusions on phonetical (imitation of the accent), lexical (use of exotisms, unmotivated inclusion of Chuvash equivalents of Russian words) and syntactical (introduction of word combinations and sentences into the text) levels. According to the author, Chuvash inclusions in the Russian text serve accumulating, expressing, cognitive, educational and axiological functions.

Key words: Chuvash language, Russian language, language contacts, belles-lettres, inclusions.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ «ДЕРЕВЕНСКОЙ» ПРОЗЫ ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Латышев Олег Юрьевич

кандидат филологических наук,

директор Мариинской галереи им. М.Д. Шаповаленко

E-mail: Papa888@list.ru

Наиболее ярким проявлением типологических схождений так называемой «деревенской» прозы тюркских и славянских писателей отмечены произведения 1960-х годов, которые создали признанные мастера отечественной прозы. Это Ч. Айтматов – «Прощай, Гульсары», А. Евтых – «Шуба из двенадцати овчин», М. Шолохов – вторая часть «Поднятой целины», В. Солоухин – «Владимирские просёлки» и «Капля росы», С. Крутилин – «Липяги», И. Мележ – «Дыхание грозы», О. Гончар – «Тронка», М. Стельмах – «Кровь людская не водица» и мн. др. Именно в эти годы стала складываться и тетралогия Ф. Абрамова «Братья и сёстры» («Пряслины»), красной нитью прошедшая через два десятилетия творчества писателя и наряду с произведениями других современных авторов послужившая толчком для создания подобных по масштабу и значимости произведений деревенской прозы в других национальных литературах.

По признанию ряда исследователей, тематически и функционально к деревенской прозе рассматриваемого периода наиболее тесно примыкает лирическая проза, определяемая в ряде работ как самоценная составная часть деревенской прозы. Так, по убеждению Н.Н. Авчинниковой, «начало 60-х годов стало временем наиболее полного расцвета лирической прозы с присущей ей исповедальностью, автобиографизмом, открытостью авторской позиции. Наряду с тонкими проникновениями в суть природы человеческой души, её психики, здесь обозначены проблемы социального, политического и философского характера». Переключка определяемых проблем налицо. Единство лирической и деревенской прозы одинаково полнокровно функционирует как на плане содержания, так и на плане выражения. Это, в свою очередь, определяет многогранность прозы 60-х в жанрово-стилевом отношении. В частности, принесение в деревенскую прозу (посредством лирической) усиленного публицистического начала позволило качественно расширить её содержательный план и обогатить само понятие «деревенской прозы». Механизм трансформации этого направления отечественной литературы в рассматриваемый период раскрывается в работе О.Ю. Алейникова: «Лиризм и публицистичность советской прозы 60-70-х годов... - ...не совпадающие тенденции творческого пересоздания действительности, в рассматриваемый период наиболее наглядно отражавшие переход прозы от преимущественного отображения частной человеческой судьбы к постижению и осмыслению индивидуальной жизни» [1] в общенародной. Лирическое восприятие действительности в литературе характеризует непосредственное переживание выражаемого содержания, в то время как публицистическое восприятие наполняемо мыслью и тем самым дополняет первый способ постижения действительности.

Выстраивание типологии тюркской и славянской деревенской прозы, всесторонне подкрепляемое анализом соответствующих литературных произведений, год от года всё более характерно для современного литературоведения. Вместе с тем шкала культурных ценностей, исходя из состава которой определяется и художественное содержание произведения, в последнее время всё более стремительно претерпевает серьёзные изменения. Отсюда и необходимость пересмотра отправных точек типологических схождений. Меняющийся приоритет ценностей неизбежно приводит к перестановке акцентов в методологии литера-

турного исследования. Одна из частных реализаций такого видения показана в работе М.К. Антошина: «Обращение писателей к теме деревни в начале 60-х годов вызвано углублением философских исканий советской литературы, всё более острой постановкой вопроса о духовных ценностях, связанных с понятиями - родная земля, трудовая память, совесть, традиции. Задача представлялась тем более важной, что ценности эти утрачивались в результате долговременного «социалистического эксперимента», в корне изменившего лицо деревни» [2].

Произведения, ранее не входившие в поле зрения прежнего литературоведения, вносят существенные изменения в представление об общей картине литературного процесса. В связи с этим вырисовывается ещё одна небезынтересная проблема: если, с одной стороны, литература 60-х получила характер обличительной, а с другой – ограничивалась в нём лишь рамками послереволюционной истории, то сам характер обличения мог оказаться неразвёрнутым. Если бы описание негативных явлений в жизни советского общества шло исключительно по линии коммунистической идеологии, мог бы получиться своеобразный замкнутый круг. Обличение могло бы вестись с тех позиций, на которых выработывался сам предмет обличения. Материал тюркской и славянской деревенской прозы свидетельствует практически об обратном. Отсюда следует вывод, что деревенская проза в воссоздании и должной оценке негативных явлений советской действительности руководствовалась принципиально иной шкалой ценностей, не замыкаемых по своему наполнению ни дореволюционным, ни постреволюционным историческими периодами. Из этого следует, что в самой основе создания деревенской прозы как таковой лежало понятие духовности, не сопоставимое с понятием какой бы то ни было религиозности, тотально искоренявшейся в советское время из всех сфер жизни и форм общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейников О.Ю. Публицистическое начало в прозе В. Распутина: (Авторская позиция - характеры - стиль). (10.01.02) / МГУ. - М., 1991. - с.6.
2. Антошин М.К. Характер в русской советской прозе 60-80-х годов. (Историко-литературные предпосылки эволюция): (10.01.02) / АН СССР, ИМЛИ им. А.М. Горького. - М., 1991.

**КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА «СКАЗКИ О ЦАРЕ САЛТАНЕ» А.С. ПУШКИНА
НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК)**

Фаттахова Аида Ринасовна

*кандидат филологических наук, доцент
кафедра востоковедения, африканистики, исламоведения
Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань
E-mail: gaidaf@mail.ru*

Анализ адекватности передачи национального своеобразия на язык перевода имеет большое значение для понимания языковой картины мира у представителей разных народов, тем самым раскрывая проблематику взаимодействия культур или межкультурную коммуникацию. В статье на материале литературной сказки А.С. Пушкина, насыщенной национально-культурной информацией, анализируются переводческие решения, демонстрирующие степень адекватности передачи на татарском языке культурно-маркированных единиц, отображающих реалии носителей русской культуры.

Ключевые слова: культурно-маркированная единица, реалия, перевод, татарский язык, способы перевода, фразеологизм, литературная сказка.

Культурно-маркированные единицы или лексические единицы с выраженной национально-культурной семантикой, как средство создания образа того или иного народа, представляют большой интерес для теории и практики перевода, лингвострановедения, культурологии и психолингвистики. Указанные научные дисциплины рассматривают культурно-маркированную лексику в рамках своего предмета исследования и научных интересов, решая при этом свои практические проблемы. Более подробно с вопросом культурно-маркированной лексики как междисциплинарной области исследования можно ознакомиться в статье М.Г. Яшиной [Яшина, 2009].

Языковые единицы с выраженной национально-культурной семантикой выступают в передаче реалий. Несмотря на широкое использование этого термина, исследователи отмечают, что ни в лингвистике, ни в методике, ни в лингвострановедении нет достаточно четких критериев определения реалий и совершенно не изучена специфика языковых единиц, которые обозначают эти реалии [Томахин, 1988, с.10].

Реалии обозначают предметы явления и понятия, характерные для одной культуры и не существующие в других культурах; материализуются в безэквивалентной лексике – лексических единицах одного из языков, которые согласно определению лингвиста Л.С. Бархударова «не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [Бархударов, 1975, с. 94]. В то же время он подчеркивает, что неправильно было бы понимать этот термин в смысле «невозможности перевода» данной лексики, поскольку любой язык в принципе может выразить любое понятие средствами данного языка [Бархударов, 1975, с. 96].

Воспроизведение в переводе культурно-маркированных единиц представляет собой сложную задачу для переводчика и требует от него знания как своих, так и чужих реалий, с языка которых делается перевод. При этом, кроме своих культурных и литературных пристрастий и идеологической принадлежности, ему необходимо соответствовать духу времени и считаться со вкусами читателя.

В настоящей статье с точки зрения перевода мы рассмотрим степень адекватности передачи культурно-маркированных единиц, отражающих реалии русского народа, на материале татарской версии «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина.

История переводов Пушкина на татарский язык берет свое начало в XIX веке. Поэтапное изучение истории переводов А.С. Пушкина на татарский язык затрагивается в исследованиях Г.Ф. Садыковой [Садыкова, 2002] и Г.Ф. Сафиной [Сафина, 2014]. В диссертационной работе Г.Ф. Сафиной дается анализ пушкинской лирики в ее переводах на татарский язык, и большое внимание уделяется стихотворениям с общечеловеческой и явно выраженной социальной тематикой. Отдельные лексико-грамматические особенности перевода литературных сказок А.С. Пушкина на татарский язык, в частности «Сказки о золотом петушке» и «Сказки о золотой рыбке», рассматриваются в статье Э.Н. Денмухаметовой [Денмухаметова, 2015]. Исследование перевода «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина на татарский язык проводится впервые.

Перевод сказки А.С. Пушкина выполнил татарский поэт, писатель и переводчик Шайхи Маннур. В 1954 году он был опубликован в первом двухтомном сборнике «Избранные произведения», а в 2014 году вышло красочно иллюстрированное издание сказок русского поэта в переводе Ш. Маннура.

В ходе настоящего исследования реалии, отражающие национально-культурную специфику русского народа, были систематизированы нами согласно предложенной В.С. Виноградовым тематической классификации [Виноградов, 2001].

Бытовые реалии:

А) Жилище. Строительные традиции различных этнических групп могут сильно отличаться друг от друга. Характерное для русского дома жилое помещение в верхней части здания – *терем* передается переводчиком без учета специфики архитектурной композиции русских построек, а именно словосочетанием ‘зур йорт’ (большой дом). Используемая, как правило, для рукоделий, светлая, освещенная комната – *светлица*, переводится словом ‘бүлмә’ (комната), где переводчик акцентирует внимание только на одну часть культурной информации – отдельное помещение. В татарском варианте строки ‘*Изоб нет, везде палаты*’ опущена лексема *изба* (деревянный крестьянский дом), а *палаты*, в значении роскошного дома или дворца, передаются с помощью аналога – ‘сарайлар’ (дворцы). Устаревшее слово *под студ*, обозначающее закрытое место либо хранилище, тайник, переводится лексемой ‘баз’ (подполье, погреб).

Б) Реалии, относящиеся к одежде и головным уборам, представлены в сказке поэтическим словом *венец* в значении ‘корона’, татарский аналог – ‘таж’ (корона) и реалией *латы*, переданной переводчиком словосочетанием ‘тимер кием’ (железное/металлическое одеяние). При переводе слова *латы* – металлической брони, надеваемой воином для защиты от холодного оружия, Ш. Маннур уделит внимание материалу, из которого сделаны доспехи. В то же время культурная информация, заложенная непосредственно в этимологии данного слова – панцирь из пластинок, нашитых на кожу [4], оказалась недоступной читателю.

В) Обращение (слово или сочетание слов, называющее того, к кому или к чему обращаются с речью) в сказке А.С. Пушкина отличается разнообразием отношений между говорящим и его собеседником: названия лиц по степени родства, по положению в обществе, по занятию, по возрастному признаку; названия предметов и явлений неживой природы и т.д. Многие из обращений имеют эквиваленты в культуре татарского народа: *Матушка моя родная* – ‘Кадерле газиз энкэй!’. Среди национально окрашенных обращений можно привести следующие: *красная девица* ‘кыз матуры’ (красивая девушка), *голубушки-сестрицы* ‘кызлар-күгәрченнәр’ (букв. девушки-голуби). Обращение *князь ты мой прекрасный* передается с помощью синонимического перевода. С целью передачи

одобрительной эмоциональной окраски, выраженной в оригинале интонационно, а также придания данному обращению еще большего проявления заботы, доброты и ласки со стороны Царевны-Лебедь по отношению к князю Гвидону Маннур использует в переводе уменьшительно-ласкательную форму, добавляя к прилагательному ‘гүзэл’ (красивый, прекрасный) и существительному ‘гөл’(цветок) татарский аффикс *-кэй*: ‘князь, син гүзэлкэй’ (букв. князь ты мой прекрасенький) или ‘князь, гүзэл гөлкэй’ (князь, прекрасный цветочек). В татарском языке лексема ‘гүзэл’ активно используется как ласковое обращение, наполненное симпатией и любовью к говорящему.

Устаревшее на момент перевода слово *господа*, как вежливая форма обращения к собеседнику в Российской империи, передается лексемами ‘дуслар’ (друзья) или ‘эфэнделәр’ (эфенди). Последняя лексема употреблялась как вежливая форма обращения к знатым особам и лицам духовного звания в Турции. Таким образом, форма обращения в русской культуре передается с «восточным колоритом» – более близким для татароязычного читателя.

Реалии государственного строя и общественной жизни представлены в сказке А.С. Пушкина наименованиями государственных лиц, титулов, социальных слоев, должностей, административно-территориальных единиц и т.п. Для передачи указанных реалий переводчик использует аналоговый перевод либо транскрипцию/транслитерацию. Примеры: наименование правителя в древней Руси и в царской России *государя* передается эквивалентом ‘хөкемдәр’ (правитель); *государыня* – ‘патшабикә’ (царица). Лексема *княгиня* ‘яшь бикә’ представлена сочетанием двух слов: ‘яшь’ – молодая и ‘бикә’ – госпожа (представительница привилегированного класса), что в буквальном переводе означает ‘молодая госпожа’. В то же время лексическая единица ‘яшь бикә’ используется Ш. Маннуром при переводе словосочетания *молодая царица*. Наименования титула *князь*, должностного лица *дьяк* и придворного чина *бояре* транскрибируются/транслитерируются: ‘князь’, ‘дьяк’, ‘боярлар’. Последняя лексема принимает татарское окончание множественного числа *-лар*. Область, управляемая князем-феодалом в Древней Руси, *удел* переводится словом ‘ил’ (страна, государство; край).

Упомянутый в сказке А.С. Пушкина *витязь* в значении отважного, храброго, доблестного воина в Древней Руси в татарском варианте передается заимствованным из персидского и чагатайского языков словом ‘баһадир’ (богатырь). Это слово проникло и в русский язык, сохраняя черты фонетической системы принимающего языка.

Среди **реалий мира природы**, в частности животного мира, необходимо отметить лексему *донские жеребцы*. Эти лошади прославились благодаря донским казакам, воевавшим против армии Наполеона. Породы коней совершенствовались согласно военным требованиям того времени. В первую очередь это легкость, выносливость в бою, смелость и неприхотливость в уходе. При передаче реалии *донские жеребцы* словосочетанием ‘населле айгырлар’ (породистые жеребцы) переводчик акцентирует внимание только на породистость жеребцов и не упоминает о родине происхождения лошадей – просторах Дона.

К **ономастическим реалиям** в сказке А.С. Пушкина можно отнести антропонимы (имена сказочных персонажей) и топонимы (названия географических объектов). При переводе имен литературных героев и топонимов Маннур пользуется одним из самых распространенных приемов при передаче ономастических реалий – транскрипцией/транслитерацией: Салтан, Гвидон, Черномор, Буян. Таким образом, собственные имена в переводе сохраняют национальный колорит подлинника.

Имя *Бабариха* переводчик опустил и передал значение исходной лексической единицы описательным способом, отметив родственную принадлежность и занятие сказочного персонажа – ‘кодагый карчык кендекче’(сватья – повитуха) или ‘кендекче’ (повитуха /

повивальная бабка). Таким образом, в своем переводе увеличил объем обозначаемого понятия и представил перед читателем сватью бабу Бабариху как персонаж родильного обряда – женщину, принимающую роды без акушерского образования. Можно предположить, что переводчик выбрал данную лексему исходя из поэтических соображений для созвучия концов стихотворных строк:

А ткачиха с поварихой	Ә тукучы һәм пешекче
С сватьей бабой	Кодагый карчык кендекче [Пушкин, 2014, с. 9]
Бабарихой	

Топоним *Окиян* переводится двумя словами: ‘океан’ и ‘диңгез’ (море). Данные лексические единицы частично совпадают при передаче общей части понятия – водного пространства, в то же время расходятся на уровне географических определений.

Большой потенциал в отражении реалий того или иного народа заложен во фразеологизмах или фразеологических единицах (ФЕ), «труднопереводимость» или «непереводимость» которых отмечается всеми специалистами в числе характерных признаков данных единиц [Влахов, Флорин, 1980, с. 179]. В лингвистике ФЕ, используемые в качестве реалий, подразделяют на: обычные устойчивые словосочетания всех типов, в том числе идиомы, пословицы и поговорки, обладающие по себе характерной и/или исторической окраской и ФЕ, в компонентном составе которых имеются реалии [Влахов, Флорин, 1980, с. 19]. В сказке А.С. Пушкина, большую часть ФЕ составляют реалии первой группы, т.е. с ярко выраженной национальной и/или исторической окраской. Приведем несколько примеров ФЕ.

Лексический фразеологизм *злая доля* в значении несчастной судьбы/участи передается ФЕ ‘кара язмыш’ (букв. черная доля). Общеизвестно, что символика черного цвета у большинства культур в основном отрицательна. В то же время в семантике татарских имен прилагательных, обозначающих цветовой признак, черный цвет также используется и для описания красоты в устном народном творчестве и традиционной письменной литературе: *кара каш* – черные брови, *кара куз* – черные глаза и др.

ФЕ *за тридевять земель* используется в значении «в неведомой дали, очень далеко». В старину русский народ вел счёт по девяткам. Тридевять – это три раза по девять, т.е. двадцать семь. Устойчивое словосочетание, часто встречающееся в русских сказках, передается переводчиком описательным (объяснительным) способом при помощи свободного сочетания в татарском языке – ‘диңгез артына’ (за море). В данном примере, на наш взгляд, описательный перевод не наносит ущерба адекватности передачи в общем контексте, однако национально-культурная семантика устойчивого словосочетания стирается.

Вызывает интерес переводческое решение Маннура передать значение экспрессивно-высокой и устаревшей ФЕ *свет божий* лексемой ‘көн’ (день): Днем свет божий затмевает – ‘Көндез көнне балкыта’ (букв. Днем день озаряет). Мы считаем, что это было обусловлено идеологическими установками того времени, когда был сделан перевод, и когда в сознании народа вырабатывался социально-культурный тип советского человека. Так, в татарском варианте сказки отсутствует перевод ФЕ *икона чудотворная*. Устойчивое сочетание *крещеный мир* передается словом ‘дөнъя’ (мир) без религиозной составляющей данного понятия. В то же время нельзя исключать желание Маннура считаться со вкусами татароязычного читателя, значительное большинство из них исповедовало мусульманскую религию.

ФЕ *ни гу-гу* (гу-гу), существующая только в русском языке и обозначающая «не произносить ни слова, ни звука», в переводе на татарский язык звучит как ‘ләм-мим (дими)’ (букв. не сказать ни лям, ни мим; ни проронить ни слова). Последнее словосочетание восходит к названиям арабских букв, следующих друг за другом. Их комбинация в сочетании с первой буквой арабского алфавита – *алиф лям мим* открывает отдельные суры Корана.

Смысл данных букв-символов до сих пор овеян тайной, и любое его объяснение, начиная с толкования первых комментаторов Корана, является лишь предположением и не более того. Указанный перевод – яркий пример стремления Маннура воссоздать русскую фразеологию в татарском варианте литературной сказки.

Хорошее знание переводчика культурных реалий русского народа демонстрируется в переводе устаревшего народно-поэтического словосочетания *взыграло ретивое*. В народной словесности *ретивое* используется в значении *сердце*; *взыграло ретивое* – возникновение сильного или внезапного чувства. Переводчик, используя эквивалентную фразеологическую единицу родного языка, сумел передать смысловую и эмоциональную информацию, присущую фразеологизму оригинала – ‘йорэк ярсулана’ (сердце разгорячилось): *В нем взыграло ретивое!* – Һәм йорэге ярсулана!

«Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина насыщена национально-культурной информацией, выраженной в укладе жизни, бытовых подробностях, описании природы, языке. В рамках настоящей статьи не представляется возможным рассмотреть перевод на татарский язык многих культурно-маркированных единиц, отображающие реалии носителей русской культуры, поэтому мы осветили лишь некоторые из них.

Для передачи реалий на татарский язык Ш. Маннур использовал различные переводческие приемы: транскрипцию/транслитерацию, аналоговый (приближенный), синонимический, описательный перевод. Несмотря на национально-культурные расхождения, выраженные в традициях и обычаях, духовной культуре, нравственных и эстетических идеалах татарского и русского народов, переводчик стремился к точности воспроизведения исходной культурной информации, заложенной в тексте оригинала, при этом решая и практические задачи: соответствие духу времени, учет вкуса читателя. В отдельных случаях при переводе культурно-маркированных единиц, переводчику не удалось избежать и смысловых искажений.

Анализ адекватности передачи национального своеобразия на язык перевода имеет большое значение для понимания языковой картины мира у представителей разных народов, тем самым раскрывая проблематику взаимодействия культур или межкультурную коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М., «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.
2. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Денмухаметова Э.Н. А.С. Пушкин экиятләрен татар теленә тәржемә итүдә кайбер үзенчәлекләр // Прикладные аспекты сопоставительной лингвистики: обучение иностранному языку с опорой на родной язык: Материалы II международной научно-практической конференции, проводимой в рамках международного научно-практического форума «Сохранение и развитие языков и культур», (14-16 октября 2015 г.) – Казань: Отечество, 2015. – С. 41-43.
4. Латы // Викисловарь. [2016—2016]. Дата обновления: 09.10.2016. URL: <https://ru.wiktionary.org/w/index.php?title=%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8B&oldid=7128306> (дата обращения: 09.10.2016).
5. Пушкин, А. С.. Сказки = Экиятләр / А. С. Пушкин; [худ. Л. Золондинова ; пер. с рус. Ш. Маннура]. – Казань: Татарское книжное издательство, 2014. – 92, [3] с.: цв. ил. – Текст парал.: рус., татар. яз.

6. Садыкова Г.Ф. Из истории первых переводов А.С. Пушкина на татарский язык / Г.Ф. Садыкова // Русская и сопоставительная филология: концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты: Материалы итог. науч. конф. / Казанский государственный университет, Филологический факультет; Редкол.: Н.А. Андрамонова (отв. ред.) и др. – Казань: Унипресс, 2002. – С. 69.

7. Сафина, Г.Ф. Лирика А.С. Пушкина в переводах на татарский язык: история и поэтика: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.02, 10.01.08 / Сафина Гульнара Фаридовна; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т].– Казань, 2014. –26 с.

8. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – Москва: Высшая школа, 1988. – 239 с.

9. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.

10. Яшина, М. Г. Культурно-маркированная лексика как междисциплинарная область исследования. Тезисы докладов участников конференции Ломоносов / М.Г. Яшина // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых Ломоносов-2009». – 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – МАКС Пресс Москва, 2009.

**CULTURAL-MARKING UNITS AS A REFLECTION OF A REALIA
(IN THE MATERIAL OF THE TRANSLATION OF «THE TALE OF TSAR SALTAN»
BY ALEXANDER PUSHKIN, INTO THE TATAR LANGUAGE)**

Fattakhova Aida Rinasovna,
Associate professor
Institute of international relations,
history and oriental studies of Kazan (Volga region) Federal University,
Tatarstan, Kazan
E-mail: gaidaf@mail.ru

The analysis of the adequacy of the transfer of a national originality in the target language is of great importance for the understanding of a linguistic picture of the world from the representatives of different nations; such an analysis thereby reveals the problems of the interaction of cultures and the intercultural communication. The article analyzes the translation solutions to the material of the literary fairy tale by Alexander Pushkin, whose tales are rich in national cultural information; the translation demonstrates the adequacy of the transferring in the Tatar language of the cultural units which are reflecting the realia of the Russian culture.

Key words: cultural unit, realia, translation, Tatar language, translation methods, phraseological unit, literary fairy tale.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ
(на примере татарского и турецкого языков)**

Хабибуллина Эльмира Камилевна
старший преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, E-mail: minabova@mail.ru,

Юсупова Альфия Шавкетовна
Директор Высшей школы татаристики и тюркологии
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, г.Казань
E-mail: alyusupova@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности трансформации гендерно-маркированных лексических единиц в переводах художественных прозаических произведений с татарского на турецкий язык. Выявленные гендерно-маркированные единицы классифицируются на более узкие тематические группы, а случаи трансформации анализируются в соответствии с классификацией их видов. Одним из приоритетных направлений исследований отечественных и зарубежных лингвистов остается изучение гендерной проблематики в языке. Антропологически ориентированные исследования в лингвистике становятся все более актуальными и востребованными. Новизной подобных исследований является анализ языкового портрета в гендерном аспекте.

Ключевые слова: гендерология, перевод гендерно-маркированных единиц, перевод художественных текстов, татарский язык, турецкий язык, переводческие трансформации

Одним из приоритетных направлений исследований отечественных и зарубежных лингвистов остается изучение гендерной проблематики в языке. Как результат использования в лингвистическом аспекте данных психологии, биологии познания, культурологии, философии и некоторых других антропоориентированных наук появились новые концепции, изменившие точку зрения на традиционный когнитивный подход, при котором познание – это формирование новых ментальных репрезентаций, отображающих реальность.

Антропологически ориентированные исследования в лингвистике становятся все более актуальными и востребованными. Новизной подобных исследований является анализ языкового портрета в гендерном аспекте. Стоит также отметить, что фундаментом гендерных исследований является разделение по полу. В аспекте изменений роли женщины в обществе ученые ввели в научное употребление понятие «гендер» из области психологии, социологии и языкознания. Гендер акцентирует социально-культурную доминанту пола. Социологи обращают внимание на социальные ожидания от поведения (в том числе и речевого) мужчин и женщин, которое именуют термином «гендерная роль».

Если говорить о татарской лингвистике (как, в принципе, и о российской), то гендерный аспект перевода является малоизученным. В теории перевода гендерные аспекты всегда оставались вне поля зрения исследователей. Однако стоит помнить о том, что недооценка гендерных особенностей при переводе может стать причиной прагматических ошибок, достаточно часто встречающихся в художественной литературе. Соответственно, если мы задаемся целью выполнить качественный художественный перевод, то должны уделять

должное внимание подробному изучению особенностей отражения гендерных особенностей как в тексте оригинала, так и в тексте перевода, а также изучить особенности и способы их передачи. Гендерные особенности художественного произведения представляют собой достаточно значимый компонент художественной структуры текста.

Даже самый талантливый переводчик сталкивается с трудностями перевода, так как перед ним стоит задача отразить в тексте иную культурную среду. К тому же переводчик должен транслировать стиль оригинала и при этом сохранить собственную стилевую манеру. Переводчик, являясь основным элементом процесса коммуникации, строит первичную модель мысли в рамках своего гносеологического пространства. Идентичность данной модели зависит от многих факторов: уровня образованности переводчика, глубины культурной пропасти между автором и переводчиком и разницы в типах их мышления.

В ходе исследования для того, чтобы иметь возможность изучить особенности перевода гендерной лексики с татарского языка на турецкий, мы разделили их на следующие тематические подгруппы: 1) лексика, характеризующая пол; 2) лексика, обозначающая возрастные маркеры; 3) лексика, выражающая родственные отношения; 4) лексика, определяющая семейное положение человека; 5) лексика, отражающая названия профессий, вида деятельности; 6) лексика, характеризующая качества характера, нравственные особенности; 7) лексика, обозначающая национальную принадлежность; 8) лексика, определяющая социальный статус; 9) лексика с оценочной маркировкой.

В целом анализ тематических групп показал, что при переводе гендерно-маркированной лексики с татарского языка на турецкий в большинстве случаев используются прямые эквиваленты слов. Каждая из исследованных групп гендерной лексики содержит достаточно широкий пласт лексем. В большинстве случаев гендерная лексика в процессе перевода с татарского языка на турецкий преобразуется посредством словарных эквивалентов.

В процессе исследования мы выявили, что при переводе лексических единиц, представляющих собой гендерные маркеры, удачнее всего были использованы лексико-грамматические трансформации. Среди них можно выделить следующие: полная замена лексических единиц; частичная замена лексических единиц (например, синонимами); генерализация или конкретизация; экспликация (описательный перевод) и компенсация; нейтрализация гендерных особенностей; использование дополнительного гендерного маркера и гендерная антонимия. В отдельных случаях мы встречаемся с добавлением или опущением компонентов, обозначающих гендер. Нередки случаи, когда имеет место гендерно-маркированная лексика, не имеющая эквивалентов в турецком языке. В таких случаях наиболее часто используется прием частичной замены.

Рассмотрим далее на конкретных примерах особенности трансформации гендерно-маркированных единиц в художественных переводах в отдельных тематических подгруппах.

Проблематика, связанная с изучением особенностей лексем, обозначающих родственные и семейные отношения, имеет прежде всего междисциплинарную значимость. Исследования, проводимые в этой сфере, тем или иным образом охватывают такие области науки, как лингвистика, этнография, социология и ряд других направлений. Причиной этому служит то, что ученые сразу обратили внимание на слова, обозначающие семейно-родственные отношения, как на структурно обособленную группу языковых знаков, которая отражает определенные синхронные и диахронные характеристики социальной системы и обнаруживает устойчивую тенденцию к последовательной исторической трансформации.

При переводе гендерной лексики, выражающей родственные отношения и семейное положение, переводчик в большинстве случаев использует прямые эквиваленты гендерных лексем. Большая часть этих лексем в обоих языках имеют совпадение, за исключением некоторых фонетических различий. В отдельных частных случаях при переводе данной

группы лексем мы отметили приемы генерализации и частичной замены:

Хәнифәнең ире, мәктәп директоры Игнат Белов асылдан керәшен иде [Гыйләжев, 2004, с. 250]. / *Hanife'nin kocası, okul müdürü İgnat Belov aslında Kireşindi* [Gilyesev, 2010, s. 70]. 'Муж Ханифы, директор школы Игнат Белов, по сути был крещеным татаринном'.

На примере ниже в значении 'жена' использована лексема *карчык*. Словарное значение данного слова соответствует слову 'старуха, старушка' и второе значение: 'жена, старуха' (обращение к своим жёнам мужчин среднего и пожилого возраста)». В турецком варианте это слово было переведено вариантом *hanım*, первое значение которого 'ханым, ханум, госпожа' и второе значение 'жена, супруга'.

В отдельных случаях при анализе перевода лексики, выражающей кровное родство, мы наблюдаем трансформацию путем генерализации лексем. Так, например, в одном из предложений лексемы *эне-сеңелләренә* 'младшим братьям и младшим сестрам' при переводе было заменено словом *kardeşlerine* 'младшим родственникам'. В турецком языке понятия сестренка или братишка обозначаются одной и той же лексемой *kardeş*. Для обозначения гендера, как правило, добавляются лексемы *erkek* 'мальчик' и *kız* 'девочка', образуя сочетания: *erkek kardeş* 'братишка' и *kız kardeş* 'сестренка'. С одной стороны, используемая переводчиком замена лексемы оправдана использованием слова *kardeş* для обозначения младшего брата и младшей сестры. Однако с другой стороны отсутствие гендерной окраски данной лексемы допускает разночтение смысла данного предложения. Ведь под словом *kardeşlerine* читатель может подразумевать только младших братьев и только младших сестер. В то время как в оригинале упоминаются и те, и другие 'эне-сеңелләренә': *Тәржемә итә, әзер өлешен иң элек әнисенә, апалары, эне-сеңелләренә укый* [Сират күпере, б. 18]. / *Tercüme ediyor ve ilkin annesine, ablalarına, kardeşlerine okuyor* [Sirat Köprü, s. 12]. 'Переводит и читает вслух готовые отрывки маме, старшим сестрам, младшим сестрам и братьям'.

Гендерно окрашенные лексемы, обозначающие названия профессий, также представляют интерес в плане исследования. У каждого народа есть своя культура, свои обычаи, которые играют достаточно важную роль в формировании языка. Например, в татарском языке можно выделить обозначения духовных лиц: *имам, мулла, хәзрәт, ишан*. Такие слова связаны с мусульманской религией и обозначают духовных лиц мужского пола. Жену духовного лица у татар называют *абыстай*. В турецком языке мы не выявили эквивалента лексемы *абыстай*, который мог бы всецело заменить все его значения в татарском языке.

Одной из ярких морфологических особенностей татарского языка можно выделить отсутствие в нем категории рода как грамматического показателя. Такое же явление мы наблюдаем и в турецком языке. В этом аспекте интересным представляется изучение особенностей перевода гендерной лексики, содержащий маркеры названий профессий или обозначающих сферу деятельности человека. Кроме перечисленных выше исторически прижившихся в языке названий профессий, в татарском языке существует большой пласт интернациональной заимствованной лексики. В большинстве языков данные маркеры выражаются морфологическим путем, то есть путем добавления аффиксов, обозначающих принадлежность к тому или иному полу. В татарском и турецком языках наименования большинства профессий не предусматривают их разделение на женский и мужской род. Для того, чтобы обозначить женщину как представителя той или иной профессии, необходимо использовать вспомогательные слова. Интересным представляется исследование особенностей перевода гендерной лексики, маркированной названиями профессий с татарского на турецкий язык. В татарском языке отдельным лексическим пластом представлены названия профессий, заимствованные из арабского языка. Стоит отметить, что что в татарский язык одновременно просачивались пары лексем, обозначающие

мужской и женский род: *табиб* – *табибэ* (врачи и женщина-врач), *мөгаллим* – *мөгаллимэ* (учитель-учительница) и т.д. В арабском языке имена личные принимают аффикс -а-э (-ия), когда они обозначают лицо женского пола. Собственные мужские имена в большей степени имеют закрытый слог. Рассмотрим некоторые примеры употребления заимствованной из арабского языка лексем, обозначающих название профессий: *Шуны аңлап, яшь табибэ аңа аерым игътибарлылык күрсәтте...* [Соңгы вальс, б. 4] / *Bunu sezen doktor hanım ona özel ilgi gösterdi* [Sessiz Kuray, s. 49]. 'Поняв это, молодая врач уделила ему особое внимание'.

В приведенном выше предложении мы видим, что арабское заимствование в татарском языке *табибэ* (женщина врач) при переводе заменено интернациональной лексемой *doktor* (доктор) с добавлением лексемы *hanım*, акцентирующий внимание читателя на ее половой принадлежности. Таким образом, мы пришли к выводу, что при переводе лексем, обозначающих представительниц женского пола, на турецкий язык чаще всего добавляется гендерный маркер.

При переводе общетюркских гендерных лексем, обозначающих названия профессий, в большинстве случаев наблюдается полное совпадение эквивалентов, и лишь в редких случаях имеют место переводческие трансформации, такие как описательный перевод и частичная замена. Анализ также анализ показал, что эта группа лексики имеет нейтральный гендерный маркер, а обозначение гендерной принадлежности происходит благодаря вспомогательным лексическим средствам.

В процессе исследования перевода лексики, обозначающей национальную принадлежность и социальный статус, использование трансформаций встречается нечасто. В редких случаях мы наблюдаем такие ее приемы, как транслитерация и описательный перевод. В отдельных случаях используется прием конкретизации.

Представляет интерес исследование трансформаций при переводе пласта гендерной лексики, которая в то же время содержит оценочную коннотацию лексемы:

Әллә ниләр уйлап чыгара бу Галикәй явыз! [Гыйләжев, 2004, с. 228] / *Neler neler düşünüyor bu cin fikirli Galikey!* [Gilyesev, 2010, s. 46] / 'И чего только не выдумает этот злодей Галикей!'

В этом предложении присутствует лексема *явыз* 'злодей, шельма, шельмец' (как бранное слово)), характеризующая героя по имени Галикей. При переводе произошла замена этой лексемы устойчивой фразеологической конструкцией *cin fikirli* 'с замыслами дьявола'.

Анализ собранных примеров также показал, что количество случаев употребления отрицательно характеризующих лексем превосходит количество положительных. Нами были выявлены квази-обращения (обзывания), большинство из которых представляют собой оскорбительные лексические единицы, использованные по отношению к женщинам: *Тыңлап бетер башта, азгын хатын!* [Китүчеләр, б. 106] / *Önce iyice düşünle azgın kadın!* [Sessiz Kuray, s. 155] / 'Дослушай меня сначала, распущенная женщина!' В этом примере выше мы наблюдаем полное соответствие лексемы, обозначающей оценочный характер в обоих языках.

Встречается немногочисленный пласт лексики, которая связана с обозначением женских пороков и эвфемизмами, отсылающими к понятию «проститутка»: *Син – сөйрәлчек, сиңа һаман җитми!.. Фахишә син, фәхишә!* [Китүчеләр, б. 106] / *Sen sürtüksün!.. Azgın kahpe!* [Sessiz Kuray, s. 155] / 'Ты – потаскуха, тебе все мало!.. Ты проститутка, проститутка!'

В сопоставлении с описанием женских качеств пространство положительных качеств представителей мужского пола намного шире и богаче. Это в свою очередь, провоцирует перенос оценочных признаков, характерных мужскому полу, на представительниц женского пола. Стоит также отметить, что если оценочные признаки, стереотипно закрепленные за референтом-женщиной, переносятся на референта-мужчину, то чаще всего наблюдается

снижение негативных эмоциональных оценок. Было выявлено, что многие оценочные слова в татарском языке (мескен, такылдык, алдакчы, ахмак, елак кеше) не имеют гендерной маркировки. Однако для указания родового признака в отдельных случаях наблюдается добавление гендерного маркера: малай (мальчик), кыз (девочка) и т.д.

Среди оценочной лексики были выявлены примеры фразеологических конструкций, имеющие нейтральный гендерный оттенок. То есть они могут выступать в качестве характеристики для представителей обоих полов: *куян йөрәк / tavşan yürekli* 'заячья душа = трус', *туң күчән / cahil* 'бездарный и черствый; недалекий и бездеятельный человек'.

Тем не менее, нельзя говорить о том, что в татарском языке существует только отрицательно ориентированная оценочная лексика. В выявленных примерах мы встречаем положительную атрибутивную лексику, характеризующую как женщин, так и мужчин. Таким образом, гендерная лексика с оценочной маркировкой достаточно широко представлена эпитетами, характеризующими как женщин, так и мужчин. Однако выявленные примеры и их анализ позволяют утверждать, что отрицательно ориентированная лексика по количеству доминирует над положительной. Чаще всего встречается немногочисленный пласт лексики, которая связана с обозначением женских пороков, реже – гендерная лексика, отрицательно характеризующая мужчин. Наряду с отрицательной лексикой имеют место эпитеты и фразеологические единицы, характеризующие женщин и выражающие по отношению к ним чувство восхищения, а также освещающие положительные качества мужчин. При переводе исследуемой группы лексем в случае отсутствия прямых эквивалентов чаще всего используется частичная или полная замена лексем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гыйләжев, А. Жомга көн, кич белән... Повестьлар / А.Гыйләжев. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1982. – 360 б.
2. Мөхәммәдиев, Р. Сират күпере / Р.Мөхәммәдиев – Казан: Татар.кит.нәшр., 1994. – 512 б.
3. Сәлах, Ә. Каеннар юлы: Повестьлар / Ә.Сәлах. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2006. – 208 б.
4. Зәйдулла, Р. Ил: Хикәяләр, әдәби-публицистик мәкаләләр / Р.Зәйдулла. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1999. – 358 б.
5. Gıyilecev Ayaz. Cuma günü, akşam. Çeviri: Fatih Kutlu / A.Gıyilecev – Ankara: BENGU matbaası: 2013. – 202 s.
6. Muhammedi Rinat. Sırat Köprüsü. Sultan Galiyev. Çeviri Mustafa Öner / R.Muhammedi. – İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1993. – 444 s.
7. Sessiz Kuray. Çağdaş Tatar Edebiyatından Seçmeler. Çeviri Fatih Kutlu. – Ankara, 2014. – 188 s.

**TRANSFORMATION OF GENDER MARKED UNITS IN TURKIC LANGUAGES
IN TRANSLATIONS OF WORKS OF ART
(on the example of Tatar and Turkish languages)**

Khabibullina Elmira K.

senior lecturer

Department of Altaic and Chinese Studies KFU

Russia., Tataristan, Kazan

E-mail: minabova@mail.ru

Yusupova Alfiye Sh.

Director of Gabdulla Tukay Higher School of Tatar Studies and Turkology KFU

E-mail: alyusupova@yandex.ru

The article studies the features of the transformation of gender marked lexical units in the translation of literary prose works from Tatar into Turkish. Identified gender-marked units are classified into narrower clusters, and the cases of transformation are analyzed in accordance with the classification. One of the research priorities of native and foreign linguists remains gender aspect in the language. Anthropologically oriented researches in linguistics become more relevant and important. The novelty of such researches is in the analyze of the linguistic portrait in a gender aspect.

Key words: Genderology, translation of gender marked units, translation literary texts, Tatar, Turkish, translation transformation.

**ПОЭМА ЖУСУПА БАЛАСАГЫНА «КУТАДГУ БИЛИГ»
И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ НА ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ**

Турдубаева Назгуль Шаршеналиевна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры кыргызской литературы факультета кыргызской филологии

Кыргызского Национального университета им. Жусупа Баласагына,

Кыргызстан, г. Бишкек,

E-mail: nazgult.72@mail.ru

Данная статья посвящена проблеме художественного перевода поэмы «Кутадгу билиг» (Благодатное знание) Жусупа Баласагына (или Юсуф Баласагуни, Юсуф Баласагунский) на тюркские языки. В поэме раскрывается художественное своеобразие наследия Жусупа Баласагына и, в частности, рассматривается вопрос принадлежности данного наследия тому или иному тюркоязычному народу. Также проводится сравнительный анализ узбекского, уйгурского, казахского, турецкого, кыргызского вариантов поэмы, в том числе урумчинского издания данного произведения, опубликованного на кыргызском языке, на арабской графике (в переводе китайских кыргызов). Сравнение переводов дает возможность намного глубже и всесторонне раскрыть художественные особенности бессмертной поэмы и оценить качество переводов в разных тюркских языках.

Ключевые слова: тюркология, Жусуп Баласагын, поэма «Кутадгу билиг», переводы, тюркские языки.

Проблемы взаимоотношения языка и этноса, языка и культуры всегда волновали ученых. Поэтому если речь заходит об истории, традиционной культуре, языке, обычаях, сознании, искусстве современных тюркских народов, особенно об историческом пути, нельзя обойтись без тюркологии. Тюркологические исследования проводятся во многих странах. Так, в 1967 году в городе Ленинграде прошла первая тюркологическая конференция, далее в 1970 году была проведена вторая тюркологическая конференция. [Советская тюркология, 1970, с.129] В этом году в Москве проходит третья международная научно-практическая конференция на тему «Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура».

В Кыргызстане исследования в области тюркологии были проведены в 90-годы XX века. В последнее время современные тюркологические исследования проводятся в двух основных направлениях: первое направление связано с изучением письменных памятников (орхонских, восточно-туркестанских), второе направление – с исследованием памятников средневековья (творчество Жусупа Баласагына, Махмуда Кашгари).

Особое внимание исследователей в области тюркологии привлекает жизнь и творчество поэта, философа Жусупа Баласагына. В кыргызской литературе первые исследования в данном направлении принадлежат народному писателю Кыргызской Республики, профессору Качкынбаю Артыкбаеву. Именно благодаря ему проведен юбилей, посвященный жизни и творчеству Жусупа Баласагына, Кыргызский национальный университет переименован в честь Жусупа Баласагына. [Турдубаева, 2006, с.39] В Кыргызстане 2016 год объявлен годом культуры и истории. В связи с этим, фондом «Мурас» организована и проведена V международная научно-практическая конференция, посвященная 1000 -летию Жусупа Баласагына. Конференция прошла под руководством профессора Тынчтыкбека Чоротегина. Также в сентябре этого года прошли Всемирные игры кочевников, которые дают возможность для проведения новых исследований в области тюркологии.

Жизнь и творчество Жусупа Баласагына, с частности его поэма «Кутадгу билиг» привлекают внимание многих исследователей и переводчиков. В настоящее время

опубликованы следующие тюркоязычные переводы:

1. В 1970 году перевод К.Каримова на узбекский язык. – 973-стр.
2. В 1983 году перевод С.Н.Иванова на русский язык. – 556-стр.
3. В 1984 году перевод Абдурахима Откура, Ахмеда Зийади, Мамтемин Юсупа на уйгурский язык. – 1367-стр. В этом же переводе на левой стороне листа представлен оригинал художественного текста.
4. В 1986 году перевод А.Егеубаева на казахский язык. – 613-стр.
5. В 1988 году перевод Р.Р.Арата на тюркский язык. – 477-стр.
6. В 1988 году перевод Т.Козубекова на киргизский язык. – 527-стр.
7. В 1992 году перевод Турганбая Кылычбека и Норуза Үсөнаалы на киргизский язык в арабской графике (перевод китайских киргизов. – 779-стр. [Примечание: в последующих примерах из этих переводов будем писать только страницы].

Вышеперечисленные современные тюркские переводы исследуются путём сопоставления с оригиналом художественного текста. Такие исследования позволяют понять авторскую мысль и дают возможность узнать, какие переводы сохранили авторскую речь или же наоборот, в каких переводах допущены искажения по сравнению с текстом оригинала. Также сопоставление переводов с оригиналом текста позволяет узнать, какому тюркоязычному народу близок язык поэта Жусупа Баласагына.

Поэма Жусупа Баласагына “Кутадгу билиг” состоит из 85 глав, 13290 строк, каждая из которых имеет своё название. Они сохранились во всех тюркоязычных переводах. Рассмотрим, как сохранены названия глав, в разных переводах. Приведём лишь некоторые примеры, которые позволят оценить качество переводов. В сюжете поэмы действуют четыре основных героя: властитель, падишах – Күнтууду, его визир – Айтолду, сын визиря – Өгдүлмүш, брат визиря – Одгурмыш. Эти имена имеют символические значения. С именем падишаха – Күнтууду, Жусуп Баласагын связывал мечту об идеальной стране, в которой правитель подобен солнцу, дающему теплоту нуждающимся. В такой стране народ будет жить счастливо. Образ Айтолду, являющимся визирем падишаха, также несет уют и теплоту. Для управления государством нужны умные люди. В образе такого человека выступает третий персонаж поэмы - Өгдүлмүшү. В переводе с древнетюрского языка слово “өг” означает “разум, мысль, ум”. [Древнетюрский словарь, 1969, с.414] В некоторых поэтических переводах имена героев изменены. Так, например, в переводе Төлөгөна Козубекова на киргизский язык имя падишаха Күнтууду дано как **Күнчыкты**, сын визиря Өгдүлмүш – **Акдилмиш**, Одгурмыш – **Өткүрмүш**. [Т.Козубеков, 1988, с.12-18] Возникает вопрос: “Зачем Төлөгөн Козубеков переименовал имена главных персонажей?” Ведь Жусуп Баласагын, давая имена своим персонажам, хотел, чтобы простой народ понял символическую особенность главных героев. Например, называя именем Өгдүлмүш (“ум, разум, мысль”), он давал понять читателю, что для управления государством нужен умный, разумный человек. Между тем, как переведенное имя Акдилмиш не имеет никакого символического значения. Это свидетельствует о том, что Төлөгөн Козубеков переводил не с оригинала, о этом писали ученые языковеды Сагаалы Садыков и литературовед Качкынбай Артыкбаев [Артыкбаев К, 1999, с.45-46]

Далее рассмотрим некоторые названия глав. В них также можно заметить искажения, допущенные переводчиками. Например, в 5-главе описываются астрономические особенности земли. В оригинале эта глава звучит так: «**Йети йулдуз он ики өкекни айур**», что в переводе на русский язык означает: “**О семи звёздах и двенадцати знаках зодиака**”. Названия этой главы в поэтических переводах на киргизском, узбекском и русском были изменены. Рассмотрим следующие примеры:

В уйгурском переводе	Етти йултуз ва он эки бурж баянда [18-стр.]
----------------------	--

В казахском переводе	Жеті жулдыз он экі буруж туралы [46-стр.]
В кыргызском переводе	Асман курунун он эки белгиси жана жети планетасы туурасында [25-стр]
В переводе китайских кыргызов на кыргызском языке	Жети жылдыз жана он эки белги жөнүндө баян [21-стр]
В русском переводе	О семи планетах и двенадцати знаках зодиака[5-стр]
В узбекском переводе	Китобнинг бошланиши етти планета , ун икки бурж. [61-стр]

Если внимательно прочитать переведенные тексты можно заметить, что в оригинале слово «**жылдыз**» (**звезда**) заменено словом «**планета**». Оба эти слова означают разные астрономические понятия. Если звезда расположена на небе, то планета крутится на орбите вокруг звезды. Авторы переводов смешивают в переводах эти два разные астрономические понятия. В русском, узбекском и кыргызском переводах название созвездия “жети жылдыз”(семь звезд) заменено словосочетанием “семь планет”, хотя в солнечной системе насчитывается девять планет. Все это свидетельствует о том, что переводчики кыргызского, узбекского вариантов использовали текст русского перевода. У кыргызского народа есть лирическая песня «Асмандагы жетиген, ал эмне үчүн жетиден»(В небе семь звезд, почему их семь), т.е. кыргызские астрономы под звездой семь подразумевают слово “жетиген”, которое обозначает Большую Медведицу [Юдахин К.К, 1965, с.344]. Жусуп Баласагын в названии главы также писал о “семи звездах” и созвездиях. Названия созвездий в переводе на кыргызском языке искажены. Приведём примеры из текста оригинала и перевода.

Оригинал текста	
Козу йаскы йулдуз баса Узд келир күчик бирле саңку йорир.[66-стр]	Эрентир
Кыргызское значение текста	Козу жазгы жылдыз, андан кийин Үзд , Эгиз менен Чаян бирге жакын жүрөт.
Русский перевод	Овен-знак весны, а Телец рядом с ним, Потом Близнецов мы и Рака узрим. [24-стр]
Уйгурский перевод	Козу жазгы йулгуз, кийин Үй келүр, Жавзу билан Сартан тургушуп йурур [67-стр]
Узбекский перевод	Кузи – бохорги юлдуз, сунг Ур келди, Эрандиз Кучик билан йакин юрадию[83-стр]
Казахский перевод	Жаз жулдызы – Козы, Сонсон Уд келер, Эрендир Кушык жакын, жуык жиктелер. [64-стр]
Перевод китайских кыргызов	Жаз жылдызын козу дейт, анан уй бар, Эрентир менен Күчик түртүшөт ал. [86-стр]

Кыргызский перевод	Кой жылдыз Үркөр менен катар келет, Эгиздер Чаян менен жакын турат [23-стр]
---------------------------	--

Анализ приведенных тюркоязычных переводов, кроме кыргызского перевода, свидетельствует о том, что во всех переводах сохранен оригинал текста. Так, в оригинале текста есть древнетюркское название созвездий “Узд”, “Эрентир”, “Күчик”. В древнетюркском словаре эти названия созвездий переводятся как “Телец”, “Близнецы”, “Рак” [Древнетюркский словарь, 1969, с. 605, 176, 463]. Из этих названий созвездия «Телец» в кыргызском переводе Т. Козубекова заменено словом «Үркөр». Это созвездие в древнетюркском словаре переводится как “Плеяда”. [Древнетюркский словарь, 1969, с. 824]. Также в тексте оригинала в первой строке есть слово “Узд”(Телец). Это слово в уйгурском переводе заменено на слово “үй”(дом), что говорит об искажении в значениях слов.

Теперь рассмотрим другие примеры, чтобы глубже понять язык поэмы “Кутадгу билиг”(Благодатное знание). В поэме можно найти слова, которые в нынешнее время встречаются в бытовой жизни кыргызского народа. Например: *кел (иди), тай (жесеребёнок), кайда (где), чык (выйди), көк (синий), лакап (пословица), карма (держи), кызыл (красный), сен (ты), мен (я), мүлк (имущество), күмүш (серебро), унут (забудь), көп (много), сан (число), жок (нет)* и т.д. Все перечисленные слова встречаются в поэме. Интересно, что несмотря на то, что поэма написана в XI веке, некоторые слова сохранили фонетическое звучание до сегодняшних дней. Это даёт основание полагать, что поэма Жусупа Баласагына была написана на древнекыргызском языке. Также в поэме есть слова, свойственные только кыргызскому языку. Например: *терс (трудно), сегиз (восемь), төрт (четыре), тогуз (девять), эки (два), тишиң (зубы), ачык (открыто), кырмачы (изготовитель деревянной посуды)* и т.д. Эти примеры можно встретить в переводах в соответствии с их языковыми особенностями. Например, рассмотрим пример из 3168 строки.

Оригинал текста	Билик бирле йазлур камуг терс түгүн, Билик бил укуш ук тирилгил өгүн [664-стр]
Кыргызское значение текста	Билим менен жазылат бардык терс түйүн, Билимди ал, акылыңды ук тирилгил өгүн.
Русский перевод	Познания – ключ к разрешенью загадок, Умом всё пойми – чти разумный порядок.[288-стр]
Уйгурский перевод	Билимле йешилген пүтүн тес түгүн, Билим бил, акыл ук, аңлык йашагын. [665-стр]

Если обратиться к тексту оригинала, то можно заметить, что слова в тексте очень близки кыргызскому языку. Например, слово “терс” показывает близость текста поэмы к кыргызскому языку. Во-первых, это слово написано как в кыргызском языке. Во-вторых, в уйгурском переводе это слово написано “тес”, т.е. пропущена согласная буква “р”. Если Жусуп Баласагын был по происхождению уйгуром, он бы написал текст так, как принято писать на уйгурском языке. Такие особенности можно заметить и в других словах, характерных только для кыргызского языка.

Например, 4458-строке в оригинале написано так:

Темүрчи, этүкчи йана **кырмачы**, Йа сырчы, бездизчи йа окчи йачы. [922-]

Кыргызское значение текста	Темирчи, өтүкчү жана кырмачы , Же сүрөтчү, жыгач кескич, же окчу-жаачы
-----------------------------------	--

Уйгурский перевод	Темирчу, өтүкчи йена теричи, Йа сырчы, бойокчы, йа окчы, йачы [923-]
Узбекский перевод	Темирчи(лар), этикчилар (яъни косиблар) хамда уймакордурадгор(лар) Ёбуёкчи(лар), рассомлар, ёуксоз-ейсозлар. [667-стр]
Казакский перевод	Темирчі, етікші, балташы, терішілер , Сыршы, зергер, садакшы, жебешілер[417-стр]
Кыргызский перевод	Темирчилер, өтүкчү, бычмачылар , Боёкчусу, жебечи, жаачысы бар.[366-стр]
Перевод кыргызов китайских	Темирчи бар, өтүкчү бар, кырмачы , Сырчы, бөзчү жебе, саадак кылдаты.[529-стр]
Русский перевод	Умельцам сапожных и кузничных дел, Швецам и точильщикам луков и стрел.[379-стр]

В этой главе Жусуп Баласагын пишет о мастерах и умельцах. В тексте оригинала он выделяет кырмачы (изготовитель деревянной посуды). Однако в современных переводах это слово связано с другими ремеслами. Так, в уйгурском переводе использовано слово “теричи”(мастер по коже), в казахском переводе – “бычмачылар”(кройщик), а в русском переводе это слово отсутствует. Это слово присуще кыргызскому языку, оно не используется в настоящее время и является архаизмом. В кыргызско-русском словаре это слово переводится “как изготовитель деревянной посуды”[Юдахин К.К,1965,с.496] В словаре уйгурского языка это слово не существует. [Наджиб Э.Н,1968,с.264]. Слово «кырмачы» употребляется только в разговорной речи кыргызов. И таких примеров много. Например, слово «тиш» (зуб) в уйгурском языке пишется «чиш», т.е. вместо буквы «т» пишется «ч». Это еще раз подтверждает идею о том, что поэма написана на древнекыргызском языке.

Связка сюжетной линии начинается с 15-16 глав. В этой главе автор рассказывает о счастье и справедливости. Если человек хочет быть счастливым, то всегда должен трудиться и быть справедливым. Это раскрывается в диалоге главных героев. Однажды правитель Кунтууду приглашает в свои покои верного визиря Айтолду. Во время встречи Кунтууду рассказывает ему о многом. Айтолду, сидит молча зажав глаза и слушает властителя. Такая сюжетная линия ставит вопрос перед читателем: Почему Айтолду сидит, зажав глаза, перед властителем? В последующей сюжетной линии автор разъясняет такое поведение визира Айтолду. В переводах словосочетание зажав глаза переведено неправильно. Приведём примеры:

Оригинал текста	Севинди Элиг көр йарутти йузун, Аны көрди Айтолду йумду көсин . Сөзүн кести Элиг хич үндемеди, Көсин йумду Айтолду хеч ачмады. [170-стр.]
Кыргызское значение текста	Сүйүнүп Элиг көрүп жүзүн, Аны көрдү Айтолду жумду көзүн . Сөзүн кести Элиг, эч үндөбөдү, Көзүн жумду Айтолду, эч ачпады.
Уйгурский перевод	Сүйүндү Элиг, көр йорутун йузин, Көрүп Айтолду буны жумду көзүн , Дымай хечниме, кести Элиг сөзүн, Бу Айтолды олтурды ачмай көзүн . [171-стр.]

<i>Узбекский перевод</i>	Элиг севинди, кургин, унинг чехрасы очилди, Уни курган Ойтолди кузларини юмиб олди. Элиг суздан тухтади, хеч индамади, Ойтулди ҳам кузини юмди , хеч очмади. [149-стр]
<i>Казакский перевод</i>	Сүйүнди Елик, куаныш жүди жүзин , Оны көрип, Айтолды жумды көзин. Сөзин кесип Елик еш тил катпады, Көзин жумып Айтолды, миз бакпады. [105-стр]
Перевод китайских кыргызов	Кубанычтан Элиг жүзү жайнады, Анда Айтолду көзүн жума калганы. Унчукпады ал Илик үздү сөзүн, Бу Айтолду олтурду ачмай көзүн. [96-стр.]
<i>Кыргызский перевод</i>	Эликтин кабагы ачык , жайдары эле, Айтолду кабак чытты өзүнчө эле. Таң калып Элик сөзүн кесип салды, Айтолду кабак чытты өзүнчө эле. [84-стр]
<i>Русский перевод</i>	Элик светел ликом, был весел и рад, Но тут Айтолды вдруг сощурил свой взгляд. Элик в изумлень просёк свое слово, Но тут Айтолду вдруг сощурился снова [110-стр]

Очевидно, что многие слова в оригинале близки к кыргызскому языку. Читая оригинал текста, можно без словаря понять смысл строк. Два слова «севинди», «йарут», в древнетюркском словаре переводятся так: «севинди» «радоваться, обрадоваться», «йорут»- «светиться». [Древнетюркский словарь, 1969, с.487, 243]. Эти слова в переводах (кроме кыргызского перевода) правильно переведены. В кыргызском переводе вместо «закмурил глаза» было написано «закмурил брови». Однако, как известно глаза и брови, не одно и то же. В кыргызском речевом обиходе брови не жмурятся, а только поднимаются или опускаются. И в первой и во второй строке кыргызского перевода встречается словосочетание *жмурятся брови*. Это скорее всего связано с тем, что кыргызский перевод постоянно делался на основе текста русского перевода.

На основе сопоставительного анализа разных переводов из поэмы «Кутадгу билиг» Жусупа Баласагына можно сделать нижеследующие выводы:

1. Узбекский перевод является первым современным переводом, только в переводе 476 строк по неизвестным причинам были сокращены.

2. В уйгурском, турецком, казахском переводах наблюдается попытка сохранить текст оригинала. При переводе на кыргызский язык автор перевода опирался на казахский и русский перевод. В связи с этим кыргызский перевод Т.Козубекова нуждается в серьезной переработке и свидетельством этому могут служить приведенные примеры.

3. Можно отметить качество русского перевода С.Н.Иванова. Несмотря на то, что русский язык далёк от древнетюркского языка, автор смог передать оригинал текста и подобрать соответствующие эквиваленты слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская тюркология, 1970, № 4-6
2. Турдубаева Н.Ш. Жусуп Баласагынын «Кутадгу билиг» дастаны жана анын түрк тилдериндеги котормолору. Бишкек, 2006.
3. Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов и др. Ленинград.: Наука, 1969.
4. Козубеков Т. Кут алчу билим. Фрунзе, 1988.
6. Юдахин К.К. Кыргызско-русский словарь. Фрунзе, 1965.
7. Наджип Э.Н. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.

COGNITION AND LANGUAGE
(USING THE EXAMPLE OF TRANSLATION BETWEEN RUSSIAN AND TURKISH)

Zhigulskaya Daria Vladimirovna
(Moscow)

PhD in History

Department of Central Asia and Caucasus, IAAS MSU,

E-mail: daria.zhigulskaya@rambler.ru

This article discusses the relationship between cognition and language. The languages of the world vary dramatically. They encode fundamentally different logics and structures. Languages influence the way people think, and create linguistic habits for language users, resulting in fundamentally different ways of understanding the world. This paper also focuses on the phenomenon of linguistic pictures of the world, and using the Russian and Turkish languages as an example, demonstrates that absolute equivalence in translation is never possible.

Key words: turkology, cognition, cognitive linguistics, linguistic pictures of the world.

To begin this paper, it is necessary to focus on cognitive science and, in particular, cognitive linguistics. Cognitive science is the multidisciplinary scientific study of minds and their functioning. Despite the fact that the roots of cognitive science extend far back into intellectual history, it only emerged as a discrete scientific field in the 1950s – a time when psychology, anthropology and linguistics were redefining themselves and when computer science and neuroscience were emerging as new disciplines.

A key contributor to the emergence of cognitive science, psychologist George Miller, dates its birth to September 11, 1956, the second day of a Symposium on Information Theory at Massachusetts Institute of Technology. Computer scientists Allen Newell and Herbert Simon and linguist Noam Chomsky also took part in the symposium [Miller, 2003, p. 143].

The key feature of cognitive science is that it is not a discipline in its own right, but a systemic multidisciplinary scientific field. The relative prominence of the disciplines that are included in that field has varied over the years. Computer science and psychology have always played a strong role in the study of cognitive phenomena. Neuroscience initially was strong, but its role declined as that of linguistics increased dramatically in the 1960s. By the 1970s, such disciplines as philosophy, sociology, and anthropology were making distinctive contributions. More recently, neuroscience has once again become one of the central contributors.

As mentioned above, cognitive science is a “mixture” of different scientific disciplines, which deals with various aspects of mental processes. In practice, in order to investigate one distinct question, cognitive science has to be more limited and restrict itself to domains. One of the fields of modern cognitive science is cognitive linguistics, which focuses on the domain of language. “It deals with all questions concerning language ability, such as: What is language? How do we acquire language? What part of the brain underpins language use? Other fields of linguistic investigation center on primate language use, language acquisition, deficits in language acquisition caused by early sensory deprivation or brain damage, the relationship between language and thought, and the development of speech recognition systems” [Friedenberg, 2006, p. 20].

One of the main complexities encountered in cognitive linguistics arises from the fact that language itself is very complex. In essence, it is possible to state that we know almost everything about *languages* but virtually nothing about *language*. Thus, further the main features and principal challenges of modern cognitive linguistics are discussed.

Cognitive linguistics as an approach to the study of language and human cognition had taken form by the beginning of the 1970s. The central subject of investigation in cognitive linguistics was the relationship between human language, the mind and socio-physical experience. In the 1970s and early 1980s a wide range of studies on this subject appeared. Among the authors who contributed most to the development of the discipline it is important to mention Len Talmy, Ronald Langacker, George Lakoff, Charles Fillmore and Gilles Fauconnier.

According to the cognitive linguistics approach, the study of language is the study of language use. When one is engaged in any language activity one unconsciously relies on vast cognitive and cultural resources, models and frames. Thus, language does not “represent” meaning, but instead constructs meaning in particular contexts with particular cultural models and cognitive resources. Cognitive linguistics lies outside the visible boundaries of language and investigates the more complex implicit functions of cognition.

The most crucial questions to which cognitive linguistics is trying to find the answers are: Where does meaning come from? And if meaning is conceptualization, what makes concepts meaningful? George Lakoff claims that “conceptual structure is meaningful because it is embodied, that is, it arises from, and is tied to, our preconceptual bodily experience. In short, conceptual structure exists and is understood because preconceptual structures exist and are understood. Conceptual structure takes its form in part from the nature of preconceptual structures” [Lakoff, 1987, p. 265].

Due to the neuro-anatomical features of human nature, people have a species-specific view of the world. This means that perception of “reality” is mediated, in large measure, by the nature of our embodiment. The concepts we create and subsequently implement are a function of our embodiment. From this point of view, the human mind should bear the imprint of embodied experience.

According to the concept of *linguistic pictures of the world*, the *real world* is not represented identically in human consciousness, but is refracted and transformed by the human mind into a *special world*. Thus, the term *linguistic picture of the world* refers to the *special world* that is reflected in language. For this reason, the question of coherence between a national language and a national mentality is one of the central issues in cognitive linguistics: which comes first? Does national mentality form language, or does language, on the contrary, “impose” the specific features of its native speakers on national character and mentality? To some extent, this question is reminiscent of the well-known conundrum of which came first – the chicken or the egg? Yet this does not invalidate the question. Below, there is an attempt to explain the sequence of these processes.

Firstly, external conditions (such as climate and nature) together with the psychological and anthropological characteristics of a national group/society form specific features which lay down the foundations of national character and mentality. The specific features of this character and mentality are subsequently reflected and fixed in the frame of language. From this point on, these specific features are passed on to younger generations as fixed and unchangeable signs. Thus, the language in the *formation phase* is a product of national character and mentality, which is partly determined by external factors and environment. In *later phases*, changes may occur in the external environment and some factors may even disappear. Despite these changes, however, the specific features of mentality and character remain stable and continue to be passed on to each subsequent generation.

Why and how is this possible? It happens because the language “offers” new generations of its native speakers a ready-made model of national perception of the *picture of the world*, which is crystallized in the language. To put it more simply, the language in the formation phase is an “egg”, but after its formation is completed, it becomes a “chicken”.

Another crucial question concerning the concept of *linguistic pictures of the world* is what happens to someone who uses a foreign language not only for short-term communication (travel, business, participation in international events etc.), but who has to change his/her linguistic environment and permanently live and communicate in a foreign language sphere? This is a very complex situation, where the person finds his/herself between two *linguistic pictures of the world* without belonging to either. Losing the ability to communicate in one's native language results in a dramatic reduction in one's ability to understand humor, puns, metaphors, idioms and implicit connotations (unless one is bilingual).

Living in a foreign-language environment, one is hardly able to penetrate *the cognitive base* of the foreign national culture, where the *cognitive base* is a structured range of knowledge possessed by all members of the nation. The *cognitive base* is always reflected in language. This is why knowledge of a foreign language at the level of *language as an instrument*, rather than at the *level of cognitive base*, inevitably leads to translation errors when a foreigner may sometimes not understand even simple phrases and words with implicit connotations that are obvious to native speakers [Kornilov, 2014]. The next section of this article focuses on the problem of faithful translation and provides some examples of *untranslatability*, referring to the main challenges for Turkish language students.

Modern *Translation Studies* distinguish three types of translation: *intralingual translation* (an interpretation of verbal signs by means of other signs in the same language); *interlingual translation* (an interpretation of verbal signs by means of some other language); *intersemiotic translation* (an interpretation of verbal signs by means of signs from nonverbal sign systems) [Bassnett, 2002, p. 23].

Here only *interlingual translation* is discussed, although the central problem in all types is that there is no full equivalence through translation. Translation is not just about transferring texts or verbal information from one language to another; it is now rightly seen as a process of negotiation between information (written or oral) and between cultures. This complicated and multi-level process, which includes different transactions, is mediated by the figure of the translator or the speaker him/herself.

The basic elements of any language are letters. "These are discrete symbols that are combined according to a set of rules. The combinations, or words, have meaning and are themselves combined according to a set of rules. The combinations, or words, have meaning and are themselves combined into other higher-order units: sentences, which also have semantic content. The rules by which these word elements are combined and transformed in language are called syntax. Syntax constitutes the set of permissible operations on the word elements. It is the elements themselves that are the mental representations" [Friedenberg, 2006, p. 6]. Thus, the information must be seen as a complex system of signs and symbols and the task of the translator (or a person involved in a discussion in a foreign language) is to *de-code* and *re-encode* it.

According to the French theorist George Mounin, translation is a series of operations of which the starting point and the end product are significations and function within a given culture [Mounin, 1963]. To clarify this statement, the subsequence of transactions in the translation process is illustrated below: source language code – analysis – code restructuring – transfer – receptor language translation.

Thus, translation is the replacement of the signs encoding a message by signs from another code, while preserving invariant information with respect to a given system of reference. Meanings vary across cultures. The meaning of a word in a language spoken by one cultural group is therefore unlikely to have an exact analogue in other languages.

Let us consider some simple examples: the Turkish expression *ciğerimin köşesi*, if translated into Russian without paying attention to its signification, will not be able to perform its

function of meaning within the sentence, even though there may be a dictionary equivalent. While in Turkish it is used to describe someone who is very precious to you, in Russian it literally means ‘a corner of my liver’.

Another example is the Russian word *mujik*, which translates roughly into Turkish as *Russian peasant*. In this case, the translation is only an adequate interpretation of an alien code unit and equivalence is impossible. Here we are faced with the phenomenon of *untranslatability*.

The difficulties of translating from Russian to Turkish and vice versa are primarily due to the dissimilar nature of the two languages. Turkish is an agglutinative language – a vital morphological characteristic that distinguishes it from the Indo-European languages and, in particular, Russian, which is an inflectional language. It would be true to say that Turkish and Russian employ fundamentally different methods of organizing and deploying speech, and of interlinking the various components of a sentence.

For instance, thanks to the verbal-nominal form, Turkish has no need of coordinative or subordinate conjunctions, nor does it need to build dependent clauses of the Indo-European type. These verbal-nominal forms are initially very difficult for students of the Turkish language to grasp.

Action nouns (or *masdars*) and *substantive-adjectival forms* (*SAFs*) should be classified as *verbal-nominal forms*.

Action nouns (*masdars*) are verbal forms that also have a presentive meaning, making them cognates of nouns. Thus, because these forms have certain properties that are also typical of verbs and nouns, they are known in Turkish studies as *isim-fil*, or ‘noun-verb’. Modern Turkish features the following action nouns: *-mak*, *-ma*, *-(y) iş* and the rare form *-maklık*.

To give an example, let us examine the phrase *Bunu yapmanda fayda var*, which can be translated as ‘It would be useful for you to do this’ or ‘You ought to do this’. The *masdar yapma* can be literally translated as ‘doing’. This form takes the second person possessive singular affix *-n* as well as the locative case affix *-da*, which literally means ‘in your doing/performance’. The phrase ‘fayda var’ is best translated as ‘there is value’, giving us ‘In your doing this there is value’, or, in a more natural idiom, ‘You ought to do this’.

The *substantive-adjectival forms* are able to express both “objectified” action – i.e. an action presented as an object, and “adjectivized” action. As they are also able to act as verbal substantives and verbal adjectives, they can be conveniently described as substantive-adjectival forms (*SAFs*) [Guzev, 1990, pp. 122-126].

This applies to the Turkish forms *-dik*, *-(y)acak* and *-(y)ası*. One aspect of Turkish substantive-adjectival forms is the fact that, like *masdars*, they can take personal possessive affixes.

By way of an example, let us examine the phrases *Geleceğinizi biliyordum* and *Geleceğiniz günü sabırsızlıkla bekliyorum*. The former translates as ‘I knew you (plural) would come’ and is an example of the substantive use of *SAFs*, whereas the latter can be translated as ‘I look forward to the day you (plural) will come’ and is an example of the adjectival use of *SAFs*.

Let us look at one more example of a *SAF*, used together with voice affixes. The phrase *Ahmet, mağazadaki fiyatların sahipleri tarafından artırıldığını söylüyor* translates as ‘Ahmet says that the prices in the shop have been increased by its owners’. Focusing in on the lexical unit *arttırıldığını*, this is based on the root *-art*, meaning ‘to grow (of prices/indicators), to increase’. The affix *-tır* is a causative particle, indicating that the action (growth, in this case) was provoked by somebody (the shop owners, in this case). The affix *-ıl* is a passive voice affix. And finally, the substantive-adjectival form *-dik* indicates a substantive action. This form takes the third person singular possessive affix *-ı* and is cognate with the word *fiyatlar*. Thus, *fiyatların arttırıldığı* can be translated as ‘the fact of an increase in prices’. We then encounter a delimiting *-n* and the accusative affix *-ı*.

The difficulty of translation does not only exist between distinctively different languages (like Russian and Turkish). Surprisingly, even more complexity may sometimes arise when translating between two languages within the same *family* with much in common (such as Turkish and Azerbaijani). Turkish and Azerbaijani are very similar, yet there are still enough differences in semantics, phonology and, to some extent, grammar to make for easy misunderstandings between the two groups of speakers.

For example, the Azerbaijani sentence *uçacağımız on dakika sonra düşecek*, meaning *our plane will land in 10 minutes*, may cause panic amongst any Turks on board, because in Turkish the verb *düşecek* literally means *will fall*. The Turks would therefore interpret the sentence as ‘our plane will fall in 10 minutes’.

Consequently, to achieve equivalence in translation one should not search for *sameness*, since *sameness* cannot ever exist between two languages.

The aim of this article was to present a general concept of cognitive linguistics as a distinct discipline in the multidisciplinary field of cognitive science, using the Russian and Turkish languages as an example. The notions of *linguistic pictures of the world*, *the cognitive base of a language* and *untranslatability* were also introduced in this paper.

There is no doubt that language is a *structuring structure* and thus influences the way people think, as well as how they perceive the world, make decisions and communicate. Meanings of words are grounded in our physical and social environment. Concepts of language arise from our sensorimotor experience and the neural structures that give rise to it.

REFERENCES

1. Bassnett S. *Translation Studies*. Third Edition. Routledge: London and New York, 2002. 176 p.
2. Friedenberg J., Silverman G. *Cognitive science. An introduction to the study of mind*. Sage Publications: Thousand Oaks, London, New Delhi, 2006. 531 p.
3. Lakoff G. *Women, fire and dangerous things. What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press., 1987. 614 p.
4. Miller G.A. *The Cognitive Revolution: A Historical Perspective* // TRENDS in Cognitive Sciences. 2003. Vol.7. №3, pp. 141-144.
5. Mounin G. *Les problmes théoriques de la traduction*. Paris: Callimard, 1963. 290 p.
6. Guzev V.G. *Ocherki po teorii turkskogo slovoizmeneniya: glagol (na materiale staroanatoliysko-turkskogo yazika)* [Essays on the Theory of Turkic Inflections: The Verb (Based on Material from Old Anatolian Turkic)]. Leningrad, 1990, pp. 122-126
7. Kornilov O.A. *Yazikoviyе kartini mira* [Linguistic pictures of the World]. Moscow: “KDU”, 2014. 350 p.

МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК
(на примере русского и турецкого языков)

Жигульская Дарья Владимировна
кандидат исторических наук
кафедра стран Центральной Азии и Кавказа
ИСАА МГУ, Москва
E-mail: daria.zhigulskaya@rambler.ru

В статье рассматривается взаимосвязь языка и человеческого мышления. Между языками существуют кардинальные отличия, выраженные в непохожих структурах и особой языковой логике. Языки влияют на образ мышления людей и формируют лингвистические привычки для их носителей. Это приводит к отличному восприятию мира представителями разных культур и языковых традиций. В статье внимание уделяется также феномену языковых картин мира, и на примере русского и турецкого языков, демонстрируется, что абсолютная идентичность в переводе вряд ли возможна.

Ключевые слова: тюркология, мышление, когнитивная лингвистика, языковые картины мира.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ СКАЗКИ БРАТЬЕВ ГРИММ «ROTKÄPPCHEN»)

Фарсыева Гузель Заатовна

1 курс магистратуры

Высшей школы татаристики и тюркологии им. Г.Тукая

Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого

Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

E-mail: farsyevaguzel@mail.ru

В статье рассматривается проблема перевода реалий с немецкого, с русского на татарский язык. Вопрос о переводах сказок братьев Grimm на русский и на татарский язык специально никем не исследован. Перевод К.Фассахова и Г.Петникова являются прямыми: с немецкого на татарский и с немецкого на русский язык. В ходе работы было исследовано множество переводческих методов работы с реалиями.

Ключевые слова: сказка, переводческие трансформации, реалии, национальный колорит, уподобляющий перевод, калька.

Перевод – неделимая часть духовной культуры каждой страны и её народа, духовной культуры всего человечества. Перевод не может быть понят, а тем более научно определён, если его не рассмотреть с точки зрения его языковой сущности, если не раскрыть его лингвистических основ, его лингвистической природы, так как перевод – это, прежде всего языковая деятельность. Перевод основывается на языке, переводчик работает с языком. Язык – фундамент и основное средство перевода. Перевод не может быть понят, если не будет раскрыта его способность отражать и пересоздавать оригинал. Перевод является отражением оригинала. Чем вернее, чем целостнее это отражение, тем выше качество перевода. «Перевод должен не только отразить, но и пересоздать оригинал, не «скопировать» его содержание и форму, а воссоздать их средствами другого языка для другого читателя, находящегося в условиях другой культуры, эпохи, общества». Перевод не может быть понят, если не будет раскрыта его психология [Попович, 1980, с. 15].

Главная цель перевода – достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности – умело произвести различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключённую в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка.

Преобразования, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода, называются переводческими трансформациями. Однако термин «преобразование» нельзя понимать буквально: сам исходный текст «не преобразуется» в том смысле, что он не изменяется сам по себе. Этот текст, конечно, сам остается неизменным, но наряду с ним и на основе его создается другой текст на ином языке.

Переводческие трансформации представляют собой особый вид перефразирования – межъязыковое, которое имеет существенные отличия от трансформаций в рамках одного языка. Говоря об одноязычных трансформациях, имеются в виду фразы, которые отличаются друг от друга по грамматической структуре, лексическому наполнению, имеют (практически) одно и то же содержание и способны выполнять в данном контексте одну и ту же коммуникативную функцию. Сравнивая исходный и переводящий тексты, мы произвольно отмечаем, что некоторые отрезки исходного текста переведены «слово в слово», а некоторые – со значительными отклонениями от буквальных соответствий.

Особенно обращают на себя те места, где переводящий текст по своим языковым средствам совершенно не похож на исходный. Следовательно, в нашем языковом сознании существуют некоторые межъязыковые соответствия, отклонения от которых мы и воспринимаем как межъязыковые трансформации [Бархударов, 1975, с. 85].

Вопрос о переводах сказок братьев Гримм на русский и на татарский язык специально никем не исследован. Перевод К.Фассахова и Г.Петникова являются прямыми: с немецкого на татарский и с немецкого на русский язык. Перевод с использованием кальки встречается, в основном, при передаче имен собственных. Так, при передаче на русский язык слово «Rotkäppchen» переводчик (Г.Петников) использовал как «Красная шапочка», а К.Фасахов передает как «Кызыл калфак».

Обратимся к словарям, для того чтобы узнать, насколько оправдана в тексте прием кальки: *Das käppchen* - в буквальном переводе «колпак, колпачок» (от тюр. Kalpak – высокая шапка) Конусообразный или овальный головной убор. Служащий для различных целей [Толковый словарь русского языка С.И.Ожегова]. *Шапочка* – уменьшительно-ласкательная форма от шапка- головной убор, преимущ. теплый, мягкий [Толковый словарь русского языка С.И.Ожегова]. *Калфак* – иск.этн.Сэйлэн яки энже б-н чигелеп, бәрхетгән тегелгән, маңгай турысына киелә торган хатын-кыз баш киеме [Толковый словарь татарского языка].

Уподобляющий перевод основан на подборе функционального эквивалента, который вызывает у читателя перевода те же ассоциации, что и у читателя оригинала.

В переводе сказки братьев Гримм «Rotkäppchen» заимствованная в русский язык реалия «der Kuchen», которая толкуется в словарях как «пирог, пирожное» передана на русский как «пирог», а на татарский как «бөккән». Употребление такого эквивалента К.Фасаховым вполне оправдано, так как переводчик в данном случае полагается на ассоциации, которые вызывает у читателя упоминание о пироге, на известный уже как стереотип. Так, немецкое понятие «das Wein» (вино) переведено на татарский язык с использованием приближенного соответствия «ширбәт».

Фраза на немецком «...Es wunderte sich, dass die Tür aufstand, und wie es in die Stube trat, so kam es ihm so seltsam darin vor, dass es dachte: Ei, *du mein Gott*, wie ängstlich wird mir's heute zumut, und bin sonst so gerne bei der Großmutter!..» переведено на русский язык как «... Она удивилась, что дверь настежь открыта, а когда вошла в комнату, все показалось ей таким странным, и она подумала: *Ах, боже мой*, как мне нынче тут не страшно, а ведь бывало у бабушки с такою охотой!...» и конечно же на татарский язык как: «... Әбисе өенә килеп житсә, шаккаткан кызыка: ишеге шар ачык, ди, өй эче дә ничектер сәер тоелган. «*Йа, хода*, - дигән кызыкый эченнән генә, - нишләптер бик шомлы эле бүген монда, башка чакларда бик күңелле була торган иде.»

Этот прием является наиболее удачным, поскольку он учитывает необходимость ориентирования текста на читателя. Сказка, рассчитанная, главным образом, на детей, не должна быть перегружена языковыми единицами, значение которых оставалось бы за пределами восприятия читателя. В данном произведении смысловое содержание реалий выступает на первый план, вследствие чего необходимо обеспечить предельную ясность текста перевода и его доступность читателю.

Вот этот отрывок «... Finde ich dich hier, *du alter Sünder* ...» на русском звучит так: «...А-а! Вот ты где, *старый греховодник!*..», а на татарском переводе следующим образом: «... Ә-һә-ә, эләктенме, *явыз жан*... » Таким образом, К.Фасахов сумел подобрать лучший вариант для передачи данного обращения.

Опущение реалии в большей степени можно отнести не к способам перевода реалии (перевод как таковой в данном случае отсутствует), а к возможным приемам обращения с реалиями при переводе содержащих их текстов.

Так, в оригинале сказки есть такой момент: «*Noch eine gute Viertelstunde weiter im Wald, unter den drei großen Eichbäumen, da steht ihr Haus, unten sind die Nusshecken, das wirst du ja wissen,*» sagte Rotkäppchen... » .

В переводе романа на русский язык упоминание этого момента сохраняется, а на татарском варианте перевода отсутствует. Реалия, а соответственно присущий ей колорит, были опущены переводчиком, однако, следует заметить, что ссылка на этот момент в тексте перевода сохранены. Данный пример относится к случаям, когда обозначаемые реалиями понятия являются предметом сообщения и поэтому не могут быть опущены.

Анализ сказки братьев Grimm «*Rotkäppchen*», показал, что переводчики прибегают к самым разнообразным способам работы с реалиями, что указывает на наличие субъективного фактора в решении данной проблемы. Чтобы перевод затронул читателя и в то же время сохранился оригинальный смысл, переводчик должен понять концепцию сказки. К. Фасахов и Г.Петников с своих переводах находят подходящие варианты, что делает их ближе к татарскому и русскому читателю, при этом расхождения с оригинальным смыслом совсем незначительны.

Переводчик выбирает тот или иной прием, полагаясь на свой переводческий инстинкт, опираясь на полученные знания и накопленный в процессе работы опыт, поэтому окончательное слово, независимо от теоретических исследований в большинстве случаев остается переводчиком-практиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попович А. Проблемы художественного перевода. – М.: Высш. школа, 1980. – 199 с.
2. Бархударов Л.С. - Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международ.отношения, 1975
3. Байрамова Л.К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. – Казань: Изд-во КГУ, 2001.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов. Под ред. И. Ю. Шведовой.– 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.
5. Петников Г. Н. Сказки. – Минск: Гос. Издательство БССР, 1957. – 720 с.
6. Әдһәмова С. Әкиятләр. Бер туган Гриммнар әкиятләре тәржемәләре. – Казан: Татгосиздат., 1948. – 44 б.
7. Жамалетдинов Р.Р. Татар һәм рус телләренен чагыштырма грамматикасы: дәреслек-кулланма.–Казан: КДУ нәшр., 2004. -144б.
8. Русча - татарча сүзлек / Филология фәннәре докторы Ф.А. Ганиев редакциясендә.- Мәскәү: Рус теле, 1991.-Б.235.
9. Фәсәхов К. Күңелле музыкантлар. Бертуган Гримм әкиятләре тәржемәләре.– Казан: Татар.кит.нәшр., 1982. -168 б.
10. DUDEN: Das Synonymwörterbuch. Ein Wörterbuch sinnverwandter Wörter. ISBN: 978-3-411-04085-8 5., vollständig überarbeitete Auflage.
11. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Stuttgart: Reclam-Verlag, 1994. 454 S.
12. Jacob und Wilhelm Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Große Ausgabe. 2 Bänder. Berlin, 1812/15. Band 1. 418 S.
13. Jacob und Wilhelm Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Große Ausgabe. 2 Bänder. Berlin, 1812/15. Band 2. 418 S.

**THE TRANSLATION OF THE REALITIES ON THE TATAR LANGUAGE
(FOR EXAMPLE THE FAIRY TALES
OF THE BROTHERS GRIMM «ROTKÄPPCHEN»)**

Farsyeva Guzel Z.

The first course magistracy

Kazan (Volga region) Federal University,

Tatarstan, Kazan

E-mail: farsyevaguzel@mail.ru

The article deals with the problem of the transfer of reality from German, from Russian into Tatar language. Question about translation of the brothers Grimm fairy tales in Russian and Tatar language specifically no one has explored. Translation K. Fasahov and G. Petnikov is direct: from German to Tatar and German in the Russian language. During the work was studied a variety of translation methods of realities.

Key words: fairy tale, term, translation transformations, realities, national character.

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИДИОГЛОСС В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Касымалиева Кайрул Эсенгуловна
аспирант филологического факультета
кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2а,
Москва, Россия, 117198
kaira_17@mail.ru

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть различные приемы стратегии лексической трансформации при переводе этнокультурных идиоглосс, которые играют важную роль в авторской национальной картине мира. Цель нашего исследования – провести сравнительный анализ текста оригинала и перевода и рассмотреть приемы лексической трансформации при передаче текста с русского на кыргызский язык.

Ключевые слова: идиоглосса, этноидиоглосса, ассоциаты, текстовое ассоциативное поле, стратегии и приемы перевода, лексические трансформации, Ч. Айтматов, А. Джакыпбеков.

Введение

Перевод художественных текстов принадлежит к числу тех культурологических феноменов, интерес к которым неуклонно возрастает по мере развития цивилизации и усложнения межкультурных диалогов.

Чингиз Айтматов – выдающийся кыргызский писатель–билингв, который свободно писал свои произведения, как на родном кыргызском так и на русском языках и занимался переводом своих произведений самостоятельно и соавторстве с другими переводчиками. Он пишет: «Для меня русский язык в не меньшей степени родной, чем кыргызский, родной с детства, родной на всю жизнь», – пишет он. Вместе с тем, он отмечает: «когда я создаю свои вещи на кыргызском языке, я чувствую неповторимость своего высказывания, неповторимость выражения своего «я» [Айтматов, 1978, с.10-11].

Творчество Ч. Айтматова, как писателя–билингва интересовало многих литературоведов и языковедов не только отечественных исследователей, но ближнего и дальнего зарубежья. Следует отметить работы литературоведа Ч.Т. Джолдошевой «Современная киргизская повесть и проблемы перевода», «Двуязычное творчество Ч. Айтматова» и др... Языковед У.М. Бахтикерева в своей работе «Художественные функции лексики с национальным культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» справедливо отмечает, что для Ч. Айтматова важна аудитория читателя «*В кыргызском тексте большое количество фразеологических выражений. В русском тексте герои изъясняются естественно и привычно для русского слуха, исчезают тонкости киргизской диалогической речи и формы выражения, типичные для данного героя.*» [Бахтикерева, 1995, с.45]

Миссия писателя–билингва – донести до других этносов своеобразие родной культуры. Так и Ч. Айтматов – представитель кыргызского этноса в своих произведениях при помощи этнокультурных идиоглосс вводит русскоязычного читателя в своеобразный мир кыргызской культуры.

Мы попытаемся реконструировать авторскую языковую картину мира, выбрав в качестве основного предмета исследования этнокультурные идиоглоссы - языковые единицы, будучи заключенными в определенные условия (рамки текста) становятся определяющими маркерами идиостиля писателя.

Методика текстового ассоциативного поля при раскрытия смысла этнокультурных идиоглосс

Идиоглосса в широком смысле - это ключевое слово, единица текста, но одновременно это и обязательная единица индивидуального авторского лексикона, заряженная потенцией раскрыть читателю не только то, *какой мир* воссоздает автор, но и то, *как* он это делает. В семиотическом аспекте идиоглосса это слово-знак, но не обычный, а знак второго порядка, поскольку его содержанием является не столько семантическая составляющая, сколько миротформирующая стилевая функция строительного элемента в картине мира автора [Караулов, 2014, с.896].

При раскрытии этнокультурной идиоглоссы мы использовали понятие *текстового ассоциативного поля* и методику его построения и интерпретации, описанные в работах Ю.Н. Караулова [Караулов, 2015, с. 15-16].

В ассоциативном поле исследователи выделяют несколько типов структур: лексическую, синтаксическую, морфологическую, когнитивную и прагматическую. Первые три, охватывающие все элементы ассоциативного поля, репрезентируют язык как сущность, «язык в самом себе и для себя».

Когнитивная структура, отражающая языковую картину мира, актуализирует отношение «язык» и «человек». Отношение «человек» – «действительность» репрезентируют единицы прагматической структуры поля. Поскольку процесс функционирования языка определяется тремя взаимосвязанными сущностями: «язык» – «человек» – «действительность», Ю.Н. Караулов считает целесообразным выделить еще одну структуру, которая соответствовала бы отношению «язык» – «действительность», и предлагает назвать ее «семантическим гештальтом». По его мнению, «схематические контуры» этой ассоциативной структуры, ее достаточно четкие «структурообразующие точки» способны воссоздать вполне определенный, целостный «образ» фрагмента реальности, который стоит за каждым из полученных ассоциативных полей.

Лексические трансформации этнокультурных идиоглосс при переводе

Сравниваются авторский текст произведения с переводом Ашима Джакыпбекова на кыргызский язык.

Сопоставление оригинального текста с переводом этнокультурных идиоглосс ведется на материале произведения Ч. Айтматова «Прощай Гульсары!». Перевод повести «Прощай, Гульсары!» на кыргызский язык был осуществлен талантливым прозаиком и переводчиком Ашымом Джакыпбековым. Сам переводчик вспоминает: *«Творчеством своего земляка интересовался со студенческих лет, был его постоянным читателем. Начал переводить его произведения, написанные на русском языке, по предложению самого писателя. Первой повестью Чингиза Айтматова, переведенной мною стала повесть «Прощай, Гульсары!».* Приступая к переводу этой самой значительной, большой по объему, сложной по композиции повести Ч. Айтматова, я чувствовал большую ответственность перед будущими читателями и писателем, доверившим мне свое творение». [Айтматов, 1979, с.117]. Этому же автору принадлежат переводы произведений Ч. Айтматова такие как: «Ранние журавли», «Восхождение на Фудзияму», «И дольше века длится день», «Белый пароход», «Снега на Манас-Ата» и др.

Рассмотрим этноидиоглоссы «**конь**» и «**игра**» в переводе с русского на кыргызский язык как единиц текстового ассоциативного поля

В семантическом гештальте ВНЕШНИЙ ВИД обращает внимание на себя описание коня-иноходца «в прекрасную пору его молодости» [Айтматов, 1985, с.123].

В переводе на кыргызский язык это описание передается в традициях эпических сказаний. Оно дополняется цитатами из эпоса «Манас» и рассчитано на восприятие

кыргызского читателя: «*Бою жазылып, тулкусу узарып, балалык жумур денеси чыйралып, көөдөнү кеңейди, соорусу жайылып, курсагы кынжыя тартты. Кең омууроо, балбан билек* (досл. *сильные, крепкие передние ноги*), «*чаткаягы чаткалдай*» (досл. *сравнение задних ног с впадинами между гор*), *катынкы баш, дулдул жон тартып* (сравнение со сказочным быстроногим и неутомимым скакуном), *нагыз сынакы жоргонун кебин кийип келатты....*» [Айтматов, 1978, с. 34]. Такое архаическое представление о коне характерно для кыргызско-кочевника. Во первых, устное народное творчество является одним из главных источников в развитии кыргызской национальной литературы. Об этом свидетельствуют до нас дошедшая традиция устной народной поэзии – от лирических жанров до эпосов различных жанров. Во вторых, общеизвестно, какую огромную роль в хозяйственной и ратной жизни древнего кочевника, весь свой век проводившего в седле, играл конь-друг и соратник. И человек относится к коню с особым благоговением, мифологизируя его образ и именуя его по-кыргызски Тулпар (крылатый скакун), дулдул (сказочный скакун). «*Не конь, а дулдул*» [Айтматов, 1985, с.148].

Следует отметить, что переводчик Ашым Джакыпбеков более глубоко раскрывает этноидиоглоссу «**конь**», применяя прием «*целостного преобразования*» лексической трансформации. [Рецкер, 2007, с.49] Переводчик в своем переводе задействовал разнообразный паремиологический пласт кыргызского языка (национальные пословицы и поговорки, притчи, мифологические образы коня, мифологический образ покровителя лошадей), тогда как оригинальный текст этого не содержит: «*Жылкы баласын кор тутсан жолдо каласын, адам баласын кор тутсан, колдо калсын*» – досл., «*Без заботы растить коня – остаться на пол пути, без заботы растить детей – остаться в одиночестве*»; «*Күлүк кунундо, тулпар тушунда*» - досл., «*Каждому делу свое время*», т.е. *пришло время иноходца показать себя*. [Айтматов, 1978, с.133]. Переводчик включает в текст различные жанры устного народного творчества, не только национальные, но и калмыцкого этноса. Чтобы ярче подчеркнуть значимость коня для кочевника приводит калмыцкое жестокое проклятие: «*Орто жолго барганда атын өлсун, орто жашка барганда катынын өлсун*» - досл., «*Пусть умрет жена, когда будешь не молодым – пусть погибнет конь, когда будешь в середине пути*» [Айтматов, 1978, с.111].

В тексте перевода перед «Игрой-1» (большие скачки) Танабай просит благословения у покровителя лошадей **Камбар Ата**: «- *Кана, Гулсарым, Камбар Атан жар болсун!* (Да поможет нам, Камбар –Ата!)» [Айтматов, 1978, с.52]. В оригинале: «- *Ну смотри у меня, Гульсары, не подкачай, - шептал он*» [Айтматов, 1985, с. 139].

Ч. Айтматов в данном фрагменте повести не использует поговорки пословицы, мифологический образ. Это объясняется тем, что произведение, в первую очередь было рассчитано на русскоязычную аудиторию читателей, во-вторых, стратегия введения в текст национально-окрашенных слов у Ч. Айтматова последовательное и сопровождается обязательными пояснениями. Читатель постепенно погружается в мир кыргызской культуры. Так например, в повести «Ранние журавли» Ч. Айтматов, раскрывая этноидиоглоссу «**конь**», упоминает о покровителе лошадей **Камбар Ата** и дает пояснение. Во время весенней пахоты Султанмурат мысленно обращался к ним и внушал им: «*Потерпите рожденные от Камбар-Аты, подружней налегайте. Ведь не каждый день будет так тяжело. Сегодня снег, а завтра его не будет...*» [Айтматов, 1978, с.586].

Рассмотрим семантический гештальт УЧАСТНИКИ этноидиоглоссы «Игра-1» (большие скачки), «Игра-2» (козлодрание) в переводе. Как было подробно описано в предыдущей статье о семантических гештальтах□. Рамки данной статьи не позволяют охватить все ассоциаты семантического гештальта УЧАСТНИКИ.

При раскрытии ассоциатов семантического гештальта УЧАСТНИКИ автор перевода

А. Джакыпбеков прибегает к различным приемам лексической трансформации. Ассоциат *старики* в кыргызском тексте передан лексемой **аксакал**, что в дословном переводе по словарю К.К. Юдахина означает: 1. знач. «седобородый»; 2. знач. «форма почтительного обращения к старшему по возрасту или общественному положению» [Юдахин, 1965, с.39]. В кыргызском толковом словаре дается следующее толкование: 1. знач. «**сакалы агарган аптак сакалдуу**» – досл. седобородый; 2. знач. «старейшина одного села или рода». [Кыргыз тилинин сөздүгү, 2010, с.59]. При этом словари не полностью раскрывают идиосмысл ассоциата **аксакал**. Для его раскрытия переводчик применяет метод «**смыслового развития**» т.е. в контексте раскрывает идиосмысл этой лексемы [Рецкер, 2007, с. 47]. В «Игре-2» (большие скачки) «**Мааракени башкарган аксакалдар (старейшины, которые управляют праздником) аттарын таскактатып, жорго салдырып, ары-бери журууш кылат...**» [Айтматов, 1978, с.53]. В «Игра-2» «... **аксакалдар** алды-качты аламанга **уруксат бата беришти (дали свое благословение на вольную схватку)**» [Айтматов, 1978, с.57]. В социальной жизни кыргызов **аксакалы** занимают центральное место. Об этом свидетельствуют пословицы и поговорки, такие как: «*Карынын созун капка сал*» - досл. перевод «Советы стариков мотай на ус»; «*Карысы бардын ырысы бар*» – досл. перевод «У кого есть старики, у того есть и достаток», «*У кого дед, у того и обед*». Без них не начиналось ни одно важное событие (свадьба, поминки). *Аксакалы* были не только почетными гостями различных пиршеств, давали советы, благословляли, но и одновременно управляли, следили за соблюдением национальных обычаев и традиций. Надо отметить тот факт, что до сих пор в селах и в некоторых городах Кыргызстана функционирует такие объединения как: «**Аксакалдар соту**» - Суд аксакалов; «**Аксакалдар кенеш**» – Совет аксакалов.

При переводе ассоциата *игроки-всадники* семантического гештальта УЧАСТНИКИ переводчик использует прием «**идеографической конкретизации**», которая основана на соответствии одного слова языка-1 нескольких слов языка-2» [Рецкер, 2007, с.48]. Если автор оригинала Ч. Айтматов называет участников в «Игре-1», «Игре-2» **всадники, люди**, то переводчик в описании «Игры-1» (большие скачки), использует профессиональную лексему для конных игр **чабандостор**, в «Игре-2» (козлодрание) представляет синонимический ряд лексем **көкбөрүчүлөр, улакчылар**. В толковом словаре «Кыргыз тилинин сөздүгү» лексемы **чабандостор** дается следующее значение: в первом значении «**көкбөрү оюнун чебер ойной алган адам**» (участники конных игр), во втором – «**аткамыкты жүрөө билген адам**» (мастер конной езды) [Кыргыз тилинин сөздүгү, 2010, с.1295]. Данная лексема **чабандостор** имеет и другой вариант употребления как лексема, **чабандестер**. Употребительными считаются оба варианта. Лексемы **көкбөрүчүлөр, улакчылар** образовались путем прибавления суффиксов **-чу-, -чы-** показателей рода профессий и единственного числа и суффикса **-лөр-** показателя множественного числа: **көкбөрү+чу+лөр, улак+чы+лар**. Эти лексемы образовались от названия игр «Кокбору», «Улактартыш». Рассмотрим на примерах «Игры-1»: «*Кони под всадниками, в рядах, нетерпеливо топтались, просили поводья...*» [Айтматов, 1985, с.140]; «*Чабандостор минген аттар сапка сыйбай тыбырчылап, жер чапчып, тизгиндерин жулка тартат*» [Айтматов, 1978, с.53]. Иллюстрации примера «Игра-2»: «*Но казах ловко перекинул добычу с правой стороны на левую...*» [Айтматов, 1985, с.145]. – *Бирок көкбөрүчү казак ага жеткизбей улакты сол такымына оодара салды...*» [Айтматов, 1978, с.58]; «*Молча, сцепив зубы, напрягая все свои сил, перетягивали тушу каждый старался зажать ее под ногу...*» [Айтматов, 1985, с.148]. – *Улакчылар тишитенип, коздорунун чаары чыкты...*» [Айтматов, 1978, с.59].

Необходимо отметить, что переводчик при описании «Игры-2» конкретизирует немаловажный атрибут игры, упоминая, что в круг брошен не козел, а двухгодичный кастрированный козленок, который в кыргызской культуре называется – *серке улак*. «**Серке улак ортого таишалды**» [Айтматов, 1978, с.57].

Почему же эта игра имеет два названия? Если заглянуть в этимологию кыргызского слова **көкбөрү**, то увидим, что она образовалась от двух основ **көк** – серый, **бөрү** – волк. Игра «**Көкбөрү**» в дословном переводе означает «*серый волк*». В давние времена это игра была связана с охотой на волков, только потом вместо волка стали использовать тушу козленка и игра приобрела другое название «Улактартыш» в дословном переводе означает *перетаскивание козленка*, **улак** – козленок, **тартуу** – *перетаскивание*. В настоящее время официальное название игры – «**Көкбөрү**», которая является национальным видом спорта Кыргызстана.

Следует отметить, перевод названия игры *козлодрание* утрачивает некий идиосмысл игры. В сознании русскоязычных читателей эта игра ассоциируется с такими словами, как *жесткость, жалость*.

Русскоязычному читателю без дополнительных разъяснений игра кажется не понятной жестокой, кощунственной. Только при подробном культурологическом комментировании игры понятен ее ход и содержание.

В повести ни автор, ни переводчик не упоминают, о том, что в начале игры козленка приносят в жертву, совершая жертвенный обряд, прославляя Бога. Только потом начинают игру. Почему именно козленок, одна из версий как, мы предполагаем, связан с библейскими мотивами. Так, в Ветхом Завете: «Одного козленка приносили в жертву за грехи народа [Левит 16:15], в то время как второго отпускали в пустыню [Левит 16:20-22]. Жертва за грехи обеспечивала прощение, а другой козленок обеспечивал удаление грехов [Ветхий Завет, 2016]. В конце игры победители устраивают пир, варят мясо козленка и все вместе празднуют победу.

Рассмотрим семантический гештальт НАЗВАНИЕ ИГР этнокультурной идиоглоссы «**игра**». Автор оригинала для русскоязычных читателей конкретизирует при описании конных игр, когда как переводчик использует прием «**дифференциации**», т.е. сужения значения [Рецкер, 2007, с.48]. Так например, в «Игре-2» (козлодрание) «...*разыгрывалась в степном урочище козлодранье – своеобразный футбол, в котором вместо мяча служит обезглавленная туша козла. Козел удобен тем, что шерсть на нем длинная, прочная и его можно подхватить с коня за ногу или шкуру...*» [Айтматов, 1985, с.144]. – *Туш оой эгин анызда кокбору башталды.* [Айтматов, 1978, с.57]; *Аламан-байгу ждали все, ибо это апофеоз состязания, к тому же любой всадник имеет право принять в ней участие...*» [Айтматов, 1985, с.144]; «...*кто ловок и скор, тот и утащит козла в свой аил...*» [Айтматов, 1985, с.144]. Выделенные части русского текста отсутствуют в кыргызском варианте.

В данном эпизоде Ч. Айтматов для русскоязычных читателей намеренно включает в текст дополнительные подробности, которые помогают раскрыть этноидиоглоссу «**игра**», а именно «Игру-2» – *козлодрание*. Переводчик же ориентированный на аудиторию кыргызскоязычных читателей, наоборот, опускает эти моменты, считая их излишними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье были рассмотрены избранные этноидиоглоссы «**конь**» и «**игра**» в переводе произведения «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова на кыргызский язык. В результате анализа было выявлено, что для раскрытия этноидиоглоссы переводчиком А. Джакыпбековым были применены различные приемы стратегии лексической трансформации по Я.И. Рецкер, такие как:

А) прием *целостного преобразования* используют при раскрытии этноидиоглоссы «**конь**», включая в текст различные жанры устного народного творчества, не только национальные, но и калмыцкого этноса, например жестокое проклятие «**Орто жолго барганда атын өлсун, орто жашика барганда катынын өлсун**» - *досл., «Пусть умрет*

жена, когда будешь не молодым – пусть погибнет конь, когда будешь в середине пути»;

*Б) прием смыслового развития показан в «Игре-1» (большие скачки) «**Мааракени башкарган аксакалдар** (старейшины, которые управляют праздником) аттарын таскактатып, жорго салдырып, ары-бери журуш кылат...»;*

*В) идеографической конкретизации, которая основана на соответствии одного слова языка-1 нескольких слов языка-2. В «Игре-2» (козлодрание) лексеме **всадники** представляет синонимический ряд лексем **көкбөрүчүлөр, улакчылар**;*

*Г) прием дифференциации т.е. сужения значения, представлен в «Игре-2»: «**Туш оой эгин анызда көкбөрү баиталды**». – **Аламан-байгу ждали все, ибо это апофеоз состязания, к тому же любой всадник имеет право принять в ней участие...**».*

Таким образом можно утверждать, что автор Ч. Айтматов ориентированный на русскоязычных читателей старается не загромождать текст национально-окрашенными словами. Переводчик в свою очередь включает в текст богатый паремиологический пласт кыргызского языка. При помощи различных приемов перевода смог донести авторскую национальную картину мира писателя для кыргызскоязычной аудитории читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтматов Ч. Т. Повести. Рассказы. Публицистика / Сост. В.Ф. Коркина; – М.: Правда. 1985. – 528с.
2. Айтматов Ч. Гулсарат. – Ф.: из-во Кыргызстан, 1978. – 644 б.
3. Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений: В 3-х т. – Т. 1. Повести / Предисл. Н. Потапова. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 607с.
4. Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водой... . – Ф.: Кыргызстан, 1978. 406 с.
5. Бахтикиреева У.М. «Художественные функции лексики с национальным культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день»[Текст]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: РУДН. – М., 1995. – 164л.
6. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Монография.– 2-изд. доп. – Астана, 2009. – 259с.
7. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. В синодальном переводе. – М.: Никея, 2016.– 1600с.
8. Джолдошева Ч.Т. Современная киргизская повесть и проблемы перевода.– Фрунзе, 1981. – 165 с.
9. Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ. Новый подход и интерпретации художественного текста // «Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира». Коллективная монография / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; под общей редакцией Е.А. Осокиной. – М.: ЛЕКСПУС, 2014.- 528с.
10. Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ: Новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. – М., 2015, №2.– С.14– 35.
11. Кузьмина Н.А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Ред.-сост.: В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. – М.: Азбуковник, 2001. – 608 с. (Стр. 97-111)
12. Кыргыз тилинин сөздүгү. Б.: Avrasya press, 2010. – 1460б.
13. Огнева Е.А. Художественный перевод: Проблемы передачи компонентов переводческого кода. Монография. 2-е изд., доп. – М.: из-во Эдитус, 2012. – 234 с.

14. Рецкер Я.И. Что такое лексические трансформации // Тетради переводчика. – Вып. 17. (Под ред. А.С. Бархударова). – М.: Высшая школа, 1980. – С. 72-85.
15. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Изд-во «Библиотека лингвиста», 2007. – 244 с.
16. Чулкина Н.Л., Касымалиева К.Э. Текстовое ассоциативное поле этнокультурной идиоглоссы «Игра» (на материале повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!») // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2016. – №3 (15), С. 55-67.
17. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь (около 400000). М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1965 г. 973 с.

THE STRATEGY OF TRANSFER OF ETHNO-CULTURAL IDEAGLOSS IN THE WORKS OF CHINGIZ AITMANOV

Kasymalieva Kairkul E.

*Post-graduate student of the philological faculty
Department of general and Russian linguistics
Peoples' Friendship University of Russian
Miklukho-Maklay str., 10a,
Moscow, Russia, 117198
kaira_17@mail.ru*

This article attempts to examine various methods strategies of lexical transformations in translation ethnocultural idiogloss, which play an important role in the author of the national picture of the world. We consider the analysis of translation A. Dzhakypbekova story «Farewell, Gulsary!». The aim of our study – an analysis of translation strategies when transmitting text from Russian into Kyrgyz language.

Key words: idioglossa, etnoidioglossa, associates, associative text box, strategies and translation techniques, lexical transformation, C. Aitmatov, A. Dzhakypbekov.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕРМИНОВ В ПАРЕ ЯЗЫКОВ ТУРЕЦКИЙ-РУССКИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)

Садыкова Энже Рашиатовна

кафедра алтаистики и китаеведения ИМОИиВ

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань

E-mail: engeibr@mail.ru

В статье рассматриваются особенности перевода терминов, относящихся к сельскохозяйственной отрасли, встречающиеся в текстах официально-делового стиля. Сделана попытка анализа способов перевода лексических единиц, разделив их на однокомпонентные и многокомпонентные.

Материалы и выводы по настоящей статье могут быть использованы в качестве теоретической базы в процессе преподавания теории перевода, а также практики устного и письменного перевода.

Ключевые слова: способы перевода, теория перевода, перевод терминов с турецкого языка на русский, терминология, перевод с турецкого, сельскохозяйственная лексика.

Сельское хозяйство – основная отрасль экономики Турции, на его долю приходится около четверти ВВП страны, а удельный вес сельскохозяйственной продукции в экспорте в отдельные годы достигает 60%. Турция же является одним из основных внешнеторговых партнеров России. Страна занимает 5-е место по экспорту и 13-е место по импорту в России. Надо отметить, что сельскохозяйственное сырье является одной из основных позиций импорта из Турции и составляет более 24%. Все это приводит к необходимости своевременного и точного обмена информацией между двумя странами, позволяющего осуществить эффективную межкультурную коммуникацию, координацию совместной деятельности на международном уровне, что требует серьезную подготовку как устных, так и письменных переводчиков, в том числе использующих адекватный перевод сельскохозяйственной лексико-терминологической базы.

Официально-деловой документации в силу концептуальной и ассоциативной четкости и конкретности содержания присущ прагматический рационализм, который обуславливает объективное господство рационального над творческим. Рационализм текстов официально-делового содержания снимает актуальность многих различий (особенно семантического характера), во многом снимает вариативность переводческих решений, как на лексическом, так и на грамматическом уровне [Штанов, 2007, с. 132].

В турецком языке терминологические поля образованы терминами, имеющими различные источники происхождения: термины, образованные на основе тюркской корневой морфемы, термины арабо-персидского происхождения, термины-кальки как с арабского и персидского языков, так и с западных языков, термины, заимствованные из западных языков [Там же с. 133].

Для рационального, адекватного перевода сельскохозяйственной лексико-терминологической базы представляется актуальным исследование наиболее распространенных трансформаций терминов с одного языка на другой. Для выявления более подробной картины трансформации терминов, мы разделили выявленные нами в текстах термины на две группы: моноксемные и термины-словосочетания. К способам перевода моноклек-

семных терминов относятся: перевод с использованием лексического эквивалента, транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод, перевод путем выбора одного из возможных лексических вариантов (транскрибирование и соответствующий русский термин/транскрибирование и описательный перевод). К способам же перевода терминов-словосочетаний относят перевод с использованием лексического эквивалента, калькирование, описательный перевод, перевод с помощью использования родительного падежа, перевод с использованием различных предлогов.

Работа с терминологическими полями в различных профессиональных сферах, их «сканирование» на предмет фиксации новой терминологии, появляющейся в родном и иностранном языке с одновременным поиском терминологических параллелей, является несомненно творческим видом деятельности, которой на первый взгляд будучи не связанным на прямую с переводческой деятельностью, впоследствии дает положительные плоды [Там же с. 3].

В силу того, что в структуре сельского хозяйства Турции ведущее место занимает растениеводство (около 58%), для нашего исследования мы в основном выбирали лексемы, относящиеся именно к растениеводческому сектору сельскохозяйственной отрасли.

Исходя из всего вышесказанного, мы в своем исследовании в качестве источников использовали информационные статьи с сайта одной из крупнейших растениеводческих компаний Турции «Миракл» [1].

Среди монолексемных терминов самым распространенным способом перевода можно определить перевод с использованием лексического эквивалента. Рассмотрим в предложении. *Yatırımcımıza özel yöntemlerle üretmiş olduğumuz fideyi biz hazırlıyoruz.* Рассадку, культивированную особыми методами, для инвесторов готовим мы. Термин *fide* (Гр. *fidia*) переводится здесь как ‘рассада’. Хотелось привести и ряд другим монолексемных терминов, переведенных классическим способом перевода с использованием лексического эквивалента: *sera* (Фр. *serre*) ‘теплица’, *hasat* (Ар. *hasad*) ‘урожай’, *arazi* (Ар. *aradı*) ‘земля’, *çığır* ‘волокнуотделитель’, *ekim* ‘посев’, *sulama* ‘орошение’, *tahıl* ‘зерно’.

На второе место по распространенности среди переводов можно определить транслитерацию, львиную долю в котором занимают интернациональные термины. Далее рассмотрим в предложении. *Belirlediğimiz teknik şartnameye göre daha önce bir benzeri olmayan bize özgü seraların dış konstrüksiyonunu ve Know-How’ın bulunduğu iç konstrüksiyonunu belirlenen zamanda teslim ediyoruz.* По принятому между нами техническому соглашению мы установим вам нашу оригинальную и не имеющую аналогов теплицу, что подразумевает установку внешней и содержащей в себе Ноу Хау внутренней конструкций, в договоренное время. Интересно отметить, что термин Ноу-Хау как в русский, так и в турецкий язык вошел методом транслитерации с английского языка (Know-How), что означает ‘секреты производства’. Можно также выделить ряд других экономических/технических терминов использующихся и в сельскохозяйственных официально-деловых текстах, переведенных методом транслитерации в оба анализируемых языка: *bütçe* (Фр. *budget*) ‘бюджет’, *model* (Фр. *modele*) ‘модель’, *alternatif* (Фр. альтернатива) ‘альтернатива’, *konsept* (Fr. *concept*) ‘концепт’, *amortisman* (Фр. *amortissement*) ‘амортизация’.

Второй большой группой источником для нашего анализа выступили термины, состоящие из двух и более слов. В результате анализа способов их перевода (или трансформаций) мы смогли прийти к следующему заключению. В целом перевод терминов-словосочетаний представляется нам наиболее интересным, в силу возможности выбора, зыбкости рационализма и точности своего использования.

Среди терминов-словосочетаний первое место, как и в монолексемных терминах занимает перевод с использованием лексического эквивалента. Рассмотрим на примере сле-

дующего предложения. İstenilen asgari şartlar ise: taban suyu en az 3-4 m olmalı. Минимальные требуемые условия: грунтовые воды должны находиться минимум в 3-4 метрах. Сельскохозяйственный термин *taban suyu* трансформируется на русский язык активным лексическим эквивалентом 'грунтовые воды'. Хотелось бы выделить и ряд других схожих трансформаций: *sera sömürüsü* 'эксплуатация теплицы', *damla sulama sistemi* 'система капельного орошения', *düz arazi* 'ровный участок земли'.

Также можно встретить трансформацию многокомпонентного термина в однокомпонентный термин. Далее в предложении. *Uygun bölgelerde seranın kurulması ve iyi yetiştiricilik yapılması durumunda seranın geri dönüş süresi 3-4 yıl arasında değişir*. При возведении теплицы в подходящем регионе и обеспечении хорошей производительности, срок окупаемости колеблется от 3 до 4 лет. Термин *geri dönüş süresi* переводится на русский язык более емкой лексемой 'окупаемость'. Можно встретить и ряд других схожих примеров трансформаций: *torpağı işlemek* 'культивировать', *bitki tabla çapı* 'диаметр растения', *nadas* (Гр. *neatos*) *etmek* 'вспахивать'.

Приведенный ниже пример раскрывает одновременно два явления. *Gübre tüketimi de diğer topraksız tarım teknolojilerinden 2, 3 kat daha azdır*. Расход удобрения также в 2-3 раза дешевле чем с другими гидропонными системами. В первую очередь следует заметить трансформацию английского термина (*hydroponics*) в турецкий язык описательным способом как *topraksız tarım teknolojileri*, а на русский язык способом транслитерации гидропоника. Во вторых нельзя не отметить явление генерализации на примере слова *gübre* (Гр. *korria*), первое значение которого 'навоз'. Здесь же данный термин используется в более широком значении как удобрение, что доказывается контекстом предложения.

Существуют и противоположные последнему явлению примеры. Остановимся на следующем примере конкретнее. *Fide, gübre, ilaç, ambalaj, hasat sandıkları, arı kolonisi, vs. gibi sağladığımız girdilerin piyasa değerlerindeki bedeli için, müşterimiz ile hasattan sonra satın aldığımız ürün ile peyderpey mahsuplaşırız*. Для достижения рыночной стоимости обеспечиваемой нами затрат на рассаду, удобрения, лекарства, упаковку, ящики для сбора урожая, пчелиные рои и т.д., после выкупа продукции собранной после урожая, мы расплачиваемся с нашим клиентом в рассрочку. Здесь важно выделить термин *arı kolonisi*, который был частично трансформирован с английского языка (*honeybee colony*) способом транслитерации, тогда как в русском языке этот термин имеет свой лексический эквивалент 'пчелиный рой'. Однако нельзя не отметить в данном предложении и глагольный оборот *peyderpey mahsuplaşırız*, где также произошла частичная трансформация, часть термина была заимствована с персидского языка *peyderpey*, что значит 'последовательно', в то время как в русском языке используется эквивалент 'платить в рассрочку'.

Переводы с использованием калькирования редки. Однако встречаются красноречивые примеры как в предложении ниже. *Yatırımcılarımız, anahtar teslim sera kurulum bedelini ödemekle mükellefler*. Наши инвесторы были обязаны выплатить стоимость строения теплицы под ключ. Здесь же мы видим как оба языка заимствовали термин способом калькирования из английского языка '*turn-key*'. Проанализируем и следующий пример. *Ürünlerde hormon gibi yapısal değiştiriciler kullanılmamakta, ürünlerin genetik yapılarını değiştirecek uygulamalar kesinlikle kullanılmamaktadır*. В подготовке урожая не используются такие структурно изменяющие вещества как гормоны, и категорически не применяются генные модификации. Интересно отметить, что и в русском, и в турецком термин переведен изначально с английского варианта *Genetically Modified Organism*, но если на турецкий язык термин переведен смешанным способом калькирования, транслитерации и описания как '*genetik yapılarını değiştirecek uygulamalar*', то на русский способом полной транслитерации как *генно-модифицированный организм*.

Таким образом, мы рассмотрели наиболее распространенные способы перевода растениеводческих терминов, в переводе с турецкого на русский язык. Использование в качестве материала для исследования информации с сайта крупнейшей действующей растениеводческой компаний добавляет чрезвычайную актуальность содержанию исследования. Данного рода исследования являются распространенными для пары языков турецкий-английский, но представляются новыми для пары языков турецкий-русский, что делают нашу первую попытку еще более интересной для переводчиков, филологов, а также для широкого круга лиц, имеющих отношение к переводческому процессу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пестова М.С., Ефремова А.Ю. Особенности перевода текстов официально-делового стиля. Уральский гуманитарный институт, г. Екатеринбург. Журнал «Язык и культура», 8/2011.
2. Штанов А.В., Рационализм и творчество в переводе (стилистический аспект). Сборник научных трудов №26 (41), М.: МГИМО-Университет, 2007. С.131-145.
3. Комиссаров В.Н., Теория перевода (лингвистические аспекты): учебю для ин-тов и фак. иностр.яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Nurhan BAŞ, Gümrük Alanında çeviriye yönelik terminoloji çalışmasında karşılaşılan sorunlar, Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi, Cilt 28, S.41-60.
5. www.miraclesera.com.tr/skca-sorulan-sorular.html

FEATURES OF THE TRANSLATION OF AGRICULTURAL TERMS IN A COUPLE OF LANGUAGES TURKISH-RUSSIAN (ON THE EXAMPLE OF OFFICIAL TEXTS)

E.R. Sadykova

Department of Altaic and Chinese studies

Institute of International Relations, History and Oriental studies

Kazan Federal University

Kazan

E-mail: engeibr@mail.ru

The article studies the features of the translation of terms related to the agricultural sector, occurring in official texts. Was made an attempt to analyze the methods of translation of lexical units, dividing them into single-component and multi-component units.

Materials and conclusions of this paper can be used as a theoretical basis in the teaching the theory of translation, as well as in the practice of interpretation and translation.

Key words: translation methods, theory of translation, translation of terms from Turkish into Russian, terminology, translation from Turkish, agricultural vocabulary.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ 60-80-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Мусаева Белла Сирадж гызы

доктор филологических наук, профессор кафедры

теории литературы

Бакинского славянского университета

E-mail: bella-musaeva@rambler.ru

В статье отмечается, что психологизм, во многом обусловленный общественно-политической ситуацией в бывшем СССР, являясь характерной чертой азербайджанской драматургии 60-80-х г., побуждает драматургов к поискам новых средств и приемов. К этому времени относится расцвет лирико-психологического направления в азербайджанской драматургии, основу которому заложили пьесы И. Эфендиева. На примере пьес И. Эфендиева и Б. Вагабзаде показано широкое применение форм художественной условности (ретроспекция, сновидения, введение в художественную ткань произведения внутренних голосов персонажей), пространных лирических ремарок, нагрузка реплик и диалогов подтекстом, что способствовало раскрытию глубинных процессов, идущих в душе героев.

Ключевые слова: драматургия, психологизм, художественная условность, ремарка, подтекст, диалог, конфликт.

Азербайджанская драматургия 60-80-х годов XX века, являющаяся органической частью богатой тюркоязычной литературы, отличается жанровым и тематическим многообразием, активными поисками новых форм. Общественно-политическая ситуация названного периода относительно ослабление идеологического прессинга, сравнительно разрешенная свобода слова и пр. усилили интерес драматургов к отдельно взятой личности, к глубинным пластам человеческой души. Стремление проникнуть во внутренний мир персонажей, раскрыть мотивы их действий и поступков, показать борьбу противоположных чувств в душе героев приводят к тому, что психологизм, который по верному определению Б. Есина представляет собой «*достаточно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей и переживаний вымышленной личности (литературного персонажа) с помощью специфических средств художественной литературы*» [Есин А. Б., 1988, с. 27] становится одной из главных особенностей многих пьес азербайджанских драматургов, важным жанрообразующим фактором. Именно в этот период появляются лирико-психологические драмы И. Эфендиева, давшие начало целому направлению в национальной драматургии, социально-психологические драмы И. Касумова, Анара, Б. Вагабзаде и др.

Психологизм пронизывает как пьесы на историческую тему (И. Эфендиев «Песня остается в горах»), так и пьесы, отражающие картины современной жизни (И. Эфендиев «Ты всегда со мной», «Уничтоженные дневники», Анар «Лето в городе», Б. Вагабзаде «Второй голос?») и др.

В центре исторической драмы И. Эфендиева «Песня остается в горах» – трагическая судьба центральной героини Шахназ. Избрав путь углубленного психологизма, автор сумел создать полнокровный образ девушки, ставшей в силу социально-политических условий перед необходимостью выбора между братом, руки которого обагрены кровью крестьян и революционеров, и мужем, олицетворяющим в уезде революционную власть. Выбор этот сопряжен для героини с тяжелой душевной драмой. В пьесе переплетаются два главных конфликта – внешний, антагонистический и внутренний, связанный с борьбой противоре-

чивых чувств в душе Шахназ. Оба эти конфликта движут сюжет, придают ей жизненную достоверность, усиливают эмоциональное воздействие.

Образ Шахназ дается в динамике, в процессе формирования. Зачатки острого внутреннего конфликта в душе героини проявляются уже в завязке пьесы. В ней как бы уживаются два человека: одна Шахназ – довольно демократичная девушка, сумевшая полюбить простого крестьянского парня, не пренебрегающая искренней дружбой со своей служанкой, другая – избалованная бекская сестра, привыкшая жить в роскоши. Естественно, эти две стороны ее натуры не могли долго «сосуществовать». Она находится в смятении, полна сомнений, колебаний. Стремление разобраться в себе самой определяет суть ее душевной борьбы, которая отражается во всем ее поведении, настроении, разговорах. Постепенно, от картины к картине из смешливой девчушки - певуньи она превращается в глубоко несчастного человека: все больше горечи в ее улыбке, а в речах – постоянная работа мысли. Самоубийство Шахназ становится разрешением того душевного конфликта, который вызревал в ней все эти годы.

Тонкий психологический анализ, предпринятый драматургом, осуществляется с помощью пространных лирических ремарок, пауз, введением в художественную ткань пьесы музыкального сопровождения. Музыкальный лейтмотив – народная песня «Охотник, пощади меня», проходя через всю пьесу, составляет своеобразный лирический фон и одновременно становится одним из важных принципов раскрытия внутреннего состояния героини. Так, если в первой картине она звучит в мажорных тонах, отвечая радостному настроению Шахназ, которая любит, любима и полна надежд на будущее, то уже во втором действии, когда она безжалостно разлучена с любимым, живет в беспросветной тоске, полна горьких дум и беспокойства, песня приобретает совершенно противоположное звучание.

Как отмечает А.Б. Есин «Психологизм, когда он присутствует в произведении, выступает как организующий стилевой принцип, стилевая доминанта, т.е. главное эстетическое свойство, решающим образом определяющее художественное своеобразие произведения и подчиняющее себе строение всей образной формы» [Там же. с. 29].

Поиски средств и приемов, направленных на полное, глубокое раскрытие психологии героев, приводят драматургов к широкому использованию приемов художественной условности. Так, художественная специфика пьесы Б.Вагаб-заде «Второй голос», отражающей мучительное противоборство чувства и долга в душах героев, реализуется при помощи условного приема – выхода на сцену в качестве равноправного действующего лица Второго Голоса персонажей как голоса их совести. Здесь условность – не просто эффектный технический прием, а средство выражения творческой мысли автора. Благодаря этому приему автору удается показать страдания Арзу, горячо и искренне любившего Рашада, у которого семья, дочь, угрызения совести Решада, понимание им своего долга и ответственности перед семьей. Любовь Решада и Арзу – не временное увлечение, не поиск приключений. Искренняя и чистая, она основана на взаимном уважении, общности интересов, она приносит героям радость, вдохновение, ощущение счастья, и именно поэтому борьба между чувством и долгом здесь принимает особо острый, напряженный характер. Победа Второго голоса героев убедительно мотивирована. Так, в диалоге Арзу и ее Второго голоса сохранено чувство меры, подлинные переживания не заменены слезливой чувствительностью. Чувство, переживаемое Арзу в момент расставания, внутреннее состояние ее после того, как она настаивает на уходе Решада из ее жизни, раскрыто тонко и психологически верно. «Решад уходит, через некоторое время открывается дверь. Арзу как безумная, она выбегает из комнаты .

Арзу. Нет, Решад, вернись, вернись! Как я без тебя? Вернись!
Появляется II Арзу.

II Арзу. Подожди, куда? Что ты делаешь?

Арзу. Как мне жить без него?

II Арзу. Ты должна вытерпеть!

Арзу. Но я же ведь человек!

II Арзу. Сейчас ты должна слушаться только меня. Сейчас разум должен победить чувство. Забудь его.

Арзу. Но ведь для того, чтобы забыть, надо ненавидеть. Как мне быть, любя?

II Арзу. Должна забыть, забудь, забудь, забудь! [B.Vayabzadə, 2005, s. 582]

За каждым словом в этом диалоге целая гамма чувств, переживаний женщины, прощающейся с мечтой, счастьем.

Б. Вагаб-заде не ставил своей задачей осудить Арзу и Решада за их любовь. Пьеса эта рассказывает о тяжелых испытаниях, выпавших на долю умных, хороших людей, чьих судьба свела слишком поздно, о нравственной силе их. Замысел пьесы ясно подчеркнут в финале, когда Второй голос выступает как голос самого автора, поддерживая героев, сумевших одержать тяжелую победу над собой.

Прием художественной условности занимает важное место и в раскрытии психологии героев в лирико-психологической драме «Ты всегда со мной» И. Эфендиева. В стремлении глубже постичь тайну человеческой души драматург ставит своего героя в ситуацию выбора, которая позволяет обнажить сущность личности. В сюжетную основу пьесы положена история любви юной Наргили к сорокашестилетнему директору завода Гасан-заде. Однако автор не ограничивается рассказом о превратностях любви. Через чисто интимную, лирическую тему взаимоотношений Гасан-заде и Наргили автор раскрывает тему значительного общественного значения, заключающуюся в моральном осуждении душевной черствости, эгоизма, замыкания в узко-интимном мирке, утверждение высокой человечности. Тема эта раскрывается драматургом по-своему, мягко, непринужденно, через душевные переживания как главных, так и второстепенных героев, и реализуется в своеобразном художественном конфликте.

И. Эфендиев ставит своего героя перед очень нелегким выбором. Борьба в сознании человека, как известно, возникает при необходимости сделать выбор между различным и моральными качествами. К наиболее конфликтным ситуациям относятся те, «когда выбор нужно сделать не просто между нравственным и безнравственным а когда нужно выбрать одну из однопорядковых, но противоположных ценностей» [«Нравственное развитие личности», 1969, с.91] Причиной внутренних борений в Гасан-заде является необходимость именно такого выбора в противоречие, как и в пьесе Б. Вагабзаде, вступают чувства любви и долга. Однако причина борьбы противоположных чувств у Гасан-заде носит совершенно другой характер, нежели у героя Б. Вагаб-заде Решада. У Гасан-заде нет никаких моральных обязанностей перед семьей, жена его давно умерла, сын живет своей жизнью в другом городе, так что он в принципе свободный человек и мог бы распорядиться своей судьбой по-своему. Любовь Наргили, в которую влюбился и он сам, сулит ему счастье и душевный покой. Однако умудренный жизненным опытом Гасанзаде понимает, что условия, в которых выросла Наргиля, лишили ее веры в людей, ей не хватало человеческого тепла, участия, внимания, а в Гасан-заде она увидела свой идеал, свою мечту. Мысль о том, что чувство обожествления своего кумира у Наргили может со временем пройти заставляет героя мучиться вопросом, как поступить честно в данной ситуации, имеет ли он право во имя своего счастья воспользоваться доверием этой девушки, которая младше его сына; не почувствует ли себя Наргиля обойденной, несчастной, если свяжет свою судьбу с ним. И он принимает единственно верное в этой ситуации решение – уезжает из этого города. «Остальное делает жизнь» - мудро оправдывает он свой отъезд.

И.Эфендиев находит интересные художественные приемы, чтобы раскрыть борьбу противоположных чувств в душе своего героя. Прежде всего - это, как отмечалось выше, прием художественной условности: видение, сновидение. В пьесу вводится образ покойной жены героя Хуршуд ханум, которая как бы является его собственным внутренним голосом. Она олицетворяет его мечту о счастье. В воображаемых беседах с ней, обсуждениях сложившейся ситуации проявляется необыкновенная цельность чувств Гасан-заде, его сила воли, нравственная чистота.

Гасан-заде внешне почти не проявляет своих чувств к Наргиле. Напротив, он даже несколько суховат в общении с ней. Однако раскрытию заветных желаний, глубинных чувств его способствует введение в пьесу небольшой пантомимической сценки – сновидения. В этом сне Наргиля является ему как мать его ребенка. Здесь кроется разгадка его истинного отношения к девушке. Выражение счастья и радости на его лице, отмеченные в ремарке, первые его слова при пробуждении: «Какие иногда счастливые сны снятся» не оставляет сомнения в том, что герой мечтает о счастье с Наргилей.

Процессы, происходящие в душе героев, удачно переданы в пьесе посредством авторских ремарок. «Вокзал. Через минуту отойдет поезд. Провожаящие уже вышли. На переднем плане Гасан-заде. Он кому-то улыбается. Это очень грустная улыбка.

Мимо проходит Наргиля. Увидев Гасан-заде, девушка останавливается, но Гасан-заде не замечает ее. Гасан-заде глубоко вздыхает и, опустив голову, идет к выходу в город. Наргиля вся подается вперед, словно хочет сказать ему что-то важное, но Гасан-заде проходит мимо, Наргиля провожает его долгим, печальным взглядом» [Эфендиев И., 2002, с. 43]

Как можно заметить, цитируемая ремарка способствует проникновению во внутренний мир героев, помогает передаче тончайших нюансов в их душевном состоянии. Она создает определенный эмоциональный настрой, вызывая большой интерес к героям, который растет от эпизода к эпизоду. Следует отметить и то, что ремарки у И. Эфендиева дают большой материал для работы актера и режиссера. На эту особенность драматургии И. Эфендиева обратил внимание известный литературовед С. Асадуллаев: «Драматург с большим мастерством пользуется такими сценическими средствами, как освещение и музыка, с помощью которых он часто переводит героев из одного плана в другой, чтобы контрастнее и четче раскрыть характеры и взаимоотношения. Драматург здесь выступает и в роли режиссера, практически применяя и раздвигая выдвинутый в свое время принцип Дж. Лджабарлы: «Драматург в то же время должен быть и режиссером» [Асадуллаев С., 1969, с.108].

Временная и пространственная ретроспекции, широко используемые в пьесе, позволяют автору показать жизнь Наргили как в настоящем, так и в прошлом, проливают свет на многие ее действия и поступки, в частности, раскрывают психологическую мотивировку возникшей в ее сердце необыкновенной любви к человеку, который почти в три раза старше нее.

Пристальное внимание к психологии героя, стремление сделать ее максимально понятной для читателя и зрителя, суметь заставить их разделить чувства персонажей привели к нагрузке реплик и диалогов большим подтекстом. Эфендиев вкладывает в подтекст огромный смысл, больший, чем может выразить тот или иной текст в конкретном смысле. Эмоционально окрашенные реплики героев и даже паузы точно передают душевное состояние героя или выражают особенности его характера. Так, рассказ Наргиля о своем положении в семье, где все находилось под властью грубого и деспотичного отца, глубоко трогает Гасан-заде. В этом диалоге каждая пауза, выраженная или посредством ремарки, или многоточием, каждое слово и движение героев наполнены большим смыслом, передают внутреннее состояние героев. За время пауз Наргиля как бы заново переживает горькую обиду незаслуженных оскорблений, а в подтексте слов Гасан-заде угадывается жалость к

этой незащищенной девушке, желание по возможности смягчить ее душевную боль.

Как справедливо отмечает Н. Расул-заде, «пьеса «Ты всегда со мной» привнесла свежее дыхание на сцены азербайджанских театров, внесла в строгую классическую форму драмы лирическую, глубоко поэтическую и тонко- психологическую струю» [Эфендиев И., с. 5].

Итак, анализ пьес ,написанных в 60-80-е годы XX столетия, подводит к выводу, что психологизм, являясь я их характерной чертой, побуждает драматургов к поискам новых средств и приемов. Хотя драма в силу своей родовой специфики несколько ограничена в возможностях изображения «диалектики души», но тем не менее активные художественные искания драматургов приводят в этом плане к ряду удачных находок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асадуллаев С. О некоторых проблемах азербайджанской литературной критики.// Литературный Азербайджан, 1969, № 1.
2. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. М., Флинта, 1988. 250 с.
3. Нравственное развитие личности. М., Московский рабочий, 1969. 380 с.
4. Эфендиев И. Собр. соч в 2-х т., т.1. Баку, Чинар-Чап, 2002. 616 с.
5. Vahab-zadə В. Əsərləri, 11 cildə, VIII cild. Bakı. Azərbaycan, 2005. 848 s.

THE ISSUE OF PSYCHOLOGISM IN THE AZERBAIJANI DRAMATURGY IN THE 60-80S OF THE 20TH CENTURY

Musayeva Bella Siraj gyzy

Doctor in Philology, Professor of

Department of the Theory of

literature of Baku Slavic University

E-mail: bella-musaeva@rambler.ru

The article notes that psychologism, largely due to the socio-political situation in the former Soviet Union, as a characteristic feature of the Azerbaijani drama of the 60-80s, encourages playwrights to seek new tools and techniques.

The bloom of the lyrical-psychological direction in the Azerbaijani dramaturgy, the foundation of which laid plays written by I. Efendiyev, falls on this particular timeframe.

I.Efendiyev and B.Vahabzadeh's plays are shown as an example. The above playwrights widely used forms of artistic convention (flashback, dreams, introduction to the artistic fabric of the internal voices of characters), lengthy lyric remarks, replicas and dialogues loaded with overtones, which contributed to the disclosure of the underlying processes occurring in the soul of the main characters.

Key words: dramaturgy, psychologism, artistic convention, remarks, dialogues.

ТЕМА ЛЮБВИ И СВОБОДЫ В ПОЭЗИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО РЕНЕССАНСА

Мамедханова Наида Джамал кызы
доктор филологических наук, профессор
Бакинский славянский университет, кафедра теории
литературы и мировой литературы
Баку,
E-mail: nanasaf@gmail.com

Настоящая статья посвящена творчеству азербайджанских поэтов эпохи Ренессанса – Атааллаху Аррани и Мехсети Гянджеви. Анализируются идеи свободы и любви в творчестве этих поэтов.

Ключевые слова: Аррани, Мехсети Гянджеви, Ренессанс, любовь, свобода.

Культура Ренессанса – это радостное, оптимистическое восприятие мира, гамма красок, чувственность и внутренняя свобода. Но, прежде всего, Ренессанский гуманизм – это бесспорное и безграничное возвеличивание личности. Телесное и духовное, общее и индивидуальное, свет и тьма, человек и космос – все стремится здесь к соразмерности, к взаимопрониканию и гармонии. Возрожденческий гуманизм доверяет чувственному, стихийному мироощущению, он эмоционален.

Существует немало исследований, посвященные восточному и западному Ренессансу, его схожести и отличиям. Но мы не будем это делать, скажем лишь, что западный и восточный ум всегда противостояли друг другу: рационализмом и иррационализмом. Последний всегда мог выйти за пределы материи, что давала ему возможность углубиться в себя, самосозерцать, нравственно самосовершенствоваться – и главное постигать истинную любовь, любовь – как состояние, а не как действия.

Почти вся восточная поэзия основывается на этом мироощущении, и азербайджанская поэзия как необъемлемая часть восточной культуры несет в себе это начало. И как она находит свое отражение в любовной лирике периода восточного Ренессанса (так как западный Ренессанс наступил позже) мы будем сегодня рассматривать на примере двух уникальных азербайджанских поэтов Мехсети Гянджеви, (900-летие которой отмечает в этом году ЮНЕСКО) и Атааллаха Аррани.

Лирика этих поэтов лаконична и проста, проста той величественной простотой, которая свойственна большим мастерам. Несколькими словами они сумели передать такие чувства и мысли, для выражения которых иным поэтам требовались целые страницы. Как говорил великий Гёте «в 4 строках восточных поэтов больше мудрости, чем в толстых трактатах наших философов». Глубинность нашей поэзии ни для кого не секрет, в этом нет никакого открытия, это факт, это аксиоматично, как и ее чувственность, прочувственность, на фоне любви как состояние.

Одним словом – любовь – в азербайджанской лирике в ее поэтическом мироощущении – всепоглощающее чувство, которое вбирает тебя всего без остатка, и где ты познаешь себя.

Но сегодня мы будем говорить о таком явлении в азербайджанской поэзии Ренессанса, о котором весь цивилизованный западный мир заговорил во весь голос только в XX веке – Любовь и Свобода. Это уже в XX веке Сартр выдвинет лозунг и подведет эти постулаты под философские знаменатели, завершая начатые ранее размышления Хайдеггера, Ясперса, а Фромм напишет целый «Трактат о любви». Но и здесь не обошлось без влияния творчества

восточного философа и художника, ливанца Дж.Халила, жившего в начале XX века. Его знаменитое эссе «Пророк» возвысило человеческое сознание, взбудоражило западные умы, блуждающих в лабиринте чувств и мысли. Но это другая история.

Вернемся в XII век к Мехсети Генджеви – удивительной женщине, свободной в несвободе, она – явление в мировой литературе, аналогов ей нет не только в эпоху Ренессанса, но и ни в какой либо другой эпохе – Классицизма, Просвещения, Романтизма или Реализма.

Мусульманская женщина во времена глубокого феодализма воспела свободу личности, свободу любви и гедонизм. Какие 12 подвигов Геракла могут с этим сравниться.

А.С.Пушкин своим известном стихотворение восклицал: «что в моей жестокий век, восславил я свободу...». Но это было XIX век, и это было бесстрашие мужчины! А здесь храбрость быть собой во времена, когда религиозный фанатизм и феодальные отношения обрекли женщину на полное бесправие, где у нее даже не возникало желание выразить себя по-своему, видеть по-своему. Женщина была угнетена и разрушена в своей загадочности и таинственности. Она могла быть только тенью мужчины. Героизм Мехсети заключался в том, что именно в этих условиях она провозглашала свободу человеческой личности. Стихи ее настолько смелые, что даже женщине XXI века без легкого смущения цитировать их трудно.

Страстно влюбленная в жизнь, поэтесса воспеваает любовь, ибо только любовь может быть постоянным источником радости. Требовалась особая отважность открыто и смело написать следующие строки:

Как только сердце мое стало
властелином в мире любви
Оно освободилось от ереси и отказалось
от веры.

Выражая свой протест против рабского положения женщин в обществе поэтесса пишет:

Ту, локоны которой подобны цепи
Нельзя держать на цепи дома.

В эпоху, когда проповедь свободы беспощадно каралась, как и бунт, свое отношение к миропорядку, к запретам поэтесса выразила в необычайных по глубине мысли в строках:

Я не являюсь ни чьим повелителем, и ничьим рабом
Я слуга самой себе...

В поэзии Мехсети преобладает чувственный аспект свободной любви. И хотя, любовь – божественно-сотворяющая сила, несет в себе божественную энергию, но в стихах Мехсети любовь практически отделена от Бога, в ее вселенной Он отсутствует. У нее идет неприятия Его, и это объяснимо, ибо в эпоху феодализма, где свобода, свободное проявление преследовались, а женская свобода вообще была недопустима – все эти запреты имели религиозное объяснение, желаниями Аллаха, истинной верой (хотя все это не вера, а верования), поэтому категория Бога и его местные «ревностные» служители у Мехсети слиты воедино и идет общее отторжение, общее неприятие. Для нее Бог – это страх, а она бесстрашна, как и ее любовь, которая не признает страха. Поэтому во многих рубаи идет открытый призыв идти наперекор существующим правилам:

Коран и шариат мужей и жен
Соединяют браком испокон
Мой брачный договор – четверостишье,
Религии какой подвластен он? (2,72)

Или же другое четверостишие, где поэтесса стирает границы праведности и греховности:

Улыбка ли блеснет, раздастся ль смех
Душа услад желает и утех
Давай же согрешим с тобой, ибо
Отказ от прегрешенья – высший грех.(2,64)

Или же:

Вновь небо стало радужным теперь
Обняться вновь пора б уж нам теперь
Святоша, увидав объятя наши,
Останется ли набожным теперь?(2,70)

Опять же любовь противопоставлена созданной ею триадности: Бог – Вера – Духовенство, которое не дает человеку свободно проявлять свои чувства.

Но как всегда, в восточной поэзии, и в ренессанский период в частности, любовь – это всегда состояние, существование. У Мехсети на этом фоне эта любовь имеет свой посыл – где чувственность и гедонизм сплетены между собой:

Люблю тебя, но грудь моя – тайник,
Я не скажу об этом напрямик,
Сожмется сердце – я теряю чувства,
Бесчувственность спасительна в тот миг.(2,43)

Любовь не признает границ, любовь дает свободу, и настоящая любовь, по Мехсети, происходит «здесь и сейчас» и поэтесса позволяет потоку любви свободно пройти через себя:

Алтарь любви. Укромный кров любви,
Мы слов не знаем, кроме слов любви,
В обитель нашу доступа не будет
Тем, кто предаться не готов любви.(2,69)

Или же:

Тем, кто любовь сполна изведать смог,
Не совестно ль вздыхать: «Мой жребий плох!».

Любовь для Мехсети всепоглощающее чувство, оно вбирает тебя всего, без остатка, и человек только тогда чего-то стоит, если любит и свободно может погрузиться в это чувство, и соединившись с любимым достичь своего высшего «я»:

У нас с тобой два тела, но отныне,
Душой единой стали – ты и я.(2,71)

Или же желание Мехсети быть вечным в мгновении любви:

С тобой любимый, я себя – забуду
Небытие, отрадней бытия.(2,79)

Любовь дает свободу и помогает любящим быть самим собой. Это качество бытия, которому сопутствует бесконечная череда открытий, где нет никакого подавления желания и свобода – это сакральная сущность любви, поэтому физическая близость любящих неотделима от нее. И здесь в этих ощущениях у Мехсети, есть качество многомерности – радость, удовольствие, игра. Она вмещает сюда весь этот спектр, всю палитру.

Любви и ее свободному проявлению везде и во все времена чинили препятствия. Но Мехсети Генджеви в XII веке, в тотальной несвободе выразила свое неповиновение. Это ее бесстрашие, это ее восстание, и ее победа, ибо через 9 веков мы продолжаем восхищаться ею.

На творчестве другого ренессанского поэта Атааллаха Аррани мне бы хотелось более подробно остановиться, ибо этот поэт, к сожалению мало известен был до сегодняшнего дня.

Открытие ширванского поэта XV века Атааллаха Аррани связано с именем Теодора Шумовского, арабиста, видного ученого XX века (97 лет), исследователя, который создал монографический труд «Священный Коран» тончайший лингво-филологический и исторический анализ.

Т.Шумовский провел свое детство и юношество в Шамахе, учился в Ленинграде на факультете востоковедения. На каникулах в Шамахе в июле 1936 года он случайно в Пирре Иман-заде вместе со свитками коранического текста находит сборник стихов, диван «Лепестки роз» Аррани и впоследствии на протяжении всей своей жизни стал изучать и переводить эти замечательные стихи на русский язык.

Итак «благословлен тот день и час», когда Теодор Шумовский через много сотен лет открыл людям автора «Лепестков роз», блистательного азербайджанского поэта Атааллаха Аррани, жившего во времена Низами и Хагани, и по крупицам собрал все сведения о нем и о его творчестве.

«Когда придет пора покается в грехах,
Скажу, что не одну, как повелел Аллах
Три жизни прожил я: одну – в спасенье тела,
Другую – для любви, а третью жизнь в стихах».
(1,16)

Читая его диван, поражаешься многогранностью его ощущений любви: любовь как свободное состояние души, растворение друг в друге, любовь – как вектор существования. И, главное, любовь – это божественный дар:

Нет, божью мудрость восхвали усердно:
Пред сенью погребальных покрывал
Творец земли и неба милосердно
Нам страсть и память в утешенье дал.(1,145)

Аррани, в отличие от Мехсети, принимает категорию Бога, для него Бог не есть страх, а Бог – есть любовь. Он воспевает Коран, считает себя истинным мусульманином, поскольку занимается сотворчеством с Богом, т.к. творит стихи, но он также, как и она, не принимает духовенство, но отделяет Всевышнего и них.

Есть в его стихах тема, которая встречается у многих восточных поэтов – потеря любимой, разлука, недостижимость, очарование внешней красотой. И у Аррани для этих ощущений есть свои яркие необычные краски, есть своя прочувственность, свое погружение, но есть у него тема, которая почти никогда не акцентировалась в восточной любовной поэзии. Это – воспевание зрелой любви, и существования истинной любви только вне брачных уз.

Именно на этих оригинальных видениях мне бы хотелось остановить свое внимание. Но вначале прослушаем его определение любви, оно очень тонко, любовь для него это состояние не ума, любовь – это состояние, врывается в сердце, «ее ты умом не обнимешь», ум не советчик в любви.

Рассудком в любви не живи
Ты сердце для ласк позови
Холодный, расчетливый ум –
Угрюмый могильщик любви (2,162)

Или же:

...От глаза спокойного, рук равнодушных
Хирурга-ума берегите любовь!..

Открыто и тайно любите любовь
Бесстыдно и робко любите любовь (2,162)

Его сборник «Лепестки роз» – это гимн свободной любви, зрелой, осознанной.

«Любовь бессмертна», – восклицает поэт. «Пока ты жив, спеши любить!». Жизнь без любви ничего не стоит.

Не о себе я слезу лью ...
И не о тех, кто пал в бою.
Скорблю о тех, кто не любивши
Напрасно прожил жизнь свою. (2,189)
Ибо Всевышний создал человека для любви:
Кто не любил и кто любимым не был
Тому скажи, не пряча укоризн:
«Гори в аду за стыд земли и неба,
Тебе для страсти подаривших жизнь!». (2,188)
И отсюда главный вывод его жизни:
Над бездной смерти стоя я постиг:
Ученье лет милее страстный миг,
Твоей любви пленительная свежесть
Дороже мне и диспутов и книг. (2,163)

И самое страшное для человека, считает поэт, это жить вне любви. Существовать в одном пространстве с нелюбимыми – это божье наказание.

Коль с врагами ты крут
Коли грозен и лих,
Коли медленной казни для недругов
хочешь своих,
Посели с нелюбимыми в камере
жизни их. (2,167)

Одна из тем, которой касается Аррани – это любовь как растворение в друг друга – одно из главных свойств истинной любви. Это мы встречали и в рубаи Мехсети воспевание соития двух начал, которая свойственно ренессансскому мировосприятию, но у Аррани она проходит через весь его поэтический цикл:

Кого стыдишься ты? Меня? Но я – ведь это ты!
Природой нам распределен удел...
Соединения двух сердец и тел (2,153)
Или же:
... Дай захлебнуться в губ твоих вине!..
... Я растворюсь в тебе и ты во мне. (2,134)
Или же:
Сказать люблю себе позволь
Когда в любви забудешь роль
Когда твоею болью станет
Подруги спрятанная боль. (2,161)

И что еще удивительно, что описывая красоту любимой женщины метафорическими сравнениями, которое всегда было свойственно поэзии Востока (мы не будем на этом останавливаться), он делает необычное наблюдение.

Ты с женщины сорвешь тяжелые одежды
Но с тайных дум ее тончайшей не сорвешь. (2,200)

Да, для Аррани любовь – это состояние, это растворение, но это и свобода, свобода отношений, и свобода от брачных уз и договоров. И если Мехсети призывала к свободному проявлению чувств, то Аррани более конкретен. В браке любовь невозможна, она там

разрушается:

Как только любовницу-розу введешь в положение
жены

Исчезнет ее обаяние, умрет острота новизны...

Врагом веснопений предстанет былая богиня
весны. (2,139)

Или же:

Женись! – ужасней положенья нет.

В тебе умрет мыслитель и поэт.

И ты не раз обманешь человека,

С которым прожил вместе двадцать лет. (2,172)

Ибо для любви – необходимы встречи и разлуки, «разлуки необходимей встречи», -
воскликает сам поэт.

Сказали мне: ты дожил до седин...

Разумен будь. Как добрый семьянин,

Люби семью, цени покой и деньги.

Живи, как все. Ты в мире не один...

Но я – один, когда забыв семью,

Проникну к той, которую люблю,

В ком для меня все утешенья мира,

Кому на грудь я слезы счастья лью! (2,201)

Вся философия жизни, что исповедовал Аррани проходит через любовь. И в зрелом
возрасте он продолжает воспевать любовь, ибо в любви нет ощущения времени, когда ты
стоишь «сердце к сердцу», есть просто любовь и со временем ею еще больше дорожишь,
ибо теперь она осознанная.

Как будто мальчишка, от страсти дрожу

Сжигаемой страстью, по жизни брожу.

Пол века прошел я – и страстью кипящей,

Умом освященной, вдвойне дорожу. (2,167)

Бывает, человек уже прожил много

А в нем еще тревожно бьется сердце...

Но если он не знает разделенной любви,

Он чувствует: крадется к сердцу старость,

Ужасный проводник на плаху смерти.

Но... вторая жизнь подарена любовью!

И если он любил, не забавлялся,

То третьей нет. (2, 182)

Мы попытались сегодня рассмотреть, не нарушая гармонии, творчество поэта-
женщины и поэта-мужчины в разрезе любви и свободы – главных констант эпохи
Возрождения. Каждый из них дал миру свой уникальный потенциал, уникальный образ
мышления и чувств, видения и бытия и при всей полярности существования мужчины и
женщины в этом мире.

Мы попытались сегодня все эти существующие противоположности влить в
органическое единство существования – в существовании Любви и Свободы, тех чувств
которые сейчас отдалены от нас.

Мы живем сейчас в каком-то искусственном мире, в мире, где подменены многие понятия: мыслить важнее, чем чувствовать, где «казаться» доминирует над «быть», где любовь – это «действие», а не «существование», где нет уже безбрежности, и горизонт упирается в стену.

Человек забыл, что он встреча земли и неба, души и тела, что любовь и есть основа нашего самопознания. Взял верх рационализм в нашем мировосприятии, который приблизил нас к высшей критической точке.

И сегодня, чтобы выжить, необходимо вернуться к своим истокам, к своей истинной сущности, а значит отправиться вовнутрь себя. Но западному человеку для этого надо научиться выходить за границы своего «я», преодолеть свой эгоцентризм, чтобы придти к главному «любви – как состоянию», а восточному человеку не надо учить заново, все в нем есть, ему нужно просто вспомнить и восстановить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мехсети Гянджеви. Рубаи. Баку: Язычы, 1983.
2. Атааллах Аррани. Лепестки роз // Ю.Мамедов. В голову солнце поцеловало. Баку, 2008.

THEME OF LOVE AND FREEDOM IN AZERBAIJAN POETRY OF THE RENAISSANCE

Mamedhanova Naida Jamal gizi

*Doctor of philological Sciences, Professor
Baku Slavic University, Department of Theory
literature and world literature
E-mail: nanasaf@gmail.com*

The present article is devoted to the works of Azerbaijani poets of the Renaissance – Ataallah Arrani and Mahsati Ganjavi, analyzes the ideas of freedom and love in the works of these poets.

Key words: Arrani, Mahsati Ganjavi, Renaissance, love, freedom.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА И ВОПРОСЫ ЕГО ПЕРЕВОДА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Шакиров Данис Фанисович

*диссертант кафедры общего языкознания и тюркологии
Высшей школы татаристики и тюркологии им. Габдуллы Тукая
Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
Казанского (Приволжского) федерального университета, г.Казань
E-mail: Shakirovdf@mail.ru;*

Юсупова Альфия Шавкетовна

*доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии,
директор Высшей школы татаристики и тюркологии им. Габдуллы Тукая
Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
Казанского (Приволжского) федерального университета, г.Казань
E-mail: alyusupova@yandex.ru.*

В статье рассматриваются современные теоретические подходы к интерпретации понятия «сказочный дискурс» при переводе русских народных сказок на татарский язык. Рассмотрение подходов к пониманию дискурса показало, что большинство исследователей подчеркивают необходимость изучения дискурса как совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, зависимость языковых средств (формы и содержания общения) от социальных условий коммуникации, сфер деятельности.

Ключевые слова: сказочный дискурс, перевод, лингвокультурология, фольклорный текст, картина мира, народные сказки.

На современном этапе развития таких наук, как лингвистика, социология, философия, политология, психология, лингвокультурология все более актуальной становится проблема так называемого дискурса. Термин «дискурс» в языкознание введен Ю.Хабермасом для обозначения вида речевой коммуникации, предполагающей рациональное, критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни [Красных, 1999, с. 141].

В российской лингвистике «дискурс» как термин утвердился в XX в., его значение и суть в научном мире по сей день трактуются по-разному. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» Н.Д.Арутюновой дается следующее определение: «Дискурс (от франц. *discours* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 136–137]. В.В.Красных отмечает, что термин «дискурс» популярен и недостаточно определен [Красных, 2002, с. 173].

В научной литературе дискурс рассматривается как совокупность текстов с учетом экстралингвистических параметров (в лингвистике); как общение, характеризуемое как реализация определенных дискурсных практик (по Фуко) (в социологии, социальной семиотике и политологии); как вид речевой коммуникации, предполагающий критическое

рассмотрение ценностей – норм и правил социальной жизни (по Хабермасу) (в логике, философии, социологии, социальной семиотике). По определению Ю.Н.Караулова «дискурс – речевое произведение, которое рассматривается во всей полноте своего выражения (вербального и невербального, паралингвистического) и устремлений с учетом всех экстралингвистических факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия» [Караулов, 2009, с. 141]. В.В.Красных дополняет это определение, уточняя, что дискурс – это не только само произведение, но и деятельность (взятая в совокупности процесса и результата), в процессе которой порождается речемыслительный продукт. В.В.Красных понимает дискурс следующим образом: «Дискурс есть вербализованная речевая деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных, 1997, с. 37].

Термин «сказочный дискурс», наряду с другими видами дискурса, детально рассматривается Н.Н.Мироновой в работе «Дискурс-анализ оценочной семантики», где дискурс определяется как «вид речевой коммуникации, обусловленный критическим рассмотрением ценностей и норм социальной жизни», а «сказочный дискурс» – как «особая знаковая система, обслуживающая культурную коммуникацию» [Миронова, 1997, с. 48]. По определению Н.Н.Мироновой, сказочный дискурс – это разновидность текста, «в котором реализуются аксиологические микростратегии под влиянием разного рода экстралингвистических факторов: ментальных, исторических, культурологических, этнопсихологических, этнографических и др.» [Миронова, 1997, с. 48.]. Следовательно, можно говорить о том, что «сказочный дискурс, – не абстрактное общественное проявление, а представляющее собой в зафиксированной (письменной, устной) форме выражение коммуникативной функции, обусловленной традициями общества, которые определяются ценностными предпочтениями» [Миронова, 1997, с. 31].

Первые научные исследования сказочного дискурса были выдержаны в духе вышедшей из немецкого романтизма «мифологической школы» – Я. и В. Гримм, А. Куп, В. Манхардт, М. Мюллер, В. Шварц. Из отечественных ее приверженцев следует назвать Ф.И.Буслаева, О.Ф.Миллера, А.Н. Афанасьева и др.

Актуализация сказочного дискурса связана с его общественной и социальной востребованностью. Сказочный дискурс на раннем этапе своего становления и развития был облечен в форму ситуативно-ролевого дискурса с его непосредственными участниками – исполнителями сказочниками и слушателями. При переходе из устной коммуникации в письменную сказочный дискурс все более приобретает эстетическую ценность и из ситуативно-ролевого становится личностно-ориентированным бытийным типом дискурса, вследствие этого происходит изменение роли участников общения. Тональность общения варьируется в зависимости от жанра сказочного дискурса. Соответственно, сказочному дискурсу, наряду с традиционно выделяемыми критериями, также присущ такой параметр, как лабильность.

В сказочном дискурсе наряду с универсальными признаками (участники, цели, стратегии и т.д.) выявлены специфические: эпичность, повествовательность, установка на вымысел, эстетичность, развлекательность. Специфические свойства сказочного дискурса – устойчивость, надвременность, универсальность, что указывает на социальные характеристики изучаемого объекта. Сказочный дискурс рассматривается как психическая реальность созданных воображением виртуальных миров или ментальных пространств, в которой персонажи и разворачивающиеся сказочные события существуют в виртуальной среде дискурса, так как они реальны именно в ней.

Трудность выделения сказочного дискурса связана с его исключительной особенностью

– не явной представленностью, а нахождением в более тонкой сфере языкового сознания, чем области его реального проявления, а также в постепенном переходе сказочного дискурса из институционального в разряд личностно-ориентированного типа, где сглаживается первоначальная асимметрия ролевых отношений.

Подтверждение существования, проявления и особой знаковости сказочного дискурса становится очевидным благодаря наличию областей проявления сказочного содержания, возможности рассмотрения явления в историческом ракурсе, его взаимосвязей с другими типами дискурсов. Совместимость сказочного дискурса с другими видами дискурса основана на их генетической связи и родовой общности. Сказочный дискурс как реально существующая древняя коммуникативная система взаимодействует со многими видами дискурсов. Наибольшая общность и родство сказочного дискурса отмечаются с художественным и религиозным дискурсами.

Аккумулирующие ментальные стереотипы народа тексты в межпоколенной передаче являются непосредственными составляющими сказочного дискурса и содержат знаки языковой и смешанной природы, доказывающие существование дискурса как особой социальной данности. Тексты, базирующиеся на категории сказочности, дифференцируются по ее наличию в жанровом пространстве. Установлено, что лингвосемиотическое пространство сказочного дискурса динамично структурируется от ядра, представленного анималистской и волшебной сказками, к периферии, образованной легендами, былинами и их фольклорными разновидностями.

Сказочность есть категория лингвопрагматического характера, имеющая в языке уровневое выражение, возможный и допустимый репертуар языковых средств применительно к различным ситуациям сказочного общения. Осознавая сказочность с точки зрения прагматической теории и проблемы социального взаимодействия, в данной работе мы делаем акцент на изучение языковой репрезентации категории сказочности, непосредственных возможностей вербализации сказочности в татарском языке.

Сказочность предстает как возможный и допустимый репертуар языковых средств применительно к различным ситуациям общения. Под единицами категории сказочности мы понимаем любое явление, функционирующее как средство сказочности и имеющее в языке различное уровневое выражение. Объединение этих разноуровневых единиц в единую систему на основе их общей прагматической функции позволяет говорить о сказочности как категории лингвопрагматического характера.

В системе основных параметров категории сказочности выделяются оппозиции различительных признаков, основной из них является сказочное – несказочное. Базовыми параметрами категории сказочности во всех языках являются чудо, аксиологичность (наличие ценностей и антиценностей), размытый хронотоп, структурно-семантическая итеративность. Определено, что лингвосемиотические механизмы актуализации сказочности наиболее отчетливо проявляются в волшебной сказке благодаря:

а) стилизации графико-фонетических средств, синтезу инициальных букв сказочного текста с иллюстрациями (графико-фонетический уровень);

б) активному использованию тематических групп лексем, обозначающих волшебные существа и сказочных героев, волшебников, а также многочисленных топонимов, прозвищ и онимов сказочных существ, живущих в реальном и потустороннем мире;

в) структурно-синтаксической организации сказочной предикативной цепи: кумуляции, нанизывания, повторов разного вида (синтактико-стилистический уровень).

Графические средства актуализации сказочности представлены в синтезе инициальной буквы с иллюстрацией, в стилизации шрифта, представляющими семиотические механизмы создания сказочного эффекта. Графическая репрезентация

автора-рассказчика в сказочном дискурсе представляется растягиванием слов, написанием слова, словосочетания или предложения заглавными буквами, выделением всего слова или его части курсивом, полужирным и жирным шрифтом, скандированием, эмоциональными паузами, восклицательным знаком, абзачным отступом в тексте.

Сказочный дискурс ориентирован на устное воспроизведение, непосредственный контакт со слушателями, что ведет к увеличению используемых графико-фонетических средств. Установка автора на дистантный контакт с читателями, восстановление некогда устного текста для его сохранности снижают релевантность использования графико-фонетических средств создания сказочности на письме.

Анализ актуализации лексических средств категории сказочности определяется спецификой лексики сказочного дискурса. Сказочные персонажи и чудесные ситуации как фоновые знания получают в сознании адресанта языковую интерпретацию в виде лексем со значением сказочности, которые сгруппированы в микрополя, лексико-семантические группы, отдельные пары синонимов и антонимов. Основными парадигматическими отношениями внутри поля являются синонимия, гиперо-гипонимия, эквонимия и комплементарная антонимия. Особую роль в формировании категории сказочности играют фразеологические словосочетания, а также апеллятивная лексика сказочного дискурса.

В волшебных сказках параметр чуда сочетается с аксиологическим и размытым хронотопом. В состав ядра сказочного дискурса входят анималистские и кумулятивные сказки, где доминируют чудесный, аксиологический и итеративный параметры сказочности.

Ведущими параметрами в легендах являются чудо, аксиологический параметр, специфичный пейоративным характером слов и словосочетаний, позитивным либо негативным отношением к чудесному явлению, в которое верят. Хронотоп соизмерим с реальным временем и местом. В былинах параметр чуда представлен обобщенными типизированными сказочными функциями героев-антагонистов. Сказочность получает четкое осмысление в аксиологическом параметре исследуемой категории посредством словосочетаний, обладающих относительной вариативностью и цельностью номинации в пределах эпической нормы.

Повтор, актуализатор итеративного параметра сказочности, также является важным средством синтактико-стилистической организации сказочного текста. В наибольшей степени выдвигание итеративного параметра сказочности наблюдается в группе кумулятивных сказок и близких к ним структурных образований, разделенных на тексты, где доминирует принцип кумуляции, нанизывания, маятникового повтора, оттягивания/замедления действия с неожиданной устрашающей концовкой и кольцевой структурой. Итеративный параметр сказочности преимущественно сочетается с аксиологическим за счет интенсификации повторов и, соответственно, эмоционального напряжения в текстах сказок.

Итеративный параметр сказочности в волшебных сказках приобретает несколько иной характер. Принадлежность к той или иной подгруппе сказок определяется видами и характером повторов, оказывающих воздействие на специфику структурной организации сказочного текста, и основными закономерностями чередования рассказчиком способов введения признака сказочности. В волшебно-легендарных сказках итеративный параметр сказочности постепенно из структурного приобретает семантический характер с целью компрессии идентичных блоков сказочной информации. В более поздних по происхождению сказках повторы приобретают случайный характер.

При рассмотрении категории сказочности на уровне текста следует учесть, что сказочность вербализуется в сказочном дискурсе в соответствии с целями и задачами данного типа общения. Заголовок является элементом композиции сказочного текста. Он

может эксплицировать имена и прозвища персонажей, их особые качества, локативные характеристики; жанр дискурса, его структурные особенности, хронотоп. Стилистические особенности текста представляются метафорическим переносом, перифразом, контрастом, иронией, каламбуром, зевгмой и символом.

Сказочные тексты обоих языков преимущественно следуют сюжетному канону речевого жанра повествования: в зачине указываются хронотоп и основные персонажи, главные события происходят в основной части текста, в заключении описывается в основном счастливый конец.

Специфика коммуникативных стратегий языковой личности соответствует целям жанра сказочного дискурса и коммуникативным потребностям языковой личности той или иной эпохи. Стратегии рассказчика могут быть направлены на организацию сказочного текста определенного жанрового канона; на выбор графических, лексических и стилистических средств с целью оказать воздействие на адресата, на раскрытие авторского мировоззрения и отношения к ситуациям сказочного дискурса.

Наиболее разнообразный спектр эксплицитных и имплицитных стратегий представлен в волшебных сказках с целью развлечения и убеждения адресата в неправдоподобной и неконкретной сказочной информации. Для этой цели используется весь набор стратегий, относимый ко всем параметрам в сказочном дискурсе. В анималистских сказках стратегии адресанта относятся к аксиологическому параметру сказочности, в кумулятивных сказках – к итеративному. В бытовых сказках, где в основном преобладают стратегии косвенного убеждения адресата, авторская оценка выражена имплицитно, и адресат имеет большую свободу в выборе собственных суждений.

Переходя к аспекту перевода текстов русских народных сказок, необходимо отметить, что переводы русских текстов невозможно выполнить с соблюдением принципа максимального соответствия лексических единиц и параллелизма синтаксических конструкций, что обусловлено типологическими различиями между языками, которые проявляются как в особенностях лексики, так и в своеобразии синтаксиса, однако наличие определенного переводческого опыта и хорошее знание языка оригинала способствуют успешному решению стоящих перед переводчиком задач.

Основные требования предъявляются к переводу фольклорных текстов в контексте русско-татарского билингвизма; перевод в данном случае выступает как инструмент декодирования фольклорного текста, как источник этнической информации, что особенно актуально в условиях современной межкультурной и межъязыковой коммуникации.

На протяжении веков фольклорные произведения активно участвовали в дискурсивной практике людей русского культурного пространства. Ценность фольклорных текстов определяется тем, что они, будучи прецедентными, являются отражением накопленных народом социокультурных знаний определенных исторических эпох, источником представлений о культуре народа, говорящего на данном языке. В сказках особенно ярко выделяются национально-культурные символы и концепты, которые передают определенную смысловую информацию. В то же время их понимание для носителя другого языка становится возможным лишь при наличии в сознании определенных кодов, т. е. когнитивных структур языка, позволяющих реципиенту расшифровать получаемое сообщение.

Картина мира отличается у каждого отдельного народа так же, как и кодовые системы культур. Мы переводим не слова, а стоящие за ними национально-культурные символы и концепты. То, что для реципиента является странным, «чужим» и нуждается в истолковании, служит сигналом присутствия в тексте специфических элементов культуры – лакун. Г. Гачев образно называет их «заусенцами», которые «задираются», создавая тем самым трудности

при восприятии иностранцами [Гачев, 1998, с. 64]. В сказочном дискурсе зафиксировано большое количество лакун, т.к. его языку присущ яркий национально-культурный колорит.

Постигая смысл культурной символики сказки, иноязычный читатель сталкивается не только с языковой, но и с национальной «картиной мира» носителей русского языка, пропуская ее через свое сознание. Декодируя такого рода культурные схемы, он соотносит их содержание с привычным ему контекстом, что накладывает определенные ограничения на индивидуальные особенности восприятия смысла иноязычного сообщения.

В лингвокультурологии особое внимание уделяется также изучению стилистики языка фольклорного текста, его глубинному смысловому пониманию.

Фольклорный текст – это продукт совокупного, взаимодействующего творчества коллектива и личности, причем творчества художественного и языкового. Органическое единство плана выражения формы и содержания обусловлено в значительной степени культурно-национальным контекстом, который включает в себя национальную фольклорную традицию (со всей ее сложной системой художественной условности, своеобразием истории народа, традициями и т.д.), художественно-изобразительные средства языка и т.д. Перевести такой текст без потерь на другой язык – значит перевести весь культурно-национальный контекст оригинала.

Работая над переводом фольклорного текста, переводчик сталкивается со множеством проблем. Типы этих проблем исследователями традиционно подразделяются на несколько групп:

1. Группа проблем, связанных с особенностями языка. Это различие синтаксического строя языков оригинала и перевода, грамматические особенности построения текста – солецизмы, эллипсис и другие сходные приемы.

2. Группа проблем, связанных со спецификой художественно-изобразительных средств фольклорного произведения. В эту группу входят типические места и устойчивые формулы в эпосе и сказке; вариация; параллелизм строк в стихотворных текстах; архаические слова, вышедшие из употребления в современном языке; лексическая многозначность, оставляющая известный простор для интерпретации текста; идиоматические выражения; особая фольклорная образность, для которой нет однозначного соответствия в языке перевода.

3. Группа проблем, связанных с организацией стихотворного текста (для стихотворных жанров). К ним относятся все виды «рифмы» (анафора, эпифора, внутренняя и межстрочная аллитерация, ассонанс) и ритмический строй стиха [Лиморенко, 2007, с. 71].

Помимо трудностей лингвистических, определенные проблемы возникают из-за различия культур, несовпадения создаваемой в тексте языковыми средствами картины мира.

Основной задачей переводчика является необходимость передать как можно больше черт и приемов, характеризующих национально-традиционные особенности и художественное своеобразие фольклорного произведения. Но далеко не все из вышеназванных проблем могут быть успешно решены в рамках концепции эквивалентного научного перевода. От передачи определенных особенностей формы и стиля часто приходится сознательно отказываться.

Перевод сказки – особо сложная область перевода, которая все еще не изучена в достаточной степени. Перевод сказки должен учитывать специфические для данной культуры способы интерпретации фактов, явлений и процессов, которые нашли место в сказке. В тексте перевода данные компоненты должны быть адекватно отражены, поскольку в них содержится информация о характерных чертах исходной культуры, т. е. культуры народа, которому принадлежит оригинал. Кроме того, перевод должен учитывать особенности нового реципиента, которому он адресован, что ставит вопрос о культурной

адаптации текста перевода сказки. Все это определяет значимость проблем, связанных с сохранением и передачей национально-культурной информации, содержащейся в сказке.

В процессе межкультурной коммуникации главным инструментом является текст, при этом ему приходится «встраиваться» в новую парадигму: он оказывается элементом, принадлежащим одновременно двум системам – исходной культуре и культуре реципиента. Текст не только воздействует на реципиента, но и сам подвергается воздействию иной культуры. Национальная специфика оригинала проявляется буквально во всем: в поведении героев, в их речи, в деталях быта, которые окружают героев, и т.д. Особенно ярко это выражено в произведениях, близких по стилю к фольклору, поскольку именно в народном творчестве ярче и глубже всего раскрывается самобытный дух народа. Именно к такому типу произведений относятся сказки, поэтому в них проблема сохранения национального своеобразия оригинала стоит особенно остро. Сказки изобилуют реалиями, которые создают ряд трудностей для переводчика. С одной стороны, существует опасность не найти необходимый фольклорный эквивалент в переводимой сказке, и текст перевода при этом получит книжно-литературное звучание. С другой стороны, чтобы сохранить национальное своеобразие оригинала, переводчик должен искать выразительные средства в поэтике народного творчества своей страны, которые могут внести элементы иной национальной атмосферы. Данные особенности и являются причиной основных трудностей, возникающих при переводе русских сказок на русский язык.

При изучении русского сказочного дискурса иноязычный читатель, встречаясь с текстами, в которых представлены концепты иной культуры, из-за другого жизненного опыта и видения мира может по-иному интерпретировать информацию, а также вследствие нетождественных условий материальной и общественной жизни людей, специфических особенностей их культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г. Национальные образы мира. Курс лекций / Г.Гачев. – М.: АCADEMIA, 1998. – 430 с.
2. Караулов Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования / Ю.Н.Караулов. – М.: Азбуковник, 2009. – 334 с.
3. Красных В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В.Красных, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, Д.В.Багаева // Вестник Московского университета. – Сер. 9 – «Филология». – 1997. – № 3. – С. 82–103.
4. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология / В.В.Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 285 с.
5. Лиморенко Ю.В. Проблемы перевода фольклорных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В.Лиморенко. – Новосибирск, 2007. – 27 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцев. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
7. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н.Миронова. – М.: Язык, 1997.– 73 с.

**FAB LINGVOKULTURNAJA ASPECT OF DISCOURSE AND ISSUES
HIS TRANSLATION OF THE TATAR LANGUAGE (RUSSIA, KAZAN)**

Shakirov Danis Fanisovich

*dissertator Department of General Linguistics and Turkic Studies and Graduate School
of tataristiki Türkology them. Gabdulla Tukai the Institute of Philology and Intercultural
Communication them. Leo Tolstoy Kazan (Volga) Federal University, Kazan
E-mail: Shakirovdf@mail.ru;*

Yusupova Alfa Shavketovna

*Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics and Turkic Studies,
director of the Graduate School and tataristiki Türkology them. Gabdulla Tukai the Institute of
Philology and Intercultural Communication them. Leo Tolstoy Kazan (Volga) Federal University,
Kazan
E-mail: alyusupova@yandex.ru.*

The article deals with the modern theoretical approaches to the interpretation of the concept of «fabulous discourse» in the translation of Russian folk tales in the Tatar language. Consideration of approaches to understanding the discourse revealed that the majority of researchers stress the need for the study of discourse as a set of linguistic and extra-linguistic factors, the relationship of language means (the form and content of communication) from the social conditions of communication fields.

Key words: fabulous discourse, translation, cultural linguistics, folklore text, picture of the world, folk tales.

**НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ
ТРИЛОГИИ А.НУРПЕЙСОВА «КРОВЬ И ПОТ»**

*Дилдабекова Анар Кулбаевна,
докторант
филологический факультет
кафедра общего языкознания и теории перевода
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана
E-mail: Dil.Nara@mail.ru*

В статье рассматривается национальное своеобразие в романе – трилогии А.Нурпеисова «Кровь и пот» при переводе на русский и английский языки. Передача своеобразия тех или иных элементов произведения является важным условием создания иллюзии иноязычной культуры. При переводе часто оказывается, что определенная культурная информация, которой владеет носитель языка, не соответствует информации, заключенной в языке перевода. Данная информация может превратиться в непривычную и непонятную, а иногда и искаженную, даже если речь идет об обычных, внешне похожих ситуациях. Одной из основных причин этого являются глубинные культурные расхождения, затрудняющие межъязыковую и межкультурную коммуникацию. Анализируемая работа осложняется тем, что перевод на английский язык выполнен посредством русского, а не сразу с казахского языка.

Ключевые слова: национальное своеобразие, художественный перевод, национально-культурная специфика, слова-реалии, художественное произведение.

В современной действительности проблемы перевода имеют неопределимое значение. Реальным и весьма актуальным остается процесс мощного взаимообогащения и взаимовлияния культур и литератур многих народов мира. Художественный перевод помогает сохранить национальные традиции в культуре того народа, на языке которого он выполняется. Как известно, сохранение национальных форм – залог многообразия и богатства творчества всех народов, каждый из которых вносит свою лепту в мировую культуру. Художественный перевод сближает народы и в то же время утверждает культурную самостоятельность и их национальное своеобразие.

Казахская литература на протяжении всего времени менялась и развивалась благодаря казахскому народу, веками передавая эпическую и лирическую поэзию. И, наряду с произведениями великих и высоко значимых мастеров казахской литературы, переведенные на многие языки мира и узнаваемые в разных странах, стоят работы А.Нурпеисова.

Абдижамил Нурпеисов – выдающийся представитель казахской литературы, и сохранение национальных богатств – одна из основных тем его творчества, необычного и богатого, вобравшего художественные образы казахского народа.

Как известно, национальную специфику литературы во многом определяет тематика художественного произведения, так как она влияет на характер и последовательность событий, а также обуславливает типы персонажей, род их занятий, социальную и этническую принадлежность. Сюжет произведения, как правило, обусловленный конкретными явлениями жизни, также обладает значительным национально-культурным потенциалом и имеет глубокий социально-исторический смысл.

Одним из масштабных произведений Нурпеисова является роман – трилогия «Кровь и пот». Это – многоплановое, широкоохватное повествование о трудной судьбе казахского народа, о пробуждении самосознания в канун революции, о больших людских горестях

и слишком маленьких радостях на стыке поворотного момента истории, о крушении феодального уклада, кочевого быта, о крахе родовых, племенных связей и морали. Эта книга о пробуждении чего-то нового в жизни простого казахского народа, как пробуждение степи после зимней спячки [Видадь, 2006, с.128].

В романе А.Нурпеисова «Кровь и пот» уживаются колоритная картинность и тонкий психологизм, контрастная яркость, а иногда даже резкость характеров, и в то же время сердечная теплота, душевный неуют отдельных героев. В нем, прежде всего, увлекает богатство духовного мира, душевная тонкость и внутренняя сложность героев. Писатель точно обрисовывает состояние души своих героев и происходившие с ними изменения, а также для придания еще большей достоверности повествованию, опираясь, как и его всемирные предшественники – Толстой и Шолохов, на конкретные исторические события падения российской империи и большевистской революции.

Особенности стиля писателя – прямолинейность и строгость в изображении жизни рыбаков, довольно реалистичное описание суровой природы. Многие критики и литераторы отмечают, что «Кровь и пот» суровое и правдивое произведение.

Следует отметить, что роман А.Нурпеисова содержит большое количество средств выразительности и образности, при передаче которых от переводчика потребуются недюжинная сообразительность, фантазия и высокий профессионализм. Такими примерами средств выразительности являются метафоры, сравнительные обороты, повторы (лексические, фонетические, морфемные и так далее), диалектизмы, говорящие названия, имена и фамилии и др.

Передать такие средства на другом языке сложно из-за отсутствия прямых эквивалентов, наличия определенных культурных и иных различий. Переводчик должен обладать широким словарным запасом, в том числе идиоматических выражений и пословиц на языке перевода, уметь правильно подбирать и пользоваться специальными справочниками и словарями. Обладание большим объемом культурной информации о стране и носителях языка перевода - требование, которому должен соответствовать любой профессиональный художественный переводчик. Ведь национальный колорит достигается точным воспроизведением портретной его живописи, всей совокупности уклада жизни, бытовых особенностей, трудовой обстановки, внутреннего убранства, обычаев, воссозданием пейзажа данной страны или края во всей его характерности, воскрешением народных обрядов и поверий.

Мы предприняли попытку проанализировать способы передачи на русский и английский языки казахских реалий из русского варианта произведения А.Нурпеисова, использованных в переводах Ю. Казакова и К.Фитцпатрик.

Изначально исследуемая работа велась между двумя вариантами произведения «Кровь и пот» (русский и английский). Но, пришлось прибегнуть к оригиналу романа, так как появились вопросы, связанные с передачей реалий.

Рассмотрев ниже примеры, мы можем утверждать, что если бы было правильно подобрана переводческая трансформация при переводе на русский язык, то не исказилось бы понимание национального колорита казахского народа у англоязычного читателя.

Например:

- Эй, эже-ай! Сондай-ақ елде жақсы қалды ма?... [Нұрпейісов, 1973, б.31].

- Ах, бабушка! Где это ты видела достойнейших?... [Нурпеисов, 2000, с.35].

- Ah, babushka! Where have you seen the most worthy being elected?... [Nurpeisov, 2013, p.31].

Мы видим, что переводчик Катрин Фитцпатрик способом транслитерации передала слово 'бабушка' на английский язык 'babushka'. Хотя, она могла просто перевести как

'grandmother' или 'grannie', имеющие нейтральную окраску. Переведя это слово как 'babushka', переводчик показала национальную специфику русского народа. В данном случае мы считаем, что русскому переводчику следовало использовать в своем переводе транслитерацию и дать следующий вариант слова 'аже-ай'.

- Е! Е-е! – деп аяғаны, әлде кекетіп тұрғаны белгісіз басын изеп-изеп қояды. – ...Құрығы ұзын ғой, бұлардың! [Нұрпейісов, 1973, б.223].

- Э! – скрипуче протянул старик и фыркал. – И на тебя, значит, петлю накинули?... Длинный, значит, у них курук! [Нурпеисов, 2000, с.214].

- Eh! – the old man snorted, creakily extending his hand. – So they put the noose on you, too?... What a long lasso they have! [Nurpeisov, 2013, p.205]

В этом примере русский переводчик Ю. Казаков с целью сохранения специфического элемента казахской культуры в тексте перевода произведения «Кровь и пот» предпочел транскрибировать слово-реалию 'кұрық' и дать объяснение в сносках: курук – шест с петлей для ловли лошадей. Фитцпатрик же перевела это слово как 'lasso' (лассо (от исп. lazo – петля), или аркан, или лариат (англ. lariat) – верёвка с петлей на конце, предназначенная для набрасывания вокруг цели и последующего затягивания при натяжении верёвки. Известный атрибут американских ковбоев [Internet]). Она провела параллель между двумя словами, так как они схожи внешне и предназначение у них одинаково, но, по нашему мнению, было бы лучше английскому переводчику использовать тот же прием перевода как это сделал Ю.Казаков, сохранив тем самым национальную специфику.

При переводе на русский и английский языки важной и сложной задачей для переводчиков была передача игры слов, юмора, так как казахский язык очень своеобразен и специфичен, иногда труднодоступен для понимания для иноязычного читателя.

Очень важно отметить, что переводчики Юрий Казаков и Катрин Фитцпатрик использовали реалии, которые являются одним из компонентов, сохраняющих национальный колорит в переводном произведении. Таковыми являются слова-реалии, использование которых отражает специфику образа жизни, быт казахского народа, т.е. слова, присущие только казахскому языку, например, boursaki, dastarkhan, jeneshe, kelin, kumys, rahmet, shanyrak, tokal, tyure, sybaga (баурсаки, дастархан, женеше, келин, кумыс, рахмет, шанырак, токал, торе, сыбага) [Nurpeisov, 2013].

Проблема связи языка и культуры представляет большой интерес для теории художественного перевода, так как передача национально-культурного колорита произведения всегда является для переводчика одной из самых сложных задач. Это не только перевод отдельных слов реалий, являющихся наиболее «национально» окрашенной лексикой, но и ситуаций, на первый взгляд не обладающих ярко выраженным национальным характером [Федоров, 2002, с.24].

Передача своеобразия тех или иных элементов произведения – одно из важных условий создания иллюзии иноязычной культуры. Невозможно сохранить при переводе все элементы оригинала, содержащие национальную специфику, но, тем не менее, следует вызвать у читателя иллюзию национальной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аугаст Видаль. Абдижамил Нурпеисов. Кровь и пот // Мир Нурпеисова. - Алматы, 2006. – С. 127-130.
2. Нұрпейісов Әбдіжәміл. Қан мен тер. – Алматы «Жазушы», 1973.- 840 б.
3. Нурпеисов А.К. Кровь и пот: Трилогия. Пер. с каз. – Астана: Елорда, 2000. – 832 с.
4. Abdi-Jamil Nurpeisov. Blood and Sweat. – New York, Liberty Publishing House, 2013. – 767p.

5. <https://ru.wikipedia.org>
6. Федоров А.В. Язык и стиль художественного перевода. М., 2002. - 132 с.

**NATIONAL IDENTITY IN LITERARY TRANSLATION OF A.NURPEISOV'S
TRILOGY «BLOOD AND SWEAT»**

Dildabekova Anar K.

doctoral

Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana

E-mail: Dil.Nara@mail.ru

The article deals with national identity in A. Nurpeisov's the novel - trilogy «Blood and Sweat» translated into Russian and English languages. Identity transmission of certain elements of the work is an important condition for creating the illusion of a foreign language culture. In translation there is often that some cultural information, which is owned by a native speaker, does not correspond to the information contained in the target language. This information can be transformed into unusual and incomprehensible, and sometimes distorted, even if it is normal, seemingly similar situations. One of the main reasons for this are deep cultural differences that impede cross-language and intercultural communication. The analysis is complicated by the fact that the English translation is made by Russian, and not just from the Kazakh language.

Key words: national identity, literary translation, cultural identity, words realias, piece of art.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ В СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА

Атаджанова Манзура Аманбаевна

(г.Ташкент, Узбекистан)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Научно-исследовательского института

узбекского языка и литературы

при Ташкентском государственном университете

узбекского языка и литературы

E-mail: otajanova2017@yandex.ru

В данной статье на примере анализа мифологизмов в рассказе Исаджана Султана “Боги Эрам” раскрываются взаимоотношение фольклора и письменной литературы, функционально-семантические особенности древних мифологических сюжетов и образов. Автор пытается доказать, что мифопоэтическое толкование является своеобразной особенностью современной узбекской прозы.

Ключевые слова: ремифологизация, Тюркская литература, Узбекская проза, мифология, миф, фольклор, сюжет, мифологизация.

Герой рассказа Исаджана Султана “Райский сад”, вспоминает своё беспечное детство, встречу с Халмухаммадом бува, у которого душа болела видя как загрязняют природу, как наполняются мусором некогда сверкающие от чистоты воды арыков: “Старик подошёл к нам, и стал наблюдать за нашей игрой. Затем мы увидели как его глаза наполнились слезами. “Почему вы плачете, дедушка?” – спросил я. Старик с трясущейся бородой сказал: “Когда-то я тоже вот так мочил испечённые мамой лепёшки арычной водой и ел, я плачу вспоминая те времена, сынок. Эх, жизнь моя протекла как этот арык”. Я подумал, что ему хочется лепёшки. Помню, что я протянул ему свою лепёшку. А старик взял лепёшки, и не стыдясь, разрыдался”. Герой-рассказчик бежит за плачущим дедушкой Халмухаммадом бобо. Переступив появившийся на его пути арык, перед его взором предстала потрясающая картина: “Я увидел перед глазами необычайный сад с золотыми дверями, хрустальными ручками! Мальчишка моего возраста, держащийся за ручку двери, улыбаясь, смотрел на меня и звал к себе. Я ступил два шага и взглянул в сад. Я не могу сказать, что я там увидел, если скажу, то вам покажется, что всё как на земле. Но деревья, которые я там видел, хоть и похожи на земные деревья, они совсем другие. Птицы, воды... Это были небесные сады! Необычайно прекрасные! Я затрудняюсь найти определение той красоте”.

Писатель для реализации мифологических представлений о путешествии героя в мир “иной”, существующего в узбекском фольклоре, успешно использовал деталь “арык”. Использованный здесь архетип в древней мифологии был мифологическим средством, связывающим “этот” и “другой” мир, иными словами, она выполняла функцию границы между этим миром людей и “миром иным” – пространством мифологических сил. Именно поэтому герой рассказа переступив арык очутился в другом мире и перед его глазами предстаёт “сад с золотыми дверями и хрустальными ручками”, то есть райский сад.

Согласно мифам, райский сад является пристанищем периде (мифический образ красивой женщины), этот сад, который невозможно описать словами, расположен на горе Кухи Каф. Сад охраняли девы (демоны). В этом саду с прекрасной и неопишуемой природой

жили пери. Мифологические представления о райском саде перекочевали в узбекское народное устное художественное творчество из арабского фольклора. Согласно легендам это чудное местечко под названием “Ирам зат ал-имад” создан легендарным правителем по имени Шаддод. Он приступил к строительству райского местечка на земле и построил прекрасный город-сад, здания которого разукрашены дорогами камнями и металлом. Говорят, что этот город, из за своей гордыни и корыстолюбия был наказан богом и разрушен. Отдельные специалисты считают, что представления о райском саде образовались на основе мифологических убеждений древних арабских племён. В священной книге мусульман “Коран”, в 6-7-8 аятах приводятся сведения о трагедии племени Од, проживавших в городе Ирами имевших роскошные замки с высокими колоннами. Согласно легендам, “Ирам зат ал-имад”, то есть “Ирам с высокими замками” был построен легендарным правителем по имени Шаддод [1, ст. 15].

В узбекских народных поэмах *Ирамили Боги Эрам* это – место обитания пери. Согласно мифологическим представлениям, иными словами, по эпическим традициям, Кухи Каф толкуется как граница между землей и Райским садом.

Этот прекрасный сад настолько завораживает мальчика, ступив на этот неземной сад, он видит чудесные вещи, о которых он читал лишь в сказках. “Я был настолько зачарован садом, что невольно сделал ещё один шаг вперёд. Ещё один шаг и я внутри сада. Я мог поймать порхающих золотых стрекоз, поговорить с златокрылой птицей Семург”.

Семург – согласно древним представлениям наших предков, является символом тотемистического покровителя, огромной птицей, оказывающей помощь богатырям. Сложно сказать, когда появился этот прекрасный лирический образ, однако древние сюжеты, связанные с птицей Семург, были широко распространены в фольклоре народов Востока. Она, посадив на свои могучие крылья, могла переносить героя в подземный мир, или выносить его на свет. Первые сведения о птице Семург встречаем в священной книге зороастризма “Авеста”. Как пишется в XIV яште “Авеста” [2, ст. 41], огромная птица по имени “Саена меруга” построила своё гнездо на верхушке “дерева жизни” по середине моря Ворукаша. Мы считаем, что первые мифы о птице “Саена меруга” (Семург), защищающей “дерево жизни” от злых сил своими огромными крыльями, появились на берегах моря Ворукаша или “Безграничного моря”, то есть Аральского моря, на территории древнего Хорезма.

В древней космогонической мифологии образ Семург толковался в тесной связи с легендарным деревом жизни, непосредственно связанного с космическим строением земли. В 62-й главе текста “Минокехратский памятник”, созданного в VI в. на древнеиранском языке пехлеви изображается мифическая картина этих понятий, демонстрирующая эволюцию данного крылатого образа: “Дерево жизни Хома, воскресающая мёртвых, растёт посередине моря Ворукаша. Семург, свившая гнездо на макушке дерева жизни, является символом добра. Каждый раз когда она поднимается со своего гнезда прорастают тысячи новых веточек, и каждый раз когда она садится на своё гнездо, ломаются тысячи веток и семена всех растений рассыпаются по сторонам” [15, ст. 11-12]. Представления связи космогонической птицы с деревом жизни можно встретить и в народной мифологии скандинавов, индо-европейских, сибирского, арабского народов. Примечательно, что если на макушке дерева жизни в мифах изображается огромная птица (в древних индо-иранских мифах – Семург, арабской мифологии – Феникс), то у корня дерева непременно завивается змея (в скандинавских мифах змея по имени Нидхегг). Если мифическое “дерево жизни” напоминает описанное в “Авеста” дерево Хома (в индийской мифологии – Сома) или “Хварри” (“Обилиющий влагой”), то между образами птицей Семург и змеи, обвивающей дерево, на котором птица свила своё гнездо, есть взбудораживающее ум сходство.

Знарок фольклора и мифологии народов Востока Исаджан Султан в своём рассказе “Боги Эрам” описывая чудесную картину, представшую перед глазами героя, старается сохранить древнюю мифологическую ассоциацию единства птицы и дерева жизни. Как передаётся в рассказе, “Рядом с дверью растёт огромное зелёное дерево”, его ветви “запропастились где-то среди туч”. Описанное в данном фрагменте “зелёное дерево” есть художественное толкование “дерева жизни”, которое в архаичной мифологии объединял три мира – Небо, Землю и Подземный мир. Этнограф М.И.Шахнович констатирует, что космогонических мифах встречаются сведения о “дереве мира”. По его мнению, “дерева мира” изображается с корнями, растущими кверху и ветвями, растущими вниз. Это – символ мира или изображение основы мира, то есть ось земного шара. Согласно верованиям шаманов сибирских народов беркут Сэмург очень часто садится на это дерево” [16, ст. 154-155].

Согласно мифологическим представлениям, корни “дерева жизни” расположены под землёй, а его ветки возвышаются над облаками и касаются неба, и таким образом это древне мифологическое дерево объединяет три мира, то есть **Небо** (небесный мир – пространство духов), **Землю** (место, где живут люди) и **Подземный мир** (низший мир – мир мёртвых). Следовательно, в шаманистской мифологии древних тюрков изображается как шаманские духи кочуют в иной мир с помощью “дерева жизни”.

В рассказе не зря уделяется особое внимание “зелёному” цветку дерева в чудесном саду, который считается деталью космогонической мифологии. Поскольку согласно мифу, “дерево жизни” являясь вечно зелёным растением, никогда не засыхает и вечно цветёт. Именно поэтому оно называется “деревом жизни”.

Писатель Исаджан Султан с мастерством сумел внедрить в свой рассказ мифические взгляды о “дереве жизни”, то есть расположение души вне тела. Как приводится в рассказе, герой рассказа, попавший в Боги Эрам, окидывая взглядом огромное зелёное дерево, ветки которого уходят далеко в небеса, замечает, что “время от времени с веток падают листья”. Вот к моим ногам упал жёлтый листок. Я нагнулся, чтобы поднять листочек, и заметил на нём надпись. На листочке с жёлтыми крапинками было написано “Холмухаммад Зиё оглы”.

Падающий лист зелёного дерева, имя человека, начертанное на нём – всё это своеобразное толкование в письменной литературе анимистических представлений. В мифологии упавший с “дерева жизни” лист понимался как признак умершего на земле человека. То есть, согласно мифологическим представлениям древнего человека, сколько на земле людей, столько листьев у “дерева жизни”. Появление новых листочков на ветках дерева воспринималось как рождение нового младенца, а упавший листок – признак смерти человека. Следовательно, в рассказе “Боги Эрам” упавший листок с зелёного дерева и надпись на нём “Холмухаммад Зиё оглы” говорит о кончине это человека. Герой-рассказчик, переступивший через арык в конце поля с клевером, теряет сознание, а когда приходит в себя в объятиях матери, узнаёт от неё, что в тот день умер дедушка Холмухаммад бува, который всегда грелся на солнце у своего глинобитного домика.

В заключение, можно отметить, что писатель умело пользуется народными мифологическими представлениями, передающими истинную красоту и живописность девственной природы не только для передачи психологических переживаний героя произведения, но и проблем эпохи, в частности, для изображения стона матушки-земли, страдающей от экологической трагедии.

**MYTHOLOGICAL ARCHETYPES AND ITS FUNCTIONAL NATURE
IN MODERN UZBEK PROSE**

PhD. Atadjanova Manzura Amanbayevna

Tashkent, Uzbekistan

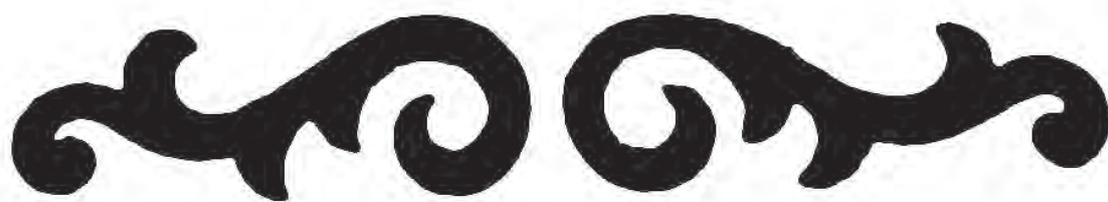
*Researcher of Research Institute of Uzbek Language and Literature
under the Tashkent State University of Uzbek Language and Literature*

E-mail: otajanova2017@yandex.ru

In this article, analyze mythologisms in the story «Gods Eram» by Isadjan Sultan reveals the relationship of folklore and written literature, functional and semantic features of the ancient mythological stories and images. The author deal that the mythical and poetical interpretation is distinctive feature of the modern Uzbek prose.

Key words: remiphologisation, Turkic literature, Uzbek prose, mythology, myth, folklore, plot, mithologisation.

**ТВОРЧЕСТВО
ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ**

**ВООБРАЖАЕМАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ВВЕДЕНИЕ В УНИВЕРСАЛЬНЫЙ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «1001 СЛОВО» О.СУЛЕЙМЕНОВА**

Преображенский Сергей Юрьевич

доцент, кандидат филологических наук

филологический факультет

кафедра общего и русского языкознания

Российский университет дружбы народов, Москва

E-mail: preobrag@mail.ru

В тексте анализируются приемы, складывающие метаязык «воображаемой филологии» О.О. Сулейменова, место подобного рода сочинений в общей парадигме размышлений о языках и истории народов.

Ключевые слова: этимология, письмо, символ, О.Сулейменов, воображаемая филология.

Для начала нужно определить, к какого рода текстам относится рецензируемое «Введение». Менее всего хотелось выступать в с позиции ученого-гелертера (тем более что автор отзыва не является специалистом-этимологом) и с порога отказывать «Введению» в какой-либо познавательной ценности на том основании, что это не научное языковедческое исследование, и навешивать ярлыки вроде «псевдо-«, «лже-« «любительского» (по выражению А.А.Зализняка) и т.д. языковедения. Тем более что за определением «любительский», бывает, скрываются кастовые предрассудки. Многие этимологии М.М.Маковского в «Сравнительном словаре мифологической символики...» кажутся специалистам по меньшей мере смелыми, однако, насколько известно, никто не предъявил доктору филологических наук обвинения в «любительщине» Тем не менее, объективно говоря, в тексте «Введения в Универсальный этимологический словарь» черты «любительства» присутствуют. Причем интересные и меткие суждения и наблюдения чередуются с обобщениями и утверждениями, способными навлечь на себя праведный гнев «профессионала». Скажем, бесспорно, сосюрковский постулат о немотивированности, «символичности» языкового знака страшно навредил лингвистике и семиотике (к такой критической оценке «любителя» О.О.Сулейменова не грех бы присоединиться экспертному сообществу), однако к иероглифам, по самому своему существу иконическим знакам, сосюрковское положение менее всего применимо, и такая трактовка связи между означающим и означаемым иероглифа никак не относится к принятой всеми языковедами. Вообще, категоричность утверждений признак в первую очередь публицистических, а не научных текстов: не так чтобы «генетики и археологи договорились» о том, что возраст современного человека ровно 100 тыс. лет и родом он непременно из Кении – есть и другие не менее авторитетные версии (о Сахаре и Намибии и о более юном возрасте первопретка); не факт что «начальный этап формирования языка был несомненно звукоподражательным», то есть ономотопы, конечно, появлялись в значительном числе, но, вероятно, были и другие звуковые сигналы с более сложной мотивировкой. Иероглифическое письмо базировалось, вероятнее всего на традиции пиктограммы, так картинка превращалась в иероглиф. К этому моменту пучки синкретических образов, заменявших для мифологического мышления понятия, концепты уже складывались. Пиктограмма быка-производителя (ср. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов, М., 1995, с.35) вполне могла стать изобразительным знаком и силы, и богатства, и могущества, и божеств соответствующих

качеств. Безусловно, материал, на котором запечатлевались визуальные сигналы, и инструмент, которым наносились рисунки, играли важнейшую роль в том, какую стандартную форму получали теперь уже символические изображения, так что то, что у одних полумесяц, то, возможно, у других шеврон (особенно, если шеврон выбивают на камне или режут на кости). Остается только доказать, что письменности **заимствовали** друг у друга символические элементы, а не создавали их независимо. Но как раз допущения в «Универсальном словаре» часто приобретают вид аксиоматических положений. Результатом становятся логичные вроде бы, но абсолютно априорные построения вроде утверждения, что универсальные графемы образуют некие первоэтимоны для центральных концептов разных языков. Естественнее предполагать, что некоторое многозначные письменные знаки сохраняли за собой слово-первоназвание: за шевроном закреплено имя «му», а означает шеврон и богатство, и лунного бога и свет – которые звучат по-разному. Когда шеврон рисуют, его называют «му», точно так же, как древний новгородец называл буквицу П покоем. Разве что для культур с тысячелетней иероглифической традицией «обратные влияния» графического знака на семантические связи лексической единицы выглядят временами достоверно, в общем же случае логика очевидна: вербальная полисемия развивается своим путем, а визуальные знаки ее оформляют в письменной передаче. Есть хорошая, проверенная книжка И.Фридриха «История письма» (она, кстати, написана позже, чем вскользь процитированная во «Введении» книга Истрина, там достаточно ярко показан переход от иероглифического письма к фонетическому – естественно, фонетические знаки несут на себе печать своего иероглифического прошлого и самые яркие тому примеры – отдельные буква финикийского алфавита. На основе априорных утверждений, приведенных выше, во «Введении» практически утверждается, что жрецы изобретают и навязывают прочим носителям языка значения многозначных слов, но между криптограммами «посвященных» и общенародным языком – пропасть, даже если это народ – малое племя. Устанавливая универсальные первоэтимоны, нельзя не встать на скользкий путь пренебрежения отдельными мелочами ради глобального эффекта, поэтому появляются утверждения, опровергаемые с очевидностью: утраты носовых как общеславянского процесса не было, иначе откуда бы польский *język*; лука и ложка не восходят к общему этимону луна не при каких условиях; общий для всех (?!!) языков уменьшительный суффикс едва ли дает рефлекс *j*: «...Самым первым формантом уменьшительности в раннем языке был – ***ha** > **a** > **wa**... После к нему прибавился формант ***j**». Для доказательства такого утверждения лингвисту понадобилось бы минимум полглавы, поскольку он знает, что суждение никто не примет на веру. Еще более невероятно и трудно доказуемо превращение картинка копья в «общечеловеческую» стрелу *j* – как если бы палатального звука до рисунка вообще не существовало в качестве элемента отдельных фонетических систем или как если бы этот звук был в числе исходных первофонем, дающих все многообразие звуков всех языков. Этимология всегда была полем соблазнов – с самых её начал. Она часто превращалась из разговора о происхождении слов в разговор о происхождении всего сущего («о началах» Исидора Севильского). Автор «Универсального словаря» говорит именно «о началах», а языки и история письма для него только предмет, от которого мысль отталкивается. Так было и в более ранних сочинениях О.Сулейменова, где филологический материал давал повод поговорить о философии истории, попутно автору удавались тонкие наблюдения, как вполне прикладного, так и общетеоретического филологического свойства. То есть парадоксальным образом происхождение в рассуждениях о происхождении не главное для О.Сулейменова – важнее пучки связей. Отдельные острые соображения, такие как влияние бустрофедона на центральную симметрию древнегреческих графем, не кажутся автору достойными долгого нудного рассуждения («профессионал» пожалел бы об этом). Но

щедрый на догадки О.Сулейменов движется дальше в поисках связей, а детали оставляет на усмотрение читателя. Между прочим, когда несколько десятилетий тому назад О.Сулейменову приписывали пантюркизм на том основании, что он пытался обнаружить в индоевропейском тюркское, только узкие специалисты среди историков языка знали, что ностратическая теория сводит обе «языковые ветви» к единому «древу». Сейчас ностратика – одно из самых перспективных направлений сравнительно-исторического языкознания XXI века. Так что творческая интуиция любителя иногда парадоксально совпадает с логическими построениями «профессионала». С этой точки зрения «Универсальный словарь» интересен как всякое смелое обобщение. Пусть морфемный анализ не позволяет слову *рань* члениться на *ра-нь*, да еще так, что *нь* – постфикс отрицания. На уровне поэтической этимологии такое членение тут же обростаёт смыслами. Специализировавшийся на Велимире Хлебникове известный лингвист В.П.Григорьев применил и к Велимиру и к Олжасу Сулейменову (имея в виду книгу последнего «Аз и Я») общее определение - «воображаемая филология». Это гораздо менее уничижительно, чем «псевдо-«, «лже-« и подобные им префиксоиды, и этимологически восходит к «воображаемой геометрии» Лобачевского. Из «воображаемой» филологии в научную могут экстраполироваться некоторые конкретные соображения, открытия догадки (напр., про бустрофедон и греческую графику, про пространственную ориентированность изображения луны, превращающегося то в лук, то в бычьи рога, и т.п.). Однако главная ценность «воображаемой» в том, что она будит фантазию, создавая миры альтернативной (но художественной, поэтической, а затем и философской) истины, в которых язык и метаязык не разведены по полюсам, но напротив взаимодополняют. Как в поэтическом тексте, утверждения «воображаемой филологии» безоговорочно истинны в заданном возможном мире, а в иных мирах могут оказаться истинными по стечению обстоятельств.

Книга Олжаса Омаровича Сулейменова – гимн «воображаемой филологии», из коей извлекаются (в том числе и научные) истины.

FICTIONAL PHILOLOGY: INTRODUCTION INTO O.SULEYMENOV'S UNIVERSAL ETYMOLOGICAL DICTIONARY “1001 WORD”

Preobrazhenskiy Sergey Yu.,

Assistant professor, PhD

Russian Peoples' Friendship University

Russia, Moscow

E-mail: preobrag@mail.ru

The article deals with the devices forming the metalanguage of O.O.Suleymenov's “fictional philology”, as well as the place of such kind of works in the general paradigm of speculation on languages and history of peoples.

Key words: etymology, script, symbol, O.Suleymenov, fictional philology.

«УРОКИ» ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ПОИСКОВ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Жаксылыков Аслан Жамилевич

доктор филологических наук, профессор

КазНУ им. аль-Фараби

Алматы, Республика Казахстан

В статье анализируется книга Олжаса Сулейменова «Тюрки в доистории.

О происхождении древнетюркских языков и письменности». Обобщаются итоги многолетних научных изысканий поэта в области тюркологии и палеолингвистики.

Ключевые слова: Лингвистика, палеолингвистика, этимология, тюркология, восточно-ностратические языки, сравнительное языкознание, миграция этносов и племен.

Тюркология – сравнительно молодая наука, ей чуть более ста лет. Однако эта наука бурно развивается, расширяет свои горизонты, заглядывает в будущее. Каждый новый значительный труд – шаг тюркологии в будущее. Безусловно, книга О. Сулейменова «Тюрки в доистории» является подобным трудом, расширяющим перспективы тюркологии. Совершенно очевидно, что историческая часть книги, ее философские, культурологические, психологические, антропологические аспекты предстают ценным вкладом автора в науку. Сам подход писателя, методология импонируют своим гуманистическим, универсальным содержанием. О. Сулейменов здесь вновь реализует свой принцип: «Возвысить степь, не унижая горы». И этот нравственный, по сути, взгляд на многосложную, многоаспектную проблематику исследования духовно, философски оправдан, онтологически обоснован. В конечном счете, любая национальная культура – это страница единой мировой культуры, эта грань всеобщей ноосферы, и если в ней имеются достижения глубокой древности – это никого не должно задевать, ведь это общее достояние.

Филологическая часть книги – самое сложное, фундаментальное и основное в ней. Здесь вся соль и изюминка труда. Поэтому самые серьезные размышления вызывает именно эта часть. Как представляется, в тюркологии сравнительное языкознание – развивающаяся дисциплина. Прежде всего, тюркологам нужно тщательно проработать сравнительную фонетику, морфологию, этимологию, словообразование именно тюркских языков, затем всех языков алтайского, уральского семейств, то есть всей группы восточно-ностратических языков. Все это позволило бы более уверенно развивать методику и методологию сравнительного языкознания для применения ее принципов и базы для глубоких и масштабных сопоставлений тюркских языков с индоевропейскими, семитскими и другими языками. Методологическая база анализа группы восточно-ностратических языков, включающих большое количество языков алтайского, уральского, дравидийского семейств, древних шумерского, эламского, основанных на агглютинативном принципе словообразования, позволила вывести на иной уровень учение о типологических лингвистических тождествах и сходствах. Как нам представляется, теория восточно-ностратических языков только формируется на данном этапе. Многого впереди, нас ждут интересные филологические открытия в данной области.

Именно филологическая часть книги, в частности, этимологические построения, наводят на размышления, что не все так просто, как кажется. Там, где сейчас видятся заимствования, могут работать иные алгоритмы, пока скрытые от внимания палеолингвистов, например, – законы ностратического праязыка. Чем более древние уровни языка рассматриваются в анализе, тем ощутимее, на наш взгляд, дает себя знать единый ностратический

общечеловеческий праязык. К тому же многие этимологические варианты представляются небесспорными, что совершенно естественно. Мы предполагаем, что здесь должны высказаться именно специалисты – лингвисты – тюркологи. Каждый вариант этимологии, предложенный О. Сулейменовым, особенно структурный этимологический анализ слов, относящихся к древнему культурному гнезду, должен быть тщательно проверен тюркологами и системно сопоставлен с уже известным материалом. В наше время в различных популярных книгах появляется большое количество этимологических изысков, осуществляемых разными учеными – не филологами. Эти пассажи, к сожалению, засоряют околонуучное поле, вызывая излишние эмоции и напряжение. Совершенно ясно, что этимология – это методологически сложная наука, требующая профессионального подхода. Она требует хорошего знания исторической лингвистики, древних языков, законов словообразования, по крайней мере, в зоне двух взаимодействующих языков, обменивающихся словами, в том числе и фонетических, морфологических, семантических трансформаций, которые нередко неизбежны, когда слово принимается тем или иным языком на уровне транскрипции или транслитерации и адаптируется в соответствии с гомогенными законами. Этимология, осуществляемая по отношению к древним этапам современных языков, требует еще привлечения исторических материалов или источников по миграции этносов, племен, или существующих археологических данных. Без такой широкой научной методологии лихие наскоки, так называемых, доморощенных этимологов не могут заслуживать доверия. Кроме вреда, они никакой пользы не приносят. Известно, что на территории Европы встречается немало топонимов, гидронимов, напоминающих тюркские субстраты или являющихся ими. Однако именно этот фактический материал заслуживает серьезного и профессионального изучения специалистов на базе многоаспектной методологии и с привлечением данных смежных наук.

Вместе с тем внимательное изучение труда О. Сулейменова показывает, что в ней нашли развитие отдельные революционные прорывы, намеченные в знаменитой книге «АЗ и Я». Например, к сегодняшнему дню современная мировая шумерология все чаще говорит о типологической близости шумерского и тюркских языков. А ведь об этом писал О. Сулейменов во втором разделе книги «АЗ и Я» - Шумер-наме. Тогда эти его высказывания были встречены многими лингвистами в штыки. Теперь время работает на Сулейменова именно в данном аспекте его пронизательного взгляда на историю. Обнаружение древних городищ на юге Туркмении, где были найдены артефакты, символами и кодами по важным параметрам духовной и материальной культуры напоминающие знаки древней Месопотамии, прежде всего Шумера, свидетельствует о появлении недостающего звена между прототюркским и шумерским цивилизациями. Дело в том, что многих палеолингвистов и историков смущала географическая и временная отдаленность этих миров, вопрос заключался в том, каким образом шумеры и прототюрки могли взаимодействовать. Теперь мы видим, что одна из условных буферных зон культурного контакта существовала прямо у нас в Центральной Азии 4-5 тысяч лет назад. Таким же образом можно поставить вопрос о роли древнейшей цивилизации Аркаим (артефакты найдены на юге центральной России и севере Казахстана). Один из этих вопросов теперь археологами снимается, другой вопрос о временной отдаленности можно отнести к условностям позиции историков, не доверяющих тезису о культурной древности прототюрков. Но эта история о мифах и лакунах в самой науке. Это особая тема разговора, заслуживающая отдельной энциклопедии. Шумерология, как и тюркология, стремительно развивается. Мы еще узнаем много интересного из этой удивительной темы, в свое время смело поднятой из тлена О. Сулейменовым.

Один из значимых аспектов данной темы – проблема линейного мышления многих ученых, представителей научных школ в области истории, палеолингвистики, этнологии,

этнокультуры. Линейное мышление услужливо представит нам удобную схему эволюционного восхождения человечества от примитивного первобытного общинного строя к технологическим высотам современной цивилизации. В этих схемах, оказавшихся под несомненным влиянием дарвинизма, акцент преобладания будет отдан, конечно, оседлым цивилизациям, как ведущим элементам эволюционной линии. В проигрыше окажутся номады, реликтовые народы, вымирающие племена, не сохранившие артефакты своей древности в виде городищ под горами песка и глины. Однако, если следовать этим наивным схемам, в конечном счете, мы получим картину своего собственного плоского и недалекого мышления. Вполне по логике развития квантовой философии, принципы нелинейности, неопределенности и вероятности проникают во все сопредельные науки, в том числе гуманитарные. Можно допустить, что история развивается по синусоиде, по сложной спирали. Тогда в истории народов по закону синусоиды будут обязательно периоды взлета и упадка. И мы откроем для себя поучительные примеры.... Так, но многим данным современной науки, реликтовые, генетически исчерпавшие свой потенциал, племена, практически являются наследниками великих, уже отживших свое цивилизаций. Среди них и палеоазиатские народы Сибири. Из этой более сложной и жизнеспособной логики исходил великий историк Л.И. Гумилев.

Подтвердились и многие предположения О. Сулейменова о тюркизмах в старославянском языке. Их оказалось немало. О славянах, тюрках и германских племенах особый разговор, требующий знания лингвистом истории народов Евразии. Уже на заре первого тысячелетия нашей эры славянские, германские и прототюркские племена входят в один военно-политический союз – гуннский. Эпоха гуннского каганата должна была оставить глубокие следы, как в языке, так и в фольклоре славяно-германских племен. Нам следует задуматься, кем был для ранних славян вещей Баян, занимающий важное место как в их летописях, так и в устных сказаниях народов Евразии.

Эпоха господства первого и второго тюркских каганатов с VII по IX века новой эры, когда границы империи тюрков простирались от степей Монголии до Днепра, Дона, - это также целый ряд культурно-исторических контактов древних славян и тюрков. И это было до Золотой Орды. А как нам забыть про Хазарию, существовавшую с V века по X, которая также была развитым могучим тюркским государством? Хазарию, которая непрерывно все эти пять веков взаимодействовала со славянским миром? Так что искать есть что.

Таким образом, в конечном итоге, «уроки» О. Сулейменова для академической науки оказались полезными. Не сомневаюсь, что весьма полезной, продуктивной во многих отношениях для официальной науки явится и книга «Тюрки в доистории».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В.В. *Тюрки. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии*. Алма-Ата: Жалын, 1993. 192 с.
2. Гумилев Л.Н. *Этногенез и биосфера земли*. М.: ИНИ, 1993. 498 с.
3. *Материалы круглого стола по обсуждению книги Олжаса Сулейменова «Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменности»*. – Алматы: Қазақ университеті, 2003. 50 с.
4. Сулейменов О. *Аз и Я*. Алма-Ата, Жазушы, 1975. 304 с.

**«ИСПРАВЛЯЯ МЕТАФОРой МИР»: ОБРАЗ И МЕТАФОРА
В ТВОРЧЕСТВЕ О. СУЛЕЙМЕНОВА**

Маслова Валентина Авраамовна

*доктор филологических наук, профессор,
Витебский госуниверситет имени П.М. Машерова*

Муратова Елена Юрьевна

*доктор филологических наук, доцент,
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова.*

В статье выявляется специфика поэтического творчества О.Сулейменова, устанавливается национальный характер его образов и метафор, из которых складывается особая национальная поэтическая картина мира.

Ключевые слова: картина мира, поэтическая картина мира, метафора, экспрессивность, культурное пространство.

Сулейменов Олжас Омарович – великий сын казахского народа, поэт, народный писатель Казахстана, лингвист-исследователь, тюрколог, популярный политик, видный государственный деятель, почетный доктор РУДН. Приближается его юбилей, позволяющий еще раз посмотреть на его поэтическое творчество.

В его поэзии нам дана особая национальная поэтическая картина мира, которая есть ментальное культурное пространство, определяемое «как форма существования культуры в человеческом сознании» [1, 90]. Поэтическая картина мира характеризуется субъективностью, эмоциональностью, творческой работой воображения, ассоциативностью, символичностью, репрезентирующей при помощи языковых и неязыковых кодов (символов).

В поэтической картине мира О.Сулейменова перед нами предстает окультуренный образ мира, он антропометричен: *Звук обнажает скрытые смятенья: / и боль, и злоба – каждое явление / имело цвет.* Внутренний мир лирического героя представлен через звук, который не просто *обнажает смятенья*, но способен передать *боль и злобу*, по мнению поэта, окрашенные в черный цвет.

Установки национальной культуры предполагают предпочтения поэта в выборе ценностных ориентиров, одним из которых может стать цвет:

Белый стреляет в черного?

Серый стреляет.

Черный стреляет в белого?

Серый стреляет.

Серый цвет, по мнению поэта, более опасен, в нем растворяются все другие цвета, обманчиво прикидываясь золотом:

Она (серость) растворяется в белом,

и в черном, и в желтом,

возносится серость бронзой,

блистает золотом...

Образ родной казахской земли красной нитью проходит сквозь все его творчество:

проклятье желтых глин,

Каспия неполный горький ковш

У горячих губ моей земли.

Это мелеющий Каспий, поэтому *неполный ковш*, летний зной, поэтому *губы земли - горячие*.

В поэтической картине мира О. Сулейменова репрезентируются знания, выражается авторская модальность, в ней более образно и субъективно отражается реальность:

*Узникам снилось, от голода желтым, --
клевер, люцерна, ромашки и желуди.
Тысячи снов клубились над трупами,
сплываясь в лохматый стог....*

.....

Этот гербарий был гербом голода.

Здесь образ совокупности (*гербарий*) прекрасных растений поднимается до страшного символа – символа голода. В стихотворении совмещается знаковое и символическое. Для данного символа важен язык намека и внушения, символ един и целостен, он проявляется у поэта, репрезентируя то, что всякий понимает по-своему.

Чем ближе по времени символ нашему опыту, тем однозначнее его смысл. Соответственно, чем дальше он стоит по времени от пережитого опыта, тем туманнее и загадочнее становится его смысл. Учитывая небольшой с точки зрения истории промежуток времени от Отечественной войны с фашистами, данный символ понимается достаточно однозначно: сны узникам травы становятся символом голода.

Для строительства языкового образа О.Сулейменов использует всю палитру языка: это и единицы лексико-семантического, грамматического, синтаксического уровней, а также многочисленные тропы и фигуры. Поэт задействует различные виды тропов: эпитеты, метафоры, сравнения, метонимии, синекдохи, гиперболы, литоты, олицетворения, перифразы, аллегория, многосоюзие, оксюморон, параллелизм, ирония, риторический вопрос, риторическое обращение, умолчание, эллипсис, эпифора, анафора, антитеза, градация, инверсия и др., которые часто объединяясь делают поэтический текст исключительно экспрессивным: *И в дебрях слов потерян бой, / мы простоту вогнали в сложность, / так прячет рукоятка в ножнах / обломок лезвия тупой*. Метафоры *дебри слов, бой потерян* вкупе со сравнением с мечом в ножнах строят образ забалтывания простых решений, как он хорошо сказал в другом своем стихотворении – это стремление *сделать главным перипетии пустяка*.

Нами было установлено, что изобразительно-выразительные средства (эпитеты, сравнения, метафоры и т.д.) сами по себе, вне контекста, не являются признаком художественности. Стихотворение может не иметь ни единого тропа, но быть экспрессивным и лиричным:

*Сволочь – не мелочь,
общественное явление.
Узнать их не просто:
их цвет отличительный –*

В данной статье проанализированы только метафоры, постоянное создание которых, по мнению Ф.Ницше, есть основополагающий инстинкт человека.

Метафора (от греч. *metaphora*) означает перенос названия предмета (действия, качества) на основании сходства, это словосочетание, имеющее семантику скрытого сравнения.

В самом общем плане способность человека к метафорическому мышлению можно определить как частное проявление более общей его способности к заместительной репрезентации содержаний. На языковом уровне имя одного представления может использоваться как наименование другого представления. Основной путь метафорического

переноса – от конкретного к абстрактному, в результате чего метафора делает абстрактное легче воспринимаемым и понимаемым.

Научный подход к исследованию метафоры может быть различным. Традиция, идущая от Аристотеля, согласно которой метафора выражает сходство, рассматривает метафору либо как стилистическое средство, либо как художественный прием. Но, как справедливо, на наш взгляд, пишет Е.В. Падучева, «метафору определяют обычно как перенос по сходству, и это определение никуда не ведет» [2,190].

В настоящее время в науке активно разрабатывается теория концептуальной метафоры, которая представляет интерес не только сама по себе, но и как средство проникновения в семантическую структуру абстрактной лексики. Сторонники данной теории, в частности, Дж. Лакофф и М. Джонсон, доказывают, что метафора по своей природе не языковое, а концептуальное явление, при помощи которого мы осмысливаем абстрактные понятия, «языковые выражения суть вместилища для значений» [3, 394]; метафорический язык – это поверхностное проявление концептуальной метафоры; метафорическое понятие основано на неметафорическом понятии, т.е. на сенсомоторном опыте человека.

«Концептуальная метафора, -- пишет И.М. Кобозева, -- неформально определяется как способ думать об одной области через призму другой, перенося из *области-источника* (source) в *область-мишень* (target) те когнитивные структуры (фреймы, образные схемы и т.п.), в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику» [4, 171]. Т.е. концептуальная метафора – это определенный способ думать об одной содержательной области посредством мысли о другой области, уже когнитивно освоенной человеком. Следовательно, метафора – это такой тип мышления человека, который использует прежде добытые знания, постигая новые; а метафорический процесс – это процесс познания, воображения и ощущения.

В метафоре выделяют три элемента: информация о том, что сравнивается; информация о том, с чем сравнивается; информация об основании сравнения, т. е. о признаке, общем в сравниваемых предметах (явлениях), о которых носителю языка (читателю) требуется увидеть либо отгадать. И чем больше усилий требует метафора для того, чтобы сознание превратило скрытое сравнение в открытое, тем выразительнее и ярче сама метафора. В отличие от двучленного сравнения, в котором приводится и то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, метафора содержит только второй компонент. Это и придает ей образность и компактность. Метафора может быть простой, тогда она построена на сближении предметов и явлений по одному какому-либо общему признаку — *И еловые корни бегут по земле*.

Развернутая метафора построена на различных ассоциациях по сходству: *В бункерах оседает /Тяжелый пшеничный дождь*.

Именно в метафоре ярче всего раскрываются личностные смыслы, образующие идеосферу личности поэта:

*Не лучше ли, отринув имена,
уйти в орнамент безначальных знаков!
Пить сладкое, не обижая дна,
Любить шенгель, не предавая маков!*

С помощью потрясающих и необычных для русского уха поэтических метафор О.Сулейменов создает национальный образ Казахстана, с караванами верблюдов, бредущих по пустыне к колодцу, этот образ накладывается на образ человека – лирического героя, ищущего ответы на жизненно важные вопросы. Здесь мы видим полифонию образов:

*Кто идет караваном?
-- Люди...*

*По песку многоточий
К колодедю ответов...*

Или, например, описание О. Сулейменовым родной с детства степи. С одной стороны, она у него холодная, неудобная, враждебная, не может *обещать материнской заботы*, но с другой – поражает своей бескрайностью и ширью:

*В полночь – снег,
в полдень – зной
И уверенней ветер косой,
Ни дорог, ни домов
В бесконечной полевой глуши...*

*Море яростных красок!
Море без берегов!*

При помощи метафоры О. Сулейменов может понятно и эмоционально выражать сложнейшие понятия: роль настоящего таланта в обществе, цели и задачи искусства, его способность влиять на духовность человека. Например, в стихотворении «Актер и ночной город после премьеры» есть такие строки:

*Убеждали: талант – притворство,
не согласен, хочу открыться,
проявиться, проникнуть, пробиться
в притворенные ваши лица.*

Какой глубинный смысл хочет передать поэт через сочетание *притворенные ваши лица*? Обычная закрытость человека, частая невосприимчивость к прекрасному, вечная спешка, погруженность в житейские мелочи не дают остановиться, оглянуться, задуматься о своей жизни, увидеть красоту цветка, весеннего утра, летящей птицы. А талант – писателя, музыканта, артиста, поэта – «прорывается» в закрытость человека, помогает ему прервать «сон» души, понять себя, найти в себе внутреннюю способность к радостному восприятию мира, жизни и людей. Лирический герой О. Сулейменова страстно хочет *открыться, проявиться, проникнуть, пробиться*. Такой повтор глаголов создает насыщенное семантическое поле интеллектуальной и чувственной страсти таланта: открыть притворенные лица, найти и затронуть глубинные струны человеческой души, и в конечном итоге сделать мир прекраснее.

Иногда метафора у О. Сулейменова может выражаться одним-двумя простыми предложениями, способными передавать трансцендентный смысл. Например, в стихотворении «Мосты»: *Мосты – мои сутулые дороги. Мои стихи*. В прямом значении мост – сооружение, соединяющее два берега реки; в переносном значении мост может соединять судьбы, души, жизни людей. Очень своеобразно увиден мост поэтом: действительно изогнутое сооружение он увидел сутулым, что сразу очеловечивает мост. *Сутулая дорога* предстает мудрым, в чем-то уставшим от жизни человеком. Последующее выражение *Мои стихи* несколько меняет вектор смысла, указывая не на человека, а на результат жизни лирического героя – все в его стихах: радость, горе, мудрость, счастье и разочарование, любовь и тоска. И стихи были мостами, они соединяли людей, помогали им глубже видеть себя и жизнь.

Таким образом, метафора представляет собой уникальный языковой механизм реализации когнитивных функций человеческого сознания, она «результат прорыва

содержаний из таинственных и в высшей степени сокровенных глубин человеческого сознания в область окружающей человека реальности и вместе с тем нить, которая связывает сознание человека и эту реальность» [5, 68]. Олжас Сулейменов в высшей степени владеет искусством метафоры, он видит мир сквозь ее призму, он мыслит и пишет посредством метафоры, действительно исправляя ею мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В. А. Языковая картина мира восточных славян // Вісник Луганського національного університету. Філологічні науки, №3 (286) 2014, С.89-96.
2. Падучева, Е.В. Метафора и ее родственники / Е.В. Падучева // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой / отв. ред. Ю.Д. Апресян. - М., 2004. С. 187-203.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М., 1990. С. 387–415.
4. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
5. Берестнев, Г.И. Слово, язык и за их пределами / Г.И. Берестнев. Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та, 2007.

«БЫТЬ» И «КАЗАТЬСЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Джусупов Маханбет

*доктор филологических наук, профессор,
Узбекский государственный университет мировых языков,
Ташкент, Узбекистан*

О творчестве О. Сулейменова написано много (Байжигитова, 1983; Махмудов, 1989; Байганина, 1991; Жаппар, 2000; Джусупов, Сарсенбаева, 2001; Джусупов, 2002; 2009; Ким, 2002, Жуминова, 2004; Бахтикиреева 2005; Сарсенбаева, 2005, Феномен Олжаса, 2006; Брагина, 2009; Кремер, 2009 и др.). В данной работе мы будем говорить о художественном выражении категорий «быть» и «казаться» в творчестве О. Сулейменова.

О. Сулейменов когда-то серьезно рассуждал о том, что можно быть и можно казаться, т.е. быть и казаться. Рассуждения поэта о категориях быть и казаться, с одной стороны, характеризовались реалистичностью, а с другой стороны – художественным вымыслом, гиперболичностью, т.е. быть на самом деле таким-то, а казаться, представляться другим – в лучшем, высокопарном свете; в казаться была надуманность, обманчивость и даже лживость. Быть же оставалось обычным, реально существующим и очень часто не высоким, не победоносным. И в быть, и в казаться поэт вкладывал серьезный оттенок юмористичности, насмешливости, лживости, сарказма; художественно – эстетического наслаждения; чувства, вывернутые наизнанку.

Так, например, строки из стихотворения «Ночные сравнения».

Ты как мед
как вспомню – зубы ноют,
ты как шутка,
от которой воют,
я ничтожен, кто меня обидит!
Видел ад, теперь бы рай увидеть.

.....

А когда язык ломает зубы!
А когда глаза сжигают
веки?
Как, скажи, мне брови не насупить,
глянуть –
и остаться человеком?
И лягушкой ночью не квакать,
Я люблю тебя,
как любят квакать,
как вдова – кричать,
как рыба – плавать,
я люблю тебя, как слабый –
славу,
как осел – траву,
как солнце – небо. (Сулейменов, 1976, с.112)

В этой части стихотворения, присутствует казаться, потому что реальная любовь переплощена в область нереальной, несбыточной, но красивой, душераздирающей любви.

Элементы категории быть в этом отрывке стихотворения так же присутствуют, например, понятия – любовь, лягушка, вдова и т.д., однако они остались за кадром, они растворились в поэтическом казаться О. Сулейменова и поэтому не могут и не смеют доминировать: быть полностью остается во власти казаться.

Стихотворение завершается следующими строками:

Только все стихи уже написаны.

Так в горах любили и в степях,

так любили – и смеясь и плача.

Разве можно полюбить иначе!

Я люблю тебя, как

я – тебя.... (Сулейменов 1976, с112)

Завершающая часть стихотворения, конечно же, из категории быть, потому что каждый любит, так как он любит: он не может любить как я, а я не могу любить как он. Это истина! Это реальность! А, следовательно, – это быть.

Таким образом, в стихотворении «Ночные сравнения» гармонично сочетаются быть и казаться: казаться – доминанта: быть – недоминанта, но это завершающий аккорд, который всему стихотворению накладывает, наслаивает чувство реальной (т.е. быть) человеческой любви, потому что «Я люблю тебя, как я тебя» и не как другой, потому что по другому не могу любить, по другому любить не способен.

В стихотворении «Кочевник» есть такие строки:

.....

В каждом доме ждет меня чай,

одеяло и теплый хлеб,

и объятие не значай,

если муж глуховат и слеп.

..... (О. Сулейменов 1976, с.186)

В целом стихотворение красивое, но с элементами уничижения образа кочевника, живущего по строгим кочевым морально-эстетическим законам, нарушение которых было не допустимо, а если и происходили случаи нарушения этих законов, традиций, обычаев, то незамедлительно за этим следовало наказание.

Первая часть этого микротекста (В каждом доме ждет меня чай, одеяло теплый и хлеб), конечно же, реальность, т.е. это из области быть, а вторая часть – (и объятие не значай, если муж глуховат и слеп), безусловно, это из области казаться, причем из области невысокого этического и эстетического, т.е. в той или иной степени опошленного казаться.

Мы в область понятий быть и казаться, в эту единую и в то же время бисемантическую, бифилософскую категорию, решили подойти с нейтральных семантико-стилистических позиций (хотя, конечно же, следует отметить, что мы полностью согласны с поэтом и более того мы получили огромное художественно-эстетическое наслаждение от юмора, насмешки и сарказма поэта в отношении героев его произведений, которые быть и казаться понимают так как (или почти так как) это представил О. Сулейменов в одном из фрагментов своего художественного творчества). Например:

«В песках заснеженных Муюнкумов пас отару знатный чабан Ишпакай. На ленивых овец лаял пес Избасар, сбивал их в кучу.

Дул ветер.

И явился Дух.

.....

– Теперь хочу спросить тебя, чабан Ишпакай из племени Ишогуз. Твоя жена Шамхат красива ли?

– Да как тебе сказать, аруах□? Хорошо рожает. Варит мясо и чай кипятит. Помогает по отаре.

.....
– А как она? ... - дух смущенно кашлянул.

– Да как тебе сказать, аруах – мурза. Рожает понемногу.

– Пожалуй, я вселюсь в тебя чабан. Не возражаешь? Я буду ждать, когда слетит в тело жены твоей дух истинной Шамхат.

– Э, нет, мурза, не хватало, чтобы жена моя стала шлюхой, у нас дети. Я ей еще зоо-техника не простил».

.....
(Сулейменов, 1976, с. 329)

В этом микротексте и быть (чабан), и казаться (дух) представлены с откровенным оттенком легкого юмора, но без насмешки, без сарказма, в тех философско-образных реалиях, которые присущи каждодневной жизни чабана Ишпакаая.

Да, быть – это одно (но реальное) состояние человека и общества, а казаться – это другое (но не реальное) состояние человека и общества.

Борьба между быть и казаться сопровождает человека и человечество во все времена: в прошлом, в настоящем и будет сопровождать в будущем.

Между быть и казаться в прошлом, в настоящем и в будущем существует большая разница как во временном пространстве, так и: а) в понимании состояния быть, что зависит от уровня гуманитарного, экономического, технического и т.д. развития индивида и общества; б) в понимании казаться, что зависит от уровня развитости воображения у человека и общества.

Таким образом, быть и казаться и индивидуальное, и общественное, не имеющее ни географических, ни национальных, ни идеологических границ, так как это постоянные категории мышления и творческой деятельности как конкретного лица, так и того или иного человеческого общества, независимо от того «с лицом» это общество или – «без лица».

И быть, и казаться неотъемлемые части жизни человека и общества. Они всегда вместе.

Казаться связано с мечтой, с воображением, с отходом от настоящего быть в сторону несуществующего казаться, пока недостижимого, то есть казаться связано с мечтой, с добрыми и даже с недобрыми намерениями, желаниями.

Быть – это то, что есть в настоящем: состояние конкретной повседневной жизни, независимо от того хороша эта жизнь в состоянии быть или - нехороша.

На основе быть создается казаться: если быть отсутствует, то отсутствует и казаться, если быть присутствует, то присутствует и казаться.

Именно в присутствии быть приходит (наступает) казаться. Потом это нереальное казаться превращается в реальное быть.

Быть создает казаться, а казаться создает быть. В итоге человек и общество всегда находятся в состоянии быть и всегда приходят к новому состоянию быть – отталкиваясь от предыдущего быть и перешагнув через будущее казаться.

Быть и казаться находятся в быть.

Поэзия тоже существует в пределах пространства постоянных категорий быть и казаться. В ней сосуществуют, софункционируют понятийные компоненты единой дихотомии быть и казаться.

В большой поэзии XIX и XX веков нередки случаи, когда быть, т.е. настоящее в большей степени самокритичное, самонедостаточное и даже самобичующее, тогда как казаться, т.е. будущее, представляется красивым, самодостаточным, самообеспеченным.

В поэзии О. Сулейменова сочетание понятий быть и казаться и логически, и эстетически представляет собой единый олжасовский поэтический порыв в прошлое, в настоящее и в будущее. Именно поэтому в поэзии первое (быть) вбирает в себя второе (казаться), и – наоборот. Быть и казаться О. Сулейменова – полинационально ориентированное с доминированием русского и казахского (или казахского и русского) восприятия явлений окружающей действительности, что в совокупности создает оригинальный олжасовский поэтический дискурс, неповторимую поэтическую дискуссию, которые по самобытности содержания и по силе эстетического воздействия являются общечеловеческими и в то же время – локализованными, т.е. ориентированными для читающих на русском языке.

Олжасовский поэтический текст, как средоточие информационного, волюнтаристического, эстетического, является порождением своего времени, в котором художественность и эстетичность, категоричность и философичность смотрят в прошлое, в настоящее и в будущее, т.е. постоянные категории быть и казаться в его поэзии функционируют в пространстве времени в качестве двуединства в одном целом. Такое функционирование постоянных категорий быть и казаться в творчестве поэта породило серьезные лингвистические и экстралингвистические факторы, которые способствовали формированию поэзии Олжаса Сулейменова как искрометной, высокохудожественной, мудрой, полиаспектной, по-евразийски планетарной. Сам же художник слова углубился в один из источников первоосновы художественного слова – в «Слово о полку Игореве» и создал «Аз и Я» – книгу благонамеренного читателя, которая, в свою очередь, повлияла на формирование новой большой плеяды благонамеренных читателей.

Когда говорят о творчестве О. Сулейменова, то невозможно обойти его книгу «Аз и Я» (книгу благонамеренного читателя). Общение читателей с этой книгой происходило, происходит и, видимо, еще будет происходить в будущем. Ее читают не только те, кто интересуется творчеством О. Сулейменова, его полигранно-одаренной личностью, но и те, кто в целом интересуется или специально занимается литературоведением, поэзией, историей, лингвистикой, Мы (Бельдиян Валерий Михайлович и автор этих строк – Маханбет Джусупов) в свое время написали статью с благонамеренным содержанием, посвященную книге «Аз и Я», написанную благонамеренным читателем поэмы «Слово о полку Игореве» – Олжасом Сулейменовым. Статью отправили в известный русскоязычный журнал в Алматы. Статья не была опубликована. Из редакции журнала рукопись (оригинал) статьи нам не вернули. (Хотя следует отметить, что она была написана и отпечатана по всем правилам того времени, т.е. – на пишущей машинке «Украина-2», с соблюдением межстрочного интервала, размера полей и т.д., и была отправлена в редакцию журнала обычной почтой, а не по интернету, как это делается сейчас).

После этого, 28-29 мая 1979г., не поэт Маханбет Джусупов написал для души стихотворение, которое мы предлагаем на суд читателя впервые.

Маханбет Джусупов

Посвящение

Олжасу Сулейменову

Он знает все:

от Аз до Ятя

Славян,

шумеров,

каганат.

Славянский князь

кыпчакам – в зяти,

Кыпчакский бек –

славянам сват.
Читает стих
по-чагатайски.
Орхонский шрифт
озвучил с плит.
Он в «Слове» смысл увидел тайный,
Хоть запрещал все
«Замполит».
В Олжасе трепет
аргамакский,
Копьем –
перо в его руке,
Он все идеи –
по-казахски
На великоросском
языке. 28-29 мая 1979 г. Ташкент .

В истории «Аз и Я» присутствует и быть, и казаться. Так, например, то, что славянский князь и половецкий (кыпчакский) бек братовались, сватались – это быть, которые находятся в было; то, что «Замполит», (т.е. идеология того времени) запрещал читать «Аз и Я» и даже публично в устной форме не разрешал рассуждать об этой книге – это тоже быть, которое находится также в было; то, что Олжас Сулейменов в древнем славянском пласте обнаружил тюркский компонент, имеющий немаловажное значение для объективно правильного понимания текста памятника, а, следовательно, – эпохи и этноязыковых отношений в ней – это тоже быть, которое находится в было, в есть, и в будет. Таким образом, славяно-тюркские и тюркско-славянские взаимоотношения существуют в пространстве времени в прошлом, в настоящем и в будущем. Нам представляется, что творческое наследие О. Сулейменова находится и функционирует в таком же временном пространстве, в котором нет эпохальных ограничений, так как настоящая поэзия и наука существует вне времени. Именно поэтому дважды два – всегда четыре. Это тоже быть на все времена.

То, что в «Аз и Я» О. Сулейменова стало откровенным быть, которое определенной частью специалистов, и читателей было отнесено в категорию откровенного казаться, следует объяснить сформировавшимися стереотипами мышления, сформировавшимися психообразами представлений и понятий о тексте памятника, созданные научными школами, работавшими на основе опоры только на доминанту – памятник славянский, что, безусловно, правильно, но ведь есть нюансы, вкрапления би – и полилингвизма эпохи. Если их не учитывать, то категория быть полностью не раскрывается. Эти нюансы, вкрапления (т.е. элементы быть) традиционные научные школы, как правило, относят, вмещают в категорию казаться (это в лучшем случае).

О. Сулейменов когда-то во все услышание сказал:

Я люблю тебя, жизнь,
Беспокойная жизнь,
Потому, что ты –
Верная женщина.
(Сулейменов, 1976, с.24)
Это быть на все времена.

Итак, в О. Сулейменове глубоко гармонично присутствует лингвистическая сторона категорий быть и казаться. При этом она (лингвистическая сторона) категорий быть и ка-

заться в О. Сулейменове функционирует двойко. Так, когда читатель думает об О. Сулейменове и как о поэте, и как об ученом, и как об общественном деятеле, и как о дипломате, то он уверен, что языковая личность О. Сулейменова активно билингвильная и даже полилингвильная. Конечно же, в своих научных изысканиях поэт полилингвальный (в плане реализации или демонстрации языкового материала). В его поэтическом творчестве также ярко наблюдается би- и полилингвизм, но всегда на уровне «рекламирования» казахской или общетюркской культуры, истории, обычаев, традиции, лексико-семантических особенностей языка, которые вкрапливаются в ткань русского поэтического текста. Именно поэтому читатель не сомневается в активности его поэтического би- и полилингвизма. Читатель не смеет даже подумать, что О. Сулейменов не оформляет свое поэтическое творчество на двух языках – русском и казахском. Он (читатель) думает, что О. Сулейменов художественно владеет русским и казахским языками – это казаться, а быть – это владение им одним художественным языком – русским и не владение другим художественным языком – казахским. Итак, быть и казаться живут в О. Сулейменове как само собой разумеющиеся – в статике и в динамике его внутреннего состояния и внешней монолингвильной письменной поэтической реализации. Такое состояние категорий быть и казаться в жизни художественной личности встречается нередко. Поэтому О. Сулейменов неодинок, как поэт – монолингв (пишущий на одном, но генетически неродном языке), при этом думающий в психообразах понятий и категорий двух, а может большего количества языков.

Касательно этой олжасовской проблемы, Ваш покорный слуга написал (18.10.2010. Ташкент) дружеский шарж на О. Сулейменова (который также, как и стихотворение – посвящение, представленное в этой книге, перед предисловием) публикуется впервые.

Маханбет Джусупов

О.Сулейменову

У Олжаса есть

ведь все:

Рост

талант,

везение.

Нет лишь малости

одной –

доброто терпения,

чтоб казахский

текст творить

навыков, умения.

18.10.2010. Ташкент.

Итак, быть и казаться в творчестве О. Сулейменова и статически, и динамически постоянные категории, не имеющие аналогов в поэзии художников слова, пишущих на генетическом родном языке.

Быть и казаться у О.Сулейменова – двигатели его внутреннего и внешнего мира; орнаментарий новой поэзии, созданной бифонно или полифонно мыслящим художником слова, но оформляющим ее средствами генетически неродной монолингвифонии.

При этом доминантой его языко-речевого мышления является русский язык.

Итак, О. Сулейменов является активным высокохудожественным монолингвом и не является активным высокохудожественным билингвом.

Многие благонамеренные читатели его поэзии заблуждаются и поэтому безапелляционно заявляют, что он, Олжас Сулейменов, является пишущим на двух языках активным

высокохудожественным билингом, что не имеет подтверждения в его поэтическом творческом бытии.

Многие его поэтические (и не только поэтические) произведения приобрели полинациональную известность. Именно поэтому они часто характеризуются как билингвистические и даже полилингвистические. Отпечаток маркера интернационализма в содержании его художественных и научных произведений и в сути его общественной деятельности демонстрируют личность Олжаса Сулейменова полинациональным писателем, ученым и общественным деятелем, независимо от того является он в действительности художественным монолингом, билингом или полилингом.

Относительно этого аспекта его творчества мы написали (9.10.2011. Ташкент) еще один (но уже другой) дружеский шарж, посвященный Олжасу Сулейменову, который, как и другие посвящения, публикуется впервые.

Маханбет Джусупов
Олжасу Сулейменову

Билингв он
или – монолингв?

А может –
полилингв?

Ответит сам,
иль мне сказать,

Какой он
в общем лингв:

Он –
страстный
лингв,

Он –
хрупкий
лингв.

В поэзии –
алмаз.

Его стихи –
духовный джаз,

Пришедший
с нотой в лингв.

Духовный джаз – духовный лингв,

А в целом –
музолингв.

Он покорило давно
всех нас –

Казахский –
интерлингв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байганина Н.М. Специфика поэтического языка Олжаса Сулейменова. Автореф. дисс. канд. филол. наук, Санкт-Петербург, 1991. 25 с.
2. Байжигитова Т.Б. Лингвистические средства субъективизации в русскоязычной прозе казахских писателей. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Алматы, 1983, 24 с.
3. Бахтикиреева У.М. Художественный билингв и особенности русского художественного текста писателя – билингва. Автореф. дис. докт. филол. наук. Москва, 2005, 42 с.
4. Брагина М.А. К вопросу о приоритетных лингвистических теориях XXI века // Филология и современность. Выпуск 2., Ташкент, «MERIYUS», 2009, С. 24-29.
5. Джусупов М. Язык художественной деятельности писателя и проблема принадлежности его к национальной литературе (на материале поэзии О.О.Сулейменова) // Поэтика художественного текста. Тезисы докладов междунар. научн. конф., посвященный 200-летию Виктора Гюго. Самаркандский государственный институт иностранных языков. 2002, с. 37-39.
6. Джусупов М. Многостильность поэзии о любви (Художественный стиль или стилистика языка художественной литературы?) // Филология и современность. Выпуск 2., Ташкент, «MERIYUS», 2009, с. 36-42
7. Джусупов М., Сарсенбаева А. Художественный билингв или монолингв? (О поэтическом феномене О.О.Сулейменова) / Қазақстан жоғары мектебі (Высшая школа Казахстана), № 4,5, 2001. С. 77-84.
8. Жаппар К.З. Эстетические функции имен собственных в поэзии О.Сулейменова. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Алматы, 2000, 27 с.
9. Жуминова А.Б. Тезаурус языковой личности поэта О.Сулейменова. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Алматы, 2004, 25 с.
10. Ким Н.С. Эпидигматические отношения в языке и их реализация в русской художественной речи (на материале поэзии О.О.Сулейменова). Автореф. дисс. канд. филол. наук. Ташкент, 2002, 25 с.
11. Кремер Е.Н. Современные вопросы филологии: особенности русского художественного текста нерусского по происхождению автора // Филология и современность. Выпуск 2., Ташкент, «MERIYUS», 2009, с 82-89.
12. Махмудов Х.Х. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи. Алматы, «Наука», 1989, 298 с.
13. Сарсербаева А.Ж. Анафора в поэзии О.О.Сулейменова (семантикостилистический и лингвостилистический аспекты). Автореф. дисс.канд.филол.наук. Алматы, 2005, 26 с.
14. Сулейменов О. Определение берега. Избранные стихи и поэмы. Алматы, «Жазушы», 1976, 456 с.
15. Феномен Олжаса. Сборник материалов, посвященных творчеству О.Сулейменова. Алматы, Дайк-Пресс, 2006, 416 с.

**«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА**

*Джафаров Тельман Гамзага оглу
доктор филологических наук, профессор
Бакинский славянский университет,
Азербайджан*

Восприятие «Слова о полку Игореве» в качестве общего культурного достояния восточнославянских и тюркских народов содействовало расшифровке и раскрытию некоторых «темных» мест памятника, избавило его исследователей от надуманных и необоснованных гипотез. В этом плане неоценимы заслуги всемирно известных тюркологов П.М.Мелиоранского, В.А.Гордлевского, И.Г.Добродомова, А.Н.Кононова, К.Г.Менгеса, Л.Н.Гумилева, Н.А.Баскакова и других. В толковании и пропаганде тюркских и восточных элементов «Слова о полку Игореве» особое значение имела научно-публицистическая работа О.Сулейменова «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя». Усилиями названных авторов удалось рассеять туман, столетиями окутывавший половецкие элементы «Слова о полку Игореве». Мнение К.Г.Менгеса о том, что «многовековое взаимодействие восточных славян - позднее русских, украинцев, белорусов - и тюрков оставило заметный след во многих проявлениях жизни и деятельности названных славянских народов» (2, с.3), стало своеобразным возражением традиционному толкованию идейно-тематического содержания «Слова о полку Игореве». Долгие искания Л.Н.Гумилева, в частности, его величайший труд «Древняя Русь и Великая Степь» (Москва, 1989, 2000), исследования С.А.Плетневой, ее уникальная книга «Половцы» (Москва, 1990) и другие положили конец бессмысленному спору двух лагерей - противников и сторонников тюркских элементов «Слова о полку Игореве». Самопризнание акад. Д.С.Лихачева, что концепция Л.Н.Гумилева «смягчает то противопоставление народов Востока и Руси, которое имеет место до сих пор...» (3, с.10), открыло новые перспективы изучения не только «Слова о полку Игореве», но и целого ряда воинских, исторических и публицистических повествований X-XVII вв., обнаруживающих славяно-тюркские контакты. Была «возвращена» читателям книга О.Сулейменова «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» (Алма-Ата, 1975), изданная и на языках тюркских народов бывшего СССР. Логическим продолжением дискуссий вокруг «Слова о полку Игореве» и других древнерусских памятников, имеющих тюркские элементы, стало издание книг М.Аджи «Полынь половецкого поля» (Москва, 1994) и «Европа, тюрки, Великая степь» (Москва, 1998), «Кипчаки» (Москва, 1999) и др. В этом плане определенное значение имел выход в свет книги Г.В.Носовского и А.Т.Фоменко «Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима» (Москва, 1995), в которой приводятся неопровержимые факты «переделки» и «пересмотра» истории Древней Руси, в частности, ее бесспорных связей со Степью, монголо-татарами и Турцией. Хотя многие не принимают всерьез выводы и заключения Г.В.Носовского и А.Т.Фоменко, в то же время авторы книги доказывают наличие искажений, имеющих в русской истории при Грозном, и подчеркивают «роль» Романовых-Захарьиных-Юрьевых в фальсификации отечественного летописания. Приподнятие завесы над этими историко-литературными фактами и последовавшее за этим одобрительное молчание традиционно активных исследователей Древней Руси приводят нас к мысли, что пришел конец ложной трактовке многовековых контактов тюркских и славянских народов. Настало время сказать всю правду о влиянии тюрков на образ жизни и мысли, мировоззрение человека Древней Руси.

В центре всех этих дискуссий и споров долгое время стояла появившаяся в середине 70-х годов прошлого столетия книга О.Сулейменова «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» и последовавшая за ней критика в адрес автора. Особенно настойчиво выступал акад. Д.С.Лихачев, благодаря которому «Слово о полку Игореве» приобрело литературный статус одного из шедевров мирового Средневековья. Именно в этом памятнике Д.С.Лихачев искал истоки несостоявшегося русского Возрождения. Мировоззрение древнерусского человека отчасти отражалось в «Слове о полку Игореве», где представлялись взгляды идеолога единой Киевской Руси. Делить это культурное достояние между восточными славянами и тюркскими этносами некоторые авторы не собирались. По поводу выводов О.Сулейменова в книге «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» акад. Д.С.Лихачев недоумевал: «Как оказывается, «Слово о полку Игореве» - памятник двуязычный, русско-половецкий. Автор «Слова о полку Игореве» не был настроен антиполовецки. Половецко-русскую вражду 1185 г. автор считал не более чем междоусобной ратью между своими...» (6, с.317). По нашему мнению, правдивость заключений О.Сулейменова косвенно доказывалась в находках и исследованиях Л.Н.Гумилева, С.А.Плетневой, которые приводили многочисленные примеры участия печенегов, половцев, гузов, черных клобуков, торков в междоусобных войнах русских князей. Летописцами подчеркивались факты использования степняков отдельными князьями друг против друга. Были случаи, когда побежденные половцами торки и печенеги приходили на Русь под защиту русских князей. В политической панораме эпохи «Слова о полку Игореве» имели большее место княжеские ссоры и раздоры, нежели русско-половецкие столкновения. К этому времени уже были забыты разрушительные набеги половецких объединений, возглавленных Боняком, Шаруканом, Тугорканом, Урусобой и др. Перед походом Игоря, в 1183 году, половцы потерпели страшное поражение от великих киевских князей Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича и, по свидетельству летописи, в плен были взяты, помимо Кобяка, два его сына, много других влиятельных половецких ханов, убили «и инѣхъ бещисла» (5, с.347). О казни самого известного и энергичного хана того времени Кобяка узнаем из строк «Слова о полку Игореве»: «А поганого Кобяка изъ луку моря отъ желзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже. И падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли» (1, с.378).

Теперь в условиях развития культур и литератур суверенных тюркских государств, бывших советских республик, ученые-литературоведы стали все чаще обращаться к проблемам, на изучение которых был наложен запрет. В числе таких проблем были и вопросы, связанные с историей написания и открытия «Слова о полку Игореве», поэтикой и источниками этого литературного памятника. Известно, что после доклада А.И.Робинсона на VII Международном съезде славистов, где выдвигалась серьезно аргументированная гипотеза о «Слове о полку Игореве» как о памятнике культурного пограничья между Русью и Половецкой Степью (4), казахский поэт-публицист О.Сулейменов осмелился искать веские доводы в пользу тюркских элементов древнерусского памятника. Этому серьезно возражал акад. Д.С.Лихачев: «Меня, как русского, очень трогает стремление О.Сулейменова вложить в «Слово о полку Игореве» черты своего, тюркского эпоса. Трогают меня и другие проявления любви О.Сулейменова к «Слову о полку Игореве» (6, с.327). Хотя, на наш взгляд, не все размышления и выводы О.Сулейменова, автора книги «Аз и Я», глубоко аргументированы, но его мнение о типологической и даже идейно-тематической общности «Слова о полку Игореве» и тюркского эпоса не вызывает серьезных возражений. Это же признали последние исследования по «Слову о полку Игореве»: «Изучение тюркских элементов в тексте памятника, долгое время остававшееся в пределах лексикологических и этимологических разысканий, в настоящее время переходит к постановке более широкой проблемы жанровых и культурных влияний» (7, с.10). Исследователь поэтики «Слова о полку Игореве» имел

в виду работы А.Н.Робинсона и О.С.Сулейменова, в которых выявляются новые перспективы изучения текста памятника и ставятся вопросы мировоззренческого характера. Древнерусская поэма XII века рассматривается в поэтическом контексте мирового Средневековья, в сопоставлении с западным и восточным героическими эпосами. История изучения «Слова о полку Игореве» русскими и иностранными авторами знает множество аналогичных исследований О.Сулейменова работ. Толкование казахским поэтом-ученым темных мест и невидимых тюркизмов «Слова о полку Игореве» («тулы поганых тльковинь», «без кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ», «кликну Карна, и Жля», «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути!», «изъ Кыева дорискаше до курь Тмутороканя», «ходына Святъславля» и другие (8, с.10-172)) рассматриваются нами как продолжение наблюдений самих русских авторов над текстом данного литературного памятника. Спустя пятьдесят после открытия «Слова о полку Игореве» профессор Казанского университета Ф.И.Эрдман утверждал, что автор произведения почерпнул его «изъ живаго родника Азіатского своего быта» (9, с.20). Его же рассуждения по поводу азиатских выражений «Слова о полку Игореве» («Турь», «Буй-Турь», «Ярь-Турь», «харалужный», «обида дѣва», «времена жирныя», «шерешеры» и других (9, с.19-46) легли в основу будущих исследований горячих сторонников тюркских элементов древнерусского памятника. В отрывке из «Слова о полку Игореве» «Тому вѣщій Боянь и прѣвое припѣвку смысленый рече: Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, Суда Божіа не минути» исследователь обнаружил «идею совершенно Азіатскаго предопредѣленія» (9, с.41), что, по нашему мнению, присуще любому героическому и любовному эпосу тюркских народов. В «Предпослании» азербайджанского эпоса «Книга отца нашего Коркута» читаем: «Не будь написано на роду, и рабу не попасть в беду» (10, с.18).

Нами выявлены параллели между «Словом о полку Игореве» и азербайджанским эпосом «Книга отца нашего Коркута», где налицо совпадение мотивов борьбы с внешним врагом, славы и плача, междоусобия и т.д. Сравнение образов отца Коркута, Баяндур-хана, Салур Казана, Бурлы хатун с героями «Слова о полку Игореве» способствует более глубокому пониманию тематических и жанровых особенностей обоих произведений Средневековья. Типологическая и тематическая близость азербайджанского героического эпоса и русской воинской повести заключается не только в схожести тем, идей и характеристики героев, но и в употреблении воинской лексики, описании природы, гибкости, динамичности и многозначности поэтических средств, отражающих языческие элементы памятников.

Наши наблюдения над текстами азербайджанского народного эпоса «Книга отца нашего Коркута» и древнерусского памятника «Слово о полку Игореве» показывают, что огузские тюрки и восточные славяне создали дошедшие до нас версии этих шедевров мировой литературы на одном и том же этапе их исторического развития. И не случайно, что оба памятника далеки от религиозных предрассудков, им присуще очеловечение рек и морей, природных стихий, гор и лесов, трав, цветов и деревьев, зверей. Появление же в памятниках религиозных мотивов должно объясняться поздними списками и переписываниями их текстов. При изучении и сопоставлении данных произведений обнаруживается, что ни «Слово о полку Игореве», ни «Книга отца нашего Коркута» не порывали с языческим наследием славянских и тюркских народов, и, будучи выдающимися образцами раннефеодального эпоса, выступали как явления христианской и мусульманской культур. Целесообразно, чтобы исследователи «Слова о полку Игореве» исходили из позиций В.М.Жирмунского, в трудах которого эпические традиции Запада и Востока рассматриваются как две ветви единого культурно-исторического процесса (11, с.81).

Осознавая всю ответственность наших высказываний о типологической и тематической близости древнерусских и тюркских литературных памятников, и, помня историю обсуждения и восприятия книги О.Сулейменова в научных кругах России в 1970-е

годы, будем руководствоваться постулатами теоретика сравнительного литературоведения В.М.Жирмунского: «сравнение не уничтожает специфики изучаемого явления (индивидуальной, национальной, исторической); напротив, только с помощью сравнения, т.е. установления сходств и различий, можно определить, в чем заключается эта специфика» (12, с.67). Представляется необходимым истолкование «Слова о полку Игореве» и его многих древнерусских «современников» в сравнении с литературными памятниками тюркских народов. Проведенные нами параллели между «Словом о полку Игореве» и «Книгой отца нашего Коркута» легко обнаружить и в других героических сюжетах, в частности, в сказаниях об Алпамыше, бытующих в разных версиях почти у всех тюркских народов. Имея широкую географию бытования, начиная от предгорий Алтая до Средней Волги, Южного Урала, Закавказья и Северного Кавказа, Малой Азии, этот древнейший героический эпос не мог не повлиять на мифические и устно-поэтические представления соседних народов, в том числе восточных славян. К сожалению, обращение О.Сулейменова к художественной структуре «Слова о полку Игореве», его интерпретация текста древнерусского памятника в пользу тюркских элементов, встретив серьезную критику русских ученых, не повлекли за собой постановку тех проблем мировоззренческого и теоретического характера, ориентиры которых определились в книге «Аз и Я». Хотя его оппоненты обещали более серьезное и профессиональное изучение поднятых вопросов, научное рассмотрение культурных понятий и реалий Востока в «Слове о полку Игореве» и других произведениях Древней Руси (13, с.133, 162).

Подводя итог сопоставлению двух известных памятников, подчеркнем необходимость более тщательного анализа близости и сходства русского и тюркского эпосов и в дальнейшем. Исследователям «Слова о полку Игореве» не следует забывать о величайшем огузском памятнике «Книга отца нашего Коркута», когда они перечисляют его современников («Витязь в тигровой шкуре», «Песня о Роланде», «Песня о Сиде», «Песня о Нибелунгах»). Если тюркские племена, названные в «Слове о полку Игореве», ко времени его написания уже имели в своем устно-поэтическом арсенале песни о Дэдэ Коркуте, то с тем же успехом они могли бы участвовать в создании единого славяно-тюркского памятника, каковым является «Слово о полку Игореве».

Идеи автора книги «Аз и Я» сегодня имеют большую актуальность. Во-первых, увеличилось количество исследований, рассматривающих средневековый героический эпос в контексте культурных взаимовлияний Востока и Запада, усилилась тенденция изучения этих литературных памятников, вопросов их идейно-тематической, жанрово-стилистической и поэтической общности в рамках совместных проектов различных стран. Именно при таком подходе к средневековому эпосу значимость «Слова о полку Игореве» возрастает, оно приобретает промежуточную позицию между европейскими и восточными эпосами. Во-вторых, эти героические эпосы, в том числе и «Слово о полку Игореве», и «Книга отца нашего Коркута», и «Песня о Нибелунгах», и др. наводят нас на интересные размышления об общих евразийских культурных и морально-этических ценностях Средневековья, склоняют к мысли о необходимости рассмотрения их в плане евразийских исследований. Не случайно, труды О.Сулейменова легли в основу туранского направления неоевразийства, главная идея которого заключается в том, что без учёта интересов других жителей евразийского дома, в том числе тюркских народов, исторического прошлого и реалий всего ареала невозможно добиться многосторонней экономической интеграции, культурно-информационного обмена, создания единого гуманитарного пространства. В-третьих, рассмотрение «Слова о полку Игореве» Олжасом Сулейменовым в качестве русско-половецкого памятника проливает свет и на другие известные произведения древнерусской литературы, также обнаруживающие тюркскую тематику. Среди них такие литературные памятники, как «Сказание

о Магмет-салтане» Ивана Пересветова, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Казанская история», «Историческая», «Поэтическая» и «Сказочная» повести об Азове, «Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» и др. Глубоко уверены в том, что привлечение этих замечательных памятников русского Средневековья в дискурс литературоведческих, лингвистических и культурологических исследований в русле сулейменовских разысканий выдаст нам немало примеров и фактов сосуществования тюркского и славянского миров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слово о полку Игореве. Памятники Литературы Древней Руси. XII век, М., Худож. лит., 1980, С. 373-388.
2. Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве», Л., Наука, 1979, 266 с.
3. Лихачев Д.С. Предисловие. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь, М., АСТ, 2000, С.9-12.
4. Робинсон А.Н. О закономерностях развития восточнославянского и европейского этноса в раннефеодальный период. Славянские литературы. VII Международный съезд славистов, Варшава, август 1973 г., М., 1973, С.178-224.
5. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей, т.2, М., Изд-во вост. лит., 1982, 1046 с.
6. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени, Л., Худож. лит., 1978, 359 с.
7. Гаспаров Б.М. Поэтика «Слово о полку Игореве», М., Аграф, 2000, 608 с.
8. Сулейменов О. «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя», Алма Ата, Жазуши, 1975, 304 с.
9. Эрдман Ф.И. Следы азиатизма в «Слове о полку Игореве». ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), М., 1842, ч.36, окт. 11 отд., с.19-46.
10. Книга отца нашего Коркута (Перевод с древнетюркского Аллы Ахундовой), Баку, Язычы, 1989, 224 с.
11. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки, М., 1962, 435 с.
12. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Избр. труды, Л., Наука, 1979, 493 с.
13. Дмитриев Л.А., Творогов О.В. «Слово о полку Игореве» в интерпретации О.Сулейменова. Рус. лит., 1976, №1, С.251-258.

«ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ»

Ашимханова Светлана

*доктор филологических наук, профессор
факультета филологии и мировых языков*

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы

E-mail: Svetlana: 1943@mail.ru

В статье определяются проблема общего и особенного в поэзии классика казахской литературы Олжаса Сулейменова. Рассматриваются особенности восприятия лирики; характерные черты, константные темы, ведущие мотивы (мотив исторической памяти). Исследуется пространство и время в поэтическом тексте, многогранный мир, философия поэта в контексте современного литературного процесса. Анализируется не только содержание, но и форма и использованные художественные приемы. Утверждается мысль, что проявляя удивительное владение стиховыми механизмами, О.Сулейменов одновременно явился предтечей идеи глобализации. Анализируются взгляды О. Сулейменова на историю взаимоотношений тюрков и славян, нравственные ориентиры лирического героя.

Ключевые слова: лирический герой, метафора, ритм, рифма, миф, «шестидесятники», национальный дух, мировоззрение, поэтическая система, цикл памяти, генная память, мотив, тема, символ, нарратив.

Олжас Сулейменов – выдающийся казахский поэт, лингвист, политический деятель, широкая популярность которого в 60-80-ые годы преимущественно была связана с его лирическим творчеством, сделавшим его одним из символов поколения шестидесятников XX века. В последующие годы его воспринимали и воспринимают не только как талантливого поэта и ученого исследователя, дипломата и политика, но, прежде всего, как человека, отстаивающего гуманистические ценности и не меняющего своих взглядов на протяжении всей жизни, как человека, верящего людям, несущего в мир добро и надежду. М.М.Ауэзов считает, что, «пожалуй, главная особенность поэтического дарования О.Сулейменова – в умении подключиться к глубинным, русловым течениям духовной жизни своего народа. Национальный стереотип проступает в его русскоязычной поэзии непринужденно. Гражданственность, патриотический пафос, активное отношение к миру больших событий, философское осмысление детали и факта – характерные черты поэзии, отмеченный той степенью духовной зрелости, которая позволяет поэту увидеть в воссозданной картине мира родство идеала культуры общечеловеческой» [1, 116].

В лирике О.Сулейменова – одна постоянная тематическая константа – тема родины проходящая через все его стихи: в поэме «Земля, поклонись человеку!» (1961), в стихотворении «Казахстан» (1963), «Айналайын» (Кочую по черно-белому свету, 1967) и др. Пространство в поэтическом тексте автора раскрывается широко, разносторонне – от родины малой до родины большой: от степи, от земли Казахстана до больших городов, огромных размеров Земли, материков, континентов, до бескрайних границ Космоса, что позволяет нам говорить о О. Сулейменове как о поэте планетарного масштаба.

Поэт планетарного масштаба, говорит о неразделимой связи в пространстве жизни человека и целой страны, человека и целого мира еще (или уже) в раннем поэтическом произведении:

*Мир,
Земля,*

*Шар земной –
Сочетание слов,
Сочетание народов.*

Мечей

И судеб

(«Земля, поклонись человеку!») [2, 28].

В его стихах местом действия лирического героя, кочевника-номада, является весь мир, о чем говорят названия городов, объектов, материков в форме множественного числа: Африки, Франции, Азии, Бастилии, столицы, Лувры и др.

Казахстан, ты огромен –

Пять Франций –

Без лувров, монмартров –

Уместились в тебе все Бастилии

Грешных столиц

(«Дикое поле») [3].

а я, как удастся какая оказия,

Мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям.

(«Айналайын») [2, 151].

Олжас Сулейменов считает, что в мире все взаимосвязано, взаимообусловлено, и человек – это частичка общества, частичка вселенной:

Люди!

Граждане всей вселенной!

Гости галактик!

Хозяева Шара!

Вы не хотите

пропасть бесследно?

Живите,

Живите,

Живите с жаром!

Живите, люди!

Живите, люди. ...

(«Земля, поклонись человеку!») [2, 31].

для него неважно, где человек родился и живет, а важно, то, что ты чувствуешь, что есть вера, солнце, земля, доброе и светлое в жизни каждого:

Я рожден в стороне.

Где живут воедино

Все части света, –

Есть и Запад,

Восток и Север

В стране поэтов.

Есть края, где не знают

Обычных сибирских морозов,

Есть края, где не знают

Аральского знойного лета.

Где

Другие границы

Между частями света!

*Океаны не покидают Землю,
Они верят. Солнце
Сердцем бьется в земле.
Оно верит. ...*
(«Земля, поклонись человеку!») [2, 29].

*Нет Востока,
И Запада нет.
Нет у неба конца.
Нет Востока,
И Запада нет.
Два сына есть у отца.
Нет Востока,
И Запада нет.
Есть
Восход и закат, ...*
(«Земля, поклонись человеку!») [2, 30].

Но во всех стихах присутствует мысль о своей кровной связи с родной степью, с ее атрибутами. Поэтому в стихах на русском языке содержатся языковые средства и обороты, имеющие этноцентрический, национальный характер степь, скакун и др., характерные для жизни казахского народа:

*Матерью – степь
мы называем.
Девушкой –
мы скакуна, называем.*
(«Земля, поклонись человеку!») [2, 24].

Упомянуты национальные традиции захоронения умерших (*ногами на запад*), характерные для народов мусульманской веры:

*А нас хоронили – ногами на запад,
Лежат миллиарды – ногами на запад
Под желтым покровом монгольской степи –
Тумены ногаев, болгаров, казахов ...*
(«Айналайын») [2, 151].

Свидетельством прерванной гармонии отношений между поэтом и советской властью явилась, вышедшая в 1975 году книга-исследование О. Сулейменова «Аз и Я», которая до сих пор остается предметом дискуссий. Олжас Сулейменов посвятил свою книгу исследованию и дешифровке «Слова о полку Игореве» в контексте контактных отношений городской и кочевой цивилизаций. Реакцию российской общественности можно понять, обратившись к мнению Л. Аннинского: «Особо надо сказать о книге Сулейменова «Аз и Я». Она вызвала настоящую бурю в академических кругах. Книга и впрямь спорная, дерзкая. Ее первая часть посвящена великому памятнику древнерусской литературы – «Слово о полку Игореве». Природное двуязычие поэта, многолетнее изучение «Слова» и истории вопроса вылились в размышления о взаимоотношениях Древней Руси и тюркского Поля, в попытку прояснить некоторые «темные» места гениального текста.

Это был весьма вольный, слишком «поэтический» подход к научным проблемам, и

он нередко приводил к некорректным результатам, за что справедливо подвергся острой критике. Споры о «Слове» невольно заслонили в сознании некоторых читателей вторую часть книги – «Шумер-наме», где поэт поставил поэму шумеро-тюркских языковых контактов и где есть плодотворные догадки и перспективные гипотезы. Прошло немало времени со дня выхода книги, и некоторые ее положения уже прокрались потихоньку в академические издания, благоразумно «забыв» о своем первородстве» [4, 8-9].

Другая точка зрения, что своеобразие Сулейменова проявляется в том, что: «В своих произведениях поэт достигает синкретизма поистине в стиле Гете, который имеет два крыла: одно – художественное, другое – рациональное (научное). Его поэзия не сторонится научного мышления и познания, а научные рассуждения не исключают художественного мышления и познания» [5, 25].

По мнению Бахытжана Канапьянова, «необходимо отметить существенный фактор национального своеобразия поэтики Олжаса. Он может буквально одной строфой обозначить свою сыновнюю причастность к казахскому эпосу и вновь предстать сыном человечества, представителем мировой культуры. О.Сулейменов связующая нить между настоящим, прошлым и будущим: «Образ кочевника XX столетия сопрягается с образом «Кочевника с авиабилетом» века нынешнего. Сегодня равнодушие нашего бытия можно разрушить и необходимо разрушать только осознанием корней своего прошлого, только сознанием своей неслучайности в этом мире» [6, 18-19].

Русскоязычный казахский поэт, живущий за рубежом Бахыт Кенжеев, говорит, что вся самобытность казахского народа столь масштабно и на высочайшем художественном уровне отражена в творчестве О. Сулейменова: «... именно он (Олжас) поставил Казахстан на карту мира в плане литературы, поскольку он был первый по-настоящему международный казахский писатель. Олжас очень много писал про казахов, про Казахстан, тем не менее, оказался интересным всему миру. ... Ну а про «Аз и Я» я вообще не говорю, эта книга, на которую я просто молюсь ...». [7; 18].

Определяя суть феномена О.Сулейменова можно еще раз отметить, что он один из ярких представителей поколения «шестидесятников», людей, в мировоззрении которых под впечатлением разоблачений беззакония, преступлений периода культ личности произошел переворот, определивший их видение жизни на десятилетия вперед, вплоть до нынешних времен. В одном из интервью 2006 года поэт назвал свое поколение «наиболее свободным, наиболее яростным, наиболее продуктивным и в литературе, и в кино, и в театре, и в музыке».

Казах по национальности, геолог по профессии, поэт по призванию, Олжас Сулейменов органично вписался в контекст художественных поисков «шестидесятников»: Москва, Литинститут Ленинская библиотека, Политехнический музей, общение с Леонидом Мартыновым и Борисом Слуцким, встречи с Михаилом Шолоховым, Всеволодом Ивановым, Ильей Эренбургом и Борисом Пастернаком, дружба с Евгением Евтушенко, Робертом Рождественским, Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадуллиной. Их объединяла и память о войне, опалившей их детство и повлиявшей на развитие их юношеского максимализма, романтического отношения к будущему. В этой атмосфере происходило становление Сулейменова-поэта, во многом отличного от представителей традиционной казахской литературы. Под влиянием своих русских друзей Олжас Сулейменов первым из поэтов-казахов создает на русском языке особый вид поэзии, стихи, в основе которых лежит ритм, особый, четкий, часто меняющийся на протяжении всего сюжета, что придает стихам необычную интонационную тональность.

Политолог С. Құттықадам, высказывая схожую точку зрения, назвал его Поэтом от Бога: «...пожалуй, последний представитель исчезнувшего ренессансного вида», который вслед за Чоканом, Абаем и Ауэзовым (М.Омарханович – С.А.) выполняет

миссию, возложенную на него Богом, и играет «огромную и не до конца оцененную роль в мироощущении казахов... В нем, как и во всех великих людях, обитает божественный дух и человеческие страстишки» [7, 9]. Но надо заметить, что и в творчестве самого О. Сулейменова тема поэта как «посланца Бога» является лейтмотивной, с частой апелляцией к гениям мирового масштаба. Это проницательно отметил критик Лев Аннинский: «Поэт оказался на скрещении культур, на скрещении традиций: он счастливо совместил в себе сразу многое: молодой задор и книжную образованность... и ассоциативную экспрессию распространенного сегодня поэтического стиля... и филологическую любовь к мировым построениям, в которых Пушкин встречается у Сулейменова с Чоканом Валихановым, Конфуцием и Тагором... и местную обжигательную степную специфику...».

Примечательно, что О.Сулейменов говорит со своими кумирами, учителями и собратьями по перу на равных, но с должным пиететом, называя Чокана Валиханова своим, близким по духу и мыслям человеком («Мой Чокан»), посвятив Абаю пронзительно печальный плач-жоктау «Вблизи Чингизских гор его могила...», признавшись своему кумиру Махамбету: *«Какая радость, что я стал поэтом, иначе бы не знал, что ты поэт»*. В них рефреном звучит мысль о «божественном даре» («...когда никто не смеет слова вымолвить, мне рот завяжут – я стихи пишу») [8, 91].

Не менее значимо для казахского поэта и имя А.С.Пушкина. Как поэтический образ, русский поэт стал героем лирики Олжаса Сулейменова в 60-е годы. В ранней лирике сулейменовский Пушкин во многом сродни Пушкину Владимира Маяковского, любившего Пушкина «живого», а не «мумию» («Вы, по-моему, при жизни – думаю – тоже бушевали. Африканец!») И в чем-то солидарен с Мариной Цветаевой, для которой Пушкин – «самый вольный из вольных, бешеный бунтарь» («...пушкинскую руку жму, а не лижу...»). Впервые к образу Пушкина О. Сулейменов обращается в стихотворении «Чем порадовать сердце?» (1961 г.). Мурат Ауэзов назвал эту лирическую миниатюру песней-заклинанием баксы: «Вспомним структуру песни баксы: имена предков, названия разрушенных городов, затем – проблема («несчастливого и больного отгадай недуг...») и в конце заклинание («О, дедушка...поддержи меня под руки»)» [1, 53]. Отталкиваясь от ауэзовской гипотезы, пробуем рассмотреть ее под другим углом зрения, как степную балладу, в которой ведущим мотивом является мотив исторической памяти. Поэт, он же лирический герой, осознает свою принадлежность к Степи («История наша – несколько вспышек в ночной степи») и поэтому вопрошает:

Старики, я хочу знать, как погибли мои города [9, 52].

Начало этой лирической миниатюры написано прозостихом, состоящим из пяти лаконичных абзацев, один из которых и является ключевым и, обладая особой смысловой емкостью, становится семантическим стержнем сюжета:

«История наша – несколько вспышек в ночной степи.

У костров ты напета, на развалинах Семиречья, у коварной, обиженной Сырдарьи. Города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку.

...Я молчу у одинокого белого валуна в пустынной тургайской степи. Как попал он сюда? Могила неизвестного батыра? Или след ледниковых эпох?

Я стою у памятника Пушкину. Ночь новогодняя, с поземкой.

Я сын города, мне воевать со степью. Старики, я хочу знать, как погибли мои города» [9, 52].

Но «песня-заклинание» завершается не смиренной просьбой, а требованием «порадовать» его сердце, восстановить историю, рассказать горькую правду о том, как погиб «белый город Отрар», как «книги горели», «по которым потом затоскует спаленный Восток». Поэт испытывает потребность понять внутреннюю силу казахов, выживших в

Степи. Как видим, история показана глазами казахского поэта, выбравшего себе иной путь («Я сын города, мне воевать со степью»), но в душе оставшегося сыном Степи. Прав Леонид Мартынов: «Олжас Сулейменов, казахский поэт, творящий на русском языке, целиком остается поэтом казахским...».

Лирический герой Олжаса Сулейменова – сын степи, но родился не «десять пыльных столетий тому назад», а в XX веке, у него другие нравственные ориентиры. Следующий сюжет связан с раздумьями лирического героя, представляющего, кем бы он был в прошлом:

*Я б доспехами был разукрашен,
И в бою наливались бы желчью мои глаза.
Я бы шел впереди разношерстных чингизских туменов,
Я бы пел на развалинах дикие песни свои... [10, 53].*

Судьба его трагична: «уличенный в высокой измене», он погибает от рук своих же батыров, они без его песен продолжают поход на Москву, «добрые песни» его «оседлали бы горы, и горы бы стали песками».

Следующий поворот сюжета непредсказуем: «А вот Пушкин стоит». Развитие мотива противостояния Сулейменова-поэта Степи, которая «не любила высоких гор» получает новый импульс: степь не любит «высокое», которое в сознании казахского поэта ассоциируется с великим русским поэтом:

*Степь не любила высоких гор,
Плоская степь
Не любила торчащих деревьев.*

<...>

Высоким – из зависти мстила [10, 54].

В этой степной балладе многое заключено в подтексте, между строками. Сулейменов мыслит сжатыми ассоциациями, метафорами. Его переходы от одного сюжета к другому неожиданны и смелы и художественно оправданы:

*И курганы пологи,
И реки мелки в Казахстане.
А поземка московская,
Словно в Тургайской степи [10, 54].*

Это сравнение позволяет Сулейменову ввести в контекст «высокого древнего парня», в описании которого легко угадывается русский поэт:

*Я стою у могилы высокого древнего парня,
Внука Африки,
Сына голубоглазой женщины,
Собутыльник Парижа
И брат раскаленной Испании,
Он над степью московской
Стоит, словно корень женьшеня [10, 54].*

Парадоксальность мышления Олжаса Сулейменова порождает самые смелые ассоциации: личность Пушкина соотнесена с «древностью» («могила высокого древнего парня»), в эпитет-метафору «вкралась» ошибка: Пушкин был невысокого роста (162 см). Еще один пример зевгмы: «сын голубоглазой женщины» (мать поэта надежда Осиповна Ганнибал была «прелестной креолкой») и т.п. ощущение «реальности» происходящего создается из-за образа-оксюморона московской степи: степь до этого момента соотносилась со «светом», «чернью», которая «из зависти мстила» Пушкину. Семантически значимо сравнение Пушкина, возвышающегося над московской степью, словно корень женьшеня, символа долголетия и здорового начала, в данном случае олицетворяющего бессмертие

поэта, обладающего чудесным свойством возвращать человеку силу и молодость. Созданный Олжасом Сулейменовым при помощи развернутой поэтической метафоры «высокие» образ Пушкина позволяет поэту XX века подчеркнуть свою генетическую связь с Поэтами всех времен и поколений («Я бываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!») и повторить как заклинание свою принадлежность к клану Высоких:

Мы, Высокие, будем стоять!

Но сюжет этого поэтического заклинания не завершается на высокой ноте, Сулейменов, как и баксы, принимающий все беды и болезни мира на себя, возвращается к Степи:

Посмотри, наконец, степь проклятая,

Но моя –

Все вершины в камнях и окурках,

В ожогах от молний [10, 55].

Есть у О.Сулейменова и стихотворения, посвященные знаменитым женщинам. «На площади Пушкина» Н.Н.Гончаровой: ... *дивная Наталья. /Ее никто не называл Наташей. / Она на имени его стояла, / как на блистающем паркете зала, вокруг легко скользили кавалеры ... Ох, это горло белое и плечи, / и грудь высокая, как эшафот! ...*», подчеркивает ее мудрость, женский ум, подстать ее знаменитому мужу. Марине Цветаевой посвящено стихотворение «Амазонка», в котором, по нашему мнению, О.Сулейменов хочет показать, что половчанки (женщины тюркского происхождения) и Ярославны (из «Слова о полку Игореве»; обобщающий образ русских женщин) также являются воинственным племенем.

О.Сулейменов, обостренно чувствующий «времен связующую нить», связанный крепкими путами с русской и европейской культурой, пишущий на другом языке, в то же время глубоко национальный поэт, как и его кумир, русский национальный поэт А.С.Пушкин.

Рассмотрим особенности сюжета сулейменовской поэзии на примере стихотворения «Яблоко» с посвящением Л.Мартынову, одному из друзей-поэтов старшего поколения. Сулейменова и Мартынова сближает и их увлечение геологией, участие в геологических экспедициях, что и легло в сюжет стихотворения.

Как и многие другие стихи Сулейменова, это произведение сюжетное: действие происходит во время геологической экспедиции. Местом действия является край, */где лишь пихты и ели, /где ели от тяжести неба присели, /где между стволами ветры белели, /их называли так нежно: «метели» ...*

Использование поэтического приема перифразы придает обстановке особый колорит. Следующая деталь: *В землянку вошел (называли «забоем»)* – говорит о том, что действие происходит во время геологической экспедиции, лирический герой, как и сам автор, включен в круг. Подробно выписана экспозиция: *«холодная землянка», «войлочные лапы», «печка» – спасительница, буры и дрели, которые «лежали недвижно четыре недели», и «мужчины, лохматые, как метели», «злые на все за четыре недели».* Каждая деталь зримо представляет картину происходящего.

Появление яблок из рюкзака представлено как чудо, рождающееся на глазах присутствующих: *«Откуда вдруг солнце / в холодной землянке?»*. Олжас Сулейменов в кульминационной части использует двойной оксюморон как сочетание несочетаемого: *«вспыхнул румяный / сияющий запах»*. Нам представляется, что здесь сулейменовская трактовка яблок схожа с мифами об этом фрукте. В мифологии яблоко издавна связано с мировоззрением человека. Почти идеальная круглая форма связывалась с представлениями о мире, Вселенной, космосе; золотистый нежный цвет, «румянец» яблочка – с красотой, здоровьем и молодостью; гладкая атласная кожица, которая скрывает сочный плод – с тайной и богатством; сладость и аромат – с удовольствием и наслаждением.

Олжас Сулейменов вводит в сюжет мотив преобразования: *«лохматые»* и *«злые»*

до сего момента мужчины «в грубых ладонях яблоки грели, / яблокам в щеки, / как детям смотрели – / арыки, ущелья, проспекты, аллеи! ...». В стихотворении возникает тема южного города, яблоневого сада и образ самого дорогого для человека существа мамы: «Мама, в саду так не пахли они, / как в эти таежные зимние дни». Яблоки выступают здесь символом солнца, тепла, Алма-Аты, создают атмосферу праздника света и уюта.

Стих О.Сулейменова в этом стихотворении близок по звучанию и графическому оформлению к поэтам серебряного века и В. Маяковскому. Сравним у А. Белого внутреннюю рифму («Блестели и пели капли, // Златился покров ледяной ... / Сестрицы сидели и млели / В окошке весной под луной») и сулейменовские женские полусквозные рифмы *ели, присели, белели, метели, осмотрели, дрели, недели, посмотрели, грели, смотрели*, которые создают ту же атмосферу чуда, что и у А. Белого. Как видим, стихи О.Сулейменова повествовательны, представляют собой частную историю лирического героя.

Проведенная работа подтверждает разноплановость творчества О.Сулейменова, а творчество его в целом вписывается общий литературный контекст. Альбер Фишлер, известный французский критик, историк литературы, специалист по истории культуры Казахстана и Центральной Азии [11, 145-158]., причисляет Олжаса Сулейменова к казахским степным бардам как Курмангазы или Таттимбет. А.Фишлер ищет общее с поэтами восточного Ренессанса Омаром Хайямом и Хафизом, но, по его мнению, казахский поэт, пишущий на русском языке, более всего связан с Пушкиным, Маяковским и Вознесенским. То есть зарубежный ученый вписывает Олжаса Сулейменова в общий литературный контекст не только евразийского, но и западноевропейского пространства. Исследователь литератор Востока называет казахского поэта творцом на границе двух миров и эпох, подчеркивая, что эта особенность является характерной чертой восточного менталитета. При этом он отмечает оригинальный поэтический стиль Олжаса Сулейменова как наследника западной культуры через русскую классику.

Осмысление творческого пути О.Сулейменова «гражданина на границе двух миров» [12] тесно связан с социальной историей нашей страны последних десятилетий. Особенно с переосмыслением Казахстана, с биографией самого поэта, с трансформацией мировоззренческих и общечеловеческих ценностей. Лирика поэта, также многогранна, как и его личность. Его поэтический мир многогранен, философичен, за обыденностью фраз скрывается сложное мироощущение, «смысл многоплановость».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауэзов М.М. Времен связующая нить // Историко-культурные традиции и современный литературный процесс. Алма-Ата: Жазушы, 1972.
2. Сулейменов. О. Определение берега. Стихи и поэмы. Алма-Ата: Жазушы, 1976.
3. Сулейменов О. Дикое поле [tps://45parallel.net/olzhas_suleymenov/my_koshuem_navstrechu_sebe/#dikoe_pole](https://45parallel.net/olzhas_suleymenov/my_koshuem_navstrechu_sebe/#dikoe_pole)
4. Аннинский Л. Вопросы и ответ // Дружба народов. – 1970. – № 6.
5. Чаплевич Евг. Современная казахская эпопея Олжаса Сулейменова // Мир Олжаса Сулейменова. Караганда: Litera, 2015. С. 21-28.
6. Канапьянов Б. Быть далеко услышанным // Простор. – 2006. Т. № 5.
7. Кенжеев Б. Олжасу ... // Газета Мегаполис. – 2004. – 13 мая. – № 7.
8. Құттықадам С.Феномен Олжаса, или Вихрь духа // Казахстанская правда. – 2006. – 21 апреля. С.9.
9. Сулейменов О. Последние мысли Махамбета, умирающего на берегу Урала от раны // Олжас Сулейменов. Избранное. М.: Художественная литература, 1986.

10. Сулейменов О. Чем порадовать сердце? // Олжас Сулейменов. Определение берега. Алма-Ата: Жазушы, 1976. С. 52-55.
11. Фишлер А. Поэт между двумя мирами. Взгляд в изучение творчества О.Сулейменова // Мир Олжаса Сулейменова. Караганда: Litera, 2015. С. 142-158.
12. Робель Л. Гражданин на границе двух миров // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда: Litera, 2015. С. 101-109.

THE CREATIVE CONNECTING TIME-CONTINUOUS

*Ashimkhanova Svetlana,
doctor of philology, professor
Al-Faraby Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty,
E-mail: Svetlana – 1943@mail.ru*

The article deals with myth, symbolism, and globalization. The article is devoted to the poetry of Olzhas Suleymenov. He is ‘a man of sixties’. His poetry appeal to ancestral generation, world-famous genius (Confucius, Tagore) or direct precursor (Abay, Chohan, Mahambet). All poetic creativity of Olzhas Suleymenov became the large contribution to a national treasury of the Kazakh art idea and aesthetics. For this reason his poetry attracts more and more attention with the lyrical elements, original ideological-poetic range, riches and originality of poetic circle and forms, stylistic means of art expressiveness.

Key words: great Kazakh poet, the freedom-loving spirit, system of rhyme, creativity, fiction concept, epithets, metaphor, context, rhythm, myth, motifs, techniques, vision, method, unique, globalization, symbolism.

ФРАГМЕНТ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА О. СУЛЕЙМЕНОВА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ НАРОДНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Маслова Валентина Авраамовна

доктор филологических наук, профессор,

Витебский госуниверситет имени П.М. Машерова

Картина мира – базисное понятие физики, философии, антропологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и ряда других наук, которые предметом своего исследования имеют мировоззрение, мироустройство, мировидение.

В гуманитарных науках термин «картина мира» впервые появился еще в работах В. Гумбольдта, который писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» (Гумбольдт, 1984, с. 324). Позднее Л. Витгенштейн, говоря о метафоричности термина, подчеркивал его синонимичность психологическому понятию «образ мира». Другие исследователи, напротив, писали, что понятие «образ мира» ни в коей мере нельзя считать тождественным таким понятиям, как «языковая картина мира» и «когнитивная картина мира» (Леонтьев, 1993, с. 18; Залевская, 2003 и др.). А.Я. Гуревич как синонимичные использует термины «модель мира», «картина мира», «образ мира», «видение мира» «мировидение».

Современные лингвисты также используют самые разные термины для обозначения совокупности знаний о мире, запечатленных в языковой форме: «языковой промежуточный мир», «языковая репрезентация мира», «языковая модель мира», «языковая картина мира», «концептуальная система», «индивидуальная когнитивная система» и др. Наиболее широкое распространение получил термин «языковая картина мира», которым мы и будем пользоваться далее.

Отечественные философы (Г.А. Брутян, Р.И. Павленис) и лингвисты (Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, В.И. Поставалова, Г.В. Рамишвили, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия и др.) различают концептуальную и языковую картины мира. В последнее время дифференцируют также наивную, научную, причинно-механическую, физическую, чувственно-пространственную, биологическую, философскую и др.

В данной статье мы предлагаем различать понятия «картина мира», «языковая картина мира» и «поэтическая картина мира». «Картина мира» – это наше представление о реальности; целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека: всех его представлений о мире, всех контактов с миром. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – «результат переработки информации о среде и человеке» (Цивьян, 1990, с. 5). О.А.Корнилов предлагает вместо данного термина два – национальная языковая картина мира и индивидуальная национальная картина мира языковой личности (Корнилов, 2002). Слово «национальная» во втором термине представляется нам не вполне логичным, ибо индивидуальная картина мира содержит и общечеловеческий, и национальный, и индивидуально-личностный компоненты, которые существуют в целостности и нераздельности.

Следовательно, термин «картина мира» мы закрепляем за понятием концептуальной картины мира, которая, будучи в значительной степени общечеловеческой, все же у разных людей может различаться, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и т.д. Люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке – разные. Следовательно, в концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное.

Языковая картина мира предшествует концептуальной и формирует ее, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку. Язык не мог бы выполнять свои функции, если бы не был тесно связан с концептуальной картиной мира.

Языковая картина мира – коллективный продукт миропонимания отдельных языковых личностей. С одной стороны, условия жизни людей, окружающий их материальный мир определяют их сознание и поведение, что находит отображение в языке, прежде всего в семантике и грамматических формах. С другой – человек воспринимает мир преимущественно через формы родного языка, который в известной мере детерминирует человеческие структуры мышления и поведения. Г.А. Брутян, вслед за Н. Бором, предложил использовать здесь принцип дополнительности: ЯКМ в главном совпадает с логическим отражением мира, и это ее общечеловеческая часть, а на ее периферии действуют национально-типичные смыслы, как бы «боковое зрение» носителей языка.

Между картиной мира, как отображением реального мира, и языковой картиной мира, как фиксацией этого отображения, существуют сложные отношения: границы между ними «кажутся зыбкими, неопределенными» (Караулов, 1976, с. 271). Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений: *солнце садится, дождь идет, ручей шепчет* – все они связаны с архаическими представлениями о мире, которые из концептуальной (научной) картины мира давно ушли.

Поэтическая картина мира – это отображение личностного мировидения поэта в его стихах. Поэт, овладевая в детстве речевыми навыками, формирует у себя особое национальное мировидение (картину мира) и даже отличную от других народов эмоциональную систему, отображающуюся в языке (см. работы В.Шаховского на английском материале).

Если языковая картина мира универсальна, а творцом ее является весь народ, то поэтическая – индивидуальна, она создается в текстах одного человека, представителя данного народа. Следовательно, языковая картина мира и картина мира, реконструируемая на материале поэтических текстов одного автора, соотносимы. Как считает В.И.Постовалова, внечеловеческих и всечеловеческих картин мира не бывает, поэтому каждая индивидуальная картина мира содержит хотя бы частичку истины, понимаемую каждым по-своему. Она пишет: «в строгом смысле слова, существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром» (Постовалова, 1988, с.32).

Поэтическая картина мира является индивидуально-авторской, она в значительной степени субъективна и несет в себе черты языковой личности ее создателя. Это образная, «очеловеченная» картина, в которой личность поэта предстает как отражение ее существования. Такая картина мира понимается нами как альтернатива миру реальному, поэтому можно утверждать, что в поэзии отображается иная реальность, которая сконструирована сквозь призму сознания и языка поэта и является результатом его духовной активности. Материальным выражением поэтической картины мира являются все произведения поэта, их единое текстовое пространство.

В поэзии любого крупного национального поэта много и национального и общечеловеческого, наднационального, ведь поэзия не без основания считается древнейшим способом освобождения человеческого духа, являя собой духовную истину, наделенную поэтической энергией. Она не раз спасала человеческие души в трагические для культуры моменты.

Как же отобразил картину мира своего народа крупнейший казахский поэт Олжас Сулейменов? Известно, что все его творчество пронизывают интеллектуальность, глубокие познания в области литературы, истории, философии, мифологии и фольклора, здесь

раскрывается внутренний мир души поэта и его народа.

Это можно доказать анализом ряда ключевых концептов его поэтической картины мира: «конь», «верблюд», «женщина», «любовь», «луна», «камень», «степь» и др.

Человек и животные идут рядом на протяжении многих столетий. Культ животных - первая грань, которую древний человек проводит между собой и миром природы, выделяя себя из нее. Само существование животных уже есть поэзия, и это, вероятно, было установлено еще первобытным синкретичным мышлением. Культовые изображения животных - древнейшее проявление творчества человека. И как бы впоследствии не снижалась роль животных в духовной культуре, анимализм всегда остается тем смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культовые стереотипы, поэтические образы и т.д. Анимализму принадлежит важная роль в создании экологически сбалансированной культуры, преодолевающей антропоцентризм и устремленной в космос (Русский космизм, 1993).

По данным исследователя русской культуры М.Н.Эпштейна, поэтические образы животных в лирике XYIII - XX веков встречаются с такой частотностью: на первом месте идет конь (с его вариантами – лошадь, кобылица, табун), потом собака, змея, волк и кошка, корова, олень, заяц, овца, лягушка, червь, медведь, лиса и др. У О. Сулейменова многие из этих животных также встречаются (*конь, кобылица, верблюд, табун, волк* и др.), но конфигурация их концептуальных структур иная. Рассмотрим это подробнее.

Известно, что для каждого народа существует иерархически организованный набор ценностей, которые хотя и повторяются в других культурах, но имеют иную конфигурацию и систему соотношений (Маслова, 2001). Подтверждение тому находим в творчестве О. Сулейменова, который, поэтизируя камень, очеловечивает его, делает способным к сопереживанию:

*я видел столько добрых валунов,
теснившихся, чтоб дать свободу соснам.*

В противоположность этому, в русской поэзии камень чаще используется с негативными коннотациями (словоупотреблений с позитивными оценками больше лишь у А. Пушкина): *Дикий камень при дороге / Дремлет глыбою немой* (В.Г. Бенедиктов); *Ирвутся, и мечутся воды / Из камня гнетущих оков* (К. Романов); *камень гробовой* (В. Жуковский) и под.

Как правило, поэтические образы основаны на древнейших мифологических (мифопоэтических) представлениях славян о животных, исследуя которые, А.Н. Афанасьев так рисует коня на основе мифологии: “Как олицетворение порывистых ветров, бури и летучих облаков, сказочные кони наделяются крыльями, что роднит их с мифическими птицами. ...Огненный, огнедышащий конь служит поэтическим образом то светозарного солнца, то блистающей молниями тучи... Вообще богатырские кони наших былин и сказочного эпоса с такой легкостью скачут через моря, озера и реки, отличаются такой величиной и силой, что нимало не скрывают своего мифического происхождения и сродства с обожествленными стихиями” (Афанасьев, 1983, с. 147-148).

Конь был у древних славян еще и символом звезд, месяца, что можно косвенно подтвердить наличием у русских загадок типа *Приехали гости, распустили коней по всему свету* (Звезды); *Сивко море перескочил, а копыта не замочил*” (Месяц) и др.

Как полагает современный исследователь М.Н.Эпштейн, “главное – не те природные стихии, которые олицетворяет конь, а возможность господствовать... посредством коня” (Эпштейн, 1990, с. 93). И действительно, конь из божества, детища Белобога (стихии света) и Чернобога (стихии мрака), превращается в верного и неизменного спутника богатырей, в сопровождающих богов: боги выезжали на колесницах, куда были запряжены небесные

кони. Поэтическое народное слово именуется лошадь “крыльями человека”.

У О. Сулейменова конь – продолжение человека, он должен почувствовать то же, что и его всадник, например, его любовь к девушке:

*Догони меня, джигит,
Не жалея коня, джигит,
Если ты влюблён и ловок,
Конь умрёт, но добежит.*

Если этого не случается, и всадник проигрывает, то виноват конь, который оказывается не-конем у О. Сулейменова:

*Дали смелому джигиту,
Дали сильному джигиту
И красивому джигиту
Ишака,
А не коня!..*

(ср. русскую поговорку *Конь не выдаст и смерть не возьмет!*).

В поэтическом образе О. Сулейменова конь не только помощник и продолжение человека, в нем поэтизируется сила, быстрота, неутомимость бега.

В другом своем стихотворении поэт сравнивает девушку с кобылицей, что для восточного воображения символизирует статность, красоту, грациозность. Здесь, возможно, на него оказали влияние древние религиозные представления. Не случайно в книге «Песнь Песней» (1:8) жених уподобляет свою возлюбленную «*кобылице в колеснице фараоновой*». Отголоски этого встречаем и в русской паремииологии, где бытует множество присловий, поговорок, прибауток о коне: *Ходит конь конем!* (о бодром, статном человеке). *Кобылица, кобыла, лошадь* - русские говорят о крупной и сильной женщине, но при этом обязательно присутствует негативная коннотация, оценка. Справедливости ради, нужно отметить, что в славянской поэзии можно встретить образ кобылицы и в библейском значении. Так, польский поэт Ян Бженковский, описывая женщину, вершительницу мужских судеб, восклицает: *Женщина – кобылица!* С одной стороны, здесь грубовато-примитивный смысл, с другой, кобылица – олицетворение красоты, чувственности, воли (ср. «Песнь Песней»).

Данный фрагмент поэтической картины мира О.Сулейменова позволяет заключить, что конь в его поэзии – никогда не является символом зла, смерти, темных сил, в то время как в русской культуре конь – это одно из самых мифологических и амбивалентных животных. В основе древних представлений русских о мифическом коне лежат несколько противоположных по смыслу мифологем. Так, соотносясь с огнем, лошадь символизирует одновременно жизнь и смерть, огонь и воду, добро и зло. Будучи основным транспортным средством, конь воплощает связь с потусторонним миром и считается проводником на тот свет. В современном языке широко используются разные образы коня: *ржать как конь, лошадиная улыбка, лошадиная физиономия, жеребец* – о сексуально активном мужчине, *лошадиная доза* – о большой дозе; во всех этих выражениях присутствует негативная окраска; *быть на коне* – быть в выгодном положении, *въехать на белом коне* – выступать в роли победителя (позитивные коннотации).

В русской поэзии образ коня варьируется настолько, что возникающие при этом поэтические смыслы воспринимаются носителями языка как открытие. Известно, что поэзия – это такой способ формальной организации слов, в результате которого не столько разъясняется смысл слова, сколько усложняется и генерируется новый, неожиданный. Например, на символике коня основаны многочисленные поэтические метафоры, связанные со стихиями волн, бури, метели, пурги, молния, тучи: *грива прилива седая* (Случевский), *гривы волн* (М. Волошин), *грива метели* (А.Белый), *над крышею пурговый конь, / Железом*

громыхая, скачет (А. Белый); И молния струей промчалась, / Как буйный бледно-гривый конь (И. Козлов); Тучи, как кони в ночном (Н.Клюев). С. Есенина тучи – рваные животы кобыл, а жизнь – тройка бешеная жизни (С. Есенин).

Такого разнообразия нет в творчестве О. Сулейменова, но его поэтические образы, связанные с конем, яркие, наполнены жизнью, реалистичны, связаны с культурой своего народа. Его поэтическая картина мира не искажает реальность, не затемняет ее, но открывает ее в новом неожиданном свете. Еще Юнг отмечал, что «Запад всегда ищет возвышения, вознесения; Восток – погружения». Эта вечная направленность Запада вовне, а Востока внутрь проявляет себя и в языковой картине мира великого сына казахского народа О. Сулейменова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Дерево жизни. М., 1983.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
3. Залевская А.А. Психоллингвистика. М., 2003.
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., Наука, 1976.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. М.: МГУ, 2002.
6. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
8. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
9. Русский космизм. М., 1993.
10. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
11. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник Вселенной. М., 1990.

ИРОНИЯ И ПАРАДОКС В ДИСКУРСЕ О. СУЛЕЙМЕНОВА

Аслан Жамилевич Жаксылыков

доктор филологических наук, профессор

КазНУ им. аль-Фараби

Алматы, Республика Казахстан

В статье рассматриваются сложные вопросы поэтики О. Сулейменова, в частности особенности функционирования парадоксов в поэме «Глиняная книга», авторская стратегия по развитию особого парадоксального мышления, облеченного в иронический модернистский дискурс. Все эти особенности рассматриваются как актуальные черты и принципы поэтики О. Сулейменова, имеющие важное значение в свете современных интерпретаций.

Ключевые слова: дискурс, метод, парадокс, релятивизм, онтология, мениппова сатира.

Семидесятые годы – это приближение конца социалистического реализма, того времени, которое было отпущено историей идеологическому методу, детищу марксизма-ленинизма в его прикладном варианте. Соцреализм должен был служить матрицей для всех форм и вариантов художественно-эстетического мышления в советском искусстве, в том числе и в жанрово-стилевом отношении. Нормированная антропология (модель детерминированного человека), регламентированный конфликт и проблематика произведения, однозначный пафос исторического оптимизма, идеологизированная художественная правда (которая никогда правдой не являлась), умеренный психологизм (глубокий не одобрялся), черно-белый ракурс в изображении человека по критерию положительного и отрицательного, пресловутые каноны классовости, партийности народности – вот некоторые опорные принципы этого метода. Они, в том числе, тотальный контроль над искусством привели к застою в культуре социалистических стран и советских республик, а он стал особенно очевидным в семидесятые годы двадцатого века. Все эти критерии легко вписываются в некую схему, которую можно определять как схематизм, косность, одномерность, линейный характер мышления, грубо опрощающий даже такое сложнейшее явление бытия как диалектика. А ведь диалектика – это только дверь в мир парадоксов. Парадокс как форма мышления, это определенный знак свыше, он говорит человеку следующее – вот предел твоего языкового мышления, языковой, вербальной картины мира, которую ты можешь вообще начертать, это граница твоего восприятия, следовательно – воображения. А мир простирается бесконечно шире и глубже по немислимым проекциям за пределы твоего мышления и воображения. Современные экзотические теории в физике подсказывают, что самые радикальные, нетривиальные состояния вещества и есть граница, так называемой, видимой вселенной.

В двадцатом веке человечество ощутило эти границы, когда Альберт Эйнштейн опубликовал сначала специальную, потом общую теорию относительности. Наиболее проницательные умы планеты начали понимать, что границы мира находятся не в пространстве-времени, а в уме человека. Так релятивизм ворвался в мировую онтологию, сначала в науку, потом в искусство. Принцип относительности проник во все сферы мышления в западной культуре, он и стал одним из факторов развития модернизма и постмодерна. С тех пор такая ситуация в западной онтологии сохраняется, усиливается лишь степень иронического остранения от объекта и субъекта творчества. Мы должны

признать, что в советском искусстве социалистический реализм в значительной мере реанимировал эстетику классицизма с его железобетонными принципами, регламентами и запретами. Релятивизм был чужд советскому образу мышления, он был опасен и враждебен господствующей идеологии и методологии. Еще бы, ведь принцип относительности предполагает и иронический взгляд на самого себя со стороны. В сталинскую эпоху такое было невозможно, с трудом пробивал себе дорогу релятивизм и в постсталинскую эпоху. Тоталитаризм и господство директивного мнения губительны для большой науки. Искусство, более свободное в своих формах и средствах, всегда спешит проложить ей дорогу в будущее, однако не всегда ей это удается сделать.

Поразительно осознавать, что релятивистский принцип был изначально открыт на Востоке в глубокой древности (3-2 тыс. лет. до н.э). Он был облечен в религиозную форму, в Индии как брахманская космогония, затем как буддийская философия, в Китае явлен в качестве даосских притч и парадоксов. (1) Этот релятивизм носил столь радикальный и сложный характер, что он до сих пор влияет на мировую онтологию, ее дисциплины и направления, особенно на астрофизику, квантовую философию и физику. В этом плане О. Сулейменов прав, когда в своей парадоксальной поэме «Глиняная книга» формулирует: «Талант ученого, как сказано однажды, – суперпамять. Открывать – это значит вспоминать давно и всеми забытое». (1.334-335с.)

Религиозно-философский мистицизм исподволь влияет на все формы мышления, это особо тонкая сфера метамышления человечества, она была всегда и никогда не спрашивала разрешения, быть ей или не быть. Но в советское время ее пытались запретить, изгнать из всех пор общества, особенно из науки, и надстройка общества оказалась недолговечной, она рухнула. Всем известен Н.И.Лобачевский, один из создателей неевклидовой геометрии. В советской литературе были литераторы, философы, ученые, обладавшие всеми качествами релятивистского, парадоксального мышления, которые были поближе к пульсу тайны бытия. Назовем хотя О. Мандельштама, М. Булгакова, Д. Андреева, Н.А. Козырева, увы, они в той или иной форме закономерно стали жертвами режима, и это не случайно. Обладать парадоксальным мышлением значит – быть свободным от официоза, идти вразрез с господствующей идеологией и методологией. Внутренняя свобода человека в тоталитарном обществе – непростительный грех перед обожествленной методологией.

Таким образом, допустима констатация, что развитый последовательный релятивизм продуктивен и в науке и в искусстве, особенно, если он окультурен длительной духовной традицией. Обратимся к казахской национальной культуре. Как ни странно, принцип относительности пронизывает и казахский фольклор, особенно волшебные сказки. Есть сказки, где по тенгрианским моделям была предложена иерархия миров, высших, средних и нижних (сказки цикла «Ер Төстік»). (3.49-51с.) В средние века релятивистский принцип был углублен и осложнен суфийскими текстами, которые в большом количестве проникли в казахскую письменную и изустную традицию. Из этих истоков и берет начало народная философия «Жалған дүние». В двадцатом веке, особенно в сталинскую эпоху, реальный релятивизм был полностью изгнан из национальной культуры, то есть из науки и искусства. Литература тесно породнилась с эволюционизмом, линейным принципом восхождения от простого к сложному, от низшего к высшему. Плоское, двумерное мышление прочно утвердилось во всех сферах познания. Догматизм, схематизм, господство шаблонов и стереотипов, агрессивная нетерпимость к иному типу мышления и миропонимания, нормированная, декларативная диалектика, не имеющая ничего общего с реальной диалектикой в природе и социальных отношениях, – все это долго господствовало в нашей науке, литературе и искусстве.

Первым по настоящему масштабным и революционным прорывом в национальной литературе семидесятых годов стала поэма Олжаса Сулейменова «Глиняная книга». Если не знаешь ее предтеч, она кажется неожиданной и неподготовленной, воспринимается своего рода инопланетной гостьей. Однако у нее есть предтечи, и они очень глубокие, а уходят корнями в неожиданные проекции. Например, по нашим предположениям, истоки угадываются в менипповой сатире из мировой литературы («Золотой осел» Апулея, «Сатирикон» Петрония), в онтологическом и лингвопоэтическом плане – в «Тайной доктрине» Е.П. Блаватской и т.д. В семидесятых годах в казахской литературе ультрасовременный синтез архаики и модернистской иронии в форме системных парадоксов, заявленный в поэме О. Сулейменова «Глиняная книга», оказался неожиданным, даже шокирующим. Многие критики и литературоведы просто не поняли сути этой поэмы. Они по-прежнему хотели читать по линейному принципу, а в поэме был совсем другой тип мышления. Он был странный и не укладывался в прокрустово ложе методологии.

Парадоксы встречаются в поэме на каждом шагу и часто выступают как тропы, и их очень много, они экспрессивны, особенно в ироническом или сатирическом контексте. Приведем лишь некоторые из них: «Спит человечество вечно, но каждый век из храпящей толпы поднимается один человек», «И снова в будущее пропутешествуют народы спящие», «Жизнь – это сон», – сказано, но не нами. Явь – это смерть. Неплохо?», «И мука меда воздается ядом», «Не каждого любят, но каждого губит надежда», «А восьмой был шагом первым» и т.д. (2.338-352с.) Есть и скрытые иронические пассажи – оксюмороны, они направлены в плоскость изжившего себя традиционализма: «Таков поэт по имени Котэн». Нет никакого сомнения, что вся система тропов в поэме создает великолепную экспрессию, главная цель которой – осмеяние всего и вся, что представляет собой пресловутый шаблон, своего рода железную привязанность ко всему отжившему, омертвелому, безнадежно косному в науке, культуре, искусстве, особенно – к догматической методологии. Есть объекты более или менее ясно вычерченные – это историческая наука на стадии провинциализма и плакатная, дежурная поэзия, служащая верхам. Смех поэта здесь очевиден, известна и его реминисценция. Однако это только верхушка айсберга, стратегия парадоксального метода Сулейменова простирается шире и глубже этого. Это противостояние авторской эзотерики и герменевтики, стремящейся через парадоксы к постижению амбивалентности и недвойственности как важных стадияльных изоморфных проявлений, как в общечеловеческой истории, так и в типах мышления. Например, храмовая блудница Шамхат и ассирийский царь амбивалентно – это одно и то же лицо, исторические прецеденты таких метаморфоз в древнем мире прекрасно объяснены Е.П. Блаватской в «Тайной доктрине». Другое дело, что адресатом иронической атаки О. Сулейменова является мир номадов, оказавшийся не на своем месте не в свое время, по этой причине порой выпадающий вообще из истории. И тогда конфликт культур неизбежен, и результаты инвектив прочитываются только в парадоксальном контексте. Например, в представлении кочевников-воинов, позорно влюбившись в проклятую рабыню-блудницу, скифский вождь Ишпака «умирает-выбывает» из их мира, они еще не понимают, что «она» одновременно является еще и «им» (то есть мужчиной). В представлении персов и ассирийцев, Ишпака – вождь ишогузов именно через такую «унизительную» любовь возрождается, становится человеком, – по парадигмам своей культуры они иначе понимают требования любви. В концептосфере поэмы любовь для них – самоотверженность, готовность к смерти личного «эго». Этого еще требует религия Иштар. Ишогузы бесконечно далеки от таких «вырожденческих вариантов» любви. А в наше время маскулинизация женщин и феминизация мужчин, определенные субкультуры, изменение пола некоторыми людьми (особенно на Западе) разве не возвращают нас к повторному осмыслению некоторых правил правящих кланов древнего Египта и Месопотамии?

Смех О. Сулейменова предлагает самый оптимальный вывод из громоздких абстракций и тяжелых теоретических построений, а также безнадежных пикировок. Смех есть смех, он есть средоточие жизни, которая всегда движется вперед, а парадоксы дают знать человеку, что он серьезно отстал или все еще спит крепким сном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капра Ф. Дао физики. Санкт-Петербург, Орис, 1994. 302с.
2. Сулейменов О. Определение берега. Алма-Ата: Жазушы, 1976. 456с.
3. Жаксылыков А.Ж. Сравнительная типология образов и мотивов с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Эстетика, генезис. Алматы: Қазақ университеті, 2013. 362с.

**«ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ»
(ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ О.СУЛЕЙМЕНОВА)**

Аида Фейзуллаева
главный научный сотрудник
Института Литературы
им. Низами НАН Азербайджана
доктор филологических наук

В череде событий 2016 года для нас знаменательным остается 18 мая – день рождения выдающегося поэта-гуманиста и философа, ученого-тюрколога с мировым именем, общественного деятеля и дипломата Олжаса Омаровича Сулейменова.

Десять лет назад, в 2006 году по решению ЮНЕСКО мировая общественность отмечала 70-летие со дня рождения. После юбилейных торжеств на его родине, вылившихся в национальный праздник, знаменательная дата была отмечена и в Баку. Указом президента Азербайджана О.Сулейменов был награжден Орденом Славы. Думается, это достойная награда и высокая оценка его заслуг в развитии и укреплении литературно-общественных и научно-культурных связей с Азербайджаном.

На юбилейном вечере высокого гостя приветствовали его азербайджанские друзья – поэты, писатели, художники, общественные государственные деятели, а также гости из Казахстана, представители Посольства Казахстана в Азербайджане. Звучали прекрасные стихи поэта-юбиляра, как на русском, так и на азербайджанском языке.

В этот памятный вечер демонстрировался и интересный документальный фильм, посвященный жизни и творчеству О.Сулейменова.

Вечер завершился выступлением самого юбиляра. Он тепло и искренне говорил об Азербайджане, как о своем большом друге, и выразил уверенность в том, что в скором времени станет участником заветного праздника-восстановления целостности Азербайджана...

В 1981 году, когда в Азербайджане праздновали 840-летие великого мастера стиха, гениального азербайджанского поэта и мыслителя, корифея мировой литературы Низами Гянджеви (1141-1209), на торжественном вечере, посвященном этому событию, О.Сулейменов в своем выступлении сказал:

- Мы сегодня собрались по очень приятному и волнующему поводу. Знаменательно, что именно в это беспокойное для страны и планеты время, когда вновь решается судьба человеческой цивилизации, Азербайджанская Республика, наша страна находят возможным, считают обязательным вновь вспомнить имя и дела человека, не полководца, потрясавшего Вселенную, но человека, который соединением слов пробуждал «чувства добрые», который воспитывал человека мирного.

Планетарное сознание является важным и определяющим фактором гражданственности О.Сулейменова.

Встревоженный сложными современными духовными конфликтами, охваченный предчувствием надвигающейся катастрофы, Олжас усматривает единственный путь к спасению человечества в единении.

Идейно-нравственные принципы поэта, заключающиеся в сближении людей и синтезе культур, лежат в основе всей его творческой деятельности.

Утверждая общечеловеческие ценности, он неизбежно задумывается над тем, какая нравственная доля в этой исторической работе принадлежит его народу, судьбу которого он,

как правило, соотносит с историей человечества, строго придерживаясь принципа «возвысить степь, не унижая горы».

Человек и его деяния определяют сущность бытия и долг каждого привносить по-сильную ленту в ту или иную сферу жизни:

Любая влага,
Влитая в кувшин,
Спешит принять его литую форму,
А слово, проникая в глушь души,
Ей сообщает собственную форму.
Так, в мир входя, мы изменяем мир,
Он-оболочка, мы-его основа.

Трудно охватить круг проблем, волнующих Олжаса, его пытливый ум и беспокойное сердце. Это и пустующие музеи:

Дни пасмурны в музейных городах,
Как в исполинских полутемных залах,
Молчит гранит на серых площадях,
Зато отчаянно живут вокзалы,
Выбрасывая жирную толпу,
Полки самоуверенных туристов,
Штурмующих, берущих на испуг
Бастилии музейные-
Неистов
Жующий, пестрый, равнодушный
приступ.
(«Музей», 1964)

Автор, восхищенный бесценными картинами мирового искусства, мысленно обращается к своей родине Азии, вспоминает её былую славу и успех, сетуя на её последующее безмолвие и бездеятельность:

Ты когда-то дошла до Двуречья
И замолкла.
А кто нарушит
Твоё медленное молчание?
Кто великий, дойдет до Запада,
Завоюет
Но не мечами.
Эти залы,
Пустые залы?... («Лувр», 1961)

Это и неустроенность его необъятной родины.

В одном из стихотворений поэт уподобляет себя великому русскому художнику Михаилу Врубелю, который испытывал те же чувства отчужденности и неблагополучия в удручающей атмосфере противоречивой действительности.

Для Олжаса «Русь Врубеля»- ёмкое и неоднозначное понятие, заключающее в себе противоположные ощущения в восприятии русской среды.

Это скорбь и тоска по утраченным идеалам красоты:

... Уходят женщины в эпоху Блока,
Там им неплохо,
Там позавидовать далеким мамам.
Прекрасным Дамам.

Образ женщины у поэта многообразен: это и образ матери, подарившей миру «мастера», и образ любимой, и образ родины. Он находит своё синтезированное проявление в программной поэме «Земля, поклонись человеку!» Светлое, чистое чувство к женскому началу поэт переносит на родную почву, на родину и связывает его с высшими и святыми для него понятиями.

Гимном в честь женщины – созидательницы мира, вселенной и всего рода человеческого завершается цикл стихотворений «Трансформация огня», проникнутый глубоким философским содержанием и восприятием жизни:

Все-кто явился в жизнь – тобою избран,
 Испытан сладостью твоей и болью,
 ...все мы сотворены твоей любовью,
 тебя опять мы избираем богом,
 О, женщина!

В сложной и многогранной поэзии Олжаса Сулейменова слиты воедино темы родины, истоков, истории и связи времен. Избрав своим девизом истинную свободу слова, Олжас, поэт и «следопыт истории» по призванию, видит основное свое предназначение в доведении своего читателя до правды и истины.

Олжас осознает острую необходимость активного вторжения в жизнь. И сказывается это, прежде всего в самобытной, яркой, эмоционально насыщенной, злободневной, гражданственной поэзии, проникнутой глубоким историко-философским содержанием и значимостью.

Уже с первого знакомства стихи Олжаса поражают нас своей необычностью, как содержания, так и формы, удивляют стремительностью чувств и своеобразием художественного отражения жизни. За его строками вырисовывается образ самого поэта, сильного, мужественного человека, с чутким ощущением добра и зла, «обостренным чувством историзма».

В конце 60-х годов появляется самое сложное для восприятия произведение поэта «Глиняная книга», которую отличает новизна взгляда на традиционный «скифский вопрос» (А.Марченко).

С болью пишет Олжас о судьбе своего предка-скифа, который вошёл в историю – в анналы ассирийского царя, как мастер в сфере воинских искусств, ворюга, сволочь». Поэт принимает твердое решение воссоздать точную и правдивую историю своих предков на основе серьезного изучения памятников духовной культуры и исторических материалов.

«Ваятель – бог, ведь говорят, что он из глины темной сделал человека», - напоминает нам древнюю притчу поэт, дерзнувший сотворить своё собственное, ни с чем не сравнимое, неповторимое глиняное изваяние в память исторических событий, уходящих в глубь веков.

Стремление О.Сулейменова к познанию и постижению истории и истины, осуществляемое им в поэтическом творчестве, является «ипостасью» его научных поисков.

С именем О.Сулейменова связано глубокое изучение и выявление роли тюркского фактора в древнерусских памятниках и в мировой истории.

Как известно, история изучения взаимодействия Древней Руси с Великой Степью, эпохи войны и мира между ними долгое время оставалась одной из наиболее сложных и запутанных страниц русской тюркологической науки.

Контур и следы её были намечены ещё в середине XIX века, когда русских ученых-востоковедов начала волновать проблема взаимосвязей восточной культуры, литературы и фольклора с древнерусской литературой. Например, И.Н.Березин в целом ряде исследований отмечает влияние устной литературы Востока на славянскую мифологию.

На азиатские корни и следы «Слова о полку Игореве» впервые обращает внимание

ординарный профессор Казанского университета Ф.И.Эрдман¹.

Наметившийся интерес к Востоку, в частности к древним тюркам, истории Степи и руководил, очевидно, И.Березиным, когда он занялся исследованием «Внутреннего устройства Золотой Орды».

В.Ф.Миллер, А.Н.Панин, В.В.Стасов ставили вопрос о связи русского былинного эпоса с Востоком.

В своё время вызвала бурную полемику работа В.В.Стасова «Восточное происхождение русских былин» (1868).

В исследованиях М.Казем-бека, Н.В.Катанова содержатся высказывания о близости устного народного творчества Востока и славянского мира. Обращает на себя внимание работа В.Миллера «Взгляд на «Слово о полку Игореве» (1877).

Ученый исходит из мысли, что «Слово»... - произведение книжное, что автор его был человек грамотный и просвещенный, что он написал его, а не пел, и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу.

Как произведение книжное, оно должно носить признаки литературы ему современной, обнаруживать в авторе знакомство с книжной словесностью, ибо всякий автор, как бы он ни был гениален, сын своего времени и воспитан на его литературных произведениях».

Но русская национальная литература «всегда была подражательна, всегда отражала на себе чужеземное культурное влияние», - не без основания умозаключает В.Миллер.

И как созвучны мыслям русского ученого идеи первого философа в России, оригинального и глубокого мыслителя П.Я.Чаадаева (1794-1856), философические письма которого «как выстрел, раздавшийся в темную ночь» (определение А.И.Герцена), потрясли всю мыслящую Россию.

Чаадаев пишет: «Мы идем по пути времен так странно, что каждый сделанный шаг исчезает для нас безвозвратно. Всё это есть следствие образования совершенно привозного, подражательного»¹.

Апофеозом небольшого по объему литературного наследия Чаадаева считается сохранившаяся часть его выдающегося труда «Апология сумасшедшего», проливающего свет на многие факты и явления, связанные с изображением исторических событий в древнерусских памятниках.

В частности, его автор отмечает: «Обделанные, отлитые, созданные нашими властителями и нашим климатом, только в силу покорности стали мы великим народом. Посмотрите, от начала до конца наши летописи, - вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти»¹.

Этот факт «глубокого воздействия власти» на судьбы древнерусских летописей, нашедших своё отражение в соответствующих памятниках, помог в дальнейшем ученым, занимающимся «азиатским» пластом русской культуры, вопросами влияния степной культуры на общественно-политическую жизнь, материальное и духовное развитие Древней Руси. Об этой распространенной в мировой и особенно в советской историографической традиции «потребительского отношения к источнику» (М.Д.Приселков) и «манере выдергивания исторических известий, которые подходят под заранее сочиненную автором концепцию», говорили крупнейшие специалисты по истории русского летописания М.Д.Приселков, А.Е.Пресняков и Я.С.Лурье- их достойный преемник, который ставил перед исторической наукой задачи «восстановить, по мере возможности, права источника и факта»².

Подлинность исторических фактов и событий, нашедших своё отражение в «Слове...», была поставлена под сомнение русскими учеными ещё во второй половине XIX века.

1 ¹ Чаадаев П.Я. Философические письма. Казань, 1906, с.7-а.

«Для нас особенно желательно узнать, - пишет Б.Дорн, - занесен ли рассказ о походе 1043 г. в том же, либо следующем году, или он составлен спустя 30 или 40 лет так называемым летописцем Нестором по преданиям? Какое место преподобный Нестор занимал между летописцами 2-ой половины 11-го столетия, доселе ещё не выяснено убедительным образом...

В настоящее время нельзя не согласиться, что так называемый Несторов текст- ... не только местами искажен вставками (и не одного летописца или переписчика), но и в некоторых местах сокращен»¹.

Очевидно, подобные небезосновательные суждения по поводу искажения исторических событий и фальсификации истории Древней Руси способствовали зарождению новых концептуальных взглядов на «Слово...».

Научно обоснованными и убедительными представляются аргументации и доводы современных исследователей литературы Древней Руси, в особенности «Слова...».

Неоценимы заслуги Олжаса Сулейменова в выявлении тюркизмов, роли тюркского фактора в этом двуязычном (славяно-тюркском) древнерусском памятнике.

«Словарь – единственный объективный источник исторических сведений. Язык сохраняет летопись мира, не отразившуюся в письменности. Показания языка неожиданны. Они свидетельствуют о том, что с дохристианских времен славяне мирно общались с тюрками. Вместе пасли скот и пахали землю, ткали ковры, шили одежду, торговали друг с другом, воевали против общего врага, писали одними буквами, пели и играли на одних инструментах, верили в одно»³.

Книга «Аз и Я», направленная против устоявшихся в науке принципов и воззрений, заложила основу инакомыслия ее автора. Неустанные кропотливые поиски опального исследователя подвели его к идее и изучения вопроса о происхождении письменности.

Используя археологические и антропологические данные о происхождении малого человечества применительно к археологии языка, Олжас Сулейменов выдвигает новый метод и принцип изучения истории языка, как новый взгляд на его предысторию. Им разрабатывается тема взаимозависимого развития первой образной письменности и устной речи.

Анализ иероглифов говорит о связях Шумера, Египта, Китая и Майя (Южная Америка), их культур, объединенных общей верой – солнцепоклонничества. Новые, более углубленные научные разыскания Олжаса Сулейменова должны были найти свое отражение в давно задуманной им книге «Язык письма» как взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества.

В ней объясняется метод анализа слова, отличающийся от традиционного тем, что происхождение слова рассматривается в генетической связи с графическим знаком – первоиреглифом, т.е. архетипом языка и письменной речи.

«Пытаясь разобраться в грамматике символа веры наших предков, – пишет автор, – я понял, как много теряет лингвистика, изучающая древнейшее слово в отрыве от первописьменности.

...Солнечная религия, существовавшая десятки тысячелетий по всей земле, начиналась с первоиероглифов, которые сопровождали ее до эры Пророков. От них – древнейших знаков солнца, произошло большинство символических и рисованных иероглифов, ставших основами образных письменностей человечества»□.

Научная деятельность Олжаса Сулейменова, начавшаяся с выявления тюркизмов в книге «Аз и Я» (1975), продолжается и поныне, как выясняется из собственных утверждений поэта – ученого, став важнейшим делом его жизни. Основные положения его первона-

2 ¹ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. М., 1981, с.146.

3 Сулейманов О. Аз и Я. Алма-Ата: «Жазушы», 1975, с.186-187.

чальной концепции со временем оказались подготовительным этапом для вхождения в глобальную проблему изучения взаимодействия древних цивилизаций и взаимозависимости этносов.

Как известно, Олжасу не дали возможность защитить кандидатскую диссертацию на тему: «Тюркизмы в «Слове...» и тогда он твердо решил защищать истину, борьба за утверждение которой была сопряжена с глубокими, кропотливыми и тщательными научными поисками.

Прослеживание и интерпретация цельной концептуальной системы языкотворчества, в основе которой лежит выработанный им механизм словообразования, позволяет конкретно обозначить обоснованные утверждения ученого-этимолога, сводящиеся к тому, что полная этимология возможна только с восстановлением графического образного знака.

«Ни один язык не обошелся без этого механизма. Все изначально знали первописьмо, иначе бы не состоялись».

Взгляд в доисторию древних этносов, их языков и письменностей, подробно изложенный им в книге «Язык письма» (1998), нашел свое последующее развитие в книге «Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей» (Алматы, 2002).

В отличие от первой книги автора, вторая, кстати, удостоенная премии Куль-Тегина, более насыщена тюркским материалом. В ней внимание акцентируется на взаимозависимом развитии древних этносов, живших по соседству друг с другом, в частности, тюрков и славян, углубляется рассмотрение вопроса об их древнейших языковых связях.

Автором выдвигается и обосновывается «проект» нового аспекта в языкознании – тюркославистика, специально изучающая вопросы тюрко-славянских связей и историю их развития.

Как отмечает автор, этот вопрос никогда не воспринимался всерьез и не находил своей теоретической оценки. «Работы первых российских тюркологов носили прикладной характер и доказывали, что лексические заимствования из тюркских наречий в русский язык были возможны, но их число было достаточно ограничено.

Тюркология рождалась в России, вступивший в борьбу с Оттоманской Турцией за выход к южным морям. Исходная политическая ситуация сказалась на отношении имперской Академии к предмету исследований, а, значит, и на состоянии самой науки. Однако материал заставлял настоящих ученых (Мелиоранского, Корша, Радлова, Бартольда, Малова) преодолевать имперские предубеждения». Туго шло развитие тюркологической науки в России и основным препятствием была тюркофобия, «достигшая своего пика в советский период».

Она мешала разглядеть и заметить красноречивые факты, говорящие о тесном контакте и взаимозависимости двух этносов-тюрков и славян.

Многолетние поиски автора тюркизмов и весь накопленный материал по составлению списка тюркизмов, конечным итогом которого станет этимологический словарь «1001 слово», подтверждают факт о длительных эпохах взаимодействия двух соседних этносов.

Тюркские слова – понятия дают благодатный материал для выявления этимологии как славянских, так и многих индоевропейских терминов, так как индоевропейские и семитские языки не предполагают ни морфологических, ни лексических оснований для этимологии.

В тюркославистике, проект которой обосновывается автором, много «пересекающихся параллелей». И это, как считает ученый, послужило бы началом совместного изучения языков двух суперэтносов, всегда влиявших друг на друга, и вместе – на судьбы Евразии. А это значит, что следует поднять вопрос и о тюркоевропеистике. «Я надеюсь, что первые же шаги тюркославистики (а далее и тюркоевропеистики) одарят нас знаниями, опровергающими догматический предрассудок и постулат «Грамматика не заимствуется!» и взамен ему

будет выдвинут противоположный – «Заимствовалось все!». И лексика «основного словарного фонда», и грамматика!»

Все языки имеют свою системность. Научные взгляды и многолетний опыт работы Олжаса над этимологией формантов – наиболее трудной области языкознания – наглядно свидетельствуют о том, что даже языки древнего мира имели системность.

В настоящее время Олжас Омарович Сулейменов продолжает свою работу над жизненно важной для него темой, связанной с исследованием и выявлением этимологии слов.

Такова дорога жизни нашего замечательного современника – человека с мировым признанием, выдающегося поэта-гражданина, дипломата и общественного деятеля, ученого-тюрколога нового склада мышления, посвятившего себя, подобно поэтам-философам Востока, поиску Истины.

Дорогу осилит идущий – гласит мудрое изречение древних. Да будет светел и ясен путь Мыслителя!

**ЛИРИКА ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА КАК ГИПЕРТЕКСТ:
ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

*Какильбаева Энкар Толымхановна
кандидат филологических наук, доцент
факультет филологии и мировых языков
кафедра русской филологии и мировой литературы
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы
E-mail: inkar.kakil@mail.ru*

Автор статьи рассматривает возможности гипертекстовых технологий при изучении лирики Олжаса Сулейменова. Заглавной мыслью является утверждение о принципиально новых способах исследования поэтического текста. По мнению автора, гипертекст как способ организации художественного произведения, с одной стороны, и как прием интерпретации текста позволяет не только выявить особенности поэтики лирического стихотворения, но и рассмотреть его во взаимосвязи с поэтической традицией и установить интертекстуальные связи. В статье рассмотрены возможности использования гипертекстовых технологий при изучении интертекста сулейменовской поэзии.

Ключевые слова: гипертекст, интертекстуальность, «чужое слово», реминисценция, аллюзия.

Концепция М.М. Бахтина и его последователей о том, что любой текст находится в постоянном «диалоге» с предшествующей и современной культурой и литературой, позволяет нам рассматривать лирику Олжаса Сулейменова в тесной связи с разными эпохами, событиями и личностями. Олжас Сулейменов – один из немногих поэтов, предельно открытых для диалога, он на протяжении всего своего творчества ведет беседы на равных с философами Востока и древнего Шумера, поэтами Древней Руси и казахскими акынами и жырау, Пушкиным и Абаем, Махамбетом и Чоканом Валихановым. Для него не существует привычных пространственно-временных границ: «Я бываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!.. Я согласен быть Буддой, Сэссю и язычником Савлом!..» [Сулейменов, 1976, с.54]. Второй круг общения поэта составляют его современники, среди которых особое место занимают шестидесятники, представлявшие отдельную субкультуру советской интеллигенции периода «оттепели», мечтавшей и пытавшейся, по выражению Булата Окуджавы, «очеловечить» коммунистический режим в стране. Олжас Сулейменов в годы учебы в Литературном институте имени М. Горького имел не только дружеские, но и творческие точки соприкосновения с Борисом Слуцким, Робертом Рождественским, Беллой Ахмадулиной, Евгением Евтушенко, Риммой Казаковой, Леонидом Мартыновым, Андреем Вознесенским. Их присутствие и сопresутствие в лирике казахского поэта можно обнаружить через включение в сулейменовский текст «чужого слова», в явных и скрытых цитатах, в реминисценциях и аллюзиях. Исследование этого уровня поэтики позволяет нам говорить о лирике Олжаса Сулейменова как гипертексте, что, в свою очередь, дает нам возможность воспринимать ее как максимально синтетический единый художественный текст, как бесконечный в своей текучести, увлекательный по содержанию и сложный по форме метароман.

Гипертекстовый способ исследования лирики Олжаса Сулейменова устанавливает через гиперссылки и отсылки ассоциативно-семантические связи между отдельными текстами, благодаря чему появляется вариативное и многоплановое исследование проблемы, то есть разные и оригинальные версии нелинейной навигации («движения») по отдельным

стихотворениям и поэмам. Справедливости ради нужно сказать, что такой нелинейный вид организации информации - далеко не новый способ представления знаний. Он использовался в средние века в религиозных текстах, которые содержат многочисленные сноски, ссылки, комментарии и комментарии на комментарии. Прежде всего, в Библии, где пронумерован каждый стих, а в начале каждой главы Библии мелким шрифтом имеется оглавление с указанием стиха, который может сопровождаться ссылками на другие стихи. То есть эту священную для христиан Книгу можно читать нелинейно, самостоятельно выбирать тот или иной алгоритм чтения по ссылкам в зависимости от возникших ассоциаций.

Главное условие при применении гипертекстовых технологий, по нашему мнению, - анализируемый текст должен быть насыщен аллюзиями и реминисценциями. Интертекстуальная природа лирики Олжаса Сулейменова позволяет широко использовать возможности гипертекстовых технологий. Гипертекстовое пространство его произведений рассчитано на активного читателя, который не потребляет готовую продукцию, а творит вместе с автором, развивает его мысли. И поскольку в гипертекстовой среде важен не только сам текст, но и вся совокупность альтернативных текстов, задаваемых сочетанием отдельных его фрагментов, то в гипертекстовом пространстве творчества О. Сулейменова каждый элемент представляет собой отрывок со сложной «драматургией», а значит, является *потенциальным стимулом для реагирования и может породить другие тексты, связанные с ним не формально, а семантически* [Караулов, 1986, с.123].

Такое толкование гипертекста создает условия для рассмотрения лирики Олжаса Омаровича Сулейменова как единой гипертекстуальной системы, вписанной в контекст русской и казахской литературы конца XX-го века. Интерпретация его разных по родовой принадлежности и различных по композиционной структуре произведений как единого гипертекста возможна, с нашей точки зрения, благодаря существующим между его текстами неоспоримым связям, формируемым системой видимых и скрытых ссылок на события, исторических личностей, литературных героев. То есть, несмотря на разнохарактерность и одновременность его лирических текстов, они представляют собой не разрозненные произведения одного автора, а единое идейно-семантическое пространство творчества Олжаса Сулейменова, организованное по принципу гипертекста.

Технологии гипертекста особенно действенны в процессе интерпретации интертекста в лирике Олжаса Сулейменова, ведущего активный диалог с классиками и современниками. Объектом интерпретации в данной статье явились несколько стихотворений поэта разных лет. Гипертекстовая стратегия анализа и интерпретации позволяет рассмотреть тексты казахского поэта во взаимодействии с русской культурой, увидеть «знаки чужой смысловой позиции» [Корнев, 1998, с.30], то есть «прочитать» в тексте то, что образовалось «из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [Барт, 1989, с.418].

В лирике Олжаса Сулейменова есть несколько стихов, которые построены на описании конкретных картин, чьи названия отразились в заглавиях стихотворений. Своей визуальной и отчасти сюжетной запрограммированностью они выделяются из общего каталога ранней лирики поэта. Одним из таких «живописных» текстов является лирический этюд «Пейзаж» [Сулейменов, 1976, с.135], позволяющий обнаружить прямое обращение Сулейменова через прием экфрасиса к творчеству русского художника Исаака Левитана. Возможно, экфрасис использован поэтом как спонтанный прием, но все же он позволил поэту перевести изобразительный образ в имманентный авторскому «я» вербальный ряд. В картинах Левитана, указанных в «Пейзаже» и оказавших воздействие на Олжаса Сулейменова, присутствует, с одной стороны, ярко выраженное русское начало, а с другой, приемы реалистической живописи сочетаются с едва уловимыми элементами и приемами

импрессионизма. Сулейменова привлекала, прежде всего, в Левитане любовь к открытым горизонтам (великая река Волга, русские степи, леса), которая отразилась в предпочтении панорамных видов, в широком использовании эффектов пленэрного письма. Художник стремился достичь иллюзии быстрой смены состояний природы, иллюзии сиюминутно протекающей жизни природы и человека в ней и передать тончайшие нюансы смены настроения природы через игру цвета. А Олжас Сулейменов в своем лирическом сюжете превращает это визуальное в вербальное. При этом можно видеть, что его сюжет содержит, возможно, гипотетическую рефлексию на стиль Левитана. Мы склонны воспринимать этот сюжет и как контаминацию разных визуальных текстов и считать, что диалог казахского поэта и русского художника состоялся.

Другой пример диалога Олжаса Сулейменова с русской историей можно увидеть в стихотворении «Декабристы», посвященном Н. Ровенскому. Заглавие текста вызывает в нашей памяти информацию о трагической судьбе лучших людей России, которые 14 декабря 1814 года вышли на Сенатскую площадь с требованием сверженья самодержавия и отмены крепостного права. Посвящение содержит отсылку к известной в Казахстане исторической личности. Критик и литературовед Николай Степанович Ровенский большую часть своей творческой жизни посвятил казахской литературе, исследованию ее литературных связей и контактов, проблемам евразийства. И писал об этом, по образному выражению В.В. Бадикова, «патетически приподнято и научно-эвристически».

Обращение Олжаса Сулейменова в стихотворении «Декабристы» к этому имени, думается, не случайно, оно позволяет поэту ввести читателя в мир русской истории и культуры. Сулейменовский сюжет глубоко интертекстуален, насквозь пронизан аллюзиями и отсылками к истории Петербурга как города музеев, декабристов, Пушкина и Гоголя. Отсылки чаще всего даны полунамеком, неявно, приблизительно, с расчетом на *догадку знающего* читателя. Структура сюжета в данном лирическом тексте двучастная. В первой части представлен современный Сулейменову-поэту *музейный город*, где его внимание приковано к «тем церквам, где молчат исповедальни», «крепостям и тюрьмам» («что может быть страшней тюрьмы пустой?»). Это город для туристов, которых поэт осуждает как не знающих «ни обычаев табу, ни цен на памятники исторические» [Сулейменов, 1976, с.192]. По нашему разумению, на подтекстовом уровне этот сюжет имеет едва видимые параллели с целью отталкивания со Вступлением «Медного всадника» А.С. Пушкина, где град Петров показан во всей красе и величии. Сулейменовские подробности отдают петербургские улицы во власть *полков самоуверенных туристов*.

Гипертекст О. Сулейменова предполагает активного и обладающего знанием читателя, который понимает, о чем идет речь и далее строит свой сюжет. Ему понятна деталь «в тех церквах молчат исповедальни». Ю.М. Лотман писал: «Объем культурной памяти и ее состав значительно колеблется даже в пределах читательской аудитории одной эпохи. Поэтому цитата, особенно невыделенная, <...> создавая атмосферу намека, расчленяет читательскую аудиторию на группы по признаку «свои–чужие», «близкие–далекие», «понимающие–непонимающие». Текст приобретает характер интимности по принципу «кому надо, тот поймет». При этом весьма распространен случай двойной отсылки, что создает многоступенчатую систему приближения читателя к тексту: одни воспринимают текст как непосредственное выражение авторской мысли (наиболее «чужие»), другие понимают, что текст содержит намек, но не могут его дешифровать, третьи могут соотнести содержащуюся в тексте цитату с определенным внешним текстом и извлечь смыслы, вытекающие из этого сопоставления. И, наконец, четвертые знают специфическое употребление этой цитаты в тесном дружеском кружке, связанные с нею кружковые ассоциации, ее эмоционально-культурный ореол, домашнюю семантику» [Лотман, 1995, с.414].

Во второй части параллельно сулейменовскому сюжету в сознании читателя «всплывают» известные в русской литературе петербургские сюжеты. Вступление-зачин к сюжету обозначает при помощи перифразы основную сюжетную тему: «*О, город – сын поэм и поздних бурь!*». Это вступление к скрытому в тексте сюжету, апелляция к пушкинской поэме «Медный всадник» и гоголевским петербургским повестям. Лирический герой Сулейменова идет по пушкинско-гоголевскому Петербургу, где «*воротников крахмальные ошейники //, манжеты, словно белые кандАлы, // под черными крылатыми шинелями*». Облик столицы николаевской империи воссоздан через знаковые детали, которые отсылают нас к сюжетам гоголевских петербургских повестей, в первую очередь, к «Невскому проспекту». Вторая часть зачина «*О, город – ... поздних бурь!*» отсылает к Петрограду, деталь «*и там, где вечно на приколе крейсер*» напоминает об октябрьской революции 1917 года. Как видим, аллюзии возникают на уровне сюжета и тематики, актуализируют тему зимнего Петербурга и весеннего Петрограда. А следующий мини-сюжет, заключенный в одной строке: «*услышать: «Что-то новое воскресе!»*», в подтексте содержит еще несколько ранее известных сюжетов, отсылает нас к мифологии, к гоголевскому «Носу», где необыкновенно-странное происшествие случилось 25 марта накануне Благовещенья, к блоковской поэме о революционном Петрограде. То есть, в сулейменовском тексте эти сюжеты присутствуют одновременно, воспринимаются в комплексе и существование одного не отменяет существования другого. Ассоциации, возникающие при чтении текста, данного в традиционной линейной последовательности, порождают дополнительные смыслы заключенной в тексте информации, что неизбежно ведет к расширению сюжетного поля как этого, так и любого стихотворения Олжаса Сулейменова, этому способствует гипертекст.

Поэт позволяет себе неожиданно оборвать заявленный сюжет, отойти от линейной логики его развития, вступает в диалог с читателем и слушателем. Сюжет в «Декабристах» фрагментарен, переход от одного мини-сюжета к другому произволен, зависит от авторской воли, поэтому и читатель может позволить себе вольно «переходить» от одного фрагмента к другому, погружаться в виртуальный мир героев, визуализировать пространство и время, пейзаж и события, происходящие в частном сюжете сулейменовского лирического текста. Вторая часть сюжета «Декабристов» построена по следующей схеме: в начале текста задана тема, далее идет импровизация на заданную тему - путешествие героя во времени и в пространстве Петербурга и Петрограда. Финал стихотворения – неожиданный, но в достаточной степени он оправдан и логически вытекает из логики развития темы о декабристах: «*не быть прохожим на Сенатской // площади*». Сулейменов подчеркивает свою причастность к их высокой миссии. Мотив «*не быть прохожим*» является логическим развитием темы *лишних* в жизни и творчестве самого поэта, мотива противопоставления поэта и толпы в его стихах и лирике русских поэтов 19 века. В сулейменовском стихотворении явного сюжета о декабристах нет, но они постоянно незримо присутствуют во всем повествовании и заявляют о себе в последних строках, создавая тем самым эффект обманутого ожидания.

Таким образом, приемы гипертекстовой технологии, использованные нами при интерпретации данного стихотворения Олжаса Сулейменова, позволяют сделать вывод о своеобразии его интертекстуальной природы. Текст «Декабристов» в условиях гипертекстовой среды можно представить как «сад расходящихся тропок» (Х.Л. Борхес), т.е. как текст с множеством различных связей, ведущих к другим текстам, и поэтому у читателя и исследователя есть возможность создания своего посттекста, своего пути прочтения.

Интертекстуальные отсылки к русской классике XIX-XX веков вписаны в безграничное пространство казахского поэта, пишущего на русском языке. А компьютерный гипертекст вследствие своей свободы позволяет переходить от одного текста к другому и обратно, использовать мультимедийные эффекты, демонстрировать одновременно текст и претексты, посттексты. То есть компьютерный гипертекст обнажает внутреннюю структуру интертекста,

одновременно обнаруживает все цитаты, реминисценции и аллюзии в тексте и выявляет место поэта в общем литературном процессе и позволяет рассматривать лирику Олжаса Сулейменова в контексте поэтических традиций мировой литературы. А гипертекстовая технология, представляющая любое его произведение как визуальное многомерное явление, рождает возможность читать его в любой последовательности. С одной стороны, это ведет к децентрализации исходного текста, потому что компьютерный гипертекст дает право одновременного сосуществования на экране компьютера исходного текста и других текстов, к которым направлены отсылки, но, с другой стороны, объективизирует и наглядно представляет сулейменовский интертекст, помогает исследователю увидеть всевозможные литературные отсылки к «чужому слову», первичному тексту, в роли которого чаще выступает родная литература и русская классика, восточная и западноевропейская поэзия. Сулейменовские реминисценции позволяют ему не буквально воспроизводить чужие структуры, а дают намек и отсылку на другие имена и тексты, служат средством организации лирического сюжета Олжаса Сулейменова и, с другой стороны, позволяют нам включить его и названных им поэтов в единое культурное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулейменов О. Мем порадовать сердце? // Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. Алма-Ата: Жазушы, 1976. С.52-55.
2. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М.: Русский язык, 1986. С.105-126.
3. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодернизма: Интернет как место обитания литературы // Новое литературное обозрение. 1998.- № 32. С.29-47.
4. Барт Ролан. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
5. Сулейменов О. Пейзаж // Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. Алма-Ата: Жазушы, 1976. С.135.
6. Сулейменов О. Декабристы // Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. Алма-Ата: Жазушы, 1976. С.192-193.
7. Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 393-462.

THE LYRICS OF OLZHAS SULEIMENOV AS A HYPERTEXT: THE POSSIBILITY OF ITS INTERPRETATION

Kakilbayeva Enkar T.
Candidate of Philology, dozent
Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty
E-mail: inkar.kakil@mail.ru

The author of article considers the possibilities of hypertext technologies of studying of an intertext of Olzhas Suleymenov's lyrics. Initial thought is the statement that the modern Internet has generated new opportunities of Net-thinking. The hypertext as a way of interpretation of the art text allows to reveal not only features of poetics of this text, but also to consider him in interrelation with poetic tradition. The author of article offers the version of use of hypertext technologies when studying an intertekst of Olzhas Sulymenov's poem.

Key words: hypertext, intertextuality, "someone else's word", reminiscences, allusion.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЛИРИКЕ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Умарова Гульнар Сидегаалиевна

кандидат филологических наук, доцент

филологический факультет

кафедра русской филологии

Западно-Казахстанский государственный университет им.М.Утемисова,

Уральск, РК

E-mail: umarova_1959@mail.ru

Утарова Нургуль Таскалиевна

магистрант 2 курса

специальности «Русский язык и литература»

Западно-Казахстанский государственный университет им.М.Утемисова,

Уральск, РК

E-mail: nurgul_utarova@mail.ru

В статье рассматривается проблема гендерных различий в культуре и менталитете определенного этноса, а именно особенности женской ментальности, описанные О.Сулейменовым. Анализируются произведения поэта, в центре которых стоит образ женщины, как родной мамы, любимой жены, так и образ женщины-поэта, амазонки, девочки из концлагеря и т.д. Определяются способы отражения индивидуальности каждого женского образа, отношения и эмоций поэта.

Ключевые слова: гендер, культура, ментальность, менталитет, женский, образ, мать, женственность.

В последнее время большую актуальность приобретают исследования учеными проблем пола в различных сферах общества, в том числе в культуре и языке, т.е. гендерный вопрос.

Гендер (англ. *gender* от лат. *genus* – род) определяется в лингвистике как *социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола* [Кирилина, Томская, 2005]. Культура и язык определенного народа безусловно отражают и гендерные различия. *Культура этноса ... определяет особенности социальных ролей мужчин и женщин, зафиксированных в национально-языковой картине мира и представленных в гендерных стереотипах, изучение которых посредством языка позволяет увидеть этнокультурные и социальные языковые особенности, например, гендерную асимметрию* [Калугина, 2013, с.80].

Социально-гендерный признак дифференцирует этнос (нацию) не столько по биологическому, сколько по социально-психологическому ощущению собственной маскулинности/фемининности. Социальный конструкт гендерных ощущений как продукт этногенеза через семью, учреждения образования, средства массовой информации, другие социальные институты формирует определенный набор половых различий, обеспечивает воспроизводство культурно обусловленных нормативных социальных ролей мужчины и женщины. [Кириенко, 2009, с. 95].

Понятия «менталитет» и «ментальность» зачастую трактуются как синонимы, но Д.В.Манкевич обосновал различие этих понятий: «ментальность» понимается как совокупность осознанных и неосознанных психологических установок индивида или различных социальных групп действовать, мыслить, воспринимать и постигать мир определённым об-

разом. Менталитет, как уже отмечалось, понятие более высокого порядка, включающее в себя несколько видов ментальности (социально-бытовую, политическую и т.д.). *Менталитет – это реальный стиль, характер, способ мышления и духовной жизнедеятельности, присущий определённому социуму (социальной группе). Справедливо и другое определение. Менталитет – это стереотипы и привычки сознания, заложенные воспитанием и культурными традициями, присущие не отдельной личности, а социально-культурной общности или сословию* [Манкевич, 2005, с. 13-14].

Принадлежность к полу оказывает влияние на культурную ориентацию и на менталитет, обнаруживаются различия между мужской и женской ментальностью. П.А.Андреева считает, что *пространство ментальности «женского мира» опирается в своем существовании на следующие положения: мир идеален; идеал недостижим; жизнь (движение) как смысл жизни; истина непостижима; идеальное и реальное смешаны; смех носит иронически-рефлектирующий характер; проявляется склонность к синтезу; безобразное (деформированное, больное) воспринимается как эстетическое содержание; мир многозначен; мир постигаем чувствами (т.е. зримо-постигаем).*

Женственности свойственны иные положительные социополовые характеристики: обаяние, привлекательность, чуткость и заботливость, жизнерадостность, общительность, интерес к противоположному полу, деликатность. Данные характеристики формируют образ женщины, которые принимаются за эталон в обществе. Типично женский образ включает ряд черт, связанных с социальными и коммуникативными умениями, с теплотой и эмоциональной поддержкой. Идеализированные черты образа дополняются и отрицательными качествами – формализм, пассивность, излишняя эмоциональность» [Андреева П.А., 2009].

Нет такого поэта или писателя, в произведениях которого отсутствовали бы женские образы. Во все времена женщина вдохновляла поэтов, ей посвящались элегии, послания, поэмы. О.Сулейменов не является исключением. Его стихотворения о девушках и женщинах также многогранны и разнообразны, как и вся его поэзия. Их традиционно можно разделить на несколько групп в зависимости от женского образа, положенного в основу.

Безусловно первыми следует выделить стихотворения, посвященные женщине, родившей и воспитавшей поэта.

Стихотворение «Помнишь первые сказки мои...» о том, как поэт полюбил чтение благодаря своей маме: *Помнишь, ты принесла / мою самую первую книжку... я читал по складам / про джигитов на быстрых конях / нараспев, а потом и крича – / голос сказок был звонок... Через год...я читал все, что было в шкафу...в море книг я барахтался....* Он благодарен ей за это, несмотря на то, что она потом восклицала *...разве можно так много! Глаза ведь дороже....* Всю любовь поэт вложил в последние строки: *Моя добрая мама, родная моя, / вспоминай – / прозревал, прозревал / твой послушный, / упрямый мальчишка.*

В стихотворении «Маме» О. Сулейменов вспоминает место своего детства, себя же сравнивает с птицей, чье крыло полмира отмахало, / и в реку Лимпопо перо макало, / и в пряный ветер из цейлонских куш.... И всю жизнь он следовал принципам, устоявшимся в нем еще с детства: *...будь с гордым горд: он не отец пророка, / будь с робким робок: он тебе не раб.../ людям я не лгал, хотя и мог....*

Мудрые слова О.Сулейменов также помещает и в стихотворение «Мать», написанное о матери поэта Димчо Дебелянова, которой в Болгарии поставлен памятник: *Если ты человек, сотвори себе имя...Будь нескромен, сынок, / ты огромен, сынок. / Встань под взглядами дул, / пусть увижу – / ты смог! ... / ...Так запомни, сынок, / где б ты ни был, – везде / будь заметен в беде. / А когда над долиной / свинец не свистит / когда время ползет / и твой век не летит.../ ...будь тогда незаметен, / застенчив, сын мой.* Поэт обращается и к тем матерям, кто пережили очень много трудностей и боли. В стихотворении «Картинки из одного

журнала» автор призывает их взглянуть на эти картинки, вспомнить и помнить войну, на которой были убиты и мужья, и сыновья, и в то же время поэт удивлен тем, почему она не выражает эмоции и не кричит от боли, хотя он понимает, что ей больно, но она сдержана.

Особое место в жизни поэта занимает любимая женщина. Воспоминания о первой любви, первых чувствах поэта в стихотворении «Детство, сады, зной...»: *веселая женщина в нашем дворе, / квартирантка... / мои щеки с утра начинали гореть... / я смеялся, когда улыбалась она... / когда у ручья умывалась она, / я мальчишек гонял из кустов.* И тут же появляется ревность, которая заставляет мальчика совершать глупые поступки. Но та женщина поняла, увидела его чувства и защитила: *...она оттолкнула того: – Уйди, / это деда Насыра внук, – / и прижала к распахнутой мягкой груди: / – Ах, мой маленький, глупый друг....* Спустя годы О. Сулейменов сам понимает таких мальчишек, которые глядят с детской тоской, и видит, как мальчишка *...стоит, прислонившись к белой стене, / черноглазый, угрюмый, злой. / Свою первую ревность отдаст он тебе....*

Но образ действительно любимой в стихотворении «Были женщины – по плечу...», в котором поэт идеализирует свою женщину, замечая все детали, но в то же время они положительные:

Были женщины – по плечо,
 Были женщины мне – по грудь.
 Но – по сердцу
 Была одна.
 Просто по сердцу мне она.
 Всё идёт ей –
 Тоска в глазах,
 И пушиночка в волосах,
 И жестокий, капризный рот,
 И зубов обнажённый лёд.
 Даже пальчиков нежный хруст,
 Даже слишком не взрослый рост,
 Даже тридцать четвёртый год.
 Всё идёт ей.
 Как всё идёт!..

Любимой женщине Сулейменов посвящает и стихотворение «О, ты горда...», в котором признается *...я не хочу любить тебя покорной. / Идут года. Еще пройдут года. / Вся твоя гордость – мне, / Остаься гордой.* В этом произведении показано особое отношение женщины к своему мужчине, который выделяет эту характеристику в ее натуре, и она ему нравится.

Стихотворение «Почта» изображает тоску и стремление поэта к своей любимой после двухлетней разлуки, предвкушая долгожданную встречу: *...ждать, замирая, как выстрела, / щелк замка. / Я приеду, / умру, но приеду....* Но, а пока ему остается только молиться: *Береги тебя бог, / в этот миг я поверю в бога, / береги тебя бог, / если я не сумел сберечь.*

В стихотворении «Эти слова рождаются ночью...» Сулейменов высказывает нежелание отпускать от себя любимую в холодную снежную ночь, возможно, даже ассоциируя это с течением времени и жизни: *ты не заметишь, как в теплые косы / туго влетаются холодные пряди / милая, юная и седая.*

Забота о любимой показана и в стихотворении «Вечером», посвященном жене поэта, терпимостью которой он восхищается, которая ради него оставила родительский дом и идет на жертвы, променяв уют на «угрюмость чужих углов». Стареют они вместе, усталость с каждым днем все больше и больше, но она защищает мужа от нападков, греет его своим

теплом, а он укрывает ее от холода в чужой квартире, злясь на окружающих и думая о будущем.

Искренние признания, которые невозможно выразить и сравнить с чем-либо существующим в мире, О.Сулейменов вкладывает в стихотворение «Ночные сравнения», сетуя о том, что все стихи уже написаны другими поэтами:

Ты как мёд,
как вспомню – зубы ноют,
ты как шутка, от которой воют,

...

я люблю тебя,
как любят квакать,
как вдова – кричать,
как рыба – плавать,
я люблю тебя, как слабый –
славу,
как осёл – траву,
как солнце — небо.

...

Только все стихи уже написаны.

Так в горах любили и в степях,

так любили – и смеясь и плача.

Разве можно полюбить иначе?..

Я люблю тебя, как

я – тебя...

В произведении «Аз тэ обичам» (Урок болгарского) О.Сулейменов показывает образ женщины другой страны, другого менталитета, более открытый и раскрепощенный, но он не чувствует в ней родного «жаным».

В стихотворении «Горы» показывается отличие женщин и мужчин в проявлениях эмоций: *...вскрикнешь...водой плеснешь...позволишь на тебя смотреть...смущенно краску с губ водою смоешь...захочешь загореть...притихнешь...странно глянешь, коротко дыша... губы, плача, стиснешь / А я твое волнение не пойму, вскочу, засучусь и успокою, ...скажу «Ну что ж, пошел...»*. Ярко видны характерные черты женской ментальности, их восприятие романтического летнего вечера с любимым человеком как чуда, нечто необыкновенного.

Далее Сулейменов продолжает открывать мир и психологию женщин. Так в стихотворении «Сильнее «Фауста», рассказывая историю старика из поселения Кыз-Кудук, поэт рисует два женских мира: один – красивая и привлекательная литовка: *...явилась литовская женщина. / то ли богом посланная, / то ли кем-то сосланная, / не то чудь, / не то жмудь, / но красивая – жуть!*, которая приносит не добро и не зло – дискомфорт; и второй – родная и любимая дочка: *восьмая дочь произросла в пустыне, / коса – ручьем, / в глазах озера стынута, / и льется речь, как речка, по губам. / Заметь еще и море обаянья, / души разливы!*, которая затем убежала из родительского дома с любимым человеком, сравниваемым с Сатаной.

Образ европейской женщины представлен и в стихотворении «Ждем парома через Енисей»:

... словно льдинка,
в белой блузке и косынке
вдоль заборов по тропинке,
до колен подняв подол,

...

забежала, а потом –
отдышалась, улыбнулась,
встав на колесо телеги,
посмотрела через реку –
не покажется ль паром?
На губах её помада.
Грудь под блузкою –
что надо!...

Но здесь автор, подчеркивая ее красоту, которая привлекает внимание многих мужчин, показывает такую черту женской ментальности, как верность, преданность своему мужчине: *Он, уверена, не с нами – / грудь спокойная под шелком. / Он, наверное, в Норильске, / или плывет по Енисею, / или вовсе / на Карельском – / броситься б ему на шею....* Поэтом замечен особый мир женщины, которая ждет своего единственного. Она не дарит своего внимания поклонникам, потому что раскроет чувства только при виде своего любимого

Под впечатлением от Бродвея Сулейменов написал стихотворение «Женщина», в котором героиня *голубоглазая или голубовласая. / На белой коже тонкой акварелью / написаны глаза, / а брови – маслом. / Глядит! /... Ты сделала меня таким нескромным / и улыбаешься, не понимая / ни-че-го!*

Есть у О.Сулейменова и стихотворения, посвященные знаменитым женщинам. Об одной из них, Н.Гончаровой, читаем в произведении «На площади Пушкина» Она характеризуется так: *...дивная Наталья. / Ее никто не называл Наташей. / Она на имени его стояла, / как на блистающем паркете зала, / вокруг легко скользили кавалеры... Ох, это горло белое и плечи, / и грудь высокая, как эшафот!..., –* и как бы подчеркивает ее мудрость в обращении к мужу – *Скажи, мой господин, чего ты медлишь! / Не то и я влюблюсь, о, ты не веришь!...* Автору симпатизирует ее женский ум, который поднимает знаменитого супруга на ступень выше.

Марине Цветаевой посвящено стихотворение «Амазонка». В нем слышна мысль поэта о том, что половчанки (женщины тюркского происхождения) и ярославны (из «Слова о полку Игореве»; обобщающий образ русских женщин) также являются воинственным племенем, в их ментальности быть сильными и храбрыми, но несмотря на это, в них сохраняется стремление к материнству, из-за чего они могут согрешить. Обращение к амазонкам Сулейменова возможно также и на основании того, что Цветаева посвятила этой теме некоторые свои произведения.

«Поэтесса из кишлака Кашмир» также посвящено тяжелой судьбе женщины, живущей в холодном краю у старухи и в стихах со слезами вспоминающей родной теплый Кашмир, тоскуя по его горам и цветам. Поэт обращает внимание на терпеливость и выносливость как качества женской ментальности, а также на одиночество в чужой стране.

В стихотворении «Девушка на зеленой траве» Сулейменов раскрывает перед нами трагическую тему концлагерей, а именно крематория Майданека в Польше. Изображая девушку, лежащую на траве теплым и тихим сентябрьским днем под знаком «Траву не рвать», поэт акцентирует наше внимание на следующих строках: *...Памятником человеку (логика такова!) / не камень и не железо – стала трава. / Выросшая на удобренном подзоле, / на плоской поляне близ польского града Ополе....*

«Девочка в желтом сари» повествует нам о страшном обряде самосожжения девочки в желтом, в огненном сари, которая *...печально, смущаясь своей обреченности, / полулежит на газете с изображением прекрасным и в то же время контрастирующим изображением Софи Лорен. Этим обрядом заканчивается митинг протеста в Бихаре.*

Стихотворение «Случай» имеет библейский сюжет о сотворении Адама и совоокой Евы, а «Возрождение» синтезирует повествование о Ноевом ковчеге и образ появляющейся в проеме двери восточной женщины, возникновение которой автор описывает как будто в замедленной съемке, применяя сравнения и эпитеты. Новое восприятие женщины и воспевание ее в поэзии Востока открывается нам в стихотворении «Аллах запрещал нам словами касаться запретов...», когда *настали блаженства века...и свобода – нага...дозволено ныне писать обо всем...*

Отдельно затрагивается казахским поэтом национальная тематика, а именно ментальность женщин-казашек. Так в стихотворении «Догони» сквозь ироничную вуаль национальной игры «Кыз куу» отчетливо видно, как девушка любит джигита и желает, чтобы он догнал ее, как она сетует о том, что он отстает и она снова одна.

Ярко описывает поэт казашек в стихотворении «Постою у окна»: *Молчаливые девушки в белом.../ руки спелые, / глаз молодых чернослив...*, когда молодому парню предлагают кандидатуры невест, которые не очень рады такой судьбе и противятся воле своих отцов.

Таким образом, О.Сулейменовым изображены абсолютно разные образы женщин, показаны различия в их менталитете и отношении к жизни, но в то же время объединенных характерными для женской ментальности качествами. Так, он подчеркивает в ментальности матери такие черты, как любовь к своему ребенку, заботу, желание помочь преодолеть трудности и стремление передать ему те знания, которые помогут ему в жизни стать хорошим человеком, чтобы испытывать гордость за него, но в то же время показывает и то, какими матери могут быть терпеливыми, сдержанными, хотя в душе переживают все в тысячу раз больше. В любимой женщине поэт видит все положительным, отмечает ее заботу, преданность, особое отношение к мужу, он признается ей в любви, но не может подобрать нужных слов, до того его любовь сильна. О.Сулейменов показывает в сравнении женщин Запада и Востока, амазонок и половчанок, какими женщины могут быть сильными и слабыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2005. № 2. <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya>
2. Калугина Е. Н. Теоретико-методологические основы гендерных исследований в лингвистике: состояние и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 79-81.
3. Кириенко В.В. Менталитет как социологическая категория: предметное поле, структура, функции // Социология. №3. 2009. С. 85-97.
4. Манкевич Д.В. Менталитет и ментальность: к вопросу о характере и содержании понятий // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. №1. 2005. С. 12-19
5. Андреева П.А. Архетип матери, как определяющая сущность женской ментальности // Аналитика культурологии. №1. 2009.
6. http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/345-article_14-5.html
7. Сулейменов О.О. Стихи разных лет.../ Сост., отв. Ред. С. Абдулло. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

THE IMAGE OF WOMEN IN THE POETRY OF OLZHAS SULEIMENOV

Umarova Gulnar Sidegalievna.

*candidate of philological sciences, associate professor
of Philological faculty*

the Department of Russian Philology

West-Kazakhstan State University named after Makhambet Utemisov. Uralsk

E-mail: umarova_1959@mail.ru

Utarova Nurgul Taskalievna

undergraduate of 2-nd course

the specialty «Russian language and literature»

West-Kazakhstan State University named after Makhambet Utemisov. Uralsk

E-mail: nurgul_utarova@mail.ru

This article deals with the problem of gender differences in culture and mentality of a particular ethnic group: the specific female mentality, described by the famous poet O. Suleimenov. Analyzes the works of the poet, the center of which stands the image of a woman, as his own mother, his beloved wife and the image of women poets, Amazons, girls of concentration camp, etc. Defined ways of reflecting the personality of each of the female image, relationships and emotions of the poet.

Key words: gender, culture, mentality, mindset, women, image, mother, femininity.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВ ИЛИ МОНОЛИНГВ?
(ЕЩЕ РАЗ О ПОЭТИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА)**

(Публикуется по тексту в журнале «Высшая школа Казахстана»,
2001. – №4–5. С. 77–84).

Джусупов Маханбет

*доктор филологических наук, профессор,
Ташкент, Узбекистан*

Сарсембаева Аида Жагафаровна

*кандидат филологических наук, доцент,
Казахский Национальный технический университет
Алматы, Казахстан*

Творчество Олжаса Омаровича Сулейменова вызывает множество споров в филологической науке Казахстана, СНГ и дальнего зарубежья. Одним из объектов спора является проблема отнесения поэта, как к русской, так и к казахской литературе. А это значит, что до сих пор не решен вопрос: считать ли О.О. Сулейменова двуязычным поэтом (в аспекте художественной деятельности)?

В целом серьезные споры в науке вызывает отнесение творчества любого писателя к разряду двуязычных в тех случаях, когда произведения им создаются на одном языке – на языке этнически неродном.

Поэзия О.О. Сулейменова является одним из образцов такого социального явления в литературе XX века.

При исследовании двуязычия очень важно разграничивать категории билингвизма и монолингвизма, так как нередко представителей коренной национальности, говорящих только по-русски, принимают за двуязычных.

Явление, когда писатель творит на неродном языке, в отечественной лингвистике и литературоведении получило название «художественное двуязычие», «художественный билингвизм», которое можно считать условным и эпохально временным, а с точки зрения собственно лингвистической – мнимым, научно недоказательным и глубоко спорным.

Данную проблему рассматривают в своих исследованиях Н.М. Байганина, Е.М. Верещагин, Н.О. Джуанышбеков, Н. Джусойты, М.К. Каратаев, Х.Х. Махмудов, Н.Г. Михайловская, Н. Ровенский, Э.Д. Сулейменова и др.

Мнения ученых по этому вопросу различны, мы попытаемся рассмотреть их в своей работе.

Билингвизм – сложное, многоплановое явление, которое может рассматриваться с различных точек зрения как социально-психологическая, педагогическая и лингвистическая проблема. Понятие о билингвизме как о социально-культурном и лингвокультурном явлении различают в лингводидактике, социолингвистике, психолингвистике и нейролингвистике.

С позиции лингводидактики наиболее полное освещение билингвизма представлено Е.М. Верещагиным [1].

Исследователь разграничивает первичную языковую систему для внутрисемейного общения и вторичную, используемую в иных ситуациях общения. В этой связи монолингвом называется человек, использующий для общения одну языковую систему, соответственно билингвом Е.М. Верещагин называет носителя двух языковых систем.

Следовательно, билингвизм – это умения, навыки (языковые, речевые), присущие билингву. Ученый отмечает, что данное определение билингвизма встречается и в других работах, в частности, У. Вайнрайх считает, что «практика попеременного использования

двух языков называется билингвизмом, а соответствующее лицо билингвом» [2, с. 22].

Е.М. Верещагин дает психологическую типологию билингвизма по разным его аспектам:

- по числу действий, выполняемых на основе билингвизма:

1. рецептивный билингвизм (воспринимающий) – билингв понимает речевые произведения вторичной языковой системы, но не более того;
2. репродуктивный билингвизм (воспроизводящий) – билингв воспроизводит (цитирует) прочитанное и услышанное;
3. продуктивный билингвизм (производящий) – билингв не только понимает, воспроизводит речевые произведения, но и создает их.

- по соотношенности речевых механизмов различаются два типа билингвизма:

1. чистый тип (использование в данной ситуации одного языка);
2. смешанный тип (использование в одной и той же ситуации двух языков).

Впервые такая классификация была разработана Л.В. Щербой [3].

Е.М. Верещагин также поднимает проблему теории языковых контактов, которая определяется как попеременное использование двух и более языков одними и теми же лицами.

Э.Д. Сулейменова, обращаясь к общим вопросам двуязычия, поднимает проблему «смешения языков», ранее рассматривавшуюся в работах М. Кашгари, А. Шлейхера, И.А. Бодуэна де Куртене.

«Смешанный язык» испытывает влияние других языков в лексике, грамматике, фонетике. Отмечается, что наиболее значимыми классификациями двуязычия являются определения, данные:

а) Л.В. Щербой (двуязычие – это способность тех или иных групп населения объясняться на втором языке);

б) У. Вайнрайх связывает двуязычие с попеременным использованием двух языков.

Ч. Осгуд, С. Эрвин также различали чистый и смешанный тип двуязычия. «Данная типология, в особенности выделение чистого и смешанного типов двуязычия, имеет принципиальное значение для контрастивной лингвистики, прежде всего потому, что в ней зафиксирована базисность самого феномена двуязычия, зависимость способов существования двух языков от онтогенеза билингвальной личности. В конечном счете, данная классификация двуязычия связана с вопросами о сущности языка в системе общего знания и о взаимодействии двух языков (двух «знаний») в когнитивной системе билингва» [4, с. 54–56].

Процесс взаимодействия и взаимовлияния языков порождает не только билингвизм или полилингвизм, он может привести к утрате этнически родного языка и даже к смене этнической принадлежности части народа или целого народа. Этот процесс может завершиться в следующих вариантах:

1. сохранение национального самосознания при утрате языка;
2. смена национального самосознания при утрате языка (например, превращение части таджиков и уйгуров в узбеков);
3. сохранение языка при смене этнической принадлежности (например, превращение англичан в американцев).

Таким образом, за двуязычием находится опасная зона, для которой характерны утрата национального самосознания, утрата этнически родного языка, смена этнической принадлежности. Поэтому в процессе пропаганды билингвизма на государственном уровне на переднем плане должен находиться этнически родной язык, то есть язык номер один,

например, казахский, а не язык номер два, например, русский, который не является языком основного коренного народа Казахстана. Социальные функции языков в государственных, официально-деловых и других сферах должны регламентироваться на основе следующего базисного понимания государственной языковой политики: *основной коренной этнос - язык - государство*.

Сугубо социолингвистическое понимание билингвизма дает в своих исследованиях Б.Х. Хасанов: «...под двуязычием мы понимаем, прежде всего, использование двух языков в различных ситуациях» [5, с. 7]. Билингв не свободен от влияния субъективного фактора выбора языка.

Вслед за М.Н. Губогло, Б.Х. Хасанов различает:

а) языковую компетенцию (потенциальное двуязычие), то есть ту или иную степень владения одним или несколькими языками;

б) речевую деятельность (реальное двуязычие) – употребление одного или нескольких языков в разнообразных сферах жизни;

в) языковую ориентацию – психологическое отношение людей к различным языкам.

Эти категории двуязычия учитываются при изучении оверменных этноязыковых процессов, в планировании развития двуязычия.

Говоря о взаимоотношении положения «язык и общество» в плане билингвизма, исследователь принимает установленные Ю.Д. Дешериевым и В.К. Журавлевым разграничения понятий:

а) социум (сообщество людей, коллектив, общество);

б) социалема (общность людей, говорящих на одном языке: род, племя, народность, нация, языковой, речевой коллектив);

в) лингема («любой язык, обслуживающий определенную социальную общность людей: род, племя, народность, нацию») [5, с. 13].

Но каждая социалема, отмечает далее ученый, может быть представлена общностью людей, говорящих не только на одном языке, но и на двух. В связи с этим вводятся понятия бисоциалема и билингема. Первое означает «общность людей, речевое взаимодействие которых осуществляется на двух языках», второе – «два языка, обслуживающие определенную социальную общность людей» [5, с. 14].

Двуязычие – явление двухкомпонентное. Если отсутствует один из компонентов, то оно теряет свой лингвистический статус и превращается в одноязычие. «... Двуязычным билингвом считается тот, кто параллельно или попеременно пользуется двумя языками в тех или иных ситуациях в определенном социуме. Индивид, пользующийся одним языком, независимо от того, является ли он языком его или другой национальности, признается одноязычным. Поэтому очень важно четко дифференцировать категории двуязычия и одноязычия. Об этом следует говорить хотя бы потому, что нередко представители нерусской национальности, говорящие исключительно по-русски, принимаются даже лингвистами за двуязычных» [5, с. 16].

Разные аспекты двуязычия (лингвистический, социолингвистический, философский, педагогический, психологический и др.) Б.Х. Хасанов предлагает изучать во взаимосвязи и дает определение двуязычия в различных планах. Ученый приходит к выводу, что «двуязычие состоит из двух компонентов: одним из них должен быть родной язык, другим – второй язык, приобретенный» [5, с. 34], что, в общем-то, абсолютно верно и общеизвестно, а потому такое определение является аксиомой.

М.Н. Губогло считает, что «родной язык» – это психологическая категория, так как она «отражает не столько то, когда, с кем, о чем, как часто по какому поводу и как долго разговаривает человек, на каком языке он пишет, читает и думает, а, сколько то, как с

помощью языка он выражает свою принадлежность к определенной нации или народности. Выделение в понятии «родной язык» его этнопсихологической сущности позволяет рассматривать его двояко: и как относительно самостоятельный этнический определитель, и как составную часть этнического самосознания, и даже шире – этнического сознания» [6, с. 263].

Подобное умозаключение может выступать объективно научным в том случае, если этническая принадлежность индивида или общества и его язык как орудие речевой деятельности совпадают генетически, что является, как правило, нормой.

Согласно точке зрения У. Вайнрайха, двуязычие – практика «попеременного пользования двумя языками», а индивидуумы, осуществляющие такую речевую деятельность, являются билингвальными [2, с. 22].

Э. Хауген при исследовании теории языковых контактов на первый план выдвигает проблему речевой интерференции [4, с. 61-80].

Л.К. Жаналина определяет двуязычие как многозначный термин:

1) языковые контакты, создающие ситуацию языкового окружения, которое влияет на развитие языка и вызывает в нем изменения в виде заимствований, конвергенций;

2) владение двумя (и более) языками, то есть поочередное использование двух (и более) языков одними и теми же лицами [7, с. 19].

Отсутствие единого определения двуязычия сказалось на различиях в подходе к его изучению.

Итак, многими учеными, при исследовании двуязычия на передний план выдвигается проблема речевой интерференции, которая изучается, прежде всего, в сопоставительной лингвистике и служит для социальных, образовательных (учебных) целей. (О речевой интерференции подробно см. 8, с. 147-175).

В этой связи при изучении билингвизма необходимо особо выделить следующую точку зрения, согласно которой «...двуязычие существует в речи, а не в языке. В языке находят выражения результаты двуязычия, но двуязычие как процесс существует только в речи. Изучение двуязычия как живого процесса, как непосредственной речевой деятельности поможет успешно разработать чрезвычайно актуальные вопросы культуры речи и стилистики неродной речи» [9, с. 21]. Такое понимание двуязычия –доминирующее среди лингвистов и лингводидактов.

Следовательно, билингвизм как многоплановая проблема охватывает социальный (социолингвистический, лингвотипологический, функциональный), психологический (психолингвистический, этнопсихологический) и нормативный аспекты и др. Исследование каждого аспекта двуязычия осуществляется в тесной взаимосвязи с другими аспектами.

Таким образом, двуязычие в собственно лингвистическом понимании – это использование индивидом, обществом языковых единиц двух языков как средства общения. Иначе: двуязычие – это осуществление индивидом или обществом речевой деятельности на двух языках. При этом степень совершенства ведения двуязычной речевой деятельности человеком определяет не только сам факт билингвизма, но и (прежде всего) его уровни, то есть виды (смешанный, автономный и др.).

Существенным в билингвизме является владение двумя языками. Уровень владения ими определяет типы двуязычия. Так, если для билингва не осуществляющего художественную деятельность достаточно правильное восприятие, понимание речи на втором языке и правильная языкоречевая (устная или письменная) реакция на иноязычные сигналы, что является доказательством наличия акта речевого общения (коммуникации) на втором языке, то для билингвальной художественной деятельности этого совершенно недостаточно.

Поскольку осуществлять двуязычную художественную деятельность поэтически одаренный индивид должен в совершенстве, то есть в полигранных тонкостях владеть и уметь эстетически пользоваться материалом этнически неродного языка, так как главной дополнительной функцией языка художественной литературы (художественного стиля) выступает эстетическая функция.

Итак, основными критериями отнесения художника слова к писателям билингвам являются:

- а) знание двух языков в совершенстве;
- б) писательский талант;
- в) оформление художественных произведений на двух языках, то есть создание двух национально-языковых художественных текстов.

Последний (третий) критерий является главным, потому что писатель может в совершенстве владеть двумя языками, обладать большим талантом, но оформлять свои художественные произведения на одном языке. В этом случае он не является билингвальным писателем.

В области литературно-художественной деятельности можно говорить о трех типах двуязычия, из которых только первый тип является доказательством самостоятельной писательской деятельности художника слова на двух языках:

1. Полное (совершенное) двуязычие (оформление одним писателем художественного произведения на каждом языке самостоятельно, то есть на двух языках раздельно).
2. Смешанное двуязычие (оформление художественного произведения на одном языке с фрагментарным использованием языковых единиц второго языка).
3. Скрытое двуязычие (оформление художественного произведения на одном языке с использованием элементов второго языка в виде калек и т.п.).

Для О.О. Сулейменова, как писателя, свойственны второй (смешанный) и третий (скрытый) типы художественного билингвизма, то есть О.О. Сулейменов – писатель монолингв, оформляющий художественные произведения на русском языке.

Итак, перед нами встает вопрос: считать ли О.О. Сулейменова двуязычным поэтом? А если не считать, то к какой литературе (к русской или к казахской) можно отнести его творчество?

В научной литературе эта проблема однозначно не решается. Существуют разные (порой неожиданные) точки зрения:

1. В «Краткой литературной энциклопедии» творчество О.О. Сулейменова характеризуется как условный билингвизм, а сам поэт определяется казахским поэтом. [10]. А что такое «условный» билингвизм? Где его критерии и границы? Термин «условный» порождает много неясностей. На уровне художественной деятельности писатель или пишет на двух языках, или не пишет. Третьего не существует, а, следовательно, и не существует «условного художественного билингвизма».

2. М.К. Каратаев подчеркивает, что в поэзии О.О. Сулейменова национальную окрашенность, казахский колорит не приходится искать и доказывать, так как всего стихи и поэмы – это творчество казахского поэта, усвоившего достижения новейшей поэзии. «Может быть, это покажется парадоксальным, но в стихах О.О. Сулейменова, которые он пишет по-русски, национального – казахского – не меньше, чем в стихах многих поэтов, пишущих на казахском языке» [11, с. 383].

Казахская тема не является показателем принадлежности художника слова к казахской литературе. Если с этих позиций подходить к определению национально-литературной принадлежности писателя, то, например, Исай Калашников («Жестокий век»)

не русский писатель, а монголо-казахо-татарский, что совершенно неверно. Писатель любой национальности в своих произведениях может обращаться к истории, обычаям и традициям другого народа и оформлять свое произведение на этнически другом, для этого народа языке, то есть родном языке для художника. Однако это не является показателем принадлежности его к национальной литературе народа, историю, обычай и традиции которого он описывает в художественной форме.

3. Х.Х. Махмудов, анализируя творчество О.О. Сулейменова, называет его казахским национальным поэтом [12, с. 103-109].

Возникает серьезный вопрос: Может ли поэт, пишущий только на этнически неродном языке, быть национальным поэтом своего этноса? Этот вопрос порождает и другие не менее серьезные и сложные вопросы. Может ли А.С. Пушкин считаться национальным поэтом Эфиопии? Может ли Б. Ахмадулина считаться татарским национальным поэтом?

4. Н.М. Байганина отмечает, что к поэзии О.О. Сулейменова следует подходить как к творчеству двуязычного поэта: это русскоязычное творчество казахского поэта [13, с. 3].

Да, безусловно, О.О. Сулейменов вне сферы художественной деятельности – билингв и даже полилингв. Но оформляет свои художественные произведения только на русском языке, то есть его художественная деятельность – монолингвальная. Вкрапления же языковых элементов из казахского языка – художественный прием, усиливающий образную систему русского языка, русской речи, русского художественного текста, а не казахского...

5. Н.Г. Михайловская утверждает, что «билингвизм проявляется в современном знании писателем своего национального и русского языка» [14, с. 29].

Да, это, действительно, так. Однако это вне сферы художественно-литературной деятельности.

6. Г.А. Кажигалиева отмечает билинговокультуральную природу творчества О.О. Сулейменова. «Произведения, написанные на русском языке, транслируют ценности казахской культуры. Герои О. Сулейменова говорят по законам русского языка. А язык – это главная знаковая система культуры. Могут ли быть в таком случае адекватно прочитанными и понятыми их произведения русскоязычными читателями? Можно ли в таком случае их творения считать достоянием русской культуры? В произведениях, созданных О. Сулейменовым на русском языке, живет иная культура, иной национальный менталитет, иная художественная картина мира. С помощью русского языка передается иерархическая система казахских культурных ценностей и смыслов: автор «кодирует в системе русских языковых (текстовых) единиц ценности родной культурологической системы. Русский язык играет роль «вторичного» языка, «механического передатчика неродной ему аксиологической системы, т.к. последняя вырабатывалась, формировалась, приобретала устойчивые сущностные характеристики национально-культурных ценностей в недрах родного национального языка» [15, с. 210 – 211].

В истории мировой литературы было немало случаев, когда писатель, принадлежавший по своему рождению к одной национальности, создавал произведения на языке другой национальности.

Так А.С. Пушкин, В.К. Тредиаковский и другие русские писатели писали и на русском, и на французском языке. В. Кюхельбекер, В. Жуковский и другие – на немецком языке. Билингвизм в русской литературе XVIII-XIX веков был хорошо развит. Однако все они остались, прежде всего, русскими писателями, так как в их художественной деятельности доминировал (как качественно, так и количественно) русский язык. В случае с О.О. Сулейменовым казахский язык (этнически родной) не является доминантным языком его художественной деятельности. В данном случае и доминантным, и единственным языком художественной деятельности является этнически неродной – русский язык.

Традиционно одним из критериев принадлежности писателя к той или иной национальной литературе является его этническое происхождение. Но тогда вспоминаются такие имена как М. Шагинян (армянка по происхождению), но все художественные произведения создавшая на этнически неродном – русском языке, то есть русская писательница; Дж. Конрадт, Г. Апполинер – этнические поляки, но являющиеся яркими представителями английской и французской литературы; Илья Эренбург – русский писатель, русский интеллигент, но еврей по национальности; С. Шарипов, татарин по национальности, но казахский писатель, писавший свои художественные произведения на казахском и русском языках и т.д.

Таким образом, этническое происхождение не всегда может быть главным определителем принадлежности творчества к той или иной национальной литературе. Почти всегда таким определителем является язык оформления.

Этническая принадлежность писателя не всегда может быть решающим критерием при отнесении его к той или иной национальной литературе.

Н.М. Байганина, основываясь на дифференциации литературно-художественного двуязычия как открытого, смешанного и скрытого отмечает, что в произведениях О.О. Сулейменова сконцентрирован богатый материал для изучения «скрытого двуязычия», когда элементы второго языка присутствуют в произведении в виде калек, заимствованных приемов, образов и т.п. [13, с.16]. Однако это не является доказательством того, что О.О. Сулейменов является писателем, пишущим на казахском языке. О.О. Сулейменов в отличие от таких художников слова, как Дж. Конрадт, Г. Апполинер, в процессе художественного творчества часто и глубоко поэтически обращается к традициям родной (казахской) литературы и казахского языка.

Итак, принадлежность писателя к той или иной национальной литературе определяется, прежде всего, языком оформления произведений. Этнос и география в данном случае не являются главными критериями. В литературе главным критерием принадлежности к конкретной художественной национальной культуре является язык художественной деятельности. Например, в архитектуре несколько иное положение. Так, русский или арабский архитектурный памятник может находиться в центре другого национального государства. Этот памятник хотя и является национальным достоянием, например Италии или Испании, но по стилю он определяется русским или арабским. В памятниках же языковой художественной культуры стиль языка и речи нерасчленим от национального языкового мышления и менталитета.

Выражения из этнически родного языка в данном случае являются элементами обогащения языка деятельности (в нашем случае – русского языка) и соответствующего национального менталитета, а не языка этнической принадлежности писателя и менталитета (в нашем случае – казахского). Именно поэтому О.О. Сулейменов – известный русский поэт. Но с другой стороны О.О. Сулейменов видный общественный деятель Казахстана и ученый, способствующий возвышению национального сознания казахов.

Следовательно, на современном этапе развития филологической науки наиболее правильным определением личности О.О. Сулейменова, на наш взгляд, будет следующее: О.О. Сулейменов – известный русский поэт, крупный казахский общественный деятель и ученый.

С этих позиций национальным достоянием является сам ученый, а его открытия становятся достоянием человечества. В художественной деятельности чаще всего не так. В сфере художественной деятельности произведение является, прежде всего, национальным достоянием этноса, на языке которого оно оформлено. В связи с этим писатель также становится национальным достоянием данного народа, хотя этнически (генетически) может

и не иметь к нему отношения.

Таким образом, мы еще раз подчеркиваем, что в сфере художественной деятельности на первый план, прежде всего, выдвигается язык оформления произведения писателем, а не его этническое происхождение.

В истории человечества много фактов, когда писатель или ученый, оформлявший свои произведения на этнически неродном языке, со временем становился национальным достоянием и родного этноса, например, писавшие в основном на арабском языке, или фарси, или тюрки – аль Фараби, Ахмет Яссави, Мухаммед Хайдар Дулати и многие другие. В случае с их художественными произведениями они стали национальным достоянием казахов через художественный перевод их на современный казахский литературный язык. А формирование их научных произведений в качестве казахского национального достояния (наравне с общечеловеческим) еще раз подтверждает тот факт, что наука – явление наиндивидуальное, наднациональное. Поэтому О.О. Сулейменов как ученый-исследователь является представителем казахского народа, казахской научной мысли, хотя результаты его научных изысканий – «Аз и Я», «Язык Письма» и другие являются планетарными.

О.О. Сулейменов при жизни стал национальным достоянием казахского народа. Но в качестве крупного казахского (казахоязычного) поэта он может стать национальным достоянием при стечении определенных обстоятельств. Тогда, когда его поэтические произведения, давно переведенные на казахский язык, будут признаны классическими, войдут в казахские школьные учебники и т.п., будут объектом и предметом исследования большого круга специалистов по казахской поэтике и в целом литературы, то есть, когда поэзия О.О. Сулейменова будет восприниматься исконно казахской, когда ее переведенность с русского языка не будет ощущаться читающим.

Решение этих и других гуманитарных проблем решает и временную проблему, то есть со стечением времени, например, О.О. Сулейменов будет восприниматься не только крупным самобытным русским поэтом, но и (а, может быть и, прежде всего) крупным самобытным казахским поэтом.

Первые серьезные шаги в этой области (включение произведений О.О. Сулейменова в школьные и вузовские программы и учебники по русской литературе) уже осуществлены. Казахская же школа и факультеты казахской филологии уже долгое время хотят видеть поэзию О.О. Сулейменова (давно блестяще переведенную на казахский язык), включенной в свои программы и учебники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарсембаева А.Ж. Классификация анафор по типу рифмовки в поэзии Ол-жаса Сулейменова // Вестник КазНУ. Серия филологическая.-Алматы, 2000. - №9(43). - С. 46 - 49.
2. Сарсембаева А.Ж. Анафора, основанная на синтаксическом параллелизме в поэтическом синтаксисе Олжаса Сулейменова/УФункциони-рование языковых единиц и категорий: Межвузовский сборник научных трудов. - Алматы: АГУ им. Абая, 2000. - С. 55 - 62.
3. Сарсембаева А.Ж. Поэтический синтаксис О. Сулейменова//Русский язык в социально-культурном пространстве XXI века: Международная конференция МАПРЯЛ. Тезисы докладов и сообщений. - Алматы, 2001.-С. 86-87.
4. Сарсембаева А.Ж. Классификация лексической анафоры на материале поэзии Олжаса Сулейменова (1961 - 1963 гг.)//Мир языка: Материалы второй международной научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию профессора М.М. Копыленко. - Алматы: КазГУМОиМЯ, 2001. -С. 355-360.
5. Сарсембаева А.Ж. Сочетание традиций русского и казахского стихосложения в поэзии О. СулейменоваШоиск. - Алматы, 2001. - №6. - С.66 - 70.

6. Сарсембаева А.Ж. Художественный билингв или...монолингв? (О поэтическом феномене О.О.Сулейменова)//Высшая школа Казахстана, 2001. - №4-5. - С.77 - 83 (в соавторстве).
7. Сарсембаева А.Ж. ИмPLICITный художественный билингвизм (на материале поэзии Олжаса Сулейменова)//Билингвизм и диглоссия. Современные проблемы: Тезисы докладов Седьмой международной конференции по социолингвистике. Международное социолингвистическое содружество, София 2002, - С.247 - 248.
8. Сарсембаева А.Ж. Поэзия Олжаса Сулейменова как результат межэтнической коммуникации//Межкультурная коммуникация и актуальные проблемы казахской, русской филологии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Году России в Казахстане и 60-летию КазГосЖенПИ. Алматы, 29-30 октября 2004. -С. 511-517.
9. Сарсембаева А.Ж. Когнитивный аспект анафоры в поэтическом дискурсе О. Сулейменова// Вестник КазНУ. Серия филологическая. -Алматы, 2005. - №1(83). - С. 21-23.

ИСТОЧНИКИ

1. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М.: МГУ, 1969. –160 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования, / (Предисловие А. Мартине).– Киев: Вища школа, Изд-во при Киевском ун-те, 1979. – 263 с.
3. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. - Т.1. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. - 182 с.
4. Хауген Э. Языковой контакт//Новое в лингвистике Вып.6: - Языковые контакты. - М.: Издательство «Прогресс», 1972.– С.61-80.
5. Хасанов Б.Х. Казахско-русское двуязычие (социально-лингвистический аспект). - Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1987. – 196 с.
6. Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы национально-русского двуязычия.–Л.:Наука, 1984.–288 с.
7. Жаналина Л.К. Подготовка учителя – билингва в педагогическом вузе.–Алматы: Ана тілі, 1993.– 192 с.
8. Джусупов М.Д. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению.- Ташкент: ФАН, 1991.- 240 с.
9. Михайлов М.М. Об изучении проблемы двуязычия // Язык и общество, (Сб. статей). – М.: Наука, 1968. – 255 с.
10. Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1978. - 969 с.
11. Каратаев М.К. Дым Отечества: об Олжасе Сулейменове // От домбры до книги. Статьи. – М.: Советский писатель, 1969. – 397с.
12. Махмудов Х.Х Олжас Сулейменов – поэт и филолог// Простор, 1969. – С. 103-109.
13. Байганина Н.М. Специфика поэтического языка Олжаса Сулейменова: Дисс. канд. фил. наук. – СПб, 1991. – 188 с.
14. Михайловская Н.Г. О художественном билингвизме в творчестве советских писателей//Русский язык в национальной школе, 1984. – №6. – С. 29-32.
15. Кажигалиева Г.А. Лингвокультурологический аспект в работе на художественным текстом (на материале преподавания русского языка студентам-филологам русско-казахских отделений): Дисс. доктора педагогических наук. – Алматы, 2001. – 418 с.

**К СЛОВУ ОБ ОЛЖАСЕ СУЛЕЙМЕНОВЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Брагина Марина Александровна
кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языка №1
Москва, Российский университет дружбы народов

Золотых Екатерина Аркадьевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Москва, Российский университет дружбы народов

Глобализация в политике, состоящая в ослаблении национальных государств; глобализация в экономике, подразумевающая свободную торговлю и свободное перемещение капиталов; глобализация в культуре, характеризующаяся ростом международного общения, – именно это и есть, по сути, процесс возникновения мировоззрения так называемого «мирового гражданства», то есть космополитизма, когда общечеловеческие интересы и ценности ставятся выше интересов отдельной нации, то есть вопросы взаимодействия и взаимопроникновения всех направлений человеческой мысли становятся основополагающими, требующими системного осмысления развития человеческой мысли.

Самое удивительное состоит в том, что процесс глобализации не затрагивает такую область, как лингвистика: филолог, получивший высшее образование, имеет всего лишь две специализации – специалист в области языка и специалист в области литературы. При этом специализация в области языка почему-то не подразумевает понимание системности процессов как отдельно взятого языка, так и процессов взаимодействия с другими языками: можно быть прекрасным специалистом в морфологии, но абсолютно не ориентироваться в словообразовании; парадоксальность этого явления вызвана тем, что многоликость и многосодержательность языка как феномена человеческого познания и общения приводит к тому, что разные аспекты языка изучаются как совершенно разные предметы исследования. Именно об этом Михаил Моисеевич Бонгард, выдающийся советский кибернетик, один из основоположников теории распознавания образов, написал ещё в 1967 году: «Если перед нами два класса – животные и растения, то куда отнести сковородку?» [М.М. Бонгард «Проблема узнавания»].

Из проблемы изолированного изучения структуры языка, разумеется, появляется проблема сопоставительного изучения родного языка с другими языками, причём необходимость в изучении первооснов взаимодействия имеет как теоретическую, так и практическую ценность. Именно изучение такого формата взаимодействия позволит выявить у слова не только лексическое и грамматическое значение, но и обнаружить у звуковой оболочки, может быть, даже и сакральный смысл. Причём исследование взаимодействий языков не должно ограничиваться выяснением этимологии слова целиком («Этимологический словарь» М. Фасмера). Кроме того, недостаточными для понимания сущности языка представляются и словарные статьи, ограничивающиеся информацией о месте заимствования того или иного слова и дополнительных значений в языке-доноре. **«Этимология славянских языков будет качественной лишь при совместном (хотя бы последовательном) приложении сил не одних только славистов или германославистов, но и балтославистов, угрофиннославистов и др.»**, – сказано О. Сулейменовым в книге

«Тюрки в доистории» [М.: 2002, С.285]. То есть никакого протюркизма – лишь призыв к совместной работе и исследованиям. Почему до сих пор мы отказываемся от сотрудничества?

«Возникновение говорения и есть таинство языка», – сказал французский философ Поль Рикер. Достаточно подробно вопрос о современных тенденциях в проблематике, касающейся происхождения и взаимодействия языков, рассмотрела У.М. Бахтикиреева в статье «О новых лингвистических гипотезах» (2008). Хотелось бы сакцентировать внимание на одной из сторон исследуемого вопроса: в любом учебнике по введению в языкознание, в трудах великих русских лингвистов (в частности – А.А. Реформатского) последовательно проводится одна мысль – заимствование слов обусловлено прежде всего экономическими факторами и возможно только в форме полного заимствования слова с незначительными фонетическими метаморфозами, обусловленными законами того или иного языка, в остальном же каждый язык следует только своему пути развития (читай – принципам создания как новых форм слова, так и собственно новых слов).

Кроме того, так как до сих пор в современной лингвистике действует аксиома об общественной роли языка (но почему-то с оговоркой – *особой* роли языка), то и вопрос о возникновении языка (даже при разделении этого вопроса на две составляющие – о происхождении языка вообще и об образовании реально существующего языка) в связи с невозможностью объективной реконструкции общественно-политического строя той или иной эпохи снимается с повестки дня, а существующие гипотезы носят описательный характер, не предлагая ни методики исследования, ни конкретных результатов и выводов.

О сложностях исторической реконструкции слова говорил и В.В. Виноградов: «... больше опасности при изучении истории отдельных слов оторвать судьбу слова от живых и изменчивых конкретных процессов в истории языка и исказить ход семантических изменений. Такое искажение иногда вызывается внушениями современности, модернизацией языкового прошлого. В самом деле, насколько всеобща, типична, и на какое время действительны семантико-грамматические связи понятий?» [В.В. Виноградов «Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования»], однако дальше с горечью констатировал: «Однако лексикология еще не может представить таких глубоких и разносторонних обобщений и выводов из своих исследований, как наука о грамматическом строе разных языковых систем и типов. Это несоответствие отчасти объясняется тем, что история лексического строя многих языков почти вовсе не изучена. Так, можно решительно утверждать, что историческая лексикология русского языка вообще, а литературного, в частности, еще только в зародыше».

На основании вышеизложенного, возникает ещё один вопрос: почему современная лингвистика так упорно отстаивает положение о заимствовании слова только целиком, отрицая возможное заимствование всех формантов слова (от произношения – метод транслитерации разве не есть то самое фонетическое заимствование? – до заимствования частей слова). И это тезис влечёт за собой ещё одно заблуждение: одно и то же грамматическое явление в разных грамматиках называется по-разному.

Ещё один фактор, без которого ни историческая реконструкция слов в их развитии, ни разработка методологии и инструментов исследования невозможна и о котором необходимо сказать, – это личность учёного-исследователя. Наибольший успех в любой области человеческой деятельности имели прогнозы не узких профессионалов, а людей, находившихся вне принятых в данное время научных парадигм и сочетающих, казалось бы, несочетаемые, взаимоисключающие акцентуации личности: таким был К. Циолковский, абсолютно несоответствующий имиджу учёного его эпохи, но опередивший её на бесконечность; такими были и Леонардо да Винчи, М.В. Ломоносов, А. Эйнштейн и другие гиганты человеческой мысли, благодаря озарению которых всякий раз совершался

прорыв из одного горизонта знания в другой. В 1976 году Мурат Ауэзов в атмосфере развернувшихся гонений на книгу «Аз и Я» писал о том, что О.О. Сулейменов предстает в ней «? ...и как славист, тюрколог, шумеролог; и как историк, лингвист, литературовед, философ; и как этнограф, палеограф, знаток летописей; и как поэт, драматург, публицист; и как гражданин, общественный деятель» [Цит. по У.М. Бахтикиреевой «О новых лингвистических гипотезах»]. «Объединённые в одной личности эти грани» формируют учёного-исследователя, который сформулировал главный вопрос языкознания – вопрос о причинности слова, состоящей в образности знака.

Предположим, что нам показали картинку, на которой мужчина тащит к пещере убитого мамонта. И сейчас, в XXI веке, и в период какого-нибудь палеолита эта картинка будет расшифрована абсолютно одинаково. Значит, задача, состоящая в сопоставлении знаков-иероглифов, вычленении значимых контекстов употребления этого знака, сопоставление этого контекста с географическими, историческими и социальными аспектами, выявление всех возможных семантических связей превращает поначалу кажущуюся неразрешимой одномерную задачу этимологизации слова (как отдельно взятой величины, вырванной из контекста) в модель трёхмерную, объёмную; вместо тёмных закрытых сторон мы представляем себе исследуемый объект во всей многоплановости конструкции. Разумеется, по одному анализу ни один врач не возьмётся поставить диагноз причин сбоя работы человеческого организма – потребует всестороннее тестирование и обследование вызывающих подозрение систем. Методом О. Сулейменова предусмотрена действительно полная диагностика: «Восстановлению первоиероглифа помогают его явственные отпечатки в значениях слов. Особенно в названиях предметов, созданных по образу знака» («Язык письма», С. 85). Значит, исследования О. Сулейменова могут дать ответ не только на вопросы, связанные с возникновением языка как осмысленной речи и языка как письменности, но и установить некоторые логические связи между отдельными разделами языкознания.

Математические знаки «+» и «-» абсолютно легко читаются и на русском, и на японском. Впрочем, не только эти, но и остальные математические знаки вполне интернациональны и практически не зависят от языка, используемого в той или иной стране. Вопрос об исторических предпосылках универсальности математических обозначений в разных языках тоже подвергся всестороннему анализу О. Сулейменова, очевидно, впрочем, что языки возникли гораздо раньше математической нотации, ведь буквенные обозначения для неизвестных величин появилось еще в III веке у Диофанта.

Л.В. Щерба в работе «Очередные проблемы языковедения» (1945) выдвинул идею активной (функциональной) грамматики, предполагив, что в отличие от обычного пассивного аспекта грамматики, при котором исходят из форм слов, исследуя их синтаксические значения, активная грамматика могла бы рассмотреть вопросы о том, как «выражается та или иная мысль. Например: как, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще?» [Л.В. Щерба *Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974, С. 56]. Не возьмём на себя смелость предположить, что Л.В. Щерба говорил о значимости морфем/морфов, причём значимости не только грамматической, но и лексической. В русском языке аффиксальные морфемы не могут самостоятельно образовывать слово, только в сочетании с корневыми морфемами, то есть некорневая морфема не имеет собственного лексического смысла и вычленяется в сопоставлении групп слов, в которых она повторяется. Возникает только один вопрос: почему именно эта морфема выбрана для создания слов одной группы, если в изолированном варианте эта морфема нам не даёт никакого смысла? Сочетание – ств- бессмысленно, не имеет значения; но в словах *большинство*, *братство*, *агентство* и т.д. это сочетание звуков приобретает грамматический смысл. Однако возникает вопрос: со

всеми ли морфемами происходит подобное? И все ли морфемы (в соответствии с теорией, что грамматическое структурирование языка есть явление исконно родное, присущее только данному конкретному языку), выполняющие функцию по созданию как нового слова, так и формы уже существующего, носят исконно родной характер? Ещё одна аксиома – суффиксы могут быть словообразующими и формообразующими. Словообразующий суффикс – без собственного значения? Именно этот постулат отстаивает современная традиционная лингвистика. Однако О. Сулейменов приводит другой факт: «Ср. *iang→*iong→iung – юный (герм.); *iun – юн (слав.); *iung →iuns – «юнак», «юнош(а)» (слав.); unk – «уноша», «уность» (др.русс); *unuk – «внук» (др.русс.), - onok – уменьшительный суффикс (др.русс.) [О. Сулейменов «Язык письма», Алматы-Рим, 1998, С. 103].

Значит, *котёнок, поросёнок, жеребёнок* – по сути сложносокращённые слова, ведь словообразующий суффикс имел вполне реальное корневое происхождение и, соответственно, имел собственное лексическое значение.

Ещё одна аксиома, внушаемая практически со школьных времён: начальной формой глагола является инфинитив, и именно он лежит в основе всех дальнейших метаморфоз, происходящих с глаголом: «Инфинитив – это исходная форма глагола, называющая действие (состояние и др.) как процесс без морфологически выраженных категорий лица, числа, времени и наклонения» [СРЯ: Учебник. СПб.: изд-во «Лань», 2001, С.542]. Однако в «Исторической грамматике русского языка» В.В. Иванова находим следующее: «По своему происхождению инфинитив является не глагольной, а именной формой: он представляет собой застывший дат.местн.пад.ед.ч. отглагольного существительного, склонявшегося по древним основам на –i. Это имя было втянуто в систему глагола и получило глагольные категории вида и залога» [В.В. Иванова «Историческая грамматика русского языка». Учебник для пед ин-тов по спец. «Русс. яз и лит.» - М.: Просвещение, 1990; С.355]. То есть постулат о том, что именно от инфинитива образуются отглагольные существительные и другие формы глагола вызывает сомнение: зачем отглагольному существительному образовываться от инфинитива, если оно само в своё время образовало этот самый инфинитив? О. Сулейменов выдвигает гипотезу об императиве как основе для образования многих слов, в том числе и русских. При этом во многих языках императив имеет нулевой показатель, т.е. просто совпадает с основой глагола. В русском языке тоже есть императивы, совпадающие с основой, но так устроены не все русские повелительные формы. Однако этот вопрос требует дальнейшего исследования. Кстати, знаете, какой вопрос мучит каждого второго школьника? Чем является –ть в глаголе – суффиксом или окончанием. Так что практическая ценность предлагаемых методов исследования сомнений вызывать не может.

Нельзя с небрежностью относиться к появляющимся теориям и гипотезам, особенно если к теории прилагается метод исследования. И в этом аспекте труды О. Сулейменова требуют осмысления, диалога, дискуссии и всестороннего исследования.

Мы с удовольствием исследуем процессы, происходящие в современном русском языке, как будто боимся оставить потомкам материал для исследования, то есть пытаемся решить вопросы высшей математики, забыв выучить таблицу умножения: не волнуйтесь, наши дети найдут чем заняться, но вот то, что мы должны сделать, остаётся неисследованным:

□ изучение всех систем языка в их взаимосвязи, взаимодействии и взаимовлиянии;

□ изучение систем родного языка в сопоставлении с другими языками, причём как на уровне заимствований слов, так и грамматических заимствований;

□ изучение систем языка в традициях междисциплинарных исследований, и прежде всего философии;

□ изучения систем языка не ради изучения, а ради практической ценности.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ «ЯЗЫКОВИДЕНЬЯ» В СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Брагина Марина Александровна

кандидат педагогических наук, доцент,

зав. кафедрой русского языка №1

Москва, Российский университет дружбы народов

XXI век, характеризуясь волной эпохальных и базисных инноваций, преобразующих общество, обещает многое дать человечеству: активно внедряются нанотехнологии, построен Большой адронный коллайдер, способный подтвердить или опровергнуть общую теорию относительности и квантовую теорию поля, химия изобретает новые материалы, в медицине проводится вакцинация злокачественных опухолей, и всё чаще ведутся разговоры о глобализации во всех областях человеческой деятельности – в технологиях и экологии, экономике и социально-политических отношениях, науке и культуре, этике и религиозной жизни, и именно перед лицом глобальных проблем, затрагивающих сами основы человеческого существования, цивилизациям Востока и Запада предстоит заново мобилизовать весь свой культурный и творческий потенциал, особенно в области родного языка, потому что именно с него начинается познание мира.

Проблем в преподавании русского языка как родного более чем достаточно. Уже много написано и о том, что школьная программа построена таким образом, как будто мы уже заранее определили судьбу ученика – быть ему филологом, и никак иначе, и о том, что наши дети слабо представляют себе родной язык как систему, и о том, что родное слово для ученика – всего лишь бессмысленный набор звуков, не создающий ни образа, ни понимания философского смысла, и о том, что наши дети не умеют образно, красочно и содержательно выражать свои мысли, и о том, что формат итоговой аттестации позволяет испытать незабываемый стресс, но никак не проверить знания и творческий потенциал ребёнка.

«Образование – это то, что остаётся, когда всё выученное забывается», - сказал лауреат Нобелевской премии по физике Макс фон Лауэ. На наш взгляд, именно этот принцип должен быть положен в основу современной методики обучения русскому языку, - принцип, который О.О. Сулейменов назвал «языковиденье». «Теория произвольности слова (Соссюр) порождена лингвистикой, не способной восстановить словообразовательную модель, мотивировать причину акустической формы лексемы и её значения», - написал известный лингвист в 1998 году (О. Сулейменов «Язык письма»). И далее – «Причинность слова – образный знак». Невозможно воспринимать выводы знаменитого исследователя как гипотезу, так как О. Сулейменов предлагает и метод исследования, и конкретные результаты и выводы, позволяющие не только понять природу слова, но и наполнить звуковую оболочку тем смыслом, которые так необходим человеку, использующему слово как инструмент познания и передачи информации, инструмент для выражения эмоций, чувств и знания. Без дальнейших исследований в этом направлении мы вполне будем соответствовать невежде, который пытается заколачивать гвозди микроскопом.

И.А. Ильин, русский философ (1883-1954), в работе «О русском правописании» писал: «Всякій языкъ есть явление не простое, а сложное; но въ этой сложности все въ языкѣ взаимно связано и обусловлено, все слито воедино, все органически сращено... Само собой разумѣется, что и фонема и морфема служатъ смыслу, который онѣ стараются вѣрно и точно выразить и которымъ онѣ внутренне насыщены. Безсмысленные звуки – не образуютъ языка. Безсмысленные суффиксы, падежи, спряженія, мѣстоименія, глаголы и предлоги, дополненія – не слагаютъ ни рѣчи, ни литературы. Здѣсь все живетъ для смысла, т. е. ради

того, чтобы вѣрно обозначить разумѣемое, точно его выразить и вѣрно понять». Если уж части слова внутренне насыщены смыслом, а не только грамматическим содержанием, то что уж тогда говорить о слове целиком? Слово, обладающее значительно более глубоким смыслом, рассматривается нашими детьми всего лишь как существительное, изменяющееся по числам и падежам.

И ещё одно. Задав вопрос любому учащемуся о роли и значении русского языка, вы тут же получите ответ, что «...русский язык – самый великий и могучий язык в мире». Никто не собирается отрицать сей постулат, но русский язык стал великим и могучим не сам по себе, не в отдельно построенном шалаше на полянке Древней Руси – русский язык стал таким именно потому, что взаимодействовал с другими языками (в частности – с тюркскими), впитывал, развивался и совершенствовался. В школьной же программе взаимодействие языков до сих пор преподносится на уровне заимствований целых слов: *колчан, сарафан, поэзия, литература*. Однако при таком подходе тем более возникают следующие вопросы: если взаимодействие языков ограничивается только заимствованием слов, то каким же образом писатели и поэты (особенно билингвы) ухитрились создавать произведения, которые передают всю полноту и образность содержания, особенности мировоззрения и мировиденья именно на русском языке? Чингиз Айтматов создавал свои повести и романы и на русском, и на киргизском языке, значит, находил в русском языке средства, необходимые для передачи художественных образов иной культуры (отличной от русской), используя те возможности русского языка, которые наиболее приспособлены для выражения тюркской культуры? И эта сторона взаимодействия языков тоже рассматривается современной лингвистикой, на наш взгляд, однобоко. (Только в последние 3-4 года стали появляться работы, направленные на осмысление и описание *высокой кодируемости русского языка, его особой функции - быть одним из средств выражения иной («чужой») культуры.*)

Мы рассматриваем слово в эксплицитном и имплицитном направлении, но не задумываемся над тем, откуда это слово взялось; анализируем следствие, а не причину; рассматриваем контекст, забывая, что само слово создаёт этот контекст; анализируем те или иные языковые средства, но не задумываемся о природе этих средств; выделяем тематическую доминанту, но забываем, что эта доминанта обозначена *словом*; мы **рассматриваем концепты как сгусток мировоззрения, но забываем, что концепт суть слово, природа которого нам неясна.**

В этой связи нам кажется чрезвычайно актуальной мысль В.К. Харченко (профессора Белгородского университета) о необходимости появления категории «учителя-исследователя», способного выработать и методику научно-исследовательского поиска; и описать, и зачеркнуть «белые пятна» на географической карте филологии, лингвистики, языковедения, языкознания; способного убрать перекося в сторону фундаментального знания в пику прикладному аспекту.

Как нельзя лучше перекликается с этой мыслью высказанная О. Сулейменовым гипотеза о том, что XXI век пройдёт под знаком гуманитарных, историко-лингвистических наук, ведь «мир будущего – это Со-бытие, в противоположность раздираемому распрями миру Само-бытия».

Задачи, которые встают перед преподавателем при таком подходе, можно охарактеризовать следующим образом:

- обучение системному мышлению при изучении языковедческих единиц;
- формирование логических связей между языковыми явлениями различных уровней;
- развитие таких мыслительных действий учащихся, как анализ, сопоставление, сравнение, систематизация, прогнозирование, соотнесение результата с гипотезой и целью.

Из вышеизложенного следует, что назрела острая необходимость пересмотра подходов к методике преподавания орфографии и пунктуации (формирование грамотности) и культуры речи (устной и письменной) на основе развития языковой (речевой) личности, её когнитивных способностей, что позволит сформировать новый класс специалистов в области гуманитарных наук, способных не только выстраивать новые системные отношения и находить пути решения проблемных языковых ситуаций, но и способных к гибкости мышления, свободных от догматичности и политизированности науки. И в этом поиске *ничто, включая теоретические разработки и гипотезы, проливающие свет на этимологию слова, не могут быть заведомо отброшены в угоду юристам, заботящимся о «чистоте» того или иного языка.*

Посмотрите, что происходит: ведь буквально с первого класса, как только появляется в расписании «Русский язык», мы уничтожаем в наших детях исследовательский и познавательный интерес. Вспомните, какие вопросы задавал ваш ребёнок в трёхлетнем возрасте: «Почему трава зелёная?», «Почему самолёты летают?», «Откуда я появился?». И если на эти вопросы наука научилась давать ответы, то на вопрос «Почему *лес* называется *лесом*, а *стол* *столом*» современная лингвистика ответа так дать и не может, и самое печальное – всеми силами не замечает и отвергает инструменты и методы, с помощью которых этот ответ можно получить.

**КАРТИНА МИРА КАЗАХСКОГО ЭТНОСА В ТВОРЧЕСТВЕ
В. ДАЛЯ И О. СУЛЕЙМЕНОВА**

*Умарова Гульнар Сидегаалиевна,
кандидат филологических наук, доцент
филологический факультет
кафедра русской филологии
Западно-Казахстанский государственный университет им.М.Утемисова,
Уральск, РК
E-mail: umarova_1959@mail.ru*

В статье рассматривается и анализируется отражение картины мира казахского этноса в русской литературе XIX века в творчестве В.Даля и в казахской прозе XX – XXI вв. в художественных текстах русскоязычного О.Сулейменова. Анализ базируется на присутствии в них категории национальной культуры и быта как знаковых систем; а также понятия «картина мира» казахского этноса.

Ключевые слова: категории национальной культуры и быта, знаковые системы, картина мира.

Патриотического искусства и патриотической науки не существует.
Как все высокое и благородное, они принадлежат всему миру,
и споспешествовать им может только свободное взаимодействие
всех современников при постоянном учёте того,
что осталось нам от прошедшего.

Гете.

Из «Максимов и рефлексий», 1822-1832.

Рассмотрение текстов русской классической и современной казахской литературы через творения В.Даля и О.Сулейменова в контексте данной статьи основано с опорой на присутствие в них категории национальной культуры и быта как знаковых систем, а также понятия «картина мира» казахского этноса.

В контексте работы мы исходим из мысли Ю.Лотмана о том, что *художественные тексты обладают уникальными свойствами для хранения и передачи информации*. Мы намерены проанализировать художественные тексты В.Даля, как первого автора произведений о казахах в мировой литературе, и О.Сулейменова, русскоязычного поэта-казаха, представившего мировой словесности свой народ «изнутри», с целью извлечения информации об отражении ими «картины мира» казахского этноса. Мы придерживаемся мнения о том, что *идея в художественных текстах содержится во всей художественной структуре, а не только в цитатах, ибо художественный текст – сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые*. [Лотман, 1998, С. 24.]. Таким образом, художественные тексты писателей, отражающие «картину мира» казахской культуры, анализируются нами в плане освещения культуры и повседневной жизни этого народа, их философии жизни как категорий историко-психологических, как знаковых систем, то есть своего рода текста. Это поможет нам понять неразделимость бытового и бытийного в жизни казахского народа. На основе всего этого попытаемся выяснить, каковы причины, побудившие авторов обратиться в своем творчестве к казахской теме.

Мы опираемся, прежде всего, на труды Ю.М. Лотмана, его понимание таких категорий, как «общество», «культура» и «быт» и их отношения между собой.

Так, повести «Бикей и Мауляна» (1835), «Майна» (1841) [Даль, 1898. Т.7] В.И.Даля иллюстрируют нам его интерес к истории, культуре и языку казахского этноса; и в то же время, созданное русским писателем творения – образец замечательнейшего эстетического проникновения в мир казахской культуры.

При создании казахских повестей Далем выражены собственные мысли, изображается душевное состояние при виде красавицы Мауляны на состязании кыз-куу, восхищение способностью казашек отстоять любовь и стремление быть рядом со своим избранником.

Повести «Бикей и Мауляна» и «Майна» соотносятся по принципу взаимодополнительности, в них автором актуализируются полярные эстетические аспекты восприятия и художественного изображения жизни казахского этноса: в первой доминирует атмосфера трагического, во второй – комического, что в совокупности придает многомерность общей картине казахского мира в творчестве писателя.

На казахском этнокультурном материале Даль художественно разрабатывает актуальные для современной ему литературы общечеловеческие нравственные проблемы: свободы личности, взаимоотношения личности и общества, привязанности к своей земле, взаимоотношения поколений отцов и детей, судеб «маленького человека» и героев, непонятых и отвергнутых социумом. Создав идеальные образы казахских женщин, Даль одним из первых в русской литературе затрагивает тему женской эмансипации. В повестях Даля люди казахской Степи при всем своеобразии их культурно-бытового уклада живут теми же чувствами и стремлениями, что и их собратья из мира европейской цивилизации, и составляют органическую часть всечеловеческого сообщества.

Таким образом, в стилизации, воспроизводящей казахские реалии начала девятнадцатого столетия, В.Даль находит отклик своим мыслям, миропониманию.

В контексте данной статьи мы используем понятие картины мира с ориентацией на человека – как понимание его места в мире и способов видения им этого мира.

«Картина мира» в современной науке, по утверждению Л.А.Микешиной, понятие, *выражающее эволюцию обыденных, научных и философских представлений о природе, обществе, человеке и его познании в зависимости от конкретно-исторических способов и форм познавательной деятельности и социальной практики в целом. Научная “картина мира” складывается как осмысление образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности, культуры и практики человека...* [Микешина, 2005. С.333–334].

Содержание термина «картина мира» в XX веке объясняет и М. Хайдеггер: *Что такое картина мира? По-видимому, изображение мира. Но что называется тут миром? Что значит картина? Мир выступает здесь как обозначение сущего в целом. Это имя не ограничено космосом, природой. К миру относится и история.* [Хайдеггер, 1993. С. 49]. Таким образом, «картина мира» есть не что-то срисованное, но то, на что человек нацелен как на «поставленное перед собой»; это не изображение мира, но «мир, понятый в смысле такой картины». Так, в казахских повестях Даль напоминает историю казахов – деление их на три жуза, и читатель получает информацию об истории, месторасположении Младшего жуза.

В аспекте нашего исследования важно также значение понятия «картина мира», близкого к понятию «мировоззрение», которое использует В.Дильтей. [Дильтей, 2000]. Ученый отмечает близость понятий картины мира и мировоззрения, поскольку на основе той или иной картины мира, возникающей в результате закономерной, последовательной работы нашего познания, решаются вопросы о значении и смысле мира, выводятся основные принципы жизни. Для нас важно постоянное отношение между картиной мира, оценкой жизни и целями. Значимым является и то, что Дильтей понятие картины мира применяет при анали-

зе наук о духе (культуре) и поэтому включает в этот феномен такие базовые сущности, как «жизнь», «цель», «человек-субъект».

Нам также близка трактовка картины мира Л.Витгенштейна [По Микешинной, 2005. С.340], согласно которой усвоенная нами еще в детстве общая картина мира принадлежит к сфере личностного знания, принимаемая на веру как несомненная и сопутствующая нам всю жизнь. Картина мира оказывается само собой разумеющимся основанием познания и как таковая даже не формулируется. По Витгенштейну, усвоение картины мира в детстве, основанное на доверии взрослым, – это не чисто познавательная процедура, но одна из “форм жизни” наряду, например, с “языковыми играми”, не просто знания, но основанные на них реальные действия.

Вследствие этого русскоязычный казах О.Сулейменов, с молоком матери впитавший интерес и привязанность к таким народным празднествам как кокпар, конно-спортивной игре, восхищенно, во всей полноте и красоте души представляет цивилизованному миру прелесть и суть данного события: *Кони ждут. Эх, пошли кокпарить.../... Сотня сытых, степенных/Бойцов-усачей,/Подобрав стремена,/ Молча ринулись в бой./Всадники,/Всадники/Пестрой толпой,/Лошади вьются,/Хохотом/Топот,/Колхозы/Бешеной ходят гурьбой/За козлиной тушей,/Пропахшей потом./Среди ярких чапанов,/Бешметов, рубах,/В остроносых штиблетах,/В седом пиджаке,/На кобыле худой,/С сигаретой в зубах/Я счастливый скачу,/Чуть привстав,/Как жокей./Вот где спорт!/Чёрт возьми!/Как идут аргамаки!/Не царянув земли./Ай, летят, как во сне.* [Сулейменов, 2004].

Счастлив участием в народной игре не только акын, автор этих строк, но веселы все бойцы-усачи, девушки в нарядах, дети, старухи, готовящие угощение из мяса, *Степь гуляла победу в этом полудиком кокпаре,/ ощущая /Ярость конных атак./Топот. Хохот. /И вскрики./И хрип иноходцев./ Никогда города не волнуют вот так!*

По Сулейменову, такого единения, праздника души может испытать теперь, к великому сожалению, только сельский житель, и поэтому он как настоящий казах когда-нибудь снова приедет на кокпар¹, чтобы проскакать не на кобыле, а на жорге² по степи.

О своеобразии подготовки казахами лошадей для скачки читаем в статьях «Скачка в Уральске» (17–20 сентября 1834 г.) и «Скачки в Уральске и Оренбурге». [Даль, Т. VII, с.75]. Даль удивлен тем, как *коннорожденные народы эти искони пристрастились к табунам своим; табуны их и кормят и поят, они же и одевают... Уродись же резвый, неутомимый конь – тогда его берегут и холят, и красуются, и похваляются им...* [Там же, с. 61–62].

Отметим, что Даль неоднократно подчеркивает мысль о том, что кони в казахском обществе – не только средство передвижения и показатель материального состояния человека, но и *первые действующие лица во время празднеств, скачек, а люди уже второстепенные; это пир, где лошади, как и всюду у этого конно-рожденного народа, занимают первые, почетные места; а победителя будут воспевать несколько десятков степных красавиц...* [Там же, с. 273].

Полное и образное представление о том же, т.е. о сохранившейся от предков привязанности казахов двадцатого столетия к коню даются Сулейменовым в стихотворениях «Догони», «Аргамак», «Ришад, сын степняка», «О, конь!» [Сулейменов, 2006, С.38-39, 71]. Как и Далем в повести «Бикей и Мауляна», Сулейменовым создан образ казахской красавицы, участвовавшей в «Кыз куу», которая с нетерпением ждет поцелуя догоняющего ее джигита; ее горькое сожаление: *Я одна,/Опять одна,/Мои руки побелели,/Кровь по крупу скакуна, /Злые люди,/Злые люди,/Вы обидели меня./Дали сильному джигиту,/Дали смелому джигиту/И красивому джигиту/Ишака,/А не коня!*

1 Жорга – иноходец (Перевод – Г.У.)

2 Бура (каз.) – самец верблюда.

В стихотворении «Аргмак» автора восхищает половецкий край, славный табунами; вид же молодого коня заставляют в нем как в степняке «играть жилы» и пробуждают желание проскакать до края «город и степь накреня...».

Олжас Сулейменов встречается с Ришадом, сыном француженки и адаевца □. Акын удивлен, что мальчик, выросший в европейской среде, перенял от отца зов предков – привязанность к коню: *Люди летом уходят к морю, / Его тянет в сухие степи.* Этот мальчик готов скакать на коне и выражать свои чувства к нему только как «Прелесть!».

Вывод Даля, сделанная им еще в начале девятнадцатого века, о привязанности казахов к коню, их умение восхищаться им, находит свое подтверждение и в наши дни в голосе казахского поэта О.Сулейменова: *О, конь! / Он гогочет, как гусь, / Он бушует бурой □. / Бурлящий горный поток / Не сравнится с его дыханьем... / ... До синего моря с клинком / Без щита пролечу. / Отдай! Не отдашь – украду / Жеребца вороного!...*

Как истинный казах, О.Сулейменов воспроизводит очарование и изумление слушателей от песни кюйши и акына: *Хрипло поёт о любви старик, / Почесывая домбру, / ... Люди покрикивают / в такт / Грустных кипчакских слов. / Мясо остыло, / Серый айран / В чашах цветных уснул...*

Такое же очарование и изумление вызвал у Даля талантливый сказитель-самородок Санат, представивший мир фольклорной памяти казахов, бесписьменной культуры, насыщенной устными рассказами, легендами и песнями. [Даль, 1867, с. 429–430].

Сказ Саната убедил Даля в особой склонности казахов к поэтической импровизации. Ему, как никому из других русских писателей, удалось проникнуть в магическую силу и услышать мудрую поэтичность казахского эпоса, способствующую пониманию национального характера и психологии казахского народа: «*Что такое народная поэзия? – размышляет Даль на страницах «Писем...».* – *Откуда берется это безотчетное стремление нескольких поколений к одному признаку, и каким образом, наконец, то, что думали и чувствовали в продолжение десятков и сотен лет целые народы, племена и поколения, оживает в слове, воплощается в слове одного, и снова развивается в толпе и делается общим достоянием народа? Это загадка. Сто уст глаголят одними устами – это хор древних Греков, и значение хора их может понять только тот, кто способен постигнуть душу, что такое народная, созданная народом поэма: это дума вслух целого народа, целых поколений народа. Для меня это первый залог нашего бессмертия. Говорят: глас народа – глас Божий; что же сказать о гласе целого поколения? Этот залог должен найти свой отголосок, он не замрет в простоте и силе своей, а отголоска ему в этом мире нет. Так-то мы, читатель, в каждой книге не то, что написано, а то, что можем понять и постигнуть, что тронет и займет нас; так-то народные предания для иных – бабы сплетни, для иного – совсем иное». [Даль, Т.Х, с.472–473].*

Поэма, услышанная Далем из уст казахского сказителя Саната, – слепок духовной жизни народа, способ кодирования и передачи культурной информации из поколения в поколение. [Ерназаров Ж., 2003, с.5]. Это важное открытие убеждает Даля в богатстве культурно-значимой информации, накопленной на протяжении развития социума. И поэтому Даль помечает в своем дневнике, что поэма, прозвучавшая из уст Саната, будет обязательно им записана. Предполагаем, что сказ Саната о Чур-батыре заинтересовал писателя не только поэтическими свойствами, он предоставлял Далю-ученому и богатый историко-этнографический материал. Дело в том, что казахский народ вплоть до второй половины XIX века не имел письменной литературы, и поэтому крупные исторические события в памяти народа передавались через устное народное творчество: эпос, поэмы, песни, легенды. В этих фольклорных текстах были отражены общественный и социальный строй казахов, быт и нравы. *Эпос этот дает совершенно так же, как эпос греков, ясную картину духовной*

жизни и нравов целого народа, с эпической широтой рисует он военные походы, сватания, тризны, скачки, домашний быт и т.п., – отмечает особенность исторического эпоса казахов исследователь В.В. Радлов. [Радлов, 1874, с. 162].

Даль утверждает, что *верит преданиям, поверьям, обычаям, иногда и суеверию; верит им столько, что не решается осмеять ни одного, не исследовавши его, не дошедши, по крайнему разумению своему, до начала и корня, до смысла и значения его. Они заключают в себе толк, иносказательный или прямой.* [Даль, 1867].

Особое расположение казахов-кочевников к поэтическому слову, отмеченное Далем, объясняется нашим современником Муратом Ауэзовым: *«Ночная прохлада, лунный свет, звездное небо – неизменные спутники веселья, песенных состязаний, легенд, мирозерцательных бесед и мудрых поучений. Ночь раскрывает поэтическую душу казаха».* [Ауэзов, 1972, с. 45].

Значимая роль поэтического слова в жизни казаха отмечается современным исследователем Г.Гачевым: *«По образу и подобию кочевого быта и Слово учреждено. Оно приближено к жизни, не отчуждено, памятуя яркие слова, сказанные кем-то в седьмом, может, поколении, из предков, и в какой ситуации, и разносятся устно в преданиях».* [Гачев, 2002, с. 149].

Подлинно национальными, по мысли В.Г.Белинского, могут быть только такие произведения, создатели которых типически изображают *дух того времени, среди которого они рождены и воспитаны, ...его внутреннюю жизнь до сокровенных глубин.* [Белинский, 1948, С.24]. Подлинно национальный дух казахского народа, о котором задумывается автор «Писем из Хивинского похода», слушая историческую поэму из уст Саната, мы ощутим в повестях «Бикей и Мауляна» и «Майна».

В духовной же жизни казахского народа Даль сумел увидеть своеобразные, отличные от европейских представлений, урегулированные культурные отношения. Он сумел приоткрыть для западного и русского читателя дух, философию, культуру казахов с своеобразными мировоззренческими принципами и ценностными ориентирами, в этом его великая заслуга как ученого, этнографа.

Мы видим, что Далю удалось, как никому другому до него, понять, что жизненные начала, заложенные в ядре функционирования кочевого казахского социума, своеобразны и несопоставимы с иными стандартами культуры Запада, с мировосприятием русского и европейского читателя.

Объяснение отображения картины мира казахов Далем и Сулейменовым мы находим у немецкого классика Гете: *«... Всеобщая мировая литература – то, что все нации узнают, каковы отношения всех ко всем, и тогда каждая из них найдёт у каждой другой и нечто приемлемое; и нечто отвергаемое, такое, чему следует подражать, и такое, чему следует подражать, и такое, чего нужно избегать; когда лучшие знают взгляды друг друга – и тем более, если взгляды совпадают, - из этого быстрее возникает надёжное доверие, тогда мы становимся осторожнее, но зато, с другой стороны, приучаемся быть терпимее и уступчивее».* [Goethe, 1908, В. 43].

Рассмотрение текстов русской классической и современной казахской литературы через творения В.В.Даля и О.О.Сулейменова с опорой на присутствие в них категории национальной культуры и быта как знаковых систем и понятие «картина мира» казахского этноса, позволяет нам сделать вывод о том, что *«патриотического искусства и патриотической науки не существует, как все высокое и благородное, они принадлежат всему миру».*

ЛИТЕРАТУРА

- Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство–СПБ, 1998. С. 24.
- Даль В. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. / В. И. Даль. – СПб. ; М., 1898. Т. 7.
- Микешина Л. А. Философия науки / Л. А. Микешина. – М., 2005. С.333–334.
- Хайдеггер М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. М., 1993. С. 49. См.: Микешина Л.А. Философия науки. С.333.
- Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / В. Дильтей. – М., 2000.
- Сулейменов О. Собрание сочинений в 7 томах: Т.1. Стихотворения /Сост.и вступ. ст.Сафара Абдулло. – Алматы: Атамұра, 2004.
- Сулейменов О. Избранное. Стихотворения и поэмы. – Алматы: Раритет, 2006.
- Даль В. И. Письма к друзьям... / В. И. Даль // Русский архив. 1867. № 3. С. 429–430.
- Ерназаров Ж. Т. Семейная обрядность казахов: символ и ритуал / Ж. Т. Ерназаров. – Алматы, 2003. С. 5.
- Radloff W. Aus Sibirien / W. Radloff. L., 1874. С. 162.
- Ауэзов М. М. Времен связующая нить : Литературно-критические этюды / М. М. Ауэзов. – Алма-Ата, 1972. С. 45.
- Гачев Г. Путешествие в казахский космос / Г. Гачев. – Семей, 2002. С. 149.
- В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. С. 24. – М., 1948, С.24
- Goethe J. W. Werke. Sophien-Ausgabe. Abt. 4.– Weimar, 1908, В. 43.

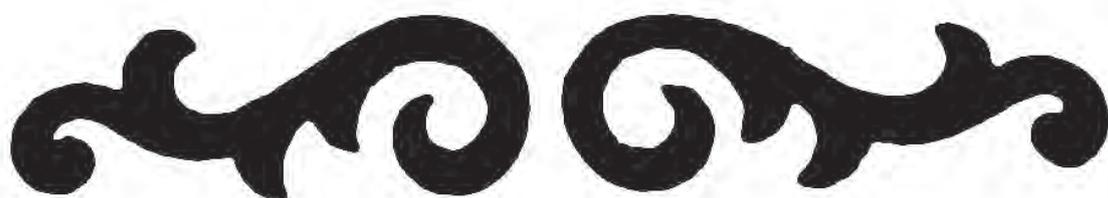
**PICTURE OF THE WORLD OF THE KAZAKH ETHNIC GROUP
IN THE WORKS DAL AND O. SULEIMENOV**

Umarova Gulnar Sidegalievna.
candidate of philological sciences, associate professor
of Philological faculty
the Department of Russian Philology
West-Kazakhstan State University named after Makhambet Utemisov. Uralsk
E-mail: umarova_1959@mail.ru

The article discusses and analyzes the reflection picture of the world of the Kazakh ethnic group in the Russian literature of the XIX century in the works of Vladimir Dahl in the Kazakh prose of the XX – XXI centuries in Russian art texts of O. Suleimenov. The analysis is based on the presence of national life and culture as symbolic systems; as well as the concepts of «world picture» of the Kazakh ethnic group.

Key words: categories of national culture and life, sign system, picture of the world.

**ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА ЕВРАЗИЙСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Азмуханова Айман Махсутовна

кандидат исторических наук, доцент, и.о. профессора

кафедра востоковедения

факультет Международных отношений

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана

E-mail: aiaz67@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые концептуальные основы интеграции культур и цивилизации в аспекте обеспечения гуманитарной и духовно-нравственной безопасности общества и интеграции религий в современном культурно-информационном пространстве; разработаны общие теоретико-методологические аспекты изучения историко-культурного наследия тюркских народов Евразийского ареала и ее роль в полиэтнических и межконфессиональных отношениях в историческом развитии общества; интерпретация понятий, дефиниций и состав историко-культурных наследий в условиях глобализации.

Ключевые слова: идейный потенциал, трансформация, этническая идентичность, взаимовлияния культур, инновации, интеграция.

Важной посылкой поступательного развития общества является преемственность. Это означает, что без исторической ретроспективы, тщательного изучения духовных парадигм, опыта предшествующих поколений, невозможно до конца понять настоящее и прогнозировать будущее. Поэтому всестороннее изучение исторического наследия тюркских народов в ракурсе его позитивного опыта чрезвычайно актуально и важно для выявления всех аспектов национальной идеи, для творческого использования идейного потенциала прошлого в реалиях современной политики.

Как и другие тюркские народы Российской империи, казахи в начале XX века переживали сложную эпоху адаптации к новым условиям интеграции в общероссийскую экономическую систему, сопровождавшейся ломкой привычного уклада, кризисом и трансформацией традиционных социальных институтов. Проникновение ценностей современной цивилизации стало активным и всеохватывающим. В области культуры кризис проявлялся весьма противоречиво: с одной стороны, необходимо было принять исторически назревшие новации, особенно в сфере образования, науки, техники, а для этого изучать русский язык, русско-европейскую модель образования и пр., с другой стороны, в данной сфере были такие деликатные вопросы, как сохранение этнической идентичности и культурных особенностей, родного языка, религии и др. Отсюда и сложность, противоречивость, переменчивость культурной ситуации, самой культурной атмосферы того времени, когда остро ставились и дискутировались те или иные злободневные вопросы, касающиеся соотношения традиции и инноваций.

Национальная культура – это сложное многосоставное образование, система (все более усложняющаяся – по мере исторической эволюции), состоящая из взаимосвязанных и иерархически соподчиненных структурных элементов. К содержанию духовной культуры относят такие компоненты, как религиозно-философские идеи и представления, идеалы и учения, космогонические знания, культы, обычаи, ритуалы, искусство, письменность, художественная литература и др. В этой системе необходимо выделить «стержень», идейно-этический, смыслообразующий компонент, глубинный сакральный пласт, на основе которого

выстраивается все культурное «здание». Таким формообразующим компонентом выступает мифология, религия или этико-философское учение [Нуртазина, 2008, с. 39].

Другое важное обстоятельство: на протяжении многих веков культура каждого народа развивается и обогащается (можно употребить понятие саморазвертывания или расцвета) согласно внутренней логике и под влиянием внешних импульсов. Фактор взаимовлияния культур и цивилизаций, явления синтеза и синкретизма нельзя недооценивать. Движущая сила культурной эволюции – прогресс мировоззрения. Процесс изменения видится как переход от одной культурной системы к другой - более сложной, и качественно высокого уровня. Если говорить в культурологическом контексте, то согласно концепции Б.С. Ерасова, крупнейшего представителя теоретического направления российского востоковедения, исламизация населения Казахстана обеспечила превращение местной тюркской культуры в «культуру цивилизационного уровня» [Ерасов, 1990, 93] со всеми вытекающими из этого последствиями. Придя на смену деградировавшим архаическим культурам, ислам способствовал нравственному возвышению, интеллектуальному и культурному прогрессу, играя также и этноинтегрирующую роль в судьбах народа.

Системный подход к культуре предполагает диалектическое понимание культурных инноваций в истории Казахстана периода XIX-начала XX вв. Антигуманная и антикультурная сущность идеологии колониализма бесспорна. Однако, наряду с деструктивными влияниями необходимо видеть объективно-прогрессивные положительные изменения в плане духовного взаимообогащения народов Востока и Запада, интеграции культур и цивилизаций на евразийском пространстве.

Говоря о постсоветском периоде в истории стран СНГ, в том числе Казахстана, прежде всего необходимо отметить сложность и противоречивость процесса трансформации социально-политической системы и интеграции в мировое сообщество на началах рыночной экономики и либеральной демократии. В данной статье хотелось бы рассмотреть некоторые теоретические аспекты культурной истории, в частности, интеграции и взаимодействия культур, цивилизации на Евразийском пространстве, с которыми объективно сталкиваются наши страны на протяжении последних десятилетий и по настоящее время.

За годы политической независимости в Казахстане как и других постсоветских государств в культурном развитии диалектически взаимодействовали две тенденции: на начальном этапе были сильны стремления к культурному самоопределению, поиску самобытности и углублению в «истоки», что не могло не порождать некоторую обеспокоенность и напряженность в межкультурных и межэтнических отношениях как внутри страны, так и на пространстве СНГ. Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что эта тенденция имела под собой объективную историческую основу и выражала потребность бывших народов СССР полноценно реализовать свои культурные, языковые интересы, восстановить «белые пятна» истории, исправить многие деформации сознания, возникшие под влиянием коммунистической моноидеологии.

Вместе с тем на развитие новых независимых государств постсоветской Центральной Азии оказывал все возрастающее влияние фактор глобализации, механизмы рыночной экономики, процессы активного сотрудничества с международными организациями, распространения новых форм коммуникаций и информационных технологий (интернет). В плане культуры это выражалось в стихийном проникновении в культурное пространство самых разнообразных идей, образцов, религиозных учений и пр., а также тенденции к унификации и вестернизации культур.

За последние десять лет мы видим, как в Казахстане, так и в России, в сфере культуры, информации, образования и науки, конфессиональной политики возрастает роль и значение государственного регулирования. Государство получило возможность финансировать

важные с точки зрения национальных приоритетов проекты, в определенной степени контролировать и направлять процессы этнокультурного и конфессионального развития. В Казахстане – это, например, широкомасштабная и хорошо финансируемая государственная программа «Культурное наследие», общенациональная идея «Мәңгі Ел», открытие «интеллектуальных школ» и «Назарбаев университет», создание Агентства по делам религий и др. Именно в рамках государственного регулирования можно минимизировать негативные последствия глобализации в духовно-культурной сфере. В целом, можно заметить, что сама логика истории, многовековой опыт народов, целый ряд объективных факторов современности, равно как и выдержанная политика руководства наших государств привели к сбалансированному развитию культурной сферы, создали благоприятные условия для обеспечения гармонии между национальным и общечеловеческим в содержании культур.

Говоря о теоретических аспектах диалога культур, нельзя не признать, что важнейшим объективным фактором для постсоветских стран выступает глобализация – со всеми его плюсами и минусами. Научно-техническая революция и революция в области информационных технологий сократили до немыслимых по сравнению с прошлыми столетиями значений категории времени и пространства. Постсоветские страны вынуждены были совместить потребности национально-культурного самовыражения с ответами на жесткие вызовы глобализации, диктующей переход к постиндустриальной эпохе.

Глобализация, превращая человечество в единую глобальную социальную систему вместо локальности, региональности и цивилизационной обособленности формирует новые, масштабные формы человеческой интеграции, соответствующие эре единой мировой цивилизации. С возникновением глобальных явлений на международном уровне начался процесс перехода от классической модели политической организации общества к неклассической системе общечеловеческого сообщества. Если в рамках классической модели (или государственно-центристской системы мира) основным, определяющим структурным образованием и исходной единицей методологического анализа внутренних и межгосударственных политико-экономических отношений выступало государство, то в условиях неклассической модели мирового сообщества (или глобальной социальной системы) исходной структурной единицей социально-политических и экономических отношений выступают транснациональные структурные образования - межгосударственные и межправительственные организации, транснациональные торгово-экономические корпорации, международные неправительственные организации, транснациональные религиозные организации и движения, международные преступные и террористические организации [Хаджаров, 2009, с. 39].

Центральной проблемой эпохи глобализации является сочетание унификации и стремления к сохранению культурной, национальной и религиозной специфики. И здесь возможны три вероятные альтернативы. Первое: всеобщая унификация, предполагающая полное стирание межнациональных и межрелигиозных различий. Второе: стремление любыми способами и в неизменном виде сохранить культурную идентичность. Третье: разумное сочетание элементов глобальной унификации и регионализации, понимаемой как развитие толерантных отношений общностей различного уровня и типа при сохранении культурной, национальной и религиозной специфики [Никифоров, 2002, с. 112]. Из истории известно, что культурная унификация часто сопряжена с применением насилия. Силовые методы принуждения к «цивилизационному» порядку приводят к уничтожению этнических и национальных культурных ценностей, духовных традиций народов в угоду политических и экономических амбиций господствующего государства. В этом отношении яркие примеры дает советское прошлое народов СССР. Так, в Казахстане в результате советского опыта модернизации возникла угроза исчезновения казахского языка. В плачевном положении

оказалось изучение национальной истории. Другая крайность – отрицание культурного диалога, этноцентризм, консервация и изоляция, что приводит к такому явлению, как нарциссизм – самолюбование [там же, с. 114].

Реальность такова, что государства и народы объективно подвержены сильнейшим процессам глобальной интеграции, в том числе в сфере коммуникации, информации и обмена культурными ценностями. Необходимо адекватно отвечать на данные вызовы реальности. Поэтому разумным является третий подход, когда народы и их государства свободно и добровольно стремятся к консенсусу в сочетании элементов глобальной унификации и сохранения региональной и национальной специфики. В Казахстане, как и в Российской Федерации выбран и успешно претворяется данный оптимальный путь культурного развития.

В исследовании теоретических аспектов диалога культур актуально обращение к наследию классиков. Так, великий русский философ Н. Бердяев отмечал, что культура не может быть отвлеченно-человеческой, она – «конкретно-человеческая, т.е. национальная» [Бердяев, 1990, с. 85]. Н.Данилевский в своей книге «Россия и Европа» (1869) писал, что «прогресс состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях» [Данилевский, 1999, с. 138]. Представители казахского духовно-интеллектуального движения «Алаш» в нач. XX в., – А. Байтурсинов, М. Дулатов, А. Букейханов, поэт и философ Шакарим в своих сочинениях также писали о том, что необходимо разумно интегрироваться в мировую цивилизацию, изучать русский и другие языки, но при этом твердо отстаивалась идея национально-культурного своеобразия казахского народа и необходимости сохранения ценностного ядра своей культуры.

Начиная с великого поэта-просветителя и мыслителя Абая Кунанбай-улы (1845-1904), казахские интеллектуалы первой половины XX в. в исторических реалиях пограничного региона между цивилизациями, чем является по сути Казахстан (имеющий самую протяженную в мире общую сухопутную границу с Россией в 7500 километров, многовековые связи со многими государствами Евразии, в том числе Китаем, одновременно неразрывно связанный с тюрко-исламским миром) формировали адекватные данной реальности и новой эпохе культурные приоритеты и задачи. И выражалось это прежде всего в воспитании толерантного сознания, диалектичности мышления и диалогизма, взвешенного подхода к проблеме традиции и инноваций. Сам великий Абай, выступающий прежде всего патриотом своего народа, блестящим знатоком казахской традиции, оратором, поэтом, заложившим основы современного литературного казахского языка, вместе с тем обладал глубокими знаниями в области ислама, арабского и персидского языков, суфийской традиции мусульманского Востока и, наконец, гениально сочетал все это со знанием русского языка, призывал обогащаться достижениями русской и западноевропейской науки и культуры, показал пример живого культурного диалога, когда общался и дружил с русскими деятелями (Е. Михаэлис, Н. Долгополов), переводил на казахский язык Пушкина и Лермонтова, Крылова, Гете [Абай, 1995].

На наш взгляд, для постсоветского Казахстана в условиях диалектического взаимодействия тенденций глобализации, мировой и региональной (евразийской) интеграции и не менее важного для страны принципа сохранения государственной независимости и этнокультурного своеобразия казахского народа базовой философско-теоретической посылкой и моделью культурного будущего всегда будет наследие и живой пример великого Абая – с его гениальным синтезом национально-тюркского элемента, просвещенного ислама, евразийского и глобального мышления. Что касается евразийства, то речь идет не только о представлении Евразии в качестве этнокультурного целого, но и важнейшей его идее (по

замыслу ее родоначальников) о приоритете духовно-нравственного начала, национальной и религиозной идеи и положительной роли государства в ее реализации. «Евразийская идея есть идея человечности» [Колчигин, 1999, с. 8]. Разумеется, теоретические основы диалога культур и, в целом, перспективы развития национальных культур постсоветских стран еще содержат в себе немало нерешенных вопросов, противоречий, требуют дальнейших исследований и обоснований.

Президент Казахстана Н. Назарбаев сформулировал следующие пять принципов, лежащих в основе национальной идеи Казахстана:

- 1) фактическое и юридическое равенство всех этносов республики;
- 2) казахский народ является государствообразующим этносом, поэтому он несет ответственность перед другими этносами, а другие этносы должны относиться с пониманием к самовыражению казахской нации;
- 3) религиозная идентичность и толерантность народов;
- 4) воспитание казахстанского патриотизма;
- 5) развитие малого и среднего бизнеса, формирование казахстанского среднего класса [Назарбаев, 1999, с. 293].

В настоящее время политическое развитие Казахстана предполагает один путь в гармонизации межэтнических отношений: объединение разумных и здоровых сил общества в формулировке и решении совместных целей и задач для всего народа Казахстана, в создании условий для удовлетворения национально-специфических интересов и потребностей всех этнических групп, в разработке механизма выхода из кризиса, минуя социальную и национальную конфронтацию, в предотвращении влияния на политическую жизнь республики националистических, шовинистических, экстремистских идей, в нейтрализации возможности политического и религиозного радикализма в межэтнической и межконфессиональной среде. В этом процессе консолидирующая роль принадлежит общенациональной идее [Гаипов, 2016, с. 279].

Глобальная интеграция заставляет народы мира принимать меры по сохранению национальной культуры и ее поддержки. В эпоху глобальной унификации культур осознание принципиальной важности сохранения культурного и лингвистического разнообразия требует проведения специальной политики, направленной на сохранение и развитие этнонациональных традиций в поликультурном пространстве Казахстана.

Сохранение и изучение этнокультурной среды народов Казахстана становятся одной из приоритетных задач культурной политики республики, которая основывается на осознании Казахстана как исторического союза разных народностей и этнических групп. Поэтому сохранение единого культурного пространства для этнических групп, населяющих Казахстан, а также интеграция культуры в общекультурное пространство республики приобретает характер стратегических приоритетов.

Глубокий анализ культурных, ценностных, духовных аспектов глобализации способен, на наш взгляд, дать реальные практические рекомендации в этой сфере. Глобализация требует от местных культур и ценностей не безоговорочного подчинения, а селективного выборочного восприятия и освоения нового опыта иных цивилизаций, возможного только в процессе конструктивного диалога с ними. Особенно это необходимо для молодых, независимых государств постсоветского пространства, укрепления их национальной безопасности. Поэтому нам так крайне необходимо развитие глобалистики как формы междисциплинарных исследований, позволяющих правильно оценить ситуацию и найти способы их решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нургазина Н.Д. Народы Туркестана: проблемы ислама, интеграции, модернизации и деколонизации на рубеже XIX - XX вв.: монография. Алматы: Қазақ университеті, 2008. 166 с.
2. Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории). Москва: Наука, 1990. 207 с.
3. Хаджаров М.Х. Диалог культур в социально-онтологическом и аксиологическом измерении: проблемы и перспективы глобализации социальной реальности // Диалог культур: евразийский опыт и региональная специфика. Оренбург, 2009.
4. Никифоров А.В., Доценко М.Ю. Межцивилизационный диалог в контексте глобальных социокультурных процессов: опыт и проблемы // Глобализация и диалог конфессий в странах Центральной Азии. Алматы, 2002.
5. Бердяев Н. Судьба России. М, 1990.
6. Данилевский Н. Россия и Европа. М, 1999.
7. Абай. Энциклопедия. Алматы, 1995.
8. Колчигин С.Ю. Евразийская идея перед вызовом новой эпохи // Идеи и реальность евразийства. Алматы, 1999. 85-95 с.
9. Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: «Атамұра», 1999. – 293 с.
10. Гаипов З.С. Политическое развитие Республики Казахстан и глобализация (политологический анализ). Астана: Даме, 2016. 298 с.

CERTAIN ISSUES OF INTEGRATION OF CULTURES AND CIVILIZATION ON THE EURASIAN SPACE (Kazakhstan)

Azmukhanova Aiman M.
c.h.s., associate professor,
Department of Oriented studies
Faculty of International relations
L.N. Gumilyov Eurasian national university, Astana
E-mail: aiaz67@mail.ru

The article discusses certain conceptual bases of integration of cultures and civilizations in relation to the provision of the social and spiritual security of the society and modern integration of the religion to the contemporary cultural-informative space; the general theoretical-methodological aspects of studying of historical and cultural heritage of the Turkic people in the Eurasian area and its role of the multiethnic and interfaith relations in historical development of society; identification and interpretation of the common concepts on the issue, as well as the definition and conceptual structuring of the historic cultural heritage in the light of the globalization processes.

Key words: ideological potential, transformation, ethnic identity, interferences of cultures, innovations, integration.

ИСЛАМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АУДИОИСТОЧНИКОВ: СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Гатин Аскар Александрович

кандидат исторических наук, доцент

Институт международных отношений, истории и востоковедения

кафедра истории Татарстана, археологии и этнологии

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

E-mail: askar-tatar@mail.ru

Впервые в отечественной науке делается попытка изучения такого феномена в истории ислама советского периода как аудиозаписи проповедей и религиозных текстов на татарском языке. Автором указывается на неизученность данной темы и актуальность исследования аудиоисточников религиоведами. Филологами и историками.

Ключевые слова: ислам, татары, аудиовизуальная информация.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как аудиовизуальная информация стала рассматриваться как ценный продукт новейшего времени, требующий не только собирания, сохранения, но и изучения как исторический источник, а также использования. В настоящее время разработаны и действуют нормативно-правовые акты, направленные на регулирование вопросов, связанных с аудиовизуальной документацией, созданием аудиовизуальных архивов.¹ Более того, любители и исследователи начинают все активнее обращаться к собиранию и публикации аудиовизуальных документов, главным образом посредством социальных сетей и ресурсов сети Интернет (например, YouTube и др.). Разумеется, такая деятельность носит в основном бессистемный характер и не может претендовать на какое-либо регулирование, если только не будут созданы специальные банки (базы) данных. Отчасти вопросы сохранения, изучения и использования призваны решать создаваемые или уже созданные архивы аудиовизуальных документов.

Нельзя не отметить, что среди огромного массива учтенных и еще не выявленных материальных носителей информации данной категории имеется немало аудиозаписей, которые связаны с практикой бытования ислама среди народов России. Одним из первых на это обратили внимание французский востоковед А. Беннигсен и американский ученый Э. Вимбуш, которые в работе «Мусульмане советской империи: Путеводитель» отметили использование магнитофонов в деятельности представителей суфийских братств среди чеченцев и ингушей. □ Вместе с тем данная тема остается малоизученной не только в масштабах всей России, но и в отдельных регионах со значительным мусульманским населением (Среднее и Нижнее Поволжье, Приуралье, Западная Сибирь, Северный Кавказ).

Предварительные полевые исследования, проведенные нами только в пределах города Казани показывают, что данное направление является весьма перспективным для собирания, описания, оцифровки имеющихся на руках отдельных кассет или коллекций звуконосителей, содержащих поистине интересные и содержательные записи, позволяющие не только услышать голоса известных проповедников и духовных деятелей недавнего прошлого, но и изучать особенности бытования ислама в советский период.

В качестве примера следует привести коллекцию кассет, выявленную нами и оцифрованную усилиями казанского журналиста Ф. Батыршина, которая содержит записи

1 Bennisen A., Wimbush E. Muslims of the Soviet Empire: A Guide. – Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 1986. – P. 188.

проповедей ряда казанских мусульманских деятелей (имама казанской мечети «Марджани» Ахмад-Заки хазрата Сафиуллина; религиозного наставника Габдулхака хазрата Садыкова; Гарифуллы ишана Гайнуллина), речитации Корана, в том числе образцы речитации, известные как «татарский макам». Учитывая, что записи были сделаны в основном в 1980-е годы в домашних условиях, качество звука у многих звуковых носителей не очень хорошее, что можно объяснить как особенностями звукозаписи на магнитной ленте, несовершенством советских магнитофонов, на которые записывались голоса, так и социобытовыми условиями записи (чаще всего запись происходила на маджлисах).

Также усилиями Ф. Батыршина были выявлены и другие коллекции аудиокассет, относящихся к 80 – началу 90-х годов прошлого столетия, которые содержат проповеди как ряда указанных выше мусульманских деятелей Казани, так и других: видного религиозного деятеля Республики Татарстан Габдулхака хазрата Саматова, муфтия Талгата хазрата Таджутдина, Канзильглюм хазрата и др.

По содержанию данные проповеди могут представлять безусловный интерес для различных исследователей. Так, остается неизученным язык проповедей религиозных деятелей советского периода, чему во многом может способствовать использование как письменных, в том числе опубликованных, проповедей, так и аудиоисточников. Это особенно важно в связи с продолжающимся катастрофическим процессом русификации мусульманской среды (в настоящее время в ней значительно возросло количество верующей молодежи), которая плохо знает историю своего народа и мусульманские традиции прошлого и гораздо охотнее обращается к различным интернет-ресурсам как источнику самообразования по вероучению и религиозной практике ислама. Было бы весьма полезно использовать данные аудиоисточники и в практических целях, включив их в учебные курсы мусульманских религиозных учебных заведений Татарстана для освоения учащимися татарского языка мусульманских проповедей.

Не могу не обойти вниманием и историко-религиозную значимость этих аудиоисточников. Записанные для сугубо личного использования проповеди татарских религиозных деятелей служат хорошим историческим источником для изучения истории ислама в советский период. В них мы не обнаружим ничего политического, антисоветского, сенсационного. Однако эти проповеди отличаются рядом черт: 1) они показывают живую атмосферу маджлисов, которые проводившихся в советское время дома и являвшихся важным элементом сохранения религиозных традиций в татарском обществе того времени; 2) весьма интересны дидактические методы изложения мусульманского вероучения и трактовки часто используемых мусульманами арабоязычных слов, религиозных формул и поминаний (закров) Аллаха, значение которых объяснялось на татарском языке, давалась интерпретация, раскрывалось содержания этих слов; 3) проповеди позволяют понять и оценить уровень религиозных знаний, лучше понять проповедников (имамов советского периода) – ведь до сих пор мы имеем дело, как правило, с сухими биографическими очерками жизни и деятельности имамов или с публикациями отдельных, уцелевших проповедей тех из них, кто занимал официальные посты имамов мечети.

Приступая к изучению данной темы, приходится сталкиваться и с рядом проблем. Прежде всего, нежелание людей отдавать аудионосители для постоянного хранения, и вместе с тем отсутствие целенаправленной работы по собиранию данных материалов государственными архивными учреждениями. Также далеко не всегда удается установить точное время и даже год записи звуковой дорожки. Иногда на кассетах встречаются пометки о чтеце или годе записи, но из расспросов владельцев очень часто бывает трудно восстановить обстоятельства – время и место записи. Все это осложняет научное описание выявляемых аудиозаписей.

Поисковая работа может принести новые результаты. До сих пор остается неизвестной судьба большой коллекции записей пятничных проповедей 1970 – 1980-х годов, сделанных в казанской мечети Марджани и исчезнувших при невыясненных обстоятельствах из мечети в 1993 г. Нам известно также о существовании аудиозаписей иных религиозных деятелей, которые предстоит собрать.

Подводя итоги, следует отметить, что выявление и введение в научный оборот аудиозаписей, связанных с историей ислама, имеет важное значение, особенно для изучения локальной истории ислама советского периода. Предварительные исследования позволили выявить новый пласт источников, а значит это поможет расширить наши представления о характере бытования ислама в советский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bennigsen A., Wimbush E. Muslims of the Soviet Empire: A Guide. Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 1986. P. 188

2. Методические рекомендации о порядке работы архивных учреждений городов, районов края по отбору, приему, учету, описанию и хранению аудиовизуальной документации // Алтайский архивист. – 2002. - № 1 (3). – URL: http://new.hist.asu.ru/biblio/archiv/Archivist1_3/12.html

ISLAM THROUGH THE PRIZM OF THE AUDIO SOURSES STATE OF KNOWLEDGE OF THE PROBLEM

Gatin Askar

Candidate of the history scienses

Kazan (Volga Region) Federal University

Russia, Kazan

E-mail: askar-tatar@mail.ru

For the first time in the domestic science is an attempt to study this phenomenon in Islamic history of the Soviet period as a record of sermons and religious texts in the Tatar language. The author points to the lack of study of the topic and the relevance of the study audio sources religious studies. Philologists and historians.

Key words: Islam, the Tatars, audio records.

КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС В УРБАНИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РЕГИОНА

Никифорова Саргылана Валентиновна

*кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова*

Республика Саха (Якутия)

E-mail: nsv2107@mail.ru

Предложен обзор поселенческих практик, история становления городской сети на Северо-Востоке Азии и проблемы трансформации культурного пространства саха (якутов). Контент-анализ сведений официальных порталов, статистических данных позволяет предположить большой потенциал социокультурного проектирования на основе неотрадиционализма. Исследуется ресурс традиционной культуры в урбанистической стратегии Якутска путем внедрения культурных индустрий. Рассматриваются формы выражения тюркского компонента культуры в городских реалиях региональной столицы. Автор приходит к выводу, что при условии избегания архаизации, изоляционизма, инсценированной аутентичности традиционная культура может плодотворно использоваться как ресурс в урбанистической стратегии регионов.

Ключевые слова: урбанизация, ресурсный потенциал, традиционная культура, культурные индустрии, неотрадиционализм, стратегия, социокультурный проект.

С усложнением общества, достижением определенного уровня экономического и политического развития возникают города, такова социальная закономерность. Похоже, не имеет значения относится ли это положение к оседлой культуре земледельцев, кровью и потом веками привязанных к своей земле; или к кочевой культуре скотоводов, города которых, как миражи, возникают и исчезают то здесь, то там с образованием и распадом степных кочевых империй. На наш взгляд, урбанизация nomadов Центральной и Малой Азии, а также Ближнего и Дальнего Востока изучается основательно и имеет сложившуюся научную традицию в лице таких исследователей как Ш.С. Камолиддин, А.М. Хазанов, Ж. Легран, С.В. Киселев, Л.Р. Кызласов, С.А. Плетнева, Н.Н. Крадин, Г. Цыбиков, Г.А. Алпыспаева и другие. В то время как исторической урбанистикой Северо-Востока Азии, с ее уникальным опытом строительства городов на вечной мерзлоте и становления национальной городской культуры в условиях территориальной и информационной изоляции сегодня почти не занимаются. Мы предлагаем опыт исследования: где анализируем, какое выражение находит тюркский компонент культуры в тех формах, которые, на первый взгляд, чужды традиционным. Сегодня в республике рассматриваются отдельные аспекты городской культуры региона, например, конфессиональные или проблемы трудовой миграции, но, в целом, историческая и региональная урбанистика Северо-Востока Азии еще ждет своих исследователей. Равно как и не актуализированы должным образом прикладные исследования по проблемам современной городской культуры национальных регионов РФ, включая города традиционного проживания тюркских народов.

Историческая справка: поселенческие практики в традиционной культуре саха (якутов). Якуты, самоназвание – *саха*, народ в Российской Федерации, составляющий коренное население Якутии (365,2 тыс. человек). «Основную группу якутов представляют: амгинско-ленские (между Леной, нижним Алданом и Амгой, левобережье Лены), вилюйские (в бассейне Вилюя), олёкминские (в бассейне Олёкмы), северные (в тундровой зоне бассейнов рек Анабар, Оленёк, Колыма, Яна, Индигирка)» [12. С. 442]. Говорят на якутском языке тюркской группы алтайской семьи, имеющем группы говоров: «центральною, олёкмо-

вилуйскую, северо-западную, северо-восточную» (таймырскую) [12. С. 453]. В этногенезе якутов участвовали тунгусское население таежной Сибири, тюрко-монгольские племена, расселившиеся в Сибири в X-XIII веках и ассимилировавшие местное население. Этногенез якутов завершился к XVII веку.

Площадь территории Республики Саха (Якутия) – далее РС(Я) - 3083,5 тыс. кв.км. Численность населения (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года) – 949280 человек, в том числе городское население – 604510 человек, то есть больше половины населения РС(Я) сегодня проживает в городах. Городская сеть республики составляет 13 городов, из них, по состоянию на 2009 год: 5 республиканского подчинения и 8 улусного (районного) подчинения. В данной работе мы не рассматриваем культуру промышленных городов республики – это свои отдельные бюджеты, состав населения, конгломерации культур и бренды, например, Мирный (алмазы), Нерюнгри – (уголь). К сожалению, вне поля зрения остаются периферийные малые и средние города республики: Верхоянск (основан в 1638, статус города приобрел в 1805, по данным 2002 года, население составляет 1311 человек), Вилуйск (1634, город с 1783, 10234 человека), Ленск (1770, город в 1963, 24966 человек), Олёкминск (1633 году, город с 1783, 9494 человека), Среднеколымск (1643, город с 1805, 3525 человек) [10]. По общепринятой классификации они относятся к «малым» городам, с населением менее 50 тысяч человек [11. С. 144]. Города на Северо-Востоке Азии основывали русские первопроходцы (казаки) в качестве военно-административных поселений, так называемые «казенные» города, служившие арсеналом, складом провианта и снаряжения для дальнейшего продвижения в Арктику и на Дальний Восток. Первым делом возводились остроги, которые со временем обрастали складами, рынками, часовнями и кладбищами. Каждый из них являет собой уникальную исторически сложившуюся модификацию города на Северо-Востоке Азии, в которую синтезированы культуры с максимальным разбросом индекса культурной дистанции (якуты, эвены, долганы, русские, татары, евреи и др.).

Якутск (1632) строился как военно-административный и торговый центр Восточной Сибири. Отсюда начинались походы по освоению земель на Дальнем Востоке и в Арктике, позже базировались научные экспедиции В. Беринга, Г. Миллера, братьев Лаптевых, А. Колчака и др. Численность населения 224462 человека. Национальный состав по данным 2002 года: 46,1 % – русские, 42,4 % - якуты, 0,8 % – эвенки, 0,6 % – эвены, 0,1 % – юагиры, и 10 % – представители других национальностей [2. С. 428]. Застройке города способствовала политика имперского, а затем советского правительства, основанная на просветительских идеях и приведшая к выработке стандартизированных планов застройки, единообразных фасадов светских и культовых сооружений. Унифицированный облик провинциального российского города: административный центр, торговые ряды, транспортный узел (пристань, вокзал), кладбище. Также общие черты: удаленность, бездорожье, хроническое - независимо от режима – безденежье и отставание по всем параметрам социального развития. С другой стороны, первые опыты каменного многоэтажного строительства на вечной мерзлоте, становление сети образовательных и досуговых учреждений. В качестве примера культурного симбиоза можно привести трансформации традиционных культурно-хозяйственных форм скотоводов в субкультуру дачников на примере современной культуры саха (якутов), как одну из форм неотрадиционализма. Веками «предки якутов вели полуседлый образ жизни, обусловленный комплексным скотоводческим хозяйством, который был адаптирован к окружающей среде» [12. С. 476]. Содержание скота предполагало от четырех (при большом количестве поголовья скота) до двух переселений в год: два основательных на длительный период времени: лето и зиму; а остальные два для полукочевков, можно сказать, пункты передержки молодняка весной для откорма и осенью перед забоем. Таким образом, на рубеже XIX-XX веков подавляющее большинство населения Центральной Якутии проживало, в основном, в двух типах поселений: зимнем – *кыстык*, располагался у сенокосных угодий и

летнем – *сайылык*, близ пастбищ. У зажиточных владельцев больших табунов и стад были дополнительные весенние – *сааһыыр* и осенние *отор* угодья. До XIX века летним жилищем якутам служила *ураса* – коническое строение из наклонных длинных жердей, иногда в несколько ярусов, высотой до 8-ми метров, перекрытое шитой берестой. На алаасе летом жило до десяти родственных семей. Скот содержался в летнем хлеву – *титиик*, в стороне от жилища. Зимнее жилище – *балаган*, невысокая, вытянутая в длину четырехугольная постройка из стоячих наклонно тонких бревен, с плоской земляной кровлей. Для утепления стены обмазывали глиной, смешанной с навозом. Балаган имел нечетное количество окон, которые зимой прикрывались льдом, летом слюдой, рыбьим пузырем, последом теленка или волосяной сеткой. Печь (камелек) находилась на северной половине дома в углу. Вдоль стен располагались нары. Двери выходили на восток. С северной стороны к балагану пристраивался *хотон* (хлев). Зимние поселения были маленькие, из 1-3 усадеб.

С 90-х годов XX века среди горожан стало модно на дачных участках возводить прохладные уютные балаганы, а на *ысыах* (национальный праздник встречи лета) высотой 12-15 метров и в диаметре более 10 метров урасы. Интернет пестрит предложениями и запросами на тему продажи и покупки традиционных построек. В повседневности современного жителя города (не только Якутска) функцию летника выполняет дача, а участок из сада-огорода превращается в *алаас*, убираются теплицы, минимизируются клумбы, оставляется ровная площадка – газон. Роль зимника выполняет городская квартира. В центре города и в пригородах возводятся этнографические комплексы, например, *Арчыы дьээтэ* построен в 2002 году центр духовной культуры, с целью сохранения, пропаганды и развития традиционных форм культуры народа саха. Три деревянные урасы, увенчанные стеклянными куполами, каждый элемент строения наделен высоким семиотическим статусом: 3 яруса постройки соответствуют трем уровням мира: верхнему, среднему, нижнему. Внутреннее убранство зонировано в соотношении с тремя частями души человека: *салгынкут* - воздушная (божественная), *ийе-кут* - материнская и *буор-кут* - земная. На подворье установлены резные коновязи – *сэргэ* (ось мира или мировое дерево).

В XXI веке остаются актуальными старые проблемы: «в модернизационном проектировании культурного пространства сибирского региона предстоит учитывать негативное воздействие целого ряда факторов: слабую освоенность многих районов, недостаточную плотность населения, высокий уровень текучести рабочей силы, слабое развитие транспортной инфраструктуры и т.п.» [5. С. 74]. Разумеется, мы далеки от представления, что обращением к рекомбинации традиционных форм культуры и с помощью культурных индустрий решим все проблемы развития города. Но такие формы неотрадиционализма как религиозная, празднично-обрядовая, культурно-хозяйственная, фольклорно-музыкальная, включая идеологическую, на наш взгляд, вполне органично и эффективно укладываются в стратегии развития современного города. Якутск, как и все региональные центры РФ, страдает комплексом амбивалентной идентичности: с одной стороны, региональная и национальная столица; с другой стороны, провинциальный небольшой город.

Традиционная культура и культурные индустрии в стратегии развития Якутска. Ниже, мы рассмотрим ресурсы традиционной культуры в урбанистической стратегии Якутска. Для развития города «недостаточно прилагать усилия по части консервации классического культурного наследия, необходимо использовать новые способы включения «старых» культурных объектов в современный контекст и в инновационные практики освоения заложенных в них смыслов и ценностей» [9. С. 57]. В последнее десятилетие складывается впечатление, что городские власти постепенно перестают воспринимать культуру как последнюю строку в бюджете, которую всегда можно урезать. Конечно, пока они еще далеки от того, чтобы определять культуру как «технологии городского планирования», но уже

близки к пониманию, что «именно восприятие перспектив города сквозь призму культуры должно задавать систему координат для планирования городской жизни, экономического и социального развития» [7. С. 31]. В городе ведется активная деятельность по развитию творческих индустрий. Создаются и внедряются в жизнь нестандартные проекты, фестивали, грантовые конкурсы, направленные на развитие культурной среды. Одним из самых продуктивных стал конкурс «Народный бюджет», стартовавший в 2014 (мэрия назвала его «Годом народной инициативы»), он вызвал большой общественный резонанс и энтузиазм у горожан; и работа в русле активизма эффективно продолжается. Инициативы, направленные на решение актуальных задач для развития округов и пригородов, связаны со строительством небольших архитектурных объектов, обустройством дворовых территорий, детских площадок, мест массового отдыха, благоустройством, организацией и проведением культурно-досуговых мероприятий, также сюда включаются экологические и юбилейные проекты. Одним из главных условий является активное участие проектанта на всех этапах работы – подготовка, реализация и проведение контрольных мероприятий [8].

В городе реализуются следующие социокультурные проекты: молодежный музыкальный фестиваль электронной музыки «Open Space» (ежегодно с 2014). Издательские проекты: «Дневник школьника» с краткой информацией о городе, вышла книга «Землю Олонхо рисуют дети», готовится книга-альбом «Памятники города Якутска». При софинансировании проекта снят фильм о сиротах войны «Государственные дети», признанный лучшим дебютом кинофестиваля «Амурская осень». Проведено освещение арки над Солдатским озером; поставлена ограда памяти у здания бывшего Реального училища, одного из старейших каменных зданий в городе, здесь же представлена информация о нем на трех языках: русском, якутском и английском; на Теплом озере появились плавающие клумбы с цветами; в микрорайоне Кангалассы силами школьников построен агроуголок «Зеленый дворик» [3 С.14-15]; в центре города, на прибрежной территории озера Талое, состоялась презентация арт-проекта, реализованная студентами института культуры и искусств «Уличное искусство-2015»; благодаря инициативе общественной организации «Лига женщин Якутска», открылась социальная гостиница для погорельцев, жертв домашнего насилия, матерей с детьми, которым некуда идти; установлена читающая площадка «Чудо-дерево» у городской детско-юношеской библиотеки. Горожанам понравился проект «Фотоярмарка "на прищепках"», когда в общественном месте выставляются фото, с едиными простыми требованиями к формату и регистрации [8] и др.

В 2015 году утвержден социокультурный проект для благоустройства города «Говорящие скамейки». Скамейки как арт-объект: они яркие, необычные: ножки стилизованы в форме национального лировидного орнамента и ярко выкрашены, на спинках крепятся принты с видами города, высказывания о нем известных горожан и стихи участников городского школьного конкурса. Такие проекты прививают любовь к городу, стихи детей – желание высказаться (и уже меньше попыток залезть на эту скамейку с ногами).

К творческим индустриям можем отнести современное производство якутской национальной посуды, которая набирает все большую популярность. Посуду в национальном стиле можно приобрести в магазинах местных производителей. Основу заказывают в Китае, а роспись мастера делают здесь вручную, соответственно, цена дороже. Поэтому в Китае стали штамповать узоры, рисунки и продавать по более низкой цене. Возникла проблема, ранее не встречавшаяся в столь явной форме: проблема инсценированной аутентичности, опасность которой есть продолжение ее достоинств: в массовости тиражирования и общедоступности. Помимо посуды, в формате творческих индустрий изготавливаются сувениры, обереги, якутские ножи, бижутерия в национальном стиле, которые пользуются популярностью не только у туристов. Люди реализуют свои таланты, кооперируются, поддерживают друг друга и создают особую креативную среду на базе культурных центров, лабораторий и народных

творческих коллективов: национальные куклы, костюмы, утварь и прочее. Появилось много новинок в этническом стиле в молодежной субкультуре. Среди подростков и студентов модно украшать гаджеты в национальном стиле. Чехлы для телефонов, наклейки-обереги, брелоки, подвески пользуются стабильным спросом в регионе и у туристов.

Ежегодно проводится фестиваль молодежной культуры «АРТ Квадрат», зарекомендовавший себя как хороший старт-ап. «АРТ Квадрат» – совместный проект Министерства образования и культуры [1], направленный на поиск и поддержку талантливой молодежи. Одновременно развернуло деятельность сообщество ArtWall, ставящее задачей развитие якутского современного искусства, основано в 2014 году командой Ykt.Ru. Основные формы работы: поддержка групп и сообществ проекта на Ykt.Ru и в социальных сетях, проведение офлайн и онлайн выставок, арт-фестиваля и создание Центра современного искусства в Якутске. Все работы разнообразной тематики и стиля, раскрывающие творческую индивидуальность участников. Так, молодыми авторами представлена живопись, графика, портреты, пирография, фотография. Выставленные работы можно приобрести по согласованию с авторами. Проект ArtWall перечисляет 25 % от продаж в благотворительный детский фонд «Харысхал» (фонд поддержки детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья РС(Я). «Харысхал» - пер. с як. милосердие), а также другие, менее громкие акции.

«Говоря о развитии этнических культур, необходимо осознавать, что возрождение традиций, языка, искусства этнических общностей является необходимым процессом, обеспечивающим и российской и мировой культуре многообразие и сложность. ...При этом неповторимое своеобразие каждой из этнических культур становится условием создания «цветущей сложности» как ситуации взаимодействия и диалога» [4. С. 187-188]. Нами приведены примеры практических решений, с разной степенью эффективности способствующих развитию ресурсного потенциала традиционной культуры саха (якутов). Рассмотрены современные формы выражения тюркского компонента культуры в городских реалиях национальной региональной столицы. Результаты контент-анализа статистических данных, официальных информационных порталов и городских СМИ позволяют предположить возможность практически неограниченного набора комбинаций современных форм на основе традиционной культуры. Практика показывает, что при условии избегания архаизации и изоляционизма, равно как и «ловушки» инсценированной аутентичности, в большинстве социокультурных проектов формы неотрадиционализма могут быть плодотворно использованы как ресурс в развитии региона. Рассматриваемый опыт может быть применен для анализа современных культурных процессов и выстраивания стратегий в региональных столицах и малых городах родственных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Якутске стартует фестиваль «Арт Квадрат» //URL: <http://ysia.ru/kultura/v-yakutske> (дата обращения: 20.09.2016).
2. Город Якутск // Статистика: взгляд через столетия /сост. О.В. Зуева и др. Якутск: Офсет, 2008. С. 416-458.
3. Гурьева Н. По следам «Народного бюджета» //Эхо столицы, 2015. 11 сентября. №103 (2477). С.14-15.
4. Костина А.В. Этническая культура: специфика развития в современном мире // Электронный информационный журнал «Новые исследования Тувы», 2009. №№ 1-2. С. 175-189 //URL: <http://www.tuva.asia> (дата обращения: 21.09.2016).
5. Кургузов В.И. О понятии «культурное пространство» и проблеме самоидентификации его регионального образца (на материалах Сибири) // Сибирь: Проблемы сибирской идентичности /Под ред. А.О. Бороноева. СПб., 2013. С. 62-75.

6. Легран Ж. Кочевые формы городов в степных кочевых империях // Урбанизация и нomaдизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 331-336.
7. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика - XXI век, 2011. 399 с.
8. Народный бюджет// URL: <http://якутск.рф/city/proekty/narodnyy-byudzheth/> (дата обращения 21.09.2016).
9. Никифорова С.В., Шарина У.И. Культурные индустрии в Якутске //Сборник публикаций научного журнала «Globus» по материалам VII международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире». СПб., 2016. С. 56-61.
10. Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия) <https://www.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 21.09.2016).
11. Штейнбах Х.Э., Еленский В.И. Психология жизненного пространства. СПб. : Речь, 2004. 239 с.
12. Якутия: Историко-культурный атлас. М. : Феория-ДИК, 2007. 872 с.

REFERENCES

1. V Jakutske startuet festival «Art Kvadrat» (In Yakutsk the Arth Kvadrat festival starts) Available at: <http://ysia.ru/kultura/v-yakutske> (accessed 20 September 2016).
2. Gorod Jakutsk. Statistika: vzgljad cherez stoletija [City of Yakutsk. Statistics: a look in centuries]. Yakutsk, Ofset, 2008. pp. 416-458.
3. Gur'eva N. Po sledam «Narodnogo bjudzheta» [In the wake of «The national budget»]. Jeho stolicy, 2015, 11 September, no.103 (2477), pp.14-15.
4. Kostina A.V. Jetnicheskaja kultura: specifika razvitija v sovremennom mire (Ethnic culture: specifics of development in the modern world). The Online information journal «New researches of Tuva», 2009, no. 1-2, pp. 175-189. Available at: <http://www.tuva.asia> (accessed 21 September 2016).
5. Kurguzov V.I. O ponjatii «kulturnoe prostranstvo» i probleme samoidentifikacii ego regionalnogo obrazca (na materialah Sibiri) [About the concept «cultural space» and a problem of self-identification of his regional sample (on materials of Siberia)]. Siberia: Problems of the Siberian identity. St. Petersburg, 2013, pp. 62-75.
6. Legrand Zh. Kochevye formy gorodov v stepnyh kochevyh imperijah [Nomadic forms of the cities in steppe nomadic empires]. Urbanizacija i nomadizm v Central'noj Azii: istorija i problemy. [The Urbanization and a nomadizm in Central Asia: history and problems]. Almaty, Dajk-Press, 2004, pp. 331-336.
7. Landry Ch. Kreativnyj gorod. [The creative city]. Moscow, Classics - the 21st century, 2011. 399 p.
8. Narodnyy byudzheth (2016). Available at: <http://jakutsk.rf/city/proekty/narodnyy-byudzheth> (accessed 21 September 2016).
9. Nikiforova S.V. and Sharina U.I. Kulturnye industrii v Jakutske [The cultural industries in Yakutsk]. Sbornik publikacij nauchnogo zhurnala «Globus» po materialam VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Obshhestvennye nauki v sovremennom mire» [The Collection of publications of the scientific journal «Globus» on materials VII of the international scientific and practical conference «Social Sciences in the Modern World»]. St. Petersburg, 2016. pp. 56-61.
10. Sakha.gov (2016). Available at: <https://www.sakha.gov.ru/> (accessed 25 September 2016).
11. Shtejnbah H.Je. and Elenskij V.I. Psihologija zhiznennogo prostranstva [Psychology of vital space]. St. Petersburg, Speech, 2004. 239 p.
12. Jakutija: Istoriko-kulturnyj atlas [Yakutia: Historical and cultural atlas]. Moscow, Feorija-DIK, 2007. 872 p.

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ
ИСКУССТВЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ КРЫМА:
КРЫМСКИХ ТАТАР, КАРАИМОВ И КРЫМЧАКОВ**

Котляр Елена Романовна

доцент, кандидат искусствоведения

Крымский инженерно-педагогический университет

г. Симферополь, Крым, Россия

E-mail: allenkott@mail.ru

Суть исследования состоит в выявлении континуума этнокультурных кодов в декоративно-прикладном искусстве тюркских народов Крыма. Актуальным направлением, по которому отсутствуют фундаментальные работы, является сравнительное культурологическое (типологическое, семиотическое, стилистическое) исследование устойчивых символов в декоративно-прикладном искусстве крымских татар, караимов и крымчаков. Результатом исследования является как нахождение единого культурного поля, характерного для ойкумены культурного ландшафта Крыма, так и выявление черт этнической идентичности каждого из трех этносов: крымских татар, караимов и крымчаков.

Ключевые слова: тюркские народы Крыма, крымские татары, караимы, крымчаки, декоративно-прикладное искусство.

Крым на протяжении многих веков является средокрестием национальных культур, путем «из варяг в греки», центром пересечения культур Востока и Запада. Уникальность культурной ойкумены составляет синтез языков, традиций, теософских воззрений, привнесенных каждым из этносов в период их миграции. Этноты, культура которых стала вехой в формировании крымского культурного ландшафта, можно условно отнести к трем группам. К первой группе относятся древние и не существующие ныне народы, исчезнувшие в результате войн либо растворившиеся в последующей крымской этносреде: скифы, сарматы, половцы, готы, гунны и др. Ко второй, самой многочисленной группе, относятся народы, для которых Крым изначально был диаспорой, однако, впоследствии стал новой родиной: к ним относятся, в первую очередь, греки, появившиеся в античности; итальянцы (генуэзцы) и армяне, периодизация крымского этапа культуры которых берет начало со времен Средневековья; а также многочисленные народы России и Западной и Восточной Европы – немцы, болгары, русские, украинцы, чехи, евреи, поляки, эстонцы и др. – в результате политических и социальных миграций в Новое и Новейшее время, в первую очередь, в связи с указами Екатерины II и освоением Крыма Российской империей путем колонизации. В качестве третьей группы народов могут быть выделены этноты, не имеющие иной родины, кроме Крыма: крымские татары, караимы и крымчаки, история которых на полуострове берет начало в VIII – IX в. Это выделение является условным: пестрое многообразие культурного ландшафта Крыма было сформировано на протяжении веков, каждый этнос, с одной стороны, внес свой вклад в общую крымскую культуру, а с другой, крымская земля становится местом нового развития идентичности каждого народа.

Крымские татары, караимы и крымчаки принадлежат к народам Крыма, представляющим в результате многовекового существования на единой территории и взаимной интеграции уникальный культурный континуум [6, с. 273]. Это обусловлено как параллелями экзегетики Торы - единого для всех трех религий первоисточника, так и с наличием в традициях богослужений всех трех этносов (караизма, талмудического иудаизма и ислама) отголосков верований древних тюрков, связанных образом бога Тенгри (Танъры),

олицетворяющему небо, и священным дубам [3]. Разговорные языки караимов, крымчаков и крымских татар являются близкородственными и относятся к кыпчакско-половецкой группе тюркских языков, однако для богослужений караимами и крымчаками используется язык Торы – иврит, а крымскими татарами – арабский [2, с. 111]. Предметы домашнего обихода и одежда тюркских народов Крыма позволяют констатировать очевидное сходство бытовой культуры, однако в культовой атрибутике прослеживаются существенные различия [9, с. 14]. Таким образом, взаимная культурная интеграция трех этносов очевидна лишь во внешних чертах, не мешая осознанию самоидентичности каждого из этносов Крыма.

Визуальным проявлением уникальности культурного ареала Крыма является народное декоративно-прикладное искусство, в котором отражаются как древние элементы теологии и фольклора каждого этноса, выраженные в изобразительной символике, так и наглядно прослеживается синтез культур, общность этнокультурного поля. Такое взаимопроникновение является естественным следствием компактного проживания народов на единой территории. Наглядным подтверждением этому является наличие континуума определенных этнокультурных кодов, выраженных посредством декоративно-прикладного искусства.

При изучении памятников традиционного искусства многонационального Крыма приходится нередко наблюдать множество сходных черт, что часто приводит к трудности атрибуции экспонатов. Эта особенность возникает в связи с тем, что основные элементы орнамента, их характерная стилистика в декоративно-прикладном искусстве и архитектуре крымских народов, ввиду их территориальной компактности, зачастую имеют общие корни.

При атрибуции и изучении предметов декоративно-прикладного искусства необходимо учитывать общую территорию проживания данных этносов, а также многочисленные аспекты культурной и бытовой общности, которые допускали, что некоторые предметы могли быть куплены, заказаны у одних и тех же мастеров. Это допущение обуславливает определенную сложность культурологической идентификации того или иного экспоната. Несомненным фактором определения принадлежности экспоната к культуре одного из этносов может стать только шрифтовая (эпиграфическая) композиция (надпись, клеймо или печать мастера) или гербовой знак, принадлежащий одной из знатных фамилий.

Типологические группы декоративно-прикладного искусства на территории Крыма по технологиям исполнения и материалам составляет следующий ряд: художественная вышивка и ткачество, художественная выделка кожи (тиснение, вырезание), художественные изделия из металла (ковка, литье, чеканка, чернение, гравировка), резьба по камню и (в меньшей степени) по дереву, художественная роспись, книжная миниатюра. Основные декоративные изображения в близкородственном по стилю искусстве крымских татар, караимов и крымчаков представляют собой орнаментальные элементы, и (в меньшей степени) стилизованные антропоморфные либо зооморфные изображения отдельных фигур. Эта особенность связана с религиозными запретами на изображение живых существ (людей и животных) в исламе, изображение человека в иудаизме, что привело к формированию в качестве основных типов орнамента трех групп: геометрического, растительного, и, позднее, эпиграфического (шрифтового). Несмотря на то, что в декоративно-прикладном искусстве Крыма периода позднего Средневековья присутствуют изображения людей и животных, позднее благодаря взаимовлиянию культур традиции декора постепенно приходят к почти исключительно абстрактному (геометрическому) и фитоморфному орнаментальному декору.

Народный орнамент, как совокупность визуальных архетипов, является объектом исследования ряда разделов культурологии: так, этнография изучает предметы декоративно-прикладного искусства, как часть народной религиозно-фольклорной

культуры, истории и формирования традиционной магической практики и бытовой жизни. Предметом изучения этнологии являются предметы быта и элементы орнамента, как примеры взаимопроникновения кодов культуры, что, безусловно, актуально для народов, существующих в непосредственной близости, в частности, крымских татар, караимов и крымчаков. С точки зрения семиотики орнамент рассматривается в ключе семантики того или иного символа, последовательного развития его стилистики и воплощения в традиционном декоративно – прикладном искусстве.

Орнамент занимает важное место в культуре любого этноса, выступая не только в качестве декора, но и как невербальный семиотический код, направленный на осуществление коммуникации. Первоначальная метафора элементов орнамента может меняться в процессе культуругенеза. Одна из задач исследователя - этнолога состоит в изучении ретроспективы семантики орнаментальных символов и выявлении алгоритма последовательности этих изменений.

Семантика многих изображений крымского орнамента восходит корнями к древности. Типичные изображения появлялись в культурах древних народов как независимо друг от друга, так в ходе заимствования одними культурами из других в процессе филогенеза. Ряд орнаментальных знаков являлись частью амулетов (особенно это относится к знакам, носимым на одежде или в качестве украшений).

Исследователем М. Селивачевым была предложена классификация орнаментики, впоследствии развитая Н. М. Акчуриной-Муфтиевой [1, с. 228], при которой визуальные элементы орнамента подразделяются на: антропоморфные, зооморфные, фитоморфные, скевоморфные, астральные, абстрактные (геометрические), текстовые (эпиграфические).

В качестве солярного символа в семиотике крымского орнамента использовалось изображение четырех-, пяти-, или многолучевых знаков со скругленными концами, в виде цветка, или с лучами, загнутыми в виде свастики. Также в значении Солнца (или радуги), изображались концентрические круги. Радуга символизировала семь дней Творения, чудо, благословение Всевышнего. Также визуализацией Солнца могла быть концентрическая спираль.

В изображениях астральной символики в крымском искусстве часто встречается шестиконечная звезда (*гексаграмма*). Ее семантика восходит к Древней Индии, где она являлась символом *Анахата* или *Анахата – чакра*, а позднее олицетворяла культ богини *Иштар (Астарты)* на Среднем и Ближнем Востоке. *Гексаграмма*, как и *пентаграмма*, начиная с бронзового века использовалась в магических и декоративных целях у многих этносов, территориально удаленных друг от друга, как, например, кельты Британии и семиты Месопотамии.

Два треугольника, составляющих *гексаграмму*, символизируют взаимопроникновение добра и зла, мужского и женского начал, неба и земли. В крымском искусстве *гексаграмма* олицетворяет образ *Щита Дауда (Давида)*, указывая на единый духовный первоисточник – Пятикнижие Моисеево (Тору), лежащий в основе религиозных представлений тюркских народов Крыма. Также Тору олицетворяет *пентаграмма* – пятиконечная звезда, которая изображалась в царской России на гербе караимов. *Гептаграмма* – семиконечная звезда в крымской орнаментике связана с семью днями Творения. *Октаграмма* – восьмиконечная звезда, состоящая из двух пересеченных под углом квадратов, является символом внутренней динамики человека, антиподом стабильности квадрата. *Октаграмма*, согласно Торе (Пятикнижию) также олицетворяет восемь порожденных Всевышним первоэлементов. В исламе восьмиконечная звезда означает *Руб Аль Хизб* – разделяющий хизбы в Коране каллиграфический символ [1, с. 254]. В караимском декоре наряду с *гексаграммой* встречается отдельное изображение расположенных вершинами или основаниями друг

к другу двух треугольников. Из треугольников иногда состоит большая *гексаграмма* или *октаграмма*. Встречаются изображения, где вершина каждого треугольника лежит на основании противоположного ему (неполная, незавершенная *гексаграмма*). Можно предположить, что этот символ означает вечное движение сил, противоположных друг другу. В крымскотатарском декоративно-прикладном искусстве треугольник являлся традиционной формой амулетов.

Рисунок в виде звезд был частью сформировавшегося в Малой Азии завезенного в Крым турками-сельджуками и армянами *сельджукского стиля* и [1, с. 231]. К *сельджукскому* орнаменту принадлежат так называемые *плетенки*, *сельджукские цепи* – узоры, напоминающие сложно переплетенные жгуты. Обращая внимание на их повсеместное распространение в иудейском, христианском, и мусульманском декоре Крыма, ряд ученых полагают обоснованным определение единого «крымского стиля» в архитектуре полуострова позднего Средневековья [5]. Цепь, плетенка символизирует плодотворный каждодневный труд, семейные узы, непрерывность связи с предками. Семиотическим синонимом цепи является изображение интегральной спирали.

Иногда присутствующие в традиционном орнаменте караимов, крымчаков и крымских татар зооморфные и антропоморфные элементы, представлены в видоизмененной до неузнаваемости аллегорической форме. В качестве примера можно рассмотреть элемент ‘бараний рог’, представляющий собой две спирали в зеркальном отражении, ‘коготь’ – в виде горизонтальной черточки, ломаную линию – ‘воловий след’, и пр. Более близкие к реальности, хотя и стилизованные изображения животных и птиц (льва, орла, петуха и др.), появляются в первой трети XX в., во время повсеместного распространения в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве эклектики стиля модерн, и постепенного отхода от народных истоков.

Многообразие фитоморфных символов орнамента тюркских народов Крыма связано не только с богатой крымской флорой, но и с устоявшимися в восточной традиции символическими значениями орнаментальных элементов. Изображения деревьев, цветов, плодов, листьев, помимо декоративной функции, играют важную роль передачи информации. Коннотации растительных символов в декоративно-прикладном искусстве крымских этносов представляет собой систему образного зашифрованного письма, подобного пиктографическому, понятному для любого представителя тюркских этносов Крыма.

Древо жизни, или *райское дерево*, принадлежит к общим архетипам многих восточных народов, в двух значениях: как часть райской жизни, которой будут удостоены праведники, и в качестве символа рода, плодородия, преемственности поколений путем мудрости религиозных наставлений и следования традициям. Корни означают предков, истоки, ствол – опору рода, ветви, отходящие от него – представителей рода [8].

Одной из интерпретаций символа *Древа жизни*, встречающейся как в караимской, так и в крымчакской традициях, является форма *меноры* (семисвечника). В буквальном переводе *менора* (ивр.) – ‘светильник’, однако понятие традиционно применяется по отношению к семисвечнику, все ветви которого развернуты в одной плоскости. При всем разнообразии менор, независимо от места и времени их создания, все они имеют сходство с деревом, которое может быть одной из визуализаций *Древа жизни*.

Ветвь дерева нередко изображалась украшенной цветами, что символизировало гендерную принадлежность членов семьи (тюльпан при этом означал мужчину, роза, гвоздика – женщину). Изображение некоторых плодов, в которых много семян (например, гранат, виноград, стручок фасоли) трактуется, как плодородие, крепкие семейные узы. Иногда в значении *Древа жизни* (райского дерева) встречается изображение вазона с цветами и плодами на ветках, а также отдельной ветви фасоли или граната.

В семиотике орнамента Крыма синонимом Древа выступает восходящее к тавроскифам изображение S-образно изогнутой ветви *Эгри-дал*. В очертаниях орнаментов часто присутствует мотив растительного волнообразного побега, или виноградной лозы, с отростками – ‘усиками’. Волнообразный мотив является символом воды, бесконечности времени. Виноградарство является одним из наиболее древних видов сельскохозяйственных промыслов в Крыму, поэтому мотив винограда является типичным в орнаментике многих народов Крыма, встречаясь и в декоре христианских храмов (особенно армянских), и в караимском и крымчакском декоративном искусстве, и в крымскотатарском обиходе [1, с. 202].

Общий для караимов и крымчаков древнетюркский обряд поклонения богу *Танъры* ‘богу Неба’ у Священных дубов на кладбище *Балта Тиймэз* (‘топор не коснется’) также связан с деревом. Для восточной традиции является характерным почитание дерева, как вместилища божества, и неба, как божественного пространства. Культ, связанный с божеством *Танъры*, является частью погребального обряда караимов и крымчаков [6, с. 260].

Место погребения наделено сакральным смыслом в традициях практически всех народов. В связи с этим символический характер носят как форма надгробий, так и изображения на них. В изображениях на крымскотатарских надгробиях часто встречается эпиграфический орнамент, элементы которого являются шрифтовыми символами. В караимских и крымчакских эпитафиях нет шрифтовых композиций, однако начертание букв, украшенных засечками и огласовками, выступает в качестве декора.

К одним из наиболее древних шрифтовых символов относятся изображения *тамг* – родовых знаков, имеющих древнетюркские корни и встречавшихся как у караимов и крымчаков, так и у крымских татар. В степном Крыму были неоднократно найдены камни с разнообразными тамгами, отмечавшие место захоронения кочевников. *Тамги* (геометрические знаки, основанные на древнетотемных апокрифических изображениях) в период Золотой Орды представляли собой тавро для клеймления скота. Впоследствии эти изображения стали геральдическими символами. *Тамга*, напоминающая изображение гребня, весов или буквы ‘Т’, была родовым знаком Гиреев (так называемая *Тарах – тамга*). У караимов тамга имела очертания двурогого копья *сэнэк*, подобие буквы ‘У’ [10].

Особенное развитие шрифтовой орнамент получил в крымскотатарском декоративно – прикладном искусстве, где он появился с распространением ислама. Эпиграфика применялась как в архитектурной резьбе и росписи, декоре надгробий, так и в декоративном оформлении бытовых предметов. Надписи, содержащие молитвы и изречения из Корана, использовались в качестве оберегов и были наделены сакральным смыслом.

Сходную коннотацию имеют караимские и крымчакские надписи, представляющие собой часть имени Всевышнего и использующиеся в качестве амулетов. Непроизносимое четырехбуквенное имя Господа – (ивр. יהוה, транслитерация *YHWH*) – соотносится с собственным именем Всевышнего. При чтении это имя заменяется на *Адонай*, *Хашем*, *тетраграмматон*, в связи с запрещением произносить имя Всевышнего вслух. Амулет, содержащий надпись (יה) называется *хайя* [8].

Изображения *Тугры* – геральдического символа, по назначению аналогичного тамге, являются частью крымскотатарского эпиграфического орнамента. *Тугра* использовалась в качестве гербового знака на государственных бумагах, монетах, в декоре бытовых предметов. *Тугра* представляет собой асимметричный завиток, похожий на волну, и изображение трех флагов, ее элементы состоят из шрифтовых символов арабского письма.

Выводы. Крымские татары, караимы и крымчаки – тюркские этносы Крыма, сформировавшиеся в эпоху Средневековья на территории полуострова. Ввиду активного взаимодействия друг с другом вследствие компактного проживания этих народов произошла

их частичная культурная интеграция, которая, однако же, не исключает идентичность культур каждого из них в отдельности.

На примере традиционного орнамента в декоративно-прикладном искусстве было выявлено множество сходных коннотаций символики. Таким образом, можно говорить о единстве семиосферы, при котором идентичные символы (с некоторыми нюансами прочтения) используются в практике декоративно-прикладного искусства каждого из трех этносов.

Безусловным фактором общности являются параллели экзегетики единого сакрального первоисточника – Пятикнижия, а также наличие в культурных кодах религии тюркских народов Крыма языческих древнетюркских верований. Это обуславливает близкое по значению прочтение того или иного орнаментального символа в декоративно – прикладном искусстве каждого из трех обозначенных этносов, создавая единый культурный континуум.

Наряду с семиотикой и семантикой, культурный континуум прослеживается и в единой стилистике произведений декоративно – прикладного искусства, выработавшейся на протяжении веков и обусловленной взаимопроникновением художественных традиций всех трех тюркских этносов, а также их взаимодействия с другими культурами – турецкой, армянской, греческой, византийской и пр. Исходя из семантических особенностей орнаментальных примеров, можно сделать вывод, что единый стиль на территории Крыма сформировался на основе малоазийского орнамента и символики, привнесенной в Крым сельджукской волной.

Важным выводом является и уникальность художественной культуры каждого из трех тюркских этносов Крыма, связанных с различиями в религиозной практике, что позволяет говорить о декоративно – прикладном искусстве тюркских народов Крыма, как об историко – культурном феномене, при котором сходство не подавляет идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурина-Муфтиева Н.М. Декоративно-прикладное искусство крымских татар. Симферополь: ВАТ Сімферопольська міська друкарня, 2008. 392 с.
2. Кизилов, М.Б. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. 336 с.
3. Лякуб, П.М. Крымчаки. 1891 г. (рукописная копия 1936 г.). ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым». Ф. № р – 4967, оп. 1, ед. хр. № 138. Л. 2 – 34.
4. Молчанова Г.Г. Синергия визуального и вербального в хроматике (живописи), как семиотический код коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №2. С. 7 – 19.
5. Орбели И.А. Проблема сельджукского искусства. Труды Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.: АН СССР. 1939.
6. От киммерийцев до крымчаков. Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. Симферополь: Феникс, 2014. 286 с.
7. Рославцева, Л. И. Одежда крымских татар конца XVIII – нач. XX в.: Историко – этнографическое исследование. М.: Наука, 2000. 104 с.
8. Тюркские народы Крыма. Караимы, крымские татары, крымчаки. М.: Наука, 2003.
9. Шапшал, С.М. Караимы СССР в отношении этническом. Симферополь, 2004. 80 с.
10. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л. 1964.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX ВЕКЕ:
НА ПРИМЕРЕ ВНЕДРЕНИЯ ЧАЯ**

Избасарова Гульбану Болатовна (Москва)

доцент, кандидат исторических наук, докторант

исторический факультет

кафедра истории России XIX – начала XX в.

МГУ им. М. В. Ломоносова

E-mail: iz_gulbanu@mail.ru

Статья посвящена изучению трансформаций произошедших в кочевой среде казахов в XIX веке. Исследуется вопрос, как имперская администрация, в изменившихся условиях, попыталась внедрить кирпичный чай среди кочевников. Рассматривается также история распространения и утверждения чая у казахов, роль Оренбургской администрации по внедрению данного напитка среди номадов.

Ключевые слова: казахи, Младший жуз, чай, кочевники, Азиатский департамент, оренбургская администрация, кирпичный чай.

Постепенное интегрирование казахского социума в имперское пространство в XIX в. затронуло многие сферы жизнедеятельности кочевников. Модификации в механизме управления кочевыми обществами, преобразования в хозяйственной деятельности, привели к процессу трансформации традиционного уклада кочевников. Одним из таких примеров является распространение чая среди казахов. В роли чая и во внедрении его среди кочевников была заинтересована российская имперская правящая элита. В 1829 году в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел возник вопрос об увеличении торговли с Китайской империей. Основными товарами поступавшими тогда в Россию были чай и шелк. Чай поступал двух сортов: настоящий и кирпичный. На первый потребность была большой, на второй же предложение всегда превышало спрос, и значительное количество этого чая оставалось необмененным, т. к. потребителями его являлись почти исключительно народы Сибири. Россия разменивала до 1849 года чай в Кяхте на сибирские меха и произведения московских и владимировских фабрик (сукно, парча, тюль и др.). Но в 1849 году, основанная Петром I и укрепленная Екатериной II, разменная торговля уступила место покупке чая в Кяхте на золото и серебро. Вскоре после этого разрешается ввоз китайского чая по всем «заграничным западным таможенным и в портах морей Балтийского и Черного». По мнению казанского купца В. А. Кокорева, отмена меновой торговли чаем стала одним из экономических провалов России [Кокорев, 1887-2, с. 534].

В 20-е годы XIX в. в МИДе возник вопрос «нельзя ли обучить и других инородцев, обитавших в России, к употреблению кирпичного чая?» [Тургайская газета, 1903, с. 3]. Внимание было обращено на казахов. В Государственном архиве Оренбургской области сохранилось письмо вице-канцлера графа К. В. Нессельроде направленное оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену от 20 февраля 1829 года. В этом интересном документе говорилось о необходимости «ввести между кочевыми народами (казахами и башкирами), обитающими за Уралом, привычку употребления кирпичного чая, которая должна принести выгоду казне Российского государства в торговле с Китаем, в частности на Кяхтинской таможене» [ГАОО, л. 1]. Главным аргументом явилось то, что такие подвластные России кочевые народы «монгольского племени Буряты и Калмыки силою времени и обычая получили к такому чаю охоту, что ныне находят в ней почти классный предмет пищи и

питья трезвого, здорового и дешевого. Даже наши поселяне, живущие в смежности с ними, заимствовали от них ту же привычку, способствующую при том, и к сбереженью стад, ибо, как те, так и другие употребляют кирпичный чай, легко обходятся без мяса» [ГАОО, л. 1]. Он рекомендует «искать новые пути для продажи китайского чая. В семь отношений представляется новый, многочисленный класс потребителей: кочевые народы, за Уралом обитающие, коих и нужно приучать, подобно вышеуказанным племенам, пить тот чай», и предлагает выдавать казахам, «в Оренбург приезжающим для возбуждения в них охоты, в виде подарков по несколько брусков кирпичного чая» [ГАОО, л. 2об].

Начальник края П. К. Эссен, получив предложение содействовать развитию торговли кирпичным чаем, сделал распоряжение «об ассигновании 1000 рублей из сумм на подарки азиатцам», чтобы на эти деньги покупали кирпичный чай для раздачи отличившимся усердием казахам. Предполагалось, что те, в свою очередь, привыкнув к его употреблению, будут распространять эту привычку среди соплеменников [Тургайская газета, 1903, с. 3]. Оренбургская администрация приступила к выполнению поставленной задачи, выдавая казахам за услуги, оказываемые по службе, чай вместо денег и вещей. Так, например, казахский старшина из рода тама за оказанную помощь войсковому старшине Аржанухину в доставлении денег 6000 руб и 108 лошадей на удовлетворение жителей 26 июня 1830 года был награжден в 3 руб. 50 коп. одним кирпичным чаем [История, 2006, с. 40].

Но, как показывают источники, «кирпичный чай не вошел в обиход» [ГАОО, л. 9 об]. Среди провалов данного мероприятия администрация упоминает два фактора: привычка у кочевников употреблять кумыс в большом количестве и недостаток в степи топлива, необходимого для разведения твердо сбитого кирпичного чая [ГАОО, л. 20].

В 1832 году директор Азиатского департамента обращался с напоминанием к графу П. П. Сухтелену, заменившему на посту военного губернатора графа П. К. Эссена: «убеждаясь пользою приучения киргизов к кирпичному чаю, истинно отечественного, и по неизвестности, до какой степени оказался успешным первый опыт, учиненный графом Эссеном, я обязанностью поставляю покорнейше просить Вас, почтить меня по сему предмету Вашим уведомлением и буде выше изъясненные меры ко введению кирпичного чая между киргизским народом оказались недействительными, то употребить другие средства, какие по усмотрению признаете наивернейшими и как удобнейшими... Введение между киргизами кирпичного чая, без сомнения, увеличило бы самые требования на него и, таким образом, отрасль сея торговли получила бы новую силу для вечной пользы отечественной промышленности» [Тургайская газета, 1903, с. 3].

Граф П. П. Сухтелен выяснил, что сумма, ассигнованная П. К. Эссеном была не использована полностью. Всего было роздано на подарки 22 штуки кирпичного чая стоимостью по 3 рубля 50 копеек. Данная раздача не принесла успехов. В 1830 году Оренбургская пограничная комиссия не отправила в казахскую степь кирпичного чая, тогда как в 1829 году было отправлено 21 пудов 38 фунта. Оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен пишет полковнику Г. Ф. Генсу: «подтвердить, дабы продолжали знакомить киргизов с кирпичным чаем, и, когда оно не будет доставать, то из суммы на угощения опять оным заплатить». Таким образом, данный документ показывает активное участие административного аппарата империи по внедрению чая в среду казахов Младшего жуза, но чай и чаепитие не получили своего распространения в 30-40 годы XIX века.

Чай проникает в Казахстан двумя путями – через Джунгарию и Россию, но распространению его среди казахов были заинтересованы в Санкт-Петербурге. Употребление в среде кочевников чая связано с изменением быта. «Кирпичный», или его называют еще монгольский чай, не прижился на первом этапе среди казахов. Факторами, затрудняющими распространение чая были: наличие напитков конкурентов (кумыс, шубат, айран); чужое

сырье; необходимость специальных знаний и оборудования, дороговизна, консерватизм обычаев. Переход к оседлому образу жизни казахов и распространение русского самовара, при котором заваривание чая превратилось в быстрое и несложное дело, способствовало распространению чая среди кочевников.

С. Абашин отмечает, что «основными проводниками моды на чай становятся западные монголы (джунгары или калмыки), отчасти китайцы; чай распространяется, прежде всего, среди среднеазиатской элиты, среди кочевников и горожан; чай употребляют вместе с традиционными для кочевников молочными и жировыми продуктами. Также основными проводниками широкого распространения чая становятся мигранты из Восточного Туркестана: чай обретает популярность в сельской местности; чай употребляют в основном без дополнительных продуктов животноводства. На втором этапе чай из «элитного» превращается в «народный» напиток» [Абашин, 2001, с. 211].

Одной из причин употребления чая казахами в XIX веке указывается, «сухой, накаленный до 45-50 градусов воздух, отсутствие здорового, утоляющего жажду питья. Этот благотворный напиток – чай необходим, чтобы хоть сколько-нибудь освежить себя и прогнать ту горечь и истому, какие являются следствием употребления горько-соленой, стоячей воды» [Тургайская газета, 1896, с. 3].

О появлении чая в казахской степи сообщает Бийбит Даулбаев. В своей работе «Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год», за которую он получил серебрянную медаль Русского географического общества (второй после С. Бабаджанова), пишет о существенных культурно-бытовых изменениях в жизни казахов за 50 лет. Среди этих изменений он упоминает о внедрении чая в среду кочевников. «С 1853 года, сначала бедные, а потом и богатые стали заниматься хлебопашеством, и с того же времени киргизы начали жить роскошно и сытно и между прочими предметами роскоши стали употреблять чай. Чай сначала пили из чугунных кумганов (рукомойников), потом из медных чайников и наконец, уже начали пользоваться самоварами. В 1854 году при одном народном собрании, между прочими разговорами, коснулись чаепития и стали считать самовары; при чем оказалось в двух дистанциях, состоящих приблизительно из 2000 кибиток, только еще до 14-ти самоваров, тогда как *в настоящее время* у прилинейных киргиз на 10 кибиток приходится по одному самовару, а чаю теперь из 10 семейств разве только одно не употребляет» [Даулбаев, 1881, с. 114].

Казахский поэт Абубакир Шоканулы (1861-1905), получивший образование в Оренбурге, а затем в Троицке, в своем произведении «Сказание акына о превратном положении эпохи» с горечью сообщает, что чай с элитного напитка в кочевой среде, который употребляли только ханы, султаны, баи превратился в достояние женщин, детей и слуг. Ниже мы приводим текст в оригинале.

...Қор болған, үшіншіден, шекер мен шай,
Хан, төре, ішуші еді мырза мен бай.
Бұл күнде қатын - қалаш, пақыр - малай
Мырзамен қатар ішті дәулеті сай.
Басына асылдардың кемдік жетіп,
Арзандап кетті білем бәрінен шай.
Тар шалбар, бешпент шықты қынамалы,
Жігітке шапан киген ұнамады.
Сары жез самаурыны тағы шықты,
Машина шүмегі бар бұрамалы.
Төсектен ерте тұрып бас ауырса
Бөтен ем шайдан басқа сұрамады...

Автор отмечает, что причиной широкого распространения чая явилась его дешевизна. Хотя данные, опубликованные в периодической печати того времени, говорят об обратном.

В периодической печати того периода пишут, что «киргизы большие охотники чая» [Тургайская газета, 1896, с. 3]. По данным этого источника, «...киргиз (казах – И. Г.) пьет чай в большом количестве. Самая бедная семья выпивает в месяц до 2 ф. чаю и употребляет 2 ф. сахару, а зажиточные до 8 ф. и более». Но казахи сталкивались с трудностью добычи и приобретения чая в степи. Были своего рода «благодетели», которые проводили чайную аферу. «Фунт чая при 2 ф. сахара, стоимостью (чай – 1руб. 20 коп, сахар – 32 коп) 1 руб. 52 коп., продавали за 3 руб. 50 коп. Байгуши, у которых не было наличных денег брали его в счет будущего урожая проса. «Хорошо, если весна благополучна и принесет обильный урожай, то оно не накладно, но в случае неурожая киргиз (казах – И. Г.) совершенно ограблен и делается должником в третьи и четвертые руки, удовлетворяя «благодетеля» бараном, конечно, взятом у другого такого же благодетеля, обязываясь уплатить вдвое – 7 руб и больше», – сообщают источники [Тургайская газета, 1896, с. 3].

Одной из причин распространения чая среди казахов стал переход от аграрной к промышленной экономике. Казахстанский ученый Р. Бекназаров указывает, «что со второй половины XIX века чай начинает постепенно вытеснять молочные продукты кочевников, чему способствовал переход большей части населения к полuosедлости. Оседание казахов привело к общему сокращению поголовья скота, что, в свою очередь, отразилось на уменьшении объемов выработки молочных продуктов. С этого периода чай начинает свое триумфальное шествие по степям Казахстана» [Бекназаров, 2009, с. 32]. Е. М. Пещерова отмечала: «...чай стал доступен для широких масс только тогда, когда цены на него упали, что произошло вследствие появления в Средней Азии русских, строительства железных дорог, открытия новых торговых путей [Пещерова, 1959, с. 288].

Русский самовар выполнял функцию не только бытовой посуды, но и социальную. На страницах «Русского архива» есть интересный рассказ о роли самовара. В Петербурге произошла беседа князя М. С. Воронцова, прибывшего из Кавказа, с русским купцом В. А. Кокоревым, который в это время был откупщиком на Кавказе. Во время беседы князь сообщил, что ищет людей в Ставрополе, которым он бы мог давать разные поручения для сближения мирных аулов с не мирными путем гражданского завоевания последних, посредством развития знакомства и торговых интересов. На что отвечает В.А.Кокорев: «... а позвольте мне рекомендовать Вам такого фактора для сближения, который никогда ничего не перепутает, а будет постоянно основывать, хотя и медленную, но прочную связь сношений. Рекомендуемый мною фактор – просто русский самовар. На Западной границе мы сходимся с соседями иногда на пиве, а на Восточной можем всегда сходить на самоваре, который азиатцы до такой степени любят, что при появлении самоваров в мирных аулах, туда станут ездить из аулов не мирных, чтоб рассиживать долго и пить чаю много, обобщаясь в это время разными беседами» [Кокорев, 1872-4, с. 507-508].

В XIX в. появляется термин «чашка чая». Данное выражение, служило в купечестве обозначением грядущего объявления о банкротстве. Предприниматель, не имевший возможности расплатиться с долгами, приглашал кредиторов на «чашку чая», чтобы в неофициальной обстановке уговорить их удовлетвориться уплатой части долгов. В городах при мастерских появляется традиция угощать чаем посетителей, клиентов. Если хозяева не угощали чаем, это считалось дурным тоном.

Таким образом, распространение чая и чаепития в Казахстане происходит во второй половине XIX века. Основным проводником его распространения является российская администрация. Чай распространяется сначала среди элиты казахского общества ханов, султанов, а затем дешевизна товара, изменения уклада жизни кочевников приводят к

расширению его употребления простыми кочевниками. Чай в период трансформации общества из «чужого» напитка превращается в «свой». Он становится доступным для всех, существенно дополнив пищевой рацион кочевников. Переход от кочевого быта к полуседлому и оседлому был главным условием его распространения среди казахов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашин С. Чай в Средней Азии: история напитка в XVIII-XIX веках // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 204 – 230.
2. Бекназаров Р.А. Казахи и чай: историко-этнографическое исследование // Этнографическое обозрение. 2009. №5. С. 51-62.
3. Выгодная операция // Тургайская газета. 1896. №80. 10 июля.
4. Государственный архив Оренбургской области. Ф.6.Оп.10.Д.3487.
5. Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год // Записки Оренбургского отдела РГО. 1881. Вып. 4. С. 98–117.
6. История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. VIII. Ч. 2. 968 с.
7. Кокорев В.А. Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 года В.А. Кокорева // Русский архив. 1887. Кн.1. Вып.2. С. 245-280
8. Распространение кирпичного чая среди киргизского населения // Тургайская газета. 1903. №22. 25 мая.
9. Кокорев В.А. Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 года В.А. Кокорева. Восточная война и ее особенности // Русский архив. 1887. Кн.1. Вып.4. С. 503-514
10. Пещерова Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М. - Л.: Наука, 1959. 395 с.

TRANSFORMATION OF KAZAKH SOCIETY IN XIX CENTURY ON THE EXAMPLE OF TEA INTRODUCTION

Izbassarova Gulbanu

Candidate of Historical Sciences

Lomonosov Moscow State University

iz_gulbanu@mail.ru

This article studies the transformations in the Kazakhs nomadic environment in XIX century. The attempt of imperial administration to introduce the brick tea among Kazakh is researched. In addition, the history of spreading of the tea as well as the role of Orenburg administration in the introduction of this beverage among nomads.

Key words: Kazakhs, Junior Horde, tea, nomads, Asian Department, Orenburg administration, brick tea.

**РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В КИТАЕ В СВЕТЕ СОЗДАНИЯ
«ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ»**

Закиров Ильнур Вагизович

*кандидат географических наук, доцент
Башкирский государственный университет
географический факультет, кафедра экономической географии, Уфа
E-mail: ziw69@rambler.ru*

Ситдикова Азалия Равилевна

*магистрант 2-го года обучения
Башкирский государственный университет
географический факультет, кафедра экономической географии, Уфа
E-mail: ms.azalka@mail.ru*

Данная статья посвящена анализу особенностей развития туризма в Китае, связанных с реализацией проекта «Экономический пояс Шелкового пути». В статье рассматривается суть инициативы «Экономический пояс Шелкового пути». Помимо экономических механизмов реализации проекта отмечается важность роли туристской сферы как средства укрепления культурных обменов и связей во всех областях между разными цивилизациями. Характеризуется туристский потенциал Китая. Наибольшее внимание уделено развитию культурного туризма. Предлагается интенсифицировать туристский обмен между Китаем и тюркоязычными странами Шелкового пути, которые в значительном количестве представлены на этом поясе, а также шире использовать туристские возможности Синьцзян-Уйгурского автономного района, где проживают представители тюркской языковой группы $\frac{3}{4}$ уйгуры.

Ключевые слова: «экономический пояс Шелкового пути», туризм, культурный туризм, туристская сфера, тюркоязычная страна, Великая Китайская стена.

В 2013 г. Китайская Народная Республика (КНР) выдвинула инициативу проекта создания «Экономического пояса Шелкового пути». Суть данной китайской инициативы заключается в поиске, формировании и продвижении новой модели международного сотрудничества и развития с помощью укрепления действующих региональных двусторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействий с участием Китая. Этот проект будет содействовать продолжению и развитию духа древнего Шелкового пути. Предлагаются новые комплексные механизмы пространственного взаимодействия. К ним можно отнести не только выработку обновленных принципов регионального экономического партнерства, стимулирование экономического роста всех стран Шелкового пути, но и укрепление культурных обменов и связей во всех областях между разными цивилизациями, а также содействие миру и устойчивому развитию. Последние из перечисленных механизмов будут достигаться, в том числе, и за счет развития туризма. Поэтому туристской сфере в Китае уделяется значительное внимание.

Во многих странах туризм играет значительную роль в формировании валового внутреннего продукта, активизации внешнеторгового баланса, создании дополнительных рабочих мест и обеспечении занятости населения. Туристская сфера оказывает огромное влияние на такие ключевые отрасли экономики, как транспорт и связь, строительство, сельское хозяйство, производство товаров народного потребления и другие, т.е. выступает своеобразным стабилизатором социально-экономического развития. Для повышения эффективности

туристской отрасли необходимы научные изыскания. Ряд аспектов развития туризма был изучен в ранее опубликованных работах авторов [Бакиева, Закиров, 2016, с. 52, Закиров, Жалгас, 2016, с. 509; Закиров, Мазитова, 2016, с. 178-181; Закиров, 2016, с. 105; Приходько, Закиров, 2016; Ситдикова, Сафиуллина, 2015, с. 106-107].

Перспективы развития китайского рынка туризма огромны и внушают большой оптимизм. Согласно данным ЮНВТО, в 2020 году Китай займет первое и четвертое места в мире соответственно по числу принятых туристов из-за границы и числу отечественных туристов, совершивших заграничные туристские поездки [Лапина, Васильев, Меликсетов, Писарев, 2013, с. 89].

В последнее время Китай стал активно развивать культурный туризм. Страна знакомит туристов со своей историей, традициями, обычаями и разными культурно-историческими достопримечательностями. Стоит отметить, что в Китае 99 населенных пунктов имеют статус исторических и культурных центров.

750 местных реликвий истории защищаются программой «Мировое наследие», а 19 культурных памятников включены в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Наиболее интересными достопримечательностями для туристов в Китае являются: грандиозное сооружение $\frac{3}{4}$ Великая Китайская стена, монастырь Шао Линь, Дворец Императора, а также армия Цинь Ши-хаурди [Сидихменов, 2015, с. 148].

Китай, известный всем как «Фабрика мира», $\frac{3}{4}$ это не только огромное государство с тысячами заводов и перенаселенными городами и общим населением больше миллиарда человек, но также один из самых интересных и многообразных туристических центров. Китай занимает третье место по площади территории (после России и Канады). Здесь есть всё, что только может быть интересно иностранцу: архитектурные памятники одной из древнейших цивилизаций, национальные парки с различным климатом и природой, современные мегаполисы и небольшие провинциальные городки с сохранившейся самобытной культурой, изумительные песчаные пляжи и недостижимые белоснежные горные вершины.

Сегодня Китай продолжает работу по привлечению туристов, происходят реформы в вопросах визового режима и т.д. Важное место отводится туристским обменам со странами Шелкового пути, в которых проживают тюркские народы (Россия, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения, Азербайджан и Турция).

Лидирующее место в сфере туризма Китая, как и во многих странах, занимает культурный туризм. В стране, чья история насчитывает не одну тысячу лет, есть великое множество памятников различных династий, правивших еще до нашей эры, места паломничества буддизма и других религий с колоссальными скульптурами и храмами, и конечно одна из визитных карточек Китая $\frac{3}{4}$ Великая Китайская стена. Причем в зависимости от региона архитектура и культурные особенности в Китае значительно отличаются друг от друга [Лапина, Васильев, Меликсетов, Писарев, 2013, с. 49-50].

Неотделимой частью культурного туризма в Китае является и этнический туризм. Страну населяют десятки народностей, которые имеют свою национальную одежду, быта, кухню и даже языки. И хотя сами китайцы составляют 93 % населения страны, даже они различаются от провинции к провинции. Туристы смогут познакомиться здесь не только с культурой и бытом жителей Китая, но и с их уникальной жизненной философией, которая так отличается от культуры Запада.

Для тюркских народов стран «Экономического пояса Шелкового пути» интерес представляет Синьцзян-Уйгурский автономный район, в котором проживают тюркоязычные уйгуры. В древности по территории региона проходил Великий Шелковый путь. Значительное количество достопримечательностей находится в административном центре района $\frac{3}{4}$ Урумчи.

Также как и менталитет Востока и Запада, китайская народная медицина отличается от западной. Это вызывает особый интерес к оздоровительному туризму в Китае. Знания, накопленные китайскими лекарями за тысячелетия, и сегодня помогают десяткам тысячам людей, страдающим от острых и хронических заболеваний. Лекарственные травы, целебные источники, различные виды массажа, иглоукалывание и многое другое стоит на вооружении китайских врачей. Кроме того, в санаториях Китая можно просто поднять иммунитет и жизненный тонус.

Китай нельзя назвать экологически стабильным государством из-за обилия заводов и электростанций, большой плотности населения. Однако, в стране есть национальные парки, где сохраняется уникальная природа. Флора и фауна Поднебесной отличается от других частей света, и здесь можно познакомиться с различными природными зонами и удивительными животными. Некоторые виды животных находятся на особом контроле: стоит ли говорить, что панда является одним из национальных символов Китая.

Вместе с этим экологический туризм отлично сочетается в Китае с активным туризмом. Одним из популярных туристических мест стал Национальный парк Чжанцзяцзе, где вертикальные скалы гор уходят в небо. Здесь можно получить заряд адреналина, прогулявшись по стеклянной тропе, идущей вдоль отвесных стен горы Тяньмэнь, или по похожей узкой деревянной тропе на священной горе Хуашань.

Для тех же, кто хочет путешествовать среди снежных гор – открыта дорога в Тибет. Причем с недавнего времени налажено железнодорожное соединение столицы региона Лхасу с Пекином. И теперь путешествие к высочайшим вершинам мира стало значительно проще.

Отдельное внимание стоит уделить внутреннему туризму в Китае. Так как большинство рабочего населения страны не имеет свободного графика отпусков, правительство организовало систему праздничных каникул, когда граждане могут путешествовать по стране. Три периода во время года стали именоваться «золотыми неделями» и приходятся на китайский Новый год, 1 мая (День труда) и 1 октября (День образования КНР). В это время цены на билеты и гостиницы повышаются в несколько раз, и культурные исторические центры наводняются местными туристами. Иностранным туристам следует учитывать эти факторы при планировании поездки в Китай [Лапина, Васильев, Меликсетов, Писарев, 2013, с. 334].

Не стоит забывать про возможности шопинг-туризма в Китае. Всем известно, что большая часть продуктов и товаров в мире имеет маркировку «Made in China», и, конечно, в стране-производителе все эти товары стоят на порядок дешевле. И действительно, в крупных городах Китая, в многочисленных бутиках и торговых центрах можно найти вещи по самому лучшему соотношению цены и качества. Помимо этого, здесь представлен большой ассортимент сувенирной продукции на любой вкус: предметы интерьера в китайском стиле, различные вазы и скульптуры, безделушки, аксессуары и многое другое, что можно приобрести в память о поездке в Поднебесную. В некотором смысле, Китай можно назвать «Меккой» для шопоголиков.

Таким образом, мировая общественность осознает значение создания «Экономического пояса Шелкового пути» не только как экономического проекта, но и глобального культурного явления. Многие памятники культуры и истории на этом поясе были внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, были организовано множество туристских маршрутов, выставок и семинаров в рамках программы «Шелковый путь». Межкультурные контакты способствуют миру и процветанию на планете, устойчивому социально-экономическому развитию стран. Поэтому столь важно восстановление знаменитого Шелкового пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиева Г.Р., Закиров И.В. Анализ влияния инвестиционного климата на развитие туризма в Республике Башкортостан // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия «Экономика». 2016. № 1 (43). С. 51-57.
2. Закиров И.В., Жалгас Е.Е. Историко-культурное наследие как фактор развития туризма в Казахстане // Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования: материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения», приуроченной к 25-летию независимости Республики Казахстан. Алматы: Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, 2016. С. 509-512.
3. Закиров И.В., Мазитова Й.И. Туризм в России: тенденции и география // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. 2016. № 1. С. 178-181.
4. Закиров И.В. Перспективы развития внутреннего туризма Республики Башкортостан в связи с новыми реалиями // Актуальные вопросы университетской науки: сборник научных трудов. Вып. I. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 103-111.
5. Приходько Н.О., Закиров И.В. Особенности развития культурного туризма в Республике Башкортостан // Инновационная экономика. 2016. № 3 (8).
6. Ситдикова А.Р., Сафиуллина Р.М. Роль религиозного туризма и паломничества в международном туризме // Геосфера: сборник научных статей студентов, магистрантов и аспирантов географического факультета. Выпуск 8. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 106-107.
7. Лапина З.Г., Васильев Л.С., Меликсетов А.В., Писарев А.А. История Китая. М.: ОНИКС, 2013. 752 с.
8. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2015. 464 с.

TOURISM DEVELOPMENT IN CHINA IN THE LIGHT OF THE «ECONOMIC BELT OF THE SILK ROAD»

Zakirov Ilnur Vagizovich

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor

Bashkir State University

Faculty of Geography, Department of Economic Geography

E-mail: ziw69@rambler.ru

Sitdikova Azalea Ravilevna

graduate student of the 2nd year of study

Bashkir State University

Faculty of Geography, Department of Economic Geography

E-mail: ms.azalka@mail.ru

This article analyzes the features of the development of tourism in China, related to the implementation of the project «Economic belt of the Silk Road.» The article deals with the essence of the initiative «The economic zone of the Silk Road.» In addition to the economic mechanisms of the project highlights the importance of the role of the tourism sector as a means of strengthening cultural exchanges and relations in all fields between different civilizations. Characterized tourist potential of China. The greatest attention is paid to the development of cultural tourism. It is proposed to intensify tourist exchanges between China and the Turkic-speaking countries of the Silk Road, which in large numbers represented in this zone, as well as greater use of tourism opportunities Xinjiang, where representatives of the Turkic language group 3/4 Uighurs.

Key words: «Economic belt of the Silk Road» tourism, cultural tourism, tourist sphere, Turkic-speaking countries, the Great Wall of China.

КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

*Кретова Татьяна Евгеньевна (г. Алматы),
бакалавр туризма, главный редактор
Литературно-этнографический портал
«Под Небом Великой Стены»
E-mail: tinkai@tuganzherim.kz*

В статье рассматривается уникальность культурного туризма в Центральной Азии; выявляются факторы, препятствующие его развитию; приводятся примеры положительного опыта; определяется роль культурного туризма в укреплении дружбы народов и установлении идентичности братских этносов. Анализируя тему, автор рассматривает феномен тюркского культурного наследия в комплексе и предлагает сформировать принципиально новый привлекательный образ исторических достопримечательностей Евразийской степи, как цепи взаимосвязанных объектов. В заключении предлагаются конкретные шаги для реализации предложенной концепции.

Ключевые слова: культурный туризм, Великий Шёлковый путь, Центральная Азия, тюркские народы, идентичность, самобытность, межкультурное сотрудничество, туристский брендинг

Древние цивилизации Евразийской степи оставили нам богатейшее культурное наследие, к осознанию которого сегодня стремятся многие страны. Специфика этого процесса заключена в том, что нуждающиеся в осмыслении элементы культуры распределены по огромной территории, бывшей в середине первого тысячелетия общей для большинства тюркских народов. Границы современных государств отделили друг от друга братские этносы и народы с общими культурными характеристиками, что послужило формированию своеобразного культурного микроклимата в разных регионах континента и со временем усилило различия между этими народами.

Именно эти различия, вкуче с географической разрозненностью памятников истории и архитектуры, создают представление о туризме в странах Центральной Азии как о наборе разобщённых туров по отдельным достопримечательностям. Происходит сегментирование памятников кочевой культуры и Великого Шёлкового пути по страновому признаку, в то время как объективное знакомство с ними возможно только при рассмотрении феномена тюркского культурного наследия в целом, в комплексе – при включении в общую картину различных эпох и территорий.

Задачи культурного туризма не ограничиваются рекреацией. Это мощный образовательный инструмент, способный укрепить идентичность народов с общими корнями, сохранив их самобытность, а также решить вопросы здорового патриотического воспитания, что в первую очередь необходимо самим жителям регионов.

Исходя из эмпирических данных, можно заключить, что существующие маршруты, за рядом исключений, либо специфично нацелены на гостей из дальнего зарубежья, либо несут сугубо символическую информационную ценность, при этом в любом случае не направлены на отражение цельной картины культурного наследия евразийского континента.

Обособленность культурного туризма стран СНГ главным образом является следствием экономических, методических и транспортно-коммуникационных факторов.

Экономические и транспортно-коммуникационные проблемы имеют прямое отражение в совершенно разных отраслях, поэтому работа над улучшением ситуации в

данных сферах, как правило, регулярно проводится силами самих государств и постепенно приводит к положительной динамике.

Раскроем суть методического фактора. В последние годы всё более явными становятся разногласия в историко-культурных трудах. Возросший интерес к тюркской культуре спровоцировал появление целого класса популистских материалов, носящих по большей части околонуточный характер и оказывающих значительное влияние на формирование представления об истории цивилизаций Евразийской степи. Основываясь на субъективной трактовке исторических фактов, такие работы, как правило, ставят своей целью доказать превосходство определённого народа над другими, выстраивая цепочку преемственности этого превосходства от великих цивилизаций прошлого к одному конкретному современному этносу. Труды такого рода содержат противоречивые утверждения и, главным образом, противопоставляют друг другу братские народы и соседские государства. Как результат, интерес к плодотворному межкультурному сотрудничеству стремительно уменьшается.

Сегодня существует множество культурных туров, демонстрирующих быт коренных этносов или охватывающих небольшие группы памятников различных эпох, позволяющих познакомиться с природой или историей края. Но они, к сожалению, не дают цельного представления о пути преобразования тюркских традиций, зародившихся ещё до появления этнонима «тюрк» в сакские времена и нашедших отражение в современной жизни государств Евразии. И главный «камень преткновения» тут – отсутствие единой идеологической концепции тюркских народов.

Задача научного сообщества – преодолев существующие разногласия, сформировать общую методическую базу, способную стать мощным объединяющим фактором в области разностороннего межкультурного взаимодействия.

Страны и регионы Центральной Азии обладают колоссальным потенциалом в области культурного туризма на объектах Великого Шёлкового пути [1. С. 5–7]. Однако реализуется этот потенциал бессистемно и обладает специфическими трудностями [2. С. 161–170; 3; 4].

В рассматриваемых странах существует ряд туристских компаний, предоставляющих услуги по бронированию туров по историческим маршрутам. Стоимость данных турпакетов, как правило, указывается в долларах США и превышает размер среднемесячной заработной платы жителей регионов, в которых данные туры реализуются [5; 6; 7]. В качестве основной сложности в формировании бюджетных турпакетов руководство компаний отмечает эпизодический характер туристского потока, не позволяющий снизить расходы на организацию туров, как это бывает на регулярных маршрутах. Такая ситуация приводит к созданию замкнутого круга следствий, когда потенциальный турист вынужден выбирать экономичный пляжный отдых в странах дальнего зарубежья, предпочитая его географически близкому, но более затратному культурному туру.

В то же время существуют примеры позитивного опыта, когда сотрудничество нескольких государств позволяет реализовать масштабные этнокультурные проекты с организацией удобного транспортного сообщения, качественным информированием населения и при этом не требующие установления высокой стоимости туристских услуг.

В 2012 году в Бишкеке (Кыргызстан) на саммите тюркоязычных стран была подписана Бишкекская декларация, в которой главами участвующих государств: Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции, было принято решение о проведении Всемирных игр кочевников в Кыргызской Республике. Первые Игры прошли в 2014 году, собрав 583 спортсмена из 19 стран и заинтересовав 250 журналистов. А вторые, состоявшиеся в 2016 году, привлекли уже 1200 спортсменов, 63 страны и освещались силами почти 700 работников СМИ [8]. Событие не только повысило узнаваемость Кыргызстана в мировом сообществе, но и раскрыло поликультурную и полиэтничную составляющую тюркских

народов, а главное – вызвало всесторонний интерес к древней традиционной культуре кочевников Великой Степи.

В последние годы государства Центральной Азии небезосновательно заинтересовались концепцией странового брендинга [9]. Вслед за успешными имиджевыми ассоциациями, такими как «Тайланд – страна улыбок», «Япония – Страна восходящего солнца», «Корея – Страна утренней свежести» или «Китай – Поднебесная», страны СНГ начинают разрабатывать и внедрять свои узнаваемые бренды. Казахстан позиционируется как Страна Великой Степи, Кыргызстан – как Страна небесных гор. Кроме того, давно доказали свою эффективность туристские бренды, такие как «Золотое кольцо России» и «Incredible India» («Невероятная Индия»), коротко и привлекательно описывающие потенциал предлагаемого маршрута. Богатая история территорий СНГ – сакская эпоха, времена тюркских каганатов, Великий Шёлковый путь, позволяет сформулировать целый ряд характерных названий для соответствующих туристских предложений, например, «Колыбель тюркского мира», «Родина колеса», «Наследие Каганата», «По следам кочевников», «Караванные тропы» и другие.

Основываясь как на положительных, так и на отрицательных примерах в сфере культурного туризма стран Центральной Азии, можно сделать следующий вывод: существует необходимость создания прочной образовательной и просветительской базы, способной укрепить содружество тюркских народов и отразить ту значимую роль, которую кочевники сыграли в развитии человечества. Важно сформировать новый образ исторических достопримечательностей Евразийской степи как цепи взаимосвязанных объектов. Нужно также уделить внимание развитию благоприятной среды для межстрановых коммуникаций и созданию условий заинтересованности объектов инфраструктуры: предприятий размещения, питания, транспортных компаний, экскурсионных бюро и прочих.

Пути решения могут в числе прочего стать:

- привлечение экспертов для разработки и утверждения идеологически грамотных и исторически обоснованных мультистрановых туристских маршрутов;
- заключение соглашения между государствами Центральной Азии, тюркскими регионами Российской Федерации и регионами народов-монголофонов Российской Федерации, а впоследствии и более обширной территории о развитии единых маршрутов культурного туризма;
- введение обязательной единой сертификации экскурсоводов по указанным маршрутам;
- формирование экономически обоснованных и доступных местному населению ценовых предложений;
- обеспечение гражданам задействованных государств полноценных возможностей для обмена опытом в сфере культурного туризма;
- выделение субсидий на всестороннюю популяризацию данного вида туризма: информационные площадки, поощрительные туры для учащихся, ознакомительные программы для преподавателей и работников культуры, волонтерство и так далее.

Кочевники всегда служили своеобразным духовным транспортом: во времена ли освоения новых территорий или курирования ветвей Великого Шёлкового пути, они обеспечивали взаимопроникновение культур и способствовали распространению идеологии, традиций, письменности, религий и других нематериальных достояний цивилизации. Наш долг сегодня – уметь ценить и сохранять единое культурное пространство разных самобытных народов, отдавая дань глубокому наследию предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNESCO: Серийные номинации Центральной Азии, 2012.
2. Жидкоблинова О.В. Проблемы развития туристской отрасли в Республике Казахстан // Вестник КазНУ. 2014. – № 1 (101). С. 161–170.
3. Оразов А. Электронный ресурс // ЦентрАзия: информ.-справочный портал. Б., 2016. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1467105300>
4. Таксанов А. Электронный ресурс // ЦентрАзия: информ.-справочный портал. Т., 2004. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1079648040>
5. Электронный ресурс // Туроператор Uzbekistan Travel. URL: <http://uzbekistantravel.ru/>
6. Электронный ресурс // Sputnik Узбекистан: информ.-аналитический портал. Т., 2015. URL: <http://ru.sputniknews-uz.com/society/20151006/653439.html>
7. Толканов Б. Электронный ресурс // Zakon.kz: информ.-аналитический портал, 2015. URL: <http://www.zakon.kz/4714768-samaja-nizkaja-zarplata-v-stranakh.html>
8. Электронный ресурс // Официальный сайт Всемирных игр кочевников. URL: <http://worldnomadgames.com/>
9. Электронный ресурс // Информационное агентство Tengrinews.kz, 2015. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/u-kazahstana-mojet-poyavitsya-dopolnitelnoe-nazvanie-277166/

**CULTURAL TOURISM IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES:
PROBLEMS AND TRENDS**

Kretova Tatyana Ye.

Bachelor in Tourism, Editor in Chief

Literary-ethnographic portal

“Under the Sky of the Great Steppe”, Almaty

E-mail: tinkai@tuganzherim.kz

The article presents unique character of cultural tourism in Central Asia; it reveals the factors hindering the development; provides positive examples; determines role of cultural tourism in strengthening of national cohesion and determining identity of fraternal ethnic groups. In course of studying the topic, the author reviews the phenomenon of Turkic cultural heritage as a whole and proposes to establish conceptually new attractive image for historic sites of the Eurasian steppe, as a chain of linked objects. In conclusion the specific steps for establishment of the proposed concept are suggested.

Key words: cultural tourism, the Great Silk Road, Central Asia, Turkic nations, identity, distinctiveness, intercultural cooperation, touristic brand-building.

**СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА
В КАЗАХСТАНЕ**

Жалгас Енлик Ерсайынкызы

магистрант 2-го года обучения

*Башкирский государственный университет
географический факультет, кафедра экономической географии, Уфа*

E-mail: enlik_93@mail.ru

Закиров Ильнур Вагизович

кандидат географических наук, доцент

*Башкирский государственный университет
географический факультет, кафедра экономической географии*

E-mail: ziw69@rambler.ru

Статья посвящена основным трендам развития культурного туризма в Казахстане. Отмечается, что культурный туризм в Казахстане развивается в рамках концепции культурной политики. Важное значение придается кластерному подходу в развитии туризма. Дана характеристика ресурсному потенциалу культурного туризма. Для эффективного развития культурного туризма в Республике Казахстан предлагается использовать выгодные возможности, появившиеся с реализацией проекта «Экономический пояс Шелкового пути».

Ключевые слова: культурный туризм, тренд развития, туристский кластер, концепция культурной политики, проект «Экономический пояс Шелкового пути».

Культурный туризм является самым популярным и массовым видом туризма. Во всем мире культурный туризм давно выделился в отдельное направление и с каждым годом получает все большее развитие в Казахстане.

Казахстан – страна с богатым историческим и культурным наследием. Расположенный в центре Евразии, Казахстан оказался на перекрестке древнейших цивилизаций мира, на пересечении транспортных артерий, социальных и экономических, культурных и идеологических связей между Западом и Востоком, Югом и Севером. В древности по степям Казахстана проходил Великий Шелковый путь. В различные периоды истории на территории нынешнего Казахстана возникали и развивались государства с самобытной культурной историей.

На сегодняшний день государством ведется активная работа по совершенствованию широкого спектра условий, необходимых для улучшения качественного уровня предоставления туристских услуг. Однако, темпы развития культурного туризма в Казахстане, являющегося одним из приоритетных и высокопотенциальных отраслей данной сферы, остаются на достаточно низком уровне.

Вместе с тем, необходимо четко обозначить тот факт, что без эффективной работы в данном направлении невозможно построение масштабного и популярного культурно-туристического комплекса страны. Культурный туризм в современном мире все уверенней занимает свою обширную нишу в развлекательно-туристической индустрии. Ведутся научные исследования и имеется ряд публикаций, касающихся некоторых проблем развития культурного туризма [Закиров, Жалгас, 2016; Приходько, Закиров, 2016; Закиров, 2016].

Сейчас ведется интенсивная работа по разработке концепции культурной политики Республики Казахстан, которая предполагает в своей основе одним из системообразующих

факторов создание культурно-туристских кластеров. Само понятие кластер позволяет акцентировать внимание на совершенствовании культурно-познавательной, образовательной и имиджевой функции, экономической эффективности этой сферы. Перспективы, открываемые данным кластерным подходом, позволяют сконцентрироваться на одних, четко определенных параметральных показателях, не распыляя силы и средства на отвлеченные нужды [Бакиева, Закиров, 2016, с. 53]. Концепцией развития туристской отрасли до 2020 года определены пять туристских кластеров: Астана, Алматы, Восточный Казахстан, Южный Казахстан и Западный Казахстан, в которых, в числе прочего, предусмотрено формирование культурных и культурно-этнических направлений [Концепция развития..., 2014]. Ярко выраженным аспектом их проработки является широкоформатный подход к созданию более полной топографии историко-культурного ландшафта и комплексов, представляющих многообразие и уникальность культуры Казахстана, привлекательных для познавательного, экологического внутреннего и внешнего туризма.

Цель создания туристского кластера – повышение конкурентоспособности территории на туристском рынке за счет синергетического эффекта, в том числе: повышения эффективности работы предприятий и организаций, входящих в кластер и стимулирования инноваций и развития новых туристских направлений [Жалгас, 2015, с. 248].

Астана определена как центр делового туризма, Алматы – как центр делового и международного горнолыжного туризма, Восточный Казахстан – центр развития экологического туризма, Южный Казахстан предполагается сделать центром культурного туризма, Западный Казахстан – центром культурного и пляжного туризма. В рамках данных кластеров предусмотрена реализация национальных проектов.

Кластерный подход позволит повысить конкурентоспособность туристской отрасли Казахстана и тем самым будет способствовать стабильному росту доходов от туристской деятельности для всех вовлеченных заинтересованных сторон – государства, бизнеса и работников. Развитие индустрии туризма в соответствии с обозначенными кластерами обеспечит достижение национальных целей диверсификации экономики и повышения благосостояния населения Республики Казахстан.

По количеству и разнообразию памятников Казахстан не уступает таким странам как Индия, Китай, государствам Средиземноморья и Ближнего Востока и является своеобразным музеем под открытым небом. Многие памятники признаны ЮНЕСКО памятниками всемирного значения.

Многообразие культурных ценностей Казахстана – это свыше 25 тысяч недвижимых памятников истории, археологии, архитектуры и монументального искусства, более 2 млн. 56 тысяч единиц культурных ценностей, находящихся в экспозициях и фондах 89 государственных музеев, 66 млн. 840 тысяч томов книг, редких рукописей и изданий, хранящихся в 3495 государственных библиотеках.

Огромным импульсом для развития туристского кластера (паломнический туризм, историко-археологический туризм) стала Государственная программа «Культурное наследие», разработанная и реализуемая по инициативе Президента Казахстана Н. Назарбаева. Реализация программы была начата в 2004 году, в последующем были разработаны еще два этапа программы: с 2007 по 2009 гг. и с 2009 по 2011 гг.

При создании и разработке туристских маршрутов использованы научные открытия и рекомендации археологов, которые занимаются изучением и воссозданием историко-культурного наследия Казахстана в рамках Государственной программы «Культурное наследие».

Историко-культурное достояние – это совокупность объектов истории и культуры, рукотворных материальных и духовных ценностей той или иной культуры, а также

порождаемых ими факторов культурного и иного свойства, вызывающих интерес у туристов [Закиров, Муфтиева, Муфтиев, 2013; Закиров, 2016, с. 104].

Развитие сферы культуры – одно из приоритетных направлений государственной политики Казахстана, а программа «Культурное наследие», принятая в 2004 году, – основополагающий документ по вопросам изучения, учёта, сохранения, воссоздания и пропаганды памятников истории и культуры всех наций и народностей, проживающих на территории Казахстана. Целью программы является:

- научное исследование и воссоздание значительных историко-культурных, архитектурных памятников, имеющих особое значение для национальной культуры;
- создание целостной системы изучения культурного наследия, в том числе и современной национальной культуры, фольклора, традиций и обычаев;
- обобщение многовекового опыта национальной литературы и письменности путём разработки и выпуска фундаментальных изданий;
- создание на государственном языке полноценного фонда на базе лучших достижений мировой научной мысли, культуры и литературы.

На современном этапе Казахстан участвует в проекте «Экономический пояс Шелкового пути», предложенный Китаем в 2013 г. Началась реализация ряда экономических, транспортно-логистических проектов в рамках «Экономического пояса Шелкового пути». На наш взгляд, ускоренное развитие культурного туризма в Казахстане и других странах экономического пояса и интенсивный туристский обмен между ними могли бы стать основанием более эффективной реализации данного проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жалгас Е. Е. Туризм в Казахстане // Геосфера: сборник научных статей студентов, магистрантов и аспирантов географического факультета. Выпуск 8. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 248-249.
2. Концепция развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2020 года (от 19.05.2014 г.) // <http://dep-turizm.mid.gov.kz/ru/kategorii/koncepciya-razvitiya-turistskoj-otrasli-respu-bliki-kazahstan-do-2020-goda>
3. Бакиева Г. Р., Закиров И. В. Анализ влияния инвестиционного климата на развитие туризма в Республике Башкортостан // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия «Экономика». 2016. № 1 (43). С. 51-57.
4. Закиров И. В. География мирового туристского рынка: Методические указания к практическим и семинарским занятиям по программе магистратуры для направления подготовки «География» географического факультета БашГУ. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 40 с.
5. Закиров И. В., Жалгас Е. Е. Историко-культурное наследие как фактор развития туризма в Казахстане // Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования: материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения», приуроченной к 25-летию независимости Республики Казахстан. Алматы: Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, 2016. С. 509-512.
6. Закиров И.В., Муфтиева Г.Х., Муфтиев Р.Г. Рекреационный потенциал Республики Башкортостан // Торговля, предпринимательство и право. 2013. № 1 (14). С. 69-76.
7. Закиров И. В. Перспективы развития внутреннего туризма Республики Башкортостан в связи с новыми реалиями // Актуальные вопросы университетской науки: сборник научных трудов. Вып. I. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 103-111.
8. Приходько Н. О., Закиров И. В. Особенности развития культурного туризма в Республике Башкортостан // Инновационная экономика (электронный журнал РУДН). 2016. № 3 (8).

**MODERN TRENDS OF DEVELOPMENT OF CULTURAL TOURISM
IN KAZAKHSTAN**

Zhalgas Yenglik Y.

graduate student of the 2nd year of study

Bashkir State University

Faculty of Geography, Department of Economic Geography, Ufa

E-mail: enlik_93@mail.ru

Zakirov Ilnur Vagizovich

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor

Bashkir State University

Faculty of Geography, Department of Economic Geography, Ufa

E-mail: ziw69@rambler.ru

The article is devoted to the main trends of development of cultural tourism in Kazakhstan. It is noted that cultural tourism in Kazakhstan is developing in the framework of the cultural policy concept. Great importance is attached to the cluster approach to the development of tourism. The characteristics of the resource potential of cultural tourism. For effective development of cultural tourism in the Republic of Kazakhstan are invited to use favorable opportunities created with the implementation of the project «Economic belt of the Silk Road».

Key words: cultural tourism, the development trend of tourist cluster, the concept of cultural policy, the project «The economic times of the Silk Road».

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящем сборнике представлены основные материалы Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», проходившей в Российском университете дружбы народов (РУДН) 17-18 ноября 2016 года в г. Москва.

Здесь представлены позиции непосредственных участников конференции и коллег, которые по разным обстоятельствам не смогли принять очное участие в нашем проекте (за исключением ряда статей, отклоненных составителями по объективным причинам).

Такой подход был обусловлен рядом причин, и, прежде всего, желанием организаторов конференции объединить вокруг этого актуального для современной науки научного проекта всех коллег, заинтересованных в исследованиях проблемного поля тюркологии в Российской Федерации, государствах Содружества (СНГ), странах ближнего и дальнего зарубежья.

Во-вторых, составители сборника руководствовались пониманием дискретности постнеклассического знания и важности плюрализма локальных / местных истин. Гомогенность мира классического знания, восходившего от частного к общему ради постижения универсальной научной истины, сменилась эпохой постнеклассической рациональности, определенно поколебавшей веру в то, что наука может предоставлять достоверно объективное знание, открывать причинные связи, выявлять закономерности и тенденции. Полагаем, что за работой, мнением, позицией, концепцией каждого автора стоит свой эмоциональный интеллект и своя эмоциональная тонкость. Основываясь на достижениях теоретической и практической истории, филологии, и шире – гуманитаристики, каждый автор обращается к важному банку данных – собственному мозгу. Каждого исследователя отличает присущие только ему особенности мышления, складывающиеся под влиянием полученных знаний, общественной жизни и психологического склада личности.

В эпоху постнеклассической рациональности даже субъективное, пристрастное мнение автора относительно собственной исследовательской или практической деятельности может оказаться весьма существенным. По этой причине, принцип ценности каждой точки зрения был для составителей руководящим. Каждая позиция и любое знание должны быть услышаны и вовлечены в диалог и не должны абсолютизироваться. Пересечение мыслей, переключки идей участников Конференции и авторов статей обуславливают контекстуальную обусловленность всех позиций.

По поручению Оргкомитета Конференции выражаем искреннюю признательность всем авторам работ и благодарность за сотрудничество!

Бахтикиреева У.М., профессор, доктор филологических наук
Дмитрюк С.В., кандидат филологических наук
Джусупов Н.М., доцент, доктор (PhD)

Научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЮРКОЛОГИИ:
ЯЗЫК – ЛИТЕРАТУРА – КУЛЬТУРА**

Составители:

Бахтикиреева Улданай Максумовна

Дмитрюк Сергей Валерьевич

Джусупов Нурсултан Маханбетович

Издание подготовлено в авторской редакции

Дизайн обложки и компьютерная верстка *Дмитрюк Сергей Валерьевич*

Подписано в печать 14.11.2016 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 102,5. Тираж 500 экз. Заказ 1644.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41